Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Российское общество социологов
Центр исследований социально-трудовой сферы Социологического института РАН
Межрегиональная общественная организация
«Академия Гуманитарных Наук»

III Всероссийский научный форум

«Наука будущего – наука молодых»

Международная научно-практическая конференция

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОНТЕКСТЕ СТОЛЕТИЯ

14–15 сентября 2017 г.

Том 2

Нижний Новгород
2017 г.

УДК 316
ББК 60.5
С 77

Р е ц е н з е н т ы:

Кошарная Галина Борисовна	д.соц.н, профессор, зав. кафедрой социологии и управления факультета экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Сучков Юрий Александрович	главный врач ГУЗ НО «Клиническая психиатрическая больница № 1 г. Нижнего Новгорода»

С 77 **Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия** / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т 2. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. – 903 с.

В сборнике представлены материалы научных исследований, обсуждавшихся на пленарном заседании и секциях международной научно-практической конференции «Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия» (14–15 сентября 2017 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-93116-195-2 (Т. 2)
ISBN 978-5-93116-193-8

© Издательство НИСОЦ, 2017 г.

В международной научно-практической конференции «Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия» (14-15 сентября 2017 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского) участвовали исследователи, специалисты и практики из *18 стран* (Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Армения, Таджикистан, Кыргызстан, Латвия, Польша, Финляндия, Швеция, Великобритания, Германия, Нидерланды, Испания, Бразилия, Алжир, Нигерия), социологи, историки, психологи, юристы, педагоги, социальные работники, политологи, философы, медицинские работники *50 городов* Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Н. Новгород, Арзамас, Городец, Балашов, Барнаул, Белгород, Владивосток, Владикавказ, Волжский, Волгоград, Вологда, Дзержинск, Екатеринбург, Заинск, Зеленодольск, Иваново, Иркутск, Казань, Калининград, Калуга, Киров, Кисловодск, Краснодар, Красноярск, Курск, Нижний Тагил, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Петрозаводск, Пятигорск, Ростов, Салехард, Самара, Саранск, Саратов, Ставрополь, Тверь, Тюмень, Уфа, Чебоксары, Чехов, Хабаровск, Ханты-Мансийск, Ярославль), *86 вузов, 39 исследовательских центров, учреждений социальной сферы и НКО.*

ЦЕЛИ КОНФЕРЕНЦИИ: На пленарном заседании и секциях обсуждались результаты исследований следующих проблем: исторический контекст трансформаций; демографическая ситуация; экологические аспекты; социальная стратификация; социальное неравенство; различные сферы жизнедеятельности общества и человека: экономика, труд и трудовые отношения, социальное взаимодействие, *политика и международные отношения, культура и духовная жизнь; социальные институты (государство; право; образование; здравоохранение; семья; армия; церковь); социальная политика; гражданское общество; свободы и права человека; категория человеческий потенциал: теоретико-методологические подходы к изучению, эмпирическое измерение; индекс развития человеческого потенциала.* Проблемы рассмотрены в международном, национальном и региональном аспектах.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Чупрунов Евгений Владимирович	– ректор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, *председатель оргкомитета*
Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна	– зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, *зам. председателя оргкомитета*
Блонин Владимир Александрович	– руководитель Межвузовского центра по разработке концептуальных основ и содержания гуманитарного образования ННГУ им. Н.И. Лобачевского, *ученый секретарь*
Голубин Роман Викторович	– и.о. декана факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Сайгин Вадим Викторович	– первый проректор – проректор по экономическому и инновационному развитию ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Казанцев Виктор Борисович	– проректор по научной работе ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Марков Кирилл Александрович	– проректор по учебной работе НГУ им. Н.И. Лобачевского
Авралев Никита Владимирович	– проректор по связям с общественностью ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Боссонг Хорст	– профессор университета Дуйсбург-Эссена, Германия
Рыхтик Михаил Иванович	– директор института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Тукумцев Будимир Гвидонович	– научный руководитель Центра исследований социально-трудовой сферы, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург
Махлай Светлана Николаевна	– начальник управления информатизации ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Цыганов Виктор Иванович	– декан юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Голубин Роман Викторович	– и.о. декана факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Коротышев Александр Павлович	– заместитель декана по научной работе факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Романовская Вера Борисовна	– зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна	– зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Тукумцев Будимир Гвидонович	– научный руководитель Центра исследований социально-трудовой сферы, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Блонин Владимир Александрович	– руководитель Межвузовского центра по разработке концептуальных основ и содержания гуманитарного образования ННГУ им. Н.И. Лобачевского, *ученый секретарь*
Боссонг Хорст	– профессор университета Дуйсбург-Эссена, Германия
Голубин Роман Викторович	– и.о. декана факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Романовская Вера Борисовна	– зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Сайгин **Вадим Викторович**	– первый проректор – проректор по экономическому и инновационному развитию ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Тукумцев Будимир Гвидонович	– научный руководитель Центра исследований социально-трудовой сферы, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург

Расположение материалов с сборнике продиктовано регламентом работы конференции: сначала тексты пленарных выступлений, потом секционных докладов и сообщений.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 3
СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ; СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО; СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Гареева И.А. Неравенства в социальном пространстве здравоохранения.....16
Глухова М.Ф. Старшее поколение в фокусе внимания социальной политики: региональные особенности.....19
Кошарная Г.Б. Особенности мотивации персонала на предприятиях сферы обслуживания.....23
Leibold S. (*Ляйбольд Ш.)* “Wir schaffen das” – mythen und realität deutscher flüchtlingspolitik («Мы справимся» – мифы и реальность немецкой миграционной политики).....26
Максимова М.Н. Анализ показателей эффективности оказания услуг домов-интернатов для престарелых и инвалидов.....30
Савельева Ж.В., Дасаева Р.М. Социологическое исследование рисков устойчивого развития моногородов: теоретические интерпретации и операционализация проблемы 34
Салморбекова Р.Б. Качественная социальная услуга – основа совершенствования социальной политики государства.....38
Свадьбина Т.В., Немова О.А. Современный прекариат и семейно-брачные отношения 43
Fidalgo S.S. (Фидальго С.С.) (Teacher) education in contexts of exclusion-inclusion dichotomy: an experience ((Учительское) образование в контексте дихотомии эксклюзия – инклюзия: эксперимент) 47
Широкалова Г.С. Социальное неравенство как фактор оценки советского прошлого 53
Юдин С.А., Деларю В.В. Психотерапевтическая / психологическая помощь пациентам: востребована, но ограниченно оказывается.....57
Абрамова С.Б. Дауншифтинг как альтернативная модель успеха 60
Bamidele E.O. (Бамиделе Э.О.) Challenges in the transformation of women potentials in Sub-Saharan African region: insight from the plights of women suffering from intimate partner violence (IPV) in Nigeria (Проблемы трансформации потенциала женщин, проживающих в странах Африки к югу от Сахары: взгляд с позиции женщин, переживших насилие со стороны интимного партнера (IPV) в Нигерии).....64
Безносова Я.В. Обоснование социального неравенства в брахманской концепции варнового устройства древнеиндийского общества 74
Белобрыкина О.А., Лимонченко Р.А. Факторы возникновения делинквентного поведения в подростковом возрасте: литературный обзор зарубежных исследований.....78
Берковский В.А. Основные направления совершенствования демографической и миграционной политики на Северном Кавказе в современных условиях 82
Бистяйкина Д.А., Лазарева З.Н. Направления социально-реабилитационной работы в отношении детей с ограниченными возможностями 86

Бородатая М.Н. Общественно-государственное партнерство в сопровождении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в форме наставничества 90
Бутаева Н.В. Анализ качества услуг отделений социального обслуживания на дому 97
Валеева Э.Р., Ахметова Р.Р. Эффективность социального патронирования семей, находящихся в социально опасном положении 101
Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство – главное препятствие для устойчивого развития и реализации человеческого потенциала 103
Гафизова Н.Б. Социально ориентированные НКО как субъекты региональной социальной политики: гендерный аспект 107
Говоркова А.П. Социальный портрет воспитанника специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа (на примере Костромского СУВУ) 111
Задорожникова Е.Б. Предоставление социальных услуг на базе НКО кризисным беременным женщинам (по результатам социологического исследования) 115
Каляева Е.Н. Возникновение понятия «социальный вопрос» в российской социологической мысли позитивистского течения конца XIX века 119
Карасева А.С. Институализация социального сопровождения как одной из инновационных технологий социальной работы с приемной семьей в современной России 125
Карпунина А.В. Фандрейзинг как вид профессиональной деятельности в учреждениях социального обслуживания населения 129
Колесникова Е.М. Инженерные династии как ресурс социальной мобильности .. 132
Кондратьева Е.Е., Кондратьева Н.Е. Инновационные практики повышения качества жизни пожилых людей (на примере Нижегородской области) 137
Красуцкая О.В. Влияние инклюзивного волонтерства на доступность социальных услуг для инвалидов 142
Курникова М.В., Стрельцов Л.Н. Исследование ресурсного потенциала семей с ребенком-инвалидом к систематическим занятиям различными формами физической активности 146
Кутявина Е.Е. Социальное исключение мигрантов и их человеческий потенциал 152
Лакомова А.А. Социально-демографический портрет мигранта в Приволжском федеральном округе 156
Лебедев М.С. Конкурентоспособность соискателей вакансии как основа стратификационного деления рабочего класса 160
Ляхова А.И. Мониторинг проблем молодежи как ресурс анализа и планирования государственной молодежной политики 163
Максимов Д.С. Эффективность предоставления государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников в центре занятости населения (на примере Пестречинского и Тетюшского районов Республики Татарстан) ... 166
Михеев И.В. Типы трансформации социальной напряженности 170

Оринчук В.А., Курникова М.В. Социальное партнерство в реализации модели развития адаптивного спорта в Нижегородской области 173
Петрова И.Э. Религия в социальной политике: основания анализа 177
Петрова Т.Ю. Некоторые проблемы оказания мер социальной поддержки многодетным семьям 180
Праводелов С.В. Трудоустройство психически больного в сети Интернет как способ борьбы со стигматизацией 183
Прохода В.А., Клейменова Е.В. Готовность к приему мигрантов-жителей европейских государств 186
Птицына Н.А. Социально-профессиональный инфантилизм сотрудников социальной сферы 189
Роговцов Д.А., Меркулова О.Н. Пятый Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь: анализ политико-правового механизма реализации 196
Самсонов В.В. Интегративные структуры российского села вчера, сегодня, завтра: к вопросу осмысления динамики российского социума 200
Семедова-Полупан Н.Г. Реализация государственной политики в сфере инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья в Чувашии 205
Соловьева Т.В. Характеристика основных направлений деятельности ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск» как субъекта социальной работы 209
Соловьева Т.В., Бистяйкина Д.А. Социальная работа по повышению качества жизни неблагополучных семей в Республике Мордовия 213
Сушко В.А. Символическая составляющая качества жизни как фактор влияния на социальную сплоченность российского общества 217
Федотова Т.А. Социальная структура и стратификация украинского общества .. 221

СЕКЦИЯ 4
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Авралев Н.В. Глобализация как триггер развития современного высшего образования: социологический аспект 225
Амбарова П.А. Трансформации и имитации в высшем образовании 228
Арпентьева М.Р. Поликультурные сообщества: решения проблемы мультикультурности 231
Бикметов Е.Ю. Материальное положение семьи как фактор формирования профессиональных управленческих предпочтений студентов технического вуза 238
Borkowski M. (Борковски М.) Health as human capital (Здоровье как человеческий капитал) 241
Буланова М.Б. Трансформация роли и функций образования в современном российском обществе 248
Грудзинский А.О. Россия в европейском пространстве высшего образования 251
Зборовский Г.Е. Студенты глазами преподавателей вузов Уральского федерального округа (по материалам социологического исследования) 255

Ивашиненко Н., Кац Е., Шаталина В. Формирование самоидентичности русскогоговорящей диаспоры в Британии 259
Иудин А.А. Современные реформы образования как фактор разрушения социального капитала 263
Казаков М.А. Персонификация в модели эволюции политического лидерства как проявление его наличного потенциала 273
Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Внешняя политика и внутриполитические потери: анализ социальных установок россиян 280
Мухарямова Л.М. Эффективный контракт, развитие человеческого потенциала и формирование справедливых отношений в здравоохранении 284
Покатов Д.В. Трансформация элитного потенциала в транзитивном обществе ... 289
Прилуцкий А.М. Религиоведческая экспертиза – проблема методологии 293
Ростовская Т.К. Роль молодой семьи в формировании человеческого капитала 297
Рябов О.В. «Русский медведь» в глобальной символической политике: к постановке проблемы 302
Рябова Т.Б. «Столкновение маскулинностей»? Конкуренция гендерных моделей в современной геополитической риторике 305
Савинов Л.И. Взаимосвязь изменений социальных институтов и трансформаций человеческого потенциала 308
Сайгин В.В. Десакрализация концептов русской традиционной культуры в современном общественном сознании: лингвокультурологический аспект 314
Самсонова Т.Н. Роль личностных качеств в функционировании политического лидерства в современном мире 318
Шахматова Н.В. Селфи как механизм трансформации идентичности современной российской молодежи 322
Антанесян К.Г. К вопросу о мотивации замужества женщин в России и Германии 328
Арутюнян А.Г. Проблемы юридического образования в Республике Арцах 331
Бахарев Ю.А. Формирование профессиональной мотивации будущих бакалавров по адаптивной физической культуре в процессе обучения в вузе .. 334
Beck S. (Бек З.) Professionalization of tutors in social work: why is the connection between theory and praxis required? (Профессионализация тьюторов в социальной работе: почему важна связь теории с практикой?) 337
Бегинина И.А. Гражданский брак в молодежной среде малого российского города 342
Беседина О.А. Жестокое обращение с детьми в практиках семейного воспитания: определение феномена и границы применимости 346
Бессчетнова О.В. Жизненные траектории детей и родителей, восстановленных в родительских правах 351
Болокина Л.А. Борьба с детской беспризорностью в Калининской области в годы Великой Отечественной войны 355
Вершинин Е.Г., Деларю В.В. Эффективны и безопасны ли разрешенные препараты, направленные на улучшение психофизиологических возможностей организма спортсменов? 359

Воронина О.А., Волченкова Е.В. Современная молодая семья: процессы трансформации и факторы стабилизации 363
Вызулин Е.А. Социальные институты в формировании профессионально-этической культуры сотрудника полиции 367
Гафиятуллина К.Р. Религия в жизни современного студенчества: опыт эмпирического исследования 371
Гинсбург М.В. Основные проблемы социальной адаптации семей, имеющих детей-инвалидов 375
Голубь Н.А. Культура как ресурс развития экономики 379
Горбунов М.Д. Влияние морали на право: опыт XX столетия. Оценка нравственных начал права в неопозитивистской концепции Г. Харта 383
Григорьева Е.Г. Демографическая ситуация как фактор спроса на услуги регионального вуза 387
Григорьева С.А. Формирование позитивного образа пожилого человека в современной визуальной культуре средствами фотографии 391
Грошев И.Л. Потенциал кумулятивной стратегии противодействия коррупции 395
Дамбуева В.Ю. Методологические подходы к анализу человеческого потенциала государственного управления 398
Егорова Н.Ю. Взаимодействие супругов в современной российской семье в контексте трансформации семейно-брачной сферы 402
Ермилова А.В. Профессиональная готовность и личностное отношение к процессу инклюзивного образования работников сферы физической культуры 407
Есаева Е.А. Пример человеческого потенциала в решении политических вопросов, роль епископа Адранского во французской колониальной экспансии Индокитая 411
Ефимова И.Н. Человеческий капитал как фактор максимизации конкурентных позиций вузов на глобальном рынке образовательных услуг 415
Жданов П.С. Трансформация новоевропейской правовой традиции в контексте динамики культуры 420
Зазулина М.Р. Местное самоуправление в условиях обновленного законодательства: взгляд экспертов 424
Заляев А.Р. Сельское здравоохранение без молодых специалистов: проблемы и пути решения 429
Захаркина Т.Н. Медиация в системе формирования и сопровождения замещающей семьи 432
Захарова Е.М. Трансформация патриотических ценностей россиян в контексте столетия 436
Звонарева А.Е. Репродуктивные установки студентов старших курсов 438
Зимина И.В., Барыкина А.И., Лобанов С.Н. Десакрализация образа врача в современном обществе 442
Исакова И.А. Новые практики семейного взаимодействия в современном информационном пространстве 444
Клинецкая Н.В. Трансформация сознания и духовность человека новой эпохи ... 448

Козлов А.П. Влияние организационно-культурных предпочтений на клиентоориентированность персонала скорой медицинской помощи разных форм собственности 452
Колодина А.А., Чернова Н.В. Коммуникативно-коммуникационная личность в условиях становления информационной культуры в новой России 456
Кондратьев А.Е. Церковь и общество на рубеже веков: взгляды и мнения 459
Коротышев А.П., Голубин Р.В. Восприятие аналитическими центрами США социально-политических проблем российского общества 466
Крючкова Е.П. Доверие в семье как способ профилактики доверия в Сети чужому человеку 471
Кузнецова И.Ю. Международный рекрутинг как элемент интернационализации образования 474
Курамшев А.В. Изменение моделей семейных ценностей на разных этапах семейной жизни 477
Курносова Л.С. Ожидания поступивших на специальности «социология» и «социальная работа» ФСН ННГУ 481
Кущёв Н.П. Перспективы развития системы подготовки специалистов для туриндустрии 484
Лазукова Е.А. Образование как фактор воспроизводства рабочей силы в России 489
Малышкина Н.А. Культурное измерение региональной идентичности (пространство европейской и российской культуры в философии М.К. Мамардашвили) 492
Марченко Т.Н. Некоторые аспекты духовно-нравственных ценностей современной молодёжи 496
Морзавченкова Е.В. Ценностные ориентации как фактор телевизионных предпочтений молодежи 500
Назарова Н.Л., Сэруа В.С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России 503
Нетунаева А.И. Проблемы и тенденции развития системы дошкольного образования как объект муниципальной политики 507
Олексенко А.С. Трансформация церкви как социального института в России в 20-е годы XX века 511
Орлова О.М. Культурный капитал в сфере образования 515
Осокина Т.В. Роль государства в формировании жизненного пути личности (на примере биографии А.Т. Разуменко, воспитанницы А.С. Макаренко) 518
Панкратова Е.В. Качество семейной жизни: понятие и показатели 521
Петрушенко Т.К. Современная идентичность в контексте культуры 525
Полюшкевич О.А. Территориальная идентичность мигрантов в принимающем обществе 527
Пономарева И.В. Здоровье населения – основа человеческого капитала 531
Praendl S. (Прендль Ш.) Individuelle Bildungswege gestalten (Построение индивидуальных образовательных траекторий) 534
Придатченко М.В. Формулирование индивидуальных целей в профессиональном образовании 542

Прохода В.А. Межличностное доверие и психическое здоровье жителей европейских государств 546
Пупкова Ю.В., Хлабыстова Н.В. Стихийные бедствия как фактор экологической социализации личности 549
Пушина В.Н., Ежова И.С. Трансформация матримониального поведения молодежи 553
Романовская Л.Р. Склонение детей к самоубийству как сетевой «тренд»: проблемы юридической ответственности 557
Рыбаков Н.В. Российская аспирантура: структурный анализ и построение многомерной модели функций 562
Рябинина Е.Н. Трансформация отношения населения к полиции в XX-XXI вв. 566
Рябинская Е.С. Содержание роли отца в представлениях современных студентов 570
Рябоконь М.В., Черномор М.С. Проблемы взаимодействия классического университета с абитуриентами 574
Сазонова А.Л. О разработке социологической концепции развития феномена любви в социально-культурных отношениях в современной российской семье 577
Серова Е.В. К вопросу о формировании у молодежи нравственности и духовности 580
Серпухова О.Ю. Усыновление однополыми парами детей как негативное последствие легализации однополых браков 584
Ситникова И.В. Специфика профессионального выбора молодежи в условиях реформы образования 588
Сласный А.Б. Социальный институт науки как система учреждений здравоохранения (по следам «пастеризации Франции и России: 1870-1945 года») 593
Соловьева С.В. Медиация как социально-правовой институт современного российского общества: особенности формирования и развития 600
Столяров Д.Г. Интернационализация высшего образования в России на примере Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского 603
Тарбастаева И.С. Индивидуальное измерение коллективных прав в международном праве 605
Тюличева Л.Д. Среднее профессиональное образование как сегмент системы воспроизводства человеческого потенциала 608
Ушакова Я.В. Мотивация выбора вуза и специальности в контексте формирования человеческого капитала 612
Фурсов В.В. Институт монархии Великобритании в контексте столетия 617
Хаддад Э. Изменение положения женщины в связи с принятием поправок в Семейный кодекс Алжира в 2005 году 624
Ходырева Е.Б. Усыновление больных детей 626
Чупахина Т.И. Русская музыкальная культура на рубеже XIX-XX столетий как время жизненного опыта 631
Шевченко И.О. Сельская семья в условиях кризиса 635

Scheer D. (Шеер Д.) Inclusion as a tool of children's potential disclosure: a role of the school management in transformation processes (Инклюзия как средство раскрытия потенциала детей: роль школьного руководства в процессах трансформации) 638
Шлыкова Д.В. Роль института семьи в адаптации детей к школе 642
Шовкомуд Д.С. Функции семьи в современном обществе 646
Шорыгин Е.А. Социопсихоанализ: к вопросу об интеграции двух наук 649
Щекотуров А.В. Стратегии семейного воспитания в эпоху цифровых технологий 656
Щерова Н.С. Роль юридической периодики в правовом воспитании общества во второй половине XIX века 661
Янак А.Л. Трансформация родительского потенциала отцов 664

СЕКЦИЯ 5

МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ТРУДОВЫХ УСЛОВИЯХ

Банникова Л.Н., Унусян Г.С. Трудоустройство не по специальности как институциональная ловушка российского рынка труда 667
Bretones F.J.D. (Бретонес Ж.Д.Д.), Leonova I.S. (Леонова И.С.) Prevention of psychosocial emergent risks in small and medium enterprises (Предотвращение психосоциальных рисков на малых и средних предприятиях) 671
Воронин Г.Л., Анисимова И.А. Ресурсность выпускников вуза на нижегородском рынке труда как измерение человеческого потенциала в инновационной экономике 676
Захарова Л.Н. Клиентоориентированность как вектор развития современного бизнеса: проблема ценностей и методологии 680
Золотов А.В. Сокращение рабочего времени как предпосылка повышения пенсионного возраста 684
Лебедева-Несевря Н.А., Соловьев С.С. Защищенность здоровья в структуре факторов выбора места работы (по результатам опроса производственного персонала промышленного предприятия) 688
Сизова И.Л. Work first: занятость и незанятость пожилых в современной России 692
Силласте Г.Г. Реиндустриализация и ее социальный потенциал 696
Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Человеческий потенциал рабочих и их идентификация с предприятием 705
Акимова Е.В. Анализ и оценка экономического потенциала Республики Мордовия в ПФО 709
Баймурзина Г.Р. Качество занятости как необходимое условие современной сферы труда и социального развития 714
Балезина Е.А. Организационная культура вуза глазами молодых сотрудников 718
Барсукова С.А. Проблема управления стрессом в российских организациях 722
Батуренко С.А. Влияние глобализации на гендерные диспропорции в системах занятости и высшего образования 725

Батьянова Е.И. Роль кризиса в трансформации подходов к социальной ответственности 729
Башук Е.Н., Шмеркович А.В. Развитие человеческого потенциала в контексте корпоративной культуры на примере торговой организации 732
Бердникова О.А. Сокращение рабочего времени как фактор развития человека в 21 веке 737
Блохин В.Н. Возможности проведения успешной социально-экономической трансформации сельских территорий 740
Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г. Исследование трудовых отношений с использованием культурального подхода 744
Галимзянова Р.Р. Влияние индивидуально-психологических качеств личности в профессиональной деятельности конфликтологов и медиаторов 753
Горина Т.И., Кефели В.Б. Государство и инвалиды на рынке труда 756
Грошева Л.И. Специфика коммуникаций в многонациональных коллективах организаций закрытого типа 760
Заладина А.С. Субъективная размерность трудовой ситуации: психологические детерминанты формирования 764
Зернов Д.В. Влияние трудовой занятости на бюджет времени студентов 768
Иваньковский С.Л., Шагалова О.А. Направления решений кадровых проблем российского рынка труда для создания инновационной экономики 771
Каримова Л.Ф., Корж Н.В. Трудовая адаптация как способ повышения уровня жизни бедного населения в Пензенском регионе (гендерный аспект) 778
Креховец Е.В. Обучение в магистратуре или выход на рынок труда? Выбор бакалавров 782
Лелюхин С.В. Социальный контроль в трудовых коллективах медицинских работников в условиях борьбы за трезвость в 1985-1986 гг. 786
Лесина Л.А. Стратегии поведения студенческой молодежи на региональном рынке труда: компромисс стремлений и шансов 789
Маслова В.С., Прохорова М.В. Сравнение аспектов психологической готовности студентов к инновационно-предпринимательской деятельности в крупных и малых городах России (на примере студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского) 793
Мищенко А.С. Редукция профессиональной деятельности специалистов как фактор деформации их инновационного и культурного потенциала 797
Орехова И.М. Социально-профессиональные аспекты использования дополнительной занятости на рынке труда России 801
Пасовец Ю.М. Представления молодежи о работе в современных российских условиях 805
Попов А.В. Вопросы изучения ментальных барьеров трудоустройства молодежи в контексте трансформации российского общества 809
Прохорова М.В. Особенности мотивации труда женщин и мужчин: её направленность и смыслообразующая ориентация 813
Пружинин А.Н. Социальная ответственность предприятия в новых общественных реалиях 816

Салеева А.Н. Конфликты в трудовом коллективе: причины возникновения и способы разрешения.....820
Селеткова Г.И., Федотова В.А. Оценка и самооценка профессиональных и личностных качеств предпринимателей и руководителей 823
Семенова Л.А. Нестандартные формы труда и занятости: дистанционный труд, фриланс.....827
Серафимов М.М. Влияние информационной революции на человека в аспекте трудовой деятельности 831
Середа В.В. О развитии малого бизнеса в Донецком регионе.....839
Скуденков В.А. Экономические притязания в кризисные моменты общественного воспроизводства 842
Созонова Е.В. Стресс в деятельности преподавателей вузов и школ 845
Стоюхина Н.Ю. Формирование нового отношения к труду у советского человека в первые годы советской власти.....848
Судакова М.Е. Современные практики профессиональной самореализации лиц с ограниченными возможностями (на примере Саратовской области) 853
Сухенко Н.В. Трудовые ценности студенческой молодежи (опыт социологического исследования в Нижнем Новгороде).....857
Тарханова Е.С. Особенности положения государственных и муниципальных служащих в структуре российского общества 860
Темницкий А.Л. Жизненный цикл и факторы возрождения российского рабочего класса.....865
Ушаков С.В. Сценарии корпоративной социальной ответственности в России....870
Фатхуллина Л.З. Особенности правового регулирования трудовых конфликтов в России.....873
Худякова Е.Н. Управление конфликтами в таможенных органах.....877
Хусяинов Т.М. Потенциал Интернет-занятости в контексте Четвертой промышленной революции 881
Царева С.А. Самоактуализация индивидуальных предпринимателей (на примере персональных тренеров).....883
Чилипенок Ю.Ю. Здоровье работников как стратегический ресурс компании (на примере малого и среднего бизнеса современной России) 887
Шумилин А.П. Роль руководителя в формировании корпоративной культуры организации.....891
Шустов А.В. Денежные переводы трудовых мигрантов в структуре социально-экономических связей России и Киргизии.....894
Яковлев П.А. Социальное предпринимательство как фактор повышения человеческого потенциала.....898

СЕКЦИЯ 3

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ; СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО; СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

НЕРАВЕНСТВА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

INEQUALITIES IN THE SOCIAL SPACE OF HEALTH

И.А. Гареева
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
I.A. Gareeva
Pasific National University, Khabarovsk

Здравоохранение рассматривается как форма социального пространства в связи с социальным неравенством. Пространственное видение здравоохранения исходит из взаимосвязей его целей и ресурсов. Пространственный подход позволяет выявить неравенства, которые присущи системе при анализе здоровья, доступности социально-медицинских услуг, при социальных изменениях системы.

The article health care is regarded as a form of social space in connection with social inequality. Spatial vision health comes from the relationships of its objectives and resources. The spatial approach allows to identify the inequalities that are inherent in the system in the analysis of health and mortality, affordability of social and medical services with social change.

Ключевые слова: система, здравоохранение, социальное пространство, доступность, социальное неравенство

Keywords: system, health, social space, accessibility and social inequality

Современная система здравоохранения все более привлекает исследователей различных научных направлений. Как социальная система, здравоохранение призвано обеспечивать социально значимое благо – сохранение здоровья населения. Однако, в последнее время, в социальных системах все чаще можно наблюдать проявление неравенства, поэтому возникает научный интерес исследования системы здравоохранения как социального пространства, где могут наблюдаться различные проявления социального неравенства – в состоянии здоровья, наличии болезни, в доступе к медицинским услугам.

Систему здравоохранения можно рассматривать как пространство социальных отношений между государством, гражданином и собственно здравоохранением. Пространство определяет поведение его субъектов,

определяет социальные различия, формирует представления и идеологию, осмысливает закон.

В социальном пространстве приобретаются и транслируются значимые образцы общественной жизни. Человек, рожденный в определенном социальном пространстве, принимает стандартизованную схему социального паттерна, формирует определенный образец поведения и следует ему.

В современном обществе роль института здравоохранения приобретает все большее значение, так как с помощью этого института правительство и власть поддерживают социальную стабильность и равновесие в сфере здоровья населения. Здоровье, являясь наивысшей социальной ценностью, не имеющей стоимостного выражения, как ресурс значимо и дорого.

Распространённость плохого состояния здоровья варьируется в различных возрастных группах и не всегда связана с возрастом [1]. Причинами плохого здоровья могут быть ограничение доступа к службам здравоохранения, неравномерное распределение ресурсов здравоохранения. Эти факторы могут порождать неравенство в системе здравоохранения.

Анализ литературы продемонстрировал, что социальное неравенство детерминировано социальной обусловленностью здоровья, социальным устройством и моделью различий в здоровье.

Социальная обусловленность здоровья подтверждается теорией «нищеты и болезни». Негативные социальные процессы в любой стране всегда вызывают ухудшение здоровья большинства социальных групп.

«Несправедливое социальное устройство» порождает в системе здравоохранения неприемлемые различия. Современная модель организации здравоохранения порождает эту несправедливость, так как у жителей отдаленных населенных пунктов страны нет возможности получать даже первичную медицинскую помощь.

Модель различий в здоровье различных социальных групп может проявляться в высоких уровнях заболеваемости и смертности при изменении социального положения (потеря работы, одиночество, потеря жилья и др.).

Наиболее выраженным и детерминированным социальным неравенством в отношении здоровья, по нашему мнению, является доступ к службам здравоохранения. Доступность первичной эффективной медико-санитарной службы позволяет существенно укрепить здоровье населения, снизить уровень заболеваемости, уменьшить страдания человека от переносимой болезни. Однако, в настоящее время можно наблюдать обратную зависимость, «чем выше потребность населения в медицинских услугах, тем меньше доступность качественной медицинской помощи» [2]. Этот «Обратный закон здравоохране-

ния» сформулировал Tudor Hart еще в прошлом веке, в настоящее время нашел свое подтверждении и в российской системе здравоохранения.

Вопросы равенства в охране здоровья можно рассматривать как значимый социальный критерий в социальном пространстве здравоохранения [3]. Изменение отношения населения к самой системе здравоохранения, рост или снижение доверия к ней существенно влияют на уровень несправедливости в системе. Часть населения получает медицинские услуги в частных клиниках, тогда как другая часть, обратившаяся в муниципальные медицинские учреждения, может рассчитывать на расширение доступа к медицинским услугам. Однако на деле, и та и другая части населения на себе испытывают несправедливости социальной системы, одни оплачивают медицинские услуги, другие испытывают ограничения в доступе.

Проанализировав материалы интернет форума «Врачи вместе», мы попытались выяснить причины имеющихся несправедливостей в системе здравоохранения, по мнению врачей.

Приказами Министерства здравоохранения и социального развития РФ № 290н от 02.06.2015 и № 973 н от 19.12.2016 установлены временные нормы приема пациентов у различных специалистов: кардиолог – 24 мин.; невролог – 24 мин.; акушер –24 мин.; эндокринолог – 19 мин.; терапевт – 15 мин. Этими же приказами установлено: время для заполнения карт составляет не более 35%, время осмотра пациента – 65% от норматива. В первичном звене здравоохранения оказывается до 60% всей медицинской помощи.

Мнения врачей едины в том, что несправедливость в системе здравоохранения будет поддерживаться как для пациентов, так и для врачей.

Для врачей несправедливости системы здравоохранения сохраняются в доступе к достойной работе (отсутствие интернатуры и ординатуры будет способствовать «затыканию кадровых дыр»), низкому уровню заработной платы, формированию технологий быстрой клинической диагностики «диагноз в дверях», отсутствия правового статуса врача как субъекта оказания медицинских услуг. Для пациентов несправедливость будут сохраняться в доступе к медицинским услугам, к информации, несправедливому распределению ресурсов системы здравоохранения.

Пространственный подход исследования здравоохранения позволяет выявить социальные неравенства в системе здравоохранения во всей многоаспектности проявлений социальной жизни.

Список литературы

1. Девятая общая программа работы. Всемирная организация здравоохранения. М., Медицина, 1995. 89 с.

2. Иенсен Е.Э. Обратный закон здравоохранения Харта: о распределении ресурсов для здравоохранения // Теория и методы в социальных науках. М., 2004. С. 183-205.
3. Социальные условия и здоровье. Убедительные факты [Эл. ресурс]. Режим доступа: http//:demoskope.ru (дата обарщения 11.09.2017).

СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

THE SENIOR GENERATION IN FOCUS OF ATTENTION OF SOCIAL POLICY: REGIONAL FEATURES

М.Ф. Глухова
Московский городской университет управления Правительства Москвы
M.F. Glukhova
Moscow Metropolitan Governance University

Социальная политика в интересах старшего поколения является востребованной областью взаимодействия государства и общества, ее реальное состояние и тенденции развития зависят от экономических, организационных, управленческих ресурсов региона.

Social policy for the benefit of the senior generation is demanded area of interaction of the state and society, its real condition and tendencies of development depend on economic, organizational, managerial resources of the region.

Ключевые слова: старшее поколение, социальная политика, социальная защита, социальная поддержка, социальной обслуживание, социальный стандарт, адресность, инновации

Keywords: senior generation, social policy, social protection, social support, social service, social standard, targeting, innovations

Социальная политика в современном российском обществе сопряжена с особенностями ее развития как специфической системы взаимоотношений между социальными группами, социальными слоями общества, в центре которых находится человек, его благосостояние, социальная защита и социальное развитие, жизнеобеспечение и социальная безопасность в целом.

Рассматривая социальную политику как специфическое пространство государственно-общественной деятельности, можно делать заключение о ее роли в содействии, соучастии, инвестировании или в поддержке, прямой (опосредованной) помощи как человеку, так и социальной группе в решении социально значимых вопросов жизнедеятельности.

Развитая социальная политика характеризуется многоаспектностью, так как ее ориентация на жизнеобеспечение населения касается тех вопросов,

которые напрямую связаны с удовлетворением физических и социальных потребностей человека в постоянно трансформирующихся условиях современного общества. В этой связи особое значение приобретает региональный подход к формированию и реализации социальной политики, базовым основанием которого выступает ее федеральный уровень.

Город Москва – крупнейший регион, а определяющим ориентиром развитой социальной политики в столице является человек, его благосостояние, наличие у него возможностей для формирования адекватного запросам уровня жизнеобеспечения. Социальная защита находится в области постоянного внимания в связи со спецификой социально-демографической структуры населения и соответствующих обязательств и гарантий перед жителями региона в этой связи. Как пример, в настоящее время мерами социальной поддержки охвачено около 4 млн. жителей.

В практическом воплощении социальная политика в столичном регионе является деятельностью, направленной на решение ряда задач:

– ориентация на достижение целей, стоящих перед социальным государством и обществом;

– максимальное внимание к вопросам жизнеобеспечения столичного населения и их запросам при одновременной ориентации человека на проявление самостоятельной позиции и выбора жизненных ориентиров;

– адресный учет интересов и потребностей населения;

– гарантия индивидуальной помощи и поддержки тем категориям населения, которые оказались в экстремальной ситуации [1, с. 60].

Старшее поколение на протяжении многих лет является важнейшим объектом городской социальной политики – это около 3 млн. жителей, или 40% от общего числа городского населения. В столице проживают более 350 тыс. граждан в возрасте от 80 лет, среди которых долгожителей (по определению ВОЗ – возраст от 90 лет) более 46 тыс. человек [2]. Число лиц старшего возраста в столице постоянно увеличивается, что соответствует общероссийской тенденции. В стране сегодня в возрасте 60 лет и старше проживает 29 млн. человек, а, по прогнозам, через девять лет в данную социально-демографическую группу будут включены около 40 млн. граждан.

Изменение социально-демографической структуры российского общества требует не только пересмотра пенсионной системы и адаптации рынка труда под новые социальные и экономические вызовы. Существенное место принадлежит переформатированию сложившейся системы социальной защиты населения, включая ее важнейшие сегменты – государственную социальную поддержку и сферу оказания услуг социального обслуживания. Важнейшее концептуальное обоснование дано в «Стратегии действий в интересах граждан

старшего поколения до 2025 года» (2016 г.), ключевыми целями которой названы – устойчивое повышение продолжительности, уровня и качества жизни граждан старшего поколения, стимулирование их активного долголетия.

Население старшего возраста – это особое поколение, обладающее возрастной уникальностью, только ему одному присущим опытом, образом жизни и восприятием современной жизни через призму своих взглядов и ценностей. Несомненно, старшее поколение является неоднородной социально-демографической группой – ей присуща выраженная гендерная диспропорция, разница в уровне образования, различия в образе жизни разных возрастных групп старшего поколения, территориальная обусловленность жизни.

Факты, которые учитываются при реализации городской социальной политики – это не только уязвимость неработающих московских пенсионеров из-за низкого соотношения между средней заработной платой и средней пенсией, но и нарастание широко спектра проблем, включая занятость.

Инструментом социальной политики в области социальной защиты столичного населения является государственная программа «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012-2018 годы», а задачами подпрограммы «Социальная поддержка старшего поколения» названы «повышение уровня материального обеспечения пенсионеров и увеличение охвата социальными услугами граждан старшего поколения» [3].

Социальная политика города сегодня – это максимальный охват значительного числа представителей старшего поколения в рамках гарантированного права на денежные выплаты, льготы и услуги. Например, доля московской социальной доплаты к пенсии до величины городского социального стандарта составляет 28.5% от всего объема пенсий неработающих пенсионеров-москвичей. Важнейшим основанием для назначения мер социальной поддержки является выявление нуждаемости и адресность.

Право на социальное обслуживание предоставлено каждому нуждающемуся в нем московскому пенсионеру на условиях, предусмотренных законодательством Российской Федерации и города Москвы.

Территориальные центры социального обслуживания – это 37 социальных структур шаговой доступности, в которых оказываются различные формы от срочной социальной помощи и юридических консультаций до организации социального туризма и обучения в университетах «третьего возраста». Активно действует сеть стационарных учреждений социального обслуживания, реализующих индивидуальные программы социальной помощи и поддержки – пансионаты для ветеранов войны, учреждения психо-неврологического профиля, социально-реабилитационные центры ветеранов войн и Вооруженных Сил, социальные жилые дома и др.

Модернизационные практики, качественно обновляя систему социальной защиты населения, обеспечивают создание условий для повышения качества жизни старшего поколения столицы. Наиболее востребованное изменение – это развитие инфраструктуры системы социальной защиты населения: строительство стационарных и нестационарных объектов социальной защиты населения города Москвы; развитие социальной инфраструктуры города – капитальный и текущий ремонт зданий и помещений, благоустройство прилегающих территорий, приобретение мебели и оборудования.

Немаловажным изменением системы социальной защиты становится расширение спектра услуг социального обслуживания, развитие рынка социальных услуг на возмездной основе. Фиксируется заинтересованность старшего поколения, их родственников в получении услуг от городской сферы социального обслуживания – это показатель доверия к государственным структурам, ответственным за реализацию городской социальной политики. С 2011 г. в столичном регионе активное развитие получили новые формы социального обслуживания старшего поколения города: «санаторий на дому», услуги сиделки, мобильная Социальная служба, установка устройства «тревожная кнопка», программа «лучшая половина жизни», skype-ветеран.

В электронном формате для граждан старшего возраста оказываются семь государственных услуг, а самыми востребованными являются – назначение региональной социальной доплаты к пенсиям, постановка на учет на санаторно-курортное лечение, оформление денежных компенсаций за услуги местной телефонной связи, отказ от социального пакета в пользу денежной компенсации.

Социальная политика города Москвы ориентируется на «формирование комфортных условий для жизни и активного долголетия старшего поколения» [3] и в большей степени обеспечивается за счет постоянного развития финансовых, инфраструктурых, профессионально-кадровых ресурсов. Сегодня важнейшей задачей становится не только эффективное использование государственных источников, но и активное привлечение негосударственных структур к формированию новой структуры рынка социальных услуг и оказание услуг в соответствии с новыми потребностями старшего поколения.

Список литературы

1. Глухова М.Ф. Управление социальной сферой города. М.: Моск. гор. ун-т управления Правительства Москвы. 2016. 192 с.

2. Информация о выполнении государственной программы города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012-2018 годы» в

2016 году и задачах на 2017 год // Официальный сайт Мэра Москвы. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.mos.ru (дата обращения: 17.08.2017).

3. Паспорт государственной программы города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012-2018 годы».

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ

FEATURES OF MOTIVATION OF PERSONNEL AT THE ENTERPRISES OF SERVICES INDUSTRY

Г.Б. Кошарная
Пензенский государственный университет
G.B. Kosharnaja
Penza State University

Рассматриваются особенности мотивации персонала в сфере услуг с учетом характера и содержания труда. Обосновывается необходимость обогащения труда в сфере услуг для повышения мотивации персонала. Намечены пути повышения мотивации персонала в зависимости от целей организации.

Features of motivation of personnel in a services sector taking into account character and the content of work are considered. Need of enrichment of work for a services sector for increase in motivation of personnel is proved. Ways of increase in motivation of personnel depending on the purposes of the organization are planned.

Ключевые слова: мотивация персонала, сфера услуг, обогащение труда
Keywords: personnel motivation, services, enrichment of labor

Рыночные отношения предъявляют свои жесткие требования к качеству человеческих ресурсов в сфере услуг в связи с высокой конкуренцией. Холдинги, предприятия, организации и фирмы, в особенности крупные, начинают инвестировать в человеческий капитал, и, прежде всего, в специальный капитал значительные денежные ресурсы. Актуальной проблемой становится удержание и эффективное использование обученного персонала. В связи с этим необходимо сформировать адекватную и эффективную систему мотивации персонала.

Безусловно, на предприятиях сферы обслуживания есть свои особенности мотивации персонала. Здесь следует учитывать, что клиент выбирает развлекательный комплекс или другие учреждения отдыха не только по их известности, ценам, обстановке, но и по отношению к нему, то есть учитывает качество своего обслуживания. Ввиду этого принципиальное значение имеет

проблема мотивации поведения обслуживающего персонала, которая в основе своей носит социально-психологический характер.

Чтобы выделить особенности мотивации персонала сферы обслуживания, необходимо учитывать особенности деятельности данного персонала. Обслуживающий персонал в культурно-развлекательных учреждениях имеет непосредственные контакты с самыми разнообразными клиентами, он должен быть готов к любому повороту событий, ведь поведение отдыхающих людей непредсказуемо, особенно в нашей стране. Таким образом, обслуживающий персонал постоянно находится в напряжении. В этой профессии, сходной с профессией социального работника, нередко присутствуют и регулярные стрессы, и профессиональное выгорание. Необходимо учитывать, что деятельность по обслуживанию (работа бармена, официанта и т.д.) не требует высокой квалификации и большого объема знаний, поэтому выполнять её может широкий круг работников, пройдя краткосрочные обучающие курсы. Исходя из этого, работодатель не заинтересован платить обслуживающему персоналу хорошую зарплату, поэтому большинство людей работу в сфере обслуживания рассматривают как временную или в виде подработки.

Как известно, современные подходы к управлению персоналом ориентируются на долгосрочное взаимодействие работника с работодателем. В сфере обслуживания данный принцип работает слабо, однако, это не означает, что здесь не должно быть своей системы мотивации.

Система мотивации предприятий сферы обслуживания включает, с одной стороны, стимулирование (внешнее принуждение) и собственно мотивацию. Стимулирование предполагает оклад, чаевые, премии, соцпакет, льготы и скидки на услуги и товары своего предприятия и т.д. Мотивация же включает возможности карьерного роста, обучения, творческой самореализации, интересной работы, благоприятного социально-психологического климата в коллективе, а также уважение, признание и внимание (доска почета, грамота, поздравление с днем рождения, объявление лучшим сотрудником месяца, года).

При внедрении системы мотивации необходимо выработать и довести до каждого работника критерии, при которых человек заслуживает одобрения и поощрения. Еще эффективнее, если сам персонал участвует в выработке подобных критериев. В процессе работы люди должны получать своевременные оценки своей работы и результатов как отрицательных, так и положительных. При соблюдении таких условий награждение лучших сотрудников будет являться действенным средством, стимулирующим трудовую активность. Согласно двухфакторной теории Ф. Герцберга**,** мотивация работника включает гигиенические факторы, связанные с внешними условиями труда (сюда относятся стиль управления руководителя,

межличностные отношения с руководством, коллегами и подчиненными, заработная плата, гарантия занятости, условия труда, статус) и мотивирующие, связанные с содержанием труда (иначе Герцберг называл их мотиваторы). К мотиваторам Герцберг относил личный успех, признание, содержание работы, возможность роста, ответственность [1].

На основе интервью, проведенных в различных странах мира, ученый сделал вывод, что если первая группа факторов представлена в недостаточной степени, у работника возникает чувство неудовлетворенности, и он готов в любой момент уволиться. Но даже если все условия первой группы работника удовлетворяют, не стоит ожидать от него высокой производительности. Повысить эффективность труда может только наличие факторов второй группы, которые непосредственно влияют на мотивацию работника.

На предприятиях сферы услуг актуальной является проблема текучести кадров, которая связана в основном с низкой оплатой труда обслуживающего персонала и неудобным графиком работы. С другой стороны, однообразный рутинный труд, в котором нет возможности самореализоваться, не позволяет работникам удовлетворять потребности высшего уровня. Для того, чтобы решить эту проблему, необходимо сосредоточиться как на гигиенических факторах, так и на мотиваторах.

Используя гигиенические факторы, следует снять ограничения максимального размера для премий, следить, чтобы заработная плата соответствовала реальному вкладу сотрудника в успехи фирмы, а штрафы были справедливыми [2, с. 3-7].

Среди мотиваторов действенным средством является делегирование полномочий. Известно, что в культурно-развлекательных учреждениях делегирование часто бывает вынужденным из-за недостаточности персонала. Делегирование позволит повысить универсальность знаний работников, что приведет к повышению их мотивации.

Таким образом, учет особенностей организации труда в культурно-развлекательных учреждениях позволит повысить мотивацию отдельных сотрудников и коллектива в целом. Необходимо выбрать для своей организации то, что более подходит для нее в зависимости от поставленных целей и возможностей бюджета. Если, например, необходимо значительное повышение эффективности труда, менеджер по персоналу должен сконцентрироваться на мотиваторах и обогатить содержание труда. Если же вопрос стоит о повышении дисциплины труда, снижении текучести кадров, следует обратить внимание на гигиенические факторы и улучшить внешнюю сторону труда.

Список литературы

1. Герцберг Ф., Майнер М.У. Побуждения к труду и производственная мотивация // Социологические исследования.1990. №1. С. 123-131.

2. Кошарная Г.Б. Основные причины трудовых конфликтов в организации // Качество жизни населения в условиях модернизации российского общества:правовые,социокультурные и социально-экономические аспекты. Сб. статей УП Всероссийской научно-практической конференции. 2014. С. 3-7.

“WIR SCHAFFEN DAS” – MYTHEN UND REALITÄT DEUTSCHER FLÜCHTLINGSPOLITIK
«МЫ СПРАВИМСЯ» – МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

S. Leibold
Bistum Münster, Germany
Ш. Ляйбольд
Епископат Мюнстера, Германия

In public opinion the German government is said to have welcomed open-heartedly all refugees. In fact German migration policy was restrictive and followed a path of walls-off most of the time except a small period in summer 2015. The article discusses further the potential expenses and the chances for integration of the new residents and ends with an outlook for the future development of migration.

В общественном сознании немецкое правительство представляется чрезвычайно благожелательным и открытым по отношению ко всем мигрантам. В действительности же немецкая миграционная политика чрезвычайно строга и держала границы на замке за исключением короткого периода летом 2015 г. Анализируются расходы на мигрантов, шансы на успешную интеграцию новых резидентов в немецкое общество, а также перспективы развития миграционных процессов.

Keywords: migration caused by violence, German refugees policy, asylum seekers in Germany, chances for integration, potential expenses, walls-up policy of the EU, future migration

Ключевые слова: вынужденная миграция, немецкая миграционная политика, беженцы в Германии, шансы на интеграцию, потенциальные расходы, политика открытых дверей Евросоюза, перспективы миграции

1. Einleitung

In der öffentlichen Wahrnehmung gilt Deutschland wahlweise als heldenhaft, weil es anscheinend seine Grenzen für alle Flüchtlinge geöffnet hat oder aus demselben Grund als wahnsinnig, weil es die ganzen kriminellen Islamisten ins Land gelassen hat. Kanzlerin Merkel wurde z. B. mehrfach als Mutter Teresa porträtiert. Aber stimmt das Bild von den hochherzigen Deutschen? Bei einem genaueren Blick ergibt sich ein anderes Bild. Ich werde zu Beginn allgemein auf das Phänomen

“globale Gewaltmigration” eingehen, mir die deutsche Politik der letzten Jahre diesbezüglich anschauen, mich mit den Problemen und Belastungen wie Chancen und Möglichkeiten der Aufnahme von Geflüchteten auseinandersetzen und am Ende einen Ausblick auf das Fortbestehen von Fluchtursachen und die europäische Politik versuchen.

2. Globale Gewaltmigration

Wer auswandert, will seine “Handlungsmacht” durch einen Aufenthalt andernorts vergrößern. “Gewaltmigration” ist Abwanderung, weil Sicherheit, Leib und Leben bedroht sind. Oft fallen Armut, Kriege und politische Unterdrückung zusammen. Niemand verlässt seine Heimat, wenn er nicht gute Gründe hat (von Studierenden und Abenteurern mal abgesehen). Millionen Menschen wanderten im 20. Jahrhundert aus Europa aus, erst spät wird Europa selber Zielpunkt. Flucht verläuft in Etappen: erst zieht man in die Nähe des Heimatortes, dann innerhalb des Landes z.B. zu Verwandten und erst dann in ein unbekanntes Land. 86% der gut 60 Millionen Flüchtlinge befinden sich im eigenen Land oder im Nachbarland, kaum jemand erreicht Europa. Deutschland ist aus folgenden Gründen ein favorisiertes Ziel geworden: die geographische Nähe (Syrien, Irak, Südosteuropa), Verwandte und Netzwerke in Deutschland, die Perspektiven: Deutschland als reiches Land mit Arbeitsplätzen und einem stabilen politischen System, die Aufweichung der Abschottung durch den arabischen Frühling, die Ukraine-Krise usw. sowie das Versagen des Dublin-Systems: danach müssen die Länder die Flüchtlinge aufnehmen, die diese in Europa zuerst betreten haben. Italien und Griechenland können das nicht mehr leisten; andere europäische Länder blockieren Einwanderung komplett.

3. Die Migrationspolitik in Deutschland der letzten Jahre

Deutschland hat wie die EU traditionell auf Repression und Abschottung gesetzt. Das Dublin-System verhinderte insbesondere, dass Flüchtlinge nach Deutschland kamen. Die Europäische Agentur für die Grenz- und Küstenwache verhindert mit Stacheldraht und Soldaten die Einreise nach Europa. Das Seenotrettungsprogramm “Mare nostrum” wurde zwischenzeitlich eingestellt. Verfolgt wurden die Schlepper, legale Fluchtprogramme abgelehnt. Im Juli 2015 wurde in Deutschland eine massive Ausweitung von Inhaftierungsgründen, Abschiebungen und Einreiseverboten beschlossen. Fast alle südosteuropäischen Länder gelten als “sichere Herkunftsländer”, obwohl die Verfolgung und Ausgrenzung z.B. von Roma gut belegt ist (Dänemark hingegen erkennt viele als Flüchtlinge an). Die Anerkennungspolitik ist sehr restriktiv und oft willkürlich, Familiennachzug wird weitgehend verhindert mit entsprechenden Folgen für die Integration. Durch den EU-Türkei-Vertrag werden viele Menschen in der Türkei in Lagern festgehalten. Solche “Hotspots” gibt es auch in anderen südeuropäischen

Ländern. In Libyen werden mit den dortigen Warlords "Auffanglager" in Afrika geplant. Libyen bekommt 100 Millionen Euro dafür und vertreibt gewaltsam die Seenotrettungsschiffe von NGOs. Parteien und Medien in Deutschland haben sehr bewusst rassistische Diskurse gefördert, von denen besonders die AfD profitiert.

Im August 2015 stehen Tausende Flüchtlinge in Budapest und wollen weiterreisen. Am 25.8. gelangt aus dem Bundesamt für Migration und Flüchtlinge ein interner.

Entwurf an die Presse, der vorschlägt, die Abschiebungen von Syrern nach Ungarn auszusetzen und sie in Deutschland aufzunehmen. Am 31.8. lässt die ungarische Polizei kurzzeitig die Menschen in die Züge steigen, sperrt dann wieder die Bahnhöfe. Tausende machen sich zu Fuß auf den Weg nach Österreich und Deutschland. Die Regierung hat die Wahl, auf Tausende Menschen zu schießen oder sie aufzunehmen. Kanzlerin Merkel entscheidet sich für die Aufnahme. Für die Flüchtlinge gibt es kein Konzept und zunächst wenig Gelder. Man überlässt es den Kommunen und Ehrenamtlichen, sich um die Neuankömmlinge zu kümmern.

Zusammenfassend kann man die Aufnahme vieler Menschen im Spätsommer 2015 eher als nicht geplanten Betriebsunfall im Rahmen einer Politik von Repression und Abschottung interpretieren. Die Regierung tut heute alles dafür, dass das nicht wieder passiert (Bundeswehr im Mittelmeer, Frontex, Lager in Afrika).

4. Zahlen und Fakten zum Asyl in Deutschland

2015 gab es 475.000 Asylanträge, 2016 knapp 750.000 Asylanträge, 2017 bis Juli 130.000 inklusive Anträgen auf Familiennachzug. Menschen, die 2016 und 2017 in Deutschland Asyl suchten, stammen aus nahezu allen Altersgruppen: Die Mehrheit der Antragsteller ist jünger als 30 Jahre, die größte Gruppe sind Kinder und Jugendliche unter 15 Jahren. Mehr Männer als Frauen haben einen Asylantrag gestellt (62 zu 38%). Die meisten Antragsteller kamen 2015 und 2016 aus Syrien (425.000), gefolgt von Afghanistan (158.000) und Irak 126.000), Albanien (69.000), Eritrea (30.000). 21% wurden als Flüchtling anerkannt, 39% abgelehnt, 17% haben subsidiären Schutz (Duldung), 17% müssten in ein anderes EU-Land zur Antragstellung, 6% haben ein Abschiebungsverbot.

5. (Vermeintliche) Belastungen und Probleme

2016 gab der Bund 16,5 Milliarden Euro für die Flüchtlinge aus und 7,1 Milliarden für die Bekämpfung von Fluchtursachen (vom gesamten Bundeshaushalt waren das ca. 5%). Der Staatshaushalt konnte trotzdem ohne Schulden beschlossen werden. Ein großer Teil des Geldes ist in die Wirtschaft geflossen, etwa über die Ausgaben von Flüchtlingen für Lebensmittel, Mietzahlungen oder wegen Bau-Investitionen.

Ausländer sind generell nicht krimineller als Deutsche. Auffällig: Flüchtlinge aus Syrien und Afghanistan sind sehr selten kriminell, Menschen vom Balkan und Nordafrika deutlich häufiger. Das korreliert mit den fehlenden

Anerkennungsperspektiven und dem Arbeitsverbot. Körperverletzungen werden hauptsächlich von jungen Männern begangen, unabhängig von der Nationalität.

Im Jahr 2016 erfasste die Polizei etwa 33.500 Tatverdächtige bei sexualisierten Straftaten, die von Belästigung bis hin zu Vergewaltigung reichen. Jeder Vierte hatte nicht die deutsche Staatsbürgerschaft. Unter allen Nordafrikanern in Deutschland machen die knapp 400, gegen die ermittelt wird, weniger als ein halbes Prozent aus. Der Anteil ist nicht signifikant höher als der unter Deutschen. Die allermeisten Fälle von sexuellem Missbrauch finden allerdings in den Familien statt.

6. Möglichkeiten und Schwierigkeiten der Integration

Ergebnisse einer repräsentativen Befragung ergaben, dass 31 Prozent der Befragten eine Hochschule oder eine berufliche Bildungseinrichtung besucht haben. Weitere 37 Prozent haben eine weiterführende Schule besucht und 32 Prozent abgeschlossen – dabei verfügen vor allem Syrer und Iraner überproportional häufig über hohe Bildungsabschlüsse. Lediglich 10 Prozent haben nur eine Grundschule in ihrem Herkunftsland besucht, weitere 9 Prozent haben keine Schulbildung. Gleichzeitig ergab die Untersuchung eine hohe Bildungsmotivation: 46 Prozent der Befragten ohne Schulabschluss oder mit einem niedrigen wollen einen (höheren) erwerben. Eine Basis für berufliche Integration ist gegeben: 73 Prozent der Befragten im Alter von 18 bis 65 Jahren können Berufserfahrung nachweisen. Darunter 30 Prozent als Arbeiter, 25 Prozent als Angestellte ohne Führungsposition sowie 13 Prozent als Angestellte mit Führungsposition. Allerdings bleibt dabei die Herausforderung der Sprache, denn über 90 Prozent der Befragten verfügten vor ihrer Flucht über keine Deutschsprachkenntnisse. Die meisten Flüchtlinge unterstützen (gerade aufgrund ihrer Erfahrungen) demokratische Systeme.

Es gibt zu wenige Sprach- und Integrationskurse (besonders für Frauen), Wohnungen und Arbeitsplätze. Eine patriarchale Rollenverteilung bei den Flüchtlingen ist stärker verbreitet. Viele sind traumatisiert, erhalten aber keine psychologische Hilfe.

In Deutschland leben ca. 4 Millionen Muslime (5% der Bevölkerung). Wenn alle ca. 700.000 muslimischen Zuwanderer bleiben, wird sich diese Quote auf 6% erhöhen. Muslime leben besonders im Westen. Nach einer Studie sind ca. 50% überhaupt nicht religiös, die Religiosität nimmt aber leicht zu. Problem: die aggressive Missionierungsstrategie wahhabistischer Gruppen (von Saudi-Arabien finanziert). Eine Reformation und Modernisierungsschübe wie im Christentum sind bisher nur in Ansätzen erfolgt. Militante Salafisten sind selten Flüchtlinge, sondern Muslime, die in Europa aufgewachsen sind und sich kulturell gedemütigt fühlen.

7. Ausblick

Die EU ist damit beschäftigt, die Flüchtlinge von ihrem Territorium fernzuhalten und gibt Millionen dafür aus, dass zweifelhafte Regimes diese Aufgabe

für sie erledigen. Dass jedes Jahr Tausende im Mittelmeer ertrinken, ist aus den Medien weitgehend verschwunden, ebenso wie die Lage der Flüchtlinge in Italien und Griechenland. Nur Deutschland und die skandinavischen Länder haben in nennenswerter Zahl Flüchtende aufgenommen. Eine gemeinsame Politik in der EU gibt es nicht, Verabredungen zur Verteilung der Flüchtlinge scheitern. Die Fluchtursachen werden nur rhetorisch bekämpft. Ausgeblendet bleibt, dass die Staaten der EU in einem erheblichen Ausmaß selbst für die Gewaltmigration verantwortlich sind: durch die aktive Beteiligung an Kriegen, sei es in Syrien, Libyen oder Somalia und durch die Lieferung von Waffen in alle Krisengebiete (besonders Deutschland). Aber auch z. B. durch „Economic Partnership Agreements“ mit Ländern besonders in Afrika, durch die durch billige Importe aus der EU heimische Produktion verdrängt und Arbeitslosigkeit erzeugt wird. Millionen Menschen haben in Afrika keine Perspektive. Die jetzigen Flüchtlingsbewegungen sind nur ein Vorbote für die, die noch kommen werden.

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ДОМОВ-ИНТЕРНАТОВ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ

ANALYSIS OF INDICATORS OF THE EFFECTIVENESS OF THE PROVISION OF SERVICES TO BOARDING HOMES FOR THE ELDERLY AND DISABLED

М.Н. Максимова
Казанский государственный медицинский университет
M.N. Maksimova
Kazan State Medical University

Проанализированы показатели эффективности деятельности домов-интернатов для престарелых и инвалидов. Предложены рекомендации по их совершенствованию.

The indicators of the effectiveness of the activities of boarding homes for the elderly and disabled are analyzed. Suggested recommendations for their improvement.

Ключевые слова: показатели эффективности деятельности домов-интернатов для престарелых и инвалидов; получатели социальных услуг; информация о порядке и правилах предоставления социальных услуг

Keywords: indicators of the effectiveness of the activities of boarding homes for the elderly and the disabled; recipients of social services; information on the procedure and rules for the provision of social services

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что рост старения населения требует особого внимания к совершенствованию и

повышению эффективности деятельности стационарных учреждений социального обслуживания, в частности, домов-интернатов для престарелых и инвалидов (ДИПИ). В Российской Федерации действует 534 домов-интернатов для престарелых и инвалидов, в которых проживают более 240,4 тыс. человек [1]. По Республике Татарстан – 26 домов-интернатов для престарелых и инвалидов, в которых обслуживаются около 2000 человек [2].

Объект исследования – эффективность деятельности ДИПИ. Предмет исследования – оценка показателей эффективности деятельности ДИПИ.

Цель исследования – анализ показателей эффективности деятельности домов-интернатов для престарелых и инвалидов.

На основании сформулированной цели были поставлены задачи исследования:

1. Изучить показатели и критерии оценки эффективности деятельности учреждений социального обслуживания.

2. Провести анализ показателей эффективности деятельности домов-интернатов (на примере ГАУСО «Верхнеуслонский дом-интернат для престарелых и инвалидов» и ГАУСО «Буинский дом-интернат для престарелых и инвалидов»).

3. Провести анализ социальной эффективности деятельности домов-интернатов с точки зрения получателей социальных услуг.

4. Сформулировать выводы и рекомендации.

Первый показатель, по которому оценивается эффективность работы ДИПИ, это отношение фактической величины жилой площади, приходящейся на одно койко-место, к нормативной.

По нормативу ДИПИ, должны предоставлять получателям социальных услуг жилую площадь в комнате на 2 и более койко-места – 6 м^2. В Верхнеуслонском и Буинском ДИПИ данный показатель соответствует нормативу и равен 100%.

Получателям социальных услуг, состоящим в браке, по нормативу, предоставляют жилую площадь в отдельной комнате на 2 койка-места – норматив 12 м^2. В Верхнеуслонском ДИПИ данный показатель соответствует нормативу – 100% (проживает 5 семейных пар), а в Буинском ДИПИ супружеских парам предоставляется жилая площадь, равная 16 м^2, что на 4 м^2 выше норматива (проживает 9 семейных пар).

Доля получателей социальных услуг, охваченных трудотерапией, по отношению к численности получателей социальных услуг, которым она рекомендована, в Верхнеуслонском ДИПИ составляет 87% (14 чел.). В Буинском – 94% (33 чел.). Пороговое значение индикатора – 80%.

В обоих ДИПИ данный показатель выше норматива, так как количество проживающих граждан, которым показана трудотерапия, составляет третью часть от общей численности граждан, проживающих в ДИПИ. Показания к трудотерапии определяются при индивидуальной оценке физического и психического состояния проживающего, которая осуществляется врачом.

Анализ показателя – состояние информации о порядке и правилах предоставления социальных услуг – показал, что ДИПИ формируют общедоступные информационные ресурсы, которые содержат информацию об их деятельности, а также обеспечивают беспрепятственный доступ к данным сведениям путем размещения их на официальном сайте. В Буинском ДИПИ отсутствует личный официальный сайт, в котором была бы представлена вся информация об учреждении, о деятельности ДИПИ с возможной версией сайта для инвалидов по зрению.

Общественным Советом при Министерстве труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан (МТЗ и СЗ РТ) ежегодно проводится независимая оценка эффективности деятельности учреждений [3]. По данным независимой оценки информационная открытость ДИПИ на начало 2017 г. оценивается в Верхнеуслонском ДИПИ на 89.7%, в Буинском ДИПИ – 89.3%. Выявлены следующие проблемы: не полностью раскрыта деятельность учреждения; не вся информация, представленная на официальных сайтах, актуальна.

Проанализировав информационную открытость ДИПИ на соблюдение ими требований, утверждённых Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [4], мы убедились, что все требования, касающиеся информационной прозрачности и наличия актуальной информации, соблюдаются. ДИПИ устранили выявленные проблемы Общественным Советом при МТЗ и СЗ РТ, полностью раскрыли деятельность учреждений, обновили устаревшую информацию на сайтах. Вся актуальная информация, касающаяся порядка и правил предоставления социальных услуг, имеется на информационных стендах.

Анкетирование получателей социальных услуг, проживающих в ГАУСО «Верхнеуслонский дом-интернат для престарелых и инвалидов» – 30 человек, ГАУСО «Буинский дом-интернат для престарелых и инвалидов» – 30 человек показало следующее.

На вопрос об удовлетворенности качеством и полнотой информации о работе учреждения и о порядке предоставления социальных услуг по телефону, на официальном сайте, при личном обращении ответили: «полностью

удовлетворены» 56.6%; «чем-то удовлетворены, чем-то нет» – 18.3%; «совсем не удовлетворены» – 1.6%; затруднились ответить 23.3%.

Неудовлетворенность данным параметром в Буинском ДИПИ объясняется тем, что в учреждении отсутствует личный официальный сайт. Опрошенные отметили, что заходить на сайт Буинского ДИПИ через сайт МТЗ и СЗ РТ не очень удобно и занимает очень много времени.

85% опрошенных считают доступными условия оказания социальных услуг, в том числе для инвалидов и других маломобильных групп, и лишь 15% склоняются к ответу «скорее нет, чем да». Опрошенные объяснили, что в Верхнеуслонском ДИПИ нет подъемника для инвалидов-колясочников, поэтому требуются особые усилия, чтобы подняться на второй этаж.

Проживающие граждане (90%) считают, что благоустройство и содержание помещения (чистота, свежесть воздуха, тепло) и территории находится на высоком уровне, 10% – на среднем уровне. Высокий процент по данному параметру объясняется тем, что в обоих ДИПИ соблюдается чистота, территория учреждений благоустроена.

В благоустройстве территорий учреждениям помогают волонтеры и студенты, которые довольно часто приезжают в ДИПИ. Студенты факультета социальной работы КазГМУ каждый год весной проводят субботник и убирают территорию от мусора, сажают кусты и деревья.

Об изменении жизненной ситуации в лучшую сторону после получения услуг ДИПИ отметили: 96.6% получателей социальных услуг. Только 6.6% (это граждане, которые недавно поселились в ДИПИ) затруднились ответить.

В связи с выявленными проблемами при оказании услуг разработаны следующие рекомендации:

– Буинскому ДИПИ разработать официальный сайт, где будет содержаться вся необходимая информация. Данный сайт оформить таким образом, чтобы посетившие его граждане могли без труда найти информацию, которая им необходима, не затрачивая на это много усилий. Разработать альтернативную версию официального сайта для слабовидящих граждан. Обеспечить возможность выражения мнения и комментариев получателей социальных услуг о деятельности ДИПИ.

– Верхнеуслонскому ДИПИ продолжить адаптировать доступную среду в учреждении – установить подъемник для инвалидов-колясочников. Средства для подъемника можно получить за счет участия в грантах, в проектной деятельности, привлечения средств неравнодушных граждан.

– Верхнеуслонскому и Буинскому ДИПИ: 1) своевременно обновлять информацию о деятельности ДИПИ, о проводимых мероприятиях, об услугах; 2) составить план постоянного участия волонтеров в организации мероприятий

в целях улучшения эмоционального состояния получателей социальных услуг и повышения эффективности деятельности ДИПИ.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru (дата обращения: 13.10.2017).
2. Министерство труда, занятости и социальной защиты РТ [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://mtsz.tatarstan.ru (дата обращения: 13.10.2017).
3. Министерство труда, занятости и социальной защиты РТ [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://mtsz.tatarstan.ru (дата обращения: 13.10.2017).
4. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Ст. 13 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru. (дата обращения: 13.10.2017).

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РИСКОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

SOCIOLOGICAL RESEARCH OF RISKS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS: THEORETICAL INTERPRETATIONS AND OPERATIONALIZATION OF THE PROBLEM

Ж.В. Савельева, Р.М. Дасаева
Казанский (Приволжский) федеральный университет
J.V. Savelyeva, R.M. Dasaeva
Kazan Federal University

Интерпретация мультипарадигмальных теоретических истоков концепции устойчивого развития. Авторами разработана классификация операциональных характеристик измерения рисков. Данная классификация являются основой социологической диагностики экологической, социальной и экономической сфер жизни общества и проведения прикладного социологического исследования. Перечислены основные методы исследования рисков устойчивого развития моногородов.

The article is devoted to the interpretation of the multi-paradigmatic theoretical origins of the concept of sustainable development. The authors developed a classification of operational characteristics of risk measurement. This classification is the basis for the sociological diagnosis of the ecological, social and economic spheres of society and the conduct of applied sociological research. The article also lists the main methods that can be used to study the risks of sustainable development of single-industry towns.

Ключевые слова: устойчивое развитие, риски устойчивого развития, моногород, теоретическая интерпретация, операционализация

Keywords: sustainable development, risks of sustainable development, single-industry town, theoretical interpretation, operationalization

Первое использование термина «устойчивое развитие» датируется 1972 г., когда в Стокгольме состоялась Первая Всемирная конференция по окружающей среде. Уже в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на конференции ООН по окружающей среде и развитию это понятие использовали для интерпретации новой теории бытия человечества. В контексте комплексного развития моногорода как сложной системы устойчивое развитие понимается как управляемый взаимосвязанный процесс достижения определенного уровня развития различных сфер жизни города с учетом потребностей и интересов населения и органов власти монопрофильного поселения [1].

В комплексном развитии монопрофильной территории важными являются как взаимосвязь между социально-экономическими процессами самого моногорода, так и их связанность с интересами государства, что указывает на четкость и отлаженность действий властей местного уровня в рамках направления развития страны. Кроме того, следует обратить внимание на устойчивость развития моногородов с точки зрения комфорта и удобства проживания в нем населения данного вида субъектов. «Устойчивое развитие человеческих поселений» – направление в экономическом развитии моноориентированных территорий, основанное на стимулировании расширения экономического потенциала субъекта, регулировании демографических процессов, создании рабочих мест, расширении инфраструктуры для развития предпринимательства, повышении конкурентоспособности градообразующих предприятий. Кроме того, сюда же можно отнести и рациональное землепользование, основанное на оценке социального и экологического воздействия на данную территорию в целях предотвращения деградации окружающей среды. Данное понятие впервые было освещено на конференции по развитию городов в Стамбуле в 1996 г. [1]. В документах ООН, посвященных устойчивому развитию городов, устойчивым считается тот субъект, в котором общественное, экономическое и физическое достижения поддерживаются в непрерывном развитии с постоянным обеспечением природными ресурсами и защищенностью жителей от природных катастроф [2]. В современной науке не существует однозначного подхода к трактовке понятия «устойчивое развитие». Группа одних ученых склоняется к мнению, что такое словосочетание противоречит сути, поскольку эти слова являются взаимоисключающими. Другие же полагают, что это вполне корректное употребление. Разберем эти слова отдельно друг от друга и обратимся к

источникам, в контексте которых данный термин вошел в широкое употребление. В общем смысле, термин «устойчивость» понимается как «неподверженность колебаниям и изменениям, риску потерь и убытку», «надежность, стойкость, твердость», «способность сохранять текущее состояние» [3]. Понятие «развитие» указывает на достижение нового, ранее недостигнутого результата, переход из одного состояния в другое. Соответственно, то, что не подвержено изменениям, не может одновременно развиваться и наоборот. Однако если рассматривать данное словосочетание в виде устойчивого выражения, становится понятным, что развитие принимает четкие рамки своего направления, а именно в совершенствовании основных сфер жизнедеятельности человека и общества (социальной, экономической, политической и духовной). В качестве подтверждения данной точки зрения можно обратиться к зарубежному опыту применения термина «устойчивое развитие», аналогом которого является понятие «sustainable development». Впервые это словосочетание появилось в сфере природопользования, а именно в лесном и рыбном хозяйстве в середине XIX в. Немецкие лесоводы подразумевали под этим термином особую систему эксплуатации лесов, сохраняющая леса и предотвращающая вырубку деревьев свыше естественного прироста. Канадские специалисты, занимавшиеся регулированием рыболовства, так называли метод эксплуатации рыбных ресурсов, при котором данные ресурсы не истощаются [4]. В ходе проведения небольшого анализа было выявлено, что понятие «устойчивое развитие» включает в себя два основных признака: выживание и неопределенно долгое развитие общества (цивилизации) и сохранение природной окружающей среды.

Устойчивое развитие, в общем виде, является равномерным по временным рамкам процессом удовлетворения потребностей как нынешнего, так и будущего поколений, сопровождающееся изменениями в трех сферах – экономика, социальная ответственность и экология, тесно связанных между собой и зависимых друг от друга. Существует два подхода к трактовке термина «устойчивое развитие». В широком смысле под устойчивым развитием понимается процесс нового типа развития цивилизации. В узком – внимание акцентируется лишь на экологической составляющей. Таким образом, управление устойчивым развитием можно определить как совокупность мероприятий целенаправленного характера, которые призваны обеспечить качественные изменения, в данном случае, моноориентированных муниципальных образований в условиях эволюционного функционирования. Выявить соответствующие проблемы в управлении и риски в развитии какой-либо из трех важных сфер жизни общества помогают различные методы социологической диагностики. Ниже приведены основные операциональные

характеристики рисков устойчивого развития моногорода, на основе которых предполагается проведение социологического исследования [5].

Таблица 1

Операциональные характеристики в измерениях рисков устойчивого развития моногородов

1. Риски экологического развития	Экологическая стабильность; сохранение биоразнообразия; уровень потребления природного капитала; расход / восстановление возобновляемых / невозобновляемых ресурсов; экологическая чистота субъекта; чистота атмосферы; чистота воды; чистота почвы; проблемы сортировки / переработки мусора и «нулевые» отходы; финансовые дотации, направленные на развитие экологической политики субъекта; емкость экологического напряжения; экологическое воспитание населения; нормативная база регулирования экологической политики субъекта; контроль над изменением климата; эковозраст (экологическое сознание населения в разрезе различных возрастных категорий); площадь продуктивных земель; площадь продуктивных экосистем; ущерб загрязнения; уровень изготовления (потребления) экологически приемлемой продукции; экология транспортной инфраструктуры; благоустройство территорий; возможность использования энергосберегающих технологий.
2. Риски социального развития	Удовлетворение человеческих потребностей; обеспечение социального порядка; комфортные условия проживания в субъекте; поддержка инициатив и предпочтений населения; справедливость между поколениями; уровень защиты интересов граждан; уровень безработицы; возможность трудоустройства; уровень инвестиций в человеческий капитал; условия для развития / самореализации молодежи; политика ведения здорового образа жизни; условия для самореализации; социальное самочувствие граждан; уровень рождаемости; уровень смертности; политика ведения здорового образа жизни; уровень культурного самосознания; социальный порядок; социальная стабильность; социальное настроение; поддержка НКО (инвестиции в третий сектор); комфортные жилищные условия и городская инфраструктура; состояние миграционных потоков (приток и отток населения).
3. Риски экономического развития	Экономический рост; экономическая стабильность; экономическое благополучие города; уровень производства; объем бюджета субъекта; количество градообразующих предприятий; объем производства; уровень финансирования (внешние дотации); уровень экономических рисков; инновационное развитие субъекта; уровень инвестиционной привлекательности; уровень ВРП; возможности для развития предпринимательства; экономическая поддержка населения.

Таким образом, опираясь на данные характеристики, целесообразными представляются следующие методы социологической диагностики рисков устойчивого развития моногородов: массовый опрос, формализованное структурированное интервью, метод экспертной оценки (экспертный опрос, интервью), мониторинг (вторичный анализ статистических данных), анализ документов, стандартизированное наблюдение. С помощью вышеуказанных

методов, в их частичном или комплексном сочетании, можно получить полный срез актуального состояния монопрофильного субъекта, и на основе полученных данных разработать основные рекомендации по устранению или минимизации рисков устойчивого развития моногорода.

Список литературы

1. Картаева Е., Родина Н., Яковлев О. Управление развитием: насущные проблемы и возможные варианты решений // Муниципальная власть. 2003. №4. С. 20-24.
2. Бегун Т.В Устойчивое развитие: определение, концепция и факторы в контексте моногородов [Текст] // Экономика, управление, финансы: материалы II междунар. науч. конф. (г. Пермь, декабрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 158-163.
3. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики. 2008. 1244 с.
4. Джейкобс М. Зеленая экономика: окружающая среда, устойчивое развитие и политика будущего. Ванкувер, 1993.
5. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн; пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук. М: Логос, 2010. С. 147-151.

КАЧЕСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ УСЛУГА – ОСНОВАСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

QUALITY SOCIAL SERVICES – THE BASIS OF PERFECTING SOCIAL POLICY

Р.Б. Салморбекова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек

R.B. Salmorbekova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek

Рассматривается комплексный анализ, определяющий направления трансформации кыргызского общества. Представлена характеристика классификации граждан, получивших статус группы рисков в период социальной трансформации кыргызского общества. Выявлены основные проблемы, тормозящие процесс модернизации в Кыргызской Республике. Определено социальное настроение населения и «социальный очаг» социальной напряженности в процессе глобализации.

Considered a comprehensive analysis that determines the causes and trends of transformation of Kyrgyz society. The characteristic of the classification status of citizens were at risk in the period of social transformation of Kyrgyz society. The

main problems hindering the modernization process in the Kyrgyz Republic. Determine the social mood of the population and "social home" social tension in the globalization process.

Ключевые слова: глобализация, государства, миграция, общества, процесс, риск, социальная трансформация, социетальный процесс

Keywords: globalization, state, migration, society, process, risk, social transformation, societal process

Повышение качества жизни населения в Кыргызстане является главной целью социальной политики страны. Средством достижения этой цели выступает совершенствование механизма оценки качества деятельности местного самоуправления, используемые для обоснования решений, принимаемых при управлении распределении ресурсов. *Уровень* и качество *жизни* населения характеризует развитие и степень удовлетворенности материальных, духовных и социальных потребностей людей. Иными словами, индикатором условия и качества жизни населения являются потребности и их обеспечение соответствующими товарами и услугами. Население на местах получает различные виды услуг от государственных учреждений, органов местного самоуправления, общественных и общинных организаций, бизнес структур, а также частных лиц. Качество, доступность и надежность услуг во многом зависят от того, насколько между поставщиками услуг и их получателями создана конструктивная обратная связь. Пришло время, когда население может влиять на процесс предоставления услуг органами местного самоуправления. Вместе с тем у граждан отсутствуют навыки и знания о механизмах воздействия на органы МСУ по улучшению этих услуг.

Актуальность исследования заключается в том, что необходимо разработать единые индикаторы для оценки качества, надежности, прозрачности услуг, оказываемых органами местного самоуправления страны. Данное исследование в первую очередь проводится для совершенствования социальной политики страны. Разработанные индикаторы способствуют определению приоритетности направлений в проведении реформ по устранению недостатков и привлечения внимания к выявленным проблемам. В результате обратная связь обеспечивает получение информации о качестве и адекватности обслуживания от реальных получателей услуг, направленной на улучшение положения в сфере общественного обслуживания населения. В представленном исследовании охвачены только социальные услуги. Интегральные индикаторы оценки качества работы учреждений социального обслуживания включают в себя оценку: качества управления, финансово-хозяйственной деятельности, работы персонала; эффективности деятельности;

результативности деятельности в соответствии с целями его создания. С помощью этих индикаторов изучаются и прогнозируются уровень, динамика и структура доходов из различных источников.

Основы функции оказываемых услуг зависят от социально-экономического положения страны; формирования доходной и расходной части местного бюджета; климатогеографических условий и от сезона года; знания, информированности населения по вопросам оказываемых услуг, предоставляемых различными ведомствами в сфере общественного обслуживания. Основные услуги местного значения содействуют повышению уровня жизни населения, снижению заболеваемости, снижению внешней и внутренней миграции, сохранению стабильности и духовного равновесия общества.

Для разработки и решения текущих и стратегических задач социальной политики необходимо иметь информацию о состоянии, динамике, тенденциях уровня жизни, рассчитывать их по регионам, по социально-демографическим группам населения, осуществлять международные сопоставления. Чтобы оценивать качество оказываемых услуг на местах, необходимо разработать единый индикатор, соответствующий инновационным тенденциям страны.

Методологической основой исследования является информация, полученная на местах. В рамках данной исследовательской работы использованы методы социологического исследования. Исследование послужило инструментом для определения приоритетных проблем, отражение реального состояния, возможности и перспективы оказываемых услуг на местах.

С целью оценки трансформации в обществе экспертам необходимо было ответить на следующий открытый вопрос (опрос 2015 г., 65 экспертов): «На Ваш взгляд, какие социальные последствия трансформации можно оценить как «позитивные и негативные». Среди выявленных категорий «позитивным» посчитали: «свобода» во всех сферах жизни общества – 43.3%; развитие частного сектора – 37.2%; рост коммуникации – 9.2%.

«Негативная» оценка, по мнению экспертов: низкий уровень жизни (28.9%); безработица (21%); неэффективная работа государственных органов (19%); противоречия в традициях (11%); неуверенность и социальная напряженность (9.4%); отсутствие внутренней культуры человека (7.6%); влияние деструктивных сил (3.1%).

Характерной чертой современного этапа развития Кыргызской Республики является поиск оптимальных путей сочетания централизации и децентрализации системы управления, разграничения функций и полномочий регионов и муниципалитетов. В этой связи фактор самоорганизации

территорий становится важнейшим условием дальнейшего осуществления реформ в Кыргызстане.

Доверие населения социальным и социально-политическим институтам (которое представляет собой оценку населением возможностей органов власти и других социальных институтов удовлетворить их социальные ожидания, то есть намерения реализовать их базовые ценности) достаточно низкое. Основная причина провала реформ состоит в том, что чиновничество, государственно-бюрократическая система резко усиливается и превращается в силу, безраздельно господствующую над населением Кыргызстана. Кроме того, сказывается отсутствие у правительства стратегии развития страны, комплексного, научного подхода к решению социально-экономических задач и политическая нестабильность.

Многое в создании условий для человеческого развития зависит от того, насколько доступна для него та или иная важная услуга, на каком отдалении, в чьей компетенции находится ее предоставление. В идеале, органы МСУ должны быть способны наилучшим образом оказать гражданину весь набор услуг, удовлетворяющих его ежедневные насущные потребности.

Принципы предоставления муниципальных услуг:

1. Доступность – предоставляемые государственные и муниципальные услуги должны быть доступными для всех категорий получателей услуг.

2. Обеспечение качества и ориентация на получателя – государственные и муниципальные учреждения обязаны обеспечить получателя качественными государственными и муниципальными услугами, процедуры их предоставления должны быть направлены на минимизацию издержек получателя услуги.

3. Подотчетность – государственные и муниципальные учреждения обязаны регулярно составлять и представлять общественности отчет о своей деятельности по предоставлению услуг.

4. Прозрачность – получатели государственных и муниципальных услуг имеют право ознакомиться с деятельностью государственных и муниципальных учреждений в сфере предоставления услуг.

5. Равный доступ – предоставляемые государственные и муниципальные услуги должны быть доступными для всех категорий получателей услуг, не допускается дискриминация отдельных категорий граждан и отказ от предоставления услуг по признакам физической недееспособности, языка, расы, религии, национальности.

6. Участие потребителей – потребители участвуют в формировании единых государственных реестров государственных и муниципальных услуг, разработке стандартов и оценке предоставления государственных и муниципальных услуг.

7. Эффективность – предоставляемые государственные и муниципальные услуги должны наилучшим образом соответствовать соотношению затрат к результатам.

В соответствии с законодательством Кыргызской Республики, органы МСУ обязаны обеспечивать предоставление большинства таких услуг, это справедливо и соответствует потребностям человека. Однако качество предоставления этих услуг оставляет желать лучшего, причем граждане напрямую высказывают удовлетворенность и неудовлетворенность уровнем тех или иных услуг, а сами представители органов МСУ сомневаются, должны ли они заниматься этими вопросами.

Муниципальные услуги при наличии соответствующих полномочий, установленных законодательством Кыргызской Республики, могут предоставляться:

– представительными органами МСУ – местными кенешами;

– исполнительными органами МСУ – айыл-окмоту, мэрии;

– муниципальными учреждениями;

– общественными объединениями, некоммерческими организациями;

– физическими или юридическими лицами [1].

Предоставление муниципальных услуг в целях повышения их качества, доступности и эффективности исполнительным органом местного самоуправления может быть передано на исполнение муниципальным предприятиям, которые регулируются гражданско-правовыми отношениями, а также физическим и иным юридическим лицам. При передаче муниципальных услуг, предоставляемых за счет бюджетных средств, исполнитель определяется на конкурсной основе.

Список литературы

1. Закон Кыргызской Республики «О государственных и муниципальных услугах» г. Бишкек, от 17 июля 2014 года № 139 [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69565 (дата обращения: 22.08.2017).

2. Салморбекова Р.Б. Влияние процесс глобализации на изменение кыргызского общества // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. С. 113-119.

СОВРЕМЕННЫЙ ПРЕКАРИАТ И СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
MODERN PRECARIAT AND FAMILY RELATIONS

Т.В. Свадьбина, О.А. Немова
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
T.V. Svadbina, O.A. Nemova
Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod

Рост количества работников, имеющих нестабильный статус «прекариата», как в России, так и за рубежом является на сегодняшний день состоявшимся фактом. С одной стороны, это своеобразный ответ на вызов времени, обусловленный взаимной заинтересованностью работников и работодателей к получению наибольшей выгоды. С другой стороны, это путь к социально-экономической нестабильности и переустройству общественных отношений в целом. Об этом достаточно подробно написал Гай Стендинг в своем монографическом исследовании «Прекариат: новый опасный класс». Авторы считают, что рост прекариата отрицательно сказывается на семейно-брачных отношениях. Невозможность долгосрочного планирования прекариата входит в естественное противоречие с таким долгосрочным проектом, как семья, брак и дети.

The increase in the number of workers with precarious status "precariat", as in Russia, and abroad is today an accomplished fact. On the one hand, this kind of response to the call of the time, by the mutual interest of workers and employers to obtain the greatest benefits. On the other hand, is the path to socio-economic instability and the reconstruction of social relations in General. What enough wrote guy Standings in his monographic study "the Precariat: the new dangerous class". The authors believe that the growth of the precariat has a negative impact on marital relations. The impossibility of long-term planning of the precariat is included in a natural tension with this long-term project such as the family, marriage and children.

Ключевые слова: прекариат, рынок труда, трудовая занятость, семейно-брачные отношения

Keywords: precariat, labor market, employment, family and marital relationships

Современная российская семья под воздействием общемировых процессов глобализации претерпевает значительные изменения во всех сферах своего существования. Прекариатизация социума является немаловажным фактором, оказывающим негативное воздействие на семейно-брачные отношения в целом.

Впервые понятие «прекариат» употребили французские социологи в 80-е гг. XX в., говоря о временных или сезонных рабочих. Сам термин ввел в научный оборот П. Бурдье. Дословно слово «прекариат» происходит от

английского слова precarious, которое означает «неустойчивый, ненадежный, угрожающий». Отличительными признаками прекариата является отсутствие гарантий стабильной занятости и наличия постоянного рабочего места, охраны труда и здоровья, постоянного заработка и карьерного роста, а также представительства, способного защитить их интересы.

Рост прекариата в современной России имеет тенденции к стабильному увеличению. Вице-премьер О. Голодец в своем выступлении сказала, что «наш рынок труда практически нелегитимен, и лишь небольшая часть функционирует по нормальным правилам». По ее данным, в различных секторах экономики сегодня заняты 86 млн. человек, но лишь 48 млн. из них задействованы «понятно где». Остальные 38 млн. трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что представляет серьезную проблему для всего общества [1].

Какова же численность местного регионального, в частности нижегородского прекариата? Компания HeadHunter, которая специализируется на трудоустройстве, провела опрос жителей городов-миллионников (Нижний Новгород также участвовал в данном анализе). Сотрудников частных компаний спрашивали, насколько официально оформлены их отношения с работодателями. В итоге получился антирейтинг городов, где активно практикуется оплата труда «в конверте». Лидером этого антирейтинга стал Челябинск. В этом городе 31% сотрудников работодатели платят «серую» зарплату. Второе место, с минимальным отрывом – разделили Нижний Новгород, Новосибирск и Воронеж – в этих городах количество получающих «серую» зарплату составило 30%. По данным исследования, «белую» зарплату получают 56% нижегородцев. Чаще всего это работники государственного сектора, сотрудники добывающих предприятий и банковской сферы. 9% жителей Нижнего Новгорода признались, что получают «черную» зарплату. Лидером по «черным» зарплатам оказались сфера домашнего персонала – на нее приходится 44%. Стоит отметить, что для 82% нижегородцев оказалось значимым, чтобы зарплата была полностью официальной, и только 16% признались, что им абсолютно все равно [2].

Положение прекариата крайне незавидное. Если придерживаться пирамиды потребностей А. Маслоу, то удел прекариата – это первый уровень, т.е. исключительно удовлетворение физиологических потребностей. Об удовлетворении второго уровня потребностей (наличие социальных гарантий) им приходится только мечтать. Отсюда вытекают проблемы, связанные с построением долгосрочных перспективных планов. Как можно заводить ребенка, если у тебя нет стабильного жилья, работы, дохода?

Данные статистики наглядно показывают невозможность совмещения в статусе прекариата материнства и работы. В Москве в 2009 г. матери отказались от 460-ти новорожденных. Врачи отмечают в этом прискорбном явлении определенное новшество: девять из десяти «отказников» – дети матерей, приехавших в Москву на заработки. [3, с. 89-90]. А сколько по той же причине детей погибают в абортариях, не отражается ни в какой статистике. Причем это в равной степени касается не только представительниц внешней миграции, но в большей степени – внутренних мигранток. В поисках лучшей доли россиянки едут за хорошими заработками в Москву, Санкт-Петербург, другие крупные города и не реализовывают свою материнскую миссию по причине невозможности совмещения материнства и сохранения своего статуса. В этом усматривается основная опасность для демографии в связи со все бóльшим нарастанием прекариата как социального класса.

У прекариата фактически нет свободного времени и понятия «частная жизнь». Для многих дом стал местом работы, а офис – домом. Гай Стэндинг в частности пишет: «Дом перестал быть местом, где вы отдыхаете душой, поскольку все больше и больше людей, особенно входящих в прекариат, живут в одиночестве, с родителями либо с соседями, которые могут довольно быстро меняться. Во всем мире все больше людей, для которых дом – это продолжение офиса. И хотя этот феномен не так уж сильно бросается в глаза, но стоит отметить, что все, что раньше связывалось с домом, все чаще переносится на работу» [4]. Данный процесс получил названия доместикации, о чем пишет в своих работах В.П. Козырьков [5].

Доместикация захватила современные трудовые отношения. «Во многих современных офисах, – продолжает Гай Стэндинг, – служащие могут прийти рано утром на работу в повседневной либо спортивной одежде, принять душ и в течение первого «рабочего» часа приводить себя в порядок. Это неявная льгота салариата. Служащие хранят в офисе одежду, ставят на рабочие столы фотографии близких и безделушки, напоминающие о доме, а иногда даже детям поиграть в помещении, так, «чтобы не мешать папе или маме», что, разумеется, невозможно. Во второй половине дня, после обеда, служащие могут вздремнуть – «для повышения работоспособности» – притом, что сон все время связывается с домом. А слушать на работе музыку, включив медиаплеер, давно уже стало нормой» [4].

О частной жизни прекариата никто не заботится. Этот слой имеет право только на труд. Отсутствие социальных гарантий порождает чувство неуверенности в завтрашнем дне, ощущение дискомфорта. Состояние аномии, т.е. потери нравственных ориентиров, становится постоянным спутником

жизни. Непонятно в принципе, когда и как жить: когда ты спишь, идешь на работу или с работы, или когда перемещаешься с одной работы на другую?

Прекариатизация общественного сознания опасна тем, что люди, доведенные до отчаянья, не имеющие будущего, стабильности, являются прекрасной почвой для взращивания самых экстремистских идей. Используя нехитрые способы манипулирования общественным сознанием можно стравливать одну часть прекариата с другой.

Перечислим возможные варианты, которые могли бы помочь приостановить прекариатизацию российского социума.

1. В законодательстве для работодателей необходимо введение ограничительных мер при приме на работу. Необходимо, что более 70% сотрудников предприятия были заняты на постоянной трудовой основе, т.е. имели долгосрочные трудовые контракты.

2. Считаем также необходимым введение прогрессивной системы налогообложения и всеобщего декларирования доходов, с целью получения высоких налоговых сборов и эффективного их дальнейшего использования.

3. Активизация работы профсоюзного движения. Профсоюзы должны перестать быть «офисами» работодателей. Они должны заниматься реальной защитой прав трудящихся и прекариата в том числе. Для этого необходимо представителей данного класса вовлекать в свои ряды.

4. Государство должно стабилизировать ситуацию на рынке, т.е. необходим поиск баланса между рабочими местами и работниками.

5. Необходимой мерой считаем также наведение порядка на рынке съемного жилья, который пока является в основном «теневым», что способствует росту произвола и откровенного мошенничества. Обмануть бесправного человека (представителя прекариата) легче всего. Все права на стороне собственника жилья. При этом налоги за получение дохода от сдачи в аренду своего жилья платит незначительное количество собственников жилья. С целью повышения налоговых сборов и регулирования рынка съемного жилья необходимо обязывать арендодателей регистрировать свое жилье как съемное и платить соответствующие налоги. Арендатор жилья при этом может претендовать на льготу со стороны государства по компенсации части ежемесячного платежа за съемное жилье. Приоритетное право на подобного рода компенсацию должны иметь прежде всего семьи с одним и более детьми. Нежелающие легализировать сдачу жилья в аренду должны подвергаться административной ответственности.

В целом, прекариатизация российского социума – это настораживающей факт, требующий дальнейшего научного осознания и продуктивного

осмысления, так как от этого зависит будущее состояние семейно-брачной сферы и демографии.

Список литературы

1. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Газета Ведомости [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/04/03/vicepremer_golodec_38_mln_rossiyan_zanyaty_neponyatno_gde_i (дата обращения: 24.08.2017).
2. Швыркаева И. Нижний Новгород занял второе место в России по «серым» зарплатам // Комсомольская правда. 2016. 15 ноября.
3. Лексин В.Н. Обычная русская семья в условиях трансформации института семьи: опыт систематической диагностики. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «Лабиринт», 2016. 256 с.
4. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
5. Козырьков В.П. Частная жизнь личности и приватизация культуры [Эл. ресурс] / Режим доступа: http://docplayer.ru/399378-Chastnaya-zhizn-lichnosti-i-privatizaciya-kultury.html (дата обращения: 31.01.17).
6. Немова О.А., Пакина Т.А. Проблемы социализации молодежи в условиях социально-экономической неопределенности // Вестник государственного университета управления. М., 2010. С. 31-32.
7. Свадьбина Т.В., Немова О.А., Пакина Т.А Современный трафик: причины, разновидности, последствия, профилактика // Социологические исследования. 2014. №2. С. 43-48.

(TEACHER) EDUCATION IN CONTEXTS OF EXCLUSION-INCLUSION DICHOTOMY: AN EXPERIENCE

(УЧИТЕЛЬСКОЕ) ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ ЭКСКЛЮЗИЯ – ИНКЛЮЗИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТ

Sueli Salles Fidalgo
Federal University of São Paulo, Brazil
Суэли Саллес Фидальго
Федеральный университет Сан Паулу, Бразилия

This paper is based on L. Vygotsky´s discussions on the development of children with special educational needs (SEN)[1] in school contexts. It also focuses on

[1] In Brazil, a bill was passed to review the service provision to people with special needs. After this, and probably following some international new trend, a discussion was raised in education as to the word that should be used: special educational needs, disability (necessidades educacionais especiais, deficiência). In this text, we choose to use special educational needs because, as discussed in Fidalgo (in print), there are many children in schools that have special needs, but are not disabled, such as children with learning difficulties, gifted children. In Brazil, following the educational policy, published in the late 1990's and focused on allowing children more time to learn how to read and write (called

the need to create a flexible environment that might provide alternative paths for such development. Focusing on L. Vygotsky's work occurred due to his view that higher forms of behavior (i.e., higher psychological (or mental) functions) are the key for the development of all children.

Работа основана на размышлениях Л.С. Выготского о развитии детей с особыми образовательными потребностями. Обращается внимание на необходимости создания гибкой социальной среды, способной создавать альтернативные возможности для развития таких детей. Исходя из работ Л.С. Выготского, это возможно благодаря его взгляду на высшие психические функции, являющиеся ключом для развития любого ребенка.

Keywords: inclusive education, special educational needs, higher psychological functions, teacher education

Ключевые слова: инклюзивное образование, специальные образовательные потребности, высшие психические функции, образование учителей

According to this author, the school plays an important role on the development of children, considering that it is the school's duty to create the possibility for the child to access cultural tools, thus developing cognitively. The author emphasizes many times in *Fundaments of Defectology* that the development of the Higher Mental Functions should not be understood as a direct extension of natural development, but as a result of collaborative learning. We can in fact state that, for Vygotsky, it is extremely important to create an environment for children – regardless of whether they have special needs or not because the creation and maintenance of this safe, though not teleologic environment, may allow for cultural development to take place (Vygotsky, 1931b, p. 192). In Brazil, however, teaching-learning of SEN children is still dealt with by looking at what they lack – something that Vygotsky is also very clearly against when he says:

> *It is important that education aim to realize social potential fully and consider this to be a real and definite target. Education should not nurture the thought that a blind child* [for example] *is doomed to social inferiority.* (1924a, p. 63)

Or

> *A child whose development is impeded by a defect is not simply a child less developed than his peers; rather he has developed differently… a child in each state of his development, in each of his phases, represents a qualitative uniqueness (…)* (Vygotsky, 1929, p. 30)

progressão continuada, or continuous progression), many children reached the late primary school years – and even secondary school in some cases – and were still illiterate and innumerate. There are still many such children in schools, but they are not necessarily disabled. They need some attention. They have special educational needs.

Brazil misconceives the notion of special educational needs, looking at SEN children as mere handicaps, and (in any case) at most other children as empty vessels that are ready (or in the process of becoming ready) to be filled by the teachers' and the schools' knowledge. In the case of SEN children, very little work is researched on the practical aspect of how children learn and what can actually be implemented in the school environment to promote this learning.

Furthermore, as Fidalgo (2015, 2016) discusses, in some Brazilian schools, if the child has a medical report which states that they have a disability, the school will say: "they have a report. We don't need to do anything with them. We don't need to worry. Just leave them alone." So, no pedagogical material is prepared for those children and no work is carried out with them. We create a social class of uneducatable children, uneducated and unemployed (or subemployed) future adults.

Evidently, one can easily see in Brazilian education that, as pointed out by many authors (Magalhães, 2012 for example), this situation is worsened by the poor education provided for the teacher – who becomes excluded in the process of inclusive education because they are still not schooled (at university level for example) with the idea of inclusive education in mind. The university syllabi are still very content-based, fragmented, and organized with solely with the content of the epistemological area that the student-teacher will have to teach in the future. In other words, they know mathematics, social studies, geography, and so on, but they do not know what to do with a dyslexic child, or a deaf child in their classrooms, as they report:

> *Ma[1]: (...) You see, when it comes to discussing special needs, it's always the same thing, from the part of the teacher, they say, and I say this too: "it is ok to enroll them in the regular schools, but please tell us what to do; how do we teach them?"*

Some may say that the teacher is responsible for their own education, and should be attending courses on continuous education in order to be better prepared. However, we have to remember that teachers in Brazil may have up to 1000 students (consider that most classrooms in São Paulo state public schools will have between 40 and 50 children/adolescents, and the teacher may have around 6-7 classes in each school), working in two-three shifts (many work in one school in the morning, another in the afternoon and a third one in the evening) in order to make ends meet at the end of the month, their salaries ranging from around R$1000 and R$5000 in each school[2] – R$5000 being the salary of teachers who have been in the same job for many years. After that, many will go home and take care of their families (including

[1] A school supervisor in the State Government System.

[2] Consider that the rent in a reasonable neighborhood in a city like São Paulo – where the investigation here reported was carried out – may range from R$2000 to R$4000; petrol is around R$4/liter, and if the teacher uses public transportation s/he will probably use something like R$16 per day to teach in three different schools.

cooking, cleaning, washing, etc.), and correct students' essays or homework assignment. Besides, many work far away from home, having to catch one or two buses and one or two trains to get to work. This leaves them with approximately 4-5 hours of sleep every night. So, it is not a matter of indifference from the part of the teacher. It's a matter of lack of time in their lives. Still, every year, hundreds of teachers enroll in courses on how to teach children with special needs, some of which I have been teaching and/or coordinating in Guarulhos [outskirts of São Paulo]. They too have the same complaint:

> *B1: You see, it was very complex, very difficult because nobody could explain what need the boy had, nor explain any need of any student in that school for that matter – because there were many students with special needs there. So I'll talk about a student with autism. He couldn't write or read. He was still learning in High School how to write and read. And as a teacher, I had no idea of what to do in that situation.*

So to address the matter of special educational needs in an environment as the one discussed above, I have decided to organize: (1) a study group – whose meetings are sometimes run in the schools and sometimes at the university – in which participants (school teachers and students from undergraduate teaching programs) read and discuss texts about disabilities and teaching; (2) talks and workshops that are delivered and carried out in the schools during the 2-hour weekly period that the teachers meet in order to discuss school matters and theoretical texts that address their needs; (3) a course whose theme is teacher education for those working with special needs. This is delivered in the evenings (so they may be useful for teachers who only work in the mornings and afternoons and for students from the undergraduate teaching programs). This course will be explained in the following section.

Social compensation and a teacher education program

As previously stated, Vygotsky considered education to be a powerful aspect for children's learning and development. In the case of children with disabilities, the author advocated for what he called social compensation. According to Vygotsky, much like the awareness of one's disability – which, he states, is gained socially, – the idea of compensation occurs in the collectivity, i.e., we cannot forget that "*(...) the collective [is] a factor in the development of a normal and an abnormal child"* (1931a/1993, p. 129). When discussing social compensation, Vygotsky speaks of finding a new path, a "detour" so as to allow the child with special needs/disability to learn, and he is also very clear in stating that – in most cases – the curriculum should not be altered. What should be altered is the path taken, the method used with each student.

Considering this discussion, my research groups have worked with the idea of adding some flexibility to the pedagogical material (Fidalgo e Lessa, 2011) and educating the teacher to do the same by (1) observing the child carefully to establish what learning needs they might present; (2) preparing material that allows the child to take part in the classroom, being an agent of the knowledge construction process that is taking place, by studying the same topic, though with different learning material. For example, if a child is having trouble reading, should the instructions be also written? If they are, how will the teacher know if the child cannot do the task proposed or simply cannot read the instruction? Our research has found that simple actions such as adding a picture next to the instruction of what the written text means (see table 1) or reading the instructions to students might solve this kind of problem, diminishing the difficulty the child is presenting when the difficulty does not refer to the content of the lesson itself.

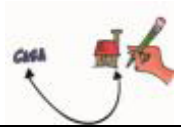
Circle …	
Link …	

Table 1: flexibility of instructions.

Children who are dyslexic or even autistic children have been found to benefit from this kind of instruction. Reily (2004) discusses the case of an autistic child who says that he thinks by means of images, and that words are often like a second language that he has to translate into images so that they can play like a film in his mind. Evidently, we are not saying that all children learn in the same way, but those who do need the image, may benefit from this simple flexibilization of the pedagogical material. As stated above, observing the student is crucial to learning what to do in order to promote learning.

References

1. Fidalgo S.S. Brazilian teacher education for inclusive work (or lack thereof). Specificity of professional activity of social workers. Nizhny Novgorod, Russia: Faculty of Social Sciences f Nizhny Novgorod State University. 2015. Pp. 473-477.

2. Fidalgo S.S. Cultural-historical psychology and activity approach in educating specialists in special education. Brazilian teacher education for inclusive work. The materials of international symposium – Scientific school of L.S. Vygotsky:

traditions and innovations. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. 2016. Pp. 76-89.

3. Fidalgo S.S. Conceitos eugênicos minam os discursos veiculados em ambientes escolares [Eugenic concepts undermine the discourses conveyed in school environments]. Revista ANPOLL [Journal of the National Association of Postgraduation and Research in Language and Literature Studies]. Campinas: IEL, UNICAMP. Vol19. 2005. Pp. 185-204.

4. Fidalgo S.S. e Lessa A.B. T.C. Adaptação de material didático para necessidades educativas especiais. [Adapting pedagogical material for special educantional needs]. Coleção Aprender Juntos. [Coursebook Collection: Learning Together] São Paulo: Editora Santa Maria. 2011, supplements.

5. Magalhães M. C.C. Vygotsky e a pesquisa de intervenção no contexto escolar: pesquisa crítica de colaboração. [Vygotsky and intervention research in the school contexto: critical research of collaboration]. In. Liberali F.C.; Mateus E.; Damianovic M.C. A teoria da atividade sociohistórico-cultural e a escola: recriando realidades sociais. [Sociocultural-historical Activity theory and the school: recreating social realities] Campinas: Pontes. 2012. Pp. 13-26.

6. Reily L. Escola Inclusiva: linguagem e mediação**.** [Inclusive school: language and mediation] Campinas: Papirus, 2004.

7. Vygotsky L.S. Defectology and the study of the development and education of abnormal children. In. Rieber, R. W. The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. n.d./1993. pp. 164-172.

8. Vygotsky L.S. Chapter 1: defect and compensation. In. Rieber, R. W. The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. 1924a/1993. pp. 52-64.

9. Vygotsky L.S. Introduction: Fundamental problems of defectology. In. Rieber R.W. The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. 1929/1993. pp. 29-51.

10. Vygotsky L.S. Compensatory processes in the development of the retarded child. In. Rieber R.W. The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. 1931a/1993. Pp. 122-138.

11. Vygotsky L.S. The collective as a factor in the development of the abnormal child. In. Rieber R.W. The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. 1931b/1993. Pp. 191-208.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР ОЦЕНКИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

SOCIAL INEQUALITY AS A FACTOR OF ASSESSMENT OF THE SOVIET PAST

Г.С. Широкалова
Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия
G.S. Shirokalova
Nizhny Novgorod State Agriculture Academy

В курсе социологии мы попросили студентов обсудить с родственниками возможности удовлетворения базовых потребностей человека в СССР и РФ. В тезисах представлен срез исторической памяти поколений, чья социализация происходила в послевоенный период. Коммуникация со свидетелями эпохи формирует эмоциональное отношение к прошлому, но в большей степени его корректируют условия жизни.

During the Sociology course, we asked students to discuss the possibilities of satisfying basic human needs in the USSR and Russian Federation with their relatives. The article presents the historical memory of generations, whose socialization took place in the post-war period. Communication with witnesses of the epoch forms an emotional attitude to the past, but to a greater extent it is adjusted by the conditions of life.

Ключевые слова: потребности, СССР, РФ, студенты, память поколений

Keywords: needs, the USSR, Russian Federation, students, the memory of generations

Материалы социологических исследований – своеобразные сводки с фронтов выживания значительной части россиян. Так, согласно Мониторингу НИУ ВШЭ, большинство населения убеждено, что только государство должно заниматься формированием и регулированием цен на продукты питания. И это объяснимо: за 5 месяцев 2017 г., по данным Росстата, минимальный продуктовый набор в магазинах разных регионов страны подорожал более чем на 9%, а официальный рост инфляции за этот период составил всего 1.7%. Нет доверия к бизнесу в медицине, строительстве, других сферах, затрагивающих интересы россиян. Лишь 3% доверяют частным компаниям [1]. По данным ИС РАН, весной 2017 г. 32% опрошенных сообщили, что сами выращивают продукты на личном подсобном хозяйстве, это на 12% больше, чем в 2014 г. [2]. Растет задолженность по кредитным картам: к концу апреля 2017 г. она составила 1,02 трлн руб. [3].

Снижение качества жизни большинства населения изменяет отношение к советскому прошлому, что проявляется в самых разных показателях. Процитируем работы студентов.

Ш.А.: «Социальная защищенность населения представляет собой историческое явление, постоянно подвергающееся изменениям. Эти изменения я и попросила оценить своих маму (40 лет), папу (40 лет) и двух бабушек (60 и 66 лет). Мои родители рассказали мне, что в Советское время население страны обладало многими благами в социальном плане. Вот некоторые из них: бесплатное образование, причем и среднее и высшее, бесплатное питание и униформа от образовательного учреждения тем, кто получал профессиональное образование, бесплатная медицина. Обеспечение местом работы на летний период во время обучения, бесплатные путевки в лагеря. Кроме того, они подчеркнули такое преимущество в советское время, как огромное множество вакансий, из чего следовало, что после обучения в образовательном учреждении каждому гражданину находилось место на рынке труда. Также они подчеркнули еще одну такую важную деталь, как обеспечение жильем организацией, в которой они работали. Мои бабушки также отметили это благо.

Что касается настоящего времени, то опрашиваемые не отметили такого количества социальных благ. Моя мама отметила такое благо, как страховка от несчастных случаев от организации, в которой она работает (Сбербанк), а бабушки – большой выбор продуктов на полках магазинов, на рынках. В целом мнение всех опрашиваемых о современной ситуации с предоставляемыми благами сошлось, и оно негативное. Бабушки пожаловались на дорогие лекарства и всю медицину в принципе, на маленькие пенсии. Родители – на понижение прожиточного минимума, вследствие чего наша семья не попала под категорию малообеспеченных: по сравнению с предыдущим годом я лишилась социальной стипендии. Итак, можно сказать, что старшее поколение моей семьи негативно относится к социальной политике, действующей на данный момент в нашей стране. При этом бабушки посчитали, что и в Советское время дела обстояли не лучшим образом, а вот родители наоборот отметили, что в те времена народ нашей страны жил лучше, а страна была величественнее и перспективнее».

З.А.: «Наша страна стремительно меняется. Меняется все общество: экономика, люди, образование. Социальная защита в советское время и в современной России тоже значительно отличаются. Если сравнивать систему образования, то можно выделить следующее: система дошкольного образования СССР не только грамотно воспитывала детей, но и помогала молодой маме вести активную жизнь. Школьное образование в Советском Союзе считалось одним из лучших, как и высшее, т.к. было направлено на всестороннее развитие человека. Все образование граждане получали на бюджетной основе в отличие от образования, которое получают в наше время.

Целью общего образования сегодня становится успешная сдача экзаменов в форме ЕГЭ и поступление в вуз, зачастую ради получения «корочки».

Определенные гарантии также обеспечивали профсоюзы – самые массовые общественные организации, объединяющие на добровольных началах рабочих. Членов профсоюзов зачастую отправляли на бесплатное санитарно-курортное лечение, они организовывали лагеря для школьников, студентов. В СССР люди могли приобрести квартиру, не выплачивая таких процентов, которые начисляются по кредитам в наше время».

С.М.: «Вообще под социальной защищенностью понимается конституционное и законодательное обеспечение всего комплекса прав и свобод человека. И до сих пор ведутся споры, хуже или лучше жилось в советские времена. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, я опросила своих родственников: как жили россияне в СССР и как живут сейчас?

Моя прабабушка, труженица тыла, которой исполнилось 90 лет, говорит, что сейчас живется намного лучше: есть пенсия, которой ей хватает, в магазинах огромный выбор продуктов, а не как раньше – пустые полки… Да и медицина её вполне устраивает: она в любой момент может вызвать местного дежурного врача. «Сейчас мы живем в спокойное время, ведь прошел большой промежуток времени, когда наша страна не участвовала напрямую в войне. А все остальное не так важно», – говорит она.

Моя бабушка, которой сейчас 68 лет, напротив, только положительно отзывается о жизни в СССР: бесплатные медицина, образование, 100% трудоустройство после учебы, стабильные цены в магазинах, предоставление всем жилья, продукты только из натурального сырья. «Сейчас, к сожалению, этого нет», – говорит она. «Тогда жилось проще: не было разделения на бедных и богатых. А сейчас богатые не хотят знаться с простыми людьми…»

Моя мама (45 лет) вспоминает: «Все было бесплатно: медицина, образование, кружки; не было безработицы, цены на товары были стабильные, но был большой их дефицит. Зарплату выдавали не деньгами, а мешком сахара или какой-нибудь крупы. И выживай, как хочешь, целый месяц…» [Период 1990-х респондент отнес к советскому времени. – Г.С.Ш.]

Таким образом, есть свои плюсы и минусы, что сейчас, что тогда. Но с уверенностью можно сказать, что в СССР простым людям жилось проще: не было социальных перекосов, коррупции, преступности. И если тогда мы входили в первую десятку по качеству жизни, то теперь входим только в сотню. В нынешней стране падает уровень образования и здравоохранения, увеличивается пенсионный возраст… Но в наших руках изменить все, сделать так, чтобы наша страна справлялась с этими трудностями».

К.А.: «Проведя опрос мамы и бабушки, я узнала, что люди в СССР были обеспечены следующими социальными гарантиями. Во-первых, право на труд рабочего человека было абсолютным. Человека нельзя было уволить из-за

личной неприязни начальника. Наоборот, стимулировали его хорошую работу, заставляли учиться. Даже если предприятие сокращалось, людям обеспечивалось другое рабочее место с аналогичной зарплатой.

Во-вторых, наши родители имели право на абсолютно бесплатное качественное лечение. По рассказам мамы, их семья часто ездила на курортно-санаторное лечение в Крым от предприятия абсолютно бесплатно. Лекарства стоили сущие копейки. Продукты в то время стоили недорого. Моя бабушка, будучи инженером, зарабатывала 200 руб., ей вполне хватало на все нужды.

В-третьих, родители считают, что самым великим завоеванием СССР было бесплатное образование, включая высшее. Стипендии хватало маме на минимальный продуктовый запас. Она говорит, что можно было, хоть и скромненько, но прожить на эти деньги целый месяц. Во время летних каникул мой папа работал в Якутии, зарабатывая там немалые деньги. Так потом он целый год мог прокормить себя и ухаживать за моей мамой.

В-четвертых, предприятия выдавали рабочим и сотрудникам, которые долго и хорошо работали, бесплатно квартиры по очереди. Коммунальные услуги стоили копейки. Также выдавали участки в коллективных садах. Мы с семьей до сих пор наслаждаемся видами Волги на нашей любимой даче, полученной еще бабушкой и дедушкой в СССР.

В-пятых, еще один аспект – это дети. Плюсом была хорошо организованная система яслей, детских садов, кружков. Моя мама до сих пор с радостью вспоминает летние месяцы, проведенные в пионерских лагерях. А моя тетя совершенно бесплатно в знаменитом лагере Артек. И это еще не весь список преимуществ, что давал СССР нашим родителям.

Прошло 25 лет, картина изменилась. Государство теперь не обеспечивает нас, средний класс, рабочими местами, качественными медицинскими услугами. Сегодня не все могут получить бесплатное высшее образование. А о бесплатных путевках в санатории, на курорты сейчас не может идти и речи. Уровень заработной платы понизился, коммунальные платежи зашкаливают, а продукты и одежда стоят баснословных денег. Посещение секций и кружков детьми выливается сегодня в кругленькую сумму для родителей. В наше время должные социальные гарантии имеют только малообеспеченные слои населения, инвалиды, пенсионеры. Средний класс остается малозащищенным. В заключение хочется сказать, что мои родители с удовольствием вернулись бы в СССР, где социальные гарантии и социальная справедливость давали уверенность в завтрашнем дне».

Подведем итоги. Ошибаются ли в своих оценках родственники студентов и они сами? Вновь обратимся к статистике: 10% наиболее состоятельных жителей РФ в 60 раз больше тратят на медицинские услуги, чем 10% наименее обеспеченных граждан. В оплате услуг учреждений культуры разрыв составляет 80 раз, курортов и санаториев – 200 раз. Аналитический центр при Правительстве РФ зафиксировал, что у малообеспеченных граждан на

дополнительное лечение или культурный досуг денег почти не остается после оплаты коммунальных и иных обязательных услуг. Каждому четвертому россиянину даже на коммуналку средств не хватает. Но то же Правительство планирует новый этап снижения уровня жизни [3].

Закономерен вопрос: в чем же причина того, что левые партии, отстаивающие идеалы социальной справедливости, не получают поддержки, соответствующей степени ностальгии о СССР, на выборах? Специфика законодательства? Да. Административный ресурс? Да. Но не менее важен страх повторения «лихих 90-х». Но это вывод уже из другого нашего исследования.

Список литературы

1. Россияне уже массово выступают за госконтроль над ценами на продукты. Режим доступа: http://caravan.ru/novosti/ekonomika/rossiyane-uzhe-massovo-vystupayut-za-goskontrol-nad-tsenami-na-produkty (дата обращения: 02.07.2017).
2. Треть жителей России вернулись к стратегии выживания 90-х. Режим доступа: http://sovross.ru/news/34396 (дата обращения: 31.07.2017).
3. Кохан Е. СМИ: На пенсию пойдет только четверть зарплаты [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://utro.ru/articles/2017/05/17/1327174.shtml (дата обращения: 17.05.2017).

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ / ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПАЦИЕНТАМ: ВОСТРЕБОВАНА, НО ОГРАНИЧЕННО ОКАЗЫВАЕТСЯ[1]

THE PROVIDING OF PSYCHOTHERAPEUTIC / PSYCHOLOGICAL HELP: IS IN DEMAND, BUT IS LIMITED

С.А. Юдин, В.В. Деларю
Волгоградский государственный медицинский университет
S.A. Yudin, V.V. Delaryu
The Volgograd State Medical University

Анкетирование 584 пациентов фтизиатрического профиля и 236 врачей (92 фтизиатров и 144 терапевтов муниципальных районных поликлиник) показало, что, несмотря на восстребованность в психотерапевтической / психологической помощи больных туберкулёзом людей, она оказывается им явно в недостаточном объёме.

[1] В настоящее время для многих лиц, как не имеющих, так и имеющих медицинское образование, понятия «психотерапевтическая» и «психологическая» помощь являются идентичными, поэтому в анкетах для пациентов и врачей использовалось выражение «психотерапевтическая / психологическая помощь».

The questionnaire of 584 patients with tuberculosis and 236 doctors (92 phthisiatricians and 144 physicians) showed, that psychotherapeutic / psychological help in phthisiatry has been necessary, but provided in very limited volume.

Ключевые слова: психотерапевтическая / психологическая помощь, анкетирование врачей и пациентов

Keywords: psychotherapeutic and psychological help, questionnaire of patients and doctors

В работах, выполненных в разных регионах России (Кургане, Перми, Санкт-Петербурге и других), отмечалось, что психотерапевтическая / психологическая помощь в настоящее время несомненно востребована, но ограниченно применяется [1-4] и, по результатам исследования в Волгограде, был сделан прогноз, что «перспектива дальнейшего развития психотерапии с более широким внедрением её в практику здравоохранения в ближайшие годы представляется маловероятной» [4, с. 54]. Спустя 3 года, в том же самом регионе (г. Волгограде) в ходе комплексного изучения реабилитационного процесса во фтизиатрии было проведено анкетирование 584 больных туберкулёзом и 236 врачей (92 фтизиатров и 144 терапевтов муниципальных районных поликлиник). Среди пациентов в возрасте до 60 лет было 505 человек (86.5%), старше – 79 (13.5%); мужчин было 434 (74.3%), женщин – 150 (25.7%); группа инвалидности была установлена 192 пациентам (32.1%): I-я – 11 (1.9%), II – 161 (27.6%), III – 20 (3.4%); 392 пациента (67.1%) не имели группы инвалидности. Среди врачей со стажем работы менее 10-ти лет был 61 человек (25.8%); 10 и более лет – 175 (74.2%). Данное анкетирование позволило, в частности, оценить, насколько широко оказывается психотерапевтическая / психологическая помощь (ППП) при данном социально значимом заболевании (т.е. проверить правильность приведённого выше прогноза).

Мнения врачей были следующими:

- 42.8% (56.5% врачей-фтизиатров и 34% терапевтов общесоматической сети) высказали мнение, что в ППП нуждаются практически все больные туберкулёзом; 25.8% (18.5% и 30.5% соответственно) – около половины больных; 15.7% (13% и 17.4%) – 20-30%; 7,2% (8.7% и 6.3%) – лишь отдельные пациенты и 8.5% (3.3% и 11.8%) затруднились ответить на данный вопрос.
- Однако всего 6.4% специалистов (2.2% среди врачей-фтизиатров и 9% среди терапевтов) ответили, что ППП получают / получали практически все больные туберкулёзом; 3% (2.2% и 3.5% соответственно) – примерно половина больных; 2.1% (2.2% и 2.1%) – 20-30% больных; 60.2% (70.6% и 53.4%) – среди их пациентов никто её не получал или получали единицы; еще 28.3% (22.8% и 32%) затруднились ответить.

Среди самих пациентов о том, что в связи с заболеванием туберкулёзом они нуждаются / нуждались в ППП, высказались 30.1% человек; 59.1% отрицали личную потребность в ней и остальные 10.8% затруднились ответить (т.е. можно отметить несформированность у большинства пациентов установок на получение ППП вследствие характерных для российского общества негативного отношения к ней и, особенно, неготовность платить за данный вид помощи даже вполне доступные суммы). То, что они реально когда-либо получали ППП, отметили 17.3% пациентов; соответственно, подавляющее большинство (82.7%) никогда её не получали.

В целом, основной вывод проведённого исследования – несмотря на несомненную восстребованность ППП во фтизиатрии, она оказывается профильным пациентам явно в недостаточном объёме, что отрицательно сказывается на результатах лечебно-реабилитационного процесса. Это на частном примере (фтизиатрии) подтверждает приведённое выше мнение о маловероятности широкого внедрения психотерапии в практику здравоохранения в ближайшие годы; при этом каких-либо объективных факторов / предпосылок для принципиального изменения ситуации не видится.

Список литературы

1. Деларю В.В. Вопросы психиатрии, наркологии и неврологии в диссертационных исследованиях по социологии медицины // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2013. № 3. С. 78-80.
2. Место психотерапии в современной России / Интервью с Р.К. Назыровым // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2012. № 1. С. 104-105.
3. Узлов Н.Д. Русская антипсихотерапевтическая ментальность // Будущее клинической психологии – 2014. Пермь, 2014. С. 121-127.
4. Уманский С.В. Проблема научности – это кардинальный вопрос существования психотерапии как клинической дисциплины. Это вопрос профессионализма и гуманизма, нравственности и ответственности // Теория и практика психотерапии. 2016. Т.3. № 1. С. 15-22.
5. Деларю В.В., Горбунов А.А. Анкетирование населения, специалистов первичного звена здравоохранения и врачей-психотерапевтов: какой вывод можно сделать о перспективах психотерапии в России? // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2011. №3. С. 52-55.

ДАУНШИФТИНГ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕЛЬ УСПЕХА
DOWNSHIFT AS AN ALTERNATIVE MODEL OF SUCCESS

С.Б. Абрамова
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
S.B. Abramova
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

Рассматривается проблема появления альтернативных моделей успешности в современном обществе. Дается характеристика феномена дауншифтинга с позиции теории девиантного поведения Р. Мертона. Определены основные сценарии дауншифтинга и их проявления в реальных практиках жителей г. Екатеринбурга. Показаны основные причины появления данного явления в России.

The article examines the problem of the emergence of alternative models of success in modern society. The characteristic of the phenomenon of downshifting from the position of the theory of deviant behavior of R. Merton is given. The main scenarios of downshifting and their manifestations in the real practices of residents of Ekaterinburg are determined. The main reasons for the appearance of this phenomenon in Russia are shown.

Ключевые слова: дауншифтинг, успех, карьера, бунт
Keywords: downshifting, success, career, revolt

В обществе существует множество явлений, которые требуют постоянного внимания и изучения. Несмотря на то, что категория «успех» прочно закреплена в повседневности посредством многочисленных дискурсивных и социальных практик, достаточно сложно определить содержание понятия «успех». Часто в представлениях людей понятие успех ассоциируется и с положением в обществе, достижениями, материальным благополучием, и с ощущением счастья, спокойствия. Успех не является чисто социальным феноменом, он растворен в культурном контексте локальных исторических общностей [1]. А это значит, что любые изменения в экономике, идеологии, религии, культуре непосредственно влияют на содержание представлений об успешности и способах ее достижения.

Неоднозначность феномена успеха связана с тем, что это достаточно субъективное понятие. Для человека ценно то, что непосредственно является предметом его устремлений, целей, желаний. Для каждого успех – это нечто глубоко личное, каждый сам выстраивает лестницу своих будущих достижений и выбирает эталон для их сравнительной оценки. С другой стороны,

успешность носит объективный характер, так как представления о показателях успеха часто обусловлены стереотипами и ценностями, устоявшимися в определенной культуре. Существует отличие (а зачастую и противоречие) внешних проявлений успеха (изменение социального статуса, стиля жизни, повышение в должности, рост доходов) и внутреннего ощущения успеха (осознание значимости достигнутых результатов, ощущение личностного роста, внутренняя удовлетворенность жизнью).

В современном мире в качестве альтернативной ценности концепции экономического успеха – материальному преуспеванию – появляются иные смысловые доминанты жизни: счастье, служение, власть, слава, любовь и др. В последнее время получает все большее распространение новое явление – дауншифтинг, которое можно считать альтернативной моделью успеха.

Дауншифтинг – новый и спорный термин, характеризующий последние изменения в социальной структуре общества. Слово дауншифтинг означает добровольный спуск по карьерной лестнице, отказ от работы, связанной с излишним стрессом, ответственностью, отнимающей все свободное время, ради спокойной размеренной жизни. Соответственно, людей, предпочитающих отказ от карьеры в пользу психологического благополучия, называют дауншифтерами [2]. Изучение дауншифтинга актуально, так как в настоящее время стремительно изменяются институционализированные структуры, а времени на адаптацию человека к изменениям практически не остается. Максимум усилий вкладывается в карьерный рост, в то время как «работа над собой» постоянно откладывается. В итоге работа в организации претендует на главенствующую роль в иерархии ценностей своего сотрудника, работа становится монотонной, слишком перегруженной ответственностью и стрессами, а преимущества высокого дохода не кажутся столь весомыми в сравнении с ощущением загнанности, потери важных компонентов собственной идентичности. Модель успешности, которая представлялась «правильной» и единственно возможной, больше не приносит удовлетворения индивиду. Отсюда возникает желание поиска альтернативных стратегий поведения и ценностных приоритетов, способных предоставить индивиду ощущение успешного, а вместе с тем счастливого человека [3].

Изучение данного феномена, а также норм и практик, разделяемых последователями идей дауншифтинга и схожих направлений, может способствовать выявлению и объяснению причин появления напряженности в профессиональных коллективах, семье и обществе в целом, а также прогнозировать возможные изменения в системе трудовых и социальных отношений.

В рамках исследования в Великобритании ученые выделили три основных способа дауншифтинга: 1) снижение рабочих часов, 2) прекращение работы, 3) изменения в карьере с сопутствующим снижением дохода и продолжением учебы [4].

В. Мерзлякова [3] выделяет иные группы сценариев дауншифтинга:

1. предполагающие смену места пребывания (переезд из города в деревню, жизнь на Гоа или Бали);

2. предполагающие смену деятельности (занятие любимым делом);

3. изменение времени, затрачиваемого на работу, увеличение свободы в принятии решений (идеология фриланса или создание собственного бизнеса);

4. планирование «побега» (человек еще не решился на осуществление изменений, но уже почувствовал их необходимость в своей жизни);

5. радикальное изменение стиля жизни, апшифтинг.

И здесь, на наш взгляд, можно провести параллель с теорией девиантного поведения Р. Мертона [5]. Существует некая классическая модель успеха (будем считать, что это «достижительская» западная модель). Но не отрицается наличие альтернативных моделей успеха, в том числе стратегии дауншифтинга. Таким образом, в роли приспособления первого типа (подчинение) будет выступать принятие индивидом традиционной модели успеха, определяемой культурой и существующими нормами в обществе. Приспособлению четвертого типа (отрицание целей и средств), которое ведет к бегству от требований общества, вполне соответствует стратегия дауншифтинга в виде «планирования побега» и апшифтинг. При этом смену места пребывания, смену деятельности и идеологию фриланса можно отнести к приспособлению второго типа (инновация).

Возможно рассматривать не отдельные стратегии дауншифтинга как способы приспособления по Р. Мертону, а попробовать определить место идеологии дауншифтинга в целом в данной теории. С этой точки зрения, дауншифтинг, по Мертону, – это скорее приспособление пятого типа (мятеж), предполагающее отказ и замену новыми целями и стандартами. Дауншифтер на пути к успеху ставит перед собой цель, не связанную с достижением материальных благ, высоким положением в обществе и признание как в «достижительской модели», а семейное благополучие, отсутствие стрессов, другими словами, размеренную спокойную жизнь.

Социолог И. Климов считает, «что в наше время у людей есть большая проблема – они не умеют жить сбалансированно. Говоря об успешной карьере, подразумевается работа с утра до вечера, когда человек забывает про семью, досуг и даже собственное здоровье. Дауншифтеры отказываются от одних целей ради других, часто бросаются из крайности в крайность» [6].

Осознание необходимости в дауншифтинге часто появляется у психологически уставших людей, в результате возникает идея «побега» (бегство от требований общества, по Р. Мертону). Желание оставить все и «убежать» от постоянной суеты, проблем и стрессов возникает у 71% опрошенных жителей Екатеринбурга. Но идея «побега» как один из возможных сценариев дауншифтинга не носит постоянного характера, такие мысли только иногда посещают респондентов. Это подтверждает идею Мертона о том, что приспособление данного типа встречается крайне редко. Б. Дубин объясняет это желанием нормального и устойчивого существования без напряжения и стрессов [7].

В западной прессе в статьях о дауншифтинге часто говорится о женщинах, предпочитающих карьере семью. Как утверждает Guardian [4], семь из десяти британских женщин в возрасте 29 лет жалеют о том, что их матери проводили очень много времени на работе. В свою очередь молодые британки не хотят пойти их путем, а переходят на низкооплачиваемую работу, используя модель ролевых отношений в семье «хозяйка и мать» [8].

Мы выяснили, что 59% жителей мегаполиса также считают, что их родители уделяли мало времени семье, так как много работали. И в связи с этим больше половины опрошенных считают, что они смогли бы отказаться от престижной работы ради семьи. Более того, 34% отмечают, что в своей жизни они когда-либо сознательно отказывались от материальных благ и статуса. Причины те же: желание проводить время с семьей и забота о здоровье, а также осознание того, что в жизни есть что-то большее, чем погоня за деньгами.

Данное явление в России не носит массового характера, скорее можно говорить о потенциальных возможностях сообщества дауншифтеров и об ограничениях его расширения. Мы считаем, что существует, как минимум, две объяснительные модели появления дауншифтинга в России: 1) данная модель успеха заимствована так же, как и достижительская, а ограничения распространения связаны с культурными различиями западной и русской культуры. 2) дауншифтинг – это не просто результат подражания Западу, ценности дауншифтинга более близки российскому обществу, чем карьера, статус и высокие финансовые показатели, а ограничения связаны с кризисным состоянием экономического развития.

Список литературы

1. Согомонов А.Ю. Достижительская культура: теоретическое введение, М: Электронная книга, 2002 [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.edu.ru/text/19152114/ (дата обращения: 12.06.2017).

2. Прихидько А.И. Дауншифтинг как социально-психологический феномен // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. №1(1). [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.psystudy.ru/index.php/num/ 2008n1-1/80-prikhidko1.html (дата обращения: 13.06.2017).

3. Мерзлякова В. Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестник общественного мнения. 2008. №4. С. 33-42.

4. Ward L. Young women no longer want it all Happiness and children come before money and careers. The Guardian, 2005, March [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/society/2005/mar/10/britishidentityandsociety.genderissues (дата обращения: 13.06.2017).

5. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299-313.

6. Зарипова А. Перемена участи // Российская газета. №4707. 16 июля 2008.

7. Дубин Б.В. Семья или успех // Вестник общественного мнения. 1995. № 6. С. 24-27.

8. Острогорский А. Правильная статья о дауншифтинге [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.selfcreation.ru/zhizn/pravilnaya-statya-o-daunshiftinge.html (дата обращения: 11.06.2017).

CHALLENGES IN THE TRANSFORMATION OF WOMEN POTENTIALS IN SUB-SAHARAN AFRICAN REGION: INSIGHT FROM THE PLIGHTS OF WOMEN SUFFERING FROM INTIMATE PARTNER VIOLENCE (IPV) IN NIGERIA

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА ЖЕНЩИН, ПРОЖИВАЮЩИХ В СТРАНАХ АФРИКИ К ЮГУ ОТ САХАРЫ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ ЖЕНЩИН, ПЕРЕЖИВШИХ НАСИЛИЕ СО СТОРОНЫ ИНТИМНОГО ПАРТНЕРА (IPV) В НИГЕРИИ

Bamidele Emmanuel Ola
National Research University Higher School Of Economics, Moscow
Бамиделе Эммануэль Ола
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Москва

Intimate Partner Violence (IPV) is a global public health problem. Forms of IPV include physical, emotional and sexual damage in relationships. Unfortunately, this problem exists in all countries of the world, and Nigeria is no exception. There are variations in forms and prevalence of IPV against women across Nigeria's six geo-political zones (hence GPZ). In this article identified the geo-political zone in which IPV is most prevalent in Nigeria. This article focuses on such issues: identify the geo-political zone in which IPV is most prevalent in Nigeria; measure the influence of spousal relative income on their predisposition to IPV; estimate the role of certain demographic, socio-cultural and economic factors on IPV in Nigeria;

proffer probable recommendations that can ameliorate the plight of women and forestall or greatly reduce the prevalence of IPV against women in Nigeria. The author concentrates on the nationally representative data of the 2013 Nigeria Demographic and Health Survey (NDHS) conducted by the Nigerian National Population Commission (NPC) and ICF Macro.

Насилие со стороны полового партнера представляет собой одну из наиболее серьезных проблем в области общественного здравоохранения. Формами такого насилия выступают физическое, эмоциональное и сексуальное унижение партнера. К сожалению, данная проблема присуща всем странам в мире, не стала исключением и Нигерия. Целью данной работы является исследование форм и степени распространённости данного явления в шести геополитических зонах Нигерии, а также определение факторов риска, которые могут провоцировать насилие со стороны полового партнера. В рамках данной работы автор последовательно решает следующие задачи: определение геополитической зоны в Нигерии с наибольшей степенью распространённости данного явления; влияние относительного дохода супругов на их предрасположенность к проявлению данной формы насилия; оценка роли демографических, социально-культурных и экономических факторов в их связи с проявлениями насилия; выработка рекомендаций по предотвращению или снижению распространенности данного явления в Нигерии. В работе используются данные, представленные в демографическом и медицинском опросе Нигерии (NDHS) 2013 г., проведенного Нигерийской национальной комиссией по народонаселению (NPC) и ICF Macro.

Keywords: women, Intimate Partner Violence, physical damage, emotional damage, sexual damage, Nigeria

Ключевые слова: женщины, насилие со стороны интимного партнера, психологическое насилие, эмоциональное насилие, сексуальное насилие, Нигерия

Introduction

Nigeria is the most populous single black nation on earth and obviously the largest in terms of population and GDP (PPP) in Africa. Notwithstanding, the potential gains of these have not in any least reflected in the lives of the 80.2 million women and girls constituting the current population of Nigeria (Gender Report, 2012). As a matter of fact, these number of humans have relatively lower status compared to their male counterparts, low gender parity, girls averagely are married off almost at puberty in some parts of the country foreclosing chances attaining further education and its attendant potentialities of transforming the lives of these 80.2 million females, about 54 million of these live in rural areas and supply between 60% to 79% of the rural labor force with gross income inequality compared to the male counterparts, and, above all, women suffer worse harmful traditional practices that are known to have both short and long term physical, mental, social and

economic devastating effects on them (Gender Report, 2012). One of such practices includes the Intimate Partner Violence (*simply*, IPV) (WHO, 2012).

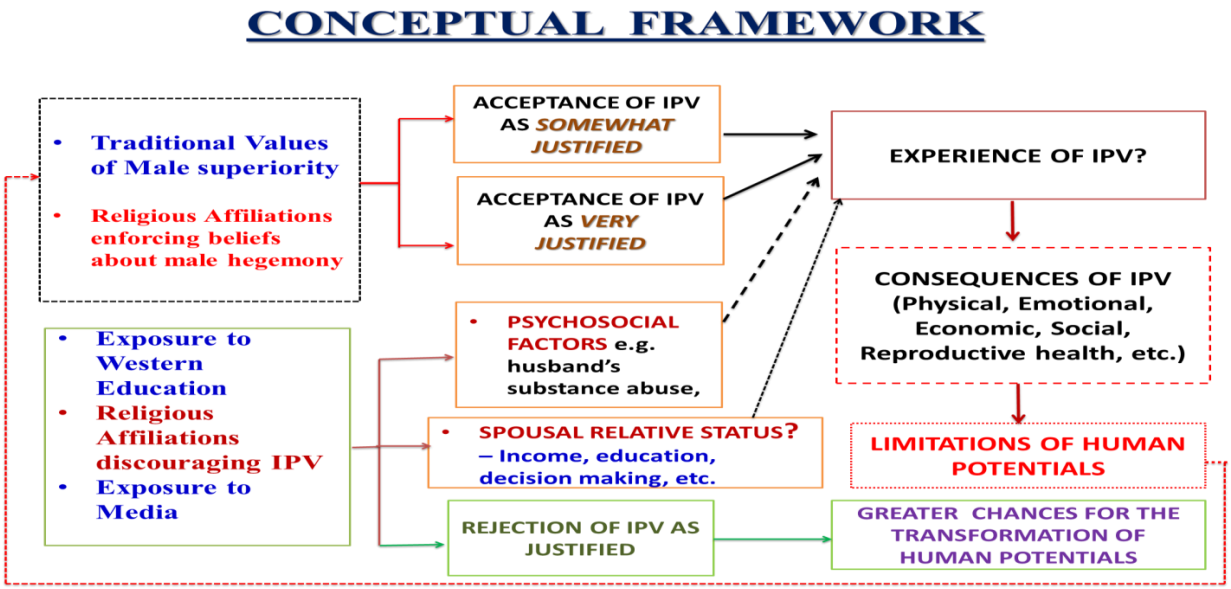
IPV is a global public health problem captured as violence between persons in intimate (mainly heterosexual) relationships, and is mostly perpetrated against women by their intimate spouses or partner. According to WHO Intimate Partner Violence (IPV) can be described as "any behavior within an intimate relationship that causes physical, psychological or sexual harm to those in that relationship" (WHO, 2012). World over, women in abuse relationships suffer various forms of IPV with varying levels of intensity. Forms of IPV include physical, emotional and sexual damage in such relationships. According to a report by WHO (2012), IPV is a major source of about 38% of non-natural deaths among women, depression, resorting to alcohol abuse, severe and less severe physical harms, burns, dislocations, fractures, eye damage, risks of STIs, unwanted pregnancy and abortion, low weight babies (if IPV is against pregnant women) – all with short, long and perhaps life term negative consequences on their victims (WHO, 2012). Sadly, IPV is prevalent in Nigeria (NPC and ICF Macro, 2004, 2008). However, there are variations in forms and prevalence of IPV against women across Nigeria's six geo-political zones (hence GPZ). To this end, this study seeks to measure the prevalence of IPV across Nigeria's six geo-political zones vis-à-vis North Central, North East, North West, South East, South South, and, South West, with a view to answering the questions: How prevalent is IPV across Nigeria's six GPZs? And, what are the risk factors predisposing women to IPV exposure in Nigeria? For sake of emphasis, my research objectives are:

1. To identify the geo-political zone in which IPV is most prevalent in Nigeria,
2. To measure the influence of spousal relative income on their predisposition to IPV,
3. To estimate the role of certain selected demographic, socio-cultural and economic factors on IPV in Nigeria,
4. To proffer probable recommendations that can ameliorate the plight of women and forestall or greatly reduce the prevalence of IPV against women in Nigeria.

Certain factors have already been identified in several studies conducted around the globe as predisposing factors for IPV incidences and prevalence in the country (ies), region (s) or society (ies) studied. Examples of such factors and studies include being in polygynous unions, unemployment and low educational Status, not being in cash paying job, education of Women, gender wage gap, partner's educational status, attitude towards wife beating, alcohol consumption, household wealth index, number of living or dependent children, among others, Kreuz and Rose, 1972; Odujinrin,1993; Archer, 2004; Rani, Bonu and Diop-Sidibe, 2004; Doku and

Asanten, 2015; Gracia, 2004; Rani, Bonu and Diop-Sidibe, 2004; Mann and Takyi, 2006; Gyuse, 2009; Aizer, 2012; WHO, 2012; Iliyasu, et al., 2013; Yoshikawa, et al., 2014; UN, 2015; Batrinos, 2012; Garcia, 2016).

To test the consistency of these factors in the Nigerian case, I employed the nationally representative data of the 2013 Nigeria Demographic and Health Survey (NDHS) conducted by the Nigerian National Population Commission (NPC) and ICF Macro. The NDHS, sponsored by the United States Agency for International Development (USAID), provides relevant data on the prevalence of violence against women (VAW), IPV, domestic violence, and other issues pertinent to women and men (15-49 years) health and general well-being in Nigeria. I employed only the version containing women's self-report of IPV to my research questions and accomplish the set objectives. The 2013 NDHS involved a nationally representative sample of 38,948 women (15-49) selected across 40,680 households. Among these, 27,830 (71.4) were married currently married or living together with a partner. Out of these, a subsample of 27, 634 (unweighted) were selected to answer questions on domestic violence using Strauss (1990) modified version of the Tactics Conflict Scale. Data were described and analyzed in STATA version 13, binary logistic regressions were run and results are presented in Odds Ratio.



This conceptual framework is based on a synthesis of five theoretical postulations – the *Biopsychosocial Model*, the *Socio-Ecological Model*, the *Marital Power theory*, the *Social Learning theory*, and the *Normalization theory*. But they are discussed in greater details in another paper.

My major hypothesis were: (i) Women who have no education will be more exposed to IPV than women who have primary, secondary or higher education – this flows from the theory in literature that low education is associated with IPV exposure (ii) Women who are involved in household decision making are less likely to

experience IPV compared to their counterparts who are not involved in any (iii) Women in the poorest households on the wealth index are more likely to experience IPV than their counterparts in richer households (iv) women who have two or more dependent children are more likely to be exposed to IPV than their counterparts who have no dependent children. Other covariates tested include residence (urban vs rural), religious affiliation, and relative income. My dependent variable was a binary variable – experience of Intimate Partner Violence = 1; no experience = 0. The IPV index was generated as by checking individual responses and generating all affirmative responses on experience of physical, sexual and emotional partner abuse reported by the women separately (see Annex for details of regression result). Women who attest to any is coded 1, while denial equals 0. Similarly, my independent variables include education (no education = 0, primary = 1, secondary =2, higher =3), women's involvement in decision making (No =1; Yes = 2), women's household wealth index (poorest = 1; Poorer = 2; Middle = 3; Richer =4; Richest =5); women's number of dependent children (None = 1; 1-2 = 2; 3-4 =3; 5+ =4), residence (urban =1; rural =2).

Findings shows that among the women, 56% are less than 30 years old, 52% are Muslims, 58% live in rural areas, and 71% are currently married or living together with a partner. There is wide gap in educational attainment between the northern zones and southern zones as a whole 55.1% of northern women compared to only 6.3% of southern zones have had no formal education; the most affected being North West (69.4%) and North East (64.4%). Likewise, the northern zones ranked very low on the household wealth quintiles index as only 7.4% (both NE and NW) and 14.8% (NC) are among the highest quintile compared to 49.8% (SW), 31.9% (SS) and 27.9% (SE) zones in southern Nigeria.

Table 1.1: PREVALENCE AND FORMS OF INTIMATE PARTNER VIOLENCE IN NIGERIA BY REGIONS (USING 2013 NDHS)

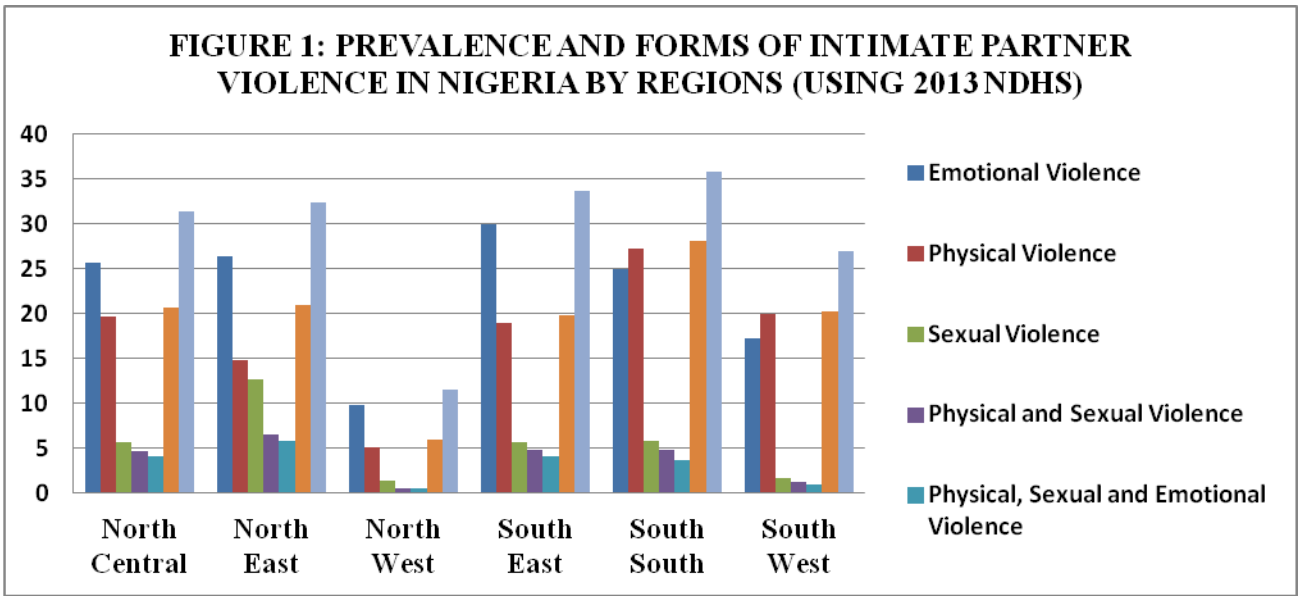
Zone	Emotional Violence	Physical Violence	Sexual Violence	Physical and Sexual Violence	Physical, Sexual and Emotional Violence	Physical or Sexual Violence	Physical, Sexual or Emotional Violence	Number of Ever Married Women
North Central	25.6	19.6	5.7	4.7	4.1	20.6	31.4	2,929
North East	26.4	14.8	12.7	6.6	5.8	21	32.4	3,476
North West	9.8	5.1	1.4	0.5	0.5	6	11.6	7,519
South East	30	18.9	5.7	4.8	4.1	19.8	33.6	1,870
South South	24.9	27.2	5.8	4.9	3.7	28.1	35.8	2,182
South West	17.3	19.9	1.7	1.3	1	20.3	26.9	3,220
TOTAL								21196

Source: NPC and ICF Macro, 2014.

Result of IPV prevalence reveals that one out of every four women has experienced one form of IPV or the other. Women suffering emotional violence topped the list (at 19.2%), followed by physical violence (14.4% – among which the commonest was the spouse "Slapped her" – 12.7%), and sexual violence (4.8%); (see Table 1.1 and Figure 1).

IPV is generally most prevalent in South South GPZ using all the three forms of IPV measured here. However, it is instructive to note that Sexual Violence is most prevalent in North East Nigeria at 12.7%.

Women were asked if they agreed it is right for a man to beat his wife for any of the following five excuses: if she – *burns the food, neglects the children, goes out without telling him, refuses to have sex with him, argues with him*. It is surprising that wife beating received its highest acceptance for at least one reason in North East

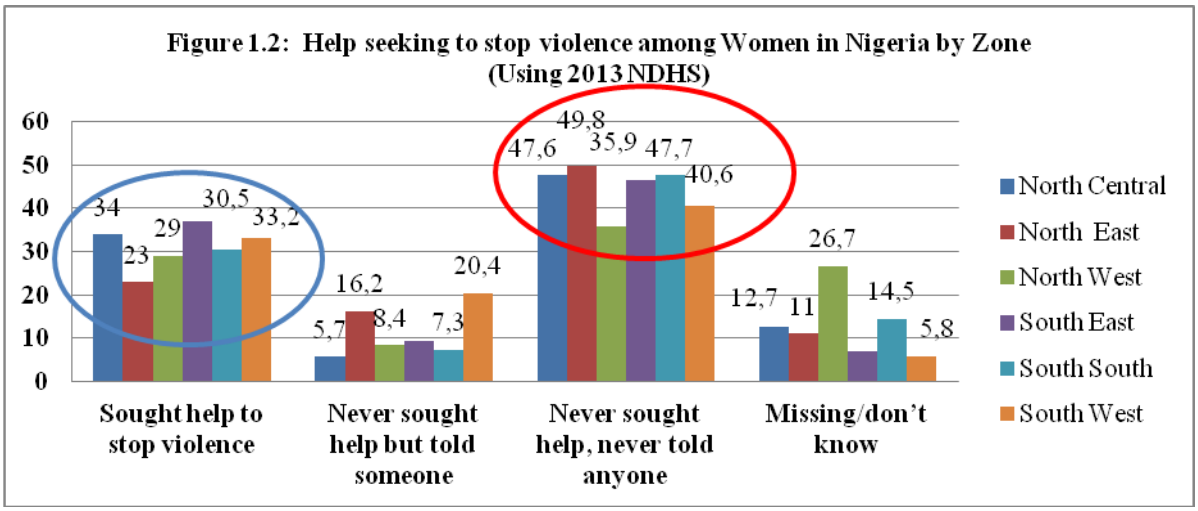


Nigeria (49.6%) and lowest in South West (17.8%).

Further, result of the binary logistic regression model tests fitted show that ever married women in rural areas are (aOR 0.84, 95% CI = 0.714-0.988, $p<0.05$) less likely to experience IPV compared to their counterparts in urban areas. Likewise, women who occupy the poorer category on the household wealth index are more likely (aOR 1.360, 95% CI = 1.033-1.789, $p=0.05$) to experience IPV than women in the poorest wealth index category – more research work, especially qualitative works are needed to understand the dynamics of such relationship. All other groups on the wealth index were not statistically significant, at 95% Confidence Interval. Women who are involved in at least one decision making process were (aOR 0.812, 95 % CI = 0.661-0.999, $p<0.05$) were less likely to experience IPV compared to their counterparts who are not. I found that earning more is associated with higher

likelihood of suffering IPV (aOR 1.442, 95% CI = 1.129-1.842, p<0.01) compared to women who earn less than husband. This result is discussed in greater detail in another paper. However, suffice it to mention that I found a somewhat U-Shape hypothesis in which women who earn more are at (aOR 1.442, 95% CI = 1.129-1.842, p<0.01) more likely, but those who earn about same (aOR 0.669), 95% CI = 0.508-0.881, p<0.01) income are less likely, to experience IPV compared to women who earn less than husbands. The rising question is whether this does mean that husbands/male partners do not want their wives/female partners to earn more than they earn? And that it is safer for women to earn almost as equal as her husband or partner but not any more or less, since earning more exposes her to danger of IPV and earning less exposes her too? It is also surprising that women who have primary education (aOR 3.516, 95% CI = 2.860-4.323, p<0.001) and secondary education (aOR 3.079, 99.9 % CI = 2.527-3.753, p<0.001) are more likely to experience IPV women with no formal education. I found no statistically significant relationship between Higher (Post-Secondary) education attainment and IPV experience in Nigeria.

Finally, women who belong to Islamic religion were (aOR 0.322, 99.9 % CI = 0.242-0.427, p<0.001) less likely to experience IPV compared to women in catholic religion, based on violence reported.



Although, the results shows high prevalence of IPV in Nigeria, the fact remains that IPV incidences are still highly underreported (a well-known global characteristics of IPV, also somewhere posited by Palermo, Bleck, and Peterman, 2014). A quick conformation of this I found using the rate of reporting IPV incidence in each zone in Nigeria. It became evident that many people "*never told anyone*" nor "*sought help to stop violence from any source*" thus raising doubts about the absolute reliance of reports are truly reflective of the situation. If women could for any reason not disclose IPV to anyone, I doubt if all these would break the culture of silence and reveal all needed information they did not reveal to their relatives and friends to

almost, if not altogether, "a stranger-interviewer" irrespective of skills to boost responses such as putting the violence questionnaire module last. Figure 1.2 below shows this culture of silence. I paid attention to North West region where data show IPV is lowest among women and discovered this region also has the highest level (26.7%) of no response to question on help-seeking behavior.

Discussion of findings

IPV is a global public health problem and has negative effect on the well-being of its victims: it undermines their rights as well as physical, mental, social and psychological wellbeing. I have found that women who earn less or more than their husband/partner are more likely to suffer from IPV compared to their counterparts who earn only about same as husband. Whereas, individual household position on the wealth index as well as women's attainment of higher education do not in any way significantly ameliorate their chances of suffering from violence from their partners. These findings are somewhat consistent with the previous findings of Dala (2015) in India where women who earn income were more exposed to suffering abuses from their husband or partners compared to women who were either unemployed or nor earning income. This is also consistent with the findings of Yoshikawa et al. (2010) where women's ranking on the wealth index and opinions do not in any way reduce the likelihood of their being exposed to domestic violence from husband or partner. To this end, perhaps, one should wonder if women's wealth and income matters no longer to boosting self-esteem and possibly attendant prestige from their husbands or may be the men are bent on taking wealth from the women. However, we cannot ascertain this at this level, and neither do I claim causality, notwithstanding, the finding calls for a collective concern.

In addition to this, my study also reveals a significantly strong positive connection between acceptance of IPV as either somewhat- or very-justified by women and its actual prevalence against women in Nigeria. Perhaps, it is arguable that a reverse causality is possible: women accept wife beating as justified because they have for a considerable period of time being subjected to it so much that it is now almost "normal" – a somewhat justification of the "Normalization theory" (See Okenwa-Emegwa, Lawoko & Jansson, 2016[1]).

Conclusion

Intimate Partner Violence (IPV) undermines women's potentialities for transformation and limits their fundamental human objectives in Nigeria, Africa's most populous nation, to this end, understanding its dimensions with a view to ascertaining here it is most prevalent, its prevalent forms, and relative risks factors may be needful and helpful in ameliorating its instances and current prevalence in

[1] Okenwa-Emegwa, L., Lawoko, S., & Jansson, B. (2016), actually employed actual exposure to IPV as a predictive factor for acceptance of wife beating for at least one reason – hence, a reverse causality seems possible.

Nigeria; thus promoting or restoring more dignity to women and girls and ensuring that they also keep up the pace in the level of personal, social and economic development necessary to live a meaningful life now and in near future.

To this end, I have in a novel manner demonstrated how IPV is prevalent across Nigeria's six geo-political zones of Nigeria and found that it is highest in the Nigeria South South GPZ and lowest in North West GPZ, (whereas sexual violence is most prevalent in North East GPZ). Almost half of the respondents in North East GPZ agree that IPV is justified for at least one reason; justification is least in the South West zone. A number of factors have been found associated with IPV prevalence. To this end, it is recommended that the government and other stakeholders intervene in promoting more female education, thus raising self-esteem among girls – this should be pursued as a long term goal. Very immediate intervention should focus on value reorientation especially among men on the value of women. This could prove to be somewhat helpful in stemming, if not eradicating, instances and prevalence of IPV in Nigeria.

References

1. Aizer A. (2010). The gender wage gap and domestic violence. The American economic review, 100(4), 1847.
2. Archer J. (2004). Sex differences in aggression in real-world settings: a meta-analytic review. Review of general Psychology, 8(4), 291.
3. Batrinos M.L. (2012). Testosterone and aggressive behavior in man. International journal of endocrinology and metabolism, 10(3), Pp. 563-568.
4. Dalal K. (2011). Does economic empowerment protect women from intimate partner violence? Journal of injury and violence research, *3*(1), 35.
5. Dobash R.E., & Dobash, R. (1979). Violence against wives: A case against the patriarchy (Pp. 179-206). New York: Free Press.
6. Doku D.T., & Asante K.O. (2015). Women's approval of domestic physical violence against wives: analysis of the Ghana demographic and health survey. BMC women's health, 15(1), 120.
7. Dorey-Stein C., (2015). "A Brief History: The Three Waves of Feminism". Progressive Women Leadership, September 22, 2015. Retrieved this 11th February, 2017. Access: https://www.progressivewomensleadership.com/a-brief-history-the-three-waves-of-feminism/
8. Okenwa-Emegwa L., Lawoko S., & Jansson B. (2016). Attitudes Toward Physical Intimate Partner Violence Against Women in Nigeria. SAGE Open, 6(4), 2158244016667993. Retrieved this 5th May, 2017. Access: http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244016667993
9. Gracia E. (2004). Unreported cases of domestic violence against women: Towards an epidemiology of social silence, tolerance, and inhibition.
10. Gyuse A.N., & Ushie A.P. (2009). Pattern of domestic violence among pregnant women in Jos, Nigeria. South African Family Practice, *51*(4). Pp.343-345.

11. Iliyasu Z., Abubakar I.S., Galadanci H.S., Hayatu Z., & Aliyu M.H. (2013). Prevalence and risk factors for domestic violence among pregnant women in northern Nigeria. Journal of interpersonal violence, 28(4). Pp. 868-883.

12. Kreu L.E., & Rose R.M. (1972). Assessment of aggressive behavior and plasma testosterone in a young criminal population. Psychosomatic Medicine, 34(4), Pp. 321-332.

13. Mann J.R., & Takyi B.K. (2009). Autonomy, dependence or culture: examining the impact of resources and socio-cultural processes on attitudes towards intimate partner violence in Ghana, Africa. Journal of Family Violence, 24(5). Pp. 323-335.

14. National Population Commission [Nigeria] and ICF International. 2014. Nigeria Demographic and Health Survey 2013. Rockville, Maryland, USA: National Population Commission and ICF International.

15. Odujinrin O. (1993). Wife battering in Nigeria. International Journal of Gynecology & Obstetrics, 41(2). Pp. 159-164.

16. Palermo T., Bleck J., & Peterman A. (2014). Tip of the iceberg: reporting and gender-based violence in developing countries. *American journal of epidemiology*, *179*(5). Pp. 602-612.

17. Rani M., & Bonu S. (2009). Attitudes toward wife beating a cross-country study in Asia. Journal of interpersonal violence, 24(8). Pp. 1371-1397.

18. United Nations (1993). General Assembly Declaration on the Elimination of Violence Against Women of 1993. A/RES/48/104. 85th plenary meeting. 20 December 1993, retrieved this 11th February, 2017. Access: http://www.un.org/documents/ga/res/48/a48r104.htm.

19. United Nations. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women New York, 18 December 1979. Retrieved this 8th of April,2017 from http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CEDAW.aspx.

20. United Nations (2017). The Universal Declaration of Human Rights. Retrieved this 8th of April, 2017. Access http://www.ohchr.org/EN/UDHR/Pages/UDHRIndex.aspx.

21. United Nations Statistics Division (2015). The World's Women 2015: Trends and Statistics, Retrieved this 11th February, 2017. Access http://unstats.un.org/unsd/gender/worldswomen.html.

22. World Health Organization. (2012). Understanding and addressing violence against women: Intimate partner violence. Retrieved 19 April, 2017. Access: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/77432/1/WHO_RHR_12.36_eng.pdf.

23. Yoshikawa K., Shakya T.M., Poudel K.C., & Jimba M. (2014). Acceptance of Wife Beating and Its Association with Physical Violence towards Women in Nepal: A Cross-Sectional Study Using Couple’s Data. PloS one, 9(4), e95829.

24. Yount K.M., Halim N., Schuler S.R., & Head S. (2013). A survey experiment of women’s attitudes about intimate partner violence against women in rural Bangladesh. Demography, 50(1). Pp. 333-357.

ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В БРАХМАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВАРНОВОГО УСТРОЙСТВА ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

REASONING OF SOCIAL INEQUALITY ACCORDING TO BRAHMANICAL CONCEPT OF THE ORGANIZATION OF ANCIENT INDIAN SOCIETY

Я.В. Безносова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Ya.V. Beznosova
Lobachevsky University

Анализируются концепции социального устройства древнеиндийского общества в интерпретации брахманизма – ортодоксального религиозно-философского течения Древней Индии. Основное внимание уделяется проблеме социального неравенства согласно указанной концепции. Предпринимается попытка вывести идею о необходимости социального неравенства из концепции системного устройства мироздания.

Article is devoted to the analysis of the concept of the social structure of ancient Indian society according to brahmanism – an orthodox religious and philosophical current of Ancient India. The main attention is paid to a problem of social inequality according to the concept. Attempts to bring the idea of the necessity of social inequality from the concept of the system organization of the universe.

Ключевые слова: древняя Индия, дхармашастры, варна, брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры, социальное неравенство

Keywords: ancient India, dharmaśāstras, varna, brahmans, kshatriyas, vaisyas, shudras, social inequality

Впервые указание на сословное деление древнеиндийского общества встречается в древнейшем памятнике индийской литературы – священном тексте «Ригведа», в одном из гимнов которого излагается миф о происхождении четырех сословий (варн). Согласно данному мифу, первозданный человек Пуруша был принесен в жертву богами, в результате чего из различных частей тела божественной жертвы возникли четыре варны: из уст Пуруши появились брахманы, из его рук – кшатрии, из бедер – вайшьи, из ступней – шудры (Ригведа, X. 90) [1]. Идея, заложенная в мифе, легла в основу социальной стратификации древнеиндийского общества.

Высшая ступень социальной иерархии отводилась брахманам, которые, как свидетельствует миф, происходили из самой «чистой» части тела Пуруши – его уст. Считалось, что устами брахманов говорят сами боги. Благополучие человека зависело от богов, а узнать их волю и воздействовать на неё могли

лишь жрецы. Только они имели право знакомить остальных со священными текстами, совершать жертвоприношения и важнейшие обряды, за что получали щедрое вознаграждение. Последнее, в свою очередь, обеспечивало им влияние на общественную и политическую жизнь страны. Так, с придворным жрецом пурохитой советовался при принятии решений сам глава государства. Существовали различные типы профессиональных жрецов: полулегендарные риши, или провидцы, которым приписывалось создание ведийских гимнов, а также те, кто непосредственно участвовал в проведении ритуалов путем чтения гимнов, совершения необходимых действий во время обряда [2, с. 14].

Вторая варна – варна кшатриев – представляла собой правящее сословие. Главой государства становился, как правило, кшатрий, высшие правительственные, особенно военные, посты в центре и на местах занимали кшатрии, они же получали основную массу добычи после успешных сражений. Им принадлежали крупные земельные владения. Иными словами, в руках кшатриев сосредоточивалась военная, политическая и экономическая власть [3, с. 48].

Третья варна вайшьев была представлена полноправными свободными общинниками, занятыми в сфере земледелия и скотоводства. Они являлись основным податным сословием, средства с которого собирались на содержание государственного аппарата и жречества. Однако в экономическом отношении вайшьи были вполне самостоятельны, обладая, в частности, правом на владение землей. Играли они и некоторую роль в государственном управлении [4, с. 173].

Первые три варны считались дваждырожденными. Предполагалось, что вторично они рождались при обряде посвящения (упанаяна), когда на них возлагался священный шнур и они считались принятыми в арийское общество. У разных варн существовал различный возраст, с наступлением которого следовало проходить указанную церемонию: у брахманов – 8 лет, у кшатриев – 11, у вайшьев – 12.

Представители четвёртой варны – шудры – не проходили обряда посвящения, что лишало их многих прав. В отношении них был установлен ряд строгих религиозных запретов: им запрещалось изучать Веды и даже слушать их, участвовать в отправлении общинного культа и в жертвоприношениях богам вместе с дважды рожденными и т.д. Шудра не мог занимать ответственных должностей в государственном управлении, был лишен экономической самостоятельности. В дхармашастрах неоднократно повторяется, что шудры должны находиться в услужении у дваждырожденных [5, с. 73].

Согласно древнеиндийским трактатам дхармашастрам, которые являются отражением религиозно-философского и политико-правового учения брахма-

низма, членам каждой варны в своём повседневном поведении необходимо было руководствоваться установленной для них дхармой, то есть следовать определенному образу жизни, что предполагало занятие определенным видом деятельности, а также соблюдение религиозных, моральных, правовых предписаний, различных для каждой варны.

Дхармашастры указывают, что дхарма для брахмана – обучение других, совершение жертвоприношения для жертвователей, получение даров, для кшатрия – охрана подданных (владение оружием, защита земли), для вайшьи – земледелие, скотоводство, торговля, ростовщичество, для шудры – служение дваждырожденным. И для всех дваждырожденных – жертвоприношения для себя, изучение Вед и раздача даров [6].

Вместе с тем, существовала и общая дхарма, которой необходимо было следовать в равной степени всем членам общества без исключения. Она предполагала ведение образа жизни, основанного на непричинении вреда, правдивости, нестяжательстве, чистоте, обуздании чувств, щедрости, самообладании, сострадании, терпении, почитании богов, отсутствии зависти, алчности и др. [7, с. 37].

Согласно брахманизму, исключительно путём следования общей и своей собственной дхарме можно было достичь «в этом мире славы, а после смерти – наивысшего блаженства» [6].

Вместе с тем, получение личных благ не было единственной целью, ради которой требовалось соблюдение дхармы. Брахманизм учит, что надлежащее исполнение дхармы поддерживает гармонию и баланс во всей Вселенной, обеспечивает её стабильное существование: «Дхарма нарушенная губит, дхарма сохраненная – охраняет, поэтому дхарма не должна быть нарушаема, чтобы нарушенная дхарма не покарала нас» [6]. Данная мысль является прямым следствием сложившейся в ведизме и нашедшей своё продолжение в брахманизме системной концепции о мироустройстве. Согласно данной концепции, мир представляет собой систему, где каждый элемент находится на своём месте, играет свою, определенную именно для него роль, имеет свой определенный участок ответственности в поддержании общей вселенской гармонии [8, с. 103]. Проецируя данную концепцию на систему варнового устройства древнеиндийского общества, можно сделать вывод, что каждый член общества рождается в той или иной варне, становится на высшую или низшую ступень социальной иерархии не случайно, а потому, что это необходимо для гармоничного функционирования Вселенной. Все члены общества отличаются между собой по своим умственным и физическим способностям, качествам своего характера. Одни имеют способности к высоко интеллектуальной, духовной деятельности, другие к тяжелому физическому

труду, но и те и другие одинаково необходимы для обеспечения сбалансированного функционирования Вселенной. На практике указанный баланс будет обеспечиваться в том случае, если каждый член общества будет следовать предписанной ему дхарме своей варны. «А для сохранения всей этой Вселенной, Он, Пресветлый, для рожденных от уст, рук, бедер и ступней установил особые занятия…» [6], – гласит дхармашастра Ману, подразумевая под установлением особых занятий дхарму отдельных варн. При этом устанавливается строгий запрет на исполнение дхармы не своей варны. Следование чужой дхарме будет означать посягательство на изначально установленный «свыше» порядок, что приведет к дисгармонии во Вселенной. В связи с этим дхармашастра Ману гласит: «Лучше плохо исполненная своя дхарма, чем хорошо исполненная чужая» [6].

В свете вышесказанного показателен изложенный в дхармашастре Вишну миф о сотворении Земли. Данный миф гласит, что некогда бог Вишну сотворил Землю и все живые и неживые существа на ней, после чего «ушёл путем, не постижимым для людей». Тогда Земля задумалась над тем, кто будет её поддерживать, отыскала Вишну и задала ему этот вопрос, после чего Вишну ответил следующее: «Добродетельные люди, преданные тому образу жизни, который соответствует варне и ашраме, те, для кого только шастры являются высшим, тебя, о Земля, поддержат, на них покоится твоё бремя», и изложил Земле вечные дхармы варн [9, с. 78].

Таким образом, идея социального неравенства древнеиндийского общества, являясь органичной частью общих представлений брахманизма о системном устройстве мироздания, обосновывалась необходимостью особой роли каждого из сословий в обеспечении гармоничного функционирования Вселенной.

Список литературы

1. Ригведа [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://scriptures.ru/vedas/rigveda.htm (дата обращения: 02.06.2017).

2. Безносова Я.В. Дхармашастры как источники изучения древнеиндийского общества: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Соц. науки. 2014. № 2(34). С. 13-17.

3. Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. М.: «Мысль», 1973. 596 с.

4. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М.: «Наука», 1985. 758 с.

5. Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия. История и культура. СПб: «Алетейя», 2001. 288 с.

6. Законы Ману / Перевод С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html (дата обращения: 03.06.2017).
7. Самозванцев А.М. Книга мудреца Яджнавалкьи. М.: «Восточная литература», 1994. 376 с.
8. Успенская Е.Н. Антропология индийской касты. СПб: «Наука», 2010. 558 с.
9. Вишну-смрити / Пер. с санскр., преисл., коммент. и прил. Н.А. Корнеевой. М.: «Восточная литература», 2007. 421 с.

ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

FACTORS OF DELINQUENT BEHAVIOR IN ADOLESCENCE: LITERATURE REVIEW OF FOREIGN STUDIES

О.А. Белобрыкина, Р.А. Лимонченко
Новосибирский государственный педагогический университет
O.A. Belobrykina, R.A. Limonchenko
Novosibirsk State Pedagogical University

Представлен обзор современных зарубежных исследований, посвященных проблеме делинквентного поведения в подростковом возрасте. Среди множества факторов доминирующим признается слабо развитая эмпатия подростка.

The literary review of the modern foreign researches devoted to a problem of delinkventny behavior at teenage age is presented in article. Among a set of factors poorly developed empathy of the teenager admits dominating.

Ключевые слова: делинквентность, подростковый возраст, эмпатия, амплификация эмоций

Keywords: delinquency, adolescence, empathy, amplification of emotions

Современные тенденции – компьютеризация, пропаганда асоциального образа жизни, культивирование потребительских установок, формализация межличностных отношений пагубно сказываются на социально-психологической активности в детском возрасте, когда доброжелательные отношения необходимы и важны для полноценного развития человека как социального субъекта [1]. Препятствия, возникающие в процессе становления личности и обогащения ее психологического потенциала, могут значительно ухудшить качество жизни детей в будущем.

Девиантное поведение определяется в отечественной и зарубежной науке как поведение, значительно отклоняющееся от социальных норм, присущих конкретной социальной группе [1-4]. Одним из видов девиантного поведения обозначается делинквентное – незаконное (illegal) поведение детей (в ряде стран по законодательству до 18 лет), являющееся преступным (criminal) для взрослых и нарушающее правовой статус ребенка (например, побеги из дома) [3-5]. По данным C. Sanches, M. Gouveia-Pereira, J. Marôco и H. Gomes, разнообразие девиаций среди делинквентных мальчиков (вранье; прогулы школьных занятий; пользование общественным транспортом без оплаты; употребление алкоголя, наркотиков; ношение оружия; угон транспорта и т.д.) начинает возрастать от предподросткового период (12-13 лет), достигая пика к 16 годам; в последующие годы количество девиаций (по качественному содержанию) либо стабилизируется, либо уменьшается [3].

Среди условий, предрасполагающих к возникновению правонарушений, исследователи: а) *биологические* (импульсивность и неуравновешенность как темпераментально детерменированные свойства личности; расстройства когнитивных функций, их генетическая отягощенность; личностные расстройства из-за хромосомных аномалий); б) *социальные* (состав семьи, её экономический статус, условия воспитания; распространённость преступности в микросреде; нарушения социальных связей; академические неудачи в школе) [5-9]. Например, в исследовании O. Cutrín, J.A. Gómez-Fraguela, L. Maneiro и J. Sobral выявлено, что отсутствие у родителей знаний об особенностях формирования и реализации активности подростков, родительской поддержки и частые детско-родительские конфликты имеют тесную связь с асоциальным поведением (в разных формах и уровнях проявления жестокости) в среднем подростковом возрасте (14-16 лет). Менее выражена данная связь в старшем подростковом (17-19 лет) возрасте, так как в этот период большее влияние на поведение начинают оказывать группы девиантных сверстников [8]; в) *психологические* (особенности характера, я-концепции, социального познания, морального развития; искажения потребностей и т.д.).

Наиболее значимыми психологическими факторами возникновения делинквентного поведения, по мнению исследователей, являются недостаточно развитые способности аффективной регуляции, регистрации собственных чувств («mentalization» [5]), эмпатии, преобладание переживания негативных эмоций. K. Kõiv показала, что делинквентные подростки имеют более негативную эмоциональную самооценку (emotional self-concept) Я-настоящего, Я-идеального, Я-социального (того, как подростка, по его мнению, оценивают окружающие), чем их сверстники с социально приемлемым поведением. Данные образы характеризуются как более агрессивные, злые, презрительные,

неодобрительные, жалостливые (remorse [4]), менее радостные и позитивные. Анкетирование подростков, заключенных в тюрьмах для несовершеннолетних более, чем на 1 месяц, позволило S. Kim, H. Kim, D.-C. Seo, D.H. Lee и H.-I. Cho выделить актуализацию депрессивных мыслей о будущем и восприятие себя несчастным (unhappy) как причины возникновения суицидальных мыслей у делинквентных подростков [10]. S. Ashraf, S. Khalid и F. Ahmed полагают, что эмпатия является основной детерминантой просоциального поведения, а различные формы антиобщественного поведения связаны с нарциссическим расстройством личности и сохранением эгоцентризма у подростков, которое в норме присуще младшим возрастным этапам. Авторами была обнаружена отрицательная взаимосвязь между развитостью эмпатии и делинквентностью в подростковом возрасте [2]. Рассматривая два компонента эмпатии (*когнитивный* – способности распознавать эмоции других людей и *аффективный* – способности испытывать эмоции других людей), S. Milojević и A. Dimitrijević в ходе исследования пришли к выводу, что у осужденных подростков менее развит когнитивный компонент. Ими выявлено, что испытывая сложности в идентификации чужих эмоций, делинквентные подростки могут испытывать эмпатию в той же степени, что и подростки с социально приемлемым поведением, к людям, находящимся в беде или нуждающимся в помощи, но при этом сама форма помощи может носить асоциальный характер (из-за оценки действий, не противоречащих собственным интересам и трактуемых как позволительные) [5].

F. Fariña, M.J. Vázquez и R. Arce сравнили психологические характеристики делинквентных подростков, дифференцированных на группы: 1-ая группа – *осужденные за жестокие преступления* (убийство/убийство по неосторожности, покушение на убийство, сексуальное насилие, кража с применением насилия, вооруженное ограбление, буллинг); 2-ая группа – *за не жестокие преступления* (причинение незначительного вреда здоровью других людей, кражи со взломом, порча чужого имущества); 3-ья группа – *первично осужденные*; 4-ая группа – *повторно осужденные (рецидивисты)*. При сравнении не выявлено различий между группами по таким показателям: степени выраженности эмоционального интеллекта (когнитивных способностей, влияющих на осознание и понимание своих чувств и чувств других людей); стратегии преодоления трудностей; степени переживания стрессовых ситуаций. Различия были обнаружены между первично осужденными и рецидивистами. В частности, повторно осужденные обладают более выраженными недисциплинированностью и неблагоприятным отношением к школе, социальной и школьной дезадаптацией, менее выраженным самоконтролем в межличностных конфликтах [11].

Краткий обзор современных зарубежных исследований позволяет в качестве основного фактора возникновения делинквентного поведения рассматривать низкую эмпатийность подростков, обусловленную трудностями в определении эмоционального состояния других людей, и доминирующей направленностью на собственные негативные переживания и мысли. Очевидно, что существует риск усугубления социальной дезадаптации таких подростков, расширения форм девиаций (от нежестоких к жестоким), появления суицидальных намерений. В связи с этим приоритетной задачей социально-психологического сопровождения выступает амплификация эмоциональной сферы подростков с делинквентным поведением.

Список литературы

1. Кошенова М.И. «Проблемные зоны» сохранения психологического и социального здоровья школьников в период подростничества // Инновации в медицине, психологии и педагогике: Материалы VII Международной научно-практической конференции (Вьетнам, Муй Нэ, 27 апреля – 7 мая 2016 г.) / Под науч. ред. М.Г. Чухровой, О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Немо Пресс, 2016. С. 229-234.
2. Ashraf S., Khalid S., Ahmed F. A Study of emotional empathy and delinquency //European Scientific Journal. 2014. Special edition. August. Pp. 385-395.
3. Sanches C., Gouveia-Pereira M., Marôco J., Gomes H., Roncon F. Deviant behavior variety scale: development and validation with a sample of Portuguese adolescents // Psicologia: Reflexão e Crítica. 2016. Vol. 29. Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1186/s41155-016-0035-7 (дата обращения: 26.06.2017).
4. Kõiv K. Perceived multiple emotional self-concepts in groups of juvenile delinquents and nondelinquents // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 217. Pp. 49-56.
5. Milojević S., Dimitrijević A. Empathic capacity of delinquent convicted minors // PSIHOLOGIJA. 2014. Vol. 47. № 1. Pp. 65-79.
6. Kenchadze E. Delinquent behavior, its characteristics and determining factors // European Scientific Journal. 2015. Special edition. April. Pp. 71-74.
7. Kenny D.T., Blacker S., Allerton M. Reculer Pour Mieux Sauter: A Review of Attachment and Other Developmental Processes Inherent in Identified Risk Factors for Juvenile Delinquency and Juvenile Offending // Laws. 2014. Vol. 3. № 3. Pp. 439-468.
8. Cutrín O., Gómez-Fraguela J.A., Maneiro L., Sobral J. Effects of parenting practices through deviant peers on nonviolent and violent antisocial behaviours in middle- and late-adolescence // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. 2017. Vol. 9. № 2. Pp. 75-82.

9. Aderanti R.A., Williams T.M., Womiloju A. Socio-personalogical factors as determinants of antisocial behaviours among adolescents in Ikenne, Ogun state // European Scientific Journal. 2015. Vol. 11. November. Pp. 323-332.

10. Kim S., Kim H., Seo D.-C., Lee D.H., Cho H.-I. Suicidal Ideation and its Correlates among Juvenile Delinquents in South Korea // Osong Public Health and Research Perspectives. 2014. Vol. 5. № 5. Pp. 258-265.

11. Fariña F., Vásquez M.J., Arce R. Is Offence Severity and the Chronicity of Juvenile Delinquency Mediated by Cognitive-Behavioural Competence? // Universitas Psychologica. 2014. Vol. 13. № 3. Pp. 15-27.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF A DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY IN THE NORTH CAUCASUS IN MODERN CONDITIONS

В.А. Берковский
Ставропольский государственный педагогический институт
V.A. Berkovsky
Stavropol State Pedagogical Institute

Представлены дискуссионные оценки перспектив развития демографических процессов в современном российском обществе. Обосновываются причины, обусловливающие миграционные и демографические процессы в регионах Северного Кавказа. Предлагаются приоритетные направления государственной политики в сфере улучшения демографической ситуации в стране.

The article presents a controversial assessment of the prospects of development of demographic processes in contemporary Russian society. The reasons that lead to migration and demographic processes in the regions of the North Caucasus. Suggests priority directions of the state policy in the sphere of improvement of the demographic situation in the country.

Ключевые слова: демографический подъем, демографический процесс, естественный прирост населения, миграционный отток, миграционные потоки, миграционный обмен, миграционный процесс

Keywords: demographic growth, population, natural population growth, migration flow, migration flows, migration exchange, migration process

Современные исследователи выделяют две перспективы развития демографических процессов в современном российском обществе. Согласно первой гипотезе, которую условно можно назвать «цивилизационно-

эволюционной», в ближайшей перспективе Россию ждет демографический подъем, который произойдет в результате социально-экономического роста, улучшения условий проживания максимального числа граждан. В результате Россия будет находиться в одном ряду с развитыми государствами мира, вкладывая ресурсы в будущее нации.

Согласно второй перспективе, название которой можно определить как «прорыв в медицинских технологиях», в будущем произойдет прорыв в медицине, будут найдены причины развития хронических заболеваний и методы их лечения, что в значительной степени улучшит здоровье нации. Это повысит продолжительность жизни, качественные медицинские услуги станут доступны широким слоям населения. При таком развитии событий средняя продолжительность жизни достигнет в среднем восьмидесяти лет. Данная перспектива приведет к существенному снижению уровня смертности за счет повышения качества предоставляемых медицинских услуг.

Соответственно, мониторинг различных перспектив демографических процессов, исходит из гипотезы, согласно которой в стране будут созданы стабильные социально-экономические условия для постепенного снижения уровня смертности и роста продолжительности жизни.

Демографические проблемы России признаются как основополагающие, поскольку оказывают непосредственное влияние на качественные характеристики дальнейшего развития страны, экономический рост, обороноспособность, интеллектуальный потенциал нации. В настоящее время в стране разработаны и реализуются долгосрочные программы в сфере охраны здоровья, повышения рождаемости, снижения уровня смертности, что является своего рода гарантией достижения необходимых цивилизованных параметров увеличения продолжительности жизни, а в случае их достижения, обратный процесс становится невозможен, что доказано мировым опытом.

На Северном Кавказе естественный прирост населения направлен на компенсацию его снижения по причине миграционного оттока. Во всех республиках продолжается интенсивный выезд русского населения, который напрямую связан с проблемами межэтнического характера. Примерно для 30 субъектов РФ характерен миграционный отток населения. Для республик Северного Кавказа степень миграционных потоков стоит наиболее остро. Последствия национальных конфликтов и неблагоприятное социально-экономическое развитие отдельных территорий приводит к формированию необычно высокого коэффициента интенсивности межрегионального обмена. Северный Кавказ является довольно замкнутым в миграционном и демографическом отношении регионом страны. Миграционный обмен протекает, не выходя в основном за пределы двух округов: Южного и Северо-

Кавказского. В основе миграционных оттоков населения лежит этнический фактор и география расположения региона миграции [1].

Можно выделить следующие причины, обусловливающие миграционные процессы в Северном Кавказе: неравномерность социально-экономического развития регионов; низкая инвестиционная привлекательность; теплый климат, море, курортная зона позволяют развивать многие отрасли экономики, сферы обслуживания, что составляет систему заработков как для местного населения, так и для мигрантов.

В целях обеспечения безопасности страны миграционные процессы в Северном Кавказе должны иметь управляемый и контролируемый характер. Это связано, в первую очередь, с особым геополитическим расположением региона, обеспечивающим выход в Закавказье и Ближний Восток. Миграционные потоки внутри страны нельзя оставлять без пристального внимания государства. Между регионами должны приниматься соглашения о трудовой миграции. Необходимо на уровне регионов проводить политику интеграции мигрантов в местное сообщество путем формирования толерантности, уважения к обычаям, традициям местного населения. Это поможет избежать этнических конфликтов. В республиках Северного Кавказа необходимо остановить выезд русского населения, по возможности решить проблему их возвращения в места прежнего проживания [2].

В настоящее время в субъектах РФ разрабатываются региональные программы, направленные на улучшение демографической ситуации. Однако во многих программах отсутствует методологическая основа.

– Необходима четкая структура демографической проблемы. Здесь представляется необходимым выделить отдельные разделы, посвященные таким демографическим проблемам, как рождаемость, смертность, миграция.

– Необходим выбор четкого инструментария исследования проблем смертности, четкого определения средней продолжительности жизни, при этом необходимо учитывать гендерный аспект данной проблемы.

– При анализе демографической ситуации в регионе необходим сравнительный метод, позволяющий выделить общее и особенное в демографическом опыте страны в целом и регионов, в частности. Использовать весь предыдущий положительный демографический опыт других регионов, стран.

Важнейшей задачей должен стать рост средних показателей продолжительности жизни. Для этого необходимо определить приоритетные направления в сфере охраны здоровья. Создавать на региональном уровне программы по преждевременному выявлению у детей и подростков онкологических заболеваний, что поможет уменьшить детскую смертность.

Проводить диагностику детей и подростков по выявлению заболеваний, влияющих на репродуктивное здоровье.

Целесообразно проводить политику, направленную на ограничение потребления алкоголя. Для этого необходимо осуществлять контроль качества алкогольной продукции, ужесточить наказания за производство и сбыт суррогатного алкоголя, проводить профилактические беседы о вреде алкоголя среди студентов и школьников.

В настоящее время наблюдается рост самоубийств в молодежной среде. В связи с этим необходимо активизировать оказание психологической помощи населению, развивать систему телефонов доверия для подростков, проводить в школах регулярные профилактические беседы социальных психологов, социальных педагогов с учениками по выявлению психологического состояния школьников, периодически проводить социологические опросы, эксперименты, психологическое тестирование по определению морально-психологического климата в коллективе.

В целях стимулирования роста рождаемости и укрепления семьи нами предлагаются следующие приоритетные направления: формирование в обществе системы семейных ценностей, воспитание и культивирование у молодого поколения установок на многодетность; улучшение материального, экономического, бытового, хозяйственного положения многодетных семей; создание сети социальных, учебных, медицинских, досуговых учреждений необходимых для органичного процесса социализации подрастающего поколения; обеспечение детей равными возможностями поступления в бесплатные дошкольные учреждения, минуя долгое и унизительное ожидание мест в детских садах; упрощение процедуры усыновления детей-сирот гражданами России.

В целях укрепления института семьи предлагаем следующие приоритетные направления: совершенствование системы выплаты детских пособий; прогрессивная шкала налогов для семей, имеющих детей; погашение государством жилищных субсидий молодым семьям при рождении первого и последующих детей; предоставлять дополнительные пособия женщинам на период беременности; информационная, образовательная деятельность по воспитанию уважения к семейным ценностям [3].

Основными критериями стабильности любого государства являются такие демографические показатели, как рождаемость, уровень смертности, возрастная структура населения, миграционные потоки как внутри страны, так и за ее пределы. Государство должно учитывать все объективные и субъективные факторы, влияющие на эти показатели, и проводить грамотную, взвешенную демографическую политику.

Список литература

1. Денисова Г.С., Уланова В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов на Дону: Изд-во РГПИ, 2003. 352 с.
2. Сущий С.Я. Демография и расселение народов Северного Кавказа: реалии и перспективы. Ростов на Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 218 с.
3. Багдасарян В.Э. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М.: Экономика, научный эксперт, 2007. 896 с.

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

AREAS OF SOCIAL AND REHABILITATION WORK FOR CHILDREN WITH DISABILITIES

Д.А. Бистяйкина, З.Н. Лазарева
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск
D.A.Bistyaikina, Z.N. Lazareva
Ogarev Mordovia State University, Saransk

Анализируется социально-реабилитационная деятельность, представлен подробный анализ социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями.

The article analyzes the socio-rehabilitation activities, a detailed analysis of the social rehabilitation of children with disabilities.

Ключевые слова: социальная реабилитация, социально-реабилитационная деятельность, социальная работа, технологии социальной работы, социальные проблемы, субъекты социальной работы

Keywords: social rehabilitation, socio-rehabilitation activities, social work, social work technology, social problems, social work subjects

Социально-реабилитационная деятельность – одно из важнейших направлений в системе комплексной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья.

Основными задачами социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями являются: формирование замещающих навыков, способствующих адаптации индивида к жизни в окружающем его социально-бытовом пространстве; помощь ребенку с ограниченными возможностями здоровья в приобретении навыков самостоятельности, общения со своими

сверстниками, расширении сферы жизнедеятельности, не замыкаясь в своей семье; создание положения, которое позволяет каждому ребенку с физическими или умственными недостатками реализовать свои возможности, быть уверенным в себе и жить в тесном контакте с другими людьми; помощь окружающим членам семьи, соседям, сверстникам – принимать, уважать индивидов с ограниченными возможностями здоровья, доброжелательно относиться к ним в быту, обеспечивать для них равные возможности и ценить способности этих людей.

Конечной целью социальной реабилитации является наиболее полная и качественная психологическая и духовная подготовка ребенка к жизни в обществе, то есть приобретение им таких навыков, которые позволят ему позитивно изменить взгляды на свое положение в обществе и максимально приблизить к желаемому отношение общества к нему.

Деятельностный подход в социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья предполагает развитие и коррекцию ребенка с ограниченными возможностями здоровья в процессе деятельности посредством специального обучения, в ходе которого ребенок овладевает психологическими средствами, позволяющими ему осуществлять контроль и управление своей внутренней и внешней активностью. Согласно С.Л. Рубинштейну, деятельность определяется самим объектом, но не прямо, а через «внутренние» закономерности, то есть внешнее воздействие дает тот или иной психический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние человека, через сложившийся у него строй мыслей и чувств. В качестве системы внутренних условий выступает личность с ее сложной многоуровневой структурой.

Личностный подход в социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья ориентирует специалистов на работу с конкретным ребенком с его проблемами и особенностями, обусловленными ограниченными возможностями жизнедеятельности, на развитие его как личности, устойчивой к социальным невзгодам. Благодаря такому подходу ребенок постепенно становится хозяином собственного Я, субъектом деятельности и общения, получает возможность направлять свои усилия на саморазвитие и самореализацию. Чтобы достичь цели социальной реабилитации, необходимо сформировать личность ребенка как субъекта деятельности и общения.

Процесс социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья протекает только в деятельности. Она обеспечивает познание ребенком окружающего мира, порождает новые потребности, стимулирует возникновение у детей чувств, активизирует волю, является важнейшим источником овладения опытом межличностных отношений и

поведения. Формы проявления активности детей отличаются большим многообразием: от манипулятивных действий с предметами до созидательной, творческой активности, в ходе которой ребенок познает окружающий мир, проявляет себя и развивается. Но социальным опытом дети овладевают не самостоятельно, а при помощи взрослых. Эффект развития ребенка во многом зависит от умения взрослых управлять активностью ребенка. Развивающие возможности каждого вида деятельности зависят от особенностей ее организации, условий протекания, понимания взрослым целей, задач и способностей ребенка, необходимых для ее выполнения, способов и приемов ее осуществления.

Основными видами деятельности детей с ограниченными возможностями здоровья, которые имеют наибольший социально-реабилитационный эффект, являются игра, учение и труд.

Игра – это форма деятельности в условных ситуациях, в которой воспроизводятся типичные действия и взаимодействия людей. Она для ребенка является формой реализации активности и сферой жизнедеятельности, где он получает удовольствие. Воссоздаваемые в игре реальные и воображаемые предметы, образы, игрушки помогают ребенку познать окружающий мир, приучают его к целенаправленной деятельности, способствуют развитию мышления, памяти, речи, эмоций.

Учение – это форма деятельности, в которой действия человека управляются сознательной целью освоения определенных знаний, навыков, умений. В ходе учебной деятельности ребенок не только овладевает опытом предшествующих поколений, но и учится управлять своими психическими процессами, у него вырабатываются умения выбирать, организовывать и направлять свои действия и операции, навыки и опыт в соответствии с решаемой задачей. Учение подготавливает человека к трудовой деятельности.

Трудовая деятельность – это форма деятельности, направленная на производство определенных общественно полезных продуктов (ценностей), удовлетворяющих материальные и духовные потребности человека. Разновидностями труда в детском и подростков возрасте выступают бытовой труд, труд в мастерских, труд по самообслуживанию, общественно полезные виды труда.

В социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья применяется широкий спектр методов и методических приемов, которые способствуют интеграции детей-инвалидов в общество. *Методы в социальной реабилитации* – это способы профессионального взаимодействия социального работника и ребенка с ограниченными возможностями здоровья с целью решения социально-реабилитационных задач.

К ним относятся следующие педагогические методы: словесные (рассказ, беседа, работа с книгой), наглядные (метод примера) и практические (упражнения, приучение) методы.

Среди психологических методов, которые с успехом используются при организации социально-реабилитационной работы с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, наибольший эффект имеют психотерапевтические методы. Назовем некоторые из них.

Арттерапия – терапия искусством. Основная ее цель состоит в гармонизации развития личности через развитие способности самовыражения и самопознания. Важнейшей техникой арттерапевтического воздействия является техника активного воображения, направленная на то, чтобы столкнуть сознательное и бессознательное и гармонизировать их соотношение посредством аффективного взаимодействия. Коррекционные возможности арттерапии связаны с предоставлением ребенку практически неограниченных возможностей для самовыражения и самореализации в продуктах творчества, в утверждении и познании своего «Я».

Музыкотерапия представляет собой метод, использующий музыку в качестве средств социальной реабилитации (прослушивание музыкальных произведений, индивидуальное и групповое музицирование). Музыкотерапия активно используется в коррекции эмоциональных отклонений, страхов, двигательных и речевых расстройств, психосоматических заболеваний, отклонений в поведении, при коммуникативных затруднениях.

Библиотерапия – специальное коррекционно-реабилитационное воздействие на ребенка с помощью чтения специально подобранной литературы в целях нормализации или оптимизации его психического состояния. Коррекционное воздействие чтения проявляется в том, что те или иные образы и связанные с ними чувства, влечения, желания, мысли, усвоенные с помощью книги, восполняют недостаток собственных образов и представлений, заменяют тревожные мысли и чувства или направляют их по новому руслу.

Танцевальная терапия применяется при работе с детьми, имеющими эмоциональные расстройства, нарушения общения, межличностного взаимодействия. Цель танцевальной терапии – развитие осознания собственного тела, создание позитивного образа тела, развитие навыков общения. Танцевальная терапия используется в основном в групповой работе. Она побуждает к свободе и выразительности движения, развивает подвижность, укрепляет силы как на физическом, так и на психическом уровне.

Таким образом, социальный работник располагает достаточным арсеналом средств, методов и форм организации с детьми с ограниченными

возможностями здоровья социально-реабилитационных занятий, используя которые можно успешно решать поставленные задачи социализации и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья.

Важно отметить, что социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями – это комплекс мероприятий, направленных не только на самого ребенка, но и на его окружение, в первую очередь на его семью. В этой связи неоценимую роль для реализации социально-реабилитационной программы имеют групповая психотерапия, семейная терапия, трудовая терапия и терапия средой.

ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПАРТНЕРСТВО В СОПРОВОЖДЕНИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В ФОРМЕ НАСТАВНИЧЕСТВА

PUBLIC – STATE PARTNERSHIP ACCOMPANIED BY ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN THE FORM OF MENTORING

М.Н. Бородатая
Вятский государственной университет
M.N. Borodataya
Vyatka State University

Представлены региональные характеристики, основные положения, уровни, технологические аспекты общественно-государственного партнерства в сопровождении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества. Практика общественно – государственного партнерства в сопровождении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества формируется в Кировской области в рамках проектного подхода с 2012 г. и настоящее время представляет собой целостную модель по сопровождению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в форме наставничества.

Presents regional characteristics, main provisions, levels, technological aspects of public – state partnership accompanied by orphans and children left without parental care in the form of mentoring. The practice of public-state partnership, accompanied by orphans and children left without parental care, is formed in the form of mentoring in the Kirov region in the framework of the project approach from 2012 and currently represents a holistic model for accompanying orphans and children left without care Parents in the form of mentoring.

Ключевые слова: партнерство, общественно-государственное партнерство, характеристики общественного - государственного партнерства,

сопровождение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, наставничество

Keywords: partnership, public-state partnership, characteristics of public-state partnership, support for orphans and children left without parental care, mentoring

Многие социальные проблемы детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, невозможно решать без консолидации всех секторов общества, без общественно-государственного партнерства. Проблема общественно-государственного партнерства пока слабо разработана в научной литературе. Предметом исследования являются исторические основы становления общественно-государственного партнерства (И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон) [1], сравнительный анализ его становления и развития в России и за рубежом (Г.И. Ефимов, И.Х. Кучиева) [2], взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти (В.В. Гриб [3], В.Н. Якимец [4]), принципы общественно-государственного партнерства (А.А. Малаева) [5].

Общественно-государственное партнерство рассматривается в качестве инструмента модернизации социальной сферы, механизма направления государственных ресурсов в некоммерческий сектор с целью повышения эффективности собственной деятельности [6, с. 13.].

Готовность государства к сотрудничеству с институтами гражданского общества отражена в одном из принципов Национальной стратегии действий в интересах защиты детей на 2012-2017 гг. (Указ Президента от 1 июня 2012 г. №761) – партнерство во имя ребенка: «…политика в области детства должна опираться на технологии социального партнерства…, посредством привлечения общественных организаций и международных партнеров к решению актуальных проблем, связанных с обеспечением и защитой прав и интересов детей» [7].

Некоммерческие организации в сфере профилактики социального сиротства являются платформой для разработки инновационных подходов, отрабатывают новые методики работы с проблемами детей.

Анализ региональных практик (Пермь, Мурманск, Москва, Киров, Нижний Новгород, Хабаровск, ХМАО Югра и др.) позволяет утверждать, что одной из востребованных и результативных технологий сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является наставничество. Суть наставничества – гарантированное присутствие рядом с подростком человека, который заботится о нём и сопереживает ему, оказывает содействие в преодолении повседневных трудностей и испытаний.

Общественно-государственное партнерство по сопровождению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества в Кировской области опирается на следующие концепты.

1. *Дискурс социального партнерства* по интеграции детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, основными положениями которого являются следующие:

– общество и государство наравне с родителями объявляются ответственными за детей. Данное положение отраженно в ключевом принципе Национальной стратегии действий в интересах защиты детей – объединение усилий партнеров-субъектов системы профилактики социального сиротства;

– общественным некоммерческим организациям и объединениям как важнейшим структурам гражданского общества отводится особая роль в профилактике социального сиротства;

– организационными формами объединения усилий государства и общества являются координационные и попечительские советы, ассоциации выпускников, наставничество, иные формы взаимодействия, субъектные отношения которых регулируются регламентом взаимодействия и договором;

– эффективность усилий субъектов сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, определяется культурой сотрудничества и партнерства. При недостаточности собственных сил и средств субъектов по отдельности общественно-государственное партнерство позволяет эффективно решать острые социальные проблемы.

Общественно-государственное партнерство в форме наставничества мы рассматриваем как фактор эффективности сопровождения воспитанников и выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, успешной адаптации их в обществе.

2. *Наставничество как условие повышения социальной компетентности* воспитанников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Наличие в жизни ребенка значимого взрослого, наставника, который является для него точкой опоры в начальный период самостоятельной жизни, способствует повышению уровня готовности воспитанников к самостоятельной жизни, улучшению психического состояния, повышению уровня социальных компетенций, обретению нового поддерживающего ресурса, точки опоры в лице наставника.

Организация наставничества на *безвозмездной* основе способствует раскрытию внутренних ресурсов воспитанников, формированию социальных компетенций, значимых для самостоятельной жизни. Объединение усилий в рамках общественно-государственного партнерства специалистов организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, служб сопровождения, наставников-добровольцев является важным фактором комплексной поддержки воспитанников на этапе начала успешной самостоятельной жизни.

3. *Ценностной основой* общественно-государственного партнерства по сопровождению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являются:

– ценность поддержки и наличие социально значимого взрослого-наставника в жизни воспитанников и выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в лице наставника;

– ценность автономии внутренних ресурсов личности воспитанника и выпускника;

– ценность социального партнерства;

– ценность социального служения граждан, готовность оказывать добровольческую помощь по повышению социальной компетентности воспитанников и выпускников организаций для детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества.

Социально-психологической основой сопровождения является *добровольный* характер союза «наставник – воспитанник» при *организующей и координирующей* роли субъектов партнерства. Участниками общественно-государственного партнерства в Кировской области являются 13 субъектов, каждый их которых имеет свои функции и задачи.

Общественно-государственное партнерство в Кировской области представлено 2 уровнями отношений:

1 уровень – отношения между субъектами партнерства, обусловленные содержанием функций, задач, решаемых каждым субъектом в процессе коммуникаций и создания условий для успешной социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в обществе.

2 уровень – отношения между наставником и подопечным, опосредованные решением задач по сопровождению воспитанника:

– помощь подопечному в расширении его социальных компетенций, коммуникативного опыта, овладении учебной программой;

– организация практики общения, содействие развитию его способностей в разных сферах внеучебной деятельности;

– формирование у подопечного опыта заботы через участие в добровольческих практиках;

– содействие в развитии самостоятельности в принятии решений в сферах профессионального и личностного самоопределения.

При решении указанных задач наставник учитывает индивидуальные жизненные обстоятельства подопечного, его актуальные потребности, проявляет ответственность, гибкость, мобильность, применяет умения активного слушания, рефлексии, поддержки. Отношения подопечного с наставником строятся на основе сотрудничества, совместной деятельности,

взаимоинформирования, проявления активности и выполнения согласованных договоренностей (условий договора). Организационными формами развития отношений наставника и подопечного являются: встречи, телефонные разговоры, совместная деятельность, on-line общение, Карта сопровождения, иные мероприятия.

В Кировской области общественно-государственное партнерство в сопровождении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества имеет следующие характеристики:

– целеориентация в процессе сопровождения на укрепление социальной компетентности и ресурсности личности ребенка;

– преемственность предвыпускного и постинтернатного периодов сопровождения;

– безвозмездная добровольная основа наставничества;

– сервисный подход в организации наставничества (наставничество как услуга);

– программно-методическое обеспечение сопровождения в форме наставничества;

– сопровождение в форме наставничества осуществляется на основе полного цикла: привлечение наставников – обучение – организация практики знакомство – формирование тандема «наставник–подопечный» – оформление договорных отношений – сопровождение на основе индивидуального плана сопровождения – контроль, мониторинг и оценка;

– общественно-государственное партнерство;

– проектный подход в разработке и совершенствовании практики сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества. Процесс организации сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества формировался «снизу», по инициативе социально-ориентированной некоммерческой организации ЧУДОРСП «Центр социально-психологической помощи» [8].

Общественно-государственное партнерство по сопровождению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества в Кировской области представляет собой *многоуровневое взаимодействие* органов власти, государственных организаций и институтов гражданского общества (некоммерческих и общественных организаций, Благотворительных фондов, Общественной палаты), реализующих комплекс нормативных, организационных, информационных, имиджевых, программно-методических, технологических и кадровых условий по сопровождению детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества с целью успешной адаптации их в обществе.

Системообразующим элементом партнерства является процесс сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества, состоящий из 10 последовательных этапов [9]:

1. Набор и обучение наставников. К работе в качестве наставников привлекаются студенты, члены Попечительских советов интернатных учреждений, педагоги, воспитатели организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, члены Общественной Палаты Кировской области, социально ориентированных некоммерческих общественных организаций, производственных коллективов.

2. Подготовка наставников. Потенциальные наставники проходят обучение в рамках курса «Социальное наставничество», включающего теоретические и практические аспекты подготовки по организации взаимодействия с детьми, разрешению конфликтных ситуаций, созданию ситуации успеха у воспитанников.

3. Выявление потребностей воспитанников в наставниках. Изучение потребностей воспитанников интернатных учреждений в Кировской области (апрель, 2013 г.) позволяет утверждать, что 70% подростков испытывают потребность в старшем друге. На данном этапе организуются совместные досуговые мероприятия, социально-психологические тренинги, реализуются программы повышения социальных компетенций детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ходе которых потенциальные наставники и воспитанники познают себя и друг друга.

4. Знакомство наставника и воспитанника: определяются общие интересы и ценности, будущие цели и мечты. На этом этапе дети могут не всегда доверять наставникам, а иногда и манипулировать ими. Такие взаимоотношения могут охватывать период от одной до шести встреч. На начальной стадии взаимоотношений необходимо учитывать: желание воспитанника, его вклад в построение отношений; особенности темперамента, характера; соответствие/несоответствие ожиданиям друг друга. Знакомство наставника и подопечного осуществляется в рамках деятельностного подхода.

5. Определение пары «наставник–воспитанник». Данный выбор происходит в ходе организационно-деятельностной игры «Выбери меня».

6. Заключение договора, разработка индивидуального плана сопровождения. Наставник и воспитанник обговаривают свои ожидания от общения и совместной деятельности. В разработке индивидуального плана сопровождения, согласования его мероприятий участвуют наставник,

подопечный и специалист службы сопровождения организации. Этот этап может охватывать от одного до трех месяцев.

7. Организация совместного событийного пространства в разнообразной и значимой для наставника и подопечного деятельности.

8. Контроль и оказание консультативной помощи наставнику в процессе сопровождения подопечного специалистами Ресурсного центра и организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

9. Завершение взаимодействия. Наставник и ребенок завершают свои взаимоотношения и обговаривают будущие перспективы ребенка. Анализируются достигнутые результаты, осуществляется обратная связь. Данный этап предусматривает правильное завершение наставнических взаимоотношений.

10. Анализ и рефлексия достигнутых результатов, затруднений и перспектив взаимодействия.

Таким образом, характеристики общественно – государственного партнерства в сопровождении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в форме наставничества нашли отражение в региональной модели, включающей 17 ключевых компонентов, условия функционирования, критерии ее анализа и оценки.

Список литературы

1. Мерсиянова И.В. Якобсон Л.И. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/sotrudnichestvo-gosudarstva-i-struktur-grazhdanskogo-obschestva-v-reshenii-sotsialnyh-problem. (дата обращения: 12.04.2017).

2. Кучиева И.Х. Опыт общественно-государственного партнерства как модернизационный фактор развития гражданского общества в РФ [Текст] / TERRA ECONOVICUS2011, том 9, №3, часть 3. С. 20-23.

3. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: монография [Текст]. 2-е изд., доп и перераб. М.: Издательство «Юрист», 2011. 400 с.

4. Якимец В.Н. Сотрудничество некоммерческих организаций и государства в социальной сфере: нормы, механизмы и конфликты [Текст] // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. М.: ЛЕНАНД, 2005. С. 364-386.

5. Малаева А.А. Принципы общественно-государственного партнерства при разработке и реализации региональной социально-экономической политики // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. Режим доступа:

http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10330 (дата обращения: 12.04.2017).

6. Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем: Аналит.докл. Нац.иссл.ун-та «Высшая школа экономики» / под ред. Л.И. Якобсона, И.В. Мерсияновой; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 64 с.

7. Указа Президента РФ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» (Указ Президента РФ от 01.06.2012 г. N 761) // Система ГАРАНТ [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/70183566/ (дата обращения: 12.04.2017).

8. Сопровождение социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: региональный опыт: монография / Н.Н. Ершова, М.Н. Бородатая, Г.И. Симонова, М.И. Лучинина, Е.В. Волченкова, О.А. Воронина; под общ. Ред. Г.И. Симоновой – Киров: ООО «Издательство Радуга-ПРЕСС», 2015. 185 с.

9. Опыт партнерства СО НКО в профилактике социального сиротства: учебно-методическое пособие. [Текст] – 2016: Изд-во НОУ «Центр социально-психологической помощи детям, подросткам и молодежи». 2016. 56 с.

АНАЛИЗ КАЧЕСТВА УСЛУГ ОТДЕЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА ДОМУ

QUALITY REVIEW OF SOCIAL SERVICES RENDERED AT HOME

Н.В. Бутаева
Казанский государственный медицинский университет
N.V. Butaeva
Kazan State Medical University

Проанализировано качество социально-бытовых и социально-медицинских услуг социального обслуживания на дому на примере трёх ГАУСО КЦСОН. Анкетирование 90 человек – получателей услуг социального обслуживания и специалистов по социальной работе ОНСО позволило дать рекомендации по совершенствованию качества обслуживания.

In this review the author audited for quality of social, domestic and medical services rendered at home by social workers as exemplified by several State Autonomous Social Service Institutions “Complex Social Service Center”. The review is based on questionnaire survey in which more than 90 clients of social service institutions as well as specialists in social work of Home Care Departments were involved. Results of the survey gave the possibility to provide recommendations regarding improving the quality of social services.

Ключевые слова: качество услуг отделений социального обслуживания на дому гражданам пожилого возраста и инвалидам, получатели услуг социального обслуживания; специалисты по социальной работе

Keywords: quality of social services rendered by specialists in social work, Home Care Department, citizens of senior age, people with disabilities, recipients of social services, specialists in social work

Актуальность работы: рост доли лиц пожилого возраста в мире к 2050 г. составит 22% от численности всего населения; к 2020 г. каждый третий работник будет старше 50 лет; на конец 2016 г. в РФ граждане пожилого возраста составили 146544,7 тыс. чел.; в Республике Татарстан на начало 2017г. количество лиц в возрасте старше трудоспособного составляет 920725 тыс. чел. В сравнении с 2015-2016 гг. это цифра увеличилась примерно на 30 тыс.

Объект исследования услуги отделения социального обслуживания на дому (ОСОН) гражданам пожилого возраста и инвалидам. Предмет исследования: качество социальных услуг, оказываемых ОСОН гражданам пожилого возраста и инвалидам. Цель исследования: проанализировать качество услуг, предоставляемых в ОСОН на дому гражданам пожилого возраста и инвалидам. Для достижения цели исследования поставлены и решены задачи: проанализировать качество услуг социального обслуживания на дому (на примере ГАУСО КЦСОН «Доверие» г. Набережные Челны, ГАУСО КЦСОН «Милосердие» г. Нижнекамск и ГАУСО КЦСОН «Шафкатъ» в Тукаевском муниципальном районе) при предоставлении социально-бытовых и социально-медицинских услуг.

Для оценки качества надомного социального обслуживания нами было проведено анкетирование получателей услуг социального обслуживания (90 человек) и специалистов по социальной работе ОНСО. Среди опрошенных пожилых людей, получающих надомное социальное обслуживание, преобладают женщины (72%) в возрасте 66-75 лет.

В КЦСОН в г. Набережные Челны и Нижнекамском муниципальном районах на одного социального работника приходится 10-11 клиентов, что соответствует норме. В КЦСОН «Шафкатъ» в 2017 г. на постоянном обслуживании 32 социальных работников состояло 233 клиента. На одного социального работника приходится 9-10 клиентов вместо 6.

Во всех трех КЦСОН отделения надомного социального обслуживания предоставляют социально-бытовые услуги.

Количество обслуживаемых в КЦСОН ежегодно находится примерно на одном уровне. Больше всего обслуживается граждан в КЦСОН «Доверие» г. Набережные Челны, т.к. город является моногородом и численность проживающих в нём людей больше, чем в г. Нижнекамск и в Тукаевском районе. В деревнях, находящихся далеко от города, граждане меньше информированы о том, что есть такие центры, стараются обслужить себя сами или при помощи родственников.

Количество оказанных ОНСО социально-бытовых услуг постоянно росло только в КЦСОН «Милосердие» г. Нижнекамск. В 2015 г. рост составил 1.5% по сравнению с 2014 г., в 2016 г. выросло по сравнению с 2014 г. на 2.5%. По словам специалистов ОНСО КЦСОН «Милосердие», увеличение предоставления социально-бытовых услуг связано с увеличением доли обслуживаемых граждан пожилого возраста, со сменой их социального статуса – проживают одни либо с супругом, нуждаются в посторонней поддержке.

Если в 2014 г. произошёл резкий рост оказанных социально-бытовых услуг в ОНСО в Центре «Доверие» г. Набережные Челны на 47%, то в 2015 г. уменьшилось по сравнению с 2014 г. на 8.87%. А в 2016 г. по сравнению с 2014 г. количество предоставленных услуг уменьшилось на 9.5%.

Специалисты отделения причиной резкого снижения спроса называют уменьшение количества обслуживаемых граждан в связи со снятием с социального обслуживания (по причине смерти, в связи с повышением оплаты за предоставляемые услуги). Постоянно уменьшается количество оказанных социально-бытовых услуг ОНСО КЦСОН «Шафкатъ» в Тукаевском муниципальном районе. Наибольшим спросом у граждан пожилого возраста и инвалидов на дому пользуются такие социально-бытовые услуги: покупка и доставка продуктов питания 55%, покупка и доставка лекарств 20%, оплата коммунальных услуг 17%, вынос мусора 7% и работа с документами 1%.

Как известно, с годами здоровье пожилых людей становится хуже, обостряются хронические заболевания, организм становится все более уязвимым для болезней, в связи с чем многие лица пожилого возраста и инвалиды нуждаются в оказании в домашних условиях не только социальной, но и медицинской помощи. В КЦСОН «Доверие» и в КСЦОН «Милосердие» на одного медицинского работника приходиться 10-11 клиентов, что соответствует норме (10-11). В КЦСОН «Шафкатъ» работает лишь две медицинских сестры, и на каждую приходится 11 клиентов (норма 6). Это высокая нагрузка и отрицательно сказывается на качестве и своевременности предоставления социально-медицинских услуг.

На вопрос «Какие виды медицинских услуг Вы бы хотели получить?», респонденты ответили: уход за тяжелобольными (5%), перевязка раневых поверхностей (15%), консультирование по социально-медицинским вопросам (20%), внутримышечные введение лекарственных средств (25%), проведение оздоровительных мероприятий (например, массаж) (35%). Большинство опрошенных нуждаются в проведении оздоровительных мероприятий на дому, так как не могут посещать медицинские учреждения в связи с физическими ограничениями в передвижении.

Клиентам было предложено ответить на вопрос, «Для чего Вам необходимо социальное обслуживание?». Ответы: для общения, внимания, полноценной жизни, а только потом для поддержания здоровья и сохранения привычного образа жизни. Социальные работники, оказывая социальные услуги на дому, положительно влияют на самочувствие, настроение пожилых, сглаживают их одиночество и тоску.

Качество услуг, предоставляемых в ОНСО, пожилые оценили следующим образом: «Доверие» – 77% пожилых людей ответили «отлично», 12% – «хорошо», 2% – «удовлетворительно» и лишь 1% отметили неудовлетворительное. В КЦСОН «Милосердие» – 46% ответили «хорошо», «отлично» – 40%, 4% – «удовлетворительно», 2% – «неудовлетворительно». В КЦСОН «Шафкатъ» – 71% – «хорошо», 25% – «отлично», «удовлетворительно» – 6% респондентов. Таким образом, подавляющее большинство получателей услуг высоко оценивают уровень качества предоставляемых услуг.

«Информированы ли Вы о работе учреждения и порядке предоставления социальных услуг?» Ответы показали, что оценивают свою информированность как хорошую 95% – КЦСОН «Доверие», 90% – КЦСОН «Милосердие» и 93% – КЦСОН «Шафкатъ».

По результатам проведенного исследования сформулированы рекомендации по совершенствованию системы ОСОН:

1) ГАУСО КЦСОН «Шафкатъ» и ГАУСО КЦСОН «Доверие» рассмотреть возможность введения в штат дополнительных ставок медицинских сестер для снижения нагрузки.

2) Руководителям КЦСОН для проведения комплексной оценки удовлетворенности качеством предоставляемых услуг гражданам пожилого возраста и инвалидам, обслуживаемых на дому, внести в опросник дополнительные вопросы (такие же, которые применяются для оценки социальных работников) для медицинских сестер.

3) Психологам КЦСОН проводить семинары-тренинги в соответствующих формах для психологической разгрузки социальных работников и медицинских работников, обеспечивающих уход за гражданами пожилого возраста, 1 раз в квартал, а не 1 раз в полгода, как делается сейчас. Данная рекомендация связана со сложностью преодоления социальными, медицинскими работниками психологической зависимости от клиентов, возникновения чувства духовного и эмоционального выгорания, истощения при продолжительных контактах с гражданами пожилого возраста и инвалидами.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПАТРОНИРОВАНИЯ СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

EFFICIENCY OF SOCIAL PATRONAGE OF FAMILIES AT SOCIAL RISK

Э.Р. Валеева, Р.Р. Ахметова
Казанский национальный исследовательский технологический университет
E.R. Valeeva, R.R. Ahmetova
Kazan National Research Technological University

Обосновывается сущность семей, находящихся в социально опасном положении, и меры их социального сопровождения.

This article provides a rationale for who are such families in a socially dangerous situation and what social support measures are applied to these families.

Ключевые слова: семьи в социально опасном положении, социальное патронирование, социальная дезадаптация

Keywords: families at social risk, social patronage, social exclusion

Семья – основанная на браке и (или) кровном родстве малая группа, члены которой объединены совместным проживанием, ведением домашнего хозяйства, эмоциональной связью, взаимными обязанностями по отношению друг к другу [1, с. 198].

Брак – исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу, детям и обществу [2, с. 118].

Семья, находящаяся в социально опасном положении – семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними [3].

Социальное патронирование – оказание медико-социальной помощи семьям; форма профилактической работы, заключающаяся в обследовании условий труда и быта лиц, находящихся на учете; проведение на дому оздоровительных (иногда и лечебных) мероприятий [4, с. 194].

Социальная дезадаптация – это нарушение процесса социального развития, социализации индивида, неспособность или невозможность индивида приспосабливаться к условиям и требованиям социального окружения [5].

Семья, находящаяся в социально опасном положении, согласно законодательству, это семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и содержанию и отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними [3].

Целью исследования является изучение эффективности социального патронирования семей, находящихся в социально опасном положении.

В исследовании использовались методы анализа документов и интервьюирование сотрудников ОСПСиД ГАУСО «КЦСОН в городском округе «город Казань» Советского района.

В последние годы в Республике Татарстан утвердилась практика межведомственного муниципального социального патронирования семей. Это система социального сопровождения и оказания необходимой помощи семьям и детям, находящимся в социально опасном положении.

В РТ, по данным Министерства труда занятости и социальной защиты, в 2015 г. на учете по социальному патронированию находилось 2011 семей, а в 2016 г. – 1862 семьи. На учет было поставлено 1585, снято 1652 семьи в 2015 г. В 2016 г. поставлено 1662 и снято 1811 семей [6].

Тенденцию уменьшения семей, находящихся в социально опасном положении, на микроуровне подтверждают и специалисты ОСПСиД ГАУСО «КЦСОН в городском округе «город Казань» Советского района. На учете по социальному патронированию состояло 55 семей в 2015 г., в 2016 г. – 49. В течение 2016 г. было поставлено 22 семьи, в 2015 г. количество таких семей составляло 33 [7].

Результаты исследования позволяют констатировать, что специфика патронирования как формы работы с семьей заключается в том, что осуществляется систематизированно, комплексно и в определенные сроки группой специалистов разного профиля. При этом к каждому члену семьи применяется индивидуальный подход. Для помощи конкретной семье привлекаются различные ведомства и учреждения (социальной защиты, здравоохранения, образования и др.).

Список литературы

1. Новикова С.Н. Социологические и психологические методы исследований в социальной работе // С.Н. Новикова, А.В. Соловьев. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2006. 396 с.

2. Антонов А.И. Социология семьи // А.И. Антонов, В.М. Медков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.

3. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/. (дата обращения: 12.08.2016).

4. Мардахаев Л.В. Словарь по социальной педагогике: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2013.

5. Ваш психолог [Эл. ресурс] // Режим доступа: www.vashpsixolog.ru. (дата обращения: 08.09.2016).

6. Доклад министра труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан Э.А. Зариповой на итоговой коллегии за 2016 г. // Сайт Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.mtsz.tatarstan.ru. (дата обращения: 08.09.2016).

7. Ахметзянова А.Ф. Отчетный материал заведующего отделением помощи семье и детям ГАУСО «КЦСОН в городском округе «город Казань» за 2015 и 2016 гг.

НЕРАВЕНСТВО – ГЛАВНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

INEQUALITY IS THE MAIN BARRIER TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND THE REALIZATION OF HUMAN POTENTIAL

И.А. Вершинина, Т.С. Мартыненко
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
I.A. Vershinina, T.S. Martynenko
Lomonosov Moscow State University

Рассмотрена взаимосвязь социального неравенства и реализации идеи устойчивого развития. Выделены основные элементы программы устойчивого развития, рассматриваются основные цели и задачи этой программы. Представлен анализ социального неравенства как основного ограничения развития современных обществ. Подчеркивается роль процесса социальной инклюзии и его взаимосвязь с проблемой социального неравенства.

The article is devoted to the consideration of the interrelation between social inequality and the realization of the idea of sustainable development. The main elements of the sustainable development program are identified, the main goals and objectives of this program are considered. The analysis of social inequality as the basic restriction of development of modern societies is presented. The role of the process of social inclusion and its relationship to the problem of social inequality is emphasized.

Ключевые слова: социальное неравенства, устойчивое развитие, социальная инклюзия, миграция, экономический рост

Keywords: social inequality, sustainable development, social inclusion, migration, economic growth

В начале XXI в. социальное неравенство предстает одной из наиболее острых проблем современности, что отмечается не только учеными, но и международными организациями самого высокого уровня, например ООН. Социальное неравенство рассматривается как глобальная социальная проблема, отягощающая жизнь не только членов отдельных обществ, но и угрожающая всему мировому сообществу [1, p. 53]. В 2015 г. ООН были приняты Цели устойчивого развития [2], в которых неравенство было обозначено в качестве одной из 17 глобальных проблем, требующих особого внимания и участия всего человечества. Роль социального неравенства как фактора становления государства и современных обществ оценивается довольно высоко [3, с. 14], но социально-экономические проблемы угрожают политической стабильности [4, с. 201-202; 5]. Социальному неравенству посвящено значительное число публикаций в отечественной социологии [например: 6; 7; 8].

Наиболее целостную реализацию человеческого потенциала предлагает идея устойчивого развития, оформившаяся в 1980-е гг. и включающая сбалансированное достижение целей экономики и общества при сохранении и поддержании способности природных систем предоставлять природные ресурсы и экосистемные услуги. Значительный вклад в становление этой концепции внесла Международная комиссия по окружающей среде и развитию ООН, опубликовавшая доклад «Наше общее будущее» в 1987 г. Устойчивое развитие определяется как развитие, которое отвечает потребностям настоящего без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [9, p. 43].

Устойчивое развитие в современном мире предполагает гармонизацию интересов экономики, локальных социальных сообществ, экологических императивов, развитие человеческого потенциала. Эксперты ООН выделили 20 вопросов в области устойчивого развития, среди которых названы следующие:

1) преодоление нарастающих последствий изменения климата;

2) обеспечение доступа к недорогому, устойчивому и надежному современному энергоснабжению для всех;

3) ускорение перехода на экологически безопасные, возобновляемые источники энергии;

4) необходимость защиты и восстановления экосистем;

5) повышение степени экологической устойчивости, открытости, безопасности и жизнестойкости городов и населенных пунктов;

6) поощрение экологически устойчивой индустриализации [10, p. 88].

Наиболее значимым препятствием на пути устойчивого развития выступает проблема социального неравенства. В настоящее время реализация программы устойчивого развития до 2030 г. предусматривает достижение 17 целей. Большинство из них выстраиваются вокруг проблемы социального неравенства и связанной с ней проблемы социальной эксклюзии. Так, цели устойчивого развития (*Sustainable Development Goals – SDG*) предполагают искоренение бедности (*SDG* 1), снижение гендерного неравенства (*SDG* 5), сокращение неравенства в целом (*SDG* 10), достижение мира и социальной справедливости (*SDG* 16). Достижение этих целей связано с развитием человеческого потенциала, причем всех социальных слоев населения.

Широко обсуждается проблема вовлеченности и активного участия населения всех стран в построении нового гармоничного и справедливого общественного устройства. Решение этих проблем должно быть реализовано через *SDG 4*, которая фокусируется на обеспечении всестороннего и справедливого качественного образования. Продолжением этой цели является *SDG 11*, требующая организации устойчивых городов и сообществ, отличающихся безопасностью и инклюзивностью. Наконец, *SDG 17* (Партнерство ради достижения целей) особенно подчеркивает важность объединения усилий в реализации концепции устойчивого развития [2].

Пытаясь определить перспективы реализации целей, был опубликован доклад, авторы которого попытались выделить основные вызовы, стоящие перед человечеством на пути к достижению устойчивого развития. С этой целью были обозначены шесть тенденций, которые связаны с нищетой и неравенством, демографией, деградацией окружающей среды и изменением климата, потрясениями и кризисами, сотрудничеством в целях развития и финансирование развития, а также с технологическими инновациями [11, p. 11].

Опыт многих стран продемонстрировал отсутствие прямой зависимости между экономическим ростом и социальной инклюзией. Скорее наоборот: экономический рост часто способствует усугублению проблемы бедности и социального неравенства. Основная прибыль концентрируется в руках небольших групп людей. «Хотя рост имеет важное значение для сокращения масштабов нищеты, особенно для стран с низким уровнем дохода, критическая связь между экономическим ростом и сокращением масштабов нищеты и неравенства связана с характером и качеством роста … и тем, как прибыль распределяется между всеми сегментами общества» [11, p. 23].

Другими проблемами, которые тесно связаны с социальным неравенством и усугубляют его, являются рост международной миграции и изменение климата. По замечанию экспертов, к 2050 г. «число международных мигрантов может достигнуть 320 млн» [11, p. 33]. Изменение климата и

деградация окружающей среды также усиливают неравенство, поскольку они оказывают непропорциональное воздействие на наиболее уязвимые страны и общины. С учетом изменения климата население, живущее в условиях крайней нищеты, к 2030 г. может увеличиться на 122 млн [11, p. 40].

Несмотря на многообразие заявленных целей для реализации программы устойчивого развития, именно социальное неравенство предстает основным препятствием для гармоничного развития обществ и реализации человеческого потенциала. Преодоление многих социально-экономических проблем возможно благодаря развитию человеческого потенциала.

Список литературы

1. Осипова Н.Г. The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, social anthropology, social demography and social psychology. 2013. Vol. 2. № VII. Pp. 48-68.
2. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. 23-25 September 2015. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?menu=2361 (accessed: 10.10.2016).
3. Карасев Д.Ю. Историческая социология М. Манна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 4 (87). С. 5-23.
4. Курбанов А.Р. Манифестация исторической памяти в политической практике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 200-214.
5. Волкова Л.В. Представления российской молодежи о социальной несправедливости // Жизнь после исследования: как сделать результаты понятными и полезными. М., 2016. С. 602-605.
6. Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 5-28.
7. Добринская Д.Е. Современные направления в марксизме: аналитический марксизм // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 2. С. 61-74.
8. Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство как фактор нестабильности современного общества // V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». Екатеринбург, 2016. С. 514-522.
9. Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development. Oxford: Oxford University Press, 1987.
10. Global Sustainable Development Report. 2016 edition. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=view&type=400&nr=2328&menu=1515 (accessed: 15.06.2017).

11. Global Trends. Challenges and Opportunities in the Implementation of the Sustainable Development Goals. New York: UNDP and UNRI for SD, 2017. URL: http://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/sustainable-develop ment-goals/global-trends--challenges-and-opportunities-in-the-implementatio.html (accessed: 14.06.2017).

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НКО КАК СУБЪЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

SOCIALLY ORIENTEDNON-PROFIT ORGANIZATIONS AS SUBJECTS OF REGIONAL SOCIAL POLICY: GENDER ASPECT

Н.Б. Гафизова
Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
N.B. Gafizova
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo branch

Анализируются распространенные в современной России формы взаимодействия социально ориентированных НКО и государства в сфере социальной политики. Делается вывод о том, что женские НКО выступают важным субъектом, реализующим деятельность по продвижению гендерного равенства, реализации прав и возможностей гендерных общностей.

The author analyzes the different forms of interaction between state and socially-oriented NGOs in the sphere of gender equality. The author concludes that women's NGOs are very important actor of social politics in Russian regions.

Ключевые слова: социально-ориентированные НКО, социальная политика, гендерное равенство

Keywords: socially-oriented NGOs, social politics, gender equality

Гендерный аспект социальной политики проявляется в деятельности различных субъектов по удовлетворению потребностей, реализации прав и возможностей для мужчин и женщин. Современная российская социальная политика характеризуется полисубъектностью. Важным субъектом социальной политики, кроме государства, выступают некоммерческие организации (*далее НКО*), бизнес-структуры, социальные предприниматели. Будут рассмотрены роль и значение социально ориентированных НКО в региональной социальной политике.

Согласно российскому законодательству, некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной

цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками [1]. Как указывается в законе, некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

Совместные усилия НКО и органов власти позволяют достигать необходимого синергетического эффекта, более полно удовлетворять интересы и потребности гендерных общностей, повышать качество жизни людей в целом. Характеризуя взаимодействие органов власти и НКО, часто используется понятие «социальное партнерство». Под ним понимается система взаимодействия между государственными, муниципальными, правозащитными структурами и социально ориентированными НКО в целях решения вопросов защиты прав гендерных общностей.

Социальное партнерство в сфере гендерного равенства в России имеет достаточно глубокие корни, относящиеся еще к дореволюционному периоду нашей истории. Ключевую роль в решении вопросов, связанных с уровнем и качеством жизни гендерных общностей, играют женские НКО.

Важно отметить, что женские НКО осуществляют свою социальную деятельность в рамках разных парадигм – и традиционалистской, исходящей из признания идеи о том, что главное предназначение женщины быть женой, матерью, домохозяйкой, и феминистской – исходящей из идеи гендерного равенства и признания равенства мужчин и женщин во всех сферах жизни общества. Независимо от идеологической ориентации, женские НКО стремятся выстраивать конструктивные, партнерские отношения с государством.

Российские женщины, ассоциированные в не зависимые от государства организации и движения, за последние два десятилетия сумели поднять множество важнейших вопросов, привлечь внимание к ним государственных, муниципальных, правозащитных структур. Женские НКО в России сейчас находятся в достаточно сложных условиях. С одной стороны, это внутренние организационные трудности, с другой – проблемы внешней среды. Наблюдается тенденция снижения продуктивности и разрушения ранее созданных форм взаимодействия государственных органов и структур гражданского общества в решении гендерных проблем. Зачастую гендерная политика государственными органами сводится только к семейно-демографической, что резко сужает ее содержание.

Тем не менее, привлечение НКО выгодно по нескольким причинам:

- Они позволяют осуществлять оценку реальных нужд населения, не сводящихся к «средней температуре по больнице»;
- НКО могут выступать в роли агентов социального контроля в тех секторах, где затруднен внешний формальный контроль (семейное насилие, нарушение трудовых прав и пр.).

Как показывает изучение зарубежного опыта социального партнерства, в его основе лежит государственное финансирование НКО. Так, например, доля государственных средств в бюджетах НКО в здравоохранении достигает 56%, в образовании – 49%. Основными механизмами государственного финансирования выступают: 1) гранты и соглашения о сотрудничестве; 2) операционные субсидии; 3) возмещение стоимости оказанных услуг; 4) государственные кредиты и кредитные гарантии; 5) контракты; 6) налоговые льготы. Государство, направляя свои ресурсы в некоммерческий сектор, преследует прежде всего цель повышения эффективности собственной деятельности.

В России также на уровне каждого субъекта принимаются собственные законы, регулирующие деятельность социально ориентированных НКО. Так, в Ивановской области для некоммерческих организаций на территории Ивановской области устанавливаются следующие формы поддержки:

1) предоставление государственных гарантий Ивановской области;

2) передача имущества Ивановской области в аренду с применением при расчете арендной платы коэффициента поддержки некоммерческих организаций или в безвозмездное пользование;

3) целевое финансирование некоммерческих организаций (гранты Ивановской области) [2].

Важным инструментом организации взаимодействия госструктур и женских НКО в сфере социальной политики и социальной работы является реализация совместных социальных проектов, применение механизма аутсорсинга. Например, в Ивановской области существенные шаги в этой области предприняты Департаментом Федеральной государственной службы занятости населения по Ивановской области. Департамент на протяжении более десяти лет активно сотрудничал с Центром социальной поддержки женщин и семьи, существующим с 1994 г. В рамках этого партнерства был проведен ряд мероприятий по созданию рабочих мест для безработных женщин, организованы курсы профессиональной подготовки и переподготовки, осуществлялись программы поддержки женского и семейного бизнеса.

В других регионах страны главной проблемой, вокруг которой выстраивается взаимодействие НКО и госструктур, стала проблема насилия.

Ведущими организационными формами в этой сфере стали различного рода убежища для жертв насилия, кризисные центры, телефоны доверия и пр. Исследователи отмечают, что партнерство учреждений здравоохранения и общественных организаций может существенно повлиять на решение проблемы насилия. Среди направлений совместной деятельности выделяют: внедрение новых моделей медицинской практики, апробированных кризисными центрами, формирование чувствительности медперсонала к проблеме насилия, организация различных психологических форм поддержки жертв в рамках медицинских учреждений [3].

Целесообразно отметить еще один важный механизм, благодаря которому идеи и принципы гендерного равенства становятся не только достоянием людей, специально изучающих эту проблематику, но и внедряются в практику структур власти. Речь идет о деятельности различных академических и образовательных центров. Помимо специфической функции – проведения академических исследований в области гендерных отношений, они осуществляют работу по гендерному просвещению и образованию. Деятельность исследовательских центров имеет широкую перспективу. Именно благодаря их работе женские НКО и структуры государственного и муниципального управления получают возможность знакомиться с передовым опытом преодоления последствий гендерной асимметрии зарубежных стран, получать квалифицированную методологическую и методическую помощь. Все это, в конечном счете, приведет к формированию гендерной чувствительности государственных и муниципальных служащих, депутатов, глав поселений.

Приведенные выше примеры форм и методов взаимодействия социально ориентированных НКО и структур власти в сфере социальной политики – это позитивный результат их социального партнерства. Однако следует отметить, что их сотрудничество могло бы быть более активным. Прежде всего, само общество должно быть зрелым, готовым к восприятию идей и принципов гендерного равенства. Однако данные социологов пока еще констатируют высокую долю инертности не только жителей, но и властных структур.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2017) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 23.10.2017).

2. Закон Ивановской области о поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций от 06.05.2011 №37-ОЗ // // Электронный фонд

правовой и нормативно-технической документации [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/895297422 (дата обращения: 23.10.2017).

3. Кивокурцева Н. Решение проблемы насилия на гендерной почве: партнерство учреждений здравоохранения и кризисных центров // Гендерная экспертиза и законодательная политика: в 2 т., Т.2, М. 2004. С. 576-578.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ВОСПИТАННИКА СПЕЦИАЛЬНОГО УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ЗАКРЫТОГО ТИПА (НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОГО СУВУ)

SOCIAL PORTRAIT OF A GRADUATE SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE CLOSED TYPE (FOR EXAMPLE, KOSTROMA)

А.П. Говоркова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.P. Govorkova
Lobachevsky University

Описаны основные личностные и поведенческие особенности девиантных подростков, помещенных в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа с целью реадаптации, ресоциализации и успешной интеграции в обществе.

The article is about the major personality and behavioral characteristics of deviant adolescents, placed in special educational institutions of the closed type with the purpose of rehabilitation, re-socialization and further integration.

Ключевые слова: социальный портрет, девиантное поведение, несовершеннолетние преступники, правонарушения

Keywords: social portrait, deviant behavior, juvenile offenders, offenses

Специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа создаются для несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния, за которые предусмотрена уголовная ответственность, нуждающихся в особых условиях воспитания и обучения. Помещение несовершеннолетних в учреждения данного типа может являться специальным видом наказания, расцениваемым как вид лишения свободы. Однако подобные учреждения играют не только карающую роль, но и выполняют образовательную, воспитательную и профилактическую функции (предупреждение совершения новых правонарушений и общественно опасных деяний среди несовершеннолетних).

В ходе исследования, проведенного в феврале 2017 г. на базе ФГБПОУ «Костромское специальное учебно-воспитательное учреждение для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением закрытого типа» (в дальнейшем Костромское СУВУ), проведены невключенное наблюдение и беседы с воспитанниками Костромского СУВУ с целью выявления поведенческих и личностных особенностей воспитанников и формирования социального портрета воспитанника СУВУ.

На базе Костромского СУВУ обучается 39 несовершеннолетних преступников мужского пола. Подростки, возрастом с 11 до 18 лет, попадают в данное учреждение со всей страны. Каждый из них имеет не одно серьезное правонарушение, даже дети младшего возраста, то есть речь идет и о вторичных правонарушениях, что в свою очередь показывает отсутствие внимания и контроля со стороны родителей.

В ходе анализа выявлено, что до поступления в Костромское СУВУ все воспитанники имели проблемы с учебой и дисциплиной: не посещали занятия, негативные отношения в классе, конфликты с учителями и администрацией школы, драки и мелкие кражи, употребление спиртных напитков и сигарет. Большинство училось в обычных средних общеобразовательных школах, но есть и ученики коррекционных школ. Среди старших воспитанников есть студенты первого курса колледжей, но они тоже не посещали занятия или имели низкие оценки. То есть все воспитанники имели низкую мотивацию к учебе.

После анализа приговоров и постановлений выявлено, что основные преступления, совершенные воспитанниками, закреплены в ст. 158 УК РФ (кража) и ст. 166 УК РФ (неправомерное завладением автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения). В делах часто упоминались ст. 116 УК РФ (побои), ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), ст. 118 (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), ст. 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества), ст. 161 УК РФ (грабеж), ст. 139 УК РФ (нарушение неприкосновенности жилища) – часто данная статья нарушалась одновременно со ст. 158 УК РФ (кража). Все эти преступления совершались не единожды.

По результатам бесед нами выделены основные мотивы совершения правонарушений подростками: «проявить себя среди остальных ребят, привлечь внимание»; из зависти; из мести; одни хотели помочь родителям; другие искали деньги для развлечений. Каждым двигали свои причины, но их объединяет одно – они не задумывались, что совершают преступление и что от их действий могут пострадать другие. Это является упущением в воспитательной функции, которую должны выполнять родители, близкие

родственники, образовательные учреждения. Многие несовершеннолетние преступники, даже находясь в специальном училище, не понимают, за что их осудили и что они такого плохого сделали, ведь все ситуации касались вещей, а не жизней.

Недостаток воспитания является следствием проблем в семьях воспитанников. Большинство ребят делают на теле татуировку с цифрой «13», что на их языке значит «тяжелое детство». К наколкам подростки относятся очень серьезно: каждая имеет свой определенный смысл и ее без повода не могут носить на себе. Только малая часть учеников отказывается от рисунков, большая часть гордится своими поступками и хочет, чтобы они были отпечатаны на теле.

Нами выявлено, что 85% обучающихся в Костромском СУВУ являются выходцами из неблагополучных семей: алкогольная зависимость родителей и близких родственников; семьи, в которых один из родителей освобожденный или находится в местах лишения свободы. 37% воспитанников Костромского СУВУ являются выходцами из неполных монородительских семей; 13% – это семьи, сформировавшиеся в результате повторных браков или сожительства. Сами воспитанники негативно относятся к повторным бракам, на этой почве возникает множество внутрисемейных конфликтов, а так как несовершеннолетние не имеют позитивного опыта решения конфликтов, возникает дополнительная агрессия и недовольство, что становится причиной противоправного поведения.

Большинство преступлений было совершено с целью помочь родителям уладить семейные проблемы. Например, один из воспитанников совершил угон автомобиля с целью съездить в другой город и вернуть мать в семью, множество краж также совершенно ради финансовой помощи родителям.

21% воспитанников – это дети, оставшиеся без попечения родителей, и только 18% несовершеннолетних воспитывалось в полных семьях, но даже в таких семьях были свои проблемы: алкогольная зависимость, бывшие осужденные, инвалиды, родители-пенсионеры и др.

Дети из благополучных семей – редкость для специального училища, на время исследования только у троих человек была полная семья, не имеющая финансовых проблем, зависимостей, инвалидности, члены которых не находятся в местах лишения свободы.

Большинство семей воспитанников являются неполными или ее члены страдают алкоголизмом или наркоманией. Есть примеры семей, в которых нарушение законов является наследственной традицией. Одному из воспитанников, когда он был приговорен к отбыванию срока в специальном училище, мать подарила отцовские четки, которые тот сделал во время

пребывания в местах лишения свободы. Таким образом, некоторые семьи поддерживают девиантное, опасное поведения несовершеннолетних детей, поэтому важна комплексная работа и с самой семьей воспитанника, для предотвращения внутрисемейных проблем. Цель данной работы в том, чтобы воспитанник после своего выпуска смог вернуться в благополучную семью, которая помогла бы ему в дальнейшей социальной реадаптации в обществе и стала бы положительным примером в жизни.

Несмотря на то, что многие ученики специального училища – выходцы из неблагополучных семей, многие из них мечтают о своей собственной семье и хотят быть хорошими родителями и достойно воспитать своих детей. При этом не все из них хотят вернуться к законопослушной жизни, есть воспитанники, которые уже планируют новые преступления и то, как в следующий раз избежать наказания. В основном это касается воспитанников детских домов, которых после выпуска из специального училища никто не будет ждать дома. Поэтому одной из главных целей учреждения становится профилактика совершения повторных правонарушений.

Дети, побывавшие в детском доме, сильно выделяются из общего числа воспитанников. Дело в том, что из-за постоянного государственного обеспечения у них развилась открытая иждивенческая позиция. Они привыкли к тому, что у них есть все необходимое для жизнедеятельности, и не хотят осваивать профессии и получать образование.

Основываясь на выше представленных характеристиках, отметим, что в зоне риска находятся несовершеннолетние, воспитывающиеся в неблагополучных семьях: малообеспеченные, неполные, имеющие в своем составе людей, страдающих от алкогольной и наркотической зависимости или вышедших/отбывающих наказание в местах лишения свободы. Стоит обратить внимание на детей, систематически не посещающих образовательные учреждения, имеющих низкую успеваемость и мотивацию к обучению, плохую дисциплину, частые перепады настроения, состоящие в неформальных группах девиантных подростков (хулиганские группировки). Своевременное выявление отклонений в поведении подростков позволит осуществлять профилактику девиантного поведения и, в первую очередь, за счет обучения ответственности за свои поступки.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ НА БАЗЕ НКО КРИЗИСНЫМ БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

THE PROVISION OF SOCIAL SERVICES TO PREGNANT WOMEN CRISIS ON THE BASIS OF THE NCO (BY RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Е.Б. Задорожникова
Ивановский государственный университет
E.B. Zadorozhnikova
Ivanovo State University

Исследуются различные аспекты предоставления социальных услуг кризисным беременным женщинам на базе семейно-ориентированных НКО и обобщается накопленный опыт.

The article is devoted to various aspects of the provision of social services in crisis pregnant women on the basis of family-oriented non-profit organizations and the lessons learned.

Ключевые слова: социальные услуги, кризисная беременная женщина, некоммерческая организация

Keywords: social services, crisis pregnant woman, non-profit organization

Некоммерческие организации имеют множество потенциальных возможностей и ресурсов, чтобы играть важную роль в экономической и социальной жизни государства и в перспективе могут стать одним из ключевых факторов в решении многих социально-экономических проблем, особенно связанных с дефицитом качественных социальных услуг, в том числе в сфере социального обслуживания населения.

Цель нашего исследования – изучение мнения руководителей и сотрудников семейноориентированных НКО об основных аспектах процесса оказания социальной поддержки на базе НКО кризисным беременным женщинам и учесть полученные данные в ходе разработки проекта стандарта предоставления социальных услуг кризисным беременным женщинам.

Объект исследования – руководители и сотрудники просемейных НКО в 10 российских городах (Москва, Владимир, Казань, Миасс, Анапа, Старый Оскол, Мурманск, Алатырь, Воронеж), вовлеченные в процесс оказания социальных услуг кризисным беременным женщинам.

Анкетный опрос представителей семейноориентированных НКО позволяет подвести некоторые итоги исследования.

Социальный портрет респондентов можно описать следующими характеристиками. Это женщина в возрасте от 30 до 49 лет, имеющая высшее

образование и стаж работы в общественном секторе от 1 до 3 лет минимум, являющаяся руководителем НКО. Средний возраст женщин составляет 42,1 года.

Типичная организация, которую представляли респонденты – это общественная организация со стажем работы не менее 1 года, в составе которой минимум 11 и максимум 50 человек. Основными видами деятельности НКО являются: социальная поддержка и защита граждан, социальные услуги населению, регулярная организация мероприятий/ акций/ праздников вне проектов и проектная деятельность. Число граждан, охваченных деятельностью НКО, либо до 100 человек, либо более 1000 человек. Основные целевые группы: дети, женщины и дисфункциональные семьи. Среди женщин, которым оказываются социальные услуги, в равной мере представлены разные типы беременных женщин и женщин с детьми. Основные источники финансирования НКО – пожертвования, спонсорская помощь и гранты федерального уровня.

Основные трудности в деятельности НКО – нехватка финансовых и кадровых ресурсов, низкая активность большинства членов НКО, недостаточный уровень квалификации сотрудников и низкий уровень взаимодействия с местным бизнес-сообществом. Более всего НКО нуждаются в консультациях, обучении и распространении информации о НКО.

Основными источниками информации о деятельности НКО являются социальные сети, сайт НКО и неформальные каналы. Подавляющее большинство НКО имеет собственный сайт, но использует его не на полную мощность.

В настоящее время НКО нуждаются практически во всех возможных формах поддержки со стороны органов власти. Труднее всего дело обстоит с получением поддержки в области подготовки и переподготовки представителей НКО, информационной поддержкой и финансовой поддержкой из муниципального бюджета. Наиболее действенные формы взаимодействия НКО с органами власти: предоставление грантов, переговорные площадки и имущественная поддержка.

С точки зрения представителей НКО, более всего нуждаются в социальных услугах следующие типы кризисных беременных женщин. Это женщины, имеющие как социально-экономические проблемы, так и проблемы взаимоотношений с близкими людьми, а также несовершеннолетние беременные женщины и выпускницы детских домов. Реально из-за отсутствия ресурсов получают социальные услуги чаще всего кризисные беременные женщины, имеющие проблемы со здоровьем, и женщины, сомневающиеся в сохранении ребенка.

Наиболее востребованными среди кризисных беременных женщин, по опыту работы НКО, являются социально-бытовые и срочные социальные услуги. Весь комплекс социальных услуг, предоставляемых на базе НКО кризисным беременным женщинам, с точки зрения представителей НКО, вполне уместно отнести к срочным социальным услугам.

По мнению опрошенных, при оказании перечня социальных услуг кризисным беременным женщинам следует применять разные формы работы. Индивидуальная форма работы более уместна при оказании юридической помощи, экстренной психологической, материально-вещественной и при устройстве детей в ясли. Групповая форма работы целесообразна в части социальной адаптации к жизни в приюте временного пребывания и обеспечении бесплатным питанием. Смешанная форма работы оптимальна при оказании таких услуг, как выявление получателей социальных услуг, устройство в приют, психологическое сопровождение детско-родительских отношений, предоставление социально-педагогических услуг и профилактика кризисной беременности.

Представление сотрудников НКО о кризисной беременной женщине как получателе социальных услуг можно описать следующим образом. Это женщина зрелого возраста 22-35 лет, состоящая в незарегистрированных отношениях с мужчиной, уже имеющая детей, работающая без официального трудоустройства или безработная, находящаяся в социально неблагополучной ситуации и имеющая зависимости и проблемы со здоровьем.

Опрос представителей НКО показал, что более половины НКО имеют намерение стать Поставщиком социальных услуг для кризисных беременных и войти в реестр Поставщиков в своем регионе, уже располагая, по их мнению, хорошей репутацией, возможностью в короткие сроки оказать большинство социальных услуг, удобным местоположением организации и широким перечнем предлагаемых социальных услуг. Причем к основным преимуществам НКО как поставщика комплекса социальных услуг для кризисных беременных, по сравнению с государственной организацией, они относят: отсутствие бюрократии, доступность субсидий, большую степень свободы, льготное налогообложение, лучшую обратную связь с получателями социальных услуг.

По оценкам респондентов, в настоящее время НКО обладают достаточно высоким уровнем готовности стать Поставщиками таких социальных услуг кризисным беременным женщинам, как социально-психологические услуги, частично социально-бытовые и социально-правовые услуги.

Стандарт социальных услуг для кризисных беременных женщин, с точки зрения опрошенных, обязательно должен включать в себя такие услуги, как

выявление потенциальных получателей, социально-бытовые услуги, срочные социальные услуги и социально-педагогические услуги. Предоставление социальных услуг кризисным беременным женщинам должно осуществляться в следующем порядке: профилактика проблемы, поиск потенциальных получателей, срочные социальные услуги, социально-бытовые услуги, социально-психологические услуги, социально-правовые услуги, социально-педагогические услуги.

Представители НКО согласны со всеми существенными показателями качества и условиями предоставления социальных услуг, которые должны быть учтены в проекте стандарта социальных услуг для кризисных беременных. Однако серьезной проблемой для представителей НКО является оценка возможной стоимости и цены конкретного вида социальных услуг для кризисных беременных женщин.

Наиболее значимыми методами оценки результатов (качества) предоставления социальной услуги для кризисных беременных представители НКО считают аналитический метод, метод сравнения оценки качества сотрудниками и получателями услуг и экспертный метод.

Основные трудности, возникающие, по мнению опрошенных, в процессе предоставления социальных услуг кризисным беременным женщинам – это их инертность в отношении улучшения отношений с родственниками, решения проблем с жильем, поиском работы, иждивенческая позиция и низкий уровень их образования.

Психолог, социальный работник и юрист – это основные должности, которые должны быть предусмотрены, с точки зрения респондентов, в штате поставщика социальных услуг кризисным беременным женщинам.

При взаимодействии с органами власти НКО более всего рассчитывают на сотрудничество, взаимопонимание и методическую помощь, а опасаются – бюрократии, бумаготворчества и отсутствия интереса.

Полученные результаты свидетельствует о вполне объективной оценке представителями НКО деятельности НКО как поставщика социальных услуг и могут быть полезны в ходе разработки проекта порядка и стандарта социальных услуг кризисным беременным женщинам. Очевидно, понимание представителями НКО того, что наряду с ресурсами, необходимыми для осуществления деятельности по предоставлению социальных услуг и усилиями в области расширения перечня предлагаемых услуг, важно заботиться о репутации организации, об удобстве ее местоположения для получателей и эффективности информационных усилий организации.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС» В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПОЗИТИВИСТСКОГО ТЕЧЕНИЯ КОНЦА XIX ВЕКА

RISING OF THE CONCEPT "SOCIAL ISSUE" IN RUSSIAN SOCIOLOGICAL POSITIVIST THOUGHT AT THE END OF THE 19TH CENTURY

Е.Н. Каляева
Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики, Москва
E.N. Kaliaeva
National Research University Higher School of Economics, Moscow

Исследуется возникновение понятия «социальный вопрос» в российской социологической мысли. Объяснена актуальность исследования возникновения понятия и необходимости изучения работ мыслителей позитивистского направления в отечественной социологии. Даны интерпретации и значения понятия «социальный вопрос» российскими авторами и объединены в логические группы по смыслам. Введены в оборот тексты, ранее не подвергавшиеся социологическому анализу.

The article is about the emerging of the concept «social issue» in the Russian sociological thought. There are explanations of the topicality and necessity studying papers written by Russian positivists. Meanings of the concept «social issue» combined in logical groups. Texts, which weren't analyzed earlier, put into using rev.

Ключевые слова: социальный вопрос, возникновение понятия, позитивистское течение, российская социология

Keywords: social issue, rising of the concept, positivism, Russian sociology

Современное общество находится под постоянным влиянием процесса дифференциации, увеличения числа форм и отношений, появления новых социальных институтов, научно-технический прогресс может порождать негативные последствия для общества, при использовании господствующей системой и выражении ее интересов. Именно эти факторы обусловили рост социальных феноменов, которые в современном дискурсе определяются как социальные проблемы. Обращение к теоретическим истокам содержания самого понятия «социальная проблема» показало, что в России понятие начало использоваться лишь в XX в. В западноевропейских обществах понятие активно использовалось с XIX в. и первоначально обозначало одну конкретную проблему – «неравномерное распределение богатства». Первичный анализ российской литературы показал, что до включения в дискурс понятия «социальная проблема» в России активно использовалось понятие «социальный вопрос», которое со временем трансформировалось в «социальную проблему».

Существует недостаток проработанности в российской теоретической социологии концептуального содержания понятия «социальный вопрос», что влияет на последующее его восприятие, употребление и формирование понятия «социальная проблема». Таким образом, понятие «социальный вопрос», неся в себе пласт определенных смыслов, значений, интерпретаций, не позволяет использовать само это понятие и понятие «социальная проблема» в готовом виде, без учета этих смыслов. Следовательно, необходима теоретическая историческая реконструкция значения самого понятия.

Исключительное значение в интерпретации понятия «социальный вопрос» в России принадлежит марксистскому направлению, которое получило доминирующую роль в российской социологической мысли во время и после революции 1917 г. В этот период понятие «социального вопроса» в некотором смысле отождествляется с вопросом рабочим. Наиболее значимые труды принадлежат В. Ленину, И. Сталину, Г. Плеханову, Л. Троцкому. Однако, наблюдается пробел в интерпретации понятия «социальный вопрос» позитивистского течения в России во второй половине XIX в., что не позволяет дать целостную характеристику понятия «общественный вопрос».

Следует начать с характеристики позитивизма в отечественной социологической мысли, так как в России направление является заимствованным, поэтому представлено не в чистой форме, а совокупностью подходов. Целесообразнее в работе употреблять термин «течение позитивизма» в России. Согласно С.С. Новиковой [1], расцвет позитивизма в российской литературе наблюдается с 60-х гг. XIX в., в связи с цензурой, не допускающей труды О. Конта до российской аудитории в более ранние годы. Однако, устранение цензуры, и общедоступность трудов западных позитивистов наступает лишь к 90-м гг. XIX в. Развитие социологии шло в рамках натуралистического и психологического направлений. Натуралистическое направление представляли идеологи географического детерминизма (Л.И. Мечников (1838-1888) и др.) и органицизма (А.И. Стронин (1826-1889), П.Ф. Лилиенфельд (1829-1903)). Представителями психологического направления были Е.В. Де Роберти (1843-1915), Н.И. Кареев (1850-1931), Н.М. Коркунов (1853-1904). Также необходимо отметить большую роль, которую играли в этом процессе социологические теории народников (М.А. Бакунин (1814-1876), П.И. Ткачев (1844-1886)), а в их рамках существующая субъективная школа социологии (П.Л. Лавров (1828-1900), Н.К. Михайловский (1842-1904)). Особое место в этот период занимала плюралистическая школа М.М. Ковалевского (1851-1916), а также получившее распространение с 90-х гг. XIX в. неоконтиантство (Б.А. Кистяковский (1868-1920), А.С. Лаппо-Данилевкий (1863-1919)) [2, с. 14].

Именно в период с 1850-х гг. российские мыслители позитивистского течения включают в оборот понятие «социальный вопрос». Условно смыслы, в которых авторы употребляют понятие можно разделить на несколько категорий: вопрос образования, рабочий вопрос, крестьянский вопрос, социальный переворот, экономический вопрос, женский вопрос и, как выразился П. Сорокин: «вопросы, поставленные жизнью» [3, с. 481].

Говоря о вопросе образования, Д.И. Писарев рассуждает о перестройке российских университетов и уделяет большое внимание естественным наукам: «естественные науки дают человеку то подготовление, при помощи которого он уже без руководителя может следить в течение всей своей жизни за развитием и разработкой различных социальных вопросов» [4, с. 462]. К.А. Тимирязев рассматривал влияние науки на обсуждение социальных вопросов, говоря об этом в контексте «области исследования истины» [5, с. 319].

Д.И. Писарев, помимо вопроса образования, социальными называет вопросы «о школах, о тюрьмах, о фабриках, о народном продовольствии, о рабочей плате, о числе рабочих часов, о народных увеселениях и предрассудках». В этом контексте Писарев убежден, что общество может оценить масштаб значения этих вопросов, только если будет «всматриваться и вдумываться в их гигиеническую сторону» [4]. Гигиене автор уделял особое значение и утверждал, что знания о гигиене необходимы для понимания сути социальных вопросов.

Когда правительство, дворянство и народ поняли, что «идти с ошейником рабства дальше невозможно» [6, с. 249], встал крестьянский вопрос. А.И. Герцен отметил в своих сочинениях: «Правительство желало отмены крепостного права,... губернское дворянство разбилось на партии, стоявшие за и против отмены крепостного права» [6]. Обсуждались способы освобождения крестьян, а помещики видели в этом вопросе нападение на свою собственность и выступали против всяких нововведений. Вопрос освобождения крестьян был наиболее насущным в середине XIX в. и не утихал даже после отмены крепостного права.

Наравне с уже рассмотренными вопросами, социальным был и женский вопрос. О женском вопросе в очень позитивном русле рассуждает Б.Н. Чичерин, отождествляя социальный вопрос с женским. Борис Николаевич утверждает, что в общественной сфере для женщины открывается огромная сфера деятельности, большая, чем в политической, а конкретнее, благотворительность. «Именно женщина своею деятельною любовью призвана врачевать и частные скорби и общественные язвы, и эти проявления несравненно выше и святее, нежели все, что она может совершить в политической области» [7, с. 110].

В контексте, в котором авторы говорят о рабочем и экономическом социальных вопросах, их можно объединить в одну группу интерпретаций. Герцен в статьях в «Колоколе» описывает недовольство людей экономическими условиями труда, злоупотреблениями накопленных богатств, но при этом полное нежелание переезжать в рабочие казармы, разрушать семьи, поступиться частной собственность. Люди хотели при обновлении труда сохранить привычный образ жизни, согласуя его с новыми условиями. «На каких же разумных основаниях можно сделать, согласить такие сложные и противоречащие потребности? В этом-то и задача, весь социальный вопрос так и становится, освобожденный от громовых туч своих и молний» [8, с. 361]. П. Сорокин, рассуждая о жажде знания, пишет: «Расходятся не только брошюры, но и толстые тома, не только по техническим, но и по социальным вопросам. Достаточно указать для примера … толстый журнал «Экономист»...» [3]. Отсюда можно сделать вывод, что именно экономический вопрос Сорокин называет социальным. М.А. Бакунин анализирует рабочий вопрос в США, недовольство рабочих зарплатой, отсутствие работы, миграцию на запад, скопление в центральных районах рабочих пролетарских масс. А заключает свое рассуждение выводом: «И мы видим, в самом деле, что социальный вопрос уже выдвигается в Северных штатах, подобно тому, как он выдвинулся много раньше у нас» [9, с. 88]. Так, интерпретация социального вопроса, данная Бакуниным в 1905 г., перекликается с вариантом Герцена, при том, что Герцен говорил в таком аспекте о рабочем и экономическом социальных вопросах уже 1864-1865 гг.

К.Н. Леонтьев выдвигает уникальный аспект интерпретации социального вопроса – господство международности, отмечая, что «племенные и национальные эмансипации и объединения в XIX в. усиливают культурно-бытовое сходство, ускоряют в высшей степени всеобщую ассимиляцию. Группировка государств по чистым народностям ведет быстрыми шагами европейское человечество к господству международности. По окончании всех этих племенных, народных счетов и разграничений – во всей силе своей поднимается всенародный социальный вопрос» [10, с. 123].

К концу XIX в. с нарастающим революционным настроением в России аспектом социального вопроса становится идея революции и социального переворота. В частности, П.Л. Лавров пишет: «Теоретическая разработка социальных вопросов вызывает неизбежно к практической деятельности, к перестройке общества» [11]. «С каждою революцией, с каждым историческим потрясением яснее и яснее, громче и громче рядом с вопросом политическим выступал вопрос социальный. Убеждение, что лишь революция должна привести к социальному перевороту, росло и распространялось» [11].

В работе П. Сорокина можно выделить еще одно понимание «социального вопроса»: «Человек голодает физически, чтобы хоть сколько-нибудь утолить духовный голод, дать ответ себе на «проклятые вопросы», поставленные жизнью» [3]. Так, некоторые аспекты и других мыслителей XIX в. можно объединить в группу как «вопросы, поставленные жизнью». Например, Н.И. Кареев, критикуя работу Де-Роберти, социальным вопросом называет жизненную задачу: «Обещая говорить о капитальнейших и наиболее важных вопросах социологии, он обошел молчанием, как весь социальный вопрос, так и всякую жизненную задачу нашего времени» [12, с. 96]. Н.Г. Чернышевский использует понятие социального вопроса, цитируя Н.А. Добролюбова: «Для него вопросы социальные – вопросы внутренние, стремления души его, а никак не внешние, навязанные обстоятельствами увлечения, как у большей части других нам известных» [13, с. 52].

Стоит отметить, что понятие «социальный вопрос» обсуждается и в литературных кругах российского общества XIX в. Д.И. Писарев отмечает, что «журнал «Современник» был первым в России, где произнесли разумное слово о социальных вопросах» [14, с. 154]. В одной из своих статей Писарев указывает на особое значение романа как литературного жанра в разрешении и истолковании социальных вопросов. «В решении чисто психологических вопросов роман незаменим; напротив того, в решении чисто социальных вопросов роман должен уступить первое место серьезному исследованию. Но так как чисто социальный интерес почти всегда сплетается с интересом чисто психологическим, то роман может принести очень много пользы даже для разъяснения социального вопроса» [15, с. 327]. Н.П. Огарев социальным вопросов называет освобождение народа от насилия, а решение этого вопроса видит в поэзии, что подтверждается следующей цитатой: «Таким образом поэзия того времени, охватив все поэтическое содержание человеческой природы, в целости своего направления являлась как вызов на политическую борьбу и отчасти коснулась социального вопроса. Но работая ради освобождения народа от насилия и власти, она не была в силах вызвать народ на борьбу, потому что вращалась исключительно в рядах высших, читающих сословий, отделенных от народа отношением властителя к слуге» [16]. Огарев отмечал, что поэзия и литература работают на сближение сословий, тем самым решая социальный вопрос. Иван Тургенев в своем романе «Накануне» не только использует понятие социального вопроса, но и совершенно ясно его определяет как противостояние аристократии и поддержание идеи прогресса. Герой романа Лупояров говорит: «я всегда любил заниматься социальными вопросами и восставал против аристократии... я всегда был за прогресс» [17, с. 426].

Таким образом, рассмотрены смыслы и интерпретации, которые российские позитивисты вкладывали в понятие «социальный вопрос». Для целостного понимания термина «социальный вопрос», который используется и в современной социологии, недостаточно просто сказать «социальный вопрос» – это и женский, и крестьянский, и рабочий, и т.д.». Важно понимать, какая концепция стояла за тем или иным вопросом, что именно считалось «вопросом».

Список литературы

1. Новикова С.С. Особенности развития социологической мысли в России // Социологические исследования. 2002. №. 10. С. 122-130.
2. Новикова С.С. История развития социологии в России //Москва-Воронеж. 1996. 288 с.
3. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 560 с.
4. Писарев Д.И. Сочинения. Т 7. Статьи 1865.
5. Тимирязев К.А. Сочинения. 1843-1920. Т 5. Насущные задачи современного естествознания: Публичные речи. 1938. 507 с.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений. Т 7. Du developpement des idees revolutionnaries en Russie [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://ruslit.traumlibrary.net/book/gerzen-ss30-07/gerzen-ss30-07.html (дата обращения: 08.09.2017).
7. Чичерин Б.Н. Социология. Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2004. 468 с.
8. Герцен А.И. Собрание сочинений. Т 18. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864-1865 годов. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://philolog.petrsu.ru/herzen/texts/30tt.html (дата обращения: 08.09.2017).
9. Бакунин М.А. Анархия и Порядок: соч. М., 2000. 233 с.
10. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т 8. Кн 2. Публицистика 1890-1891 годов. СПб, 2009. 1407 с.
11. Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности. СПб. 1921. 148 с.
12. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Лимбах. 1996. 368с.
13. Чернышевский Н.Г. Сочинения. Т 10. 1862-1863.
14. Писарев Д.И. Базаров. Поговорим! Москва-Петроград. 1923. Режим доступа: http://search.rsl.ru/ru/record/01005409951 (дата обращения: 08.09.2017).
15. Писарев Д.И. Сочинения. Т 6.Статьи 1864.
16. Огарев Н.П. Стихотворения и поэмы. Тургенев И.С. Избранные произведения. Москва. 1941.

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ КАК ОДНОЙ ИЗ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

THE PROCESS OF INSTITUTIONALIZATION OF SOCIAL SUPPORT AS INNOVATIVE TECHNOLOGIES OF SOCIAL WORK WITH FOSTER FAMILIES IN CONTEMPORARY RUSSIA

А.С. Карасева
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
A.S. Karaseva
Ogarev Mordovia State University

Проанализирован процесс институализации социального сопровождения как инновационной технологии социальной работы в современной России с приемными семьями, а также разработана модель профилактики вторичного социального сиротства для специалистов социальной сферы.

This article analyzes the process of institutionalization of social support as innovative technologies of social work in contemporary Russia, with foster families, and a model of secondary prevention of social orphanhood for the specialists of the social sphere.

Ключевые слова: социальное сопровождение, приемная семья, социальная работа, инновация, технология, институализация

Keywords: social support, foster family, social work, innovation, technology, institualization

Следует отметить, что ответственно и объективно оценивая состояние профессиональных знаний приемных родителей, большинство исследователей сходятся на том, что приемная семья должна иметь возможность получить внешнюю поддержку специалистов. Концепция командной работы приемной семьи с внешними специалистами называется технологией *социального сопровождения* [1, с. 80].

Процесс сопровождения развития ребенка осуществляется на основе следующих принципов:

– рекомендательный характер советов сопровождающего;

– мультидисциплинарность сопровождения;

– стремление к автономизации [2].

Исследуя особенности сопровождения приемных семей, ученые к этим общим положениям добавили ряд важных теоретических закономерностей. Наиболее интересными для понимания педагогической сущности сопровождения являются выводы Ж.А. Захаровой о сопровождении в приемной семье процесса воспитания. На основании широкого массива данных и опытно-

экспериментальной работы автор приходит к выводу, что «социальное сопровождение процесса воспитания приемного ребенка в замещающей семье будет эффективным, если он:

– опирается на принципы: непрерывности; аффирмации, системной помощи семье, каждому ее члену; опережающего обучения; деятельностного опосредования; аксиологической направленности содержания; комплексного использования внешнего и

– внутреннего ресурсов, вариативности, постепенности перехода от прямой помощи к взаимопомощи и самопомощи;

– опирается на механизмы семейных проб, сдвига мотива на цель, социального закаливания и гуманизации детско-родительских отношений [3, с. 217].

В рамках изучения данной темы нами было проведено исследование на базе *Петровского сельского поселения Дубенского района Республики Мордовия.* В сентябре 2016 г. – по февраль 2017 г.

Следует отметить, что в Дубенском районе проживает 65 приемных семей. Всего, общее количество семей, в возрасте от 20-40 лет, проживающих на территории Петровского сельского поселения Дубенского района, составляет 140. Вся численность испытуемых была разделена по возрасту и количеству детей и составила 4 группы по 10 приемных семей в каждой, всего 80 человек: *1 группа* – семьи, в которых возраст супругов в диапазоне от 20 до 30 лет, имеющих одного ребенка; *2 группа* – семьи, в которых возраст супругов содержится в диапазоне от 30 до 40 лет, имеющих одного ребенка; *3 группа* – семьи, в которых возраст супругов в диапазоне от 20 до 30 лет, имеющих двух и более детей; *4 группа* – семьи, в которых возраст супругов в диапазоне от 30 до 40 лет, имеющих двух и более детей.

В результате были получены следующие данные. Приведем некоторые примеры вопросов, на которые было предложено ответить респондентам.

Нередко приемные родители встречаются с многочисленными проблемами, которые проявляются в поведении и поступках их ребенка. Исходя из этого мы посчитали целесообразным выяснить и проанализировать перечень проблем, которые преобладают в системе жизнедеятельности данной категории родительства и детства. В соответствии с этим на вопрос: «Какие проблемы поведения опекаемого ребенка в вашей семье представляются Вам наиболее трудными?», мы получили следующие ответы: *приучить к дисциплине* – (81%), а именно: (1 группа – 38%, 2 группа – 16%, 3 группа – 10%, 4 группа – 17%); *преодолеть отрицательный опыт воспитания ребенка в родительской семье* – (61%), а именно: (1 группа – 24%, 2 группа – 15%, 3 группа – 16%, 4 группа – 6%); *привить интерес к школьным занятиям, преодолеть трудности*

с обучением – (73%), а именно (1 группа – 24%, 2 группа – 35%, 3 группа – 12%, 4 группа – 2%); *преодолеть вредные привычки ребенка* – (73%), а именно: (1 группа – 12%, 2 группа – 31%, 3 группа – 24%, 4 группа – 6%); *наладить отношения доверия и взаимопонимания с ребенком* – (69%), а именно: (1 группа – 21%, 2 группа – 26%, 3 группа –18%, 4 группа – 4%).

Следовательно, можем сделать вывод, что в приемной семье возникает достаточное количество проблем, которые представляются трудно разрешимыми из-за отрицательного опыта воспитания ребенка в родительской семье, дисциплины и т.д. Все они зачастую влияют на успешность создания гармоничных отношений в семье, отражаясь на особенностях поведения и характере приемного ребенка.

Чтобы более детально рассмотреть и проанализировать эффективность и результативность деятельности учреждений, цель которых состоит в комплексной реализации технологии социального сопровождения, разнообразными специалистами социальной сферы, мы предложили респондентам ответить на следующий конкретизирующий вопрос: «Скажите, пожалуйста, оказывается ли Вам помощь со стороны территориальных социальных служб, организаций, учреждений, занимающихся проблемами опекунства и попечительства приемных семей?». Получили следующие ответы. Помощь со стороны социальных служб, организаций, учреждений, занимающихся проблемами опекунства и попечительства, приемных семей, оказывается большинству (80 %) семей, а именно: (1 группа – 24%, 2 группа – 18%, 3 группа – 31%, 4 группа – 7%); 19% семьям помощь не оказывается, а именно: (1 группа – 5%, 2 группа – 4%, 3 группа – 7%, 4 группа – 3%).

Исходя из всего вышесказанного мы можем предложить модель профилактики вторичного социального сиротства приемных детей, реализация которой должна начаться в государственном учреждении, куда помещен ребенок, оставшийся без попечения, и систематически продолжить свое «существование» после принятия ребенка в замещающую семью в процессе индивидуального сопровождения.

Желательно, чтобы подготовительная деятельность, носила практико-ориентированный характер и включала следующие блоки:

а) *обучающий* (подготовка ведется с детьми, которым уже подобрана наиболее подходящая для них потенциальная семья). На специально организованных занятиях социальным педагогом, педагогом-психологом, воспитателем дети получают как теоретические, так и практические представления и навыки семейного проживания, формируют собственное представление образа будущей семьи. Большое внимание уделяется

воспитанию чувства ответственности и самостоятельности, конструктивного взаимодействия и сотрудничества со сверстниками и взрослыми;

б) *семейных проб* (ребенок, находится в семье, куда он обычно отправлялся во время выходных и каникул). Фиксируются проблемы проживания и взаимодействия, ребенок имеет возможность получать индивидуальную помощь при возникновении трудностей в новой жизни;

в) *консультативный блок.* На этом этапе специалисты уже имеют определенное представление об особенностях конкретного ребенка, понимают специфику семьи, претендующей на роль приемных родителей, осознают, с какими сложностями может столкнуться ребенок в новых условиях, поэтому цель специалистов приучить ребенка к обращению к ним за консультацией при возникновении трудностей в общении.

Специалистам социальной сферы в целях повышения эффективности применения инновационной технологии социального сопровождения в практике социальной работы с приемными семьями следует опираться в своей деятельности, на компетентностный подход, который включает в себя: опыт, знания, умения, навыки специалиста в работе с данной категорией населения, ее особенности и содержательный характер, в том числе, основные методы, методики осуществления социального сопровождения, которые должны соответствовать индивидуальной ситуации объекта (приемной семьи), на исправление которой оно ориентировано.

Список литературы

1. Токарская Л.В. Психология семьи. Психологическое сопровождение процесса усыновления: учебное пособие / Л.В. Токарская. М.: Юрайт, 2016. 135 с.
2. Меркулова Н.А. Психологические проблемы воспитания детей-сирот в приемных семьях // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2015. №51. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://e-koncept.ru/2015/ 75001.htm. (дата обращения: 25.09.2017).
3. Захарова Ж.А. Психолого-педагогическое сопровождение замещающей семьи, принявшей на воспитание ребенка из учреждения государственного попечения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 216-220.

ФАНДРЕЙЗИНГ КАК ВИД ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

FUNDRAISING AS A TYPE OF PROFESSIONAL ACTIVITY IN SOCIAL SERVICES

А.В. Карпунина
Колледж по подготовке социальных работников г. Москвы
A.V. Karpunina
College of Social Work, Moscow

Анализируется развитие фандрейзинга в социальных службах как вида профессиональной деятельности. Выделяется несколько признаков профессии и проводится анализ их наличия у фандрейзинга в современных учреждениях социального обслуживания. Делается вывод о частичном соответствии, что говорит о продолжающемся развитии фандрейзинга как профессии.

Article analyzes development of fundraising in social services as a type of professional activity. Author identifies several indicators of profession and finds them in fundraising in contemporary social services. As a result of this analysis, author makes a conclusion about partial compliance, which indicates the continuing development of fundraising as a profession.

Ключевые слова: фандрейзинг, учреждения социального обслуживания, профессиональная деятельность, привлечение ресурсов, социальные службы

Keywords: fundraising, social service, professional activities, resource mobilization, social services

Фандрейзинг в учреждениях социального обслуживания (далее – УСО) является неотъемлемой и необходимой частью их функционирования. Под фандрейзингом понимается деятельность сотрудников социальных служб, которые изыскивают ресурсы в дополнение к имеющимся у учреждения и используют их для устранения жизненных трудностей клиентов. Профессии «фандрейзер» в РФ пока нет, эта деятельность не регламентирована, нет профессиональных стандартов, законодательной базы, нет подготовки специалистов по данному профилю образования. Однако фандрейзинг повседневно ведется учреждениями, неформально являясь должностной обязанностью сотрудников УСО. В практике зарубежных социальных служб и отечественных НКО фандрейзинг – отдельный вид профессиональной деятельности. Проверим, имеет ли он ее черты в государственных УСО.

Профессия – это устойчивый и относительно широкий род трудовой деятельности, являющийся источником дохода, предусматривающий определенную совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков и определяемый разделением труда, а также его

функциональным содержанием. Также под профессией понимается большая группа людей, объединенная общим родом занятий [1].

Исходя из этого определения, можно выделить некоторые общие индикаторы, признаки профессиональной деятельности:

1) устойчивость, т.е. некоторая постоянность, повторение одних и тех же действий в течение длительного времени;

2) наличие вознаграждения непосредственно за определенные действия;

3) необходимость теоретических знаний;

4) сформированные навыки практической деятельности, опыт;

5) распределение обязанностей;

6) функциональность, осознание целей деятельности, ее результата;

7) наличие группы лиц, выполняющих схожие действия, независимо друг от друга.

Эмпирической базой для выявления признаков фандрейзинга как формирующейся профессии стали данные исследования, проведенного в 2015 г. в Омской области. Исследованием было охвачено 65 УСО Омской области. В каждом учреждении респондентом выступал сотрудник, который отбирался руководством УСО по критериям: этот человек занимается фандрейзинговой деятельностью, хорошо знаком с ней на уровне учреждения.

Тот факт, что в каждом учреждении есть сотрудник, занимающийся привлечением ресурсов, говорит о наличии группы людей, выполняющих схожие действия (индикатор 7). Фандрейзеры в УСО – это в основном директора/руководители учреждения – 50.8%, заместители руководителя – 15.4%, заведующие отделениями/начальники отделов – 10.7%, специалисты по социальной работе – 9.2%, методисты – 6.2%; воспитатели, социальные педагоги, бухгалтеры, экономисты – 6% (1.7% не указали должность). В основном респонденты занимают руководящие позиции (78.4%). Учреждения относят фандрейзинг к компетенции управленческого персонала (индикатор 5).

Можно отметить наличие схожих характеристик у опрошенных. В основном респонденты – лица женского пола (72.3%). По возрасту большая часть опрошенных находится в интервале 30-49 лет (66.7%), моложе 30 лет – всего 12.1%, а старше 50 – 21.2%. Большинство имеют педагогическое (33.3%) или управленческое образование (21.2%), профильное образование («Социальная работа») лишь у 7.6%. Респонденты указали, что обладают такими качествами, как ответственность (81.5%), коммуникабельность (72.3%), честность, порядочность (72.3%), настойчивость, ориентация на результат, целеустремленность (70.8%), желание помогать другим людям (67.7%), организаторские способности (66.2%). Меньше всего фандрейзерам свойственно стремление к лидерству (16.9%), несмотря на то, что в

большинстве своем они являются руководителями. 89.2% респондентов считают себя оптимистами. Больше половины информантов отнесли свои семьи к семьям со средним доходом. Наличие схожих характеристик у фандрейзеров не случайно, это можно интерпретировать как профессиональный признак.

Большинство опрошенных (64.6%) занимаются фандрейзингом в УСО не более 3 лет. При этом 46.2% респондентов оценивают свой опыт как маленький, 26.2% – как средний и только 12.3% указали, что имеют большой опыт фандрейзинговой деятельности (среди них в основном те, кто занимается ею больше 5 лет). Опыт фандрейзинга менее 3 лет все же стоит считать достаточным (индикаторы 1 и 4), но его оценка респондентами говорит об их потребности в знаниях и навыках (индикаторы 3 и 1).

Что касается теоретической подготовки, только 20% опрошенных прошли обучение фандрейзингу, 33.8% изучали его основы самостоятельно, а 49.3% – вообще не знакомы с теорией фандрейзинга. Т.е. половина фандрейзеров работает с донорами, привлекает и использует ресурсы, но не имеют никакой теоретической подготовки. При этом 78.5% хотели бы пройти дополнительное обучение фандрейзингу, но только при условии, что обучение будет бесплатным. Платить за знания готовы лишь 6.2% опрошенных. Опрошенные считают, что ею должен заниматься профессионал (41.5%) или хотя бы прошедший специальную подготовку сотрудник (30.8%). Это также говорит о существующей потребности в профессиональных знаниях (индикатор 3).

52.3% опрошенных занимаются фандрейзингом по собственному желанию, инициативе, а 44.6% – потому, что это их обязанность, т.е. они должны этим заниматься. Значит для половины респондентов фандрейзинг действительно является профессиональной обязанностью, но в большей степени привлечение ресурсов все же основано на альтруизме фандрейзера (индикатор 5 показателен лишь частично).

Респонденты видят конкретные результаты своей деятельности – 72.3% опрошенных указывают, что без фандрейзинга качество обслуживания клиентов ухудшилось бы и что жизненная ситуация клиентов улучшается благодаря тем ресурсам, которые они привлекли (индикатор 6).

Важнейшим атрибутом профессиональной деятельности является вознаграждение. В современных условиях фандрейзеры в УСО практически не имеют материального вознаграждения. Но 80% респондентов указали на поощрение со стороны руководства, в основном моральное, 90.8% – на положительное отношение коллектива. Значит индикатор 2 не характерен для фандрейзинга в УСО.

Таким образом, фандрейзинг в УСО обладает следующими признаками профессии: он устойчив, ведется на постоянной основе уже в течение

нескольких лет, понимается как обязанность сотрудника (основанная на внутреннем долге или на требовании руководства), в основном занимающего руководящую позицию. Фандрейзеры демонстрируют черты профессиональной группы, используют схожие методы. Они видят и осознают цели и результаты своей деятельности, необходимость профессиональных знаний для ее ведения.

Однако фандрейзингу в УСО не свойственен такой важный атрибут профессиональной деятельности, как доход или вознаграждение за труд. Это позволяет говорить об особой форме профессиональной деятельности, которая, с одной стороны, уже имеет признаки профессии, а с другой – выраженные отличия. Частичное соответствие говорит о продолжающемся становлении фандрейзинга в социальных учреждениях и о необходимости внимания государства к его развитию.

Список литературы

1. Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В.А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. 425 с.

ИНЖЕНЕРНЫЕ ДИНАСТИИ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
ENGINEERING DYNASTY AS A RESOURCE FOR SOCIAL MOBILITY

Е.М. Колесникова
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Москва
E.M. Kolesnikova
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Эволюция профессии как социального института сильно связана с институтом семьи. В целом, среди династийных респондентов более распространена уверенность в своих потенциальных профессиональных достижениях и значимость самостоятельной активности в профессии, хотя не стоит забывать, что они отличаются большим социальным капиталом.

The evolution of the profession as a social institution strongly linked with the institution of the family. Overall, among the dynastic respondents more widespread confidence in their potential professional accomplishments and the importance of activity in the profession, although we should not forget that they have more social capital.

Ключевые слова: социология профессий, межпоколенная мобильность, социальная мобильность, инженеры, профессиональные династии

Keywords: sociology of professions, intergenerational mobility, social mobility, engineers, professional dynasty

Эволюция профессии как социального института сильно связана с институтом семьи. В рамках нашего исследования инженерная династия рассматривается в аспекте межпоколенной профессиональной биографии, а не семейного бизнеса, формализованного в организационную структуру. Профессиональная династия не предполагает обязательного закрепления за семейной/ родственной группой доминирующего положения, наследования управляющих функций. В то же время остается открытым вопрос, каково положение дел в реальности, поэтому одной из задач исследования проекта «Инженерные династии России» (2015-2017 гг.) (грант РГНФ № 15-03-00666) является рассмотрение профессиональных династий как ресурса социальной мобильности. Династийный профессиональный проект рассматривается нами как один из социальных ресурсов, которым располагает человек и который может использовать на профессиональном пути, влиять на исходное и текущее социально-профессиональное положение работника.

Объектом исследования в проекте, той его части, которой посвящена данная статья, являлись студенты технических ВУЗов в гг. Москва и Самара. Выбор данных регионов диктовался присутствием в них развитого промышленного сектора, с достаточным периодом функционирования для формирования инженерных династий, а также наличием профильных учреждений высшего профессионального образования. Основные виды промышленности Москвы – это машиностроение, производство станков, судостроение, приборостроение. К системообразующим отраслям промышленности Самарской области относятся автомобилестроение и производство автокомпонентов, авиакосмическое машиностроение, химия и нефтехимия. Для опроса были выбраны ВУЗы, специализация которых включает подготовку инженеров для различных отраслей машиностроения – МАИ, МАМИ, МАТИ, МПУ, СамГТУ. В опросе приняли участие 290 студентов.

В анкете для студентов задавался вопрос, позволяющий установить сведения о социально-профессиональных траекториях респондентов и характеристиках их ближайшего окружения: наличие у них родственников, относимых ими к категории «инженер». Исходной информацией для получения итоговой шкалы о принадлежности к инженерной династии был закрытый вопрос о наличие у респондентов родственников, относимых ими к категории «инженер». В самой формулировке вопроса мы избегали точной конкретизации понятия «инженер», привязки к какой-то конкретной отрасли производства. Это было сделано на основании трактовки «инженерной» профессии как

обобщенной категории с отсылкой к представлениям самих студентов, обучающихся в технических ВУЗах. Понимание профессии как социальной общности основывается на принятии профессионалом системы социальных ролей, что позволяет абстрагироваться от конкретной должности в организации, узкой специфики содержания труда. В данном случае принципиальным является не отраслевое разделение труда с акцентом на организационно-технологических и квалификационных признаках профессии. В качестве признака структурирования профессии и профессиональной общности выступает идентификация с профессией.

В исследовании к категории «династийных» были отнесены респонденты/студенты, которые отметили «более 1» родственника, практикующего/практиковавшего по «инженерной специальности», исключая тех, чьи «родственники» относятся только к возрастной группе сверстников («сестра(ы)/ двоюродный(е) сестра(ы)»; «брат(ья)/ двоюродный(е) брат(ья)»). Данное исключение сделано на основании того, что такой уровень родства исключает/ставит под вопрос межпоколенную связь (с учетом возраста респонедентов), что немаловажно для отнесения не просто к профессиональной группе, а династии. Доля «династийных» респондентов составила 62%.

Статус профессиональной группы и межпоколенческая приоритизация составляющих

Отличительными особенностями профессий как таковых в литературе традиционно выделяются: экспертное знание, опирающееся на теоретическую базу; служение общественному благу как ведущая цель практики; самостоятельность решений в непосредственной основной деятельности, которая должна быть более значима для профессионала, чем формальные трудовые обязательства. Эти составляющие позволяют рассчитывать и на должное признание профессии и высокое экономическое вознаграждение, уровень жизни. Престиж современных инженерных профессий в мире, хотя и разнится в зависимости от специализации (наиболее весомые позиции занимают специалисты в сфере IT, нано- и биотехнологий), традиционно высок.

Инженерная профессия в сегодняшней России продолжает испытывать давление вызовов, связанных с экономической ситуацией, рынком труда и структурой занятости, поэтому важно рассмотреть, какие характеристики отмечаются профессионалами как важные составляющие высоких статусных позиций. Для студентов инженерных ВУЗов, принявших участие в исследовании, высоко значимы такие аспекты профессии, как возможность влиять на собственную социальную позицию («возможность карьерного роста», «возможность самостоятельно принимать решение на своем рабочем месте», «возможность достойного дохода», «хорошие условия труда») и использовать

экспертное знание на общественное благо («возможность приносить пользу обществу»).

В целом респонденты продемонстрировали единство относительно значения характеристик профессии, но стоит отметить, что для «династийных» студентов более ценна «возможность самостоятельно принимать решение на своем рабочем месте». Межпоколенная включенность в профессиональную группу, таким образом, сочетается с приоритизацией независимости мнения в практике. Автономия современного инженера важна с точки зрения ответственности за выбранные и предложенные решения, за их социальные, экологические и прочие последствия, в связи с вызовами коммерциализации и бюрократического давления на профессию. Современные технологии делают опасными как самоуверенность и пренебрежение к ошибкам, так и принятие технических решений в угоду любым интересам, кроме общественных.

Стратегии занятости и межпоколенческие статусные трансферты

Несмотря на то, что положение профессии инженера в России изменилось в постсоветский период, и сегодня принадлежность к ней является существенным вкладом в социальный статус работника. В сегодняшней России промышленность перестала быть самым крупным сектором, с точки зрения занятости, а также интенсивности создания и локализации высокотехнологичных и наукоемких рабочих мест. Но в то же время профессиональное разделение труда вносит существенный вклад в неравенство по заработной плате, а сама принадлежность к профессии инженера позволяет рассчитывать на существенное вознаграждение. Таким образом, выбирая данную профессию, молодое поколение работников предполагает возможность занимать достойное положение в обществе. Результаты нашего исследования также позволяют отметить, что среди мотивов выбора профессии, направления получаемого профессионального образования студенты чаще всего отмечают факторы статуса профессии и основного содержания труда.

Стратегии занятости и профессиональной биографии студентов едины в общем тренде предпочтения государственного и частного секторов наемного труда как более выгодных вариантов для начала профессиональной карьеры, а собственного бизнеса как варианта занятости в будущем. Современный рынок инженерного труда включает как наемный труд в государственном и частном сегментах занятости, так и предпринимательство, и именно этот сегмент занятости является важной частью экономик стран мировых лидеров, а также серьезным ресурсом укрепления позиций профессиональной группы инженеров. Современные страны, занимающие лидирующие позиции во вложениях в НИОКР, отдают предпочтение негосударственному финансированию и развитию высокотехнологичного и наукоемного

производства в сфере малого и среднего предпринимательства. Истории успеха молодых инженеров-предпринимателей в мире впечатляют технологическими прорывами и последующим развитием старт-апов в крупные корпорации. В данном контексте вполне закономерно, что максимизация самореализации в профессиональной деятельности связывается всеми студентами-инженерами именно с занятостью в «собственном бизнесе». Несмотря на сложности современного предпринимательства в высокотехнологичном производстве, риски, связанные с такой деятельностью, само желание реализовать инициативу остаются насущными.

Сама специфика секторов и последствия занятости в них для работников разнятся в понимании респондентов, что способствует расхождениям в представлениях о профессиональных траекториях студентов-инженеров. Основными достоинствами государственного сектора занятости все студенты выделяют «стабильность занятости» и «хороший социальный пакет», частного сектора – «высокая оплата труда» и «хорошие условия труда». «Не династийные» студенты чаще предпочитают наемный труд в государственном секторе как вариант развития профессиональной карьеры, и выше, чем «династийные», ценят среди его достоинств «хорошие условия труда», а в частном сектор – «возможность многому научиться». «Династийные» же студенты не продемонстрировали выраженного предпочтения между частным и государственным сегментами наемного труда как вариантами потенциальной занятости, но среди достоинств частного сегмента занятости в целом они больше, чем «не династийные», ценят «перспективы карьерного роста».

Принадлежность к династии может быть рассмотрена как фактор, упрощающий доступ в группу или продвижение в ней, что важно в условиях высокой конкуренции на рынке труда. Стоит отметить, что, несмотря на то, что «династийные» респонденты не демонстрируют тенденцию прямого использования социальных ресурсов для продвижения в профессиональной биографии, среди них не только больше доля выходцев из групп с доступом к административным/властным ресурсам, но и выше лояльность к профессии в межпоколенной перспективе, а также более ярко выражена карьерная ориентация. Для «династийных» студентов более, чем в два раза значимы факторы ближнего окружения при принятии решения о выборе профессии, среди них больше тех, кто бы предпочел, чтобы их дети продолжили инженерную династию, и больше тех, кто считает, что профессиональная принадлежность к группе инженеров дает больше шансов на достойную жизнь. Среди «династийных» респондентов преобладает доля тех, чьи отцы по социально-профессиональной принадлежности занимали/занимают позиции «руководителя». Таким образом, в целом, среди династийных респондентов

более распространена уверенность в своих потенциальных профессиональных достижениях и значимость самостоятельной активности в профессии, хотя не стоит забывать, что они отличаются большим социальным капиталом.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

INNOVATIVE PRACTICES TO IMPROVE THE QUALITY OF LIFE OF OLDER PEOPLE (ON THE EXAMPLE OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION)

Е.Е. Кондратьева
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Нижний Новгород
Н.Е. Кондратьева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E.E. Kondratieva
Russian University of Justice, Nizhny Novgorod
N.E. Kondratieva
Lobachevsky University

Посвящено актуальным социальным проблемам современного российского общества: стареющему населению, инновационной практике дифференцированного подхода к предоставлению социальных и медицинских услуг для граждан старшего поколения и людей с ограниченными возможностями, созданию условий для активного долголетия.

The article is devoted to current social challenges of modern Russian society: ageing population, innovative practices of differentiated approach in the provision of social and health services for citizens the older generation and people with disabilities, the creation of conditions for active longevity.

Ключевые слова: социальные услуги, пожилые люди, инвалиды, инновационная социально-образовательная структура, качество жизни

Keywords: social services, elderly people, people with disabilities, innovative socio-educational structure, the quality of life

По данным среднего варианта прогноза Федеральной службы государственной статистики, доля граждан старше трудоспособного возраста в Российской Федерации увеличится с 2016 г. по 2025 г. с 24.6% до 27% и составит 39.9 млн. человек. В РФ процессы старения населения происходят на фоне относительно низкой продолжительности жизни населения и сохраняющейся высокой смертности трудоспособного населения. Данная тенденция нашла отражение в Стратегии действий в интересах граждан

старшего поколения в РФ до 2025 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р).

Ключевые задачи Стратегии – формирование условий для использования знаний, опыта, потенциала старшего поколения, оказание им необходимой помощи. Результатом реализации Стратегии должно стать создание условий для активного долголетия старшего поколения, повышающих уровень и качество их жизни. Для этого необходимо определить направления государственной политики не только по оказанию помощи гражданам старшего поколения и социальным институтам, взаимодействующим с указанной категорией граждан, но и активному их вовлечению в жизнь общества. Одним из таких институтов является система социального обслуживания граждан. По состоянию на 1 января 2015 г. в Российской Федерации насчитывается свыше 3,7 тысяч организаций социального обслуживания для граждан старшего поколения и инвалидов различного профиля.

Каждый регион имеет свой уникальный опыт работы с пожилым населением. Например, в Нижегородской области в 2015 г. был создан Университет старшего поколения при государственном учреждении «Областной центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов» Нижегородской области» (ОЦСОГПВИИ). Основные функции центра – полустационарное социальное обслуживание и социальное обслуживание на дому граждан пожилого возраста и инвалидов, нуждающихся в услугах. Университет старшего поколения – дополнительная инновационная социально-образовательная структура, которая предоставляет возможность полноценного общения пожилых граждан и инвалидов, повышения качества их жизни и социальной активности. Девиз Университета старшего поколения: «Через обучение к повышению качества жизни пожилых людей».

Основные задачи Университета старшего поколения:

- помочь людям пенсионного возраста успешно адаптироваться к современным условиям жизни, в современном информационном пространстве;
- овладеть современными образовательными технологиями;
- сформировать принципы здорового образа жизни.

Университет организует научные, просветительские и учебные курсы, программы, творческие мастерские, содействующие раскрытию внутренних возможностей и самореализации граждан пожилого возраста и инвалидов.

Слушатели Университета – граждане пенсионного возраста и инвалиды старше 18 лет могут выбрать любой (или несколько) из шести факультетов. Перечислим их:

– Факультет «Психология» (Психопрофилактика, арт-терапия, тренинги) дает основные теоретические и практические знания по психологии, столь необходимые для адаптации к новому социальному статусу.

– Факультет «Краеведение и «Социальный туризм» через экскурсии, походы в театры, музеи знакомит с культурной жизнью столицы Поволжья.

– Факультет «Художественное творчество» (основы изобразительного искусства);

– Факультет «Декоративно-прикладное искусство» через тематические практические занятия, мастер-классы дает навыки освоения новых видов народно-прикладного творчества.

– Факультет «Здоровье» обучает навыкам ухода за маломобильными гражданами на дому, ЛФК, ароматерапии, фитнесу для пожилых, что способствует укреплению здоровья, продлению активного долголетия.

– Факультет «Правоведение» (правовая и экономическая культура), знакомя с современным законодательством, учит свободно ориентироваться в правовом пространстве.

Количество факультетов и их направленность может изменяться в соответствии с запросами слушателей Университета в начале каждого учебного года. Например, планируется открытие факультета иностранных языков.

Каждый курс имеет определённую структуру обучения и рассчитан на шесть месяцев. Программы занятий включают лекции, семинары, круглые столы, экскурсии, тренинги и другие формы обучения. Занятия могут проводиться как в групповой (не менее 5 человек), так и в индивидуальной форме. Слушатели вправе посещать одновременно разные факультеты. Занятия для них бесплатны. Преподаватели Университета работают на добровольных началах и на безвозмездной основе. Преподавателем может стать специалист, получивший согласие руководителя Университета.

К работе «Университета» привлекаются культорганизатор, психологи, юрист, инструктор по трудотерапии, врач, медицинская сестра, другие специалисты Центра, а также на добровольных началах специалисты учреждений здравоохранения, образования, культуры и др. Проводить отдельные занятия могут студенты средних и высших учебных заведений, в том числе находящиеся на практике в Центре.

Общий учебный план-график и расписание занятий каждого факультета составляется руководителем Университета и корректируется в соответствии с пожеланиями слушателей. Тематический план составляется преподавателем по определенной форме и утверждается руководителем Университета. План может корректироваться в течение учебного года по пожеланиям слушателей и исходя из имеющихся ресурсов.

«Успеваемость» слушателей и качество занятий оценивается через первичное и итоговое анкетирование, тестирования и другие формы преподавателями Университета в течение курса. Тем, кто успешно выдержал испытания, выдаются дипломы о прохождении обучения.

Приведем несколько отзывов выпускников Университета из Книги обращений:

«Мы выражаем благодарность за организацию занятий в Университете «Старшее поколение». Уважаемые люди делятся с нами своими знаниями, терпеливо разъясняют и помогают понять совершенно новое и неизведанное. Занятия на факультете краеведения и социального туризма удивляют огромными познаниями Сорокиной Альбины Александровны. Все занятия проходят как познание неизведанного: наш родной город предстал перед нами совсем другим новым, необыкновенным. История города Нижний Новгород – это познание прошлого родных мест, улиц, памятников. История жизни предков учит добру, хорошему». (Ученики первого выпуска и учащиеся второго выпуска. 11 Подписей. 03.03.2015 г.)

«Мы, слушатели университета «Старшее поколение», с большим удовольствием благодарим педагогов университета за то, что нам было очень интересно посещать эти занятия. Особая благодарность Степановой Марине Евгеньевне за организацию учебного процесса. Хочется посещать все занятия, особенно психологию, и дальше просим разрабатывать новую программу для выпускников 2015 г. и открыть новые факультеты. Хочется узнать новое, потому что благодаря вам стало интереснее жить. Многое узнали о себе, сможем себя сдерживать. Очень жаль, что закончились курсы. Надеемся, пригласите вновь» (9 подписей. 15.04.2016 г.).

«Хочется выразить благодарность всему коллективу во главе с директором Папко Зинаидой Семеновной и особенно нашим уважаемым лекторам- преподавателям университета. Все было интересно и познавательно. Лекции были составлены так, что затрагивались вопросы, интересующие всех нас. Мы получили исчерпывающие ответы даже на дополнительные вопросы. Но самое главное – доброжелательность, заинтересованность и внимание. Такая прекрасная душевная атмосфера. Расстаемся с большим сожалением. Мы хотим и на будущее продолжить занятия. Желаем зравствовать этому очень душевному коллективу, далее развиваться и совершенствоваться. С Вами мы не чувствуем себя в одиночестве. Это большая поддержка и стимул чувствовать себя нужными и еще «молодыми» (9 подписей. 21 апреля 2016 г.).

«Приносим большую благодарность Сосниной Ольге Анатольевне – преподавателю факультета декоративно-прикладного творчества. Узнали много нового об искусстве стран мира, таких, как оригами, квилит, печворд. Сделали

своими руками прекрасные поделки, которые радуют наших родных и друзей. Исполнились детские мечты научиться вышивать лентами, изготавливать из ничего прекрасные цветы, клоунов (петрушек). Хочется научиться еще чему-нибудь, в мире так много прекрасного! С уважением к Вам». (5 подписей. 16.04.2016г.)

«Университету старшего поколения посвящается!
А где нам взять слова такие,
Чтобы спасибо Вам сказать!
Чтобы душевно прозвучали ,
И чтоб до сердца достучать!
Вы целый год нам помогали,
Так много нового узнать,
Мы не хотим прощаться с Вами
Хотим учиться мы опять!» (8 подписей. 2016 г.)

Можно продолжить цитировать Книгу обращений, перечисляя все факультеты и всех преподавателей, поскольку о каждом есть душевные слова благодарности. Иначе и быть не могло: ведь приходят помогать другим (кому-то выжить, кому-то интересней жить) люди неравнодушные.

Специалисты ГУ «ОЦСОГПВИИ» обобщают наработанные методические и информационные материалы по актуальным вопросам социальной защиты для распространения опыта и новаций с целью совершенствования системы социального обслуживания населения Нижегородской области. Но потенциал добровольчества всегда ограничен. Поэтому существующие организации социального обслуживания не могут полностью обеспечить всех нуждающихся граждан старшего поколения в должном социальном обслуживании. Необходима организационная, информационная и иная поддержка развития инфраструктуры социального обслуживания, создание новых современных центров социального обслуживания, активное привлечение к предоставлению социальных услуг бизнеса и некоммерческих организаций.

ВЛИЯНИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ВОЛОНТЕРСТВА НА ДОСТУПНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ

INFLUENCE OF INCLUSIVE VOLUNTEERING ON THE ACCESSIBILITY OF SOCIAL SERVICES FOR THE DISABLED

О.В. Красуцкая
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
O.V. Krasutskaya
Lobachevsky University

Анализируется определение инклюзивного волонтерства, процесс его становления на территории Нижегородской области, а также описывается влияние данного вида волонтерства на доступность социальных услуг для инвалидов.

The definition of inclusive volunteering and process of its forming in the Nizhni Novgorod region are analyzed. The influence of this kind of volunteering on the accessibility of social services for the disabled is described.

Ключевые слова: инклюзивное волонтерство, доступность социальных услуг, реабилитация инвалидов

Keywords: inclusive volunteering, accessibility of social services, rehabilitation of disabled people

Волонтерская деятельность представляет собой один из важнейших социальных мостов, позволяющих выстраивать взаимодействие между индивидами, оказавшимися в ситуации социальной эксклюзии, и обществом в целом. Ввиду множества физических и социальных барьеров инвалиды наиболее часто подвергаются социальному исключению.

Исследователи выделяют объективную и субъективную социальную эксклюзию, полагая, что объективная социальная эксклюзия представляет собой совокупность барьеров, существующих и воспроизводимых в обществе, которые препятствуют предоставлению лицам с инвалидностью равных социальных возможностей. Субъективная социальная эксклюзия – ощущение исключенности из различных сфер жизни или ощущение наличия меньших возможностей реализации своего потенциала по сравнению с другими [1].

В качестве механизма преодоления объективной и субъективной социальной эксклюзии может рассматриваться инклюзивное волонтерство. В России инклюзивное волонтерство находится на этапе становления. По данным Ассоциации волонтерских центров, проекты в сфере инклюзивного волонтерства составляют 6% от общего количества волонтерских проектов, реализуемых на территории федеральных округов Российской Федерации [2].

Данный вид волонтерской деятельности определяется как форма гражданского участия лиц с инвалидностью в общественно полезных делах, способ коллективного взаимодействия [3]. В основе инклюзивного волонтерства находится совместная работа по решению различных проблем людей с инвалидностью и без. Отличительной чертой инклюзивного волонтерства от других видов волонтерской деятельности является то, что инвалиды перестают быть пассивными получателями добровольческой помощи, а становятся активными участниками данного процесса. Как известно, волонтерская деятельность оказывает положительный воздействие не только на тех, кому предоставляется поддержка, но и на самих волонтеров. Вовлечение инвалидов в волонтерскую деятельность способствует снижению уровня стигматизации данной социальной группы, расширению сети социальных контактов и накоплению социального и человеческого капитала.

Сторонник ресурсного подхода Н.Е. Тихонова полагает, что социальный капитал не только обеспечивает доступ к ресурсам других индивидов, но и помогает более эффективно использовать собственные ресурсы. Данный капитал может измеряться при помощи анализа включенности в неформальное общение с друзьями и знакомыми, участия индивидов в общественных ассоциациях, неформальных сообществах, наличия связей с представителями из высоких страт общества, к которым при необходимости можно обратиться за помощью. Исследователь подчеркивает, что социальный капитал может конвертироваться в экономический, избавляет от финансовых издержек, позволяет упростить получение малодоступных ресурсов [4].

Зачастую ввиду физических, географических, транспортных, временных, экономических, социокультурных и информационных барьеров малодоступным ресурсом для инвалидов становятся социальные услуги. Информационная доступность социальных услуг для инвалидов во многом определяется правовой грамотностью индивида, обращающегося за помощью. Знаний своих прав недостаточно для того, чтобы получить социальные услуги, поскольку законов прямого действия немного и реализация положений законодательства осуществляется путем введения множества нормативных правовых актов, регламентирующих и конкретизирующих деятельность социальных служб. В связи с этим происходит разночтение законодательных норм индивидами, обратившимися за помощью, и специалистами социальных учреждений. Основываясь на субъективных ожиданиях, инвалиды могут не правильно представлять виды и объемы помощи, на которые они имеют право, а также механизм их получения [5]. По мнению Дж. Коулмена, социальный капитал является значимым источником получения информации: «Человек, не очень интересующийся текущими событиями, но желающий быть в курсе всего

самого важного, может сэкономить время на чтении газеты, общаясь с людьми, уделяющими этому вопросу больше внимания» [6]. Расширяя свою сеть социальных контактов, посредством инклюзивного волонтерства, инвалиды могут получать информацию о социальном обслуживании от тех, кто за ней уже обращался, прошел процедуру оформления необходимых документов для ее получения.

В целях решения проблемы информационной доступности социальных услуг некоммерческими организациями реализуется ряд проектов, направленных на повышение социально-правовой грамотности. Одним из таких проектов, служащих примером инклюзивного волонтерства, является проект «Мобильная общественная приемная ветеранов и инвалидов боевых действий Нижегородской области», реализуемый Нижегородской региональной организацией Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане и военной травмы «Инвалиды войны».

В рамках проекта создана мобильная общественная приемная для ветеранов и инвалидов, проживающих в районах области. Технической основой мобильной общественной приемной является 7-местный автомобиль, который оснащен специальным оборудованием и оргтехникой, а также имеющий в наличии видео- и аудиоматериалы социально-правового характера, юридическую и методическую литературу. Мобильный комплекс используется при выездах в населенные пункты области с участием специалистов органов социальной защиты для осуществления на местах консультаций ветеранов, инвалидов и членов их семей по социально-правовым вопросам.

Способствуя более активному взаимодействию инвалидов с представителями других социальных групп, инклюзивное волонтерство, позволяет уменьшить влияние социокультурных барьеров на доступность социальных услуг. Несмотря на то, что инвалиды рассматриваются обществом как «достойные бедные», имеющие право на социальную помощь, неумение социума выстраивать взаимодействие с представителями данной социальной группы, ввиду отсутствия знания психологии инвалидности, их социокультурных особенностей, приводит к отказу лиц с инвалидностью обращаться за социальными услугами, включаться в социальную жизнь.

В качестве примера механизма, направленного на преодоление социокультурных барьеров, ограничивающих социальную адаптацию инвалидов, служит фестиваль русского жестового языка «Ы». Данный фестиваль проводился в г. Нижнем Новгороде в 2016 и 2017 гг. в целях знакомства слышащих с культурой глухих, преодоления барьеров в общении и популяризации жестового языка. В ходе фестиваля были проведены лектории о культуре глухих, основах гармоничного взаимодействия между глухими и

слышащими, а также организована площадка возможностей, где глухим предлагалась работа или образование.

Значимость инклюзивного волонтерства признана не только обществом, но и государством, о чем свидетельствует включение в проект Распоряжения Правительства РФ «Об утверждении концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года» мер поддержки и развития данного вида волонтерской деятельности.

Инклюзивное волонтерство представляет собой механизм социальной реабилитации инвалидов, способствующий поддержанию морально-психологического состояния индивида, предоставляющий возможность реализовать свой потенциал, получить необходимые знания и навыки, необходимые для включения в социально-экономическую жизнь общества.

Список литературы

1. Коржук С.В. Преодолевая социальную эксклюзию: стратегии людей с инвалидностью // Исследования молодых учёных: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика: сб. ст. / Под ред. О.В. Тарасовой, А.А. Горюшкина; ИЭОПП СО РАН – Новосибирск, 2015. С. 137-143.
2. Сборник лучших практик развития волонтёрского движения субъектов Российской Федерации / Составители – А.В. Ковтун, А.А. Соколов. Под ред. Т.Н. Арсеньевой. М.: АВЦ, 2016. 93 с.
3. Богдановская В.И. Об инклюзивном добровольчестве как ресурсе по формированию культуры здорового образа жизни // Состояние здоровья: медицинские, социальные и психолого-педагогические аспекты: сб. ст. VII Международной научно-практической интернет-конференции / Отв. ред. С. Т. Кохан. Изд-во: Забайкальский государственный университет, Чита. 2016. Режим доступа: http://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Ob_inklyuzivnom_dobrovol%27chestve/Bogdanovskaya_V.I._Ob_inklyuzivnom_dobrovolchestve....pdf (28.09.2017).
4. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 25-34.
5. Ткаченко В.С. Социальное просвещение инвалидов в контексте государственной социальной политики // Социальная политика и социология. 2010. № 1 (55). С. 180-193.
6. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121-139.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕМЕЙ С РЕБЕНКОМ-ИНВАЛИДОМ К СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

THE RESEARCH OF FAMILIES WITH HANDICAPPED CHILD POTENTIAL TO SYSTEMATIC ACTIVITIES OF DIFFERENT FORMS OF PHYSICAL EXERCISES

М.В. Курникова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Л.Н. Стрельцов
Департамент по спорту и молодежной политике администрации г. Нижнего Новгорода
M.V. Kurnikova
Lobachevsky University
L.N. Streltsov
Department of Sports and Youth Policy of Nizhny Novgorod

По результатам анкетирования рассматриваются возможности ресурсного потенциала к систематическим занятиям различными формами физической активности семей города Нижнего Новгорода, воспитывающих ребенка-инвалида.

The resource potential possibilities to systematic activities of different forms of physical exercises of Nizhny Novgorod city families with handicapped child by questionnaire results are examined in this article.

Ключевые слова: систематические занятия физкультурой и спортом, семья, физическая активность детей-инвалидов

Keywords: systematic activities of physical exercises, family, physical activity of handicapped children

Актуальность. Внедрение физической культуры и регулярной физической активности в быт детей и подростков с инвалидностью, превращение их в привычку и жизненную необходимость, часть активного отдыха и культурного досуга, является одной из основных задач реализации принципов доступности и массовости социальной политики государства в сфере поддержки семей, воспитывающих ребенка-инвалида [1]. Паттерн физической активности формируется в раннем возрасте и закладывает фундамент на всю жизнь. Ребенок с нарушениями развития не может сформировать физически активный стиль жизни, т.к. ему намного труднее, чем здоровым сверстникам, выполнять движения и у него меньше возможности получать радость и удовольствие от движений [2]. Гипокинезия приводит к нервно-психическим расстройствам (слабеет память, суживаются интересы,

нарушается речевая функция), развивается астенизация организма, нарастают патологические изменения нервно-мышечного аппарата [3]. Регулярная физическая активность для ребенка с особенностями развития является необходимым средством абилитации, профилактикой осложнений основного заболевания.

Задача социума – стимулировать ребенка поддерживать общую физическую активность на максимально возможном для него уровне, а так же создавать условия, в которых он мог бы самостоятельно накапливать двигательный опыт, задействуя силу, выносливость, другие физические качества и заниматься различными видами спорта.

Сегодня в Российской Федерации разработана правовая база для организации адаптивной физкультурно-спортивной деятельности, нормативные показатели приема (зачисления) в спортивные секции, нормативы по наполняемости учебных групп и распределения, утверждены типовые программы для секций адаптивного спорта. Для обеспечения круглогодичной физической активности детей-инвалидов в дополнение к урокам физической культуры нужны различные формы занятий и тренировок: тренировки в бассейне, тренировки в спортивном зале, на улице, массовые физкультурно-спортивные праздники, выездные физкультурно-рекреационные мероприятия [4; 5]. При этом инициатором и активным организатором вовлечения в регулярную двигательную активность ребенка с нарушениями развития в необходимом объеме может быть только семья.

Семья является одним из основных агентов социализации детей. В семье ребенок с первых лет своей жизни усваивает нормы человеческих отношений. В семье закладываются отношения ребенка к окружающему, он получает опыт нравственности, моральных основ поведения. К сожалению, лишь незначительная часть семей имеет направленность на проведение семейных физкультурно-оздоровительных мероприятий [6]. Возможность посещения и регулярность физкультурных занятий детьми и подростками с инвалидностью напрямую зависит от желания родителей. Для повышения мотивации к регулярным занятиям (в том числе и самостоятельным), содействию распространения простейших и эффективных практик ежедневной физической активности необходимо обучение родителей практическим навыкам использования средств плавания, фитнеса, подвижных и спортивных игр в круглогодичном режиме [7].

Согласно социально-экологической модели семьи У. Бронфенбреннера, окружение человека представляет собой систему встроенных друг в друга структур подобно матрешкам – микросистемы, мезосистемы, экзосистемы и макросистемы. В качестве исходной матрешки (микросистемы)

рассматривается семья или диада матери и ребенка. Мезосистема состоит из связей между несколькими окружениями, в которых находится человек (например, дом и школа или дом и работа). Другими словами, мезосистема является комбинацией микросистем. Экзосистема содержит связи между несколькими окружениями, причем хотя бы в одном из них субъект не находится, но события, происходящие в нем, оказывают влияние на окружение, в котором развивается человек. Для семьи с ребенком-инвалидом это социальные институты и организации образования, здравоохранения, социального обслуживания и т.д. Макросистема состоит из переплетения микро-, мезо- и экзосистем в рамках данной культуры, субкультуры или иного более широкого контекста с особым акцентированием при этом убеждений относительно возможностей развития, жизненных стилей, источников развития, возможности выбора. В качестве макросистем могут выступить социальный класс, этнические или религиозные группы, сообщества – то есть те социальные структуры, которые обладают общими вышеперечисленными свойствами: жизненные стили, экономические источники, система взглядов и убеждений и т.д. Подход У. Бронфенбреннера предполагает учет не столько объективного окружения семьи, сколько того, как оно воспринимается самим субъектом (родителями и детьми) [8].

Ресурсный потенциал семьи с ребенком-инвалидом – *это комплекс биологических, психофизиологических характеристик ребенка, а также социально-средовых факторов мезосистемы и экзосистемы, позволяющих в той или иной степени реализовать его потенциальные способности и определить возможный уровень физической активности и социальных связей.* Базовой составляющей ресурсного потенциала является уровень физического развития, соматические заболевания, характерологические особенности, психическое развитие, свойственные данному ребенку и сохранившиеся вопреки заболеванию или дефекту. Он служит основой для разработки индивидуальной стратегии физической активности. Ресурсы мезосистемы – это привычная, уже имеющаяся, исходная физическая активность ребенка, состав семьи, мотивация членов семьи к вовлечению в физическую активность, степень осознания ответственности и готовность к смене жизненного стереотипа, к регулярным тренировкам и занятиям, соблюдению правил посещения физкультурных учреждений.

Цель данного исследования – оценка ресурсного потенциала мезосистемы семьи с ребенком инвалидом для построения дальнейшей стратегии вовлечения в физическую активность.

Методы и организация исследования. Исследование проводилось при содействии Департамента по спорту и молодежной политике города Нижнего

Новгорода в период с октября 2016 по февраль 2017 г. методом анкетирования. В анкетировании приняли участие родители детей-инвалидов, n=624, проживающие в Сормовском, Канавинском, Ленинском, Автозаводском, Нижегородском и Приокском районах города Нижнего Новгорода, из них: родители девочек (n = 267), родители мальчиков (n=357). Средний возраст детей 11,1±6,7 лет.

Результаты и их обсуждение. Наибольшую часть опрошенных составили родители детей с нарушением интеллекта и с соматическими заболеваниями (35.4% и 29.2% соответственно). Указали поражение опорно-двигательного аппарата (детский церебральный паралич, ампутация конечностей, травма спинного мозга) как основную причину инвалидности ребенка 15.1% родителей. Наименьшую часть опрошенных составили родители детей с поражением зрения и слуха (6.4% и 3.2% соответственно). Не указали нозологическую группу инвалидности своего ребенка 67 человек, что составило 10.7% опрошенных. Таким образом, основной массив исследуемой группы составили родители детей с нарушением интеллекта, с соматическими заболеваниями и с заболеваниями опорно-двигательного аппарата.

Для выбора стратегии физической активности лимитирующим фактором является степень нарушения у ребенка функции передвижения. В наш опрос была включена Functional Ambulation Classification, категории 1-5 [9]. По способности детей к самостоятельному передвижению исследуемая группа распределилась следующим образом:

– Категория 1. Не способен самостоятельно передвигаться, перевозится в кресле, требуется постоянная помощь для передвижения – 2.6%;

– Категория 2. Нуждается в физической помощи для передвижения по ровной поверхности для предотвращения падения, помощь состоит в лёгкой постоянной или периодической поддержке для баланса и координации – 2.1%;

– Категория 3. Способен передвигаться по ровной поверхности без физической помощи, но, в целях безопасности, нуждается в страховке – 6.1%;

– Категория 4. Независимое передвижение только по ровной поверхности – 7.7%;

– Категория 5. Независимое передвижение как по ровной поверхности, так и по ступенькам, откосам, перешагивание препятствий – 72.1%;

– Не указали степень нарушения функции передвижения – 9.4%.

Как следует из приведенных выше данных, две трети детей-инвалидов опрошенных семей не имеют ограничений функции передвижения. В помощи при передвижении различной степени участия нуждаются 18.5% детей.

Для того, чтобы выстраивать модели и стратегии расширения физической активности, необходимо принимать во внимание уже имеющуюся базовую

привычную физическую активность ребенка-инвалида. На вопрос, «Занимается ли Ваш ребенок физической культурой, спортом (каким и где)?» ответы родителей распределились следующим образом (по убыванию количества): посещает уроки физкультуры в образовательной организации – 39.7%; тренируется в спортивной секции – 17.2%; делает гимнастику дома – 12.7%; занимается лечебной гимнастикой в реабилитационном центре – 12.2%; самостоятельно делает упражнения на уличной спортивной площадке – 0.5%. Следует отметить, что наибольшее количество детей вовлечены в физическую активность посредством уроков физкультуры в школах и тренировок в организованных группах при спортивных учреждениях (56.9%). Меньшее количество детей (25.4%), занимаются при активном участии родителей, так как упражнения дома, на уличной спортивной площадке, посещение реабилитационного центра подразумевает совместное времяпрепровождение ребенка и взрослого члена семьи. Совсем не занимаются никакими видами физической активности 17.8% детей с инвалидностью.

При этом 86.2% родителей хотят, чтобы их ребенок занимался физической культурой, и 70.5% готовы сопровождать ребенка на систематические тренировки в физкультурно-спортивные учреждения города для занятий спортом в группах для детей с особенностями развития. Категорически против физических нагрузок для ребенка-инвалида 12.3% семей. Не готовы тратить время на сопровождение своих детей на тренировки 27.2% родителей по причине отсутствия свободного времени и плотного рабочего графика. При этом следует отметить, что только 4 семьи считают, что физкультурные занятия для ребенка с инвалидностью зависят не от желания родителей, а от разрешения врача.

Присутствовать на тренировках и нести совместную с тренером ответственность вместе за безопасность и здоровье ребенка готовы 73.1% опрошенных, 25.4% родителей отказались от такой возможности.

Большинство родителей (68.1%) положительно относятся к участию в спортивных соревнованиях детей с отклонениями в состоянии здоровья. Против высказались 26.1% семей, т.к. считают, что соревнования несут в себе опасность для здоровья и вредную стрессовую нагрузку.

Выводы. Большинство семей с ребенком-инвалидом, проживающих в городе Нижнем Новгороде, положительно относятся к расширению спектра физической активности своих детей и готовы к совместной работе в этом направлении. Основными формами организации регулярных занятий адаптивной физической культурой являются уроки физкультуры в образовательных организациях и спортивные тренировки в физкультурно-спортивных учреждениях дополнительного образования. Среда, в которой

развивается ребенок (мезосистема) имеет достаточные ресурсы ближайшего внешнего окружения (экзосистемы) для стимуляции физического развития ребенка-инвалида, освоения им новых двигательных умений и навыков. Для этого у семьи есть внутренние ресурсы, а именно: понимание необходимости физической активности для ребенка с особенностями развития и готовность к выстраиванию моделей и стратегий реализации совместных занятий с использованием внешних ресурсов экзосистемы.

Список литературы

1. Колобков П.А. О создании условий для занятий физической культурой и спортом для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов / П.А. Колобков, С.П. Евсеев [и др.] // Адаптивная физическая культура. 2014. № 4 (60). С. 2-8.
2. Клочкова Е.В. Введение в физическую терапию: реабилитация детей с церебральным параличем и другими двигательными нарушениями неврологической природы. М.: Теревинф, 2014. 288 с.
3. Лобзин В.С. Клиническая нейрофизиология и патология гипокинезии / В.С. Лобзин, А.А. Михайленко, А.Г. Панов. Л., Медицина, 1979. 216 с.
4. Клочкова Е.В. Интегративный лагерь для детей с двигательными нарушениями. Программы для детей, родителей и волонтеров. М.: Теревинф, 2009. 50 с.
5. Курникова М.В. Сценарий физкультурно-спортивного праздника для лиц с ограниченными возможностями различных нозологических групп / М.В. Курникова, В.А. Оринчук, Е.Н. Фомичева // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. № 1, 2013. С. 60-63.
6. Бельц В.Э. Взаимодействие спортивного клуба с семьей как активным субъектом социализации личности ребенка / В.Э. Бельц, О.В. Малофеева // Вестник ТГПУ. 2016. №8(173). С. 106-110.
7. Курникова М.В. Взаимодействие социальных партнеров для формирования навыка круглогодичной двигательной активности детей и подростков с инвалидностью // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии: Материалы Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, 15-16 сентября 2016 г.). Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2016. С. 707-713.
8. Веракса Н.Е. Понимание детского развития с позиции экологической теории У. Бронфенбреннера / Н.Е. Веракса, А.Н. Веракса // Современное дошкольное образование. Теория и практика. № 10. 2014. С. 55-56.
9. Holden M.K. Clinical gait assessment in the neurologically impaired. Reliability and meaningfulness / M. K. Holden, K.M. Gill et al. // Phys. Ther. 64(1). 1984. Pp. 35-40.

СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ МИГРАНТОВ И ИХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

SOCIAL EXCLUSION OF MIGRANTS AND THEIR HUMAN POTENTIAL

Е.Е. Кутявина
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E.E. Kutyavina
Lobachevsky University

Социальное исключение мигрантов рассмотрено как фактор обесценивания их человеческого потенциала.

Social exclusion of migrants is considered as a factor of devaluation of their human potential.

Ключевые слова: социальное исключение, мигранты, социальное взаимодействие

Keywords: social exclusion, migrants, social interaction

Понятие «социальное исключение» все более активно используется в отечественных социологических работах. Хотя к настоящему времени существует достаточно обширная литература [см., например 1-5], посвященная этому явлению, большинство исследователей отмечает новизну этого направления исследований.

С самого начала термин «социальное исключение» используется для исследования этнического и расового неравенства. Отчасти это объясняется особенностями эмпирического материала, на основе которого сформировалось представление о социальном исключении. Исключенные группы часто отличаются от большинства по предписанным признакам, в том числе по этническим или расовым. В особенности это касается расовой принадлежности, т.к. в этом случае отличия исключаемой группы от большинства максимально наглядны.

Социальное исключение – по меньшей мере, один из механизмов превращения формально равных возможностей в реально неравные. Например, пространственное исключение делает реально неравными возможности получения образования. Человек, живущий рядом с предприятием, может иметь меньшие шансы занять имеющуюся на нем вакансию, чем человек, живущий в отдалении, но включенный в соседскую общину и систему занятости (у второго больше шансов получить информацию о вакансии, и он вызовет большее доверие работодателя).

Первые упоминания термина «социальное исключение» можно обнаружить в работах французских социологов 70-х гг., а его активное употребление начинается в конце 90-х. Его истоки можно обнаружить в таких понятиях, как «маргинализация», «аутсайдер», «геттоизация».

С другой стороны, некоторые исследователи отмечают, что появление термина социальное исключение связано с изменением собственно бедности и социального неравенства. П. Литтлвуд (P. Littlwood) и С. Херкоммер (S. Herkommer) перечисляют тенденции, возникшие во второй половине XX века и заставившие ученых по-новому взглянуть на способы изучения социального неравенства и бедности:

- изменение моделей оплачиваемого и неоплачиваемого труда,
- соответствующее изменение требований, связанных с различными видами занятости,
- развитие и модификация обеспечения поддержки благосостояния, в особенности тех, кто имеет низкооплачиваемую работу или не имеет оплачиваемой работы вообще,
- изменение моделей межличностного общения на работе, дома и в соседской общине,
- новые модели взаимоотношений групп, различающихся этническими, культурными и иными чертами,
- изменения в определении юридических прав и обязанностей тех, кто проживает в пределах национальных и наднациональных границ [6, p. 1-23].

Довольно расплывчатый смысл термина социальное исключение и отсутствие четких его определений авторы вышеназванного сборника считают скорее достоинством этого термина, т.к. именно отсутствие четко зафиксированного значения делает возможным отражение в нем различных аспектов неравенства. Социальное исключение многомерно. Это и исключение из рынка труда – длительное отсутствие оплачиваемой работы без перспектив найти работу. Во-вторых, это экономическое исключение – бедность, выражающаяся в определенных социальных и культурных ценностях, связанных с образом жизни. В-третьих, это культурное исключение, выражающееся в том, что доминирующие образцы ценностей и поведения «исключают» тех, кто придерживается других образцов. Это и исключение как изоляция, выражающееся в ограничении контактов, социальных отношений группы исключенной, и тем самым маргинализированной и стигматизированной. Это и пространственное исключение – ограничение возможностей расселения, сосредоточение исключенных групп в определенных районах города. И, наконец, это институциональное исключение – это «выпадение» исключенной группы из социальной инфраструктуры: системы

социального и медицинского страхования, сферы услуг и общественного образования и т.п.

Мы предлагаем определить социальное исключение как структурно обусловленное ограничение или нарушение взаимодействия исключаемого субъекта с обществом.

Мигранты, как правило, становятся объектом социального исключения. Во-первых, они изначально не включены в систему социальных связей, она является для них новой. Во-вторых, их включение в эту систему вызывает сопротивление местного населения. В результате они не могут участвовать во многих формах социального взаимодействия, для них затруднен поиск необходимых ресурсов, обмен наличных ресурсов на необходимые. Их возможности использования наращивания социального и культурного капитала ограничены, человеческий потенциал обесценивается. Можно сказать, что их ресурсы остаются лишь ресурсами, не превращаясь в капитал.

Э. Бонасич описывает модель «расколотого рынка труда» [7]. Она выделяет в структуре рынка труда «первичный» и «вторичный» рынок с разным уровнем оплаты труда и разными социальными гарантиями. Именно на вторичном рынке труда, не гарантирующем ни постоянной занятости, ни медицинского и других видов социального страхования, оказываются мигранты (в особенности нелегальные). Данную ситуацию дискриминации, провоцирующую этнические конфликты, можно рассматривать как нарушение социального взаимодействия, неэквивалентный обмен, и именно в неэквивалентности видеть причину конфликтов. Расколотый рынок труда может получить выражение в двух моделях 1) движение исключения (exclusion movement), 2) «кастовая» система, – в зависимости от численности и происхождения взаимодействующих групп.

В первом случае, высоко- и низкооплачиваемые рабочие занимаются одними и теми же видами труда, но получают разную плату. Приходят в противоречие интересы нанимателей (которые хотят импортировать дешевую рабочую силу) и высокооплачиваемых рабочих (которые не хотят снижения норм оплаты труда). Движение исключения защищает интересы высокооплачиваемых рабочих (чаще всего – местных), их жизненные стандарты и уровень оплаты. Низкооплачиваемые рабочие оказываются между молотом и наковальней: с одной стороны, движение исключения ограничивает их доступ на рынок труда, с другой – наниматели ущемляют их право на равную оплату труда. Такая модель чаще складывается, если группа низкооплачиваемых рабочих является пришлой.

Несколько реже формируется «кастовая» система – высокооплачиваемые рабочие монополизируют определенные виды труда («белую работу делает белый, черную работу делает черный»). Они поддерживают монополию, ограничивая возможности низкооплачиваемых рабочих повысить квалификацию, научиться профессии.

Социальное исключение можно рассматривать как процесс формирования социального неравенства, и различные определения этого термина связаны с разными ответами на важный вопрос: Кто совершает социальное исключение? Одни считают социальное исключение результатом *действия системы* (свойства системы таковы, что некоторые социальные субъекты оказываются исключенными), такое понимание социального исключения можно связать с функционализмом. Другие связывают социальное исключение с деятельностью *доминирующей группы*, которая, защищая свои собственные интересы, монополизируя дефицитные ресурсы, исключает другие группы. Некоторые концепции социального исключения допускают возможность самоисключения [6, p. 4]. На первый взгляд, самоисключение нерационально, невыгодно. Но если при взаимодействии с этническим большинством социальное исключение препятствует наращиванию человеческого потенциала, то во взаимодействии с этнической общиной оно дает преимущества. Социальные связи внутри общины способствуют наращиванию различных типов капитала.

Список литературы

1. Understanding Social Exclusion / Ed. by Jj. Hill, D. Piachaud. – London, 2002. Режим доступа: http://eprints.lse.ac.uk/51311/1/CASEbrief23.pdf (дата обращения: 27.09.2017).
2. Бахматова Т.Г., Чусова Ю.А. Социальная эксклюзия сирот на региональном рынке труда: опыт Иркутской области // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 40-45.
3. Кутявина Е.Е. Социальное исключение пожилых людей // Материалы международной научно-практической конференции «Старшее поколение в современной семье» / Под общ. редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород / Изд-во НИСОЦ. 2009. С. 311-313.
4. Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Инклюзивная культура социальных сервисов // Социологические исследования. 2015. № 12 (380). С. 133-140.
5. Ярошенко С.С. «Женская работа» и личное благополучие: технологии исключения в постсоветской России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 5. С. 23-58.
6. Identifying Social Exclusion. Some Problem of Meaning (в сборнике Social Exclusion in Europe: problems and paradigms / Ed. by P. Littlwood etc. – Aldershot, 2001. P. 1-23.
7. Bonacich E. A Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market // American Sociological Review. 1972. V. 37. P. 547-559.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МИГРАНТА В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ
THE SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT OF A MIGRANT IN VOLGA FEDERAL REGION

А.А. Лакомова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.A. Lakomova
Lobachevsky University

Рассматривается социально-демографический портрет мигрантов (пол, возраст, семейное положение, уровень образования, дохода, квалификации), которые проживают в Приволжском федеральном округе. Данный портрет составлен на основе результатов исследования, проведенного в 2014 г. в Нижнем Новгороде, Саратове, Саранске, Оренбурге, Чебоксарах, в том числе на базе благотворительной организации «Приволжский миграционный центр».

The author considers in the article the socio-demographic portrait of migrants (gender, age, marital status, level of education, income, qualification) that reside in the Volga Federal District. This portrait is based on the results of a survey conducted in 2014 in Nizhny Novgorod, Saratov, Saransk, Orenburg, Cheboksary, including on the basis of the charitable organization «Volga Migration Center».

Ключевые слова: миграция, адаптация, мигрант, образование, возраст, доход, квалификация, социальные проблемы

Keywords: migration, adaptation, migrant, education, age, income, qualification, social problems

Миграция как социально-демографическое явление претерпевает изменения в последнее время. Начиная с 2012 г., в России существенно менялось законодательство. Это произошло не только по причине большого притока беженцев из Украины, но и с целью усиления мер в борьбе с нелегальной миграцией, которая имела негативные последствия для социально-экономического развития Российской Федерации.

По данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, в 2016 г. в Россию въехало 16 290 031 мигрантов, выехало 14 614 071 мигрант, миграционный прирост составил 1 675 960 человек. По данным за период с января по июнь 2017 г., в страну въехало 6 993 602 мигранта [1], из них 414790 человек проживают на территории Приволжского федерального округа (далее – ПФО). Основными целями приезда в Россию, в том числе в ПФО, являются работа (240 717 чел.), учеба (19 332 чел.), частная: бизнес и др. (86 774 чел.), туризм (22 317 чел.), иное: лечение, приезд к родственникам, международные форумы и т.п. (45 670 чел.) [2]. Таким образом, одним из пунктов социально-

демографического портрета мигранта в ПФО можно назвать цель приезда, где на 1-ом месте находится работа, на 2-ом – частная деятельность (бизнес), на 3-ем – учеба (иностранные студенты, а также те мигранты, которые приехали на профессиональную переподготовку).

Приехав в Россию, мигранты сталкиваются с проблемами различного характера. К ним можно отнести материальные проблемы, языковой барьер, поиск подходящей работы в соответствии с уровнем полученного образования и предыдущим опытом работы, проблемы со здоровьем, проблема социального исключения (ощущение чуждости, конфликты с местными жителями), отсутствие социальных гарантий на рабочем месте. Решение данных проблем, использование оптимальных способов социальной адаптации в российском обществе зависит от социально-демографических характеристик мигранта.

Например, существует теория о том, что женщины медленнее приспосабливаются к проживанию в новой среде, а мужчины – быстрее. Однако одни из последних исследований, проведенных среди вынужденных мигрантов в 2014-2015 гг., указывают, что адаптация женщин происходит заметно быстрее. Например, менее чем за 2 года адаптировались 44% женщин и только 22% мужчин. Мужчины-мигранты связывают адаптацию с внешними сторонами жизни – с достижением определенного материального положения, восстановлением прежнего статуса, в то время как женщины мотивированы внутренними факторами: жить в стабильной обстановке и обеспечить будущее детям [3, с. 36].

Социально-демографический портрет мигранта будет рассмотрим на основе исследования, проведенного в 2014 г. под руководством доктора социологических наук И.Л. Сизовой. Исследование включает в себя массовый опрос мигрантов (n=1000) в 5-ти городах ПФО (Нижнем Новгороде, Саратове, Саранске, Оренбурге, Чебоксарах), а также малый опрос (n=200), в котором приняли участие, обучающие на семинарах, проводимых в МБОО «Приволжский миграционный центр». Мигранты, участвовавшие в опросе, прибыли в Россию из Узбекистана, Таджикистана, Армении, Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы.

Всего было опрошено 67% мужчин и 33% женщин. Молодежь трудоспособного возраста (18-30 лет) составили 23% мигрантов, лица среднего возраста (30-45 лет) – 72%, лица старшего возраста – 5%. В основном отмечается преобладание мужского состава мигрантов, что в целом соответствует миграционной ситуации в России. Больше всего женщин-мигранток насчитывается в возрасте от 30 до 45 лет (40 %), меньше всего среди молодежи (16 %) и пожилых (10%) [4, с. 16].

Согласно исследованию среди опрошенных мигрантов преобладают семейные, проживающие совместно. В большинстве случаев мигранты предпочитают официально заключенные браки. Количество приезжих, состоящих в сожительстве, незначительно. Такие отношения в основном распространены среди молодежи (от 18 до 30 лет). Разводы очень редки, отдельные случаи характерны для молодых мигрантов.

Наличие детей и их количество напрямую зависит от адаптации мигрантов в России. Согласно данному опросу, в большинстве случаев семейные мигранты имеют детей (в основном 2-х и более), при этом практически отсутствуют внебрачные дети. Во многом такие результаты обусловлены подавляющим представительством лиц, исповедующих ислам. Только 27% опрошенных мигрантов являются православными, из них 17% в возрасте до 30 лет [4, с. 17].

Одной из важных социально-демографических характеристик является уровень образования. По данным проведенного исследования, молодые мигранты имеют уровень образования выше, чем в других возрастных группах. Более 50% опрошенной молодежи имеют среднее профессиональное образование, т.е. владеют определенными профессиями. К сожалению, в некоторых случаях иностранные рабочие не востребованы на квалифицированных рабочих должностях в России. Если ориентироваться на мнения опрошенных мигрантов, 25% из них не ценят своего образования, они довольны своим положением, будучи занятыми на низкоквалифицированных и низкооплачиваемых должностях. С другой стороны, 35% опрошенных приезжих лиц стремятся к признанию своих документов об образовании [4, с. 18]. Если в дальнейшем не будет существенных изменений в миграционном законодательстве, можно ожидать новых трансформаций на рынке труда и занятости.

С уровнем образования чаще всего связывают престиж работы, должность и уровень доходов. По результатам исследования, 95% мигрантов работают или имеют собственное дело и доход от него, только 5% из них не работают и живут за счет содержания своих родственников. Средние заработки мигрантов составляют от 20 до 25 тыс. руб., данный заработок мигрантов находится на уровне среднего заработка в ПФО за 2015 г. (примерно 25 тыс. руб.). Стоит отметить, что 45 % мигрантов имеют средний ежемесячный доход свыше 25 тыс. руб. [4, с. 19].

Если рассмотреть зависимость уровня дохода от возраста, можно проследить следующее. Для молодежной группы характерно наибольшее число бедных и зажиточных мигрантов (14% и 3% соответственно). В большей степени средние доходы относятся к средней возрастной группе мигрантов [4,

с. 19]. Это объясняется востребованностью иностранных работников в возрасте 30-45 лет на рынке труда в России.

По результатам исследования не выявлена зависимость между уровнем доходов и уровнем квалификации мигрантов. Не проявилась зависимость и между уровнем доходов и семейным положением приезжих лиц: по доходам среди всех групп присутствуют в равной степени как семейные, так и одинокие лица.

Подводя итог, можно составить социально-демографический портрет мигрантов, проживающих на территории в ПФО, исходя из преобладающих характеристик разных групп приезжих лиц, участвовавших в исследовании. В ПФО в большей степени среди мигрантов проживают лица среднего возраста (30-45 лет), мужчин-мигрантов больше, чем женщин-мигрантов. В основном преобладают среди мигрантов семейные лица, имеющие двух и более детей, причем брак официально зарегистрирован в органах ЗАГС. Более высокий уровень образования (среднее профессиональное и высшее) имеет преимущественно молодежь. Практически все мигранты являются занятыми (работа, собственное дело, иные виды дохода). Средний доход мигранта составляет 20-25 тыс. руб. По результатам исследования не прослеживается зависимость между уровнем дохода и степенью квалификации мигранта, а также между уровнем дохода и семейным положением приезжих лиц.

Список литературы

1. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в РФ за 2016 г. // Официальный сайт Главного управления по вопросам миграции МВД России [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550/ (дата обращения: 10.09.2017).

2. Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь-июнь 2017 г. с распределением по странам и регионам // Официальный сайт Главного управления по вопросам миграции МВД России [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/ item/10735340/ (дата обращения: 10.09.2017).

3. Красильникова О.В. Проблемы адаптации немецких мигрантов из бывшего СССР как фактор реэмиграции (Гендерный подход) // Женщина в российском обществе. 2015. № 1. С. 33-42.

4. Соблюдение прав мигрантов в Приволжском федеральном округе и готовность их к интеграции в принимающее сообщество / Научный отчет. Н.Новгород: НИУ ВШЭ, 2015. 75 с.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СОИСКАТЕЛЕЙ ВАКАНСИИ КАК ОСНОВА СТРАТИФИКАЦИОННОГО ДЕЛЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА
COMPETITIVENESS JOB SEEKERS AS A BASIS OF THE WORKING CLASS STRATIFICATION

М.С. Лебедев
Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург
M.S. Lebedev
Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

Посвящено изучению рабочего класса с позиции социальной дифференциации по признаку обладания конкурентоспособностью. В зависимости от уровня обладания конкурентоспособностью автор дифференцирует соискателей вакансии на четыре социально-профессиональные группы, в связи с чем обладание различным уровнем конкурентоспособности обусловливает социально-профессиональное неравенство на рынке труда и неодинаковый доступ к материальным и нематериальным благам.

This article is devoted to the study of the working class in terms of social differentiation on the basis of competitiveness. Depending on the level of competitiveness, the author differentiates job seekers into four social and professional groups. In this connection, the possession of a different level of competitiveness determines the social and professional inequality in the labor market and the unequal access to material and non-material goods.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, рынок труда, рабочий класс, стратификация, неравенство

Keywords: competition, competitiveness, the labour market, the working class, stratification, inequality

Образование и развитие в классовом обществе социальных слоев и прослоек позволяет выделить в отдельную социально-профессиональную группу рабочий класс, представители которого участвуют в конкурентной борьбе на рынке труда с целью продажи своей рабочей силы. Представителей данной социально-профессиональной группы называют соискателями вакансии, то есть претендентами на вакантное рабочее место [1]. Актуальность изучения соискателей вакансии как социально-профессиональной группы вызвано изменениями в структуре спроса и предложения на рабочую силу в современных условиях турбулентного общества.

Другой, сравнительно малочисленной группой, выступают работодатели, являющиеся организаторами конкурентной борьбы на рынке труда. Как отмечает О. Конт, «С тех пор, как реальное воздействие человечества на

внешний мир само собою начало организовываться у современных народов, оно требует беспрерывного сочетания двух особых классов, чрезвычайно неравных по численности, но одинаково необходимых, с одной стороны, всегда малочисленные *предприниматели* в собственном смысле слова, которые владея различными соответственными материалами, включая сюда деньги и кредит, руководят совокупностью каждой операции, принимая на себя поэтому главную ответственность за какие бы то ни было результаты; с другой стороны, непосредственные *производители*, которые, живя периодической заработной платой и образуя громадное большинство трудящихся» [2, с. 36]. Предприниматели, выступающие в роли работодателей, оценивают соискателей вакансии как будущих производителей с позиции наибольшего предпочтения. Именно возможность выбора работодателями одного из двух и более соискателей вакансии образует необходимость конкурентной борьбы между ними на рынке труда за обладание каким-либо ресурсом (рабочим местом, заработной платой, надбавками, дополнительными выплатами и т.д.), обеспечивающим удовлетворение их потребностей и интересов.

Конкурентная борьба на рынке труда как вид социального взаимодействия является следствием реализации соискателями вакансии конкурентной способности и причиной образования конкурентоспособности.

Конкурентоспособность соискателей вакансии рассматривается нами как профессионально значимое приобретенное личностное качество, реализация которого обеспечивает успешность конкурентного взаимодействия на рынке труда.

Как отмечает Дж. Ст. Милль, анализируя идеи О. Конта о судьбе мелких собственников [3], «лучшие» из среды мелких собственников – это те, кто сумеет выстоять в ожесточенной конкурентной борьбе на капиталистическом рынке [4]. Очевидно, выстоять в конкурентной борьбе и стать «лучшим» индивид может только в том случае, если он обладает достаточным уровнем конкурентоспособности, который обеспечивает ему желаемый результат участия в конкурентной борьбе.

Итак, участие соискателей вакансии в конкурентной борьбе предполагает обладание ими особым нематериальным социальным ресурсом – конкурентоспособностью, которой данная категория людей желает обладать для удовлетворения своих социальных, профессиональных, экономических и иных потребностей.

Дифференциация рабочего класса на различные социальные группы позволяет рассмотреть соискателей вакансии с позиции их конкурентоспособности на рынке труда. В зависимости от уровня обладания конкуренто-

способностью можно выделить несколько социально-профессиональных групп, а именно группы:

– высококонкурентоспособных соискателей вакансии;

– конкурентоспособных соискателей вакансии;

– низкоконкурентоспособных соискателей вакансии;

– неконкурентоспособных соискателей вакансии.

От уровня обладания конкурентоспособностью зависит успешность конкурентного взаимодействия соискателей вакансии на рынке труда.

Наличие у соискателей вакансии разного уровня конкурентоспособности обусловливает социально-профессиональное неравенство, создает основу для неравного жизненного шанса и разных возможностей удовлетворения ими своих профессиональных и иных потребностей. Вполне закономерно, что высококонкурентоспособные соискатели вакансии имеют больше шансов и возможностей реализации своего профессионального интереса, нежели соискатели с низким уровнем конкурентоспособности. В этой связи стоит отметить, что высококонкурентоспособными соискателями вакансии является абсолютное меньшинство из общего количества данной социально-профессиональной группы.

Высокий уровень конкурентоспособности является количественно и качественно ограниченным оцениваемым работодателями нематериальным ресурсом классового общества, позволяющим дифференцировать соискателей вакансии и работников по профессиональному признаку. Быть на рынке труда конкурентоспособным – престижно и почетно, а сама конкурентоспособность является благом, которое ценится и оценивается соискателями вакансии, работниками, работодателями с позиции наибольшей предпочтительности.

В социологическом контексте конкурентоспособность соискателей вакансии выступает как относительная, сравнительная оценочная категория, характеризующая мнение работодателей об успешности конкурирующих на рынке труда соискателях вакансии, а так же мнение самих соискателей вакансии об успешности своего участия в конкурентной борьбе. Данное мнение позволяет на основе конкурентных преимуществ и конкурентных недостатков дифференцировать потенциальных работников на различные социально-профессиональные группы.

Основой стратификационного деления рабочего класса является социальное неравенство между различными социально-профессиональными группами. На рынке труда такими группами рабочего класса выступают соискатели вакансии, которые участвуют в конкурентной борьбе за рабочее место с целью удовлетворения своих потребностей и интересов. Соискатели

вакансии обладают различным уровнем конкурентоспособности, которое обусловливает социально-профессиональное неравенство на рынке труда.

Список литературы

1. Лебедев М.С. Участники конкурентной борьбы на рынке труда // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 58. С. 163-167.
2. Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / О. Конт; Пер. с фр. Изд. 3. М., 2012. 80 с.
3. Сен-Симон А. Катехизис промышленников или система позитивной политики [Текст] / О. Конт, А. Сен-Симон; Пер. с фр. И.А. Шапиро. Изд.2. М., 2011. 176 с.
4. Милль Д.С. Огюст Конт и позитивизм // Конт и позитивизм: Статьи Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера и Л. Уорда. М.: ЛКИ, 2016. 174 с.

МОНИТОРИНГ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ КАК РЕСУРС АНАЛИЗА И ПЛАНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

MONITORING OF YOUTH AS A RESOURCE FOR ANALYSIS AND PLANNING OF STATE YOUTH POLICY

А.И. Ляхова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
A.I. Lyakhova
Belgorod National Research University

Рассматривается влияние принятия Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. на развитие государственной молодежной политики Белгородской области, а также о необходимость систематического отслеживания состояния молодежи для положительного развития государственной молодежной политики, наиболее продуктивным способ которого является метод мониторинга.

The article examines the influence of the adoption of the State Youth Policy Framework for the period up to 2025 on the development of the state youth policy of the Belgorod region, as well as the need to systematically monitor the state of youth for the positive development of state youth policy, the most productive way of which is the monitoring method.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, молодежь, Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, мониторинг

Keywords: state youth policy, young people, the foundations of state youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025, and monitoring

Государственная молодежная политика (ГМП) является одним из важнейших направлений социальной политики, это деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных организаций, движений и инициатив. Государственная молодежная политика выражает в отношении к молодому поколению стратегическую линию государства на обеспечение социально-экономического, политического и культурного развития в России.

В последние годы на общефедеральном уровне были предприняты усилия по формированию и реализации ГМП в России.

Во-первых, распоряжением Правительства РФ утверждены Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.

Во-вторых, в основном завершено создание органов, осуществляющих ГМП на федеральном и региональном уровнях.

В-третьих, формируется система научно-аналитического и информационного обеспечения молодежной политики, что выражается в проведении комплексных исследований, научно-практических конференций, в создании системы информационно-аналитических центров.

В-четвертых, осуществляется подготовка и переподготовка специалистов в сфере ГМП.

Как эти условия отразились на молодежной политике Белгородской области, прокомментировал заместитель начальника департамента внутренней и кадровой политики области – начальник областного управления молодёжной политики Белгородской области Андрей Чесноков. «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 г. – не просто документ. Это полтора десятка приоритетных направлений, по которым мы выстраиваем нашу деятельность. Среди них – патриотика, добровольчество, поддержка молодых семей и людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, развитие молодёжных медиа и многое другое. И наша область занимает довольно достойное положение среди других регионов России по большинству из этих направлений. Скажем, в части патриотического воспитания мы одни из лучших и в Центральном федеральном округе, и по России в целом» [1].

К сведению, на территории Белгородской области действую 3 лагеря в целях патриотического воспитания: «Айдар» в Ровеньском районе, где изучают специфику пограничной службы: в лагере «Юность» в пригороде Белгорода ведется десантная подготовка; лагерь «Прометей» в Яковлевском районе курирует региональная общественная организация «Морское собрание», направленность которого связана с морем. «Плюс все без исключения проходят

строевую, огневую, военно-тактическую подготовку, изучают особенности несения караульной службы… Наш регион в числе лучших не только по патриотическому воспитанию, но и по волонтёрству», − говорит Андрей Чесноков [1].

Вместе с тем государственная молодежная политика в ряде случаев реализуется недостаточно последовательно и эффективно. Это связано как с неполным ресурсным обеспечением разрабатываемых программ, так и с просчетами в отношении ее планирования и практического осуществления. В конечном итоге ошибки и просчеты оборачиваются значительными потерями для общества, поскольку молодежь оказывается не только одной из наиболее незащищенных социально-демографических групп, но и не может в полной мере реализовать свой инновационный потенциал в качестве активного участника социально-экономических реформ.

Именно поэтому необходимо систематически отслеживать состояние молодежи в рамках ГМП, что послужит достаточно емкой основой для выявления молодежных проблем, а в перспективе – рычагом положительного развития государственной молодежной политики, так как эффективная государственная молодёжная политика – один из важнейших инструментов развития страны, роста благосостояния её граждан и совершенствования общественных отношений.

Наиболее продуктивный способ анализа проблем молодежи может дать метод мониторинга, так как действие мониторинга направлено не на открытие объективной реальности, а на организацию опытного процесса и отслеживание его динамики. Применение данного метода исследования даст четкое представление об установление связи между планируемой молодежной политикой, динамикой и трансформацией молодежных проблем, уровне вовлеченности молодых людей в программы молодежной политики, а также позволит оценить ее эффективность и осуществлять ее диагностику и конструирование на основе точных данных количественных и качественных исследований. Будучи действенным инструментом социальной диагностики и прогнозирования функционирующей социальной сферы, он позволяет в заданных пространственных границах и временных интервалах регулярно получать оперативную управленческую информацию. Несомненное преимущество мониторинга, в сравнении с разовыми исследованиями, заключается в его способности систематически наращивать и интегрировать необходимые данные по широкому кругу стандартных социальных показателей и создавать на этой основе постоянно обновляющиеся информационные банки.

Список литературы

1. Молодёжная политика – это выпадающее меню // Белпресса [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.belpressa.ru/news/ news/andrej-chesnokov-molodyozhnaya-politika-etovypadayushee-menyu15575/ (дата обращения: 23.04.2017).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УСЛУГИ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНАМ В ПОИСКЕ ПОДХОДЯЩЕЙ РАБОТЫ, А РАБОТОДАТЕЛЯМ В ПОДБОРЕ НЕОБХОДИМЫХ РАБОТНИКОВ В ЦЕНТРЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕСТРЕЧИНСКОГО И ТЕТЮШСКОГО РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

THE EFFECTIVENESS OF THE PROVISION OF PUBLIC SERVICE TO ASSIST CITIZENS IN FINDING THE SUITABLE WORK, AND EMPLOYERS IN SELECTING THE NECESSARY WORKERS IN THE EMPLOYMENT CENTER (ON THE EXAMPLE OF PESTRECHINSKY AND TETYUSH DISTRICTS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Д.С. Максимов
Казанский государственный медицинский университет
D.S. Maksimov
Kazan State Medical University

Проанализированы показатели эффективности предоставления государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников в центре занятости населения. Предложены рекомендации по повышению эффективности предоставления государственной услуги.

In this article, we analyze the indicators of the effectiveness of the provision of public service to assist citizens in finding the suitable work, and the employers in selecting the necessary workers in the employment center. Recommendations for increasing efficiency are suggested.

Ключевые слова: государственные услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, государственные услуги работодателям в подборе необходимых работников; Центры занятости населения; эффективность предоставления государственной услуги

Keywords: public services to assist citizens in finding suitable work, public services to employers in selecting the necessary workers; employment centers; the efficiency of the provision of public service

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена большим научным интересом к данным вопросам, широкой практикой оказания государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников в деятельности Центров занятости (ЦЗН) и специалистов социальной работы.

Объект исследования – государственная услуга ЦЗН – содействие гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников. Предмет исследования – эффективность предоставления ЦЗН государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников.

Цель исследования: оценить эффективность предоставления ЦЗН государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников.

На основании сформулированной цели были поставлены и решены следующие задачи исследования: 1. Оценить эффективность предоставления государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников в Центре занятости населения (на примере Пестречинского и Тетюшского районов РТ). 2. Проанализировать удовлетворенность, предоставляемой государственной услугой содействия гражданам в поиске подходящей работы, с точки зрения получателей услуги (безработных) (на примере Пестречинского и Тетюшского районов РТ).

С целью изучения оценки эффективности предоставления государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников нами были проанализированы критерии оценки качества и доступности государственных услуг в ГКУ Центр занятости населения Пестречинского района РТ и ГКУ Центр занятости населения Тетюшского района РТ.

Первый критерий, по которому оценивается эффективность предоставления государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников – это численность граждан, обратившихся в целях поиска подходящей работы.

Идёт уменьшение в 2016 г. по сравнению с 2015 г. численности граждан, обратившихся в целях поиска подходящей работы: в ГКУ «Центр занятости населения Пестречинского района» на 22%; в ГКУ «Центре занятости населения Тетюшского района» на 26%. Снижение обратившихся граждан повлияло на снижение (на более 20%) в 2016 г. численности трудоустроенных граждан относительно 2015 года. В ГКУ «Центре занятости населения Пестречинского района» трудоустроено в 2016 г. – 254 чел., в 2015 г. – 334 чел.

В ГКУ «Центре занятости населения Тетюшского района» в 2016 г. – 330 чел., в 2015 г. – 405 чел. Данная ситуация может отражать: снижение напряженности на рынке труда района; увеличение самостоятельного трудоустройства ищущих работу граждан; устойчивость показателя эффективности предоставления данной государственной услуги.

Проанализировав показатель – количество работодателей, заявивших сведения о потребности в работниках для замещения свободных рабочих мест (вакантных должностей), мы выяснили: в Пестречинском районе насчитывается 620 организаций, но зарегистрировано из них в ЦЗН в качестве заявивших сведения о потребности в работниках для замещения свободных рабочих мест на конец 2016 г. – 26 (на конец 2015 г. – 28); в Тетюшском районе насчитывается 542 организации, зарегистрировано из них в ЦЗН в качестве заявивших сведения о потребности в работниках для замещения свободных рабочих мест на конец 2016 г. – 13 (на конец 2015 г. – 9).

Количество работодателей, вставших на учет в ЦЗН, значительно отличается от общего количества организаций в районах. Таким образом не все организации обращаются в ЦЗН за получением государственной услуги в части подбора работодателям необходимых работников. Организации применяют другие методы поиска необходимых работников.

Анализ показателя – количество вакансий, заявленных работодателями для замещения свободных рабочих мест (вакантных должностей) показал. Объемы трудоустройства во многом определяются наличием вакантных мест в районе. В течение 2016 г. в ГКУ «Центре занятости населения Пестречинского района» заявленная потребность в работниках составила 457 вакантных мест (в 2015 г. – 488). В ГКУ «Центре занятости населения Тетюшского района» в течении 2016 г. заявленная потребность в работниках составила 336 вакантных мест (в 2015 г. – 423). Вследствие нерегистрации организаций в ЦЗН количество вакансий, которые могут предложить ЦЗН, меньше реально существующих в районах.

Нами было проведено анкетирование 60 клиентов (60% женщины и 40% мужчины) ЦЗН Пестречинского и Тетюшского районов РТ с целью анализа удовлетворенности предоставляемой государственной услугой содействия гражданам в поиске подходящей работы.

Средний возраст опрошенных респондентов от 19 до 39 лет.

На вопрос: *«Откуда Вы узнали об услугах центров занятости населения?»* клиенты ЦЗН ответили следующее: 60% узнало об услугах ЦЗН через работников Центров занятости населения во время обращения в ЦЗН; от 17 до 20% – знакомые / родственники / друзья; от 6 до 17% – Интернет, СМИ (телевидение, радио, газеты, журналы).

При этом вся информация о предоставляемых ЦЗН услугах вполне доступна для граждан в сети Интернет. ЦЗН Пестречинского и Тетюшского районов не имеет собственного официального сайта ЦЗН.

Граждане при посещении ЦЗН лично могут получить информацию о государственной услуге содействия гражданам в поиске подходящей работы как от специалистов ЦЗН, так и на блок-схеме предоставления государственной услуги в части содействия гражданам в поиске подходящей работы, вывешенным на стендах ЦЗН. Степень удовлетворенности граждан блок-схемой предоставления государственной услуги в части содействия гражданам в поиске подходящей работы достаточно высока: 93% опрошенных отметили, что данная блок-схема им понятна, 7% – ответили отрицательно. При личной беседе с опрашиваемые выяснилось, что им «было лень разбираться в блок-схеме».

Предоставление государственной услуги гражданам занимает от 10 до 20 мин. – ответило наибольшее количество респондентов (87%) Согласно Федеральному стандарту государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников, максимально допустимое время предоставления государственной услуги не должно превышать 20 минут. 13% отметили, что предоставление государственной услуги занимает от 20 до 30 мин. В этих случаях увеличение времени было связано с необходимостью затратить больше времени на обслуживание предыдущего клиента в связи с особенностями или клиента, или решения его вопроса.

На вопрос: *«Считаете ли Вы, что существование официального сайта ЦЗН упростит способ получения государственной услуги?»*, 60% ответили, что существенно упростит, 30% – никак не упростит, 10% затрудняются ответить, т.к. не умеют пользоваться компьютерами, не знают, что такое «сайт».

Центры занятости постоянно занимаются повышением качества и доступности государственных услуг. В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», к 2018 г. степень удовлетворенности граждан Российской Федерации качеством предоставления государственных и муниципальных услуг должен составлять не меньше 90%.

По результатам проведенного исследования мы предлагаем следующие *рекомендации* Пестречинскому и Тетюшскому ЦЗН*:*

1. Создать официальный сайт, где будет размещена вся актуальная информация, касающаяся получения государственной услуги. Контингент безработных молодеет, умеет пользоваться Интернетом. Это позволит упростить способ получения данной услуги, сократить время ее получения,

заранее приготовиться безработному к получению данного вида услуг, приготовить все необходимые документы.

2. Снять ограничения на взаимодействие между сотрудниками ЦЗН и получателями услуг только при непосредственном, личном присутствии граждан на приеме. Внедрить интернет взаимодействия между сотрудниками ЦЗН и получателями услуг в виде онлайн-консультаций на официальном сайте ЦЗН. Это позволит сократить время получения государственной услуги, заранее обсудить и решить возникающие вопросы, проблемы, недоразумения.

3. Увеличить способы информирования о государственной услуге содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников путем транслирования рекламных роликов по телевидению, радио, размещения объявлений, рекламных листов в газетах, на досках объявлений в образовательных организациях. Для того чтобы и выпускники образовательных организаций и граждане, находящиеся в поиске работы, и работодатели знали о том, что Центр занятости населения готов безвозмездно оказать данную услугу, решить вопросы трудоустройства граждан.

ТИПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ
THE TYPES OF TRANSFORMATION OF SOCIAL TENSION

И.В. Михеев
Казанский национальный исследовательский технологический университет
I.V. Mikheev
Kazan National Research Technological University

Представлены основные типы трансформации социальной напряженности в условиях возвращения ситуации к нормализации.

In the article presents main types of transformation of social tension in condition when situation returns to normal.

Ключевые слова: социальная напряженность; социальный конфликт; трансформация; местное сообщество; регионы

Keywords: social tension; social conflict; transformation; local community; regions

Социальная напряженность – это сложный динамический феномен, неравновесное состояние индивида, вызванное особенностями эмоционального переживания той или иной ситуации. Традиционный подход [1; 2] выражен в позиции, согласно которой социальная напряженность при нарастании и

преодолении определенного уровня (барьера) переходит в открытый конфликт с такими проявлениями, как социальная агрессия или протестное поведение.

Изучение социальной напряженности неразрывно связано с пониманием уровня ее нормы. Однако, конкретное значение нормы достаточно сложно зафиксировать социологическими инструментами. В теоретической (идеальной) модели такую систему показателей можно представить как уравновешенное состояние баланса интересов и удовлетворенности всех членов отдельно взятой социальной группы. В действительности, ничего подобного произойти не может, в виду постоянного изменения факторов, влияющих на состояние каждого индивида. В результате, исследователь может лишь описать рамку, состоящую из определенного диапазона показателей для конкретного временного промежутка с применением социологических инструментов, соотнося с ней, в последующем, получаемые данные о состоянии сообщества и имеющихся отклонениях [3].

Изменение уровня социальной напряженности, превышение критических (пороговых) значений влияет на социальную безопасность, поэтому для местных органов власти представляет интерес проведение мониторинга социальной напряженности с целью дальнейшего использования полученных результатов для ее регулирования на региональном уровне.

Цель работы – описать типы трансформаций социальной напряженности после перехода от роста к снижению в условиях, когда ситуация не переросла в открытый социальный конфликт. Мы пониманием под трансформацией изменение качественных характеристик социальной напряженности на стадии «угасания».

Для понимания и прогнозирования динамики социальной напряженности крайне важен контекст или состояние внешней среды. Сама по себе социальная напряженность является неотъемлемой характеристикой состояния сообщества. События, происходящие во внешней среде, вызывают ту или иную реакцию у членов сообщества, из-за чего меняется уровень социальной напряженности. Значительное количество факторов влияет на изменение уровня социальной напряженности, в связи с чем на этапе снижения уровня изучаемого феномена ситуация может развиваться по нескольким типам.

1) «Качели» – уровень социальной напряженности все еще повышенный и может в короткие сроки вернуться к росту. Речь идет о ситуации, когда полноценное осознание причин произошедшего и объективная оценка ситуации индивидами не произошла. Эмоциональный фон еще крайне высок, и именно он может стать причиной повторного роста социальной напряженности в группе.

2) «Поздняя реакция». Одной из ключевых характеристик изменения уровня социальной напряженности является резонанс. Он зависит от качества социальных связей между индивидами и социальными группами. Нередко

можно наблюдать ситуацию, когда причина локализована, конфликт исчерпан, а социальная напряженность «на периферии» эпицентра только начинает нарастать. Данное обстоятельство нельзя недооценивать при исследовании социальной напряженности и прогнозировании ее уровня.

3) «Адаптация к дисбалансу». Рост социальной напряженности зачастую становится результатом дисбаланса социальной системы. Однако, в виду того, что человек имеет уникальные способности адаптироваться к любым изменениям, угасающий эмоциональный всплеск, в совокупности с осознанием новой реальности, заставляет его адаптироваться в новой ситуации.

4) «Реструктуризация ценностей». Не последнюю роль в формировании уровня социальной напряженности играет ценностная платформа индивида – совокупность ценностей, формирующих его мировоззрение, социальное поведение и реакцию на происходящие вокруг события. Индивид, переживая ту или иную жизненную ситуацию, выносит из нее определенный социальный опыт. Опыт, в свою очередь, становится основой для формирования ценностной платформы и социального поведения в будущем. Представляется спорным утверждение о том, что чем больше у индивида жизненный опыт, тем чаще и сильнее он переживает эмоциональные состояния, приводящие к повышению уровня социальной напряженности. Объективнее тот факт, что опыт позволяет ему по-разному формировать реакцию на события и снижать гиперчувствительность к несущественным проблемам. В результате этого меняется уровень предрасположенности индивида к эмоциональным реакциям на события и конфликты.

Рассмотренные типы указывают на необходимость внимания к рискам, которые несет в себе социальная напряженность даже после того, как ситуацию удалось изменить и началось движение к ее нормализации. Немаловажное значение имеет работа по восстановлению утраченных социальных связей или установлению новых.

Список литературы

1. Плюснин Ю.М. Скрытая социальная напряженность в российском обществе // Полития. 2013. №2 (69). С. 6-38.

2. Котов Д.А. Социальная напряженность «благополучного класса» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология Политология. 2013 №1 (21). С. 211-225.

3. Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования.2012.№3.С. 50-65.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ АДАПТИВНОГО СПОРТА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

SOCIAL PARTNERSHIP IN THE IMPLEMENTATION OF THE MODEL OF DEVELOPMENT OF ADAPTIVE SPORTS IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION

В.А. Оринчук, М.В. Курникова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
V.A. Orinchuk, M.V. Kurnikova
Lobachevsky University

Рассматривается проблема развития адаптивного спорта. Авторами предложена модель развития адаптивного спорта в Нижегородской области через социальное партнерство государственных и общественных организаций.

In the article the problem of development of adaptive sports. The authors propose a model of development of adaptive sports in the Nizhny Novgorod region through a social partnership of state and public organizations.

Ключевые слова: инвалид, адаптивный спорт, адаптивная физическая культура, социальное партнерство, модель взаимодействия

Keywords: disabled, adaptive sports, adaptive physical culture, social partnership, interaction model

Основной проблемой в развитии адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в Российской Федерации является отсутствие четкой государственной политики в данной сфере и отсутствие государственных органов исполнительной власти, отвечающих за развитие физкультурно-спортивной деятельности в сфере адаптивной физической культуры (далее АФК) [1].

Исключением из данной ситуации может считать система адаптивного физического воспитания. В остальном акцент в развитии АФК сделан на активизации деятельности общественных организаций инвалидов, которые не всегда способны в полном объеме реализовывать программы обучения, спортивной тренировки, в виду проблем с кадровым составом, отсутствием материально-технической и спортивной базы [2].

В сфере адаптивного спорта в определенной степени выстроена система спорта высших достижений (организация подготовки и участие сборных команд в Паралимпийских и Сурдлимпийских играх, Специальной Олимпиаде, проведение Всероссийских соревнований для инвалидов различных нозологий). Но массовый адаптивный спорт, развитие которого должно основываться на

принципах приоритетности, массового распространения и доступности занятий спортом [3], сегодня остается мечтой для многих инвалидов.

В процессе практической деятельности по подготовке бакалавров по адаптивной физической культуре кафедрой АФК Института реабилитации и здоровья человека ННГУ им. Н.И. Лобачевского было налажено взаимодействие с государственными и общественными организациями, работающими в сфере физкультурно-спортивной деятельности для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Практический опыт социального взаимодействия позволил сформировать модель развития адаптивного спорта в Нижегородской области на основе социального партнерства [4].

В предложенной модели представлены государственные и общественные организации, работающие в сфере физкультурно-спортивной деятельности для лиц с ОВЗ.

1. Министерство спорта Нижегородской области.

– обеспечивает введение в штатном расписании ФОКов должности специалиста по АФК. В перспективе введение должности специалиста по адаптивному спорту, который будет вести целенаправленную подготовку спортсменов-паралимпийцев к соревнованиям;

– рекомендует главам администраций муниципальных районов области и административных районов Нижнего Новгорода привлечь учащихся с ОВЗ к занятиям физкультурой и спортом на базе ФОКов под руководством специалистов по АФК;

– обеспечивает возможность бесплатных занятий инвалидов на различных спортивных площадках ФОКов в объеме 1-2 часа в день;

– рекомендует руководству специальных учебных заведений для лиц с ОВЗ и общественным организациям инвалидов области привлечь учащихся и инвалидов к активным и систематическим занятиям физкультурой и спортом на базе ФОКов;

– выступает организатором проведения областных спортивно-массовых мероприятий и соревнований для инвалидов различных нозологий.

2. Департаменты по спорту и молодежной политике г. Н. Новгорода, муниципальных районов Нижегородской области.

– рекомендуют руководству учреждений дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности обеспечить возможность занятий инвалидов на своих спортивных объектах, открыть секции или отделения по адаптивным видам спорта;

– выступают организатором проведения спортивно-массовых мероприятий и соревнований среди инвалидов различных нозологий;

– обеспечивают выезд спортсменов-инвалидов на спортивно-массовые мероприятия и соревнования в другие районы области;

– в соответствии с индивидуальной программой реабилитации или абилитации направляет инвалидов для занятий физкультурно-оздоровительной деятельностью или спортом в физкультурно-спортивные учреждения.

3. Общественные организации инвалидов.

– обеспечивают информационно-методическую поддержку развития физкультуры и спорта инвалидов;

– рекомендуют руководству специальных учебных заведений для лиц с ОВЗ и районным организациям инвалидов обеспечить доступ инвалидов к занятиям физкультурой и спортом на базе ФОКов и других физкультурно-спортивных объектов;

– выступают соорганизаторами проведения спортивно-массовых мероприятий и соревнований среди инвалидов различных нозологий, а также научно-практических конференций и круглых столов по проблеме развития адаптивного спорта;

– обеспечивают доставку инвалидов к месту занятий физкультурой и спортом;

– осуществляют работу по классификации спортсменов-инвалидов.

4. Специальные (коррекционные) образовательные организации.

– создают необходимые условия для практической деятельности в области развития адаптивного спорта;

– направляют инвалидов на занятия физкультурой и спортом в ФОКи и другие физкультурно-спортивные объекты;

– обеспечивают транспортную доставку инвалидов к местам занятий;

– оказывают содействие в проведении научно-исследовательской работы, конференций, семинаров, мастер-классов по проблеме развития адаптивного спорта.

5. Учреждения дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности, ФОКи Нижегородской области.

– создают необходимые условия для работы специалистов по АФК и адаптивному спорту;

– открывают секции или отделения по адаптивным видам спорта;

– предоставляют спортивные сооружения для проведения учебных и учебно-тренировочных занятий, физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятий и соревнований среди инвалидов;

– предоставляют возможность проведения конференций, семинаров, мастер-классов по адаптивной физкультуре и спорту на своей базе;

– разрабатывают дополнительные общеобразовательные программы в области адаптивной физической культуры и спорта (общеразвивающие и предпрофессиональные).

6. Институт реабилитации и здоровья человека ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

– готовит бакалавров, магистров для физкультурно-спортивной работы с инвалидами различных нозологий;

– предоставляет студентов-волонтеров для помощи в проведении мероприятий;

– обеспечивает научно-методическую поддержку в проведении научно-исследовательской работы, конференций, семинаров, мастер-классов по АФК, организационно-методическое сопровождение проведения спортивно-массовых мероприятий для инвалидов;

– оказывают содействие в разработке дополнительных общеобразовательных программ в области физической культуры и спорта.

В результате деятельности данной системы можно будет наблюдать существенные изменения в сфере адаптивного спорта Нижегородской области:

- значительное увеличение количества инвалидов, привлеченных к занятиям физкультурой и спортом;
- организационное и научно-методическое обеспечение физкультурно-спортивной деятельности среди инвалидов;
- районы области станут центрами спортивной подготовки инвалидов по тем нозологиям, специальные учебные заведения которых распространены в данных районах (это 1-2 группы инвалидов);
- расширение форм социальной реабилитации инвалидов и возможность их реабилитации средствами физической культуры и спорта;
- активизация волонтерского движения среди молодежи и заинтересованных лиц в качестве помощников при проведении различных форм физкультурно-оздоровительной работы с инвалидами.

Предложенная модель взаимодействия государственных, общественных организаций и научно-методических центров позволит без значительных материальных затрат создать в Нижегородской области действенную систему физкультурно-спортивной работы с инвалидами, что скажется на повышении качества данной работы и на результаты социальной реабилитации инвалидов.

В дальнейшем Нижегородская область могла бы занять одно из ведущих мест как в Поволжье, так в России в области паралимпийского спорта и проводить на своих спортивных объектах соревнования для инвалидов различного уровня.

Список литературы

1. Оринчук В.А. Социальная реабилитация инвалидов в адаптивном спорте // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». Н. Новгород, 2016.С. 715-718.
2. Курникова М.В. Сценарий физкультурно-спортивного праздника для лиц с ограниченными возможностями различных нозологических групп / М.В. Курникова, Е.Н. Фомичева, В.А. Оринчук // Физическая культура: воспитание, образование, спортивная тренировка. 2013. №1, с. 60-63.
3. Федеральный закон РФ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 28.08.2017).
4. Оринчук В.А. Технология подготовки бакалавров по адаптивной физической культуре на основе сетевого взаимодействия / В.А. Оринчук, М.В. Курникова М.В. // Антропные образовательные технологии в сфере физической культуры. Сборник статей по материалам II всероссийской научно-практической конференции. Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. Н.Новгород, 2016. С. 90-95.

РЕЛИГИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА
RELIGION IN SOCIAL POLICY: THE BASIS OF ANALYSIS

И.Э. Петрова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
I.E. Petrova
Lobachevsky University

Религиозные организации являются важными акторами социальной политики практически всех современных государств. Анализу этой темы посвящено значительное количество публикаций представителей научного сообщества различных стран мира. Общепринятые теории религии и социального государства не объясняют возрастания роли религии в формировании современных режимов государства благосостояния.

Religious organizations are important actors in the social policy of almost all modern states. A significant number of publications of representatives of the scientific community of various countries are devoted to the analysis of this topic. The generally accepted theories of religion and social state do not explain the growing role of religion in the formation of modern welfare state regimes.

Ключевые слова: религия, религиозные организации, социальная политика, государство благосостояния
Keywords: religion, religious organizations, social policy, welfare state

Немецкий ученый Д. Хин (Josef Hien) в работе «Возвращение религии? Парадокс религиозно ориентированного социального обеспечения в секулярную эру » (The Return of Religion? The Paradox of Faith-Based Welfare Provision in a Secular Age) рассуждает о роли религиозных организаций в функционировании государств благосостояния в Европе.

Автор использует общепринятую формулировку: «церковь до 19 в. была основным институциональным поставщиком социальных услуг в Европе». Теоретики социального государства в один голос определили роль религии в современных государствах благосостояния как реликтовую. Теперь многие ученые в Европе вынуждены признавать возрастающее значение религиозных организаций в качестве поставщиков социальных услуг [1].

Церковь развивает социальные сервисы согласно своим этическим воззрениям. В качестве аргументов приводятся истории увольнения сотрудников католического агентства в связи с их разводом или нетрадиционной сексуальной ориентацией; отказ проводить аборт в католических медицинских клиниках. В настоящее время, по данным открытых отчетов, Каритас (Католическая организация оказания социальной помощи) является самым большим частным работодателем в Германии. Диакония (Евангелическая организация оказания социальной помощи) и Каритас вместе могут считаться вторым по счету из всех – вместе с государственными – работодателем Германии. В Германии существует отдельное законодательство, позволяющее религиозно ориентированным работодателям руководствоваться собственными этическими нормами. Похожая картина наблюдается во многих европейских странах. Как пишет автор, классическая теория государства благосостояния так же, как принятая в качестве базовой теория секуляризации, не может дать адекватное объяснение этого феномена.

Роль религиозных организаций в качестве значимых субъектов социальной политики освещают многие ученые европейских стран. Обзор социальных режимов, которые сформировались в разных государствах Европы под влиянием различных христианских течений, представил немецкий исследователь Ш. Ляйбольд. Автор провел анализ процессов влияния религиозных акторов на формирование социальной политики. Он сравнил модель немецкой исследовательницы Зигрун Каль (различия в отношении христианских конфессий к благосостоянию и труду), понимание «социального капитализма» нидерландского ученого Кииза ван Керсбергена и выводы немецкого ученого Филипа Манова (Роль протестантизма в возникновении и

развитии государства всеобщего благосостояния). Штефан Ляйбольд объясняет попытку синтеза обобщающей модели Ф. Мановым и К. ван Керсбергеном. Эта модель позволяет объяснить наличие разных вариантов государств всеобщего благосостояния с учетом культурных и религиозных факторов [2, с. 65-67].

В последние годы деятельность религиозных организаций в социальном пространстве привлекает внимание ученых постсоветских государств.

Коллектив авторов из Беларуси и Украины на основе обширного эмпирического материала анализируют роль устойчивых исторических религиозных сообществ в поддержании социальной стабильности в гетерогенных в религиозном отношении обществах [3, с. 71-75].

Российские ученые в настоящее время уделяют все большее внимание функционированию религиозных акторов в социально-политическом пространстве. Е.В. Пруцкова в рецензии на общий труд Ф. Манова и К. ван Керсбергена «Религия, классовые коалиции и государство благосостояния» выделяет ключевые факторы предложенной модели. По мнению автора, Ф. Манов и К. ван Керсберген стараются восполнить теоретический пробел в изучении роли религии в процессе формирования того или иного режима государства благосостояния [4].

Вместе с тем, анализ роли религиозных организаций в социальной политике представлен в немногих научных публикациях современной России.

Идеология социальной политики долгое время находится в фокусе внимания Е.Р. Ярской-Смирновой и команды соавторов. Как подчеркивает исследователь, «идеологии социальной политики и социальной работы имеют множественный характер, они конфликтуют и борются как между собой, так и с идеологиями тех или иных политических курсов или профессиональных сообществ». Одновременно с этим деятельность социально-политических институтов общества представляет широкий контекст, составленный из консервативных, либеральных и социально-демократических идей [5, с. 74-75].

А.В. Егупов и Т.Ю. Жданова посвятили научную работу анализу сетевых стратегий конфессий в социальном пространстве России. Религиозные организации, по мнению авторов, доказывают свою способность отвечать требованиям современного общества. Государство готово делегировать полномочия в сфере предоставления социальных услуг, и часть религиозных организаций демонстрируют возможности реализации таких программ и проектов. В результате, сами религиозные организации «уделяют все больше внимания социальной сфере и вопросам воспитания и досуга молодежи, благотворительной деятельности». Авторы рассуждают о роли духовенства и мирян в функционировании религиозных организаций в социально-политическом пространстве [6, с. 80-85].

В отличие от западных коллег, российские ученые недавно обратились к анализу роли религиозных организаций в формировании социальной политики. Важную роль играет адаптация новых теорий и моделей, которые позволяют объяснить возрастание роли религии в социальной политике секулярного общества. Дальнейшее изучение этой проблематики будет полезно с точки зрения понимания мотивов участия самих организаций и их представителей – мирян и духовенства в социально-политическом пространстве России.

Список литературы

1. Hien J. The Return of Religion? The Paradox of Faith-Based Welfare Provision in a Secular Age, MPIfG Discussion Paper 14/9. URL: http://www.mpifg.de/pu/dp_abstracts/dp14-9.asp. (accessed: 03.09.2017).
2. Ляйбольд Ш. Религиозные корни государства всеобщего благосостояния // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. № 1(25). С. 65-71.
3. Пруцкова Е.В. (Рецензия) Religion, Class Coalitions, and Welfare States / K. van Kersbergen, P. Manow, eds. Cambridge: Cambridge University Press, 2009 // Вестник ПСТГУ. Серия 1. Богословие. Философия. 2011. Вып. 6 (38). С. 139-143.
4. Религиозные организации в общественном пространстве Беларуси и Украины: формирование механизмов партнерства / Н. Кутузова, Л. Филипович [и др.]. Вильнюс: ЕГУ, 2014. 238 с.
5. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ // Социальная политика в современ-ной России: реформы и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПГИ, Вариант, 2008. С. 80-105.
6. Егупов А.В., Жданова Т.Ю. Сетевые стратегии деятельности религиозных организаций в современной России // Человек. Сообщество. Управление. 2013, №1, С. 74-85.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫМ СЕМЬЯМ

SOME PROBLEMS OF SOCIAL SUPPORT OF LARGE FAMILIES

Т.Ю. Петрова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
T.Yu. Petrova
Lobachevsky University

Рассматриваются некоторые проблемы, с которыми сталкиваются многодетные семьи при получении мер социальной поддержки.

The thesis discusses some of the challenges faced by families in obtaining social support.

Ключевые слова: многодетные матери, материнство, социальная поддержка
Keywords: mothers of many children, maternity, large families, social support

Основа любого государства – это его граждане. Закрепляя за собой статус социального государства, РФ устанавливает в качестве первостепенного направления своей политики «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. Одной из главных задач обеспечения безопасности государства является обеспечение демографической безопасности. П. Макдональд в своей статье «Низкая рождаемость и государство: эффективность политики» пишет, что «мы можем рассматривать проблему низкой рождаемости с точки зрения некоей «зоны безопасности». Динамика развития народонаселения подтверждает мнение правительств о том, что «зоной безопасности» является уровень рождаемости, превышающий 1,5 ребенка, рожденных одной женщиной» [2]. Самое низкое значение коэффициента суммарной рождаемости в России отмечалось в 1999 г. – 1,157. В 2000-2014 гг. его значение увеличивалось (кроме 2005 г.) – до 1,750 в 2014 г., что соответствует примерно уровню начала 1990-х гг. и почти на 20% ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства [3].

Исследователи отмечают, что для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы каждая вторая семья в России была многодетной, т.е. имела 3 и более детей [4]. В реальности число многодетных семей намного меньше необходимого. По результатам общероссийского исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», существует потенциал изменения сложившейся ситуации: 19% опрошенных в 2007 г. заявили, что хотели родить 3 и более детей [5, с. 21]. По мнению одного из ведущих демографов в мире П. Макдональда, в целом очень низкая рождаемость не соответствует действительным устремлениям отдельных людей, за счет которых она возникает. Он подчеркивает, что «…описывая свои «идеальные жизненные установки», женщины, на самом деле, комментируют характер социально-общественных условий, в которых они планируют завести детей. Они говорят, что в других общественных условиях они, безусловно, завели бы большее количество детей» [2, с. 27], что «решение проблемы низкой рождаемости заключается в предоставлении молодым мужчинам и женщинам чувства уверенности в том, что в случае, если они вступят в брак и решат завести детей, общество поддержит их в этом важном как для них самих, так и для общества решении» [2, с. 28]. Он настаивает на том, что именно государство обязано принимать часть ответственности за своих маленьких граждан и обеспечивать перераспределение расходов в пользу тех, кто заботится о детях, для восстановления социального баланса в стране. Эти

выводы подтверждаются другими исследователями, которые показывают, что рождаемость прямо зависит от чувства защищенности и уверенности в будущем у потенциальных матерей [6, с. 27]. По результатам сравнительного исследования занятости женщин во Франции и в России А. Пайе и О. Синявской в России «женщины попросту лишены возможности выбирать модель трудового поведения. Недостаток услуг по уходу за детьми до 3-х лет не позволяет работать тем женщинам, которые хотели бы этого. Низкие доходы заставляют работать тех, кто, возможно, предпочел бы остаться дома и воспитывать детей» [7, с. 350]. Такая ситуация не способствует чувству уверенности потенциальных матерей, поэтому большая часть женщин сознательно отказывается от рождения «дополнительных» детей для сохранения определенного уровня безопасности семьи и обеспечения уже рожденного ребенка/ детей. Эту ситуацию частично поддерживает и само государство: практически все пособия, льготы, выплаты оформляются только при обязательном условии трудоустройства обоих родителей. Если в семье нет инвалидов, престарелых иждивенцев, за которыми можно оформить уход, младшему ребенку больше трех лет – женщину вынуждают трудоустраиваться, даже в ущерб выполнению ее обязанностей по дому. Те семьи, где женщина занята дома, оказываются без поддержки государства: им не начисляется субсидия на жилье, не предоставляется бесплатный отдых для детей летом, не оказывается продуктовая и вещевая помощь. В первую очередь страдают самые незащищенные – многодетные семьи с большим количеством детей (5 и более), где подавляющее число матерей сознательно отказываются от оплачиваемой деятельности на рынке труда в пользу домашней работы и ухода за нетрудоспособными членами семьи.

Список литературы

1. Ст. 7 Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.10.2017).

2. Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики // Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы. Материалы международного семинара, М., 15 сентября 2006 г. С. 27-56.

3. Демографические итоги I полугодия 2015 г. (часть II) // Демоскоп Weekly. № 655-656, 21 сентября – 4 октября 2015. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/ weekly/2015/0655/barom01.php (дата обращения: 23.09.2015).

4. Захаров С. Рост числа рождений в России закончился? // Демоскоп Weekly. № 453-454, 7-20 февраля 2011 http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema02.php (дата обращения: 23.09.2015).

5. Синявская О.В., Тындик А.О., Головляницина Е.Б. В каких семьях рождаются дети? Факторы репродуктивного поведения в России// Семья в центре социально-демографической политики? Сборник аналитических статей / Отв. Ред. О.В. Синявская. М.: НИСП, 2009. С. 19-46.

6. Ронсен М. Рождаемость и семейная политика в Норвегии: размышления о тенденциях и возможных связях// «Spero». №5. 2006. С.134-160.

7. Пайе А., Синявская О. Занятость женщин во Франции и в России: роль детей и гендерных установок // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад / Под научной редакций С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской; М.: НИСП, 2010. С. 304-352

ТРУДОУСТРОЙСТВО ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНОГО В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ СО СТИГМАТИЗАЦИЕЙ

EMPLOYMENT OF A MENTALLY ILL PERSON ON THE INTERNET AS A WAY TO COMBAT STIGMA

С.В. Праводелов
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
S.V. Pravodelov
Lobachevsky University

Психически больной человек сталкивается со множеством медицинских ограничений и социальными барьерами. Стигматизация – одна из основных проблем трудоустройства. Одним из способов преодоления стигматизация может стать занятость в сети Интернет как источник дохода больного, средство его самориализации в трудовой деятельности.

A mentally ill person is faced with a lot of medical restrictions and social barriers. Stigma is one of the main problems of employment. One of the ways to solve stigmatization can be employment on the Internet. Work through the Internet can become a source of income for the patient, will allow him to self-identify in work.

Ключевые слова: психическое заболевание, стигматизация, занятость в сети Интернет, дестигматизация

Keywords: mental illness, stigmatization, employment in the Internet, destigmatization

В современном мире трудовая занятость трансформируется при помощи информационных технологий. Многие люди выбирают занятость в сети

Интернет, где работник сам отвечает за свою выполненную работу. Чем более качественно выполнена его работа, тем больше заказов у него будет. Качественное портфолио тоже дает работнику больше шансов получить заказ. Благодаря такому виду занятости можно попытаться дестигматизировать такую группу населения, как психически больные.

Основной причиной проблемы трудоустройства психически больных является стигматизация. Впервые термин стигма встречается в древней Греции, означает он отметину или знак на теле человека. Этой меткой отмечали «дефектного» человека в моральном плане (например, раба или преступника).

Одним из известных авторов, который затрагивал проблему стигмы – И. Гофман. Он предлагает разделить стигму на несколько типов:

1. Физический дефект, деформации;
2. Дефект личного характера (например, психическое заболевание, наркомания, алкоголизм);
3. Стигма идентичности (т.е., расовая принадлежность, национальность, вероисповедание).

Стигма затрагивает социальную идентичность индивидов, «портит», обесценивает их в глазах других, влияет не только на чувства, мысли и поведение этих индивидов, но и оказывает негативное воздействие на их здоровье [1].

В крайних случаях стигматизации индивид может лишиться своей человеческой природы, что делает возможным крайне жестокие поступки. Он теряет свой социальный статус, испытывает дискриминацию со стороны общества. Потеря социального статуса затрагивает профессиональную сферу, доступ к образованию и к медицинскому обслуживанию, психологическое благополучие в целом [1].

Нахождение психически больного вне специализированных медицинских учреждений пугает людей, оказавшихся рядом с ними, они требуют любыми способами, установить дистанцию, чтобы не ассимилироваться с больными [1]. Если они трудоустроены и работают так же, как и здоровые люди, чаще всего они получают меньшее вознаграждение.

В настоящее время проблемы трудоустройства и стигматизации психически больных можно решить посредством сети Интернет. С появлением новейших сетевых инструментов открываются новые возможности трудоустройства психически больных при надомной форме работы. Специализированные Интернет-сообщества объединяют работодателей и сотрудников, готовых к взаимодействию на удаленной основе [2]. Индивиды с психическими заболеваниями могут быть более успешным (например, где работа связана с творческой деятельность).

Занятость в сети Интернет позволит уйти от скучной традиционной работы, дестигматизирует психически больного, даст возможность получать хорошее вознаграждение от любимого дела, проявить свои таланты. Удаленная работа позволит им находиться в спокойной обстановке, что снизит уровень стресса. Родственники психически больного всегда могут быть рядом, помогать и поддерживать его.

В занятости в сети Интернет существуют как плюсы, так и минусы. Плюсами данного вида занятости являются:

1. свобода выбора рабочего задания;
2. самостоятельность планирования рабочего времени;
3. отсутствие начальника и коллег, с которыми нужно непосредственно контактировать;
4. возможность трудоустройства в другом городе или стране;
5. ответственность только за свои действия [3];
6. достойный уровень заработной платы.

Недостатки занятости в сети Интернет:

1. возможна перегрузка заказами;
2. неравномерное распределение рабочего времени;
3. отсутствие оплачиваемых выходных и отпуска [3];
4. проблемы самоконтроля;
5. нестабильность доходов;
6. высокая конкуренция.

В завершение нужно сказать, что необходимо признать стигматизацию как социальную и социально-психологическую проблему. Для большинства населения характерно предубежденное отношение к психически больным [4]. Одним из способов дестигматизации психически больных это занятость в сети Интернет. Она является как способ самореализации и экономической независимости. Позволит им почувствовать себя нужными обществу и родным.

Список литературы

1. Бовина И.Б. Стигматизация психически больных людей и борьба с ней: социально-психологическое измерение проблемы / И.Б. Бовина, А.В. Якушенко // Вестник российского университета дружбы народов. серия: психология и педагогика. М: Издательство: Российский университет дружбы народов (РУДН). 2015. С. 14-23.

2. Бухтиярова И.Н. Влияние современных информационных технологий на социальную инклюзию и интеграцию молодых людей с инвалидностью // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы, Материалы

II Международной научно-практической конференции. Науч. ред. Ю.В. Мамченко. М: Изд-во: «Перо». 2015. С. 15-19.

3. Хасанова Ю.В. Фриланс: предпосылки для трансформации условий труда // Наука и общество. Саратов: Издательство: Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». 2012. С. 144-146.

4. Солохина Т.А. Стигматизация в психиатрии / Т.А. Солохина, В.С. Ястребов // Психическое здоровье: социальные, клинико-организационные и научные аспекты Сборник материалов Научно-практической конференции. Под редакцией Г.П. Костюка. М: Издательство: ООО «Издательский дом КДУ». 2017. С. 524-531.

ГОТОВНОСТЬ К ПРИЕМУ МИГРАНТОВ-ЖИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

READINESS FOR RECEIVING MIGRANTS FROM EUROPEAN COUNTRIES

В.А. Прохода
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва
Е.В. Клейменова
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва
V.A. Prokhoda
Lomonosov Moscow State University; Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow
E.V. Kleymenova
Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow

Анализируются результаты международного социологического исследования. На основе факторного анализа рассчитан интегративный показатель, характеризующий готовность населения европейских стран к приему мигрантов. Выявлена степень готовности жителей европейских государств к приему иммигрантов. Делается вывод, что россияне демонстрируют низкую степень готовности приема иммигрантов.

The author analyzed the results of an international sociological study. An integrative indicator characterizing the readiness of the population of European countries to receive migrants is calculated on the basis of factor analysis. The degree of readiness of residents of European states to receive immigrants is revealed. It is concluded that Russians show a low degree of willingness to accept migrants by European standards.

Ключевые слова: мигранты, миграция, иммигранты, иммиграция, миграционный кризис, отношение к мигрантам, европейские страны

Keywords: migrants, migration, immigrants, immigration, migration crisis, attitude towards migrants, European countries

Проблемы, связанные с миграцией, весьма актуальны для европейских государств, о чем свидетельствует возникший в 2015 г. миграционный кризис, характеризующийся слиянием различных миграционных потоков и, как следствие, многократным увеличением потока иммигрантов из стран Африки, Ближнего Востока и Южной Азии. Их эффективное распределение во многом связано с готовностью к приему местного сообщества. Целью работы является выявление готовности жителей европейских государств к приему иммигрантов.

Публикация базируется на результатах седьмой волны межстранового социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS)», проведенного в 2014 г. Анализу подверглись данные по 22 странам. В каждой стране по национальной репрезентативной выборке было опрошено от 1224 (Словения) до 3045 (Германия) респондентов в возрасте 15 лет и старше. В России опрос проводился Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Общее число опрошенных – 2445 человек. На международном уровне общее управление проектом осуществляли: The Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK; Scientific Advisory Board.

Для выявления отношения населения европейских стран к иммигрантам респондентам задавались следующие вопросы: *«Следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения страны, переезжать жить в нашу страну?»; «А как насчет людей, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения страны?»; «А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы?»*. В каждом вопросе предлагались четыре содержательных варианта ответа от «1» – «следует позволить многим таким людям переезжать жить в страну» до «4» – «никому не разрешать».

По результатам проведенного факторного анализа (использован метод главных компонент, процент объясненной дисперсии – 77.5%, КМО = 0,69), выяснилось, что эти вопросы группируются в один фактор. Далее, страны – участницы проекта были ранжированы в порядке возрастания их среднего значения по полученному фактору. Чем выше готовность населения страны к приему иммигрантов, тем меньше ее ранг (Рис. 1).

На первом месте в импровизированном списке оказалась Швеция, что вполне объяснимо с учетом проводимой долгое время политики благоприятствования мигрантам. Добавим, что жители Швеции демонстрируют самое позитивное в Европе отношение к мигрантам, положительно оценивая

влияние миграции на культуру и экономику страны. На втором месте расположилась Германия – крупнейшая как по численности населения, так и по масштабам приема мигрантов европейская страна, географически полностью расположенная на территории Европы [1]. Далее следуют Норвегия, Швейцария, Дания, Нидерланды, Испания и др.

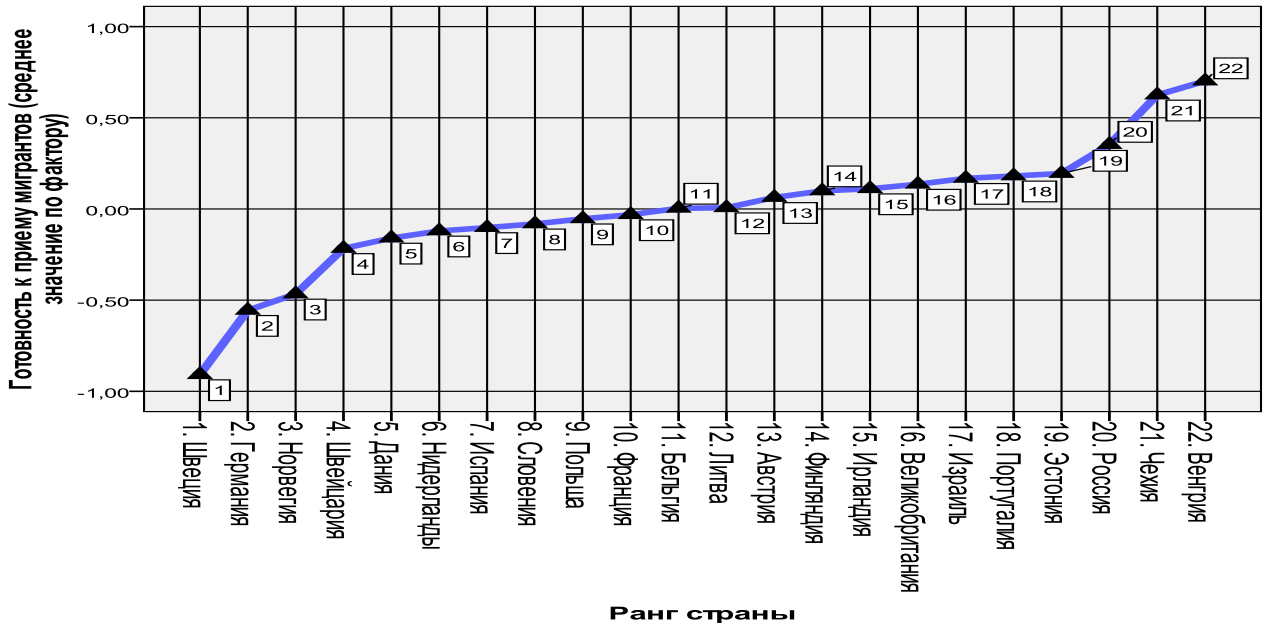


Рис. 1. Готовность населения европейских стран к приему мигрантов (ранжирование по среднему значению фактора – чем выше готовность населения страны к приему иммигрантов, тем меньше ее ранг).

Россия оказалась в конце рассматриваемого списка, занимая двадцатое в общем порядке место. Это позволяет сделать вывод, что россияне демонстрируют, по европейским меркам, низкую степень готовности к приему иммигрантов. В России мнение населения во многом определяется успехом процесса интеграции в социум, в том числе стремлением самих иммигрантов стать частью принимающего общества. В ближайшем окружении с Россией оказались Эстония, Португалия и Чехия. Замыкает список – Венгрия, что, возможно, связано с этнической однородностью принимающего социума.

Добавим, что отношение населения европейских стран к мигрантам тесным образом связано с их расовой и национальной принадлежностью. Респонденты во всех рассматриваемых странах существенно чаще констатируют готовность приема мигрантов той же расы или национальности, что и у большинства граждан страны. Стремление к ограничению притока мигрантов сопряжено с их принадлежностью к иной расе или национальности, нежели у большинства населения [2]. При этом респонденты становятся критичней, когда речь заходит об иммигрантах из бедных стран, расположенных за пределами Европы. В рассматриваемом контексте для

россиян миграция из более бедных стран ассоциируется в первую очередь с приезжими из Средней Азии. Применительно к таким мигрантам россияне демонстрируют низкую степень готовности приема. Так, уверены, что никому из таких мигрантов не следует разрешать переезжать, 31% россиян, и это – *самый высокий* процент среди стран-участниц проекта ESS.

Проведенный методом К-средних (K-means) кластерный анализ позволил разделить европейские страны по среднему значению фактора, характеризующему готовность населения к приему мигрантов, на три группы. К первому кластеру были отнесены Швеция, Германия и Норвегия – страны, население которых демонстрирует высокую степень готовности приема иммигрантов. Во вторую, самую многочисленную группу оказались включены: Швейцария, Дания, Нидерланды, Испания, Словения, Франция, Польша, Бельгия, Литва, Австрия, Финляндия, Ирландия, Великобритания, Израиль, Португалия, Эстония. Центр второго кластера стремится к средним по Европе показателям готовности приема. Наконец, в третий кластер попали Россия, Чехия и Венгрия. Все три страны характеризуются низкой степенью готовности населения к приему мигрантов.

Список литературы

1. International Migration Report 2015 (Highlights) [Эл. ресурс]. Department of Economic and Social Affairs, United Nations New York, 2016. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf (accessed: 24.06.2017).
2. Прохода В.А. Отношение к мигрантам населения европейских стран // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 2. С. 64-71.

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИНФАНТИЛИЗМ СОТРУДНИКОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

SOCIAL AND PROFESSIONAL PUERILITY OF SOCIAL SERVICE WORKERS

Н.А. Птицына
Ивановский государственный университет
N.A. Ptitsyna
Ivanovo State University

В постановочном плане рассматриваются отдельные аспекты социально-профессионального инфантилизма специалистов системы социальной защиты населения, приводятся примеры его проявления, встречающиеся в практике современной социальной работы.

The article raises an issue of social service workers social and professional puerility (certain aspects of that problem). The author provides her readers with particular examples which one can come across in social work practice.

Ключевые слова: социально-профессиональный инфантилизм, профессиональная деятельность, специалист по социальной работе

Keywords: social and professional puerility, professional activity, social service worker

Заявленная тема возникла в ходе анализа материалов полуформализованных интервью, проведенных в рамках исследования «Профессиональная социализация специалистов по социальной работе» под руководством и с участием автора (Иваново, 2016-2017).

В современных условиях на фоне возрастания требований к профессионалам (наличие у специалистов высокого уровня подготовки, креативности, активной позиции и др.) все чаще фиксируются случаи проявления инфантильности и социальной пассивности в профессиональной деятельности как у молодых сотрудников, так и у представителей других возрастных групп. В настоящее время информация о сущности социально-профессионального инфантилизма, масштабах его распространения среди специалистов по социальной работе носит фрагментарный характер, поэтому изучение данного феномена представляет интерес для осмысления практического опыта и перспектив развития социальной работы как профессионального вида деятельности.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, недостатком научных данных в социологии о проявлении инфантилизма в профессиональной деятельности, социально-психологических причинах его возникновения; во-вторых, отсутствием практических мероприятий (в том числе тренингов, семинаров и др.), посредством проведения которых можно было бы формировать социально активную позицию как у личности, так и у группы специалистов с целью предотвращения социально-профессионального инфантилизма.

Обзор специальной научной литературы по теме показал, что инфантилизм более века широко исследовался за рубежом, но не столь часто выступал объектом анализа отечественных ученых. Первоначально инфантилизм изучался как качество личности, впоследствии – и как задержка нравственного и социального развития, и как характеристика личности. В отечественной науке социальный инфантилизм рассматривался в контексте изучения проблем социализации и социальной зрелости личности (Б.Г. Ананьев, И.С. Кон, Ю.А. Косолапов, В.С. Могун, С.Г. Вершловский), а

также влияния социальной среды на становление личности (В.В. Зеньковский, Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович). В последние годы социальный инфантилизм исследуется не только с позиций психологии и педагогики, но и социологии, то есть изучение данного феномена приобретает междисциплинарный характер. В центре внимания специалистов оказываются различные его формы (физиологический, психический, правовой, социальный), а также разные социальные группы [1; 2]. Однако целостного изучения данного феномена не проводилось.

В числе сущностных особенностей инфантилизма С.А. Потуткова называет незрелость эмоционально-волевой сферы и задержку нравственного и социального созревания, отсутствие трудовой мотивации, низкую потребность в достижениях, несамостоятельность решений и действий, зависимость от других, хаотичность поведения, позицию иждивенчества, гедонизм, а также слабо развитую способность рефлексии и несформированность преодолевающего поведения при явно доминирующей потребности в удовольствии и развлечении» [3, с. 295]. Понятие «социальный инфантилизм» чаще всего трактуется как состояние, проявляющееся в разрыве между биологическим и социокультурным взрослением молодежи, в непринятии молодыми людьми новых обязанностей и обязательств, свидетельствующее о нарушении механизма социализации [4].

Профессиональная деятельность является одним из важных факторов социализации личности. Социальная работа имеет ряд существенных особенностей, оказывающих влияние на профессиональную социализацию специалистов. Процесс профессиональной социализации является многофакторным, многоуровневым, динамичным и предполагает непрерывное профессиональное развитие и саморазвитие личности, усвоение и воспроизводство профессиональных норм, знаний, ценностей, формирование ролевого поведения, профессиональной компетентности и профессионально важных качеств, обеспечивающих эффективное выполнение должностных обязанностей. В целях преодоления возможного социально-профессионального инфантилизма сотрудников социальной сферы необходимо выявить причины, способствующие его формированию.

Положения статьи основаны на материалах анализа интервью 20 женщин-специалистов социальной сферы (в возрасте до 30 лет, имеющих высшее образование, проживающих в областном центре, работающих в региональной системе социальной защиты населения). Одну часть опрошенных составили специалисты, занимающие должности в органах государственной власти, вторую – сотрудники учреждений системы социальной защиты населения. Рассмотрим некоторые из полученных результатов.

1. Профессиональная социализация осуществляется посредством актуализации и закрепления ключевых профессиональных ценностей у молодежи, что в дальнейшем обеспечивает успешность профессионального развития личности. Согласно полученным данным, в иерархии личных ценностей у большинства опрошенных доминируют общественно-значимые ценности (семья, дети). Среди профессиональных – «интересная работа» и «саморазвитие». В то же время встретился и такой ответ: «*Труд, конечно, облагораживает человека. Начнем с того, что в Ивановской области, действительно, с работой плоховато. Конечно, я не горела желанием работать в социальной сфере. Но в силу обстоятельств… так сложилось, что я сюда пришла. Не скрою, что если я получу предложение более достойное, то сменю место работы» (Ж., 29 лет).*

У некоторых респондентов-государственных служащих основную позицию в иерархии личных ценностей занимает наличие самого трудоустройства:

«Лично для меня – это трудоустройство после вуза. Собственно…долго не думала. Предложили, пошла работать. А дальше – посмотрим. В профессиональном плане… как-то пока не думала…» (Ж., 23 года).

«Трудоустройство. Госслужба. Регулярная зарплата (правда, не такая уж и большая) и соцпакет (ну, отпуск, выплаты разные и пр.). Может, карьеру построю...» (Ж., 24 года).

Выбор социальной работы как социально ориентированного вида профессиональной деятельности отражает превалирование у основной части респондентов общественно одобряемых мотивов (альтруистических, приобретение профессионального опыта). Основная позиция в иерархии мотивов у сотрудников социальных учреждений и госслужащих сходна – это «помощь людям». Отличие в том, что для респондентов, работающих в социальных учреждениях, наиболее значимым мотивом является «приобретение профессионального опыта», а для представителей госслужбы «материальное обеспечение». По данным мониторинговых исследований (О.М. Магомедов и др.), начиная с 2003 г. усиливается влияние материальных и социально-статусных мотивов поступления российских граждан на государственную службу и снижается значимость профессиональных и гражданских. Этот перекос, по мнению ученых, «создает угрозу деформации профессиональных и нравственных основ государственной гражданской службы, затрудняет процесс ее реформирования на современных демократических принципах, выстраивания системы противодействия негативным проявлениям, в первую очередь, коррупции» [5, с. 43].

2. Одним из показателей социальной активности специалистов может служить характер взаимодействия с различными субъектами профессиональной деятельности. Рассматривая особенности взаимодействия сквозь призму личных и профессиональных достижений, выявлено следующее: основными достижениями в личной жизни специалисты по социальной работе считают «создание семьи» и «рождение детей», «поступление в вуз», а в профессиональной – «доверие клиентов», «взаимопонимание с коллегами», «результативность работы». Встретились и такие ответы:

«*Основные достижения? В личной жизни считаю возможность проводить время с друзьями, а в профессиональной – ну, даже не знаю, какие тут достижения... Надеюсь на продвижение по карьерной лестнице…»* (Ж., 23 года).

«Пока – это окончание университета, а в профессиональной – какие-то жизненные навыки» (Ж., 24 года).

Профессиональная активность может проявляться и в готовности специалистов к выполнению более сложной работы, творчестве, принятии самостоятельных решений. Большая часть опрошенных специалистов полагают, что готовы к выполнению более сложной работы, четверть – не готовы или сомневаются в своих силах. Например, одна из сотрудниц социального учреждения объяснила свои сомнения таким образом:

«*Нет. Престиж низкий этой деятельности, зарплата маленькая. Зачем*?» (Ж., 27 лет).

Респонденты, работающие в государственных органах власти, аргументировали свою нерешительность наличием негативного опыта:

«Затрудняюсь ответить. Желание, в общем-то есть, но обстановка не позволяет. Пишу отказ заявителю, бумага проходит через трех руководителей. Текст я не узнаю после всех правок. В конце проверок получаю задание: внести ряд дополнений, которые были исключены. Ничего никто не объясняет… Стоит ли «упираться» так сильно? Оценка-то одна: «Писать не умеешь…Пора бы уже научиться…» (Ж., 29 лет).

Или: *«Смотря какая работа будет…За эти годы накопился разный опыт «проявления» самостоятельности, если сложную работу делаешь. Подготовили проект программы досрочно, старались. Предложения инновационные включили…Положили в папку на подпись руководителю. Получаем документ, он не подписан. Проверяем этот документ вместе с начальником нашего отдела. Вроде все правильно, никаких замечаний нет. Ничего не понимаем, но снова кладем его в папку. Получаем через день, но подписи руководителя опять нет. Не знаем, что делать. Ничего не понимаем. Секретарь потом нас пожалела, сказала, что скрепку не той стороной*

закрепили. Потом, мы уж всегда стали эти скрепки проверять… А тогда зачем торопились, два дня вечерами работали, чего-то изобретали? Лучше не спешить, главное сроки подготовки документа не нарушить. Они начальники, пусть и думают сами… У них зарплата побольше…» (Ж., 30 лет).

Зафиксированы и такие ответы:

«*Задыхаемся в отчетности. За последние годы поток бумаг увеличился в несколько раз. Куда только не направляем отчеты. Часто дублируем данные… Нагрузка растет, а зарплата не очень. О какой инициативе может идти речь? Успеть бы все сделать. А будешь активничать, еще добавят работы…» (Ж., 28 лет).*

«Устала сражаться. Пусть будет, как будет. Если сильно надоест, то уйду. Разве справишься с системой…» (Ж., 29 лет).

Наряду с недоверием руководства информанты назвали также авторитарный стиль управления, засилье бюрократии, отсутствие информации об актуальных проблемах организаций и учреждений.

Таким образом, можно предположить, что боязнь инициативы и ответственности, слабые возможности реализовать свой личностный потенциал, отсутствие потребности в достижениях, отношения с руководством, большие нагрузки, «туманные» перспективы карьерного роста создают риск формирования профессионального и социального пессимизма у молодых сотрудников, выработки конформной стратегии поведения.

3. Социально-профессиональный инфантилизм специалистов по социальной работе может проявляться и через отсутствие мотивации к профессиональному развитию, равнодушию к выбору собственной профессиональной стратегии. Согласно полученным данным, только половина опрошенных сотрудников считают возможным построить успешную профессиональную карьеру, опираясь только на личные ресурсы. Другая половина (состоящая, в основном, из респондентов- государственных служащих) уверены, что карьерный рост зависит от наличия связей (со стороны знакомых, родственников). Приведем ряд фрагментов из интервью:

«Теоретически карьеру построить, конечно, можно. Практически …вряд ли… Мы же видим, что продвигаются те, у кого есть родственники в этой сфере. Большие начальники «помогают» своим детям…» (Ж., 26 лет).

«Да нет. Будешь сидеть на самой маленькой должности лет десять, а то и больше, если нет связей. «Растут» в первую очередь те, кто имеет связи…» (Ж., 27 лет).

Низкий статус и престиж профессии в совокупности с дефицитом ресурсов, обеспечивающих эффективность механизмов реализации кадровой

политики, не способствуют развитию и накоплению специалистами личностного социального капитала.

Выводы

1. К числу причин, способствующих возникновению социально-профессионального инфантилизма у молодых сотрудников, можно отнести несформированность ключевых профессиональных ценностей, отсутствие трудовой мотивации и социально значимых мотивов, особенности профессиональной деятельности (власть бюрократии, большие психоэмоциональные нагрузки, наличие конфликтов, потребительское отношение клиентов), специфику профессиональной среды (традиционно женские коллективы, слабая организационная культура, отсутствие преемственности в передаче профессионального опыта и практики наставничества).

2. В процессе взаимодействия специалистов по социальной работе с различными субъектами профессиональной деятельности раскрывается потенциал личности. Социально-профессиональный инфантилизм в этом контексте проявляется в незаинтересованности и равнодушии специалистов к субъектам общения, выбору места работы, отсутствием стремления к выполнению сложной и творческой работы, слабой мотивацией к дальнейшему профессиональному обучению и построению профессиональной карьеры.

В рамках данной работы освещены лишь некоторые аспекты социально-профессионального инфантилизма специалистов по социальной работе. Тема имеет большое практическое значение и нуждается в дальнейшем изучении.

Список литературы

1. Жесткова Н.А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 2 (14). С. 128-136.

2. Ефимова Г.З. Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2014. № 6 [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://naukovedenie.ru/PDF/09PVN614.pdf. (дата обращения: 28.08.2017).

3. Потуткова С.А. Инфантилизм. Российская энциклопедия социальной работы / Под общ. ред. д.и.н. Е.И. Холостовой. – Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2016. С. 295-296.

4. Савельева О.О. Инфантилизм социальный. Энциклопедия 2015-2017 [Эл. ресурс]. Режим доступа: http:// knowledge.su (дата обращения: 03.09.2017); Инфантилизм социальный // Толковый словарь по социологии [Эл. ресурс]. Режим доступа: http:// sociology_dictionary.academic.ru (дата обращения: 03.09.2017) и др.

5. Магомедов К.О. Кадровая политика в системе государственной власти и управления: мониторинг основных направлений // Мониторинг общественного мнения, №3(121), май-июнь 2014 [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/kadrovaya-politika-v-sisteme-gosudarstvennoy-vlasti-i-upravleniya-monitoring-osnovnyh-napravleniy (дата обращения: 02.02.2017)

ПЯТЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЛАН ДЕЙСТВИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АНАЛИЗ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ

THE FIFTH NATIONAL ACTION PLAN FOR GENDER EQUALITY IN THE REPUBLIC OF BELARUS: THE ANALYSIS OF POLITICAL AND LEGAL IMPLEMENTATION MECHANISM

Д.А. Роговцов, О.Н. Меркулова
Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, Республика Беларусь
D.A. Rogovtsov, O.N. Merkulova
Mogilev State A.A. Kuleshov University, Balarus

Анализируется политико-правовой механизм реализации пятого Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь, а также основные достижения белорусского государства и общества в области реализации основных направлений гендерной политики.

The article analyses political and legal mechanism of implementing the Fifth National Action Plan for Gender Equality in the Republic of Belarus, as well as the main achievements of the Belarusian state and society in the implementation of the main directions of gender policy.

Ключевые слова: гендерное равенство, Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства, Национальный совет по гендерной политике, государственная политика

Keywords: National Action Plan for Gender Equality, National Council on Gender Policy, gender equality, state gender policy

В современном обществе рассмотрение любой социальной проблемы невозможно без учета гендерной составляющей. Не является исключением и государственная политика, в рамках которой гендерная проблематика является одной из важнейших социальных детерминант. Осуществление государственной гендерной политики направлено на достижение гендерного равенства во всех сферах жизнедеятельности общества. Когда мы говорим о гендерном равенстве, то, имеем в виду, что женщины и мужчины обладают равным статусом, имеют равные условия для того, чтобы вносить свой вклад в

политическое, экономическое, социокультурное развитие страны и пользоваться его результатами. Государственная политика Республики Беларусь направлена на создание предпосылок и необходимых социальных условий для наиболее полной реализации природных способностей женщин и мужчин в сфере трудовой, общественной и личной жизни.

В основе гендерной политики белорусского государства лежат общепризнанные международные нормы, зафиксированные во Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о политических правах женщин, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Платформе действий Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, Декларации тысячелетия. Эффективность реализации международных норм по защите прав женщин зависит от степени действенности механизма их реализации во внутригосударственном законодательстве.

Сегодня Республика Беларусь является активной участницей Конвенции о ликвидации всех форма дискриминации в отношении женщин, поддерживает Пекинскую платформу действий. В рамках принятия данных документов были взяты конкретные обязательства по принятию мер практического осуществления политики гендерного равенства. Гендерная проблематика учитывается при разработке нормативно-правовых актов, национальных стратегий и программ государственного развития.

В 1995 г. в Беларуси было принято решение каждые четыре года разрабатывать и реализовывать Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства. Последовательная реализация национальных планов и мероприятий, ими предусмотренных, позволила белорусскому обществу существенно продвинуться в решении вопросов равных прав и возможностей не только внутри страны, но и за ее пределами.

Республика Беларусь достигла Целей развития тысячелетия, связанных с искоренением нищеты и голода, снижением материнской и детской смертности, обеспечением начального образования, достижением равенства мужчин и женщин. Это обеспечивается в рамках государственной социальной политики, для которой характерен высокий уровень бюджетных ассигнований на субсидирование системы социальной защиты, образования и здравоохранения. Осуществляющиеся в Беларуси социально-экономические изменения расширили возможности самореализации женщин, обеспечили многообразие форм их участия в социально-трудовой, политической и общественной жизни. В рамках Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 г. одним из принципов ее реализации признано обеспечение равноправия мужчин и женщин и провозглашено гендерное равенство [1, с. 20].

По данным доклада о человеческом развитии 2015 г., Беларусь вошла в число 15 стран мира, где индекс человеческого развития женщин равен или превосходит такой же показатель среди мужчин. По индексу гендерного неравенства мы находимся на 31 месте из 155 стран мира. Согласно докладу о глобальном гендерном разрыве 2016 г., Беларусь занимает 30-е место из 144 государств [2].

В Беларуси активно принимались и принимаются правовые, организационные, административные меры, направленные на повышение статуса женщин, защиту их прав и интересов. Пятый по счету Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2017-2020 гг. был принят Постановлением Совета Министров 17 февраля 2017 г. Координация и контроль за ходом его реализации возложена на Министерство труда и социальной защиты. Целью его является развитие механизмов внедрения гендерного подхода в процесс разработки и реализации мер государственной политики в различных сферах жизнедеятельности белорусского общества[2].

Административно-правовые и организационные основы государственной гендерной политики продолжают процесс непрерывного совершенствования. Чтобы обеспечить дальнейшее развитие национального механизма реализации гендерной политики в регионах, созданы и действуют экспертные группы по этим по вопросам. При Совете Министров Республике Беларусь существует постоянно действующий орган – Национальный совет по гендерной политике. В его состав вошли представители органов законодательной и исполнительной власти, общественных объединений, известные ученые.

Проведенная ранее Национальным центром законодательства и правовых исследований гендерная экспертиза определила, что белорусское законодательство можно назвать гендерно нейтральным и в нем нет норм, которые дискриминировали бы женщин [2]. Для более эффективного проведения гендерной политики потребуется повышение уровня компетентности специалистов в сфере гендерной экспертизы и гендерного бюджетирования, укрепление потенциала Национального совета по гендерной политике. Планируется провести проработку вопроса о возможности присоединения Республики Беларусь к Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11 мая 2011 г.

Для расширения экономических возможностей женщин и мужчин в Закон «О занятости населения Республики Беларусь» внесено изменение, в котором предусмотрено, что граждане, осуществляющие уход за ребенком до 3лет (а это в основном женщины), могут быть направлены на профессиональную подготовку, переподготовку и повышении квалификации на курсы за счет

средств государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения. Имело место сокращение до 182 позиций списка тяжелых работ и работ с вредными и опасными условиями, на которых запрещено привлечение к труду женщин для расширения возможностей трудоустройства.

Проблемными остаются вопросы разрыва в заработной плате между мужчинами и женщинами и развитие женского бизнеса. Актуальными направлениями работы государственных органов станет содействие безработным женщинам в организации предпринимательской деятельности путем оказания консультативной, методической и правовой помощи. Предлагается организовывать прямые телефонные линии, конференции по вопросам женской занятости.

В рамках гендерно ориентированной охраны здоровья населения была создана служба планирования семьи на базе РНПЦ «Мать и дитя». С 2014 г. введена норма о проведении обязательного предабортного консультирования женщин, что позволило значительно сократить количество абортов. Комплексно реализуются мероприятия по использованию новых репродуктивных технологий. В будущем для ликвидации гендерного разрыва в средней продолжительности жизни планируется организовать службу охраны мужского здоровья.

Достижение гендерного равенства в сфере семейных отношений связано с дальнейшим совершенствованием государственной семейной политики. Здесь предусмотрено внесение в национальное законодательство норм, предоставляющих равные права мужчинам и женщинам в связи с воспитанием детей. Предлагается на официальном уровне в качестве праздничного дня установить День Отца. Будет развернута информационно-просветительская кампания по вопросу заключения брачных договоров и соглашений о детях. Планируется совершенствование законодательства о предупреждении насилия в семье и развитие национальной системы реабилитации жертв насилия.

Реализация пятого Национального плана по обеспечению гендерного равенства основана на применении комплексного подхода, внедрение которого должно осуществляться как на общенациональном, так и местном уровнях. Это подразумевает предварительный расчет принимаемых на уровне власти решений с точки зрения гендерной перспективы.

Список литературы

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года / Нац. Комис. по устойчивому развитию Респ. Беларусь; редкол.: Я.М. Александрович и др. Минск: Юнипак, 2004. 202 с.

2. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2017-2020 гг. в Республике Беларусь // Совет Министров Республики Беларусь 2017 [Эл. ресурс]. Режим доступа: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** (дата обращения: 26.06.2017).

ИНТЕГРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО СЕЛА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: К ВОПРОСУ ОСМЫСЛЕНИЯ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА[1]

INTEGRATIVE STRUCTURE OF THE RUSSIAN VILLAGE YESTERDAY, TODAY, TOMORROW: UNDERSTANDING THE DYNAMICS OF THE RUSSIAN SOCIETY

В.В. Самсонов
Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
V.V. Samsonov
The Institute of Philosophy and Law
of Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk

Анализируется современная динамика интегративных структур сельского социума как специфического поля социальных и экономических преобразований. На примере хозяйств населения рассматривается роль неформально-интегративных структур в сохранении и развитии человеческого потенциала российского села.

This work analyzes the current dynamics of the integrative structures of rural society as a specific field of social and economic reforms on the example of farms of the population considers the role of the informal-integrative structures in the preservation and development of human potential of the Russian village.

Ключевые слова: интеграция, формальные, неформальные институты, российский сельский социум

Keywords: integration, formal, informal institutions, Russian rural society

Современные механизмы сельского развития включают в себя формальные и неформальные институты, осуществляющие интегративные функции. Формальные институты (организации) влияют на параметры социально-экономического развития территорий путем принятых законов, нормативно-правовых актов. Неформальные институты формируются в процессе социальной самоорганизации (затрагивающей и формальную модель интеграции) и функционируют на основании норм, восприимчивых к сложившимся обычаям и традициям, и опираются на социальный капитал

[1] Финансовая поддержка исследования: РГНФ № 15-03-00605.

сообществ, ключевыми элементами которого являются доверие и реципрокные социальные связи. В результате распада СССР и административно-командной системы социализма, регулирующей все уровни и сферы социально-экономического развития, на первый план выходят проблемы социальной самоорганизации, освобождения творческого и предпринимательского потенциала «масс». Особую важность процессы самоорганизации приобрели в сельских ареалах, где большинство глубинных преобразований социальной жизни носило стихийный, часто временный характер и осуществлялось в условиях продолжительного и масштабного кризиса, поставившего под угрозу физическое выживание сельских сообществ. Неформальный сектор существовал и в советский период, но в годы реформ число и объем товарных неформальных практик существенно возросло. Одновременно в сферу неформальных отношений вошли субъекты формальной сферы (например, реформированные колхозы и совхозы). В какой-то мере субъектами неформальных практик стали выступать практически все основные акторы и структуры сельского социума – от простых сельских жителей до органов местного самоуправления, школ и больниц.

В результате анализа основных социальных инноваций, вырабатываемых сельскими сообществами в ответ на вызовы рынка, и их исследований, осуществленных нами в различных регионах страны (Сибирь, Поволжье) с 2007 по 2017 гг., были выделены два вида (модели) интегративных структур, играющих решающие роль в жизни современного села (отражающих социально-политические аспекты (измерение) самоорганизации сельского социума и социально-экономические аспекты этого процесса), а также основные социальные структуры, генерирующие различные типы неформальных социально-экономических практик в российском селе: 1. Самообеспечивающиеся домохозяйства сельского населения. 2. Родственные или дружеские сети социальной поддержки. 3. Экономические симбиотические структуры, главными элементами которых являются домохозяйства и «крупхозы». 4. Локальные властные структуры, характеризующиеся включением экономических организаций в процессы управления сообществом.

Специфику (да и общую судьбу этих структур) отражает сегмент экономики подсобных хозяйств населения. Для того, чтобы приблизиться к пониманию механизмов, определяющих динамику развития ЛПХ, а также экономическую и социальную роль этого мелкотоварного уклада, нужно понимать, что развитие ЛПХ является приспособительной реакцией и подчинено целям простого воспроизводства и обеспечения минимально приемлемого уровня жизни, а безработица и низкие доходы от официальной занятости в сельской местности выступали главными факторами вытеснения

трудовой активности жителей села в эту сферу. В 1990-е гг. сектор ЛПХ развился до уровня специфической формы аграрного производства, значимой для рынка продовольствия в национальных масштабах и представляющей собой один из важных элементов структуры многоукладной сельской экономики – в частности. Согласно данным статистики, к 2000 г. хозяйства населения производили больше половины мясопродукции и 9/10 картофеля. Исследования процессов социальной адаптации населения в период 2000-х гг. в сельских сообществах Сибири зафиксировали преобладание натурализованной домашней экономики хозяйств населения во всех обследованных регионах. Собственное хозяйство ведет подавляющее большинство сельского населения (около 90%), при этом лишь меньшая часть производимой в этом секторе продукции поступает в товарную экономику, подавляющая часть продуктов домашнего хозяйства присваивается в натуральной форме. Экономика хозяйств населения имеет преимущественно потребительски-натуральный характер, поскольку произведенная в них сельскохозяйственная продукция обладает малым коэффициентом товарности, используется в основном в целях воспроизводства сельской семьи, для удовлетворения личных нужд семьи [1].

Другая характерная черта ЛПХ как адаптационной укладной формы заключается в тесной, «симбиотической» связи с «крупхозом», т.е. прошедшим процесс рыночной реорганизации бывшим колхозом (совхозом), продолжающего выполнять определенные социальные функции. Для устойчивого развития сельской натуральной экономики важно наличие доступа к ресурсам высокотехнологичного производства, обеспечивающего низкотоварное хозяйство (в некоторых случаях даже бесплатно, но чаще по льготным ценам) кормами, предоставляющего доступ к использованию техники и поддерживающему, по мере сил, социальную инфраструктуру [2].

Современные аграрные структурно-отраслевые трансформации характеризуется постепенным, но неуклонным снижением роли ЛПХ как сегмента сельской экономики в общей структуре аграрного производства. Судя по данным табл. 1, пик производства скота и птицы на убой в хозяйствах населения был достигнут в 2000 г., когда ЛПХ производили более половины товарного мяса – 58%. К 2015 г. доля ЛПХ в производстве мяса, постепенно сокращаясь, снизилась до 22% (сокращение ниже дореформенных показателей). За те же годы существенно снизилась роль ЛПХ и в производстве товарного картофеля (91% в 2000 г. и 77% в 2015 г.). Падение значения хозяйств населения в производстве этих товаров в основном было восполнено за счет повышения роли сельскохозяйственных организаций (прирост на 34% и 6%, соответственно), а также фермерства (демонстрирующего с начала 2000-х гг. уверенный рост по всем показателям) (Табл. 1).

Таблица 1

Структура производства видов сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств (в % от общего объема производства) [3]

	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Сельскохозяйственные организации								
Зерно	99.7	90.8	77.1	76.8	76.8	74.5	73.7	72.7
Картофель	33.9	7.5	10.5	13	13.1	10.9	12.1	13.8
Скот и птица на убой (в убойном весе)	75.2	40.2	60.6	63.3	66.9	70.3	72.4	74.5
Хозяйства населения								
Зерно (в весе после доработки)	0.3	0.8	1.0	1.1	1.0	0.9	1.0	1.0
Картофель	**66.1**	**91.2**	**84.0**	**79.6**	**78.9**	**82.3**	**80.4**	**77.6**
Скот и птица на убой (в убойном весе)	**24.8**	**58.0**	**36.5**	**33.7**	**30.2**	**26.9**	**24.7**	**22.6**
Крестьянские (фермерские) хозяйства								
Зерно (в весе после доработки)	0.01	8.4	21.9	22.1	22.2	24.6	25.3	26.3
Картофель	0.0	1.3	5.5	7.4	8.0	6.8	7.5	8.6
Скот и птица на убой (в убойном весе)	0.01	1.8	2.9	3.0	2.9	2.8	2.9	2.9

Социологические исследования 2010-2016 гг., проведенные в Новосибирской области, зафиксировали сокращение животноводческой специализации ЛПХ, поголовья общественного стада, в 2 раза и более. Подавляющее число респондентов массового социологического опроса (78%), проведенного в 2016 г. в Новосибирской области, заявили о снижении хозяйственной активности ЛПХ в последние 5 лет. Тенденция снижения активности ЛПХ подтверждается и при анализе экспертных оценок структуры денежных доходов жителей села за последние 10 лет: повышение значения заработной платы на фоне снижения доходов от продажи продукции ЛПХ.

Одна из причин сокращения ЛПХ связана с исчерпанием ресурсов симбиозных экономических форм. Социальный потенциал предприятий-доноров подрывается вследствие деградации производственного потенциала нерентабельных или малорентабельных коллективных хозяйств («крупхозов»). По мере сокращения ресурсной базы крупных сельхозпроизводителей и постепенного внедрения принципов рыночной рациональности в деятельность сельских предприятий редистрибутивные практики уходят в прошлое. Если поддержка населения осуществляется, она имеет минимальные объемы.

Постепенно изменяются и массовые адаптационные стратегии, ориентации социально-экономического поведения сельского населения поскольку ни следование исключительно стратегии экономической натурализации, ни многоканальная модель адаптации (совмещение трудовой активности домохозяйств в сфере ЛПХ и одновременная работа в «крупхозе»)

не дают удовлетворительных результатов прежде всего в силу низкой экономической эффективности ЛПХ и высокой трудоемкости его продукции.

Разрыв важнейших социальных и экономических связей хозяйств населения с предприятиями формального сектора ведет к существенной трансформации всей структуры аграрного производства и всего сельского социума. Вследствие разрушения стихийно сформированных механизмов адаптации сельского населения, динамика сельского социума приобретает крайне неустойчивый характер, поскольку инновационные рыночные структуры играют еще незначительную роль в процессах воспроизводства человеческого и социального капитала села. Современные российские хозяйства населения в значительной мере представляют собой социальный, а не экономический феномен, и динамика их развития функционально зависима от состояния социальных ресурсов села и социального капитала сообществ. Сокращение социальных ресурсов сельского развития подрывает устойчивость сельских сообществ и снижает их адаптационный потенциал.

Сам по себе динамичный рост и последующее стремительное (по сравнению с инертностью формальных институтов) сокращение значимости неформального сегмента свидетельствует о том, что мы имеем дело с определенным приспособительным (адаптивным) феноменом, зависящим, как любая адаптация, от сочетания внешних условий-вызовов и ресурсов, доступных адаптанту. Гипертрофированное развитие неформальных практик и отношений в 1990-е гг. было вызвано как особенностями адаптации сельского населения к рынку (которое было вынуждено, вследствие сокращения возможностей официальной занятости, искать новые каналы социально-экономической активности), так и ослаблением государственного контроля в различных сферах общественной жизни в период масштабной перестройки и отсутствием детальной законодательной базы, адекватной изменившимся реалиям. Вслед за общим «упорядочением» социальной среды происходит упадок неформальных структур. Как только отпадает необходимость в рационально (с определенными оговорками) избираемых неформальных практиках (этот процесс подкрепляется и сопровождается процессом рационализации сознания жителей села и их социально-экономического поведения) – происходят изменения, затрагивающие и ценностную сферу, трудовой этос жителей села.

Список литературы

1. Нечипоренко О.В. Сельские сообщества изменяющейся России: традиции или инновации. Новосибирск: Параллель, 2010. 302 с.

2. Нечипоренко О.В., Самсонов В.В. Хозяйственные уклады российского сельского социума: модели и стратегии развития // Вестник РГНФ. 2012. № 4(69). С. 50-61.

3. Российский статистический ежегодник 2016: Стат.сб./ Росстат. М., 2016. 735 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ЧУВАШИИ

REALIZATION OF THE STATE POLICY IN THE SPHERE OF INCLUSIVE EDUCATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES IN CHUVASHIA

Н.Г. Семедова-Полупан
Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
N.G. Semedova-Polupan
Cheboksary Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Дается анализ реализации государственной политики в сфере инклюзивного образования в Чувашии. Приводятся основные понятия инклюзивного образования, оценивается реализация инклюзивных технологий в сфере регионального управления.

The article analyzes the implementation of the state policy in the sphere of the inclusive education in Chuvashia. Basic concepts of the inclusive education are given, implementation of the inclusive technologies in the regional education sphere is estimated.

Ключевые слова: инклюзив, инклюзивное образование, дети с ограниченными возможностями психического и физического здоровья, социализация ребенка, региональная политика Чувашии

Keywords: inclusive, inclusive education, children with disabilities of mental or physical health, socialization of the child, regional policy of Chuvashia

Сегодня, проблема воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями является актуальной и востребованной. Она всегда была болезненной и непростой темой. Дети с ограниченными возможностями в настоящее время по многим причинам исключены из нормальных социальных отношений, находятся в состоянии социальной эксклюзии.

Очевиден «поворот» общества и государственных структур в сторону людей с ограниченными возможностями здоровья. Это свидетельствует о масштабности проблемы инвалидности и определяет необходимость принятия

на государственном уровне комплекса мер по созданию системы социальной защиты и социальной интеграции детей с ограниченными возможностями.

Социокультурный прогресс, который характеризуется, в первую очередь, гуманизацией отношений между обществом и личностью, направленный на сохранение духовных традиций человеческих взаимоотношений, требует особого отношения к представителям наименее социально защищенных слоев населения, среди которых, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Инклюзивное образование трактуется в федеральном законе «Об образовании в РФ от 29.12.2012 №273-ФЗ » как обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. В ст. 5 данного федерального закона указано, что в целях реализации права каждого человека на образование должны быть созданы необходимые условия для получения качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации, оказания ранней коррекционной помощи, а также социального развития этих лиц [1]. Данное положение закона реализуется путем внедрения инклюзивного образования.

Инклюзивное образование – это подход, при котором дети получают возможность обеспечения равного доступа к образованию с учетом разнообразия образовательных потребностей и индивидуальных возможностей.

Как отметил уполномоченный по правам человека (2004-2014) в РФ В.П. Лукин в докладе, посвященном проблемам детей-инвалидов, «в России до сих пор не создана единая система раннего выявления отклонений в развитии детей и ранней коррекционно-педагогической помощи» [2]. И только немногие дети с ограниченными возможностями, включая детей-инвалидов, получают коррекционно-педагогическую помощь в раннем возрасте, хотя в ряде регионов (например, в Псковской, Свердловской, Самарской областях, Москве, Санкт-Петербурге) положительный опыт такой работы существует. Сегодня большинство учителей и директоров школ тем не менее недостаточно знают о проблемах инвалидности и не готовы к включению детей с ограниченными возможностями в процесс обучения в обычных классах. Тем не менее, в некоторых регионах России уже есть положительный опыт по внедрению инклюзивного образования. Таковой является Чувашия.

С целью внедрения инновационных моделей обучения, повышения адресности и расширения сферы образовательных услуг, организации профессиональной подготовки детей с ограниченными возможностями здоровья на территории Чувашской Республики апробируются экспериментальные программы и проекты с использованием дистанционных и

инклюзивных форм обучения. Для обучения детей с ограниченными возможностями здоровья в г. Чебоксары создана и функционирует дифференцированная система специальных (коррекционных) образовательных учреждений всех видов. С целью внедрения инновационных технологий обучения, повышения адресности и расширения сферы образовательных услуг, организации профессиональной подготовки детей с ограниченными возможностями здоровья в республике внедряются программы и проекты с использованием дистанционных форм обучения.

В Чувашской Республике в настоящее время проживает более 16,8 тыс. детей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе 4440 детей-инвалидов, из них в г. Чебоксары – 14,4 тыс. детей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе 3235 детей-инвалидов. Число детей с ограниченными возможностями здоровья, нуждающихся в особом внимании, с каждым годом растет. В связи с этим руководством города Чебоксары было принято решение при открытии новых дошкольных учреждений создавать все необходимые условия для детей с особенными потребностями, чтобы они могли беспрепятственно обучаться со здоровыми сверстниками.

В городе созданы условия для социализации, комплексной реабилитации, непрерывного психолого-медико-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями и детей-инвалидов, действует сеть образовательных учреждений, учреждений здравоохранения и социальной защиты, открыты центры реабилитации, центры восстановительного лечения.

В системе дошкольного образования г. Чебоксары созданы условия для осуществления непрерывного психолого-медико-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья. Для этого функционирует 147 групп компенсирующей направленности, в которых воспитывается 1986 детей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе 630 детей-инвалидов.

Еще около 2 тыс. детей с ограниченными возможностями здоровья интегрированы в образовательную среду и получают образование в дошкольных образовательных организациях общеразвивающей направленности.

В работе с детьми заняты 48 учителей-дефектологов, 183 учителя-логопеда, 148 педагогов-психологов.

В целях обеспечения государственных гарантий доступности качественного образования, создания условий преодоления барьера ограниченной жизнедеятельности, обеспечения интеграции в общество ребенка с ограниченными возможностями здоровья, ребенка-инвалида практикуются различные формы и модели обучения и воспитания детей.

С 1 сентября 2016 г. общеобразовательные организации, реализующие адаптированные образовательные программы, работают в соответствии с федеральным государственным стандартом начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и федеральным государственным образовательным стандартом образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями).

Для предоставления образования детям с ограниченными возможностями здоровья, детям-инвалидам в городе функционируют 15 государственных образовательных организаций, реализующих адаптированные основные общеобразовательные программы. В них в 2016-2017 учебном году обучается 1861 обучающихся с ограниченными возможностями здоровья.

Функционирует 4 специализированных детских сада для детей с нарушениями речи, слуха, зрения и интеллекта. В 11 детских садах города действуют интегрированные группы для детей с нарушениями речи, с задержкой психического развития, опорно-двигательного аппарата.

Для организации образования детей-инвалидов сформирована республиканская сеть дистанционных муниципальных центров, включающая 65 общеобразовательных организаций, в том числе и общеобразовательные организации г. Чебоксары. В столице республики функционирует Республиканский центр дистанционного образования детей-инвалидов. В настоящее время дистанционным образованием охвачено 135 детей-инвалидов, что составляет 100% детей с ограниченными возможностями здоровья, которым не противопоказано обучение с использованием дистанционных технологий по заключениям психолого-медико-педагогических комиссий.

Обучение инвалидов организовано в 28 образовательных организациях профессионального образования по следующим специальностям и профессиям: «Столяр», «Столяр строительный», «Портной», «Швея», «Садовник», «Каменщик», «Изготовитель художественных изделий из дерева» и др.

В рамках участия в реализации государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» работа по созданию универсальной безбарьерной среды для маломобильных групп населения за последние 4 года проведена в 35 школах города. Доля базовых общеобразовательных организаций, в которых создана универсальная безбарьерная среда для инклюзивного образования детей-инвалидов, в общем количестве общеобразовательных организаций, в 2016 г. составило 20.4%.

«В рамках программы «Доступная среда» в 2017 г. будут созданы условия для детей с ограниченными возможностями здоровья в 4 общеобразовательных организациях и в 4 дошкольных образовательных учреждениях, реализующих адаптированные образовательные программы» [3].

В городе созданы сеть надомных школ с дистанционной моделью образования.

Таким образом, в Чувашской Республике созданы все предпосылки по реализации государственной политики в области инклюзивного образования, необходимость появления инклюзивного образования в г. Чебоксары, как и в других городах РФ, на сегодняшний день очевидна. Его становление будет возможным при объединении усилий общественных организаций, родителей, педагогов и представителей законодательной и исполнительной власти.

Список литературы

1. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.08.2017).

2. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://ombudsmanrf.org/ombudsman/content/ history (дата обращения: 11.08.2017).

3. Дистанционное образование детей с ограниченными возможностями: по материалам Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=13&id=1009910 (дата обращения: 11.08.2017).

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГБУ РМ «КОМПЛЕКСНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПО Г.О. САРАНСК» КАК СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

CHARACTERISTIC OF THE MAIN DIRECTIONS OF THE RM GBU «COMPLEX CENTER OF SOCIAL SERVICE FOR G.O. SARANSK» AS THE SUBJECT OF SOCIAL WORK

Т.В. Соловьева
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск
T.V. Soloveva
Ogarev Mordovia State University, Saransk

Анализируются основные направления организационно-технологической деятельности ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск» как субъекта социальной работы.

The article analyzes the main directions of organizational and technological activities of the RM GBU «Complex center of social service for g. o. Saransk» as the subject of social work.

Ключевые слова: социальная работа, помощь, комплексный центр социального обслуживания, деятельность
Keywords: social work, care, a comprehensive center of social service activities

Основными направлениями деятельности ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по городскому округу Саранск» являются: участие в реализации государственных программ, республиканских целевых программ, направленных на повышение уровня жизни населения, оказание адресной социальной помощи гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, социальная поддержка семьи, женщин и детей, профилактика семейного неблагополучия, детской безнадзорности и социального сиротства, социальная поддержка и повышение качества услуг населению, социальная реабилитация и интеграция в общество граждан с ограниченными возможностями, в том числе детей-инвалидов, социальная поддержка ветеранов и инвалидов боевых действий, членов семей погибших (умерших) ветеранов или инвалидов боевых действий; организация и проведение обследования материально-бытовых условий проживания семей и граждан, нуждающихся в государственной социальной помощи; предоставление гражданам в зависимости от степени и характера индивидуальной потребности социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-трудовых и иных услуг в соответствии с законом Республики Мордовия, утверждающим перечень социальных услуг, предоставляемых поставщиками социальных услуг в Республике Мордовия, с учетом стандартов предоставления социальных услуг в полустационарной форме социального обслуживания (отделение дневного пребывания), форме социального обслуживания на дому, срочных социальных услуг, утвержденных постановлением Правительства Республики Мордовия, а также содействие в предоставлении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам (социальное сопровождение) [1].

В структуре ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск» существует *отделения (службы) социальной помощи семье и детям* (по районам г. Саранска), которые являются основным звеном оказания помощи неблагополучным семьям. *Служба социальной помощи семье и детям* предназначена для комплексного обслуживания на территории района семей и детей, нуждающихся в социальной поддержке, путем оказания своевременной и квалифицированной социальной помощи различных видов: социально-

экономической, психолого-социальной, социально-педагогической, медико-социальной, юридической, социально-реабилитационной и иной [2, с. 236].

Отделение срочного социального обслуживания в рамках названного комплексного центра социального обслуживания, как и других подобных учреждений, функционирует в целях оказания неотложной, экстренной помощи единовременного характера семьям с детьми инвалидами, остро нуждающимся в социальной поддержке и включает следующие социальные услуги: разовое обеспечение бесплатным горячим питанием или продуктовыми наборами; одеждой, обувью и другими предметами первой необходимости; разовое оказание материальной помощи. Так, в *1 квартале 2017 г. в данном отделении проделана следующая работа.* Число граждан, обратившихся в отделение срочной социальной помощи только за 2017 г., составило 3313 чел. Материальную помощь получили 69 человек на общую сумму 273,9 тыс. руб. Обследовано 900 ветеранов ВОВ для вручения продуктовых наборов 9 мая. Составлено 62 социальных паспорта на ветеранов ВОВ, а также 254 акта о проверке условий жизни недееспособных граждан. Принято 227 отчетов от опекунов об использовании денежных средств своих подопечных. Совместно с Администрацией Пролетарского района проводится чествование юбиляров среди ветеранов Великой Отечественной войны (90, 95 и более лет) [1].

Деятельность *отделения социального обслуживания на дому* направлена на максимально возможное продление пребывания нуждающихся членов семей в привычной социальной среде в целях поддержания их социального статуса, а также на защиту их прав и законных интересов. Так, семьям, воспитывающим детей-инвалидов, предоставляются социально-бытовые услуги, в частности, покупка и доставка на дом продуктов питания, горячих обедов, промышленных товаров первой необходимости, оплата услуг коммунально-бытового обслуживания. Социальные работники оказывают социально-медицинские и санитарно-гигиенические услуги; обеспечивают лекарственными препаратами и изделиями медицинского назначения (по заключению врача); содействуют в госпитализации, сопровождают нуждающихся в лечебно-профилактические учреждения. Социальные работники предоставляют социально-бытовые, социально-правовые, социально-экономические услуги. В штат данного отделения введены медицинские сестры, которые осуществляют патронаж молодых семей, воспитывающих детей, и оказывают следующие услуги: наблюдение за состоянием здоровья, санитарно-гигиенические процедуры. Так, с 01.01.2017 г. на социально-бытовое обслуживание в отделение было принято 26 человек, на которых был оформлен полный пакет документов, составлены акты оценки индивидуальной потребности гражданина в предоставлении

социального обслуживания, а также индивидуальные перечни социальных услуг с учетом временных затрат на оказание услуг [3].

В отделении дневного пребывания пенсионеров и инвалидов данного комплексного центра социального обслуживания, как и других подобных учреждений, предоставляются следующие услуги: социально-психологические, социально-бытовые, социально-медицинские, социально-правовые, социально-педагогические, к которым относятся анимационные услуги (проведение праздников, юбилеев и других культурных мероприятий). В отделение принимаются нуждающиеся члены семей, сохранившие способность к самообслуживанию и активному передвижению, не имеющие медицинских противопоказаний к зачислению на социальное обслуживание. Организация и проведение клубной и кружковой работы для формирования и развития интересов семей и детей, оздоровительно-реабилитационные мероприятия (массаж, лечебная физкультура) организуются с учетом рекомендаций врача.

За 1 квартал 2017 г. отделение посетили 23 человека. В отделении организовано одноразовое горячее питание. Помещение оснащено люстрами Чижевского, ежедневно пенсионеры проходят сеанс аэроионотерапии. В отделении дневного пребывания под руководством культорганизатора ведется плановая культурно-массовая работа, проводятся музыкально-развлекательные мероприятия, организуются встречи с работниками библиотеки, приглашаются священнослужители с беседами на православные темы. Осуществляются организованные выезды в музеи, на выставки и концерты [1].

Отделение реабилитации детей и подростков с ограниченными физическими и умственными возможностями является полустационарным структурным подразделением Центра путем оказания им психолого-социальной, социально-педагогической и социально-реабилитационной помощи. Правом обслуживания отделением пользуются семьи, имеющие детей-инвалидов дошкольного и школьного возраста, дети-инвалиды в которых способны передвигаться и обслуживать себя самостоятельно или с посторонней помощью. Умело подобранные методы реабилитации помогают достичь цели, обеспечивая восстановление тех или иных способностей детей-инвалидов к нормальному социальному функционированию. В отделении проводится система медицинских, психологических, педагогических, социально-экономических мероприятий, направленных на устранение или более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности ребенка-инвалида [4, с. 174].

ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск», выступает важным субъектом социальной работы на местном уровне, предоставляет широкий спектр форм помощи и услуг разным категориям

населения, накапливает опыт социальной поддержки нуждающихся, взаимодействует с социальными учреждениями в целях социальной защиты граждан.

Список литературы

1 Документы делопроизводства ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск».

2 Соловьева Т.В. Бистяйкина Д.А. ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск» как субъект социальной работы с неблагополучными семьями // Материалы Всероссийской конференции «Инновационные технологии работы с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации: региональный опыт социальных преобразований», Балашов, 6-7 октября 2016 г. Саратов: Изд-во «Саратовский источник». С. 236-239.

3 Официальный сайт Министерства социальной защиты населения Республики Мордовия [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://minsoc.e-mordovia.ru (дата обращения: 23.08.2017).

4 Камышова Е.В. Опыт социального обслуживания семей, воспитывающих детей-инвалидов, в ГУ «Комплексный центр социального облуживания по г.о. Саранск» /Е.В. Камышова, О.В. Ивашина, О.М. Филеткина // Социальные и гуманитарные исследования: традиции и реальности: межвуз. сб. науч. тр. Вып. XII. Саранск : Ковылк. тип., 2010.С. 173-176.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА ПО ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

SOCIAL WORK TO IMPROVE THE QUALITY OF LIFE OF DISADVANTAGED FAMILIES IN MORDOVIA REPUBLIC

Т.В. Соловьева, Д.А. Бистяйкина
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск
T.V. Soloveva, D.A. Bistyaikina
Ogarev Mordovia State University, Saransk

Анализируются региональные особенности социальной работы с неблагополучными семьями (на примере Республики Мордовия). Рассматриваются основы законодательства, а также деятельность различных учреждений, участвующих в реализации социальной работы по повышению качества жизни неблагополучных семей в регионе.

The article analyzes regional peculiarities of social work with dysfunctional families (on the example of Mordovia Republic). Covers the basics of the legislation and the activities of the various agencies involved in the implementation of social work to improve the quality of life of disadvantaged families in the region.

Ключевые слова: социальная работа, неблагополучная семья, помощь, защита, поддержка, качество жизни

Keywords: social work, dysfunctional family, assistance, protection, support, quality of life

Система регионального законодательства, на котором строится реализация социальной работы по повышению качества жизни неблагополучных семей, включает: Конституцию Республики Мордовия от 21.09.1995 г.; Закон Республики Мордовия от 28.12.2004 г. (с изменениями от 28.12.2016 г.) «О мерах социальной поддержки отдельных категорий населения, проживающего в Республике Мордовия», в соответствии с которым определены меры социальной поддержки граждан региона, имеющих детей. В соответствии со статьей 6 данного закона гражданам, имеющим детей, предоставляется мера социальной поддержки в виде ежемесячного пособия на ребенка в размере 120 руб. [1].

Размер ежемесячного пособия на ребенка увеличивается на 100% на детей одиноких матерей и на детей из многодетных семей, на 50% на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, либо в других случаях, когда взыскание алиментов невозможно, а также на детей военнослужащих, проходящих военную службу по призыву в качестве сержантов, старшин, солдат и матросов, а также курсантов военных образовательных организаций до заключения контракта о прохождении военной службы.

Родителям (законным представителям) предоставляется мера социальной поддержки в виде компенсации платы, взимаемой с родителей (законных представителей) за присмотр и уход за детьми, осваивающими образовательные программы дошкольного образования в образовательных организациях, находящихся на территории Республики Мордовия (на первого ребенка – 20% среднего размера родительской платы в государственных и муниципальных дошкольных учреждениях, но не более фактически внесенной родительской платы, на второго ребенка – 50% среднего размера родительской платы, на третьего ребенка и последующих детей – 70% среднего размера родительской платы).

В Республике Мордовия существует программа по реализации поддержки семей в виде *республиканского семейного капитала*, который распространяется на семьи, в которых третий или каждый последующий ребенок родился (или был усыновлен) после 01.01.2012 г. Право оформить именной сертификат возникает сразу после рождения ребенка. Суммы, на которые может рассчитывать семья, дифференцированы и подлежат ежегодной индексации. Средства выплачиваются из республиканского бюджета. В 2016 г. размер

выплат за третьего, четвертого и пятого ребенка был проиндексирован на 6.2%. За весь период, прошедший с начала 2012 г., республиканский материнский капитал увеличился на 23.5%. Так, размер материнского капитала в Республике Мордовия в 2016 г. составил 123 535 руб. на 3-го ребенка, 148 230 руб. на 4-го ребенка и 185 288 руб. на 5-го и последующих детей [2].

Важным субъектом социальной работы с неблагополучными семьями в Республике Мордовия является *ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск».*

В структуре ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск» существует *отделения (службы) социальной помощи семье и детям* (по районам г. Саранска), которые являются основным звеном оказания помощи неблагополучным семьям. Служба социальной помощи семье и детям предназначена для комплексного обслуживания на территории района семей и детей, нуждающихся в социальной поддержке, путем оказания своевременной и квалифицированной социальной помощи различных видов: социально-экономической, психолого-социальной, социально-педагогической, медико-социальной, юридической, социально-реабилитационной.

В целях повышения качества жизни неблагополучных семей с детьми специалисты органов и структур социальной защиты в Республике Мордовия (например, специалисты ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск») взаимодействуют с у*чреждениями, подведомственными Министерству образования Республики Мордовия.* В школах ответственным за организацию работы с неблагополучными семьями является заместитель директора по воспитательной работе. Под его руководством в начале учебного года классными руководителями проводится обследование семей учащихся с целью выявления социально незащищенных семей. Учителя посещают учащихся на дому, анализируют жилищно-бытовые условия, психологическую обстановку, определяют степень нуждаемости.

При рассмотрении направлений социальной работы, способствующих улучшению качества жизни неблагополучных семей, важно рассмотреть деятельность *учреждений, подведомственных Министерству здравоохранения* (участковые (в том числе детские) поликлиники, женские консультации, ГБУЗ РМ «Родильный дом № 2», ГБУЗ РМ «Республиканский перинатальный центр» и т.д.). Специалистами учреждений социальной защиты Республики Мордовия совместно представителями учреждений здравоохранения проводится работа по выявлению и осуществлению медико-социального патронажа неблагополучных семей, семей группы риска на территории Саранска и региона в целом. Данная работа проводится совместно с образовательными учреждениями, районными отделами внутренних дел. Например, на решение

задачи выявления семейного неблагополучия направлена деятельность специалиста по социальной работе ГБУЗ РМ «Республиканский перинатальный центр», который собирает сведения о будущих матерях, относящихся к группе риска по фактору отказа от ребенка, имеющих серьезные жилищно-бытовые и материальные проблемы, проживающих в антисанитарных условиях, ведущих аморальный и асоциальный образ жизни. Данная работа проводится и в ГБУЗ РМ «Родильный дом № 2».

Важное значение в работе с неблагополучными семьями имеют *отделы по делам несовершеннолетних* органов внутренних дел Саранска, в основные направления работы которого входят: выявление несовершеннолетних, объявленных в розыск, а также нуждающихся в помощи государства; информирование заинтересованных органов и учреждений о неблагополучных семьях, безнадзорности и об антиобщественных действиях несовершеннолетних, о причинах и условиях, этому способствующих; ведение учета правонарушений несовершеннолетних, родителей, не исполняющих своих обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию детей. [3]

Одним из основных субъектов социальной помощи неблагополучным семьям является *Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав*. В центре внимания КДН и ЗП находятся вопросы выявления детей и семей, находящихся в социально опасном положении, причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, проведения индивидуальной работы по случаям правонарушений несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, координация деятельности органов и учреждений системы профилактики, защита прав и законных интересов детей. Комиссией проводится обследование семей с целью установления причин и условий, способствующих семейному неблагополучию. При установлении семей с материальными трудностями принимаются меры по незамедлительному информированию органов соцзащиты, опеки и попечительства, органов профилактики о вновь выявленных семьях и несовершеннолетних [4, с. 208].

Таким образом, важным направлением социальной работы с неблагополучными семьями является обеспечение основных прав детей, прав и обязанностей родителей по отношению к детям, принципы обеспечения счастливого детства, здорового, полного и гармоничного развития личности ребенка, деятельность органов и учреждений, их полномочия по оказанию помощи и поддержки неблагополучным семьям в решении их проблем, реализация мер социальной поддержки семей, имеющих детей.

Список литературы

1. Постановление Правительства РМ от 28.12.2004 г. № 478 (с изм. и доп.) «О мерах социальной поддержки отдельных категорий населения, проживающего в Республике Мордовия» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.regionz.ru/index.php?ds=568550 (дата обращения: 14.07.2017).
2. Официальный сайт Министерства социальной защиты населения Республики Мордовия [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://minsoc.e-mordovia.ru (дата обращения: 14.07.2017).
3. Соловьева Т.В. Система социальной защиты детства в Российской Федерации: учебно-методическое пособие / Т.В. Соловьева. Электрон. текстовые дан. Саранск: Издатель Афанасьев В.С., 2016. Режим доступа: http://13rusprint.ru/books/2016/ChildWelfare/ (дата обращения: 14.07.2017).
4. Соловьева Т.В. Межведомственное взаимодействие субъектов социальной защиты неблагополучных семей: проблемы и перспективы / Т.В. Соловьева, Е.Г. Трофимова // Актуальные проблемы современной гендерологии: матер. междунар. науч.-практ. конф. Вып. 9. Москва-Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 207-209.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ СПЛОЧЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

SYMBOLIC COMPONENT OF THE QUALITY OF LIFE AS A FACTOR OF INFLUENCE ON THE SOCIAL COHESION OF RUSSIAN SOCIETY

В.А. Сушко
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
V.A. Sushko
Lomonosov Moscow State University

Рассматривается воздействие самоидентификации на социальное самочувствие населения, основные составляющие этого явления и степень их влияния на качество жизни людей, так как в условиях социальных трансформаций российского общества проблема социального самоопределения личности становится все более актуальной.

The article discusses the impact of self-identity on the social well-being of the population, the main components of this phenomenon and their impact on quality of life, as in a social transformation of the Russian society the problem of socialpersonal identity is becoming increasingly important.

Ключевые слова: качество жизни, социальная сплоченность, самоидентификация, символическая составляющая качества жизни

Keywords: quality of life, social cohesion, self-identification, a symbolic component of the quality of life

Общество в той или иной степени постоянно осуществляет систему изменений своих взаимодействий как внутри замкнутой системы, так и далеко за ее пределами.

В рамках символьной системы люди выполняют в обществе те или иные функции, имеют в наличии те или иные ожидания, тот или иной уровень жизни в зависимости от культуры и степени развитости населения.

Символ выступает неким связующим звеном между всеми системами и подсистемами общественной жизни, то есть элементом, который упорядочивает отношения между людьми и их взаимодействия.

Символ имеет значение в обществе только тогда, когда люди способны его понять и воспринять в существующей действительности, если подобного не происходит, он отвергается системой [1].

Сегодня, когда, по мнению О. Тоффлера, основные противоречия развиваются по оси «быстрее-медленнее», изменения могут привести к необратимым последствиям, что влечет за собой глобальные социальные, политические, национальные и другие конфликты. Особенно важно это для сферы политического, отражающей все существующие социальные противоречия. Поэтому процесс формирования политической реальности, адекватной современному этапу общественно-исторического развития, имеет наибольшую значимость. Эта проблема актуальна для стран, находящихся в условиях политических преобразований, где процесс формирования новой политической реальности носит осязаемый характер.

Сфера политического, уже изначально детерминированная культурой, является функциональной областью. Будучи основным инструментом организации общественных процессов, она регулирует и упорядочивает социальное пространство. Поэтому символическая среда находит здесь максимальные возможности для своего проявления. От полноты картины политической реальности напрямую зависит гражданская позиция индивида, его социальный статус и уровень участия в общественно-политических процессах. Расширяя свой символический опыт, человек становится более восприимчивым к государственным изменениям. Со своей стороны государство, способствуя этому процессу, готовит индивидуальное и массовое сознание к адекватному восприятию различного уровня реформ. Этот момент актуален для современных процессов, протекающих в российском обществе.

Кроме того, смена политической реальности общества приводит и к изменению качества жизни людей, от которого зависит не только само по себе материальное благополучие каждого человека, но и социальная активность общества, уровень и степень его сплоченности.

Качество жизни – это системное понятие, определяемое единством его компонентов: самого человека как биологического и духовного существа, его жизнедеятельности и условий, в которых она протекает. Отсюда следует, что номенклатура показателей качества жизни должна включать как объективные характеристики самого человека (или социума), его жизнедеятельности и условий жизни, так и субъективные оценочные характеристики, отражающие отношение субъекта к реалиям его жизни.

Наибольший интерес представляет такое определение качества жизни – качество жизни есть результат жизнедеятельности людей, который определяет способность человека обеспечивать свое существование, а также продолжение своего рода и расширение природных и социальных границ активности [2].

При рассмотрении символов качества жизни можно сказать, что они делятся на две разновидности – объективные и субъективные.

К объективным символам традиционно относят природные и социальные системы. К субъективным относят когнитивные установки и удовлетворённость уровнем жизни, эмоциональные системы восприятия жизнедеятельности.

Каждый символ в своей системе имеет и подсистему, которую составляют несколько признаков:

В зависимости от уровня иерархической расположенности – макропоказатели (среднедушевое производство, ВВП и др.).

Микропоказатели, которые определяют степень удовлетворенности жизнью на уровне семьи или конкретного человека.

В зависимости от того, каким образом уровень жизни отражается на конкретном человеке, он может быть – прямым, например, качество потребляемых основных продуктов питания, или косвенным, который отражает качество жизни не непосредственно, например, уровень рождаемости.

Таким образом, система качества жизни состоит из целого ряда символов, которые отражаются в жизни человека и формируют его отношение к власти в целом и доверие к его федеральным структурам, в частности.

Символ как таковой рассматривался во многих науках от языкознания до психологии и социологии, имел различное значение для различных школ. Однако во всех теориях сохраняется единое понимание символа как некоей системы или единицы, которое всегда одинаково воспринимается всеми участниками культурной общности и имеет единообразное понимание всеми. В том случае если единого восприятия нет, возникает эффект непонимания, серьезных социальных противоречий и многого другого, что неизбежно приведет всех к разрушению системы общества.

Концепцию символизма можно увидеть на примере психологической теории символического интеракционизма, так как она представляется наиболее

значимой при рассмотрении вопросов социальной сплоченности российского общества на уровне качества жизни населения и определяет систему доверия или недоверия к власти в стране на уровне взаимодействия, интеракции, понимания человеком человека.

Символ в системе отношений в обществе выступает как некий эталон, который предназначен для анализа и формирования представлений о том или ином социальном или психологическом явлении. Не исключение – и уровень качества жизни общества и каждого конкретного человека.

Качество жизни общества в этой системе определяется не только конкретной совокупностью символики, которую оно составляет, но и теми конкретными ролями, которые выполняют различные категории населения в его жизнедеятельности.

Для понимания символики качества жизни и выделения отдельных систем данной категории необходимо осознавать, что для каждого человека имеется набор символов, которые будут составлять систему его социальных ролей, в той или иной степени окажут влияние на отношение человека к власти, а так же определять уровень сплоченности населения страны.

Личность – единственный социальный субъект, который по уровню функциональной сложности сопоставим с обществом в целом. Социологическое видение личности предполагает анализ ее роли и способов участия в общественной жизни.

Структура общества и способность людей выполнять те или иные действия в рамках своей жизнедеятельности предполагают и разное положение человека в системе общественной жизни.

Сплочённость – группы, коллектива – характеристика системы внутригрупповых связей, показывающая степень совпадений оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам, людям, идеям, событиям и прочему, особенно значимому для группы в целом.

Современное научное знание определяет явление сплоченности как совокупность удовлетворяющих членов группы явлений или эмоций, которые связаны с совместной деятельностью или, как в нашем случае, жизнедеятельностью, ее качеством.

Социальная сплоченность отражает всю совокупность между представителями различных уровней общества, статусами и ролями, которые имеют люди. Например, доверие к власти способно объединить представителей всего общества в единое целое, тем самым помочь одним сделать качество своей жизни немного лучше, а другим принимать решения, которые позволят сделать качество жизни людей эффективным [3].

Исходя из всего вышеописанного можно заключить:

1. Символ представляет собой некую систему знаков, которые понятны всем людям в конкретной системе и культуре.

2. Символ во всех отношениях выражает качество и уровень развития культуры общества.

3. Качество жизни населения зависит от целого ряда факторов, которые носят как объективный, так и субъективный характер. К объективным факторам относят развитие культуры и системы символов, а к субъективным состояние жизни каждого конкретного человека.

4. Символами качества жизни являются материальное состояние семьи, общественный уклад и демографическое состояние, благополучие семьи и каждого конкретного человека, степень доверия общества к власти и Президенту.

5. Сплоченность общества представляет собой совокупность явлений, которые предполагают единообразное действие внутри конкретной группы или при межгрупповом взаимодействии, при этом сплоченность зависит от мотивов действий и социального статуса членов группы.

Список литературы

1. Зельдович Б.З. Организационное поведение: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 319 с.

2. Злобина Г.Ю. Качество жизни: структурные составляющие и перспективные направления развития / Г.Ю. Злобина. М.:Социум, 2007. 96 с.

3. Сушко В.А. Самоидентификация как фактор формирования социального самочувствия // Обозреватель-Observer, 2016. № 2. С. 63-74.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

SOCIAL STRUCTURE AND STRATIFICATION OF UKRAINIAN SOCIETY

Т.А. Федотова

Днепровский национальный университет им. О. Гончара, Украина

T.A. Fedotova

Oles Gonchar Dnipro National University, Ukraine

Определена структура украинского общества. Проанализировано положение основных социальных групп населения. Произведена оценка процесса социальной стратификация общества и определены влияющие на нее факторы.

The structure of Ukrainian society is defined. The situation of the main social groups of the population is analyzed. The social stratification and the factors affecting are determined.

Ключевые слова: социальная структура, стратификация, социальные группы, элита, средний класс, маргиналы

Keywords: social structure, stratification, social groups, elite, the average class, marginal

На современном этапе развития украинского общества в его составе можно выделить такие социальные группы, как элита, средний класс, рабочие и крестьяне, маргиналы.

Если попробовать сделать обобщающий портрет представителей современной украинской политической и экономической *элиты*, то, прежде всего, следует отметить, что это мужчины в возрасте 31-54 года с высшим образованием и стажем работы 10-15 лет.

Следует отметить высокий уровень образования современной украинской элиты – 98.3% руководителей (в том числе 100% руководители первой категории) имеют высшее образование. Отдельной составляющей элиты является научная элита. Согласно отечественным стандартам, к ней традиционно принадлежат специалисты, которые имеют научную степень доктора или кандидата наук.

Проблема выделения среди населения представителей *среднего класса* в современной Украине является сложной, учитывая два обстоятельства. Во-первых, особенностью развития процесса социальной стратификации является поляризация общества, то есть первыми начали формироваться элитные и маргинальные группы. Во-вторых, текущая статистика и выборочные обследования почти не заостряют внимания на этих вопросах.

Рабочие и крестьяне. Среди городских и сельских «голубых воротничков» наблюдается доминирование работников самых простых профессий, т.е. фактически неквалифицированной рабочей силы. Ее адаптация к новым социально-экономическим условиям является самой сложной.

В последнее время в Украине сформировалась новая прослойка населения – так называемые *маргиналы*, то есть люди, которые из-за разных обстоятельств очутились на «обочине» общества, потеряли или теряют связь с его основными институциями, переживают глубокие деструктивные изменения своего социального и психологического состояния. Однако их маргинализм проявляется в том, что, находясь на грани разных социальных групп, они имеют отдельные характеристики неоднородных, часто конфликтных совокупностей. Однако следует подчеркнуть, что наряду с традиционными люмпенскими маргиналами (им преимущественно присущ низкий уровень

образования, неразвитая система потребностей, существенная отчужденность от общественных процессов) в состав этой группы все больше входят так называемые «неомаргиналы». Самыми характерными их чертами являются высокая образованность, развитая система потребностей, значительные ожидания от жизни и значительная политическая активность.

Пенсионеры, которые получают пенсию, ниже установленного предела малообеспеченности, являются самыми многочисленными из маргинальных групп (до 70%).

Фактически в настоящее время более-менее нормальные (даже по украинским стандартам) доходы обеспечивают себе те пенсионеры, которые еще могут работать, то есть не достигли 65-70 лет. После достижения 70-летнего возраста возможности занятости (по найму, на приусадебном участке, на других условиях) почти полностью исчерпываются, и человек переходит в группу обнищавших. В особенно трудном положении оказываются одинокие люди преклонных лет, подавляющее большинство из них – женщины, большая половина которых проживает в сельской местности, а основной стратегией выживания для них является работа на земельном участке.

С позиций социальной стратификации и низкого социального статуса к маргиналам принадлежат те лица, которые в течение длительного времени не могут найти работу (как правило, больше одного года). Значительная часть безработных, которые длительное время не могут найти работу, теряют надежду, прекращают поиски и окончательно маргинализируются.

Специфическим признаком маргиналов Украины является высокая концентрация среди них лиц с высокой профессионально-образовательной и квалификационной подготовкой. По данным официальной статистики, почти одинаковым является представительство среди занятых и безработных лиц, которых по профессионально-образовательным признакам можно отнести к элите и среднему классу.

На протяжении последних лет экономические кризисы и связанные с ними кризисы неплатежей в сочетании со специфическим поведением населения привели к непрогнозируемой ситуации: в настоящее время занятость абсолютно не гарантирует не только благосостояния семьи, в которой один или два члена работают по найму, но даже не обеспечивает минимально приличного уровня жизни.

На протяжении последних лет ухудшилось положение тех людей, которые раньше жили в бедности, обеднели и те прослойки населения, которые по своим социально-демографическим признакам были наиболее защищены от такого риска:

– молодежь с высоким уровнем профессионально-образовательной подготовки;

– люди 30-50 лет, которые имеют не только высокую профессионально-образовательную подготовку, но и работу;

– пенсионеры по возрасту, которые раньше получали максимальную пенсию.

Можно сделать вывод, что социальная структура украинского общества трансформируется в условиях глубокого экономического и социального кризиса, что привело как к ожидаемым, так и к совсем неожиданным последствиям. Среди первых следует отметить появление частного сектора, который постепенно начинает играть весомую роль в экономике страны. Лица, которые имеют частную собственность, положительно влияют на формирование нового мировоззрения.

Социальная стратификация еще не завершена, сформированными можно считать разве что полярные группы: элиту и маргиналов. Что же касается «белых и голубых воротничков», то их положение является нестабильным: при дальнейшем ухудшении экономической ситуации подавляющее их большинство может пополнить класс маргиналов, но при небольших позитивных сдвигах заметная часть людей, которые в настоящее время бедствуют, смогут существенно улучшить свой социальный статус.

Говоря о неожиданных социальных последствиях переходного процесса, следует прежде всего обратить внимание на его негативное влияние на стратификацию общества:

1. Разрушены традиционные для Украины связки социального статуса и уровня образования – наличие высшего образования не обеспечивает вхождения в средний класс ни по служебному положению, ни по уровню благосостояния.

2. Стремительное снижение материального уровня значительной части населения и формирование высокой безработицы в результате сокращения объемов производства практически во всех отраслях экономики привели к маргинализации лиц с высшим образованием, которые имели влияние на формирование общественного мнения.

3. Поляризация населения по доходам формирует заметную социальную напряженность в обществе.

Современное украинское общество, невзирая на медленный и непоследовательный ход реформ, постепенно стратифицируется: формируются элита, средний класс, маргиналы. Однако существующая нестабильность социальных расходов, высокий удельный вес утративших прежний социальный статус могут стать угрозой для процесса реформирования в будущем.

СЕКЦИЯ 4

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ТРИГГЕР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

GLOBALIZATION AS A TRIGGER FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN HIGHER EDUCATION: THE SOCIOLOGICAL ASPECT

Н.В. Авралев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
N.V. Avralev
Lobachevsky University

Современные процессы глобализации затрагивают практически все сферы и социальные институты общества, трансформируя их применительно к собственным требованиям. Глобализация определяет главную цель образовательной системы в подготовке высококвалифицированных специалистов для решения глобальных проблем. Болонский процесс является одной из форм глобализации образования, так как в нем отражаются современные тенденции в развитии социально-экономической картины мира.

Current globalization processes are now affecting almost all spheres and social institutions of society and transform them in accordance with their own requirements. Globalization determines the main goal of the educational system as the training of highly qualified professionals for solving global problems. The Bologna process is a form of globalization of education, since it mirrors the changes that reflect the current trends in the development of the world's socio-economic picture.

Ключевые слова: глобализация, европейские образовательные стандарты, Болонский процесс, экспорт образования, интернационализация

Keywords: globalization, European educational standards, Bologna process, export of education, internationalization

В настоящее время высшее образование является основным социальным институтом нового постиндустриального общества, от развития которого зависит стабильность социальной реальности. И от вузов ждут реальных изменений по функционированию и культуры, и социальной сферы, и экономики, и политики. В данных условиях глобализация стала триггером данных изменений, которые должны привести к реформированию системы высшего образования. Эти процессы затрагивают практически все национальные системы, в целом мировое образовательное пространство.

Для глобализации характерно сближение не только политики и экономики разных стран, но и культуры, широкое использование иностранных языков для международного общения, рост использования интернета, превратившегося не только в универсальное средство общения и становящегося все более признанным инструментом учебной и научной деятельности вузов. Образование не может остаться в стороне от процесса всеобщей интеграции и сближения между разными странами мира.

С одной стороны, экономика, промышленность стремятся к объединению с образованием с целью превращения интеллектуальных ресурсов и человеческого капитала в факторы, способствующие достижению экономического роста и других социальных задач.

С другой стороны, интернационализация экономической, социально-политической, культурной жизни современного общества требует обмена не только товарами, но и знаниями, а значит, и студентами, и преподавателями между вузами различных стран. А значит, глобализация образования является вполне логичной и закономерной составляющей общей глобализации.

Все эти тенденции инициировали создание единого образовательного пространства в Европе, известного нам всем как Болонский процесс. Обратим внимание, что речь идет не просто о единой европейской системе высшего образования, а о слиянии сложившихся неоднородных систем путем создания единых европейских стандартов. Глобализация образования, нашедшая отражение в создании единого образовательного пространства, направлена на решение различных противоречий в существующих образовательных системах.

Влияние глобализации именно на высшее образование может проявляться по-разному. С одной стороны, глобализация преобразует высшее образование в одну из перспективных экспортных отраслей экономики в рамках международных программ обмена. С другой стороны, вносит как организационные, так и структурные изменения, что приводит к появлению новых моделей вузов. Также глобализация стирает национальные границы и формирует единые общемировые критерии оценки качества. Образование является основным рычагом долгосрочной перспективы развития экономики страны. Не секрет, что формирующийся мировой образовательный рынок является высококонкурентным, так как образование все больше становится средством продвижения страны в глобализирующемся мире. Конкурентная борьба за лидерство, за продвижение в рейтингах в мировой системе образования является наиболее важным в настоящее время.

При рассмотрении вопросов образования в контексте глобализации речь идет как о влиянии глобализации на развитие высшего образования, так и о роли высшего образования в этом процессе. Глобализация затрагивает основы

человеческих отношений на различных уровнях межчеловеческих взаимодействий. Перед социологией встает задача изучения процессов глобализации в различных сферах общества, и в том числе образования. Впервые острота проблемы глобальной взаимосвязанности жизни на Земле по-настоящему глубоко была осмыслена в связи с экологическими проблемами, способными вызывать существенные и необратимые социальные последствия. Что касается образования, то здесь ситуация оказывается еще более сложной и запутанной. Ведь, с одной стороны, образование должно производить специалистов, мобильных и подготовленных к работе в условиях неопределенности. Но с другой – образование, будучи открытым для инноваций и освоения новых технологий, в силу своей специфики не может внедрять их столь же быстро, как некоторые другие отрасли.

Человеческой природе свойственна и стабильность, и пластичность. Оба качества проявляются в процессах социальной адаптации. И если новое не будет вписано в традиционную матрицу восприятия, оно попросту не будет понято. Чрезмерная пластичность может привести не к приспособлению, а к гибели адаптирующегося субъекта. Поэтому полный разрыв с традициями в образовании недопустим. Кроме того, существуют различные уровни знания, и фундаментальное знание, очевидно, не подвержено столь быстрым изменениям.

Другое дело, что обучение в условиях глобализации, открытости страны должно строиться по-другому, чем в советское время, поскольку и студенты, селекцией которых занимается институт образования, мотивированы иначе, чем их советские предшественники.

Глобализация образования представляет собой комплексный процесс. Успехи и неудачи российского института высшего образования будут зависеть не только от функционирования самих образовательных учреждений, но и от состояния других сфер жизнедеятельности общества, которые в условиях глобализации подвержены внешним воздействиям. Давать какие-либо прогнозы развития российской образовательной системы достаточно сложно.

Термин «образование без границ» впервые появился в официальных докладах (с 2000-го г.) в Австралии и Великобритании. В основном данный термин используется для характеристики процессов преодоления концептуальных, дисциплинарных и географических границ, традиционно присущих системе среднего и высшего образования. В этом аспекте представляется правомерным сопоставление термина «образование без границ» с термином «трансграничное образование», поскольку именно соотношение этих двух терминов определяет реальные границы региональной системы образования. В настоящее время в большинстве публикаций уже не оспаривается фактическое исчезновение жёстких границ между системами национального образования, хотя термин «трансграничное образование» подчеркивает как раз факт их существования.

ТРАНСФОРМАЦИИ И ИМИТАЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ[1]

TRANSFORMATION AND IMITATION IN HIGHER EDUCATION

П.А. Амбарова
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
P.A. Ambarova
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Ekaterinburg

Представлены результаты социологического исследования образовательных симулякров как следствия нелинейной динамики высшего образования в России. Показаны некоторые, наиболее очевидные имитационные явления и процессы, появление которых связано с высокой скоростью институциональных изменений в высшем образовании и непродуманностью плана его реформирования.

The article presents the results of a sociological study of educational simulacra as a consequence of the nonlinear dynamics of higher education in Russia. Some of the most obvious imitative phenomena and processes are shown, the appearance of which is due to the high speed of institutional changes in higher education and the ill-considered plan of its reform.

Ключевые слова: высшее образование, образовательные симулякры, имитация, нелинейная динамика высшего образования

Keywords: higher education, educational simulacra, imitation, nonlinear dynamics of higher education

Система высшего образования в России развивается сегодня в условиях социальной и экономической неопределенности, в связи с чем становится в высшей степени неустойчивой. Она имеет нелинейную траекторию развития, которая характеризуется скачками, возвратами, резким прерыванием начатых процессов. Трансформация всей системы высшего образования и отдельных ее элементов происходит хаотично, асинхронно. Специфической характеристикой системы высшего образования становится высокая скорость изменений.

Нелинейная динамика высшего образования может породить ряд негативных явлений и процессов, в том числе особый феномен, являющийся предметом нашего исследования, – образовательные симулякры. Они представляют собой аномальные явления, возникающие вследствие парадоксальных разрывов и синтезов в системе высшего образования и деформирующие ее социальные функции.

[1] Подготовлено при поддержке РГНФ (РФФИ), проект № № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности».

Образовательные симулякры фиксируются обыденным сознанием людей, вовлеченных в образовательную сферу, и часто обозначаются словами «мыльный пузырь», «пустышка», «как будто». Однако образовательные симулякры недостаточно концептуализированы и теоретически обоснованы.

В российском высшем образовании на современном этапе его реформирования наблюдается появление различных аномальных явлений. Их сущность заключается в имитации форм и функций образовательной, научной и управленческой деятельности в университетах. Предпосылки появления образовательных симулякров объективно «созрели», сегодня появляются все новые и новые их виды. Некоторые из них мы анализируем в данной статье.

Первая группа образовательных симулякров связана с законотворчеством в сфере высшего образования. Важность и масштабы реформы системы российского образования велики. Следовательно, проработка нормативных актов в сфере образования требует большого времени, их серьезной общественной экспертизы. Анализ темпоральных особенностей принятия решений на разных уровнях управления высшим образованием показывает, что этот законотворческий процесс во многом имел черты имитации.

После 2000 г. плотность институциональной среды, определяемая количеством формальных правил (законодательных норм), стала резко увеличиваться. Между тем, повышение темпоральной плотности институциональной среды выступает свидетельством намеренного, целенаправленного ускорения процесса продвижения реформ образования и законодательного закрепления этих изменений. В итоге процесс принятия главного закона – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» превратился в симулякр. Важнейший документ не получил широкого общественного обсуждения на этапе разработки. Его общественная экспертиза носила формальный характер (по принципу: «мы вас послушали, а теперь сделаем, как нужно»). В связи с этим многие его позиции стали неожиданным событием в жизни образовательных общностей. Разрабатываемый на протяжении 9 лет «Закон об образовании в РФ», принятый в конце 2012 г., был представлен на публичное обсуждение только за 2 последних года перед утверждением. Массовая критика многих положений этого документа так и не получила отражения в работе авторов закона. Президент страны на встрече с министром образования выразил свое мнение так: «Дискуссию можно продолжить, но ключевые параметры есть, они должны сохраниться». Эта позиция означала, что цель публичного обсуждения – «не переписать закон, а рассматривать его как подготовленную модель, которая должна быть улучшена».

С долей условности можно назвать образовательным симулякром и включенное образование, осуществляемое в рамках академической

мобильности. Возможности использования такой формы сетевого образования провозглашены: прописаны законодательные нормы, заключены соглашения с зарубежными университетами-партнерами. Однако интенсивность академической мобильности преподавателей близка нулю. Часто она ограничивается краткосрочными выездами на семинары и конференции в зарубежные вузы. Не велика она и у студентов. Российские студенты включаются в процессы академической мобильности, чтобы лучше изучить язык, расширить свое образовательное пространство, но не рассчитывают получить иное качество образования за счет академической мобильности.

Масштабы академической мобильности слишком малы для такой большой страны, как Россия. Кроме того, интенсивность этого процесса падает с продвижением в регион: студенты и преподаватели столичных университетов активнее включены в академическую мобильность, чем в региональных вузах. В то же время в официальных отчетах (на уровне вузов и Министерства образования и науки РФ) тенденции развития академической мобильности в российских вузах показываются как положительные, что не в полной мере соответствует действительности. Все это служит аргументами в пользу того, чтобы считать академическую мобильность образовательным симулякром.

Опасность образовательных симулякров заключается в том, что нередко они являются не дублирующими, а основными структурами образовательной деятельности. Они просто замещают традиционные структуры, которые по тем или иным причинам исчезают. В большинстве случаев их исчезновение является результатом управленческих решений, принимаемых Министерством образования и науки РФ. В результате этих процессов исчез в традиционном для российских университетов виде институт аспирантуры.

Научная составляющая учебы в аспирантуре сократилась и подверглась формализации в рамках различной отчетности. Снизился уровень личной ответственности научных руководителей аспирантов, поскольку они превратились из главного субъекта подготовки аспирантов в одного из нескольких субъектов, ведущих образовательную подготовку аспиранта. Учебно-методическое обеспечение образовательных программ аспирантуры, действительно, напоминает «мыльный пузырь». На бумаге создается величественный «архитектурный ансамбль» образовательных стандартов, программ, учебно-методических комплексов, расписания учебных занятий. К его созданию привлекаются время, интеллект большого количества научно-педагогических сотрудников университета. И все это делается нередко для 1-2 аспирантов, чья мотивация к обучению в аспирантуре (и без того неустойчивая) ослабевает из-за формализации творческого процесса, жесткой обязательной образовательной траектории и потери смысла обучения в аспирантуре. Таким

образом, институт аспирантуры в системе высшего российского образования неожиданно превратился в симулякр.

Наиболее ярко отражает знаковую природу симулякров брендирование университетов. В условиях высокой конкуренции (за лучших студентов, дополнительное государственное финансирование, привлечение сильных академических индустриальных партнеров) брендирование необходимо университетам. Однако конкурентные процессы в сфере высшего образования постепенно выродились в своеобразную «войну университетских брендов». Для построения «сильного» бренда у российских университетов не всегда достаточно реальных ресурсов. Их приходится «изобретать» или заимствовать.

Важным результатом нашего исследования является установление связи между образовательными симулякрами и стратегией реформирования высшего образования в России. Именно она усугубляет последствия нелинейной (ускоренной, хаотичной, «рваной») динамики высшего образования в современной России. Социальными источниками имитации стали: ускорение темпов и аритмичность институциональных изменений, неожиданные, хаотичные управленческие решения, темпоральный дисхроноз в системе высшего образования. Экономическими источниками образовательных симулякров являются: стремление правительства к финансовой оптимизации расходов на образование; ничем не подготовленное повсеместное внедрение модели предпринимательского вуза; экономическое обеднение образовательных общностей. Данные исследования показывают, что появление образовательных симулякров ведет к разрушению основных функций образования – социализации, накопления человеческого капитала. Снижается доверие к лифту восходящей мобильности и социального контроля.

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА: РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ

MULTICULTURAL COMMUNITY: SOLUTIONS TO THE PROBLEM OF NATIONAL CULTURES

М.Р. Арпентьева
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
M.R. Arpentieva
Tsiolkovskiy Kaluga State University

Поликультурность – характерная черта многих современных сообществ. Одно из ведущих измерений поликультурности – национальное. Решение «национальных вопросов» выступает как зеркало решения вопросов социальных в целом. Каждая из существующих концепций построения

отношений в поликультурных сообществах имеет свои возможности и ограничения и связана с определенным социально-экономическим строем и его идеологией. В истории человечества и современном мире существует несколько основных концепций мультикультурных отношений и соответствующих им тенденций развития сообществ, таких как интернационализм, мультикультурализм и транскультурализм, по-разному рассматривающих суть отношений человека и общества, общества и государства. Движение от интернационализма и мультикультурализма к транскультурализму сопровождается попытками построения общества и государства, отношений в которых регулируются духовно-нравственными императивами, имеющими общечеловеческий смысл и направленными на утверждение человеческого достоинства и ресакрализацию высших, общечеловеческих ценностей бытия.

Multiculturalism is a characteristic feature of many modern communities. One of the leading measurements of poly-cultural – national. The decision of the "national issues" acts as a mirror solution of social questions in General. Each of the existing concepts of relationship building in multi-cultural communities has its own capabilities and limitations and is associated with a particular socio-economic system and its ideology. In the history of mankind and the modern world, there are some basic concepts of multicultural relations and the corresponding trends in the development of communities such as internationalism, multiculturalism, and transculturalism different considering the essence of the relations of man and society, society and the state. The movement away from internationalism and multiculturalism to transculturalism is accompanied by the attempts of a society and the state, relations which are regulated by moral imperatives that have universal meaning and aimed at advancing human dignity and re-sacralization higher universal values of life.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, полиэтническое пространство, мультикультурализм, транскультурализм, интернационализм

Keywords: intercultural communication, multiethnic environment, multiculturalism, transculturalism, internationalism

Введение

Современная наука предлагает для описания происходящих трансформаций отношений людей и сообществ понятия национального единения и национального сепаратизма, а также использует ряд понятий и концепций их осмысления [1; 2; 3; 4]. Национальное разъединение, или сепаратизм, во многом связанное с этническим возрождением, ростом этнического самосознания наций, а частично – с идеологией противостояния и потребления, противостоят в современном мире тенденциям объединения, национального единства, простирающегося от разрешения долговременных конфликтов и проблем отношений национальных, религиозных и

идеологических групп вплоть до восстановления тенденций «общенационального патриотизма» или всеобщей глобализации, завершающим этапом которой выступает мондиализация, проект создания всеобщего государства [5; 6; 7]. Внутренней канвой сепаратистских и «объединенческих» тенденций являются проблема прав и обязанностей людей, сообществ по отношению к себе, друг другу, окружающему миру, а также проблема близости и чуждости в этих отношениях, и проблема достойного, уважительного, принимающего отношения к особенностям (ценностям, пониманиям, моделям поведения друг друга) [3; 8; 9; 10]. Решение «национальных вопросов» выступает как зеркало решения вопросов социальных в целом.

Цель исследования – изучение способов решения «национального вопроса» в сообществах с разным социально-экономическим строем и разной идеологией отношений между людьми.

Материалы и методы: теоретический анализ концепций поликультикультурных отношений в XX-XXI вв. в контексте поиска путей оптимального социально-экономического строя.

Результаты. Каждая из существующих концепций построения отношений в поликультурных сообществах имеет свои возможности и ограничения и связана с определенным социально-экономическим строем и его идеологией. В истории человечества и современном мире существует несколько основных концепций мультикультурных отношений и соответствующих им тенденций развития сообществ. На пути решения проблем «своего» и «чужого» человечество выработало несколько моделей: социализм, век XX, предложил понятие интернационализма; капитализм XX-XXI вв. – мультикультурализм; современность и посткапитализм XXI в. ввели в «игру» понятие транскультурализма [11; 12; 13; 14; 15]. Все они – интернационализм, мультикультурализм и транскультурализм по-разному рассматривают суть отношений человека и общества, общества и государства. Интернационализм был предложен в качестве антитезы национализма. Это идеология, пропагандирующая дружбу и сотрудничество между нациями, в том числе солидарность людей в борьбе против капитализма. Интернационализм существует как альтернатива глобализации с ее «мультикультурностью» как «буржуазным космополитизмом», понимаемым как отрицание всякой национальной культуры. В противовес «буржуазному национализму» как идеологии национальной исключительности и шовинизма интернационализм обращен к ценностям единения, равенства, однако, его использование затруднено тем, что осмысление интернационализма осуществлялось в контексте «прикладном», духовно-нравственные основы которого не были осмыслены и потому «создавали проблемы»: не желавшие дружить и сражаться

вместе против капитализма «отсекались» от сотрудничества. Кроме того, интернационализм предполагал большую или меньшую унификацию повседневной жизни людей: не опираясь на законы нравственные, он предложил, как и капитализм, законы юридические, заменив частную собственность государственной, вместо того, чтобы сделать ее собственностью народа. Юридические же законы оказались с легкостью «обходимыми», «нарушаемыми» и трансформируемыми, как и любые иные законы права – наследия кастовых миров рабовладельческого, феодального, буржуазного) [16]. Социализм повел народы по пути, на котором сегрегация и сепаратизм стали неизбежностью: энергия недовольства социальной асимметрией и правовым (арбитражным) произволом вылилась в иной произвол – тотально нелегитимное уничтожение стран «социалистического лагеря», сопровождавшееся расколом этих стран и населяющих их народов по всем линиям противостояний и непониманий.

В результате разнообразия и непоследовательности в применении тех или иных моделей и понятий, идентичности и жизни людей и сообществ становятся все более противоречивой, внутренние и внешние противоречия смешиваются в единый «запутанный клубок», узел. Люди и сообщества живут, «связанные одной цепью». В итоге наступает стадия «разрубания узлов». Сначала социализм «обходился» поиском внешних и внутренних врагов, попытками создания мирового социализма и внутренними «чистками», включая массовые переселения народов, уничтожение интеллигенции и священничества, концлагеря и «ударные стройки». Интернационализму как практике и концепции «не хватило» опоры на духовно-нравственные ценности: он развивал способность любить «ближнего» и самого себя меньше, чем способность сражаться с ближним – и с самим собой.

Мультикультурализм был создан для удовлетворения растущих потребностей «буржуазного космополитизма» в установлении контроля над всем населением – стран, регионов, континентов, всей земли: транснациональные корпорации не могли не столкнуться с проблемами различий групп и людей разных наций, сословий, поколений, вероисповеданий, то есть разных культур и субкультур, а также с необходимостью решить проблемы взаимодействия людей с помощью идеологии и концепции, позволяющей более или менее унифицировать взаимодействие, превратив человека в часть «физического капитала». Как бы ни различались мультикультурные подходы, а также предшествовавшие и последовавшие за ними концепции: ассимиляции, «плавильного котла», «салатницы» и т.д., – они имеют много общего, связанного с решением задач унификации и оптимизации производства [14]: оптимизации служения населения буржуазным

правительствам и транснациональным корпорациям и, в перспективе, мировому правительству, внедряющему унифицированные идеологию и ценности, представления и понимания мира и самих себя людьми, деиндивидуализированные нормативы и ритуалы поведения. На этом пути мультикультурализм столкнулся с жёстким ответом в виде сепаратистских «несогласий»: будучи обращёнными на защиту собственных прав и отделение от других национальных, религиозных и т.п. групп и подгрупп, культур и субкультур, сепаратизм продемонстрировал более важное стремление людей «быть хозяевами своей жизни»: иметь свое понимание себя и мира (свое «мнение»), свои ценности и идеологию, отличные от идеологии глобализации и универсализации, свои ритуалы и нормы. Свобода как самостоятельность и достоинство, как совокупность прав и обязанностей – основное, «непредусмотренное» мультикультурализмом явление. Мультикультурализм вырождается в системы преференций и самоизоляцию культур и субкультур, ведя к росту фашистских настроений (потребности и желания «квалифицированных потребителей» становятся все «квалифицированнее») [11; 14]. Мультикультурализм воспитывает рентные, паразитические установки, формируя и развивая отношения зависимости и рабства жаждущих «хлеба и зрелищ», заботящихся лишь об удовлетворении инстинктивных программ – благополучия и размножения – вне зависимости от «программ» духовно-нравственных. Идентичность и жизнь человека и группы все более фрагментируются, становятся лоскутными, в итоге погибают. К этому и ведет его мальтузианская модель «ножниц», внушающая необходимость коммодификации жизни, а также беспрепятственного, безответственного, комфортного и сакрализирующего потребителя потребления («Чтобы у вас все было, и чтобы вам за это ничего не было») [17]. Он дал дорогу компрадорской буржуазии, интересы которой не ограничиваются никакими – которые могут быть названы культурными –ценностями [18].

Транскультурализм – феномен пост-буржуазного, пост-капиталистического мира, пытается решить эти проблемы, не отворачиваясь ни от чего. Транскультурализм расцветает «на границах», в зонах «несостыковок», зонах, отношения в которых не могут регулироваться одной системой прав и одной идеологией. Столкновение, взаимодействие, взаимный обмен и диалог этих идеологий и ценностей, пониманий себя и мира (переживаний и представлений), норм и ритуалов приводят к возникновению новой, «гибридной» идентичности. «гибрид» сознает противоречивость, но относится к ней и к противоречащим тенденциям с принятием и смирением [19]. Отношения людей и групп строятся кланово: государство все более перерастает в государство-церковь, живущее не по законам человеческим, но по законам

духовно-нравственным. Отношения строятся как отношения значимого и ответственного дарообмена, как попытка заслужить собеседника – уважительное отношение к себе и к нему, понимание взаимодействия людей и групп как праздника, как повода для развития, открытия неведомого и постижение неведомого в себе и в другом. «В транскультурации «иное» не просто видимо, но и рассматривается не как препятствие, а как самостоятельный субъект, общение с которым может происходить только на подлинно паритетных условиях». При этом «…в отличие от мультикультурализма, строящегося по-прежнему на западной игре со временем и игнорировании пространства, транскультурация смело развоплощает эту модель и реабилитирует пространство и субъектность «иного», ставя под сомнение сами изобретенные в западноевропейской культуре понятия модерности и традиции и выступая за реальный диалог равных культур в настоящем» [20, с. 126, 143]. Транскультурная идентичность выступает как результат эгалитарного культурного взаимодействия, она скорее гибридна, чем маргинальна, скорее целостна, чем лоскутна. Транскультурация, согласно Ф. Ортису, «прославляет самосознание периферии, точку схождения противоположностей, которая позволяет людям превратить границу в центр и создать текучие, но значимые идентичности взамен фрагментированных историй» [21, p. XLI; 22]. Она формирует своеобразное двойное сознание, существующее между мирами и культурами, в пограничье – «la frontera», в котором сталкиваются, смыкаются и перетекают друг в друга сущности и смыслы. Идентичности «пограничья» основаны на понимании «иного» как самостоятельного голоса: «Пограничье —неопределенное и расплывчатое место, возникающее в результате …реакции на неестественную, навязанную кем-то границу. Оно в постоянном состоянии метаморфозы и его населяют отверженные и объявленные вне закона» [22, p. 3]. Человек с такой идентичностью – «метис» – «выживает путем культивирования в себе терпимости к противоречиям и неоднозначности». Такая личность плюралистична и действует в плюралистичном мире: ничто не отвергается и не исключается. Он не только сохраняет противоречия, он переводит амбивалентность в иное качество» [15, p. 79].

Заключение. Мы можем предположить, что именно последний вариант может стать ориентиром для формирования и сохранения принципов экологии культуры: поиск пограничных, интегративных моделей построения внутренних и внешних отношений, которые будут способствовать профилактике и разрешению межкультурных конфликтов. Сама ситуация подталкивает исследователей и практиков, людей и сообщества к пониманию приоритета внутренней, сущностной, духовно-нравственной гармонии по сравнению с внешней, формальной, социально-экономической, внутренней ответственности

по сравнению с ответственностью внешней, общества – по сравнению с государством, нравственности – по сравнению с правом [23; 24; 25; 26]. Стабильное развитие как мировой идеал-тренд реализуется тогда, когда развиваются не только и не столько технологии, но сами люди, когда люди учатся жить вместе, уважая себя, друг друга, другую культуру, религию, жизнь, трансцеденируя существование, инстинкты и навыки к высшим смыслам. Созданные же постмодерном модели развития общества вненравственны, деструктивны, направлены к низшим инстинктивным программам, невежественности и бессмысленности: отказавшись от Бога, человек лишился культуры, а потом и самого себя. Постпостмодерн – это время ресакрализации, возвращения к ценностям, культуре. Насколько сложно такое возвращение, демонстрируют балансирующие на грани Третьей мировой войны «цивилизованные страны»: защищая «демократию» без границ, забывают о сути – демократии как учете мнений и позиций всех людей. Границы, как показывает транскультурализм, выполняют важные для человечества функции.

Список литературы

1. Peacock J. Secession: the Southern States leave the Union. – Mankato, MN: Bridgestone Books, 2003. 48 p.
2. Preusse H.G. The New American Regionalism. Northhampton, MA: Edward Elgar, 2004. 250 p.
3. Proslavery and Sectional Thought in the Early South, 1740-1829: an Anthology /J. Robert (ed.). Columbia: University of South Carolina Press,2006.259p.
4. Sugar Max. Regional Identity and Behavior. NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2002. 194 p.
5. Арпентьева М.Р. Современный сепаратизм: человечность и идентичность // Дневник АШПИ. 2016. №32. С. 19-24.
6. Арсентьев Н.М. Идея единения народов в стратегии современной национальной политики Российской Федерации //Гуманитарий.2012.№2.С.6-11.
7. Гемават П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. М.: Альпина Паблишер, 2013. 415 с.
8. Sectionalism Unmasked / Tremain H.E. (comp). N.Y.: Bonnell, Silver & Co, 1907. 322 p.
9. Sorens J. The Cross-Sectional Determinants of Secessionism in Advanced Democracies // Comparative Political Studies . 2005. Vol.38. P. 304-26.
10. Wagner M.. Alberta: Separatism Then and Now. St. Catharines, ONT: Freedom Press, 2009. 138 p.
11. Арпентьева М.Р. Мультикультурализм и миграция: беженцы, гастарбайтеры, кочевники. Калуга: КГУ, 2017. 260 с.
12. Cawdron P. Xenophobia. Malawi, Africa: P. Cawdron at Smashwords, 2013. 398 p.

13. Beni G., Wang J. Swarm Intelligence in Cellular Robotic Systems, Proceed // NATO advanced workshop on robots and biological systems. Tuscany, Italy, June 26-30, 1989. N.-Y.: NATO, 1989. P. 210-220.
14. Диалоги об идентичности и мультикультурализме / Под ред. Е.И. Филипповой, Р. Ле Коадика. М.: ИАЭ РАН, Наука, 2005. С. 78-104.
15. Anzaldúa G. Borderlands/La Frontera: The New Mestiza. SanFrancisco: Spinsters/Aunt Lute, 2012. 312p. P. 3. I-II.
16. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Изд-во НОРМА, 2003. 652с.
17. Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // ПОЛИС. 1992. №1. С. 193-201.
18. Сафронов А. Компрадорская буржуазия и проблема «экономической отсталости» // Свободная мысль. 2009. № 12 (1607). С. 77-92.
19. Бенхабиб С. Притязания культуры. М.: Логос, 2003. 350 с.
20. Тлостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с.
21. Coronil F. Transculturation and the Politics of Theory: Countering the Center, Cuban Counterpoint // Ortiz, F. Cuban Counterpoint. Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 1995. P. XLI.
22. Ortiz F. Cuban Counterpoint. Durham, N.C.: Knopf, 2012. 408 p.
23. Арпентьева М.Р. Проблемы взаимопонимания в мультикультурном консультировании // Представительная власть – XXI век. 2014. № 7-8 (134-135). С. 59-65.
24. Гречко П.К. Человеческое достоинство и этническая пуповина истории // Личность. Культура. Общество. 2011. Том XIII. Вып.4(67-68).
25. Гречко П.К. Конфликт, терпимость, толерантность. Поликультурное общество: стабильность и коммуникация. М.:Уникум-Центр, 2003. 152 с.
26. Минигалиева М.Р. Толерантность и мультикультурализм: современная этнопсихология и мультикультурное консультирование. Калуга: КГУ, 2012. 320 с.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

FINANCIAL SITUATION OF THE FAMILY AS A FACTOR OF FORMATION OF PROFESSIONAL MANAGERIAL PREFERENCES OF STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITY

Е.Ю. Бикметов
Уфимский государственный авиационный технический университет
E.Yu. Bikmetov
Ufa State Aviation Technical University

На основе данных прикладного социологического исследования раскрывается влияние материального положения семьи на формирование профессиональных управленческих предпочтений студентов вуза. В период

обучения в вузе в сознании студенчества актуализируются профессиональные ориентации, предпочтения, формирующие качества руководителя и характер управленческой деятельности.

On the basis of the applied sociological research reveals the influence of the material situation of the family on the formation of professional managerial preferences of university students. In the period of study at the university in the minds of the students are updated professional orientations, preferences, which subsequently will have an impact on leadership, on the nature of management activities.

Ключевые слова: управленческая деятельность, профессиональные управленческие предпочтения студентов, карьера, доход семьи

Keywords: management activities, professional management preferences, career, family's income

Социально-профессиональная социализация молодежи во многом связана с системой профессионального образования. В вузе у студентов формируются профессиональные ориентации, предпочтения, которые впоследствии окажут влияние на качества руководителя, а, значит, на характер управленческой деятельности. Поэтому в вузе актуализируется необходимость теоретической и прикладной управленческой подготовки как студентов-экономистов, так и инженеров, способных проявлять компетентность не только в экономических, организационных, технологических, но и социальных, правовых и культурных вопросах; конструирования управленческой культуры студенческой молодежи.

Для выделения и изучения факторов, оказывающих существенное влияние на формирование профессиональных управленческих предпочтений студентов, были использованы результаты опроса 2015 г. первокурсников Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ), проводимого ежегодно социологической лабораторией с 2010 г. Выборочная совокупность опрошенных составляет более 50% всего контингента поступивших на очное отделение всех факультетов УГАТУ (без учета филиалов), поэтому результаты данного опроса достаточно репрезентативны. Поиск фактора, оказывающего существенное влияние на профессиональные управленческие предпочтения опрошенных, позволил выявить наличие значимой корреляции уровня дохода семьи респондентов и ответов на вопрос о профессиональной управленческой карьере после окончания УГАТУ. Так, ранжирование признаков показало существенное различие между студентами из семей с низкими и средними доходами и лицами из семей с доходами выше среднего и высокими (Табл. 1).

Таблица 1

Карьерные предпочтения студентов в зависимости от дохода семьи (ранги)

№	Варианты ответов	Низкий и средний доход	Выше среднего и высокий доход
1	Заниматься научной/преподавательской деятельностью	10	7
2	Работать на производственных предприятиях (по специальности, направлению подготовки)	2	1
3	Работать на предприятиях нефтеперерабатывающего комплекса (по специальности, направлению подготовки)	6	6
4	Работа в сфере авиации	7	4
5	Работа в сфере IT и телекоммуникаций	1	10
6	Работать в государственных учреждениях и ведомствах	8	9
7	Работать в коммерческих организациях (банки, консалтинг, страхование, торговля)	5	3
8	Работать в военной сфере	9	2
9	Открыть собственный бизнес	3	5
10	Работать за рубежом	4	8
11	Другое	11	11

Таблица 2

Корреляция карьерных предпочтений студентов направлений подготовки из семей с низким и средним доходом (коэфф., Rs)

Направления подготовки	Информационное направление	Экономическое направление
Инженерное направление	0,709	0,554
Информационное направление		0,736

Таблица 3

Корреляция карьерных предпочтений студентов направлений подготовки из семей с высоким и выше среднего доходом (коэфф., Rs)

Направления подготовки	Информационное направление	Экономическое направление
Инженерное направление	0,009	0,009
Информационное направление		- 0,1

На это указывает коэффициент ранговой корреляции Спирмена Rs, который имеет отрицательное значение -0,209, что свидетельствует о существовании отрицательной взаимосвязи между выбором абитуриентов из рассматриваемых групп. Можно утверждать, что различие уровня доходов

семьи студентов оказывает существенное влияние на их представление о будущей карьере. Респонденты из семей с высокими и выше среднего доходами акцентируют внимание на тех видах деятельности, которые требуют специфических управленческих знаний и умений. Более углубленный корреляционный анализ внутри направлений подготовки и групп респондентов из семей с разным уровнем доходов, подтверждает следующую зависимость: чем выше уровень дохода семьи абитуриента, тем выше уровень различия с представителями других направлений (Табл. 2; 3).

Формирование профессиональных управленческих предпочтений студентов необходимо рассматривать как ключевое звено воспроизводства управленческих кадров [1, с. 57]. Регулирование этого процесса осуществляется посредством организации коммуникативного, интеллектуального и социально-экономического взаимодействия государства, бизнеса, институтов образования, семей абитуриентов и студентов.

Список литературы

1. Бикметов Е.Ю., Голиков В.Д., Ли С.А. Формирование ценностных ориентаций студентов вуза в отношении профессиональной управленческой деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 3. С. 49-59.

HEALTH AS HUMAN CAPITAL
ЗДОРОВЬЕ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Miroslaw Borkowski
Gdańska Szkoła Wyższa, Polska
Мирослав Борковски
Гданьская Школа Высшая, Польша

На протяжении многих лет охрана здоровья является существенным элементом современной социально политики государства, однако в течение последних 30-40 лет здоровью приписывается «стоимость экономическая». Поэтому важно неустанное подчеркивание зависимости между здоровьем человека, общества и экономическим развитием государства. Только здоровый человек способен эффективно трудиться, производить материальные и культурные блага. Статья ставит своей целью приблизить читателей к взаимозависимости здоровья человека, понимаемого как элемент человеческого капитала, и экономическим ростом.

Health care has been an important part of modern social policy for many years, but over the last 30 to 40 years health has been labeled "economic value." Therefore, it is important to continually emphasize the relationship between the health of man, society and economic development of the country. Only a healthy person can work effectively, produce material goods. This article is intended to bring closer to the reader the relationships that occur between human health understood as an element of human capital and economic growth.

Ключевые слова: здоровье, человеческий капитал, экономический рост, система охраны здоровья

Keywords: Health, human capital, economic growth, health care system

Introduction

In a changing world, regardless of economic system, economic development or political arrangements, for every human being, the most important good is still his health. Although the term "health" – traditionally – belongs to the notion of medical science, more and more often this issue is addressed by representatives of other sciences, including. Lawyers, ethics, philosophers, sociologists, psychologists, educators, economists, representatives of technical sciences – which proves the complexity of the issue. In addition, it should be emphasized that the ways of defining or perceiving health over the centuries have produced many theoretical arguments, proving only that the notion is neither simple nor fixed.

Depending on the field of science, attempts are made to define this concept by exposing specific elements to the needs of science. These measures, on the one hand, are to confirm the need for such definitions and, on the other hand, emphasize the need for a multidirectional approach to "health". In such a situation, it is natural to attempt to define health not only in medical terms but also to define it as eg a socio-economic category; It is becoming more common to study the impact of health on economic growth or the definition of health as a function of condition or status [1].

No one doubts that health – differently understood and defined – is value "in itself" but is also seen as a factor influencing and shaping the proper development of society, economy and state.

The purpose of this article is to show that health and above all its protection is a form of human investment, which translates, inter alia, into the economic growth of society.

I. Conceptualization of concepts: health and human capital

Both in science and in everyday life there are many definitions of health and their content may depend on both the person making the definition and the time and place of its construction. Due to the nature of the work and reduce the editorial below will be presented only selected elements of these theories of health, which will be helpful in clarifying the thesis contained in the title of the chapter.

The variety of factors affecting the health of an individual, thus affecting the health of the population had an impact on the formulation of many theoretical models in which, among others, These factors were identified and their health implicated. Within the research undertaken, six groups of factors shaping the health of the individual and the population were identified:

– environmental factors,
– demographic factors,
– socioeconomic factors,
– psychological and cultural factors,
– political and administrative factors,
– factors related to the organization and functioning of the systems health care [2].

Traditionally, most often we use the concept of "health" by opposing his illness. In this universal aspect of health is simply a condition in which a person is not sick, does not feel the pain, the possibility of a "normal" functioning, fulfill specific tasks. It is also an element of social order. Such a concept of health as the absence of a disease (or a condition that falls within an unspecified norm) makes every derogation "from the norm" perceived as a disease as a deviation.

Other "health" is understood by the creators and advocates of balance theory or homeostasis containing elements of the health model created by Plato and Galen. It is assumed that the health theory must take into account *that all living creatures have the capacity to react to changes in the environment, which is most often explained by the fact that the environment does not determine all the properties of the organism, which is at least partly self-organized and capable of change* [3].

One of the determinants of "health" should be time – both its duration and time as a moment of interest. It is important to consider whether health is a "permanent" or time-related condition. In a general sense, "status" has a long-term dimension. This term is usually used for people who have not been ill for a long time or who are very sick and have a mild illness. For example, in an emergency, this status may change.

In turn, it is traditionally assumed that what is confirmed in the literature referred to in the article that "health" refers to a certain moment, the present state – I am healthy, nothing hurts – at this moment, at this moment. This perceived health status is compared to "health capital," understood as the accumulation of health states that are "burdened" by a particular person or entity.

With over 120 [4] different definitions of "health" and the most famous being the basis for further considerations is the explanatory definition formulated in 1948. By the World Health Organization (WHO). In the WHO Constitution, it was stated that health is a state of total physical, mental and social wellbeing, and not merely a lack of disease or disability (Journal of Laws, 1948, No 61, item 477) [5]. It is

commonly believed that this first legal definition of health, The holistic definition is not perfect, but it should be emphasized that despite the shortcomings, it is still considered one of the more universal definitions. By highlighting the positive health dimension (state of total well-being), it clearly indicates three dimensions of health: – physical, – mental, which can be called mental, phenomenological, and social dimension, otherwise called behavioral or sociocultural dimension [6].

The constructed health definition, breaking with the medical model of health, has indicated that it is possible and feasible to create other health models based on other than medical terms. Among the definitions that include civilizational, environmental and economic changes, it is worth mentioning the definitions that treat health as: – function; social role; and - capital. Obviously, each successive attempts to define health met with critical remarks, all of which were burdened (and are) various faults, mistakes, but it is worthwhile, also for scientific and educational reasons, to approximate them [7].

In treatment of health as a function, it is emphasized *that health itself is defined as the ability to function normally as the willingness of every inner part of the organism to fulfill all its normal functions in all typical circumstances with at least the typical efficacy*. It also draws attention to the *realization of the objectives of survival and reproduction*.

As emphasized in the cited literature, the variation in functional approach is the definition that health is the individual's ability to perform social roles and the resulting tasks set by the socialization process. Health, in this view, is considered as a condition for the participation of an individual in social life, a condition determining the ability to perform tasks. It is assumed that "the health problem does not exist as long as the individual fulfills his social roles”.

During the Alma Acie conference in September 1978, a definition was adopted, according to which "health is the capacity for productive, meaningful and creative life in the social and economic sphere"[8]. This definition perfectly fits into the mainstream of health considerations.

Increasingly, health is perceived as a special gift, a special resource, or a form of capital that enables the individual to function normally. It facilitates the attainment of goals, conditions access to power, wealth, gives an opportunity to improve social and living conditions. Healthy people can take an active part in social, cultural and political life, without having to resort to special regulations allowing access to such goods to persons without that qualification.

A healthy individual can "invest" in new areas of his / her health, he / she can use the services of "health food consumption" such as beauty treatments, spa services, healthy lifestyle promotion.

The latter characteristics of health as capital are the link between health and human capital, which is most often understood as a source of knowledge, skills, strength and individual health. All attempts to define human capital as a part of intellectual capital relating to both the specific characteristics and the characteristics of the potential of the worker must be acknowledged [9].

Like health, human capital (broadly defined) is determined by many factors, circumstances and actions. A team of such factors includes: – the quality of education, both school and non-school; – the quality of lifelong learning; – work-related training system; – competition in the labor market and educational services; – development of new and modern technologies, development of research; – functioning of appropriate and friendly systems of social, ethical, moral, socio-economic and legal values; – friendly working conditions including a motivational system and a regeneration system.

Of course, this human capital, its value, are also dependent upon the individual predisposition of individuals to remember because you must, that every man is born with certain predispositions, with a specific potential that by carrying out appropriate lifestyle, to take certain actions (eg. Education, practical use acquired knowledge, sports activity) can be shaped, which should translate into health, to formulate health as a form of capital.

As a summary of these brief digressions on human capital is worth quoting one of the many doctrinal definition, which raises the concept of human capital includes: *all the features of psychophysical units such as possessed innate abilities, knowledge, education, skills and work experience, health , cultural level, socio-economic activity, worldview, etc., which affect directly or indirectly on labor productivity and which are inseparable from man as a carrier of these values* [10].

II. Health and development of human capital

The literature on the subject emphasizes the relationship between economic development and economic growth, which should result in an increased level of human outlays, including health. It is as obvious as the statement that human capital is the most important factor in economic growth and the higher the increase, the more human capital should be spent on education, knowledge, health care, etc. Unfortunately, Investing in human capital is a process that depends on various micro- and macro-economic phenomena, from (especially reprehensible) relationships and political systems, inter alia, to the system of regulation of economic systems.

Health and education as a form of human capital are undoubtedly the foundation of economic development. The impact of these two components of human capital on economic development can be both direct and indirect. By restricting itself to health, one can say that a healthy worker is more productive, more productive

(physically and mentally), and therefore can perform his or her job in the optimal way.

The employee's health contributes to less absenteeism, which translates into higher wages, which in turn allows for larger employee expenses on the family, on lifestyle improvements, on education. If a person is ill, he or she can not perform the duties entrusted to him, resulting in a decrease in his or her income so he has limited cash resources for treatment.

It can be tempted to state that there is a kind of feedback between health, conditions affecting health and socioeconomic development.

As mentioned above, some factors related to economic development depend on the health of the employee. These factors translate into health. There are interrelated relations between: health and income (as a derivative of economic development); health and capital; capital and income.

Not without significance for the functioning of these relations remains the legal system, especially its part that "responsible" for the operation of the broadly defined health care system.

It is important for health investing as a human capital to formulate and operate a health policy that includes both individual and group, sectoral (social, labor) needs. It is also important to work for public health, pro-health activities affecting the way of life. It is natural to invest, to increase both physical and financial inputs to the health sector. Keep in mind that health can not be traded, but there are no restrictions on investing in the medical services market. Therefore, the state, if it is not able to provide public health protection, must create such opportunities within the so- free market. Of course, such actions must be consistent with the constitutional principles of the protection of human life and health. They must not conflict with international standards of human rights protection as well as with national health systems.

For a potential investor, the natural incentives (aside from the benefits of a healthy individual, a healthy employee) to create a medical services market may be all financial benefits associated with the performance of such services. However, in order to benefit from such commercial services, an employee must be paid for personal care and health care, and this in turn depends to a large extent on the remuneration system of a particular establishment and the tax system in force in the state.

The interrelation between income and health can also have a positive impact on the development of new segments of the health services market, such as appearance improvement, cosmetic services and physical fitness. An entity with excess cash may look for such services to create demand that will translate into quantitative and qualitative development of services. There will be new centers offering newer and more effective health care, centers employing qualified staff, using new equipment.

Thus the desire to invest in health can have a positive impact on the education system, on the development of new technologies.

Involving the state in the health care market, creating a health-promoting situation that allows "investing" in health, is indisputable. You can only consider the scale of such commitment and responsibility and set a time frame. Of course, there is no universal prescription and all activities should take into account both the organizational capacity of the state, its financial capabilities and environmental, historical and even cultural considerations. And while attempts are being made to create a universal model for investing in health (in the context of globalization, universal automation, should not be a problem), it has not gone beyond the scope of program activities to date [11].

III. Summary

In order for health investments to deliver the intended results, the state must create the right conditions, it must provide a health policy based on a system of funding that is independent of political systems. It is worth emphasizing at the same time that the quality of human capital depends on many activities and the various factors shaped by the individual, family, society and organizations, plays a vital role in shaping and protecting human health as a human capital. Therefore, it would be ideal to create a system in which human health spending would not be dependent on state finances (and not the creation of a welfare state system).

Truism is to say that investing in health has a positive impact on human health, on the economic growth of the state. It is not known today that it is better (and cheaper) to "prevent than cure", and therefore a very important element in investing in health is the effectiveness of activities and universal health education. States and their institutions should focus on informing and educating the public instead of "fighting", for example with advertising for medicinal products or dietary supplements. Those responsible for state health policy should realize that the health of an individual is highly correlated with the level of human education, with the level of his knowledge. Of course, in order for such a system to function efficiently and logically, competent management staff, efficient institutions equipped with appropriate tools are required.

So therefore we can be tempted to formulate that it is necessary to invest in health as human capital, for example, in order to understand the need for health.

References

1 The last three ways to define (za) M. Blaxter, *Zdrowie*, Warszawa 2009, s. 15-18.

2 Jaworzyńska M. *Rola zdrowia we wzroście gospodarczym*, Annales Universitis Mariae Curie – Skłodowska, Lublin 2011, Vol. XLV. 1.

3 Blaxter M. *Zdrowie….,* s. 14-15.

4 Domaradzki J. O definicjach zdrowia i choroby, Folia Medica Lodziensia 2013, nr 40/1, Łódź 2013.

5 This is one of the interpretations of the definition of "health" contained in the Constitution of the World Health Organization, an agreement concluded by the Governments represented at the International Health Conference, signed in New York on July 22, 1946. It is also worth emphasizing that other translations may be found in the literature of the subject – in the wording: the notion of health means the state of physical, mental and social wellbeing, and not merely the absence of disease or disease (i) I. Wrzesińska – Wal, Wspólnotowe regulacje prawne w obszarze zdrowia publicznego, Prawo i Medycyna 2004 nr 4.

6 more w Domaradzki J., O skrytości zdrowia. O problemach z konceptualizacją pojęcia zdrowie, Hygeia Public Health 2013, nr 48, s. 408-419.

7 see Domaradzki J., O skrytości .... S. 412-418.

8 Gil R., Dziedziczko A. Pojęcie świadomości zdrowotnej, zdrowia i choroby, Zdrowie Publiczne 2004, nr 4.

9 Kisiel A. Kształtowanie kapitału ludzkiego – wybrane problemy,Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, Ekonomia, nr 449, Wrocław 2016.

10 Florczak W. Kapitał ludzki a rozwój gospodarczy (w) W. Welfe (red) Gospodarka oparta na wiedzy, Warszawa 2007.

11 Apart from the documents mentioned in the text such as the WHO constitution, the Alma Aty declaration, it is worth mentioning, among others, About the Ottawa Charter 1986, World Health Declaration 1998 – Health for All in the 21st Century, Basic Principles of Health Policy for All in the WHO European Region.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ И ФУНКЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

THE TRANSFORMATION OF THE ROLE AND FUNCTIONS OF EDUCATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

М.Б. Буланова
Российский государственный гуманитарный университет
M.B. Bulanova
Russian State University for the Humanities

Процесс модернизации современного образования сопровождается происходящем в научном сообществе переосмыслением его роли и функций. Речь идет о трансформации понимания образования как фактора социализации личности, способа передачи знаний и приобщения к культурному опыту к представлению о нем, как ресурсе/капитале или инвестиции в будущий социально-профессиональный статус индивида.

The process of modernization of contemporary education accompanied by events taking place in the scientific community who are rethinking its role and

functions. The article focuses on the transformation of understanding of education as a factor of socialization, a method to transfer the knowledge and initiation to the cultural experience, to the concept of it as a resource / capital or investment in the future of social and professional status of the individual.

Ключевые слова: образование, реформирование образования, образовательный капитал, интеллигенция

Keywords: education, reform of the education, educational capital, the intelligentsia

Процессы модернизации и глобализации, начавшиеся несколько десятилетий назад в мировом сообществе, затронули и процесс образования. Болонская декларация, поддержанная рядом европейских государств, не без сложностей и противоречий привела к формированию единого образовательного пространства, в которое включена и Россия. Ситуация, сложившаяся в российском образовании за последние 20 лет, свидетельствует о тенденции изменения его функций и роли в том же направлении, в котором развиваются ведущие западные страны.

В первую очередь, следует подчеркнуть, что российское образование стало массовым не столько за счет сегмента среднего общего и профессионального образования, сколько высшего (вузовского и поствузовского). В стране наблюдается постоянный рост спроса и предложения на рынке образовательных услуг. Об этом свидетельствует ежегодно сохраняющийся высокий конкурс в вузы, который практически не уменьшается, несмотря на наблюдающееся сокращение бюджетных мест и ряда учебных заведений [1]. Повышение проходного балла ЕГЭ на ряд востребованных специальностей, практикуемое вузами, не уменьшает желаниz обучаться модным профессиям. Растет доля платных студентов в общем числе обучающихся в вузах. Родители готовы заплатить за обучение ребенка в вузе, ограничив себя в расходах на повседневные нужды семьи. Все больше родителей считают, что, вкладывая средства в образование ребенка, они по сути обеспечивают не только его, но и свое будущее.

Во-вторых, массовый характер образования (в том числе – высшего) способствовал изменению вектора социальной стратификации. Если П. Сорокин считал, что образование личности является «социальным лифтом», позволяющим ей достигнуть высшие социальные позиции (вертикальная мобильность) и включал образование в число основных параметров социальной стратификации, то в современном обществе ситуация изменилась. Проведенные исследования жизненного мира россиян 2014 г. [2] позволяют, в частности, утверждать, что социальное положение и престиж человека в нашем обществе

определяют такие обстоятельства, как деньги, власть, связи с нужными людьми. Образование же входит в разряд личных качеств, влияющих на продвижение по «социальной лестнице» в последнюю очередь. Таким образом, образование вообще (и высшее образование, в частности) из статусной характеристики интеллектуальной элиты превратилось в социокультурную норму общества, соответствовать которой должен каждый человек. Поэтому для востребованности по профессии надо быть лучшим среди равных.

В-третьих, наличие высшего образования как социокультурной характеристики личности стало повсеместным требованием на рынке труда, что косвенно привело к ориентации большей части выпускников не столько на конкретную профессию, сколько на определенный сегмент рынка труда. Данные статистики и проводимых социологических исследований зафиксировали постоянную величину, сохраняющуюся последние 10 лет – треть выпускников, устроившихся по окончании вуза на работу по полученной специальности. Кроме того, произошла некоторая девальвация конкретных умений и навыков специалиста и возросло символическое значение вузовского диплома. Отсюда появление устойчивой ниши на «теневом рынке», связанная с продажей дипломов. Для работодателя (при формальном наличии диплома) гораздо важнее общекультурные компетенции личности, связанные, например, с умением работать в коллективе и способностью обучаться чему-то новому.

В-четвертых, обозначившаяся тенденция потери значения образования как фактора вертикальной стратификации общества позволила укрепить механизм горизонтальной стратификации, что, в частности, привело к соревнованию между вузами (или факультетами внутри вузов) в стремлении дать личности то качественное образование, которое позволит ей занять требуемые позиции в социальной иерархии.

В-пятых, первыми на изменение роли и функций образования в современном мире отреагировали экономисты. Теоретики неоклассического направления в экономической науке (Теодор Шульц и Гэри Беккер) впервые определили образование как инвестиции индивида в будущий доход. Ими был введен термин «человеческий капитал», понимаемый как запас знаний, навыков и способностей, имеющихся у каждого человека и использующийся в производственных и потребительских целях [3-4].

Социологи подхватили идею «человеческого капитала» в нематериальном ее понимании, освободив от экономического шлейфа (Джеймс Коулман и Пьер Бурдье).

Так, Дж. Коулман ввел понятие «социальный капитал» как особую характеристику взаимодействия индивидов, облегчающую их деятельность, а также изучил влияние социального капитала на формирование человеческого

капитала последующих поколений [5]. В этой связи особенно ценной является идея П. Бурдье о взаимной конвертации разных видов капитала, которые именно в сфере образования тесно связаны и легко конвертируются один в другой [6].

В современной российской социологии новые смыслы образования трансформируются в понятие «образовательный капитал личности», в качестве первоначального варианта определения которого можно предложить следующее: «Совокупность экономических, культурных, социальных и символических ресурсов, являющихся основой формирования образовательных стратегий личности». Понятие образовательного капитала личности отражает в общественном сознании реальный процесс изменения роли и функций образования в современных условиях.

Список литературы

1. Константиновский Д.Л., Попова М.С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования, 2015. № 11. С. 37-48.
2. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2000-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. ЦСП и М., 2016. С. 274-275.
3. Schultz T. Investment in Human Capital. N.Y., 1971. 272 p.
4. Becker Gary S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964. 187 p.
5. Коулмэн Дж. Капитал социальный и человеческий//Общественные науки и современность. 2001. № 3. С 121-139.
6. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.

РОССИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

RUSSIA IN EUROPEAN HIGHER EDUCATION AREA

А.О. Грудзинский
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.O. Grudzinskiy
Lobachevsky University

Представлено современное понимание цели участия Российской Федерации в Болонском процессе и Европейском пространстве высшего образования, заключающейся в повышении международной конкуренто-

способности российского высшего образования и развитии экспорта образовательных услуг.

The article discusses a modern understanding of the goals of the participation of the Russian Federation in the Bologna Process and the European Higher Education Area (EHEA). Currently, the main goal is to enhance the international competitiveness of Russian higher education, among other things, in order to foster the development of the export of educational services.

Ключевые слова: Болонский процесс, Европейское пространство высшего образования, повышение конкурентоспособности высшего образования, экспорт образовательных услуг

Keywords: Bologna Process, European Higher Education Area, enhancing the competitiveness of higher education, export of educational services

Начиная с 2003 г. участие российской системы высшего образования в Болонском процессе, а с 2010 г. и в Европейском пространстве высшего образования (ЕПВО) неизменно сопровождается дискуссиями о том, отвечает ли это интересам Российской Федерации? Тематика и интенсивность этих дискуссий изменялись с течением времени. В определённые периоды многим членам академического сообщества даже казалось, что в России забыли про Болонский процесс. Для подобных выводов были основания: в 2009 и 2012 гг. нашей страной информация в очередной Болонский доклад не предоставлялась. Однако работа по структурной модернизации российской системы высшего образования с учетом принципов ЕПВО продолжалась, и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 2012 г. утвердил использование этих принципов в качестве фундаментальных основ. А уже в 2015 г. Россия восстановила своё полноценное участие в ЕПВО, и в настоящее время Министерство образования и науки РФ прилагает все усилия в отношении достойного, отвечающего реальному положению дел представлению нашей страны в Болонском докладе 2018 г.

Четырнадцать лет – немалый срок для современного динамично развивающегося инновационного общества знаний, поэтому не удивительно, что формулировка ответа на вопрос о целях участия в Болонском процессе уточнялась и конкретизировалась по мере развития экономической и политической ситуации как в странах ЕПВО, так, конечно, и в России.

Исходный четырёхстраничный текст Болонской декларации, принятой 19 июня 1999 г. (при этом заметим, что перечисление собственно целей занимает там не более одной страницы), оставаясь базовым документом, в течение всего времени существования Болонского процесса уточнялся, интерпретировался и модернизировался на конференциях министров образования стран-участниц, что находило своё отражение в публикуемых коммюнике конференций.

Тенденция диверсификации целей, их конкретизации и изменения приоритетов обозначилась уже на первых этапах Болонского процесса [1]. Подчеркнём, что нельзя в настоящее время обсуждать, а тем более критиковать болонские принципы с точки зрения их актуальности и полезности для России, не ознакомившись с современным «кодексом» ЕПВО, включающим Декларацию и все последующие коммюнике. Эти материалы находятся в открытом доступе и размещены на официальном сайте ЕВПО http://www.ehea.info.

Современное состояние идейного содержания ЕПВО, сформированное на последней министерской конференции в Ереване в 2015 г., уже обсуждалось в ряде научных статей [2-4]. В одной из работ [2], авторы которой принимали участие в подготовке Национального доклада РФ к Конференции министров образования в Ереване в 2015 г. и участвовали в конференции, цитируется выдержка из выступления действовавшего Министра образования и науки РФ Д.В. Ливанова, характеризующая взвешенный прагматичный подход России к принципам ЕПВО. Министр подчеркнул, что Россия готова к дальнейшему активному сотрудничеству с партнерами в рамках общего пространства высшего образования, «отбирая те элементы, которые усиливают наше высшее образование, и не применяя те, которые его ослабляют и не создают условий для движения вперёд».

Болонский процесс (а сейчас и ЕПВО) основан на *добровольном* участии государств. Никаких юридических последствий за невыполнение тех или иных обязательств наступить не может. Это добровольное движение к гармонизации образовательных систем, и каждая страна может в его рамках продолжать отслеживать свои национальные интересы. В связи с этим обратим внимание на феномен Бельгии. Это небольшое государство представлено в ЕПВО двумя частями: валлонским и фламандским регионами, которые до сих пор не смогли найти единый подход в представлении своих образовательных систем. Более того, на последней министерской Конференции в Ереване Великобритания так же была представлена двумя национальными докладами. Отдельный доклад представила Шотландия. В этой ситуации и такая большая страна, как Россия, имеет полное право говорить о том, что мы не будем применять те элементы Болонского процесса, которые ослабляют российское высшее образование и не создают условий для движения вперёд.

Еще одна мысль, которую важно понимать для оценки Болонского движения: Европейское пространство высшего образования – это не географическое понятие. Это набор идей и технологий организации образования, сформулированных рядом европейских стран и развиваемых совместно всеми членами ЕПВО. В принципе, любое государство мира может присоединиться к ЕПВО, если оно согласно применять эти технологии с целью

создания признаваемой (понимаемой) всеми участниками и высококачественной системы высшего образования. Например, уже сейчас участником Болонского процесса является Казахстан – государство, не относящееся к Европейскому континенту. ЕПВО заинтересовано в расширении. С этой целью с 2009 г. одновременно с министерскими конференциями проводится Форум по Болонской политике, на который приглашаются представители стран, не входящих в ЕПВО.

Роль и задачи использования инструментария Болонского процесса в создании эффективной, отвечающей национальным интересам России системы высшего образования изменялись с учетом новых задач, которые ставило государство перед высшей школой, и с учетом общемировых трендов развития глобального образовательного пространства. Задача участия России в Болонском процессе со временем усложнялась и трансформировалась от задачи выхода из образовательно-культурной изоляции и задачи получения доступа к мировому банку данных образовательных идей к задаче развития своих конкурентных преимуществ с учётом полученных знаний и включения в конкурентную борьбу на мировом научно-образовательном рынке.

Из четырех общих пространств сотрудничества с Европейским Союзом (экономики, свободы и юстиции, проблем внешней безопасности, а также научно-исследовательской и образовательной деятельности), на участие в которых дала согласие в 2003 г. Россия, именно четвертое, посвященное вопросам образования, науки и культуры, является той сферой, где у России и ЕС имеется меньше всего принципиальных стратегических разногласий, препятствующих сотрудничеству. К тому же, именно это направление является наиболее перспективным для постепенного сближения широких слоев общества. Болонский процесс, нацеленный на формирование и консолидацию Европейского пространства высшего образования, стал органичной частью четвертого пространства сотрудничества (хотя в его состав входят не только страны – члены ЕС). Необходимость обеспечения дальнейшей интеграции системы высшего образования Российской Федерации в ЕПВО диктуется прежде всего национальными интересами России. Участие нашей страны в Болонском процессе направлено на повышение международного престижа российского высшего образования и развитие экспорта российских образовательных услуг, на использование всех доступных возможностей для стратегического поступательного развития системы образования Российской Федерации в целях реализации национальных интересов.

Список литературы

1. Гребенев Л.С. Россия в Болонском процессе: середина большого пути // Высшее образование в России. 2004. №4. С. 3-17.
2. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л., Камынина Н.Р., Котлобовский И.Б. Российское высшее образование в Болонском процессе // Высшее образование в России. 2015. №8-9. С. 46-53.
3. Мотова Г.Н. Болонский процесс 15 лет спустя // Высшее образование в России. 2015. №11. С. 53-64.
4. Байденко В.И. Болонский процесс: современный этап // Высшее образование в России. 2015. №10. С. 52-60.

СТУДЕНТЫ ГЛАЗАМИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)[1]

STUDENTS THROUGH THE EYES OF UNIVERSITY TEACHERS OF THE URALS FEDERAL DISTRICT (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Г.Е. Зборовский
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
G.E. Zborovsky
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

Рассмотрены позиции, мнения и оценки научно-педагогического сообщества Уральского макрорегиона относительно студенчества как социальной общности, его готовности к переменам и трансформациям в высшем образовании. Важное место занимает характеристика мнений и оценок вузовских педагогов принципов взаимодействия преподавателей и студентов как основных образовательных общностей университетов.

The purpose of the article is to consider the positions, opinions and assessments of the scientific and pedagogical community of the Ural macroregion regarding students as a social community, its readiness for change and transformation in higher education. An important place is taken to characterize the opinions and assessments of university teachers on the principles of interaction between teachers and students as the main educational communities of universities.

Ключевые слова: преподаватели, студенты, Уральский федеральный округ, социологическое исследование

Keywords: teachers, students, Urals Federal District, sociological research

[1] Подготовлено при поддержке гранта РНФ, проект № 16-18-10046 «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

В российской вузовской жизни конца XX-XXI вв. сложилась устойчивая практика выявления мнений студентов о преподавателях. Более того, результаты опроса студентов в ряде вузов становились едва ли не решающим фактором вынесения своеобразного вердикта относительно деятельности того или иного педагога, особенно при прохождении им конкурсного отбора. С нашей точки зрения, эта практика является порочной.

Однако это вовсе не означает, что мы отрицаем необходимость выявления мнения и оценок студентов в отношении преподавателей. Но речь должна идти, с позиций социологической науки, об исследовании отношения студенчества как основной социальной общности вуза к другой основной его социальной общности – научно-педагогическому сообществу. При этом не меньшее значение приобретает проблема выявления мнений и оценок педагогов относительно студентов. И если первая проблема, так или иначе, находила свое отражение в публикациях, то вторая затрагивается крайне редко.

Между тем, она имеет существенное значение, особенно в условиях вузовской жизни последних лет, наполненной постоянными жалобами и недовольствами преподавателей, касающимися слабой подготовки студентов, их низкой мотивации на учебу и научную работу, недостаточного уровня активности, инновационной деятельности и т.д.

Весной 2017 г. научным коллективом УрФУ под руководством автора было проведено социологическое исследование студентов и преподавателей Уральского федерального округа. В генеральную совокупность вошел 51 вуз УрФО. Была реализована квотная выборка, которая формировалась на основе статистических данных об образовательных общностях регионов УрФО (Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областей, Ханты-Мансийского автономного округа; Ямало-Ненецкий округ не был включен в выборку, поскольку в нем нет самостоятельных вузов). Внутри каждого региона осуществлялось квотирование по основным направлениям подготовки (инженерно-техническому, естественнонаучному, гуманитарному, социально-экономическому). Объем выборочной совокупности преподавателей составил 810 чел., студентов – 1860 чел.

Задача исследования – выяснить, насколько, с точки зрения преподавателей, студенты сегодня готовы к самостоятельной учебной и научной работе, к совмещению учебы и трудовой деятельности (Табл. 1).

Таблица 1

Оценка преподавателями готовности современных студентов к самостоятельной учебе и работе (в % к числу опрошенных)

Готовность	Скорее готовы	Скорее не готовы	Затрудняюсь ответить	Итого
К самостоятельной учебной работе	34.3	61.7	4.0	100.0
К самостоятельной научной работе	16.5	76.9	6.6	100.0
К совмещению работы и учебы	49.8	39.3	10.9	100.0

Из таблицы следует, что более всего они готовы, по мнению научно-педагогического сообщества, к совмещению учебы и труда (так считает почти половина опрошенных педагогов), менее всего – к самостоятельной научной работе – 16.5%. Низкий уровень готовности к научной работе не удивляет. Зато серьёзно настораживает мнение педагогов о невысоком уровне готовности студентов к самостоятельной учебной работе: только чуть более трети опрошенных преподавателей оценили его позитивно.

Аналогичны оценки в научно-педагогическом сообществе и уровня инновационной культуры, характерного для студентов. Как высокий отметил его только каждый десятый опрошенный (10.9%), как средний – около половины (47.7%), как низкий – четвертая часть (25.2%).

Наличие у студентов необходимого уровня инновационной культуры является важной предпосылкой их перехода к обучению по индивидуальной образовательной траектории. Отношение к такому переходу со стороны преподавательской общности – важный аспект внедрения новых образовательных технологий и понимания возможностей этого процесса. Нами была предпринята попытка выявить оценки педагогическим сообществом своего отношения к внедрению в образовательную практику обучения студентов по индивидуальным траекториям (Табл. 2).

Таблица 2

Отношение преподавателей к внедрению в образовательную практику обучения студентов по индивидуальным траекториям (в % к числу опрошенных)

	%
Положительно	41.8
Отрицательно	16.4
Нейтрально	41.8
Итого	100.0

Как видно из приведенной таблицы, лишь 2/5 опрошенных преподавателей позитивно воспринимают такую практику. Нетрудно обнаружить достаточно тесную связь между положительными оценками готовности студентов к самостоятельной учебной и научной работе, совмещению учебы и труда и возможностями внедрения в их образовательные практики индивидуальных траекторий обучения.

Интерес представляют мнения научно-педагогического сообщества вузов Уральского макрорегиона о доминировании в отношениях между преподавателями и студентами тех или иных принципов. Таблица 3 дает хорошее представление на этот счет. Из нее следует, что можно говорить о двух полюсах отношений между главными образовательными общностями в

университетах – преподавателей и студентов. Первый полюс определяется доминированием доверия, партнерских отношений, информационной открытости, взаимопонимания, взаимоуважения, толерантности. Второй полюс объединяет вокруг себя принципы сугубо официальные – соблюдение формальных правил взаимодействия, социальной дистанции, жесткой регламентации отношений, корпоративной закрытости.

Таблица 3

Преподаватели о принципах, на которых строятся их отношения со студентами в вузе (в % к числу опрошенных)*

Принципы отношений между преподавателями и студентами	**%**
Доверие, партнерские отношения	54.0
Информационная открытость	43.1
Взаимопонимание, взаимопомощь, взаимоуважение	41.2
Толерантность (терпимость друг к другу)	39.1
Соблюдение формальных правил взаимодействия	29.5
Соблюдение социальной дистанции	22.3
Жесткая регламентация отношений	9.1
Корпоративная закрытость	6.1
Итого	244.5

*Сумма превышает 100%, поскольку допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответов.

Интересно отметить, что мнения и оценки студентов относительно принципов их отношений с преподавателями в значительной степени совпадают с изложенными выше. Первые три места у студентов занимают принципы взаимопонимания, взаимоуважения, взаимопомощи (47.9%), доверия, партнерских отношений (44.6%), информационной открытости (44.3%), последние три – соблюдение социальной дистанции (24.7%), жесткая регламентация отношений (12%), корпоративная закрытость (3.9%).

Это означает, что в вузах макрорегиона существуют благоприятные предпосылки для активизации взаимодействия основных образовательных общностей, что является важным фактором перехода университетов к нелинейной модели высшего образования. Предлагаемый вывод базируется на материалах исследования, согласно которым взаимодействие студенчества и научно-педагогического сообщества является краеугольным камнем, основой трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную.

ФОРМИРОВАНИЕ САМОИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГОГОВОРЯЩЕЙ ДИАСПОРЫ В БРИТАНИИ
FORMATION OF THE SELF-IDENTITY OF THE RUSSIAN-SPEAKING DIASPORA IN BRITAIN

Н. Ивашиненко
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Школа социальных и политических наук, Университет Глазго, Великобритания
Е. Кац
Школа географии и окружающей среды, Колледж Святого Антония, Оксфорд, Великобритания
В. Шаталина
Центр Исследования Социальных систем, Глазго, Великобритания
N. Ivashinenko
Lobachevsky University; School of Social and Political Sciences, Glasgow University, UK
E. Katz
School of Geography and the Environment, St. Antony's College, Oxford
V. Shatalina
Research Centre of Social Systems, Glasgow, UK

Обсуждается становление новых гибридных конструкций идентичности мигранта с позиции транснационального подхода. На примере русскоговорящих мигрантов Великобритании анализируются процессы сохранения русского языка как основы самоидентичности в процессе адаптации к новой стране проживания и особенности формирования культурных традиций в семье и диаспоре.

The paper discusses the development of new hybrid constructions of a migrant's identity in the light of the transnational approach. Using the example of the Russian-speaking migrants in the UK, the paper analyses the Russian language preservation as a core of migrants self-identity formation during the process of adapting to living in a new country and keeping the traditions inside the family and diaspora.

Ключевые слова: формирование самоидентичности мигранта, русскоговорящее сообщество, транснациональный

Keywords: formation of the migrant's identity, Russian-speaking community, transnational approach

Изучение глобальной диаспоры становится актуальным вопросом современности. Изучение Восточно-Европейской миграции привлекает внимание ученых множества стран на протяжении последних десятилетий.

Развиваются новые контексты проблематики культуры и самоидентификации [1]. В результате возникают новые сообщества с широким спектром разнообразия в социальном, демографическом и культурном плане. Возрастание скорости глобализационных процессов оказывает решающее трансформирующее влияние на все уровни социальных общностей, начиная от макроуровня – размывания границ самосознания государственных образований, до микроуровня – семьи и ближайшего окружения человека.

По данным переписи 2011 г., 66366 человек, проживающих в Англии и Ирландии, указали, что родным языком для них является русский. В русско-говорящее сообщество Великобритании входят как различные поколения мигрантов из этнически русских семей, так и самые разнообразные национальности, говорящие на русском языке и прибывшие в Великобританию из стран бывшего Советского союза. Основной вопрос построения моделей самоидентификации – формирование самоидентичности русского-говорящей диаспоры в Британии – вопрос проведения границы между «мы» и «они». Традиционно используемые модели социальной идентичности, выстраиваемые вокруг социально-профессиональных характеристик, материального положения и образования участников социальных групп, перестают отражать реальность, предлагая статичные формы описания более динамичного процесса [2]. В этом случае на первый план начинают выдвигаться подходы, базирующиеся на понимании идентичности как элемента процесса коммуникации и самопрезентации собеседнику [3]. В этом случае самоидентичность предстаёт как результат гибкого выбора, постоянно пересматриваемого в различных контекстах. Границы между «мы» и «они» становятся подвижными и функционально зависимыми от контекста реальных взаимоотношений, взаимодействия в социальных сетях, профессиональных коммуникаций.

Эта тенденция присуща всем социальным сообществам, но в среде мигрантов в силу специфики их взаимоотношения с различными социумами прослеживается особенно ярко. Интересной и во многом уникальной является ситуация для русскоязычного сообщества за рубежом. Русский язык выступает основой для построения самоидентификации широкого круга социальных групп, которые исторически не всегда имеют общую этническую принадлежность. Со времен царской империи русский язык выполнял роль Linga Franca для различных этнических групп, проживающих на ее территории. Этот процесс продлился и усилился в период функционирования Советского Союза, когда русский язык был основным государственным языком для всех республик. Распад Советского Союза привел к образованию крупных групп русскоговорящего сообщества, оказавшихся мигрантами без смены места жительства. Травматические процессы для этих групп продолжают пристально

изучаться [4; 5], но уже первые результаты показывают, что русскоговорящее сообщество за рубежом начинает конструировать собственную общность. Обсуждение русскоязычных сообществ в зарубежной академической среде в первую очередь сосредоточено вокруг советских аспектов культуры и идентичности (главным образом, еврейские диаспоры) [6] или ограничено стереотипическим восприятием отдельных социальных групп, таких как «российские олигархи». Российские исследователи, изучающие соотечественников за рубежом, напротив, склонны к слабой дифференциации процессов, идущих внутри диаспоры, и негибкому использованию концепции мягкой силы России (soft power). Необходимо проведение дальнейших исследований для понимания факторов, влияющих на динамичные процессы формирования ценностей, отношений, уровня знаний и отношения к русской культуре у разных групп русскоговорящих мигрантов.

Уникальность русскоговорящей диаспоры проявляется в сопоставлении с другим группами мигрантов. Так, изучая польскую диаспору за рубежом, исследователи используют антропологические модели общности, базирующиеся на восприятии «ощущения себя как дома», где в качестве «дома» рассматривается Польша – страна, посылающая мигрантов, и, Великобритания как принимающая мигрантов страна [7]. Понятие «чувствовать себя как дома» позволяет описывать как процессы интеграции в новой среде, так и сохранение связей с домом, с той средой, откуда приехали мигранты.

В случае русскоговорящей диаспоры связь с домом становится размытой, так как для многих из мигрантов «объединяющим домом» является бывший Советский Союз, а отнюдь не страны, из которых они приехали. Транснациональный подход, используемый для анализа пространства культур, создаваемых мигрантами, подчеркивает важность возникновения новых гибридных конструкций, объединяющих культуры посылающей и принимающей стран [8]. Научные дискуссии вокруг транснационального подхода ведутся в плане поиска критериев, насколько гибридная культура реально обладает новыми качествами, позволяющими ее причислить к транснациональной. В случае с русскоговорящим сообществом транснациональность проявлена более отчетливо, так как культура русскоговорящего сообщества не тождественна культуре России.

Наряду с ярко выраженной ностальгической составляющей и отсылкой к культуре Советского пространства [9], которая для молодого поколения воспроизводится или передается родителями, транснациональная культура русскоговорящего сообщества конструируется из символов, имеющих мировое признание. Эта реконструкция имеет важное значение именно для среды мигрантов, нуждающихся в признании своей идентичности местными

жителями. Как показывают исследования, полная ассимиляция и отказ от своей русскоговорящей идентичности в пользу принятия британской (Britishness), наблюдается у незначительной части мигрантов. Полной ассимиляции мигрантов препятствует как их собственный настрой, так и особенности британской среды, которая обладает высокой степенью сопротивления данным процессам.

Возвращаясь к процессам самоидентификпции как гибкого взаимодействия, наши исследования показывают, что вновь приехавшие мигранты пытаются максимально сосредоточиться на выживании в новой среде, порой отказываясь или не имея возможностей пользоваться родным языком. По мере прохождения первого цикла интеграции мигранты возвращаются к своим корням, понимая, что «своими они никогда здесь не будут, но и к мигрантам здесь не плохо относятся». Достаточно высокий уровень толерантности к миграционным процессам в Британии, сочетаясь с закрытостью сообщества, порождает феномен возврата к своим корням и активному желанию обучить детей русскому языку. Разнообразие мотиваций наблюдается в смешанных браках и однородных браках трудовых мигрантов, ориентированных на актуальный социальный запрос на мультиговорящего сотрудника.

Русские школы в Британии сейчас выполняют важную миссию по формированию транснациональной культуры русскоговорящего сообщества, помогая интегрировать детей мигрантов в англоязычную среду и в то же время позволяя русскоговорящим семьям сохранять язык своего наследия и многие культурные традиции. Понимание диалектичности этого процесса позволяет по-новому взглянуть на проблемы во взаимодействии с русскоговорящей диаспорой.

С одной стороны, русскоговорящая диаспора в Великобритании во многом консервативна в плане своих культурных предпочтений, исторически связана с мировыми признанными достижениями российской классической культуры – музыки, литературы, балета. С другой стороны, она очень чувствительна к различным международным политическим репрезентациям России в британской среде и пытается отстраниться от них, разделяя русскую культуру и международную политику современной России. Высокий уровень политизированности современной российской действительности создает препятствия для вхождения современной российской культуры в транснациональную культуру русскоговорящего сообщества.

Для устранения препятствий необходимо продолжение работ по формированию русскоговорящей аудитории в Великобритании как среди детей мигрантов, так и среди основного населения. Эти процессы требуют специального исследования.

Список литературы

1. Бартош Г. Рунет и идентичность постсоветской квазидиаспоры Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/runet-i-identichnost-postsovetskoy-kvazidiaspory (дата обращения: 26.09.2017).
2. MC. La Barbera (ed.) Identity and Migration in Europe: Multidisciplinary Perspectives // Springer International Publishing AG. Switzerland. 2015. Режим доступа: http://www.springer.com/series/8811 (дата обращения: 26.09.2017).
3. Cummins J. Negotiating Identities: Education for Empowerment in a Diverse Society, Ontario: California Association for Bilingual Education. 1996. 290p.
4. Flynn M. Migrant Resettlement in the Russian Federation: Reconstructing Homes and Homelands. London, Anthem Press. 2004. 256 p.
5. Cheskin A. Exploring Russian-Speaking Identity From Below: The Case Of Latvia, Journal of Baltic Studies. 2012. Pp. 287-312.
6. Kopeliovich S. How long is ‘the Russian street’ in Israel? Prospects of maintaining the Russian language, Israel Affairs, 17:1. 2011. С. 108-124
7. Galasin´ska A. Gossiping in the Polish Club: An Emotional Coexistence of ‘Old’ and ‘New’ Migrants Journal of Ethnic and Migration Studies Vol. 36, No. 6, July 2010, Pp. 939-951.
8. Vertovec S. Transnationalism and identity. Journal of Ethnic and Migration Studies, 27(4). 2001. С. 573-582.
9. Byford A. The Russian Diaspora in International Relations: ‘Compatriots’ in Britain, Europe-Asia Studies, 64:4. 2012. С. 715-735.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗРУШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

MODERN EDUCATION REFORMS AS A FACTOR IN THE DESTRUCTION OF SOCIAL CAPITAL

А.А. Иудин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.A. Iudin
Lobachevsky University

Анализируются различные подходы к проблеме функций системы образования. Выделены и подробно рассмотрены две из них: 1) формирование в обществе определенного типа социальной культуры и 2) насыщение выпускника соответствующего уровня образования определенным набором информации (компетенций). На этой основе рассматриваются различные подходы к процессу реформирования системы образования – во времена Хрущева, Ягодина и современной системы (Филиппов-Фурсенко-Ливанов-Васильева). Подробно рассмотрен анализ достоинств и недостатков единого государственного экзамена (ЕГЭ), а также положение и социальное

самочувствие современного учителя, его отношение к необходимости выполнения педагогом высокой социальной миссии.

The article is devoted to the analysis of various approaches to the problem of the functions of the education system. Two of them are singled out and examined in detail: 1) the formation of a certain type of social culture in society and 2) saturation of the graduate of the appropriate level of education with a certain set of information (competences). On this basis, various approaches to the process of reforming the education system are considered – in the times of Khrushchev, Yagodin and the modern system (Filippov-Fursenko-Livanov-Vasiliev). The analysis of merits and demerits of the unified state examination (USE), as well as the position and social well-being of the modern teacher, his attitude to the need for the teacher to perform a high social mission are considered in detail.

Ключевые слова: реформа образования, учитель, педагог, ученик, студент, социализация, культура

Keywords: education reform, teacher, student, student, socialization, culture

Образование, являясь одним из важнейших социальных институтов человеческого общества, приковывает к себе внимание не только ученых-социологов, но и высшее политическое руководство государств. Прежде всего, необходимо отметить громадный размер этой системы, включающей в себя учителей, учеников и их родителей, а также бабушек и дедушек. Сквозь систему профессионального образования (начального, среднего и высшего) проходит значительная часть населения всякой страны. Более, чем величина системы образования, важна её социальная функция: «Система образования – это уникальный социальный институт. Его уникальность определяется тем, что он призван развивать и приумножать социальный капитал – неисчерпаемый ресурс, источник ничем не ограниченного развития. ... Система образования – это система проектирования и воспроизводства социального будущего» [1, с. 46]. По мнению крупного ученого и педагога, академика Н.Н. Моисеева, советская хорошо выполняла свои функции: «…в России была создана лучшая в мире система образования. Причем не столько образования элиты, сколько образования нации в целом» [2, с. 136].

Широко известна легенда, согласно которой Бисмарк после победы над Францией в 1871 г. заявил, что эту победу одержал прусский учитель. На самом деле эта мысль была высказана профессором Пешелем после австро-прусской войны. Этот тезис пытался оспорить Мольтке, отметив, что знаний, обретенных солдатом в гимназии, недостаточно для победы, что необходимо еще формирование личных качеств – стойкости, упорства, патриотизма. Но этим возражением Мольтке фактически подтверждает правоту профессора Пешеля (или, по легенде, канцлера Бисмарка), ибо в школе (или гимназии) происходит

не столько обучение ребенка, сколько его воспитание, формирование личности; в недрах школы происходит социализация личности, её образование. «Образовательный смысл прусской гимназической системы объективно …заключался не в том, чтобы дать ее выпускникам блестящее образование. …Социальный смысл такой системы заключался в том, чтобы дать всему населению необходимый базовый уровень культуры, без чего невозможно нормальное, а тем более, ускоренное научно-техническое развитие» [1]. Образование – продукт формирования человека, формирования его способности логически мыслить, выявлять причинно-следственные связи, формирование нравственных установок личности и её физических способностей. «В техническом смысле образование – это процесс, посредством которого общество через школы, колледжи, университеты и другие институты целенаправленно передаёт своё культурное наследие – накопленное знание, ценности и навыки – от одного поколения другому [между поколениями]» [3, p. 20-21]. «Социальный смысл такой системы (*прусской гимназической системы – А.И.*) заключался в том, чтобы дать всему населению необходимый базовый уровень культуры, без чего невозможно нормальное, а тем более, ускоренное научно-техническое развитие» [4]. Понимание особой роли учителя присутствовало в педагогической традиции СССР–России и очень высоко эту роль ставил академик Моисеев: «именно учитель, я подчеркиваю, не политик, военный или даже инженер, а именно учитель становится постепенно центральной фигурой «истории людей». Сегодня от учителя в первую очередь … зависит не только судьба цивилизации, но и сохранение человека на планете» [5, с. 58]. Есть и другой подход, согласно которому «Процесс обучения представляет собой сложное единство деятельности учителя и деятельности учащихся, направленных к общей цели – вооружению обучающихся знаниями, умениями и навыками, к их развитию и воспитанию» [6, с. 252].

Представление образования как процесса «вооружения знаниями» является сегодня основополагающим, в рамках которого обучение предстает как процесс поглощения обучающимся некоторого количества информации,и обучающийся представлен в данной концепции в виде некоей емкости, ящика, в который загружается информация. Эта концепция рассматривается авторами осуществляемой реформы образования как бесспорный подход, справедливый для всех уровней образования – как общего среднего, так и высшего профессионального. В связи с этим в основе образовательного процесса оказывается формирование определенных компетенций, а контроль качества образования основан на проверке наличия остаточных знаний в рамках соответствующих компетенций. Данная концепция оспаривается другим

подходом, популярным в советской социологии в 1970-80-е гг., согласно которому процесс обучения заключается в формировании у обучающегося определенной культуры, соответствующей данному обществу, «культурного наследия» этого общества. В рамках общего образования речь идет о передаче обучаемому совокупности знаний, навыков, представлений, социальных установок, правил поведения, принятых в обществе. Таким образом, средняя школа – это важнейший институт социализации подрастающего поколения. Профессиональное образование заключается в том, что студент обретает в стенах вуза определенный тип профессиональной культуры и способность профессионального совершенствования в недрах этой обретенной культуры.

Важность системы образования в жизни общества подтверждается и тем обстоятельством, что эта система периодически подвергается реформированию. В послевоенном Советском Союзе реформа школы была осуществлена в 1958-1964 гг. Основанием для этой реформы стала речь Н.С. Хрущёва на XIII съезде ВЛКСМ в апреле 1958 г., где отмечалась необходимость укрепления связи школы с жизнью. В школе был введен одиннадцатый класс, а ученики, начиная с восьмого класса, осваивали рабочую профессию параллельно с получением общего среднего образования. В силу того, что выпускники школы реально не получали рабочей профессии, а период обучения удлинился (и ухудшился), уже в 1966 г., после отстранения Хрущева от должности, реформа была отменена, как и многие другие реформы, отмеченные печатью «хрущевского волюнтаризма».

Принципиально иным содержанием были наполнены реформы системы образования в период руководства отраслью Г.А. Ягодиным. «Министр Ягодин обладал просто талантом реформатора. Его рассуждения о реформаторе были крылатыми: «Мне надо поставить проблему. А вот дальше я должен найти недовольного доцента в мятом пиджаке, который знает, как решить эту проблему. Надо дать ему денег и власть. И проблема будет решена». Вокруг Геннадия Алексеевича просто роились эти доценты в мятых пиджаках. …Это была осмысленная деятельность, позволившая в кратчайшие сроки создать принципиально новую систему образования в стране:

- образовательные учреждения обрели свободу, была уменьшена тотальность и жесткость регламентирования их деятельности;
- школа стала двигаться по пути вариативности, многомерности, направленной на развитие личностей школьников, которые были просто разными от рождения;
- вузы стали обретать автономность;
- республики и регионы обрели право на реализацию национальных культурных, исторических и языковых программ;

- в вузах ректоры стали выбираться, а не назначаться;
- в системе образования стали появляться европейские черты гуманитарного и социального образования (стали открываться факультеты социологии, появились социальные кафедры немарксистского направления);
- стала формироваться система государственно-общественного управления (проведены съезды педагогов страны, студентов, регулярными стали измерения общественного мнения, образовательные учреждения стали создавать общественные советы)» [7, с. 8-9].

К последнему пункту тезисов следует добавить, что измерения общественного мнения при Ягодине стали не просто регулярными, но постоянными, построенными на системном анализе ситуации в отрасли. В основу этой работы была положена научно-исследовательская программа «Общественное мнение», осуществлявшая плановые социологические замеры в организациях системы народного образования. Эта программа действовала как распределенный научно-исследовательский институт, сотрудниками которого являлись социологи из 85 вузов страны[1].

Нынешняя реформа во много противоположна содержанию и духу реформы 1985-1991 гг. Так, обретение образовательными учреждениями свободы сменилась ужесточением регламентирования деятельности вузов. Интенсивно утрачиваются элементы общественного управления вузами и отраслью, произошла отмена оценки преподавателей студентами вузов. Вместо вариативности, многомерности развития школы она стала двигаться в направлении унификации, единообразия, регламентации. Вузы стали утрачивать автономность, укрупняться за счет слияния и поглощения. Выборность ректоров вузов постепенно заменяется их назначением. Принципом организации работы системы образования стала унификация ее деятельности на основе жесткого централизованного управления и обширной отчетности. В этом данная реформа повторяет волюнтаристский подход Н.С. Хрущева, для которого излишним был учет общественного мнения, хотя в те времена отечественная социология уже делала первые робкие шаги. Но сегодня социология обладает достаточным опытом и развитым аппаратом социального анализа. Более того, сегодня можно осуществить адекватный социологический анализ содержания отзывов о протекающей реформе.

Особенно активно академическая общественность обсуждает ЕГЭ. «Введение в массовую педагогическую практику Единого Государственного Экзамена является вполне понятным политическим, т.е. и идеологическим

[1] Некоторые результаты работы программы можно увидеть на сайте Программы «Общественное мнение» Гособразования СССР (http://sovso.nisoc.ru/index.html). Программа, являвшаяся своего рода подразделением Госкомитета СССР по народному образованию, прекратила свою работу после распада Советского Союза.

актом: формальность знаний начинает доминировать над их смыслами, выветривая из школьной практики гуманистическое системное наполнение образования, позволяющее не только знать что-либо, но и понимать» [1, с. 47]. Ученые-преподаватели вузов категорически не соглашаются с тем, что ЕГЭ позволяет повышать качество образования. «Я, как еще и профессор с более чем 25-летним стажем …на собственном опыте и общаясь с профессурой других вузов страны (в том числе федеральных и национальных), могу констатировать, что уровень знаний абитуриентов биологических факультетов с момента введения ЕГЭ заметно понизился и в вузах уходит по 1,5-2 года (!) на то, чтобы как-то «подтянуть» сегодняшних студентов до того уровня, когда я имел дело со студентами 90-х гг. Думаю, что то же самое можно сказать и про другие специальности. А как естествоиспытатель, посвятивший всю свою жизнь науке, мне грустно наблюдать утерю целым поколением навыков логического мышления» [8, с. 14]. Приход в вузы крайне неподготовленных абитуриентов приводит к тому, что студенты утрачивают интерес к учебе и научной деятельности: «…у студентов в процессе обучения наблюдается снижение интереса к учебе. Ситуация с интересом к научной деятельности также выглядит неутешительно. Несмотря на то, что опыт участия в исследованиях, конференциях и т.п. растет, интерес ко всему этому падает» [9, с. 607]. Недостатки ЕГЭ признает и нынешний министр образования: «Я считаю, что социально значимые вузы должны иметь письменный экзамен. Сейчас у нас весь первый семестр идет доучивание по разным программам школы. Медицинские, инженерные и все другие вузы обязательно должны иметь письменный экзамен, — заявила Ольга Васильева во время дискуссии с финалистами конкурса «Учитель года России-2016» [10]. Но остается открытым вопрос о том, как письменный экзамен сможет компенсировать издержки системы ЕГЭ, которая вынуждает учителей выпускных классов натаскивать учеников на правильные ответы единого экзамена.

По мнению многих публицистов и мыслителей, ситуация с процессом реформирования и, в частности, с системой ЕГЭ не является делом только и исключительно системы образования и связана с вопросами национальной безопасности. «В отличие от системы ЕГЭ, образование советского типа при очень небольших ресурсах заставляло подростков думать. На этом-то мы и выезжали в трудные времена: выиграли войну, запустили человека в космос и так далее. …В то время как мы не можем, оказавшись в весьма непростой ситуации, выбраться из нее на посредственностях. А ЕГЭ их как раз формирует. Это в какой-то мере антиестесственный отбор, в то время как экзамен, напротив, должен выявлять самых талантливых, одаренных и нестандартно мыслящих учеников. Делая ставку исключительно на зубрежку и память, мы

лишаемся того, что можно назвать интеллектуальной элитой, причем представляющей весь народ и все слои общества» [11]. Но ни ученые, ни депутаты Госдумы не могут убедить министра образования и науки отменить ЕГЭ: «Это очень хороший социальный трамплин или лифт для всех, – заявила Васильева, добавив, что реформа, конечно, нужна» [10].

Представление о ЕГЭ, как о социальном лифте является наиболее существенным доводом в пользу ЕГЭ бывшего министра образования В.М. Филиппова, ввергнувшего систему образования в болонский процесс. Он и сегодня уверен, что ЕГЭ – это единственный гарант решения проблемы доступности столичных вузов для молодых людей из дальней периферии: «Другого варианта нет, если мы хотим решить проблему доступности. Для такой огромной страны, как наша, это надо было ввести раньше, чем это сделали маленькие Германия и Франция. У нас одна Якутия равна по территории четырем Франциям, рядом Красноярский край – пять Франций, а мы заставляли детей ехать в Москву сдавать экзамены» [12]. На возражение о том, что ЕГЭ вымывает из регионов талантливых ребят, Филиппов отвечает, что это не проблема ЕГЭ, а проблема региональных властей, которые должны создать в своих регионах привлекательные условия жизни. «Руководство страны им так и отвечает: создавайте у себя условия, чтобы дети возвращались. Но большинство способных ребят из лучших школ регионов с высокими баллами поступают в хорошие московские вузы, в тот же МГИМО. В МГУ поступает очень много ребят из регионов, и они не возвращаются обратно» [12]. Проблему вымывания молодежи из провинции и периферии в крупные города усугубляется снижением подпитки регионов молодыми кадрами, в результате чего «малые города обескровливаются и движутся к упадку. …Как это ни парадоксально, американцы, с которых наши чиновники часто «делают кальку», несколько лет тому назад осознали это и 9 августа 2007 г. вступил в силу … Закон о конкурентоспособности США – COMPETES Act), в 2009 г. был принят Закон о восстановлении американской экономики и реинвестировании (American Recovery and Reinvestment Act, ARRA). В соответствии с первым из них, для повышения конкурентоспособности США основной упор в науке и образовании делается на регионы; благодаря второму закону увеличились расходы на образование и проведение НИОКР. …А потому, в соответствии со школьными правилами, если и списывать, то лучше у отличников и «с головой»… [8, с. 14-15]. Необходимость поддержки и развития малых городов и поселений особенно актуальна для России в силу того, что именно в малых городах и селах рождаемость традиционно выше, чем в мегаполисах и городах-миллионниках. К тому же именно в консервативной российской глубинке сохраняются национальные традиции. Переезжая в крупные города, молодые

люди усваивают стиль жизни этих городов, одним из аспектов которого является ограничения размера семьи. При этом школа в селе является важным фактором его развития.

В силу того, что «система образования России движется в направлении методологии образовательных услуг и потому деградирует. Учитель перестает быть наставником, воспитателем и низведен до уровня подателя уроков, он становится транслятором, а не развивающим субъектом» [13, с. 44]. Такое положение работника системы образования порождает ощущение пессимизма: «Так, по результатам социологического исследования, осуществленного в 2013 г., лишь 16% учителей демонстрируют удовлетворенность ходом реформы системы образования, примерно столько же ушли от оценки, а остальные отмечают более или менее высокий уровень неудовлетворенности результатами и ходом реформы. Наибольший разрыв между критиками и сторонниками реформы наблюдается в оценке таких тезисов, как «Вследствие реформы образования происходит снижение уровня знаний и общей культуры школьников», «Современные дети не знают элементарных вещей, не читают книг, разучились думать», с которыми активно соглашаются противники реформы и не соглашаются её сторонники» [14, с. 523]. «Неудовлетворенность ходом и результатами реформы порождает неудовлетворенность учителей и своей деятельностью на ниве образования, и хотя они не испытывают настроений катастрофизма, однако и свое положение, и ситуацию в системе образования оценивают весьма пессимистично» [15, с. 108]. Эта ситуация в последние годы усугубляется: «Учителя избегают называть положение учительства хорошим и надежным и считают, что общество в долгу перед ними. Большинство считает положение учительства либо удовлетворительным, либо тяжелым, а не менее десятой части – даже бедственным» [13, с. 59].

Бедственность положения учительства во многом связана с тем, что педагоги утрачивают профессиональные ориентиры. Они отмечают, что современная система образования усиливает в учениках тенденции потребительской психологии, порождающей социальную пассивность, ожидание везения, случайного успеха. Эта пассивность во многом стимулируется и системой тестов, где можно угадать, подсмотреть, не работая. Многие дети сидят в ожидании такого случайного успеха. «Такая пассивность для многих ребят старших классов связана с их ориентацией на конкретные ЕГЭ. Остальные предметы им не нужны, и ученики вытягивают их по минимуму. По этим предметам дети вообще не работают» [15, с. 79]. Учителя в этих условиях вынуждены поощрять детей за минимальные успехи, которые в прежние годы рассматривались как неуспех, провал. А это вызывает у них ощущение собственной ненужности, связанной с необходимостью имитировать

профессиональную деятельность. Такую имитацию учителя видят и в том, что их работа все более переходит из педагогической плоскости в бюрократическую, когда приходится выполнять очень много бумажной работы и им не остаётся временим на общение с детьми – на выполнение реальных педагогических действий. Поэтому «профессия учителя становится все менее привлекательной. Люди с большим стажем работы, сравнивая нынешнюю ситуацию в профессии с прежними временами, отмечают, что молодежь неохотно идет в школу …потому что очень мало платят и много требуют. Столько бумаг! Просто не представляете. …Профессиональная база современной школы – учителя с большим стажем, но и они с нетерпением ждут пенсии, и это нетерпение связано с испытываемым ими дискомфортом» [15, с. 81]. Этот дискомфорт связан с процессом психологического выгорания, причина которого заключается в комплексе факторов, оказывающих давление на учителя. Эти факторы связаны не только с проблемами реформирования, но и с новыми отношениями в обществе, новым отношением общества к учителю (в первую очередь в лице родителей). Но наиболее важными факторами в этом комплексе являются факторы, порожденные процессами реформ, и учителя нередко считают реформирование просчетами государственной политики: «К учителям многие относятся уважительно. Но политика государства направлена на то, чтобы снизить статус учителя, даже раздавить в какой-то степени. Все идет к развалу школы, и отсюда все проблемы. Если учителя не начнут опять превозносить, то скоро все развалится» [15, с. 82].

Учителя подчас соглашаются с тем, что система образования нуждается в реформировании, однако их особенно раздражает нарастание бюрократизации в школьной системе, и причину этого они видят в том, что в системе управления местными органами образования (с которыми им приходится взаимодействовать) слишком много некомпетентных людей. Это представление экстраполируется и на всю систему управления, где очевидно «…есть люди, очень далекие от педагогики. Поэтому в нашем главном министерстве есть люди, которые в школе ни разу не работали. По некоторым нашим законодательным актам и той политике, которая ведется в школе, такое ощущение, что люди к школе близко не подходили» [15, с. 82]. В этой связи учителей раздражает наличие многочисленных форм контроля со стороны вышестоящих организаций, увеличение числа разнообразных проверок, которые на некоторых учителей производят впечатление тотального контроля школ [15, с. 92]. При этом у учителей немало претензий к системе аттестации педагога. Эта система рассматривает учителя не как педагога, профессионала-воспитателя, наставника, а как носителя неких компетенций. При этом школа удалена из системы аттестации. «Учитель для подтверждения своего уровня, для получения более высокой категории должен показать знания и навыки в

разных областях, подчас не связанных ни с предметом преподавания, ни с педагогикой. А его авторитет, роль и место в жизни школы совсем не учитывается» [15, с. 84].

Многие учителя с ностальгией вспоминают прежнюю школу, которая выполняла более широкой спектр задач, и, в частности, в старой школе большое значение имела воспитательная функция [15, с. 106]. В некоторых школах эта функция продолжает выполняться, но это связано не с тем, что она предусмотрена в новых регламентных документах, а с тем, что некоторые педагогические коллективы сохраняют необходимый комплекс педагогических приемов, хотя вынуждены делать это вопреки системным требованиям нормативных документов. По мнению многих учителей, роль учителя в школе заключается, прежде всего, в воспитании полноценной личности, но возможностей для выполнения этих задач у педагога все меньше. Реформированная школа ставит перед педагогами другие, новые задачи, подчас не очень понятные учителю. В этой связи они отмечают, что сохранение особо важных характеристик национальной российской школы нередко становится личным делом небольших групп наиболее ответственных учителей, которые считают своим моральным долгом сохранять и развивать педагогические традиции и установки учителей-новаторов. Именно об этом говорил Президент РФ участникам Всемирного Форума Молодежи и Студентов: «Чем бы мы ни занимались, мы никогда не должны забывать про нравственные и этические основы нашего дела. Всё, что мы делаем, должно идти на пользу людям, укреплять человека, а не разрушать его. Я именно этого и хочу вам пожелать» [16].

Список литературы

1. Овсянников А.А. Единый Государственный Экзамен: кто и как его сдал // Народонаселение. 2010. № 2. С. 46-66.
2. Моисеев Н.Н. Проблемы образования // Труды Н.Н. Моисеева по вопросам современного образования. М.: МНЭПУ, 2012. С. 134-137.
3. Kneller G.F. Introduction to the Philosophy of Education. N. Y.: John Wiley and Sons, 1971. 128 p.
4. Война, которую выиграл прусский учитель // LivePark.pro. Блог Вячеслава Державина, 19.10.2011 [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://livepark.pro/personal/derzhavin/6235 (дата обращения: 25.10.2017).
5. Моисеев Н.Н. Система «учитель» и современная экологическая обстановка // Труды Н.Н. Моисеева по вопросам современного образования. – М.: МНЭПУ, 2012. С. 58-66.
6. Педагогика школы. М.: Просвещение, 1977. 383 с.
7. Овсянников А.А. Уроки профессора Ягодина // Речь на 85-летнем юбилее Г.А. Ягодина. Рукопись [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://sovso.nisoc.ru/dokum/rech_na_jubilej.pdf (дата обращения: 25.10.2017).

8. Розенберг Г. РАН, ФАНО, ВАК, WoS, ХИРШ и другие буквосочетания, или что принесла «перестройка» фундаментальной науки и образования?.. // Акценты. Альманах. Выпуск 5-6 (148-149). 2017. С. 5-77.

9. Зернов Д.В., Ушакова Я.В. Студенты об учебном процессе и научной деятельности. // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под ред. проф. З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород. Изд. НИСОЦ, 2014. С. 603-607.

10. Министр образования рассказала о будущем ЕГЭ // ИА News. Режим доступа: https://ianews.ru/articles/87949/ (дата обращения: 25.10.2017).

11. Кара-Мурза С. Система ЕГЭ является контрпродуктивной // Русская народная линия. 2011. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2011/09/22/ (дата обращения: 25.10.2017).

12. «У наших учителей дрожат руки». Режим доступа: Lenta.ru, 6 июня 2016. https://lenta.ru/articles/2016/06/06/filippov/ (дата обращения: 25.10.2017).

13. Зернов Д.В., Иудин А.А., Овсянников А.А. Социальные ориентиры и самочувствие российского учительства // Народонаселение.2014. №4. С.43-60.

14. Иудин А.А. Реформа образования и профессиональные стратегии учительства. // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под ред. проф. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород. Изд-во: НИСОЦ, 2014. С. 522-531.

15. Иудин А.А., Ковшова Е.С. Реформы и социальное самочувствие российского учителя // Социальные преобразования и социальные проблемы Сборник научных трудов Вып. 15. Н. Новгород, 2015. С. 77-109.

16. Сердечнов А. Путин призвал помнить о нравственности и этике в выбранной профессии // Известия, 21 октября, 2017. Режим доступа: https://iz.ru/661487/2017-10-21/putin-prizval-pomnit-o-nravstvennocti-i-etike-v-vybrannoi-professii (дата обращения: 25.10.2017).

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ В МОДЕЛИ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЕГО НАЛИЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА

PERSONIFICATION IN THE MODEL OF THE EVOLUTION OF POLITICAL LEADERSHIP AS THE MANIFESTATION OF ITS CAPITAL POTENTIAL

М.А. Казаков
Национальный исследовательский
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
M.A. Kazakov
Lobachevsky University

Персонификация как тенденция современного политического лидерства – признак нормального функционирования феномена, поскольку в существенной степени «скрепляет» социальную реальность в нужном виде. Спрогнозировать преимущества и проблемы, что могут возникнуть при ее адаптации в конфликтной среде политики, – задача исследователей и экспертов.

Personalization as a trend of modern political leadership is a sign of the normal functioning of the phenomenon, since it essentially "binds" social reality in the right kind. To forecast the advantages and problems that can arise when it is adapted in the conflict environment of politics – the task of researchers and experts

Ключевые слова: персонификация, потенциал, модель эволюции политического лидерства, государственное управление

Keywords: personification, potential, model of evolution of political leadership, public administration

Для уточнения специфики активности ведущих субъектов политики наряду с иными параметрами изучения используется такая характеристика их политического действия/взаимодействия, как *потенциал*, что основывается сегодня на комплексе предпосылок и условий развития, чем физиологической природе. Потенциал политического лидерства, прежде всего, зависит от его состава с учетом некоего преобладания ныне индивидуального компонента над коллективным в виде партий, (само)организованности, мобилизованности и *не-традиционности* в воздействии на Человека с целью сознательности и результативности его деятельности посредством, в идеале, приоритета *гуманитарных средств*. Причем в той их форме, что отражает способность строя (режима) справляться с самоопределением своих перспектив настолько, насколько он оказывается самовоспроизводящейся общественной системой.

Это репрезентативный образ подобающего порядка, чья успешность требует от обычных людей «огромной выносливости», «экономическая деятельность» является «анти-героической» [1, с. 179], а от лидеров как носителей мировоззренческих позиций и ценностей в политике – сброса личин и масок на их ликах – *персонификации*. Социокультурный контекст, логика и смена акцентов внутри этой потребности и олицетворяющего ее тренда на Западе и России различны. Но при размытости контуров будущего мироустройства новации лучше улавливать и адаптировать в стратегиях, что является общим моментом, чем пускать «на самотек» или использовать своекорыстно. Это представляет собой тупиковый путь эволюции, явный в деятельности определенных элит, нуждающихся для своего статус-кво и маскировки намерений в «фабрикации» предпочтений «некомпетентной публики» (*У. Липман, 2004*) посредством тиражируемого имиджа.

В российской практике нечто подобное предстало в понимании вызовов модернизации и варианта ответа на них в 2008-2011 гг., во многом «замкнутого» на персонализацию одной фигуры. Это усложнило решение вопросов со-творчества властей и граждан в процессах модернизации. Условия для сохранения и развития *человеческого потенциала* вновь оказались больше

риторикой, чем социальной политикой, что при явных признаках кризиса уже в 2012 г. пополнилось сомнениями «верхов» в его реальности. Исходя из этого, в попытке научного обеспечения «правильной» активизации наших лидеров предлагается своего рода комплексный подход *к ходу развития* самого объекта. Он состоит из *общего* – в его основе лежит сочетание категорий *объективной* и *субъективной реальности,* их *событийности* как охватывающей разные стороны развития феномена формы единства. И *особенного* – понимания и принятия кризисных тенденций, готовности ведущих быть им адекватными, что и обеспечивает появление возможностей уточнять и реализовывать интересы страны, соответствующие реальности.

Политическое лидерство существует в многообразии измерений и на разных уровнях социального пространства, имея сложную структуру организации и отношений, «венчает» политическую систему РФ. Оно персонифицирует власть, озадачено моделированием действительности с целью создания условий институционализации современного нации-государства и общества модерна, поднимая его сознание до уровня своих ценностей и отвечая на запросы ожидаемыми действиями, проводит стратегическую линию в стране. Эффективность данной системы измеряется тем, как лидеры – носители типов управленческого стиля осознают и выполняют за счет обладания решающими полномочиями в процессе принятия решений в масштабе государства (региона, партии) свои политические роли и социальные функции. Они упорядочивают как их деятельность, что может быть понято через разнообразие действий субъекта, участвующего в достижении, упрочении и удержании власти, так и, будучи способами, формами бытия лидерства как института власти, определяют характер деятельности других управленческих структур. В этом смысле политическое лидерство характеризуют не только персональные качества субъекта, а главным образом его отношения с населением и государством, подверженные рискам функциональности, импульсам извне. В организационно-технологическом контуре их оформления, *развития* современное лидерство обретает инновационные черты, становясь инициирующим элементом элиты [2, с. 371].

Из ключевых аспектов такого понятия особое значение имеют те, что связаны с процессом персонификации. Представление «не каждый человек – личность» рождало в древности героическое видение царей и полководцев, позже сакрализацию монархов и вождей, что при отсутствии реальных правовых рычагов контроля деятельности генсеков и президентов до сих пор сохраняет за вождизмом право считаться сущностью персонифицированной власти. Оно служит оправданием манипулятивных практик в политике, когда последняя как форма определяет содержание, а его развитие в лидерстве при

одних культурных обстоятельствах проявляется пафосом спонтанного процесса власти как правления, при других – фабрикацией с заданными качествами. Из-за метаморфоз правления, некомпетентности элит в контексте ограниченных возможностях общества системы проявляют признаки нестабильности при реализации антикризисных мер, что принимаются «вдобавок» обычно без анализа альтернативных последствий и публичного обсуждения.

В этом ракурсе выработка концепции персонификации лидерства – путь интеллектуальной борьбы в различении ее собственного содержания и эволюции лидерства при интерпретации развития как всеобщего принципа существования мира (политики) и человека. Это стало возможным в последние десятилетия с учетом в объяснительных учеными моделях мира влияния культуры, информации и коммуникационных процессов. В их числе и усиление личностного начала в структуре современной власти, что, отражая изменения в социальной среде, сделало актуализацию *персонификации* (с акцентом на «персоне – личности», «лике – лице», «fasere – делать») востребованной. А ее отличие – стремление человека быть *самим собой* в соотношении с действиями лидеров – специфической стороной политической реальности.

В персонификации как таковой происходит рост *индивидуации* человека – *связи личности с самостью, высокими идеалами – Богом* (*К. Юнг*) [3, с. 298, 314], ослабление противостояния персоны и тени в личности человека, отказ от ее фасадов. Протекающий по восходящей линии процесс персонификации усиливает интегрированность личностных структур. Увеличивает степень *позитивности, эмпатичности* и *конгруэнтности* человека (*К. Роджерс*) [4, с. 156-160], что и являются ее параметрами. Включенные же в процессы лидерства они позволяют ведущим полнее реализовывать свой потенциал. Это нужно анализировать с позиций социологии и политологии одновременно с процессом превращения политики под влиянием объективных структурных сдвигов в одну их сфер самореализации личности. А лидера как индивида – в самостоятельно мыслящего и действующего субъекта политического процесса, сравнительно свободного при *больших возможностях сообщества* от ограничений замкнутых элитных групп. Чем они полнее, тем большую власть оно способно делегировать на верхние этажи политической системы.

Структура любого человеческого сообщества описывается через понятия *связи* и *отношения*. Но какую бы совокупность из них в соотнесении с реально действующим субъектом мы ни рассматривали, в каком измерении ни анализировали, всюду видим проявление политических *отношений* как соотнесение двух и более акторов по выбранному основанию, *связей*, характеризующих их взаимозависимость и *интересов*, как то самое основание данных отношений. Политический интерес детерминирован иерархией

социальных статусов, выражается в стремлении к утверждению приоритета общности, реализуется через субъект-объектное отношение, каковым на этом уровне и является политическое лидерство. Лидеры – не только носители этих связей, но и динамики их преобразований в систему предметных отношений, где изменение одних есть причина перемен других, чем собственно они воплощают собой и очаги, и пределы этих изменений.

В первом случае как ведущие, они «тот социокритический интеллектуальный страт, благодаря которому зажигается факел прогресса, магнетически притягивающий взоры людей к себе, организуя их на конкретные исторические деяния» [5, с. 77]. Причем, как заметил В.О. Ключевский, одни заводят, а другие выводят их на покинутую временно историческую прямую при опасности «проскакивания развилок» и сегодня. Своевременное определение таких путей, связанных с ними общественных изменений, проявляющихся в установках лидеров и населения на принятие тех или иных ценностей в готовности идти в направлении реформ, оказывается сопряженным с изучением лидерства как *субъекта выбора и трансформации*.

Понимание *неопределенностей*, возникающих в разных областях общества, недопущение их концентрации на практике путем снижения до уровня, обеспечивающего его функциональные потребности, требует от лидеров сбалансированного выбора хода реформ и собственной институционализации. Где неопределенность – это и отсутствие *информации* о ситуации в целом, а также факторах, оказывающих влияние на ее возможное развитие, и *неспособность* ведущих делать неконъюнктурный выбор между равнозначными альтернативами вследствие неосознанности потребностей и мотивов поведения, ожиданий социума. Учитывая это, персонификация выступает удобной аналитической категорией, подходящей к описанию процессов выбора и принятия решений лидером.

Для первичного обоснования лучше обратиться к классике психологии или определению личности как совокупности мотивационных отношений (МО), где в зависимости от их типа в ней могут складываться как внешние (аффективно и когнитивно акцентированные), так и внутренние (гармоничные) мотивации. Так, зоны аффективно акцентированных МО К. Юнг обозначил термином «*тень*». «Под тенью я имею «негативную» сторону личности, сумму всех тех неприятных качеств, которые мы склонны скрывать, наряду с недостаточно развитыми функциями и содержанием личного бессознательного». …Тень есть не имеющий ценности и потому вытесненный сильным противодействием момент личности» [6, с. 90].

Зоны когнитивно закрепленных МО К. Юнг обозначил термином «*персона*». «Персона есть сложная система отношений между индивидуальным

сознанием и социальностью, удобный вид маски, рассчитанный на то, чтобы, с одной стороны, производить на других определенное впечатление, а с другой – скрывать истинную природу индивидуума» [6, с. 258]. Зоны *гармоничных мотивированных отношений* можно назвать «*ликом*» человека. При том, что в целом эмпирическая личность представляет собой *дезинтегрированную* (по определению) совокупность *персон, тени* и *лика.* Тип образования (социализации) по отношению к ней оказывается формой, в которой осуществляется и результируется процесс развития, он же задает и общее направление становлению «субъектности».

В таком качестве человек вступает в сферу межличностных, а затем и социальных коммуникаций, где по-разному сохраняет или отказывается от своего универсального лика, вырабатывает личностную «оболочку», что складывается преимущественно из персоны/тени и функционирует в логике фиксированных ценностных систем. *Персонализация* на этой стадии есть возможность стать личностью в общественной жизни. *Персонификация* с акцентом на саморазвитии связана с формированием субъективно-психологических качеств автономного актора политики.

Основными механизмами его эволюции являются процессы рефлексии, подражания и адаптации. Посредством рефлексии человек превращает общее содержание в индивидуальную способность, посредством подражания – осваивает культурные образцы и нормы поведения. «Все люди, включенные в какое-либо поле, имеют некоторое количество общих базовых интересов, а именно: интересов, связанных с самим существованием этого поля, – писал П. Бурдье, – отсюда, – объективное согласие, которое выше всякого антагонизма» [7, p. 115]. Функции и составляющие механизма адаптации политического класса изучены в элитологии. Способность лидеров удерживать свои позиции в обществе также тесно связана с проблемой легитимации, что стимулирует совместное развитие их адаптационного ресурса.

Его потенциал, напомним, накапливается за счет совмещения управленцами высшего ранга различных функций за пределами своей компетенции и материализуется в системе институтов, созданных элитой, обеспечивающей рекрутирование в ее ряды и легитимацию. Сопряженная работа трех механизмов, как следствие, обеспечивает преемственность поколений элиты, а вот в оценке подобной линии в лидерстве наука сегодня проявляет больше стремления встать на сторону электората, чем идти на поводу элит. Это закономерная реакция экспертного сообщества на нарастание значения имитационных стратегий и тактик в политике вообще, и в ее отечественном варианте в частности, что ставит перед обществом и учеными принципиальный вопрос о смысле современной демократической политики.

Вне ответа на него процесс эволюции российского политического лидерства, осознающего, что оно «является властью, осуществляемой «сверху вниз» [8, с. 5] – пример его неразрывной связи с феноменом власти. Она выражается в том, что структура этого лидерства не только шире иных его форм. Создает определенный образ власти и общественного устройства, системы знаний и правил в нем. Но и, будучи сплавом ценностей, установок, необходимых для внутреннего согласования интересов и самоорганизации, есть *специфический тип отношения между субъектом и объектом,* соответствующий ему *род (качество) власти.* Проявляющих себя через деятельность персон и группы, находящихся на верху социальной иерархии и готовых в достижении целей, важных для себя и других, к удержанию своих доминирующих позиций в обществе.

Персонификация в таком формате – аналитическая категория и тест на эту готовность, а как тенденция современного политического лидерства – признак нормального, полноценного функционирования явления. Подобно тому, как рост профессионализма в среде управляющих обеспечивает позитивную динамику по целевым объектам политики, так и персонификация, сопряженная с мотивацией эту динамику наращивать, что ныне невозможно без публичной политики, работает на ответственное управление кризисами. Таким образом, в своей совокупности новые тенденции лидерства, что в зависимости от активизации тех или иных внешних или внутренних факторов могут изменяться, становятся драйвером концептуализации феномена как «элемента стратегического прогнозирования» [9, с. 122]. В свою очередь, это весомый залог адекватности потенциала государственного управления в стране.

Список литературы

1. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 184 с.
2. Казаков М.А. Современное политическое лидерство России: логика и зигзаги эволюции // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. № 1-1 (1). 2014. С. 371-376.
3. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс,1994.336с.
4. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 480 с.
5. Шепель В.М. Человековедческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. М.: Народное образование, 1999. 431 с.
6. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 317 с.
7. Bourdieu P. Quelques proprieties des champs // Bourdieu P. Questions de sociologie. Paris: Minuit, 1981. 170 p.

8. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу / Пер. с англ. Г.М. Квашнина. М.: РАУ, 1992. 135 с.
9. Сургуладзе В. Психологический фактор во внешней политике как элемент стратегического прогнозирования // Международная жизнь. Ноябрь 2016. С. 122-138.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК РОССИЯН[1]

FOREIGN POLICY AND DOMESTIC COSTS: STUDY OF SOCIAL ATTITUDES OF THE RUSSIANS

И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
I.Yu. Kiselev, A.G. Smirnova
P.G. Demidov Yaroslavl State University

Представлено описание социальных установок россиян на формирование внутриполитических потерь, с которыми может столкнуться лидер, если внешняя политика не получит поддержку граждан. В качестве примеров рассматриваются внешнеполитические решения о присоединении Крыма к России и проведении силами ВКС РФ военной операции в Сирии, направленной на борьбу с терроризмом.

The description of social attitudes of the Russians to the production of domestic costs, which may encounter the political leader if his foreign policy does not find support among the citizens, are presented. As examples the foreign policy decisions about the reintegration of the Crimea with Russia and military counterterrorist operation in Syria are considered.

Ключевые слова: внешняя политика, выборы, внутриполитические потери, лидер

Keywords: foreign policy, elections, domestic costs, leader

Опросы общественного мнения фиксируют устойчивый интерес россиян к проблемам внешней политики. По данным Фонда «Общественное мнение» за январь 2017 г., 58% опрошенных следят за внешней политикой России [1]. Отмеченный факт требует осмысления с точки зрения того, как интерес к внешней политике способствует превращению воспринятых россиянами результатов внешнеполитических решений в критерий оценки деятельности политических лидеров и основание для формирования *внутриполитических потерь*. В качестве таковых, по мнению А. Минца – автора теории

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Проблема отсутствия поддержки внешнеполитического курса как фактор формирования внутриполитических потерь лидера: экспериментальное исследование», проект № 15-03-00455.

полиэвристического выбора в политической сфере, выступают: угроза политической карьере лидера; существенное снижение уровня общественной поддержки проводимой политики и популярности политика; возможность проиграть выборы; появление внутриполитической оппозиции; угроза существованию политического режима и другие внутриполитические последствия [2].

Можно предположить, что субъективно оцениваемые гражданами успехи и неудачи на внешнеполитическом направлении влияют на их готовность отказать политикам в поддержке в ходе выборов и появление других внутриполитических потерь.

Процедура исследования

Проверим сформулированное предположение на примере результатов авторского социологического исследования, проведенного в два этапа.

В ходе *первого этапа* респондентам предложены описания результатов проведенной внешней политики, с точки зрения соотношения выигрышей и потерь в области обеспечения безопасности, экономического благополучия, поддержания национальной идентичности и влияния на международной арене. В описаниях ситуаций не использовались названия стран и имена политических лидеров. Это позволило исключить из рассмотрения факторы, связанные с отношением к политическим фигурам или событиям, и проанализировать в «чистом виде» влияние выигрышей и потерь в разных сферах национальных интересов на готовность граждан поддержать внешнюю политику. После ознакомления с описанием респонденты отвечали на вопросы, позволяющие выявить установки на совершение действий, которые связаны с потерями для лидера (отказ поддержать политика на выборах, протестные действия, требования отставки). Кроме того, заданы вопросы, позволяющие выявить приоритетные, с точки зрения респондентов, национальные интересы, которым должен соответствовать внешнеполитический курс. Объем выборки исследования составил 1050 человек.

В ходе *второго этапа* респонденты отвечали на вопросы относительно конкретных примеров внешнеполитических решений: присоединение Крыма к России, проведение силами ВКС РФ военной операции в Сирии. Объем выборочной совокупности составил 450 человек.

Полученные результаты

В рамках *первого этапа* установлено, что все группы интересов почти в равной степени важны для респондентов в качестве основания для оценки внешнеполитической деятельности. Вместе с тем, могут быть выделены интересы, важность которых оценена респондентами как наивысшая: безопасность граждан, национальная безопасность, экономическое

благополучие граждан, развитие национальной экономики и укрепление авторитета страны в мире.

Неудачи в реализации разных категорий интересов связаны с возможностью возникновения внутриполитических потерь. Согласно полученным результатам, по мнению респондентов, политик вероятней всего лишится поддержки избирателей (Me = 3, Mo = 5). Респондентам предлагалось оценить возможность наступления последствий по 5 балльной шкале, где 5 – самая высокая возможность наступления последствия, а 1 – самая низкая возможность. Кроме того, опрошенные полагают, что политик также может столкнуться с акциями протеста (Me = 3; Mo = 3). Далее в порядке убывания возможности наступления последствий упоминаются: отставка (Me = 2; Mo = 1) и отсутствие каких бы то ни было последствий (Me = 1; Mo = 1).

Таким образом, респонденты убеждены, что те или иные последствия непременно должны наступить, если политик реализует внешнеполитический курс, который расходится с ожиданиями граждан. При этом предпочтение отдано выборам. Основанием для отказа в электоральной поддержке выступает восприятие внешнеполитического курса как сопряженного преимущественно с потерями, прежде всего, в области обеспечения безопасности и экономического благополучия.

Сделанные выводы уточнены в ходе *второго этапа* исследования. Так, оценивая последствия решения о *присоединении Крыма к России*, респонденты полагают, что для страны оно принесло больше *выигрышей*, чем потерь (71.7%). В свою очередь, последствия решения для граждан воспринимаются неоднозначно: 51.9% опрошенных отмечают преимущественно выигрыши. Однако при этом 27.2% полагают, что решение принесло в равной степени выигрыши и потери; еще 13.1% респондентов считают, что потерь больше, чем выигрышей.

Отмеченные различия в восприятии последствий для страны и граждан нашли отражение во мнении о том, какие национальные интересы реализованы в результате принятого решения. По мнению респондентов, удалось поддержать национальные ценности и культуру (61.8%), укрепить позиции страны на международной арене (50.8%), обеспечить национальную безопасность (49.7%) и независимость в принятии решений (43.5%). Вместе с тем, в меньшей степени удалось обеспечить безопасность граждан (33.5%) и их экономическое благополучие (19.9%). Однако в целом принятое решение получило поддержку респондентов: 80% опрошенных поддерживают принятое решение по присоединению Крыма к России.

В подобных обстоятельствах граждане не склонны формировать внутриполитические потери. Политический лидер, с деятельностью которого

связано принятие данного решения (95% опрошенных связывают принятие решения с деятельностью В.В. Путина), воспринимается как «упрочивший доверие граждан» (77%), «получивший поддержку избирателей» (83%), «упрочивший авторитет на мировой арене» (73%) и «получивший поддержку оппозиции» (41%).

Иначе респонденты воспринимают последствия решения об *участии ВКС России в операции в Сирии, направленной на борьбу с терроризмом*. Оценивая последствия данного решения, 35% респондентов полагают, что *для страны* оно принесло больше *выигрышей*, чем потерь. Однако 15.9% опрошенных убеждены, что решение связано больше с потерями, чем выигрышами, или только с потерями (8.3%). В свою очередь, по мнению большинства респондентов, *для граждан* решение обернулось преимущественно *потерями* (43.5%).

Представленные оценки согласуются с суждениями респондентов о том, какие национальные интересы удалось реализовать посредством принятого решения. В частности, в качестве *достигнутых результатов* проводимой внешней политики опрошенные отметили: укрепление позиции России на международной арене (57%), сохранение независимости в принятии решений (42%), обеспечение безопасности государств (41%), возможность оказывать влияние на другие страны (32%). При этом, по мнению респондентов, *не удалось* обеспечить экономическое благополучие граждан (54%) и интересы национальной экономики (43%).

Несмотря на неудачи в реализации экономических интересов, решение получило поддержку граждан (50.4%). Более того, 51.7% опрошенных поддерживает решение о продолжении участия в военной операции в Сирии. Вместе с тем, респонденты отмечают и возможность возникновения *внутриполитических потерь*, которые связаны с появлением внешних угроз для страны и политического режима (47.6%), активизацией политической оппозиции (34.5%) и акциями протеста (31%). При этом респонденты не склонны отказывать лидеру в доверии и поддержке в ходе выборов.

Таким образом, субъективно оцениваемые гражданами результаты внешней политики могут стать основанием для установок на формирование внутриполитических потерь, с которыми сталкивается субъект принятия решений.

Список литературы

1. Внешняя политика России и отношения с Европой. Россияне оценивают отношения с Европой и прогнозируют развитие ситуации. 27 января

2017 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://fom.ru/Mir/13178 (дата обращения: 22.06.2017).
2. Mintz A. How do Leaders Make Decisions? A Poliheuristic Perspective // Journal of Conflict Resolution, 2004. Vol. 48. № 1. Pp. 3-13.

ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ФОРМИРОВАНИЕ СПРАВЕДЛИВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

EFFICIENT CONTRACT, OF HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT AND THE ESTABLISHMENT OF FAIR RELATIONS IN PUBLIC HEALTH CARE

Л.М. Мухарямова
Казанский государственный медицинский университет
L.M. Mukharyamova
Kazan State Medical University

Рассмотрены результаты внедрения в отрасль здравоохранения эффективных контрактов в контексте влияния на культуру медицинской организации и внеэкономические стимулы деятельности, развитие человеческого капитала и восприятие отношений с позиций справедливости в коллективах.

The article analyzes the introduction of efficient contract to the health care field in the different contexts: influence to the managerial culture of Medicare institution, non-economic stimulations, human capital resources development and perception in the terms of social justice.

Ключевые слова: справедливость в здравоохранении, оплата труда, эффективный контракт

Keywords: equity in health care, pay, effective contract

Проблемы справедливости в системах оплаты труда имеют множество различных проекций и могут изучаться в исследовательском поле различных наук. Как отмечает И.Ф. Девятко, социологический подход при этом должен быть направлен на выявление и объяснение причин и резонов, определяющих вариативность оценок справедливости в различных контекстах восприятия, необъяснимую с точки зрения формальных экономических моделей [1, с. 23]. Восприятия справедливости различаются в зависимости от уровней социальной организации: представления и оценки на – микро-, мезо- и макроуровнях формируются по-разному. Применительно к коллективам, когда речь идет о группах, реально вовлеченных в совместную деятельность, «действуют как минимум два механизма: один ориентирован на реализацию поощряющего

индивидуальные усилия утилитаристского принципа максимизации среднего дохода, другой – на поддержку минимального «базового» уровня дохода» [1, с. 24]. Эгалитаризм, как отмечает этот автор, является самым непопулярным принципом при всех условиях, когда есть взаимосвязь между индивидуальным вкладом, эффективностью и долей дохода.

Изменения системы оплаты труда в бюджетной сфере начались еще в 2008 г. с началом внедрения, так называемой, «новой системы оплаты труда». Понятие «эффективного контракта» введено программой поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 гг., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 26.11. 2012 № 2190-р. Эффективный контракт – это трудовой договор с работником, в котором конкретизированы должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки. Принципиальная особенность введения эффективных контрактов заключалась в том, что процесс должен был сопровождаться поэтапным повышением оплаты труда врачей до 200% от средней по региону. Таким образом, основная идея эффективного контракта – это поощрение более высоких результатов, стимулирование повышения качества услуг, а не просто повышение размеров оплаты труда.

Исследователи еще в начале процесса указали на возможные латентные функции этой меры. К таким были отнесены недофинансирование других статей расходов в целях «выведения» уровня оплаты труда, дифференциация в уровнях оплаты труда работников и связанное с этим недовольство части работников, сокращение работников в целях обеспечения заданного уровня оплаты труда, отказ в приеме на работу молодых специалистов [2; 3].

Восприятие внедрения эффективных контрактов в контексте справедливости здравоохранения стало одной из задач исследования, проведенного в период с апреля по декабрь 2016 г., методом глубинных интервью с экспертами в области здравоохранения, включая 17 индивидуальных и групповых интервью с экспертами в Республике Татарстан (далее – РТ) и 12 в Республике Марий Эл (далее – РМЭ) – 12 (всего 59 человек). В качестве экспертов выступили ученые, специалисты в области организации здравоохранения, имеющие опыт работы в его структурах различного уровня, а также врачи и представители среднего медицинского персонала. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Справедливость и равенство в здравоохранении: мнение экспертов, дискурс масс медиа и социальные представления пациентов» № 16-03-00579.

Зарубежные и отечественные исследования, проведенные в последние годы, показывают, что для медицинских работников имеют значение как экономические, так и внеэкономические мотивы деятельности [4]. Взаимодействие этих мотивов еще не до конца изучено. Наше исследование показало озабоченность экспертов возможным нивелированием значения внеэкономических, ценностных основ медицинской деятельности. Эксперты подчеркивают, что лучшие клиники формированию корпоративной культуры, основанной на ценностях, уделяют больше внимания, чем дифференциации оплаты. «*Есть такая клиника Мэйо, американская… Ведущая клиника США. По качеству они чуть ли не самые первые. Оценка работы там как устроена? Да ни как! Показатели индикативные? Да никак… В Мэйо ничего этого нет. У них есть просто оценка удовлетворенности… И так решается судьба врача. Не удовлетворён (*пациент – Л.М.*), не работаешь. Удовлетворен – работаешь. Средняя зарплата в клинике Мэйо не выше, чем по Америке по медицинским организациям. И люди идут туда работать, стоят в очереди!»* (профессор, РТ). Проблема создания профессиональных команд, атмосферы сопричастности к принятию решений, снижение административного давления, как показывает исследование, важные темы для врачей. По мнению наших экспертов, эффективный контракт может привести к нарушению принципов сотрудничества, взаимопомощи, корпоративной культуры.

Вторая проблема, на которую обращают внимание все медицинские работники, – это неравномерная и несправедливая оплата труда врачей различных специальностей. Больше всего имеют возможность заработать те специалисты, которые работают на дорогостоящем оборудовании, а меньше всех – хирурги и психиатры. Организаторы здравоохранения подчеркивают, что такая ситуация возможна благодаря самой организации здравоохранения: «*У нас в республике средняя загрузка компьютерного томографа 16 исследований в сутки, хотя есть большое количество томографов, которые делают 75 исследований в сутки… Есть главные врачи, которые берут себе хорошее государственное задание, например, на 50 исследований, а есть главные врачи, которые с удовольствием берут себе 8 исследований на государственное задание, выполняют его за 3 часа, а все остальное (*время – Л.М.*) делают платные услуги…»* (организатор здравоохранения, опыт 45 лет, РТ). Таким образом, сама организация государственного заказа предполагает возможность расширения платных услуг, к которым привлекаются чаще всего врачи диагностических отделений.

Другие эксперты обращают внимание, что в медицине трудно оценить качество работы отдельного специалиста, объективный результат не всегда зависит только от желания и реальной работы врача: «*Если у профессора,*

выполняющего высокотехнологичные сложные операции, самая высокая смертность в отделении – это не свидетельствует о его низкой квалификации. Это говорит о том, что он на себя мужественно берет всех самых тяжелых пациентов» (главный врач, опыт 17 лет, РТ). Такая неоднозначность результатов медицинской деятельности приводит к инерционности процессов материального поощрения: при назначении стимулирующих выплат учитываются не только конкретные показатели, но и позиции специалиста в формальной структуре организации и стаж работы.

Еще одна опасность, связанная с эффективными контрактами, это включение в перечень критериев позиций, отражающих не выполнение врачом профессиональных обязанностей, а соответствие тем требованиям, которые установлены исполнительными органами власти. Эксперты в РТ отмечают, например, практику депремирования руководителей за невыполнение плана оказания платных услуг, отказ населения от социального пакета в пользу монетизации, за жалобы и обращения граждан без анализа обоснованности жалоб и ответственности врача. Такое расширительное толкование критериев эффективного контракта, по мнению экспертов, может привести к размыванию представления о приоритетах деятельности врача и медицинской организации.

Эксперты считают, что создание новой модели оплаты труда в пределах старых фондов оплаты ничего не изменило. Более того, возможно утрачены те достижения, которые были в результате реализации Национального проекта «Здоровье». По мнению главного врача одного из ЦРБ РМЭ, «*Мы видим почему-то отток. Когда начался НП Здоровье – 2007 г., тогда были введены надбавки по 10 тысяч, тогда народ резко ринулся в участковые педиатры и терапевты. Но к 2010-2011 гг. эти заработные платы сравнялись между узкими специалистами и первичным звеном, поэтому наполнение первичного звена мы больше не видим…*».

Эксперты уверены, что в целом мотивацию врачей и более равномерное обеспечение медицинскими работниками территорий можно решить только за счет увеличения базовых окладов, поскольку эффективный контракт привел к серьезному разрыву между зарплатами опытных и молодых докторов. Наш эксперт отмечает: «*Сегодня базовый оклад составляет всего процентов 30-40 из зарплаты. ВСЕГО ЛИШЬ! А остальное – это стимулирующие и компенсационные выплаты. И вот эти выплаты зависят от показателей… и как молодой врач, который пришел только сегодня, должен все это иметь, если он только начинает работать. Он изначально поставлен в условия, что он будет получать минимальную зарплату. При этом у него семья…*» (профессор, РТ).

Нельзя не согласиться с утверждением А.Л. Темницкого, что основным противоречием в решении проблемы справедливости оплаты труда применительно к медицинским работникам бюджетных лечебных учреждений является неопределенность их статуса. Они уже перестали быть трансляторами заботы государства о здоровье трудящихся, как это происходило в советское время, но и не являются наемными работниками рыночного типа в рамках четко прописанных контракт-партнерских отношений [5, с. 86]. Сохранение применительно к здравоохранению консервативного дискурса, имеющего в своем ядре представления о справедливости и равной доступности услуг здравоохранения в соответствии с требованиями российской Конституции в условиях недофинансирования здравоохранения делают статус медицинских работников в принципе уязвимым.

Список литературы

1. Девятко И.Ф. О теоретических моделях, объясняющих восприятие справедливости на микро-, мезо-и макроуровнях социальной реальности // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2009. №29. С. 10-29.
2. Кадыров Ф.Н. Мифы эффективного контракта // Менеджер здравоохранения. 2015. №6. С. 57-69.
3. Стародубов В.И., Кадыров Ф.Н. Эффективный контракт в здравоохранении: возможности и риски // Менеджер здравоохранения. 2013. №3. С. 6-15.
4. Holte J. H. et al. The impact of pecuniary and non-pecuniary incentives for attracting young doctors to rural general practice // Social Science & Vick B. Analyzing rural versus urban differences in career dissatisfaction and plans to leave among Pennsylvanian physicians // The Journal of Rural Health. 2016. T. 32. №2. C. 164-175. Medicine. 2015. T. 128. C. 1-9.
5. Темницкий А.Л. Феномен справедливости в оплате труда медицинских работников // Мир России. 2017. Т. 26. №3. С. 64-89.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛИТНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

TRANSFORMATION OF ELITE POTENTIAL IN A TRANSITIVE SOCIETY

Д.В. Покатов
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
D.V. Pokatov
Saratov State University

Рассматриваются особенности потенциала элитных групп и, прежде всего, политической элиты, как одной из ведущих страт современного российского общества. Особое внимание обращается на составляющие элитного потенциала и факторы, детерминирующие процесс их трансформации в условиях транзитивного общества.

The article discusses the features of the potential of elite groups and, first of all, political elite as one of the leading strata of modern Russian society. Particular attention is drawn both to the components of the elite potential, and the factors that determine the process of their transformation in a transitive society.

Ключевые слова: элита, политическая элита, элитный потенциал, социализация, политический профессионализм, транзитивное общество

Keywords: elite, political elite, elite potential, socialization, political professionalism, transitive society

В последние годы интерес к различным аспектам многогранной элитной проблематики продолжает устойчиво расти, что является вполне объяснимым, учитывая ведущие позиции, занимаемые представителями различных элитных групп в социальной структуре общества.

Среди дискуссионных вопросов элитной проблематики одним из важных остается вопрос о самой совокупности элитных показателей, формирующих потенциал элитных групп и идентифицирующих элиту как особую социальную общность.

Как известно, современная элита – это достаточно сложное социальное образование, включающее в себя целый комплекс групп, которые можно классифицировать по ряду оснований. В зависимости от типа общества элиту делят на традиционную и современную элиту, по характеру используемых методов воздействия можно говорить (вслед за В. Парето) о элите-«львов» – сторонников неприкрытого насилия и элите-«лис», склоняющихся к компромиссам, по стилю поведения говорят о консенсусной и конфликтной разновидностях элитных групп.

В целом, большинство исследователей предпочитают традиционное разделение элитных групп по критерию сфер деятельности, в соответствии с которым выделяют интеллектуальную, военную, административно-бюрократическую, бизнес- и политическую элиты.

В данной работе мы остановимся, в первую очередь, на потенциале политической элиты как одной из ведущих элитных групп, наиболее типичных для российского общества как особого, по образному выражению А.Г. Фонотова, мобилизационного типа [1, с. 139-157], в котором, в виду отсутствия институтов гражданского общества и исторически утвердившейся монополии властных институтов, закрепляется и доминирующая роль политических элит.

Само понимание элитного потенциала весьма не однозначно. В современных исследованиях, по сути, наблюдается дихотомический разрез его социологического видения, ведущийся по целому ряду оснований: относительно содержания категории «элита» – это классические и современные интерпретации, а также меритократические и позиционные парадигмы, а границ – структурные и функциональные, субъективные и институциональные. На наш взгляд, своеобразную квинтэссенцию понимания потенциала элиты в «идеальном варианте» представили авторы коллективной монографии «Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования» Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин и Ю.А. Левада, отмечавшие, что при всех различиях определения элиты должны включать: *статусные характеристики* (представители элиты занимают высокие, выше среднего, социальные позиции); *функциональные показатели* (максимально эффективное или образцовое выполнение социальных или культурных функций, причем речь идет не только о господстве, авторитете, общепризнанном праве принятия решений или массовом управлении, но и деятельности, предполагающей задание самого образца – смыслополагании, поддержании целостности общества путем утверждения общих моральных представлений и норм); *коммуникативные характеристики* (поддержание солидарности в обществе посредством общих моделей поведения и общезначимых конструкций реальности) [2, с. 29].

Потенциал элиты в целом как особой социальной общности, так и её базовых разновидностей, включая политическую элиту, зависит от действия ряда факторов, как всеобщих, социодуховного, социально-политического развития общества, так и особых, конкретно-исторических условий, обусловленных и страновой, региональной, спецификой, и субъективными детерминантами (процессом социализации элитных личностей, особенностями развития социальной структуры общества в разные периоды и т.д.).

Говоря о всеобщих детерминантах, во многом определяющих образ элитных групп и её потенциал, нельзя не вспомнить цивилизационный фактор. В этой связи элитный потенциал весьма различен у западной и отечественной разновидностей элитных групп. Так, в западных открытых обществах, согласимся здесь с А.В. Понеделковым, элита отличается определенным креативным потенциалом, некоторой долей пассионарности, в определенной мере подготовленностью к политико-управленческой деятельности. В России, где мобилизационный тип общественного развития остается все ещё закрытым и интолерантным, сохраняется тенденция к доминированию не личностных, а статусных показателей [3, с. 78].

Переходное состояние современного общества порождает специфику общественных процессов. Применительно к элите и её потенциалу можно говорить о том, что оно приводит к появлению одного из самых существенных противоречий – амбивалентности характеристик современной элиты, предопределяемой во многом дихотомией между объективными процессами трансформации современного общества, с присущими ему изменениями принципов и форм подбора элитных кадров, большей открытостью и, с другой стороны, ограничениями, связанными с особенностями социализации элитных групп, их установками, а также усиливающимся процессом архаизации отечественного социума.

Относительно социализации, имеющей важное значение для облика элиты, во многом предопределяющей многие стереотипы, образцы и нормы поведения, можно сказать, что для значительного сегмента элиты она проходила в условиях сельской местности. В настоящее время в составе федеральной политической элиты насчитывается 29% политиков, детство которых прошло в сельской местности. На региональном уровне данный показатель проявляется весьма вариативно. Проведенный автором анализ биографий 344 представителей региональной политической элиты Саратовской, Самарской и Волгоградской областей, в том числе, губернаторов, глав регионального правительств, министров, депутатов региональных парламентов, лидеров ведущих партий и общественных движений, мэров региональных центров, показал, что в Саратовской области данный показатель равен 29.5%, в Самарской области – 21.9% а в Волгоградской области – 14.8% [4]. Во многом характер социализации, проходившей у достаточно весомого сегмента элиты в условиях сельской местности, продолжает оказывать некоторое сдерживающее влияние на открытость элитной группы, закрепляя уже устоявшиеся ценности, нормы и образцы поведения и способствуя, отчасти, закреплению в ряде регионов тенденций архаизации, или, как справедливо отмечает А.В. Дука,

ретро ориентированных социальных форм и порядков, сопровождающихся их культурной, религиозной и иной легитимацией [5, с. 405].

К этому добавляется значительная деформация и дробление прежних социальных слоев и групп, в условиях которой современная политическая элита России все отчетливее начинает выражать интересы некоторых относительно закрытых прослоек, в частности, «сервис-класса», а также «салариата» и т.н. «квалифицированных кадров» (profitians), которые в большей степени ориентированы на запросы общества потребления [6, с. 21].

Достаточно своеобразно проявляют себя в транзитивном обществе и такие важные составляющие потенциала элиты, как образование и профессионализм. Относительно образования, политическая элита по-прежнему остается группой, где ведущие позиции занимают лица с техническим образованием. В составе федеральной элиты их насчитывается 39.2%, на региональном уровне – от 49% в Саратовской области и 43.8% в Самарской области до 60% в Волгоградской [4]. Практически не изменилась после выборов 18 сентября 2016 г. в Государственную Думу России доля политиков с экономическим и юридическим образованием. В 2011 г. она составляла 12% и 10.8%, а в 2016 – 11.7 и 11% соответственно. Доля гуманитариев также осталась практически на прежнем уровне (в 2011 г. она равнялась – 18.6%, в 2016 – 17.3%) [4]. По сути, характер образования напрямую связан с профессиональными показателями представителей современной элиты. Сегодня сохраняется доминирование в ней представителей хозяйственных кругов (на федеральном уровне их насчитывается в составе элиты 36.1%, на региональном уровне данный показатель варьируется от 42.6% (в Саратовской области) до 44% (в Самарской области, и 51% (в Волгоградской).

Наличие в элите достаточно большого числа лиц с техническим образованием и принадлежностью к сегменту «хозяйственников» не может не оказывать влияния на развитие общества и выдвигаемую элитой т.н. формулу правления (по образному выражении. Г. Моска). Свойственная представителям технократии, о чем говорилось в ряде исследований, стремление к упрощению и схематизации многих важнейших вопросов общественного развития, отсутствие глобального стратегического мышления, во многом препятствуют переходу к новой, инновационной стадии развития российского общества.

Стоящие перед обществом новые задачи требуют и кардинальной трансформации всего комплекса составляющих элитного потенциала, что, конечно, невозможно не только без изменения принципов элитообразования, но и без активного участия различных общественных сил, развития сегментов гражданского общества.

Список литературы

1. Фонотов А.Г. Россия: инновации и развитие. М., 2010. 431 с.
2. Гудков Л.Д. Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007. 372 с.
3. Понеделков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д., 2010. 511 с.
4. Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Коммерсант-власть. 2016. № 44. С. 21-53; Правительство РФ // Российская газета. 2012. 22 мая. С. 2-4.; Официальный сайт Правительства Саратовской области. Режим доступа: http://saratov.gov.ru (дата обращения: 15.09.2017); Официальный сайт Саратовской областной Думы. Режим доступа: http://www.srd.ru (дата обращения: 15.09.2017); Официальный сайт Волгоградской областной Думы. Режим доступа: http://www.volgaduma.ru (дата обращения: 01.10.2017); Официальный сайт Администрации Волгоградской области. Режим доступа: http://www.vmes.ru (дата обращения: 01.10.2017); Официальный сайт Самарской губернской Думы. Режим доступа: http://www.samgd.ru (дата обращения: 01.10.2017); Официальный сайт Правительства Самарской области. Режим доступа: http://www.samregion.ru (дата обращения: 01.10.2017).
5. Дука А.В. Власть между традиционностью и современностью (элиты российской периферии) // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 399-436.
6. Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА – ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ
THE METHODOLOGICAL PROBLEM OF RELIGIOUS EXPERTISE

А.М. Прилуцкий
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
A.M. Prilutskii
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg

Религиоведческая экспертиза является одной из наиболее дискуссионных и методически непроработанных форм экспертной деятельности. В современной практике отсутствуют бесспорные критерии отнесения организаций к числу религиозных, поэтому эксперт зачастую руководствуется субъективными предпочтениями. В связи с этим актуальным является выработка научных методов религиоведческой экспертизы, предложения по которой приведены в данной статье.

Religious expertise is one of the most controversial and methodologically undeveloped forms of expert practice. Today there are no indisputable criteria for classifying organizations as religious, therefore the expert is often guided by subjective preferences. In connection with this, it is urgent to develop scientific methods of religious studies, proposals on which are given in this article.

Ключевые слова: экспертиза, религиоведение, религиозная ситуация, религиозная деятельность, ритуальные практики

Keywords: expertise, religious studies, religious situation, religious activity, ritual practices

Религиоведческая экспертиза остается одной из наиболее дискуссионных форм экспертной деятельности. Заключения экспертов-религиоведов, особенно в формате судебных экспертиз, часто приводят к эмоциональным дискуссиям в СМИ, иногда они раскалывают научное сообщество на «противников» и «сторонников» соответствующих выводов. Суть данной проблемы, как нам представляется, состоит том, что в современном религиоведении отсутствуют четкие критерии, достаточные для однозначного заключения о религиозном характере деятельности организаций и отдельных людей. Кроме того, при назначении религиоведческой экспертизы перед экспертами зачастую ставится широкий круг вопросов, в том числе о наличии / отсутствии в деятельности потенциально религиозных организаций признаков экстремизма, пропаганды расового превосходства, религиозной розни и т.п. Подобные вопросы не относятся к компетенции экспертов-религиоведов, но на практике часто именно они ставятся перед ними.

Но и отвечая на вполне корректный вопрос о религиозном характере деятельности той или иной организации, эксперт часто оказывается в состоянии затруднения. В определенном смысле он становится заложником непроработанности методологической базы экспертно-религиоведческой деятельности, поэтому вынужден опираться на «общепринятые» критерии религиоведческого исследования, сложившиеся в рамках совершенно иного, не экспертного подхода. Поэтому в условиях терминологической и методологической неясности, множества определений и подходов к интерпретации сущности релдигии [1], существует опасность, что эксперт подойдет к экспертному исследованию как к сугубо научной задаче, не имеющей однозначного решения. Однако, что уместно в научной дискуссии, в формате судебной экспертизы может оказаться совершенно не уместным и не приемлемым.

Стоит признать, что отсутствие четкого, общепринятого понимания значения термина «религия» в научном религиоведении давно уже стало притчей во языцех. В настоящее время мы наблюдаем, как данная проблема из сугубо лексикографической, религиоведческой и философской превращается в

проблему правовую. В качестве примера можно указать на Заключение судебной религиоведческой экспертизы (эксперта Л.С. Астаховой) по делу Сайентологической Церкви г. Москвы [2], вызвавшее серьезный общественный резонанс. Последовавшая «война экспертиз» свидетельствует о том, что в современном юридическом религиоведении отсутствуют надежные критерии доказательств и апробированные методы объективного исследования религиозных организаций, корнем чего как раз и является данная терминологическая проблема.

Для устранения данной проблемы можно при формировании списка критериев опираться не на одно определение религии, а на несколько наиболее распространенных в отечественном религиоведческом дискурсе, руководствуясь при их отборе критерием частотности. Иными словами, эксперт составляет список критериев, полученных на основе анализа нескольких определений. В этом случае на основании применения метода оценки соответствия могла бы быть составлена матрица соответствий, содержательная интерпретация которой и стала бы основанием для экспертного заключения. Но сути проблемы не снимает и такая модификация методологии – сам принцип отбора определений термина религии, а, соответственно, и выявленных на их основе признаков, оставляет место для существенной критики, обвинения эксперта в предвзятости, равно как и фактор частотности трудно отнести к критерию истины.

Исследователи уже неоднократно констатировали, что «в отличие от других видов судебных экспертиз (лингвистической, медицинской, психиатрической и др.) религиоведческая экспертиза не имеет специальной, формально определенной методики» [3], а, соответственно, требование к эксперту ссылками на нормативные акты обосновать правомочность применения им тех или иных методов экспертизы может использоваться как недобросовестная уловка.

Понимая, что в рамках данного исследования проблема дефинирования термина «религия» не может быть решена, практические рекомендации для эксперта-религиоведа могут быть предложены в рамках несколько иного подхода. Выявление признаков, наличие которых позволяет с большой степенью вероятности квалифицировать ту или иную форму социокультурной деятельности как религиозную, можно осуществить не на основании определения термина, но в результате анализа соответствующего объёма понятия. Поскольку задачей экспертизы является выявление характера религиозной деятельности в соответствии с нормами законодательства, вполне обоснованным является обращение к признакам, приведенным в ст. 6.1 Федерального закона от 26.09.1997 №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»:

- наличие вероисповедания;
- совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Обратимся к сформулированным в законе признакам религиозных объединений. Очевидно, первый признак: наличие вероисповедания – является основным, а прочие – производными от него. Поскольку религиозная деятельность в общественном сознании достаточно четко соотносится с богослужениями, представляется целесообразным в рамках экспертного исследования разграничивать: ритуализированную религиозную деятельность и ее неритуализированную форму.

Сразу оговоримся, что сам факт наличия вероисповедания не может априорно рассматриваться как достаточный квалификационный признак религиозной деятельности, последняя предполагает, что заявленное вероисповедание является основой социальной практики, формирующей поведенческие паттерны и отношение человека к действительности.

Однако и здесь имеет место терминологическая сложность: «вероисповедание» трактуется в современной лексикографии зачастую как синоним религии или как принадлежность к той или иной религиозной организации. Получается своего рода герменевтический круг – одно неопределенное понятие задается через опосредованную ссылку на него же. В этом случае может быть предложена методология исследования, позволяющая минимизировать влияние на выводы эксперта субъективных факторов.

На первом этапе исследования эксперт, анализируя предложенный корпус текстов, выявляет в нем устойчивые мифологемы и теологемы, значимые для анализируемой социокультурной общности.

На следующем этапе исследования эксперт должен доказать, используя методы сравнительно-исторического анализа, а также герменевтического и дискурс-анализа, что выявленные им компоненты мировоззренческой культуры являются именно теологическими и (или) мифологическими, но не научными или квазинаучными, не являются формами агностицизма, в том числе вульгарного («Что-то там такое есть, но что, я не знаю и никто не знает»).

На третьем этапе, доказав теологический (мифологический) характер основных постулатов анализируемой культурной традиции (в широком смысле), эксперт делает обоснованное предположение о том, что анализируемый дискурс является преимущественно религиозным.

Возвращаясь к проблеме выявления религиозной деятельности общественных объединений различной организационно-правовой формы, зарегистрированных в качестве «альтернативы» религиозным объединениям, можно сформулировать несколько рекомендаций для экспертов.

Анализируя ритуальные практики, необходимо обратить внимание на регулярность, частоту и продолжительность совершаемых ритуальных и ритуализированных действий, независимо от того, интерпретируются последние участниками как собственно религиозные ритуалы или иным образом. Изучая дискурс публичного мероприятия, имеющего черты как религиозной проповеди, так и просветительской лекции, необходимо обратить внимание на наличие (отсутствие) миссионерских целей, религиозный статус лектора (наличие сана, особой сакральной санкции), а также оценить точку зрения лектора на предмет изложения (позиция вовлеченного участника / стороннего наблюдателя).

Очевидно, оценивая наличие религиозной деятельности общественных объединений, в ряде случаев эксперт вынужденно делает заключение в модальностях вероятности и возможности, последнее свидетельствует не о недостаточной компетентности эксперта, но соответствует специфике современной религиозной ситуации.

Список литературы

1. Шабалина С.С. Проведение государственной религиоведческой экспертизы // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 222-224.

2. Заключение судебной религиоведческой экспертизы (эксперта Л.С. Астаховой) по делу Сайентологической Церкви Москвы // Религия и право [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=436&ELEMENT_ID=6532 (дата обращения: 19.10.2017).

3. Аверина О.Р., Цюпко И.Н. Проблема правового статуса судебной религиоведческой экспертизы // Власть и управление на Востоке России. 2016. №2(75). С. 107-115.

РОЛЬ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

THE PART OF A YOUNG FAMILY IN THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL

Т.К. Ростовская
Российский государственный социальный университет
T.K. Rostovskaya
Russian State Social University

Обращается внимание на формирование нового подхода к государственной молодежной политике, связанного с продвижением идеи «человеческого капитала». Особая роль отводится молодой семьи как человеческому ресурсу общественного развития.

The article draws attention to the emergence of a new approach to the state youth policy associated with the promotion of the idea of "human capital". A specific role for a young family as the human resource of social development.

Ключевые слова: человеческий капитал, инвестиции молодежь, молодая семья, человеческий ресурс общественного развития

Keywords: human capital, investments youth, young family, the human resource of social development

В настоящее время понятие «человеческий капитал» рассматривается в контексте концепции развития человека.

Анализируя различные определения человеческого капитала следует отметить, что человеческий капитал молодежи – оценка воплощенной в социальной группе молодежи потенциальной способности приносить доход с учетом врожденных способностей и таланта ее членов (молодых людей в возрасте 14-30 лет), а также полученного ими образования и приобретенной квалификации [1, с. 153].

Для оценки уровня развития человеческого капитала используется ряд интегральных характеристик, в частности, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – совокупный показатель уровня развития человека в той или иной стране. Часто его используют в качестве показателя достигнутого качества жизни. ИРЧП демонстрирует положение страны в мире с точки зрения уровня здоровья, получения образования и дохода ее граждан.

Становление и продвижение идеи «человеческого капитала» в обществе способствует формированию нового подхода к государственной молодежной политике, связанного с инвестицией в молодежь как человеческий ресурс общественного развития.

С учетом прогнозируемого негативного демографического сценария к 2025 г. в России произойдет резкое сокращение численности и, соответственно, доли молодежи среди населения [1, с. 85]. Таким образом, новая модель государственной молодежной политики, способная определить основные вызовы, стоящие перед современной молодежью, должна быть направлена на их решение в средне- и долгосрочной перспективе. В этой связи ориентиром деятельности государственной молодежной политики на среднесрочную и долгосрочную перспективы являются: «…обеспечение экономической, социо-культурной конкурентоспособности молодежи, увеличение количества молодых людей, идентифицирующих себя со страной, имеющих сформированное целостное мировоззрение, которое включает гражданское участие, ценности патриотизма, семьи, нравственности, правосознания, здорового образа жизни, экологии и инноваций» [2, с. 133-139].

Основной целью проводимой государственной семейной и молодежной политики является укрепление и развитие социального института молодой семьи, возрождение семейных ценностей и семейного образа жизни, создание и обеспечение условий для наилучшего выполнения семьей своих основных функций [3, с. 308].

Молодая семья – важнейший институт современного общества, и решение проблем ее жизнедеятельности, обеспечения экономического благополучия семей с детьми невозможно осуществить изолированно от происходящих в обществе процессов. Иждивенческая нагрузка в семьях с несколькими детьми будет всегда, и разделить с семьей это бремя государство может только путем реформы заработной платы, включая изменения подходов к формированию минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума; развития адресной системы пособий, ориентированных не только на самообеспеченные семьи, а на потребности семей разных типов; введения системы семейного налогообложения.

Оценивая роль молодой семьи в формировании человеческого капитала и исходя из определения сущности человеческого капитала стоит, прежде всего, остановиться на таких параметрах жизнедеятельности семьи, как уровень жизни молодых семей с детьми, затраты молодых семей на образование, роль молодой семьи в охране здоровья ее членов и формирование самосохранительного поведения.

В общественном мнении присутствует понимание того, что жизненный успех человека (в том числе материальный) зависит от наличия у него диплома об образовании и от престижности этого диплома. Если в первой половине 1990-х гг. торжествовал взгляд, что для успеха в жизни образование не обязательно, то сегодня его обязательность редко кем ставится под сомнение. Согласно опросу молодых родителей, проведенному Институтом семьи и воспитания в 2013 г., большая часть родителей хотела бы, чтобы их дети получили высшее образование – 62.3%. Еще 4.3% родителей хотели бы, чтобы их ребенок закончил магистратуру или аспирантуру, получил более высокий уровень образования. Исследование «Интеграция интересов института семьи и образования в контексте воспитательных стратегий», проведено в 2013 г. при поддержке гранта РГНФ (проект 13-06-18021).

Семьи несут значительные расходы по оплате образовательных услуг. По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимых Росстатом, в среднем на одного обучающегося в месяц семья тратит около полутора тысячи руб. (1440,8 руб. в 2014 г.). Расходы колеблются от 1130,9 руб. при обучении в общеобразовательном учреждении до 2544,4 руб. при обучении в вузе. Наиболее интенсивно в последние годы растут расходы на оплату услуг

в общеобразовательных учреждениях [4]. По данным комплексного обследования условий жизни населения, 90.4% расходов на платное профессиональное образование несут семьи (9.1% приходится на счет спонсоров или других родственников, не проживающих в домохозяйстве; 0.7% – предприятий или организаций по месту работы) [5].

В целом, без разделения с семьей финансовых и временных затрат на формирование человеческого капитала невозможно решить демографическую проблему – обеспечить общество необходимыми человеческими ресурсами; сформировать гармоничную личность, гражданина, готового действовать не только в собственных интересах, но и в интересах общества; сохранить семью как ведущий социальный институт общества; сформировать человеческий капитал, обеспечивающий конкурентоспособность экономики и, в конечном счете, решить проблему исторического выживания государства.

Необходимость реализации целенаправленной политики по оказанию помощи молодой семье в формировании человеческого капитала обусловлена следующими факторами:

– невысокий уровень жизни большинства молодых семей с детьми, что приводит к сверхзанятости родителей, нехватке времени на воспитание детей, педагогической запущенности детей, увеличивает роль внесемейных субъектов социализации;

– возрастание имущественной дифференциации молодых семей, что снижает доступность образовательных и иных услуг для детей из малообеспеченных семей, особенно проживающих вне крупных городов;

– система базового образования не успевает за постоянными изменениями требований рынка труда, что вынуждает молодых родителей к поиску новых форм обучения, чреватых дополнительными затратами.

Для оценки эффективности деятельности по развитию роли молодой семьи в формировании человеческого капитала может быть использован следующий подход. С учетом того, что главная цель деятельности в данном направлении – повышение качества населения, целесообразно использовать в ходе оценки взаимосвязь индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) и ряда характеристик, позволяющих оценить роль семьи в социально-экономическом развитии общества. Схожий подход был использован, например, Р. Истерлин и Дж. Бонгаартс. На основе данных 69 развивающихся стран за 1960-1985 гг. они показали роль социально-экономического развития в тенденциях демографических процессов: при индексе человеческого развития ниже 0,4 никакие социально-экономические изменения не могут вызвать демографический переход [6, с. 113-115].

В свое время индекс человеческого развития был модернизирован и в дополнение к ИРЧП, который является сводным показателем, опирающимся на среднестрановые статистические данные и не учитывающим внутреннего неравенства, были введены три новых индикатора: Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), Индекс гендерного неравенства (ИГН) и Индекс многомерной бедности (ИМБ).

В частности, в данном случае, мы можем воспользоваться следующими характеристиками:

X_1 – доля семейных пособий в ВВП,%;

X_2 – наличие в законодательстве возможности семейного налогообложения (или доля домохозяйств, использующих возможность семейного налогообложения);

X_3 – развитость семейного предпринимательства, количество малых предприятий на 1000 населения;

X_4 – обеспеченность местами в ДОУ на 1000 детей соответствующего возраста;

X_5 – доля затрат на охрану материнства и детства в ВВП, %;

X_6 – доля бедных среди домохозяйств с детьми, %.

При наличии достоверных данных по странам мира возможно проведение оценки результативности и вклада семейной политики в формирование человеческого капитала.

Только принятие действительно эффективных мер в поддержку молодой семьи позволит в современных российских условиях, характеризующихся значительной дифференциацией доходов и повышением требований со стороны общества к характеристикам человеческого капитала, обеспечить экономическое благополучие семей, способствовать выполнению институтом семьи своих ведущих функций.

Список литературы

1. Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала. М., 2013. С. 85-187.

2. Ростовская Т.К. Повышение человеческого капитала российской молодежи стратегическая цель государственной молодежной политики / Фотинские чтения 2015. Сборник материалов второй ежегодной международной научно-практической конференции 23-25 марта 2015 г., Ижевск (весеннее собрание). 2015. Ижевск: Изд-во «Проект». 133-139.

3. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья и семейные ценности в современном мире // Российская молодежь: социально-демографический

портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства/ Коллективная монография // Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д.соц.н., проф. Т.К. Ростовской. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. 600 с. С. 301-314.

4. Социальное положение и уровень жизни населения России – 2015 г. Стат. сб. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_44/Main.htm (дата обращения: 11.05.2017).

5. Данные Комплексного обследования условий жизни населения [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html (дата обращения: 11.05.2017).

6. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. М., Издательство «Весь Мир», 2010. 244 с.

«РУССКИЙ МЕДВЕДЬ» В ГЛОБАЛЬНОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[1]

THE SYMBOL OF THE "RUSSIAN BEAR" IN THE GLOBAL SYMBOLIC POLITICS: ON THE PROBLEM DEFINITION

О.В. Рябов
Санкт-Петербургский государственный университет
O.V. Riabov
Saint Petersburg University

Рассматривается понятие глобальной символической политики как деятельности политических акторов, направленной на интерпретацию социальной реальности в глобальном масштабе. Анализируется использование образа «русского медведя» российскими и зарубежными акторами для легитимации внешней политики и внутриполитической борьбы.

The article focuses on the concept of the global symbolic politics as political actors' activity aimed to interpret social reality on the global scale. The author analyses how political actors employ the image of the "Russian bear" for maintaining legitimacy of domestic and foreign politics.

Ключевые слова: «Русский медведь», глобальная символическая политика, метафора, образ России

Keywords: the symbol of the "Russian bear", global symbolic politics, symbolic boundaries, metaphor, the image of Russia

В последние годы внимание исследователей все больше привлекает символическая политика, понимаемая как деятельность политических акторов,

[1] Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ 15-03-00010 «Символ «Родины-матери» в символической политике современной России».

направленная на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих [1, с. 8][1]. Целью символической политики является символическая власть, представляющая собой способность создавать или изменять категории восприятия и оценки социального мира, которые, в свою очередь, могут оказывать непосредственное влияние на его организацию [3]. Такая политика как борьба интерпретаций идет на различных уровнях; очевидно, в условиях глобализации и создания мирового информационного пространства можно говорить о символической политике на глобальной арене. Различные политические акторы конкурируют за выгодные для себя интерпретации социальной реальности, используя для этого многообразные формы и технологии. Особую роль в символической политике в ситуации т.н. визуального / иконического поворота играют образы. В частности, сегодня заметным персонажем визуальной символической политики, то есть продвижения собственной интерпретации визуальных образов, становится «русский медведь».

Этот символ обретает визуальное воплощение в карикатурах и демотиваторах; к нему обращаются не только западные журналисты, но и высокопоставленные политики (например, вице-президент США) и известные эксперты. Столь широкая представленность символа позволяет предположить, что он обладает высокой значимостью в международных отношениях. Цель нашего исследования – анализ роли символа «русский медведь» в глобальной символической политике, которая понимается нами как символическая борьба политических акторов за производство значений и оценок в глобальном информационном пространстве.

Символ «русский медведь» – это западное изобретение, появившееся около пятисот лет назад и к XVIII в. ставшее признанной аллегорией России [4]. Этот символ является важным элементом системы образа России – Иного Запада, используемого в западном дискурсе, коррелирующим с такими маркерами страны, как восточность, агрессивность, деспотизм, империализм, архаичность, опасность, сила, загадка, чудо. Он выполняет функцию символического пограничника, способствуя поддержанию собственной позитивной идентичности стран Запада за счет проведения и поддержания символических границ с Россией и наделению ее преимущественно негативными характеристиками. Дань использованию медвежьей метафоры отдали выдающиеся представители европейской культуры, среди которых известные писатели, художники, скульпторы, медальеры, режиссеры, публицисты. О значимости образа «русского медведя» говорит и то

[1] Анализ концепций символической политики см.: [2].

обстоятельство, что его «носителями» выступали газеты и сатирические карты, почтовые марки и открытки, медали и игрушки, художественные и анимационные фильмы.

Какое влияние оказывает эксплуатация медвежьей метафоры на восприятие России на международной арене? Прежде всего, она способствует мобилизации значений (по преимуществу, негативных), закрепленных за образом «русского медведя»: кровавая, агрессивная, деспотичная, варварская, отсталая, неевропейская страна. Кроме того, использование ее означает гомогенизацию россиян, что приводит к идее их коллективной ответственности за внешнюю и внутреннюю политику страны. Наконец, привлечение животной метафоры означает их дегуманизацию, лишение человеческого лица. При этом следует принимать во внимание, что использование метафоры влияет не только на понимание социальной реальности, но и на принятие решений. Известная фраза Дж. Лакоффа «Метафоры могут убивать» иллюстрирует тот потенциал, которым обладает применение метафор в дискурсе внешней политики. Очевидно, в глобальной символической политике элита также оказывается заложником применяемых концептуальных метафор.

Что касается России, то этот символ начинает привлекаться в политику национальной идентичности в постсоветский период (особенно с 2000-х гг.), одной из основных причин чего стал его брендинг «партией власти». При этом, заметим, во внешнеполитической риторике официальные лица и прокремлевские СМИ практически не прибегали к его эксплуатации, представляя его как орудие русофобской пропаганды, призванное оправдать агрессивную политику в отношении России. Ситуация меняется с началом украинского кризиса, когда даже президент России использует данный символ для интерпретации внешней политики страны. В последние годы россияне сами готовы ассоциировать себя со зверем; вопрос о том, в какой степени такая идентификация представляет собой временное явление, вызванное обострением отношений с Западом в условиях режима санкций, нуждается в дальнейшем исследовании. Можно предположить, что использование медвежьей метафоры в подобном контексте отражает рост антизападных настроений, с одной стороны, и выступает фактором их поддержания – с другой.

Список литературы

1. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб., 2010. № 1. С. 5-29.

2. Смирнов Д.Г. Символическая политика: теоретические и методологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 5-16.
3. Бурдье П. О символической власти // Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2007. С. 87-96.
4. Riabov O., Lazari A. de. Misha and the Bear: the Bear Metaphor for Russia in Representations of the «Five-Day War» // Russian Politics and Law. 2009. Vol. 47. № 5. P. 26-39.

«СТОЛКНОВЕНИЕ МАСКУЛИННОСТЕЙ»? КОНКУРЕНЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ[1]

THE “CLASH OF MASCULINITIES”? COMPETING GENDER MODELS IN CONTEMPORARY GEOPOLITICAL RHETORIC

Т.Б. Рябова
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
T.B. Riabova
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

Анализируются образы маскулинности как фактора международных отношений; автор показывает, что в последние несколько лет одним из наиболее заметных измерений «столкновения цивилизаций» выступает «столкновение маскулинностей».

The article examines the image of masculinity as a factor of international relations. The author demonstrates that during last years the “clash of masculinities” is visible dimension of the “clash of civilizations”.

Ключевые слова: Маскулинность, гендерные исследования, российско-европейские отношения, геополитическая риторика

Keywords: Masculinity, Gender Studies, Russia-EU relations, geopolical rhetoric

В работах Р. Коннелла было предложено рассматривать маскулинность как систему конкурирующих дискурсов, соревнующихся между собой за доминирование, за определение гегемонной и подчиненных маскулинностей [1, с. 76], причем в условиях глобализации такая конкуренция осуществляется и на международной арене [2]. Соперничество маскулинностей выступает и элементом геополитического противостояния; само пространство

[1] Выполнено в рамках исследовательского проекта РГНФ 16-03-00527 «Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: Политологический анализ».

международных отношений можно рассматривать в качестве места производства маскулинностей. При этом различные теории международных отношений исходят в своих рассуждениях из различных представлений о человеке, который олицетворяет разные типы маскулинности. Так, концепции реалистов и неореалистов имплицитно предполагают, что гегемонным типом маскулинности, воплощающим мужественность в наибольшей степени, является маскулинность мужчины-воина. В концепциях либералов и институционалистов таковой маскулинностью сегодня является маскулинность нового буржуазного человека. В постпозивистских концепциях международных отношений предполагается, что новым типом гегемонной маскулинности становится креативная маскулинность общества, в котором множество центров власти и каждый субъект является постколониальным героем, своими жизненными силами обновляющим мир. Таким образом, как международная политика, так и геополитическая риторика строятся с учетом того, что глобальная арена и отражает конкуренцию различных типов маскулинностей, и является фактором их производства.

Мы полагаем, что специфика нынешней ситуации заключается в том, что в роли своеобразных икон конкурирующих типов маскулинности, в наибольшей степени воплощающих их черты, выступают политические лидеры. Важно подчеркнуть, что в подобной конкуренции речь идет не только о гендерных моделях, но и о тех ценностях, которые с ними ассоциируются и отражаются в принципах внутренней и международной политики.

В современной России привлечение гендерного дискурса в геополитическую риторику становится заметным элементом политики национальной идентичности, которую можно обозначить как «ремаскулинизация»; эта политика, которая проводится в стране с начала 2000-х гг., включает в себя как атрибутирование России маскулинных суверенности, силы, рациональности, так и создание привлекательных образцов национальной маскулинности [3]. По мере того как отношения с Западом становятся напряженными, эта политика предполагает и дискредитацию гендерного порядка США, и особенно стран ЕС. Важная роль принадлежит репрезентациям В.В. Путина как «настоящего мужчины» и «русского мужика», которые в последние годы превращаются в орудие критики западной маскулинности. Любопытно, что сначала популярность Путина в качестве воплощения традиционного типа маскулинности обнаруживает себя, скорее, на Западе – прежде всего, в США, где данный образ становится востребованным во внутриполитической борьбе. Он использовался республиканцами для критики многих направлений политики администрации Б. Обамы: от чрезмерной либерализации гендерного законодательства в стране до

ослабления позиций США на международной арене. Республиканцы репрезентировали Обаму как слабого лидера, противопоставляя ему «крутого парня» Путина [4]. Показательно, что Д. Трамп строил свою предвыборную кампанию (2016) на критике Обамы и акцентировании его неспособности осуществлять лидерство в условиях, когда в мире есть такие сильные лидеры, как Путин. Любопытно, что поддерживающий республиканцев телеканал «Fox News» высказал надежду, что Трамп сможет восстановить мужественность американских мужчин. В Европейском Союзе кризис с беженцами также оживил дискуссии о тех изменениях, которые происходят в гендерном порядке западноевропейских обществ (легализация однополых браков, рост влияния феминизма, кризис традиционной семьи, изменения канонов маскулинности и фемининности); в ходе подобных дискуссий ставится вопрос и о том, что представители политических элит стран Старого Света утрачивают лучшие мужские качества.

Таким образом, одной из все более усиливающихся тенденций современной геополитической риторики является стремление восстановить позиции традиционной маскулинности, включающей стереотипно мужские качества. Вместе с тем эта тенденция подвергается критике со стороны сторонников новой маскулинности, которая утверждается в странах Запада с 1980-х гг. и включает в себя немало черт, составляющих стереотип традиционной женственности. Она репрезентируется ими как прогрессивная, в наибольшей степени отвечающая обществу постмодерна. Нередко, особенно в американских медиа, воплощением новой маскулинности среди политических лидеров они называют Б. Обаму. Маскулинность же Путина становится, в их риторике, объектом насмешек; маскулинность «крутых парней» представляют как архаичную, как несущую угрозу для демократии и международной безопасности. Заметим, что такие насмешки несут отпечаток ориенталистского дискурса; маскулинность Путина маркируется как проявление отсталости либо как неизбежное и неустранимое порождение российской цивилизации [4].

Подчеркнем, что заметной чертой геополитического дискурса сегодня является своеобразная «реставрация» традиционной мужественности на политическом Олимпе. Изменения гендерного порядка западных обществ, отражающиеся и в личностях политических лидеров, и в принципах внешней политики, критикуются как в самих США и странах ЕС, так и в других регионах (в России, странах исламского мира) [5]. В свою очередь, сторонники данных изменений рассматривают традиционную маскулинность как архаичную, на которой в значительной степени лежит ответственность за кровавые конфликты прошлого. Показательно, что особенности в стилях политического лидерства в гендерном измерении нередко объясняются

цивилизационными различиями. Наконец, необходимо отметить, что такое обсуждение маскулинности политических лидеров становится частью не только внешнеполитического дискурса, но и внутриполитической борьбы, практик легитимации власти, а также легитимации гендерного порядка.

Список литературы

1. Connell R.W. Masculinities. Cambridge, Polity Press, 1995. 295 p.
2. Tickner J.A. Gender in International Relations. New York, 1992. Режим доступа: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.467.44&rep=rep1&type=pdf (дата обращения: 06.10.2017).
3. Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61 No. 02. P. 23-35.
4. Рябова Т.Б. «Путин vs Обама»: противопоставление национальных маскулинностей как фактор современного российского антиамериканизма // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 63-71.
5. Рябова Т.Б., Рябов Д.О. Семейные и религиозные ценности как ресурс «мягкой силы» России: дискуссии в современных российских и западных СМИ // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 17-32.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И ТРАНСФОРМАЦИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

CHANGES THE RELATIONSHIP OF SOCIAL INSTITUTIONS AND TRANSFORMATIONS OF HUMAN POTENTIAL

Л.И. Савинов
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск
L.I. Savinov
Ogarev Mordovia State University, Saransk

Анализируются взаимосвязи изменений социальных институтов и трансформаций человеческого потенциала. Раскрываются результаты противоречивых отношений между институтом и человеком. Указывается самотождественность институтов, семьи, личности и общества.

The article analyzes the relationship between changes in social institutions and transformations of human potential. Revealed results contradictory relationship between the institution and the person. Specifies the identity of the institutions of family, individual and society.

Ключевые слова: социальный институт, человеческий потенциал, социокультура, индивид, эмерджентность, противоречия, изменения, семья

Keywords: social institution, human potential, social culture, individual, emergence, contradictions, changes, family

Взаимосвязь между человеком и социальными институтами очевидна и неоспорима; она естественна, служит и человеку, и обществу посредством удовлетворения необходимых потребностей. Процесс удовлетворения социально значимых потребностей является основным критерием, определяющим сущность социального института.

Институт семьи посредством рождаемости и социализации детей удовлетворяет потребность в воспроизводстве общества, общественную потребность в образовании удовлетворяет институт образования, потребность в безопасности – силовые институты, да и в целом социальная устойчивость зависит от социально одобряемых действий социальных институтов.

История возникновения социальных институтов обусловлена в целом развитием как самого человека, так и социокультуры в целом. Указами невозможно учредить социальные институты, их функционирование и устойчивость. Социальные институты представляют собой возрастание определенных социально-биологических истоков, а не искусственное их произведение. К истокам, на основе которых в изменяющейся социокультуре появились условия для взвращивания социальных институтов, возможно отнести инстинкты человека, разделение труда, свободу и зависимость человека от других индивидов и групп, формирование и закрепление привычек, шаблонов, норм, традиций.

Однако все меняется, и в наше время изменения в социальных институтах, колебания и расшатывания казалось бы твердых устоев становятся все заметнее. Рост беспокойств противоположностей, составляющих противоречия, становятся все более явными, обширными и социально значимыми. Растет число индивидов, поведение которых выходит за рамки одобряемого социальными институтами. Изменения коснулись и социокультуры, и социальных институтов, и индивидов. Следовательно, научное исследование по проблеме взаимосвязи изменений социальных институтов и трансформаций человеческого потенциала может быть отнесено к актуальным.

Рассуждая о противоположностях, составляющих противоречия, в нашем случае между социальными институтами и индивидами, необходимо придерживаться их равнозначности. Следовательно, мы должны рассмотреть и понимание роли индивида, и его человеческого потенциала в данном противоречии.

Но прежде всего, следует отметить, что общее понятие «человеческий потенциал» может быть применимо не только к индивиду, но и к социальным институтам, да и в целом к социокультуре. Понятно, что все виды и формы «человеческого потенциала» взаимосвязаны. С изменениями одних видов и форм будут изменяться и другие. В данной статье под «человеческим потенциалом» мы будем понимать тот вид, который присущ и характеризует именно человека, его индивидуальность, его как личность.

Следующей общей чертой всех видов и форм «человеческого потенциала» является то, что он раскрывается как в созидании, так и в разрушении, как при соблюдении норм и правил, так и при их нарушении. Об этом очень хорошо сказал А.П. Скрипник: «Культура создает ценности вместе с тем, что им и противоположно» [1, с. 9]. Применительно к нашей теме означает, что все виды и формы «человеческого потенциала» могут как способствовать, так и препятствовать их деятельности и ставить барьеры для социальной предназначенности институтов.

Вернемся к индивидуальному человеческому потенциалу. Во-первых, с момента рождения задатки для его развития у детей разные. Данные различия становятся в течение жизни все заметнее под влиянием родителей, семьи, школы и других социальных институтов; кроме того есть армия, профессия, место работы, своя семья, страна и социокультура в целом. Во-вторых, каждый человек не является членом только одного института, наоборот, индивид имеет взаимодействия и включен в отношения с целым набором социальных институтов. Определить территорию и границы взаимодействия так же, как внутренние и внешние реальные события соучастия индивида с институтом, возможно только эмпирически. В-третьих, измерить степень взаимовлияния между социальным институтом и индивидом (тем более его человеческим потенциалом) можно только вероятностно, но данное взаимовлияние присутствует. Известно, что меняются и институты, и человек. Гипотетически можно предположить, что люди с высоким уровнем человеческого потенциала заслуживают более совершенных социальных институтов, и, наоборот, хорошие социальные институты будут способны удовлетворять социально значимые потребности людей с высоким уровнем человеческого потенциала.

Все социальное трудноизмеримо. Так же сложно познать, что события и действия между индивидами и каким-то конкретным институтом должны иметь отношения как к другим событиям и действиям, так и к другим институтам и другим индивидам. Кроме того, наука не обладает полным пониманием природы человека, откуда и куда он идет, каков смысл его жизни, мы пока знаем только то, что человек не может быть вне общества, социальные институты зависят от норм и стандартов, которые весьма обширны и разные.

Сегодня мы лишены определенного понимания и человека, и человеческого потенциала, и понимания стандартов социальных институтов.

В-четвертых, предпринимая попытки конкретизировать, типологизировать и измерить человеческий потенциал, его содержание и сущность как в теории, так и на практике не избежать закономерности, о которой напоминал К. Ясперс: «Человек не есть существо законченное или способное быть завершенным» [2, с. 257]. Получается, что невозможно предвидеть, каким образом поведет себя индивид в изменившихся ситуациях. Кроме того, человеческий потенциал добивается результатов не только в высоких сферах социокультуры, он с успехом используется и в преступлениях, в аморальном поведении. Процесс «незавершенности» человека ставит вопрос о возможности познания человеческого потенциала.

Трансформация человеческого потенциала – явление не только социально-историческое, оно возникает также благодаря и биологической природе человека. Все составляющие человеческого потенциала меняются во взаимосвязи: биология, духовность, социальность, интеллект, психика. Причем, необходимо повторить, что единый вектор изменений может быть направлен как на конструктивное созидание человеческих ценностей, и на их разрушение.

Не будем детализировать, в каком направлении изменяются отдельные составляющие человеческого потенциала. Отметим только два варианта: 1) эмерджентные качества, свойственные потенциалу, могут преобладать, и поведение личности будет целостным; 2) деструктивность вполне вероятна, особенно с учетом особенностей жизненных циклов, тогда возможны разные варианты сочетаний поведения индивида, включая, что человек имеет способность в одном случае быть аморальным, а в другом – высокоморальным. Современная наука подтверждает, что общественный прогресс может привести к временному единству в научной сфере, но далеко не к единству человеческого потенциала в целом и в частных случаях.

Человеческий потенциал трансформируется по социальной закономерности, на которую указывает Г. Спенсер – «от однородного к разнородному» [3]; в обществе возрастает число образованных профессионалов, талантливых ученых и изобретателей, великих спортсменов и артистов, но также растет число тяжело больных, бедных, обездоленных и незащищенных, преступников и иждивенцев. Современная социальная реальность более не однородна по сравнению с предыдущим временем, и необходимо признать потребности у общества и личности, чтобы выделиться из общего строя, данные современные потребности являются рациональными.

Наиболее эффективным критерием, показывающим уровень индивидуального человеческого потенциала, является то, что ты можешь

сделать, а не то, что ты запланировал делать или что уже делалось. Человеческий потенциал – это наши инвестиции в себя (здоровье, образование, любовь, семья, дети, опыт работы, умение общаться, понимать других и знать себя, наши семейно-родовые истоки). Человеческий потенциал – это наше личное эмерджентное лицо, которым интересуется общество и его социальные институты, которое дает ответы на вопросы: кто мы и кем мы являемся.

Еще раз подчеркивая наличие системной зависимости индивидуального человеческого потенциала от социальных институтов, необходимо указать и на то, что как ни парадоксально, слишком тесное включение в функционирование института, в его цели и потребности способно усилить ощущение отчужденности от социального института. Со временем наша абсолютизированная принадлежность к социальному институту способна превратиться в ощущение оторванности от окружающего мира. В данном случае на нашем социальном лице не полностью проявится эмерджентный человеческий потенциал, мы будем зациклены на том, чего от нас ждет конкретный социальный институт. Это совершенно не означает, что зависимость от института и включенность в его работу приносит только вред личности. В мире сколько угодно ученых, инженеров, военных, политиков, абсолютизирующих свою сферу деятельности; но за все надо чем-то расплачиваться. Если человек дистанцируется от институтов, то доля свободы имеет возможность для возрастания, однако проявляется беспокойство по поводу применения своего потенциала, и наоборот, вовлеченность в сферу жизнедеятельности института сокращает территорию свободы, но индивид знает о своем человеческом потенциале и о его границах.

В качестве конкретных примеров, способствующих реализации положительных свойств человеческого потенциала, укажем на процессы, происходящие в социальных институтах. Институт семьи (равноправие супругов, возможность развода, равное или даже выше равного положение детей в семье, современное качественное участие значительного количества молодых мам в социализации своих детей). Институт образования (высшее образование стало широкодоступным, резко выросла информационная сфера в образовании, гуманные и демократические ценности стали более заметными, для достойных студентов качественное образование становится основой карьеры). Институт государства (заметна тенденция перехода от государственного патернализма к общественно государственному партнерству, государство сегодня не является принципом единства общественной жизни, граждане имеют более высокую степень свободы).

Трансформация социальных институтов способна тормозить или даже препятствовать реализации возможностей человеческого потенциала. Так для

России характерно постоянное запаздывание принятия решений государством, благодаря которым потенциал россиян мог реализоваться с большим эффектом.

Примеров, подтверждающих наличие «запаздывания государства», предостаточно: коррупция, проблемы с защитой граждан, семей и детей, находящихся за границей, «уход умов» из отечества, вывоз отечественного капитала за границу, судорожные и несистемные действия в профилактике алкоголизма, наркомании, разного рода катастроф и природных катаклизмов. Анализируя силовые институты, З. Бауман утверждал, что «мы все чаще сталкиваемся со слабостью, даже бессилием привычных воспринимаемых как должное институтов, призванных заниматься наведением порядка» [4, с. 88].

Даже усиление власти, что всегда характерно для силовых структур, не приносит эффекта в деле реализации человеческого потенциала. По мнению Уайтхеда «евангелие силы несовместимо с общественной жизнью» [5, с. 270].

Тем не менее властью институты не пренебрегают, это особенно заметно во взаимоотношениях между институтами. Так, институт государства постоянно усиливает вторжение в мир института семьи. Государство имеет успехи в изъятии детей у родителей, превращая их в детей государства. Многие индивиды понимают, что они отодвинуты от реального предназначения мужчины и женщины. Они не отцы и матери и не родители и супруги, поскольку они заняты на производстве, в лабораториях, на спортивных состязаниях, на службе у Отечества.

Неизвестно влияние на человеческий потенциал у женщины, которая по закону после родов по «социальным показателям» имеет право оформить уже в больнице отказ от своего ребенка и исчезнуть для новорожденного навсегда. Тысячи новорожденных остаются в роддомах, затем их оформляют в дом ребенка, они становятся сиротами при живых родителях. Теория «педбрак на педсвалку» практиковостребована в России.

Любое игнорирование чувства справедливости, которая служит источником любой осмысленной деятельности в обществе, негативно сказывается и на институтах, и на людях. История учит, что небезопасно человеку обольщаться безмерной верой в абсолютное могущество политических и государственных институтов. Небезопасно и забывать свое естество и социально-биологические истоки.

Подтверждением этого является то, что все народы в старости больше надеются на своих сыновей, чем на закон или вечно сменяющиеся политические власти. Да и само существование общества может считаться благополучным только при условии распространения достаточной степени однородности, общеодобряемые различия необходимы, но не тысячекратные. При наличии таких разрывов между верхами и низами встает вопрос, а

закончилась ли эпоха рабовладения. Все современные трансформационные процессы, присущие социальным институтам, с одной стороны, и развитие человеческого потенциала, с другой стороны, еще раз напоминают и указывают всем, что для человечества по-прежнему важны самоценность и самотождественность и человека, и семьи, и общества.

Список литературы

1 Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры / А.П. Скрипник. М.: Политиздат, 1992. 351 с.

2 Ясперс К. Смысл и значение истории / К. Ясперс. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

3 Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. Мн.: Современный литератор, 1998. 1408 с.

4 Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. М.: «Весь мир», 2004. 188 с.

5 Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / А.Н. Уайтхед. М.: Прогресс, 1990. 720 с.

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

DESACRALIZATION OF THE CONCEPTS OF RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE IN MODERN SOCIAL CONSCIOUSNESS: LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

В.В. Сайгин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.V. Caygin

Lobachevsky University

Рассматриваются языковые свидетельства тенденции к десакрализации исконных русских культурных концептов в современном общественном сознании в свете лингвокультурологического подхода. Материалом для исследования являются некоторые черты языковой ситуации в России последних десятилетий, которые отражают особенности ментальности и определенную направленность в духовной активности человека в современной России.

The work deals with language evidences of tendency to desacralization of primordial Russian cultural concepts in modern social consciousness in the light of linguoculturological approach. The materials of the analysis are some features of

language situation in Russia of the last decades which reflect peculiarities of mentality and certain trends in spiritual activities of a person in modern Russia.

Ключевые слова: десакрализация, концепты национальной культуры, лингвокультурологический подход, общественное сознание современной России

Keywords: desacralization, concepts of national culture, linguoculturological approach, social consciousness in modern Russia

В соответствии с принципами современной отечественной лингвокультурологии, именно язык, которым пользуется общество, является объективным и репрезентативным свидетельством состояния умов своих носителей, надежным средством диагностики особенностей ментальности и системы ценностей в социокультурной среде. Таким образом, анализ активных процессов в современном русском языке, как они понимаются, например, в работе [1], позволяет делать выводы об умонастроениях, господствующих в современной отечественной социокультурной среде. Одной из важнейших тенденций, определяющих, так сказать, духовную и ценностную «температуру» современного российского социума, является тенденция к десакрализации концептов русской традиционной культуры, выступающих в общественном сознании как «идеологемы» – знаковые носители базовых ценностей для социума на том или ином этапе его функционирования и развития [2].

Десакрализация «идеологем» христианства вообще выступает как одна из характерных тенденций современной эпохи. В общем виде под десакрализацией в избранном нами лингвокультурологическом подходе следует понимать переосмысление изначально высокого, религиозного, в нашем случае – православного концептуального содержания ключевых для традиционной культуры слов и выражений в бытовых понятиях, когда на первый план выходят внерелигиозные компоненты смысла, которые либо изначально присутствовали в семантике и оценочной сфере, но не играли основополагающей роли, либо возникают в результате семантических преобразований в новую эпоху его употребления [3].

Другая сторона десакрализации «идеологем» христианства – изменение оценочного потенциала, понижение стилистического регистра для слов и выражений, первоначально обозначавших «высокие» понятия. Так, важнейшей особенностью современного состояния языка как отражения современного состояния общественного сознания является стилистическое снижение слов, изначально выражающих высокие духовные и религиозно-нравственные понятия. Так, например, известно, что вполне серьезные, положительно отмеченные в церковной речи слова и выражения часто получают в

современной русской речевой практике пейоративную (отрицательную), ироничную, шутливую окраску: *подвизаться, злачное место, благоверный, елейный голосок, избиение младенцев* и т.п. Также и во фразеологии, в силу ее яркой образности, особенно наглядны расхождения с православной системой ценностей, например, фразеологизм *жить как у Христа за пазухой* плохо сочетается с требованием Христа взять крест и идти по узкому, тернистому пути спасения. Все это отражает общую тенденцию к понижению ценностного регистра высоких понятий при переходе из религиозной коммуникативной среды в коммуникативную среду светскую.

Очень примечательны в этом плане особенности функционирования слов – репрезентантов концепта «грех» в речевой практике современных носителей русского языка [4]. Так, несмотря на то, что ряд употреблений в современной русской речи все же сохраняют первоначальное религиозное понимание греха, в большинстве случаев можно говорить именно о десакрализации греха, которая, в частности, находит свое выражение в расширительном понимании греха как любого нарушения какой-либо нормы, сознательного или бессознательного, как ошибочных или неправильных действий в любой сфере – – социальной, политической, идеологической, этической, эстетической, культурной, при этом не обязательно в плане отношений человека и Бога, возможность квалифицировать как грех действия обобщенных или коллективных субъектов, не предполагающих наказания, покаяния или вообще какой-либо ответственности за его совершение.

Так, дескарализованное, светское понимание греха как простительной человеческой слабости, а также шутливое, т.е. несерьезное отношение к нему проявляет себя также в деривате с уменьшительно-ласкательным суффиксом *грешок*: *мелкие* ***грешки****, простительные* ***грешки.*** О десакрализации концептуального содержания «грех» свидетельствует такой дериват, как *погрешность.* Это слово реализует представление о грехе как о некоей неправильности в общем смысле слова – ‘ошибка, неправильность, неточность, допущенная кем-л. в чем-л.’: ***погрешность*** *в вычислении; стилистические* ***погрешности****,* – и потому распространяет это понимание на неодушевленные предметы, вещи –‘недостаток, изъян в работе какого-л. механизма, устройства и т.д.’: ***погрешности*** *в моторе трактора*. Иными словами, «грешить» могут даже неодушевленные объекты, что приводит к максимуму десакрализованности в понимании этого концепта в обыденном сознании современных носителей языка.

Однако наиболее показательными языковыми свидетельствами десакрализованного понимания греха в общественном сознании являются изменения в оценочной сфере, которые фиксируются в современных

контекстах употребления слова «грех», которые мы зафиксировали по данным Национального корпуса русского языка, а также собственного Интернет-мониторинга.

Так, на базе сложившегося в светской культуре понимания греха как простительной человеческой слабости развивается положительная оценочность для некоторых видов греха. Иными словами, грех может трактоваться как нечто приятное, нечто хорошее в определенных условиях, когда снимается его исконная трактовка в качестве разрушительного начала, несущего деструктивные тенденции. Изменение сферы оценочности концепта *грех* связано с двумя тенденциями.

I. Выведение некоторых видов греха из сферы действия традиционной негативно оценочной коннотированности. Этот процесс проявляется в синтаксической конструкции, где слово «грех» выступает в позиции предиката под действием модального оператора отрицания: ‘S – *не грех*’. Этот контекст позволяет диагностировать, что не является грехом для современного носителя языка. Так, в число «не-грехов» ожидаемо попадает пьянство: *Усаживаясь в машину, молодой немец Халилович бросает приятелям: – Ну что, после второго места и* ***по пивку не грех****?* Эротика**:** *Для католиков* ***эротика*** *– это* ***не грех****.* Прелюбодеяние: *Но если ты влюблен, то* ***прелюбодеяние*** *–* ***не грех****.* Блуд: *Встречаться с девушкой до свадьбы – это* ***не грех****.* Цинизм: ***Циничность*** *–* ***не грех****, это зрелость ума и трезвость при взгляде на вещи.* Наркомания: *Boris, ты пиши из африканских стран – может, и я соберусь за первоклассной дурью – это* ***не грех****.*

II**.** Приобретение концептом «грех» положительной оценочности. Этот процесс проявляется в атрибутивной сочетаемости слова «грех» с качественными прилагательными с общеоценочной или частнооценочной семантикой – *хороший, красивый, приятный, очаровательный, замечательный, любимый* и пр.: ***Красивый грех*** *к себе манил...*; *«****Очаровательный*** *маленький смертный* ***грех****».* Эти контексты позволяют диагностировать некоторые виды греха, которые потенциально или реально могут положительно оцениваться носителем языка. Это, например, такие грехи, как тщеславие, прелюбодеяние, чревоугодие и пр.: *Тщеславие – мой* ***любимый грех****!*; *Любовь –* ***приятный грех***; ***Приятный грех*** *чревоугодия;* ***Приятный грех*** *прелюбодеяния*.

С другой стороны, несмотря на то, что современный этап развития русского национального сознания характеризуется отчетливой десакрализацией религиозных понятий; следует отметить и определенную активизацию религиозной составляющей их концептуального содержания, связанную с очевидным возрастанием роли православного мировоззрения и христианской обрядности в современной России. Противостояние этих тенденций формирует

исключительное своеобразие рецепции концептов традиционной культуры в современном русском национальном сознании.

Список литературы

1. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская и др.; Под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2014. 304 с.
2. Радбиль Т.Б. О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследования: Сб. науч. трудов. Нижний Новгород: НГПУ, 1996. С. 11-28.
3. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. Режим доступа: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 27.11.2014).
4. Сайгин В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного линвгокогнитивного описания: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. 258 с.

РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

THE ROLE OF PERSONAL QUALITIES IN POLITICAL LEADERSHIP IN THE CONTEMPORARY WORLD

Т.Н. Самсонова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
T.N. Samsonova
Lomonosov Moscow State University

Успешность политического лидерства обусловлена многими факторами, в том числе, личностными качествами лидеров. Успешное лидерство порождает перемены, и это достигается путем глубокого понимания тех важных факторов, которые влияют на лидерский процесс. Происходящие в мире изменения требуют появления лидеров нового типа, новых форм и механизмов их взаимодействия с последователями, что обеспечит эффективное лидерство.

Political leadership effectiveness is linked to many factors, in particular, leader’s personal qualities. Good leadership makes a difference, and it can be enhanced through greater awareness of the important factors influencing the leadership process. The changes we are facing in today’s world demand a new breed of leaders, new forms and mechanisms of leader-follower interaction that provide effective leadership.

Ключевые слова: политический лидер, политическое лидерство, личностные качества, власть, влияние, харизма, доверие

Keywords: political leader, political leadership, personal qualities, power, influence, charisma, trust

Политическое лидерство – способ осуществления власти, основанный не на применении насилия или каком-либо ином подавлении, а прежде всего на поддержке лидера общностью/обществом, на возможности мобилизации граждан для достижения общих целей. Неотъемлемой характеристикой лидера является его способность оказывать влияние. Отношения между лидером и его последователями осуществляются посредством личного примера, убеждения, авторитета лидера, его личностных качеств.

В то же время нельзя не отметить, что на протяжении всего XX в. мир переживал чудовищные катаклизмы, когда некоторые политические лидеры (вожди) проявляли жестокость, превосходившую деяния деспотов прошлого. Миллионы человеческих жизней были принесены на алтарь властолюбия и бредовых идей этих политиков. Как отмечал С.Е. Лец, «у диктаторов нет силы, у них есть насилие». Ряд зарубежных исследователей (Дж. Адаир, Л. Стаут) высказывают мнение, что нельзя считать лидерами тех, кто использовал «неоправданные управленческие меры для сохранения своей властной позиции» [1, с. 283; 2, с. 70]. В этом контексте американская исследовательница Б. Келлерман использует понятие «дефектное лидерство» (bad leadership) [3].

Изменения, происходящие в современном мире, ставят перед лидерами немало проблем, требуют совершенствования их личностных качеств и навыков политической деятельности [4; 5] Эффективными могут быть только те лидеры, которые способны меняться в новых условиях, обладают знаниями и высоким профессионализмом, проявляют ответственность и порядочность, вызывая доверие и признание последователей. «У лидера есть две важные черты: во-первых, он сам куда-то идет, во-вторых, он может повести за собой людей» (*М. Робеспьер).*

В исследованиях политического лидерства традиционно основное внимание уделяется роли лидеров в политическом процессе, анализу их личностных характеристик, методов осуществления власти и влияния. Однако немаловажное значение имеют последователи лидера. Более того, их роль в функционировании политического лидерства в современном мире все возрастает. Можно утверждать, что на эффективности лидерства неизбежно сказываются недостатки и самих последователей – их пассивность, порой нежелание участвовать в общественно-политической жизни страны.

В последние годы в США и некоторых других странах получила распространение концепция т.н. суперлидерства. Так, Ч. Манц и Г. Симс – мл. в

своей работе «Суперлидерство: по ту сторону мифа о героическом лидерстве» высказывают мнение, что когда лидеры стремятся стать как можно сильнее, то последователи чувствуют себя незначительными, становятся слабее. В такой ситуации лидеры, не получая поддержки, оказываются малоэффективными [6]. Суперлидер – тот, кто сам старается сформировать лидеров из идущих за ним индивидов. А суперлидерство – это целый комплекс когнитивных и поведенческих стратегий, призванных обеспечить внутреннюю направленность и мотивацию у последователей, сформировать у них лидерские качества.

В наши дни в условиях быстрой смены ситуаций, появления в процессе глобализации новых вызовов возрастает значение подготовки политических лидеров. Все бóльшую роль играет их информированность, уровень знаний о разных сферах жизнедеятельности социума. Сегодня актуальны два типа власти: власть знания и власть личности. Лидерам важно обладать «в***и́***дением», умением создавать «образ будущего».

Анализ деятельности выдающихся политических лидеров XX столетия с неизбежностью ставит вопрос о лидерстве харизматического типа. Исследователи стремятся выделить его отличительные черты. В качестве присущих лидеру-харизматику качеств отмечают высокий энергопотенциал, внушительную внешность, независимость характера, хорошие риторическое способности, достойное и уверенное поведение и [7, с. 398-402; 8-9].

Порой высказывается мнение, что феномен политической харизмы не поддается в полной мере рациональному объяснению и анализу. Тем самым значение харизмы подвергается сомнению. Утверждается, что снижается вероятность появления политических лидеров-героев и лидеров-антигероев. «Место» харизмы, по мнению ряда исследователей, в информационном обществе занимают различные технологические и коммуникативные средства.

С таким мнением нельзя согласиться. Эффективность политического лидерства и в наши дни в немалой степени определяется наличием или отсутствием у лидера харизматических черт. Харизматический лидер является своего рода катализатором социальных процессов и общественных движений, а его личность выступает в качестве символа и инструмента национальной интеграции. Харизматическими лидерами были такие «знаковые» политики XX в., как Ф.Д. Рузвельт, М.Л. Кинг, Ш. де Голль, У. Черчилль.

В современном мире, в силу совершенствования системы разделения властей, развития гражданского общества и расширения возможностей его воздействия на органы власти наблюдается некоторое сокращение границ власти национальных политических лидеров. Вместе с тем политика по-прежнему носит персонифицированный характер.

Это хорошо видно на примере политического лидерства в президентских системах. Президент как центральная и репрезентативная фигура верховной власти является символом единства и сплоченности нации. Он персонифицирует не только наибольшую власть, но и высшую ответственность, выступает как своего рода «политический отец» нации. Президент, считает известный американский ученый Ф.И. Гринстайн, должен обладать такими личностными качествами, как способность к публичной коммуникации, организаторские способности, политическое мастерство, дар политического предвидения, четкий когнитивный стиль мышления и эмоциональный интеллект (эмоциональная устойчивость) [10]. Сама специфика президентской власти четко соотносится с особенностями личности президента, которые можно рассматривать с использованием известной в политической психологии пентады: *«хочет – может – знает – умеет – в состоянии»*. «Посредственный лидер говорит, хороший лидер объясняет, сильный лидер демонстрирует, великий лидер вдохновляет» (С. *Буххольц и Т. Рот*).

Эффективность политической деятельности лидера определяется его личностными качествами, стратегией политического поведения, особенностями политической системы и текущей политической ситуацией. Многое зависит и от способности лидера организовать взаимодействие с различными политическими и социальными институтами, так как для достижения поставленных целей ему необходимо опираться на политические партии, государственные органы, бюрократический аппарат, СМИ. Велико значение умения лидера использовать те ресурсы, которыми он располагает – властные, материальные (финансовые), человеческие, информационные и т.д.

Большую роль играет *доверие* лидеру – признание его достоинств, заслуг и полномочий, продуманности и эффективности действий. Доверие к политическому лидеру вызывают его компетентность, надежность, верность данным обещаниям, честность в общественной и частной жизни и др. Но как только наступает некий форс-мажор, граждане готовы «потворствовать» авторитарным наклонностям лидеров, ждут от них твердых действий. По мнению французского исследователя М. Камо, хотя демократический лидер как руководитель действует в соответствии с конституционными нормами, а правитель авторитарного типа – как лидер, стоящий «над законом», в современном мире «политическому лидерству свойственны как демократические, так и авторитарные черты» [11, с. 60-61].

Политическим лидерам важно умело использовать различные средства воздействия на чувства граждан, т.е. символическую власть. Она осуществляется посредством политической коммуникации, успешность

которой напрямую зависит от объема накопленного лидером символического капитала (авторитет, уровень доверия лидеру и т.д.).

Список литературы

1. Адаир Дж. Психология власти. М.: Изд-во Эксмо, 2004.
2. Стаут Л. Лидерство: от загадок к практике. М.: Добрая книга, 2002.
3. Kellerman B. Bad Leadership: What It Is, How It Happens, Why It Matters. Boston: Harvard Business School Press, 2004.
4. Самсонова Т.Н., Шпуга Е.С. Политический лидер в эпоху глобализации // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 2. № 71-72.
5. Самсонова Т.Н., Шпуга Е.С. Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. №4.
6. Manz C.C., Sims H.P., jr. SuperLeadership: Leading Others to Lead Themselves. N.Y.: Prentice-Hall, 1989; Berkley, 1990.
7. Кричевский Р.Л. Психология лидерства. М.: Статут, 2007.
8. Willner A.R. The Spellbinders: Charismatic Political Leadership. New Haven: Yale University Press, 1984.
9. Итвел Р. Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий // Социологические исследования. 2003. №3.
10. Гринстайн Ф.И. Личность президента и лидерство. Предисл. и пер. Т.Н. Самсоновой // Социология власти. 2007. №1.
11. Camau M. Le leadership politique aux confins des démocraties et des autoritarismes // Autoritarismes démocratiques. Démocraties autoritaires au XXIe siècle, La Découverte. 2008.

СЕЛФИ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

SELFI AS THE MECHANISM OF TRANSFORMATION OF IDENTITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN YOUTH

Н.В. Шахматова
Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
N.V. Shahmatova
Saratov State University

По результатам анкетирования анализируется популярность селфи, что свидетельствует о бессознательных попытках молодежи управлять идентификационным процессом и «решать задачу» выбора категорий идентичности. Показано, что этот процесс строится не только на осознанных фактах, решениях, выводах, но и на априорно принимаемых и не осознаваемых

характеристиках, индивидуальных особенностях молодых индивидов, отражаемых на фотоизображениях. Основными механизмами развития и формирования идентичности являются подражание, необходимое принятие, осознанное, ответственное принятие идентификационных характеристик, сопровождающееся принятием норм, правил и стереотипов поведения, что проявляется в процессе «выкладывания» «селфи», их оценки «лайками».

The results of the questionnaire examines the popularity of selfi that reveals the unconscious youth attempts to manage the identification process and the "task selection" categories of identity. It is shown that this process is not only on the conscious facts, decisions, conclusions, but on a priori and not perceived phenomena, characteristics, individual characteristics of young individuals, as reflected in fotoizobrazhenijah. The main mechanisms of the development and formation of identity are imitation, the necessary acceptance, informed, responsible adoption of unidentifiable, accompanied by the adoption of norms, rules and behaviours that manifests itself in the process of "placing" selfi, evaluation "Huskies".

Ключевые слова: молодежь, интернет-сети, селфи, трансформация идентичности

Keywords: youth, Internet, selfi, transformation of identity

Сегодня уже никто не представляет себе жизни без интернета, где все большую популярность получают социальные сети, такие как MySpace, Facebook, Twitter, Instagram, LiveJournal, Мой мир, Одноклассники, Вконтакте. Самые популярные международные социальные сети насчитывают более 500 миллионов пользователей, Российские – более 200 млн. Количество «говорящих» авторов только за май 2017 г. составило 38 млн., ими было сгенерировано 670 млн. сообщений. Превалирующая доля контента сосредоточена в социальных сетях – 470 737 тыс. публикаций, что составляет 70.2% от совокупного объема упоминаний в социальных медиа, доля микроблогов составляет 11.7% от общего количества, видео-ресурсов – 10.8% [1]. Они дают пользователям возможность объединяться в режиме «онлайн», ежеминутно обмениваться личной информацией. Сейчас не нужно встречаться лично, чтобы узнать, чем живет человек, достаточно всего лишь взглянуть на его страничку в социальных сетях. Современные социальные сети позволяют полностью рассказать о себе; указать социальный статус, семейное положение, круг общения, увлечения, религию и многое другое, что отражает идентичность человека, в том числе молодого.

Развитие идентичности как изменение представлений о своем месте в социальном мире происходит в течение всей жизни индивидов и социальных общностей. Однако сегодня применительно к молодежи целесообразно говорить о трансформации идентичности, которая означает быстрое преобразование, превращение, изменение структуры идентичности. В ходе

этого процесса происходит проверка уже сложившейся идентификационной структуры, исчезают и преобразовываются одни идентичности, появляются новые, меняются взаимосвязи компонентов, их роль и вес в идентификационной структуре [2]. Это происходит под влиянием целого ряда внутренних и внешних факторов – кризиса идентичности, нестабильности, неопределенности социума, возрастных, экономических, социальных, социокультурных перемен, интенсивного воздействия информатизации, глобализации и локализации социума, ускоряющихся разновекторных противоречивых изменений во всех сферах жизнедеятельности.

В современном мире молодежь всё чаще прибегает к использованию социальных сетей для организации общения, а оно в свою очередь приобретает новую форму. На смену привычных текстовых сообщений приходит фотография как выражение чувств и переживаний молодых людей. Для уточнения своей идентичности молодой человек нуждается в проявлении к нему интереса со стороны социального окружения. Те, кто не находят такового в жизни, находят его в социальных сетях, где последнее время огромную популярность набирают автопортреты «селфи», где образ автора предстает в желаемом ракурсе. А «лайки» к ним – поощрение, виртуальное доказательство привлекательности, оригинальности, успешности. Эта самореклама позволяет молодым индивидам обратить на себя внимание, «выйти из тени», заинтересовать собой, рассказать о своих успехах, событиях, повседневных делах.

Термин « селфи» образован от английского Self, что переводится как сам, само. Это разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру. В русском жаргонном варианте – «самострел» или «себяшка». Сам термин Selfie появился в конце 2000-х, в социальные сети проник в 2005 г. и стал особенно популярным благодаря развитию встроенных фотофункций мобильных устройств. В 2012 г. журнал Time отметил, что слово «Selfie» вошло в «Топ-10 модных словечек» 2012 г. В 2013 г. самый авторитетный англоязычный словарь – Оксфордский – признал selfie словом года. Согласно статистике начала 2014 г., в социальную сеть Instagram было размещено 79 млн. фотографий с хештегом (обозначением) «селфи» (#selfie) [3]. Более того, многие (если не большинство) выкладывают селфи без соответствующей пометки. Практически все популярные аккаунты в Instagram пестрят многочисленными «себяшками» [4]. Журнал Time проанализировал статистику по селфи 459 городов планеты (более 400 тыс. снимков, сделанных самими фотографами) и составил список самых «тщеславных» городов. Самым «тщеславным» российским городом оказалась Москва. Столица на 301 месте с 8 селфи на 100 тыс. жителей [5].

Как и в давние времена, так и сейчас роль, которую фотография выполняет относительно изменяющихся потребностей общества и молодого человека, велика. Однако стоит отметить, что ее функции несколько изменились. Ранее фотография выступала как средство запечатления наиболее важных событий человека, например, свадьбы. Это объясняется, главным образом, дороговизной и новизной фотографии. С улучшением техники ситуация значительно изменилась, и в настоящее время практически каждый может позволить себе собственную аппаратуру для создания визуальных образов. Также изменилось отношение людей к хранению фотографий: если ранее большая часть фотографий хранилась в альбомах и только некоторые из них удавалось увидеть на полках в доме, то сейчас «выкладывание» в Интернет-пространство фотографий стало неотъемлемой частью жизни населения, особенно и молодежи.

Жизнь напоказ в наше время стала привычной частью современного быта. Молодые люди выкладывают в сеть большое количество своих личных фотографий, порой рискуя собой и не оставляя без внимания даже такие обычные дела, как прогулка по городу, поход в магазин, уборка в доме или приготовления обеда, и публикуют это на своей страничке, чтобы получить признание, подтвердив тем самым свою идентичность.

Исходя из этого, в 2016 г. в Саратове было проведено авторское социологическое исследование отношения молодежи к селфи методом анкетирования. Было опрошено 480 человек по квотно-территориальной выборке. Опрос показал, что 79.5% саратовской молодежи используют социальные сети каждый день. 46.5% респондентов проводят там от 3 до 5 часов. 22.5% опрошенных уделяют социальным сетям от 1 до 3 часов. Каждый пятый представитель молодежи заявил, что он проводит в социальных сетях больше 6 часов. От 30 минут до 1 часа каждый день в социальных сетях проводят лишь 9% респондентов, а 1.5% делают это в зависимости от занятости.

17.5% опрошенных одобряют селфи, так как это разнообразит жизнь, или позволяет самовыражаться. В данном случае, речь идет о поисках ориентиров и стабильности в перенасыщенном информацией и нестабильном мире, который оглушает молодежь, но не помогает возникновению стабильных интересов. В условиях ограничения доступа к каналам вертикальной мобильности она ощущает свою жизни как рутинное однообразие без актуализации своих ресурсов и возможностей. Эту ситуацию молодежь пытается компенсировать интенсификацией контактов, как непосредственных, так и опосредованных современными средствами массовой коммуникации через интернет – сети.

В возрасте 14-20 лет основным аргументом одобрения является тот факт, что респонденты и сами делают селфи. Иными словами здесь оказывается задействован такой механизм идентификации, как подражание, сопровождающееся принятием норм, правил и стереотипов интернет-поведения. Кроме того именно в этом возрасте очень важно посмотреть на себя через призму лайков глазами социального окружения. Интересно, что это, хотя и чуть меньше, свойственно и возрасту 21-30 лет. Однако с возрастом увеличивается доля тех людей, которые не одобряют людей, делающих селфи, считая, что они выставляют себя напоказ. Иными словами, их внутренняя идентификация уже не нуждается во внешнем одобрении или не приносит удовлетворения.

41% молодежи фотографируют себя 1-2 раза в неделю. 30% – 1-2 раза в месяц. 15% делают это от 3 до 15 раз в день и чаще в случае надобности либо в зависимости от занятости. 9.5% фотографируют себя 1-2 раза в день. При этом 32.5% опрошенных действительно подтвердили получение удовольствия от процесса создания фотографий самих себя. 31% респондентов указывали фотографию как важную составляющую их жизни.

Особенно наглядно роль селфи проявляется в ответах на вопрос о цели выкладывания своих фотографий в социальные сети. Среди молодежи 14-20 лет наиболее популярными стали ответы, чтобы «показать другим, чего я достиг» (31.4%), поднять себе самооценку (26.7%). 16.2% респондентов стремятся получить много лайков/оценок. 4.8% опрошенных выкладывают фотографии в сеть для того, чтобы их узнавали или чтобы поделиться эмоциями (3.8%). Среди молодежи в возрасте от 21 до 30 лет также модальным значением стал ответ «показать другим, чего я достиг», хотя этот показатель несколько снижается (28.4%). Но в этой возрастной группе меньше стремятся к самовыражению, получению лайков или к тому, чтобы поднять себе самооценку. Они в 2 чаще тех, кто моложе, стремятся при помощи селфи поделиться новостями с друзьями, посмотреть на себя как бы со стороны, оценить сам себя. По 6.3% респондентов выкладывают фотографии «просто так» с целью обновления профиля. Остальные 5.3% этой молодежи выкладывают фотографии, чтобы показать домашних животных, сохранить на память, подчеркивая свою открытость и неконкурентность.

В младшей возрастной группе фотографируют чаще всего для того, чтобы получить много оценок/лайков, показать другим, чего я достиг и поднять самооценку. Молодые люди в возрасте 21-30 лет фотографируются в основном для виртуальной коммуникации. С возрастом удовольствие от селфи увеличивается. Вероятно, общение реальное заменяется виртуальным, появляются первые успехи на почве позитивной самоидентификации, что

провоцирует стремление передать эмоции, быстрее поделиться переживаниями. С возрастом молодые люди всё чаще начинают выкладывать фотографии в социальные сети. Тип же выкладываемых селфи с возрастом не меняется, в основном это простые повседневные фотографии, селфи и фотографии, сделанные на каком-либо мероприятии, что свидетельствует о стабильности компенсаторной стратегии поддержания позитивной идентичности в ситуации, когда трудно выдерживать социальное сравнение с другими, более успешными категориями молодежи. Поэтому конкуренция идентичностей замещается молодежью социальным творчеством, переоценкой самих критериев сравнения, проявляемых в процессе создания, редактирования, выкладывания селфи.

Таким образом, популярность селфи свидетельствует о бессознательных попытках молодежи управлять идентификационным процессом и «решать задачу» выбора категорий идентичности. Этот процесс строится не только на осознанных фактах, решениях, выводах, но и на априорно принимаемых и не осознаваемых явлениях, характеристиках, индивидуальных особенностях молодых индивидов, отражаемых на фотоизображениях. При этом основными механизмами развития и формирования идентичности являются подражание, необходимое принятие, осознанное, ответственное принятие идентификационных характеристик, сопровождающееся принятием норм, правил и стереотипов поведения, что проявляется в процессе «выкладывания» «селфи», их анализа и оценки «лайками».

Список литературы

1. Социальные сети в России, лето 2017: цифры и тренды [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://blog.br-analytics.ru/sotsialnye-seti-v-rossii-leto-2017-tsifry-i-trendy/ (дата обращения: 16.08.2017)
2. Иванова Н.Л. Самоопределение личности в бизнесе: Монография. – Изд-во: МАПН – «Аверс-Плюс», М.-Ярославль, 2007. 204 с.
3. Фото-селфи штурмуют социальные сети [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://1news.az/society/20140109031030 924.html (дата обращения: 16.08.2017).
4. Википедия. Сетевая энциклопедия [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 16.08.2017)
5. Комсомольская правда» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.kp.ru/daily/26207.7 /3092133/ (дата обращения: 16.08.2017)

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ ЗАМУЖЕСТВА ЖЕНЩИН В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

REVISITING THE ISSUE OF MARRIAGE MOTIVATION IN RUSSIA AND GERMANY

К.Г. Антанесян
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
K.G. Antanesian
Lobachevsky University

Данный текст представляет собой сравнительный анализ мотивации замужества и отношения к браку и семье женщин в России и Германии. Текст написан по результатам контент-анализа немецких и российских женских форумов на тему «Брак и семья».

The following work presents the comparative study of marriage motivation and attitude to the marriage and family in Russia and Germany. The article is written on the results of the findings of the content-analysis of German and Russian female forums concerning the topic “Marriage and Family”.

Ключевые слова: замужество, возраст вступления в брак, мотивация, создание семьи, семья и брак в России и Германии

Keywords: marriage, marriage age, motivation, family foundation, family and marriage in Russia and Germany

Семья и изменения, происходящие с ней, являются объектом многих научных исследований по всему миру, цель которых – попытка ответить на вопросы, почему и как изменяется институт семьи и брака, выяснить причины демографических изменений, выявить последствия этих изменений.

Основными тенденциями развития современной семьи являются снижение рождаемости, уменьшение количества регистрируемых браков, увеличение числа сожительств. Данные изменения принято объяснять изменением положения женщины в обществе, женской эмансипацией. Несомненно, изменение положения женщины в обществе ведет к тому, что у нее появляются другие цели и интересы.

Несмотря на эти изменения, почти все девушки, за некоторым исключением, всё же ориентированы на создание семьи. Сравнивая мнения девушек в России и Германии, проблемы, связанные с созданием семьи, немецких девушек начинают беспокоить позднее. Основными вопросами, которые волнуют девушек в обеих странах, являются следующие: когда, в каком возрасте, при каких обстоятельствах они хотели бы или собираются выйти замуж. Независимо от национальности девушки зачастую сталкиваются

с похожими проблемами. Размышления русских и немок на тему замужества схожи, и в России, и в Германии девушки, в основном, хотят выйти замуж и создать семью. Различия заключаются во взглядах на одни и те же вопросы и проблемы.

Основным различием является *мнение относительно возраста вступления в брак*. По данным форумов, оптимальным возрастом для создания семьи русские девушки считают 20-25 лет, ориентируясь при этом, во-первых, на «способность женского организма зачать, выносить и родить ребенка» и, во-вторых, на «рынок женихов», «ассортимент» которого в этом возрасте больше, чем, например, в 30 лет.

Возраст 21 год многие девушки называют «переломным», считая, что именно в этом возрасте пора выходить замуж или хотя бы всерьез об этом задуматься. Некоторые говорят о том, что в 21 год они уже полностью готовы к созданию семьи. В этом возрасте получено образование, есть материальная независимость от родителей, «морально» они готовы к созданию семьи. Они считают, что в этом возрасте лучше задуматься о семье и замужестве, чем продолжать «гулять».

Некоторые выходят замуж рано, в 18-19 лет, и живут со своим партнером счастливо. У некоторых и к 30-ти не получается встретить человека, с которым они могли бы создать семью, что является для них серьезной проблемой. Опасения связаны не только с отсутствием семьи, но это еще и страх возможных осложнений во время беременности или невозможности забеременеть вообще. Одна из незамужних девушек в возрасте 30 лет называет себя «бесполезным существом», от которого нет «никакого проку», т.к. у неё до сих пор нет семьи и даже перспективы выйти замуж в ближайшее время.

Кто-то считает, что нет идеального возраста для замужества и создания семьи: «как можно быть готовой выйти замуж, если раньше замужем за этим человеком не бывала? Если это впервые, ко всему этому невозможно быть готовой». Каждая может стать хорошей женой и матерью в 19 лет, но может и в 30 ею не быть. Если говорить именно о готовности девушки к замужеству, то «и к тридцати годам можно не созреть для свадьбы». Однако некоторые отмечают, что выходить замуж в более раннем возрасте проще, т.к. с возрастом приобретаются свои привычки и совместное проживание может протекать тяжелее.

Рассуждения немок относительно возраста вступления в брак не такие обширные. По мнению многих, выходить замуж в 18-20 лет – это точно слишком рано. Оптимальный возраст, однако, не указывается. Многие пишут о том, что в 35-40 лет выходить замуж лучше, потому что в этом возрасте уже точно понятно, чего хочешь и ждешь от жизни.

Причины, по которым девушки хотят выйти замуж, также различаются. Большинство русских девушек связывают замужество не с красивой свадьбой и белым платьем, а с рождением ребенка, что является, по их мнению, одной из основных составляющих полноценной семьи. Ожидая предложения от партнера, многие мечтают вскоре после свадьбы о беременности и долгожданном воспитании детей. Если вернуться к вопросу о возрасте, то большинству девушек не хотелось бы рожать первого ребенка в 30 или после 30-ти лет.

Но есть и такие, кто считает, что беременность поможет подтолкнуть их партнера к предложению о регистрации брака. Однако не всем девушками хочется выходить замуж, будучи в положении. Такие браки считаются «браками по залёту», а большинству всё-таки хочется выйти замуж по любви.

Совсем иначе на это смотрят немки. Точнее, ни одна девушка в своем ответе не говорит о том, что ей хотелось бы детей. Рождение ребенка для них не является составляющей понятия «создание семьи». Семья – это «счастливое будущее со своим партнером», «уверенность», «государственная регистрация».

Женщины говорят о том, что не могут представить себе полноценную семью без одинаковой фамилии. Сожительство, совместно приобретенное имущество (например, квартира в собственности или участок земли для построения дома) не являются для них теми факторами, которые образуют полноценную семью.

Рассуждая о рождении детей, немки отмечают, что регистрировать отношения после рождения ребенка необходимо, т.к. у родителей и ребенка должна быть одинаковая фамилия.

Некоторые женщины, размышляя о причинах замужества, называют и такие, как получение пособия на пенсии, т.н. «вдовьей пенсии» после смерти супруга.

Удивляет, что немецкие женщины совсем ничего не говорят о желании родить ребенка. Почти в каждом ответе на форуме девушки жалуются, что они хотят замуж, хотят быть невестой, женой, хотят провести «остаток жизни» со своим избранником. Однако ни в одном ответе не было слов о детях, о желании родить ребенка от любимого человека, воспитывать его. Главным для них является удовлетворение личных потребностей и возможность наслаждаться жизнью, находясь рядом с любимым человеком. В рассуждениях русских девушек на тему семьи и брака ребенок является неотъемлемой частью. Многие из них мечтают о ребенке, рожденном в официальном браке с любимым человеком, что говорит о сохранении традиционных ценностей в сознании русских девушек и женщин.

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРЦАХ[1]

PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION IN THE ARTSAKH REPUBLIC

А.Г. Арутюнян
Объединение молодых ученых и специалистов Арцаха, г. Степанакерт, Армения
A.H. Harutyunyan
Association of Young Scientists and Specialists of Artsakh, Stepanakert, Armenia

Выявляются и анализируются проблемы юридического образования Республики Арцах и представляются некоторые предложения по его совершенствованию.

The article reveals and analyzes the problems of the legal education of Artsakh Republic and presents some suggestions for its improvement.

Ключевые слова: Республика Арцах, проблемы юридического образования, юридическая клиника, подготовка юристов, повышение квалификации юристов

Keywords: Artsakh Republic, problems of legal education, legal clinic, training of lawyers, raising of lawyer's qualification

Ни для кого не секрет, что почти во всех странах мира юридическое образование находится на передовом месте и является составляющей конституционной безопасности. Проблема юридического образования приобрела значение конституционной безопасности и в такой стране, как Республика Арцах, которая пока еще не признана международным сообществом. Как отмечает Н. Бондарь, «понимание юридического образования как конституционной ценности заключается в том, что качество подготовки юридических кадров – это, в конечном счете, проблема конституционной безопасности; причем безопасность в этом случае в одинаковой степени касается как общества и государства, так и каждой конкретной личности» [1].

В Республике Арцах юристов готовят Арцахский государственный университет [2] и два частных вуза: университет «Месроп Маштоц» [3] и университет «Григор Нарекаци» [4]. По некоторым причинам уровень подготовки юристов не находится на надлежащем уровне и в данном направлении необходимо предпринять конкретные шаги.

В этой связи мы разделяем мнение профессора А. Вагаршяна о том, что при проведении реформ в сфере юридического образования необходимо

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке министерства образования, науки и спорта Республики Арцах в рамках научного проекта № SCS 15.10-002.

учитывать следующие обстоятельства: 1. реформы надо связывать с местными особенностями; 2. реформы следует осуществлять, не заимствуя модели других стран, а учитывая тенденции развития науки во всемирном масштабе, при этом не ломая армянскую систему [5].

Ниже приведем и проанализируем основные причины, которые препятствуют развитию юридического образования в Республике Арцах.

Так как в мире не существует всеобъемлющей модели юридического образования, в Республике Арцах на государственном уровне необходимо выработать концепцию по развитию юридического образования, особое внимание уделяя в процессе подготовки юристов качеству, а не числу последних. Наши наблюдения показали, что рост числа юристов в стране не способствует повышению уровня правовой культуры граждан. В этой связи есть мнение, что «главная проблема юридического образования состоит не столько в снижении уровня подготовки юристов как таковом, сколько в том, что наша юридическая образовательная среда в своих базовых элементах не находит вектора изменений, адекватных потребностям социального развития общества. Сложилось фундаментальное противоречие между современной социальной практикой и сложившейся моделью подготовки юристов» [6]. Здесь надо уделять особое внимание тем предметам, которые нужны в реальной правовой жизни, их преподаванию в вузах.

Для качества юридического образования очень важна подготовка и повышение квалификации преподавателей, которые должны систематически заниматься научной деятельностью, участвовать в конференциях с докладами, публиковать научные статьи в местных и зарубежных журналах. Университеты должны обеспечить преподавателей и студентов новой литературой (монографии, учебники, журналы, сборники международных конференций).

Одной из проблем юридического образования является неполное наличие теоретических знаний и практических навыков у студентов. Личный опыт показывает, что во время учебы главное внимание акцентировано на приобретении теоретических знаний, которые должны передаваться новыми технологиями и методами преподавания. Н.С. Семенова считает, что «юридическое образование должно быть не только теоретическим, но и ориентированным на будущую практическую деятельность» [7]. В этом контексте хотелось бы отметить, что в вузах Республики Арцах отсутствуют юридические клиники, которые дали бы практические навыки и опыт интересующимся данной областью студентам.

Для повышения качества юридического образования необходимо также организовывать олимпиады по праву среди студентов, которые дадут хорошую возможность для постоянного самосовершенствования.

В завершение необходимо отметить, что одной из проблем в области повышения качества юридического образования является существующая в постсоветский период проблема снижения роли и авторитета фигуры преподавателя в обществе. Данный спад произошел по многим причинам, и одной из них является невысокий уровень заработной платы [8].

Список литературы

1. Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. 2-е изд., доп. М.: Изд-во «Юрист». 2014. 72 с.
2. Официальный сайт Арцахского государственного университета [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.asu.am/ (дата обращения: 21.08.2017).
3. Официальный сайт Университета Месроп Маштоц [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.mashtots.am/ (дата обращения: 21.08.2017).
4. Официальный сайт университет Григор Нарекаци [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://grigornarekatsi.am/ (дата обращения: 21.08.2017).
5. Вагаршян А., Педагогические системы современного мира и проблемы юридического образования в Армении, ЕГУ, сборник материалов конференции профессорско-преподавательского состава юридического факультета ЕГУ, Ереван, ЕГУ, 2016. С. 6-17.
6. Синюков В.Н., Синюкова Т.В., Концептуальные основы развития университетского и прикладного юридического образования в России, Юридическая техника, 2009, №3. С. 292-308.
7. Семенова Н.С. Пути совершенствования содержания юридического образования // Проблемы качества юридического образования в современной России: материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 2011. С. 184-193.
8. Кондратьева Е.А. Отдельные проблемы качества юридического образования и пути их решения: взгляд преподавателя // Проблемы качества юридического образования в современной России: материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 2011.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПО АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

THE FORMATION OF PROFESSIONAL MOTIVATION FOR FUTURE BACHELORS IN ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE IN THE PROCESS OF STUDYING IN THE UNIVERSITY

Ю.А. Бахарев
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Yu.A. Bakharev
Lobachevsky University

Рассматривается проблема формирования профессиональной мотивации будущих бакалавров по адаптивной физической культуре в процессе обучения в вузе, обосновывается актуальность и необходимость этого процесса для качественной профессиональной подготовки. Представлены основные средства формирования профессиональной мотивации будущих бакалавров по адаптивной физической культуре.

Considered the problem of formation of professional motivation for future bachelors in adaptive physical culture in the process of learning in higher education, the actuality and necessity of this process for high-quality training. Presents the basic means of formation of professional motivation for future bachelors in adaptive physical education.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, бакалавр, профессиональная мотивация, профессиональная подготовка

Keywords: adaptive physical culture, professional motivation, vocational training, student-oriented education

Важнейшей предпосылкой психологической готовности студентов к профессиональной деятельности является формирование устойчивой системы мотивов учения, мотивационной сферы в целом, от которых зависит личная активность студентов в учебном процессе и успешность в будущей профессиональной деятельности.

Для оптимизации учебно-профессионального процесса и совершенствования системы профессиональной ориентации необходимо изучение мотивов профессионального выбора, а вместе с тем и формирования самой профессиональной мотивации, так как эффективное развитие профессиональной образованности личности возможно только при высоком уровне ее сформированности.

Под профессиональной мотивацией понимается осознание предметов актуальных потребностей личности (получение высшего образования,

саморазвитие, самопознание, профессиональный рост, повышение социального статуса), удовлетворяемых посредством выполнения учебных задач и побуждающих к изучению будущей профессиональной деятельности [1].

В процессе обучения в вузе происходит становление личности, повышение информированности будущих бакалавров по адаптивной физической культуре о приобретаемой профессии, формируется профессиональная направленность личности, осуществляется поиск эффективных путей активизации учебно-познавательной деятельности. Результативность и качество профессиональной подготовки будущих бакалавров зависит от понимания цели обучения и сферы практического применения полученных знаний, сформированных компетенций.

При поступлении в вуз предполагается, что абитуриент должен знать, какую профессию он выбирает, в чем в дальнейшем будет состоять его деятельность, сможет ли он, исходя из своих возможностей, желаний и потребностей, после окончания учебного учреждения работать в данной области. Однако далеко не всегда обучаемые имеют четкое представление о своем профессиональном будущем, поэтому основными целями воздействия на формирование мотивации студентов первых курсов являются: первичное ознакомление с характером будущей профессиональной деятельности, особенностями учебы и учебным планом на весь период обучения, обеспечение адаптации к условиям учебы в вузе [2].

К средствам формирования профессиональной мотивации у будущих бакалавров по адаптивной физической культуре на данном этапе обучения относятся: учебные курсы «Основы профессиональной коммуникации в адаптивной физической культуре», «Частные методики адаптивной физической культуры», «Совершенствование в профессиональной деятельности», имеющие в учебном плане практические занятия, проводимые на объектах будущей профессиональной деятельности; специальные беседы с преподавателями и выпускниками, направленные на самоопределение студентов; участие в международных и российских научных конференциях, конкурсах и творческих проектах; привлечение студентов к проведению спортивно-массовых мероприятий для инвалидов в качестве волонтеров.

Закрепление положительного отношения к избранной профессии, формирование профессионально важных личностных качеств, всесторонняя подготовка к осуществлению профессиональной деятельности являются целями формирования мотивации на последующих курсах. В процессе обучения реализуются следующие подходы к самореализации студентов в профессиональной деятельности: мониторинг развития профессиональных компетенций, профессионально важных качеств личности, индивидуального

стиля деятельности; самооценка студентами своих потенциальных возможностей для работы по избранной профессии; использование диагностических опросников самоидентификации в будущей профессиональной деятельности, которые помогут выбрать студентам то направление, которое позволит максимально самореализоваться в профессиональной деятельности.

Использование инновационных методов в процессе обучения способствует повышению интереса студентов к образовательному процессу, развивает у них творческие, креативные способности. В процессе обучения бакалавров по адаптивной физической культуре применяются следующие инновационные методы обучения: использование интерактивного обучения, применение компьютерных технологий в процессе чтения лекций и проведения практических занятий, моделирование профессиональной деятельности в учебном процессе, проектная деятельность.

Использование в учебном процессе интерактивных методов (проблемные лекции и семинары, тематические дискуссии, деловые игры) активизирует познавательную активность учащихся, усиливает их интерес и мотивацию, развивает способность к самостоятельному изучению, обеспечивает максимально возможную связь между студентами и преподавателями.

Эффективность учебного процесса зависит от обеспечения дидактическими материалами, созданными на базе информационных технологий: интернет-ресурсы, базы данных образовательного назначения с включением аудио, фото и видео, мультимедийные лекции-презентации, учебные фильмы, посвященные проблемам адаптивной физической культуры (адаптивному физическому воспитанию, физической реабилитации, адаптивной двигательной рекреации, адаптивному спорту).

Моделирование профессиональной деятельности в учебном процессе дает студентам наиболее правильное и полное представление о будущей профессии, позволяет им в процессе обучения овладеть навыками профессиональной деятельности, что обеспечит в дальнейшем эффективное выполнение необходимых трудовых обязанностей [3].

Использование современных методов и приемов обучения пробуждает интерес к образовательной деятельности, создает атмосферу мотивированного, творческого обучения и одновременно решает целый комплекс учебных, воспитательных, развивающих задач. Таким образом, формирование профессиональной мотивации у будущих бакалавров по адаптивной физической культуре является важным условием их качественной профессиональной подготовки в вузе. Этот процесс должен быть

целенаправленным, контролируемым и опираться на современные педагогические и психологические технологии развития личности.

Список литературы

1. Батышев С.Я. Профессиональная педагогика: учебник для студ., обучающихся по пед. специальностям и направлениям / С.Я. Батышев [и др.]. М.: Профессиональное образование, 1997. 512 с.
2. Воробьева М.В. Развитие профессиональной мотивации студентов в процессе обучения в туристском вузе [Текст]: дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / М.В. Воробьева. Москва, 2010. 236 с.
3. Оринчук В.А. Практика применения инновационных образовательных технологий в высшей школе / В.А. Оринчук, В.Е. Туватова // ИнВестРегион. 2014. №3(37). С. 58-62.

PROFESSIONALIZATION OF TUTORS IN SOCIAL WORK: WHY IS THE CONNECTION BETWEEN THEORY AND PRAXIS REQUIRED?
ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ТЬЮТОРОВ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: ПОЧЕМУ ВАЖНА СВЯЗЬ ТЕОРИИ С ПРАКТИКОЙ?

Sabine Beck
University Duisburg-Essen, Germany
Забина Бек
Университет Дуйсбург-Эссен, Германия

The paper examines the problem of professional institutionalization of tutoring for young social workers on the sites of practice under the shortage of qualified specialists. It suggests intensifying contacts of students – social workers with tutors as well as developing educational standards, proposals and guidelines for tutors.

Исследуется проблема профессиональной институциализации тьюторства для молодых социальных работников на местах практики в условиях дефицита квалифицированных специалистов. Предлагается интенсифицировать контакты студентов – социальных работников с тьюторами, разработать образовательные стандарты, предложения и руководства для тьюторов.

Keywords: professional tutoring in social work, international experience of social work, organization of placement in social work

Ключевые слова: профессиональное тьюторство в социальной работе, международный опыт социальной работы, организация практики в социальной работе.

Mit meinem Vortrag möchte ich einen aus meiner Sicht wesentlichen Aspekt in der Ausbildung von Sozialarbeitern hervorheben, der bislang zu wenig

Aufmerksamkeit erhält, aber für die Sicherstellung qualifizierter Nachwuchsfachkräfte von erheblicher Bedeutung ist. Es geht um die Frage, wie stellt die Soziale Arbeit Professionalisierung sicher und konkreter, was wird getan, um diejenigen, die den Auftrag haben Nachwuchskräfte zu professionalisieren, dass es erfolgreich ist?

Die Soziale Arbeit in Deutschland steht aktuell vor einer großen Herausforderung, die in den nächsten Jahren zu meistern ist. Hierbei ist die Zusammenarbeit zwischen Hochschule und beruflicher Praxis gefragt.

Derzeit besteht in Deutschland ein in der Geschichte der Sozialen Arbeit in dieser Ausprägung noch nie dagewesener Mangel an qualifizierten Sozialarbeitern. Diese Tatsache ist einerseits mit den Folgen des demografischen Wandels und andererseits mit einem wachsenden Bedarf professioneller Fachkräfte sowie gestiegenen Standards im Bereich der Jugendhilfe, aber auch mit der Flüchtlingskrise zu begründen.

Organisationen Sozialer Arbeit finden längst nicht mehr genug Personal, um den Bedarf zu decken. Zur Verdeutlichung des Problems: in Deutschland steht aktuell auf dem Arbeitsmarkt ein arbeitssuchender Sozialarbeiter fünf freien Stellen gegenüber, wie das Institut der Deutschen Wirtschaft 2016 erhoben hat. Wir sprechen inzwischen von einem Paradigmenwechsel, der sich vollzogen hat, vom Arbeitsmarkt hin zum Bewerbermarkt. Ein Markt auf dem Bewerber auswählen können, welcher Arbeitgeber für die eigenen Interessen und Bedürfnisse vielversprechend erscheint.

Die Realität in unserem Studiengang Soziale Arbeit an der Universität-Duisburg-Essen deckt sich mit den genannten Erhebungsergebnissen insofern, dass Organisationen Sozialer Arbeit offensiv Kontakt zur Hochschule suchen, um Nachwuchskräfte ganz frisch von der Hochschule zu rekrutieren. Eine aktuelle Absolventen-Studie unserer Universität belegt, dass der Großteil unserer Absolventen in kürzester Zeit im Beruf ist.

Diese Arbeitsmarktsituation setzt also Anbieter sozialer Dienstleistungen erheblich unter Druck.

Was konkret bedeuten nun diese veränderten Rahmenbedingungen für die Transformation menschlichen Potenzials?

Zieht man den Ansatz des Human Resource Management heran, ist eine Antwort schnell gefunden:

Es geht darum, effizient und effektiv Nachwuchs zu rekrutieren. Dabei ist Wert darauf zu legen, dass der Bedarf an Fachkräften in ausreichender Menge und – gleichermaßen wichtig – in angemessener Qualität aktuell und perspektivisch sichergestellt ist.

Welche Aktivitäten unternimmt man im Feld Sozialer Arbeit, die diese Zielorientierung erkennen lassen?

Der Blick auf die Hochschule zeigt, dass durch akkreditierte Studiengänge eine standardisierte generalistische akademische Ausbildung bereitgestellt wird. Spätestens seit der Bologna-Reform ist man bemüht, durch adäquate Lehr- und Lernformate Lehre kompetenzorientiert zu gestalten. Die Transparentmachung intendierter Lernergebnisse unterstützt, neben speziellen Lehr- und Lernsettings, wie Problemorientiertes Lernen und die Digitalisierung von Lehre durch Podcasts, virtuelle Moodle-Kurse etc., den Wissens- und Kompetenzerwerb. In gewisser Weise wird so output-orientiert ein Grundstock für die berufliche Praxis gelegt.

Die Komplexität des beruflichen Alltags fordert aber mehr als den an der Hochschule erworbenen Wissensfundus. Sie fordert professionelle Handlungskompetenz. Das heißt, Fachkräfte müssen in der Lage sein, ad hoc die Kombination verschiedener wissenschaftlicher Wissensgebiete und Disziplinenkenntnisse abzurufen, sie bedarfsbezogen zu synthetisieren und umsetzungsorientiert anzuwenden. Sie müssen situations- und fallangemessen handeln. Hiltrud von Spiegel, die viele Jahre zu Professionalisierung und Qualität der Sozialen Arbeit forschte, charakterisiert, dass es innerhalb eines Bündels relevanter Kompetenzen für professionelle Handlungsfähigkeit erforderlich ist, Wissen (Kennen) und Können (Fähigkeit der Umsetzung) gleichermaßen zu beherrschen. Diese Fähigkeit, Wissen und Können miteinander zu verbinden, könnte man kurz als Performanz, „realisierte Kompetenz“ bezeichnen.

Wie erwerben Nachwuchskräfte diese Performanz?

Den Möglichkeiten im Rahmen des Studiums sind, trotz integrierter pflichtiger und standardisierter Praxisorientierung (Praxisphasen), Grenzen gesetzt. So bewerten auch Leitungskräfte vielfach zwar das Studium als einen wichtigen Teil auf dem Weg zur Professionalität, die Herausbildung einer professionellen Handlungskompetenz beschreiben sie jedoch als Aufgabe der Praxis selbst.

Was unternimmt die Praxis, um Nachwuchskräften professionelle Handlungskompetenz zu vermitteln?

Anleiter unterstützen, vergleichbar einem Mentor, die Berufseinsteiger im ersten Berufsjahr, um den Professionalisierungsprozess zu begleiten und zu unterstützen. Ihnen kommt, wie soeben ausgeführt, eine wichtige Rolle zu. Sie sind essentieller Bestandteil des Professionalisierungsprozesses. Will die berufliche Praxis, vor dem Hintergrund des dringenden Bedarfs an Nachwuchskräften, effizient für eine nachhaltige Nachwuchsrekrutierung sorgen, ist das Thema Professionalisierung der Anleitung zu fokussieren.

Sicherlich verändert sich durch eine professionelle Anleitung nicht die quantitative Knappheit der dem Arbeitsmarkt zur Verfügung stehenden Nachwuchskräfte, aber die Attraktivität des Arbeitgebers steigt aus der Perspektive der Bewerber. Ein Wettbewerbsvorteil des Arbeitgebers gegenüber anderen entsteht.

Für junge Fachkräfte bietet ein qualifizierter und wohlstrukturierter Berufseinstieg Sicherheit und Perspektive, sich im Arbeitsfeld erfolgreich etablieren zu können. Man kann es als Maßnahme des Personalmarketings beschreiben.

Derzeit scheint in der Sozialen Arbeit (gemeint ist die berufliche Praxis) dieser Bereich allerdings eher unterentwickelt zu sein.

Was konkret ist erforderlich, um Entwicklung bzw. Optimierung an der Übergangsstelle zwischen Studium und Beruf zu erreichen?

Aus meiner Sicht bedarf es der Formulierung klarer Zielstellungen, der Entwicklung verbindlicher Strukturen und Prozesse, die verdeutlichen was in welchen zeitlichen Abschnitten in der Berufseinmündungsphase erreicht werden soll und mit welchen Mitteln/Instrumenten dies Ziele erreicht werden sollen. Darüber hinaus bedarf es, und – dies ist der wesentlichste Teil – der Qualifizierung der anleitenden Fachkräfte. Wie von der Praxis selbst festgestellt, ist die Person des Anleiters ein Erfolgspotenzial in der beruflichen Ein-Sozialisierung. Er ist Teil des Lern- und Sozialisationsarrangement innerhalb der Berufseinmündungsphase. Die fachlichen, aber insbesondere die didaktischen, methodischen, persönlichen und sozialen Fähigkeiten der Anleitenden sind entscheidend dafür, ob sich Berufseinsteiger zu Leistungsträgern entwickeln, eine Bindung an den Arbeitgeber aufbauen können oder nach kurzer Zeit das Arbeitsfeld oder sogar den Beruf wechseln. In dem, wie der Anleitende seine Rolle als Vorbild im professionellen Handeln, des kollegialen Beraters und des Feedback-Gebers ausgestaltet, wie engagiert, kompetent, also professionell er seinen Auftrag der Anleitung wahrnimmt, steckt das Potential einer gelingenden Berufseinmündungsphase.

In vielen Berufen ist eine zertifizierte Ausbildereignungsprüfung (fitness test for instructors/qualifying examination) Voraussetzung für die Erlaubnis, junge Kräfte überhaupt anleiten bzw. ausbilden zu dürfen. Der Erwerb des Zertifikats bzw. der Lizenz setzt die Teilnahme an einer mehrtägigen Qualifizierung und den erfolgreichen Abschluss einer Prüfung, die fachliche und soziale Kompetenz prüfen, voraus. Der Ansatz einer zertifizierten Eignungsprüfung könnte auch für die Anleitung im Feld der Sozialen Arbeit weiterführend sein und zu einer Professionalisierung beitragen.

An dieser Stelle soll nicht der Eindruck entstehen, dass es sich beim Professionalisierungsprozess von Nachwuchskräften um ein zweigliedriges - quasi versäultes – Modell handelt, in dem zwei voneinander unabhängige Systeme (Hochschule und Praxis) jeweils unabhängig voneinander ihren Beitrag zur Ausbildung von Sozialarbeitern liefern sollen. Dies würde den wenig zuträglichen Theorie-Praxis-Streit in der Sozialen Arbeit nur weiter befeuern. Versäulung oder Separierung der Ausbildungssysteme wäre der falsche Weg. Stattdessen scheint eine stärkere Verschränkung und Kooperation weiterführend.

Anleitende lassen sich als Transmitter zwischen Theorie und Praxis bezeichnen. Sie sind somit ein wichtiger Kommunikationsknotenpunkt zwischen den Systemen Hochschule und Beruf. Hier liegt aus meiner Sicht, eine Chance und ein gemeinsames Handlungsfeld gleichermaßen, das die Professionalisierung Sozialer Arbeit voranbringen kann. In gemeinsamer Verantwortung sollten Standards formuliert und Strukturen geschaffen werden, die erfahrene Fachkräfte auf eine anleitende Funktion gezielt und professionell vorbereiten. Neben der Schaffung von Strukturen ist die Qualifizierung essentiell. Die Hochschule kann hier ihren Beitrag leisten und der Ort und de Ressource einer regelmäßigen Qualifizierung von Anleitenden sein. Die Auffrischung fachlichen Wissens, Impulse zur systematischen Reflexion jahrelang eingeübter Arbeitsweisen, Vermittlung methodisch-didaktischer Inhalte sollten immanente Bestandteile einer solchen Qualifizierung sein.

Die Professionalisierung der Professionalisierer über den Weg der akademischen Weiterbildung eröffnet allerdings nicht nur für die berufliche Praxis Vorteile. Die Hochschule partizipiert an einem solchen Modell insofern, dass durch institutionalisierte Kommunikation frisches Praxiswissens in die Hochschule transportiert wird. Für beide Seiten gewinnbringende Diskurse zu hochaktuellen Themen der beruflichen Praxis werden angeregt. Hochschule und Praxis rücken so ein Stück näher zusammen.

Fazit

Zurück zum Ausgangspunkt. Wollen Organisationen Sozialer Arbeit konstruktiv mit der Herausforderung des Fachkräftemangels umgehen, ist eine Strategie erforderlich, die im Kampf um Nachwuchskräfte (war of talents) Wege aufzeigt und die Chancen einer professionellen Anleitung in das Berufsfeld ermöglicht.

Verstehen Berufspraxis und Hochschule dies als einen gemeinsamen Auftrag, kann die Herausforderung als Chance genutzt werden.

Abschließende Anmerkung:

Vor diesem Hintergrund hat der Studiengang Soziale Arbeit im vergangenen Jahr die Optimierung der Praxisphasen im Studium zum Thema gemacht. Als Zwischenergebnis sind zunächst folgende Aktivitäten festgehalten:

1. die Verstärkung regelmäßigen Kontakts zu Anleitern, u.a. in Form von Anleitertreffen,
2. die Formulierung von Standards zur Anleitung in Form eines Leitfadens zur Praxisanleitung,
3. gezielte Qualifizierungsangebote zu spezifischen Themen, wie Dokumentation in der Sozialen Arbeit, das neben einem refreshing für die eigenen Professionalität, methodisch-didaktische Hilfen zur Anleitung bei der Erstellung von Dokumentationen in der Sozialen Arbeit gibt.

ГРАЖДАНСКИЙ БРАК В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ МАЛОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА
CIVIL MARRIAGE YOUTH IN SMALL RUSSIAN CITY

И.А. Бегинина
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
I.A. Beginina
Saratov State University

По результатам социологического опроса методом анкетирования анализируется отношение молодежи малого города к гражданскому браку как нетрадиционной форме семейной жизни, выявляются типы установок юношей и девушек на лояльное восприятие его как симбиоза фактического и пробного браков. Он ставится в один ряд с церковным и юридическим оформлением. Неразвитость социально-экономических условий (отсутствие жилья, низкий уровень развития инфраструктуры малого города, узкая база для организации досуга и отдыха молодежи) – это серьезный объективный фактор отказа от создания легитимной семьи и формирования ориентаций на различные формы гражданского брака. Однако на практике, особенно у девушек, уровень стремления к традиционным формализованным семейным отношениям выше, чем в больших городах. От практик сожительства их чаще «охраняет» традиционность интериоризированных норм и сила воздействия общественного мнения земляков.

In the article according to the Sociologic poll questionnaire method examines the attitude of young people to the small town to the common-law as unconventional family life, identify the types of installations for boys and girls on the loyalty of the perception of it as symbiosis of actual and trial marriage. He is one of the ecclesiastical and legal clearance. Weak socio-economic conditions (lack of housing, poor infrastructure of a small town, narrow base for leisure and recreation youth) is a serious objective factor refraining from creating legitimate family and the formation of the orientations of the various forms of civil marriage. In practice, however, especially among girls, the level of desire for traditional formal family relations they are higher than in big cities. From the practices of cohabitation they are often "protects" traditional an interiorized norms and the force of public opinion.

Ключевые слова: молодежь малого города, семья, гражданский брак
Keywords: youth small town, family, civil marriage

Актуальность проблемы связана с изменениями, происходящими сегодня в семейной сфере человеческой жизнедеятельности, когда фиксируются нуклеаризация семьи, общее снижение рождаемости, уменьшение размера семьи и числа детей, увеличение неполных семей. Происходит процесс размывания системы поведенческих норм, представлений о содержании

семейных ролей в семье. Снижение уровня брачности [1] и увеличение среднего возраста вступления в брак коррелируют с тенденцией увеличения количества людей брачного возраста, выбирающих альтернативные формы семейной жизни.

Среди разнообразия альтернативных форм наиболее близкой к браку и наиболее принимаемой обществом формой семейных отношений является сожительство, часто обозначаемое как гражданский брак. Пары, совместно проживающие без регистрации брака, встречаются во всех возрастных категориях населения, но чаще всего – среди молодежи. Для них чаще характерно совместное проживание, разделение ресурсов, эмоциональность отношений, наличие детей. В то же время рост числа незарегистрированных союзов сопровождается ростом числа внебрачных детей и (в случае неудачного опыта семейной жизни) увеличением доли неполных семей и детей-сирот. По данным статистики, число неполных семей выросло до 30%, всего их 6.2 млн. В стране 5.6 млн. матерей-одиночек и 634.5 тыс. отцов-одиночек [2].

Распространение незарегистрированных брачных союзов фиксируется в России результатами специальных социологических исследований Т.А. Богдановой и А.С. Щукиной [3], А.Р. Михеевой [4]. Однако все еще ощущается дефицит информации о сожительстве как форме семейной жизни, имеющей свои особенности в малых российских городах, отличающихся более тесными социальными связями, более сильным воздействием на индивида общественного мнения населения.

Исходя из этого, в 2016 г. было проведено авторское социологическое исследование отношения молодежи к гражданскому браку в малом городе (левобережный город Пугачев и правобережный город Петровск Саратовской области) по квотной выборке методом анкетирования, опрошено 480 человек. Критерии отбора – пол, возраст. Оно показало, что в малом городе молодежь отличает относительно высокий, по сравнению с молодежью больших городов [5], уровень традиционного отношения к семье и браку, хотя гражданские браки приобретают все большую популярность. Всего 10% молодежи высказались против добрачных сексуальных отношений.

В целом степень информированности молодежи о гражданском браке достаточно высока. 53.6% молодых людей знают о существовании различных форм семейной жизни. 48% молодых людей одобряют гражданский брак. Но необходимо заметить, что опрошенные не смогли выявить четких различий между фактическим и пробным браком. Это позволяет предположить, что наиболее распространенной формой гражданского брака является форма, представляющая собой симбиоз фактического и пробного браков. О специфике других форм брака молодые люди мало информированы.

На момент опроса выяснилось, что у 58.75% респондентов есть знакомые, состоящие в гражданском браке, около 13% опрошенных сами находились в состоянии гражданского брака. Данные результаты показывают, что гражданские браки в малых городах сегодня легитимизируются, оказываясь в одном ряду с церковным и официальными браками. Однако стоит заметить, что молодые люди лояльно относятся к такой форме семейной жизни, но когда этот выбор касается их самих, доля приветствующих гражданский брак резко падает.

По результатам опроса было выделено три типа поведенческих установок молодежи по отношению к гражданскому браку. К первому типу (20.5% ответов) относятся установки, где нет существенной разницы между официальным браком и гражданским, когда отсутствие печати в паспорте не является препятствием для рождения детей, совместного ведения хозяйства. В этом случае можно с уверенностью говорить о полноценном семейном поведении. Второй тип, составляющий мнения 64.4% опрошенных, ориентирован на «гражданский брак» как возможность проверить на практике свой выбор: либо бытовую совместимость (37.2%) партнеров, либо чувства друг друга (27.6%). В этом случае люди, живущие в фактической семье, испытывают некую неуверенность друг в друге. С другой стороны, при такой форме семейных отношений юноши и девушки обретают опыт уважения социального пространства другого индивида. Такого рода отношения являются прелюдией, подготовкой к официальному браку и проверкой степени этой готовности. Третий тип установок молодежи (5.7%) представлен восприятием фактического брака как исключительно негативного явления, свидетельства разложения морально-нравственных устоев, института брака и семьи.

Доминирующим мотивом вступления в гражданский брак является желание молодых людей проверить свои чувства в обстановке быта. Второе место занимает свобода сексуальных отношений. На третьем месте стоит материальная независимость друг от друга. Самым несущественным мотивом является боязнь ответственности. Юноши обоих малых городов в большей степени ориентированы на гражданский брак, чтобы убедиться в его прочности, материальной стабильности. Девушки больше ориентированы на проверку чувств и бытовую совместимость в гражданском браке, но чаще мужчин настроены на регистрацию такого брака в ситуации продолжительности совместной жизни, рождения ребенка.

Неразвитость социально-экономических условий (отсутствие жилья, низкий уровень развития инфраструктуры малого города, узкая база для организации досуга молодежи) можно рассматривать как объективный фактор формирования ориентаций на различные формы гражданского брака. Это

подталкивает молодежь, фокусируя ее внимание на коммуникациях с противоположным полом, провоцируя сожительство. Однако изначальная гипотеза о том, что этому способствует фон относительно невысокого уровня грамотности, социальной ответственности – не подтвердился. Выявлено, что чем выше уровень образования молодежи, тем больше степень распространенности гражданского брака в этой категории населения малого города.

По мнению молодежи, на вступление в альтернативный брак влияет материальное положение. Это связано с тем, что в настоящее время юноши и девушки достигают социокультурной и физиологической зрелости задолго до того, как обретают экономическую свободу от родителей, что подталкивает их искать альтернативы официальному браку. Однако в реальности выяснилось, что чем выше уровень дохода, тем больше распространенность гражданского брака среди молодежи, что, вероятно, связано с недостаточной уверенностью в материальной стабильности своего партнера.

Среди социальных факторов, определяющих отношение молодежи к гражданскому браку, можно выделить факторы внутреннего и внешнего порядка. Так, 44.1% опрошенных останавливают от сожительства факторы самоконтроля, когда индивиды не готовы поступаться своими традиционными для жителей небольшого города жизненными позициями. Для 17.6% молодежи определяющим влиянием оказалось мнение окружающих, которые могут осудить их поступок, так как в небольшом городе все знают друг друга. 11.4% молодых людей, участвующих в опросе, отметили, что для них важна рациональность и правовая форма такого рода семейно-брачных отношений. Видимо они рассматривают формальную сторону как меру социальной ответственности и некоторую гарантию стабильности семейной жизни.

Таким образом, молодежь малых городов в основном лояльно относится к такой форме семейных отношений, как гражданский брак, рассматривая его как симбиоз фактического и пробного браков и ставя в один ряд с церковным и юридическим оформлением. Неразвитость социально-экономических условий (отсутствие жилья, низкий уровень развития инфраструктуры малого города, узкая база для организации досуга и отдыха молодежи, медицинского, культурного и бытового обслуживания) – это серьезный объективный фактор отказа от создания легитимной семьи и формирования ориентаций на различные формы гражданского брака. Однако на практике, особенно у девушек, уровень стремления к традиционных формализованным семейным отношениям выше, чем в больших городах. От практик сожительства их чаще «охраняет» традиционность интериоризированных норм и сила воздействия общественного мнения земляков.

Список литературы

1. Щербакова Е.М. Демографические итоги I полугодия 2016 года (часть I) // Демоскоп Weekly. 2016. №693-694. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2016/0693/barom01.php (дата обращения: 14.08.2017).
2. Распределение населения РФ по полу и возрастным группам (на 1 января 2016 г.) // Росстат [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 14.08.2017); Число неполных семей в России выросло до шести миллионов // Российская газета [Эл. ресурс]. Режим доступа://rg.ru/2012/04/26/semiya-anons.html. (дата обращения: 14.08.2017).
3. Богданова Л.П., Щукина А.С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социс. 2003. № 7. С. 100-104.
4. Михеева А.Р. Сожительства и внебрачная рождаемость: признаки кризиса или стабильности социального института семьи? // Семья в новых социально-экономических условиях. Материалы Международной научно-практической конференции: 2-10 октября 1997 г. / Под редакцией проф. З.М. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. Т. I. С. 126-129.
5. Бодруг-Лунгу В. Гендерные стереотипы и изменение повседневности (опыт Молдовы) // Гендерные стереотипы в современной России. Интернет-конференция. 2006. Режим доступа: http://ecsocman.edu.ru/db/ msg/281172.html (дата обращения: 14.10.2016)

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ В ПРАКТИКАХ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ

CRUEL TREATMENT WITH CHILDREN IN FAMILY UPBRINGING PRACTICES: THE PHENOMENON DEFINITION AND LIMITS

О.А. Беседина
Аппарат губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа, г. Салехард
O.A. Besedina
Governor's administration of Yamal-Nenets Autonomous Area, Salekhard

На основании авторского исследования анализируется жестокое обращение с детьми в практиках семейного воспитания. Предпринимается попытка разграничения феноменов наказания и жестокого обращения с детьми в семье.

Based on author's research data a cruel treatment with children in family is analyzed. An attempt of differentiation between punishment and cruel treatment is made.

Ключевые слова: социология семьи, практики семейного воспитания, социализация, социализация

Keywords: sociology of family, family upbringing practices, socialization

Семья как институт социализации выполняет важнейшие функции, формируя личность ребенка путем передачи ему социальных навыков взаимодействия, привития культурных традиций, обучения практикам освоения социальных ролей. В семье ребенок осмысливает первые нормы и ценности, получает основы образования, формирует мировоззренческие установки и взгляды, учится проявлять свою индивидуальность.

Социализация в семье происходит в результате целенаправленного процесса воспитания. Главной целью воспитания является привитие ребенку определённых качеств с учётом требований общества, что достигается путем воздействия на ребёнка и социального научения.

Влияние семьи на формирование социальной зрелости ребёнка связано с такими механизмами, как поощрение и наказание. Поощряя определённое поведение ребёнка, наказывая его за нарушения тех или иных правил, родители внедряют в его сознание систему норм, знание о том, какие из них одобряются, а какие – нет. Учитывая индивидуальные особенности ребёнка, откликаясь на его проблемы, или, наоборот, игнорируя то и другое, родители формируют его самосознание и личность в целом.

В восприятии граждан отсутствует разграничение между понятиями: жестокое обращение с детьми как деструктивная форма детско-родительских отношений, с одной стороны, и наказания детей, осуществляемые родителями в целях социализации ребенка и не влекущие негативных последствий для ребенка – с другой.

Наказание ребенка, являющееся мерой воспитательного воздействия, способствующее оптимальной его адаптации к социальным требованиям и не причиняющее ущерб здоровью ребенка, не является жестоким обращением.

В современных российских семьях достаточно распространена практика использования наказаний, которые воспринимаются как нормальные способы воспитательного воздействия как объектами, так и субъектами жестокого обращения. Так, 39.8% респондентов мужского пола и 26.1% женского пола считают, что их никогда не наказывали, а остальные воспринимают наказания как заслуженные, являющиеся одним из методов поддержания дисциплины и помогающие детям ощутить границы дозволенного, понять правила поведения в современном обществе. *К таким наказаниям относятся запреты,* ограничения, осуждение членами семьи; лишение какого-то удовольствия.

По результатам авторского исследования, только четверть опрошенных респондентов, по их мнению, подвергались в родительской семье жестокому обращению, в том числе 27.4% мужского пола и 23.2% женского. На вопрос о том, были ли среди их сверстников те, которые подвергались жестокому обращению, 66.8% ответили отрицательно, 28.3% отметили, что таких было несколько, и только 3.9% отметили, что таких было много.

В современных российских семьях распространена практика использования в качестве наказаний различных форм физического и психологического насилия над детьми. Многие из применяемых наказаний

воспринимаются как нормальные способы воспитательного воздействия как объектами, так и субъектами жестокого обращения. Более того, насильственные способы воспитания воспроизводятся, передаются из поколения в поколение, и с течением времени насилия в семьях становится все больше: «родителей» в семьях наказывали чаще, чем «прародителей», «детей» – чаще, чем «родителей». При этом все чаще используются различные формы психологического воздействия, тогда как доля родителей, практикующих физические наказания детей, остается примерно на том же уровне.

В ходе анкетирования в числе прочих респондентам задавался и вопрос о том, как их наказывали в родительской семье. Их ответы на данный вопрос мы сопоставили с ответами на вопрос о том, подвергались ли они жестокому обращению в родительской семье (Рис. 1). Многие из видов наказаний являются явными примерами жестокого обращения, в связи с чем и интересно, воспринимают ли опрошенные те наказания, которые к ним применялись, как жестокое обращение (тогда они должны были положительно ответить на вопрос о жестоком обращении) или, несмотря на довольно жестокие наказания, считают, что жестокого обращения с ними в родительской семье не было. При этом отметим, что те способы наказания, которые отмечали респонденты, вероятно, применялись неоднократно, поскольку предлагалось указать не все формы наказаний, применяемые родителями, а именно наиболее типичные.

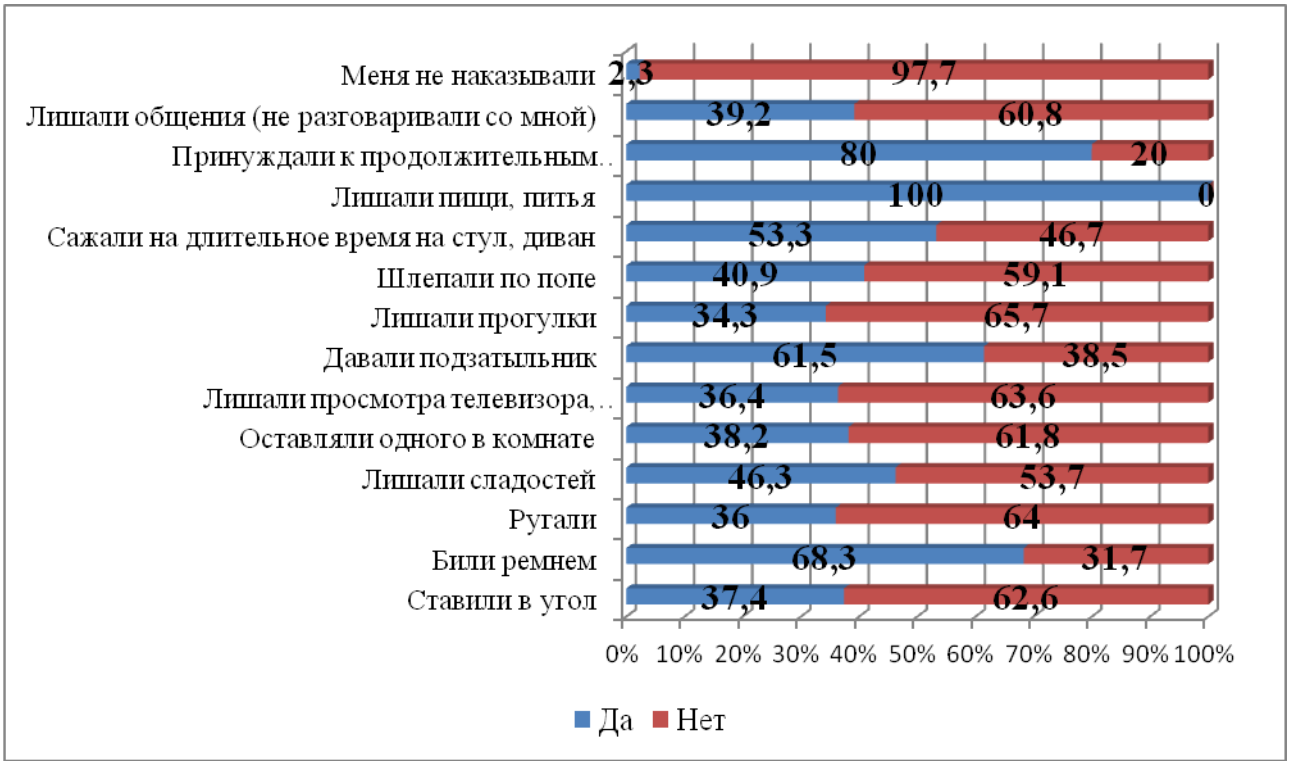


Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Подвергались ли Вы в родительской семье жестокому обращению?» в зависимости от ответов на вопрос: «Как именно Вас обычно наказывали?», % от числа опрошенных

Анализируя представленные на рисунке данные, прежде всего, можно отметить, что многие респонденты, подвергавшиеся в родительской семье серьезным наказаниям, воспринимают их именно как жестокое обращение. Например, положительно ответили на вопрос о том, имело ли место жестокое обращение с ними в родительской семье, все респонденты, которых в наказание лишали пищи и питья; 80% респондентов, которых родители за провинности принуждали к продолжительным неудобным позам; 68.3% респондентов, которых наказывали ремнем; 61.5% респондентов, регулярно получавших от родителей подзатыльники и т.д. Таким образом, среди респондентов, которых в родительской семье как-либо наказывали, как правило, всегда выше, чем в среднем по выборке, оказывалась доля тех, кто положительно отвечал на вопрос, подвергался ли он жестокому обращению (от 34.3% до 100% против 24.8% в среднем по выборке). В то же время среди тех респондентов, которые отмечали, что их в родительской семье не наказывали, доля ответивших положительно на тот же вопрос составила лишь 2.3%.

Очевидно, что многие респонденты ассоциируют словосочетание «жестокое обращение» с вопиющими формами насилия, поскольку, даже подвергаясь в родительской семье довольно серьезным наказаниям, не считают это проявлением жестокости. В частности, не считают себя подвергавшимися жестокому обращению: 20% респондентов, которых в наказание родители принуждали к длительным неудобным позам; 31.7% респондентов, которых наказывали ремнем; 38.5% респондентов, получавших как наказание подзатыльники. Можно заключить, что эти респонденты считают родителей, наделенными правом наказывать тем способом, который они считают нужным, а сами наказания – нормальным воспитательным методом. Это говорит и о том, что данные способы наказания не считающие их проявлением жестокости респонденты будут в дальнейшем применять (или уже применяют) и в своей родительской практике, тем самым, обеспечивая насилия в семьях.

Распределение ответов респондентов на вопрос, подвергались ли они жестокому обращению, были также сопоставлены с их ответами на вопрос о частоте применения в отношении них наказаний в родительской семье (Рис. 2).

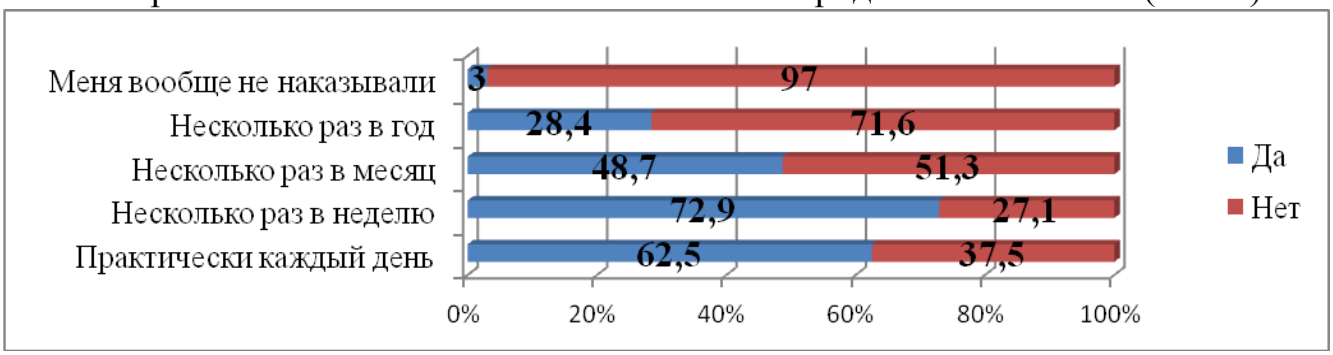


Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Подвергались ли Вы в родительской семье жестокому обращению?» в зависимости от ответов на вопрос: «Вспомните год, когда Вас наказывали чаще всего. Как часто Вас наказывали в это время?», % от числа опрошенных

Представленные данные свидетельствуют, что респонденты, которых в родительской семье наказывали достаточно часто, как правило, чаще давали положительный ответ на вопрос о том, подвергались ли они жестокому обращению в родительской семье. В частности, заметно выше, чем в среднем по выборке, оказалась доля таких респондентов среди тех, кто отметил, что их наказывали несколько раз в месяц и несколько раз в неделю (48.7% и 72.9% соответственно против 24.8% в среднем по выборке). В то же время эта доля оказалась близкой к средней по выборке среди тех, кто отметил, что его наказывали лишь несколько раз в год (28.4%), и заметно ниже средней по выборке среди тех, кто отметил, что его в родительской семье вообще не наказывали (3%).

Интересен при этом тот факт, что среди тех, кого наказывали в родительской семье практически каждый день, доля положительно ответивших на анализируемый вопрос оказалась ниже, чем среди тех, кого наказывали несколько раз в неделю (62.5% против 72.9%). Очевидно, это связано с тем, что слишком частые наказания приводят у некоторых к формированию представления о них, как о норме, а не как о проявлении родительской жестокости. Тем больше вероятность, что наказания будут (или уже являются) не менее редкими и в их собственной семье.

Кроме того, необходимо отметить, что многие респонденты не считают проявлением жестокого обращения с ними даже очень частые наказания. Так, каждый четвертый респондент из числа тех, кого наказывали несколько раз в неделю, отрицательно ответил на вопрос о том, подвергался ли он жестокому обращению, как и каждый третий среди тех, кого наказывали практически каждый день. Это говорит о том, что в семьях этих респондентов практика частых наказаний детей стала нормой.

Стремление родителей к тому, чтобы наказание не унижало личность ребёнка, не оскорбляло его человеческого достоинства, может стать важным фактором успешной социализации ребенка, воспитания в нем позитивных навыков взаимодействия и формирования гармоничной личности.

ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ, ВОССТАНОВЛЕННЫХ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ[1]

LIFE TRAJECTORIES OF CHILDREN AND PARENTS WHO HAVE RESTORED THEIR PARENTAL RIGHTS[2]

О.В. Бессчетнова
Балашовский институт (филиал)
Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
O.V. Besschetnova
Balashov branch of Saratov State University

Представлены результаты социологического исследования проблемы сиротства; на основе метода кейс-стади проанализированы позитивные и негативные последствия восстановления родителями родительских прав.

The article contains the results of the quantitative sociological research of orphanhood social problem. Positive and negative impacts of restoration of parental rights, using the method of case-study are analyzed.

Ключевые слова: сиротство, жизненные траектории, восстановление родительских прав, лишение родительских прав

Keywords: orphanhood, life trajectories, restoration of parental rights, termination of parental rights

Девиантное материнство, безответственное родительство и, как следствие, социальное сиротство невозможно рассматривать только через призму индивидуальной безнравственности и аморальности родителей, поскольку злоупотребление или уклонение от родительских обязанностей по содержанию и воспитанию детей обусловлено целым комплексом экономических, политических, социокультурных и других факторов, обусловливающих данную социальную патологию.

В ходе осуществления полевого этапа исследования в 2016-2017 гг., при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-03-00057), на основе проведения опросов представителей системы профилактики сиротства и родителей, лишенных или ограниченных в родительских правах, было установлено амбивалентное отношение к процессу восстановления родительских прав как со стороны специалистов, так и самих родителей.

Из анализа интервью экспертов следует, что специалисты, с одной стороны, выражают готовность оказать необходимую помощь родителям в

[1] Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Жизненные траектории детей и их биологических родителей, восстановленных в родительских правах», № 16-03-00057.

[2] This article was prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the project «Life trajectories of children and their biological parents restored their parental rights», no 16-03-00057.

процессе восстановления родительских прав, с другой – сомневаются в целесообразности предпринятых действий, высказывая субъективное мнение о конечном результате, принимая во внимание индивидуальные обстоятельства семейной ситуации и личностные характеристики родителей.

На примере двух разнополярных кейсов можно проследить жизненные траектории детей и родителей, восстановленных в родительских правах.

Кейс 1 (Интервью с директором центра социальной помощи семье и детям, стаж работы 23 года, жен., 44 г., Белгородская область).

Интервьюер: *Как часто родители восстанавливают родительские права? Расскажите случай из Вашей практики.*

Эксперт: «Из практики был интересный пример, когда семья алкоголиков, причем, алкоголики такие, со стажем, многодетные родители, у них было трое детей. Мама умерла и трое детей остались с отцом, который злоупотреблял спиртными напитками, не мог осуществлять воспитания и содержания, не работал длительный период, дети неоднократно помещались к нам, потом возвращались ему, потом опять. И когда дети поступили к нам уже в третий раз, дети были устроены как дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, в наш детский дом. Детский дом без лишения отца родительских прав детей принял, это было давно.

Дети в течение года проживали в детском доме без установления статуса, тогда это еще можно было сделать… Когда детский дом решил, что отец не может воспитывать детей, дети снова были переданы в наше учреждение, и мы стали собирать документы на лишение отца родительских прав. Но у отца была очень хорошая мама, т.е. бабушка детей, которая взяла его за руку, наняла адвоката, и у нас был просто бой за этих детей, да…».

Интервьюер: *Как часто родители прибегают к услугам адвоката?*

*Эксперт: «*Адвоката нанимали за 20 лет моей практики только первый или второй раз, обычно практика такая, что люди не привлекают адвокатов, у них нет, может быть, возможностей, желания, иногда просто признают и все, им так легче, или в суд не приходят совсем. А тут был такой бой, когда мы собирали массу документов…».

Интервьюер: *Какие действия предпринял отец для восстановления родительских прав?*

*Эксперт: «*В этом случае все было плохо: не приходил, не приносил, не поддерживал, не работал, не лечился, не звонил. Потом в один момент все это сделал, нанял адвоката, и он выиграл суд. Дети до сих пор живут с отцом, учатся нормально и он не пьет. Если бы он пил, то в наше поле зрения он уже бы попал. Я вижу иногда, как он утром водит детей в школу, они живут недалеко от меня. Я каждый раз вспоминаю этот суд, когда мы доказывали, что

он не может…., я думаю, бабушка ему помогает. И я рада, что мы его проиграли…».

Анализируя жизненные траектории родителя и детей, можно отметить, что активная социальная поддержка расширенной семьи представляет собой один из социальных ресурсов, мотивирующих родителя на прохождение всех этапов процедуры восстановления родительских прав, и который, в последующем, позволяет сохранить целостность биологической семьи.

Однако не всегда восстановление биологических родителей в родительских правах и сохранение кровной семьи – в интересах несовершеннолетнего ребенка. Окончательное решение о сохранении или восстановлении кровной семьи должно приниматься с учетом всех социальных условий (трудоустройство родителей; преодоление аддикций; стабильный доход; демонстрация устойчивой мотивации к возврату детей; доступ к социальным ресурсам; поддержка родственников, ближайшего социального окружения). Отсутствие своевременного, комплексного сопровождения воссозданной семьи со стороны социальных служб, образовательных и медицинских учреждений может свести к минимуму предшествующие усилия.

Кейс 2 (Интервью с зам. директора центра социальной помощи семье и детям, стаж работы 20 лет, жен., 43 г., Саратовская область).

Интервьюер: *Вспомните, пожалуйста, случай из Вашей практики о восстановлении родителей в родительских правах.*

*Эксперт: «*Могу рассказать вот такой случай. Мальчик к нам поступил, будучи учащимся ПТУ, мама проживала в Романовском районе [*прим. автора район в Саратовской области*], и мальчик имел прописку там же. Но он был прописан у бывшего сожителя матери, с которым мать уже долгое время не проживала, т.е. у совершенно постороннего человека. Мать выехала за пределы Романовского района и исчезла в неизвестном направлении, злоупотребляла спиртными напитками. Мальчик не приступил к обучению 1 сентября, поэтому его стали разыскивать, его нашли, поместили к нам. Стали искать маму, мама вообще жила на пруду с очередным мужчиной. Там они охраняли частный пруд в каком-то вагончике, сарайчике».

Интервьюер: *Всегда ли сохранение биологической семьи – в наилучших интересах ребенка?*

*Эксперт: «*Смысл в том, если бы своевременно мать этого ребенка лишили бы родительских прав, на тот момент ему было 17 лет, он бы мог получить социальное жилье и где-то пристроиться. Сейчас ему 18, и все, поезд ушел. Он остался ни с чем. С сентября появилась мама, мы ей говорили: «Ты ему ничего дать не сможешь, откажись, откажись» *[прим. автора от родительских прав]*. Она: «Нет и все». Мы созванивались с Министерством, в

итоге ничего мы не смогли сделать. Тут затянувшиеся проблемы, потому что раньше нужно было обратить внимание на образ жизни матери. Например, когда ему было 15, это были все те же проблемы».

С точки зрения экспертов, в отдельных случаях сохранение биологической семьи или восстановление родительских прав лишает ребенка необходимых средств для полноценного существования, ведет к нарушению его конституционных прав. Статьи Семейного кодекса РФ содержат указание на следующие права детей: право жить и воспитываться в семье; право на заботу родителей, совместное с ними проживание; право на воспитание своими родителями, обеспечение интересов, всестороннее развитие, уважение человеческого достоинства ребенка (ст. 54); право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи (ст. 60) [1].

К наиболее частым нарушениям прав детей на жилище, происходящим по вине родителей, можно отнести: приватизация жилого помещения либо совершение сделок с недвижимостью без учета интересов ребенка; препятствие пользованию жилым помещением, закрепленным за несовершеннолетним; снятие с регистрационного учета без дальнейшей постановки на учет; совершение рискованных имущественных сделок [2].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о недостаточной профилактической работе по выявлению семейного неблагополучия на более ранних этапах; слабой воспитательной работе в учреждениях образования; низкой правовой грамотности родителей, что, в конечном итоге, нарушает права несовершеннолетних детей, не позволяя им воспользоваться гарантированными государством льготами.

Вместе с тем, по мнению экспертов, существует отдельная категория родителей, лишенных родительских прав, которые, наоборот, хорошо информированы о государственных льготах и гарантиях, особенно в части получения материальных выплат и обеспечения жильем, о чем свидетельствует выдержка из беседы представителя органов опеки и попечительства с матерью, лишенной родительских прав:

Мать: «…Вы, наверно, своей дочери квартиру купили?»

Специалист: «Нет, они с мужем взяли ипотеку, теперь выплачивают».

Мать: «…А я всех своих детей жильем обеспечила. Ничего, от государства не убудет…» (Из интервью с начальником отдела органов опеки и попечительства, стаж работы 19 лет, жен., 40 лет, Забайкальский край).

Список литературы

1. Семейный кодекс РФ (ред. от 01.05.2017) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc/ (дата обращения: 14.06.2017).
2. Трудовой кодекс РФ (ред. от 01.01.2017) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc. (дата обращения: 14.06.2017).

БОРЬБА С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ELIMINATION OF CHILD HOMELESSNESS IN KALININ REGION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Л.А. Болокина
Тверской государственный технический университет
L.A. Bolokina
Tver State Technical University

На основе архивных источников в статье рассматривается процесс возвращения к мирной жизни населения освобожденной от оккупации территории Калининской области. На примере Ржевского района показана разноплановая работа органов власти по решению острой проблемы социальной сферы – борьбе с детской беспризорностью.

Based on archival findings the article highlights the issues connected with the process of return to peaceful life on the territory of Kalinin Region released from the occupation. Using Rzhev District as an example the article reveals multi-faceted activity of local authorities in handling the problem in social sphere – elimination of child homelessness.

Ключевые слова: беспризорность, Великая Отечественная война, дети-сироты, Калининская область, Ржев

Keywords: child homelessness, the Great Patriotic war, orphaned children, Kalinin Region, Rzhev

В 1941 г. Калининская (ныне Тверская) область была частично оккупирована. Постепенное освобождение занятых врагом районов и налаживание повседневной жизни населения ставило перед властными структурами множество новых задач. Важной частью общей работы стало устройство беспризорных детей. Следует уточнить, что под детской безнадзорностью понималось ослабление или отсутствие наблюдения за поведением детей и подростков, воспитательного воздействия на них со

стороны родителей или заменяющих их лиц, а детская беспризорность определялась как отсутствие у детей и подростков постоянного места жительства, определенных занятий, семейного или государственного попечения, систематического воспитательного воздействия в результате потери родителей, бегства из семьи и по другим причинам.

В феврале 1942 г. исполком Калининского областного совета депутатов трудящихся принял решение «О борьбе с детской безнадзорностью». Согласно данному документу, при исполкоме облсовета была образована комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей, в которую вошли представители от НКВД, ВЛКСМ, облздравотдела, облоно и других структур. Председатели исполкомов районных и городских советов обязаны были выявить всех безнадзорных детей и определить их в детские приемники-распределители или на патронат. Органам НКВД поручалась организация детских приемников-распределителей, куда направлялись дети в возрасте до 15 лет включительно. Для помощи родственникам в деле поиска детей при областном и районных УНКВД создавались адресные столы, в которых должны были быть зарегистрированы все дети из детских домов, приемников, находившиеся на патронате. Руководителям целого ряда промышленных организаций вменялось в обязанность безоговорочно принимать детей-сирот старше 14 лет на работу по путевкам облоно и создавать им необходимые бытовые условия. С целью широкого развития патронирования в семьях рабочих, служащих, колхозников лицам, принявшим на воспитание детей, выдавались ежемесячные пособия в сумме 50 руб. на одного ребенка. Кроме того, предусматривался целый ряд конкретных мер по организации детских домов, открытию специальных комнат для временного приема выявленных безнадзорных детей, осуществлению контроля за патронированием детей и т.д. [1, л. 3, 4]

Как видно из документов, в большинстве районов, в том числе Ржевском, основную роль в борьбе с беспризорностью играли органы НКВД. Для проведения изъятий беспризорников территория Ржева в 1944 г. была поделена на 11 оперативных участков. В первом квартале года проведена 1 операция, во втором 2, в третьем 4, в результате были задержаны 193 безнадзорных ребенка и 1 беспризорный. Наибольшее число детей – 44 человека – задержаны за продажу вещей и торговлю на базаре, 18 человек за попытку совершения кражи, 3 человека за нищенство. Если в первом полугодии никто из родителей не был наказан, то в третьем квартале 6 человек были оштрафованы на 1000 руб. В целях профилактики на предприятиях и в школах проводились беседы: 12 бесед провели сотрудники НКВД, а 11 преподаватели гороно [2, л. 18 (об.)].

10 докладов по профилактике безнадзорности сделали сотрудники железнодорожной милиции, которые обособленно от НКВД работали в данном

направлении. Кроме ежедневных изъятий на железной дороге, также проводились массовые операции. В течение того же периода оказалось изъято 518 человек, в том числе 407 безнадзорных и 111 беспризорных. 16 родителей заплатили штраф, один был привлечен к уголовной ответственности.

29 января 1944 г. по решению исполкома горсовета во Ржеве была организована комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей. Судя по документам, комиссия не сумела сплотить и объединить усилия общественности, образовательных учреждений, комсомола, милиции. Например, ни разу так и не собрались вместе домоуправы и председатели уличных комитетов для обсуждения вопроса о количестве детей-сирот, прибывших из эвакуации. По данным комиссии, на 1 сентября 1944 г. было учтено 256 детей-сирот, из них 88 было трудоустроено, 132 находились на патронате и 36 на опеке, при этом все они посещали школы, хотя некоторым приходилось жить в землянках. Но списки редко корректировались, были неполными и неточными. Так, в именных списках не было разделения на детей-сирот и детей, у которых родители находились на фронте. При проведении проверки обнаружилось, что на Калининской улице проживают 12 детей-сирот вместо 9, имевшихся в списке, в то же время пособие от Гособеспечения получали все; по Торопецкому тракту учтены 3 из 7 сирот, а четверо вовсе не получали помощи [2, л. 18].

Сохранились данные о размерах материальной помощи, оказанной детям-сиротам в 1944 г. На первое сентября 1944 г. в виде единовременной помощи они получили 2950 руб., 16530 руб. было переведено на места за питание детей-сирот в детских столовых. В то же время 31 человек получали пособие, 5 человек пенсию. 173 ребенка получили 506 вещей, а в третьем квартале 378 вещей американских подарков; 13 детям досталось 26 м мануфактуры на белье. Подросткам было выделено 40 бесплатных путевок в санаторные лагеря и оздоровительные площадки. Однако материального обеспечения не хватало, в том числе детям на опеке и патронате [2, л. 19].

В чрезвычайно тяжелых условиях жили трудоустроенные дети. Так, 24 сироты поступили работать на Горпромкомбинат. Из постельных принадлежностей им выдали 10 простыней, 10 наволочек, 4 матраса и 3 одеяла, из одежды и обуви один пиджак, 2 платья, 6 рубашек, 5 пар нижнего белья, 8 носков, 2 фуражки, 12 валенок и 10 ботинок, 34 м мануфактуры, из продуктов 16 кг овсяной муки. По пропускам можно было получить питание в детской столовой 2 раза в день, ужина не предусматривалось. Из-за недостатка продуктов подростки продавали полученные вещи и на вырученные деньги покупали продукты. В общежитии, где они проживали, было грязно,

присутствовал педикулез. Примерно такая же картина наблюдалась в артели «Рекорд», куда были трудоустроены трое сирот [2, л. 19 (об.)].

Для устройства детей-сирот в июне 1944 г. открылось фабрично-заводское училище льночесальной фабрики на 250 человек. Подростков должны были обучить столярному, слесарному, малярному, штукатурному ремеслу. В мастерских имелось необходимое оборудование, но вот помещение, отведенное под общежитие, находилось в плохом состоянии, с точки зрения санитарных норм, там нещадно текла крыша. Неважно обстояло дело и с трехразовым питанием в общей фабричной столовой, предусмотренном для учащихся. Например, рацион мог включать щи из свекольной ботвы и маленькую порцию картофеля в качестве второго блюда [2, л. 20 (об.)].

Впоследствии при оценке работы комиссии по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, подчеркивалось, что она должна стать более эффективной, по-настоящему координировать работу различных организаций и актива по ликвидации беспризорности и безнадзорности. Было рекомендовано упорядочить учет детей-сирот, каждое воскресенье проводить изъятия детей, занимающихся торговлей, нищенством, хулиганством, ориентируясь прежде всего на базары и железную дорогу, и больше внимания уделять профилактическим мероприятиям.

В Ржевском районе аналогичная комиссия была организована позднее, в июле 1944 г., причем через некоторое время выяснилось, что назначенный председатель комиссии даже не знал об этом решении, а значит, не исполнял соответствующие обязанности. На 1 сентября того же года было учтено 275 детей-сирот, в том числе 146 на патронате, 63 на опеке, 7 находились в детской комнате, а 59 оставались не устроены. С трудом удавалось определить на патронат по причине исключительно тяжелых материально-бытовых условий населения, ведь больше 20 сельсоветов района были полностью разбиты в ходе военных действий. Кроме того, буквально ежедневно прибывали дети из зоны оккупации. В отличие от Ржева, полностью охватить всеобучем детей, находившихся на опеке и патронате, оказалось невозможно, к тому же условия жизни этих ребят далеко не всегда соответствовали элементарным нормам. Однако в тот момент роно приходилось мириться с некоторыми нарушениями.

В рамках помощи сиротам осуществлялись следующие меры. Кроме ежемесячных выплат в 50 руб., в ряде сельсоветов дети, находившиеся на патронате, получали по 0,5 л молока и 200 г хлеба ежедневно. В районе открылись 2 детские столовые, оздоровительная площадка на 77 мест. Было выделено 7 т зерновых, 80 кг шерсти для изготовления валенок, дети получили 150 пар обуви и 400 американских подарков [1, л. 22].

Изучение архивных материалов показывает, что реальные возможности прифронтового региона не позволяли в полной мере добиться оперативного решения всех поставленных задач. Однако в условиях продолжавшейся войны предпринятые усилия по ликвидации безнадзорности и беспризорности следует признать значимыми и достаточно эффективными.

Список литературы

1. Тверской центр документации новой и новейшей истории.

ЭФФЕКТИВНЫ И БЕЗОПАСНЫ ЛИ РАЗРЕШЕННЫЕ ПРЕПАРАТЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА УЛУЧШЕНИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОРГАНИЗМА СПОРТСМЕНОВ?

ARE THE LEGAL ENDURANCE DRUGS EFFECTIVE AND SAFE FOR ATHLETES?

Е.Г. Вершинин, В.В. Деларю
Волгоградский государственный медицинский университет
E.G. Vershinin, V.V. Delaryu
The Volgograd State Medical University

Анкетирование 120 врачей, работающих в области спортивной медицины, 89 тренеров и 197 совершеннолетних спортсменов показало, что применение разрешенных препаратов для улучшения психофизиологических возможностей организма не гарантирует улучшения спортивных показателей и является фактором риска развития различных нарушений здоровья.

The questionnaire of 120 sports medicine doctors, 89 coaches and 197 full-aged athletes showed that using of legal endurance drugs does not guarantee the improvement of sport results and is the risk factor of emergence different health problems.

Ключевые слова: спортсмены, эффективность и безопасность улучшающих психофизиологические возможности организма препаратов

Keywords: athletes, efficiency and safety of endurance drugs

Современные реалии сделали применение спортсменами улучшающих психофизиологические возможности организма (УПФВО) различных законодательно разрешенных препаратов (витаминно-минеральных комплексов, биологически активных добавок, макро- и микронутриентов и тому подобных средств) неотъемлемым атрибутом спорта, особенно высших достижений [1-3]. Однако встаёт вопрос об эффективности и безопасности применения препаратов данной направленности. Но непосредственно оценить

эффективность / неэффективность их применения, как и наличие прямых причинно-следственных отношений между их приёмом и атипичностью протеканий различных заболеваний, в том числе реагированием на «обычные» медикаменты, представляется невозможным вследствие многих факторов (индивидуальные особенности организма, особенности организации тренировочного и восстановительного процессов, не полное оформление медицинской документации с ограничением допуска к ней и т.д.). Поэтому социологический подход (анонимное анкетирование) представляется наиболее достоверной, хотя и не безукоризненной, методологией для исследования эффективности и безопасности применения спортсменами разрешенных УПФВО препаратов.

Исходя из вышеизложенного, было проведено анонимное анкетирование 120 работающих в области спортивной медицины врачей, 89 тренеров, 197 спортсменов в возрасте 18 лет и старше.

По мнению 67.5% врачей, в настоящее время наблюдается необоснованно большой приём спортсменами самых различных препаратов; отрицали это всего 14.2% и 18.3% затруднились ответить. Более категорично о необоснованно большом приёме высказались тренеры: среди представителей данной социальной группы так считали 78.7%, остальные 21.3% затруднились ответить.

Что касается эффективности УПФВО препаратов, то 20.2% тренеров сталкивались со случаями, когда рекомендуемый тот или иной разрешенный препарат не помогал улучшить результаты спортсмена, хотя должен был способствовать этому; 50.6% отрицали наличие данных ситуаций и 29.2% затруднились ответить. Оценки спортсменов эффективности препаратов подобной направленности были более пессимистическими ($p < 0,05$): среди них 44.2% отметили случаи, когда рекомендуемый препарат не помогал улучшить результаты; 37.6% отрицали подобное и 18.2% затруднились ответить.

7.9% тренеров сталкивались со случаями, когда рекомендованный разрешенный препарат вызывал какие-то нежелательные, неожиданные негативные реакции организма; 52.8% не сталкивались и 39.3% затруднились ответить. Сами спортсмены достоверно чаще ($p < 0,01$) отмечали отрицательные эффекты при подобных ситуациях: о наличии в анамнезе каких-либо нежелательных, негативных реакций со стороны организма сообщили 35%; об отсутствии – 46.7% и затруднились ответить 18.3%.

При этом у 43.1% спортсменов были случаи, когда при лечении простудных или других заболеваний, полученных травм или повреждений назначение «обычных», показанных в данных случаях препаратов, то ли оказывалось не эффективным, то ли вызывало какие-то необычные,

непредвиденные реакции; 40.6% отрицали подобное и остальные (16.3%) затруднились ответить. В целом, схожим образом распределись и ответы врачей относительно типичности / атипичности протекания заболеваний у спортсменов в контексте возможного влияния длительного приёма многочисленных препаратов: 32.5% ответили, что вследствие этого у действующих спортсменов часто наблюдается атипичное течение различных заболеваний; 40% отрицали это и 27.5% затруднились ответить. В то же время только 36.7% врачей считали, что вопросы диспансерного наблюдения за действующими спортсменами достаточно проработаны; 45.8% – что частично проработаны; 10.8% – что практически не проработаны и 6.7% не смогли ответить.

Оценки как спортсменами, так и их тренерами возможных отдалённых последствий приёма в процессе активной спортивной деятельности УПФВО препаратов были гораздо более негативными, чем относительно непосредственных эффектов. Так, 51.7% тренеров (которые, как правило, являлись бывшими спортсменами) сталкивались со случаями, когда в последующем, после завершения спортивной карьеры, выяснялось, что приём разрешенных препаратов тем или иным негативным образом сказался на состоянии здоровья, 10.1% отрицали подобное и 38.2% затруднились ответить. Среди спортсменов 42.1% ответили, что, в последующем, после завершения спортивной карьеры, может выясниться, что приём разрешенных препаратов тем или иным негативным образом сказался на состоянии их здоровья; 33.5% отрицали подобное и 24.4% не смогли конкретизировать своё мнение. Среди врачей о частой атипичности протекания различных заболеваний у экс-спортсменов высказались 23.3% специалистов; 45% отрицали это и 31.7% затруднились ответить.

К тому же в настоящее время состояние здоровья спортсменов во многом характеризуется негативными показателями [4], что априори предполагает достаточно активное медикаментозное сопровождение по поводу «обычных» заболеваний, полученных повреждений / травм, которое «накладывается» на приём витаминно-минеральных комплексов, биологически активных добавок и т.п., создавая, в итоге, дополнительную нагрузки на иммунную систему организма с мало предсказуемыми эффектами (особенно отдалёнными).

Проведённое исследование позволяет сделать следующие основные выводы:

- разрешенные УПФВО препараты в 20-30% не помогают улучшить результаты спортсменов;
- в 10-30% рекомендованные разрешенные препараты вызывают какие-то нежелательные, негативные реакции организма спортсменов;

- у 30-40% спортсменов вследствие длительного приёма данных препаратов формируется склонность к атипичному течению различных заболеваний, при этом половина работающих в области спортивной медицины врачей отмечает, что методические подходы к диспансерному наблюдению за экс-спортсменами в настоящее время не разработаны.

Таким образом, применение различных витаминно-минеральных комплексов, биологически активных добавок и других разрешенных препаратов для улучшения психофизиологических возможностей организма не гарантирует улучшение спортивных показателей и является фактором риска развития в последующем различных нарушений здоровья. Вышеизложенное предполагает усиление контроля как за составом подобных препаратов, так и за их назначением (тем более, что, даже в детском спорте врачи уделяют этому недостаточно внимания [5]).

Список литература

1. Вершинин Е.Г., Деларю В.В. Мнение врачей о проблемах медицинского сопровождения спортсменов (по результатам социологического исследования) // Спортивная медицина: наука и практика. 2015. № 3. С. 103-107.

2. Сейфулла Р.Д., Гудивок Я.С., Горчакова Н.А., Гунина Л.М. Фармакология спорта. Киев: Олимпийская литература, 2010. 640 с.

3. DeLee J.C., Drez D.J., Miller M.D. Nutrition, Pharmacology, Psychology in sport // Ortopaedic sports medicine. 2010. Vol.8. P. 399-423.

4. Вершинин Е.Г., Гуро О.А. Сравнительная характеристика заболеваемости спортсменов и лиц, занимающихся спортом, в Волгоградской области: результаты динамического наблюдения // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2014. № 2 (50). С. 100-103.

5. Вершинин Е.Г., Деларю В.В. Разрешенные препараты в детском спорте: результаты анкетирования врачей спортивной медицины // Педиатрическая фармакология. 2015. Т. 12. № 4. С. 485-487.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДАЯ СЕМЬЯ: ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И ФАКТОРЫ СТАБИЛИЗАЦИИ

MODERN YOUNG FAMILY: PROCESSES OF TRANSFORMATION AND FACTORS OF STABILIZATION

О.А. Воронина, Е.В. Волченкова
Вятский государственный университет
O.A. Voronina, E.V. Volchenkova
Vyatka State University

Дана характеристика трансформации современной молодой семьи. Описаны трансформации в реализации основных функций семьи: репродуктивной, воспитательной, хозяйственно-бытовой, экономической, организации досуга, социального контроля. Раскрыты факторы стабилизации семьи.

In the article gives characteristics of transformation of a modern young family. Transformations in realization of the main functions of a family are described: reproductive, educational, household, economic, organizations of leisure, social control. Factors of stabilization of a family are opened.

Ключевые слова: молодая семья, трансформация семьи, факторы стабилизации

Keywords: young family, transformation of family, stabilization factors

В настоящее время учёные и практики отмечают сложные трансформационные процессы, затрагивающие все сферы жизнедеятельности семьи, связанные не только с социально-экономическими реформами, но также с глобальной информатизацией общества, возрастанием требований к личности, изменением ценностных ориентаций. Эти процессы свидетельствуют об изменении образцов семейной жизни, требующих серьезного осмысления как на теоретическом, так и эмпирическом уровнях. В особенно трудных условиях оказались молодые семьи.

Согласно Стратегии развития молодежи РФ на период до 2025 г., молодая семья – это состоящие в первом зарегистрированном браке мужчина и женщина, в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака), возраст каждого из которых не превышает 30 лет, либо неполная семья, состоящая из одного родителя, возраст которого не превышает 30 лет, имеющего детей.

Под трансформациями института семьи нами понимаются тенденции изменения и преобразования основных характеристик, структуры, супружеских ролей и функций, которые свидетельствуют о переходе брачно-семейных отношений в новое качественное состояние. Отметим, что трансформация

семьи не тождественна ее деформации, а предполагает появление новых форм взаимоотношений, отвечающих требованиям современного общества.

Анализ реального состояния молодой семьи показывает наличие в ней трансформаций в реализации основных функций: репродуктивной, воспитательной, хозяйственно-бытовой, экономическо-материальной, организации досуга, социального контроля. К числу признаков, свидетельствующих о трансформационных процессах в молодой семье, нами отнесены следующие: вступление в брак в более позднем возрасте; уменьшение количества браков и рост нерегистрируемых, «гражданских браков»; установка на малодетность; откладывание рождения первенцев; увеличение числа внебрачных детей; увеличение числа разводов; спутанность семейных ролей, их недостаточная дифференцированность и согласованность; пренебрежение родительскими обязанностями, дистанцированность и низкая эмоциональная включенность в процессы воспитания детей вследствие профессионального развития и построения карьеры, ориентации на удовлетворение личных потребностей; борьба за власть между поколениями по причине совместного проживания и неясности границ семейной системы; нехватка материальных средств для удовлетворения основных социальных, физиологических, и духовных потребностей; нестабильность внутрисемейных отношений вследствие освоения новых ролей и функций и отсутствия опыта.

Проанализируем подробнее трансформационные тенденции, которые влияют на устойчивость и стабильность современной молодой семьи. Статистические данные свидетельствуют о том, что не менее 1/3 молодых семей, заключивших брак, распадается. Цена развода оказывается чрезвычайно велика. По стрессогенности развод занимает одно из первых мест среди трудных жизненных событий. Результатом развода и распада семьи становится формирование неполной семьи, преимущественно материнского типа. В значительном числе случаев в такой семье наблюдается ролевая перегрузка матери и, как следствие, снижение эффективности воспитания. Психологическими последствиями развода и воспитания детей в неполной семье оказываются нарушения развития Я-концепции, формирования полоролевой идентичности, эмоциональные переживания, нарушения общения со сверстниками и в семье [1, с. 6]. По мнению ряда исследователей, распад семьи влечет за собой еще один негативный факт – отказ от детей, рост количества так называемых «социальных сирот».

Особенности молодой семьи обусловлены объективно недостаточным уровнем материальной обеспеченности, поскольку в большинстве своем молодые супруги не имеют высокой квалификации, отсюда и низкая заработная плата. Происходящие в стране экономические преобразования привели к тому,

что часть молодых семей попала в разряд малообеспеченных, что сказывается на здоровье потомства (3/4 от общего числа детей рождается у людей в возрасте до 30 лет) [2, с. 41].

Как отмечает М.В. Мезенева, риски бедности для молодой семьи крайне высоки по сравнению с семьями более старшего возраста, «чаще всего они связаны со снижением доходов семьи вследствие появления ребенка в семье при одновременном уходе матери из активной трудовой деятельности» [3, с. 393]. Финансовые трудности вызваны необходимостью приобретать и обустраивать жилье, отсутствием опыта материальной самостоятельности, особыми потребностями в содержании маленьких детей.

Уровень материальной обеспеченности во многом определяет возможности проведения досуга в молодой семье. От того, насколько эффективно супруги смогут использовать свободное время, зависит уровень как личной, так и общесемейной культуры. Немаловажным является тот факт, что при совместном отдыхе с родителями «ребенок усваивает основные модели поведения, перенимает определенный социальный опыт» [4, с. 23].

Еще одна особенность молодой семьи заключаются в том, что она, как правило, является не нуклеарной, а трехпоколенной, тяготея к традиционному типу, т.к. не может самостоятельно «потянуть» покупку или аренду жилья. Как отмечает О.А. Карабанова, в данной ситуации материально-экономическая и психологическая созависимость членов семьи очень велика, что приводит к борьбе за власть между поколениями и неясности границ семейной системы [1].

Еще один из процессов трансформации связан с потребностями карьерного роста. Тенденция, все более набирающая силу, появление так называемых «двухкарьерных» семей, где оба супруга ставят перед собой задачи профессиональной карьеры и самореализации. Данные изменения приносят в первую очередь видимые позитивные результаты: повышение уровня материального благосостояния, улучшение бытовых условий проживания, мобильность, адаптированность, личный рост, признание. В таких семьях особое значение приобретают характер распределения ролей и власти в семье, вопрос о лидерстве, демократизм и взаимозаменяемость, общность семейных и личностных ценностей, наличие ресурсов поддержки семьи в воспитании детей, реализации хозяйственно-бытовой функции семьи [1, с. 22].

Психологическое перенапряжение и неудачи на работе у молодых родителей в связи с общим нестабильным положением в стране, амбициозными требованиями к собственному уровню профессионализма, процессами адаптации к трудовой деятельности, претендующими не только на рабочее, но и на свободное время матерей и отцов, приводят к тому, что ребенок в данной семье чаще проводит время у телевизора или компьютера, чем с родителями,

что ведет к дальнейшему углублению изоляции между поколениями и увеличивает дефицит общения между членами семьи [5, с. 68].

Необходимо отметить, что каждая семья является уникальной социальной системой и проявление вышеперечисленных признаков может быть различным и многовариантным. В связи с интенсивным рассмотрением негативных тенденций, сопровождающих трансформацию института семьи в России, ученые всё чаще обращают внимание на факторы стабилизации семьи, под которыми понимаются процессы, направленные на развитие и сохранение процессуально-динамических характеристик семьи на протяжении всей ее жизнедеятельности, с учетом изменений в личности каждого супруга, их межличностных отношениях и семьи в целом.

Значимыми факторами стабилизации становятся следующие: наличие совместной деятельности и досуга, эффективного взаимодействия и эмоциональной поддержки, общность ценностных ориентаций и интересов супругов, совпадение образовательного и интеллектуального уровня, сходные сексуальные потребности. Именно добрачный период (1-1,5 года) содержит колоссальный потенциал в сохранении гармоничных отношений в семье, т.к. перед тем, как создать семью, партнерам необходимо согласовать вопросы, касающиеся распределения обязанностей и правил поведения в семье.

Трансформационные процессы, происходящие в современной молодой семье, обусловлены специфическими особенностями ее становления как социальной группы (освоением новых ролей), действием механизмов семейной социализации (идентификация, рефлексия), стремлением молодых супругов к созданию условий для семейного жизнеобеспечения (приобретение жилья, материальная обеспеченность), потребностью и необходимостью дальнейшего личностного и профессионального саморазвития и самореализации (получение качественного образования, поиск работы, построение карьеры). Подверженность молодых семей трансформационным процессам в современном обществе требует гарантированной поддержки института семьи во всех сферах жизнедеятельности.

Список литературы

1. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
2. Сокольский А.Э. Основные функции молодой семьи в современных исследованиях / Среднее профессиональное образование. Вып. 9. 2013. С.40-42.
3. Мезенева М.В. Бедность молодых семей: стратегии и особенности преодоления (на примере Вологодской области) // Вестник Санкт-

Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4. С. 390-398.

4. Заярская Г.В., Кожухова М.Н. К постановке проблемы организации досуга молодых семей // Социальная политика и социология. 2010. №7. С.22-26.

5. Плешакова О.В. К вопросу о разработке модели комплексного психологического сопровождения семьи // Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник» 2013 №1. С. 67-86.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

SOCIAL INSTITUTIONS IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL AND ETHICAL CULTURE OF THE POLICE OFFICER

Е.А. Вызулин
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации
E.A. Vyzulin
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Акцентировано внимание на воспитании патриотизма в рамках педагогической модели «гражданин-патриот-профессионал» и влияние социальных институтов на этот процесс в условиях формирования профессионально-этической культуры сотрудника полиции и других должностных лиц государственных органов власти.

The article focuses on the education of patriotism in the framework of the pedagogical model of «citizen-patriot-professional» and the influence of social institutions on this process in the conditions of formation of professional and ethical culture of the police officer and other officials of state authorities.

Ключевые слова: социальный институт, профессионально-этическая культура, патриотизм, полиция, сотрудник

Keywords: social institution, ethical culture, patriotism, police, officer

Общество сформировано из совокупности социальных институтов и представляет собой сложную систему экономических, политических, правовых, духовных взаимодействующих общественных отношений, обеспечивающих его целостность и выступающего самого как социальная макросистема.

Можно рассматривать полицию как социальный институт, но своей задачей автор ставит уяснить роль других социальных институтов, взаимодействующих с полицией и активно влияющих на неё как на социальный институт, на должностных лиц, служащих в этой социальной системе, особенно на формирование профессионально-этической культуры сотрудника полиции. В

этой связи нас более всего интересуют социальные институты как ценностно-нормативные комплексы (нормы, образцы, правила, стандарты поведения, установки и, наконец, ценности), а также органы и учреждения, организации, обеспечивающие реализацию этих комплексов и утверждение их в обществе.

Все социальные элементы общества взаимосвязаны между собой общественными отношениями, теми связями, возникающими между социальными группами и внутри них, в процессах материальной и духовной деятельности.

Чтобы определить роль различных социальных институтов на полицию как социальный институт, определим основополагающие признаки, ему присущие.

1. Службы и подразделения, социальные группы их сотрудников, целью которых является удовлетворение различных потребностей своих и общества.
2. Профессионально-культурные нормы, образы, символы, ценности.
3. Профессиональное поведение в соответствии с этими нормами и образцами.
4. Силы и средства, необходимые для решения правоохранительных задач.
5. Признаваемые обществом миссия, идеология, цель полиции как социального института.

Исходя из этого, не ставим на настоящем этапе нашего небольшого исследования цель раскрытия содержания перечисленных признаков, а лишь решаем узкую тактическую задачу: воздействие других социальных институтов на формирование перечисленных признаков и, как следствие, формирование профессионально-этической культуры сотрудников полиции в процессе их профессиональной подготовки с применением педагогической модели «гражданин-патриот-профессионал».

Вся история человечества была обращена к проблеме отношения к Родине, Отечеству, патриотизму, являясь предметом постоянного внимания философов, социологов, психологов, педагогов, общественных деятелей.

Патриотическая идея отражалась в разнообразных источниках всех народов, народностей, этносов стран мира. Термин «патриот» получил широкое применение с эпохи Великой Французской революции 1789 г., несмотря на то, что исторические корни патриотизма имеют глубочайшую многовековую историю.

Русская общественная мысль видела в идее патриотизма организационно-нравственное начало русского народа, идею отечественного согласия, единства, защиты родной земли, идею ответственности за судьбу Отечества идею равноправия всех народностей, идею морального долга перед обществом. Ярко

эти идеи раскрываются в русской художественной прозе Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова и поэзии А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.Т. Твардовского и др.

Свидетельства о патриотизме встречаются в военно-исторических документах и летописях XI в., в XIII в. государственная идея обновилась, главным принципом стало «служение Отечеству и своим ближним». Уставом ратных, пушечных и других дел в 1607-1621 гг. патриотизм закреплялся законодательно и ставился превыше всех добродетелей и ценностей. В XIX в. граф С.С. Уваров, министр народного просвещения, провозгласил формулу «Православие, Самодержавие, Народность», которая отражала тогдашнюю российскую национальную идею. Первая мировая война вновь подняла уровень патриотизма в Российской империи, сформировала идею «За Веру, Царя и Отечество». После Октября 1917 г. новая власть Советов выдвинула лозунг «Социалистическое Отечество в опасности!», таким образом, оформив народную патриотическую идею. Сила патриотической идеи ярче всего проявилась в Великой Отечественной войне, война носила характер народной. Основополагающим лозунгом стала строка из песни «Священная война» В.И. Лебедева-Кумача «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!» Наши деды и прадеды в этой войне не щадили жизни ради Отечества.

По мнению К.Д. Ушинского, нет человека без любви к Отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека, патриотизм является важной задачей воспитания и могучим педагогическим средством [1].

Патриотизм – одна из значимых, непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, являющаяся важнейшим нравственным достоянием личности. Патриотизм проявляется в активной личностной позиции, готовности к самопожертвованию на благо Отечества. Патриотизм является олицетворением уважения к своему Отечеству, духовной сопричастностью с отечественной историей, культурой, достижениями народа, его моральными ценностями.

Патриотизм – главная ценность, интегрирующая системные компоненты воспитания:

– социальный,
– моральный,
– духовный,
– нравственный,
– идеологический,
– культурный,
– исторический и другие.

В современных условиях приоритетом является формирование системы патриотического воспитания как основы для объединения общества и укрепления государственности.

Соотношение духовно-нравственного, гражданского и патриотического воспитания является чувствительным для российского общества. Воспитание как процесс становления человека личностью, с формированием абсолютных ценностей является основополагающим направлением деятельности образовательных организаций [2].

Глобальные вызовы человечества требуют эффективных методов подготовки для организации и проведения в системе правоохранительных органов воспитательной работы по формированию духовного мира, основным компонентом которого должны стать ценности гражданственности и патриотизма [3].

Основываясь на историческом анализе, анализе литературных, научных, психолого-педагогических, социологических и многих других источников, мы предлагаем педагогическую модель, формирующую личность «Гражданин-Патриот-Профессионал», в первую очередь, для сотрудников правоохранительной системы (полиции) и должностных лиц органов государственной власти как основу профессионально-этической культуры сотрудника.

Список литературы

1. Патриотическое воспитание [Текст]: система работы, планирование, конспекты уроков, разработки занятий / Авт.-сост. И.А. Пашкович. 2-е изд., стер. Волгоград: Учитель, 2008. 168 с.

2. Мухина Т.Г. Историко-педагогический аспект изучения проблемы формирования профессионально-этической культуры у курсантов МВД // Т.Г. Мухина, Е.А. Вызулин / 18-й Международный научно-промышленный форум «Великие реки’ 2016»: [труды конгресса]. В 3 т. Т. 2 / Нижег. гос. архит.-строит. ун-т; отв. ред. А.А. Лапшин. Н. Новгород: ННГАСУ, 2016. С. 341-344.

3. Васильев В.В., Майорова С.А., Вызулин Е.А. Ценностные основания построения непрерывного образования в образовательных организациях МВД России: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4(39). С. 115-118.

РЕЛИГИЯ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

RELIGION IN THE LIFE OF MODERN STUDENTS: EXPERIENCE OF EMPIRICAL STUDY

К.Р. Гафиятуллина
Уральский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург
K.R. Gafiyatullina
Ural Institute of Management, branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg

Посвящено изучению роли религии в жизни современной студенческой молодежи, её влиянию на повседневное поведение студенчества. Социологический анализ осуществлен на основе проведенного автором эмпирического исследования в вузах трех крупных городов Урала и Западной Сибири.

The article deals with the study of the role of religion in the life of modern students, the influence of religion on daily behavior of students. The authors of the article consider these issues on the basis of empirical research in major universities of three large cities of the Urals and Western Siberia.

Ключевые слова: религия; религиозное поведение; повседневное поведение; студенческая молодежь

Keywords: religion; religious behavior; daily behavior students

В социологической науке последних десятилетий большое внимание уделяется изучению повседневного поведения, обыденных рутинных практик. Основными концептами социологии повседневности выступают концепты практики, повседневного взаимодействия, повседневного мира, фреймов (А. Шюц, П. Бурдье, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Э. Гидденс).

Повседневность (жизненный мир) создается человеком в процессе его практической деятельности. Он основывается на субъективном восприятии социальной реальности, а также взаимодействия с другими индивидами по общезначимым целям деятельности в процессе языковой коммуникации.

А. Шюц подчеркивает, что поведение человека основано на чувстве, если мотив и способ его действия понятны нам, его партнерам или наблюдателям. Такое действие соответствует социально одобренному набору правил и предписаний того, как разрешить типичные проблемы, используя типичные средства для достижения типичных целей. Если я, мы или «один из нас» оказывается в типично сходных обстоятельствах, он поступает сходным образом. Однако поведение, основанное на чувстве, не предполагает, что действующий проникся своими мотивами,контекстом целей и средств [1].

Повседневное поведение студенчества связано непосредственно с семьей, друзьями, студенческой жизнью, учебой, то есть, с чем они сталкиваются ежедневно. Их поведение в этом мире является типичным, традиционным, совершая определенные действия, многие глубоко не осмысливают их значение, в том числе в религиозной сфере. Посещение различных религиозных мероприятий всей семьей, празднование уже ставших общенациональными религиозных праздников, встречи с религиозными организациями на студенческих мероприятиях, с духовными лидерами. Все это уже вплетено в нашу обыденную повседневную жизнь. В связи с этим можно говорить о различных целях, которые преследуют религиозные организации, вузы, студенческие объединения. Для религиозных организаций взаимодействие со студенчеством необходимо в целях обновления, самовоспроизведения; для студенческих организаций и вузов – это дополнительный партнер, который может оказать помощь и поддержку как материальную, так и организационную.

Для определения влияния религии на повседневную жизнь студенчества Урала и Западной Сибири нами было проведено анкетирование студентов г. Екатеринбурга, г. Сургута, г. Тюмени (2014-2017 гг., n=1231).

Респондентам предлагалось определить свою конфессиональную принадлежность. Полученные ответы распределились следующим образом (Табл. 1).

Таблица 1

Конфессиональная принадлежность студенческой молодежи
(распределение по территориальному признаку, % от общего числа опрошенных)

	Екатеринбург	**Тюмень**	**Сургут**
Православие	41.5%	44%	41.4%
Мусульманство	7.1%	6.2%	12.5%
Представители других религиозных направлений	4%	4.9%	2.7%
Ни к какому	44.2%	42.8%	42%
Затрудняюсь ответить	3.2%	2.1%	1.4%

Полученные данные о конфессиональной принадлежности подтверждают религиозную самоидентификацию студенческой молодежи. Среди опрошенных наиболее часто встречаются представители таких религиозных конфессий, как православие (41.5% – Екатеринбург; 44% – Тюмень; 41.4% – Сургут), мусульманство (7.1% – Екатеринбург; 6.2% – Тюмень; 12.5% – Сургут), к другим религиозным направлениям отнесли себя не более 5% опрошенных в каждом из городов, затруднились в ответе 3.2% респондентов в Екатеринбурге;

2.1% – в Тюмени; 1.4% – в Сургуте, а в среднем 43% респондентов по каждому из городов вообще не идентифицируют себя с какой-либо конфессией.

Среди поводов обращения к религии, а также факторов, повлиявших на выбор религиозного направления, респонденты, считающие себя верующими, назвали родственников (87.8% от общего числа верующих). Нами было выявлено влияние семейной приверженности религиозным взглядам на приверженность самого студента. Респондентам было предложено охарактеризовать, каких взглядов придерживается их семья и родственники – 70% студентов из группы считающих себя верующими подтвердили, что их семья и родственники придерживаются в основном религиозных взглядов. Именно семья является непосредственной составляющей повседневной жизни каждого студента. Для 18.5% студентов выбор произошел в результате сложной жизненной ситуации (потеря близких, проблемы со здоровьем, проблемы в общении с окружающими и др.), а также вследствие утраты жизненных ориентиров и потери интереса к жизни (3.9% респондентов от общего числа считающих себя верующими). На 7.8% респондентов повлияли друзья и на 2.7% оказали воздействие средства массовой информации. Как ни странно, но выбор стать неверующим или атеистом имеет подобную тенденцию.

Исходя из полученных данных и проведенного анализа, можно сказать, что наибольшее влияние на религиозную самоидентификацию оказывают родственники, так как человек растет в определенных семейных традициях. Тем не менее, среди обстоятельств, которые заставили человека изменить свое отношение к религии, респонденты отметили: смерть близкого человека (35.7%), проблемы со здоровьем (19.4%), жизненные трудности (15.3% считающих себя верующими). Упоминание негативных событий объясняется страхом смерти, потери близкого человека. Именно желание жить, «продлить» жизнь, сложность объяснения многих событий подталкивает человека к религиозному выбору. В целом чаще всего молодежь обращается к религии в моменты горя, сложных жизненных ситуаций.

Для того чтобы добиться будущего спасения, попасть в этот «будущий мир» необходимо совершать определенные культовые действия, что является внешним проявлением религиозной самоидентификации студенческой молодежи. К ним мы отнесли: посещение религиозных мероприятий, частота участия в них. В этом аспекте нас интересуют как студенты, считающие себя верующими, так и неверующая студенческая молодежь (Табл. 2).

Регулярное участие в культовых мероприятиях как среди считающих себя верующими, так и среди атеистов – минимальное (8.9% – считающие себя верующими, 1.1% – атеисты). Религиозные образовательные программы, как видно из таблицы, их не привлекают. Но при этом церковь создает все

возможные условия, проводит занятия в воскресных школах, предоставляет свободу выбора программы и т.д. Для студенческой молодежи наиболее важным является культурная составляющая религии, её социальный аспект.

Таблица 2

Варианты ответа/Рел. прин-ть	Считают себя верующими	Неверующим	Атеистом	Затрудняюсь ответить
Посещение религиозных образовательных программ (воскресная школа, обучение основам протестантизма и др.)				
Регулярно	3.6%	0%	1.1%	0%
От случая к случаю	8.5%	5.1%	2.1%	3.2%
Не совершаю	88%	94.9%	96.8%	96.8%
Участие в праздниках, организованных религиозными объединениями				
Регулярно	14.9%	0%	3.2%	3.2%
От случая к случаю	44.7%	33.3%	16.8%	29.1%
Не совершаю	40.4%	66.7%	80%	67.7%
Участие в благотворительных мероприятиях				
Регулярно	7.3%	3.8%	4.2%	1.9%
От случая к случаю	47.8%	50%	37.9%	47.1%
Не совершаю	44.9%	46.2%	57.9%	51%
Посещение святых мест (паломничество, религиозный туризм)				
Регулярно	9.2%	0%	0%	1.3%
От случая к случаю	47.6%	28.6%	25.3%	34.2%
Не совершаю	43.2%	71.4%	74.7%	64.6%

Наиболее активно респонденты участвуют в религиозных праздниках (45% считающих себя верующими, 17% среди атеистов), рассматриваемых как элемент национальной культуры, религиозной самоидентификации при этом не наблюдается. Более 40% студентов, считающих себя верующими, регулярно или от случая к случаю посещают святые места и образовательные программы. Вне зависимости от религиозной самоидентификации многие студенты принимают участие в благотворительных мероприятия. Благотворительность студенты не связывают с религией, они рассматривают её как элемент социальной ответственности. Лишь 8.9% считающих себя верующими регулярно посещают церковь, мечеть, молельный дом и др. для совершения культовых мероприятий, что в целом противоречит условиям религиозной принадлежности. Идентификация себя как верующих не свидетельствует о реальности этого события. Более 40% респондентов не отнесли себя к какой-то определенной религии, но при этом посещают от случая к случаю различные религиозные мероприятия.

Таким образом, религия является составляющей повседневной жизни студенчества, которая вплетена в общую канву событий. Участие в культовых мероприятиях не является рациональным выбором студентов, для них это либо дань традициям, либо что-то модное, нетрадиционное. Религия не интересует

их сама по себе как система взглядов, норм и практик, а является одним из компонентов повседневной жизни.

Список литературы

1. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. И англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

THE MAIN PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION FAMILIES WITH DISABLED CHILDREN

М.В. Гинсбург
Казанский государственный медицинский университет
M.V. Ginsburg
Kazan State Medical University

Описаны основные проблемы детской инвалидности, социальной адаптации семей, имеющих детей-инвалидов, приведены результаты проведенного исследования.

The article describes the main problems of children's disability, social adaptation of families with disabled children, and the results of the study are presented.

Ключевые слова: ребенок-инвалид; детская инвалидность; социальная адаптация; семья, имеющая ребенка-инвалид

Keywords: disabled child; children's disability; social adaptation; a family with a disabled child

Современным обществом в настоящее время отчетливо осознается, что здоровье населения, рост инвалидности, решение социальных проблем и реабилитация семей, имеющих детей-инвалидов, составляют единый и неделимый процесс и развиваются во взаимосвязи. Они взаимодействуют в необходимых нравственных, художественных, интеллектуальных качествах личности современного человека.

В РФ в установленном порядке по состоянию на 1 января 2017 г. признано инвалидами 12 314 366 человек, процент инвалидизации составил 8.4%. Количество детей-инвалидов на 1 января 2017 г. 625640 человек [1]. Рост численности этой категории граждан постоянно продолжается, а это значит, проблемы инвалидов не перестают быть актуальными.

Вызывает тревогу, что, по информации Министерства здравоохранения РФ, ежегодно в России рождается 50 тыс. детей-инвалидов [2, с. 24].

В Республике Татарстан (далее – РТ) в 2016 г. по результатам первичного и повторного освидетельствования признано инвалидами 6 256 детей. Из них четверть – впервые (1567) [3, с. 26].

В то же время в РТ в последние года последовательно снижается уровень первичной инвалидности детского населения (в 2014 г. – 26,1 в 2015 г. – 22,6 в 2016 г. – 19,7 на 10 000 детского населения) [4, с. 27].

Особое внимание уделяется социальной адаптации семей, имеющих детей-инвалидов с целью достижения прогрессивных изменений качеств личности инвалида. Это возможно лишь при соблюдении принципов системности и структурной гибкости в отборе содержания.

Следовательно, в зависимости от степени расстройства функций организма лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид».

В Приволжском федеральном округе самый большой уровень инвалидности в Оренбургской области (25,0), самый низкий – в Пермском крае (17,0) [3, с. 32]. РТ находится на пятом месте по уровню инвалидности.

Среди заболеваний, наиболее часто приводящих к первичной инвалидности среди детского населения Республики Татарстан, первое ранговое место по результатам освидетельствований в 2015-2016 гг. занимают психические расстройства и расстройства поведения.

Таким образом, количество детей, признанных инвалидами вследствие тяжелых психических расстройств и болезней нервной системы, растет, следовательно, увеличивается количество семей, имеющих детей-инвалидов с тяжелыми нарушениями, неспособных к самообслуживанию и нуждающихся в социальной адаптации.

В настоящее время уделяется особое внимание следующим социальным проблемам семей, имеющим детей-инвалидов [4, с. 36]:

– особые отношения между членами семьи;

– создание более жёсткого окружения, необходимого членам семьи, где есть ребёнок-инвалид;

– присутствие ребёнка с нарушениями развития в совокупности с другими факторами может сократить возможности семьи для заработка, отдыха и социальной активности;

– малообеспеченность в качестве социальной проблемы семей с инвалидами связана с тем, что на лечение и реабилитацию больного человека приходится тратить значительное количество финансовых средств, при этом недостаточность материального ресурса как средства удовлетворения

социальных потребностей характеризуется формированием комплекса неполноценности, ростом социальной апатии;

– семьи, имеющие детей-инвалидов, находятся в постоянной стрессовой ситуации (жизнь поделилась на «до» и «после»);

– проблема «информационного вакуума» – основную информацию о своих проблемах родители получают с помощью «сарафанного радио»;

– проблема отсутствия психологической помощи для семей на этапе постановки диагноза ребенку актуализирует потребность в семейных психологах.

Во время проведения исследования автором опрошено 20 семей, имеющих детей-инвалидов: 10 семей находятся на реабилитации в ГАУСО «РЦДиП С ОВ «СОЛНЕЧНЫЙ», 10 семей под патронажем отделения надомной помощи семье и детям ГАУСО «КЦСОН в Советском районе г. Казань».

Опрошено 17 женщин, 3 мужчин. В среднем возраст участников от 20 до 40 лет. Среди опрошенных наибольшой процент – это неполные семьи, где только один родитель, и в большинстве случаев это мама.

Все 20 семей считают свою семью малообеспеченной материально. 12 опрошенных мам вынуждены бросить работу, ухаживать за ребенком–инвалидом. 4 мамы – в отпуске по уходу за ребенком, 3 мамы и 1 папа продолжают работать.

Проанализировав результаты ответов, можно сказать, что основная часть семей, имеющих ребенка-инвалида, неудовлетворенная своими жилищными условиями. Жилищные условия не приспособлены для детей-инвалидов. Окружающая среда в большинстве своем недоступна для детей с двигательной недостаточностью, инвалидам-колясочникам проблематично пользоваться общественным транспортом. В связи с недостаточной доступностью окружающей среды инвалиды-колясочники не имеют возможности часто посещать культурные мероприятия. Следовательно, стоит обратить внимание на реализацию федеральной программы «Доступная среда для инвалидов» на местах, в общественном транспорте, культурных заведениях.

Основная часть опрошенных отметили, что не имеют возможности посещать спортивные объекты и культурные учреждения. Это связано с заболеваниями их детей. Только три семьи посещают концертные залы и две семьи – музеи, несколько раз в полгода.

50% опрошенных отмечают положительные изменения медицинского обслуживания детей-инвалидов, 85% опрошенных семей отмечают позитивные изменения в социальном обслуживании. 80% родителей детей-инвалидов нуждаются в юридической помощи и консультации семейного психолога. Проблема медицинского обслуживания для данной категории семей является актуальной, следовательно, надо обратить внимание на ее развитие.

В результате можно сделать следующие выводы:

1. Инвалидность ребенка вызывает ряд проблем у всех членов семьи. Физическая и умственная недостаточность является фактором, затрудняющим приспособление семьи, имеющей ребенка-инвалида, к социальным требованиям общества и обусловливает необходимость организации целенаправленного процесса социальной адаптации при участии социальных служб.

2. Эффективным средством социальной адаптации семьи, имеющей ребенка-инвалида, является дополнительное образование, посещение культурных мероприятий, что затруднено из-за проблем с доступностью окружающей среды, нехваткой технических средств реабилитации, проблем с адаптированностью транспорта.

3. Взаимодополняющим направлением социальной адаптации выступает профориентационная работа с ребенком-инвалидом, возможность дополнительного образования, которая нуждается в совершенствовании.

4. Семьи, имеющие ребенка-инвалида, ограничены в посещении культурно-массовых мероприятий, их жизнь замкнута и нуждается в профессиональной помощи при решении проблем.

5. Члены семей, имеющие детей-инвалидов, испытывают постоянный стресс и для социальной адаптации им необходима помощь специалиста по социальной работе социального психолога.

6. Семьи, имеющие детей-инвалидов, хотели бы больше знать о методах социальной адаптации и возможностях социальных учреждений, оказывающих данные услуги, согласны получать больше социальных услуг с целью социальной адаптации семьи.

Список литературы

1. Статистика. Аналитика. Открытые данные// Федеральная государственная информационная система. Федеральный реестр инвалидов. [Эл. ресурс]. Режим доступа: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**/ (дата обращения: 08.05.2017).

2. Иванов В.П., Захарьян А.Г., Аникин А.Д., Волков В.Д. Динамика первичной инвалидности и реабилитация инвалидов // Здравоохранение Российской Федерации. 2016. №3. С. 24-29.

3. Деятельность ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Республике Татарстан» Минтруда России в 2016 году и задачах на 2017 год. Казань: Бриг, 2017. 86 с.

4. Андреева О.С., Дементьева Н.Ф., Либман Е.С. Вопросы медицинской, профессиональной, социальной реабилитации инвалидов. М.: ЦИЭТИН, 2015. 236 с.

КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ
CULTURE AS A RESOURCE FOR ECONOMIC DEVELOPMENT

Н.А. Голубь
Приднестровский государственный институт искусств, г. Тирасполь, Приднестровье
N.A. Golub
Pridnestrovian State Institute of Arts, Tiraspol, Transnistria

Рассматривается взаимодействие культуры и экономики, доступность услуг сферы культуры в сельской и городской местности, важность образовательного процесса подготовки будущих специалистов. Культура рассматривается как показатель развития потенциала страны и общества.

The article discusses the relationship between culture and the economy, the availability of services in the sphere of culture in rural and urban areas, the importance of the educational process of training future specialists. Culture is considered as an indicator of the development potential of the country and society.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие региона, культурная политика, творческие кластеры, человеческий капитал

Keywords: socio-economic development of the region, cultural policy, creative clusters, human capital

Сфера культуры является неотъемлемым элементом социально-экономического развития территории, выполняя весьма важные социальные функции, связанные с образованием, воспитанием, процессами социализации и другими аспектами становления и развития человеческой личности.

Культура и искусство оказывают прямое влияние на общественную жизнь каждого региона и выступают не только как средство идентичности людей, объединяющий и консолидирующий фактор, но и тем стержнем, который позволяет проводить экономические и политические реформы, влияет на развитие общества в целом.

Культура и искусство, позитивно влияющие на сознание людей, отношения между ними, способствуют духовному развитию личности и общества в целом, раскрытию их творческого потенциала при этом обеспечивают социально значимые виды деятельности, организацию отдыха. Особенно это актуально в постиндустриальную экономику, которая характеризуется снижением доли и значения промышленного производства за счёт роста сферы услуг и информации. Производство услуг становится основной сферой экономической деятельности. Так, например, в США в сфере информации и услуг сейчас трудится около 90% занятого населения [1]. Россия и Приднестровье тоже идут по этому пути, поэтому требуется переосмысление

ситуации с точки зрения образования и развития культуры, требуется фундаментальная смена теоретических ориентиров.

Поскольку акцент сегодня все больше смещается на социальные, гуманитарные проблемы, следовательно, должны формироваться новые критерии благосостояния и социального благополучия человека. В качестве приоритетных выступают вопросы качества и безопасности жизни, самореализации индивида. Поскольку сфера культуры и искусства выступает базой и инфраструктурой развития ряда других отраслей, прежде всего – образования, СМИ, издательской деятельности, туризма, индустрии развлечений, ее следует рассматривать как один из инструментов повышения качества жизни, которое должно быть возведено в ранг государственной политики Республики.

Среди важных социально-экономических показателей, а также своеобразным барометром благополучия является состояние культуры. Чем выше ее уровень, тем более цивилизованно живет территория. Все это задает современные векторы развития культуры, которые сегодня должны быть не только четко обозначены в программе развития «Культуры Приднестровья», но и заложены средства для ее реализации, причем не только государственные, но и путем привлечения из коммерческого сектора.

Но для начала следует определиться с тем вектором, по которому следует развивать культуру и искусство. Наряду с двумя основными подходами к функционированию культуры – западным и традиционным, которые рассматривают культуру с позиции рыночных отношений, в первом случае, и просвещения – во втором, актуализируется новое виденье назначения культуры в современном обществе. Из плоскости эмоционального и духовного переживания она перемещается в плоскость практического действия. Такой подход назван инструментальным и рассматривает культуру как ресурс развития, гуманитарный капитал общества, который может и должен быть использован в полной мере. Суть его заключается в том, что посредством реализации ярких культурных проектов происходит толчок в развитии регионов, городов в целом и их отдельных территорий. Но для того, чтобы реализовать какие-нибудь проекты, нужна база, а именно – культурно-досуговые центры. Обязательно и наличие подготовленных профессиональных кадров в этой области. Вот почему столь важно образовательное пространство подготовки будущих специалистов культурно-досуговой сферы в нашей Республике. Важно его организация таким образом, чтобы оно носило опережающий характер, было согласовано с велением современности, рынка, востребованности. Требования к кадровому составу, их квалификации, прохождения стажировок, не зависимо от принадлежности населенного пункта

– как никогда велико. Сельский или городской житель должен иметь доступ к получению разнообразных культурных услуг и высокого качества.

Особенно это актуально в тех населенных пунктах, в которых наблюдается высокий отток молодежи, нежелание вернуться после получения образования, заводить здесь семью. Культурная политика должна быть интегрирована с планами развития местности, стать частью инфраструктуры села. Фермеры, предприниматели, все те, кто инвестирует в развитие бизнеса и населенного пункта, должны такие планы синхронизировать с местными Управлениями культуры. Эта работа должна проходить параллельно и тогда это станет одним из стимулов, чтобы приостановить отток молодежи и переселение ее в более благополучные места.

Вообще, культуру сегодня следует рассматривать как гуманитарный капитал развития территории. И важнейшим ресурсом его развития и серьезным фактором экономического роста считается человеческий капитал, от уровня которого зависит качество рабочей силы. Важнейшими формами его являются образование, повышение квалификации и трудовая миграция, а источником богатства в человеческом капитале становится то, что производит новые знания: культура, образование, умение мыслить, научные исследования, проектные разработки. В связи с этим представляет интерес «Концепция развития творческих индустрий», которая широко применяется большинством стран Европы и Азии, в особенности Китаем, США, Японией, Индией и другими государствами, не только направленное на обеспечения развития сферы культуры и творчества, но и как инструмент оживления экономики и преодоления последствий глобального экономического кризиса.

С учетом того, что расходы населения по такой статье, как «культура и досуг» за последние 10 лет выросли более, чем на 60% и превысили даже расходы на продукты питания, следует перенимать успешный опыт зарубежных стран [2]. Например, в Англии с 1998 г. активно применяется разработанная методика развития культурных индустрий: от традиционных искусств, ремесел, музыки и театра, до дизайна, моды, видео-, аудио- и мультимедиапродукции, что позволяет стране привлекать дополнительные финансовые источники в бюджет страны, обеспечивает развитие инфраструктуры городов и в особенности развитие туризма [3]. В этой стране успешно действует программа «Сделай свой талант рабочим местом». Она предполагает обучение талантливого человека началам предпринимательства, рекламы, технологии продвижения. Эта программа поддерживается государством, территориально направлена на провинцию. Англичане считают, что такое обучение даст больше возможностей молодым и талантливым, будет способствовать созданию новых рабочих мест и развитию культурной среды.

Такая господдержка могла быть применима и в нашей Республике. В то время как все большее число специалистов высвобождаются из производственного сектора, они могли бы быть себе применение в творческих индустриях. И предпосылки этого явно есть. У нас много одаренной молодежи, которой нужно только вовремя подставить плечо, дать импульс развитию, чтобы задержать их на родине, обеспечить работой и сделать наше государство местом приложения их таланта. С другой стороны, это позволило бы решить проблему с «умирающими» селами. Молодежь из-за отсутствия работы и перспектив уезжает в более благополучные страны, где трудоустраивается простыми рабочими, губя свой талант. С этой категорией приднестровцев нужно активнее работать. Проживая в селе, перенимая национальные традиции от предков, путем их усовершенствования, возможно, было бы создание на местах творческих кластеров, способных обеспечить работой сельчан, раскрыть их творческий потенциал. Молдавская народно-художественная культура, отличающаяся своей самобытностью и неповторимостью может дать огромный импульс к разработке сувенирной продукции, фэшндизайну, гончарному делу и ковроткачеству. Популяризация региона через подобную продукцию позволит в итоге сделать «талант своим рабочим местом».

Творческие индустрии становятся не только важнейшим сектором экономики, но и важным имиджевым механизмом, имеющим символическое значение для государств и регионов, а также являются важным показателем развития потенциала страны и общества, поскольку формируется творческая городская среда на основе востребованности творческого потенциала через создание новых рабочих мест, инвестируются финансовые ресурсы в креативных людей, а также в инновации сферы культуры в целом.

Итак, культура имеет все предпосылки воздействия на развитие экономики. Государству, высшим учебным заведениям необходимо учитывать в своей деятельности эти факторы в эпоху культурных перемен.

Список литературы

1. Научно-технический прогресс и перспектива занятости населения в США // Интернет-газета «Континет» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://kontinentusa.com/progress-i-perspektiva-zanyatosti-naseleniya-usa (дата обращения: 19.05.2017).

2. Рейтинг стран Европы по доле расходов семей на продукты питания – 2016 [Эл. ресурс]. Режим доступа: http:// riarating.ru/ countries/ 20161206/ 630048668.html (дата обращения: 18.04.2017).

3. Гнедовский М. Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки. 2005. №4. С. 12-17.

ВЛИЯНИЕ МОРАЛИ НА ПРАВО: ОПЫТ XX СТОЛЕТИЯ. ОЦЕНКА НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ ПРАВА В НЕОПОЗИТИВИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Г. ХАРТА

THE INFLUENCE OF MORALITY ON LAW: THE EXPERIENCE OF THE TWENTIETH CENTURY. EVALUATION OF THE MORAL BASICS IN LAW IN THE NEOPOSITIVISTIC THEORY OF H.L.A. HART

М.Д. Горбунов
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
M.D. Gorbunov
Lobachevsky University

Рассматривается вопрос соотношения права и морали с позиции их практической имплементации при регулировании социальных отношений в контексте опыта существования правовых систем в XX столетии.

The article deals with the issue of the interrelation between law and morality from the view point of their practical implementation in the social relations regulation in the context of the experience of the legal systems existence in the twentieth century.

Ключевые слова: философия права, социальное регулирование, право, мораль, права человека

Keywords: philosophy of law, social regulation, law, morality, human rights

Одним из вечных вопросов юридической теории является проблема соотношения права и морали. При этом данный вопрос не является сугубо теоретическим, поскольку те или иные подходы к тому, как должны взаимодействовать нормы права и морали при регуляции общественных отношений, стали основанием как для торжества прав и свобод личности, так и для величайших гуманитарных катастроф, которые принес человечеству прошедший XX в. Эти события стали объектом рефлексии для правовой науки. Особое отражение данный вопрос получил в научном творчестве одного из выдающихся философов права XX в. – Герберта Харта, для которого оценка нравственных начал права является одним из важнейших оснований понимания того, как право непосредственно действует.

Как отмечает Харт, было бы заблуждением говорить, что в отношении действующих законов или правоприменительных актов в правовой системе не делаются, по крайней мере, неофициальные оценки их соответствия нравственным нормам. В подобных случаях таким критерием соответствия, как правило, выступает справедливость. Справедливость как нравственный критерий закона занимает центральное место среди всех моральных

императивов и не случайно определяется как наиболее публичная и наиболее правовая из всех нравственных добродетелей [1, с. 164].

Главный принцип, которым руководствуются при применении критерия справедливости, заключается в возможности субъекту занимать по отношению к другому позицию равенства или неравенства. Соответственно Харт, исходя из традиционного понимания справедливости, определяет ее главное правило: «Трактуй одинаковые случаи одинаково, а разные – по-разному» [1, с. 156]. Именно такое простое утверждение позволяет отзываться о законе, закрепляющем расовую сегрегацию граждан, как о несправедливом, а о норме, запрещающей господство мужчины над женщиной как справедливой. При этом само по себе данное правило, хотя и составляет фундаментальную основу идеи справедливости, не является самодостаточным. Специфика человеческой природы и общественной жизни определяет сильную дифференциацию между индивидами и огромное множество оснований для ее проведения. В условиях, когда по одному критерию люди равны, а по-другому имеют существенно отличающийся статус, общее правило оказывается бессодержательным, поскольку необходимо определить критерии и основания для признания случаев одинаковыми либо различными. Без подобного существенного дополнение справедливость как критерий оценки закона будет неприменима.

Таким образом, Харт признает сложность двухэлементной структуры правила, положенного в начало идеи справедливости [1, с. 157]. В утверждении присутствует неизменная величина «Трактуй одинаковые случаи одинаково» и вариативная переменная, определяющая случаи и условия, когда конкретные случаи должны трактоваться как одинаковые или различные. Плавающие стандарты справедливости могут меняться в зависимости от объекта критики и оспариваться относительно объектов одного типа. Закон не может самостоятельно определять, какие сходства и различия индивидов считаются существенными для обеспечения его справедливого действия, что выносит критерии равенства за пределы правового поля и открывает большой простор для заблуждений и злоупотреблений [2, p. 260]. Социальные процессы, политические взгляды и моральные устои, вступая в противоречия, могут сделать не разрешимым вопрос определения таких критериев, и, следовательно, невозможным оценку закона как справедливого или несправедливого. Так, для современного общества раса, национальность или религиозные убеждения не являются существенными критериями для признания неравенства субъектов. Следовательно, законы, провозглашающие расовую или религиозную сегрегацию, оцениваются как несправедливые. Однако такая оценка стоит на том, что в цивилизованных государствах пользуется поддержкой понимание того, что не справедливо распределять права и обязанности, бремя

ответственности и обладание благами в неравных пропорциях на основании национальных, расовых, религиозных различий.

Победой современного общество стало то, что в сознании человека укрепилось представление, что из человеческого естества и природы следует, что все люди рождены равными, и в тех редких случаях, когда закон указывает на неравенство граждан по национальному или религиозному принципу, формально такое понимание признается [3-5]. Возможная критика в законодательной дискриминации может быть встречена аргументами, указывающими, что подвергаемые дискриминации субъекты не достигли уровня развития и самосознания, присущего полноценному человеку, либо оправдывается защитой более масштабного и жизненно важного общественного интереса, охрана которого может быть обеспечена только посредством дискриминационного законодательного регулирования. На данном основании отдельные социальные группы могут признаваться равными или не равными. Как в Древней Греции свободный эллин противопоставлялся рабу, признание которого человеком нарушило бы естественный порядок вещей, так в современной России ограничиваются сексуальные меньшинства в целях защиты традиционных семейных ценностей.

В данном контексте представляется ценным замечание Харт, что важность нравственных принципов следует связывать с их рациональностью, заключающейся в полезности [1, с. 170]. Необходимость жертвовать частными интересами объективно оправдывается тем, что в таком случае будет защищен жизненно важный всеобщий интерес. При этом данное утверждение не может служить однозначным оправданием необходимости придерживаться морального нравственного поведения. Дело в том, что индивиды, придерживающиеся моральных правил, далеко не всегда придерживаются рационального объяснения выбора такой модели поведения, но что более важно, нравственные нормы сами по себе далеко не всегда рациональны. Ярчайшим примером в данном случае будет как раз то, какому высокому уровню морального табуирования подвергается сфера сексуальной жизни. Здесь довольно сложно провести безусловную параллель между важностью запрета и степенью вреда общественному благу в случае отсутствия подобного запрета. Харт отмечает, что даже в современных обществах степень субъективно оцениваемого вреда не может объяснить важность моральной регуляции сексуальной жизни, какая осуществляется в частности, при табуировании гомосексуального поведения. Безусловно, возможность нерациональности или ограниченной рациональности оценки важности моральных норм допускается, однако такие нормы остаются крайне уязвимыми для критики как бесполезные или приносящие больше вреда, чем пользы.

Таким образом, критерии справедливости, построенные на понимании равенства и неравенства членов общества, сами по себе изменчивы и зависят от текущих нравственных устоев, которые, в свою очередь, тоже не являются чем-то постоянным. Очевидно, что представлениям одного лица, социальной группы или общества о справедливости могут быть противопоставлены иные взгляды, основанные на других нравственных установках. Харт посредством такого умозаключения подчеркивает субъективный характер морали как критерия оценки нормативных предписаний.

Попытка объективизации нравственных норм может быть предпринята через определение «социальной справедливости» как апелляции к всеобщему благу, существенно отличающейся по своей природе от той справедливости, о которой обычно говориться как о критерии закона [1, с. 163]. Однако, принципиальной особенностью «социальной справедливости» или справедливости во имя всеобщего блага является то, что на самом деле она не является столь всеобщей. В действительности, в правовой системе крайне проблематично найти закон, который бы в равной степени распределял блага и удовлетворял всех субъектов. Это невозможно, хотя бы в виду того обстоятельства, что человек нерационален, а блага ограниченны. Выбор между различными потребностями и интересами для всеобщего блага должен проводиться с тем условием, что вся возможная критика заранее учтена и было принято объективное решение, то есть такой выбор должен быть проведен справедливо. Вместе с тем, из сущности права и морали автоматически не исходит понимания, что они должны в равной степени учитывать интересы всех субъектов, предоставляя каждому гарантии защиты. Практика показывает, что, защищая всеобщий интерес, право и мораль часто допускают крайнюю степень нарушения частных интересов либо дают возможность подмены общественных интересов частным интересом доминирующей социальной группы. К величайшему сожалению, подобная практика действия права и морали является делом совсем недавнего прошлого Германии и ЮАР.

Конечно, право может идти впереди морали, и возможно существование передовой правовой системы, в которой законодатель и правоприменитель не потворствуют низменным, но морально оправданным устремлениям общества. Однако, как правило, право следует за моралью. Отсутствие самых негативных форм дискриминации на уровне официальных правил не свидетельствует об отсутствии предубежденности к отдельным социальным группам и не означает, что не может родиться такая правовая система и общественная мораль, которые не признавали бы принцип всеобщего равенства либо не извращали бы его.

Данные обстоятельства подводят Харта к выводу, что система взаимных сдержек, формируемая моралью и правом, хотя и направлена на обеспечения

жизнеспособности общества, но совершенно для того не нуждается в распространении своего действия на всех индивидов [1, с. 193]. Такая система должна лишь поддерживаться достаточным минимумом субъектом, чтобы быть навязанной другим, даже против их воли.

Необходимо отметить, что, характеризуя подобным образом практику социального регулирования, Харт руководствуется не мотивом дискредитации морали и отчасти права как социальных регуляторов, а стремится наиболее реалистично представить, как они в действительности действуют. Нормативная систем может быть в целом справедлива и направлена на защиту и учет интересов максимально большого числа индивидов, и в таком случае она будет оставаться устойчивой за счет приверженности субъектов исполнению установленных ею правил. В другой ситуации правила системы могут защищать только интересы доминирующей социальной группы и действовать не за счет предоставления гарантий, а за счет репрессивных методов принуждения, а потому такая система будет находиться в нестабильном состоянии в виду постоянной угрозы перманентного социального бунта.

Список литературы

1. Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ. Под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.
2. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. 1832. 391 p.
3. Benn S.I., Peters R.S. Social Principles and the Democratic State (Allen & Unwin, 1959. 403 p.
4. Raphael D.D. «Equality and Equity», 21 Philosophy. 1946. Pp. 118-132.
5. Rawls J. «Justice as Fairness», 67 The Philosophical Review. 1958. Pp. 164-194.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАК ФАКТОР СПРОСА НА УСЛУГИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА

DEMOGRAPHIC SITUATION AS A FACTOR DEMAND FOR THE SERVICES OF A REGIONAL UNIVERSITY

Е.Г. Григорьева
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
E.G. Grigoreva
Krasnoyarsk State Pedagogical University

Демонстрируется возможность использования результатов анализа демографической ситуации при прогнозировании структуры спроса на услуги регионального вуза. Относительная устойчивость повозрастных потребностей в

услугах высшего образования, знание социального портрета студентов и данные государственной статистики позволяют уточнить стратегию развития современного вуза.

The article demonstrates the possibility of using the results of the analysis of the demographic situation when forecasting the demand structure for the services of a regional university. Relative stability of age-related needs in higher education services, knowledge of the social portrait of students and data of state statistics make it possible to clarify the development strategy of a modern university.

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографический прогноз, студенты, региональный вуз, спрос на услуги высшего образования

Keywords: demographic situation, demographic forecast, students, regional university, demand for higher education services

Факторы развития системы высшего образования РФ находятся в фокусе внимания экспертов и исследователей. Интерес к демографической ситуации, определяющей спрос на образовательные услуги дошкольного и общего образования, проявился в 2000-х гг. и продолжает расти [1]. Относительно системы высшего образования даются оценки роли вуза на демографические процессы, прежде всего на миграцию молодежи [2; 3; 4], при этом отмечается недостаток данного рода исследований.

С учетом формальной дифференциации и предлагаемого институционального многообразия вузов в России [5] можно сказать, что в Красноярске – столице Красноярского края – в наличии разные модели организации деятельности университетов. Рассмотрим модель «регионального вуза», готовящего кадры в основном для своего региона – почти 90% студентов являются жителями края.

Прогноз спроса на услуги университета с учетом сложившейся демографической ситуации опирается на результаты ряда исследований, включая проект «Методические подходы к мониторингу миграционных потоков для формирования системы управления качеством жизни населения регионов Сибири и развития дифференцированной территориальной политики страны», поддержанный РГНФ [6], и социологический опрос, проведенный Центром комплексных социологических исследований в КГПУ им. В.П. Астафьева в марте 2017 г. В опросе приняли участие 601 студент-бакалавр очной формы обучения, была сформирована 10%-ная типическая выборка с пропорциональным отбором в разрезе институтов и факультетов университета.

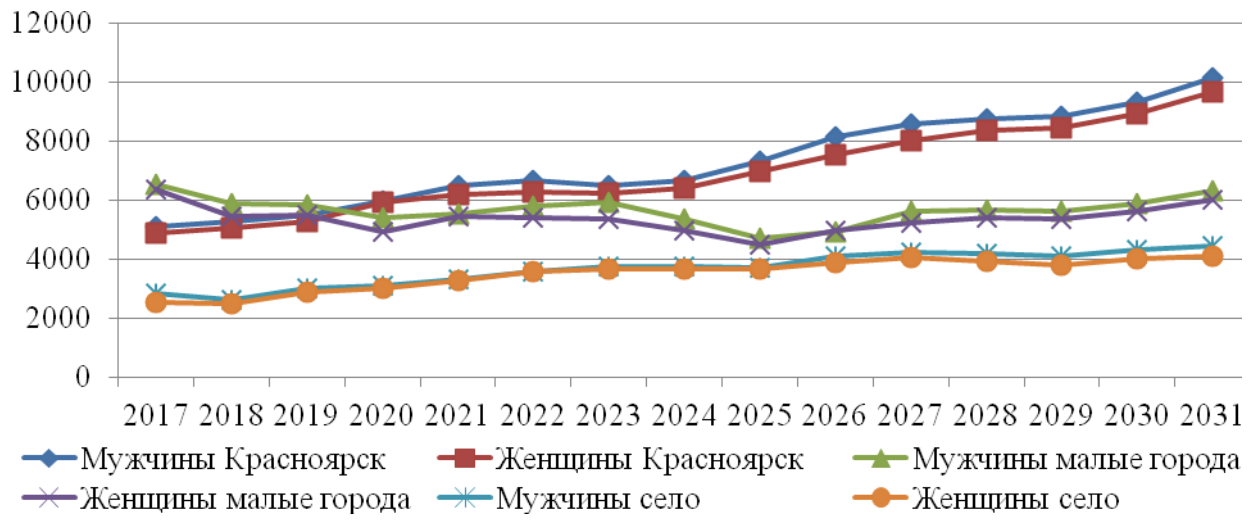


Рис. 1. Прогнозная численность населения Красноярского края в возрасте 18 лет по полу и типам поселения до 2031 г.

Результаты проведенного опроса учтены, но в полной мере не демонстрируются при расчете численности потенциально поступающих в региональный вуз. В модели приняты следующие параметры: соотношение мужчин и женщин в первый год прогноза – один на трех, удельный вес жителей других регионов страны – 10%, значение остается неизменным, удельный вес жителей Красноярска – 40%, жителей малых городов – 20%, сельских населенных пунктов – 30%. Для оценки численности будущих абитуриентов использованы данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва до 2031 г. от 27.06.2017 (Рис. 1).

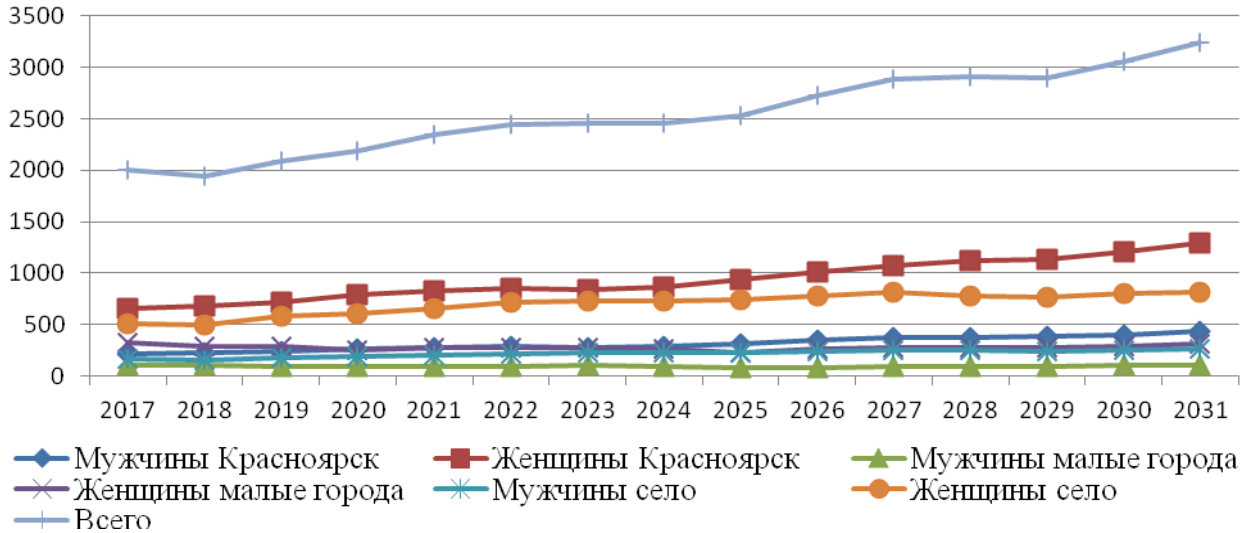


Рис. 2. Прогноз условной численности потенциального контингента поступающих в региональный вуз

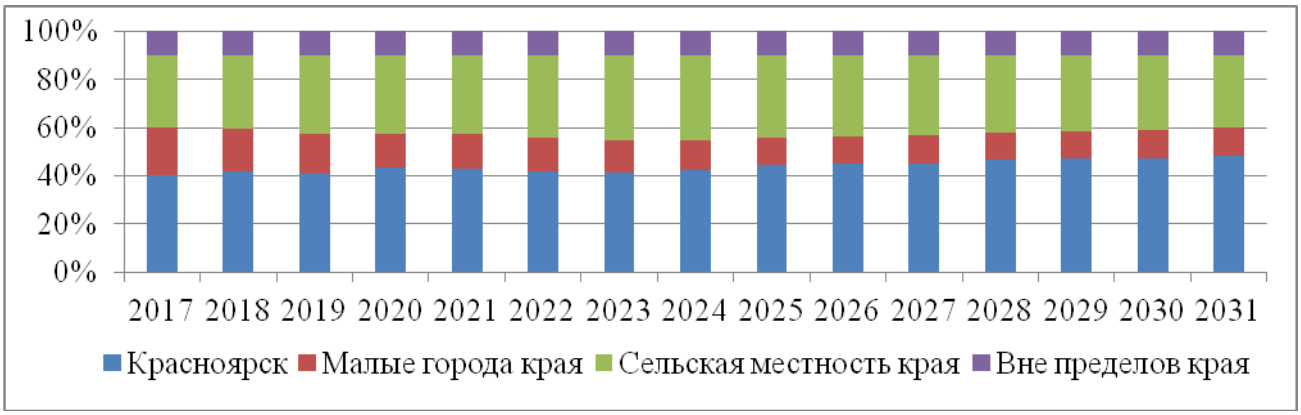


Рис. 3. Прогноз структуры потенциального контингента поступающих в региональный вуз

По прогнозу Федеральной службы государственной статистики, в ближайшие десятилетия численность населения края в целом будет расти, в том числе опережающими темпами численность жителей Красноярска, с небольшим приростом сельской местности, численность населения малых городских поселений будет сокращаться. С учетом этого была рассчитана условная численность поступающих в вуз (рис. 2) и дана оценка изменения структуры поступающих на первый курс по полу и типам поселения (рис. 3).

В целом, за счет благоприятного демографического прогноза число потенциальных абитуриентов – населения в возрасте 18 лет – должно расти, исключением будет 2018 г. Абсолютный и относительный приросты будут обеспечены за счет женщин г. Красноярска и села. Если региональный вуз остается привлекательным для сельской молодежи, то относительно жителей столицы региона он конкурирует с московскими, санкт-петербургскими, федеральными и другими ведущими вузами. Это должно учитываться при корректировке стратегии развития.

Список литературы

1. Козлов В.А. Денисенко М.Б. Оценка влияния демографических изменений на структуру спроса на услуги образования // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4-х кн. / Отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Кн. 4. С. 512-525.

2. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В. Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. №3. С. 169-203.

3. Бляхман А.А., Серова Н.А. Образовательная миграция абитуриентов региональных вузов: взаимосвязь академической успешности студента со средой его средней школы // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4-х кн. / отв.

ред. Е.Г. Ясин; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. Кн. 4. С. 235-244.

4. Радина Н.К. Образовательная миграция в контексте новой миграционной политики России // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4-х кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. Кн. 4. С. 271-278.

5. Князев Е.А. Драптусова Н.В. Институциональная дифференциация в российском высшем образовании // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4-х кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. Кн. 4. С. 50-58.

6. Григорьева Е.Г. Проблемы привлечения и закрепления населения в Сибири // Мы продолжаем традиции российской статистики: сб. докладов международ. научно-практ. конф. «I Открытый российский статистический конгресс» (Новосибирск, 20-22 октября 2015 г.): в 4-х т. Т.1: «Теоретическая и прикладная статистика / Российская ассоциация статистиков; Федеральная служба государственной статистики РФ; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. Новосибирск: НГУЭУ, 2016. С. 484-491.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДСТВАМИ ФОТОГРАФИИ

FORMATION OF A POSITIVE IMAGE OF THE ELDERLY PERSON IN MODERN VISUAL CULTURE MEANS OF THE PHOTO

С.А. Григорьева
Комплексный центр социального обслуживания населения г. Саратова; Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.
S.A. Grigoreva
Comprehensive center of social services for the population of Saratov; Yuri Gagarin State University of Saratov

Описываются особенности культуры старения в России. Особо актуальным становится вопрос о пересмотре отношения к людям старшего возраста и поиске путей профилактики их социального исключения. Резкое увеличение доли пожилых людей в структуре населения ставит новые задачи перед социальными службами, государством и обществом, в целом. Приведены возможности визуальных средств коммуникации в формировании позитивного образа, который предполагает деятельностный подход и активность старшего поколения в различных сферах жизни.

Article describes features of culture of aging in Russia. Especially urgent is a question of revision of the attitude towards people of advanced age and search of

ways of prophylaxis of their social exception. The sharp augmentation of a share of elderly people in structure of the population sets new tasks for social services, the state and society, in general. Possibilities of visual means of communication are given in formation of a positive image which assumes activity approach and activity of the senior generation in various spheres of life.

Ключевые слова: старение, пожилой человек, визуальная коммуникация, медиапространство, фотография

Keywords: aging, old man, visual communication, media space, photography

Современную демографическую ситуацию в мире характеризует значительное увеличение доли пожилых людей в возрастной структуре общества. Это приводит к целому комплексу проблем различной направленности: социальные, экономические, психологические, проблемы в области культуры, в том числе и культуры старения. В этом отношении ведущую роль играют представления о старшем поколении. Именно они формируют большой пласт российской геронтокультуры [1, с. 2]. Они сказываются на межпоколенных и межличностных отношениях [2]. Представление о возрасте – это социально конструируемый феномен. Концепты, касающиеся возраста (периодизации детства, отрочества, молодости, зрелости, старости) относятся к числу базовых, которые принимают участие в конструировании картины мира социума [3].

Возрастные стереотипы являются важной составляющей возрастного символизма культуры: «Возрастной символизм, т.е. система представлений и образов, в которых общество воспринимает, осмысливает и освящает (легитимирует) жизненный путь индивида и возрастную стратификацию, так же универсален и одновременно специфичен, как и сами эти явления» [4, с. 93].

Социально-демографическая группа пожилых – одна из наиболее стереотипизированных в современном обществе. По мнению некоторых исследователей (Н. Латски, Т. Брубакер) [5], именно социальные стереотипы о пожилых становятся переплетением положительных и отрицательных суждений. При этом в большинстве исследований ученых, предмет которых, геронтологические социальные стереотипы, поддерживаются мысли иного толка. Так, М. Кермис, Ж. Бодрийяр, М. Елютина делают выводы о том, что негативные стереотипы о пожилых доминируют в современной культуре. Широко распространен медикалистский подход, который обусловил патогенную установку на процесс старения, в связи с чем происходит переход ряда геронтологических проблем в разряд гериатрических. Т.В. Смирнова подчеркивает особенное значение моды в этом направлении [5]. Так, пройденное интерпретируется как старомодное и обусловливает негативный

настрой его восприятия. Отрицание значения третьего возраста, нацеливание поколений на избежание старости приводит к негативному восприятию своего возраста и неумению его принимать, а молодых – адекватно воспринимать старость.

В этих условиях особо актуальным становится вопрос о пересмотре отношения к людям старшего возраста и поиске путей профилактики их социального исключения. Резкое увеличение доли пожилых людей в структуре населения ставит новые задачи перед социальными службами, государством и обществом, в целом.

Интересной представляется практика формирования позитивного образа пожилых людей путем медиа-кампаний и деятельности пиар-служб государственных организаций. Долгое время понятие красоты связывалось исключительно с культом молодости, стереотип, противопоставляющий красоту и старость, крепко засел в общественном сознании. Проект одной из социальных служб Саратова "LEPOTA"– это попытка развеять данный стереотип, расширить представления о возрасте, создать образ привлекательного пожилого человека. В рамках проекта начинающие и профессиональные молодые фотографы создавали интересные снимки для пожилых дам. Результаты моих наблюдений за пенсионерками в процессе фотосессии показывают, что многие из них не принимают свой возраст, и фотография как показатель возрастных изменений не всегда их радует, поэтому фотографирование становится редким случаем в их повседневности. При этом участие в фотопроекте активизировало воспоминания пожилых дам об их молодых увлечениях и идеалах. Фотосессия становится для пожилой дамы новой формой видения себя и своего возраста, возможностью примерить новую роль – модели. Для молодых фотографов такой опыт оказался первым. Анализ наблюдений показывает, что представление о возрасте формируется у молодежи через фотографический опыт.

В Канаде осуждаются геронтофобные установки, наблюдается стремление к созданию «общества для всех возрастов». Там принято сознательно акцентировать внимание на конструктивных аспектах заключительного этапа жизни, этим обусловлено возникновение и интенсивное развитие концепта «успешное старение». Этот концепт появился в трудах Д.В. Роуи, Р.Л. Кана, а также П. Болтса. В этом отношении успешное старение этими учеными понимается как совмещение трех компонентов: способность сохранять ключевые паттерны поведения для предотвращения рисков заболеваний и инвалидности; высокая сохранность умственных и физических функций; активная вовлеченность в социальную жизнь [6].

Наряду с влиянием науки на формирование образа пожилого человека, важнейшую роль играют СМИ. Фотография, явившись первым техническим образом новых медиа, выявила коммуникативные возможности визуальности и изменила медиальную среду. Создавая новую форму медиального освоения мира, фотография способна формировать пространство между образом и зрителем – «медиальность», или «третью позицию» (В. Флюссер), не соотносимую ни с субъектом, ни с объектом в отдельности, выраженную в ожидании коммуникации и отклике на нее. Эта медиальность фотографии раскрывается в ее функции устанавливать сообщаемость в поле восприятия зрителей, становясь условием осуществления коммуникации.

В этом отношении весома и роль СМИ и социальных сетей, которые способны сформировать тот самый «позитивный образ пожилого человека», который заключается в активном образе жизни, нахождении своего дела или занятия, постоянном образовании, деятельностном подходе, желании покорять информационное пространство. От СМИ зависит не только часто публикуемый контент и подача информации с точки зрения позитива, но и фотообраз – визуальное представление о старости. Сегодня вопрос об открытости и заинтересованности СМИ остается открытым, хотя необходимо отметить, что интерес к публикациям, связанным с активностью в пожилом возрасте, стал вызывать больше интереса. В этом отношении активная деятельность социальных служб в медиапространстве города создаст необходимый социальный эффект, который поможет создать новые представления о старости как о времени активного продолжения жизни. Для предотвращения подобных фатальных последствий необходимо повысить авторитет старшего поколения в обществе, целесообразно сознательное конструирование позитивного образа пожилых людей, в первую очередь, в средствах массовой коммуникации. Ясное понимание данной проблемы в западных странах произошло несколько десятилетий назад, их опыт может служить ориентиром в этом вопросе.

Список литературы

1. Лемиш В.В. Геронтокультура как социально-психологический феномен // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2012. №148. С. 34-44.
2. Бочаров В.В. Антропология возраста: учеб. пособие. СПб., 2001. 194 с.
3. Крючкова Н.В. Специфика проявления концептуальных признаков в лексической системе языка и в ассоциативных связях (на материале концепта старость в русском языке) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 5(56).
4. Кон И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М., 1988. 270 с.

5. Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. №8, С. 49-55.
6. Rowe J.W., Kahn R.L. Successful Aging. N.Y.: Dell Publishing, 1999. 288 p.

ПОТЕНЦИАЛ КУМУЛЯТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

POTENTIAL OF THE CUMULATIVE STRATEGY OF COMBATING CORRUPTION

И.Л. Грошев
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
I.L. Groshev
Tyumen Higher Military Engineering Command School named after the Marshal of theEngineer Troops A.I. Proshlyakova

Автор обращается к проблеме противодействия коррупции. На основе анализа существующих моделей сдерживания развития коррупции предлагает кумулятивную стратегию, основывающуюся на поливариантном подходе, который позволит в перспективе снизить коррупционный потенциал общественной системы.

In the article the author turns to the problem of combating corruption. Based on the analysis of existing models of deterring the development of corruption, he suggests a cumulative strategy based on a multivariate approach that will reduce the corruption potential of the public system in the future.

Ключевые слова: коррупция, общество, коррупционный потенциал, кумулятивная стратегия, управление, индивид, социальная среда

Keywords: corruption, society, corruption potential, cumulative strategy, management, individual, social environment

Коррупция в России была и остаётся неразрешимой проблемой. Более того, борьба с ней приобрела цикличный характер с выборочным эффектом, что породило своеобразную «волну», прокатившуюся по всей социальной системе и давшую прямо противоположный результат. За период с 1 сентября 2014 г. по 31 августа 2016 г., средний размер взятки в России постоянно увеличивался (наблюдался рост от 25% до 40%) и за период с 1 сентября 2015 по 31 августа 2016 г. составил 809158 руб., или 12500 дол. США [1, с. 19]. Несмотря на то, что в процентном соотношении наметился тренд к снижению, коррупционная деятельность приобрела более высокий статус (достаточно вспомнить громкие

дела в отношении А. Хорошавина, В. Гайзера, Д. Захарченко, А. Улюкаева и др.), что свидетельствует о системном характере коррупционной деятельности.

Главным лейтмотивом предлагаемого автором кумулятивного подхода выступает принцип поливариантности разрешения насущных проблем для рядового гражданина и бизнес-структур. В этом случае возникают условия конкуренции в сфере госуслуг, которые нейтрализуют корыстные мотивы отдельных служащих и трансформируют деятельность чиновников как «слуг народа». Формула коррупционной деятельности выглядит следующим образом:

два заинтересованных друг в друге субъекта + предмет заинтересованности во взаимодействии + обоюдная выгода = коррупционный акт

Предлагается воздействовать на все три составляющих уравнения, опираясь на те достижения, которые воспринимаются как универсальные стандарты противодействия негативному явлению. Целесообразно сопоставить способы и методы решения проблем в существующей системе ценностей и предлагаемой кумулятивной модели [2] (Табл. 1).

Таблица 1

Модели противодействия коррупции

Направления коррупции [3]	**Реализуемые программы противодействия коррупции**	**Кумулятивная модель противодействия коррупции**
1. Отклонение от правовых норм поведения госслужащих (в том числе и служебных, и этических) – сюда относят взяточничество.	Ужесточение критериев отбора на государственную службу [4]; повышение значения этических норм [5]	Существенное снижение роли и значения чиновников в жизни рядовых россиян, способных самостоятельно решать собственные проблемы
2. Связь с социально-экономическими отношениями – представлена как элемент купли-продажи (то есть торг).	Внедрение тотального контроля за процедурой торгов и деятельностью контрагентов	Экономическая автаркия, обеспечивающая достаточный уровень жизни для профессиональной самореализации
3. Экономический и политический захват власти на всех уровнях (начиная с криминального теневого бизнеса)	Диктат закона, привилегированное положение следственных и судебных органов	Государственная служба на добровольных началах под прессом общественного надзора
4. Борьба за право управлять слоями населения (в широком смысле) в корыстных целях с помощью муниципальных властей и их административного аппарата – в данном случае коррупционером будет выступать чиновник.	Периодическая аттестация государственных служащих [6]; ротация высших государственных чиновников	Теряется смысл поиска каких-либо экономических и социальных выгод от несения государственной службы и полная подотчетность общественному контролю

Актуализируются следующие направления: 1) увеличение дистанции между субъектами; 2) включение предмета интереса в область публичного контроля; 3) многократное превышение ущерба от несостоявшейся сделки по сравнению с вероятной выгодой. Воздействие целесообразно производить комплексно по всем параметрам и во всех сферах жизнедеятельности, обеспечивая логическую последовательность производимого эффекта.

Главной целью кумулятивной стратегии является лишение коррупции платформы для воспроизводства и формирование условий возникновения альтернативных вариантов поведенческой мотивации. Отсюда актуальна апелляция к врожденной экономической целесообразности, которая не только детерминирует своеобразные модели поведения в сторону упрощения и типизации, но и сокращения непроизводственных издержек, что в целом характеризует такой инвариант с позиции экономической эффективности.

Последний критерий выражается в стремлении индивида к оптимизации финансовых вложений в систему производственно-экономических отношений. Именно в таком статусе неприятие коррупции воспринимается уже не на уровне морально-психологических ограничений и установок, а на рациональном, практическом восприятии честных и справедливых отношений во взаимодействии с окружающей социальной средой.

В качестве основных мероприятий следует рассмотреть:

1) предоставление малому бизнесу свободы от налоговых сборов;

2) обеспечение справедливого распределения доходов от реализации природных ресурсов каждому жителю РФ по праву рождения в данном государстве;

3) обеспечение прав собственности на часть территории государства не только в дальневосточном регионе, но и в регионах основного проживания, что повысит эффективность использования региональных ресурсов.

Данные мероприятия позволят освободить нереализованный потенциал населения и частично направить его на самообеспечение семьи, что снизит в перспективе коррупционный потенциал общественной системы [7, с. 99-100].

Список литературы

1. Коррупция в России: независимый годовой доклад всероссийской антикоррупционной общественной приемной ЧИСТЫЕ РУКИ. 01 сентября 2015 г. – 31 августа 2016 г. // Ассоциация Адвокатов России за Права Человека – Москва, 2016. 28 с.

2. Грошев И.Л. Кумулятивная стратегия противодействия коррупции (монография). Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 224 с.

3. Коррупция в России: статистика за 2016 год. Официальное издательство. Новости России и СНГ. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://rusdni.ru/ ekonomika/novosti/korrupciya-v-rossii-statistika-za-2016-god.html (дата обращения: 01.11.2016).

4. В России ужесточат требования к кандидатам на госслужбу // Официальный сайт АиФ. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.aif.ru/politics/ russia/1439966 (дата обращения: 30.10.2016).

5. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/55171108/ (дата обращения: 15.11.2016).

6. Указ Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/55171108/ (дата обращения: 15.11.2016).

7. Грошев И.Л. Кумулятивный аспект противодействия коррупции // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 7-8 декабря 2016 г. / [Отв. ред. И.Г. Кузина] – Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2016. С. 97-100.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF PUBLIC ADMINISTRATION HUMAN POTENTIAL

В.Ю. Дамбуева
Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
V.Y. Dambueva
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo branch

Рассматриваются методологические аспекты анализа человеческого потенциала государственного управления; обосновывается применение принципов системного подхода к человеческому потенциалу государственного управления; осуществляется выявление компонентов системы человеческого потенциала государственного управления с учетом функциональных и личностных компетенций государственных служащих.

The article is devoted to methodological aspects of the analysis of public administration human potential; the article explains the application of the principles of the system approach to the public administration human potential; the author

identifies the components of the system of human potential of public administration taking into account the functional and personal competences of civil servants.

Ключевые слова: человеческий потенциал государственного управления, системный подход, кластер компетенций, профессиональная компетентность, функциональные компетенции, личностные компетенции, компоненты системы личностного потенциала

Keywords: public administration human potential, the system approach, competencies cluster, professional competency, functional competences, personal competences, components of personal potential

Актуальность исследования методологических подходов к анализу человеческого потенциала государственного управления обусловлена ужесточающимися требованиями к уровню профессиональной компетентности государственных служащих, с одной стороны, и отсутствием действенных аналитических технологий возможностей приобретения и использования государственными служащими профессиональных компетенций – с другой.

Отсутствие методов, позволяющих определить предельный уровень эффективности взаимодействия среды, средств, субъекта и объекта профессионального становления и развития, значительно затрудняет разработку соответствующих инструментов повышения уровня профессиональной компетентности государственных служащих и, как следствие, достижение ими высокой степени соответствия профессионально-личностного профиля эталонным моделям компетенций.

Для адекватной оценки эффективности и результативности применяемых технологий профессионально-личностного развития государственных служащих необходимо владеть методикой анализа человеческого потенциала государственного управления как ключевого активатора управления профессиональной компетентностью государственных служащих.

Термин «человеческий потенциал» до сих пор не имеет четкого определения как в нормативных документах, так и в теории и практике управления.

По результатам анализа нормативных документов, определяющих государственную политику в сфере развития РФ, а также научных публикаций можно сделать вывод о том, что понятие «человеческий потенциал» нередко смешивается с понятием человеческого капитала, хотя смысловое содержание указанных теоретических конструкций принципиально различается.

Человеческий капитал – это те способности, знания и умения исполнителей, которые уже имеются в распоряжении субъекта управления и могут быть им использованы.

Человеческий потенциал представляет собой систему возобновляемых, частично возобновляемых и невозобновляемых ресурсов, которые проявляются или могут проявляться человеком (группой людей) в практике решения тех или иных задач.

Исследование проблемного поля анализа человеческого потенциала позволяет выделить два основных методологических подхода к пониманию его сущности – экономический и социально-биологический.

Экономический подход к анализу человеческого потенциала в основном используется на уровне территориальных образований и предполагает использование четырех основных индикаторов и их различных модификаций (ожидаемая продолжительность жизни человека при рождении, средняя и ожидаемая продолжительность обучения в стране и доля ВВП на душу населения).

В рамках социально-биологического подхода человеческий потенциал понимается как особого рода социально-биологическая целостность, структура которой включает в себя ряд компонентов – демографический, валеологический, образовательный, трудовой, культурный [1].

По нашему мнению, как экономический, так и социально-биологический подходы скорее позволяют провести анализ не самого человеческого потенциала, а условий, способствующих его наращиванию и реализации, т.е. ресурсов.

Учитывая, что человеческий потенциал является сложным эмерджентным образованием, включающим множество составляющих, каждая из которых, в свою очередь, может быть разделена на отдельные части, а также наличие взаимосвязей между этими составляющими, их взаимозависимость и взаимообусловленность, можно говорить о целесообразности системного подхода к анализу человеческого потенциала вообще и человеческого потенциала государственного управления, в частности.

Следовательно, алгоритм анализа в данном случае предполагает:

– определение целей развития и использования человеческого потенциала;

– выделение структурных составляющих человеческого потенциала;

– характеристику элементов человеческого потенциала (предельных единиц деления системных составляющих);

– построение системы аналитических параметров и показателей;

– разработку и/или выбор методов анализа.

Результатом анализа должно стать определение уровня развития и/или реализации человеческого потенциала в количественном выражении.

Первой задачей описания любой системы всегда является ее конфигурация, т.е. определение границ, отделяющих систему от внешней среды посредством установления функционального предназначения системы.

Функция человеческого потенциала в сфере государственного управления заключается в обеспечении высокого уровня профессиональной компетентности государственных служащих, структура которой включает два основных кластера компетенций – кластер специальных (функциональных) компетенций и кластер личностных компетенций.

Сущностное содержание функциональных компетенций предполагает умение государственных служащих эффективно использовать имеющиеся знания, умения, навыки в решении профессиональных задач, возникающих в процессе исполнения ими должностных обязанностей, что требует наличия в системе человеческого потенциала когнитивного, метакогнитивного и инструментального компонентов.

Формирование и развитие личностных компетенций обеспечивается эмоциональным, эмотивным и эмпативным компонентами.

Учитывая специфические особенности социально-экономических систем, необходимо включить в структуру системы человеческого потенциала государственного управления мотивационный и адаптационный компоненты, обеспечивающие в данном случае развитие человеческого потенциала государственного управления в направлении синергетических эффектов.

Проблема анализа человеческого потенциала государственного управления – это проблема изучения возможностей приобретения, развития и практического применения личностных и профессиональных компетенций государственных служащих и управления ими.

Список литературы

1. Бодак А.В. Человеческий потенциал как базовая модель развития общества // Материалы XX окружных научных социальных чтений. Сургут, 29-30 октября 2015 г. С. 15-20.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУПРУГОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНО-БРАЧНОЙ СФЕРЫ

INTERACTION OF SPOUSES IN A MODERN RUSSIAN FAMILY IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE FAMILY-MARRIAGE SPHERE

Н.Ю. Егорова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
N.Yu. Egorova
Lobachevsky University

На основании данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ и нижегородского исследования анализируется влияние формы супружества (брак/сожительство) на способы взаимодействия супругов в сфере распределения обязанностей.

Based on the data of the of Russian monitoring of economic situation and public health issued at HSE and the Nizhny Novgorod study, the influence of forms of marriage (marriage / cohabitation) on the ways of interaction of spouses in the sphere of responsibilities distribution is analyzed.

Ключевые слова: брак, сожительство, взаимодействие супругов, распределение обязанностей

Keywords: marriage, cohabitation, interaction of spouses, distribution of duties

Изменения в сфере семьи и брака, особенно внешние, структурные, становятся сегодня все заметнее: динамика демографических показателей второй половины 20-го – начала 21-го столетий фиксирует уменьшение средней величины семьи, нестабильность семейной группы, разнообразие форм супружества. Последнее предполагает появление и распространение новых моделей: повторных, незарегистрированных, раздельно-проживающих [1]. Регистрация брака становится скорее желательной, чем обязательной, делая сожительство весомой альтернативой привычной зарегистрированной семье. Так, согласно данным микропереписи 1994 г., доля проживающих в таких союзах и считающих себя супругами составляла 7%. К 2002 г. она увеличилась до 10%, в 2010 г. достигла 13%. Материалы последней микропереписи населения (2015 г.) показывают, что ситуация существенно не изменилась: почти 13% семей не регистрируют свои отношения [2]. Анализ выборочных опросов дает еще более высокие цифры. По результатам *Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ, в 1998* г. доля проживающих совместно без регистрации фиксировалась на

уровне 10%, в 2002 г. – 14%, в 2010 г. – 17%. В 2015г. почти каждая 6-ая пара находилась в незарегистрированном супружеском союзе [3].

Влияют ли указанные изменения на характер межличностных отношений в семье, приводят ли к формированию новых, более демократичных и гибких практик взаимодействия между супругами? Будут ли пары, ориентированные на альтернативные семейные формы, такие как, например, сожительство, альтернативны и в выборе стратегий внутрисемейного поведения? В рамках данной публикации затронем лишь один, но очень существенный аспект супружеского взаимодействия: распределение обязанностей в семье.

Еще в начале 90-х гг. зарубежные авторы отметили, что сожители более либеральны во взглядах на семью и семейные отношения: они реже осуждают развод, добрачные сексуальные связи, спокойнее относятся к сексуальной неверности, чаще отмечают, что женатые люди нуждаются в индивидуальной свободе, в гендерных отношениях демонстрируя стремление к равенству [4]. Вместе с тем, люди, имеющие опыт сожительства и не имеющие его, одинаково согласны с утверждением, что лучше быть женатым, чем одному, и лучше иметь детей. Можно предположить, что сожительство – не просто игнорирование официального брака, а следствие перехода от традиционных, патриархальных межгендерных отношений к современным, основанным на равенстве прав, партнерстве.

Обратимся к результатам отечественных исследований, чтобы определить возможность влияния формы семьи на данный аспект супружеского взаимодействия.

Судя по результатам *Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ* [5], в конце прошлого века большинство семейных партнерств придерживалось традиционного способа распределения домашних обязанностей с четким выделением «мужского» и «женского» труда (см. Табл.1). Исключением являлась сфера, связанная с воспитанием детей, где не только женщины, но и мужчины, не состоящие в браке, демонстрировали большую вовлеченность в процесс ухода за детьми.

Таблица 1

Распределение семейных обязанностей в браках и сожительствах, (1998 г., часы в неделю)

Вид обязанностей	**Женщины**		**Мужчины**	
	Брак	**сожительство**	**брак**	**сожительство**
Покупки	3,5	3,5	1,4	1,6
Домашняя работа	24,5	23,5	3,3	3,6
Уход за детьми	30	35	11*	15*

*разница статистически значима

Данные 2009 г. показывают, что спустя десять лет мало что изменилось. Пары по-прежнему ориентируются на традиционную модель распределения обязанностей, и большая часть нагрузки лежит на плечах женщины. В среднем на домашние дела, уход за детьми женщина тратит в 2,5 раза больше времени, чем мужчина (50 ч. против 20 ч.). Основным фактором, определяющим модель распределения труда в семье, является не наличие/ отсутствие официального брака, а наличие/ отсутствие детей.

При появлении ребенка резко увеличивается нагрузка на женщину (в среднем с 27 ч. в неделю до 53 ч.), у мужчины она скорее перераспределяется, возрастая всего на несколько часов (в среднем с 12 ч. до 19 ч.): он меньше времени затрачивает на домашнюю работу, включаясь в процесс воспитания и ухода за ребенком (см. Табл. 2). Такая ситуация характерна как для зарегистрированных, так и для незарегистрированных союзов, хотя в браках, особенно где растут дети, участие женщины в домашней работе чуть больше. Мужчины же в сожительствах оказываются немного активнее в уходе за детьми, чем их женатые коллеги. Но такую небольшую разницу нельзя считать статистически значимой. В целом, и мужчины, и женщины в разных формах супружества демонстрируют одинаковые модели поведения.

Таблица 2

Распределение семейных обязанностей в браках и сожительствах, (2009 г., часов в неделю)

Вид обязанностей		**Женщины**		**Мужчины**	
		нет детей	**есть дети**	**нет детей**	**есть дети**
Домашняя работа	брак	22,7	27,6	6,0	3,7
	сожительство	22,4	26,5	5,1	3,9
Покупки	брак	5,0	5,5	3,0	2,6
	сожительство	4,8	5,4	3,0	2,3
Уход за детьми	брак	-	11,3	-	6,0
	сожительство	-	12,3	-	6,8
Проведение досуга с детьми	брак	-	7,8	-	2,8
	сожительство	-	7,9	-	3,0
Мелкий ремонт	брак	0,4	0,6	3,0	4,5
	сожительство	0,5	0,9	3,0	3,9

Более позднее нижегородское исследование «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» 2013 г. [6] не фиксирует серьезных преобразований, точно так же содержательно очерчивая сферу «мужского» и «женского» труда. Ежедневная рутинная работа, связанная с работой по дому и заботой о детях, в основном ложится на плечи женщин (в 67% случаев и в 54% случаях соответственно), тогда как 85% мужчин занимаются ремонтными работами (см. Табл.3).

Таблица 3

Распределение домашних обязанностей, %

Вид домашних обязанностей	**в основном женщина**	**где-то поровну**	**в основном мужчина**
Работа по дому (стирка, приготовление пищи, уборка)	67	25	8
Покупки	25	57	18
Ремонт дома, квартиры, авто	3	12	85
Решение финансовых вопросов, хождение по инстанциям	19	40	42
Присмотр и уход за ребенком	54	36	11

В некоторых случаях можно выявить постепенное формирование семей, ориентированных на партнерские, демократические, эгалитарные отношения, предполагающие равное распределение обязанностей в домашней неоплачиваемой деятельности, хотя для большинства пар это все еще остается малодостижимым идеалом. Наиболее приемлемыми для пар сферами эгалитарного распределения обязанностей становятся покупки, решение финансовых вопросов. В сфере воспитания 36% семей ориентированы на совместное выполнение родительских обязанностей, еще четверть пар поровну делят такие обязанности, как уборка, приготовление пищи и стирка. Судя по результатам исследования, большая редкость, когда все семейные обязанности ложатся на плечи мужа.

Таблица 4

Распределение обязанностей в семье с учетом брачного статуса респондента (при наличии детей), %*

Вид домашних обязанностей	**способ выполнения**	**брак (первый или повторный)**	**сожительство**
Работа по дому (стирка, приготовление пищи, уборка)	Женщина	71	55
	Поровну	22	36
	Мужчина	7	9
Присмотр и уход за ребенком	Женщина	54	52
	Поровну	37	26
	Мужчина	9	23

*в таблице представлены только данные, где существует разница значений

Если партнеры не заключают брака, эгалитарность в распределении обязанностей выше при исполнении многих домашних дел, за исключением ухода за детьми. С другой стороны, резкое возрастание обязанностей мужчины по уходу за детьми в случае внебрачных отношений (почти в три раза) может свидетельствовать об экспериментальных вариантах отношений между партнерами. Хотя доля незарегистрированных пар в общем числе семей с детьми невелика (12%), сожители чаще остаются бездетными (см. табл. 4).

Можно ли считать выявленные незначительные различия тенденцией, сказать сложно. Конечно, наибольшие перспективы на равенство имеют молодые незарегистрированные пары без детей. Тем не менее, надо учитывать, что тип супружеских отношений влияет очень неоднозначно, в том числе и на модели распределения обязанностей. Действие данного фактора может быть опосредовано другими, например, социально-демографическими характеристика пары. Видимо, для реализации основных функций семьи и решения семейных проблем в рамках супружеств различных типов могут вырабатываться неодинаковые стратегии, что требует дополнительного анализа.

Список литературы

1. Жизненные миры современной семьи: монография / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.
2. Рассчитано автором по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm (дата обращения: 16.09.2017).
3. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms и http://www.hse.ru/rlms). Рассчитано автором.
4. Bumpass L.L. Young Adults' Views of Marriage, Cohabitation, and Family/ L.L. Bumpass, J.A. Sweet // The Chandging American Family: sociological and demographic perspectives. – ed. by Scott J. South and Stewart E. Tolnay. Oxford: Westview Press, 1992. P. 158-164, 168.
5. См. 3. Для расчетов автором использованы данные 8-ой и 15-ой волн, репрезентативные выборки, индивиды.
6. Исследование «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» выполнено в рамках мероприятия 1.2.1 Федеральной целевой программы «Научные и научно-исследовательские кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. в 2013 г. Руководитель проекта – З.Х. Саралиева. Анализируемая подвыборка включает респондентов двух возрастных групп: 23-30 лет и 33-40 лет, проживающих вместе со своим партнером/шей. Всего 269 человек. Из них 24% (65 чел) не были зарегистрированы, 76% (204 чел) состояли в браке.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ И ЛИЧНОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРОЦЕССУ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

PROFESSIONAL READINESS AND PERSONAL ATTITUDE TO THE PROCESS OF INCLUSIVE EDUCATION OF WORKERS IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE

А.В. Ермилова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.V. Ermilova
Lobachevsky University

На основе анализа профессиональной готовности работников физической культуры и спорта к внедрению инклюзии в образовательный процесс выявляются негативные аспекты, затрудняющие осуществление инклюзивного подхода в сфере физической культуры.

On the basis of the analysis of the professional readiness of physical culture and sports workers for the introduction of inclusion into the educational process, negative aspects that make it difficult to implement an inclusive approach in the field of physical culture are identified.

Ключевые слова: дети, ограниченные возможности, здоровье, инклюзия, образование, профессиональная готовность

Keywords: children, disability, health, inclusion, education, professional readiness

Одним из стратегических направлений развития современной системы российского образования является инклюзивный подход. Большинство исследователей в своих работах затрагивают проблематику внедрения и развития инклюзивного процесса применительно лишь к направлению учебного процесса, не принимая во внимание возможность включения детей с ОВЗ в сферу физического воспитания. Данный вопрос в современном обществе является актуальным, т.к. развитие физических качеств и навыков лиц с ОВЗ играет важную роль в процессе их адаптации к социуму и дальнейшей жизни.

Изменения в системе образования влекут за собой повышение требований к уровню компетентности учителей физической культуры, увеличению их прямых обязанностей, формированию новых профессиональных качеств. Помещение новой категории детей в обычные детские коллективы, естественно, может привести к изменению требований к содержательной стороне подготовки педагога физической культуры.

В ходе анализа научной литературы, нормативно-правовых актов были выявлены следующие противоречия: во-первых, на практико-методическом

уровне – отсутствие методических материалов, характеризующих процесс ведения работы с лицами с ОВЗ и требованиями реализации инклюзивного образования; во-вторых, на педагогико-социальном уровне – недостаток квалифицированных кадров в связи с необходимостью внедрения и реализации инклюзивного образования. На основании этого мы предполагаем, что большинство работников сферы физической культуры не располагают профессиональными знаниями, умениями и возможностями для осуществления работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, что подчеркивает актуальность проблемы внедрения инклюзивного образования в российском обществе.

Обозначенные выше противоречия в сфере инклюзивного образования подтолкнули нас к проведению социологического исследования, направленного на выявление степени профессиональной готовности и личностного отношения к процессу инклюзивного образования работников сферы физической культуры (в рамках исследования также использовалась первичная социологическая информация, полученная в ходе работы над магистерской диссертацией А.А. Судариковым, магистрантом факультета физической культуры и спорта ННГУ). Методом полустандартизированного интервью были опрошены педагоги физической культуры общеобразовательных школ г. Нижнего Новгорода (N=10 чел.), а также тренерский состав МБУ ДО «НСДЮСШОР по гребному спорту» (N=5 чел.), осуществляющие свою деятельность в г. Нижний Новгород.

Восприятие процесса инклюзии не тождественно у преподавательского и тренерского составов. Специалисты из общеобразовательных школ отметили, что процесс инклюзивного образования подразумевает совместное обучение детей с ОВЗ с их здоровыми сверстниками, тогда как большинство кадрового состава спортивной школы формулировало свое мнение на основе того, что инклюзия – это работа с детьми инвалидами, не обращая внимание на такой важный аспект инклюзивного процесса, как открытость сотрудничества.

Причиной этого, на наш взгляд, является присутствие в спортивном мире такого явления, как адаптивный спорт. Подобный феномен, оставаясь в рамках спортивного сообщества, обособляется, находится на отдельном уровне работы. Подобная проблема и создает раздельность1 между инклюзией и адаптивным спортом, спортсмены не должны соревноваться между собой, но они могут проводить учебно-тренировочный процесс совместно.

Специалисты обоих видов образовательных учреждений единогласно отмечают наличие достоинств инклюзивного образования. Несмотря на расхождение мнений о механизмах ведения процесса образовательной инклюзии, специалисты склоняются к тому, что положительные эффекты

«включенного» образования распространяются на всех участников процесса: педагогов, лиц с ОВЗ, их сверстников. Как отмечают учителя физической культуры, формируются мотивационно-ценностные характеристики личности человека с ОВЗ, гуманизм его здоровых сверстников, уважительное и ответственное отношение к лицам с особенностями в развитии. Происходит приобретение специалистом новых компетентностных знаний, умений, навыков в работе с коллективом, в составе которого обучается «особенный» ребенок, что, естественно, расширяет спектр возможностей работы педагога. Однако тренерский состав, несмотря на положительное отношение к инклюзии в сфере физической культуры, указывает, что подобный подход не применим к учебно-тренировочному процессу. По их мнению, разделение на лиц с ОВЗ и обычных детей в процессе тренировки необходимо, что ставит под вопрос любое развитие «свободной» открытой среды для каждого из членов общества как с отклонениями, так и без них.

В вопросе о недостатках процесса инклюзивного образования специалисты демонстрируют различные принципы восприятия проблемы. Педагоги общеобразовательных школ, в первую очередь, отмечают нарушение стандартизированных и общеприменимых технологий ведения урока. Ученикам с ограничениями будет уделяться большая часть внимания в целях лучшего усвоения, осознания полученных знаний, тогда как их здоровые сверстники будут предоставлены сами себе, что негативно повлияет на их уровень образования. Педагоги также отметили и недостаточную разработанность или же полное отсутствие образовательной программы, предназначенной для работы и проведения уроков в условиях инклюзивного коллектива.

Тренерский состав выделяет иную проблему, связанную с особенностями восприятия здоровыми детьми лиц с ограниченными возможностями здоровья и, как следствие, отсутствие желания детей участвовать в жизни сверстников с ОВЗ. Первое впечатление детей без ограничения возможностей может быть негативным по отношению к людям с ОВЗ. Неподготовленная личность зачастую не в состоянии адекватно воспринимать и оценивать проблематику процесса инклюзии. Несомненно, важным шагом будет психологическая работа со здоровым коллективом, работа с пониманием и осознанием сложных механизмов взаимодействия, создание подготовительного этапа на стадии внедрения инклюзии в определенный класс или спортивную секцию.

Естественно, нас не мог не заинтересовать вопрос, связанный с наличием опыта взаимодействия с детьми с ОВЗ в ходе проведения занятий. Только среди учителей физической культуры были специалисты, имеющие определенный опыт по взаимодействию с данной категорией детей. Однако педагоги работали индивидуально с детьми, имеющими разные уровни отклонений по здоровью.

По мнению специалистов, в реальности попытки совмещения разных групп детей не приводил к эффективному и успешному финалу занятия. Тем не менее, абсолютное большинство интервьюируемых проявили готовность к работе в условиях инклюзии. Специалисты единодушно признают, что им необходимо пройти дополнительное образование, чтобы осуществлять деятельность в инклюзивном поле. Необходимо отметить, что как педагоги, так и тренеры не обладают абсолютно точной информацией о существовании подобных курсов на территории Нижегородской области. Некоторыми представителями тренерского коллектива была отмечена возможность эмоциональной неготовности к работе с людьми с ОВЗ. Наличие морально-этических препятствий также будет являться проблемным фактором для инклюзивной деятельности.

Каждый из представителей обеих групп респондентов высказал позицию решительности продолжить работу в сфере образования при наличии законодательного закрепления обязанности работать в условиях инклюзивной деятельности. В данном вопросе опрашиваемые отмечали, что требования в законодательных актах будут подразумевать наличие профильного образования либо специализированного медико-психологического, врачебного, или же получение педагогом дополнительного образования, формирующего профиль знаний и умений работника сферы инклюзивного образования. Необходимость данных условий является обязательным критерием в квалифицированной, качественной и полноценной деятельности «включенного» педагога.

Исследовательский интерес был направлен и на выявление готовности самих образовательных спортивных учреждений к внедрению инклюзии. Тренерский состав признает свое спортивное учреждение не готовым к внедрению процесса инклюзии, указывая на неразработанность необходимых компонентов для создания «свободного» пространства: пандусы, подъемники, оборудованные дорожки для незрячих. Особое внимание они обращают на несовершенство материально-технического оснащения: специализированные лодки, весла. Главным же фактором является отсутствие узких специалистов в спортивных школах: психологов, тьюторов, дефектологов.

В свою очередь педагоги общеобразовательной школы отмечают, что необходимые условия созданы, соблюдены санитарно-технические нормы, сформированы площади для отдыха, но проблемным аспектом является перегруженность объекта. Как было сказано выше, нехватка оборудованных площадок и кадровый голод не позволяют признать школы абсолютно готовыми к принятию инклюзивного процесса.

Подводя итог, необходимо указать на следующие негативные аспекты, затрудняющие инклюзию в сфере физической культуры: во-первых, развитие

профессиональных знаний, умений и навыков в области инклюзивного образования как педагогического, так и тренерского составов является недостаточным для внедрения и эффективного ведения инклюзивного процесса; во-вторых, наблюдается ограниченность знаний проблематики инвалидности, в-третьих, в спортивных школах олимпийского резерва актуальна проблема несовершенства материально-технического оснащения, несмотря на необходимость подготовки будущих паралимпейцев, в-четвертых, отсутствие методических материалов, позволяющих эффективно реализовывать инклюзивный процесс специалистами физической культуры и спорта.

ПРИМЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ, РОЛЬ ЕПИСКОПА АДРАНСКОГО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ ИНДОКИТАЯ

AN EXAMPLE OF HUMAN POTENTIAL IN SOLVING POLITICAL ISSUES, THE ROLE OF BISHOP ADRANSKY IN THE FRENCH COLONIAL EXPANSION OF INDOCHINA

Е.А. Есаева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E.A. Esaeva
Lobachevsky University

Прослеживаются условия формирования личности в миссионерской среде XVIII в. на примере епископа Адранского. Особое внимание уделяется результатам его деятельности.

The article traces the conditions for the formation of a person in the missionary environment of the 18th century, with the example of Bishop Adransky. Particular attention is paid to the results of his activity.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, вьетнамо-французский договор о союзе, чрезвычайные полномочия

Keywords: missionary activity, Vietnamese-French alliance agreement, emergency powers

«…Он неустанно выступал, многократно ему удавалось спасти положение своими экстраординарными планами…»
— Надгробная речь Нугуен Фук Аня 8 декабря 1799 г.

Пиньо де Беэн, в истории известный как епископ Адранский, сыграл одну из ключевых ролей в начале французской колониальной экспансии Индокитая. Он в совершенстве знал китайский и вьетнамский языки. Создал вьетнамо-

латинский словарь, опубликовал католический катехизис на вьетнамском языке. Оказывал поддержку князю Нгуен Фук Аню, чем заслужил доверие правителя. Первым из европеец был наделён королевским советом Кохинхина чрезвычайными полномочиями в вопросах заключения наступательно-оборонительного союза. Епископ смог убедить правителей двух государств заключить первый вьетнамо-французский договор о союзе. Он помог организовать армию и флот Вьетнама, вернуть власть свергнутой династии Нгуен. Помня об этой помощи, первые правители династии Нгуен благожелательно относились к продвижению в стране христианства и стремлению Франции установить прочные контакты с Вьетнамом [1. с. 35].

Пьер-Жозеф-Георг Пиньо де Беэн родился 2 ноября 1741 г. в коммуне Ориньи-ан-Тьераш и был старшим из 19 детей. Его отец владел имением Беэн при герцоге Вальер. Пиньо не был знатного происхождения, а добавление к имени фамильной приставки «де» появилось, скорее всего, во время подписания договора в 1787 г.[2].

Он начал своё обучение в Лане, продолжил в парижской семинарии. После Пиньо поступил в семинарию при Парижском обществе заграничных миссий, окончив её в 1765 г., полущил сан священника и был направлен на миссию в Кохинхин в сентябре того же года [3, с. 235].

В 1767 г. назначен Гильомом Пиглем преподавателем в колледже, основанном Парижским обществом заграничных миссий, который временно переехал в Хон Дат. Два года спустя Пиньо возглавил этот колледж. В декабре 1769 г., после нападения камбоджийских пиратов на колледж, отказавшись вернуться во Францию, вместе с выжившими семинаристами Пьер бежал в Педучерри. Он поселился в пригороде Вирампаттинама, где основал семинарию. Там продолжил изучение китайского и вьетнамского языков. В 1773 г. епископ создал вьетнамско-латинский словарь.

В сентябре 1771 г. Папа римский Пий VI назначил Пиньо де Беэна титулярным епископом Адрансона и апостольским викарием Кохинхины.

В феврале 1774 г. с тремя священниками епископ Адранский направился в Хатьен – один из религиозных центров дельты Меконга, где проживало около 4000 христиан [3, с. 235].

В это время в Аннаме вспыхнула гражданская война (восстание Тейшенов). В 1775 г. тейшены захватили всю королевскую семью и умертвили князя и его сына, в живых остался лишь семнадцатилетний Нгуен Ань, в будущем император Зя-Лонг. Он прибегнул к помощи китайского императора, чтобы вернуть власть.

В середине 1778 г. камбоджийские пираты напали на христиан в Хатьене, сожгли часовню и многие дома, убили четырех семинаристов, казнили много

христиан. Пиньо пришлось бежать из Камбоджи. Он укрылся в Бьен Хоа, к северу от Сайгона близ резиденции Нгуен Аня. Постепенно Фук Ань, не доверявший европейцам, стал близким другом с Пьером. Он часто обращался к Пиньо де Беэну за советом во время своих военных кампаний. Хоть обратить Нгуен Аня в христианство епископу не удалось, он научил его видеть величие христианской морали и способствовал дальнейшему распространению христианства в Дайвьете.

В 1782 г. тейшены захватили Сайгон, вырезав несколько тысяч жителей. Епископ опять вынужден был бежать, сначала в Камбоджу, потом обосновался на острове Фукуок, где в 1784 г. встретился с Нгуен Анем. После очередного поражения в борьбе с тейшенами у Нгуена не осталось достаточно средств, чтоб прокормить свою армию. Епископ щедро с ним делился, чем спас жизнь многим людям Нгуена.

Тейшены, господствующие в верхней Кохинхине, были враждебно настроены к христианам, издали несколько указов о преследовании христиан: «Мы хотим сказать, что все дома, посвященные культу Иисуса, будут разрушены, а на их местах возведут пагоды…» [2].

Перед обращением к епископу за помощью Нгуен Ань предпринял ещё одну попытку вернуть власть с помощью короля Сиама. После очередной неудачи Нгуен Ань, не колеблясь, обращается к епископу. В августе 1785 г. он собирает королевский совет, на котором выносит решение о предоставлении чрезвычайных полномочий Пиньо де Беэну в прошение помощи у Франции. Решение включало в себя четырнадцать пунктов, объясняющих, почему именно Пиньо де Беэн должен представлять Нгуен Аня во Франции, а также наделяло епископа чрезвычайными полномочиями в вопросах заключения союза. Для подтверждения этих полномочий Нгуен Ань отправил вместе с епископом своего пятилетнего сына принца Каня и королевскую печать, что было отражено в решение королевского совета Кохинхины.

Пьер вместе с сопровождающими в Педучерри около года ждали разрешения вернуться во Францию для аудиенции у Людовика XVI. Епископ Адранский неоднократно доказывал Людовику XVI необходимость и выгоду захватов в Индокитае. «Учреждение французской колонии в Кохинхине, – писал он Людовику XVI, – было бы наиболее верным и эффективным средством уничтожения английского влияния (в Индокитае)» [4, с. 11].

В начале мая 1787 г. Пиньо получает аудиенцию министра флота и министра иностранных дел [5, с. 96]. Епископ объясняет, что договор о помощи может принести Франции не только материальную выгоду и возможность эффективного распространение христианства во Вьетнаме, но и в дальнейшем усиление влияния Франции в Индокитае.

28 ноября 1787 г. был заключен первый вьетнамо-французский договор о наступательном и оборонительном союзе между Францией и Кохинхином. Особенностью этого международного договора являлось его подписание с двух сторон французами. Граф де Монморен, министр иностранных дел при Людовике XVI, со стороны Франции и Пьер Пиньо де Беэн со стороны Кохинхина. По договору Его Величество обязался прислать в Кохинхин 4 фрегата с корпусом войск пехоты 1200 человек, 200 артиллеристов. Эти войска будут оснащены всем необходимым для ведения военных действий, в том числе артиллерией. В ожидании помощи Нгуен-Ань передавал в полную и неотъемлемую собственность французской короны полуостров, образующий бухту главного порта Аннама Турана, с правом совместного с Аннамом владения самим портом, а также остров Пуло-Кондор с правом организации предприятий на переданных территориях. Франции предоставлялось право свободной торговли на территории всей страны, а взымаемые пошлины не должны были превышать уплачиваемых подданными. После восстановления власти Нгуен Ань обязывался оказывать военную помощь Франции.

Таким образом епископ Адранский стал «предшественником французской экспансии в Индокитае» [2].

27 декабря 1787 г. он вернулся в Кохинхин с принцем и восемью миссионерами. Накануне революции французское правительство сильно ослабло, и министр иностранных дел Франции отправил губернатору Педучерри Томасу Конуэю указания – «может не начинать экспедицию или отложить её, по собственному разумению» [5, с. 98].

Не получив поддержку от правительства епископ начал собирать экспедицию своими силами. Собрав 15000 ливров с помощью своей семьи и субсидий торговцев Педучерри, он закупил орудия и боеприпасы. Оснастил два корабля: Лонг (дракон) и Фынг (феникс). Пиньо вербует 350 добровольцев и 20 военно-морских офицеров, в их числе Жан-Батист Шеньо, Филипп Ванье, Оливье де Пюиманель, Жан-Мари Даё [6, с. 74].

В июле 1789 экспедиция Пьера прибыла в бухту недалеко от Сайгона. Там иностранные военные объединяют и модернизируют южновьетнамскую армию. Пюиманель обучил вьетнамскую пехоту обращаться с современной артиллерией и ввёл европейские пехотные тактики. Строят сеть цитаделей по системе Вобана, самой большой из которых является цитадель в Сайгоне.

К 1792 г. был организован большой флот из 2 европейских кораблей и 15 фрегатов. В этом же году Жан-Мари Даё напал на порт Куинён. Бои за порт продолжались до 1799 г. В это время Пиьо де Беэн продолжал миссионерскую деятельность и вместе с принцем Канем участвовал во всех военных кампаниях.

Пиньо умер 9 октября 1799 г. в провинции Бинь-Динь, будучи советником и фактически министром иностранных дел при дворе Нгуен Фук Аня. Его похоронили с военными почестями в Сайгоне.

Можно сказать, что епископ Адранский оставил большой след в истории Кохинхины. Несмотря на смертельную опасность, Пиньо де Беэн не вернулся во Францию, продолжил свою миссионерскую деятельность. Хотя обратить в христианство императорский двор Пиньо не удалось, его деятельность позволила императору и его подданным понять христианские ценности и благожелательно относиться к церкви. Франция часто обращалась к договору 1787 г. для оправдания своего присутствия во Вьетнаме. Без него бы колонизация Индокитая Францией, возможно, была бы неосуществима.

Список литературы

1. Васильев Л.С. История Востока: в 2т. М.: Высшая школа.1998. 307с.
2. Pierre Pigneau de Behaine. Notice biographique // Archives des Missions Etrangeres de Paris. Access: http://archives.mepasie.org/fr/notices/notices-biographiques/pigneau-de-ba-c-ha (accessed: 29/08/2017).
3. Gilles van Grasdorff, La Belle histoire des missions étrangères 1658-2008, Paris, éd. Perrin, 2007. 492 p.
4. Дементьев Ю.П. Политика Франции в Камбодже и Лаосе 1852-1907, М. 1960. 72 с.
5. Frédéric Mantienne,Monseigneur Pigneau de Behaine, évêque d'Adran, dignitaire de Cochinchine, études & documents, AMEP, 1999.
6. Philippe Papin Histoire de Hanoï, Paris, Fayard, 2001, p. 196.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР МАКСИМИЗАЦИИ КОНКУРЕНТНЫХ ПОЗИЦИЙ ВУЗОВ НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

HUMAN CAPITAL AS A FACTOR TO MAXIMIZE COMPETITIVE POSITIONS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS ON THE GLOBAL MARKET OF EDUCATIONAL SERVICES

И.Н. Ефимова
Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского
I.N. Efimova
Lobachevsky University

Образование сегодня рассматривается как важнейшая ценность всей современной мировой культуры. Это проявляется, прежде всего, в отношении к человеку как к творческой личности, реализующей себя на протяжении всей жизни. Человеческий капитал имеет первостепенное значение в социальном,

культурном, экономическом и политическом развитии общества. В образовании формируются и развиваются демократические ценности, что проявляется в индивидуализации обучения, создании различных форм образования, в том числе и на протяжении всей жизни человека. Внедрение технологий, опирающихся на высокий уровень интеллектуальных ресурсов, и тенденции глобализации становятся важнейшими факторами, определяющими не только экономику, но и политику XXI в. В связи с этим повышение уровня интеллектуального потенциала, человеческого капитала становятся ключевым условием самостоятельности страны, доминантой ее успешного развития.

Education today is seen as the most important value of all modern world culture. This is primarily shown through the relation to a man as a creative personality, who develops himself all through his life span. Human capital is of paramount importance in social, cultural, economic and political development of society. Education moulds and develops democratic values which causes individualization of learning and creation of various forms of education, including life-long learning. Implementation of technologies that rely on a high level of intellectual resources and tendencies of globalization become the most important factors that determine not only the economy, but also the policy of the 21st century. In this regard, strengthening intellectual potential and human capital are becoming the key conditions of the country's independence, the key factor behind its successful development.

Ключевые слова: конкурентоспособность, вуз, человеческий капитал, рейтинги, научно-инновационные региональные кластеры

Keywords: competitiveness, university, human capital, ratings, scientific and innovative regional clusters

В настоящее время глобальные рейтинги вузов являются мощным инструментом позиционирования университета в мировом образовательном пространстве.

Международные рейтинги вузов традиционно воспринимаются как важная составляющая оценки экономического развития и сравнения достижений высшего образования различных стран мира. Поэтому человеческий капитал все больше ценится на рынке, а одной из основных задач вузов является предоставление образовательных услуг, соответствующих условиям этого рынка.

Рейтинг вузов влияет на качество предоставляемых образовательных услуг и отражается на рейтинге всего российского образования. Большинство российских вузов уже имеют определенный рейтинг, имидж и репутацию, но построению рейтингов редко уделяется дополнительное внимание.

Конкурентные преимущества обеспечивают себе те вузы, которые обладают высоким человеческим капиталом, позволяющим создавать уникальные компетенции, наращивать активы и улучшать свои рейтинги.

Каждый вуз должен формировать свои ценности, которые позволят ему охватить наиболее широкую целевую аудиторию. К атрибутам ценностей любого вуза можно отнести следующие показатели: рейтинг вуза, известность и престиж (бренд); высокое качество образования, исследования, трансфер знаний и технологий, профессиональный уровень знаний и подготовки, грамотные преподаватели; возможность успешного трудоустройства после окончания вуза и главное, знания, которые превращаются в человеческий капитал. Конкурентоспособный вуз – это такой вуз, который знают все, и он имеет уже свой сформировавшийся рейтинг.

Вопрос рейтингов вузов тесно связан с мотивацией, и по существу, является вопросом о качестве получаемого образования, об успешности социально-психологической адаптации молодых людей к условиям обучения в вузе, эффективности профессиональной подготовки будущего специалиста.

Известно, что место того или иного государства в мире сегодня во многом определяется уже не традиционными критериями, как величиной ВВП, превосходством военной мощи или финансовыми ресурсами, а качеством человеческого капитала.

В свою очередь, одним из важнейших критериев человеческого капитала является качество образования, которое предопределяется лидирующими позициями ведущих национальных университетов на международном уровне. Высокие места в наиболее популярных глобальных и международных университетских рейтингах становятся своеобразной визитной карточкой для любого вуза, поскольку на эти рейтинги ориентируется все больше абитуриентов и инвесторов как внутри страны, так и за рубежом. Таким образом, позиция государства в мире во многом зависит от позиции, занимаемой его ведущими университетами.

Объективная оценка такой позиции крайне важна, ибо она дает представление не только о состоянии образования в стране, а если в более широком контексте, о состоянии национальной безопасности. Проблема критериев и рейтингования выходит далеко за пределы собственно проблемы оценки качества вузов или даже национального образования.

И Россия оказалась перед принципиально новыми для нас проблемами адекватной оценки и рейтингования вузов уже на международном уровне, ибо собственные оценки, которые и прежде имели не главное значение, перестали выполнять свою функцию.

Сегодня существует, как минимум, две весьма спорные точки зрения в российском обществе и образовательном сообществе о месте российского образования вообще и вузов, в частности. Не секрет, что многие, в том числе и в структуре власти, считают, что российское высшее образование перестало

быть конкурентоспособным. Иногда даже говорят о необходимости его принципиальной замены некими новыми структурами, будто бы доказавшими свою эффективность. В качестве причины необходимости приводятся относительно низкие позиции, занимаемые российскими вузами в мировых рейтингах. Отметим, что основное место среди критериев, которые определяют уровень развития того или иного государства, являются человеческий ресурс и человеческий капитал. О степени развития человеческого ресурса и дальнейшего его превращения в человеческий капитал говорит его образованность, которая напрямую зависит от качества образования.

Однако, нельзя забывать, что образование оказывает прямое влияние на валовой внутренний продукт, военную мощь страны, финансовую, экономическую, правовую и социальную систему государства. При этом рейтинги являются лишь стимулирующим фактором для повышения качества образования, а не способом получения звания престижного вуза с целью получения денежных средств.

Сегодня никого не надо убеждать в необходимости оценки качества высшего образования. Инновационное развитие экономики, повышение уровня жизни, рост конкурентоспособности РФ на мировом рынке – все это невозможно без постоянного совершенствования системы высшего профессионального образования.

С развитием процессов глобализации растет конкуренция за самых талантливых и способных учеников, студентов и выпускников не только внутри конкретной страны, но и среди национальных систем образования. В этом плане глобальные рейтинги вузов помогают престижным университетам привлекать студентов из-за рубежа, обеспечить национальной системе образования прирос, как финансов, так и человеческого капитала.

До сегодняшнего дня остается открытым вопрос, что такое рейтинги вузов и для чего они нужны. Действительно ли рейтинги превратились в инструмент оценки качества образования не только в отдельно взятом вузе, но и во всей национальной системе образования?

По мнению экспертов, рейтинги во многих случаях обеспечивают вузовские и правительственные администрации более четкой и адекватной картиной качества высшего образования и его институтов, чем картина, строящаяся на основе исключительно аккредитационных данных. Рейтинги служат ориентиром и стимулом, заставляя вузы стремиться достичь более высокого качества образования, исследований, может служить полезным инструментом для осознания проблем и планирования стратегических действий на институциональном и национальном уровнях.

Ответить на вопрос, могут ли рейтинги вузов отождествляться показателем качества образования, сложно. В настоящее время рейтингов становится все больше, сами они все сложнее, используют все более сложные методики для ранжирования, скорее всего в дальнейшем они станут действительно эффективным инструментом оценки качества образования не только отдельного вуза, но и всей национальной системы образования.

Основным фактором максимизации конкурентных позиций вузов является человеческий капитал, а формирование инновационной экономики означает превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности.

Источником высоких доходов становится не только возможность получения ренты от использования природных ресурсов, обусловленной высокой мировой конъюнктурой, но и производство новых идей, технологий, социальных инноваций, человеческого капитала.

Уровень конкурентоспособности современной инновационной образовательной сферы в значительной степени определяется качеством накопленного человеческого капитала.

Стратегической целью конкурентоспособности является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI в., занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан.

Население постоянно ждет решения социальных проблем общества, как от власти, так и бизнеса. Однако действующая система отношений не всегда оправдывает эти ожидания. Функция властных структур, заключающаяся в национальных преобразованиях сферы бизнеса, используется недостаточно эффективно и не обеспечивает формирования благоприятной организационной и экономической среды, определяющей правила функционирования бизнеса, хотя такие условия способствуют обеспечению достойной жизни народа и завоеванию Россией места среди сильных мировых держав.

На современном этапе экономического развития РФ одним из главных факторов, определяющих перспективы российского общества и государственности, является не политика и даже не экономика, а культура взаимоотношений государства, бизнеса и общества. При этом, образование и человеческий капитал являются одной из сфер общественной жизни, от которой во многом зависит развитие как общества, так и страны в целом.

Конкурентные преимущества обеспечивают себе те вузы, которые обладают высоким интеллектуальным потенциалом, позволяющим создавать уникальные компетенции и наращивать активы. Инновационное развитие подразумевает третий путь, в отличие от административного и полностью

рыночного, то есть такую управленческую модель-кластер, в которой предусмотрено обязательное участие ключевых кластеров – государства, предприятий, вузов, бизнес-структур с возможностью лидерства каждого из них на определенном этапе развития, и при этом формирование общего кластерного пространства согласия. Источником развития в этой модели выступает вуз.

В создании инновационных региональных кластеров участвуют три института – академический, корпоративный и государственный. Их инновационная политика направлена, в первую очередь, на генерирование предпринимательства и нового бизнеса. Принцип Тройной спирали – совместная деятельность вузов, промышленности, бизнеса, а также власти используется как базовый для создания новых территорий инновационного развития.

Такой вуз должен работать в среде, где высоко развиты и предпринимательство, и изобретательство.

Переход мирового научно-образовательного сообщества к качественно новому типу, базирующемуся на развитии человека и человеческого капитала, как производства, так и управления, на массовом использовании информационных коммуникационных технологий, определяет новую ступень современной цивилизации, в которой основополагающая роль принадлежит высшему образованию.

Инвестиции в человеческий капитал превращаются в наиболее эффективный способ сохранения и распространения ресурсов. Интенсификация производства и использование новых научно-инновационных подходов определяет ускорение темпов продвижения интеграции науки и образования в мировое научно-образовательное пространство.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

TRANSFORMATION OF NEW EUROPEAN LEGAL TRADITIONS IN THE CONTEXT OF CULTURE DYNAMICS

П.С. Жданов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
P.S. Zhdanov
Lobachevsky University

Рассматривается проблема взаимосвязи процессов в культурно-мировоззренческой сфере и изменения подходов к пониманию права в новоевропейской истории. Определяется природа кризисных явлений в

юридической науке XX в. Затрагивается вопрос о способах, посредством которых школы правопонимания реагировали на кризис правосознания.

The problem of connection between the processes in general cultural and worldview area and the transformation of ways of law understanding in New European history is considered. The nature of crisis phenomenon in the legal science of 20th century is determined. The issue of methods which were used by schools of legal understanding in last century to overcome the crisis of legal conscience is addressed.

Ключевые слова: правопонимание, кризис, мировоззрение, культура, трансформация, история, Новое время

Keywords: law understanding, crisis, world view, culture, transformation, history, Modern era

Адекватное понимание процессов трансформации новоевропейской правовой традиции возможно лишь в контексте общекультурной динамики. Исходя из этого мы попытаемся дать беглый обзор основных вех эволюции правопонимания в новое время.

Право как элемент культуры общества всегда воспринималось людьми конкретной эпохи через призму их общей картины миропонимания. Так, Античность и Средневековье, для которых природа в целом и общество как часть мироздания представлялись неизменными и подчиненными всеобщему божественному закону, за изменчивостью государственных законов видели постоянство естественного права, которое воспринималось как «изначальное» и «подлинное» право. Философия Нового времени с ее математическими методами в познании природы и стремлением к выявлению всеобщих закономерностей в природных процессах первоначально тоже обращается к статичной картине мироздания. Неудивительно, что юриспруденция XVII в. (например, Гуго Гроций) полностью воспринимает теорию естественного права и рассматривает его как аксиомы разума, определяющие неизменные принципы человеческих отношений.

Ситуация начинает постепенно меняться в XVIII в. Поворот к более динамичной картине мира происходит не сразу. Прежде всего, происходит смещение познавательных акцентов с умозрительного постижения всеобщих принципов к исследованию отдельных фактов, в которых законы природы находят свое выражение. Эта тенденция четко прослеживается на примере учения о «духе законов» Монтескье. Отдавая должное рационалистической концепции естественного права, он, тем не менее, сосредоточивает свое внимание на исследовании взаимосвязей между законами и конкретными условиями, физическими и моральными факторами, действие которых определяет характер законов того или иного государства. Таким образом

создавались предпосылки к историческому изучению права как норм, вырабатываемых обществом в определенных условиях.

Указанные процессы в теории познания накладывались на изменение образа природы и представлений о жизни на Земле. Бюффон, а затем Кювье и Ламарк показали, что виды живых организмов могли меняться с течением времени, заложив основы исторического рассмотрения природы. В области гуманитарного знания учение об изменении человека в ходе исторического процесса было разработано Вико. Указывая, что природа человека определяется историческим типом культуры, итальянский философ утверждал, что циклам, которые проходят в своей жизни народы, соответствуют определенные разновидности языка и права.

Категория развития, вошедшая в философию эпохи Просвещения, в купе с сохраняющимися рационалистическими установкам стала основанием для концепции культурного прогресса. Рубеж XVIII-XIX вв. был ознаменован появлением историзма. В качестве интеллектуального течения, описывающего культуру в категориях становления, а в образе человека и его мировоззрении видящего отражение пройденного им исторического пути, историзм стремился к пересмотру рационалистической традиции с ее неподвижными умозрительными конструкциями и склонностью к насилию над живой реальностью органически сложившихся порядков. В соответствии с новыми тенденциями произошли изменения в сфере философии права: прежде всего, историческая школа Савиньи и Пухты отказалась от понимания естественного права в качестве системы рациональных принципов. «Естественный» характер признавался только за теми нормами и институтами, которые были вызваны к жизни развитием народного сознания и укоренены в национальной культуре.

Исторический подход к пониманию культурных явлений получил в XIX в. широкое распространение, проявляясь и в гегелевском учении о самопознании мирового духа, и в диалектическом материализме Маркса, и в концепции трех стадий интеллектуального развития человечества Конта. Что касается господствовавших в правовой науке на протяжении второй половины столетия позитивистских доктрин, в них классический рационализм трансформируется в требование целерациональности применительно к вводимым в употребление нормам и сочетается с установкой на рассмотрение фактически действующего права в контексте конкретноисторических социальных и политических процессов.

Таким образом, сформировавшаяся к середине XIX столетия совокупность мировоззренческих ориентиров правовой доктрины включала в себя представления о праве как о системе изменяющихся рационально обоснованных предписаний, обусловленных целями и интересами общества,

отражающих его историко-культурные особенности, служащих его прогрессивному развитию и обеспечивающих возможность раскрытия человеческого потенциала. Именно на уровне основополагающих мировоззренческих категорий в конце века происходят изменения, которые в конечном итоге привели к кризису новоевропейской правовой традиции.

Критика базовых категорий и ценностей европейской культуры, предпринятая Ницше, разработка понятия «идеологии» в марксизме, представившая все культурные явления и само человеческое мышление лишь отражением экономических процессов, и, наконец, исследование сферы бессознательного в психике человека были важнейшими, но не единственными, факторами, которые расшатали фундамент мировоззрения, выработанного Новым временем.

Мировоззренческая дезориентация человека неизбежно влекла за собой кризис философии права и общественного правосознания. Правовая наука, опиравшаяся на систему сложившихся мировоззренческих категорий, в условиях распада последних оказалась неспособной к пониманию явлений, которые подчинялись логике новой социокультурной ситуации. По мере того, как исторический процесс, утратив в глазах европейцев свой прежний смысл, связанный с постепенным повышением уровня рациональности и гуманности, замыкался в рамках текущей политико-экономической конъюнктуры, право, которое воспринималось лишь в качестве инструмента государственной власти и средства классового насилия, теряло свой ореол человечности и прогресса.

Одним из путей, по которым пошла европейская теория права в этих условиях, было сосредоточение на формальной стороне права. В частности, это было характерно для нормативизма и примыкающей к нему аналитической юриспруденции, которые разрабатывали соответственно логические аспекты права и проблемы юридического языка. Тем самым наука как бы дистанцировалась от ценностно-мировоззренческой сферы с ее проблемами. Следствием этого стала неспособность философии права, замкнувшейся на чисто теоретических узкоспециальных вопросах, давать какую-либо оценку текущих общественных процессов.

Разработка юридической теории, отвечающей вызовам времени, должна была включать в себя постановку вопроса о человеке как субъекте права и носителе правовых ценностей в ситуации меняющейся культурной парадигмы. Иными словами, требовалось возвращение к самим истокам познания, к базовым мировоззренческим категориям, которые в новых условиях более не могли просто приниматься в готовом виде в качестве аксиом. Карл Ясперс писал в этой связи, что для преодоления кризиса и возвращения утраченной действительности государству или духовному творению человек «должен вернуться к началу, к *бытию человеком*» [1]. В соответствии с этим, внимание

представителей философии экзистенциализма концентрируется на онтологической проблеме человеческого бытия-в-мире. Появившиеся к середине XX в. феноменологические и экзистенциалистские концепции права обращаются, прежде всего, к субъекту, человеку, «встречающемуся» с правом в его первичной реальности правомочий и обязанностей, к основополагающему акту, посредством которого индивид выстраивает свое отношение к праву и признает его как жизненную ценность. Таким образом, правовая теория получала возможность заново выстраивать систему своих понятий, в человеке и его коммуникативном взаимодействии с другими.

Незавершенность культурных процессов, начало которым было положено в прошлом веке, предполагает необходимость продолжения работы по созданию системы правопонимания, отвечающей новым реалиям. При этом следует исходить из того, что в условиях «затянувшегося прощания» с эпохой модерна проблема ценностных ориентиров современного общества, ставшего глобальным, остается нерешенной, и это ставит философию права в весьма непростую ситуацию построения теории на неустойчивом фундаменте. Поэтому, как и в середине прошлого века, вопрос о праве должен быть связан с вопросом о субъекте – человеке современного мира, его мировоззренческих установках, его мотивах и целях. Без постановки такого вопроса современные концепции права, включая и наиболее актуальные сегодня коммуникативные теории, будут не в состоянии выйти за рамки формального описания действующих норм или процедур юридического дискурса.

Список литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 28-92, 253-271.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ

LOCAL GOVERNMENT IN THE CONDITIONS OF THE UPDATED LEGISLATION: THE EXPERT VIEW

М.Р. Зазулина
Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
M.R. Zazulina
The Institute of Philosophy and Law
of Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk

Описаны некоторые из результатов экспертного опроса реализованного в рамках проекта РГНФ №16-03-00309 «Новый этап

реформы местного самоуправления в России: проблемные ситуации и институциональные эффекты» в 2016 г. Показано, что предложенные нововведения самими представителями местного самоуправления воспринимаются достаточно негативно и дестабилизируют систему местного самоуправления в целом.

This paper describes some of the results of the expert survey realized in the framework of the Russian Foundation for Humanities project №16-03-00309 «A new phase of local government reform in Russia: the problem situation and institutional effects» in 2016. It is shown that the proposed innovations are negatively perceived by the representatives of local self-government and have a destabilizing effect on the system of local government as a whole.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, местное сообщество, реформирование, легитимность, эффективность

Keywords: local government, municipality, local community, reform, legitimacy, efficiency

Развитие местного самоуправления в современной России – достаточно сложный и неоднозначный процесс. Новейшая история России включает 3 крупные реформы местного самоуправления, последняя из которых была связана с принятием ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Последний виток реформы местного самоуправления, инициированный изменениями законодательства в 2014-2015 гг., неожиданно оказался одним из самых масштабных и сложных в силу своего комплексного характера. Во-первых, имела место «вертикальная» реформа по перераспределению полномочий между федеральной, региональной и муниципальной властями. Во-вторых, имело место «горизонтальное» перераспределение обязанностей внутри населенных пунктов между думой, главой города и сити-менеджером. При этом изменение системы властных отношений между различными властными субъектами локального и регионального уровней сопровождалось изменением системы формирования органов местной власти, в том числе изменением выборного законодательства.

Подобная ситуация с самоуправлением таит в себе целый ряд потенциально проблемных ситуаций и делает актуальным исследование особенностей реализации муниципальной реформы на современном этапе. В данной работе будут описаны некоторые из результатов социологического исследования, реализованного в рамках проекта РГНФ №16-03-00309 «Новый этап реформы местного самоуправления в России: проблемные ситуации и институциональные эффекты» на территории Черепановского района Новосибирской области в 2016 г. Респондентами выступили муниципальные

служащие (служащие районной и поселенческих администраций), а также представители депутатского корпуса, то есть эксперты, непосредственно включенные в систему местного самоуправления. Общая выборка составила 300 человек. При этом исследованием охвачены оба уровня самоуправления – и районный, и поселенческий.

Прежде всего нас интересовало отношение экспертов к последним законодательным нововведениям, серьезно изменившим облик отечественного самоуправления. В результате поправок, внесенных в муниципальное законодательство в соответствии с ФЗ от 27.05.2014 г. № 136-ФЗ, оказались существенно сужены компетенции, закрепленные за муниципальной сферой в целом, независимо от уровня муниципальных образований, а также расширены правомочия субъектов РФ и возможность их вмешательства в компетенции местного самоуправления. Несмотря на то, что законодательством был особо отмечен рамочный, то есть максимально свободный характер предлагаемых изменений, а на выбор было предложено сразу несколько моделей, все они подразумевали сужение самоуправленческой базы: уменьшение количества полномочий муниципальных образований низового уровня и значительные изменения в формировании органов местного самоуправления. По сути дела, произошло значительное перераспределение полномочий между муниципальными и региональными (федеральными) органами власти в пользу последних, а органы местного самоуправления оказались в еще большей степени встроены в вертикаль власти. Особенно сильно ситуация изменилась для сельских муниципальных образований, число собственных компетенций в которых уменьшилось с 39 до 13, в то время как оставшиеся были переданы в ведение районных муниципальных образований.

В рамках нашего исследования экспертам было предложено оценить последние нововведения в системе местного самоуправления и их последствия для различных уровней самоуправления.

Размышляя о последних изменениях законодательства, наиболее положительно эксперты оценили увеличение встроенности органов местного самоуправления в вертикаль власти. В наибольшей степени эта тенденция импонирует представителям районного самоуправления, о чем заявили 67% из них. А вот среди представителей поселкового самоуправления мнения разделились: 30% одобряют фактическое усиление встроенности местного самоуправления в вертикаль власти и 44% не одобряют этот процесс (Табл. 1).

Таблица 1

Оценка последних нововведений в реформе местного самоуправления, %

	Все	Район	Поселение
Большая встроенность в вертикаль власти			
Одобряю	37	67	30
Не одобряю	38	11	44
Нет ответа	25	22	26
Сокращение сферы компетенции сельского поселения			
Одобряю	18	17	18
Не одобряю	56	39	60
Нет ответа	26	44	22
Изменение принципов формирования органов МСУ (отмена выборности)			
Одобряю	22	56	14
Не одобряю	62	33	69
Нет ответа	16	11	17

Все прочие нововведения, в частности отмена выборности и сокращение компетенций сельских поселений, не встретили однозначной поддержки среди экспертов. Негативную оценку относительно состоявшегося сокращения сферы компетенции сельских поселений высказали 60% представителей сельского самоуправления и 39% представителей районного самоуправления. Отмена выборности глав органов самоуправления встретила одобрение лишь у 14% представителей поселкового самоуправления и у 56% районного самоуправления. В целом, доля тех, кто одобряет эти пункты реформы составила лишь около 20%. И именно эти аспекты реформы аккумулируют в себе основные протестные настроения и оказываются наиболее значимыми проблемами на современном этапе становления отечественного местного самоуправления.

Наибольшие опасение вызывала возможность изменения отношения к институту МСУ именно со стороны рядового населения, вследствие отмены выборного характера формирования органов МСУ. Однако об уменьшении доверия со стороны населения заявили лишь 23% эксперта, в то время как 54% полагают, что отношение населения никак не изменилось (Табл. 2).

Таблица 2

Как, по Вашему мнению, изменилось отношение рядового населения к институту местного самоуправления после реформы? %

	Все	Район	Поселение
Люди стали больше доверять органам самоуправления	20	39	16
Люди стали доверять меньше органам самоуправления	23	28	22
Отношение не изменилось	54	33	58
Нет ответа	3	0	4

Напомним, что институт местного самоуправления создается и функционирует в целях решения вопросов местного значения. Именно такая норма закреплена в ст. 130 Конституции РФ: «местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью». Федеральный закон № 131-ФЗ в ст. 2 определяет вопросы местного значения как «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией РФ и настоящим Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно».

Таким образом, именно решение вопросов местного значения является основным критерием, позволяющим в конечном итоге оценить как эффективность работы органов местного самоуправления, так и практическую значимость реформы. Ниже представлено как последние нововведения повлияли работу различных уровней самоуправления и решение ими вопросов местного значения (Табл. 3).

Резюмируя результаты проведенного нами исследования, прежде всего, отметим, что, на наш взгляд, они свидетельствуют о серьезных трудностях в развитии местного самоуправления, связанных с последними нововведениями, причем негативные оценки высказываются в данном случае именно представителями управленческих и бизнес элит, непосредственно вовлеченных в процесс управления социально-экономическим развитием обследованного района.

Таблица 3

Как отразилась последняя реформа местного самоуправления на работе муниципальных образований различного уровня, %

	Район	**Поселение**
На работе районной администрации		
Осложнило решение вопросов местного значения	17	18
Облегчило решение вопросов местного значения	39	16
Все осталось без изменений	33	42
Нет ответа	11	25
На работе поселенческих администраций		
Осложнило решение вопросов местного значения	39	32
Облегчило решение вопросов местного значения	17	18
Все осталось без изменений	17	42
Нет ответа	28	8

После последних законодательных нововведений дать отечественному самоуправлению какую-либо однозначную и главное целостную оценку достаточно сложно. Слишком разные последствия имела реформа для

районного и поселенческого уровней самоуправления. Сокращение количества компетенций сельских администраций означает не только сокращение их финансирования, но и сокращение возможностей по самостоятельному, а значит, и своевременному и эффективному решению вопросов местного значения.

Внутри двухуровневой системы самоуправления происходит перераспределение центра тяжести между уровнями, его смещение от поселений к районам. Как следствие возникает перекос системы, потеря ею стабильного состояния и создаются предпосылки для ее трансформации в нечто совершенно иное. Увеличение количества компетенций районов и возложенных на них полномочий сопровождается не ростом их финансирования, как могло бы ожидаться, а их снижением в абсолютном выражении и перераспределением долей в районных бюджетах. Это в свою очередь подрывает самостоятельность районных муниципалитетов и ставит под вопрос независимость всего института местного самоуправления.

На данном этапе проблема эффективности местного самоуправления решается путем его включения во властную вертикаль. Нельзя не отметить, что последние нововведения лишь усилили дрейф института местного самоуправления от сферы гражданского общества в сторону все большего слияния с государственной управленческой вертикалью. Проблемы в развитии местного самоуправления, связанные, прежде всего, с недостатком финансирования, лишь способствуют усилению отмеченной тенденции. Есть все основания утверждать, что именно финансовый механизм оказывается инструментом, позволяющим существенно менять облик современного отечественного самоуправления.

СЕЛЬСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ БЕЗ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

COUNTRY HEALTH WITHOUT YOUNG PROFESSIONALS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

А.Р. Заляев
Казанский государственный медицинский университет
A.R. Zalyaev
Kazan State Medical University

Современная ситуация на рынке трудоустройства медицинского персонала характеризует кадровый дисбаланс в отрасли. Особенно остро стоит проблема нехватки врачей, молодых специалистов в небольших городах и сельских населенных пунктах. С целью выявления причин низкого уровня

трудоустройства молодых специалистов в сельской местности проведен анализ существующих проблем, порождающих кадровый дисбаланс в отрасли.

The current situation in the market for the employment of medical personnel characterizes the personnel imbalance in the industry. The problem of shortage of doctors, young specialists in small towns and rural settlements is especially acute. In order to identify the reasons for the low level of employment of young professionals in rural areas, an analysis of existing contradictions and problems that generate a personnel imbalance in the industry has been carried out.

Ключевые слова: медицинские кадры, профессия врача, студенты медицинских специальностей, программа «Земский врач», целевое направление на обучение

Keywords: medical personnel, the medical profession, medical students, program "Zemsky doctor", the target direction for training

Актуальность исследования порождает современная ситуация на рынке трудоустройства медицинского персонала. Кадровый дисбаланс в отрасли характеризует стремление выпускников медицинских вузов, молодых специалистов на трудоустройство в крупные областные и городские медицинские организации, таким образом порождая дефицит медицинского персонала в районных центрах и сельских поселениях.

Проблема, существующая в российском здравоохранении давно, но актуализирующаяся в связи с принятием национального проекта поддержки медиков на селе, – проблема дефицита медицинских кадров в сельской местности [1]. Правительство РФ предпринимает ряд мер поддержки молодых специалистов на трудоустройство в сельскую местность. Среди таких мер можно отметить целевое направление на обучение дефицитного специалиста от той или иной медицинской организации, материальная поддержка, инициированная Правительством РФ. Комплексные исследования уровня и качества жизни сельских жителей затрагивают и проблемы медицинских работников – врачей и среднего медицинского персонала [2], напрямую касаясь вопроса стратегий ухода медиков из профессии. «Омоложения» профессии не происходит, т.к. «прибавка к зарплате» сопровождается непропорциональным увеличением нагрузки, на которую молодой специалист не согласен.

Привлечение медицинских кадров в глубинку остается острым вопросом и разрешается только одним «относительно» успешным способом – целевой подготовкой специалистов. С одной стороны, при успешной реализации она может помочь малоресурсным студентам с амбициозными планами и средней подготовкой получить возможность обучения в образовательной организации высокого рейтинга. «Относительно» – поскольку зачастую «целевики» прикладывают все усилия, чтобы «под различными предлогами» отказаться «от

переезда к согласованному сторонами месту работы и исполнения трудовых обязанностей в соответствии с избранной специальностью и имеющейся квалификацией» [3]. Сам процесс направления учащихся на обучение сопровождается многочисленными недостатками, требующими оптимизации денежных потоков, направленных на целевое обучение; упрощения правоприменительной практики путем комплексного приведения в соответствие региональных и федеральных норм не только при участии заинтересованных ведомств, но и всех структур, участвующих в организации целевой подготовки [4]. Результаты региональных исследований показывают, что руководство ведомств, определяющих квоту целевого приема, и лечебно-профилактических учреждений, принимающих выпускников на работу, проявляет «инертное, нередко пассивное отношение к обеспечению подбора требуемого количества специалистов с высшим образованием для себя» [5]. В целом, исследования, направленные на многосторонний анализ влияния целевой подготовки специалистов медицинского профиля, не актуализированы и требуют расширения границ исследования социологической науки.

Утверждение целевой программы «Земский доктор» актуализировало исследования общественной медицины. В исследовании Н.Ю. Вяткина и А.Ю. Вахромеевой появляется идея о возрождении общественной (земской) медицины и одного из направлений – развитие института семейной медицины (деятельности врача общей практики). По мнению молодых специалистов (в том числе выпускников медицинских вузов), возрождение земской медицины будет способствовать систематическому проведению мероприятий по профилактике заболеваний, позволит вовремя диагностировать заболевания, а, значит, и смертность в сельской местности будет снижаться [6].

Необходимо отметить, что совершенствование процедуры целевого отбора является актуальной и назревшей задачей для профильных министерств и ведомств, но не стоит забывать и о мотивах, профессиональных ориентациях молодых специалистов, которые нужно изучать и анализировать, в том числе, – социологическими методами.

Список литературы

1. Филатов В.Н., Скрипин Ю.Ю. Проблемы системы сельского здравоохранения глазами ее врачей // Российский семейный врач. 2007. Т. 11. №4. С. 42-44.

2. Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Сравнительный анализ уровня жизни медицинских и педагогических работников в ходе реализации национальных проектов // Журнал исследований социальной политики.2008.Т. 6. №3. С. 339-356.

3. Таова С.М. Императивы институциональных преобразований в здравоохранении // Проблемы современной экономики.2014.№ 3(51).С.305-308.
4. Мохов А.А. О целевой подготовке медицинских кадров в Российской Федерации // Медицинское право. 2007. №13. С. 51-54.
5. Молочный В.П., Капитоненко Н.А. Проблемы обеспечения медицинскими кадрами системы здравоохранения Дальневосточного региона. Режим доступа: http://www.fesmu.ru/voz/20124/2012401.aspx (дата обращения: 08.06.2017).
6. Вяткина Н.Ю., Вахромеева А.Ю. Возрождение земской медицины: реалии и перспективы // Социология медицины. 2012. № 2. С. 38-40.

МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ И СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ

MEDIATION IN THE SYSTEM OF FORMATION AND SUPPORT OF SUBSTITUTE FAMILY

Т.Н. Захаркина
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
T.N. Zakharkina
Lobachevsky University

Рассматривается система медиативно-восстановительной помощи и отношение к данной системе разрешения правовых конфликтов специалистов социальных учреждений для несовершеннолетних.

The article discusses the system of mediation and the attitude to this system resolution of legal conflict of specialists of social institution for minors.

Ключевые слова: медиация, замещающая семья, медиативно-восстановительная помощь, сопровождение замещающей семьи, семейное неблагополучие

Keywords: mediation, substitute family, support for a substitute family, family unhappiness

Изучению развития института медиации при разрешении семейных споров посвящены работы Е.В. Буяновой, Т.Б. Гнеушевой, О.В. Костиной, О.А. Сычевой, А.Л. Шиловской [1-5]. В рамках Национальной стратегии и плана первоочередных мероприятий до 2014 г. по ее реализации Распоряжением правительства РФ от 30 июля 2014 г. №1430-р утверждена Концепция развития до 2017 г. сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в РФ [6]. Внедрение данного института

посредничества необходимо для профилактики семейного неблагополучия, регулирования семейно-правовых споров. Медиация может стать эффективным механизмом решения подобных споров и в замещающей семье. С одной стороны, здесь стоит проводить границу между разногласиями в психологическом поле семьи и правовом, так как в первом случае преодоление разногласий сможет осуществить специалист службы сопровождения замещающей семьи, то есть психолог. С другой стороны, введение специалистов медиативно-восстановительной помощи в систему сопровождения замещающих семей поможет наиболее эффективно справиться с назревающим расколом семьи. Затруднение в данной ситуации вызывает отсутствие кадровых резервов, поэтому необходимо не только формирование системы подготовки кадрового состава, но и обучение медиаторов-тренеров, а также разработка механизма их аттестации и сертификации. Введение подобных курсов в учебный план смежных с данной специальностью позволит дополнять кадровые резервы служб медиации и проводить исследования для развития и совершенствования службы разрешения семейных споров.

На базе Центра социальной помощи семье и детям Нижегородской области «Журавушка» ежегодно проводится методическое собрание психологов аналогичных учреждений и социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних из разных районов области (Арзамаский, Шатковский, Выксунский, город Саров), в рамках которых функционирует Школа принимающих родителей. Автором был проведен опрос 30-ти специалистов для выявления знаний об институте медиации, механизмах его работы и отношения к данной системе разрешения правовых конфликтов. Результаты исследования показали, что только половина респондентов осведомлены о внедрении системы медиации, однако не знакомы с нормативно-правовым основанием ее существования. Большая часть из них узнали о данной системе от знакомых и друзей, дополнительным источником знания стали средства массовой информации. Осведомленной части респондентов не были известны организации, которые оказывают услуги медиаторов, а также круг их профессиональных обязанностей. Отвечая на вопрос о медиации как эффективном методе в решении споров в замещающих семьях абсолютное большинство специалистов не смогли однозначно выразить свое положительное или отрицательное отношение. Подобные результаты говорят о том, что сегодня система сопровождения посредником семейных споров не является развитой. Вызвала удивление неосведомленность специалистов учреждений системы социальной защиты, в компетенцию которых входит профилактика правонарушений и предупреждение асоциального поведения детей и подростков, что является одним из основных

направлений реализации рассматриваемой Концепции. Неоднозначность оценки специалистами-психологами применения медиативного подхода в рамках института замещающей семьи указывает на дефицит профессиональных знаний по данному вопросу в связи со слабой результативностью деятельности данной системы, что связано с актуальным составом медиаторов-тренеров.

В рамках реализации программы «Социальный навигатор» были созданы офисы семейных наставников, которые определяются как качественно новая форма работы с семьей. Основной идеей подобной формы является закрепление за семьей с детьми, находящейся в трудной жизненной ситуации и нуждающейся в помощи, семейного наставника из числа успешных женщин-руководителей предприятий, работников органов государственной власти, содействующего в преодолении сложившейся неблагополучной ситуации и устранении ее первопричин. За 2015 г. наставничество осуществлялось в отношении 58 молодых семей, 130 детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Всего работало 64 наставника: например, в офисе семейного наставника на базе СРЦДН «Родник» Пильнинского района наставничество осуществляли директор Мало-Андосовской общеобразовательной школы, заместитель главного врача Пильнинской центральной районной больницы, директор социально-реабилитационного центра «Родник» [7]. В работе с семьями были применены технологии социального патронажа и сопровождения семьи с привлечением наставников, домашнее визитирование, медиация, сети социальных контактов. По итогам применения данных технологий с учета было снято 30 молодых семей в связи с нормализацией социальной обстановки в семье.

Около 45% респондентов не знают о медиации как способе разрешения споров, подавляющее большинство из них – мужчины. Что касается осведомленных опрошенных, то в большинстве случаев источником информации для них по данной теме стали друзья, знакомые, коллеги и материалы из сети Интернет. Однако данная часть респондентов не знает, пользовались ли их знакомые и близкие услугами медиатора, а также не представляют, какие организации оказывают подобные услуги, и в чем заключается работа профессионального медиатора. Большая часть опрошенных не знают, что в России принят закон о медиации и не стремятся расширить свои знания о данном способе разрешения споров. Этим оправданы затруднения респондентов в ответе на вопрос, «Готовы ли Вы оплачивать услуги медиатора при необходимости?». В этом контексте крайне низкая осведомлённость по данной теме и неиспользование медиативно-восстановительной помощи семьями не позволяют сделать вывод об эффективности работы данной службы. Специалисты социальной сферы отмечают, что подобный метод

досудебного разбирательства чаще используется в среде бизнес сообществ. Однако при более широкой его пропаганде, где медиатор выступает в качестве организующей стороны, медиативное решение споров способствовало бы безболезненному решению вопросов как в семье, так и урегулированию противоречий между супругами после расторжения брака, например, в вопросах общения с ребенком.

Список литературы

1. Буянова Е.В. Медиация по делам об усыновлении (удочерении) и отмене усыновления (удочерения) детей // Оренбургская областная общественная организация «Попечительский совет Оренбургского института (филиала) ГБУ ВПО «Московская государственная юридическая академия»». Оренбург. 2015. №24. С. 38-45.
2. Гнеушева Т.Б. Защита прав и законных интересов несовершеннолетних в замещающей семье с использованием медиативных технологий // Бурятский государственный университет. Улан-Удэ. 2014. № 2. С. 289-292.
3. Костина О.В. Семейная медиация как одно из ведущих направлений государственной семейной политики / О.В. Костина, Е.А. Овсянникова, Н.И. Долженко, И.В. Савельева // Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области. 2014. №10 (53). С. 42-46.
4. Сычева О.А. Медиатор в семейном споре (к вопросу о подготовке специалиста по семейной медиации) // Ульяновский гос. педагогический университет им. Н.И. Ульянова. Ульяновск. 2012. №2(2). С. 125-130.
5. Шиловская А.Л. Медиация как способ внесудебного разрешения семейных споров // Московский университет им. С.Ю. Витте. 2-13. №2(3). С. 41-45.
6. Распоряжение правительства РФ от 30 июля 2014 года № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в РФ» // Правовой портал «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/70708642/ (дата обращения: 11.07.2017).
7. Информация взята с официального сайта социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Родник» Пильнинского района [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://rodnikstolbishi.my1.ru/news/otkrytie_ofisa_semejnogo_nastavnika/2014-09-12-1 (дата обращения: 11.07.2017).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ СТОЛЕТИЯ

TRANSFORMATION OF PATRIOTIC VALUES OF RUSSIANS IN THE CONTEXT OF THE CENTURY

Е.М. Захарова
Санкт-Петербургский государственный университет
E.M. Zakharova
Saint Petersburg University

Изучаются особенности патриотизма в начале XX и начале XXI вв. Патриотизм начала XX в. рассматривается на основании статей Н.А. Бердяева. Современный патриотизм изучается на основе материалов социологических опросов, проведенных в 2000-2013 гг.; изучаются изменения уровня патриотичности молодежи на протяжении исследуемого периода, предпринимаются попытки объяснения причин этих изменений. Делается вывод о кардинальном изменении основ патриотичности россиян за последнее столетие.

The author of the article studies the peculiarities of patriotism at the beginning of the 20th century and the beginning of the 21st century. The author studies the patriotism of the beginning of the 20th century on the basis of articles by N.Berdyayev. The author studies modern patriotism on the basis of the materials of sociological surveys conducted in 2000-2013. The author studies the change in the level of patriotism of young people throughout the period under study, explains the reasons for these changes, draws a conclusion about a radical change in the fundamentals of the patriotism of Russians in the last century.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, естественный патриотизм, инфантильный патриотизм

Keywords: N. Berdyayev, natural patriotism, infantile patriotism

В начале XX в. критерием истинного патриотизма, согласно русскому философу Н.А. Бердяеву, выступал инстинкт исторической правдивости, связанный с божественным предназначением России и необъяснимой верой в нее. Любовь к родине не нуждается в оценках, обоснованиях, она естественна, возникает вне зависимости от достижений России [1, с. 486-487]. Бердяев обосновывает самоценность, самодостаточность любви к России как таковой, необходимость на уровне должного: «любви ни за что» и «любви до».

В начале XXI в., по мнению современных социальных философов, любовь большинства россиян к Отчизне имеет «инфантильный» характер. Граждане воспринимают Родину как мать, которая должна заботиться о них и принимать активное участие в их судьбе вне зависимости от того, хорошие они или плохие. Российский гражданин пытается возложить на государство ответственность за самого себя, и постоянно спрашивает с него за все свои

проблемы, будучи постоянно капризно недовольным их решением. Слишком многие из наших граждан приходят к «детскому» выводу, что поскольку Родина их не любит, то и ей надо платить тем же [2].

Видимо, этим объясняется невысокий уровень патриотизма современной российской молодежи, отмечаемый многими исследователями, обеспокоенными утратой любви к Родине у современного поколения, тем, что молодежь становится равнодушной к своей стране [3].

Рассмотрим данные социологических опросов, проводившихся в течение первого десятилетия XXI века сотрудниками лаборатории проблем молодежи факультета социологии Санкт-Петербургского университета (см. Табл. 1).

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод, что пик антипатриотических настроений пришелся на 2000-й год, когда почти половина опрошенных (43%) отказывались назвать себя патриотами (то есть половина молодых россиян оказалась не привержена ценностям и символам государства и культуры).

Таблица 1

Ответы на вопрос, «Можете ли Вы назвать себя патриотом России?» (в %)

	2000 год	2003 год	2006 год	2008 год	2009 год	2010 год	2013 год
Да	47	49	62	59	55	45	56
Нет	43	15	16	16	22	22	22
Затрудняюсь ответить	11	36	22	24	24	33	22

Однако после 2000-го года начинается резкий подъем патриотических настроений, и не считают себя патриотами лишь 15-16% опрошенных (2003-2008 гг.). С 2000 по 2006 гг. наблюдается постепенное увеличение числа патриотичных молодых людей – называют себя патриотами 47%, 49% и 62% молодых людей соответственно в 2000, 2003 и в 2006 гг.

Подъем патриотических настроений в начале 2000-х гг., по всей видимости, связан с приходом к президентской власти Владимира Путина, который привнес в российскую действительность идеи суверенности и патриотизма, поддержанные большинством населения, в том числе молодежью. Политика В.В. Путина способствовала пробуждению у молодежи чувства патриотизма и веры в будущее, интереса к прошлому страны, ее культуре.

С 2008 г. отмечался спад патриотических настроений: патриотами считали себя 59%, 55% и 45% молодых россиян соответственно в 2008, 2009 и 2010 гг. А число тех, кто не может назвать себя патриотами, возросло до 22%.

В 2013 г. процент патриотичных молодых людей снова увеличился до 56. Этот очередной подъем патриотизма может быть связан с политическим кризисом на Украине, американо-европейскими экономическими санкциями против России. Поскольку патриотические настроения, как правило,

усиливаются при внешних военных и политических конфликтах, в данном случае с Украиной и странами ЕС и США.

Исходя из рассмотренных показателей, можно сделать вывод, что уровень патриотизма молодежи в значительной степени обусловлен внутренними и внешними социально-политическими процессами, происходящими в стране.

Этот вывод может служить подтверждением приведенного выше тезиса об «инфантильном» характере современного патриотизма, когда уровень любви к Родине колеблется в зависимости от социально-политических событий, влияющих на качество жизни граждан. И приходится с сожалением говорить об утрате обществом того чувства «бердяевского» естественного, инстинктивного патриотизма как бескорыстной любви к Отчизне, «любви ни за что».

Таким образом, мы можем наблюдать трансформацию ценностных структур россиян в сфере патриотических ориентаций: за истекшее столетие сместились основные акценты патриотизма. Если в начале XX в. бескорыстная любовь и служение Отчизне считались на уровне должного, то в начале XXI в. граждане ожидают такой бескорыстной любви к себе со стороны Родины, которая обязана о них заботиться. И если эта забота граждан не устраивает, то любить Родину они не считают себя обязанными.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 // Николай Александрович Бердяев; вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007.
2. Гуляихин В.Н. Политика и патриотизм в современной России // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 9. С. 1-19. Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_9121.html (дата обращения: 21.05.2017).
3. Яковленко А.Е. Проблемы воспитания патриотизма у молодежи // Science Time. 2014. №8 (8). С. 357-359.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ
REPRODUCTIVE INSTALLATIONS OF STUDENTS OF OLDER YEARS

А.Е. Звонарева
Ивановский государственный университет
A.E. Zvonareva
Ivanovo State University

Дан анализ репродуктивных установок студентов старших курсов.

The analysis of reproductive installations of students of older years is given in article.

Ключевые слова: репродуктивная установка, внешние факторы репродуктивных установок, внутренние факторы репродуктивных установок

Keywords: reproductive installation, external factors of reproductive installations, internal factors of reproductive installations

В современном мире множество ученых различных направлений науки размышляют над проблемой малодетности городской европейской семьи. При изучении данного вопроса очень важно учитывать репродуктивные установки молодёжи, поскольку именно от них зависит количество детей в их будущих семьях.

С целью исследования репродуктивных установок молодежи нами было проведено исследование репродуктивных установок студентов старших курсов Ивановского государственного университета. Целью исследования стало выявление репродуктивных установок, их мотивов, факторов, влияющих на их реализацию у студентов старших курсов.

Перед тем как начать исследование мы определились, что следует понимать под репродуктивной установкой. «Репродуктивная установка – это психические состояния личности, обусловливающие взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей» [1].

Следует различать репродуктивную установку, внешние факторы, влияющие на её реализацию или нереализацию, а также внутренние мотивы репродуктивного поведения.

Под репродуктивной установкой мы будем понимать: установку на рождение ребёнка или отказ от него; установку на количество детей; установку на пол ребёнка; установку на интервалы между рождением детей.

Под внешними факторами, влияющими на реализацию или нереализацию установки, мы будем понимать: наличие определенного числа детей в родительской семье, наличие определённого числа детей в референтной семье; наличие определённого уровня экономического достатка; наличие или отсутствие партнёра, отношение партнёра к рождению ребёнка; карьерные установки.

Под внутренними мотивами мы будем понимать экономические, социальные и психологические мотивы к рождению определённого числа детей. Или мотивы отказа от их рождения.

В ходе исследования были опрошены студенты от 20 до 23 лет. Большинство живут с родителями (46% респондентов). Собственная квартира есть у 27% опрошенных. Снимают квартиру 20% студентов. В общежитии живут всего 7% участвовавших в опросе.

Следующий вопрос, который мы рассмотрим, о материальном уровне для планирования рождения ребенка. Для 45% респондентов главное, чтобы был стабильный заработок; затем идет вариант ответа «собственная квартира» – 25%. Образование выбрали 11.4%. 9.1% опрошенных не считают обязательным некий материальный уровень для рождения ребенка, отмечая, что деньги не должны стать препятствием для рождения ребенка. Вариант ответа «машина» выбрали 4.5%. Свой вариант ответа предложили 5% респондентов. Например, молодой человек написал: «легкомыслие и беспечность не допустимы в принятии данного решения, определенная база необходима, и речь не только о материальной составляющей». Вот мнение девушки: «до рождения ребенка нужен капитал в размере полумиллиона на содержание ребенка». Был вариант ответа: «должен быть загородный дом, где можно было бы жить круглый год». Были указаны двумя студентами суммы в рублях «300 000» и «1 000 000». Таким образом, для большинства студентов важен стабильный заработок для рождения ребенка.

Студентам был задан вопрос по поводу планирования рождения детей. Большинство респондентов (87%) ответили, что планируют иметь детей, а 13% дали отрицательный ответ.

Большинство опрошенных планируют иметь двоих – 53.8% респондентов. 34.6% выбрали вариант ответа «один» ребенок, 7.5% – трое детей, 4.1% отметили вариант ответа «четверо и более».

Рассмотрим ответы на вопрос о причинах желания иметь детей. Для 30.5%респондентов главной причиной является продолжение рода. 20.3% респондентов отметили вариант ответа «дети просто делают вас счастливыми». 13.6% хотели бы передать свой опыт ребенку. 13.6% вырастить достойного наследника, чуть меньше (8.5%) считают, что с детьми они узнают что-то новое, 6.8% выбрали варианты ответа «дети открывают вам новый детский мир» и «потому что в большинстве семей есть дети».

Следующий вопрос для рассмотрения – о причинах нежелания иметь детей. 18,3% выбрали вариант ответа «отсутствие свободы», два варианта ответа набрали равное количество процентов: «боязнь родов» и «ответственность – 15.5%. Склоняются к варианту «боязнь растолстеть » – 8.5%. Основной причиной отсутствия детей для 5.6% респондентов являются «материальные проблемы». Для 5.6% рождение ребенка станет «препятствием для путешествий». По 2.8% набрали варианты ответа «рождение ребенка может помешать моему личностному росту» и «ваша интимная жизнь закончится». 1.4% «не любят детей» и 1.4% считают, что после рождения ребенка у них «изменится круг общения».

Итак, большинство опрошенных студентов планируют иметь детей, большинство хотели бы двух детей. Студенты желали бы сделать перерыв между рождением детей, но не более 6 лет. Основными причинными рождения детей являются продолжение рода, передача опыта своему ребенку, также большинство считают, что дети сделают их счастливыми.

Основными причинными нежелания иметь детей являются боязнь родов, отсутствие свободы и ответственность.

Далее мы рассмотрим вопрос, какое для респондентов «идеальное количество детей». 54% ответили, что двое, 31% ответили, что один, 11% отметили трое и всего 4% ответили, что четверо и более.

Мы спросили студентов о количестве детей в их родительских семьях. Большинство ответов пришлось на вариант ответа двое – 63%, единственных детей оказалось в 27% семей, семей, где трое детей – 7%, где четверо и более детей – 3% семей. Таким образом, планируемое количество рождений, в целом, совпадает с идеальным и с реальным количеством детей в семьях респондентов. Можно говорить, что в ближайшем будущем с большей долей вероятности будут реализовываться установки на рождение двух детей.

В процессе исследования студентам задавали вопрос о том, какая семья является для них референтной. Для 40% студентов образцовыми являются семьи родителей. 13% ответили, что образцом для них является семья бабушки и дедушки. Остальные 34% решили, что для них такой семьи нет. Причем в большинстве случаев это семьи с двумя детьми.

Следующий вопрос был посвящен идеальному образу семьи в литературе, кино, сериалах и мультфильмах. 30% опрошенных ответили, что для них не существует таких произведений. 16.7% выбрали семью из мультфильма «Простоквашино», являющуюся ярким образцом советской малодетной семьи восьмидесятых годов XX в. Следует помнить, что в современном мире СМИ являются очень важными агентами социализации, и отсутствие в них положительного образа многодетной семьи, в том числе, способствует формированию установок на малодетность.

Подводя итог, следует отметить, что при подготовке и реализации программ по увеличению рождаемости необходимо учитывать и анализировать репродуктивные установки молодежи.

Список литературы

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996. 304 с.

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВРАЧА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
DESACRALIZATION OF THE IMAGE OF THE DOCTOR IN THE MODERN SOCIETY

И.В. Зимина, А.И. Барыкина, С.Н. Лобанов
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
I.V. Zimina, A.I. Barykina, S.N. Lobanov
Lobachevsky University

Анализируются предпосылки, оказывающие значительное влияние на формирование образа врача в современной России.

The article analyses the prerequisites, have a significant impact on the formation of the image of the doctor in modern Russia.

Ключевые слова: идеальный образ, нравственность, духовность, рынок услуг

Keywords: perfect image, morality, spirituality, service market

Значительные перемены, обусловленные особенностями развития современного периода в России, привели к изменению статуса представителей медицины в обществе. В настоящее время одним из ключевых аспектов жизнедеятельности людей является сохранение целостности субъекта общества. Качество медицинского обслуживания, а также характер социальных отношений, в профессиональной врачебной деятельности стали проявлением повышенного интереса людей к области медицины. Перемены, связанные с развитием информационных технологий и предоставлением большей свободы общественной жизнедеятельности, привели к десокрализации образа врача буквально за четверть века, тем самым изменив характер врачебной деятельности, а также ее нравственно-правовое содержание.

Россия XXI в. – область рыночных отношений, в которых свою нишу занимает здравоохранение, что в свою очередь превращает медицину в «рынок услуг» посредством финансовых отношений между врачом и пациентом, которые способствуют разрушению доверительных отношений, обесцениванию сакральных образов и мировоззренческих установок. Отношение к отечественным врачам в обществе заметно изменилось, т.к. большинство людей ассоциируют врачей с обманом, вымогательством денег, проявлением малодушия и дефицитом нравственности, «духовной жизни».

Общественное мнение может мотивировать человека стать ответственным врачом и осуществлять свою профессиональную деятельность в рамках этического кодекса или же, имея негативную сторону, побудить

человека на действия, противоречащие нравственности [1]. При этом и рынок труда формирует определенные черты в образе врача, которые способствуют данным противоречиям нравственных требований профессии. Активные действия и желание врача пользоваться «большим спросом» на рынке медицинских услуг для обладания определенными материальными ценностями провоцирует определять большинство больных как источник прибыли, что, в свою очередь, порождает утрату чувства чести, этики, бескорыстия и милосердия. Активность является значимой в успешной реализации профессиональной деятельности и составляет исходную характеристику субъекта [2]. Ко всему прочему, при выполнении требований страховой медицины врач начинает рассматривать больного как совокупность симптомов, делая акцент на правильном заполнении медицинских бумаг.

Соблюдать врачебную этику в состоянии лишь человек, стоящий на достаточно высокой нравственной позиции. Врач, это не просто профессия, но и призвание, в котором отражаются наличие больших знаний и опыта, а также внутренние качества человека [3]. По словам Р.М. Грановской, духовное развитие обычно связывают со стремлением к познанию, богатству интересов, желанию не только усвоить необходимое для профессии, но и войти в новые сферы знаний. Причем предполагается, что эта деятельность бескорыстна, осуществляется без расчета на немедленное материальное вознаграждение, то есть, лишена конкретных прагматических целей, при этом включает в себя нравственные категории добра, сострадания, сочувствия [4].

Идеальный образ врача, опредмеченный мышлением индивида, является не только образцом для визуализации и воплощения данного образа, но и тем, что помогает индивиду делать выбор действий в определенной ситуации. Стоит вспомнить замечательную мысль, высказанную А. Сент-Экзюпери: «Ты живешь в своих поступках, а не в теле. Ты – это твои действия и нет другого тебя». Именно поступок, совершаемый врачом в профессиональной деятельности или в обыденной жизни при условии единства оснований морали и права, послужит индикатором к созданию идеального образа.

Идеал – это эталонный образец личности, корни которого кроются в прошлом. Как бесценное сокровище из поколения в поколение, передается потомкам накопленный опыт, который поддерживается в сознании людей с помощью внутреннего диалога, предполагающего собеседника [4]. В сознании людей XXI в., «эталонный» врач – это индивид, который примчится к больному на помощь только из чисто гуманистических принципов. Конечно, история помнит и таких врачей, но в современных рыночных отношениях не стоит тратить времени на их поиски. Приходится констатировать, что человечество в погоне за техническим прогрессом бежало так быстро, что растеряло идеалы.

Осознание характера врачебной деятельности, а также ее нравственно-правовое содержание находят отражение в целостности образа врача, который сочетает в себе переживания, принципы, установки, идеи. [5] В работах И.В. Силуяновой, Т.А. Ковелиной, Т.В. Маркеловой, Л.М. Попова, А.Л. Журавлева, Б.А. Ясько, В.А. Пономаренко и др. отражается врачебное мышление, духовность субъекта, морально-нравственное поведение, динамика развития образа врача, профессиональная ответственность и успешная профессиональная деятельность.

Врач – это не профессия, это не человек, владеющий знаниями в области медицины, это прежде всего, образ жизни. Несмотря на техническую оснащённость современной медицины, общество будет продолжать верить врачу и ждать от него помощи в трудных жизненных ситуациях.

Список литературы

1. Нарминова В.В., Феоктистова А.Д. Влияние общественного мнения на формирование образа врача // Бюллетень медицинских интернет – конференций. 2017. Т.7. №1. С. 179-180.
2. Маркелова Т.В., Шуткина Ж.А., Катунова В.В., Барыкина А.И., Лобанов С.Н. Условия успешности профессиональной деятельности медицинского работника: постановка проблемы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. Т. 22. №2. С. 64-67.
3. Баранова М.С., Ермолаева Е.В. Роль медицинского образования в современном обществе // Бюллетень медицинских интернет – конференций. 2016. Т.6. №1.
4. Грановская Р.М. Психология веры. СПб.: Питер, 2010. 480 с.
5. Ковелина Т.А. Образ врача в культуре: дис. ... д.филос.н.: 09.00.13 Ростов-на-Дону, 2006 296 с. РГБ ОД, 71:07-9/115

НОВЫЕ ПРАКТИКИ СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

NEW PRACTICES OF FAMILY INTERACTION IN THE CONTEMPORARY INFORMATION SPACE

И.А. Исакова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
I.A. Isakova
Lobachevsky University

Жизнь современной российской семьи часто связана с возможностью применения информационных технологий: Интернет является средством

разнообразия досуга, трудоустройства, ведения домашнего хозяйства (оплата коммунальных услуг), воспитания детей, общения и др., однако он же является и источником внутрисемейных конфликтов. Анализу практик семейного взаимодействия по поводу использования компьютера и Интернета и посвящен данный материал.

The life of a modern Russian family is often associated with the possibility of using information technology: the Internet is a means of diversifying leisure, employment, household management (paying for communal services), raising children, communicating, etc., but it is also a source of intra-family conflicts. This article is devoted to the analysis of family interaction practices regarding the use of computers and the Internet.

Ключевые слова: информационное общество, семья, родительство, подросток, персональный компьютер, Интернет, мобильный телефон

Keywords: information society, family, parenthood, teenager, personal computer, Internet, mobile phone

Распространение информационно-коммуникационных технологий вызывает различные изменения во всех сферах жизнедеятельности. Непрерывный поток массовой информации стал неотъемлемым спутником жизни большинства российских семей, практически в каждом доме есть доступ в Интернет. Он представляет собой особое информационное «виртуальное» пространство, в котором складывается своя система социальной коммуникации, поэтому предметом нашего исследования стало изучение новых практик взаимодействия в семьях с детьми, возникающих в связи с использованием компьютера, электронных гаджетов и Интернета.

Сведения получены в ходе двухлетнего исследовательского проекта студентки факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Ваниной Кристины Вячеславовны, включавшего авторский опрос, посвященный анализу вовлеченности сельских и городских подростков старшего школьного возраста в глобальную сеть Интернет, проведенного на базе школ Чувашской Республики, в Батыревском районе в 2015 г. (n=100), а также на базе Автозаводской школы Нижнего Новгорода в 2016 г. (n=100). В выборку попали 200 учащихся 9-11 классов, по 100 человек из каждого учебного заведения. Блок вопросов посвящен анализу влияния активности использования ребенком сети и Интернет на взаимоотношения с родителями.

В ходе проведенного анкетирования было выявлено, что опрошенные учащиеся имеют возможность использования от 2 до 5 устройств, при помощи которых они могут осуществить выход в Интернет. Это позволяет предположить, что практически каждому школьнику родители приобретают

телефон или компьютер, через который можно выйти в сеть. Причем оснащенность Интернетом практически не зависит от уровня доходов семьи, от того, проживает ли ребенок в городской или сельской семьи.

Самым популярным устройством для выхода в Интернет среди подростков 9-11 классов как среди чувашских, так и среди нижегородских является использование телефона (52.5%) и только потом компьютера (30%). Во многом данная тенденция определяется тем, что телефон постоянно находится при подростках, даже когда они вне дома, и с расширяющимися возможностями, которые предоставляют производители смартфонов. Телефон постепенно приближается к тому функционалу, которым обладает портативный компьютер, тем самым снижая его необходимость. Постепенная замена компьютера телефоном является значимой, поскольку осуществлять контроль за использованием стационарного компьютера значительно проще, чем за телефоном, как и ограничить доступ к нему. Родители вынуждены приобретать ребенку гаджет, имея только ограниченную возможность контроля – пользоваться телефоном можно не только дома, но и в школе, и в общественном транспорте; социальные сети и поисковые браузеры можно не закрывать целый день и постоянно находиться подключенным к «мировой сети»; проверить историю запросов ребенка, не привлекая внимания, также проблематично. В результате – подростки проводят в Интернате более двух часов в день (37%) и более пяти часов в день (46.5%). В среднем количество проведенного времени в Интернете равно 5,30 часам в сутки (около 330 минут).

Интернет не только занимает время подростков, как личное, так и учебное, но и влияет на его отношения с ближайшим окружением: 8% нижегородских и 25% чувашских детей отметили, что из-за долгого пребывания в Интернете, меньше общаются с друзьями; у 36% нижегородских и 43% чувашских школьников возникали проблемы/конфликты с родителями и учителями по поводу долгого времяпрепровождения в сети.

Высокий уровень конфликтности ведет к тому, что подростки скрывают факт использования Интернета – 17% в Нижнем Новгороде и 38% – в Чувашии. Скрытность детей провоцирует на ответные меры родителей – они вынуждены отбирать или ограничивать доступ детей к информационным средствам – такая ситуация выявлена в 18% нижегородских семей и 31% чувашских.

Проблемы использования Интернета в сельских семьях стоят более остро, чем в городских. Во-первых, потому что в сельской местности меньше возможностей для проведения интересного досуга, чем в городе, и недостаток реальных развлечений подростки компенсируют виртуальными. Во-вторых, нарушение взаимоотношений может быть связано с более жестким контролем в селах со стороны родителей за пользованием их ребёнком компьютера.

Поэтому примерно 1/3 чувашских подростков отмечают, что они скрывают от своих родителей некоторые выходы в Интернет, возможно, боясь наказания, и не отрицают того, что их родители перекрывали им доступ к Интернету. «Запретительные» меры ухудшают понимание между детьми и родителями, мешают установлению доверительных отношений в семье.

Достаточно высокое влияние сети Интернет на подростков сказывается на их поведении и эмоциональном состоянии. Как у нижегородских, так и у чувашских подростков наблюдаются изменения в поведении при невозможности выхода в сеть. Так, при ответе на вопрос, «Часто ли у Вас возникает плохое настроение, чувство тоски, грусти, если Вы долгое время не выходите в сеть?», нижегородские и чувашские подростки ответили: редко (1-2 два раза в месяц/полтора месяца) 23% и 32%; иногда (3-5 раза в месяц/полтора месяца) 19% и 26%; часто (практически ежедневно) 5% и 3%; никогда 53% и 39%. На вопрос, «Часто ли Вас раздражает, когда кто-то пытается отвлечь Вас от Интернета?», ответы были таковы: редко (1-2 раза в месяц/полтора месяца) 30% и 41%; иногда (3-5 раза в месяц/полтора месяца) 20% и 23%; часто (практически ежедневно) 7% и 3%; никогда 43% и 33%. Большинство подростков отмечают (34% нижегородских и 29% чувашских), что иногда (3-5 раз в месяц/полтора месяца) они забрасывают уроки, домашние дела, чтобы больше времени провести в Интернете. В то же время на вопрос, «Влияет ли Интернет на Вашу учёбу?», 60% подростков Нижнего Новгорода и 42% подростков Чувашии говорят, что Интернет помогает им учиться.

Обобщив, можно сказать, что отсутствие доступа к Интернету является частой причиной раздражительности и плохого настроения подростков и провоцирует значительное количество внутрисемейных конфликтов, сначала по поводу использования самих гаджетов и компьютера, а потом по поводу чрезмерной траты времени на Интернет, влекущее за собой низкую успеваемость, материальные затраты (некоторые игры имеют платные приложения) и пр. При этом сами подростки отрицают наличие проблемы с вовлеченностью в сеть – 76.5% от общего числа опрошенных (75% – нижегородские, 78% – чувашские). Родители же зачастую, занятые на работе, или имеющие затруднения в воспитании, тоже не способны сами справиться с проблемой, ведь дети склонны скрывать от них свое увлечение. Так как в современном мире подростки значительно превосходят своих родителей в навыках обращения с Интернетом и компьютерной грамотности, поэтому назрела необходимость включения социальных работников в решение проблемы профилактики Интернет-зависимости у школьников.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЗНАНИЯ И ДУХОВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА НОВОЙ ЭПОХИ
TRANSFORMATION OF THE CONSCIOUSNESS AND SPIRITUALITY OF A MAN OF A ERA

Н.В. Клинецкая
Санкт-Петербургский государственный университет
N.V. Klinetskaya
Saint Petersburg University

Посвящено важности духовного развития человека в современном мире. Дается анализ типов культуры и сознания современного человека и их влияние на развитие духовности человека. Автор приходит к выводу о важности синтеза науки и духовных знаний и мудрости.

The article is dedicated to importance of the spiritual development of the person in modern world. It is given analysis of the types of the culture and consciousnesses of the modern person and their influence upon development spiritual person. The Author comes to conclusion about importance of the syntheses of the science and spiritual knowledge's and wisdoms.

Ключевые слова: религия, наука, духовность, сознание, культура
Keywords: religion, science, spirit, consciousness, culture

Современная эпоха характеризуется мощными трансформациями. Процессы глобализации затрагивают многие сферы, включая финансы, коммуникации, информационные технологии, мир, связанный с распространением наркотиков, терроризма, различных заболеваний. Все более усложняются и принимают глобальные формы проблемы этнического, религиозного и культурного характера, связанные с мобильностью и миграцией населения. Люди различных вероисповеданий и культур вынуждены тесно взаимодействовать, порождая непонимание, конфликты и агрессию. Быстро развивающиеся глобальные процессы указывают на необходимость формирования соответствующего мировоззрения, которое бы синтезировало аспекты различных культур, религий и духовных учений, включая и мировые научные достижения, способствующие возникновению единого универсального глобального сознания человечества.

Анализ картины развития культуры показывает, что в современной цивилизации западного типа происходит изменение базовых ценностей, определяющих развитие сознания людей. Именно культурный фон определяет сознание и поведение человека. Первой приметой новой эпохи была контркультура хиппи 60-х гг., провозгласившая идеи рока, наркотиков и свободы, которые затем стали постепенно расшатывать культурные основы

индустриального общества и буржуазные ценности. Следует отметить, что к настоящему времени произошла переоценка роли контркультур в культурной ткани общества. Появление любой контркультуры обычно трактовалось как возникновение конфликта контркультуры с доминирующей культурой общества. Однако уже с середины 70-х гг. стал очевиден и определенный позитивный смысл этого явления. Известный российский культуролог П.С. Гуревич говорит о том, что «в истории культуры складываются такие ситуации, когда локальные комплексы ценностей начинают претендовать на некую универсальность [1]. Контркультура, таким образом, становится источником ценностей и норм, сигналом, возвещающим появление новых культурных течений, тоже претендующих на универсальность в культуре. Это важное положение, которое объясняет появление и развитие новых ценностей и норм у новых поколений, все более распространяющих свой взгляд на глобальное общество. Известный американский социолог Чарльз А. Рейч, например, выделяет сознание появившегося поколения таким образом: «суть образа мыслей нового поколения состоит в постоянной открытости новому опыту, готовности к самоизменению, надежде на новые ощущения…» [2].

Современные представления о культуре, основанные как на исследованиях различий поколений, так и социологических исследованиях менталитетов, позволили придти к выводу, что в настоящее время не существует единой универсальной культуры. Например, концепция М. Мид (известная американская исследовательница, антрополог, социолог, этнограф) связана с выделением трех типов культуры. Первый тип – это постфигуративная культура основана на освоении новыми поколениями опыта старших и воспроизводстве культуры как культурного наследия. Совокупность норм, передаваемых новому поколению, имеет своим источником прошлое и осваивается в форме следования традиции. Второй тип – конфигуративная культура, ориентирующаяся не столько на опыт старших, сколько на актуальное знание, большое значение приобретает ориентация на равных по возрасту и опыту. Третий тип – префигуративная культура, содержащая ориентацию на будущее, основывается на невозможности придерживаться традиций и опираться на жизненный опыт старших для успешной жизнедеятельности [2, с. 196]. Следует обратить внимание, что каждый из указанных типов культуры несет в себе присущие данному типу ценности, нормы, установки и соответствующее им мировосприятие. Этносоциологические исследования, проведенные в России, показали примерно такие же типы культуры: традиционная культура, современная культура, динамически развивающаяся культура. Распределение русских в России по типу культурных предпочтений почти одинаково: к первому типу относится

34.5%, ко второму 34.2%, к третьему – 31.2% населения [3]. Одновременно с фиксацией возникновения разных типов культуры, среди ученых различных дисциплин появился интерес к вопросам влияния культуры на сознание людей.

Наиболее интересными результатами при изучении сознания оказываются те, которые были получены при использовании интегрального подхода, заключающегося в соединении древней мудрости и традиционных религий с современными знаниями. В этом случае и проявляется весь возможный спектр сознаний, позволяющий построить его иерархию и выявить духовные аспекты его уровней. Можно привести иерархию типов сознания, предложенную Кеном Уилбером. Первый уровень – это *доконвенциональное* сознание, которому соответствуют довербальное недифференцированное восприятие, доконвенциональная мораль, импульсивное самоощущение, эгоцентричность. Такого рода сознание хорошо коррелирует с архаическим, магическим и магически-мифическим мировоззрениями традиционного общества. Второй уровень – *конвенциональное* сознание. У человека с таким сознанием наблюдается конформистская самость, потребность в принадлежности к группе, приверженность классовым нормам и интересам. Третий уровень – *постконвенциональное* сознание, которому соответствуют формальные и постформальные, интегрированные, универсальные принципы. Мировоззрения, соответствующие постконвенциональному сознанию, включают в себя рациональное и экзистенциальное. На данном уровне сознание уже способно согласовывать различные точки зрения, его будет волновать все человечество независимо от пола и расы. Четвертый уровень – *постпостконвенциональное* сознание связано с базовыми структурами психического, тонкого, каузального и недуального. Мировоззрения, возникающие на этом уровне сознания, включают шаманское/йогическое, святое, мудрое и недуальное (в сознании отсутствует деление на объект и субъект). Это сознание уже очищается от эгоических устремлений, возникает надличностная интуиция, приходит созерцательная стадия, и мировоззрения основываются на мироцентрической ориентации [4].

Есть другая классификация сознания, которая была введена в науку упоминавшемся выше американским социологом Чарльзом А. Рейчем, предложившим три типа сознания для современной Америки. Он пишет: «Сознание I – традиционная точка зрения американского фермера, мелкого предпринимателя и рабочего, который пытается преуспеть. Сознание II представляет ценности организованного общества. Сознание III – это новое поколение». Более подробно рассматривая эти уровни сознаний, он характеризует основной аспект Сознания I и Сознания II как веру в то, что индивид должен связывать свою судьбу с каким-то социальным институтом в

большей мере, чем с самим собой, подчинять ему свою волю. Жизнь для них – это конкурентная борьба за успех. Сознание III отвергает ценность организации и провозглашает ценность свободной личности – без флера богатства и положения в обществе, без различия расы, пола, возраста.

Таким образом, представленные попытки классифицировать сознание современных людей свидетельствуют о том, что существует иерархия спектра сознаний, соотносимая с современными типами культуры. При этом нельзя не отметить, что предлагаемые исследователями типы культуры соответствуют трем первым типам сознания, среди них нет культуры, адекватной четвертому типу пост-постконвенционого сознания. Это не случайно, так как культура данного уровня сознания выходит за пределы культуры современного социума.

Мы все видим тот лавинообразный поток психологических и духовных знаний, который оказывает огромное влияние на развитие сознания современного человека. Как представляется, можно говорить, что человечество находится в переходном периоде от парадигмы, которая разграничивала вопросы духа и тела, к новой, которая будет основана на единстве души, ума и тела. И человечество готово к этому сдвигу парадигмы в духовную сторону.

Все религиозные традиции метафорически описывают законы мироздания, однако, только сейчас они познаваемы. Но для того, чтобы человечество смогло воспользоваться этими духовными знаниями, необходимо стирание различий между духовными учениями и наукой, духовные знания должны слиться с научными, становясь общедоступными и универсальными. В этом случае возникающая парадигма сможет влиять на сознание людей, способствуя переходу человечества на новую ступень духовности.

Список литературы

1. Гуревич П.С. Контркультура // Культурология. XX век: словарь. СПб., 1997. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/culturology20century 2volumes1998sl.htm#_Toc299571941 (дата обращения: 29.08.2017).
2. Цитируется по книге: Луков Вал. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012. 528 с.
3. Шнейдер Л.Б., Вальцев С.В. Социально-психологические особенности национального менталитета. М-Воронеж., 2009. 208 с.
4. Уилбер Кен. Никаких границ. Восточные и западные пути личностного роста. М. 2004. 284 с.

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НА КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТЬ ПЕРСОНАЛА СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ РАЗНЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ

THE INFLUENCE OF ORGANIZATIONAL CULTURE ON CUSTOMER ORIENTATION OF THE STAFF OF THE AMBULANCE OF DIFFERENT FORMS OF OWNERSHIP

А.П. Козлов
Национальный исследовательский Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
A.P. Kozlov
Lobachevsky University

Представлены результаты эмпирического исследования специфики ценностно-мотивационной регуляции клиентоориентированности в медицинских организациях скорой помощи разных форм собственности. Проведена оценка актуального и предпочтительного состояния организационной культуры, диагностика клиентоориентированности персонала. Сделан практический вывод о неустойчивости рыночных ценностей персонала компании с частной формой собственности и необходимости их внешней ценностно-мотивационной поддержки.

Presents the results of empirical research of specificity of value-motivational regulation of client orientation in health care organizations ambulance of different forms of ownership. Assessment of current and preferred state of organizational culture, diagnosis of client orientation of personnel. A practical conclusion about the instability of the market values of the company's staff with private ownership and the need for their external values and motivational support.

Ключевые слова: клиентоориентированность персонала, организационная культура, корпоративная культура, медицинский персонал, скорая помощь

Keywords: client-oriented personnel, organizational culture, corporate culture, medical personnel, emergency care

В современных условиях клиентоориентированность обеспечивает успех организаций, работающих в сфере услуг, в том числе и медицинских. Клиентоориентированный подход как бизнес-технология является одним из конкурентных преимуществ [1; 2]. При внедрении такого подхода в практику организации и обеспечения ее психологической жизнестойкости ценностно-поведенческая готовность персонала обеспечивает заботу о клиенте [3]. Особенно это относится к медицинским организациям, деятельность которых социально значима [4] и является прямым проявлением заботы. Основываясь на предположении, что ценности ОК оказывают влияние на клиентоориентированность персонала организации, проведено исследование, *цель* которого

выявить насколько организационно-культурные предпочтения персонала этих компаний отражаются на его клиентоориентированности.

Респонденты: врачебный и фельдшерский персонал медицинских организаций скорой помощи. 18 человек организации с государственной формой собственности, оказывающей услуги по ОМС – «Скорая медицинская помощь» (СМП), и 18 человек организации с частной формой собственности, оказывающей платные услуги – «МедСервис» (названия компаний изменены).

Методы: метод диагностики организационной культуры [5], методика клиентоориентированность работника [6], непараметрические методы математической статистики. Эти методы позволяют, опираясь на содержание конкретных вопросов, интерпретировать полученные показатели как удовлетворение определённых категорий потребностей клиентов по классификации А. Маслоу [7].

Результаты и анализ. Результаты исследования характеристик ценностных оснований организационной культуры в медицинских организациях представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики актуального и предпочтительного состояния организационной культуры медицинских компаний

Организации	Типы организационной культуры											
	Клан			Адхократия			Рынок			Иерархия		
	А	П	p (W)	А	П	p (W)	А	П	p (W)	А	П	p (W)
МС	26,06	35,37	**	20,70	21,81	–	32,73	24,91	**	20,51	17,92	Т
СМП	27,55	39,07	**	18,98	20,09	–	20,79	21,62	–	32,69	19,21	**
p (U)	–	–		–	–		**	–		**	–	

В табл.1: А – актуальное, П – предпочтительное состояние ОК; p (W) – уровень значимости критерия Вилкоксона; ** – p (W) ≤ 0.01; p (U) – уровень значимости критерия Манна-Уитни; ** – p (U) ≤ 0.01; Т – тенденция; тире в таблице означает, что различия статистически не значимы.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что при сравнении этих компаний по актуальному доминирующему типу ОК, для компании МС характерна рыночная ОК, что свидетельствует о приоритете рыночных ценностей с выраженным присутствием ценностей отношений. У компании СМП выражена иерархическая ОК, что говорит о доминировании бюрократических ценностей также с присутствием ценности отношений клановой ОК.

Таблица 2

Характеристики клиентоориентированности персонала медицинских организаций

Группы испытуемых	АРТ	ПД	КНФС	ДК	ЭМИ	РСК	КМПС	ТЖТ
МС	2,44	10,56	17,44	20,17	21,83	17,39	19,28	16,89
СМП	2,44	5,22	12,28	23,22	23,61	15,83	16,33	10,28
p (U)	—	**	*	Т	—	—	—	**
	БКС	СОБ	МНПС	РД	КОП	ОИК	ОИО	ЗП
МС	17,89	18,06	15,28	18,94	81,83	36,72	32,61	42,00
СМП	19,39	16,61	13,06	15,56	63,50	28,61	32,44	46,83
p (U)	—	—	—	Т	*	*	—	—

В табл.2: АРТ – артефакты, ПД – планирование деятельности, КНФС – конформистская стратегия работы с клиентом, ДК – дистанцирование от клиента, ЭМИ – эмоциональный интеллект, РСК – работа со сложными клиентами, КМПС – компромиссная стратегия работы с клиентами, ТЖТ – терпимость к житейским трудностям, БКС – бескомпромиссная стратегия работы с клиентами, СОБ – самообучение для развития качеств эффективной работы с клиентами, МНПС – манипулятивная стратегия работы с клиентами, РД – рефлексия деятельности, КОП – клиентоориентированная профессионализация, ОИК – ориентация на интересы клиента, ОИО – ориентация на интересы организации, ЗП – защитная позиция; p (U) – уровень значимости критерия Манна-Уитни, ** – p (U) ≤ 0.01, * – p (U) ≤ 0.05, Т – тенденция, тире в таблице означает, что различия статистически не значимы.

При сравнении каждой организации по различию между актуальным и предпочтительным (будущим) типом ОК также выявлено, что персонал обоих организаций стремится повысить её клановый компонент. Причём повышение кланового компонента ОК в МС происходит на фоне стремления персонала понизить рыночный. Факт одинаковых тенденций в предпочтениях сотрудников исследуемых компаний в ценностных ориентациях можно объяснить тем, что практически и в той, и другой организации работают одни и те же люди (совместители в организации МедСервис), которые хотят просто заработать деньги, а не реализовать свой потенциал. Персонал МС не получает удовлетворения от рыночной конкурентной среды и предпочитает «семейные» отношения клановой ОК. Это может создать сложности в сохранении с трудом достигнутого приоритета рыночных ценностей с фокусировкой ориентации на клиента. Характеристики клиентоориентированности в таблице 2.

Анализируя данные таблицы 2, можно увидеть, что в МС потребности клиента удовлетворяются в большей степени, чем в СМП.

Выводы:

1. В организациях имеют место различия в типах организационных культур (актуальное состояние), но проявляется общая тенденция в стремлении повысить клановый компонент организационной культуры в предпочтительном (будущем) состоянии.

2. Выяснено, что деятельность медицинских компаний по-разному удовлетворяет потребности клиентов. Медицинская организация МедСервис больше ориентирована на клиентов, чем компания СМП. Такая ориентация обусловлена большей степенью реального удовлетворения потребностей клиентов – физиологических, безопасности, принятия, уважения и признания.

3. Доминирование в предпочтениях персонала клановых ценностей одновременно с утратой рыночных может быть показательно для менеджеров МедСервис. В практическом плане это означает, что устойчивость рыночных ценностей не достигнута, хотя предприятие существует уже более трёх лет. Выявленные результаты говорят о неустойчивости позитивных организационно-культурных ценностей персонала компании, о значении их внешней ценностно-мотивационной поддержки.

Список литературы

1. Kumar C. and Gupta N.A Comparison between Task Oriented and Client-Centred Task-Oriented Approaches to Improve Upper Limb Functioning in People with Sub-Acute Stroke // J Novel Physiotherapies. 2015. URL: http://dx.oi.org/10.4172/2165-7025.1000276 (accessed: 02.11.2016).
2. Narver J.C., Slater S.F. Market orientation and customer service: the implications for business performance // European Advances in Consumer Research Vol. 1, 1993. P. 317-321. URL: http://acrweb site.org/volumes/11467/volumes/ e01/E-01 (accessed: 02.11.2016).
3. Захарова Л.Н., Примак А.И. Бизнес заботы: организационная культура и социально-психологический потенциал развития предприятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. №5(1). С. 388-395.
4. Филлипов Ю.Н., Тарычев В.В., Никитин Д.А., Абаева О.П. Оценка результатов и перспектив дальнейшего реформирования службы скорой медицинской помощи в рамках задач приоритетного проекта «Здоровье» // Социология медицины. 2014. Том 13. № 2. С. 49-51.
5. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб: Питер. 2001. 320 с.
6. Орлов А.В., Башук Е.Н., Хмелев Е.А. Тестовая диагностика клиентоориентированности персонала компаний // Четырнадцатая международная научно-практическая конференция «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития». 25-28 ноября 2014 г.: Материалы конференции. СПб.: Изд-во ИМЦ «НВШ – СПб». 2014. С. 128-130.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2014. 400 с.

КОММУНИКАТИВНО-КОММУНИКАЦИОННАЯ ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В НОВОЙ РОССИИ

COMMUNICATION-COMMUNICATION IDENTITY IN THE CONDITIONS OF FORMATION OF INFORMATION CULTURE IN THE NEW RUSSIA

А.А. Колодина
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)
Н.В. Чернова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва
A.A. Kolodina
Bauman Moscow State Technical University
N.V. Chernova
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Рассмотрены основные особенности становления информационной культуры в современном российском обществе, которое по целому ряду основополагающих параметров существенно отличается от других обществ и государств современного постиндустриального мира. Анализируется диалектическое взаимовоздействие коммуникативно-коммуникационных особенностей человека, подлинного члена современного становящегося информационного общества в новой России.

The article describes the main features of formation of information culture in modern Russian society, which on a number of fundamental parameters is significantly different from other societies and States in the modern post-industrial world. Dialectical analyses the mutual influence of communication communication characteristics of a person, a true member of the becoming a modern information society in the new Russia.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативность, общение, смысложизненные установки, роль СМИ, сетевое общество

Keywords: communication, communication, communication, meaningful installations, the role of the media, the network society

Новейшие социально-гуманитарные исследования убедительно показывают, что трансформация современной России представляет собой сложный и многомерный процесс радикального изменения всей ее социокультурной природы. Эффективность процессов трансформации определяется качественными изменениями социально-политической и экономических сфер жизни большинства населения страны, а также возрастанием практики использования в реальной жизнедеятельности новых

приоритетных ценностей и жизненных стратегий, что существенно воздействует на социальную стабильность общества, понимание существующих в современном мире социальных вызовов и рисков, глобальных и локальных вызовов и проблем. Анализ существа и содержания сложных процессов трансформации нашего общества осуществляется во множестве работ отечественных исследователей, которые рассматривают процессы трансформации во всех сферах социального бытия России [1; 2].

Всё более доминирующее и всесторонне значимое место во всех процессах трансформации новой России приобретает человеческий капитал, то есть население, которое своей практической деятельностью стремится осуществить, необходимые для нашего общества и каждого гражданина страны преобразования, которые начались в стране десятилетия тому назад, но которые всё ещё далеки от завершения.

Практика показывает, что подрастающие поколения РФ, то есть дети и молодежь, формируются, как и все предшествующие поколения, на основе фундаментальных качеств, присущих человеку как родовому существу, в генетических качествах которого общение составляет одну из доминирующих характеристик. Однако современные специалисты, изучающие медико-биологические особенности человека в их исторической ретроспективе и перспективе, подчеркивают, что общительность, как и все коммуникативные свойства, определяется не только врожденными качествами человека, но и всей социокультурной средой, имеющей значимый воспитательный потенциал. Следует подчеркнуть, что формы и способы общения не в меньшей мере зависят и от волевых усилий каждого субъекта, его индивидуально-личностной ответственности перед самим собой и теми социальными институтами и структурами, с которыми он себя отождествляет.

При выборе оптимальных способов решения своих экономических, социальных и личных проблем для каждого индивида особое значение приобретают системы базовых и инструментальных ценностей, господствующих в семье, а также массовые поведенческие установки, стандарты и нормы поведения сверстников из среды ближайшего социального окружения, то есть «значимые другие».

В последние десятилетия все более значительное влияние на формирование социальных идеалов и смысложизненных ценностей подрастающих поколений оказывают средства массовой информации, которые, благодаря очевидным успехам внедрения достижений информационной культуры в социальную реальность новой России, становятся все более значимым фактором воспитания мировоззренческих установок, стереотипов сознания и поведения населения [3].

Уже в начале становления информационной культуры исследователи отмечали, что в условиях становления электронной техники и адекватной ей технологии начинают существенно изменяться сами процессы общения людей, существенно трансформируется их коммуникативная деятельность, так как она становится все более зависящей от средств коммуникации, приобретающих все более существенное воздействие на возможность/невозможность тех или других технико-технологических средств, а, значит, и форм коммуникации.

Другими словами, в настоящее время все более изменяется сам контакт или коммуникация между людьми, так как он все более завит от технического устройства; наличия/отсутствия канала связи; наличия/отсутствия денежных средств, необходимых для приобретения новых гаджетов; наконец, нередко овладение новыми смартфонами или любыми другими аналогичными устройствами требует определенного резерва свободного времени, которым не располагает человек. Нельзя забывать и о том, что любой потенциальный потребитель товаров и услуг в системе информационной культуры отнюдь не является знатоком новейших технико-технологических характеристик всякого рода электронных устройств и чаще всего становится очередной жертвой рыночных отношений, делающих каждого жертвой «научно выверенного» товарного фетишизма в сфере масс-медиа. Следует заметить, что в рамках каждого развитого рыночного общества любой человек в полной мере чувствует себя жертвой всех существующих в конкретном обществе самых разнообразных депривaций – экономических, политических, культурных и др., которые характеризуют любое рыночное общество.

Известный западный исследователь М. Кастельс подчеркивает, что современная социальная реальность развитых стран мира является «сетевым обществом», в котором человек становится не только субъектом своего индивидуально-личностного целеполагания, но и четко внешне детерминирован мерой включенности в современные коммуникации [4].

Десятилетия существования информационной культуры достаточно убедительно доказывают, что рост числа опосредованных коммуникаций людей, основанный на постоянном возрастании опосредованных контактов благодаря функционированию информационной техники, не делает эти контакты для акторов более счастливыми, длительными или интеллектуальными, но зато любой контакт всегда способствует росту благосостояния международных корпораций СМИ.

Следует подчеркнуть, что становление информационной культуры и самого сетевого общества как его фундаментальной основы представляют собой современные объективные исторические процессы, необходимым актором которых является коммуникативный и коммуникационно

обеспеченный и достаточно хорошо знающий современные средства коммуникации человек, гражданин новой России [5].

Список литературы

1. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
2. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: Опыт социологической диагностики / М.К. Горшков. Новый хронограф, 2011. 672 с.
3. Колодина А.А. Преемственность культуры в обществе риска: философский анализ. М.: ООО «ТРП», 2016. 247 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. 608 с.
5. Колодина А.А., Крухмалева О.В. Компетентная коммуникативная личность – идеал современного взаимодействия семьи и образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств (Вестник МГУКИ). 2016. № 5. С. 170-177.

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ВЗГЛЯДЫ И МНЕНИЯ
CHURCH AND SOCIETY AT THE TURN OF THE CENTURY: THE VIEWS AND OPINIONS

А.Е. Кондратьев
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.E. Kondratev
Lobachevsky University

Излагаются взгляды одного из активных участников *белого движения* о революции 1917 г. в России, одного из руководителей церкви – Владыки Вениамина (Федченкова). Его книга-размышление «На рубеже двух эпох» написана им к своему 60-летию (1). В ней приведены его размышления о событиях в России в переходный период ее исторического развития – этапа Великой октябрьской социалистической Революции. Вот эти его размышления и высказывания *в поддержку большевиков и советской власти* дают материал к размышлению, в том числе и для сегодняшнего дня.

Цель – заинтересовать читателя, вызвать у него потребность прочесть ее полностью, чтобы сформировать свое мнение.

The article tackles the views of an active Whit movement participant about Russian Revolution of 1917, one of the church heads – Veniamin (Fedchenkov). His book «On the Frontier of Two Epochs» is written in his 60- th anniversary. It contains ideas about the events in Russia during the ctage of its historical development, the Great October Socialist Revolution. This opinion, supporting

Bolsheviks and Soviet power, gives food for thought, especially at present. The aim is to attract the reader, arise necessity to read the whole article to from persona opinion.

Ключевые слова: государство, церковь, революция, партия, народ, власть, взаимодействие

Keywords: state, church, revolution, party, nation, power, cooperation

Приближается дата – столетие Великой октябрьской социалистической революции. Прошло более 70 лет Советской власти и прошло более 20 лет становления новых либеральных ценностей. Есть повод осмыслить эти периоды, узнать новую информацию от непосредственных участников тех событий, сопоставить их взгляды, суждения, мнения, выводы со своими, поискать причинно-следственные связи, просто заставить задуматься, а возможно, что-то переосмыслить.

Материал изложен в тезисах, курсивом выделен текст, наиболее заинтересовавший автора. По нашему мнению, значительное количество прямой речи Владыки делает текст более убедительным и достоверным.

Тезис 1. Об авторе книги

Октябрьскую революцию Владыка Вениамин застал, будучи зрелым человеком, и сознательно вступил в Белое движение. Он стал епископом армии и флота при главнокомандующем Белой армией генерале П.Н. Врангеле. Эти обязанности он выполнял и в эмиграции до 1923 г.

«Жизнь и быт России до Октябрьского переворота, истоки белого движения и причины его поражения, участие в двух Церковных Соборах – в Москве (1917-1918 гг.) и Киеве (1918-1919 гг.), жизнь внутри русской эмиграции, разногласия между Зарубежной церковью и Патриаршей русской церковью, годы войны с фашизмом – все это описано истинно верующим человеком и составляет бесценный исторический документ двух эпох. В этом Владыка Вениамин видел исполнение своего патриотического долга перед Отечеством. Он пишет: «…характер этих записей будет собственно политически социальным, все остальное будет служить материалом для освящения этой общественной стороны на грани двух эпох…», «...вот так думал один из архиереев Русской православной Церкви этого времени…», «…И еще одно размышление. Может быть, кому-либо покажется не архиерейским делом заниматься политически-социальными записками. Но, как сказано, выполню свой долг перед Родиной. А всякое патриотическое дело нашей Православной Церковью считается праведным…, …эти записки в поучение потомству, – все такое, связанное с именем Родины, Церковь, верую, благословляет и благословит» [1. с. 8]. И он не ошибся. Книга появилась в 2004

г. *«по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II (1).* Очередное издание этой книги, вышедшее в 2016 г., рекомендовано к публикации уже Издательским советом РПЦ [2].

Следует признать смелость и самого автора книги, который рассматривал ее как свой патриотический долг, и смелость самой РПЦ не только по опубликованию книги, но и не одним ее изданием.

Это значит, что признание этих взглядов, фактов и оценок есть, поэтому и стоит над ними задуматься.

Тезис 2. Об актуальности

Отметим, что последние десятилетия период истории становления государства раскрывается достаточно односторонне: пришли большевики, разрушили государство и церковь. Все стало плохо. В книге приведены факты, события и оценки видного участника этих событий, которые он излагает несколько иначе, и это надо осмыслить.

Тезис 3. «…Вси имяху все сообща…» (Деян. 2:44)

Революция привела к отмене частной собственности. Это не противоречит Писанию («…Вси имяху все сообща…»)

Социализм провозгласил: «Человек – человеку друг, товарищ и брат». И это не противоречит Писанию. («Блажен, кто положит жизнь за *други* своя», «…братья и сестры», (Евангелие).

Церковь долгие годы выполняла важные социальные функции. Она венчала, благословляла, крестила, учила, исповедовала, лечила, отпускала грехи, отпевала. Словом, всегда была с народом. Для мирян, ее основные постулаты изложены в заповедях, добродетелях, блаженствах и молитвах. Заповеди учили любви к ближнему. И вдруг конфликт в самых жестких формах. *Чем же он мог быть обусловлен?*

Возможно, потому, что церковь в определенной мере «отошла» от народа, не определив своего отношения к социальному протесту 1905 г., приведшего к «кровавому воскресению», а затем, к революции 1905 г. и февралю 1917 г.? А возможно, причину надо искать и в других направлениях. В каких? Именно над этим следует задуматься и искать ответы в рекомендованной книге [1].

Тезис 4. Государственные праздники 1918 г.

Сегодня взаимодействия власти и церкви достаточно тесные. Несмотря на то, что Конституция РФ полностью определяет государство как светское, религиозные элементы входят в государственный гимн («…Хранимая Богом родная Земля…»). Открываются теологические факультеты в вузах, православные гимназии. В школах вводятся курсы по истории религии. В список государственных праздников включены и религиозные (Рождество).

И в начале двадцатого века, однако, мы находим элементы такого взаимодействия. Например, интересным представляются материалы относительно государственных праздников в 1919 г. «В Ардатовской газете «Красный вестник» печатается перечень праздничных дней 1919 г: 1 января – Новый год; 7,8 января – Рождество; 19 января – Крещение; 22 января – день 9 января 1905 г.; 12 марта – низвержение самодержавия; 18 марта – день Парижской коммуны; 7 апреля – Благовещение; 14 апреля – Пасха; 1 мая – день Интернационала; 19 августа – Преображение; 28 августа – Успение; 7 ноября – день Пролетарской революции. Здесь не упоминаются слова «Христово», «Господне», Пресвятой Богородицы, хотя и видны уступки верующим. Такой смешанный перечень революционных и православных праздников при Советской власти был утвержден в первый и последний раз» [3, с. 79].

Тезис 5. Размышления Владыки Вениамина (Федченкова) [1]

С. 187. «…Кстати, среди рабочих здесь в Америке, мне часто приходится слышать объяснение слова «Большевик» не от максимальной их программы, а от предположения, что их с народом больше количественно. Конечно, это кажется наивным невежеством, но тут есть одна верная идея: *с большевиками пошел весь народ, революция большевистская есть народная, массовая революция. И партия, и народ встретились и приняли друг друга: в этом сила этой революции…»*

С. 189. «*...Я утверждаю*, что народ принял большевиков не потому, лишь, что они больше ему обещали, и, конечно, не потому, что эта группочка людей и партийцев задушила весь народ (170 миллионов!), а потому, *что народ «собственным умом дошел» до убеждения, что большевистская партия – народная партия*. А у них было время убедиться восемь месяцев управления кадет и эсер, которые дали достаточно материала для этого. Но я думаю, что тут в народе действовал больше здоровый, государственно народный инстинкт, разумное здоровое чутье: они сразу почувствовали, где народная сторона».

С. 190. «А власть эта не только гладила народ по головке всякими обещаниями и посулами, а вскоре взяла его в ежовые рукавицы на переработку. Часто обвиняют большевиков в терроризме, но в этом не только их сила, но и государственная правда. Только настоящая власть без страха употребляет, где нужно, и силу, до смертной казни включительно. И народ, несмотря на это, – а *я скажу: наоборот, именно поэтому! – еще решительнее прислонился к советской власти*. И прислонился государственно сознательно по причине своего того же здравого мужицкого смысла…!»

С. 191. «…И наш народ, знающий слабость человеческой природы и необходимость твердой власти, не побоялся посадить на свои плечи крутых

большевиков потому, что здравым умом понял: «эти» наведут порядок! Значит, государственная власть… Да еще и «наша», народная.

…И после, когда происходили по временам «чистки», народ тоже понимал их по государственному инстинкту и уму. *Так лучше! Иначе было бы хуже!* Ну, разумеется, приемлема была им земельная и заводская реформа большевиков: все народу! Приемлема была и система власти: Советы из того же народа и в центре, и на местах! На такой радикализм в решениях не было сил не только у белых, но и у розовых партийных интеллигентов.

Так объясняю я себе победу большевиков: их принял (или, что одно и то же, выбрал среди других) народ сознательно, по своей воле!

…Конечно, было бы неожиданно, если бы тысячелетние обычаи жизни легко изменялись. Но, передавая свою волю большевикам, даже хотя бы и не вполне принимая социалистическую систему, народ верил одному: эта власть – народная и потому народу – не повредит! А дальше – там увидится…! Конечно, были и просто разбойничьи группы, которые в эту неразбериху и разруху делали свои злые дела, но о них не стоит много говорить. Это была естественная революционная накипь. Но не эти элементы правили жизнью, а партия и народ. *Еще можно признать факты жестокостей, которые прорывались то тут, то там…. А плохое есть плохое…* Но в объяснение, а не в оправдание всегда нужно помнить две вещи: первое – была колоссальная революция; второе – вина была и на прошлом, на многих и многих».

С. 364. «… В заключении характеристики «врангелевской эпопеи», как некоторые выражались о его времени, я хочу пожаловаться на общую *духовную бедность нашу*. У *нас почти не было руководящих идей,* как не было их, конечно, и при Деникине.

Можно не соглашаться с большевиками и бороться против них, но нельзя отказать им в колоссальном размере идей политико-экономического и социального характера. Правда, они готовились к этому десятилетиями. А что же мы все (и я в том числе) могли противопоставить со своей стороны? Старые привычки? Реставрацию изжитого петербургского периода Русской истории и восстановление «священной собственности», Учредительное Собрание или Земский Собор, который каким-то чудом все разъяснит и устроит?

Нет, *мы были глубоко бедны идейно*. И как же при такой серости мы могли надеяться на какой-то подвиг масс, который мог бы увлечь их за нами? Чем? Я думаю, *здесь лежала одна из главнейших причин провала всего Белого движения – в его безыдейности! В нашей бездумности!*

Если бы мы глубоко всмотрелись в исторический процесс, изучили его, поняли, – тогда?... Тогда, вероятно, мы просто отказались бы от этого

антиисторического движения на него. Но мы не хотели думать, не могли думать: шли по инстинкту, по привычке, ощупью.

С. 383. «…Церковь всегда будет делать свое вековечное дело до конца мира, у *нее есть свое собственное дело – душа человеческая*…».

С. 387 «…При чем же тут революция? Не следует думать, что революция есть только разрушение. Наоборот, двигающим его мотивом является идея созидания, улучшения, творчества; *если же иногда в жизни бывает иначе, то это ошибка ума и неопытности, но не цели.* Революция есть лишь путь, средство, и разрушительная сила ее есть лишь необходимость, печальная нужда: чтобы построить дом на том же месте, неизбежно сначала разрушить старый. Революция тоже хочет порядка, строя, благоустроенности – как блага, а разрушение, анархия – есть зло, лишь временно терпимое.

Восстановление Патриаршества было тоже своего рода переворотом, который уничтожал прежний синодальный период и возвращал жизнь церкви к ее многовековым устоям быть главой церковного общества! И этому содействовала революция тем, что развязала руки Церкви сделать нужное ей дело *без помехи царской власти*. Вот странный исторический парадокс: безрелигиозное революционное движение помогает лучше организоваться церковному обществу, дав ему свободу самостоятельности, *чего не хотели давать цари.* Такова первая существенная связь Патриаршества и революции. Вторая вызывалась временным разрушительным свойством всякой революции – анархией. Мы настолько чувствовали все опасности и зло этой стороны революции, что у нас еще сильнее обострилось желание твердой организации, упорядоченности. Это понятно. *Нам хотелось власти!» (выд. мной, А.К.)*.

С. 389. «…Взяв власть, большевики ни единым жестом не проявили враждебного отношения к Собору, хотя довольно было простого слова их для его роспуска… Несомненно, что *отношения власти было не только корректны, но даже доброжелательны.* Это проявилось особенно явно в день интронизации (по старославянскому – «настолования») Патриарха – 21 ноября (по старому стилю). По просьбе Собора было дано нам совершенно исключительное разрешение совершать службу в кремлевском Успенском соборе, хотя во все прочие дни для всех других Кремль был закрыт. После интронизации Патриарх Тихон, по старинному русскому обычаю, объезжал вокруг Кремля, где приветствовал его народ. То же самое разрешила советская власть и теперь...».

С. 390. «…Когда советы взяли вверх, то *Церковь совершенно легко признала их власть*… Следовательно, все те раскольники, которые через церковь продолжают бороться против советской власти, идут против прямой воли высшего церковного органа – Собора…».

С. 393. «…На Юге России удалось нам получить два важных акта от Патриарха, имеющих не только церковное, но и общественное значение.

В 1919 г. он издал указ, чтобы служители церкви не вмешивались в политическую борьбу, а занимались бы своим прямым делом: богослужением, проповедью евангелия, спасением души.

До Крыма этот акт дошел уже во времена Врангеля, когда церковь принимала довольно деятельное участие в политической борьбе против советской власти и в поддержании Белого движения.

Прочитали мы его на заседании синода и *постановили положить, как говорилось в старые времена, «под зеленое сукно»,* не объявляя народу, чтобы не вызвать смущения. В оправдание свое мы решили, что указ касается тех областей, где существует советская власть, и не может распространяться на местности, где господствуют белые. Почему? Потому, что наше отстранение от участия в Белом движении было бы истолковано как несогласие с ним и даже как сочувствие красным, и вообще могло повредить добровольцам. Говоря кратко, мы были бы нелояльными к нашей местной власти. А это было бы очевидным противоречием. К красным лояльны, а к белым – оппозиционны. *Да и не могли мы исполнить этого указа, так как это Белое движение отвечало и собственным нашим симпатиям, и интересам Церкви*.

Меня, однако, немного беспокоило подобное наше непослушание Патриарху: все же это был указ главы Церкви, посему мы обязаны были прежде всего повиноваться, тем более, что в нем не указано было ничего о границах действия. Но иначе поступить, как скрыть этот акт, мы не могли…».

С. 399. «… Вот часто поносили советскую власть за ее давление на веру.

Но историческая правда обязывает нас заявить, что большевики, отделив Церковь от государства, не вмешивались в ее дела, не создавали своей церкви. Если и появлялись потом «живоцерковники», то они зародились самопроизвольно, а не под влиянием большевиков и их требований».

Таким образом, материалы данной книги говорят о сложных процессах в отношениях государства и церкви.

Сегодня мы не имеем «вси имяху все сообща». Сегодня человек – человеку не «друг» и «брат», а «поставщик – покупатель – клиент – конкурент».

Существует высокая дифференциация общества. А это – противоречие. Существует фраза: «Мудрец – это не гребец». Это принцип из системного анализа: чтобы изучить систему, надо выйти за ее пределы. Например: «Утро вечера мудренее», «Только на отдыхе и можно подумать о работе». Это режиссер в театре, тренер в спорте, и т.д.

Сегодня мы активно «гребем», но направление не очень четкое. Нужны «мудрецы». В 1992 г. они собрались в Рио-де-Жанейро и пришли к выводу, что *капитализм является системой не устойчивой*. А мы движемся пока именно в этом направлении.

Еще раз вернемся к выводам митрополита Вениамина Федченкова:

«…Если бы мы глубоко всмотрелись бы в исторический процесс, изучили его, поняли, – тогда?... Тогда, вероятно, мы просто отказались бы от этого антиисторического движения на него. Но мы не хотели думать, не могли думать: шли по инстинкту, по привычке, ощупью».

Думать надо. Думать. И не забывать одну из главных добродетелей: *«Рассуждение – выше всех добродетелей»*.

Список литературы

1. Митрополит Вениамин (Федченков). «На рубеже двух эпох». Изд-во «Правило веры».М. 2004) Саввино-Сторожевский монастырь. г. Звенигород).
2. Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. Изд. 2 М.: Издательство «Отчий дом», 2016. 704 с.
3. Базаев А.В. Знаменский собор в истории Ардатова: историческое исследование/ Александр Базаев. Саров: СГТ, 2009. 156 с.

ВОСПРИЯТИЕ АНАЛИТИЧЕСКИМИ ЦЕНТРАМИ США СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

US THINK-TANKS APPROACHES TO SOCIAL AND POLITICAL PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY

А.П. Коротышев, Р.В. Голубин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.P. Korotyshev, R.V. Golubin
Lobachevsky University

Представлены подходы американских исследовательских центров к социально-политически проблемам российского общества. Авторы представляют краткий анализ экспертных докладов, подчеркивают особенности восприятия российской политики в США.

The article deals with US «think-tanks» approach towards social and political problems of Russian society. Authors represent a brief analysis of the main expert reports, underline the peculiarities of the Russian policy perception.

Ключевые слова: аналитические центры США, исследование политики России, российско-американские отношения

Keywords: USA think tanks, Russian policy investigations, Russian-American relations

Последние годы ознаменовались некоторым ростом внимания исследовательских центров и аналитических структур США к политике России. Их основные усилия, вполне естественно, направлены на изучение внешнеполитической стратегии РФ, однако в 2015-2017 гг. были также выработаны подходы и к внутриполитической ситуации.

Характерным примером американских подходов к оценке социально-политических проблем российского общества могут служить разработки Центра стратегических и международных исследований (CSIS) и Корпорация «Стратфор» (Strategic Forecasting Inc.).

Эксперты CSIS обратили пристальное внимание на внутриполитическое положение России в 2015 г. Тогда был опубликован доклад «2015. Глобальный прогноз: кризис и возможности» [1]. В его рамках достаточно подробно рассматриваются как внутренняя политика Российской Федерации, так и перспективы внешней политики.

Американские эксперты предложили собственную интерпретацию внутрироссийской политической обстановки.

Администрация В.В. Путина в течение 15 лет пользуется реальной поддержкой населения. В 2000-х гг. основным фактором этого служил экономический рост, который отвечал общенародным стремлениям к росту уровня жизни. Именно экономическая база позволила В.В. Путину создать «вертикаль власти». Рассуждая о социально-экономической ситуации в России, эксперты Центра используют термин «государственно-ориентированная политэкономия» [1]. Под этим понимается в первую очередь излишнее вмешательство государства в экономические процессы.

В 2012 г. российские власти впервые столкнулись с масштабным социальным протестом, который во многом оказался для них неожиданностью. По оценке экспертов CSIS, большинство протестующих представляли средний класс. Эти граждане преуспели в период деятельности В.В. Путина, но, тем не менее, не хотят мириться с централизованной, авторитарной и коррумпированной системой управления [1].

Таким образом, начиная с 2012 г. администрация В.В. Путина столкнулась со сложным выбором, для обозначения которого эксперты CSIS вводят термин «дилемма Путина». Ее суть в следующем: для дальнейшего роста экономики необходимо осуществить структурные реформы, предоставив больше свободу мелкому и среднему бизнесу, однако это угрожает

стабильности «вертикали власти» и интересам правящей элиты. Американские эксперты указывают, что правящей элитой РФ было принято решение законсервировать существующую государственную модель в надежде переждать экономический кризис и пик народного недовольства.

В тексте доклада указывается, что подобного рода вопрос уже имел место в российской истории. В 1980-х гг., когда высокие цены на нефть более не могли обеспечить советской экономике заметного роста, перед аналогичным выбором было поставлено руководств СССР [1]. Тогда элита не решилась пересмотреть экономическую модель развития, что, в конечном итоге, закономерно привело к распаду страны.

Таким образом, администрация В.В. Путина, начиная с 2012 г. начала вынужденный отход от политики, которая, собственно, и обеспечивала ей общественную поддержку. В условиях падения нефтяных цен, мирового экономического кризиса и авторитарного контроля важнейших сфер экономики было уже невозможно обеспечить экономической рост.

Понятно, что лишившись основного фактора свой общественной поддержки, российские власти почувствовали необходимость в новых идеях для консолидации общества и оправдания экономических трудностей. Этими идеями стали «традиционные духовные ценности», конфликт с западным миром, и, в конечном итоге, вмешательство в украинский кризис и присоединение Крыма [1].

Что же касается социально-политической обстановки, американские аналитики констатируют зарождение в российском обществе глубоких и потенциально весьма опасных конфликтов. Весь комплекс существующих в РФ социально-политических противоречий эксперты CSIS делят на две группы. Первая группа включает нарастание конфликтности между обществом, ожидающим дальнейшего роста уровня жизни, и властной элитой, стремящейся в первую очередь сохранить контроль над финансовыми потоками в условиях кризиса. Вторая группа объединяет разного рода противоречия внутри политической и экономической элиты, по сути сводящиеся к переделу сфер влияния и сокращающихся доходов.

США, несомненно, будут способствовать развитию этих конфликтов. Отчасти это уже проявляет себя, в частности, в политике санкций, которые направлены против физических лиц и призваны провоцировать раскол правящей элиты.

Другой важный вывод экспертов CSIS состоит в том, что наиболее уязвимым сегментом экономики РФ остается экспорт углеводородных ресурсов. Применительно к внешнеэкономической деятельности РФ аналитические центры США, как правило, ведут речь об использовании

экспорта нефти и газа в качестве рычага давления на другие государства. По мнению аналитиков CSIS, нефть используется как «рычаг давления, инструмент переговоров и, конечно, оружие» [2].

Другим, традиционным для США направлением «россиеведения» являются попытки найти в российском обществе и политике признаки имперских амбиций. Знаковая статья С.В. Лаврова «Историческая перспектива внешней политики России» [3] была оперативно переведена на английский язык и сразу же вызвала интерес американских экспертов. В их понимании, российская политика в отношении западных стран приобрела три основные черты:

1. Россия, не найдя собственных надежных союзников, вернулась к концепции собственной уникальности и исключительности.

2. Запад, включая США и ЕС, теперь оценивается в России как однозначно враждебный центр силы, стремящийся не просто конкурировать на международной арене, но трансформировать российские ценности и национальную идентичность.

3. Россия выдвигает концепцию уникальной русской цивилизации, русского мира, куда должны войти не только собственно российские, но и сопредельные территории, что предполагает неизбежную экспансию.

Этот курс на уникальность и самостоятельность эксперты CSIS интерпретируют следующим образом: «Америка делает шаг назад – Россия видит слабость, делает шаг вперед – Россия видит угрозу» [4]. При этом в экспертной среде США существует понимание того, что эти идеи можно использовать и против РФ, например, эксплуатируя страх постсоветских элит перед «имперским реваншем» России.

Эксперты Стратфор считают 2017 г. весьма многообещающим для России. Впрочем, перспективы РФ связаны, по их мнению, не с удачной внешнеполитической стратегией, а с благоприятным стечением обстоятельств. Россия может надеяться на ослабление режима санкций и укрепление отношений с Западом поскольку:

1. В 2017 г. происходит пересмотр приоритетов американской внешней политики.

2. ЕС испытывает целый комплекс внутренних проблем, между его членами нет согласия.

3. США и ЕС, занятые внутренними проблемами, ослабили внимание к постсоветскому пространству. В то же время постсоветские страны находятся в сложном экономическом положении и, ощущая недостаток взаимодействия со странами Запада, готовы принять любую помощь [5].

При этом отмечаются также некоторые тенденции распада традиционной зоны российского влияния: охлаждение российско-белорусских отношений [6], попытки Армении и Молдовы искать контакты с Западом и даже некоторые признаки потепления в отношениях Россия-Грузия [7]. В целом, эксперты говорят о том, что Россия заполняет «вакуум силы», образовавшийся после ослабления внимания США и ЕС (по своим, сугубо внутренним причинам) к российской периферии.

Работы Стратфор начала 2017 г. также регулярно затрагивают тему внутриэкономического и внутриполитического кризиса в России. В этом плане особенно показателен доклад «Час расплаты российского Правительства» [8]. Его авторы проявляют сдержанный оптимизм в вопросах оценки российской экономики, утверждая, что ее падение остановилось и в 2017 г. она может даже показать рост в 1.5%. Однако они вполне обоснованно отмечают и главное противоречие российской политической действительности – неэффективное распределение доходов между центром и регионами.

В целом, можно констатировать, что основным достижением аналитических центров США является формирование в американской элите представления о том, что внешнеполитические акции РФ в недостаточной степени подкреплены успехами ее экономики и стабильностью политической системы.

Список литературы

1. Global Forecast 2015: Crisis and Opportunity. Center For Strategic and International Studies. Officialweb-site. URL: http://csis.org/files/publication/141110_Cohen_GlobalForecast2015_Web.pdf (accessed: 27.09.2017).

2. Sarah Ladislaw Geopolitical Instability and Energy Markets. Center for Strategic and International Studies. Official Web-site. URL: http://csis.org/files/publication/141117_Ladislaw.pdf (accessed: 27.09.2017).

3. Sergey Lavrov's article «Russia's Foreign Policy: Historical Background» for «Russia in Global Affairs» magazine, March 3, 2016 // Официальный сайт МИД РФ [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124391 (дата обращения: 25.03.2017).

4. Oliker O. Will Russia Continue to Play the Role of Spoiler? // Center for Strategic and International Studies. Official web-site. 2017. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/161215_GF2017_chapter4_oliker_russia_spoiler.pdf (accessed: 25.03.2017).

5. Russia's Path to Another Resurgence // Strategic Forecasting Inc. Official Web-site. December 1, 2016. URL: https://www.stratfor.com/analysis/rus sias-path-another-resurgence (accessed: 25.03.2017).
6. Belarus Will Not Forget Russia // Strategic Forecasting Inc. Official Web-site. January 16, 2017. URL: https://www.stratfor.com/analysis/belarus-will-not-forget-russia (accessed: 24.02.2017).
7. Georgia Re-Assesses Its Position. Strategic Forecasting Inc. Official Web-site. February 7, 2017. URL: https://www.stratfor.com/analysis/georgia-re-assesses-its-position (accessed: 25.03.2017).
8. Payback Time for Russia's Federal Government // Strategic Forecasting Inc. Official Web-site. January 30, 2017. URL: https://www.stratfor.com/analysis/ payback-time-russias-federal-government (accessed: 25.03.2017).

ДОВЕРИЕ В СЕМЬЕ КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ ДОВЕРИЯ В СЕТИ ЧУЖОМУ ЧЕЛОВЕКУ

TRUST IN THE FAMILY AS A WAY TO PREVENT TRUST IN THE WEB A STRANGER

Е.П. Крючкова
Алтайский государственный университет
E.P. Kryuchkova
Altai State University

Рассмотривается проблема доверия в семье, доверие между подростком и родителями и способы профилактики доверия чужому человеку в социальных сетях.

In this article I will consider the problem of the trust in the family, the trust between a teenager and parents and the ways to prevent from trusting a stranger in social networks.

Ключевые слова: доверие, доверие в семье, социальные сети
Keywords: trust, trust in the family, social networks

Проблема доверия всегда была актуальной, но в настоящее время приобретает новое звучание в связи со сложными жизненными ситуациями [1] в обществе социальной неопределенности и риска [2]. Проблеме доверия в современных условиях посвящен ряд диссертационных работ [3; 4]. Я бы хотела рассмотреть такой аспект доверия, как доверие в семье.

Современное общество наполнено неопределенностью и различными рисками: экономическими, природными, политическими, техногенными, идентификационными. Отдельно можно выделить социальные риски.

Социальные риски – риски, в преодолении которых участвует все общество, и большая часть членов общества подвержена им, для них характерна вероятность всеобщих потерь, затрагивающих элементы качества жизни людей и минимизируемых при условии реализации социальной ответственности всех членов общества [5].

В современном обществе можно выделить такие типы социального риска: преступность; безработица; низкий уровень жизни; расслоение населения по уровню доходов; дезадаптация. Все эти риски активно воздействуют на социальное положение людей [6]. Особенно много трудностей возникает у подростков.

В настоящее время родители стараются обеспечить семью материально, и времени на детей не хватает. Подросток чувствует себя одиноким, у него нет возможности выговориться, поделится чувствами со своими родителями. Когда подростку не хватает реального общения, он может его в социальных сетях.

Хорошо, если подросток умеет общаться в Сети: соблюдать нормы общения, не передавать свои данные, сообщать родителям о любых разговорах на тревожные темы, контролировать публикуемый в Сети контент.

Но если это не так, он может довериться незнакомому человеку, вступить в деструктивные сообщества, что в итоге может негативно повлиять на его психическое, а порой и физическое состояние.

В группе риска находятся подростки, у которых в жизни нет значимых взрослых. Родителям нужно мягко налаживать с ними контакт, основой для сохранения которого служит искренняя заинтересованность во всем, что происходит в жизни ребенка. Но контакт никогда не возникает сам собой.

Когда говорится о взаимопонимании, эмоциональном контакте между детьми и родителями, имеется в виду некий диалог, взаимодействие ребенка и взрослого друг с другом. В каждой семье объективно складывается определенная, не всегда осознаваемая ее членами система воспитания. Здесь подразумевается и понимание целей воспитания, и формулировка его задач, и более или менее целенаправленное применение методов и приемов воспитания, учет того, что можно и чего нельзя допустить в отношении ребенка.

В каждой семье есть свой путь развития отношений и воспитания детей. Психологи выделяют три стиля семейного воспитания: демократический (стиль согласия), авторитарный (стиль подавления), попустительский (ребенок предоставлен сам себе). Для формирования доверия между родителями и подростком наиболее подходит стиль согласия.

Демократичные родители ценят в поведении подростка и самостоятельность, и дисциплинированность. Они сами предоставляют ему право быть самостоятельным в определенных областях своей жизни; не

ущемляя его прав, одновременно требуют выполнения обязанностей. Контроль, основанный на теплых чувствах и разумной заботе, обычно не слишком раздражает подростка; он часто прислушивается к объяснениям, почему не стоит делать одного и стоит сделать другое. Формирование взрослости при таких отношениях проходит без особых переживаний и конфликтов [7].

Таким образом, необходимо давать подросткам возможность выражать свои эмоции, делиться идеями и планами, выслушивать их, устанавливать с ними доверительные отношения и быть для них не только родителями, но еще и друзьями. Тогда у них не будет возникать желания искать мнимой поддержки извне, контактировать с сомнительными людьми и вступать в «плохие» сообщества. Стоит рассказывать подросткам о смерти и ценности жизни, о ценности их самих. В комплексе это создаст хорошую атмосферу в семье и будет препятствовать вовлечению подростков в сомнительные предприятия, а здоровая система ценностей создаст критическое отношение к информации, поступающей из различных источников.

Список литературы

1. Мальцева А.В. Особенности влияния социальной идентичности на решение сложных жизненных ситуаций в социальной группе студентов (на примере студентов высших учебных заведений Алтайского края в начале XXI века): дисс. …к.соц.н.: Алтайский гос. университет, Барнаул, 2004. Режим доступа: https://elibrary.ru/item. asp?id=16048375 (дата обращения: 22.06.2017).

2. Шилкина Н.Е. Социальная адаптация студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности риска: особенности и тенденции (по материалам социологических исследований начала XXI в.): дисс. …д.социол.н.: Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт Петербург, 2015 [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp? id=24001703 (дата обращения: 22.06.2017).

3. Дюндина М.А. Доверие в предпринимательской среде как ресурс интеграции российского региона: дисс. …к.соц.н.: Саратовский гос. техн. ун-т им. Гагарина Ю.А.. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=22343418 (дата обращения: 22.06.2017).

4. Ларина А.К. Жизненный цикл доверия в российских предпринимательских кузнецова Ульяновск, 2012 [Эл.ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=19278931 (дата обращения: 22.06.2017).

5. Шарин В.И. Социальные риски как угрозы социальному положению и защита от них // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. №6. С. 118-124.

6. Самсонкина Е.А., Муха В.Н. Социальные риски в современном российском обществе //Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам XLI-XLII

международной научно-практической конференции № 9-10(40). Новосибирск: СибАК, 2014. Режим доступа: https://sibac.info/conf/social/xli/39607 (дата обращения: 08.09.2017).

7. Остапчук Л.Ю. Психология семейных отношений и формирование личности // Сервис в России и за рубежом. 2008 [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/psihologiya-semeynyh-otnosheniy-i-formirovanie-lichnosti (дата обращения: 29.06.2017).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕКРУТИНГ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

INTERNATIONAL RECRUITING AS A ELEMENT OF INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION

И.Ю. Кузнецова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
I.Yu. Kuznetsova
Lobachevsky University

Рассматривается вопрос об интернационализации высшего образования на примере одного из крупнейших региональных ВУЗов России – ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

This article examines the issue of internationalization of higher education on the example of one of the largest regional Universities in Russia – Lobachevsky University.

Ключевые слова: рекрутинг, интернационализация, глобализация, международное образовательное сообщество, международный рынок труда, дистанционная работа

Keywords: recruiting, internationalization, globalization, international educational community, international labor market, distance work

Мировое сообщество переживает качественные перемены, вызванные расширяющимся процессом глобализации экономических, социальных и культурных процессов. В свете происходящих перемен международный рынок образовательных услуг также изменяется, превращаясь в стремительно развивающийся сектор экономики. С развитием процессов глобализации и интернационализации экономики и бизнеса перед высшим образованием современного государства встают такие цели, как подготовка профессиональных кадров, способных эффективно работать в меняющихся условиях глобального рынка, что невозможно без талантливых ученых и

преподавателей, которые сами обладают высоким уровнем квалификации, мобильности, адаптивности и творческого потенциала.

Интернационализация образования направлена на повышение качества преподавания и исследований в вузе, формирование и поддержание положительной репутации вуза в стране и мире, формирование новых международных стандартов образовательных программ, интеграции международных образовательных стандартов в учебные программы вуза, на распространение идеалов взаимного уважения многонационального и многокультурного сообщества, совершенствование образования за счет международного опыта, обеспечение занятости специалистов с высшим образованием на международном рынке труда, формирование у выпускников высших учебных заведений качеств и знаний, необходимых для работы не только на внутреннем рынке, но и за пределами собственной страны.

Развитие международного межвузовского сотрудничества открыло возможности организации совместных исследовательских проектов, программ обмена для студентов, аспирантов и преподавателей, специальных программ привлечения иностранных студентов. Коммуникативные технологии, дистанционное обучение, а также применение новейших технических средств способны не только дополнить, а иногда и заменить непосредственные контакты, поездки студентов, преподавателей и исследователей виртуальной мобильностью, что позволяет сделать международное сотрудничество университетов более информативным и интенсивным.

Рассмотрим этот процесс на примере ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Данный университет, являясь передовым региональным ВУЗом, вовлечен в процесс интернационализации, что выражается в активном введении международного компонента во все функциональные сферы вуза, затрагивающие не только учебную деятельность, но и исследовательскую, и административную, что направлено на достижение уровня образования, который соответствовал бы потребностям современного международного социума и подготовку квалифицированных кадров для национальной экономики. Участие в международном образовательном сообществе способствует внедрению лучших стандартов европейской корпоративной культуры в работу университета, основанной на таких ценностях, как «Профессионализм», «Командный дух» и «Новаторство», которые воплощаются в ежедневной деятельности университета, включая не только образовательный процесс, но и организацию и методы управления, профессиональное развитие сотрудников и продвижение инновационных идей.

Лидирующие университеты мира имеют интернациональный состав научно-педагогических работников, а доля иностранных преподавателей и

исследователей используется при расчете показателей мировых рейтингов QS и THE. Соответственно, создание системы международного рекрутинга является одним из приоритетных направлений интернационализации ННГУ им. Н.И. Лобачевского, что, в свою очередь, способствует повышению конкурентоспособности ВУЗа в новой глобальной экономике. Одной из стратегий интернационализации университета является привлечение иностранных преподавателей и ученых, зарекомендовавших себя на международном образовательном рынке, а также талантливых аспирантов и докторантов к работе в России, что обеспечивает экономическое развитие вуза и повышает уровень конкурентоспособности вуза не только на внутреннем, но и внешнем рынках.

Привлечение в университет профессоров и исследователей из разных стран расширяет социокультурные связи студентов и преподавательского состава, раздвигает рамки научных исследований, обогащает учебные программы, способствует введению новых программ, новых технологий обучения, развитию новых научных направлений и подходов к проведению исследований, а также внедрению инновационных методов работы.

Применение новейших технических средств и программного обеспечения позволяют успешно реализовать дистанционную работу профессоров и исследователей. Так, например, в Институте биологии и биомедицины ННГУ им. Н.И. Лобачевского профессора из Испании и Германии читают лекции и проводят практические занятия в аудиториях, оснащенных средствами видеофиксации. Записи занятий хранятся на кафедрах. При желании обучающиеся могут просмотреть запись занятия повторно. К тому же, ученые постоянно находятся на связи (Skype, Viber, WhatsApp, электронная почта) и могут оперативно дать консультацию или ответить на вопрос.

Национальная система высшего образования не может развиваться вне глобальных процессов и тенденций мирового рынка труда. Приглашение высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, включая бывших резидентов РФ, специалистов, имеющих опыт работы в зарубежных и ведущих российских научных и образовательных центрах, является важным элементом стратегии быстрого роста научно-образовательного потенциала, обновления персонала и продвижения университета на международном рынке.

Процесс глобализации и интернационализации экономики, равно как и выход ВУЗа на международный рынок, способствуют повышению качества образования.

ИЗМЕНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

CHANGES INTO THE MODEL OF FAMILY VALUES AT DIFFERENT STAGES OF FAMILY LIFE

А.В. Курамшев
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.V. Kuramshev
Lobachevsky University

В условиях трансформации российского общества анализируются изменения моделей семейных ценностей.

Changes into models of family values are analyzed in the context of transforming Russian society.

Ключевые слова: ценность, модели семейных ценностей
Keywords: value, models of family values

Понятие «ценность» было введено в научный оборот в середине XIX в. Оно весьма широко используется в социологической и философской литературе для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности. В социологии ценности рассматриваются как элементы общественного сознания и культуры, выполняющие по отношению к личности нормативные функции.

М. Вебер понимал под ценностями обобщенные цели и средства их достижения, обеспечивающие интеграцию общества и помогающие индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Он полагал, что именно система ценностей образует внутренний стержень культуры. Она оказывает и «обратное» влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших направляющих социального действия, поведения индивидов.

Иное определение ценностей используется в социально-психологических и антропологических исследованиях, например, Ч. Моррис связывает ценности с предпочитаемым поведением человека [1], К. Клакхон определяет их желаниями, оказывающими влияние на выбор доступных способов, средств и целей действия людей [2].

В.А. Ядов использовал понятие «ценностные ориентиры» – личные социально значимые жизненные цели. Именно они, по его мнению, являются главными критериями принятия важных решений морального выбора [3].

Таким образом, ценностные ориентации – это сложная система важнейших элементов внутренней структуры личности. Они закрепляются опытом индивида и выступают в качестве критерия выбора поведения, значимой деятельности. Устойчивость ценностей характеризуют зрелую личность. Они являются связующим звеном между личностью и обществом, в котором она живёт.

Подходя к анализу семейных ценностей с точки зрения социологии, необходимо обратить внимание на то, как менялось брачное поведение в России. В статье «Эволюция семейной жизни» [4], начатой А.Г. Вишневским, а законченной в соавторстве с С.В. Захаровым и Е.И. Ивановой, авторы, обращаясь к истории развития семейных отношений, анализируют состояние современной российской семьи. В процессе эволюции института брака на протяжении 100 лет они выделяют три главных этапа.

На первом этапе, продолжавшемся примерно до середины 1930-х гг., развитие брачно-семейных отношений имело либеральную направленность («меньше государства»). Второй этап – с середины 1930-х до середины 1950-х гг. – характеризовался тенденцией к жесткому регулированию брачно-семейной сферы («больше государства»). На третьем этапе, начиная с середины 1950-х гг., шло возвратное движение к либерализации брачно-семейных отношений.

Эволюция института семьи и брака в России характеризуется: увеличением числа незарегистрированных браков; увеличением доли внебрачных рождений; увеличением возраста вступления в первый брак. В результате этих изменений средний возраст жениха и невесты в России быстро увеличивается. Более интенсивное «постарение» брачности у мужчин вызвало увеличение средней разницы в возрасте жениха и невесты при первом браке.

Процесс трансформации моделей распределения ролей в советской семье можно охарактеризовать как постепенный переход от патриархальной модели к эгалитарным нормам. В СССР идеология равноправия полов и социального раскрепощения женщины была возведена в ранг государственной политики, при этом нормативно декларировалась социальная значимость сочетания профессионального труда и материнства. Однако в массовом сознании продолжали господствовать патриархальные нормы и гендерные стереотипы о традиционном распределении ролей в семье. В результате сформировалась модель распределения семейных ролей, которую можно обозначить как модель «двойной нагрузки», поскольку двойная занятость женщины (в производственной и семейно-бытовой сферах) признавалась социальной нормой [5].

В 1990-х гг. в процессе трансформации российского общества изменились условия функционирования экономики, произошли принципиальные изменения в формах собственности. Результатом этих процессов стало социальное расслоение занятого населения [6]. Либерализация общественной жизни, расслоение общества по доходам граждан, расширение возможностей профессиональной самореализации личности в условиях конкуренции определили формирование новых типов моделей распределения ролей в семье: неопатриархальную/спонсорскую и эгалитарную модель.

Неопатриархальная модель (мужчина-кормилец/спонсор, женщина-домохозяйка). В этой модели женщина-домохозяйка не работает, материально зависит от мужа, но при этом бытовые обязанности перекладываются на наемных работников или родственников.

Вместе с тем, современные условия рыночной экономики ориентируют на занятость обоих супругов, что сказывается на более симметричном распределении домашних обязанностей.

Стоит обратить внимание на то, что зачастую модель семейных ценностей зависит и от этапа семейного цикла. На стадии формирования семьи, особенно среди молодежи, доминируют представления об эгалитарной модели распределения семейных ролей как о наиболее желанной. Этому способствуют как ориентация на реализацию в профессиональной сфере, так и материальные трудности начала семейной жизни. При выборе брачного партнера важными факторами является схожесть образа и стиля жизни, что во многом связано с общей ориентацией молодежи на либерально-индивидуалистические ценности, среди которых доминирует самореализация, семья при этом рассматривается зачастую как обязательное условие полноценной творческой жизни.

Однако в ходе изменения структуры семьи, связанного, как правило, с появлением детей, все чаще российским супругам приходится переходить на патриархальную/неопатриархальную модель, или модель двойной женской нагрузки, которые базируются на «традиционном» разделении гендерных ролей на мужские и женские. С нашей точки зрения, это можно частично объяснить тем, что модели родительских ролей (мать, отец) более консервативны и инертны в общественном сознании. Если супружеские роли изменились в сторону эгалитарности: супруги ориентированы на достижение гендерно нейтральных общественных ценностей – самореализация, материальный достаток, общественное признание, то родительские роли остаются на иной позиции: «папа может быть кем угодно, только мамой не может быть».

В современном обществе отцовство обретает совершенно новые свойства. «Новый отец» совершенно не похож на идеального отца прошлых времен.

Американский социолог Р. Ла Росса отмечает, что социальные нормы более инерционны, чем поведение, что приводит к вариативности и разбросу в реальном поведении. При этом идеалы, в том числе транслируемые СМИ, оказываются трудно достижимыми для большей части населения, что приводит к увеличению числа отцов, переживающих амбивалентность и чувство вины, поскольку они пытаются соотнести себя с образом «нового» отца, но у них не всегда это получается [7].

«Передовой, современный» отец наиболее часто представляется американскими исследователями как разделяющий идеалы либерального феминизма. Такой отец, как правило, мужчина европейского происхождения, представитель среднего класса, свободный от стереотипов мышления, способный разделить ответственность за воспитание ребенка и участвующий в ведении домашнего хозяйства.

Европейские исследователи рисуют немного другие идеалы отцовства. Например, А. Митчерлих так описывает «удавшиеся отношения между отцом и сыном». Если сын имеет другие склонности и интересы, нежели отец, например, интеллектуальные склонности в противоположность ремесленным, отцу необходимо это поддерживать, принимать эти склонности всерьез, даже если он при этом с трудом может представить себя образцом и «идеальным Я» своего сына. Необходимо предоставить сыну инициативу и автономию. «Авторитет отца проявляется более в надежности и уравновешенности, которую можно распознать по его деятельности, нежели в злоупотреблении властью, когда отец принуждает сына делать то же самое, что и он» [8].

За последние десятилетия, несомненно, произошли значительные изменения в отношениях отцов и детей и в социальном образе отца, но они до сих пор протекают в относительно узких границах среднего класса.

Мужчины непоколебимо настаивают на незаменимости матери, как только в семье появляются дети, мужья/отцы более или менее последовательно обращаются к традиционной модели – мужчина как кормилец семьи, женщина как воспитательница детей. Преобладающее большинство мужчин все еще ожидает от женщины альтернативного выбора между профессиональной карьерой и ребенком.

Изменения ценностных основ семейного уклада происходят параллельно изменению жизненного цикла семьи, что в ряде случаев может приводить к конфликтам и недопониманию между членами семьи, а порой способствовать и ее распаду. Семья, которая создавалась изначально с ориентацией на одну модель – эгалитарную, становится традиционной/патриархальной, с жестким гендерным разделением внутрисемейных обязанностей.

Список литературы

1. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1958. С. 56-124.
2. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию / К. Клакхон. СПб: Евразия, 1998. 453 с.
3. Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР. Т. 2. М.: Мысль, 1966. С. 187-207.
4. Вишневский А.Г. Эволюция семейной жизни // Экология и жизнь. 2008. №7. С. 6-11; Вишневский А.Г., Захаров С.В., Иванова Е.И. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008.№ 9. С. 4-9.
5. Хасбулатова О.А. Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // Женщина в российском обществе. 2011. №3. С. 4-12.
6. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т.И. Заславская. М.: Дело, 2004. С. 286-287.
7. La Rosa R. Fatherhood and social change // Kimmel M.S., Messner M.A. (Eds.) Men's Lives. – New York: Macmillan, 1992. P. 532.
8. Mitscherlich A. Auf dem Weg zur vaterlosen Gesellschaft / A. Mitscherlich. München, 1963. S. 171.

ОЖИДАНИЯ ПОСТУПИВШИХ НА СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СОЦИОЛОГИЯ» И «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА» ФСН ННГУ

EXPECTATIONS OF FIRST-YEAR STUDENTS STUDYING SOCIOLOGY AND SOCIAL WORK AT THE FACULTY OF SOCIAL SCIENCES OF LOBACHEVSKY UNIVERSITY

Л.С. Курносова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
L.S. Kurnosova
Lobachevsky University

На материалах ежегодного письменного опроса студентов первого курса ФСН ННГУ, поступивших на специальности «социология» и «социальная работа», анализируются их ожидания от обучения в университете и студенческой жизни.

Based on the data from the annual written interview of first-year students studying Sociology and Social Work at the Faculty of Social Sciences of Lobachevsky University the paper analyzes their expectations from studying at the university and student life.

Ключевые слова: ожидания, студенты
Keywords: expectations, students

Впервые в студенческую аудиторию автор вошел тридцать лет назад. Изменилась страна, изменились люди, изменилась система образования. В данном тексте затрагиваются только изменения в профессиональной сфере. Образование переведено в сферу услуг, что логично требует изучения потребностей и ожиданий клиента. В качестве клиентов выступают как родители поступивших (особенно если они оплачивают образование и материально поддерживают студента), так и сами молодые люди, стоящие на пороге жизни и вступающие в совершенно новый для них ее этап. Знание и понимание их ожиданий от этого этапа жизни необходимы для успешного ведения учебного процесса. Переход школы на новые программы и сдачу ЕГЭ привел к формированию определенного типа мышления и личности, которые необходимо учитывать в учебном процессе. Этот переход породил массу проблем, с которыми вузы сталкиваются ежедневно, но в данном случае предполагается рассмотреть не проблемы, а ожидания молодых людей, их «заказ на обучение в университете и студенческую жизнь». Это рассмотрение имеет и субъективный аспект, состоящий в принадлежности автора и студентов к разным поколениям, который не может игнорировать ни один преподаватель соответствующего возраста. Поэтому с 2014 г. по настоящее время в качестве знакомства автор проводил сплошной анкетный опрос первокурсников специальностей «социология» и «социальная работа».

Студентам предлагались только открытые вопросы, что неудобно для обработки, но логично, учитывая малочисленность генеральной совокупности. Целью было составить «портрет» нового курса с точки зрения их выбора вуза, специальности, планов на учебу, студенческую жизнь ожидания конечного результата их пребывания в ННГУ. Автор руководствовался потребностью совершить первичное знакомство и не претендует на всеобщность и глубину результатов и, тем более, их экстраполяцию на другие специальности и высшие учебные заведения.

Опрошено 155 студентов (около 95%) четырех наборов. Число коммерческих студентов максимально в двух первых наборах и уменьшается к последнему. Группа «социальная работа» 2017 г. состоит практически из студентов, принятых на бюджетную основу. В наборах на указанные специальности принятых на бюджетную основу всегда было больше, чем принятых на платную. Существенных различий в ответах по этому параметру не наблюдалось. Гендерный аспект рассмотреть не представляется возможным, так как мальчиков на наши специальности поступает мало, а на такой небольшой совокупности опрошенных элемент случайности слишком высок. В качестве гипотезы выдвигается положение о том, что ожидания студентов-первокурсников носят прагматический характер.

Один из вопросов, который задавался студентам, касался возможности пойти после школы работать или поступить на среднее профессиональное образование. Ответы студентов свидетельствуют об устоявшемся в современном российском обществе представлении, что только высшее образование открывает доступ к достойным видам деятельности с хорошей оплатой. Очень часто встречается мысль, что в современном обществе без него – никуда. В последнем наборе значительно чаще, чем в предыдущих, есть указание, что подобный выбор не рассматривался вообще, так как молодой человек уже с детства полагал, что будет получать высшего образования. Некоторых на это настраивали родители после того как убеждались, что дети хорошо учатся и их шансы на поступление вполне реальны. Очень редко встречались ответы, что для выпускников школ нет рабочих мест, но часто, что среднее профессиональное дает непрестижные профессии и работодатели требуют от кандидатов именно высшее образование. Пояснения обычно не даются, поэтому данные высказывания можно рассматривать как сложившиеся стереотипы, тем более что излагаются они однотипными фразами. Можно сказать, что за получением высшего образования первокурсники ожидают как минимум шанс на социальный успех.

Восприятие ННГУ им. Н.И. Лобачевского практически у всех студентов позитивное, даже у тех, кто предпочел бы поступить в более престижные вузы Москвы и Санкт-Петербурга. Университет называют лучшим вузом региона, самым престижным или одним из лучших в стране, указывают на высокий уровень подготовки и профессионализм преподавателей. Можно сказать, что оно иногда даже излишне позитивное: встречается уверенность, что студенты вуза совершают частые поездки и стажировки. У автора нет уверенности, что при этом есть понимание того, что большинство таких стажировок и поездок совершается по инициативе и за счет самих обучающихся.

От учебной деятельности первокурсники массово ожидают чего-то интересного, а от процесса знания получение удовольствия. На сложности обучения не указывают, и можно сказать, что их не ждут. Если посмотреть динамику, то ответы стали лаконичнее. Они меньше ориентированы на личные качества, которые хотел бы приобрести студент. Если раньше указывали, что хотели бы научиться усидчивости, приобрести навыки общения, то теперь часто указывают, что пришли на специальность именно потому, что общаться с людьми у них получается. Очень часто ответы не несут индивидуальности: получить профессиональные знания, полезные умения и навыки (без указания оных), но полезные для приобретения работы, хорошего места с достойной оплатой. Описывая будущую работу, первокурсники последнего набора видят ее в крупных государственных и коммерческих фирмах.

При описании внеучебной деятельности студенты многословнее, чем при описании учебной. Исключение составляет последний набор первокурсников: про работу у них чаще написано больше, чем про студенческую жизнь. Это можно объяснить степенью активности студенческого совета факультета, представители которого еще не посетили курс к моменту анкетирования. Однако установки и ожидания у этого курса те же, что и у других наборов: раскрыть свои таланты, весело провести время. Ни в одном потоке развитие собственных способностей не увязывалось с учебным процессом, а рассматривалось как времяпрепровождение. Умение общаться – важный профессиональный навык, и об этом упоминали при описании видения будущей работы, но никогда, если речь шла об учебном процессе. В этом видна установка на освоение знаний как пассивный процесс – всегда «получить». Как вещь. Как услугу. Собственная активность не принимается во внимание. В сочетании с ориентацией на удовольствия и интересное вузы получают проблему, которая вырастает пропорционально росту времени на самостоятельное обучение студента и практические занятия.

Гипотеза подтвердилась частично. При общей прагматической ориентации на будущую работу представления первокурсников показывают, что они плохо знают реальный рынок труда и их представления о своей будущей профессии на нем скорее идеалистичны. От внеучебной деятельности во всех потоках превалирует желание раскрыть свои таланты и найти новых друзей: прагматичность этих желаний не просматривается. Скорее речь идет о стремлении увеличивать свой круг общения и искать «друзей на всю жизнь».

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ТУРИНДУСТРИИ

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE SYSTEM TRAINING FOR TOURISM INDUSTRY

Н.П. Кущёв
Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева
N.P. Kushchev
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Анализируются результаты исследования подготовки специалистов для туриндустрии, рассмотрены современные тенденции развития туриндустрии, результаты реализации ФЦП, направленных на развитие въездного и внутреннего туризма, создание условий для сельского и агротуризма, даны предложения по повышению качества образования на основе формирования

профессиональных компетенций, выявлена взаимосвязь процессов преобразования в высшей школе и туриндустрии, приведены принципы формирования аграрного туристского образования.

The article analyzes the results of a study of training for the tourism industry, considers the current trends in the development of the tourism industry, the results of the Federal program aimed at the development of inbound and domestic tourism, creating conditions for rural and agrotourism and suggestions to improve the quality of education on the basis of formation of professional competence, the interrelation of change processes in higher education and the tourism industry, the principles of formation of the agricultural tourism education.

Ключевые слова: туризм, туристская индустрия, подготовка специалистов, профессиональные компетенции, образовательные и профессиональные стандарты, въездной и внутренний туризм, сельский и аграрный туризм

Keywords: tourism, tourism industry, training, professional competence, educational and professional standards, tourism, rural and agrarian tourism

Туризм – одно из перспективных направлений современной экономики России, нацеленного на удовлетворение потребностей личности и повышение качества жизни населения. При этом необходимо отметить, что в условиях неустойчивой ситуации на мировых рынках туризм более стабилен по сравнению с другими отраслями экономики.

Приоритеты государственной политики и перспективы дальнейшего развития туризма в России определены Федеральной целевой программой «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации 2011-2018 годы» и Государственной программой РФ «Развитие культуры и туризма на 2013-2020 годы» (далее ФЦП) [1]. Благодаря успешной реализации мероприятий, предусмотренных в указанных ФЦП, туристская индустрия России, несмотря на ухудшение международной обстановки, активно развивается. Создание особых туристских зон, увеличение объектов туристской инфраструктуры, подготовка и проведение крупномасштабных мероприятий мирового значения позволили дополнительно создать в России около 1 млн. рабочих мест [2], а их успешная реализация позволила придать мощный импульс развитию въездного и внутреннего туризма как в принимающих кластерах, так и по всей стране. При этом анализ качества обслуживания объектов Олимпиады 2014 г. в Сочи показал, что для обеспечения качественной организации работы потребовалось дополнительно привлечь 135 тыс. чел. (сектор гостеприимства). Подчеркнём, что рабочие места комплектовались сразу *специалистами соответствующего профиля*, которые в отличие от

волонтеров способны обеспечить эффективное использование созданной инфрастуктуры («наследие мегапроектов»).

В то же время отметим устойчивый рост внутреннего туризма за счёт активного стремления регионов использовать возможности туризма для своего экономического развития, в том числе и сельских территорий. Несомненно, наиболее важным представляется развитие сельского и аграрного туризма в целях обеспечения: занятости жителей сельских поселений; стабилизации численности, повышения уровня и качества жизни сельского населения; развития малого предпринимательства; создания современной инфраструктуры; развития дорожно-транспортной сети. Вместе с тем, наиболее значительным препятствием развитию туризма на селе является, в том числе, отсутствие квалифицированных специалистов в органах местной власти, способных создать условия для туристической привлекательности своего муниципального образования. Так, по мнению Е.Л. Колесовой: «За последние годы в органах местного самоуправления России накопились острые кадровые проблемы, связанные в первую очередь с недостаточным профессиональным уровнем муниципальных служащих…» [3]. А Е.Е. Кабанова на основании проведённого исследования делает обоснованный вывод, что формирование профессионального и эффективного кадрового состава муниципальной службы является одним из наиболее значимых факторов развития туристической привлекательности муниципального образования [4].

По экспертным оценкам специалистов Ростуризма, представителей турбизнеса и социологов, около 70% российских работников сферы туризма, в том числе аграрного, *не имеют базового профессионального образования*. Крайне мало специалистов, имеющих опыт обслуживания туристов на международном уровне. Особо отмечается дефицит современных менеджеров-управленцев, способных самостоятельно прогнозировать и решать профессиональные задачи в условиях обостряющейся международной конкуренции. В таких условиях решение данной проблемы возможно лишь при резком увеличении объёмов подготовки квалифицированных специалистов. Причём, перед образовательными организациями страны стоит задача подготовки кадров синхронно с созданием объектов туризма и рекреации. В настоящее время в России на направлениях подготовки УГНП «Сервис и туризм» обучается около 60 тыс. студентов в более чем 200 учебных заведениях высшего образования [5]. Кроме того, подготовку специалистов осуществляют: среднего звена – 50 учебных заведений СПО; начального профессионального образования – только крупные, сетевые турорганизации (в незначительных количествах). Повышение квалификации и переподготовку способны осуществлять лишь профильные вузы и организации ДПО.

Смена образовательной парадигмы высшей школы кардинальным образом изменила стратегию подготовки туристских кадров, когда образовательные программы формируются с учётом профессиональных стандартов и потребностей региона. В связи с этим, решается задача построения такой системы обучения, которая позволила бы обеспечить будущих специалистов набором необходимых профессиональных компетенций, соответствующих запросам субъектов рыночных отношений. Следовательно, вопросы развития профессионального туристского образования необходимо рассматривать во взаимосвязи процессов преобразования в сфере туристской индустрии и реформирования российской высшей школы. Профессиональная компетентность специалиста по туризму, определяется как готовность и способность эффективно осуществлять профессиональную деятельность на основе интегрированных знаний, умений и навыков, а также личностных качеств и ценностных ориентаций, которые обеспечат ему в будущем возможность быть конкурентоспособным на рынке труда. Основной целью профессионального образования в сфере туризма является: подготовка специалистов, освоивших набор компетенций в соответствующей отрасли, владеющих профессиональными навыками, умеющих ориентироваться в смежных областях деятельности, готовых к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Вместе с тем, по мнению Ростуризма, уровень подготовки специалистов с высшим туристским образованием не в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к работникам туристской сферы. К основным недостаткам относятся: чрезмерная академичность профильного высшего образования в ущерб практической составляющей и, как следствие, выпускники недостаточно осваивают необходимые навыки практической работы; методическая обеспеченность не в должной мере отвечает реальным потребностям туристского рынка; отсутствие мониторинга потребностей туристского бизнеса в специалистах различного профиля; слабо используется в практике обучения современная материально-техническая база предприятий туриндустрии. Для решения существующих проблем требуется тесное взаимодействие вузов и предприятий туриндустрии по выработке единых подходов в подготовке специалистов на основе образовательных и профессиональных стандартов с учётом профессиональных компетенций.

Качество профессиональной подготовки специалистов для туриндустрии зависит от полноты освоения ими профессиональных компетенций как ключевого критерия готовности выпускника к профессиональной деятельности. В настоящее время перед высшей школой России стоит задача построения именно такой системы подготовки кадров, которая позволила бы обеспечить

будущих специалистов набором необходимых специальных компетенций, соответствующих запросам субъектов рыночных отношений. Реализация компетентностного подхода при переходе к образовательным стандартам нового поколения является необходимым условием, так как объективно оценить качество подготовки специалиста возможно лишь через его готовность к профессиональной деятельности.

Систему туристского образования, целесообразно формировать на принципах: ориентированности на практическую подготовку с учетом лучших мировых профессиональных стандартов: предоставления возможности выбора обучающимся индивидуальной образовательной траектории с обеспечением её непрерывности и применения сетевых образовательных программ; использования современных информационных технологий; сертификации образовательных программ на основе международных стандартов качества.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 02.08.2017 г. № 644 «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 гг.)» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118424/ (дата обращения: 08.09.2017); Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013-2020 гг.» № 2567-р. // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140136/ (дата обращения: 08.09.2017).

2. Кущёв Н.П. Туризм как объект социологического анализа в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. №1 (34). С. 63-68.

3. Колесова Е.Л. Кадровый потенциал органов местного самоуправления: состояние и тенденции // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. №2 (41). С. 16-20.

4. Кабанова Е.Е. Управление развитием туристической привлекательности муниципальных образований Российской Федерации: социологический анализ: дисс. …к.социол.н. М.: 2015.

5. Угрюмов Е.С. Об организации взаимодействия с советами по профессиональным квалификациям в индустрии гостеприимства и объединением работодателей // Материалы заседания ФУМО по области образования «Науки об обществе» 28 октября 2016 г. М.: АНО ВО «Российский новый университет». 2016. С. 2-7.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИИ

EDUCATION AS A FACTOR OF LABOUR FORCE REPRODUCTION IN RUSSIA

Е.А. Лазукова
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
E.A. Lazukova
Perm National Research Polytechnic University

Представлен анализ статистики в сфере занятости России. Выявлена тенденция к повышению уровня образования среди экономически активного населения. Это снижает предложение рабочей силы на низковалифицированные виды деятельности. Данные явления происходят на фоне снижения числа занятых на рынке труда в целом.

Presents an analysis of the statistics in the employment of Russia. There is a tendency to increase the level of education among the economically active population. This reduces the labor supply at discoveryfailure activities. These phenomena occur when the decrease in the number of employed in the labour market.

Ключевые слова: экономически активное население, рабочая сила, отрасли экономики, инфляция образования

Keywords: economically active population, labor force, branches of economy, education inflation

Нынешний рынок труда в России сформировался во многом за счет процессов приватизации и конверсии. Начало 1990-х ознаменовалось спадом производства, что не могло не сказаться на социальной структуре, на профессионально-квалификационной структуре предприятий. Присоединение России к Болонскому процессу подразумевало, что образование должно стать открытым, доступным и мобильным. Это вселяло надежду на то, что увеличатся возможности формировать оптимальный баланс между спросом и предложением рабочей силы на рынке труда.

Число экономически активного населения страны на протяжении 1990-х гг. снижалось и стало восстанавливаться лишь в 2000-е [1, с. 76; 2, с. 91]. По-видимому, финансовые кризисы 1998 и 2008 гг. также отразились на численности занятых в экономике в процентах к экономически активному населению (в виде ее сокращения в последующие за кризисами годы). Так, в 2015 г. этот показатель (отношение числа занятых в экономике к экономически активному населению) едва приблизился к значению 1992 г.

С 1990-х гг. в России снижается доля занятых в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве [2, с. 93; 3, с. 80]. Значительнее всего эти изменения происходят в сфере промышленности – динамика отраслевого аспекта занятости показывает, что к 2015 г. доля работающих в промышленности снизилась примерно на 11%. Так же число возросла доля занятых в сфере торговли.

Заметна негативная динамика в сфере лесного и сельского хозяйства: за анализируемые 23 года доля работников данной отрасли экономики сократилась более, чем на 5%. Положительная динамика намечается в сфере управления (+3.6%) и финансовом секторе экономики (+1.2%).

Такое перераспределение рабочей силы из сферы производства в сферу услуг в какой-то мере связано с автоматизацией труда. Подобное перераспределение было характерно для промышленно развитых стран [4, с. 343] и наблюдалось на Западе в 1970-80-е гг. [5, с. 310]. Некоторые российские ученые объясняют его конкуренцией различных отраслей экономики за рабочую силу [6, с. 112].

Что касается образованности работников (Табл. 1), то доля занятых в экономике с высшим образованием постоянно растет (с 1992 до 2015 г. выросла в 2 раза), в то время как за рассматриваемый период заметно упала доля работников, имеющих лишь среднее общее образование (почти в 2 раза) и самый низкий уровень образования (более чем в 4 раза). В целом, видна тенденция к повышению уровня образования, связанная, в первую очередь, с ростом престижа высшего образования. Для общества высшее образование социально важно, однако его развитие идет не интенсивным, а экстенсивным путем.

Таблица 1

Уровень образования занятых в экономике России в 1992-2015 гг. (в %) [1, с. 82; 2, с. 97; 3, с. 83; 7, с. 67; 8, с. 39]

Уровень образования	**1992**	**1995**	**2000**	**2015**
Высшее	16.1	18.4	21.6	33.0
Неполное высшее	1,.7	1.5	4.5	-
Среднее профессиональное	31.6	33.3	28.7	45.0
Начальное профессиональное	-	-	11.0	-
Среднее общее	32.9	33.2	23.5	18.4
Основное общее	14.5	11.9	8.7	3.4
Не имеют основного общего	3.2	1.7	2.0	0.2

В связи с процессами гуманитаризации образования в 1990-е гг. сокращение специалистов со средним профессиональным образованием затронуло лишь сферу производства, что привело к структурной безработице на российском рынке труда (повышение спроса и одновременно нехватка

квалифицированных рабочих). Процессы гуманитаризации по сути своей позитивны, однако большое количество работников гуманитарной ориентации в системе разделения труда не требуется.

Среди женщин в сравнении с мужчинами больше доля индивидов с более высоким уровнем образования [1, с. 82; 2, с. 97]. В перспективе, скорее всего, эти различия исчезнут или, во всяком случае, уменьшатся. Среди работающих женщин доля людей с высшим образованием растет за счет сокращения окончивших лишь 9 и 11 классов (вспомним, что в 2012 г. образовательный минимум в стране возрос, т.к. вступил в силу новый закон об образовании [9]). Среди мужчин же растет доля не только имеющих высших образование, но и получивших среднее (начальное) профессиональное образование.

За последние 2 десятилетия количество профессиональных образовательных учреждений, готовящих квалифицированных рабочих, сократилось почти в 6 раз, количество вузов наоборот к 2010 г. возросло почти в 2 раза с 626 до 1115 учебных заведений (затем чуть снизилось), а число ссузов почти не изменилось: оно колебалось около 2800 [2, с. 143-144; 3, с. 117-122]. Это отразилось на рынке труда нехваткой квалифицированных рабочих, породило структурную безработицу.

В связи с повышением престижа высшего образования уровень образования населения растет. При этом во многих случаях он у работников выше того уровня, который требуется для выполнения трудовых функций [10, с. 90]. Это противоречие деформирует мотивацию работников и их трудовое поведение.

Для современной России характерна инфляция образования, которая свой генезис имеет еще в советском обществе. Она выражается в том, что документ об образовании есть, а работа по нему отсутствует. В постсоветское время инфляция образования значительно усилилась за счет возможности учиться без выдающихся способностей на платной основе.

Выявленное снижение численности рабочих, скорее всего, можно экстраполировать и на будущее. Однако это нельзя назвать однозначно негативной тенденцией в экономике. Данная ситуация, возможно, связана с качественными изменениями в производстве и, в частности, с процессами автоматизации. Изменения в современном мире происходят молниеносно, в т.ч. быстро изменяются и потребности рынка труда в определенной рабочей силе.

Список литературы

1. Россия в цифрах. 2000: кратк. стат. сб. / Госкомстат России. М., 2000. 396 с.
2. Россия в цифрах. 2016: кратк. стат. сб. / Росстат. М., 2016. 543 с.

3. Россия в цифрах. 2004: кратк. стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2004. 431 с.

4. Экономико-социологический словарь / Сост. Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк, науч. ред. Г.Н. Соколова. Минск: Беларус. навука, 2013. 615 с.

5. Попов А.И. Экономическая теория: Учебник для вузов. 4-е изд. СПб.: Питер, 2006. 544 с.

6. Сорокин С.А., Треушников Р.В. Структурирование общественного производства – как результат межсекторальной конкуренции // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. С. 112-120.

7. Труд и занятость в России. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. 638 с.

8. Россия в цифрах. 1996: кратк. стат. сб. / Госкомстат России. М., 1996. 400 с.

9. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный сайт правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165984 (дата обращения: 28.04.17).

10. Симагин Ю.А. Изменение трудовой составляющей образа жизни (проект «Таганрог») // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 86-92.

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПРОСТРАНСТВО ЕВРОПЕЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФИЛОСОФИИ М.К. МАМАРДАШВИЛИ)

THE CULTURAL MEASUREMENT OF REGIONAL IDENTITY (THE SPACE OF EUROPEAN AND RUSSIAN CULTURE IN THE PHILOSOPHY OF M. MAMARDASHVILI)

Н.А. Малышкина
Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
N.A. Malyshkina
Cheboksary branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Рассматриваются философские взгляды М. Мамардашвили о противостоянии ценностных основ российского и западного социального пространства. Анализируются ограничения, налагаемые культурой на способность общества к изменениям.

The article is devoted to the philosophical views of M. Mamardashvili on the confrontation of the basic values of the Russian and Western society and the analysis of limitations imposed by culture on society's ability to change.

Ключевые слова: философия М. Мамардашвили, региональная идентичность, Европа и Россия, культура, ценностные основания

Keywords: philosophy of M. Mamardashvili, regional identity, Europe and Russia, culture, value bases

Традиционно регион определяется как пространство, культура и образ жизни. Конструктивным элементом, создающим регионы, являются коллективные идентичности, выступающие в качестве ориентиров в окружающем нас пространстве. По мнению Флойи Антиас, коллективные идентичности «заключают в себе формы социальной организации, устанавливающие границы, помечаемые маркерами идентичности, которые обозначают сущностные элементы членства»[1, с. 633]. Регион – это один из самых неопределенных пространственных уровней, в культурно-философском осмыслении довольно часто подчеркивается его цивилизационная природа. «Региональная идентичность в своей основе, как правило, имеет ценностные основания. Она может быть укоренена в исторических традициях и мифах ... в своей современной форме она представляет собой социальную конструкцию, созданную в специфическом контексте под давлением социальных, экономических и политических обстоятельств»[2, с. 94].

Поскольку идентичность – это соотнесенность чего-либо с самим собой, осуществляемая посредством связности и непрерывности собственной изменчивости, региональная идентичность есть поиск собственной отличности и специфичности того или иного пространства. Анализируя понятие «региональная идентичность», интересно обратиться к наследию замечательного отечественного философа Мераба Константиновича Мамардашвили (1930-1990), к его противопоставлению Европы (Запада) и России, размышлениям о противостоянии ценностных основ российского и западного социального пространства.

Ценностные основания региональной идентичности Европы явно проступают в оформленности социальной и культурной жизни, способной «меняться, вступать в компромисс с обстоятельствами; она в высшей степени пластична и, меняясь, всякий раз возрождается самой собою: ибо в глубине ее не угасает вера в то, что дух или бесконечное могут воплощаться в вещах, пусть и несовершенных, но являющихся зеркалом совершенного. [...] Эта «шедевральная» глубина, сформированная как католицизмом, так и протестантизмом, требует установления прямых и непосредственных отношений между словом, звучащим в глубине самого человека, и Богом» [3, с. 112]. Извечное стремление «догнать и перегнать» Европу привело российское общество к тому, что «мы устремились в некое послеевропейское состояние, не пережив никаких – не только современноевропейских, но и предевропейских состояний, упустив свой час».

Философия пространства М. Мамардашвили актуализирует «особость» России, ее исторического пути, указывая на то, что традиционно российская идентичность проистекает из своеобразия освоения окружающего пространства. Этот путь может быть параллельным или противоположным всемирно-историческому развитию, но не совпадающим с ним – мы не Европа, не Азия, мы нечто иное. Мамардашвили настаивает на том, что иное есть состояние абсурда, «третье состояние» российской социальной жизни: «Мы как бы компенсируем взаимным пониманием и человеческим обогревом неразвитость нашей социальной гражданской жизни. [...] Это своего рода варварское, архаическое состояние, оставшееся в мире *современном,* то есть мире, исключающем это аморфное состояние, мире, предполагающем сложную артикуляцию опосредований и формализаций социальной и гражданской жизни и наличие у людей культуры (если под ней понимать реальный навык и способность, силу практиковать сложность и разнообразие)» [4, с. 352].

Мамардашвили создает своеобразный образ культуры, выстроенной как пирамида, в которой от вершины к нижним этажам распространяются достижения человеческой мысли, понять и использовать которые возможно, лишь освоив в достаточной степени язык интеллектуальной элиты. Поскольку коммуникация подразумевает наличие в обществе людей, способных не только оперировать языком, в котором эти явления обозначаются как существующие, но и структурировать пространство культуры в соответствии с этим языком. В Советском Союзе ситуация оказалась обратной («перевернутая пирамида»): социокультурным последствием революционных потрясений начала XX в. явилось то, что язык низа, «язык управдомов» подменил собой остальные языки российской культуры. Как закономерный итог – в социальной действительности есть недостатки современных явлений, но отсутствуют (не сформировались) сами явления.

Непривлекательность российской идентичности, для М. Мамардашвили, более отчетливо заметна в ярких красках европейского мира, находящегося в другом пространственно-временном измерении. Он подчеркивает, что, начиная с эпохи Возрождения, европейская идентичность становится необратимо современной, поскольку смогла «возродить» и включить в свое пространство два основополагающих элемента: античную культуру (греко-римский мир) и раннее христианство (Евангелие). Важность этих элементов в европейском развитии трудно переоценить, ведь именно они привели к тому, что следует понимать под «историей», – сложный социально-индивидуальный опыт движения человека, когда он следует «внутреннему голосу, внутреннему слову, не требуя гарантии, и тогда появится сила, побуждающая к действию, преодолению, та сила, которая в конечном счете и творит историю» [5, с. 312].

Для европейского мира последовательность «духовных революций» – Возрождение, Реформация, Просвещение, – стали уникальной и счастливой случайностью, которая привела к появлению в общественном сознании понимания необходимости постоянного усилия, к обретению собственной идентичности, пространства культуры.

Различие между европейской и российской идентичностью заключено не в количестве и качестве культурных артефактов, а в том, как осуществляется «...усилие и одновременно умение практиковать сложность и многообразие жизни» [5, с. 312] на повседневном уровне. По мнению философа, европейская культура обладает пространственно-временной «плотностью», – в ней существует огромное количество «точек», в которых всегда имеются побудительные мотивы к тому, чтобы человек смог возвыситься, осуществить длительный труд по реализации в конкретных социальных формах (гражданского общества, правового государства) некоего существующего идеального совершенства (справедливости, права, свободы).

В противовес европейскому российская культурная пространственно-временная протяженность практически лишена таких цивилизованных точек, и для М. Мамардашвили, по словам Н.В. Мотрошиловой, было важно сказать следующее: «если страна имеет высокоразвитую культуру, которой она гордится, а иногда кичится, но не обращает внимания на элементарную цивилизованность, то она обречена на глубокий кризис». Экономические, политические, социальные и прочие потрясения нашей истории – лишь проявления этого кризиса, неспособности российского человека к сознательному освоению и артикуляции пространства собственной свободы.

Таким образом, пространственная компаративистика М. Мамардашвили в своих основаниях покоится на проблеме сознания. Запад и Восток – два состояния этого сознания. Первое есть состояние самостоятельного, ответственного совершеннолетия, второе – постоянной, незавершенной юности. Констатацией того, что российское общественное сознание имеет иные основания: всеобщая взаимозависимость (только вместе, ведь один в поле не воин) и надежда на прекрасное будущее, превосходящее трудности сегодняшнего дня, философ обозначил принадлежность пространственно-временного состояния России. Сравнение европейского и российского социокультурного пространства дает возможность показать роль свободы в социальном развитии, прежде всего, свободы индивидуальной мысли и слова, которые возможны в результате усилий самого человека.

Личностное усилие становится одновременно условием развития социума, ответственность человека перед самим собой предполагает преодоление соблазна навязываемого культурного смысла пространства.

Индивидуальные усилия, создающие социальную идентичность, могут способствовать тому, чтобы цивилизация стала формой социума, в противном случае общественная организация приобретет примитивные формы.

Быть может, главный вывод, который можно сделать из сравнения социокультурного пространства Европы и России, заключается в том, что идентичность, в том числе и региональная, сохраняется, пока есть люди, способные определить себя в этом пространстве, способные действовать по его законам, преодолевая встречающиеся трудности и препятствия.

Список литературы

1. Anthias F. New hybridities, old concepts: the limits of “culture” // Ethnic and racial studies. L., 2001. Vol. 24, № 4. P. 619-641.
2. Киттинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67-116.
3. Мамардашвили М.К. Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбуэн) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 100-115.
4. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию / Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: «Лабиринт», 1996. 432 с.
5. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: «Прогресс – К», 1992. 415 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

SOME ASPECTS OF THE SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF THE MODERN YOUTH

Т.Н. Марченко

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки, Республика Беларусь

T.N. Marchenko

Belarusian State Academy of Agriculture, Gorki, Belarus

Рассматриваются проблемы определения духовных и нравственных ориентиров подрастающего поколения в современном мире. Обращается внимание на актуальность подобных исследований, т.к. наше общество живёт в период перманентной трансформации. От того, насколько точно будут выбраны ориентиры молодого поколения, во многом зависит и будущее государства.

The article examines the problems of searching for spiritual and moral orientations of the younger generation in the modern world. The author draws attention to the relevance of such studies, since our society lives in the period of

permanent transformation. The future of the state largely depends on how accurately the benchmarks of the younger generation are chosen.

Ключевые слова: молодёжь, трансформация, духовно-нравственные ценности, современное общество, воспитание, подготовка специалистов

Keywords: youth, transformation, spiritual and moral values, modern society, education, staff training

Национальная стратегия устойчивого развития требует решения не только экономических, социальных, экологических проблем Республики Беларусь, но и вопросов мировоззренческого и идеологического порядка, которые в наибольшей степени отвечали бы запросам различных слоёв и групп населения. Мы живём в обществе, переживающем перманентную трансформацию. Прежняя, советская идеология оказалась неадаптивной к новым условиям и по существу неэффективной. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления проблем подрастающего поколения, так как это позволит направить усилия государства на создание необходимых условий для выбора молодыми гражданами в возрасте от 14 до 31 года своего жизненного пути, развития их потенциала для самореализации и ответственного активного участия в создании сильного государства. Поскольку молодёжь – будущее нашей страны, важно знать, с чем предстоит иметь дело обществу в дальнейшем.

Вуз является составной частью системы социализации, где студент через социально-психологические механизмы вступает во взаимодействие со всем обществом. Здесь находят отражение многие процессы, происходящие в социальной сфере. Современное высшее образование характеризуется прагматичным подходом к подготовке специалистов, что выражается в стремлении дать им больше практических навыков для будущей профессиональной деятельности. На второй план отходит воспитательная составляющая, которая направлена на формирование мировоззрения студента, его моральных и духовно-нравственных качеств, что должно помочь в выборе правильного жизненного пути.

В то же время из всех проблем молодёжи как особой социально-демографической группы исключительного внимания заслуживает вопрос формирования её ценностных и духовных ориентаций. Именно они определяют стержень личности, оказывают влияние на направленность и содержание социальной активности, общий подход к миру и самому себе, придают смысл и направление общественной позиции личности [1].

Ещё совсем недавно мы имели чёткие идеалы общественного развития. Сегодня наша страна находится в стадии поиска базовых ценностей, на которые

следовало бы ориентироваться. С одной стороны, мы «примеряем» на себя ценности Запада (рационализм, практицизм, индивидуализм), с другой – «прислушиваемся» к голосам с Востока с их ценностями коллективизма и взаимопомощи. Одновременно мы обращаемся к истокам, вспоминаем о природной самобытности белорусов, их специфической ментальности.

Ценностные ориентиры людей среднего и старшего поколения уже сформировались. Они могут меняться, но не всегда и с большим трудом. Молодёжь – это группа, которая только начинает входить в социум и готова принять любые ориентиры. Сегодня смыслообразующие ценности белорусской молодёжи складываются стихийно, во многом они иллюзорны, нередко ориентированы на идеологию потребления, нравственно расплывчаты [2].

Происходящие изменения в системе ценностей, а соответственно, и стратегии жизненных целей молодёжи, в выборе средств их достижения проявляются, в основном, в отношении к материальному богатству и способах его добывания. Согласно статистическим исследованиям, проведённым в 1990, 2000 и 2008 гг. в рамках проекта «Исследование европейских ценностей», молодые люди в критериях выбора места работы на первое место поставили высокую заработную плату (95.5% респондентов на 2008 г.). Деньги, как и карьера, вошли в число ведущих ценностей значительного числа белорусов, и в этом отношении молодёжь не является исключением.

Политическая сфера жизнедеятельности общества занимает далеко не лидирующую позицию в системе ценностей молодежи. Более 60% молодых людей совсем не интересуются политикой [3].

Важным средством воспитания и развития духовных, нравственных основ будущего поколения является семья. Именно здесь формируются жизненные установки, оттачиваются грани личности путём последовательного приобщения к вечным и живым духовным ценностям. Среди первостепенных качеств, развитие которых у детей обязательно должно поощряться дома, молодёжь выделяет следующие: трудолюбие (72.9% на 1990 г., 85.0% на 2000 г., 82.0% на 2008 г.), чувство ответственности (81.7% на 1990 г., 75.3% на 2000 г., 72.3% на 2008 г.), хорошие манеры (78.1% на 1990 г., 68.4% на 2000 г., 61.5% на 2008 г.). Самыми незначительными качествами, по мнению молодёжи, являются бескорыстие (29.5% на 1990 г., 19.0% на 2000 г., 12.8% на 2008 г.), воображение (9.2% на 1990 г., 15.8% на 2000 г., 15.5% на 2008 г.) и религиозность (4.4% на 1990 г., 6.1% на 2000 г., 7.7% на 2008 г.) [3].

Молодёжи свойственен больший, чем у старшего поколения, динамизм, смена ценностных ориентиров и ролей. Согласно результатам опроса, религиозными назвали себя 27.5% (1990 г.), 19.8% (2000 г.) и 25.0% (2008 г.) [3]. Динамика показывает снижение значения церкви в жизни молодых людей.

Подрастающее поколение чётко копирует и зеркальным образом отображает все наиболее значимые процессы, происходящие в социуме. Все вышеперечисленные особенности молодёжной среды свидетельствуют о разрушении прежних духовных устоев, моральных норм и принципов, произошедших в результате социокультурных преобразований.

В то же время в нашем государстве созрело понимание необходимости духовного возрождения. Осуществление этого процесса связано как с возвращением к общечеловеческим ценностям, так и с развитием традиционных нравственных устоев белорусского общества, основанных на добросовестности, порядочности, честности. Прогрессивное развитие Республики Беларусь по всем направлениям связано с возрождением фундаментальной основы этого процесса – нравственными, духовными ценностями, имеющими в своей основе христианскую мораль.

Особая ответственность возлагается в этом плане на аграрные вузы. Современный выпускник сельскохозяйственного вуза должен обладать не только высоким уровнем профессиональных знаний, но и быть проводником в жизнь универсальных общечеловеческих ценностей, способствующих духовному и нравственному самосовершенствованию сельчан. Для этого в работе со студенческой молодёжью надо шире использовать те традиции, которые имеют многовековую историю на белорусской земле, особенно на селе: православное учение. Это большой пласт духовных, культурных и нравственных ценностей, в которых заложены большие возможности. Духовно-нравственное воспитание и просвещение студенческой молодежи должно занять достойное место в системе воспитательной работы вуза.

Каждое общество связывает своё будущее с подрастающим поколением. И от того, насколько это поколение усвоит духовные, нравственные, культурные традиции своего государства и народа зависит его будущее.

Список литературы

1. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 38-44.
2. Борисова Л.В. Семья как основа становления личности // Актуальные задачи педагогики: материалы V междунар. науч. конф., Чита, апр. 2014 г. Чита: Изд. Молодой ученый, 2014. С. 227-229.
3. Данилова Е.И. Ценностные ориентации молодежи. Режим доступа: http://inbelhist.org/cennostnye-orientacii-molodezhi/ (дата обращения: 27.06.2017).

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ФАКТОР ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

VALUES AND ATTITUDES AS A FACTOR OF TELEVISIONS PREFERENCESOFYOUTH

Е.В. Морзавченкова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E.V. Morzavchenkova
Lobachevsky University

Представлены результаты исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи как фактора телевизионных предпочтений. Посредством факторного анализа была выделена типология, которая представляет собой четыре поведенческих модели, характеризующих отношение молодежи к телевидению. Одним из критериев для характеристики групп являются ценностные ориентации.

The article presents the results of the study of values and attitudes of student youth as a factor of television preferences. A typology was singled out by means of factor analysis, which represents four behavioral models in relation to television. One of the criteria for characterizing groups is values and attitudes

Ключевые слова: телевизионные предпочтения, ценностные ориентации, общественное мнение, молодежь

Keywords: television preferences, values and attitudes, public opinion, youth

Сегодня телевидение представляет собой медиаиндустрию, ориентирующуюся на законы рынка. Эти перемены отразились на контенте телеканалов и аудитории. Обновилась жанровая палитра, увеличилась доля прямого и опосредованного импорта зарубежной телепродукции, произошло усиление развлекательной направленности телепередач.

Транслируемая информация формирует отношение к происходящему, взгляды на жизнь. И если взрослый человек умеет фильтровать преподносимую информацию, то молодежь – не всегда. Показанные эпизоды не всегда могут быть осмыслены молодежью, так же, как и участники телепередач не всегда могут быть поняты молодым телезрителем.

Телевидение влияет на жизненные ориентации подростков, задает и продвигает стандарты жизни. Оно воздействует на поведение, формирует мировоззрение. У каждого в отношении телевидения есть определенные модели поведения в зависимости от своего характера, стереотипов, занятости. В современном мире средства массовой коммуникации, в том числе и телевидение, являются активным средством для формирования социального пространства.

Социологическое исследование «Телевизионные предпочтения студенческой молодежи» осуществлено осенью 2014 – зимой 2015 гг. Метод исследования – анкетный онлайн-опрос. Выборка целевая, 1142 человека. Среди респондентов преобладают лица молодого (77%) возраста. В качестве контрольной группы выступали лица зрелого и предпенсионного (23%) возраста.

На основе телевизионных предпочтений молодых людей была выделена типология, которая представляет собой четыре типологические группы.

1. Лояльные к деятельности телевидения (13%) – данная группа характеризуются положительным отношением к телевидению. В целом, их все устраивает, они предпочитают все новостные и развлекательные телеканалы и программы.

2. Недовольные работой телевидения (23%) – данная группа характеризуется повышенным уровнем претензий к телевидению. Молодежь данной группы характеризуется высоким показателем интереса к развлекательным телепрограммам, обладает средним показателем интереса к новостным телеканалам.

3. Молодые люди, запрашивающие просветительские программы (34%) – группа характеризуется недовольством телевидением, но суть претензий концентрируется вокруг недостаточности познавательных программ и пресыщением развлекательными. В целом, молодежь данной группы недовольна телевидением, поскольку вместо познавательных телеканалов продвигаются развлекательные.

4. Молодые люди ориентируются на развлечение (12%) – молодые люди данной группы не воспринимают телевидение источником информации, транслируемая информация не воспринимается ими важной и нужной. У них нет желания смотреть какую-то определенную программу, в основном, характер просмотра является фоновым, то есть просмотр телевизора совмещается с другими делами.

На основе выделенных групп был проведен анализ ценностных ориентаций, которые соответствуют каждой из групп.

- Лояльных привлекает стабильность. Они ни к чему новому не стремятся, им достаточно того, что имеют. Для них успех в жизни – это удачный брак, дети в браке, уважение окружающих за их профессионализм, образование, а также порядочность. Они всегда готовы оказать помощь.

- Недовольные телевидением ориентируются на достижение поставленных целей. Молодые люди в группе недовольных ориентируются на прагматический успех, т.е. стремятся обеспечить себе высокое положение в обществе благодаря материальному и статусному благополучию. Для молодых

людей данной группы важно умение адаптироваться и схватывать возможности налету.

- Группа молодых людей, запрашивающих просветительские программы, ориентируются на потребность быть принятыми в обществе. Молодым людям данной группы свойственно стремление подражать и принадлежать к какой-то группе (учебный коллектив, рабочий или ближний круг), в которой реализуются потребности в общении, в самореализации, в профессиональном росте за счет их личных качеств.

- Молодые люди, ориентирующиеся на развлечения, характеризуются желанием иметь все и сразу, не прикладывая усилий, рассчитывая лишь на индивидуальные качества характера и, в большей степени, на везение. Им не важна профессия, образование, то, благодаря чему они смогут чего-то достигнуть. Им важны личная безопасность, собственный комфорт, внешние данные, возможность иметь все, что хочется, высокое социальное положение, полезные связи и протекция. Молодые люди данной группы ориентируются на потребительское отношение к жизни.

Отдельным, дополнительным блоком выделяется группа молодых людей, которые на первое место ставят полезные связи и возможность протекции. Для них это гарантия жизненного успеха, т.е. акцент делается на достижении целей путем влияния извне, например, родственников, знакомых, благодаря материальному вкладу или удачному стечению обстоятельств. Представители данного блока присутствуют среди всех четырех типологических групп.

В результате исследования сделаны выводы:

- Лояльные к телевидению, в целом, самодостаточны, их жизнь стабильна и нет никаких масштабных жизненных целей, такое же отношение у них и к телевидению – предпочитают юмористические, новостные и познавательные телеканалы, т.е. сегодняшнее телевидение, в целом, отвечает их интересам и потребностям, следовательно, они смотрят всё.

- Недовольные телевидением настроены серьезно по отношению к жизни. Такое же скептическое отношение у них и к телевидению, более того они негативны по отношению к нынешним телевизионным тенденциям, поэтому смотрят абсолютно всё, но в малом объеме, телевизионный просмотр носит в большей степени случайный характер. Наиболее предпочтительны для них – новостные телеканалы.

- Молодые люди, ориентирующиеся на просвещении, недовольны нынешним телевидением. Исходя из своих ценностных ориентаций, считают, что информационные, познавательные, научные программы должны быть опорными точками сетки вещания любой телекомпании. Соответственно,

предпочитают познавательные, образовательные, научно-популярные телеканалы, а также в малой доле – новостные телеканалы.

- По мнению молодых людей, ориентирующихся на развлечения, с каждым годом телевидение становится все интереснее и познавательнее. Они предпочитают развлекательно направленные телеканалы.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИИ
LEGAL REGULATION OF SURROGATE MOTHERHOOD IN RUSSIA

Н.Л. Назарова, В.С. Сэруа
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
N.L. Nazarova, V.S. Serua
Lobachevsky University

Ставится задача рассмотреть отдельные вопросы правового регулирования суррогатного материнства в России. В результате анализа авторы приходят к выводу о необходимости усовершенствования нормативного регулирования суррогатного материнства.

The article poses the task of examining certain issues of legal regulation of surrogate motherhood in Russia. As a result of the analysis, the authors come to the conclusion that it is necessary to improve the regulatory regulation of surrogate motherhood

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор о суррогатном материнстве, ст.127 УК РФ, ст.179 УК РФ

Keywords: surrogate motherhood, surrogate motherhood contract, art. 127 of the Criminal Code of the Russian Federation, art. 179 of the Criminal Code of the Russian Federation

Суррогатное материнство как юридическая конструкция явилась новеллой для отечественного постсоветского права. В последующие десятилетия вопросы, связанные с суррогатным материнством, вследствие их недостаточной проработанности, неоднократно становились и становятся предметом научных дискуссий юридической и междисциплинарной направленности.

Так, одной из самых обсуждаемых тем являются формально содержательная наполненность договора, заключаемого между суррогатной матерью и генетическими родителями ребенка. Указание на такой договор имеется, в частности, в ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в

Российской Федерации», где под суррогатным материнством понимается вынашивание и рождение ребенка по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. Однако, по мнению М.Г. Салаховой, договор о суррогатном материнстве представляет собой новый вид специального семейно-правового договора, что следует зафиксировать в СК РФ [1]. Как смешанный договор предлагает рассматривать договор суррогатного материнства А.П Бондарева, т.е. сочетающий семейно-правовой и гражданско-правовой аспекты [2]. Учитывая специфику данного договора, предполагается, что данный тип договора должен регулироваться комплексно, т.е. нормами семейного и, в большей степени, нормами гражданского права. При этом данный автор признает, что, ввиду наличия в договоре суррогатного материнства признаков гражданско-правового договора, имеет смысл во включении в ГК РФ главы «Договор суррогатного материнства», в которой законодатель сможет отразить понятие, существенные условия, форму договора и порядок наступления ответственности сторон. Большинство исследователей проблемы содержания договора о суррогатном материнстве указывают на необходимость закрепления четких санкций в отношении сторон за невыполнение или недобросовестное выполнение сторонами своих обязанностей. Представляется, что положительное влияние на упорядочивание отношений в данной области сможет оказать законодательное закрепление структуры договора, наличие типовой формы договора о суррогатном материнстве, который бы содержал данные о суррогатной матери и генетических родителях, права и обязанности сторон, место проживания и обязательное информирование всех сторон, в случае смены жительства, действия сторон в случае рождения ребенка с врожденными заболеваниями или рождения неполноценного ребенка, порядок и форма оплаты услуг суррогатной матери, условия содержания суррогатной матери, основания расторжения договора сторонами, ответственность за неисполнение условий договора [3].

Одним из спорных является вопрос о расширении круга субъектов за счет включения помимо пары (мужчины и женщины) и одинокой женщины, не имеющих возможности иметь детей, одиноких мужчин и женщин, не желающих переносить тяготы и неудобства, возникающие в период беременности. Представляется убедительной точка зрения И.М. Шапиро, в соответствии с которой при предоставлении одиноким мужчинам и здоровым женщинам права воспользоваться услугами суррогатных матерей понятие суррогатного материнства лишается общеправового и морально-этического

смысла, с точки зрения применения метода вспомогательных репродуктивных технологий, целью которого является преодоление бесплодия женщины [4]. На наш взгляд, обоснованным и полезным можно считать предложение пересмотреть критерии для потенциальных суррогатных матерей с целью предоставления возможности бездетным парам (или одинокому родителю) прибегнуть к безвозмездной помощи членов своей семьи [2].

Кроме того, пробельностью характеризуется законодательство относительно международного или трансграничного суррогатного материнства, при котором суррогатная мать является гражданкой одной страны, а генетические или предполагаемые родители (родитель) имеют гражданство или место жительства в другой. Наиболее эффективными представляются предложения Е.П. Войтович о выработке положений Конвенции о суррогатном материнстве или конвенционное признание документов о рождении, выданных компетентными органами одного государства на территории другого [5].

Однако самыми малоизученными в области правового регулирования суррогатного материнства остаются вопросы уголовно-правовой направленности. Анализируя нормативные акты, такие как СК РФ, ФЗ от 15.11.1997 г. №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», Приказ Министерства здравоохранения РФ «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» от 26 февраля 2003 г. №67, необходимо отметить, что в Российской Федерации суррогатное материнство разрешено на законодательном уровне, а право определять юридическую судьбу ребенка закреплено за суррогатной матерью. Участие в программе «заменяющее материнство» должно быть добровольным. Женщина, добровольно решившая стать суррогатной матерью, получает за выполнение этой роли достаточную материальную компенсацию, а также моральное удовлетворение от приносимой другим людям и обществу пользы.

В настоящее время существует определенная регламентация уголовной ответственности за *принуждение к* суррогатному материнству. Можно говорить о том, что данный метод может быть использован в рамках коммерциализации. Итак, эксплуатацию женщины в роли платного инкубатора, производящего детей для продажи, можно квалифицировать по ст. 127 УК РФ «Использование рабского труда». В контексте данной уголовно-правовой нормы можно говорить о пользовании человеком – свойственное праву собственности и осуществляемое в отношении человека, которым владеют, полномочие, заключающееся в использовании его интеллектуального, творческого или физического труда, принуждении к оказанию сексуальных услуг, действиям сексуального характера, проституции, изготовлению порнографической

продукции, а также принудительном суррогатном материнстве и принудительном использовании его в качестве донора.

В гл. 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг «законодатель, назвав перечень услуг, к которым применимы положения данной главы, оставил его открытым, что позволяет сделать вывод о регулировании нормами гл. 39 ГК РФ достаточно большого количества непоименованных (прямо не названных, нетипичных) договоров, относящихся к группе гражданско-правовых обязательств по оказанию услуг, в том числе и договоров о суррогатном материнстве. Договоры о суррогатном материнстве относятся к системе гражданско-правовых договоров, регулируемых нормами гражданского права, хотя в ГК РФ не содержится норм, специально посвященных данным договорам. Ст.179 УК РФ предусматривает ответственность за принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения. Принуждение – это доведение до потерпевшей сведений, содержащих в себе угрозу применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения сведений ,которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшей или ее близких. Возможно ли применение данной нормы в случает принуждения к участию в программе суррогатного материнства? Следует отметить, что законодатель, хотя и не конкретизировал виды сделок, но, расположив ст.179 в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», сориентировал правоприменителя не на все виды сделок, а только на сделки, связанные с экономической деятельностью. Тем не менее, общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 179 УК РФ, посягают на свободу и автономность волеизъявления при совершении сделки. По нашему мнению, ст. 179 УК неправильно помещена в гл. 22 УК РФ, т.к. по существу указывает на преступление против свободы человека. Считаем, что в случае принуждения к совершению сделки по участию в программе суррогатного материнства данную норму можно применить.

Список литературы

1. Салахова М.Г. Правовые проблемы суррогатного материнства // Проблемы обеспечения реализации, защиты конституционных прав и свобод человека: материалы ежегодного регионального форума молодых ученых, 12 дек. 2012 г. Екатеринбург / гл. ред. М.Н. Денисевич. Екатеринбург: УрГИ, 2013. С. 198-206.

2. Бондарева А.П. Суррогатное материнство в России: проблемы правового регулирования // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. 2014, №1. С. 127-133.

3. Хамитова Г.М., Макарова А.В. Суррогатное материнство в РФ // Система ценностей современного общества. 2016, №49. С. 79-83.
4. Шапиро И.М. Ретроспектива и перспектива развития гражданско-правового законодательства в области вспомогательных репродуктивных технологий в России // Юридический вестник ДГУ. 2016. №3. С. 96-102.
5. Войтович Е.П. Международное суррогатное материнство: проблемы правоприменения // Юридическая наука и практика.2016. Т.12. №2. С. 104-110.

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

PROBLEMS AND TENDENCIES IN DEVELOPING PRESCHOOL EDUCATION SYSTEM AS THE OBJECT OF MUNICIPAL POLITICS

А.И. Нетунаева
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
A.I. Netunaeva
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

Анализируется состояние системы дошкольного образования в г. Нижнем Тагиле. Определены основные проблемы, препятствующие развитию качественного и доступного дошкольного образования. Рассмотрены нормативно-правовые, организационные и финансовые аспекты системы дошкольного образования.

The preschool education system of Nizhny Tagil is analysed. The main problems that prevent development of qualitative and affordable preschool education are identified here. Legal, organized and financial aspects of the preschool education system are studied.

Ключевые слова: дошкольное образование, ФГОС ДО, доступность образования, государственное-частное партнёрство

Keywords: preschool education, FSES PE, affordable education, public-private partnership

Дошкольное образование как первая фаза образовательного процесса, играющая огромную роль в формировании личности, является одним из важнейших социальных институтов поддержки семьи и требует особого внимания со стороны государства. В последние годы эту область образования затронули серьезные преобразования, главной задачей которых стало обеспечение его качества на современном уровне. 7 мая 2012 г. Президент России В. Путин подписал Указ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», один из пунктов которого ставил

задачу: «достижение к 2016 г. 100 процентов доступности дошкольного образования для детей в возрасте от трёх до семи лет» [1, с. 1]. С сентября 2013 г. вступил в силу Закон «Об образовании РФ», в котором дошкольному образованию присваивается статус отдельной ступени образовательной системы. А с 1 января 2014 г. стал обязательным для исполнения Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования – основной документ, в котором прописываются требования к образовательным программам, условиям их реализации и достигнутым результатам. Анализ этих документов позволяет говорить, что основными направлениями образовательной политики в сфере дошкольного образования является ориентация на его доступность и качество.

Остановимся на проблемах доступности дошкольного образования, решаемых на муниципальном уровне. Органами местного самоуправления в муниципальных образованиях должны быть созданы условия для эффективной реализации данного направления. Проанализируем политику в области дошкольного образования на примере г. Нижнего Тагила за последние годы. Одним из документов, отражающих изменения в этой сфере, является Муниципальная программа «Развитие системы образования в городе Нижний Тагил до 2020 года», утвержденная постановлением администрации г. Нижний Тагил от 11.12.2013 №2942. Основными целями данной программы являются: обеспечение конституционных прав граждан на доступное и бесплатное образование, приведение в соответствие с федеральным государственным стандартом материально-технической и методической базы образовательных учреждений г. Нижний Тагил, обеспечение образовательных организаций высококвалифицированными кадрами с целью улучшения качества процесса воспитания и обучения, обеспечение комплексной безопасности всех участников процесса обучения в целях сохранения их жизни и здоровья. Программа разработана и корректируется управлением образования в зависимости от потребностей родителей (законных представителей) детей дошкольного возраста, в ней подробно прописаны планы мероприятий, источники и объемы финансирования. На данном этапе этот документ реализуется достаточно эффективно.

Одним из вопросов, который решает муниципальная программа, является поставленная президентом задача всеобщей доступности дошкольного образования детей от 3 до 7 лет. Работа над этой проблемой за последние четыре года дала положительный результат. «В период реализации программы по обеспечению доступности дошкольного образования в Нижнем Тагиле

– построено 9 новых детских садов (1 940 мест);

– реконструировано 4 детских сада (440 мест);

– за счет регулирования предельной численности детей в действующих детских садах создано дополнительно 2296 мест. Итого за пять лет реализации программы дополнительно создано 4676 мест» [2, с. 1].

Актуальной для жителей города остаётся проблема обеспечения местами в дошкольных учреждениях детей более раннего возраста, ведь ежемесячные пособия по уходу за ребёнком выплачиваются только до 1,5 лет. А далее в некоторых семьях возникают финансовые трудности. На совещании при главе города, посвященном подведению итогов уходящего 2016 г., мэр Нижнего Тагила Сергей Носов отметил, что в настоящее время необходимо проанализировать ситуацию и понять, какая потребность в яслях существует и сможет ли частный бизнес снять остроту данной проблемы.

Рассмотрим другое направление образовательной муниципальной политики – качество дошкольного образования. Это понятие включает в себя успешную реализацию программ для достижения уровня образованности, позволяющего беспрепятственно перейти на следующую ступень образования, удовлетворенность требований родителей (законных представителей), а также стремление к постоянному совершенствованию образовательного процесса.

Нужно отметить, что это понятие напрямую связано с внедрением ФГОС в дошкольных учреждениях. ФГОС ДО направлен на «создание условий развития ребенка, открывающих возможности для его позитивной социализации, личностного развития, развития инициативы и творческих способностей на основе сотрудничества со взрослыми и сверстниками по соответствующим возрасту видам деятельности» [3. с. 1].

С января 2014 г. в муниципальных учреждениях дошкольного образования города проводится ряд мероприятий для создания комплекса условий по реализации образовательной деятельности в соответствии со стандартом. Создан банк нормативно-правовых документов федерального, регионального и муниципального уровня. Подготовлены и утверждены приказы Управления образования Администрации города Нижний Тагил от 30.12.2013 № 3409 «Об организации введения федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования»; от 27.01.2015 № 98 «Об организации введения федерального образовательного стандарта дошкольного образования в 2015 году». Утверждены планы мероприятий по внедрению ФГОС ДО в муниципальных дошкольных образовательных учреждениях. В 2015 г. был проведен повторный мониторинг на основании информационного письма от 13.02.2015 №23_01/401 «О мониторинге введения ФГОС дошкольного образования». Были выявлены недоработки в оборудовании предметно-пространственной среды.

Для решения этой проблемы создан постоянно действующий семинар «Предметная развивающая образовательная среда детского сада: требования и принципы организации». Выделяются дополнительные средства из областного бюджета на обогащение предметно-развивающей среды, проблемы ресурсного обеспечения остаются актуальными.

В городе осуществляется методическая поддержка индивидуальных предпринимателей, оказывающих услуги в сфере дошкольного образования. С этой целью был проведен ряд мероприятий: совещание «О мерах поддержки и развития негосударственного-частного сектора дошкольного образования в городе Нижний Тагил»; круглый стол «Организация взаимодействия Администрации города Нижний Тагил и индивидуальных предпринимателей, реализующих программы дошкольного образования»; серия консультаций «О разработке на основе ФГОС ДО Основной образовательной программы дошкольного образования».

Однако не всем педагогам в полной мере удаётся перестроиться в соответствии с новыми требованиями и уйти от традиционного образовательного процесса к инновационным формам. Для них разрабатываются курсы повышения квалификации, теоретические семинары, вебинары, курсы переподготовки педагогических кадров, направленные на облегчения введения стандарта в процесс обучения и воспитания детей дошкольного возраста.

Одним из требований ФГОС ДО является вовлечение родителей в образовательный процесс. Для реализации этого необходима информационная открытость на муниципальном и локальном уровнях. Публикации о ходе и результатах внедрения стандарта можно найти на сайтах города и муниципальных образовательных учреждений. Вся подобная деятельность осуществляется по разработанному плану-графику (дорожной карте).

Прошло пока мало времени, чтобы судить об эффективности данной реформы не только на уровне страны, но и на уровне муниципалитета. В Нижнем Тагиле существует ряд проблем. Во-первых, у педагогов до сих пор нет однозначного понимания данного документа, его подходов к образовательному процессу, целевым ориентирам, системам мониторинга. И хотя все педагоги проходят специализированное обучение, эта проблема все же возникает из-за недостатка опыта работы по новым стандартам.

Во-вторых, не все детские сады в полной мере оснащены по современным требованием предметно-пространственной среды техническим оборудованием, инновационными технологиями.

Проанализировав тенденции и проблемы развития дошкольного образования в нашем городе, можно сделать вывод, что Нижний Тагил

достаточно успешно реализует реформы в этой сфере, но остаются проблемы, которые необходимо решать. Глава города и управление образования не исключают внедрения государственно-частного партнёрства для решения этих проблем. Основной целью этого механизма будет развитие инфраструктуры в интересах общества и государства за счёт обмена ресурсами.

В Свердловской области ведётся активная работа по реализации федеральных, региональных программ с целью улучшения качества и доступности дошкольного образования. В некоторых городских округах, таких как Первоуральск, Красноуральск, Верхняя Пышма уже имеется положительный опыт. С применением механизма государственного-частного партнёрства, очевидно, исчезнет проблема дефицита мест в детских садах, достойной оснащенности помещений. Такие меры будут способствовать улучшению эффективности педагогического процесса.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 07.05.2012 №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/396483/ (дата обращения 07.05.2012).
2. Образование Нижнего Тагила // Официальный сайт г. Нижний Тагил. Режим доступа: https://www.ntagil.org/ (дата обращения: 15.12 2016).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования // Официальный сайт «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 14.11.2013).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕРКВИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В РОССИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

TRANSFORMATION OF CHURCH AS SOCIAL INSTITUTE IN RUSSIA IN THE 20TH YEARS OF THE XX CENTURY

А.С. Олексенко
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.S. Oleksenko
Lobachevsky University

Рассматривается отношение советского государства к церкви в 20-е гг. XX в. Анализируются нормативно-правовые акты, регулирующие отдельные аспекты деятельности церкви в данный период. Указывается на негативный характер государственно-правового регулирования для развития духовно-культурной жизни российского общества.

The article examines the attitude of the Soviet state to the church in the 1920s. The normative legal acts regulating certain aspects of the church's activity in this period are analyzed. They point out the negative nature of state and legal regulation for the development of the spiritual and cultural life of Russian society.

Ключевые слова: государство, церковь, правовые акты, Декреты, духовное образование

Keywords: state, church, legal acts, decrees, spiritual education

Одним из дореволюционных документов, официально закрепившим наличие различных религий на территории страны наряду с официальной религией – православием, стал указ Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» [1]. Но в результате революционных событий 1917 г. старые, «имперские» законы были упразднены, и возникла необходимость создания новой, «советской» правовой базы для регулирования всех сфер жизни общества, в том числе и духовной. Законы, отражавшие конфессиональную политику советского государства и прямо или косвенно регулирующие правовое положение Церкви, закреплялись в различных отраслях права (конституционное, уголовное, гражданское, семейное и др.). Нормотворческой деятельностью часто занимались люди не всегда образованные и юридически грамотные, поэтому самые первые советские законы, такие как декреты и постановления высших органов государства, носили казуальный характер [2].

Одним из первых законов советской власти был Декрет «О земле» от 08.11.1917 г., согласно которому церковь лишалась всех принадлежащих ей земель [3]. Принятие этого правового акты было рассчитано на подрыв экономической основы Церкви, и, как следствие, ее ослабление и скорейшее уничтожение. В дальнейшем такая попытка была предпринята еще раз, когда было принято постановление Совета Министров СССР № 1160 16 октября 1958 г. «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», что в итоге привело к дезорганизации предоставления бухгалтерской отчетности в текущем году [4].

Интересным было отношение к иным конфессиям, в частности к мусульманам. Так, 03.12.1917 г. было принято «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока», в котором обещалось, что «верования и обычаи, национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными» [5]. Вскоре, после принятия обращения Краевому Мусульманскому Съезду был выдан «Священный Коран Османа», до этого времени находящийся в Государственной Публичной Библиотеке, о чем было сделано официальное сообщение [6].

Правовыми актами в области регулирования семейных отношений людей всех вероисповеданий стали Декрет «О расторжении брака» от 29.12.1917 г. [7] и Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 31.12.1917 г. [8]. До принятия этих законов брак считался законным после совершения определенного религиозного обряда, для последователей христианства это церковный брак (венчание), для иудеев – «хупа», для мусульман – «никах», для индусов – «виваха», для последователей язычества – тоже определенный ритуал; причем о заключении брака делалась запись в специальных книгах (метрические книги), хранящихся при храме, мечети или синагоге. После принятия декретов законным считался брак, зарегистрированный только органами ЗАГСа. При этом допускалось совершение религиозного свадебного обряда, но в законе указывалось, что «…церковный брак, наряду с обязательным гражданским, является частным делом брачующихся… и не влечет никаких гражданско-правовых последствий» [8]. Новая форма заключения брака была неоднозначно воспринята обществом [9]; часто помимо государственной регистрации брака жених или невеста или их родители настаивали именно на религиозной церемонии брака [10, с. 714-715]. Нельзя определенно утверждать, что принятые Декреты, регулирующие семейную жизнь в советском обществе, прямо умаляли авторитет церкви; скорее это можно считать целенаправленной политикой по подготовке общественного сознания к процессу отделению церкви от государства. Однако большинством крестьянского сословия они воспринимались отрицательно.

Серьезный удар по духовному образованию нанесло постановление «Об упразднении законоучителей всех вероучений» от 17.02.1918 г. [11].

В области конституционного права произошли следующие изменения. Конституция РСФСР, принятая 10.07.1918 г., в ст.13 закрепила положение Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», а также признавала за всеми гражданами свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды. Несмотря на желание большевиков соответствовать принципам «равенство», «свобода», «братство», в ст.65 той же Конституции 1918 г. было узаконено политическое неравенство, а именно: служителям культа (священникам и монахам) запрещалось участвовать в выборах. Таким образом, сама Конституция как основной закон государства, вопреки провозглашенным идеалам равенства, утверждала политическое неравенство в обществе [12].

Возникающие вопросы в ходе реализации Декрета от 02.02.1918 г. обусловили принятие Постановления НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 24.08.1918 г. [13], которое разъясняло, что религиозные общества лишаются статуса юридического лица, регулировало вопросы, касающиеся имущества

религиозных организаций, метрических книг, преподавания религиозных вероучений, проведения религиозных церемоний и обрядов.

Таким образом, в 20-е гг. XX в. государственно-церковные отношения подверглись серьезной трансформации. Сокрушительный удар был нанесен по религии вообще и по православию, в частности. Церковь перестала быть опорой государства и центром духовной жизни общества и превратилась, практически, в бесправную, неимущую и гонимую религиозную организацию.

Список литературы

1. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17.04.1905г. // Открытая православная энциклопедия Древо. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://drevo-info.ru/articles/10330.html (дата обращения: 01.06.2017 г.).
2. Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века (опыт филос.-правового исслед.): дисс. …д.ю.н. 12.00.01. / Санкт-Петербург, 1997. 432 с.
3. Декрет о земле от 08.11.1917 года. Декреты Советской власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва. 1957. С. 17-20.
4. Постановление Совета Министров СССР № 1160 от 16.10.1958 г. «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=35642 (дата обращения: 30.05.2016 г.).
5. Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока от 03.12.1917 г. Декреты советской власти. Т.1. 25 октября 1917г. – 16 марта 1918 г. Москва. 1957. С. 113-115.
6. О выдаче краевому мусульманскому съезду «Священного Корана Османа». 1917.12.09. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942, стр. 89. Опубликовано в № 29 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 10 декабря 1917 г.
7. Декрет «О расторжении брака» от 29.12.1917г. Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957.
8. Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 31.12.1917 г. Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957.
9. О постановке антирелигиозной пропаганды и о нарушении пункта 13 программы Постановление ЦК РКП (б) 1921 г. Законодательство о религиозных культах. Юридическая литература. Москва 1969 г. С. 21-24.
10. Тихий Дон: роман в четырех книгах. Кн. 3-4/ Михаил Шолохов. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. 890 с.
11. Постановление Народного Комиссариата по Просвещению «Об упразднении должностей законоучителей всех вероисповеданий». Собрание

узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942. Опубликовано в № 26 Газеты Рабочего и Крестьянского Правительства от 17 (4) февраля 1918 г.

12. Конституция РСФСР 1918 года ст.13 // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: форма государственного единства в отечественной истории XX века / сост. О.И. Чистяков, Г.А. Кутьина. М.: Издательство Юрайт, Высшее образование, 2009. С. 31-32.

13. Постановление Народного Комиссариата Юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942, стр. 849-858. Оспубликовано в № 186 Известий ВЦИК Советов от 30 августа 1918 г.

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
CULTURAL CAPITAL IN EDUCATION

О.М. Орлова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
O.M. Orlova
Lobachevsky University

Рассмотрено значение социокультурных факторов для профессиональной эффективности, дана характеристика культурного капитала, описана модель оценки культурного капитала в сфере образования.

The article discusses the importance of sociocultural factors for the professional effectiveness, the characteristics of cultural capital is shown, the assessment model of cultural capital in education is described.

Ключевые слова: культурологический подход в социологии профессий, культурный капитал, экономическая культура в образовании

Keywords: culturological approach in the sociology of professions, cultural capital, economic culture in education

Культурологический подход в социологии рассматривает культуру и ее феномены с точки зрения их важности для тех или иных социальных групп. Применительно к социологии профессий культурологический подход обеспечивает комплексное изучение человека через раскрытие социокультурных явлений профессионализации и организационного поведения.

Рассматривая человека как носителя культуры, необходимо учитывать этот фактор в личностном и трудовом потенциале работника. Поэтому при оценке профессиональной деятельности важно отмечать социокультурные

качества работника, способствующие или препятствующие результативному труду. Практически в каждой составляющей трудовой деятельности (как внутриорганизационной, так и более широкой профессиональной деятельности) мы можем выделить элементы культуры, важные для эффективности труда. Формируя стратегию развития хозяйственных и социальных институтов на всех уровнях разработки и реализации инновационных социальных технологий (макро-, мезо- и микроуровнях социальной политики) важно рассмотреть культурные влияния как прогрессивного, так и ограничивающего действия [1].

Рассматривая труд педагогов, можно выделить следующие социокультурные факторы субъектов профессиональной деятельности:

– культура профессионального сообщества в целом: ценности и нормы профессии, а также её социальный статус в общественной ментальности;

– социально-культурные факторы трудовых коллективов, обеспечивающие их целостность и функциональное единство на основе слаженности коммуникации, этики и традиций;

– социокультурные диспозиции и установки личности, способствующие её интеграции в профессиональное сообщество и среду организации через принятие соответствующих ценностей и установок, обусловливающих формирование профессиональной идентичности и направленности устремлений, готовности к профессиональному росту и продуктивности.

Набор разделяемых культурных установок, способствующих экономической эффективности и экономическому росту, носит название культурный капитал. Д. Тросби рассматривал культурный капитал как возможность изменения личности как самим человеком через приобщение к культуре, так и его группой или социумом [2]. Культурный капитал формирует концепцию жизненного мира человека, модель образа жизни, интегрируя ценности, представления и реальную жизнедеятельность людей [3].

В экономической социологии под культурным капиталом понимается набор разделяемых людьми культурных установок, способствующих экономическому росту. Концепция культурного капитала может быть очень продуктивной и в социологии профессий для оценки культурных предпосылок эффективности труда. Исследование роли культурных установок и диспозиций в организации профессиональной деятельности позволит установить системные ограничения в организационной практике, которые мешают росту производительности и качества труда. Кроме того, это даст возможность определить метакомпетенции, по моделям Г. Читама и Г. Чиверса, Л. Деламара и Дж. Винтертона [4; 5; 6], способствующие развитию профессиональных компетенций через формирование человеком личного социокультурного пространства, обеспечивающего профессиональную эффективность.

Определенным ориентиром в исследовании культурного капитала могут быть модели экономически эффективных национальных культур, рассматривающие некоторые этнические установки как фактор экономической успешности и условие роста производительности труда. Например, в концепции Л. Харрисона обозначены наиболее сильные культурные детерминанты экономически эффективного поведения [7]. Л. Харрисоном были выделены ключевые установки и ценности, относящиеся к культурному капиталу: «сосредоточенность на будущем, долгосрочное планирование», «направленность на преумножение богатства», «прагматичное мышление», «жесткие и четкие этические нормы», «ответственность, пунктуальность», «качество труда», «ценность образования», «важность работы для жизни», «предпринимательская направленность на инвестиции и творчество», «ориентация в деле на конкурентные отношения», «открытость к переменам», «законопослушность», «активная интеграция в социальные системы», «доверие, ориентация на сотрудничество», «рассредоточенность власти».

На основе методологии Л. Харрисона нами создан опросный инструмент для изучения культурного капитала субъектов образовательной системы. Опросник включает утверждения, характеризующие установки, относимые к культурному капиталу. Респонденты могут оценивать выраженность соответствующих диспозиций у себя, в своей организации и обществе в целом. Диапазон значений – от 30 до 140. Чем выше балл, тем более выражен культурный капитал объекта оценки. При выраженном отличии личностной устремленности человека от направленности организации или общества (в его восприятии) можно говорить о наличии культурного диссонанса, что является фактором, ограничивающим профессиональную эффективность человека.

Нами разработана схема оценки культурного капитала образовательных учреждений и педагогов, работающих в них, а также школьников старших классов. Описывается ситуация в образовательных организациях, культурные установки работников образования и школьников, оценивается их соответствие задачам развития экономической культуры обучающихся. С нашей точки зрения, именно школа вместе со СМИ и организациями культуры играют наиболее важную роль в формировании культурного капитала общества.

Список литературы

1. Саралиева З.Х. Инновационные социальные макро-, мезо- и микротехнологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3-3. С. 229-234.

2. Trosby D. Cultural Capital // Journal of Cultural Economics. 1999. №23. P. 3-12.

4. Маркова Л.Л. Культурный капитал как ресурс современной российской модернизации // Вопросы культурологии, 2015. № 9. С. 20-24.
5. Cheetham G., Chivers G. Professional competence: harmonizing reflective practitioner and competence-based approaches // O'Reilly D., Cunningham L., Lester S. (eds.) Developing the Capable Practitioner. – London: Kogan Page, 1999. P. 215-228.
6. Delamare Le Deist F., Winterton J. What is a competence? // Human Resource Development International. 2005. Vol. 8, № 1. P. 27-46.
7. Грудзинский А.О., Захарова Л.Н., Буреева Н.Н. Личностные компетенции управленческого резерва предпринимательского университета // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 3 (103). С. 104-117.
8. Харрисон Л.Е. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014. 286 с.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ А.Т. РАЗУМЕНКО, ВОСПИТАННИЦЫ А.С. МАКАРЕНКО)

THE ROLE OF THE STATE IN SHAPING THE LIFE PATH OF AN INDIVIDUAL (ON THE EXAMPLE OF THE BIOGRAPHY OF A.T. RAZUMENKO, PUPIL A.S. MAKARENKO)

Т.В. Осокина
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары
T.V. Osokina
I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Рассматривается жизненный путь А.Т. Разуменко, воспитанницы А.С. Макаренко.
The article deals with the life of A.T. Razumenko, pupils of A.S. Makarenko.

Ключевые слова: жизненный путь, коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, воспитательная система А.С. Макаренко
Keywords: life path, commune to them. F.E. Dzerzhinsky, the educational system of A.S. Makarenko

В своей педагогической практике мне посчастливилось встретиться с А.Т. Разуменко, которую можно назвать «человек –эпоха». Она прожила большую, интересную, сложную жизнь. Два года она не дожила до столетия. Это поистине человек советской эпохи, свидетель и непосредственный участник многих исторических событий XX в. Своих родителей она не знала, младенцем ее нашли в канаве, врачи установили примерный возраст девочки (в паспорте записана дата 5 октября 1919 г.). Антонина Тимофеевна прошла всю

систему государственного воспитания: дом малютки, детский дом, коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, которой руководил А.С. Макаренко.

История отечественного образования – это судьбы отдельных людей – лучших представителей российской интеллигенции, поэтому обращение к их педагогическому наследию является своевременным и необходимым. Осмысление опыта выдающихся ученых-практиков А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского и др. позволяет определить основные подходы к формированию современной личности, которая так же, как и в годы советской власти, испытывает на себе все трудности переломного исторического периода.

В коммуну имени Ф.Э. Дзержинского Антонина Тимофеевна попала в 1933 г. по рекомендации врача, так как там были приличные условия содержания детей. «Я была слабым болезненным ребенком, все детские болезни перенесла и не думала, что судьба даст мне такую долгую жизнь», – говорила она [1]. Не зная своих корней, ей пришлось выбирать себе фамилию и отчество, когда пошла в школу. Как и многие воспитанники, Антонина Тимофеевна взяла фамилию и отчество директора детского дома, в котором тогда находилась, Разуменко Тимофея Васильевича.

Первое впечатление А.Т. Разуменко о А.С. Макаренко было ярким: «Сначала он показался мне очень строгим, даже суровым человеком» [1].

Сама коммуна, располагавшая на окраине Харькова в двухэтажном здании с большими окнами, начищенным паркетом и парадной лестницей, показалась ей настоящим раем. В школе-коммуне имелись: библиотека, «тихий клуб» с пианино, спортивный зал, «громкий клуб» и оранжерея с цветами, которой были украшены клумбы всей коммуны. В баню ездили в город, позже построили ее в коммуне.

В коммуне жили и учились 400-450 человек. Организация была устроена по-военному: взводы, дневальные, командиры. Всё делалось строго по сигналу. Дежурный по коммуне следил за происходящим. Воспитанники были распределены по взводам в соответствии с возрастом. Стать коммунаром можно было по истечении шести месяцев при хорошей дисциплине и успеваемости. У коммунаров и воспитанников была разная форма одежды. Так, воспитанники носили костюмы из простой, а коммунары из шерстяной ткани (к тому же они носили особый значок). Кстати, внешнему виду уделялось большое внимание. Девочкам пользоваться косметикой запрещалось. Коммунары пользовались правом уходить в город без увольнительных. Однако все подчинялись установленному порядку. Грубых нарушений со стороны коммунаров не случалось. При этом комнаты, как и кабинет заведующего, никогда не закрывались.

Макаренко был всегда в курсе всех событий. Командиры взводов докладывали ему обо всех делах, происходящих во взводах. Коммунары понимали А.С. Макаренко с полуслова и беспрекословно слушались его. Важная роль в организации жизни принадлежала совету командиров, а воспитателей как таковых не было. При этом коммунары и воспитанники были очень дружными. А.С. Макаренко всегда, приходя в коммуну, спрашивал: «Все ли на месте?». Он постоянно следил, чтобы все было в порядке. Антон Семенович знал своих воспитанников в лицо и по имени. Антонина Тимофеевна вспоминает, как однажды ее по приказу вызвали к заведующему. Она очень переживала, так как не понимала, где и в чем она провинилась. После завтрака с опаской зашла в кабинет Макаренко. Оказалось, что Антон Семенович, просматривая списки детей, просто забыл, как она выглядит, поэтому и пригласил ее.

Коммунары получали и образование, и профессию. После завтрака одна смена уходила на занятия рабфака, другая – на работу. После обеда – менялись. Коммуна функционировала одиннадцать месяцев, летом ездили отдыхать на юг. Старшие воспитанники подрабатывали на сельскохозяйственных работах. Антонина Тимофеевна из-за слабого здоровья исполняла роль курьера и на работу не выходила.

По воскресеньям в коммуне работал буфет, здесь предоставлялась 30-процентая скидка для детей, и можно было на заработанные деньги приобрести конфеты, пряники и другие сладости. Так как она не работала, ей, по личному распоряжению А.С. Макаренко, была выделена небольшая сумма денег из общей кассы для отоваривания в буфете, чему она была несказанно рада.

В столовой были столики на четырех человек, покрытые белыми скатертями, а на окнах – тюль. Было заведено, что, вставая из-за стола, каждый придерживал свой стул, чтобы не шуметь. Здесь заботились о питании детей. Едой никогда не наказывали, кормили хорошо и досыта. Впервые в своей жизни именно в коммуне Тоня попробовала белый хлеб, а в то время на Украине свирепствовал голод.

Чекисты подарили воспитанникам музыкальные инструменты, благодаря чему в коммуне организовали духовой и струнный оркестры. Сам Антон Семенович был человеком творческим, писал театральные пьесы, которые ставились в коммуне.

«Полученное воспитание очень пригодилось мне в жизни. Я научилась, и стирать, и готовить. Нас никогда не били и не обижали»[1]. Коммунары отвечали взрослым взаимной любовью и уважением. Часто в коммуну на экскурсию приезжали иностранцы. Их очень интересовало, есть ли у ребят

родители? Чаще всего коммунары отвечали, что у них есть отец – Антон Семенович Макаренко!

Сам А.С. Макаренко, как вспоминает Антонина Разуменко, был очень дисциплинированным, опрятным человеком. На нём всегда была хорошо выглаженная чистая военная форма, начищенные сапоги. Приходил он в коммуну до подъёма и уходил за полночь. Работал до двенадцати часов, а потом ещё два часа сидел в кабинете, что-то долго писал. Два раза А.С. Макаренко пытался уйти из коммуны, так как сильно болел и врачи запретили ему работать, но дети очень просили его остаться. А на третий раз написал прощальную записку и уехал. О чем все коммунары и воспитанники очень жалели.

Антонина Тимофеевна говорит, что «очень благодарна судьбе за то, что жила и воспитывалась в коммуне Ф.Э. Дзержинского, благодарна дружному коллективу ребят, его замечательному руководителю и педагогу А.С. Макаренко, который отдавал всего себя любимому делу и детям» [1].

В 1937 г. Антонина Тимофеевна была направлена на работу в Харьковский механический завод, который в начале 1941 г. эвакуировали в г. Чебоксары. После Великой Отечественной войны она в наших краях осталась навсегда, и наш город стал для нее второй родиной. На всю жизнь А.Т. Разуменко осталась верна принципам коммуны Макаренко: добросовестно выполняла свое дело, была ответственной за свои слова и поступки.

Список литературы

1. Воспоминания А.Т. Разуменко о своём пребывании в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского, записанные 31 июля 2013 г.

КАЧЕСТВО СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ: ПОНЯТИЕ И ПОКАЗАТЕЛИ
THE QUALITY OF FAMILY LIFE: THE CONCEPT AND INDEX

Е.В. Панкратова
Ивановский государственный университет
E.V. Pankratova
Ivanovo State University

Раскрывается актуальность изучения понятия «качество семейной жизни». Качество семейной жизни анализируется как компонент качества жизни населения. Обосновано применение теории ресурсов в изучении качества семейной жизни. Представлены методики оценки и перспективы изучения качества семейной жизни

The urgency of studying the concept of "the quality of family life" is revealed. The quality of family life is analyzed as a component of the quality of life of the population. The use of the theory of resources in the study of the quality of family life is explained. Methods of evaluation and the perspectives of studying the quality of family life are introduced.

Ключевые слова: качество семейной жизни, качество жизни
Keywords: quality of family life, quality of life

Характеристика семейной сферы имеет определяющее значение при изучении качества жизни населения. Социологи давно отметили, что семейная жизнь играет огромную роль в общем достижении высокого качества жизни человека [1; 2]. Стоящие у истоков исследований качества жизни А. Кэмпбелл, Ф. Конверсэ, У. Роджерс отмечали, что характеристики семейной жизни, хотя и не однозначны, но необходимы для общего понимания качества жизни [3], а Ф. Эндрюс и С. Уитей указали, что именно семья является «надежным источником удовольствия» [4].

Социологическая наука не изобилует определениями качества семейной жизни, т.к. «качество жизни» в силу существования большого количества авторских подходов концептуально не определено, а семейная жизнь – это многогранная область, которая наделена объективными и субъективными смыслами.

Одними из первых определение качества семейной жизни дали исследователи К.Д. Реттиг и Р.Д. Лайхтентритт. Они использовали понятие «семейное благополучие», под которым понимали «эмоциональную оценку личности его / ее семейной среды, в частности, степень удовлетворенности личных потребностей при помощи различных символических и материальных ресурсов». Оценка степени удовлетворения личных потребностей в семье – это индикатор ее благополучия, а комбинация этих оценок у нескольких членов семьи – показатель качества семейной жизни [5].

Зарубежные исследователи назвали оценку семейной жизни важным подмножеством качества жизни [6]. Ученые А.И. Антонов, О.Л. Лебедь, А.А. Соколов отмечают, что качество семейной жизни определяется не только по «объективным» параметрам семейного цикла жизни, семейного поведения, но и по «субъективным» оценкам [7]. Выделение объективной и субъективной составляющих в качестве семейной жизни определяется подобной структурой категории качества жизни населения. В обоих феноменах важную роль играет удовлетворенность, представляющая субъективный блок.

В зарубежной социологии для интерпретации феномена качества семейной жизни используется теория ресурсов, разработанная исследователями

У.Г. Фоа и Е.Б. Фоа в начале 70-х гг. XX в. Ресурс – это материальный или символический предмет, который передается в процессе межличностного взаимодействия людей и выступает основой удовлетворения или, наоборот, неудовлетворения определенных потребностей (цит. по: [5, p. 311]). К числу ресурсов, необходимых для поддержания качества жизни, принадлежат любовь, статус, информация, деньги, товары, услуги. Эти ресурсы располагаются в двухмерной системе координат, где горизонтальная ось отражает символическое (слева) или конкретное (справа) значения, которые характеризуют форму выражения обмена ресурсами между партнерами, а вертикальная ось отвечает за континуум от универсализма (внизу) до партикуляризма (вверху). Наиболее конкретными ресурсами являются услуги и товары; символическими ресурсами выступают статус и информация. Любовь и деньги могут принимать как конкретную, так и символическую форму. Исследователи К.Д. Рэттиг и Р.Д. Лайхентритт отмечают взаимодействие данных классов ресурсов. Партикуляризм отражает высокую значимость того объекта (человека), который имеет определенный ресурс, т.е. момент, когда нам важно, от кого мы получаем ресурс. В этой связи ресурс любви является самым партикулярным, а деньги – самым универсалистским, услуги и статус в меньшей степени партикулярны, чем любовь, но в большей партикулярны, чем товары или информация. Чем ближе ресурсы друг к другу в описанной модели, тем ими можно успешнее обмениваться [5, p. 311-312].

В процессе обмена ресурсами особую роль играет институциональная среда, в которой происходит этот обмен. Семья является той структурой, в которой обмен ресурсами наиболее успешен, а их объем самый большой. К.Д. Рэттиг и Р.Д. Лайхентритт считают, что индикатором семейного благополучия служит степень удовлетворения членами семьи личных потребностей при помощи различных символических и конкретных ресурсов. О высоком качестве семейной жизни можно говорить только в том случае, если семья успешно удовлетворяет личные потребности всех своих членов, и, таким образом, выполняет психологические, социальные, физические и экономические функции института семьи в обществе [5, p. 312].

Качество семейной жизни – это параметр, который может быть эмпирически зафиксирован. Для этого существуют как простые, так и сложные техники его оценки. Простые техники отождествляются с оценкой степени удовлетворенности семейной жизнью. Например, исследовательский инструментарий Дж. А. Манчини содержит вопрос: «Сколько удовольствия вы получаете от своей семейной жизни – очень много, много, достаточно, некоторое количество, немного или ничего?» [8, p. 225].

Сложные техники базируются на оценке совокупности сторон-показателей качества семейной жизни. Так, в методике К.Д. Рэттиг и Р.Д. Лайхтентритт качество семейной жизни отражается через оценку степени удовлетворения личных потребностей членов семьи путем обмена ресурсами любви, статуса, услуг, информации, денег, товаров [5, p. 326-327]. Опросный лист, предложенный учеными, включал 32 вопроса. Например, любовь как ресурс оценивается с помощью таких суждений-вопросов как: 1) нежное отношение к вам членов вашей семьи, 2) радость, которую они выражают при встрече с вами, 3) выражаемая членами семьи теплота и нежность, 4) любовь и привязанность, которые вы испытываете, 5) полученные объятия и поцелуи. Каждое суждение оценивается респондентом по шкале в 7 баллов, где 1 – ужасно, 7 – восхитительно. Данные, полученные входе опроса, подвергаются факторному и кластерному анализу. Существуют и другие комплексные методики оценки качества семейной жизни [6]. Включение таких методик в общую оценку качества жизни демонстрирует высокую зависимость между качеством семейной жизни и качеством жизни в целом.

На наш взгляд, изучение качества семейной жизни имеет важный научно-практический смысл. Во-первых, сама сфера семейной жизни трудно измерима. В некоторой степени разрешить эту проблему позволяет теория ресурсов. Семья – это группа, которая характеризуется наиболее активным обменом самыми разнообразными ресурсами. Когда обмен ресурсами успешен, то и качество семейной жизни находится на высоком уровне.

Во-вторых, актуальность приобретает изучение гендерного аспекта качества семейной жизни. Это поможет ответить на один из главных вопросов социологии гендерных отношений о равнозначности обмена ресурсами между супругами и другими членами семьи в современных условиях.

В-третьих, изучение качества семейной жизни сквозь призму теории ресурсов позволит выявить и особенности обмена ресурсами в семьях разного типа. Кроме того, важно изучать качество семейной жизни в семьях с разной формой брака, в которых типы ресурсов и содержание обмена будет отличаться, что сказывается на качестве семейной жизни в целом. Обращение к этим проблемным вопросам существенно обогатит социологическую теорию и исследовательскую практику в области изучения семьи.

Список литературы

1. Andrews F.M., Withey S.B. Social Indicators of Well Being: Americans Perceptions of Life Quality. New York: Plenum Press, 1976. 455 p.

2. Campbell A. The Sense of Weil-Being in America: Recent Patterns and Trends. New York: McGraw-Hill, 1981. 263 p.

3. Campbell A., Converse Ph.E., Rodgers W.L. The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfactions. New York:Russell Sage,1976.583p.
4. Andrews F.M., Withey S.B. Social Indicators of Well Being: Americans Perceptions of Life Quality. New York: Plenum Press, 1976. 476 p.
5. Rettig K.D., Leichtentritt R.D. A General Theory for Perceptual Indicators of Family Life Quality // Social Indicators Research. 1999. Vol. 47. № 3. P. 307-342.
6. Gupta S., Sharma A. Measuring of Family Life // International Journal of Sociology of the Family. 1998. Vol. 28. № 1. Pp. 115-118.
7. Антонов А.И., Лебедь О.Л., Соколов А.А. Удовлетворенность жизнью, семья и брак в России и Европе // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3. С. 61-69.
8. Mancini J.A. Social Indicators of Family Life Satisfaction: a Comparison of Husbands and Wives // International Journal of Sociology of the Family. 1979. Vol. 9. № 2. P. 225.

СОВРЕМЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ
MODERN IDENTITY IN THE CONTEXT OF CULTURE

Т.К. Петрушенко
Санкт-Петербургский государственный университет
T.K. Petrushenko
Saint Petersburg University

Рассматриваются особенности формирования современной идентичности в контексте национальной культуры.

The features of the formation of modern identity in the context of national culture are considered.

Ключевые слова: современная культура, национальная идентичность, процессы глобализации, информационное общество

Keywords: modern culture, national identity, processes of globalization, Information society

В настоящий период «Россия… находится в кризисе перехода от утерянной советской идентичности к новой, пока неизведанной. Его испытывают и все граждане России… Современная коллективная идентичность российского общества настолько неопределенна, что не только не предлагает индивиду путеводную нить Ариадны для его странствий по лабиринту, но и, напротив, сбивает его с пути» [1, с. 21]. Идеологическая система СССР распалась из-за отсутствия устойчивых механизмов интеграции и стабилизации общественных отношений. Формирование гражданской идентичности связано с тем, что современное культурное пространство неоднородно, в нем существуют разные идентичности, поэтому актуализация этнического сознания

идентифицирует «индивида с историческим прошлым данной группы и акцентирует идею корней» [2, с. 283]. Россия признана евразийской страной, где различные религиозные, политические, философские и художественные традиции взаимодействуют друг с другом. Но культура всегда живет именно на пересечении этих границ, во взаимовлиянии этнокультурных ценностей. Такие границы следует рассматривать не как барьеры, а как контакты, условия формирования новой культурной среды. По мнению В.Е. Багно, «…культуры пограничные неизменно являются особенно восприимчивыми к идущим извне влияниям и в то же время ревниво оберегают свою самобытность» [3, с. 45].

Национальная идентичность определяется как самоидентификация человека со своей страной, как внутреннее самоощущение принадлежности к определенной нации. Согласно точке зрения английского философа Э. Гельнера, национальная идентичность – это общество с высоким типом культуры, которую разделяют все граждане вне зависимости от их социального положения [4, с. 42-43]. Идентичность всегда представляет совокупность устойчивых черт, которые в социокультурном смысле позволяют этнической или социальной группе отличать себя от других, определяя свою роль в системе социальных отношений. Но характер национальной идентичности непостоянен. Суть его всегда в изменении. Современный человек постоянно оказывается в ситуации глубокого кризиса идентичности, поэтому ее поиски становятся как никогда актуальными сегодня в условиях развития глобальной экономики и культуры. Чтобы сохранить свою национальную идентичность, следует соответствовать принципам уникальности и самобытности своей страны с ее традициями и обычаями.

По мнению кандидата философских наук, преподавателя МГУ Е.А. Благородовой, в демократическом государстве нужно добиться, «…чтобы политическое общество утверждало всеобщие основы поведения в обществе и определяло его как гражданское, учитывая принадлежность людей к различным культурам» [5]. Политика в области культуры имеет более широкие возможности, так как включает в себя современные медиа и образование населения. Все знают, что культура лежит в основе идентичности, исторического развития и социального взаимодействия, что она ассоциируется с национальным самоопределением и наследием общества. В 2012 г. ЮНЕСКО пригласило 154 страны признать правомерность универсальной декларации о культурном разнообразии. В ней подчеркивается необходимость сочетания уважения к всеобщим ценностям и использования культурной креативности различных этнических и национальных групп. Современная культура находится в постоянной динамике, в ней происходит постоянное изменение ее ценностей. В настоящее время ее характеризуют мозаичность, эклектика, которые не могут предоставить индивиду устойчивых механизмов

идентификации. Кроме того, глобализационные процессы меняют правила жизни национальных государств, которые становятся многокультурными за счет миграционных потоков. Технологические новшества иногда не вписываются в культурные традиции, вызывая тем самым многочисленные противоречия. Именно культура сегодня представляет собой движущую силу развития общества, предотвращая негативные последствия глобализации, а культурная политика предлагает наилучшую возможность формирования национальной идентичности на путях возрождения и сознательного воспроизводства традиционных ценностей. Новая цивилизация должна использовать традиционные религиозные и светские ценности в качестве духовной основы. Именно они и традиционализм «общества модерна» в условиях культурного релятивизма создают новую, ценностную иерархию как в национальных культурах, так и в контексте мирового культурного диалога.

Список литературы

1. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13-22
2. Гуревич П.С. Культурология. М., 2004. 335 с.
3. Багно В.Е. К истории идей: «Русская идея». Спб., Издательский дом «Петрополис», 2010. 645 с.
4. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. 320 с.
5. Благородова Е.А. Культурная политика России: децентрализация или централизация? // МИР (Модернизация. Инновации.Развитие.) 2012. № 8. С. 89-95.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ[1]

TERRITORIAL IDENTITY OF MIGRANTS IN THE HOST SOCIETY

О.А. Полюшкевич
Иркутский государственный университет
O.A. Polushkevich
Irkutsk State University

Раскрываются формы территориальной идентичности, изменяющиеся под влиянием миграционных процессов. Показывается динамика форм территориальной идентичности как у местного населения, так и у мигрантов.

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 16-33-01015а2 («Социокультурные основы эмпатии», руководитель – к.ф.н., доцент О.А. Полюшкевич).

The article reveals the forms of territorial identity that change under the influence of migration processes. The dynamics of the forms of territorial identity, both in the local population and in migrants, is shown.

Ключевые слова: территориальная идентичность, мигранты, принимающее общество, эмпатия, солидарность
Keywords: territorial identity, migrants, host society, empathy, solidarity

Миграция существует столько, сколько существует само общество. Люди всегда искали лучшее место под солнцем для себя и своих детей. Благодаря миграции меняется национальное, культурное и социальное «лицо» мира. Многие футурологи говорят о том, что через несколько десятков лет Европа будет иметь «арабское лицо» и коренные европейцы сольются с мигрантами, сформируют новый социокультурный пласт. Впрочем, подобный процесс не нов. На нем строится все цивилизационное развитие общества.

С миграцией населения меняется культура и ценности, мировоззрение и представления населения той территории, куда приехали мигранты. Трансформируются смыслы и формы проявления территориальной идентичности. Мигранты, с одной стороны, обогащают культуру, привнося новые элементы, с другой – угнетают ее, заставляя местное населения забывать исконные традиции [1]. Это включено в процесс социальной адаптации. Без «включения» в новую систему мигрантам сложно социализироваться на новом месте, поэтому включаются основные механизмы внедрения во все сферы социума в принимающем обществе.

Эти изменения могут иметь как позитивные, так и негативные последствия для народа. С одной стороны, мигранты – люди «желающие», это своего рода пассионарии (термин Н. Гумилева), местное население – это в большей степени инертные и пассивные люди – они имеют даже больше того, к чему стремятся вновь прибывшие, поэтому и теряют возможности и способы занимать ниши мигрантов. Мигранты ищут способ выжить, не важно при этом, сколько сил и энергии уйдет и какую цену они получат, а местное население ищет способ больше заработать и минимум потратить. Разные условия и установки – определяют разный результат [4].

Для выявления особенностей формирования территориальной идентичности мигрантов, мы провели в 2017 г. исследование в Сибирском Федеральном округе, в котором приняло участие 2200 человек, из них 1100 местные население и 1100 мигранты из ближнего и дальнего зарубежья, приехавшие в Россию за последние 5 лет. Возраст респондентов от 18 до 70 лет, 55% женщины и 45% мужчины. Все имеют различный образовательный и социально-стратификационный уровень.

Территориальная идентичность мигрантов строится на самоотношении «Кто Я» и «Кто ОНИ».

Местное население, давая определение – Кто Я, чаще говорило об антропоморфных характеристиках (человек, животное) – 25%, гендерных (мужчина / женщина) – 20%, статусно-семейных (муж / жена, брат/ сестра, бабушка / дедушка, родитель / ребенок) – 18%, профессиональных (работник, директор, сотрудник) – 15%, значительно меньшее количество респондентов говорило о том, что они граждане своей страны (россияне, граждане России и проч.) – 10% и только 7% указало на свою веру или национальность и 5% затруднилось с ответом.

Среди мигрантов, картина иная. Отвечая на вопрос – Кто Я – они в первую очередь говорили о своей национальной принадлежности (русский, китаец, монгол, украинец, грузин, чеченец и т.д.) – 30%, на втором месте о своей религиозной принадлежности (мусульманин, иудей, буддист, христианин и т.д.) – 25%, на третьем месте – государственной идентичности (россиянин, гражданин Турции, «грузин по паспорту, но русский в душе» и т.д.) – 20%. Гендерные характеристики (мужчина / женщина) отмечали только 8% респондентов, 7% говорили о своей профессии и 5% о своем семейном статусе. Антропологическую характеристику мигранты вовсе не называли. 5% затруднилось с ответом.

Задавая вопрос «Кто Я?», мы подразумевали, что ответы на него помогут показать какое место в территориальном пространстве себе присваивает человек. Насколько для него важно то место, где он живет. И ответ очевиден, важно то, кто вокруг тебя, кто помогает тебе, поддерживает, а не то, где ты живешь. Для местных жителей – это социально демографические и профессиональные группы. Для мигрантов – это национально-религиозные группы, которые позволяют ему чувствовать себя уверенно.

Спрашивая респондентов о том, «Кто ОНИ» мы получили разные ответы.

Местные жители под «ОНИ» понимали – мигрантов (60%), иноверцев (называли представителей других религий) – мусульмане, буддисты, сектанты – 20%, врагов (10%), 10 – затруднились с ответом.

Мигранты под «ОНИ» понимали – местных жителей (45%) или тех, от кого они убежали, уйдя из своей страны (окупанты, революционеры, террористы и т.д.) – 55%. То есть, для мигрантов, образ «ОНИ» четко обозначен – либо негативный образ людей, несущих угрозу им и их близким, от кого они убежали, либо пока еще не очень знакомый образ тех, кто их принимает на новом месте, формирует новые условия и формы жизни, давая новые смыслы и значения их поступкам.

Соотношение «Кто Я» и «Кто ОНИ» рождает отношение человека к тому месту, где он живет, как долго он сможет тут находиться и как скоро его может считать своим. Тут влияют различные факторы и условия развития социального взаимодействия и социальной адаптации, которые весьма подробно изложены в работах А.В. Завьялова [1; 2], которые касаются мигрантофобии и гуманизма, стратегий адаптации и форм социальной интеграции.

Территориальная идентичность мигрантов становится ресурсом для развития социокультурных связей и смыслов, форм и инструментов социальной интеграции сообществ. Перспектива развития социального воспроизводства достаточно велика, когда территориальная идентичность строится на положительных формах развития, когда же она приобретает отрицательные формы, то говорить о едином социокультурном пространстве, социальной эмпатии и толерантности, терпимости невозможно.

Если говорить более научно, то указанным группам мировоззренческих проблем-вопросов соответствуют познавательная, ценностная и программно-поведенческая подсистемы мировоззрения, в которых и происходит формирование взглядов, убеждений, жизненных стратегий. Познавательная подсистема предоставляет возможность опыта новых ролей, сфер деятельности, реализации себя, в узнавании можно-нельзя. Ценностная подсистема определяет на индивидуальном и/или групповом уровне что можно, а что нельзя, что хорошо, а что плохо. Программно-поведенческая подсистема формирует схему поведения, нормы и возможности реальных действий в конкретных ситуациях. Поэтому, мировоззрение мигрантов на новой территории всегда меняется, меняется и форма территориальной идентичности, как у мигрантов, так и у местных жителей. Задачей местных органов власти является конструирование единого пространства формирования территориальной идентичности всех ее жителей. Так как будущее лежит в едином пространстве взаимодействия, а не разрозненных группах и территориях.

Список литературы

1. Завьялов А.В. Социальная адаптация мигрантов в контексте современной миграционной политики России / А.В. Завьялов // Научное мнение. 2016. № 13. С. 50-58.

2. Завьялов А.В. Мигрантофобия и гуманизм в миграционной политике // Социодинамика. 2016. № 9. С. 52-66. Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_19696.html (дата обращения: 21.06.2017).

3. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность: монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. 221 с.

4. Полюшкевич О.А. Социокультурная трансформация мировоззрения мигрантов // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе: II Всерос. науч. интернет-конф. / Под общ. ред. О.А. Кармадонова, О.А. Полюшкевич. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 40-46.

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ – ОСНОВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
HEALTH OF THE POPULATION – THE BASIS OF HUMAN CAPITAL

И.В. Пономарева
Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Медицинский университет «Реавиз», г. Самара
I.V. Ponomareva
Private educational of higher education "Medical university "Reaviz", Samara

Представлены медицинско-социальные, экономические аспекты человеческого капитала. Показана роль общественного здоровья в формировании человеческого капитала. Приведены показатели здоровья населения по Самарской области в динамике за 15 лет, определяющие капитал здоровья жителей региона.

The paper presents the medical-social, economic aspects of human capital. The role of public health in the formation of human capital is shown. Indicators of population health in the Samara region in the dynamics over 15 years are given, which determine the health capital of the inhabitants of the region.

Ключевые слова: здоровье населения, капитал здоровья, потенциал здоровья, человеческий каптал, демографические показатели, потери трудового потенциала, потери жизненного потенциала

Keywords: health of the population, health capital, health potential, human capital, demographic indicators, loss of labor potential, loss of life potential

Человеческий капитал является основой экономического развития любого государства. Для России в период перехода к инновационной экономике возрастает роль уровня развития человеческого капитала страны в целом и отдельных регионов с учетом их территориальных особенностей и различий по экономическим, природно-географическим, социально-демографическим и другим факторам.

Необходимость дальнейшего развития человеческого капитала в России отмечена в таких документах, как Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г., Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.

Как отмечено в Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г., с целью улучшения демографической ситуации в стране необходимо

решить ряд задач социально-экономического развития, включая интенсивное развитие человеческого капитала и создание эффективной социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, социальная защита).

Накопление человеческого капитала, прежде всего, должно идти на поддержание здоровья нации, здоровья населения, или как указывают И.В. Ильинский (1996), Я.А. Лещенко (2005), на капитал здоровья, или потенциал здоровья, который является несущей конструкцией, основой, важнейшей составляющей человеческого капитала. Инвестиции в здоровье нации сокращают потери, связанные с преждевременной смертностью, высоким уровнем заболеваемости и инвалидности [1; 2].

Подчеркивая значимость общественного здоровья как экономической категории, необходимо обратить внимание на то, что это – медико-социальный ресурс и потенциал общества, способствующий обеспечению национальной безопасности [3].

Научные исследования, проведенные в Новосибирске в 2003 г. О.В. Пушкаревым по теме «Человеческий капитал и моделирование медико-экономической эффективности в здравоохранении», показали, что потери капитала здоровья растут как в России, так и в Новосибирской области. Наибольшие потери связаны с низкой рождаемостью, инвалидностью и смертность населения.

Мы решили изучить эту проблему в Самарской области и выявить, с чем связаны наибольшие потери капитала здоровья в регионе. Анализ динамики основных показателей состояния здоровья населения за 15 лет (с 2000-2014 гг.) показал как положительные, так и негативные тенденции.

По данным Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Самарской области, население области снижается: в 2000 г. население составляло 3291,6 тыс. населения, в 2014 г. – 3211,9 тыс.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в регионе имеет тенденцию к росту: в 2000 г. – 64.51 лет, в 2013 г. – 69,4 года.

Отмечается рост коэффициента рождаемости с 7,9% в 2000 г. до 12.6% в 2014 г. Однако, достигнутый в настоящее время уровень не позволяет компенсировать потери населения за последние годы.

Показатель общей смертности за 15 лет в регионе снизился, но уровни его остаются достаточно высокими. В 2000 г. этот коэффициент составлял 16.4%, в 2014 г. – 14.3%.

Коэффициент младенческой смертности в регионе имеет также тенденцию к снижению. Если в 2000 г. он составлял 10,7 на 1000 родившихся живыми, то к 2014 г. он снизился в 1,6 раза и составил 6.5%.

Показатель материнской смертности в 2000 г. был зарегистрирован на уровне 23,3 на 100000 родившихся живыми, к 2014 г. он уменьшился в 4,5 раза (2013 г. – 5.1%).

Смертность на 1000 чел. населения трудоспособного возраста также имеет тенденцию к снижению с 8,07(2000 г.) до 7,0 (2013 г).

На основе показателей смертности трудоспособного населения по методике В.В. Двойрина и Е.М. Аксель [4] мы рассчитали потери трудового и жизненного потенциала этой категории населения. Это безвозвратные потери (человеко-лет утраченной жизни) экономически активного населения.

Потери жизненного потенциала трудоспособного населения в 2000 г. составили 333604,7 чел/лет на все трудоспособное население и 163,54 чел/лет на 1000 чел. населения трудоспособного возраста, к 2014 г. 285571,6 чел/лет и 146.3 чел/лет на 1000 чел. населения трудоспособного возраста.

Потери трудового потенциала трудоспособного населения в 2000 г. составили 266221 чел/лет и 130,5 чел/лет на 1000 населения трудоспособного возраста, к 2014-195454чел/лет и 100,1 чел/лет на 1000 населения трудоспособного возраста.

Показатели потерь трудового потенциала у мужчин выше, чем у женщин от 11,6 раз в 2000 г. до 3,8 раза в 2014 г. Потери жизненного потенциала также выше в 2,8 раз в 2000 г. и в 1,9 раз в 2014 г.

У сельского населения эти показатели потерь превышают показатели городского населения. Потери трудового потенциала превышают в разные годы от 1,8, до 1,2 раз. Потери жизненного потенциала соответственно от 1,1 до 1,4 раза.

Анализ в динамике за 15 лет показателей потерь трудового и жизненного потенциалов на 1000 чел. населения трудоспособного возраста выявил, что у мужчин эти показатели в динамике снижаются, а у женщин растут.

К потерям капитала здоровья приводит также заболеваемость населения, которая в Самарской области продолжает расти. Первичная заболеваемость в регионе за 15 лет увеличилась в 1,2 раза (с 83502,1 на 100 тыс. населения в 2000 г., до 101602,6 на 100 тыс. населения в 2014 г.).

Среди показателей здоровья, приводящих к снижению капитала здоровья, необходимо выделить инвалидность населения. Следует отметить положительную динамику снижения показателя первичной инвалидности у лиц 18 лет и старше в Самарской области. Если значение этого показателя в 2000 г. составляло 73,8% на 10 тыс. соответствующего населения, то в 2014 г. он снизился до 59.1%.

Неблагоприятные тенденции в общественном здоровье не способствуют укреплению и развитию человеческого капитала, в том числе и капитала

здоровья. На современном этапе развития науки созрела насущная потребность в расширении исследований по изучению и анализу ущерба, связанного с низкой рождаемостью, преждевременной смертностью от различных причин, высокой заболеваемостью и инвалидностью. Полученные научные данные позволят целенаправленно разрабатывать новые проекты по сохранению и укреплению здоровья населения, а также корректировать уже действующие программы как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ.

Список литературы

1. Ильинский И.В. Инвестиции в будущее: образование в инвестиционном воспроизводстве / И.В. Ильинский. СПб., 1996. 28 с.
2. Общественное здоровье как важнейшая составляющая человеческого капитала / Под редакцией Я.А. Лещенко. Иркутск: Репроцентр А1, 2005. 206 с.
3. Медик В.А., Юрьев В.К. Курс лекций по общественному здоровью и здравоохранению. Часть 3. экономика и управление здравоохранением. М. Медицина. 2003. 392 с.
4. Двойрин В.В., Аксель Е.М. Обобщенные показатели здоровья населения России. М. ОНЦ РАМН. 1993. 125 с.
5. Пушкарев О.В Человеческий капитал и моделирование медико-экономической эффективности в здравоохранении: автореф. дис. …д.мед.н. Новокузнецк: 14.00.33. 2009.
6. Щепин О.П. Здоровье населения – основа развития здравоохранения / Коротких Р.В., Щепин В.О., Медик В.А. М.: Национальный НИИ общественного здоровья РАМН. 2009. 376 с.

INDIVIDUELLE BILDUNGSWEGE GESTALTEN
ПОСТРОЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ

Stephan Praendl
Educational and Consulting Centre in the Sphere of Social Pedagogy, Wangen-im-Allgaeu, Germany
Штефан Прендль
Центра образования и консультации в сфере специальной педагогики, Ванген-им-Альгой, Германия

The role of social pedagogy in implementation of inclusive education in German middle schools is analyzed. Based on medical statistics data the importance of implementation of individual approach to pupils with special needs is proved and practical techniques of work with them are presented.

Анализируется роль социальной педагогики во внедрении инклюзивного образования в немецких школах. На основании данных медицинской статистики обосновывается актуальность внедрения индивидуального подхода к ученикам с особыми потребностями, предлагаются практические методики работы с ними.

Keywords: inclusive education, socio-pedagogical techniques, system of school education in Germany, international experience of social work

Ключевые слова: инклюзивное образование, социально-педагогические технологии, школьное образование в Германии, международный опыт социальной работы

Die Studie zur Gesundheit von Kindern und Jugendlichen in Deutschland (KIGGS) des Robert Koch Instituts wurde in einer ersten Welle von 2009 bis 2012 durchgeführt. Zwei Teilergebnisse deuten auf Entwicklungsnotwendigkeiten im Bildungssystem hin:

„Etwa 16 Prozent der Kinder und Jugendlichen haben nach Angaben der Eltern ein lang andauerndes, chronisches Gesundheitsproblem. Nur etwa jedes Fünfte dieser Kinder (3,2 Prozent der 0- bis 17-Jährigen) ist dabei krankheitsbedingt eingeschränkt, Dinge zu tun, die Gleichaltrige tun können.“

„Psychische Auffälligkeiten bei Kindern und Jugendlichen belasten die Betroffenen, die Familie und das soziale Umfeld. Bei jedem fünften Kind (20.2%) zwischen 3 und 17 Jahren können Hinweise auf psychische Störungen festgestellt werden. Die Häufigkeit (Prävalenz) ist damit seit der KiGGS-Basiserhebung unverändert. Jungen (23.4%) sind dabei häufiger betroffen als bei Mädchen (16.9%). Jungen sind zudem häufiger infolge emotionaler und verhaltensbedingter Probleme in ihrer Alltagsfunktionalität beeinträchtigt. Bei 12.4% der Kinder und Jugendlichen mit psychischen Auffälligkeiten sind zusätzlich deutliche bzw. massive Beeinträchtigungen im sozialen und familiären Alltag zu verzeichnen. Kinder und Jugendliche aus Familien mit niedrigen sozialen Status sind häufiger von psychischen Auffälligkeiten betroffen.“

(www.kiggs-studie.de; Robert-Koch-Institut, Nordufer 20, 13353 Berlin)

Die Bundesrepublik Deutschland hat die Konvention über die Rechte von Menschen mit Behinderungen (Convention of the United Nations on the rights of persons with disabilities) im Jahre 2009 ratifiziert. Im Nachgang hierzu werden die gesetzlichen Regelungen in den 16 Bundesländern angepasst und die Schulsysteme in Richtung inklusive / individuelle Bildung weiterentwickelt. Das Leitbild der Behindertenkonvention ist in allen Bereichen Inklusion. Es geht hierbei um die Herausforderung unsere Gesellschaft so weiter zu entwickeln, dass alle Menschen zu Teilhabe kommen können. Nicht die einzelnen Menschen müssen sich anpassen, sondern die Angebote der gesellschaftlichen Einrichtungen müssen passgenau

entwickelt werden. Menschliche Vielfalt muss das selbstverständliche Leitbild werden. Wir müssen viele Bereiche des Zusammenlebens neu denken. Die Artikel 24 und 7 der Behindertenrechtskonvention sind grundlegende Aussagen zu meinem Arbeitsgebiet.

Aus meiner Sicht muss man die Behindertenrechtskonvention als eine Konvention der Menschenrechte betrachten und sie steht so im Rang der UN Menschenrechtserklärung (von 1948), der Konvention der Rechte von Kindern (seit 1992 in Deutschland in Kraft getreten) und aller anderen Menschenrechtskonventionen der UN.

Drei Begriffe der Behindertenkonvention halte ich für den Bereich der Bildung für zentral:

– Inclusive education system; Art. 24

– Human diversity; Art. 24

– The best intersest of the child; Art. 7

Auf Grundlage dieser drei zentralen Vorgaben der UN-Konvention verstehe ich Inklusion als andauernden gesamtgesellschaftlichen Prozess, der im Bildungssystem gestaltet werden muss.

Auf der Basis der rechtlichen Umgestaltung und Neuorientierung wurden im Bereich der Pädagogik und Sonderpädagogik Prozesse im Bereich Didaktik und Methodik angestoßen. So entwickeln sich Bildung, Schule und Unterricht weiter. Neuausrichtung und Veränderung der Zielbereiche von individueller Bildung prägen den Prozess der Weiterentwicklung der Bildungssysteme in Deutschland. Gerade für Kinder und Jugendliche, die behindert, von Behinderung bedroht oder chronisch krank sind werden vor diesem Hintergrund individuelle Bildungswege entwickelt, um so Teilhabe in allen Bereichen des Lebens zu ermöglichen.

Pädagogik, Schule und Unterricht müssen in diesem Verständnis neue Orientierungen entwickeln und diese auf die konkreten Ebenen der Bildungsarbeit herunterbrechen. Das Verständnis der pädagogischen Arbeit im Geiste der menschlichen Vielfalt, im Kontext lebenslanger Bildung, gründet auf drei Grundorientierungen. Orientierungen einer Pädagogik, die sich der menschlichen Vielfalt verpflichtet, sind:

– Inklusionsorientierung: Alle Menschen finden in einer gemeinsamen Bildung Relevanz, Würde und Anerkennung

– Ressourcenorientierung: Die Ausstattung mit Ressourcen ermöglicht den Abbau von Barrieren und echte Teilhabe an inklusiven Entwicklungen

– Subjektorientierung: Im dialogischen Prozess entwickelt jeder einzelne Mensch persönliche Stärken und ein positives Selbstkonzept.

Grundlagen unterrichtlicher Ansätze zur Entwicklung eines Schullebens in dem die Förderung aller integriert werden kann möchte ich im Folgenden darstellen. Ein

mehrstufiges Modell von Förderangeboten stellt die Grundlage und den Grundgedanken dar. Dieses Konzept ist angelehnt an den Ansatz des „Response-to-intervention RTI“. Die Grundlagen und Ideen habe ich den Internetseiten der Universität Rostock entnommen.

Auf der Homepage der Universität Rostock findet man unter dem Thema: “Rügener Inklusionsmodell“ folgende Textpassage: *„Der Begriff „Response-to-Intervention“ (RTI) bezeichnet einen Beschulungsansatz, der zum einen auf die Prävention von und die Integration bei sonderpädagogischem Förderbedarf abzielt und zum anderen eine alternative Form der Feststellung von Lern- und Entwicklungsbeeinträchtigungen darstellt (Gresham, VanDerHeyden & Witt, 2005). Hauptanliegen ist es, unterrichtliche Maßnahmen so zu gestalten, dass jeder Schüler davon in ausreichendem Maß profitieren kann. Ob dies gelingt, wird auf Grundlage der Reaktionen der Kinder (Response) auf die pädagogischen Angebote (Intervention), welche sich in der schulischen Leistungsentwicklung manifestieren, bemessen.*

Kernmerkmale des RTI-Konzeptes sind die stufenweise aufgebauten Maßnahmen auf mehreren Förderebenen (Mehrebenenprävention), der Einsatz evidenzbasierter Unterrichts- und Förderverfahren sowie eine datenbasierte Praxis als Grundlage für Förderentscheidungen sowie zur Beurteilung des Lernverlaufs der Kinder, beinhalten. Diese Maßnahmen ermöglichen es den Lehrkräften, Lern- und Entwicklungsschwierigkeiten frühzeitig zu erkennen und angemessen darauf zu reagieren.

Der RTI-Ansatz erscheint demnach als ein geeignetes Rahmenkonzept für die Umsetzung der durch die Behindertenrechtskonvention der Vereinten Nationen gesetzlich vorgeschriebenen inklusiven Schule.“ (http://www.rim.uni-rostock.de/der-response-to-intervention-ansatz/)

Weiter ist dort zu lesen:

„Die Ursprünge des Response-to-Intervention- bzw. Instruction-Ansatzes liegen in den 1960er Jahren in den USA. Seit 2004 gilt er als eine gesetzlich verankerte Alternative zur Identifikation von Lernbehinderungen durch das „Individuals with Disabilities Education Improvement Act“ (Individuals with Disabilities Education Improvement Act., Sec. 614.b.6.B). Im Jahr 2009 wurde der RTI-Ansatz als präventives und inklusives Beschulungskonzept bereits in über 50% der US-amerikanischen Staaten angewendet (Berkeley, Bender, Peaster & Saunders, 2009).“(http://www.rim.uni-rostock.de/der-response-to-intervention-ansatz/)

Unterrichtorganisation und Lebensraum Klassenzimmer

Alle am Lernprozess beteiligten Personen, Kinder, Lehrerinnen und Lehrer suchen im Lebensraum Schule nach positiven Beziehungen. So auch im alltäglichen Lernprozess im Klassenzimmer. Jedem guten Unterricht liegt eine professionelle,

hilfreiche Beziehung zu Grunde. Hierfür benötigt man ein geordnetes Umfeld. Bezeichnungen wie „Vorbereitete Umgebung“ bei Maria Montessori oder „Classroom Management“ in vielen Zusammenhängen seien hierfür Beispiele.

Die geordnete Lernumgebung, das organisierte Lernfeld, die vorbereiteten Kommunikationseben und die verschiedenen Lernorte und Möglichkeiten reduzieren die kleinen Störungen, bevor sie zum Problem werden. Ein Beispiel solcher Organisation stellt die folgende Grafik nach Sayeski und Brown dar.

Auf der Basis der Idee des „Response-to-Intervention“ als Konzept für ein inklusives Schulleben bilden sich drei Stufen der Unterrichtsgestaltung und Förderung ab.

Stufe 1:

evidenzbasierte Unterrichtsgestaltung mit regelmäßigen Screenings (3 mal pro Jahr) der Lern- und Entwicklungsfortschritte aller Schüler. Durch diese lernbegleitende Diagnostik werden Schüler, die unter Risiken aufwachsen und deren Entwicklung gefährdet oder beeinträchtigt ist, frühzeitig identifiziert. Beratung durch sonderpädagogische Fachkräften, durch die eine intensivierte Form der Unterstützung initiiert werden kann.

Stufe 2:

Förderung für 20 % der Schüler durch den Einsatz evidenzbasierter Verfahren für Schüler mit Risikobelastungen. Häufigere und intensivere Lernverlaufsdiagnostik

insbesondere durch curriculumbasiertes Messen. Die Kooperation der Fachkräfte erfolgt auch hier zur Entwicklung individualisierter Förderpläne.

Stufe 3:

Ca. 1-5 % der Schüler mit hohen Risiken und bereits manifesten Problemlagen erhalten eine individualisierte, intensive Unterstützung durch qualifizierte Fachkräfte. Die Durchführung kann, muss jedoch nicht in speziellen Organisationsformen stattfinden. Die engmaschige, z. T. tägliche Differentialdiagnostik erfolgt mit anerkannten psychometrischen Verfahren. Die individualisierte Förderplanung findet in enger Kooperation der sonderpädagogischen Fachkräfte mit anderen Fachdiensten (Schulpsychologie, Jugendhilfe, Medizin) statt.

Prinzipien und Methoden

Peer Tutoring

„Kooperatives Lernen und Peer Tutoring im inklusiven Unterricht“ (in: Zeitschrift für Inklusion Nr. 1-2 2012) von Büttner, Warwas und Adl-Amini beschreibt die Methode in ihrer Gesamtheit, wie ich meine. Bestandteile sind auch „Lernen in Kleingruppen“ (auch Dyaden), in denen sich die Gruppenmitglieder gegenseitig beim Lernen unterstützen und auf ein gemeinsames Lernziel hinarbeiten. Beispiele für solche Methoden sind: Gruppenpuzzle, Gruppenrallye, Tutorensysteme und Reziprokes Lehren. In all diesen Ansätzen ist Kooperation die Basis für den gemeinsamen (Lern-) Erfolg.

„Think-Pair-Square-Share“

Diese Methode eignet sich meiner Meinung nach gut zur Einführung von peer-gestützten Lernformen in Schulklassen. Die Methode erfordert wenig Vorbereitungsaufwand für die Schülerinnen und Schüler und ist in den Unterrichtszeiten sehe flexibel integrierbar. Das Prinzip für den Einsatz im Unterricht legt immer die vier aufeinanderfolgenden Schritte fest.

1. Individuelles Bearbeiten einer Aufgabe (Think)
2. Austausch mit einem Partner (Pair)
3. Austausch in einem Team(3-4) (Square)
4. Ergebnisse im Gruppen/Klassenplenum präsentieren (Share)

„Reziprokes Lehren und Lernen“

Am Beispiel einer Aufgabe zur Textbearbeitung stelle ich hier den Ablauf dar. Dieser Ablauf kann aber ebenso gut bei jeden anderen Inhalt oder Thema angewandt werden.

In jeder Sitzung übernimmt eine andere Person die Lehrerrolle für einen Textabschnitt (zu Beginn meist die Lehrkraft selbst, später die Schüler). Die Person, die die Lehrerrolle übernimmt, ist für die Moderation der Runde und die Ausführung der unten genannten Strategien zuständig. Jeder Textabschnitt wird nacheinander mit folgenden Strategien bearbeitet:

Fragen stellen (*Questioning*)

Diese Strategie dient zur Überprüfung (*self-monitoring*) des Verständnisses des Abschnitts. Die gestellten Fragen sollen sich dabei idealerweise nicht direkt auf die im Text gegebenen Informationen beziehen, sondern sich über den Rahmen des Textes hinausbewegen (Fragen, die der Text nicht direkt beantwortet).

Zusammenfassen (*Summarizing*)

Auch das Zusammenfassen dient zur Überprüfung des Textverständnisses. Die Schüler sollen dabei lernen, dass sie, wenn sie nicht in der Lage sind eine Zusammenfassung zu geben, den Text nicht genau verstanden haben.

Klarstellen (*Clarification*)

Im Gegensatz zum Zusammenfassen soll hier nicht das globale Verständnis des Textes überprüft werden, sondern ob einzelne Wörter oder Sätze in dem Abschnitt ungeklärt geblieben sind.

Vorhersage (*Prediction*)

Die Schüler werden dazu aufgefordert, eine Vermutung zu äußern, auf was der Autor in dem nächsten Abschnitt eingehen könnte.

Diese zwei Beispiele stehen für die Zugänge und Möglichkeiten „individuelle Bildungsmöglichkeiten“ zu gestalten. Es existieren natürlich viele weitere methodische Möglichkeiten, die die Grundlage guter Beziehungen im Lernprozess, im Lernalltag und in der Lernumgebung schaffen können. Aber nicht nur Methoden des Unterrichtens, Lehrens und Lernens wirken auf das Schul- und Bildungsleben eines jeden von uns.

Hattie hat in *„Visibile Learning“, 2009/2012, im Deutschen „Sichtbares lernen“, 2013* schädliche, wirksame und sehr wirksame Faktoren, Effekte und Unterrichtsmaßnahmen dargestellt.

Schädliche Einflüsse	***Effekt (d)***
Mobilität (Umzug der Eltern)	*-.34*
Fernsehen	*-.18*
Alleinerziehende Eltern	*-.17*
Sitzenbleiben	*-.16*
Schulferien (insbes. bei sozialer Benachteiligung)	*-.09*
Wirksame Unterrichtsmaßnahmen	***Effekt (d)***
Classroom Management	*.52*
Peer Tutoring	*.55*
Arbeit mit Lösungsbeispielen	*.57*
Direkte Instruktion	*.59*
sehr wirksame Unterrichtsmaßnahmen	***Effekt (d)***
Regelmäßige Tests mit Feedback	*.62*
Schulische Leseförderung	*.67*

Metakognitive Strategien	*.69*
Verteiltes vs. Massiertes Lernen	*.71*
L-Ss-Verhältnis	*.72*
Feedback	*.73*
Reziprokes Unterrichten	*.74*
Klarheit der Instruktion	*.75*

Hattie, J.: Visible Learning (2009/ 2012). Sichtbares Lernen. 2013

Bei der Gestaltung von Bildungsprozessen, eben der diesem von mir präferierten individuellen Bildungswege sind diese Gedanken zu Grunde zu legen. In Planung und Vorbereitung einer Lernumgebung, von Lernprozessen spielt dieses neue Denken von Schule.

Unterricht, Lehren, Lernen und Erfahren eine bedeutende Rolle, um ein Lernsetting für inklusive, individuelle, erfolgreiche und barrierefreie Bildung zu schaffen.

Gerade auch in der sonderpädagogischen Bildung geht es eben nicht „nur“ um das Erlernen von Inhalten und Schulstoff. Es geht um die Gestaltung individueller Bildungswege. Um Teilhabe an Bildung für Kinder und Jugendliche die behindert, chronisch krank oder von Behinderung bedroht sind, zu schaffen sind die Zielbereiche der Sonderpädagogischen Bildungs- und Beratungszentren (SBBZ) heute weiter gefasst. Die Sonderpädagogischen Bildungs- und Beratungszentren sind ein zentraler Bestandteil des gesamten Bildungssystems unseres Landes. In interprofessioneller und subsidiärer Zusammenarbeit wirkt so das gesamte Bildungssystem inklusiv und gestaltet die individuellen Voraussetzungen für jedes Kind und für jeden Jugendlichen.

Die Erweiterung der Zielbereiche schulischer Bildung zeigen sich in folgenden Herausforderungen und Chancen des Schullebens:

– Schule/Hochschule/Universität und die eigenen Voraussetzungen in Einklang bringen

– Chronische Krankheit/Behinderung im Schulalltag managen

– Lust auf Lernen in Gruppen wieder wecken, Kompetenzen suchen, Lernmotivation finden

– Verschiedenheit als bereichernde Vielfalt erleben

– Methodentraining „Lernen“ – wie kann ich besser lernen?

– Methodentraining „Belastende Situationen“ – Selbststeuerung

– Konflikte gewaltlos lösen

– Prävention: Stark sein – Hilfen anfordern und annehmen

– Beratungen: Berufsberatung, Studienberatung, Schulwechsel, Laufbahn,

– Erfolgreiche Integration in die jeweilige Schul-, Hochschul-Gemeinschaft

Fazit:

Die sonderpädagogischen Bildungs- und Beratungszentren (SBBZ) stellen im Bildungssystem unseres Landes ein wichtiges und wirksames Unterstützungssystem dar, um individuelle Bildungswege gestalten zu können. Die Didaktik und Methodik, sowie auch das „Neue Denken“ von Bildung, Schule und Unterricht das dort entwickelt wird trägt maßgeblich zur Inklusionskraft des gesamten Bildungssystems bei. Hilfen, Unterstützungen und eventuelle Neuorientierungen können in interprofessioneller Zusammenarbeit zwischen allen Beteiligten entwickelt werden. Eltern, Kinder und Jugendliche, Lehrerinnen und Lehrer, Behörden, Therapeuten und alle anderen am Bildungsprozess beteiligten Personen können die Erkenntnisse und Hinweise aus der Zusammenarbeit aufnehmen und für die weitere Entwicklung der individuellen Bildungswege positiv nutzen. Die sonderpädagogische Qualifikation des SBBZ schafft durch das interprofessionelle und institutionsunabhängige Handeln die Voraussetzungen für schulische Teilhabe und Inklusion. Als Teil des gesamten Bildungssystems trägt so diese Zusammenarbeit zur Umsetzung der Inhalte der Behindertenrechtskonvention bei.

ФОРМУЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ
SETTING A PERSONAL GOALS IN VOCATIONAL TRAINING

М.В. Придатченко
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
M.V. Pridatchenko
Lobachevsky University

Рассматривается формулирование индивидуальных целей в профессиональном образовании как способ индивидуализации образования, повышения мотивации обучения и эффективности образовательного процесса, развития личностной вовлеченности в освоение теоретических дисциплин.

Setting a personal goals in vocational training is considered in the article as a way of educational individualization, increasing educational incentive and efficiency, development of personal involvement in training.

Ключевые слова: индивидуальные цели, индивидуализация образования, коучинг

Keywords: personal goals, individualization of education, coaching

Многообразие форм и вариантов реализации социокультурных процессов отличает современное общество от предыдущих веков традиционности и обычности. Период перманентных динамичных изменений именуют

турбулентными временами. Ветры перемен не позволяют наблюдателю зафиксировать их направление, скорость и режим. Снижается значение опыта и привычных паттернов, они перестают быть залогом успешного самоосуществления в социокультурном пространстве. Привычность и предсказуемость из ресурсов превращаются в препятствия, потому что ограничивают динамичность и лабильность социальной стратегии, не дают ей разворачиваться в соответствии с меняющимся контекстом. Тревожная чувствительность, случайность и риск становятся инструментами повышения динамики развития, быстрого изменения направления движения, конструирования индивидуальных стратегий и сфер социокультурной активности.

Образование является достаточно консервативным социальным институтом, в задачи которого входит сохранение и передача накопленного социокультурного опыта. В настоящее время сфера образования подвергается критике из-за несоответствия образовательных целей потребностям общества в целом и интересам отдельных субъектов образовательного процесса. Выпускники вузов и их работодатели указывают на отсутствие связи между содержанием образования и реальными профессиональными задачами. Подобные предубеждения снижают уровень мотивации в обучении. Еще более низкий уровень мотивации и вовлеченности отмечается при изучении теоретических дисциплин. Длинные тексты сложны в освоении. Студенты не видят прямой и наглядной связи между предметом и практикой. Целью обучения в университете становится получение диплома как символа взрослости и пропуска в сферу нефизического труда. Представляется, что ожидания, предъявляемые к фундаментальному образованию, не соответствуют его подлинной роли и функциям. Оно не призвано решать оперативные задачи, оно является глубинной основой для конструирования социокультурных практик и паттернов, их динамичного изменения и адаптации к меняющимся условиям среды.

Современные студенты родились в годы ускоряющихся и постоянных изменений, им привычны большие объемы информации, которые они готовы структурно осваивать в формате клипов и комиксов. Они обладают живостью восприятия, стремлением развиваться. Молодые люди растут одновременно с объемом знаний и технологий в нашем мире, овладение ими становится естественным навыком для них. Они хотят быть субъектами – быть, определять, управлять, готовы к активному участию. Образование – это один из первых социальных институтов, который встречается на их пути и призван удовлетворить эту потребность и придать ей легитимную социальную форму. Им предстоит учиться всю свою жизнь, постоянно формировать и развивать новые навыки и компетенции. Важным фактором поддержания этой активности

является личный интерес. Люди хотят, чтобы социокультурные процессы, в которые они вовлечены, были про них, про их цели и ценности.

Фундаментальное университетское образование готовит специалиста к непрерывному освоению и обновлению практических профессиональных навыков. Профессиональное образование должно быть источником и стимулом личностного развития. Осознанное, личностно ориентированное освоение учебной информации будет способствовать росту качества образования и эффективному формированию профессиональных компетенций. Привычность обращения к теории при решении практических задач снизит негативные последствия изменений, повысит адаптивность к турбулентности.

Приблизить фундаментальное университетское образование к потребностям повседневной жизни обычных людей могут их личные цели, сформулированные в пространстве профессионального образования. Образовательные стратегии становятся индивидуализированными. Разнообразие практик, форм и паттернов в современном социокультурном пространстве создает условия для конструирования личностноориентированных образовательных стратегий, результаты которых в свою очередь будут увеличивать это разнообразие.

Современная наука обладает богатейшей теоретической базой. Важной образовательной задачей становится освещение той сферы практической профессиональной деятельности, которую можно изучать, интерпретировать или конструировать с позиций изучаемой теоретической модели. В процессе преподавания социологической теории эта задача становится наиболее актуальной. Этот уникальный материал можно представить как исследовательскую модель части реальности, как инструмент разработки управленческого действия, как матрицу для осознания взаимодействий в контексте повседневности. Примеры из разных сфер социальной практики помогут поддерживать интерес учащихся к предмету, определиться с направлением их профессионального развития.

Роль и функции преподавателя сейчас меняются. Задача преподавателя – и помочь студенту сформулировать свою цель в образовательной деятельности, определить направления освоения содержания образования, сопровождать и поддерживать его в этом движении. Вся учебная информация доступна. Преподаватель перестает быть единственным источником информации. Он переводит ее на язык учащихся, их личных интересов, демонстрирует ее идеологический, аналитический и конструктивный потенциал. Основная задача преподавателя – формировать и поддерживать исследовательский интерес, задавать вопросы, а не давать готовые ответы.

Инструментом, который поможет обнаружить и конкретизировать индивидуальные цели в процессе освоения дисциплины, является коучинг. Студенты в группе часто обладают разным уровнем подготовки и притязаний. Открытые коучинговые вопросы позволяют студентам увидеть, понять, освоить тот уровень и объем материала, который обусловлен их личностными особенностями и потребностями, попадает в зону их потенциального развития. Технология коучинга позволяет интерпретировать учебный материал через призму учащегося субъекта, сделать его освоение этапом естественного экологичного развития личности.

Групповой формат обучения позволяет проводить командные коучинг-сессии, которые не только направлены на выяснение и формулирование целей учащихся, но и на формирование навыков командной работы и передачу технологии работы с группой.

На первом или втором занятии проводится сессия командного коучинга. Преподаватель проясняет цели учащихся, их интересы, ресурсы для достижения желаемых целей. Совместно с группой цели формулируются по модели SMART. В зависимости от числа учащихся работа проводится с группой в целом или студентов объединяют в несколько групп с количеством участников от 7 до 15 человек. Важным пунктом в конструировании индивидуальной программы освоения дисциплины является определение собственного вклада в работу группы. Уже на начальных этапах работы он стимулирует участника определить и заявить о своих сильных чертах, стать активным членом группы, взять на себя ответственность за общий и личный результат. Итогом сессии командного коучинга является подготовка визуальной презентации на листе флипчарта. Эта презентация по возможности висит в аудитории на протяжении всего курса или фиксируется на фото-носители. Содержание каждого занятия соотносится с выделенными целями, преподаватель обращает внимание студентов, как осваиваемый материал приближает их к поставленным целям. В конце курса необходимо соотнести полученные результаты с целями, сформулированными в начале курса. Это позволяет учащимся визуализировать свое продвижение и развитие, формировать свое самовосприятие как специалиста.

Сфера образования взрослых значительно увеличилась в последнее десятилетие. Учащийся перестал быть «птенцом», принимающим любой материал, выданный «мудрой птицей» – преподавателем. Студент становится партнером в образовательным процессе. У отечественного университетского образования есть все ресурсы, чтобы поддержать эту трансформацию образовательного процесса и подготовить свободного, ответственного профессионала, готового работать, развиваться и учиться всю свою жизнь.

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

INTERPERSONAL TRUST AND MENTAL HEALTH OF RESIDENTS OF EUROPEAN COUNTRIES

В.А. Прохода
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва
V.A. Prokhoda
Lomonosov Moscow State University;
Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow

Анализируются результаты международного социологического исследования. На основе факторного анализа рассчитаны интегративные показатели, характеризующие психическое здоровье и межличностное доверие жителей европейских государств. На общеевропейском фоне ситуация с состоянием психического здоровья россиян охарактеризована как неблагополучная. Установлен характер взаимосвязи между межличностным доверием и психическим здоровьем населения европейских стран.

The author analyzed the results of an international sociological study. The integrative indicators characterizing the mental health and interpersonal trust of the inhabitants of European countries are calculated on the basis of factor analysis. The situation with the state of mental health of Russians is characterized as unfavorable on a pan-European background. The nature of the relationship between interpersonal trust and mental health in European countries is established.

Ключевые слова: доверие, межличностное доверие, социальный капитал, здоровье, психическое здоровье, депрессия, европейские страны

Keywords: trust, interpersonal trust, social capital, health, mental health, depression, European countries

В публикации рассматриваются некоторые результаты шестой волны межстранового социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS)», проведенного в 2012 г. «ESS» – проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения европейских стран (Россия участвует в «ESS» с 2006 г.). В подвергнутой обработке базе данных 2012 г. представлены 24 страны. В каждой стране по национальной репрезентативной выборке было опрошено от 752 (Исландия) до 2958 (Германия) респондентов в возрасте 15 лет и старше. В России опрос проводился Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Общее число опрошенных – 2484 человека. На международном уровне общее

управление проектом осуществляли: The Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK; Scientific Advisory Board.

В отечественной и зарубежной научной литературе отмечается связь межличностного доверия как индикатора социального капитала с состоянием здоровья [1], в том числе психического [2]. При этом ощущается некоторый дефицит исследований, базирующихся на результатах социологических опросов, проводимых как в масштабах страны, так и в межгосударственном формате. Целью работы является выявление характера взаимосвязи между межличностным доверием и психическим здоровьем россиян.

Под психическим здоровьем в настоящей публикации понимается – «состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество» [3]. Для выявления психического здоровья россиян просили перечислить, сколько времени в течение последней недели респонденты: чувствовали депрессию, одиночество, грусть, тревогу и озабоченность, беспокойно спали, чувствовали, что все дается с трудом, не могли собраться и мобилизовать себя. При этом предлагалось четыре варианта ответа от «1» – «*никогда или почти никогда*» до «4» – «*все или почти все время*». Факторный анализ показал корректность использования вместо семи отдельных вопросов – единого интегративного показателя (фактора), построенного на основе выраженности перечисленных состояний, и характеризующего психическое здоровье жителей европейских государств.

Далее, страны – участницы проекта были ранжированы в порядке возрастания их среднего значения интегративного показателя. Чем выше уровень психического здоровья населения страны, тем больше ее ранг. На первом месте в импровизированном списке оказалась Венгрия, за ней следуют Россия, Республика Косово, Болгария, Словакия, Чехия, Эстония – страны, характеризующиеся сравнительно низкими показателями психического здоровья населения. Обращает на себя внимание, что группу аутсайдеров составляют постсоциалистические государства. Ситуация в России на общеевропейском фоне может быть охарактеризована по рассматриваемому показателю как крайне неблагополучная. На противоположном полюсе оказались Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция, Словения, Ирландия, Исландия, Германия, Швейцария. Жители этих европейских стран отличаются высоким уровнем психического здоровья и сравнительно редко констатировали наличие вышеперечисленных психических состояний.

Межличностное доверие измерялось с помощью следующих вопросов: 1. *Вы считаете, что большинству людей можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не*

помешает? 2. *Большинство людей постарались бы Вас использовать, если им представилась такая возможность, или люди постараются вести себя с Вами честно?* 3. *В большинстве случаев люди стараются помогать другим, или они чаще всего заботятся только о себе?* Проведенный факторный анализ показал, что они группируются в один фактор с условным названием «межличностное доверие», характеризующий уровень межличностного доверия респондентов. Высокое, по европейским меркам, межличностное доверие демонстрируют жители Дании, Норвегии, Финляндии, Исландии, Швеции, Нидерландов, Швейцарии, Великобритании. В то же время самые низкие показатели фиксируются в Болгарии, за которой следуют Республика Кипр, Словакия, Португалия, Республика Косово, Польша, Россия, Чехия. Отметим, что сравнительно низкие показатели межличностного доверия в России весьма устойчивы во времени [4].

Зависимость между межличностным доверием и состоянием психического здоровья выявлялась с использованием процедуры корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена). В результате в абсолютном большинстве европейских стран была обнаружена статистически значимая отрицательная корреляционная связь между рассматриваемыми показателями (Рис. 1).

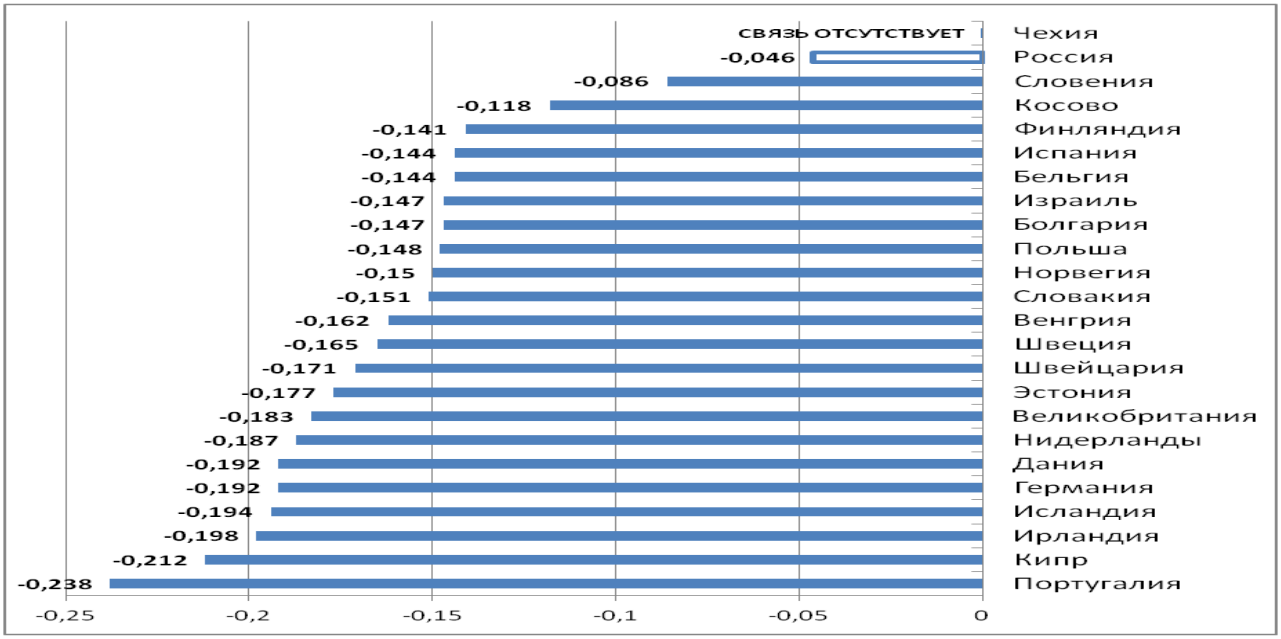


Рис.1. Взаимосвязь между психическим здоровьем и межличностным доверием у жителей европейских стран (коэффициент ранговой корреляции Спирмена)

Иными словами, чем выше уровень межличностного доверия, тем лучше состояние психического здоровья респондентов. Сравнительно сильно зависимость проявляется в Португалии, Республике Кипр, Ирландии,

Исландии, Германии, Дании. Минимальных значений показатель достигает в России и Словении, где корреляционную связь можно охарактеризовать как значимую, но слабую. Единственная европейская страна, где корреляция отсутствует – Чехия.

Таким образом, полученные результаты позволяют констатировать наличие связи межличностного доверия с состоянием психического здоровья населения в абсолютном большинстве европейских государств. В России фиксируется слабая, по европейским меркам, зависимость, объяснение чего требует проведения дополнительного исследования.

Список литературы

1. Нилов В.М. Социальный капитал и здоровье: методологические проблемы исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2011. Вып. 1. С. 217-220.
2. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН, 2009. 233 с.
3. Основные сведения о психическом здоровье // Всемирная организация здравоохранения. 2014. Режим доступа: http://www.who.int/topics/mental_health/mental-health-final.pdf?ua=1 (дата обращения: 24.06.2017).
4. Зеленев И.А., Прохода В.А. Доверие и высшее образование: сравнение России и других европейских государств // Философские науки. 2016. № 10. С. 107-115.

СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ
NATURAL DISASTERS AS A FACTOR OF ENVIRONMENTAL SOCIALIZATION OF AN INDIVIDUAL

Ю.В. Пупкова, Н.В. Хлабыстова
Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар
J.V. Pupkova, N.V. Khlabystova
Kuban State Technological University, Krasnodar

Рассматриваются социально-психологические особенности восприятия жителями г. Краснодара последствий ледяного дождя 2014 г. Представлены результаты двух социологических опросов: первый проводился после стихийного бедствия в 2014 г., второй – в 2017 г. Были выявлены межпоколенные различия в характере возможных поведенческих реакций во время ликвидации последствий стихии.

The article deals with social and psychological perception peculiarities of Krasnodar citizens, related to the icy rain consequences of 2014. The research is

based on results of two sociological inquiries. The first one was run just after natural disaster in 2014. The second one was run in 2017. In the course of the study, were revealed intergenerational differences in the nature of possible behavioral responses during the elimination of the consequences of the disaster.

Ключевые слова: стихийные бедствия, ледяной дождь, экологическая социализация

Keywords: natural disasters, icy rain, ecological socialization

Проблемы, связанные с особенностями мышления и поведения людей как непосредственно во время стихийных бедствий, так и в период поствоздействия экстремальной ситуации, давно привлекают внимание научного сообщества. За рубежом исследования различных аспектов адаптации индивидов и социальных групп к природным чрезвычайным ситуациям начали проводиться с 60-х гг. XX в. первоначально в рамках поведенческой географии [1, с. 234]. Многие отечественные и зарубежные психологи активно изучали различные негативные психические состояния личности, обусловленные воздействием экстремальных природных факторов [2, с. 165]. Однако проблемы социальных последствий стихийных бедствий в настоящее время остаются недостаточно изученными российской социологической наукой [3, с. 573].

Вместе с тем, природно-климатические условия регионов России имеют существенные различия в силу обширности ее территории. Природное явление, которое является вполне нормальным для одного региона РФ, может обернуться настоящим стихийным бедствием в другом, не готовом к нему регионе. Рассмотрим более подробно одну из таких ситуаций.

21 января 2014 г. несколько районов Краснодарского края и непосредственно г. Краснодар оказались во власти такого редкого для Юга России природного явления, как ледяной дождь. В краевой столице стихийное бедствие оставило без света 135 тыс. чел., спровоцировало транспортный коллапс, стало причиной гибели 14 тыс. деревьев. В результате падения с дерева обледеневшей ветки погибла 15-летняя девочка. Суммарный ущерб от удара стихии составил 538 млн. руб. [4].

С целью выявления социально-психологических особенностей восприятия данного стихийного бедствия в феврале 2014 г. был проведен анкетный опрос жителей г. Краснодара. Для того, чтобы выяснить, как с течением времени могло измениться отношение людей к рассматриваемой погодной аномалии, некоторые из анкетных вопросов 2014 г. были заданы в апреле 2017 г. студентам КубГТУ (Табл. 1 и 2).

Данные таблицы 1 свидетельствуют о существовании межпоколенных различий в восприятии стихии в тот период, когда городская инфраструктура,

по сути, только вернулась в режим своего нормального функционирования. В феврале 2014 г. лишь немногие респонденты в возрасте старше 45 лет оценивали ледяной дождь в г. Краснодаре как обычное природное явление. Респонденты с меньшим жизненным опытом, напротив, часто считали, что обледенение подобных масштабов является вполне рядовой ситуацией.

Таблица 1

Восприятие разными возрастными группами ледяного дождя и его последствий в г. Краснодаре 21 января 2014 г., %

	Жители г. Краснодара (февраль 2014 г.)			Студенты КубГТУ (апрель 2017 г.)
	до 25 лет	26-45 лет	старше 45 лет	
это было обычное природное явление, ничего удивительного	23.3	26.7	6.1	37.9
это был удар стихии, ничего сделать было нельзя	32.6	32.2	51.5	31.6
это результат общего нарушения экологического равновесия на планете	20.9	18.9	15.2	18.2
это результат нарушения равновесия в природе на территории Краснодарского края	19.8	16.7	24.2	10.2
другое	3.4	5.5	3.0	2.1

Непосредственный опыт переживания стихийных бедствий оказывает влияние на последующую оценку человеком вероятности повторения подобных событий и формирует соответствующие поведенческие реакции. По всей видимости, экстремальность и беспрецедентность произошедшего зимой 2014 г. для краснодарцев старшего поколения и обусловило то, что к фаталистической версии ледяного дождя склонялись, прежде всего, опрошенные в возрасте старше 45 лет (Табл. 1). В 2014 г. среди респондентов моложе 45 лет доля считавших, что ничего нельзя было сделать, поскольку это был удар стихии, была заметно ниже. Три года спустя, примерно столько же студентов КубГТУ придерживались фаталистической интерпретации ледяного дождя. Однако увеличилась доля тех, кто стал воспринимать события января 2014 г. в г. Краснодаре как обычное природное явление. Можно предположить, что со временем произошла когнитивная переоценка экстремальной ситуации тех городских жителей, которые пережили удар стихии в молодом возрасте.

Межпоколенные различия присутствовали и в ответе на вопрос о возможных социальных моделях поведения жителей г. Краснодара в период ликвидации последствий некоторых стихийных бедствий (Табл. 2.). В 2014 г. по мере увеличения возраста опрашиваемых доля поддерживающих идею социальной мобилизации горожан на борьбу со стихией последовательно

возрастала. Т.е. для старшего поколения краснодарцев ледяной дождь выступил фактором актуализации моделей взаимопомощи в трудной жизненной ситуации. В то время как молодежь, социализация которой происходила уже исключительно в условиях рыночного общества, в 2014 г. чаще склонялась к тому варианту поведения горожан, который предоставлял бы большую свободу выбора в период поствоздействия экстремальной ситуации. Опрос студентов КубГТУ, проведенный три года спустя, показал, что предпочтительным в представлениях молодого поколения стал уже вариант дистанцирования горожан от участия в ликвидации последствий стихийных бедствий.

Таблица 2

Мнение респондентов о том, должны ли горожане принимать участие в ликвидации последствий таких природных катаклизмов, как ледяной дождь, ураганный ветер, сильный град, обледенение, %

	Жители г. Краснодара (февраль 2014 г.)			Студенты КубГТУ (апрель 2017 г.)
	до 25 лет	26-45 лет	старше 45 лет	
да, должны принимать участие	32.5	46.6	60.6	29.8
не должны, но могут принять участие при определенных условиях	43.1	23.9	21.2	28.2
нет, не должны принимать участия	24.4	29.6	18.2	42.0

Различные чрезвычайные происшествия становятся для индивида неким стандартом, с которым сравниваются все последующие события его жизни. Но если экстремальные события случаются крайне редко, то острота воспоминаний о них будет снижаться [1, с. 229]. За последние три года на территории Краснодарского края ледяных дождей больше не было. Январские события 2014 г. стали настоящей трагедией только для одной семьи г. Краснодара. С непосредственной угрозой жизни и личными материальными потерями в результате падения с деревьев обледеневших веток сталкивались далеко не все краснодарцы. Основной же удар стихии пришелся на инфраструктуру города. Закономерно, что стихийные бедствия подобных масштабов со временем могут изглаживаться из памяти людей. Однако, как показал проведенный опрос, непосредственно после ледяного дождя в г. Краснодаре молодежь была более мотивирована помогать властям в ликвидации последствий стихии, чем три года спустя. Этот момент можно было использовать для экологической социализации личности и формирования норм коллективной взаимопомощи в условиях чрезвычайных ситуаций.

Список литературы

1. Голд Д. Психология и география: Основы поведенческой географии / Д. Голд; пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 304 с.
2. Кулик А.А. Периоды психологической адаптации к экстремальной ситуации // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сб. научных статей международной научно-практической конференции / Под ред. Р.В. Кадырова. Владивосток: 2011. № 1. С. 165-172.
3. Кутовая С.В. Наводнение на юге Дальнего Востока России: социальное самочувствие пострадавших // Фундаментальные исследования. 2015. №8. С. 572-575.
4. Ущерб от «ледяного дождя» в Краснодаре составил 538 млн. руб. // Официальный интернет-портал Администрации г. Краснодара и городской Думы Краснодара [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://krd.ru/novosti/glavnye-novosti/news_26022014_170350.html (дата обращения 23.06.2017).

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАТРИМОНИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

TRANSFORMATION OF MATRIMONIAL BEHAVIOR BY YOUNG PEOPLE

В.Н. Пушина, И.С. Ежова
Ивановский государственный университет
V.N. Pushina, I.S. Ezhova
Ivanovo State University

Представлены главные результаты социологического исследования трансформации матримониального поведения (на примере молодежи г. Иваново и Ивановской области).

The article presents main results of sociological study of matrimonial behavior. (Illustrated for example by young people of Ivanovo and Ivanovo region).

Ключевые слова: брак; молодежь; матримониальное поведение; матримониальные установки; модели; матримониальная идентификация; структура поведения

Keywords: marriage; the youth; matrimonial behavior; matrimonial settings; models; matrimonial identification; structure of behavior

Современная демографическая ситуация в России характеризуется депопуляцией населения, сокращением численности браков и рождения детей. В сравнении с данными, собранными Федеральной службой государственной статистики за предыдущие 5 лет, коэффициент брачности отражает сокращение числа браков, что ведет к сокращению рождаемости.

Воспроизведение социума невозможно вне репродукции. Молодежь в возрасте от 18 до 30 лет представляет собой значимую социальную группу, заключающую в себе основной демографический потенциал. Изучение теоретических источников показывает, что имеет место трансформация матримониального поведения и смена вектора построения взаимоотношений с противоположным полом, отказ от классической модели семьи и официальной регистрации брака, рождения детей в пользу свободной жизни, получения удовольствий, эгоизма, а также продвижения по карьерной лестнице.

Нами было проведено исследование матримониального поведения молодежи г. Иваново и Ивановской области, предмет которого – факторы, взаимовлияющие на трансформацию матримониального поведения и демографическую ситуацию в стране.

В опросе приняло участие 200 человек. Из них 100 человек, не состоящих в официальном зарегистрированном и гражданском браке (сожительстве). В данной группе выделяются представители в возрасте от 18 до 30 лет. Среди них 58% в статусе «не женат / не замужем», 38% – находящиеся в отношениях, 4% – в статусе «разведен / разведена». И 100 человек, состоящих в зарегистрированном браке и сожительстве, представлены в таких же возрастных группах. Респонденты распределились так: состоящие в официальном браке – 68%, состоящие в сожительстве – 32%.

Согласно распределению, анкетированию подверглось равное количество респондентов мужского и женского пола по 50 человек в каждой группе.

Результаты исследования показали:

1. Структуру матримониального поведения молодежи составляют ценности молодого человека и матримониальные установки, уровень готовности к созданию семьи.

2. Наряду с анализом понимания матримониального поведения как социального феномена, базирующегося на теоретических источниках, благодаря эмпирической части нашего исследования мы сформулировали понятие *«матримониальная идентификация».* Это процесс самоотождествления личности со сформированным в обществе образцом идеального супруга / супруги, обладающего необходимыми качествами характера и параметрами, целью которого является создание социально устойчивой семьи и её репродуктивное продолжение.

3. Анализ данных нашего исследования показывает, что каждый молодой человек из той или иной половой, возрастной, социальной группы совершает поступки в сфере личных взаимоотношений в соответствии с личным матримониальным сценарием. *В связи с этим мы выделили следующие матримониальные установки:*

– установка на создание собственной семьи;

– установка на официальную регистрацию брака. (Мы отмечаем, что на данную установку влияет пол молодого человека.);

– установка на длительный добрачный период (около года, несколько лет);

– установка на вступление в брак в определенном возрасте. (Для женщин выбран оптимальный возраст вступления в брак от 21 года до 25 лет, для мужчин – это 26 лет – 30 лет.);

– установка на формирование базы для индивидуальной матримониальной идентификации;

– установка на выбор партнера для брака с учетом его характера, национальности;

– установка на серьезное отношение к браку и семье, удовлетворение определенных потребностей в официальном браке.

Мы отмечаем, что выделенная нами структура может быть индивидуальна для каждого молодого человека, но нам удалось выделить необходимые *характеристики для составления матримониальных моделей.*

4. *Первоначальная модель матримониального поведения* присуща молодым людям в статусе «свободен». В исследовании группа респондентов данного статуса составляет 58 человек. 54% из них мужчины, 46% женщин.

Особенностями данной модели являются различия между матримониальным поведением мужчины и женщины в плане уровня готовности к браку. У 50% респондентов мужского пола существует установка на повышение своего материального уровня, отделение от родительской семьи, мотивация к построению карьеры, что определяет установку откладывания вступления в отношения и брак. Установка на необходимость создания семьи присуща молодым людям обоих полов, но женщинам данная установка присуща в большей степени, чем мужчинам. Тенденция сохраняется и в отношении установки на официальную регистрацию брака.

Для мужчин намного важнее успешная карьера и определенный материальный уровень (50%), для женщин же – материальное положение будущего партнера (88%).Существует необходимость получения помощи от родственников (50%);

Первичная переходная модель матримониального поведения характеризуется матримониальной стратегией молодых людей, которые находятся в периоде встреч с потенциальным партнером, женщин среди них 63%, мужчин – 36%. Нами отмечается изменение в структуре мотивов к вступлению в брак, появляется мотив «следование традициям» (22%), а также гендерная особенность, которая показывает, что для женщин вступление в брак

важнее(60%), чем для мужчин(30%). Данная группа оценивает свою готовность к браку и семье как достаточную. Установка необходимости создания семьи полностью оформлена(82% мужчин, 90% женщин).

Вторичная переходная модель матримониального поведения свойственна молодым людям в сожительстве с потенциальным партнером (женщин – 40%, мужчин – 60%). Мужчины, подверженные влиянию данной модели, откладывают вступление в брак. Женщины же определяют свой брак как официальный. Материальное положение партнера скорее является важной характеристикой для вступления в отношения(50%).Мотивационная структура включает в себя мотив «создание семейного очага» (72%). Меняется иерархия условий вступления в брак: первым выделяется чувство к партнеру. В то же время отношение к браку данной группы недостаточно серьезное.

Заключительная модель матримониального поведения типична для молодых людей, состоящих в официальном браке. Особенность данной модели в том, что молодые люди данной группы отмечают страх одиночества (10%). Вступление в брак происходит именно в том возрасте, когда уровень готовности к браку определяется как достаточный (70% – мужчин, 60% – женщин). Поддержка со стороны родителей и родственников необходима, по мнению опрошенных женского пола (62%), большинство опрошенных мужского пола считают, что поддержка должна осуществляться только в крайних случаях (12%) либо не оказываться вообще (32%). Молодой человек мужского пола в браке обретает необходимую целеустремленность и уверенность в своих силах, в совместном будущем.

Данные модели претерпели изменение, придав им вышеприведенный вид и повлияли на демографическую ситуацию в стране, привели к упадку рождаемости и деградации традиционных семейных ценностей в кругу молодых людей, не состоящих в официальном браке.

Молодые люди подвержены действию ложных установок и представлений, которые не позволяют им создать собственную семью, выполнять репродуктивную и воспитательную функции в качестве супругов. Для современных молодых людей характерна установка на откладывание брака, замену семейных отношений карьерой, пассивность в построении взаимоотношений с противоположным полом. Мы приходим к выводу, что матримониальное поведение требует активного вмешательства и коррекции со стороны государственных органов и социальных институтов. Повышению эффективности управления культурой матримониального поведения может способствовать целенаправленное, активное, регулярное распространение в обществе следующих ценностей: уважение к себе и другому; ценность равноправия; ответственное и разумное, активное матримониальное поведение.

Усилиями всего общества возможно формирование новых норм матримониального поведения, успешно сочетающих в себе как традиционные, так и современные ценности. Только в результате применения методов научно-организованного социального управления матримониальное поведение молодежи может стать более разумным, ответственным, а общество – духовно, физически и демографически более здоровым.

СКЛОНЕНИЕ ДЕТЕЙ К САМОУБИЙСТВУ КАК СЕТЕВОЙ «ТРЕНД»: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

INDUCING CHILDREN TO SUICIDE AS THE TREND OF THE NETWORK: THE PROBLEM OF LEGAL LIABILITY

Л.Р. Романовская
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
L.R. Romanovskaya
Lobachevsky University

Исследуется проблема детских суицидов и распространения в социальных сетях так называемых «групп смерти», формирующих культ самоубийства. Рассмотрены новеллы российского законодательства, устанавливающие уголовную ответственность за деятельность, направленную на побуждение к суицидальному поведению.

The author explores the problem of children's suicides and dissemination in social networks, the so-called "groups of death" forming a cult of suicide. Changes in Russian legislation, criminalizing activities aimed at the motivation to suicidal behavior, are considered.

Ключевые слова: детский суицид, «группы смерти», доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, новеллы уголовного законодательства

Keywords: children's suicide, «groups of death», incitement to suicide, inducement to commit suicide, novels of the criminal law

Проблема обеспечения прав детей (термин «дети» будет использован для обозначения несовершеннолетних – как малолетних детей, так и подростков) в нашей стране является весьма актуальной. По данным Следственного Комитета РФ, на протяжении последних пяти лет неуклонно растет количество преступлений в отношении несовершеннолетних. В 2013 г. было учтено 89053 несовершеннолетних, потерпевших от преступлений, в 2014 – 95430, в 2015 – 102698. Причем речь идет о зарегистрированных преступлениях, а сколько остается невыявленными, можно только предполагать.

Еще большую тревогу вызывает тот факт, что за 4 года почти в два раза увеличилось количество возбужденных уголовных дел о преступлениях, совершенных против половой неприкосновенности малолетних детей и подростков. По данным криминальной статистики, в 2012 г. было совершено 6 499 таких преступлений, а в 2015 г. – уже более 12000. Отмечается также устойчивый рост детской криминальной смертности, а также криминального травматизма с причинением тяжкого вреда здоровью [1].

Одной из самых обсуждаемых сегодня тем является проблема детских суицидов. По данным Росстата, число несовершеннолетних, погибших в результате самоубийств, в 2011 г. составило 728 чел., в 2012 г. – 653, в 2013 г. – 567, в 2014 г. – 591, в 2015 г. – 460 чел. [2]. То есть на протяжении 5 лет происходило снижение уровня детской смертности от суицидов.

Однако в 2016 г. наблюдался резкий всплеск количества детских самоубийств (в то время как количество суицидов среди взрослых сократилось). В разных источниках указываются разные цифры, так в статье председателя Следственного комитета РФ, д.ю.н. А.И. Бастрыкина указано 720 случаев. По информации правового портала Гарант, 1635 случаев детского суицида за 2016 г. [3] Причем было установлены факты психологической обработки несовершеннолетних в так называемых «группах смерти» – «Синий кит», «Море китов», «F57», «Тихий дом» и других. Во многом рост детских самоубийств связан именно с их активностью.

В данных группах тема смерти и суицида романтизируется, добровольный уход из жизни превращается в фетиш, привилегию «избранных», пропагандируется и поощряется как что-то достойное похвалы и подражания. То есть формируется мода на суицид. При этом тиражируются фотографии самоубийц, их превращают в культовых персонажей (так, например, происходит с историей Рины Паленковой, которая в ноябре 2015-го написала у себя на стене «ВКонтакте» «Ня.Пока» и легла под поезд на Дальнем Востоке). Администраторы данных групп подталкивают подписчиков к суицидальному поведению, культивируют депрессивные психологические состояния.

Конечно, нельзя считать деятельность таких групп единственной или основной причиной детских самоубийств. Однако нельзя игнорировать и тот факт, что большое количество самоубийств было совершено детьми из благополучных семей, не имевших серьезных проблем в общении с родителями и сверстниками, но состоявшими в так называемых «группах смерти». Эти дети были вовлечены в «психологические игры», устраиваемые взрослыми людьми, которые действовали, не опасаясь преследования со стороны правоохранительных органов.

Первым уголовным делом, возбужденным по факту «подстрекательства подростков к доведению до самоубийства», стало дело Филиппа «Лиса» (Будейкина). Дело было возбуждено 20 мая 2016 г. по ч. 4 ст. 33, ст. 110 УК РФ [4]. Это было сделано после публикации в СМИ журналистского расследования (статья о «группах смерти» была опубликована в «Новой газете»). Для следователей это был первый в истории современного российского правосудия случай, когда им пришлось квалифицировать подобное преступление. Сложность квалификации состояла в том, что ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства») устанавливает ответственность за доведение до самоубийства путем «угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего» [5]. Размещение определенного контента в Интернете, разговоры и беседы не подпадают под ее действие.

В связи с этим в июне текущего года в Уголовный Кодекс РФ были внесены изменения, устанавливающие ответственность за склонение или содействие совершению самоубийства, а также другие поправки [6]. Так, ст. 110 УК РФ дополнили частью второй, устанавливающей квалифицирующие признаки, когда деяние совершено в отношении несовершеннолетнего; в отношении двух и более лиц; в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет). Максимальное наказание по ч.2 данной статьи установлено 8 лет лишения свободы.

Также были введены новые статьи: ст. 110.1. «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»; ст. 110.2. «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» и ст. 151.2. «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего».

Ст. 110.1. вводит уголовную ответственность за:

– *склонение* к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства;

– *содействие совершению* самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства.

Это формальные составы, то есть ответственность по ним наступает, даже если они не повлекли самоубийство лица или покушение на самоубийство (если же повлекли, то ответственность наступает по ч.4 или 5 и будет более суровой – до 6-ти лет лишения свободы).

Ст. 110.2 устанавливает ответственность за распространение информации о способах совершения самоубийства и за призывы к совершению самоубийств. Максимальное наказание также установлено 6 лет лишения свободы.

Ст. 151.2. вводит новый состав преступления: склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий. Примером такой опасной деятельности являются случаи вовлечения лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста, подростков в «трейнсерфинг» (проезд на крыше поезда) или иные виды смертельно опасного «зацепинга», руфинг (незаконное проникновение на крыши высоких зданий) либо в иные занятия, в том числе игры по типу «Беги или умри», когда ребенку предлагается перебежать дорогу как можно ближе перед движущимся транспортом.

Целью принятия этих поправок является обеспечение безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних, создание мер, способствующих предотвращению самоубийств среди детей и борьбы с различными формами содействия суицидам, а также вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих опасность для их жизни.

Роскомнадзор мониторит социальные сети (прежде всего «ВКонтакте») и блокирует группы, в которых содержится пропаганда суицида, однако ситуация остается напряженной. Так, в январе-феврале 2017 г. РОЦИТ (Российский общественный центр интернет-технологий) зафиксировал невероятный всплеск активности в социальных сетях групп, склоняющих детей к суициду. РОЦИТ провел анализ тегов, типичных для групп суицидальной тематики, в публичных сообщениях на стенах групп в «ВКонтакте», после чего был произведен геотаргетинг авторов постов с этими тегами по публичным данным. Анализатор насчитал в день около 4000 тегов в этих группах [7]. Результаты геотаргетинга были отражены на карте, по которой видно, что проблема касается не только России, но и Украины, Белоруссии, Казахстана и других наших соседей, бывших братских республик.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что современный мир заставляет государство и общество столкнуться с новыми вызовами и опасностями. Общество обязано на них реагировать как можно более оперативно. Взрослое поколение не всегда информировано о том, что происходит с детьми в

интернет-пространстве, но необходим научно-обоснованный прогноз и действенные профилактические меры. Так, например, требуется определенная коррекция образовательных школьных программ в части введения таких предметов, как психология, основы информационной безопасности и других предметов, направленных на формирование у детей психологической устойчивости, навыков самостоятельного, критического и позитивного мышления, повышения медиаграмотности, формирования ответственности за свое поведение в интернет-пространстве.

Список литературы

1. Кабанов П.А. Несовершеннолетние жертвы современной российской преступности: статистико-виктимологическое измерение (2009-2015 гг.) // Виктимология. 2016. № 3. С. 7-23.
2. Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5-12.
3. «Законопроект об уголовной ответственности за склонение детей к самоубийству внесен сегодня в Госдуму» от 09.03.2017 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.garant.ru/news/1096610/ (дата обращения: 23.03.2017).
4. «В Санкт-Петербурге возбуждено уголовное дело по факту подстрекательства подростков к доведению до самоубийства» 20.05.2016 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://sledcom.ru/news/item/1040784 (дата обращения: 23.05.2017).
5. УК РФ от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (ред. от 17 апреля 2017 г.). [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/10108000/ (дата обращения: 23.05.2017).
6. ФЗ от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71592260/ (дата обращения: 23.06.2017).
7. «Второе дело «Лиса» от 06.03.2017 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://novayagazeta.spb.ru/articles/10857/ (дата обращения: 27.03.2017).

РОССИЙСКАЯ АСПИРАНТУРА: СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ И ПОСТРОЕНИЕ МНОГОМЕРНОЙ МОДЕЛИ ФУНКЦИЙ

RUSSIAN POSTGRADUATE SCHOOL: STRUCTURAL ANALYSIS AND FORMING A MULTI-DIMENSIONAL MODEL OF DOCTORAL EDUCATION

Н.В. Рыбаков
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
N.V. Rybakov
Lobachevsky University

Показаны перспективы использования аналитической модели четырех измерений социальной структуры П. Штомпки и концепции «культурного капитала» П. Бурдье для анализа социальной структуры и функций российской аспирантуры. На основе данных концепций может быть определена эмпирическая программа социологического исследования аспирантуры как социального института.

The paper shows the prospects for using the analytical model of the four dimensions of the social structure of P. Sztompki and the concept of «cultural capital» P. Bourdieu to analyze the social structure and functions of the Russian postgraduate school. On the basis of these concepts, an empirical program of sociological research of postgraduate school as a social institution can be defined.

Ключевые слова: аспирантура, социальная структура, культурный капитал, функции аспирантуры, П. Штомпка, П. Бурдье

Keywords: postgraduate school, social structure, cultural capital, functions of postgraduate school, P. Shtompka, P. Burdie

Введение

Российская аспирантура в последние годы находится в непрерывном процессе реформирования. Одна из заявляемых целей проводимой реформы - интеграция России в международное образовательное пространство в рамках Болонского соглашения. В соответствии с международной классификацией аспирантура определена российским законодательством как третий уровень высшего образования.

Реформа породила широкий общественный дискурс. В этом дискурсе достаточно четко прослеживается два обстоятельства. Во-первых, это проблема сохранения «традиций». Сторонники «традиционной» модели аспирантуры выдвигают ряд аргументов против проводимой реформы и требуют сохранения исторически сложившейся, зарекомендовавшей себя модели подготовки кадров высшей квалификации. Стоить отметить, что вопрос сохранения традиций возникает в истории российских образовательных реформ регулярно, и

объясняется это, на наш взгляд, тем, что реформам зачастую не предшествует широкое общественное и экспертное обсуждение их содержания. Во-вторых, реформа вскрыла ряд важных нерешенных проблем института аспирантуры: это проблемы организационного, кадрового и экономического характера. Одним из ключевых нерешенных вопросов остается вопрос о целях и функциях аспирантуры [1]. Таким образом, реформа российской аспирантуры приобрела незавершенный и противоречивый характер.

Очевидно, что реформа должна быть не стихийным процессом, а процессом управляемым, но для этого необходимо иметь представление об объекте реформирования и его социальной структуре. И здесь мы подходим к вопросу о теоретико-методологической основе для исследования и описания аспирантуры. Теоретико-методологический каркас должен стать отправной точкой в анализе структуры и функций аспирантуры, ее основных проблем, а также в построении эффективной модели ее развития. Приведенные ниже теоретико-методологические концепции и примеры их применения могут быть основной для конструирования аспирантуры как объекта исследования.

Структура и функции российской аспирантуры: возможные теоретико-методологические подходы к анализу и моделированию

С нашей точки зрения, изучение структуры российской аспирантуры и построение ее функциональной модели может проходить с применением ряда социологических теорий и концепций. Прежде всего, это аналитическая модель четырех измерений социальной структуры П. Штомпки [2]. Первое измерение – нормативно-ценностное. Применительно к аспирантуре это измерение включает в себя сложившиеся законодательное и правовое поле, в том числе нормативно закрепленную модель российской аспирантуры, а также ценности и коллективные представления различных социальных групп аспирантуры в отношении научной и образовательной реальности. К этому измерению можно отнести те факторы, которые обладают принудительной силой для действий и деятельности акторов.

Второе измерение – это идеальное измерение, устанавливающее для конкретной социальной группы мыслительный горизонт. Сюда относятся взгляды, идеи и убеждения различных социальных групп по поводу функционирования «аспирантской» науки, научных и образовательных практик аспирантов и т.д.

Третье, интеракционное измерение определяет взаимную сориентированность социальных интересов и действий: с кем и относительно кого или чего члены сообщества предпримут действия. В это измерение органично вписывается концепция коммуникативной рациональности [3]. Здесь важность приобретают понятия «коммуникативного сообщества»,

«коммуникативного действия» и «социальной конвенции». С этой перспективы, например, можно рассматривать содержание и значение дискурса академического сообщества относительно реформы аспирантуры и путей ее развития.

Четвертое измерение – измерение интересов вовлеченных социальных групп. Данное измерение фокусируется на распределении доступа этих групп к общественным благам: к богатству, власти, престижу, знаниям. Данное измерение, например, применительно к социальной группе аспирантов может быть описано, прежде всего, через исследование профессиональных траекторий аспирантов, через их мотивы поступления в аспирантуру, мотивы заниматься научно-педагогической деятельностью и т.д. Так, недавние опросы аспирантов ведущих российских университетов [4] показывают, что планы российских аспирантов в отношении будущей профессиональной деятельности значительно различаются. Лишь 54% респондентов хотели бы продолжить академическую карьеру, остальные видят себя в качестве аналитиков в частном и государственном секторе (13%) или планируют работать в сфере государственного управления, в бизнесе, в сфере услуг (33%). Интересно, что доля так называемого «балласта» – лиц, мотивы которых совершенно не соответствуют «классическим» целям аспирантского образования, составляет около 20%. Результаты обозначенного опроса говорят о плюрализме пространства интересов аспирантов.

Говоря о четырех измерениях социальной структуры, П. Штомпка подчеркивает, что эти измерения не являются обособленными и независимыми: «каждое отдельно взятое измерение структуры существенным образом влияет на любое другое и одновременно находится под влиянием всех остальных» [2].

С нашей точки зрения, в данную аналитическую модель при исследовании аспирантуры можно добавить пятое измерение – функциональное. При этом понятие «функция» здесь может рассматриваться в двух контекстах:

1. В широком контексте: функция как согласованность и равновесие нормативного, идеального, интеракционного измерений и пространства интересов.

2. Для определения «функции» в *узком контексте* мы будем опираться на теорию культурного капитала П. Бурдье [5; 6]. В его концепции наука и образование рассматриваются как средство и поле воспроизводства культурного капитала. В отношении образовательной системы П. Бурдье отмечает следующее: «Когда вы слышите «теоретический/практический», вы не думаете «буржуазный/народный» или «господствующий/подчиненный», вы не думаете «мужской/женский». А тем не менее, речь идет именно об этом.

Образовательная система заставляет действовать в неузнаваемом, нейтрализованном, эвфемезированном виде, основопологающие социальные оппозиции и через них она, несомненно, вносит свой вклад в их символическое укрепление» [6]. Однако в указанном случае для нас важен не критический аспект теории П. Бурдье, а понимание функции как интереса определенной социальной группы в рамках образовательной системы.

Выводы

Чтобы не «впасть в «функционализм», закрепляющий структуру интересов «господствующего класса» (по П. Бурдье) и найти возможность примирить сталкивающиеся интересы, кажется логичным исследовать интересы аспирантов и других значимых групп в социальной структуре аспирантуры (научно-педагогического сообщества, научной бюрократии, потенциальных работодателей). На основании данных исследований могут быть построены различные функциональные модели аспирантуры с соответствующим образовательным содержанием.

Список литературы

1. Бедный Б.И. Новая модель аспирантуры: pro et contra // Высшее образование в России. 2017. Вып.4. С. 5-16.
2. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 3-13.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. 384 с.
4. Gruzdev I., Terentev E. Life after PhD: What Careers Do PhD Students in Russia Consider? // Higher Education in Russia and Beyond. 2016.№ 3(9).P.20-21.
5. Бурдье П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005. 304 с.
6. Бурдье П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М., 1996.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ К ПОЛИЦИИ В XX-XXI вв.

THE TRANSFORMATION OF ATTITUDES TOWARDS THE POLICE IN THE XX-XXI CENTURIES

Е.Н. Рябинина
Национальный исследовательский Нижегородский государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E.N. Riabinina
Lobachevsky University

Анализируется отношение населения к полиции на протяжении последнего столетия. Автор приходит к выводу, что на каждом этапе исторического развитии России происходило изменение уровня доверия граждан к полиции (милиции), что было обусловлено направлением государственной политики и эффективностью её реализации.

The article analyzes the attitude of the population towards the police during the last century. The author comes to the conclusion that at each stage of the historical development of Russia there was a change in the level of citizens' trust in the police (militia), which was due to the direction of state policy and the effectiveness of its implementation.

Ключевые слова: полиция, милиция, уровень доверия, отношение к полиции

Keywords: police, militia, confidence level, attitude towards the police

Полиция является одним из основных органов, обеспечивающих общественный порядок на территории Российской Федерации. Именно от качества исполнения полицейскими своих должностных обязанностей зачастую зависит жизнь, здоровье, безопасность имущества граждан, стабильная и спокойная обстановка как на улицах российских городов, так и в домах конкретных граждан.

В ходе многочисленных научных исследований было установлено, что эффективность деятельности полиции во многом зависит не только от уровня подготовки ее сотрудников, но и от характера взаимоотношений полиции с населением [1; 2]. Если складываются положительные отношения, и они характеризуются высоким уровнем доверия, это способствует улучшению ее работы. Человек, который видит в сотруднике полиции защитника своих прав, готов активно помогать ему осуществлять свою трудовую функцию – давать показания и участвовать в различных процессуальных мероприятиях.

Низкий уровень доверия к полиции и негативный имидж данного общественного института влечет за собой абстрагирование граждан от его деятельности, а в некоторых случаях даже негативные реакции.

Вследствие понимания описанных нами фактов, руководство РФ произвело масштабную реформу системы органов внутренних дел в 2012 г., в результате которой милиция была переименована в полицию, сокращен состав сотрудников ОВД, а квалификационные требования к сотрудникам повышены.

Одной из основных целей реформы было повышение уровня доверия граждан к полиции и улучшение в связи с этим ее имиджа. Как показывают исследования, реформа выполнила свою задачу не в полной мере [3, с. 45].

На наш взгляд, трудности, связанные с повышением уровня доверия к органам внутренних дел, обусловлены историческим развитием института полиции (милиции). Применительно к последнему столетию можно выделить четыре этапа в развитии общественного мнения о полиции (милиции): до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.; этап советского государства; этап постсоветской России с 1992 до 2012 гг.; современный этап.

На каждом из заявленных этапов деятельность полиции (милиции) обладала определенными чертами, которые способствовали формированию общественного мнения о ней.

Конец XIX в. и начало XX в. характеризовались наличием всестороннего кризиса в России – как в экономике, так и в сфере государственного управления. В большинстве случаев кризис влечёт за собой повышение уровня преступности, в борьбе с которой полиция в тот период продемонстрировала полную непригодность [4]. Стала очевидной необходимость проведения политических реформ, которые не могли не коснуться полиции. В 1902 г. в городах с особенно нестабильной обстановкой стали создаваться розыскные отделения, переименованные позднее в охранные отделения, целью учреждения которых было подавление нарастающего революционного движения и роста социальной напряженности [5]. Однако никакого результата данные изменения за собой не повлекли. Российская Империя была разрушена, что стало причиной уничтожения существовавшей ранее полицейской системы.

В марте 1917 г. Временное правительство провозглашает замену полиции «народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления» [6, с. 96]. С этого момента начинается новая история правоохранительной системы, одним из звеньев которой стала милиция. Все действия, в том числе и смена названий, были направлены на разрыв ассоциаций с ранее действующими органами. Россия начинала писать новую историю взаимоотношений правоохранительных органов и населения.

Становление милиции было связано с переломным этапом в развитии России и зачастую сопровождалось насилием, реквизициями и незаконными арестами, осуществляемыми сотрудниками милиции, информация о которых находила свое распространение в печати [7]. Однако достаточно быстро у руководства страны появилось понимание необходимости формирования положительного образа советского милиционера с целью стимулирования населения к активному взаимодействию с ним и оказанию помощи в его работе.

Согласно проводимым исследованиям [8, с. 18], достижение указанной цели являлось одной из первостепенных задач представителей советской власти, которому способствовало конструирование в книгах и фильмах положительного образа милиционера – стража порядка. Из этих источников большая часть населения получала информацию о милиции, и именно они служили важнейшими пропагандистскими и идеологическими инструментами в построении нового общества и воспитании нового человека [9].

Эффективность проведения работы по популяризации образа милиции в советский период подтверждается также тем, что до сих пор в качестве идеального типа полицейского (милиционера), образца для подражания большинство указывают на советских героев – Дядю Степу, Глеба Жиглова, Майора Анискина. Назвать современных аналогов респонденты затрудняются[1].

Следующий этап в развитии общественного мнения о милиции с момента распада СССР в 1992 г. до реформы 2012 г. характеризовался глубоким системным кризисом Министерства внутренних дел (как и на рубеже XIX-XX вв.), одной из основных структур которого являлась милиция. Очередной переломный момент в развитии России не позволил сохранить тот положительный образ милиционера, который был сформирован в XX в.

Высокий уровень преступности, неуважительное отношение к закону, частые случаи его нарушения, агрессия, общение в оскорбительной форме и высокомерие по отношению к людям [10] – именно эти проблемы в функционировании системы МВД РФ новой России в разной степени послужили причиной падения уровня общественного доверия к ней и негативных оценок ее деятельности. СМИ содержали много критики о деятельности милиции, в кинематографе резко возросло количество фильмов, посвященных случаям коррупции в рядах правоохранительных органов. Все достижения советской пропаганды были сведены к нулю.

Согласно результатам опроса, проведенного ФОМ в июле 2008 г. в 100 населенных пунктах 46 субъектов РФ, почти половина населения считала, что

[1] Информация получена в результате интервьюирования нами сотрудников полиции Нижнего Новгорода по заданию Главного Управления МВД России по Нижегородской области в январе-феврале 2017 г. (12 человек).

сотрудники милиции справляются со своими обязанностями плохо и очень плохо, 38% – удовлетворительно, и только 8% – отлично и хорошо [11].

Все вышеперечисленные обстоятельства, а также ряд резонансных правонарушений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, послужили поводом к проведению одной из самых масштабных реформ последнего десятилетия – реформы системы Министерства внутренних дел РФ.

В качестве заключения следует отметить, что на протяжении последнего столетия отношение населения к полиции (милиции) менялось, так же, как и менялся сам рассматриваемый институт. Деятельность полиции (милиции) в каждый период была обусловлена проводимой государственной политикой [12], что в свою очередь влияло на мнение общества. Если говорить о современном состоянии взаимоотношений полиции с населением, здесь фактором, приостанавливающем их позитивное развитие, является крайне негативный образ милиции, формировавшийся на протяжении двадцати сложных переходных лет в истории России (1992-2012), которые до настоящего времени оказывают влияние на население, пережившее их.

Список литературы

1. Горячева О.Н., Миннергалиев Р.Т. Влияние общественного мнения на формирование имиджа сотрудника полиции // Сборники конференция НИИ Социосфера. 2013. №23. С. 96-98.
2. Янбухтин Р.М. Правоохранительные органы и СМИ: проблемы и принципы взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57). С. 213-217.
3. Зернов Д.В., Иудин А.А., Рябинина Е.Н., Шпилев Д.А. Уровень преступности и безопасность человека: опыт социологического анализа / Научн. Ред. Иудин А.А. Нижний Новгород, НИСОЦ, 2017. 111 с.
4. Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX в., 1900-1917 гг.: автореферат дис. …д.и.н.: 07.00.02 / МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 2001. 40 с.
5. Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880-1917). М.: РОССПЭН, 2000. 432 с.
6. Фирсов И.Ф. Становление и развитие органов внутренних дел Тюменской (Тобольской) губернии в 1917-1923 гг. Тюмень: Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 2003. 176 с.
7. Троцкий Л.Д. История русской революции. Том 1. Февральская революция. Режим доступа: http://www.e-reading.club/book.php?book=98728 (дата обращения: 25.09.2017).

8. Сахно А.В. Образ милиции в российской культуре: конструкция и деконструкция типов восприятия: автореферат дис. ...кандидата социологических наук: 22.00.06 / Рост. гос. пед. ун-т. Ростов-на-Дону,2005. 26с.

9. Кудин А.В. Идейно-эстетическое воспитание молодежи средствами массовой пропаганды: диссертация ... к.филос.н.: 09.00.04. Киев, 1984. 163 с.

10. Федоров В. Милиция так распустилась, что ее хотят распустить // Аналитический обзор экспертов ВЦИОМ от 22.07.2010. Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=13688 (дата обращения: 25.09.2017).

11. Уровень доверия милиции // Фонд «Общественное мнение». Опрос населения от 10.07.2008 [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/d082723 (дата обращения: 25.09.2017).

12. Жавжаров Л.В. «Из истории мелитопольской милиции» (1917-1921 гг.) [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.veteranovd.zp.ua/2012/02/1917-1921.html (дата обращения: 25.09.2017).

СОДЕРЖАНИЕ РОЛИ ОТЦА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

THE CONTENT OF THE FATHER`S ROLE IN THE REPRESENTATIONS OF THE MODERN STUDENTS

Е.С. Рябинская
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E.S. Ryabinskaya
Lobachevsky University

На основании авторского исследования рассматриваются представления студентов об отцовстве. Установлено, что студенты ориентированы на эгалитарную модель родительства. Это проявляется в разделении родительских обязанностей между партнерами и расширении функций отца. Определены качества «хорошего» отца. Выявлены гендерные различия в представлениях студентов.

The student`s representation about fatherhood are considered on the base of the author`s research. It`s established that the students are focused on the egalitarian model of parenthood. It`s demonstrated in the division of parent`s responsibilities between partners and in the enlargement of father`s functions. Qualities of a «good» father are defined. Gender differences in student`s representation are identified.

Ключевые слова: социальная роль, вовлеченное отцовство, эгалитарная модель родительства, традиционная модель родительства, гендерные различия

Keywords: social role, involved fatherhood, egalitarian model of parenthood, traditional model of parenthood, gender differences

Вторичный анализ исследований по проблеме отцовства позволяет говорить о трансформации роли отца, связанной с переходом от традиционной модели родительства к эгалитарной и характеризующейся повышением воспитательной активности отцов [1]. Анализ представлений современных студентов о содержании роли отца позволяет определить, насколько изменения, происходящие с институтом отцовства, отразились во взглядах молодых людей и как они будут реализованы в их поведении в дальнейшем.

В марте-апреле 2017 г. в рамках бакалаврской работы было проведено авторское исследование «Представления студентов о роли отца», в ходе которого с помощью метода анкетирования было опрошено 234 студента 3-4 курсов очной формы обучения (95 юношей и 139 девушек) естественных / технических (N=118; 47 юношей и 69 девушек) и общественных / гуманитарных специальностей (N=116; 48 юношей и 70 девушек) ННГУ им. Н.И. Лобачевского, НГТУ им. Р.Е. Алексеева и ВШЭ.

Таблица 1

Кто должен заниматься ребенком в семье, %

	все	**юноши**	**девушки**
Только мать	0	0	0
В большей мере – мать	7	**11***	**4***
В большей мере – отец	1	2	0
Только отец	0	0	0
Мать и отец в равной мере	81	**72***	**87***
В зависимости от пола ребенка	9	**13***	**7***
Затрудняюсь ответить	2	2	2

**разница статистически значима при $p<0,05$*

По мнению большинства юношей и девушек, родительство является обязанностью обоих партнеров (81%), что свидетельствует о расположенности молодых людей к эгалитарной модели родительства. Важно отметить, что необходимость разделения родительской ответственности в большей степени отражена в представлениях девушек (87% и 72% соответственно). Лишь каждый десятый опрошенный полагает, что это зависит от пола ребенка. Причем юношей среди них в два раза больше. Еще меньший процент студентов считают, что воспитание детей должно быть обязанностью матери (7%). Юношей среди них в три раза больше, чем девушек (табл. 1). Таким образом, представления юношей о родительстве оказываются более традиционными.

Результаты исследования показывают, что в целом уровень эгалитаризма выше, чем уровень традиционализма. Среднее по всем суждениям, характеризующим эгалитарную модель родительства, составляет 4,1. В то время как среднее по суждениям, связанным с традиционной моделью, – 2,7.

Стоит обратить внимание на некоторые особенности. По мнению молодых людей, мужчина должен разделять с женщиной обязанности по уходу за ребенком. Степень вовлеченности отца в общение и игру с ребенком должна быть, как у матери. При этом мужчина должен оставаться лидером в семье. Можно сделать вывод, что в представлениях студентов доминирует эгалитарная модель родительства с традиционными элементами. Необходимо еще раз подчеркнуть, что к эгалитарной модели родительства в большей мере склонны девушки, а к традиционной – юноши, о чем свидетельствуют значения средних показателей (4,2 и 4,0 – ориентация девушек и юношей на эгалитарную модель соответственно; 2,6 и 2,8 – ориентация девушек и юношей на традиционную модель соответственно). То есть, демократизация семейных отношений происходит разными темпами в представлениях девушек и юношей.

Судя по результатам исследования, роль отца предполагает широкий набор функций, связанных с поддержкой женщины во время беременности и родов, а также включенностью в процесс воспитания ребенка на всех этапах его развития (младенчество, раннее детство, дошкольный и школьный возрасты).

Тем не менее, девушки считают, что женщина нуждается в поддержке на протяжении всей беременности, а, по мнению юношей, помощь беременной партнерше необходима непосредственно во время родов.

Отец должен уделять внимание ребенку независимо от его пола. Так как серьезных различий в воспитании дочери и сына выявлено не было, рассмотрим обязанности отца по отношению к дочери.

По мнению большинства опрошенных студентов, в период младенчества и раннего детства отец должен играть с ребенком (89%), укладывать спать (85%), учить читать (82%), вставать ночью, когда ребенок проснулся (76%), кормить (68%), купать (67%) и пеленать (59%).

В период дошкольного и школьного возрастов отец должен участвовать в процессах обсуждения вопросов и принятия решений об образовании ребенка (91%), отводить ребенка в детский сад (83%) и забирать его из школы (84%), взять больничный по уходу за ребенком, если этого не может сделать мать (79%), общаться с педагогами ребенка (75%) и ходить на родительские собрания (72%), посещать врачей вместе с ребенком (73%).

Девушки более требовательны к родительской роли мужчины, чем юноши. Они чаще отмечают, что отец должен укладывать ребенка спать (90% и 78% соответственно), кормить (73% и 60% соответственно), купать (74% и 57% соответственно) и пеленать ребенка (68% и 47% соответственно). Они чаще отмечают, что отец должен взять больничный по уходу за ребенком, если этого не может сделать мать (64% и 50% соответственно).

Необходимо отметить, что действия, связанные с досугом ребенка в период младенчества и раннего детства, например, игра, выбирают чаще, чем действия, связанные с уходом за ребенком, например, кормление, купание и пеленание. Деятельность, связанная с организацией досуга ребенка в период дошкольного и школьного возрастов, например, прогулки, походы в кино, является более популярной, чем деятельность, связанная с подготовкой уроков и проверкой домашнего задания, уборкой и приготовлением пищи. Таким образом, студенты акцентируют внимание на способах досугового времяпрепровождения отца и ребенка, а не на рутинных действиях, связанных с бытовым уходом за ним.

В рамках исследования молодым людям было предложено с помощью метода семантического дифференциала определить качества «хорошего» отца, оценив предложенные пары антонимов по 7-балльной шкале. Большинство студентов отметили, что отец должен быть надежным (средний балл – 1,4) и сильным (средний балл – 1,6), отзывчивым (средний балл – 1,7) и заботливым (средний балл – 1,9), активным (средний балл – 1,9) и внимательным (средний балл – 1,9), терпеливым (средний балл – 2,1), хозяйственным (средний балл – 2,3), добрым (средний балл – 2,4) и чутким (средний балл – 2,5). Важность перечисленных качеств не вызвала никаких противоречий у юношей и девушек.

Сложнее было выбрать между такими качествами, как требовательный и снисходительный, ласковый и суровый, мягкий и жесткий, властный и демократичный, эмоциональный и сдержанный. По мнению молодых людей, отец скорее должен быть требовательным, чем снисходительным (средний балл – 2,9). При этом студенты считают, что отец скорее должен быть ласковым, чем суровым (средний балл – 3,0). Отец должен гармонично сочетать в себе такие качества, как мягкость и жёсткость (средний балл – 3,5), властность и демократичность (средний балл – 4,0), эмоциональность и сдержанность (средний балл – 4,0). То есть, он должен уметь различать ситуации, когда необходимо проявить те или иные качества.

Девушки чаще юношей отмечают, что отец должен быть заботливым (84% и 65%) и добрым (73% и 46%), ласковым (50% и 22%) и мягким (27% и 16%), эмоциональным (25% и 16%).

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что представления студентов о родительстве основываются на эгалитаризме с элементами традиционализма. Тем не менее, девушки оказываются более расположенными к эгалитарной модели родительства, чем юноши, о чем свидетельствуют более высокие требования к родительским обязанностям мужчины и качествам, которыми должен обладать «хороший» отец.

Список литературы

1. Мир внутрисемейного взаимодействия // Жизненные миры современной российской семьи: Монография / З.Х. Саралиева [и др.]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. С. 20-40.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА С АБИТУРИЕНТАМИ

THE PROBLEMS OF INTERACTING OF THE CLASSICAL UNIVERSITY WITH APPLICANTS

М.В. Рябоконь, М.С. Черномор
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
M.V. Ryabokon, M.S. Chernomor
Lobachevsky University

Рассмотрены проблемы взаимодействия классического университета и абитуриентов в процессе поступления на примере ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Основное внимание уделено информационно-коммуникационному аспекту взаимодействия.

The problems of interaction of a classical University and applicants in the admissions process on the example of Lobachevsky University are considered. The focus is on information and communication aspect of interaction.

Ключевые слова: абитуриент, поведение, социальное взаимодействие, классический университет

Keywords: applicant, behavior, social interaction, classical university

Качество процесса взаимодействия абитуриентов и университета в период проведения приёмной кампании зачастую оказывает влияние на принятие абитуриентами решения о поступлении в университет [1; 2].

Процесс социального взаимодействия включает в себя взаимные ожидания акторов, их цели и мотивы. Поведение абитуриентов в процессе поступления отличается различной, но значительной степенью неопределённости результатов их действий в процессе поступления. Ситуация неопределённости подталкивает поступающих к активному поисковому поведению на этапе подготовки и в процессе поступления. Большое значение вследствие этого приобретает достаточность, доступность и прозрачность информации, связанной с приёмом в университет, а также оперативная качественная обратная связь. Значимыми являются проблемы информирования и коммуникации.

В период приёмной кампании 2017 г. нами был проведён анкетный опрос абитуриентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского *(n = 329)*. Изучался процесс взаимодействия абитуриентов и университета в процессе поступления, в частности, сложности, с которыми сталкиваются абитуриенты при поиске информации и работе с сайтом, заполнением анкеты абитуриента, отслеживанию конкурсной ситуации по спискам поступающих. Опрошены абитуриенты всех факультетов и институтов университета, поступающие на образовательные программы всех уровней образования (среднее профессиональное образование, бакалавриат и специалитет, магистратура). Среди абитуриентов классического университета преобладают проживающие в Нижнем Новгороде (45%) и Нижегородской области (33%), доля которых практически не изменилась по сравнению с поступающими в 2016 г. [3].

Главным источником информации о поступлении остаётся сайт университета, на котором подавляющее большинство абитуриентов перед поступлением ищут необходимую информацию (96%). По результатам исследования проблем взаимодействия абитуриентов и университета в период приёмной кампании 2016 г. [3] были предложены и реализованы изменения системы информирования о поступлении. В частности, разработан новый раздел для школьников, содержащий описание всех образовательных программ бакалавриата и специалитета, анонсы профориентационных мероприятий, олимпиад и конкурсов [4]. Структура раздела разработана с учётом запросов и поисковой логики абитуриентов, информация изложена в доступной для старшеклассника форме, лишённой канцеляризмов и сложной терминологии. Важность сайта как элемента взаимодействия подтверждается оценкой полезности доступных источников информации в процессе поступления. Самым полезным источником информации сайт университета назвали 65% поступающих 2017 г. в сравнении с 57% в 2016 г. Несколько снизилась интенсивность использования консультаций по телефонам приёмной комиссии с 20% в 2017 г. до 25% в 2016 г., являющихся наиболее трудоёмкими для сотрудников, но не самыми эффективными с точки зрения оценки их полезности абитуриентами [3].

Проблемы взаимодействия связаны с несовершенством отдельных инструментов, с которыми в процессе поступления сталкивается каждый абитуриент: анкета поступающего, которую необходимо заполнить для подачи заявления о поступлении, и списки поступающих, являющиеся основным источником информации о текущей конкурсной ситуации. 62% поступающих отмечают, что не сталкивались с проблемами при заполнении анкеты, а 86% считают списки поступающих в Университет Лобачевского наиболее удобными в сравнении со списками других вузов. При этом отдельные проблемы

возникают при работе с обоими инструментами. 10% абитуриентов отмечают, что списки поступающих в Университет Лобачевского полезны, но требуют времени, чтобы научиться с ними работать. Некоторые сложности существуют и во взаимодействии с интерфейсом анкеты, вследствие чего 12% поступающих обращаются в приёмную комиссию за помощью для её заполнения. 16% абитуриентов отмечают, что не всегда понятно, какие именно сведения необходимо указать в отдельных полях анкеты, 13% не смогли указать учебное заведение, в котором было получено предыдущее образование, 10% не смогли указать адрес проживания. Таким образом, возможно дальнейшее усовершенствование интерфейса анкеты и списков поступающих для устранения указанных проблем.

Большое значение имеет личное общение поступающих и сотрудников в период проведения приёмной кампании. Наиболее полезным из доступных источников информации такое общение считают 25% абитуриентов. Значимость личного общения подтверждается и более активным посещением дней открытых дверей и встреч руководства университета с поступающими. Так, перед поступлением дни открытых дверей посетили 28% абитуриентов 2017 г., 24% в 2016 г.

Результаты исследования иллюстрируют важность усовершенствования информационно-коммуникационной системы университета в целях повышения качества информирования абитуриентов и формирования открытого прозрачного эффективного взаимодействия. Сайт университета становится ключевым источником информации и коммуникационной площадкой. При этом сохраняется значимость непосредственного общения руководства университета и сотрудников приёмной комиссии с поступающими как в рамках отдельных профориентационных мероприятий и дней открытых дверей, так и в процессе проведения приёма. Следует уделять внимание обучению сотрудников приёмной комиссии на этапе подготовки к проведению приёмной кампании.

Список литературы

1. Рябоконь М.В., Черномор М.С. Информационно-коммуникационная стратегия университета как средство привлечения абитуриентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2017, № 2 (46). С. 90-95.
2. Сухенко Н.В. Изучение критериев выбора вуза абитуриентами как инструмент формирования коммуникативной политики университета // Экономические и гуманитарные исследования регионов, 2014, № 1. С. 47-55.
3. Рябоконь М.В., Черномор М.С. Принятие абитуриентами решения о выборе вуза (на примере приема в Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, 2017, № 1. С. 79-87.

4. Школьникам – Университет Лобачевского [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.unn.ru/site/shkolnikam (дата обращения: 15.06.2017).

О РАЗРАБОТКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ФЕНОМЕНА ЛЮБВИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ

ON THE DEVELOPMENT OF SOCIOLOGICAL CONCEPTS OF DEVELOPMENT OF THE PHENOMENON OF LOVE IN THE SOCIO-CULTURAL RELATIONS IN MODERN RUSSIAN FAMILY

А.Л. Сазонова
Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва
A.L. Sazonova
Russian University of Transport (MIIT), Moscow

Посвящено проблемам институализации социологии любви как самостоятельной дисциплины социологического профиля; разработки социологической концепции развития феномена любви в социально-культурных отношениях в современной российской семье и её основным методологическим и методическим задачам.

The article considers the problems of institutionalization of the sociology of love as an independent discipline sociological profile; development of sociological concepts of development of the phenomenon of love in the socio-cultural relations in modern Russian family and its main methodological challenges.

Ключевые слова: любовь, социологическая концепция, социально-культурные отношения в семье

Keywords: love, a sociological conception, socio-cultural relations in the family

Любовь – один из самых удивительных социокультурных феноменов и великолепнейших продуктов человеческой культуры.

Любовь, присутствуя во всех сферах жизнедеятельности общества, стоит в ряду главнейших смыслов жизни человека, представляет собой одну из высших потребностей и, безусловно, относится к числу фундаментальных *экзистенциальных категорий* человеческого бытия, что позволяет рассматривать её как один из важнейших способов человеческого существования и утверждать, что для человека утрата способности к любви равнозначна *утрате способности полноценно жить*.

С точки зрения социологии, любовь является особенным типом социальных взаимоотношений, а отношения, основанные на любви – универсальным типом социального взаимодействия, выполняющие роль системнообразующего компонента.

В этом качестве любовь выполняет ряд социально значимых функций – регулятивную, коммуникативную, нравственно-воспитательную, творческую, художественно-эстетическую, интегративную, репродуктивную и др. – влияя на социальные отношения и процессы.

Способность любить – это не только индивидуально-личностное свойство человека, но обязательный компонент совокупности социально значимых качеств индивида, способствующих гармоничной включенности его в систему социальных отношений, осуществлению активной социальной деятельности.

По нашему убеждению, сегодня назрела потребность в институализации социологии любви как социологической теории среднего уровня, как отраслевой социологической дисциплины.

Важным шагом на этом пути будет разработка социологической концепции развития феномена любви в социально-культурных отношениях в современной российской семье (над которой работает автор этих тезисов), основанной на общих и специальных методологических принципах программно-целевого управления, ориентированной на достижение консенсуса интересов каждого члена внутри семьи и корпоративных интересов семьи как института и государства и общества в целом.

Реализация данной цели предполагает решение комплекса задач как теоретического, так и прикладного характера. Среди них: социологическое определение понятия «любовь»; рассмотрение возможностей применения различных методологических подходов к исследованию любви как социального явления; особенности исторического формирования представлений о любви в разные эпохи в различных обществах; изучение различных форм проявления любви; анализ специфики проявления любви в различных социально-экономических, культурных, географических условиях; особенности распространения и степень воздействия представлений о любви на социальные процессы, формирование социальных установок и мотивации поведения; разработка системы показателей и индикаторов, позволяющей решить проблему фиксации и измерения параметров исследуемого феномена.

Необходим анализ социальной сущности и содержания любви в социально-культурных отношениях в современной российской семье в качестве социокультурного феномена, основание которого имеет коммуникативный, волевой, перцептивный, креативный, прогностический, организаторский и конструктивный компоненты, что позволит определить необходимый ансамбль

условий, факторов, критериев уровней развития феномена любви в российских семьях. Важнейшими критериями выступают: направленность социокультурных процессов на укрепление семьи и ее оптимальное функционирование; осознанное представление каждого члена семьи о себе как социально-культурной единице или наличие осознанной «Я-концепции – «Я»-член семьи», которая представляет собой и базисное личностное образование, и неотъемлемую часть конкретной архитектоники семьи.

Другим важным направлением в разработке концепции является моделирование феномена любви в социально-культурных отношениях в семье. На наш взгляд, можно говорить о следующих моделях: идеальной, рациональной, результативной, плодотворной, оптимальной и эффективной.

Мы уверены, что концепция должна иметь ярко выраженный прикладной характер, а в качестве исходной посылки опираться на принцип: «Процессом развития феномена любви в социально-культурных отношениях в современной российской семье можно и нужно управлять». Другими словами, общество может и должно активно и целенаправленно влиять на этот процесс посредством своих институтов семьи, культуры, образования, традиций.

Этот принцип, отнюдь, не подразумевает вмешательства со стороны социума в личную жизнь своих членов, навязывания любви к кому-либо, чему-либо. Речь идет о том, чтобы сформировать у соотечественников (прежде всего у молодых людей) важнейшее социальное качество – *способность любить* и стимулировать его развитие.

Исследовательскими задачами (в контексте разработки концепции) являются выявление основных компонентов механизма внешнего влияния на развитие любви в социально-культурных отношениях в семье, в качестве которых выступают: семья, государственные и общественные организации, общественное мнение; разработка, апробация и внедрение в управленческую практику субъектов социальной и культурной политики этических, нравственных технологий воздействия.

Список литературы

1. Климова С. Социальный феномен любви // Социологические исследования. №9. 2008. С. 79-88.

2. Ли С.М. Любовь как социальный феномен // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №31(212) Философия. Социология. Культурология. Вып. 19. С.61-64.

3. Сазонова А.Л. Вопросы методологии и методики в исследовании социального феномена «любовь» в современном обществе // Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5. С. 174-182.

4. Сазонова А.Л. Социологический подход к построению содержательной дефиниции понятия «любовь» // Стратегии инновационного развития России и социальная сплоченность общества. Тезисы докладов и выступлений участников XI Международного социального конгресса. Москва, 2011. С. 470-473.

5. Сазонова А.Л. О включении в учебный курс «Социология молодежи» для студентов специальности «Организация работы с молодежью» проблематики социологии любви // Актуальные проблемы теории и практики социальной работы и социального образования / Ред. кол.: В.В. Сизикова, Л.В. Мардахаев, Г.И. Осадчая и др. М.: Перспектива, 2013. С. 219-223.

6. Сазонова А.Л. К проблеме включения социологии любви в цикл специальных дисциплин подготовки современного социолога В книге: Социальная работа, социальное образование в контексте инновационного развития России // Сборник материалов XI Всероссийского социально-педагогического конгресса. М.: Издательство РГСУ, 2-3 июня, 2011. С. 222-224.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ У МОЛОДЕЖИ НРАВСТВЕННОСТИ И ДУХОВНОСТИ

REVISITING THE ISSUE OF THE FORMATION OF THE YOUTH MORALLY AND SPIRITUALLY

Е.В. Серова
Пензенский государственный университет
E.V. Serova
Penza State University

Кратко рассматриваются ценностные ориентации молодого поколения как результат процесса социализации молодежи, в ходе которого нормы жизни общества преобразуются в ценности личности. Рассматривается роль психологической науки в решении духовно-нравственных проблем современной молодежи.

The article briefly discusses the value orientations of the younger generation as a result of the process of socialization of young people, during which the norms of the life of society are transformed into personak values. The role of psychological science in solving spiritual and moral problems of modern youth is considered.

Ключевые слова: нравственные ценности, ценностные ориентации молодого поколения, молодое поколение, духовная культера, психологическая наука

Keywords: moral values, value orientations of the younger generation, young generation, spiritual culture, psychological science

Приоритеты развития современного человека российского общества в последние десятилетия резко сместились к эгоистичным потребительским

позициям и ориентации на личный успех. В современном обществе при рыночной экономике успешность человека во многом зависит от его умения быть выше других, сильнее, успешнее, обладать большими по сравнению с другими материальными благами, что, несомненно, приводит к переоценке прежних ценностей и формированию новых психологических качеств личности. И если человек советского общества видел цель развития личности в таких качествах, как коллективизм, приоритет общественного над личным, всеобщее братство и равенство, хотя, конечно, надо признать были и негативные моменты, вытекающие из отсутствия частной собственности, такие как безответственность и бесхозяйственность по отношению к общественной собственности. То сейчас в детях стараются сформировать такие качества, как предприимчивость, лидерство, ориентация на собственный успех, самоактуализация, что, безусловно, является залогом успешного выживания в современном обществе. А из негативных черт, формирующихся у нового поколения, можно отметить эгоизм, гедонистическую направленность, постановку собственных меркантильных интересов выше общественных.

Неоднозначность гражданско-патриотических ценностей молодой личности в условиях современной России связана с ценностной трансформацией общественного сознания и отсутствием прежнего единства духовных и идейных установок. Все больше проникновение в общественное и индивидуальное сознание ценностей прагматизма, индивидуализма и личного успеха, характерных для общества потребления, которые вступают в противоречие с традиционными для России нравственными ценностями.

Ценностные ориентации молодого поколения – это результат процесса социализации молодежи, в ходе которого нормы жизни общества преобразуются в ценности личности. В последующем эти ценности составляют мотивационную основу самореализации личности в российском обществе.

По данным социологического опроса, проведенного Центром социального прогнозирования института социологии РАН, у 75% нынешней российской молодежи идеалов практически нет; 27% молодых граждан России не готовы жертвовать личными интересами ради интересов государства.

В массовом сознании российской молодежи «жизненный успех» – это, прежде всего, крепкая семья и дети, но, вторая группа значимых жизненных целей – богатство (благополучие), интересная работа. И только после этого следует наличие надежных друзей. Статистические и социологические данные, приведенные на официальном сайте института социологии РАН, позволяют сделать вывод о наличии в молодежной среде серьезных девиаций, ведущих к разрушительным социальным проявлениям: заметно снизился уровень общей

культуры и нравственности детей и молодежи, 55% из них готовы преступать через моральные нормы для того, чтобы добиться успеха.

В последние десятилетия в нашей стране в молодежной среде резко изменилось отношение к семье. Ориентация на карьеру, на жизненный успех привела к тому, что в молодых семьях дети зачастую воспринимаются как помеха для личностного роста. Предпочтения молодежи часто склоняются в пользу бездетной или однодетной семьи. В системе ценностей значительного числа молодых людей семья уже не занимает главенствующего места.

Можно констатировать и положительные аспекты современной молодежи. По данным того же социологического опроса, она ценит в людях прежде всего ум, что созвучно стержневому направлению развития цивилизации. Ценит молодежь в людях деятельностный характер: целеустремленность, уверенность в себе. Завершают благоприятный образ ожиданий молодежи к этическому облику людей: доброта, отзывчивость и чувство юмора. То есть, в качестве идеала опрошенная молодежь «нарисовала» образ человека умного, целеустремленного, уверенного в себе, которому свойственны доброта и отзывчивость и который отличается чувством юмора. Это образ человека, который готов реализовать свои жизненные цели в условиях рыночной конкуренции, но при этом не теряет своего облика человека, имеющего гуманистические и нравственные ценности [1].

Государство, образование, религия и другие социальные институты стоят на страже нравственности и духовности молодого поколения, но, тем не менее, результаты их совместной работы не позволяют говорить о высокой нравственности и духовности всей российской молодежи, еще есть над чем работать. Здесь на помощь может и должна прийти современная психологическая наука, в рамках которой возможна разработка новых парадигм воспитания детей и молодежи. И здесь нужно начинать с детского возраста.

Результатом приложения сил научной психологии должно стать формирование таких ее характерологических черт у детей, как любовь к ближним, своему отечеству, семье, бережное отношение к природе, уважение старших, отзывчивость, чуткость, доброжелательность; умение проявить интерес к «другому», понимать его, ставить себя на его место, быть толерантным, уметь управлять своим поведением и поступками.

В настоящее время особое внимание должно быть уделено вопросам становления, укрепления и развития благополучной молодой семьи; улучшения качества ее жизни; обеспечения условий для выполнения молодой семьей социальных функций. С целью укрепления семьи важно формировать позитивные установки у молодого поколения на семью и брак, рождение детей и заботу о них; готовность реализовать данные установки на практике в

повседневной семейной жизни. Прежде всего, необходимо воспитывать в молодежи культуру чувств и умения жить в семье.

Среди приоритетов психологической науки в настоящее время важнейшее место занимает и формирование здорового образа жизни молодёжи, развитие физической культуры.

Формирование гражданской позиции и патриотизма тоже возможно решать в рамках психологической науки. Для этого необходимо преодолеть мировоззренческий кризис, возродить уважение к государству, обществу, семье, отечественному историческому и культурному наследию. Формирование духовной и нравственной культуры подрастающего поколения должно быть выведено из коммерческого сектора. Психологическая наука с основой гуманности и нравственности должна восстановить сердцевину образования и воспитания, соответствующую традициям и выверенному историческим опытом России социокультурному строю жизни, определиться в ценностных основаниях, целевых установках и содержательном поле образования, приступить к разработке и изданию нового поколения отечественной литературы, фильмов и передач, отвечающих этим требованиям.

Современная психология должна дать ответы на такие вопросы, как:

1. Какой совокупностью психологических качеств должен обладать современный человек, чтобы быть успешным в новых условиях рыночной экономики и капиталистических отношений и иметь глубокую духовную и нравственную культуру, обладать высокими нематериальными идеалами?

2. Какие периоды в онтогенезе являются наиболее синзитивными к воспитанию у подрастающего поколения необходимых морально-нравственных качеств, и как организовать учебно-воспитательный процесс, с учетом развития этих качеств в свете последних изменений в российском обществе?

3. Какими должны быть морально-нравственные идеалы подрастающего поколения? Как сохранить память о великих людях и событиях прошлого у современной молодежи?

Духовно-нравственный ресурс общества и человека безграничен. В своем использовании он только возрастает по мере его актуализации и проявления в культурно-образовательном, социально-профессиональном, интеллектуально-научном и созидательно-инновационном потенциале личностного развития, но такие факторы экономики, как капитал, технологии, информация все более уступают сегодня уму, а завтра и в перспективе – совести. «Именно дефицит совести сегодня – это самый дорогостоящий и самый блокирующий фактор общественного развития в целом. Мы должны формировать экономику «знаний, интеллекта, науки и культуры», «золотых рук» и «чистой совести» с

гимном и хвалой честному созидательному труду», – так писал русский православный мыслитель И.А. Ильин [2].

Таким образом, в рамках исследовательских, развивающих и коррекционных задач психологии должны быть вышеупомянутые аспекты. Во всей полноте и глубине должна быть осознана необходимость в новой духовно-нравственной парадигме, в которой человек – главная и определяющая цель экономического и гармонического социального развития, что и является перспективой психологической науки в сохранении и развитии у будущих поколений нравственности и духовности.

Список литературы

1. Официальный сайт Института социологии РАН [Эл. ресурс]. http://www.isras.ru/ (дата обращения: 12.06.2017).

2. «Духовная основа развития Российской школы XXI века». Проект концептуальных и базисных положений. Екатеринбург – Москва, Русская православная церковь, 2007. 122 с.

УСЫНОВЛЕНИЕ ОДНОПОЛЫМИ ПАРАМИ ДЕТЕЙ КАК НЕГАТИВНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ОДНОПОЛЫХ БРАКОВ

SAME-SEX ADOPTION AS A NEGATIVE CONSEQUENCE OF THE LEGALIZATION OF THE SAME-SEX MARRIAGE

О.Ю. Серпухова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
O.Yu. Serpukhova
Lobachevsky University

Изучается проблема усыновления однополыми парами детей, вытекающей из легализации однополых браков. Анализируется российское законодательство и законодательство зарубежных стран по данному вопросу, формулируется вывод о тенденциях развития законодательства в данной сфере в России и в западных государствах, о неприемлемости и нецелесообразности предоставления однополым семьям права на усыновление детей.

The report is dedicated to a problem of the same-sex adoption of children, resulting from the legalization of same-sex marriage. The legislation of the Russian Federation and legislation of foreign countries on this question are analyzed; the conclusion about the trends of development of legislation in this sphere in Russia and in the foreign countries, the unacceptability and inappropriateness of granting same-sex families the right to adopt children is formulated.

Ключевые слова: семья, однополый брак, гомосексуализм, нетрадиционные сексуальные отношения, однополое усыновление

Keywords: family, same-sex marriage, homosexuality, non-traditional sexual relations, same-sex adoption

На протяжении всего исторического развития российского государства семья выступала важнейшим социальным институтом. В России сформировались устойчивые семейные ценности, которые защищались нормами законодательства.

Вместе с тем, на развитие российской правовой системы значительное влияние оказывали и оказывают западные традиции. Такое влияние не всегда имеет положительный характер. В Европе и США XXI в. падение нравов и традиционной морали стало очевидным [1]. Законы нового европейского общества двадцать первого века оправдывают и вводят в норму под видом естественных прав такие социальные мутации, которые не совместимы ни с одной религиозной традицией, ни с моралью, ни с разумом. То, что прежде осуждалось и правом, и религией, теперь открыто популяризируется западными средствами массовой информации, кинофильмами, теле-шоу и т.д. Целесообразность таких мероприятий прикрывается идеей защиты различных прав личности, где личность понимается исключительно в биологическом смысле. Вненравственное право является удобным средством легализации и внедрения порока в социальную жизнь [2, с. 94].

В настоящее время для многих западных государств (Нидерланды, Бельгия, Испания, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Португалия, Исландия, Аргентина, Дания, Бразилия, Франция, Уругвай, Новая Зеландия, Люксембург, США), число которых с каждым годом растет, уже традиционными стали нетрадиционные сексуальные отношения, принимаются нормативно-правовые акты, предоставляющие субъектам таких отношений определенные права. Одним из них является право на заключение однополого брака.

Вследствие заключения брака у супругов возникают взаимные права и обязанности. Однако применительно к однополым семьям реализация некоторых из таких прав может привести к негативным и даже опасным последствиям. В частности, речь идет об усыновлении однополыми парами детей. В настоящее время в ряде зарубежных стран (Аргентина, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Дания, Израиль, Исландия, Испания, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Уругвай, Франция, Швеция, ЮАР) однополым парам предоставлено право на усыновление детей.

В России, как в стране с устойчивыми традиционными семейными ценностями, в настоящее время юридически не признается однополый брак, законодательством установлен запрет на усыновление такими парами детей.

Так, ФЗ от 02.07.2013 № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» внесены изменения п. 1 ст. 127 и в п. 1 ст. 146 СК РФ, которые устанавливают запрет лицам, состоящим в союзе, заключенном между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированном в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лицам, являющимся гражданами указанного государства и не состоящим в браке, быть усыновителями, а также стать опекунами и попечителями.

Вместе с тем, под влиянием западной политики в сфере брачно-семейных отношений в России с каждым годом растет количество попыток заключения однополых браков и защиты лицами нетрадиционной ориентации своих прав, формируется судебная практика по рассмотрению дел по заявлениям указанных лиц [3, с. 82-84; 4, с. 111; 5, с. 38].

Вопрос о целесообразности предоставления однополым супругам права на усыновление детей является дискуссионным.

Сторонники усыновления однополыми парами детей высказывают мнение, согласно которому право однополых браков на воспитание детей может способствовать решению проблемы дефицита приемных родителей. Институт Вильямса из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе провел исследование, в ходе которого выяснилось, что однополые пары чаще разнополых проявляют желание усыновлять детей старшего возраста или же страдающих различными заболеваниями (в том числе и инвалидов). А ведь именно такие категории детей представляют некоторые трудности в усыновлении [6, с. 35].

Противники – указывают на негативные последствия усыновления детей однополыми родителями, на неспособность таких лиц обеспечить полноценное и гармоничное развитие личности ребенка, на нарушение интересов ребенка [7, с. 99-100; 8, с. 163].

Весьма противоречивы и спорны результаты западных исследований детей в гомосексуальных семьях. Ряд из них показывают, что такие дети почти ничем не отличаются от детей в любых других семьях, сексуальная ориентация родителей отнюдь не предопределяет сексуальную ориентацию детей и, пожалуй, единственное существенное отличие – такие дети, как правило, более толерантны к людям, отличающимся по тем или иным признакам от общей нормы [6, с. 35; 9, с. 25]. Иные – свидетельствуют о серьезных нарушениях психики у детей, воспитанных в гомосексуальных семьях, о развитии у них социальной девиации, возникновении проблем в процессе социальной адаптации и освоения гендерных ролей [10, с. 111; 11, с. 148].

Несмотря на западные тенденции в брачно-семейной сфере, которые постепенно оказывают влияние на мировоззрение российских граждан, формирование судебной практики и развитие российского законодательства, усыновление однополыми парами представляется неприемлемым.

Полагаем, что однополая семья не способна не только обеспечить полноценное психическое, духовное и нравственное развитие ребенка, но и привести к нарушению его прав и интересов.

В последние десятилетия для сферы брачно-семейных отношений характерна либерализация нетрадиционных сексуальных отношений в западных государствах, выражающаяся, в том числе, в принятии нормативно-правовых актов, легализующих однополые браки и предоставляющих однополым парам право на усыновление детей.

Несмотря на отсутствие подобных нормативно-правовых актов в РФ, отмечается рост числа прецедентов борьбы лиц нетрадиционной ориентации за свои права, в том числе за право на заключение однополого брака и усыновление такими парами детей.

Усыновление однополыми парами детей представляется неприемлемым для Российской Федерации и рассматривается в качестве одного из негативных последствий легализации однополых браков.

Список литературы

1. Иванников И.А. Традиции: историко-правовой аспект // История государства и права. 2013. № 19. С. 48-52.

2. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 90-98.

3. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38(48). С. 81-85.

4. Ананских И.А., Чернова О.Ю. Однополые браки – политика или право? Западный опыт и российская оценка // Мир политики и социологии. – 2016. №2. С. 109-115.

5. Божков О., Протасенко Т. Однополые браки – проблема в основном политическая // Телескоп. 2012. №1 (91). С. 35-42.

6. Агзамова Э.А., Тулупова Е.О. Воспитание детей однополыми родителями // Международный академический вестник. 2015. №4 (10). С. 34-36.

7. Новоселова Е.Н. Однополый «брак» – тупиковая ветвь эволюции семьи и общества // Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. 2013. №4. С. 85-103.

8. Сочнева О.И. Интересы ребенка и осуществление родительских прав отдельными категориями родителей // Социально-юридическая тетрадь. 2012. № 2. С. 148-164.

9. Кириченко К.А. Положение транссексуалов в контексте доктрины прав человека и эволюции юридической науки // Медицинское право. 2010. №5. С. 22-29.

10. Дьяченко А.П., Позднякова М.Е. О социальных предпосылках правового регулирования пропаганды гомосексуализма и иных сексуальных девиаций // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №3.С. 109-123.

11. Солодников В.В., Чканикова А.М. Дети в однополых семьях // Мониторинг общественного мнения. 2008. №1 (85). С. 136-148.

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

SPECIFICITY OF YOUTH'S PROFESSIONAL CHOICE IN THE CONTEXT OF THE EDUCATIONAL REFORM

И.В. Ситникова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
I.V. Sitnikova
Lobachevsky University

Представлены результаты социологического исследования по выявлению особенностей профессионального выбора молодежи в условиях реформы образования.

The paper presents the results of sociological study to identify features of the youth's professional choice in the context of the educational reform.

Ключевые слова: единый государственный экзамен, профессиональный выбор, трудности профессионального выбора, молодежь

Keywords: Unified State Examination, USE, professional choice, difficulties of professional choice, youth

Присоединение России к Болонскому процессу, введение новых образовательных стандартов и ЕГЭ радикально изменили содержание и процесс профессионального самоопределения молодых людей. Выпускники советских школ сдавали восемь обязательных экзаменов на аттестат зрелости и несколько вступительных экзаменов в вузе, при этом они могли выбрать только одну специальность. Для школьников ЕГЭ служит одновременно выпускным экзаменом из школы и вступительным экзаменом в вузы, а процедура подачи заявлений в вузы допускает обращение абитуриента сразу в несколько вузов на

разные специальности, где в большинстве случаев ЕГЭ является единственным критерием отбора. Такое многообразие возможностей создает определенные сложности профессионального выбора для молодых людей. В рамках изучения данной темы осенью 2016-зимой 2017 гг. было проведено интервьюирование студентов различных вузов г. Нижнего Новгорода. В опросе приняли участие 309 студентов разных направлений, юношей и девушек. Цель исследования заключалась в определении особенностей поведения молодежи в новых условиях профессионального самоопределения.

Положительные и негативные стороны единого государственного экзамена обсуждаются уже не один год. Среди его положительных сторон студенты, прежде всего, выделяют расширение возможностей для поступления в вуз. Молодые люди могут подать документы сразу на несколько специальностей, в разные вузы, выбирать вуз в любом городе страны. Система ЕГЭ приводит к тому, что знания студента из провинции и из столицы уравниваются. По этой причине стало намного проще абитуриентам поступать в вузы других городов, включая наиболее престижные: *«Так как мы сейчас все сдаем ЕГЭ, то поступить по ним проще. Если у тебя хорошие баллы, то ты просто принес их и все».* Правда, не все студенты смогли воспользоваться возможностью переместиться в столичный город: кто-то не знал правила приема, у кого-то желание жить рядом с семьей оказалось сильнее желания учиться в другом городе.

Некоторым школьникам сдача единого государственного экзамена не показалась сложной. Они утверждают, что если приложить некоторые усилия, этого достаточно, чтобы поступить на бюджетные места. Готовиться к ЕГЭ легче, при наличии базовых знаний экзамен провален не будет в отличие от системы с билетами, при которой можно было, по мнению студентов, «не угадать с билетом». Для успешной сдачи экзамена хватает базовых знаний. Молодые люди, имеющие высокий балл по ЕГЭ, нередко бравируют своими возможностями: *«Я смог за пару недель до экзамена посидеть за книжками и сдать пару экзаменов на нужный балл, которого было достаточно для поступления на бюджет».*

Однако, школьники, положительно относящиеся к ЕГЭ, нередко отмечают, что система еще не до конца доработана и что следовало бы убрать тестовую часть из экзамена, потому что ответ нередко предполагает более широкую форму, чем четыре варианта ответов на выбор. Студенты часто присоединяются к той точке зрения, что в точных и естественных науках ЕГЭ позволяет оценить уровень знаний, а в гуманитарных – все обстоит сложнее.

Среди бывших школьников немало противников единого государственного экзамена, считающих, что это тупиковый путь развития образования. Такая

система оценки знаний формальна и поверхностна. С ее помощью невозможно адекватно оценить глубину знаний и индивидуальные особенности ученика. Так как ЕГЭ призван проверить знание всего освоенного школьником материала за весь период обучения в школе, такая проверка становится довольно поверхностной. *«Тупая затея с этим ЕГЭ. Баллы решают, кем ты будешь, а не твои знания. Это неправильно».* Многие утверждают, что ЕГЭ – слишком слабый показатель знаний, и поступающим необходимо предоставить выбор между зачетом результатов ЕГЭ и вступительными испытаниями.

Говоря о недостатках ЕГЭ, студенты отмечают, что результаты тестирования не показывают наличия знаний, что результаты ЕГЭ больше зависят от удачи, что до сих пор остается проблема списывания на экзамене и на результат экзамена оказывает влияние волнение школьника. *«Задания однотипные, и в принципе, даже самый тупой ученик может с тысячного раза понять, как решаются эти типы заданий и решить их, или просто списать. Можно просто заволноваться, неправильно оформить, запороть бланк, сделать ошибку в элементарно простом слове и все – твои баллы пропали».*

Понятно, что оценки школьников и студентов нередко носят субъективный характер. Так, отмечая, что высшее образование сегодня остается бесплатным, как было и в Советском Союзе, сейчас очень сложно поступить на бюджетные места в вузы. Трудности возникают не только из-за малого количества бюджетных мест, но и из-за ограниченности выбора специальностей, на которые можно поступить по результатам сданных экзаменов. И некоторые студенты отмечают, что с вводом ЕГЭ получить желаемое высшее образование стало сложнее, чем в былые времена. Для этого необходимо сдать экзамены с хорошими результатами, ведь только с высокими баллами ЕГЭ возможно поступить в вуз на бюджетное место. «*Огромное количество людей хотят поступить тоже на бюджет, как и вы. Трудности возникают не столько с выбором, а сколько с его ограниченностью. Чтобы поступить на соответствующую программу, необходимо набрать достаточное количество баллов Единого Государственного Экзамена».* Они говорят это, не учитывая, что в былые времена количество бюджетных мест было тоже ограниченным, но совсем отсутствовали внебюджетные места.

Студенты отмечают, что процедура сдачи единого государственного экзамена является очень нервной. Одни волновались, что неправильно заполнят бланки регистрации ответов, другие, что не хватит времени или что задания попадутся сложные. Некоторых нервировал контроль наблюдателей, видеокамеры, металлоискатели. Дополнительную нервозность, наряду с волнением по поводу знания предмета, привносит сама процедура ЕГЭ. У некоторых школьников, переволновавшихся на экзамене, начались проблемы

со здоровьем: *«Все нервы на пределе, от волнения даже тошнило». «Это конечно, очень волнительное мероприятие, требует больших нервов. У меня даже некоторые проблемы со здоровьем начались на фоне нервозности из-за ЕГЭ».* Кто-то в результате даже потерял всякое желание поступать в вуз вообще: *«После сдачи ЕГЭ у меня вообще, мне кажется, депрессия началась. Никуда не хотелось поступать вообще».* Многие студенты были недовольны результатами экзамена и списывали эту неудачу на свое волнение. *«Хотя мы тренировались, и я знала более-менее предметы, но все равно было очень сложно».* Молодые люди считают, что из-за своей нервозности сдали экзамен хуже, чем могли бы. Из-за нервного напряжения они не могли собраться и выполнить работу на должном уровне. На обычном экзамене ошибку можно исправить, а при сдаче ЕГЭ это исключено.

Процедура ЕГЭ оказывает существенное влияние и на профессиональный выбор абитуриентов в виду того, что по результатам единого экзамена школьники становятся студентами. В массиве интервью явно просматриваются три стратегии выбора вуза и специальности: 1) осознанный выбор; 2) ориентация на легкие предметы и 3) расширенный список ЕГЭ.

Осознанный выбор – это ориентация на желанную специальность, и такие школьники прикладывают много сил при подготовке к поступлению в конкретный вуз. Среди них немало людей, которые подавали документы только в один вуз и на одну специальность. Они осознанно начали думать о своей будущей профессии еще в школе, четко знали, в какой вуз и на какую специальность хотят поступить. Для достижения своей цели они много занимались самостоятельно, с репетиторами, посещали подготовительные курсы в вузах, участвовали в олимпиадах. Среди них встречаются и те, кто не смог пройти на бюджет, но все равно остались верны своему выбору: «*Мне, конечно, не удалось поступить на бюджет, но я счастлив, что учусь именно там, куда хотел пойти после школы».* Большинство из них определились с профессией и выбором вуза еще в 9-10 классе и целенаправленно готовились по выбранному направлению. Они ничего, кроме конкретной специальности, не рассматривали и еще в старших классах старались не запускать учебу по тем предметам, которые были им нужны для поступления на желаемую специальность. При этом многие из них не расходовали свои силы на подготовку к сдаче ненужных для поступления экзаменов. Студенты, совершившие осознанный выбор профессии, говорят, что учеба на данном факультете для них не является случайностью. Они планировали поступить именно на этот факультет, и учеба здесь доставляет им удовольствие.

Студентов с ориентацией на легкие предметы гораздо больше, чем тех, кто делал осознанный выбор, и они выбирали предметы для сдачи ЕГЭ,

которые им всегда нравились. Они сосредоточились на необходимых предметах и добавили к ним один-два из числа тех, что нравятся и/или легко даются. Они сдавали те предметы, в результатах которых были уверены. Большая часть таких школьников сдавали обществознание, потому что считали его интересным и несложным предметом, а экзамен по обществознанию требуется при поступлении во многих вузах. Для них важно было поступить в какой-нибудь вуз, желательно на бюджетное место. Направление своей будущей специальности определялось данным набором ЕГЭ.

Студенты, выбравшие своей стратегией расширенный список предметов ЕГЭ, во многом похожи на тех, кто выбрал для себя легкие или любимые предметы. Но они ориентировались даже не на направление своей будущей профессии, а на перспективу грядущей конъюнктуры конкурса баллов. *«Я не шла целенаправленно на эту специальность. <…> Когда в 11 классе нужно было выбрать предметы для сдачи, я решила напихать в этот перечень кучу всего, чтоб уж точно куда-то пройти. Вообще еще одним важным моментом было поступить на бюджет, потому что моя семья не располагала средствами, чтобы тянуть мое образование».* Их выбор предметов для единого государственного экзамена чаще всего был спонтанным. У них не было четкого понимания, в какой вуз и на какую специальность поступать, и они могли столкнуться с тем, что сдавали «не те» экзамены. Кто-то выбрал базовый уровень математики, а для поступления нужен был профильный, где-то поменялся перечень предметов для поступления. Не зная куда поступать, школьники сдавали те предметы, по которым у них были хорошие оценки в школе, которые они понимали и были уверены в своих силах, что хорошо сдадут экзамен. Молодые люди, которые до последнего момента не могли определиться в том, кем они хотят быть, куда поступить учиться после 11 класса, сдавали много различных предметов ЕГЭ и в результате получили весьма скромные баллы по причине невозможности подготовиться ко всем экзаменам сразу. Нередко сдавая предмет «на всякий случай», такие абитуриенты выбирали специальность, о которой никогда и не думали, но балл по этому «случайному» предмету мог определить их выбор.

Значительная часть абитуриентов выбирали именно вторую и третью стратегии, и при этом важным фактором для них было поступление именно на бюджетное место. *«Просто по ЕГЭ куда проходил на бесплатное, туда и пошел».* Им было все равно, где учиться, главное – чтобы хватило баллов ЕГЭ для учебы на бюджетном месте. Подмена выбора профессии выбором вуза, а еще чаще набором предметов ЕГЭ – весьма частая ошибка старшеклассников. Одна из основных тенденций современной приемной кампании в вузах – это поступление не на желаемую специальность, а на ту, куда у абитуриента

хватило баллов ЕГЭ. Неопределившиеся в выборе профессии школьники сдают те предметы, которые хорошо знают, и на основе полученных баллов ЕГЭ ищут специальности, на которые можно поступить с таким набором экзаменов. Позднее, учась по нежеланному направлению, студенты чувствуют себя не на своем месте, у них появляются трудности в учебе и желание поменять факультет. На первых курсах у таких студентов возникает понимание, что они сделали неправильный выбор. Причем пока идут общие предметы, студентам все нравится, но когда начинаются профильные – они понимают, что это не их специальность, они разочаровываются в получаемой профессии, меняют специальность, а некоторые уходят из вуза. Неадекватный выбор чреват еще и тем, что по окончании вуза такие молодые люди мучаются с определением своего места на рынке труда.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ НАУКИ КАК СИСТЕМА УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (ПО СЛЕДАМ «ПАСТЕРИЗАЦИИ ФРАНЦИИ И РОССИИ: 1870-1945 ГОДА»)

SOCIAL INSTITUTE OF SCIENCE AS A SYSTEM OF HEALTH INSTITUTIONS. (ON THE TRACKS OF "PASTERIZATION OF FRANCE AND RUSSIA: 1870-1945")

А.Б. Сласный
Региональный общественный фонд по сохранению старой научной литературы «Научная книга», г. Санкт-Петербург
A.B. Slasny
Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки., ***Saint Petersburg***

Исследование принципов, истории становления медицины и ее задатков во Франции складывалось не совсем благополучно. В своем исследовании я лишь изучаю принципы и методы возникновения микроба как социального объекта, содержащего основные, на мой взгляд, модели становления и развития здравоохранения на передовой вековой стезе. Если XIX в. стал эпохой блестящих открытий многочисленных возбудителей бактериальных инфекций, то XX в. был справедливо признан эрой вирусологии. Сегодня большинство всех инфекционных болезней вызываются вирусами. Если первое место в медицине занимали чума, оспа, дифтерия, холера, тиф, то с началом вакцинопрофилактики и с приходом антибиотиков они навсегда сдали свои позиции. И их место заняли болезни, вызываемые вирусами.

Основной идеей работы было проведение нового для России типа исследования «laboratory study» – антропологического, нацеленного на исследование повседневной культуры Французской и советской лаборатории, когда «господствовал» Луи Пастер. Однако результаты, полученные уже на самом первом этапе работы вхождения исследователя в российское

естественнонаучное поле, оказались неожиданными и вернули автора из области микроисследования в социологию науки.

The present study of the principles, history of the formation of medicine and its deposits in France, was not entirely successful. In my study, I only study the principles and methods of the emergence of a microbe, as a social object, containing the main, in my opinion, recreating the model of the formation and development of public health in the forefront of the age-old path. If the 19th century was the era of brilliant discoveries of numerous pathogens of bacterial infections, the 20th century was rightfully recognized as the era of virology. Today, most of all infectious diseases are caused by viruses. If the first place in medicine was occupied by plague, smallpox, diphtheria, cholera, typhus, then with the onset of vaccine prophylaxis and with the advent of antibiotics, they always gave up their positions. And their place was taken by diseases caused by viruses.

The main idea of the work was to conduct a new type of research for Russia, the "laboratory stady"-anthropological, aimed at studying the everyday culture of the French and Soviet laboratories, when Louis Pasteur "dominated". However, the results obtained at the very first stage of the work, as a result of the researcher's entry into the Russian natural-science field, turned out to be unexpected and returned the author from the field of micro-research to the sociology of science.

Ключевые слова: Луи Пастер, микроб, социология науки, антропология науки, кризис российской и французской науки

Keywords: Louis Pasteur, the microbe, the sociology of science, the anthropology of science, the crisis of Russian and French science

Упоминание значения социального института в контексте науковедения в те далекие развивающиеся года в эпоху «Пастеризации» несло первоначальный вклад в развитие медицины в целом. В данном значении термин употребляет В.А. Конев. Так понятие социального института (через понятие социального управления) включается в систему категорий исторического материализма. К аналогичному выводу приходит, по-видимому, и В.Ж. Келле. Говоря о «социальном институте», «системе организации науки», он называет их учреждениями. И вот что он пишет:

«Социальный институт – это функционально единая система учреждений, организующая ту или иную систему отношений социального управления, контроля и надзора» [1]. Идем дальше. «Социальный институт науки – это система учреждений, организующая и обслуживающая производство и трансляцию научного знания, а также воспроизводство научных кадров и обмен деятельностью между наукой и другими отраслями общественного производства» [2]. Социальный институт науки тогда является социальной формой существования отношений управления в научном производстве.

В процессе производства научных знаний, их трансляции и практического использования участники научного производства вступают в отношения совместной деятельности, нуждающиеся в организующем начале.

Научное учреждение, как и всякое другое, характеризуется наличием постоянного и оплачиваемого штата (не путать с ассоциацией, группой, коллективом) со свойственным ему разделением функций и служебной иерархией, определенным правовым статусом. Остап Бендер, создавая свою контору «Рога и копыта», учел в первую очередь именно эти обстоятельства – создав штат и повесив вывеску, он организовал учреждение [3].

По своей сущности профессионализация научной деятельности, организационные формы науки приобретают экономическое и идеологическое содержание. Тем самым превращаются в разветвленную систему учреждений, которую мы и называем социальным институтом науки. В таком контексте было далеко не просто предугадать факторы, влияющие на развитие науки, а за тем и главной цепочкой управления между государством и обществом. Говоря об общественном благе как о принципах и формирования здравоохранения, где процветала эпидемия чумы, холера и самые страшные болезни, от которых помирали сотни и тысячи горожан.

В данном контексте времени можно провести некую параллель, между различными мыслителями и учеными, занимающимися становлением и развитием социологии как науки. Такие люди являются «неделимым обьектом» разных сфер научной деятельности, которые раскроют многогранность понятия социального института и покажут его роль в обществе.

В интерпретации англо-американских социологов социальный институт представляет следующее. По мнению Д. Хоманса, социальные институты – это набор правил и норм, определяющих как личность должна или не должна вести себя при определённых обстоятельствах в сложившихся ситуациях [4]. Для Константина Панунзио социальные институты являются определёнными системами обычаев, идей, ассоциаций и инструментов, которые, возникнув из практики человечества, направляют и регулируют деятельность людей [5].

В отечественной литературе о социологии до начала 70-х гг. XX в., термин «социальный институт» практически отсутствовал. Одним из первых в советской социологии к институциональному анализу обратился И.И. Лейман. Он определил социальный институт как «объединение людей, выполняющих специфические функции в рамках социальной целостности; объединение, обладающее внутренней структурой и иерархией…» [6].

Положительным моментом многих определений социального института выступает указание на то, что он представляет собой некое формообразование, которое, с одной стороны, будучи устойчивым, с другой – исторически

изменчивым, призвано организовывать и регулировать деятельность людей. Социальные институты, являясь элементами организационной структуры общества, выступают специфическими механизмами организации и управления процессами общественной жизни и здоровьем людей, обеспечивая тем самым стабильность общественной системы.

Благодаря наличию социальных институтов будничная жизнь приобретает вид своеобразной «машины», в которой все функции распределены как права, поведение, а успех общего дела зависит от того, как каждый на своём месте выполняет определённую задачу. Таким образом, социальный институт, с одной стороны, комплекс нормативно и ценностно-обусловленных статусов и ролей, предназначенных для удовлетворения определённых социальных потребностей, а с другой стороны, это социальное образование, созданное для использования ресурсов общества в целях удовлетворения этих потребностей в системе здравоохранения.

Своей популярностью и репутацией спасителя человечества Пастер обязан прежде всего своему невероятному везению. Глупо было бы отрицать его огромные способности к экспериментальной работе. И вместе с тем, это был великий авантюрист: он брался за такие области, в которых ничего не смыслил, он пускал в оборот вакцины, прошедшие лишь первую стадию лабораторных испытаний, он осмеливался пользовать своими аттенуированными микробами не только животных, но и людей. Применительно к тому материалу, которым занимается Латур, означает, что Пастер вовсе не занимается открытиями неких скрытых истин в своей лаборатории, но найдя себе союзников в лице микробов, распространяет – на Францию, на Европу, на весь мир-сеть, добирающуюся до самых глухих уголков планеты. Название книги Латура – «Пастериазация Франции» представляется нам глобальным взрывом в обществе развития и формирования здравоохранения во Франции.

Открытие микробов Луи Пастером в 1870 г. – одна из славных страниц в истории науки и в истории Франции в целом. Изучая деятельность Пастера и пастеровцев между 1870 и 1914 гг., он показывает, как одновременно менялись бактериология и французское общество. Тем самым делается очевидным, что для науки, для ученого и для эпохи – это открытие сугубо политическое. Трудно и представить себе лучший пример, чем «революция, совершенная в медицине, в биологии и в гигиене трудами Луи Пастера». Во-первых, это революция стала переворотом для научной религии. На протяжении нескольких десятилетий, между двумя войнами, от науки поистине можно было ожидать избавления от политических распрей. Во-вторых, не приходится сомневаться в полезности новаций, введенных Луи Пастером в медицину, – они были

естественны. На протяжении столетий эти новации оказывают влияние на здравоохранение и на биологию, на них явно зиждется престиж системы социального обеспечения. С его приходом медицинское искусство становится наукой, – говорят его приверженцы. Яркий контраст между врачами и хирургами, вслепую борющимся с невидимым врагом и блицкригом Луи Пастера, – это один из лучших примеров способности науки убеждать, избегая компромиссов, шарлатанства и раздоров [7].

Большой вклад в дело охраны здоровья советских людей вносит коллектив Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии имени Пастера. Он был создан в апреле 1923 г. – в то суровое время, когда в молодой Советской республике еще не были побеждены эпидемии опасных болезней. С первых дней существования коллектив института взял на себя основную часть работы по борьбе с заразными болезнями, выпуску лечебных и профилактических препаратов, подготовке научных и врачебных кадров. В работе института в период его организации и становления принимали участие крупнейшие представители отечественной науки – академики Д.К. Заболотный, Н.Ф. Гамалея, Г.А. Надсон, профессора Г.Д. Белоновский, А.А. Владимиров, О.О. Гартох, П.П. Маслаковец, А.А. Филипченко и другие видные ученые. Все научные поколения пастеровцев воспитывались на лучших традициях русской и советской медицины; проходили прекрасную школу беззаветного и бескорыстного служения науке.

Незабываемой страницей истории института является героическая деятельность его коллектива в годы Великой Отечественной войны, не прекращавшаяся ни на один день в тяжелейших условиях блокады Ленинграда. Совместными усилиями пастеровцев и других специалистов противоэпидемического фронта было обеспечено полное эпидемиологическое благополучие осажденного города, в котором впервые за всю многовековую историю войн не возникли эпидемии среди мирных жителей или войск, оборонявших город.

К началу Великой Отечественной войны в Ленинграде фиксировались самые низкие показатели по инфекционной заболеваемости населения в стране. Это заслуга хорошо отлаженной работы учреждений противоэпидемической службы города, в число которой входил Институт. С конца 1941 г., оставаясь единственным научно-практическим учреждением города в области эпидемиологии и микробиологии, на время войны и блокады Ленинграда Институт стал «противоэпидемическим штабом».

Противоэпидемическую службу города возглавил заведующий отделом общей эпидемиологии Института Аншелес Илья Маркович, который был

назначен и главным эпидемиологом Ленгорздравотдела. Важная роль в обеспечении санитарного и эпидемического благополучия принадлежала Государственной санитарной инспекции, начальником которой в этот период был Никитин Михаил Яковлевич. Основная работа заключалась в сохранении элементарных правил санитарии: организации уборки города, утилизации мусора, выборе мест водозабора питьевой воды, уничтожении грызунов, инспекции пищевых объектов во избежание массовых отравлений и эпидемий.

Ввиду непосредственной близости Ленинградского фронта планы противоэпидемических мероприятий координировались с планами противоэпидемической службы и Краснознаменного Балтийского Флота, главным эпидемиологом которого был мобилизованный в ряды действующей армии заместитель директора Института по научной работе Иоффе В.И.

Впервые в стране пастеровцами были сделаны переводы авторитетных зарубежных монографий, включая трехтомное руководство по микробиологии, а совместно с учеными Финляндии, Великобритании, Бельгии и США были изданы книги по вирусологии, гриппу и кишечным инфекциям.

Активно развиваются исследования по эпидемиологии социально значимых инфекций. Множество международных и внутрироссийских проектов и большая учебно-методическая работа по вопросам эпидемиологического надзора за ВИЧ-инфекцией и СПИД проведены Т.Т. Смольской с сотрудниками. Благодаря исследованиям Л.И. Шляхтенко были разработаны основы эпидемиологического надзора за хроническими вирусными гепатитами, обоснована и внедрена в стране официальная регистрация этих заболеваний. Л.В. Лялиной вместе с коллегами выполнены первые в стране исследования по созданию интегрированной системы эпидемиологического надзора и профилактики папиллома вирусной инфекции.

Заключение: «…настоящее и будущее...»

В XX в. здравоохранение стало научно развитой и социально значимой системой общества. Оно является сегодня крупнейшим социальным институтом, которому делегированы стратегически важные задачи, стоящие перед наукой и медициной: охрана и укрепление общественного и индивидуального здоровья, предоставление людям профессиональной научно-медицинской и медико-социальной помощи и поддержки. Приоритетно важны такие направления медицины, как профилактика, т.е. содействие укреплению здоровья, поддержка здорового образа и качества жизни, системные меры по снижению заболеваемости.

Клиническая практика и научная медицина вступили на путь совместного развития как некоего социального института здравоохранения. Произошли гносеологические изменения в медицинском мышлении. Сегодня

здравоохранение как социальный институт – особая сфера культуры, науки и образования. Таким образом, очевидно, что без институализации системы здравоохранения в обществе будет хаос и возникнет множество проблем социального характера. Система здравоохранения как социальный институт принимает вид высоко интегрированной, освящённой признанием общества мощной непробиваемой машины, хорошо защищённой функциями и непререкаемостью заведенного порядка от случайных и непродуманных реформ и авантюр. Это вызывает в обществе чувство спокойствия, стабильности, уверенности в завтрашнем дне. При этом социальный институт, созданный сообществом людей, оказывает огромное воздействие на них, но в то же время только его создатели способны оказать воздействие на свое детище. Хотя в обществе редко соглашаются на кардинальные изменения в системе здравоохранения, пока принятый порядок вещей способен в целом удовлетворить потребности.

Список литературы

1. Конев В.А. Социальная философия. Учебное пособие для студентов гуманитарных специальностей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 287 с.
2. Конев В.А. История и философия науки. Общие проблемы философии науки.: учеб. пос. Новосибирск, СГГА 2014. 199 с.
3. «Остап Бендер, владелец и генеральный директор сетевой компании «Рога и Копыта», – представился Остап. – Проездом в вашем городе с международного млм-конгресса в Барселоне. – И что? – сухо осведомился Паниковский. – Я пришёл к Вам как юридическое лицо к юридическому лицу, – важно проговорил Остап. – Дело в том, что я собираюсь сделать серию крупных благотворительных взносов для культурных учреждений. Развитие детского творчества, поддержка народных промыслов, повышение уровня жизни работников культуры, ну и так далее. Начать, так сказать, отдавать долги великой культуре, вскормившей меня. Могу, к примеру, стать вашим спонсором». // The Enigma of Isaac Babel: Biography, History, Context / edited by *Gregory Freidin*. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.
4. Давыдов Ю.Н., Ковалева М.С., Филиппов А.Ф. Современная западная социология: словарь. – Москва. Политиздат. 1990. 432 с.
5. Panunzio C. Major Social Institutions. NY. 1946.
6. Лейман И.И. Наука как социальный институт. Л.: Наука, 1971. 179 с.
7. Чесанова Т.Ф. «Годы мужества».Л.; «Лениздат», 1984 г. 112 с.

МЕДИАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

MEDIATION AS A SOCIO-LEGAL INSTITUTE OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT

С.В. Соловьева
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
S.V. Soloveva
Lobachevsky University

Рассматривается вопрос о становлении в России медиации как социально-правового института, о преодолении трудностей и перспективах этого метода, потенциально направленного на развитие и повышение уровня социального согласия и взаимодействия в социуме.

The author considers the question of the establishment of mediation as a socio-legal institute in Russia, the question of overcoming difficulties and prospects for the development of this method, potentially aimed at developing and improving the level of social harmony and interaction in society.

Ключевые слова: медиация, конфликт, спор, социально-правовой институт, социальное согласие

Keywords: mediation, conflict, dispute, socio-legal institute, social consent

Высокий уровень социальной напряженности и конфликтности в современном российском обществе, обострение межнациональных отношений, загруженность судебной системы стимулируют поиск вариантов достижения социального согласия.

Одним из таких инструментов выступает медиация как социально-правовой институт. По мнению В.А. Бесединой, социально-правовые институты – система социальных образований, наделенных для решения поставленных перед ними задач по развитию социума одновременно социальными и правовыми функциями, которые тесно взаимосвязаны [1].

С 01 января 2011 г. в РФ действует ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) [2]. Достаточно большой массив иных законодательных актов федерального, регионального уровня свидетельствует о становлении медиации в России как правового института.

Государство рассматривает использование этого метода и на долгосрочную перспективу в соответствии с концепциями развития судебной системы, семейной политики, страховой деятельности, финансового рынка,

восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, образовательного пространства, уголовно-исполнительной сферы, нотариата. Для российской действительности в медиации имеется огромный потенциал для развития и повышения уровня социального согласия.

Но, несмотря на законодательное закрепление процедуры медиации, в России процесс ее внедрения в практику идет достаточно медленно, преодолевая трудности и отторжение.

Со стороны юридического сообщества «в адрес» Закона о медиации часто можно слышать мнения о его несовершенстве, отсутствии четко определенной сферы правового регулирования, отсутствии предельных показателей стоимости услуг медиаторов (видимо, в отношении иных представителей юридической профессии такие расценки установлены законодательно), запрет медиатору оказывать юридическую, консультативную и иную помощь. И, самое главное, отсутствие норм, определяющих порядок проведения процедуры медиации. Такая некомпетентность в сфере медиации не способствует ее распространению в обществе. Все это свидетельствует о необходимости обучения представителей юридических профессий основам медиации, особенностям данного метода и процедуры, так как именно они являются проводниками ее в социум в силу своих профессиональных компетенций. Искаженное представление о медиации, отсутствие собственного опыта применения медиативных технологий приводит к игнорированию этого способа разрешения юридических споров.

Для того чтобы медиация стала эффективным правовым институтом в России, необходим комплексный подход, включающий не только развитие медиационных техник в профессиональной юридической деятельности и интеграции ее в судейскую систему, но и развитие частной модели медиации.

В настоящее время принят и вступил в силу профессиональный стандарт медиатора. Помимо этого, необходимость владения медиативными навыками предусмотрена еще в нескольких профессиональных стандартах и подзаконных актах, определяющих систему профессиональной подготовки и переподготовки специалистов различных сфер деятельности (работников жилищно-коммунальной сферы, органов опеки и попечительства, работников образовательных учреждений, конфликтологов, политологов, руководителей акционерных обществ, государственных гражданских служащих и военнослужащих) [3]. На это необходимо время и наличие специалистов-медиаторов, тренеров медиаторов, чтобы квалифицированно «донести» все преимущества этого способа разрешения конфликтов.

Становление частной медиации в России затруднено отсутствием пока необходимого количества профессиональных медиаторов и трудностями

вхождения в профессию. Речь идет о развитии эмоционального интеллекта специалистов как компоненты «базовой позиции медиатора»[4], умении взаимодействовать с другими, невзирая на конфликты, умении сохранять нейтральную позицию, постоянном процессе саморефлексии, умении слушать, слышать и понимать людей, находящихся в зоне боли и конфликта.

О становлении медиации как социального института в России говорить еще рано. Образование и развитие социального института предусматривает наличие особой культурной среды, системы ценностей, этических норм, образцов поведения и деятельности. Медиация предполагает активное участие самих спорящих сторон в разрешении своего конфликта, ответственность за ситуацию и самостоятельный процесс выработки решения, удовлетворяющего интересы как той, так и другой стороны. К сожалению, эти аспекты медиации пока не получили должного воплощения в российском обществе.

Сами спорящие стороны не готовы взять ответственность на себя за свою собственную жизнь и «бесконфликтное» общение. Как показывает практика, часто основанием для отказа от процедуры медиации становится информация о разделении ответственности. Медиатор отвечает за проведение процедуры и за сопровождение сторон в рамках медиации, а ответственность за конфликт передается их собственникам. Такая информация пугает российских граждан, они еще не готовы сами отвечать за то, что оказались в конфликтной ситуации. Привычки, поведение в конфликте, отношение к своему оппоненту закрепились в стереотипном поведении на протяжении многовековой истории. Конструктивные способы взаимодействия не являются пока еще распространенными в современной культуре отношений.

В заключение процитируем: «Российская реальность, конечно же, сложна для вхождения в нее медиации. Прямохождение человек осваивает чуть больше года, речь – около трех лет, слово – всю жизнь. Сколько же времени пройдет, пока медиация как метод разрешения конфликтов распространится в полной невзгод и конфликтов российской реальности? В той реальности, где «заказать» дешевле, чем «разрулить»? Хотя, заметим, что исторически русская культура всегда была склонна к развитию естественно складывающихся социальных – а не правовых! – механизмов регулирования конфликтов. Так что где-то в глубине медиация и Россия – подходят друг другу» [5].

Список литературы

1. Беседина В.А. Социально-правовые институты современного российского общества: особенности формирования и развития. Режим доступа: http://cheloveknauka.com/sotsialno-pravovye-instituty-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva-osobennosti-formirovaniya-i-razvitiya (дата обращения: 01.09.2017).

2. ФЗ от 27.07.2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс].

3. Филипова И.А. Правовой статус медиатора как работника по законодательству РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 253-257.

4. Ершова Е.В. «Базовая позиция медиатора» как техника внутренней рефлексии при обучении специалистов помогающих профессий»// Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 841-846.

5. Мета Г., Похмелкина Г. «Медиация – искусство разрешать конфликты: знакомство с теорией, методами и профессиональными технологиями». М.: Издательство «VERTE», 2004. 319 с.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA AS EXEMPLIFIED BY THE LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD

Д.Г. Столяров
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
D.G. Stolyarov
Lobachevsky University

Рассматривается процесс интернационализации высшего образования в России на примере ННГУ им. Н.И. Лобачевского как отражение процессов глобализации. Анализируются формы международной активности, в которых принимают участие преподаватели и студенты различных уровней образования

The article touches upon the internationalization process of higher education in Russia as exemplified by the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod as the reflection of globalization processes. Forms of international activity in which faculty and students participate are analyzed

Ключевые слова: высшее образование в России, глобализация, интернационализация высшего образования, формы международного сотрудничества в вузе

Keywords: higher education in Russia, globalization, internationalization of higher education, forms of international cooperation at universities

С развитием процессов глобализации и интернационализации перед высшим образованием встали новые цели — подготовка профессиональных

кадров, способных эффективно работать в изменившихся условиях глобального рынка. Интернационализация образования преследует различные цели, среди которых: привлечение иностранных студентов на платное обучение; разработка учебных планов и направление студентов на обучение в зарубежные вузы-партнеры; расширение региональной сети вуза для эффективного использования ресурсов; повышение качества образования и исследований за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями и опытом. Развитие международного межвузовского сотрудничества позволяет организовывать совместные научно-исследовательские проекты, обменные программы для студентов и преподавателей, специальные программы для иностранных студентов.

Большинство современных вузов в той или иной степени вовлечено в международную деятельность. На самом высоком уровне интернационализация высшего образования может рассматриваться как процесс систематической интеграции международной составляющей в образование, исследования и общественную деятельность высших учебных заведений. В этом смысле очень малое количество вузов, даже из крупных центров академического образования, могут считаться в истинном смысле международными.

В сфере образования основным фактором, стимулирующим изменения, является стремительно увеличивающийся поток информации. Этот рост происходит такими темпами, что прежние методы и сама система образования уже не способны с ним справиться. Простое увеличение объема осваиваемых знаний приводит к чрезмерному увеличению учебной нагрузки, что неблагоприятно сказывается на здоровье учащихся и при этом не дает желаемых результатов. При таких темпах изменений обновление знаний происходит настолько быстро, что к моменту окончания обучения в вузе полученные студентами знания успевают устареть. Возникла необходимость постоянного обновления профессиональных знаний – т.е. непрерывного, «пожизненного» обучения.

Изменения в экономической среде приводят к необходимости профессиональной переориентации специалистов на разных этапах их карьеры, освоения новых областей деятельности, изменения карьеры. Изменились и сами обучаемые – помимо вчерашних школьников в вузы приходят зрелые специалисты, обремененные семейными и бытовыми заботами, совмещающие учебу с работой. Наличие у них опыта практической деятельности, особых условий получения образования заставляют вузы изменить график и методы обучения. Уже недостаточно передать студентам определенный объем знаний, намного важнее стало обучение поиску и анализу необходимой информации, обучение самому процессу получения знаний.

Во многом адаптации к новым реалиям образовательного процесса способствует интернационализация высшего образования, которая в разных вузах принимает различные формы. Если в качестве примера взять Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, то основными формами интернационализации высшего образования являются:

– налаживание партнерских отношений с ведущими мировыми научно-образовательными центрами;

– мобильность преподавателей и обучающихся;

– привлечение иностранных студентов на обучение по образовательным программам на иностранных языках;

– разработка совместных образовательных программ с иностранными партнерами;

– привлечение иностранных специалистов;

– публикация совместных научных статей в ведущих зарубежных изданиях;

– участие в ведущих мировых рейтингах с целью повышения позиций вуза на мировом рынке образовательных услуг;

– реализация совместных научно-исследовательских проектов.

Каждая форма интернационализации высшего образования в вузе определяется влиянием различных факторов, основными из которых являются социальные. Например, роль семьи в участии студентов в программах мобильности или проблемы социальной адаптации иностранных специалистов в условиях российской действительности могут послужить плодотворной почвой для исследований в данной сфере.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

INDIVIDUAL MEASUREMENT OF COLLECTIVE RIGHTS IN THE INTERNATIONAL LAW

И.С. Тарбастаева
Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
I.S. Tarbastaeva
The Institute of Philosophy and Law
of Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk

Рассматривается проблема отражения коллективной правосубъектности в международных документах, в частности в ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 г. Показывается, что в данной

статье провозглашаются индивидуальные права, а не коллективные. Делается вывод о существующей тенденции рассматривать коллективные права исключительно в контексте интересов личности.

The problem of the reflection of collective legal personality in international documents, in particular in Art. 27 of the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966. It is shown that this article proclaims individual rights, and not collective rights. The conclusion is made about the existing tendency to consider collective rights exclusively in the context of the interests of the individual.

Ключевые слова: индивидуальные права, коллективные права, Лига Наций, Международный пакт о гражданских и политических правах

Keywords: individual rights, collective rights, League of Nations, International Covenant on Civil and Political Rights

В последние годы категория «человеческий потенциал» получила свое развитие не только в экономических, но и в гуманитарных исследованиях. Известно, что ее теоретические основы заложили У. Джемсон, Я. Морено, А. Маслоу. Главная идея этой концепции заключается в том, что человек не в полной мере использует свои возможности, и необходимо достичь их максимальной реализации [1, с. 89]. Мировое сообщество в лице ООН ежегодно проводит «измерения» человеческого потенциала на основе разработанных индикаторов, касающихся в основном экономических и социальных показателей. Вместе с тем возможность человека реализовывать свои потребности в правовой сфере также является важным показателем его потенциала. Принято было считать, что индивидуальные права способны полностью удовлетворить потребности людей, обеспечить защиту их жизненных интересов. В настоящее время все больше исследователей приходят к выводу, что в дополнение к правам человека следует концептуализировать и применять на практике коллективные права [2].

Идет дискуссия, кого считать субъектом коллективных прав: индивида или коллектив. По нашему убеждению, интерпретация субъекта права исключительно как индивида является не вполне оправданной установкой. Без учета коллектива, который «передает» человеку новые смыслы, ценности, существующие только в коллективном пространстве, отражение интересов самого человека будет не полным. Кроме того, из-под защиты выпадают конкретные социальные образования, которые являются носителями системных характеристик, не присущих отдельному человеку. Например, этническая культура может функционировать только в рамках сообщества.

Зарубежные исследователи отмечают, что Лига Наций в начале своей деятельности делала попытки утвердить коллективные права, в частности, в отношении меньшинств. Однако почти все страны, которые после Второй

мировой войны занимали важное место среди победителей, не хотели слышать о меньшинствах и их правах [3]. Пришедшая ей на смену Организация объединенных наций (далее – ООН) пошла по иному пути: отказалась от языка групповой защиты. Как пишет Миодраг А. Йованович, причиной этого в том, что военные завоевания нацистов были основаны на предполагаемых нарушениях прав немецких меньшинств в соседних странах. Следовательно, стала провозглашаться альтернатива – защита всеобщей индивидуальности [4]. Вместо концепции прав меньшинств была выдвинута концепция прав человека.

Тем не менее, Устав ООН закрепил самоопределение народов в виде руководящего политического принципа. Как указывает П. Торнберри, исключение меньшинств из совокупности норм международного права никогда не было полным [5]. Так, в 1940-х гг. была создана Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Однако первый крупный нормативный сдвиг произошел значительно позже, в 1966 г., когда был принят Международный пакт о гражданских и политических правах (далее – Пакт) [6]. Именно он послужил отправной точкой для всех последующих изменений в международном режиме прав меньшинств.

Итак, существующая тенденция непризнания собственно коллективных права отражается и в международно-правовых документах, в частности, в знаменитой 27-ой статье Пакта. В ней говорится: «В тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами их группы пользоваться своей культурой, исповедовать и исповедовать свою религию или использовать свой язык» [6]. Как верно отмечает Дж. Пестоу: «эта статья вызывает больше вопросов, чем решает» [3, с. 367]. Приведем его аргументы, показывающие, что ООН избегает решения проблемы статуса меньшинств и сводит вопрос об их защите к сфере индивидуальных прав.

Во-первых, в данной статье рассматриваются индивидуальные права «*лиц, принадлежащих к таким меньшинствам*», а не меньшинств как таковые. Во-вторых, он обращает внимание на выражение «*меньшинствам не может быть отказано в праве*». Другими словами, текст данной статьи не обязательно направлен на поощрение культуры или автономии меньшинств. Защита может идти рука об руку с политикой ассимиляции [3]. П. Торнберри справедливо добавляет, что эта формула, подчеркивая в какой-то мере коллективистское измерение указанных прав, «представляет собой посредничество между правами человека и полными коллективными правами» [5, с. 54].

Таким образом, в международно-правовых документах при определении субъекта по-прежнему предпочтение отдается формуле «*лица, принадлежащие к...*». Это означает, что в настоящее время коллективные права измеряются

исключительно в контексте интересов индивида, что является не совсем верным отражением действительности, поскольку в данном случае не учитывается ценности конкретных сообществ.

Список литературы

1. Иванов О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // СОЦИС. 2014. №. 6.С. 89-95.
2. Тарбастаева И.С. Потенциал социальной философии в определении коллективных прав // Сибирский философский журнал. 2016. № 3. С. 260-273.
3. Pestieau J. Minority Rights: Caught Between Individual Rights and Peopeles'Rights. Canadian Journal of Law and Jurisprudence. Vol. IV. No. 2 (July 1991). Pp. 361-373.
4. Miodrag A. Jovanović. Are There Universal Collective Rights? Human Rights Review, Vol. 11, №1. 2010. Pp. 17-44.
5. Thornberry P. Minority and Indigenous Rights at «The End of History» (2002) 2 Ethnicities 515, 517.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 21.08.2017).

СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СЕГМЕНТ СИСТЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА[1]

SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION AS A SEGMENT OF THE SYSTEM OF DEVELOPMENT HUMAN POTENTIAL

Л.Д. Тюличева
Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, г. Санкт-Петербург
L.D. Tiulicheva
Institute of Regional Economy of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Посвящено трансформациям среднего профессионального образования и особенностям общественного восприятия в России и в других европейских странах возможностей формирования человеческого потенциала на этом уровне образования.

[1]По результатам исследований по теме НИР: «Разработка теоретико-методологических основ стратегии трансформации социального и эколого-экономического пространства, ее влияния на развитие человеческого капитала инновационной экономики» (№0170-2014-0005) в 2017 году. (№ Г.Р. АААА-А16-116071210037-1)

The article is devoted to the transformation of secondary vocational education and the peculiarities of public perception in Russia and in other European countries of the opportunities for the formation of human potential at this level of education.

Ключевые слова: человеческий потенциал, профессиональная деятельность, среднее профессиональное образование, стратификация общества, социальные институты, ценности

Keywords: human potential, professional activity, secondary vocational education, society stratification, social institutions, values

Исходя из определения человеческого потенциала как совокупности универсальных (общих) и специфических (специализированных) потребностей, способностей и готовности индивидов и социальных общностей выполнять общественно-необходимые виды деятельности [1, с. 89], следует признать, что внимания заслуживают также видоизменения общественных подсистем, призванных целенаправленно формировать эти компоненты человеческого потенциала.

Одной из важнейших сфер реализации человеческого потенциала является область профессиональной деятельности человека, потребности, способности и готовности к которой во многом формируются в многоуровневой системе профессионального образования. Вряд ли нужно спорить с тем, что трансформации этой системы, начавшиеся в конце прошлого столетия, носят весьма радикальный характер.

Ситуация для СПО в период системного кризиса российского общества в 1990-е гг. складывалась весьма непросто:

– кризис отечественной экономики вообще и отраслей промышленности особенно резко снизил потребность в квалифицированных рабочих и специалистах, более того, он привел к размыванию статуса специалиста среднего звена (выпускника СПО можно использовать в широком диапазоне – от квалифицированного рабочего до младшего инженера);

– резко возросшая доступность высшего образования переместила на периферию интересов потребителей образовательных услуг образовательные организации среднего профессионального образования.

Произошла переориентация СПО в области развития человеческого потенциала с задач, связанных с развитием потенциальных способностей будущего профессионала, на задачи общего культурного развития и социальной адаптации. В связи с этой трансформацией появились основания утверждать, что роль СПО увеличивается в условиях расслоения общества и снижения территориальной мобильности населения [2].

СПО твердо стало позиционироваться как образование для тех, кому по тем или иным причинам недоступно высшее профессиональное образование.

Упрощенный подход таков – полное развитие человеческого потенциала происходит в стенах вуза, но если не можешь туда просочиться, пускай с твоими потенциальными возможностями поработает техникум (колледж) – в той мере, в какой он на это способен.

Эта статусная позиция довольно устойчива, несмотря на изменения в образовательной политике, резкого повышения внимания государства к СПО.

Тот факт, что организации СПО в основном финансируются из федерального и региональных бюджетов, а средства домохозяйств в этой системе не играют решающей роли [3], является экономическим доказательством, того, что, во-первых, СПО остается для студентов и их родителей малопривлекательным вариантом, во-вторых, студенты техникумов и колледжей происходят из семей с невысокими доходами.

Идея некоторой стратификационной неполноценности среднего профессионального образования витает, видимо, и в воздухе некоторых других стран. Мониторинг общего и профессионального образования, осуществляемый в странах ЕС, выявил, что низкая привлекательность начального и среднего профессионального образования является проблемой для экономики Венгрии, Польши, Литвы, Кипра и некоторых др. [4].

В то же время в таких экономически развитых странах, как Германия, Дания, Австрия, Финляндия, Нидерланды положение иное.

В европейских странах сформировалось несколько организационных форм реализации довузовского профессионального образования:

– профессиональные образовательные организации самостоятельного образовательного уровня;

– образовательная ступень высшего учебного заведения;

– трансформация старшей общеобразовательной школы в связи с ее способностью дать своим выпускникам профессии и квалификации, пользующиеся спросом на рынке труда.

Дания из всех стран ЕС имеет наибольший удельный вес обучающихся, которые участвуют в профессиональном образовании [5]. В Австрии доля участвующих в профессиональном базовом образовании высока и образование эффективно – оно приводит к приобретению необходимых компетенций [4]. В Нидерландах доля учащихся в профессионально-технических учебных заведениях среднего образования значительно выше среднего показателя по ЕС [4]. В Словении процент участников программ профессионального обучения на верхнем уровне среднего образования (2 ступень) по-прежнему выше среднего показателя по ЕС [5].

В Финляндии доля учащихся, посещающих курсы профессиональной подготовки, является одной из самых высоких в ЕС, последнее время были созданы новые учебные места [5].

В Германии. Австрии, Швейцарии у молодежи высок интерес к получению рабочих профессий и профессий специалистов среднего звена.

Германия, Австрия и Швейцария в рамках проекта «Переосмысление высшего образования в глобальной экономике», отвечая на упреки в низкой доле обладателей высшего образования среди населения вообще и молодежи, в частности, представили обоснование, почему они в качестве альтернативы бурному развитию высшего образования видят по-прежнему неакадемическое профессиональное образование [6]. В числе важнейших аргументов – во-первых, органичная связь невузовского профессионального образования с потребностями экономики (о чем свидетельствует высокая занятость выпускников по полученной профессии), во-вторых, его органическое соответствие институциональной среде этих стран (в том числе сохраненному со средних веков институту передачи мастерства от мастера подмастерью), системе ценностей их населения (высокому престижу рабочих профессий, физического труда высокой квалификации и др.). При этой опоре на вековые ценности и институты эти страны осуществляют ускоренное внедрение нового оборудования и новых технологий в учебный процесс.

Внимание к успешной практике самореализации молодежи этих стран на базе довузовского профессионального образования отсылает нас, как это ни странно, к методологическим вопросам. Не грешим ли мы отождествлением человеческого потенциала и образовательного потенциала? Возможно, если исходить из приведенного выше определения, в трактовке человеческого потенциала следует уделять внимание не только и не столько статусу профессии, сколько установкам на достижение высокой степени мастерства в рамках избранной профессии? Ведь это нацеленность на мастерство и есть концентрированное проявление наших потребностей, способностей и готовности выполнять профессиональную деятельность.

Список литературы

1. Иванов О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 89-95.
2. Анисимов П.Ф. О программе развития воспитания в системе среднего профессионального образования // Среднее профессиональное образование. 2001.№6. С. 30-34.
3. Реформа среднего профессионального образования (отечественный и зарубежный опыт) // Бюллетень о сфере образования. 2017. № 11 (март 2017). Режим доступа: http://ac.gov.ru/files/publication/a/12464.pdf (дата обращения: 23.03.2017).
4. Monitor für die allgemeine und berufliche Bildung 2015. URL: http://ec.europeu/education/sites/education/files/monitor2015-de_de.pdf. (accessed: 12.04.2017).

5. Monitor für die allgemeine und berufliche Bildung 2016. URL: http://ec.europa.eu/education/sites/education/files/monitor2016-de_de.pdf. (accessed: 23.03.2017).

6. Hippach-Schneider U., Krause M., Woll C. Berufsbildung in Deutschland. Kurzbeschreibung // Luxemburg: Amt für amtliche Veröffentlichungen der Europäischen Gemeinschaften, 2007. URL: https://www.bibb.de/dokumente/pdf/ Berufsbildung-im-Deutschland.pdf. (accessed: 22.02.2017)

МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ВУЗА И СПЕЦИАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

MOTIVATION OF A CHOICE OF HIGH SCHOOL AND A SPECIALTY IN THE CONTEXT OF HUMAN CAPITAL

Я.В. Ушакова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Ya.V. Ushakova
Lobachevsky University

Приведены результаты социологического исследования мотивации выбора вуза, факультета и специальности студентами-первокурсниками факультета социальных наук Нижегородского университета.

The article describes results of the sociological research of motivation of a choice of high school, faculty and a specialty by students-first-year students of faculty of social sciences of the Nizhny Novgorod University.

Ключевые слова: человеческий капитал, высшее образование, мотивация выбора вуза, факультет, специальность, профессия

Keywords: human capital, higher education, motivation motivation of a choice of high school, faculty, specialty, profession

Человеческий капитал представляет собой совокупность накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации, которые впоследствии могут приносить доход – в виде заработной платы, процента или прибыли [1]. В системе высшего профессионального образования человеческий капитал определяется как накопленное богатство, выражающееся в совокупности профессиональной компетентности, культуры, здоровья, мотивации и представляет собой главный фактор формирования и развития общества [2]. Роль образования в формировании человеческого капитала личности постоянно растет. Это связано с ускорением темпов экономического развития,

технического прогресса, вопросами укрепления обороноспособности государства.

Выбор будущей специальности при поступлении в вуз, а, значит, и будущей профессии, – одна из самых сложных задач, стоящих перед выпускниками средней школы. Несмотря на то, что учащимся предоставляется возможность определиться с этим выбором еще в старших классах (профильные классы, лицеи и гимназии, лекции преподавателей вузов в школах, подготовительные курсы в вузах), абитуриенты делают выбор по другим основаниям. В феврале 2017 г. на первом курсе направления «Социология» факультета социальных наук Нижегородского госуниверситета (напомним, что студенты отучились уже целый семестр) был проведен опрос по неформализованной анкете, которая включала три вопроса: мотивация выбора вуза, факультета, специальности. Студентам необходимо было самостоятельно сформулировать не более трех оснований каждого выбора. Всего в опросе приняли участие 25 студентов.

Мотивация выбора вуза. В выборе вуза абитуриенты чаще всего опирались на репутацию и авторитет учебного заведения. Более чем для половины из них важным основанием явился престиж университета, его высокий рейтинг среди других вузов (21 упоминание).

«ННГУ – один из самых престижных университетов России».

«…ННГУ является самым популярным и лучшим университетом нашего города».

«Это престижный вуз, и я еще со средней школы планировала поступать именно сюда».

Многих привлекает разносторонняя деятельность Нижегородского университета: учебная, исследовательская, международная и общественная, волонтерские программы (всего 13 упоминаний).

«…в университете реализуются программы, связанные с как с научной, так и с творческой, волонтерской деятельностью».

«…сотрудничает с иностранными учебными заведениями».

«…предоставляет возможность своим студентам участвовать в различных программах по разным направлениям, также активная внеучебная работа студенческого совета повлияла на выбор этого вуза и факультета».

Почти половина абитуриентов отдает предпочтение, в том числе, профессионализму профессорско-преподавательского состава и качеству подготовки будущих специалистов (11), что позволит в будущем успешно реализоваться в профессии.

«Качество обучения, уровень преподавания, а также многообразие факультетов и специальностей доказывает, что этот университет достоин выбора студентов».

«Высокое качество образования поможет мне стать квалифицированным специалистом».

«Университет Лобачевского – отличное место подготовки квалифицированных специалистов во многих областях науки».

«Именно это высшее учебное заведение может дать студенту образование, те знания и умения, которые потом пригодятся в жизни».

«Получение диплома этого университета позволит мне быть более удачливым соискателем на рынке труда».

«Получение диплома в университете поможет мне получить престижную профессию».

Общая тенденция последних лет – поиск необходимой информации в Интернете. И большинство будущих студентов активно используют этот информационный источник при выборе будущего места учебы [3]. Тем не менее, в выборе вуза значительная часть абитуриентов склонна доверять положительным рекомендациям родителей, родственников, выпускников и своих друзей, которые уже учатся в ННГУ (11).

«Мои родители, родственники учились именно здесь».

«В данном учебном заведении учатся много моих знакомых, которые так же мне его рекомендовали».

«Я знакома с несколькими его выпускниками, которые отзывались о высоком качестве образования».

«Все выпускники данного вуза, с которыми я общалась, были очень интересными и разносторонне развитыми личностями».

Иногородние студенты также отмечают удобное территориальное расположение университета (4), а для некоторых нижегородских студентов важно учиться в своем городе (2).

«Выбор ННГУ, в первую очередь, из-за приближенности Нижнего Новгорода к родному городу (Чебоксары), высоким статусом и уровнем образования в сравнении с другими из ближайших районов».

«Удобное для меня расположение (я из Дзержинска)».

Мотивация выбора факультета. Выбирая факультет, абитуриенты, прежде всего, ориентировались на собственные интересы и их связь с получаемой специальностью. Многие хорошо знакомы с различными аспектами будущей профессиональной деятельности. Стоит отметить, что опрос проводился после первой сессии, и на ответы студентов, скорее всего, оказал влияние первый семестр обучения. Тем не менее, результаты

исследования показали, что большинство студентов не разочаровались в своем выборе (20 из 25).

«Здесь изучаются социальные проблемы современного общества, и из нас готовят специалистов для работы в постоянно окружающем нас социуме».

«Мне нравится работать с цифрами, графиками, собирать и анализировать информацию».

«На основании личных интересов – социальные науки, изучение общества и подобное этому».

«Социальные науки меня заинтересовали еще в средней школе, и я решила связать с этим свое будущее».

«Социология связана с психологией, с человеческими отношениями, изучать которые мне нравится».

В рейтинге мотивов выбора специальности одно из первых мест всегда занимает количество набранных баллов по ЕГЭ или набор тех дисциплин, по которым абитуриент успешно сдал Единый государственный экзамен. Половина студентов-социологов выбрала направление обучения именно по этим основаниям (12 из 25), некоторые планировали обучение на других факультетах, но не прошли конкурсного отбора.

«На специальности, которые предполагает факультет социальных наук, требовались те же предметы, что я сдавала».

«По баллам ЕГЭ прошла на ФСН».

«Поступила потому, что прошла по баллам».

«Конечно, можно было и в ИЭП, но туда не прошел по баллам ЕГЭ».

«Сдавала те предметы, с которыми можно было поступить на ИЭП или ФСН».

Результаты исследования показали, что не последнюю роль в выборе факультета будущими студентами, его продвижении играют «Дни открытых дверей» и возможность знакомства на этом мероприятии с руководством факультета и преподавателями (7 упоминаний).

«Факультет социальных наук хорошо развит и предоставляет возможность своим студентам участвовать в различных программах по разным направлениям, также повлияла на выбор этого вуза и факультета активная внеучебная работа студенческого совета».

«На факультете проводится множество различных мероприятий, связанных не только с научной, но и с творческой деятельностью, что также способствует разностороннему развитию личности».

«История факультета, преподавательский состав также сыграли роль в выборе».

«На одном из «Дней открытых дверей» я поняла, что на ФСН больше шансов получить реальные знания, плюс меньше факультет, плюс больше количество бюджетных мест».

«Решающую роль в моем выборе сыграла речь декана на «Дне открытых дверей» и его вовлеченность в работу приемной комиссии».

Мотивация выбора специальности. Выбор абитуриентами специальности оказался более сложным, нежели выбор факультета. На этот выбор влияет не только личный интерес к будущей профессии и науке, но и возможность пройти по конкурсу на бюджетное место, имея необходимое количество баллов по ЕГЭ. Поэтому треть студентов испытывают некоторые затруднения в этом вопросе (8 упоминаний).

«Несмотря на то, что ФСН выбрала сразу, выбор специальности встал под знаком вопроса».

«Социология – специальность, которая мне ближе всего из всех направлений, которые предоставляет ФСН».

«У меня был выбор между двумя специальностями: Управление персоналом и Социология».

«…мне не нравятся другие направления».

Стоит отметить, что среди первокурсников есть и те, кто сделал свой выбор специальности вполне осознанно, так как начал заниматься социологией еще в средней школе (6 упоминаний).

«Работа с преподавателем ННГУ на конференции НОУ секции по социологии определила мое дальнейшее образование».

«Я выбрала специальность Социология потому, что мне нравилась наука социология в школе».

«…участвовала в олимпиаде по социологии на базе университета и заняла призовое место».

Очевидно, что самым положительным моментом начала обучения по выбранной специальности является то, что первокурсники не разочарованы в своем выборе (16 упоминаний).

«Эта наука может помочь сформировать правильный взгляд на мир и что в нем происходит».

«Социальное поведение групп людей, которые составляют разные слои населения и занимаются разного рода деятельностью – очень интересный объект для изучения.

«Социология – с одной стороны, интересная, с другой – полезная в обычной жизни наука, изучающая общество в его многообразии».

Отучившись первый семестр, студенты вполне осознали связь направления обучения и получаемых знаний с будущей профессией (10 упоминаний).

«Это направление больше всего соответствует тому, в чем я хочу реализовать себя в будущем».

«Я выбрал эту специальность из-за большого количества информации, которая пригодится мне в любом случае».

«Я выбрал эту специальность, т.к. на мой взгляд на ней дается обширный объем знаний, который пригодится мне вне зависимости от того, буду ли я работать по специальности или нет».

Результаты исследования показали, что абитуриенты без труда определяются с выбором вуза. В основе мотивации выбора вуза лежит, прежде всего, его репутация и авторитет, разносторонняя деятельность, профессионализм профессорско-преподавательского состава и качество образования. С выбором факультета и специальности у будущих студентов возникают затруднения, и здесь на протяжении многих лет у большинства в основе мотивации выбора лежит количество набранных баллов ЕГЭ по выбранным дисциплинам.

Список литературы

1. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В.В. Радаев // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 20-32.
2. Арзина А.В. Особенности формирования человеческого капитала в процессе вузовского обучения. Конференция «Ломоносов-2015». Секция «Социология образования». Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/.../uid85543_report.pdf (дата обращения: 08.05.2017).
3. Ушакова Я.В. Структура выбора вуза и специальности абитуриентами // Молодежь как ресурс регионального развития: материалы Международной научно-практической конференции (г. Киров, 27-28 октября 2011 г.) / Отв. ред. З.Х. Саралиева. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 600-601.

ИНСТИТУТ МОНАРХИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНТЕКСТЕ СТОЛЕТИЯ

INSTITUTE OF THE BRITISH MONARCHY IN THE CONTEXT OF THE CENTURY

В.В. Фурсов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.V. Fursov

Lobachevsky University

Рассматривается феномен института монархии в Великобритании и особенности его развития в рамках историко-культурной репрезентации концепта «Британская королева», а также роль женщины на английском троне в XIX-XXI вв.

Focuses on the institution of monarchy in Britain and on its development in the historical and cultural representation of the concept «British Queen» and focuses on the role of women on the throne in Great Britain in XIX-XXI centuries.

Ключевые слова: Монархия, форма правления, Британская королева, Елизавета I, Елизавета II, феномен английской женщины

Keywords: Monarchy, form of government, the British Queen, Elizabeth I, Elizabeth II, the phenomenon of the British women

Монархия как форма правления раскрывалась многими политологами и философами различных времен. Одним из первых являлся Аристотель. Он выделял монархию как одну из трех наиболее зрелых форм правления.

Монархия особенно интересна схемой развития, которую можно изобразить (с некоторыми нюансами) следующим образом. Исторически первой являлась раннефеодальная монархия, вслед за ней шла сословно-представительная монархия, которая превратилась затем в абсолютную монархию. Во время буржуазно-демократических революций абсолютная монархия была уничтожена и заменена конституционной монархией, которую также называют ограниченной. Конституционная монархия прошла две фазы развития: сначала от монархии дуалистической до парламентской.

Парламентская монархия – заключительная стадия развития данного института, в которой монарх не обладает значительными властными полномочиями по сравнению с правительством и играет преимущественно представительскую или церемониальную роль. Одним из представителей такой формы правления современном мире является Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

Власть суверена сегодня скорее декоративна, чем функциональна, она очень важна для сплочения нации и для поддержания национального духа [1, с. 267]. За годы своего правления монарх становится частью повседневной жизни британцев. 22 июня, день коронации королевы Виктории, был объявлен государственным праздником (Bank Holiday). Газета «Daily Mail» писала, что, хотя для многих подданных монархия представляется символической, Виктория, промелькнувшая в проезжавшей карете, была для них самой важной персоной в мире [2, с. 4]. Юбилейные торжества Елизаветы II в 2002 г. – огромные скопления народа, многочисленные публикации в прессе, разнообразные сувениры – тарелки, майки, кепки, открытки, кружки, пачки чая – все это с золотой короной, цифрой 50 и портретом королевы – в очередной раз подтвердили, что ее подданные не намерены менять существующее государственное устройство. Такая жизнеспособность британской монархии обусловлена особенностями исторического, социокультурного, политического

развития Англии, своеобразием национального характера и менталитета островных жителей, которым присуща самобытная логика мышления [3, с. 14].

Социально-исторический фактор в немалой степени дает объяснение феномена устойчивости британской монархии. Отличительной чертой английской ментальности является глубокое уважение, с которым англичане относятся к своей истории [4, с. 21].

Ее величество королева Виктория, вступившая на трон в 1837 г., будучи воспитанной в уверенности, что монарх обладает неограниченной властью, отрицательно относилась к конституционной республике, которая во многом разрушила власть суверена и ограничила его влияние. Тем не менее, как и Елизавета I, Виктория стремилась поддержать согласие с парламентом без использования рычагов диктаторской власти [5, с. 78].

Таким образом, сохранению британской монархической традиции благоприятствует политический фактор – устройство государственной системы Британии. Как отмечает Британский историк В. Богданор, при демократической системе управления имеются две важные должности – главы правительства и главы государства [6, с. 89]. В США, например, эти посты заняты одной личностью – президентом, который представляет одну партию и, следовательно, только часть населения. Объективно такая фигура не может объединять общество. Не случайно символом американской нации является конституция. В Британии же функции главы правительства и главы государства разделены между премьер-министром и монархом, при этом суверен выступает как политически нейтральное лицо, представляющее государство и нацию в целом. «Можно предположить, – пишет В. Богданор, – что для государства лучше иметь определенную личность как фокус национальной идентичности, чем конституцию или историческую традицию, так как для граждан легче понять значение символа и проявлять преданность реальному человеку, чем концепции». Нейтралитет суверена нельзя назвать абсолютным.

Как утверждает В. Баджота, королевская власть, возвышающаяся над партиями, способна нивелировать политическую борьбу и быть охранительным департаментом внутренней стабильности [7, с. 53]. Развивая эту идею В. Баджота, лейбористский социолог Г.Дж. Ласки утверждал, что вмешательство королевской персоны в политику в качестве третьей силы, стоящей над партиями, вполне обоснованно в чрезвычайных обстоятельствах и может рассматриваться как проявление резервной власти, которая использовалась в период политических кризисов и может потребоваться при каких-либо непредвиденных обстоятельствах, так как, в соответствии с коронационной клятвой, монарх – традиционный гарант конституции. Ситуации, когда посредничество короля было необходимо, были связаны с

кризисами, затронувшими конституционные основы страны. Историки политической системы Великобритании выделяют два таких кризиса: в 1909-1911 и 1912-1914 гг. Первый был вызван реформированием палаты лордов, второй – предоставлением самоуправления Ирландии. Правивший тогда Георг VI соблюдал лояльность и выступал посредником между консерваторами и либералами. Кроме того, суверен играет важную конституционную роль при возникновении проблемы так называемого «висячего парламента», когда ни одна из правящих партий не имеет парламентского большинства, как это было в 1910-1914, в 1923-1924 гг. и в 1931 г. В подобных ситуациях суверен выступает либо инициатором переговорного процесса, либо организатором консультаций среди партийных элит. Например, королева Елизавета II выступала в качестве арбитра в период внутрипартийных кризисов, коснувшихся консерваторов в 1957 и 1963 гг.

Помимо вышеупомянутых внутригосударственных функций монарх обладает еще одной важной прерогативой — он символизирует стабильность, целостность и величие государства. С «Акта о королевском титуле» 1876 г. (Royal Titles Act), провозгласившего королеву Викторию императрицей Индии, корона стала эмблемой империи, а для граждан страны олицетворяла величие их родины [8, с. 2]. Эдуард VII стал первым сувереном, который был объявлен императором. В феврале 1901 г. видный консервативней деятель и лидер палаты общин А.Дж. Бальфур направил Эдуарду VII послание, в котором подчеркивал важность новой функции монарха. «Король в настоящем, – отмечалось в письме, – это конституционный центр, объединяющий в единую империю сообщества свободных людей, разбросанных по земному шару. Весь патриотический порыв, который делает существование такой империи возможным, сосредоточен на нем или главным образом на нем; и во имя его величия наши соотечественники за морями добиваются укрепления монархии и империи».

Позже, в 1909 г. А.Дж. Бальфур заявил: «В течение последних лет правления королевы Виктории и сегодня даже больше, чем прежде, понятия «Великобритания» и «Британская империя» слились воедино. Наши народы за морями не думают об Асквите или обо мне. Они едва ли знают наши имена. Для них символ империи – король».

В 1947 г., когда британская колония Индии добилась независимости от метрополии, создав прецедент, за которым последовали другие азиатские и африканские страны, и Британия лишилась статуса мировой державы, распад империи не обернулся трагедией для метрополии. На ее месте возникло новое объединение, а страна смогла своевременно переориентироваться на Европу. При этом некоторые деятели консервативной партии были убеждены, что

важнейшим умиротворяющим фактором являлась корона. «Стабильность британского государства в течение массовой деколонизации и экономического упадка – наиболее впечатляющая черта нашей политической жизни в послевоенные годы, – заявлял известный консерватор лорд Хейли-шем. – Невозможно точно определить вклад монархии в обеспечение этой стабильности. Однако символизм монархии был умело использован для смягчения удара от потери империи, когда в 1949 г. король принял титул главы Содружества, чтобы Индия получила возможность остаться в новом объединении как республика. То есть, утратив реальную власть, монархия не утратила своего внутри- и внешнеполитического влияния».

Британия является самой матриархальной страной в мире. В большинстве художественных произведений, написанных английскими авторами, присутствует независимый, мятежный, иногда даже строптивый нрав английской женщины. В XIII в. Д. Чосер заявлял женщинам о необходимости править мужчинами в своих «Кентерберийских рассказах»: «Бояться мужа – глупого глупей: будь он в кольчужные закован звенья, Стрелами острыми своих речей Пронзишь ты и стальное облаченье», а также давал совет «на благо всем хватать бразды правленья».

Стоит также отметить, что дух независимости и протеста проявляется и в характере героини известного романа Шарлотты Бронте «Джен Эйр». Джен Эйр – довольно смелая по характеру девушка, ведущая тяжелую борьбу за свое человеческое достоинство и существование и протестующая против всякого угнетения: «Когда нас бьют без причины, мы должны отвечать ударом на удар – иначе и быть не может – притом с такой силой, чтобы навсегда отучить людей бить нас!».

Феномен английской женщины проявляется, в частности, в литературном творчестве. Если имена немецких, итальянских, российских писательниц знакомы сегодня, порой, только специалистам-литературоведам, а из французских авторов-женщин всемирно известна одна Жорж Санд, то Англия породила целую плеяду читаемых во всем мире писательниц (Дж. Остин, Ш. Бронте и ее сестры, М. Шелли, Э. Гаскел, В. Вульф, А. Мердок, в наше время – автор детского бестселлера о Гарри Поттере Дж. К. Роллинг).

Не менее активны британки и в политике – именно британские женщины были в числе инициаторов распространения феминизма, начавшегося с движения суфражисток во второй половине XIX – начале XX вв. в Великобритании, США, Германии и некоторых других странах [9, с. 63]. Радикальная тактика обструкций, включающая шумные манифестации, наиболее активно применялась именно английскими суфражистками. Весомую роль в английской политике оставила Маргарет Тэтчер, которая, хотя и не

являлась королевой, все-таки «царствовала». Таких женщин премьер-министров не было в континентальной Европе и по сей день [10, с. 174].

Женщины на английском троне тоже сыграли заметную роль в истории Британии: Елизавета I положила начало мировому господству страны, Виктория подтвердила положение страны как великой державы и сплотила британское общество [11, с. 87]. Важным сходством Тюдорской и Викторианской эпох было то, что на протяжении обоих периодов британский народ испытывал «сильнейшее чувство национальной идентичности», чему в немалой степени способствовала сложившаяся система монархического правления и, в немалой мере, личные качества обеих королев.

Не став пока основательницей новой «елизаветинской» эпохи, нынешняя Елизавета II является важным консолидирующим началом в стране. За совокупностью объективных характеристик, которые приписываются британским коллективным сознанием социальной группе королев, обнаруживается все-таки общий образ британской королевы [12, с. 58]. Образ Королевы наполнен культурно значимыми смыслами, т.е. представляет собой концепт типизируемой личности, или лингвокультурный типаж. Этот тип личности обладает определенной национальной и одновременно культурной спецификой социума, к которому он принадлежит. Под воздействием социума и культуры он приобретает признаки, которые присущи культуре, в которой находится индивид [13, с. 49].

Установленные факты присутствия в британском национальном сознании этноспецифического концепта «монархия» и, в более узком плане, концепта «британский монарх», объединяющего концепты «британский король» и «британская королева», позволяют сделать вывод о том, что данные ментальные образования являются актуальными для массового сознания британцев, опредмечиваются в языке, активно обсуждаются в текстах культуры и критически оцениваются британцами, т.е. относятся к числу аксиологических доминант британской культуры [14, с. 106].

Современный мир насчитывает немало государств с монархической формой правления. В иных государствах политические лидеры, носящие иные наименования, фактически также обладали властью и статусом монарха (например, генеральные секретари коммунистической партии в некоторых социалистических государствах). Кроме того, наследственный характер власти при монархии обеспечивает легитимность каждого нового монарха, представляет весьма стабильный и удобный способ перехода власти.

Монархия – весьма традиционная у многих народов система организации и осуществления власти, к которой привыкли, которую уважают и чествуют.

Содержательно концепт «британская королева» присутствует в разных культурах и у многих народов, но его роль в разных культурах понимается по-разному. Так, например, для жителей Великобритании этот концепт представляет большую социальную важность и является ярким аттрактором смыслов. Для представителей же других культур концепт «британская королева» может иметь совершенно иные значения [15, с. 29].

Список литературы

1. Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы И: Концепция управления и личность суверена. М.:Наука, 2006. 303 с.
2. Briggs A. A social history of England. Penguin Books. 1988. 320 p.
3. Daily Mail, 23 июня, 1897 г.
4. Романовская В.Б., Минеева Т.Г. Английское государство позднего средневековья: Правовые основы экономической и финансовой политики: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. 111 с.
5. Дмитриева О.В. У истоков английского парламентаризма // Британия и Россия. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 17-31.
6. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве М., 1911.
7. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права зарубежных стран. М.: Юрист, 1983. 472 с.
8. Яблонская О.В. Развитие лондонского городского самоуправления [XII-XIV] // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. Арзамас: АГПИ, 2004. Вып. 3. С. 45-51.
9. Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПБ., 1907. 593 с.
10. Давид Р. Основные правовые системы современности. М. 1988. 496 с.
11. Романовская В.Б., Минеева Т.Г. Право и политика в позднесредневековой Англии: истоки европейского либерализма. Монография. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 104 с.
12. Харвей Д., Худ К. Британское государство. М.: Иностранная литература, 1961. 388 с.
13. Мортон А.Л. История Англии. М.: Иностранная литература, 1950. 464 с.
14. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Введение в концептуальные исследования: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2011. 174 с.
15. Попов В.И. Жизнь в Букингемском дворце. Елизавета II и королевская семья. М.: ТОО «Новина», 1996. 496 с.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ПОПРАВОК В СЕМЕЙНЫЙ КОДЕКС АЛЖИРА В 2005 ГОДУ

CHANGE OF THE PROVISIONS OF A WOMAN IN CONNECTION WITH THE ADOPTION OF AMENDMENTS TO THE FAMILY CODE OF ALGERIA IN 2005

Эльхади Хаддад
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Лобачевского
Elhadi Haddad
Lobachevsky University

Раскрывается изменение статуса замужней женщины в случае желания ее супруга взять вторую жену в соответствии с поправками, внесенными в ст. 8 закона о Гражданских и административных процедурах.

The article reveals the change in the status of a married woman in the case of her husband's desire to take a second wife in accordance with the amendments introduced in Art. 8 of the Civil and Administrative Procedures Act.

Ключевые слова: закон о Гражданских и административных процедурах, многоженство, условия заключения брака, развод

Keywords: law on civil and administrative procedures, polygamy, conditions for marriage, divorce

Каждая религиозная система имеет свои правила, обряды и процедуры, регулирующие заключение брака и возникающие из этого семейные правоотношения. Брачные отношения в их религиозном аспекте регулируются несколькими системами, некоторые из которых прямо противоречат друг другу. Имеется светская форма заключения брака, при которой светское лицо, уполномоченное государством, осуществляет регистрацию брачных отношений. В некоторых системах брак заключается один раз и на всю жизнь, развод запрещен и считается преступлением или тяжким грехом. В других же системах расторжение брака возможно при наличии согласия обоих супругов либо по инициативе одного из них при наличии определенных обстоятельств, оговоренных законом. Исламский закон предусматривает возможность расторжения брака по инициативе одного из супругов. В этом смысле права супругов равны. Однако, в некоторых случаях развод влечет за собой финансовые, личные или имущественные последствия, которые отличаются в зависимости от страны и ее правовой системы.

Какова позиция в отношении полигамии в историческом прошлом и сегодня? Является ли эта проблематика актуальной сегодня? Исламский закон разрешает многоженство в некоторых, особо оговоренных случаях (когда это

делается в интересах детей), о чем говорится в третьем Аяте суры «Женщины». При этом от мужа требуется не допускать какой-либо несправедливости (как финансовой, так и в личных отношениях) в отношении каждой их жен, число которых не должно быть больше четырех.

Алжирское законодательство признает принцип многоженства, о чем говорится в тексте измененной статьи восьмой Семейного кодекса:

Разрешено жениться больше, чем на одной женщине в рамках, разрешенных Исламским законом, при соблюдении определенных условий и правовых оснований, когда мужчина заключает подобный брак, имея твердое намерение защиты справедливости. При этом мужчина, желающий вступить во второй брак, должен выполнить три условия:

1. Уведомить первую жену о намерении вступить во второй брак.

2. Получить разрешение от верховного судьи, который подтверждает наличие у этого человека финансовых и имущественных условий для содержания двух жен без нарушения принципов справедливости.

3. Усмотрение судьи, которое он принимает исходя из ряда обстоятельств, например: бесплодие первой супруги, невыполнение ею своих супружеских обязательств, постоянные ссоры между супругами и др.

Таким образом, данный закон предполагает лишь уведомление первой жены о намерении вступить во второй брак, при этом наличие ее согласия, строго говоря, не требовалось.

Однако, после принятия поправки к статье 8 СК Алжира стало необходимым получить согласие первой супруги в письменной форме и заверенное у нотариуса. Для этого существует 6 условий:

1. Количество жен должно быть ограничено рамками исламского права (не превышать четырех жен, не жениться на женщине и ее сестре или ее тете одновременно).

2. Необходимо наличие законных оснований для многоженства, предусмотренных статьей 8 алжирского законодательства.

3. Соблюдение принципа справедливости, в соответствии с которым каждой из жен предоставляются равные финансовые и имущественные условия. Соблюдение принципа справедливости судья отслеживает, прежде чем дать согласие на второй брак.

4. Необходимо согласие мужа и первой жены на заключение второго брака. Они оба должны быть согласны и заявить об этом в суде.

5. Пара, наконец, получает лицензию от Председателя Суда после выполнения условий, указанных выше.

Если мужчина утаил от любой из жен наличие другого брака, то любая из них может подать на развод со своим супругом, обвинив его в мошенничестве.

Если брачный договор был подписан без согласия судьи, что подразумевает невыполнение хотя бы одного из вышеуказанных условий, и это выяснилось до начала фактических семейных отношений, то данный договор не считается брачным и моментально аннулируется (статья 8/1).

Обратим внимание на процедуры, необходимые для получения разрешения на каждый последующий брак в соответствии с законом о Гражданских и административных процедурах:

1. Необходим письменный запрос верховному судье на выдачу разрешения на вступление в брак.
2. Свидетельство о рождении истца.
3. Договор о вступлении в первый брак.
4. Справка о составе семьи.
5. Справка о доходах.
6. Письменное согласие первой жены, официально заверенное в мэрии.
7. Письменное согласие предполагаемой супруги, заверенное в мэрии.
8. Свидетельство о рождении первой жены.
9. Свидетельство о рождении предполагаемой жены.
10. Удостоверения личностей всех трех персон.
11. Документ, подтверждающий наличие причин, дозволяющих вступление во второй брак.
12. Необходимость личной встречи верховного судьи с первой женой для получения личного согласия на второй брак ее супруга.

Таким образом, действующее алжирское законодательство, не отменяя законы Шариата в части, касающейся многоженства, вводит ряд дополнительных юридических ограничений, которые на практике делают такие браки невозможными или крайне затруднительными, устанавливая фактическую и юридическую моногамию в семье.

УСЫНОВЛЕНИЕ БОЛЬНЫХ ДЕТЕЙ
ADOPTION OF SICK CHILDREN

Е.Б. Ходырева
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E.B. Khodyreva
Lobachevsky University

Рассматриваются причины низкого количества усыновлений детей, страдающих врождёнными и приобретёнными заболеваниями; отмечается наличие у детей орфанных заболеваний и выявляется связь между социальным

положением детей и состоянием их здоровья, что объясняет стремление или нежелание усыновителей принять в свою семью больного ребёнка.

The article considers the reasons for the low number of adoptions of children suffering from congenital and acquired diseases; the presence of orphan diseases in children is revealed and the connection between the social status of children and their state of health is revealed, which in turn explains the desire or unwillingness of adoptive parents to accept a sick child into their family.

Ключевые слова: детское здравоохранение, коммерциализация медицинских услуг, орфанные заболевания, скрининг новорожденных

Keywords: children's health care, commercialization of medical services, orthopedic diseases, screening of newborns

Одна из главных причин того, что российские граждане неохотно усыновляют больных детей – ненадлежащий уровень социально-экономических условий, в том числе жилищные проблемы, а также отсутствие государственной поддержки детей и семей с детьми. Так, треть россиян живет за чертой бедности, половина их них – это семьи с детьми. Для российских усыновителей одним из препятствий к усыновлению является снижение эффективности детского здравоохранения. Коммерциализация медицинских услуг оставляет все меньше надежд для родителей, в том числе усыновителей, вылечить больного ребенка. Это один из серьезных факторов, тормозящих развитие усыновления внутри страны [1]. По статистике, в 2014 г. из 62972 детей, усыновленных россиянами, инвалидами оказались 1666 детей, т.е. 2.6%, в то время как 76 из 1038 детей, усыновлённых иностранцами за тот же период, были инвалидами, т.е. их насчитывается 7.3%, что практически в три раза больше. Это объясняется тем, что, усыновив ребёнка-инвалида, россиянам пришлось бы оплачивать расходы на лечение и содержание ребёнка из собственных средств, как, например, иностранным усыновителям. Поэтому россияне чаще берут детей-инвалидов в приёмные, патронатные семьи или под возмездную опеку, чтобы иметь возможность получать ресурсы на лечение и содержание ребёнка от государства [2].

К сожалению, вполне здоровых детей сейчас и в обычных семьях немного. Сказываются плохая экология, неправильное питание, не очень хорошее состояние бесплатной медицины. Но дети, живущие в казенном учреждении, болеют больше. И не потому, что их плохо кормят или не смотрят за ними. Вспомните свое детство: ангина, температура. От чего становилось легче? От маминой руки на лбу, от ее песенки, ласковых слов, от приготовленного специально для вас чая с малиной. Именно этого лишены детдомовские дети. Они не столько больше болеют, сколько хуже

выздоравливают – не для кого. К счастью, в любящей семье все налаживается, болезни уходят и даже самые тяжелые диагнозы остаются в прошлом.

Наряду с этой причиной существует целый ряд т.н. «орфанных» (от английского слова orphan – сирота) заболеваний, которые представляют собой актуальную проблему для педиатрии и клинической генетики детского возраста, так как по данным EURORDIS (Европейского союза организаций больных редкими заболеваниями), более 75% редких наследственных болезней проявляются в раннем возрасте, в 65% случаев приводят к тяжелым инвалидизирующим расстройствам, часто имеют неблагоприятный прогноз. Кроме того, в 35% случаев они служат причиной смерти детей на первом году жизни. Почти половина больных детей с редкими наследственными болезнями страдают задержкой нервно-психического развития, нарушениями психомоторной активности или сопровождается сенсорной недостаточностью. К сожалению, именно такие диагнозы можно встретить у детей-отказников, рожденных в семьях с тяжелыми наследственными патологиями одного или обоих родителей, социальных сирот, родившихся и воспитывавшихся в неблагополучной среде [3]. По данным Министерства здравоохранения РФ, в список орфанных заболеваний входит 216 заболеваний [4].

В рамках национального проекта «Здоровье» все новорожденные проходят диагностику (неонатальный скрининг) на 5 наследственных заболеваний: адреногенитальный синдром, галактоземию, муковисцидоз, фенилкетонурию, врожденный гипотериоз. В первые дни жизни по капельке крови, взятой из пятки младенца, проводится исследование на наследственные заболевания [5].

В РФ проблема редких болезней становится все более актуальной, однако практические врачи мало знают о редких (орфанных) болезнях, заболевания не диагностируются или поздно диагностируются, проблема орфанных болезней мало обсуждается в научной и медицинской печати. Расширение массового скрининга новорожденных в России до 5 нозологий позволило диагностировать одно из редких болезней (галактоземию), в то время как другие редкие заболевания диагностируются только при появлении клинической симптоматики или проведении селективного скрининга.

Неудивительно, что усыновление больного ребенка в России считается практически подвигом. Несмотря на финансовые сложности и законодательную недоработку, больных детей с врожденными орфанными заболеваниями усыновляют. Однако если заболевание, которым страдает ребенок, внесено в список орфанных заболеваний, принятый в РФ, на которые распространяется государственная поддержка, то его приемные или биологические родители имеют право на значительную финансовую помощь государства. Здесь видится

явное несоответствие между реальностью и законодательством: так, в России в таком перечне 24 заболевания, в мире же их 240. Поэтому очень важно, чтобы список заболеваний, на которые распространяется государственная поддержка, как можно скорее максимально расширили. Это большая проблема, поскольку есть огромное количество заболеваний, лечение которых стоит значительных финансовых затрат. У большинства родителей нет возможности собирать такие суммы. Кроме того, зачастую больным детям требуются редкие лекарства, которые практически не поступают в свободную продажу, и без помощи государственных структур их чрезвычайно сложно найти. А включение недуга в этот список, как правило, сразу же избавляет от всех сложностей. Государство предоставляет необходимые медикаменты и организует лечение [6].

Но, несмотря ни на что, очередь из усыновителей не уменьшается; существует такая парадоксальная ситуация, что желающих усыновить ребенка больше, чем детей, ждущих усыновления. Тем не менее, в настоящее время в домах ребенка и детских домах ждут усыновления 87,3 тыс. детей [7].

Оказывается, дети из детдомов тоже имеют свою «степень ликвидности». Наиболее востребованы здоровые дети от здоровых родителей до года, менее востребованы дети до четырех лет, еще меньше – до семи, крайне мало – с десяти. А у нездоровых детей шансов еще меньше. Причем востребованность нездоровых детей прямо пропорциональна степени их «нездоровья». Словом, потенциальные родители ждут, когда им предложат здоровых маленьких детей. Пришедшие к мысли усыновить ребенка родители хотят получить вместе с ним поменьше проблем. Для них важна хорошая наследственность и внешний вид, и малолетний возраст, и чтобы ребенок был максимально похож на них, как будто свой, но из детдома. Иметь здорового ребенка в семье хотят как приемные, так и биологические родители. Но в чем тогда смысл усыновления? Ведь основным постулатом института усыновления является обеспечение ребенка любящей и заботливой семьей, а не подбор усыновителям ребенка в соответствии с различными критериями вплоть до цвета глаз. А первая «заповедь» в Сообществе приемных родителей гласит: детей не выбирают.

Но многие родители, стоящие в очереди за здоровым ребенком, могут иметь своих собственных детей. Более того, уже имеют и часто не одного. Почему бы им просто не родить еще одного, но своего? Но очередь одна и для тех, кто может иметь детей, и для тех, кто по разным причинам не способен выносить и родить здорового ребенка.

Итак, почему люди решают усыновить ребенка? Потому что либо не могут иметь детей, либо хотят помочь. Это не декларация, это действительно так, что может подтвердить не одна история о счастливом усыновлении. Многие усыновители могут иметь своих детей, но берут ребенка из детдома.

Что такое ребенок из детдома: это, прежде всего, обделенный вниманием и любовью ребенок. Те, у кого есть дети, прекрасно это понимают. В первую очередь все дети нуждаются в банальных проявлениях любви. Какими бы хорошими ни были сотрудники детских домов, они не могут этого дать. Что и говорить о тех детях, для которых в приоритете не человеческое внимание, а спасение здоровья или даже жизни. И усыновляющий ребенка человек должен понимать, что этот акт усыновления будет значить для любого усыновленного им ребенка. Если здорового и маленького отказника по ряду причин не усыновит ни одна пара, его в скором будущем усыновят другие, и он получит так недостававшее ему внимание. Если не усыновят больного маленького отказника, в дальнейшем его не усыновит уже никто и никто ему не поможет. Но самое важное: имея возможность родить своих детей и усыновляя здорового ребенка, усыновители лишают возможности усыновить его теми, кто иметь детей не может. Поскольку очередь общая, выяснять, насколько именно этой паре нужен именно здоровый малыш, никто не будет.

Так возникает резонный вопрос: что же, усыновлять только больных и взрослых детей? Если основным мотивом усыновления является именно филантропический, то есть помощь и спасение (а не последний шанс завести ребенка), то нужно понимать, что в этой помощи нуждаются больше всего дети-инвалиды всех возрастов. Это не означает, что, если усыновители не готовы взять больного ребенка, усыновлять не нужно вовсе. Это значит, что если они готовы на этот шаг, лучше усыновить больного [8].

Список литературы

1. Летова И.В. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. // Юридический портал LawMix.ru [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.lawmix.ru/commlaw/1193. М., 2006. (дата обращения: 12.01.2017).

2. Сведения о выявлении и устройстве детей и подростков, оставшихся без попечения родителей за 2014 г. // Министерство образования и науки РФ [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.usynovite.ru/ statistics/2014/3/ (дата обращения: 21.01.2017).

3. Медицина. Бесплатный научный интернет-журнал. №4. 2013 г. Режим доступа: http://www.fsmj.ru/015133.html (дата обращения 25.01.2016).

4. Министерство здравоохранения РФ. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.rosminzdrav.ru/documents/8048-perechen-redkih-orfannyh-zabolevaniy (дата обращения 23.01.2017).

5. Редкий диагноз: что такое орфанные заболевания? // Медицинский портал Medweb.ru [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.medweb.ru/articles/ chto-takoe-orfannye-zabolevaniya (дата обращения 26.01.2017).

6. Областная Газета // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.oblgazeta.ru/politics/17517/ (дата обращения 27.01.2017).

7. Численность детей, состоящих на учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, на начало года (тыс. детей) // Интернет-проект Министерства образования и науки РФ. Режим доступа: http://www.usynovite.ru/statistics/2014/2/ (дата обращения 26.01.2016).

8. Романовская Д. Усыновление без лицемерия // Милосердие.ru. Православный портал о благотворительности и социальной деятельности [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.miloserdie.ru/article/usynovlenie-bez-licemeriya/ (дата обращения 27.01.2017).

РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НА РУБЕЖЕ XIX-XX СТОЛЕТИЙ КАК ВРЕМЯ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА

RUSSIAN MUSICAL CULTURE AT THE TURN OF XIX-XX CENTURIES AS TIME LIFE EXPERIENCE

Т.И. Чупахина
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
T.I. Chupahina
Dostoevsky Omsk State University

Философия русской музыки рубежной эпохи являет нам пример концентрированного выражения духовного опыта нации, своеобразного исторического пути и созидающего, творческого потенциала. Каждый художник привнося «свое» в музыкальное искусство, восприняв свое национальное задание и индивидуалистическую направленность, поняв, ощутив свою русскость, стремился по-своему осуществить русскую идею. Каждый отражал думы и чувства российской интеллигенции.

The Philosophy of Russian music of the mid-term era serves as an example of the concentrated expression of the spiritual experience of the nation, a kind of historical development and creative creativity. Each artist bringing "their" in the art of music, in assuming their national mission and individualistic focus, understanding, feeling their Russian identity, sought to implement the Russian idea. Each reflected the thoughts and feelings of the Russian intelligentsia.

Ключевые слова: музыкальная культура, кризис культуры, художественное сознание, микрокосм, творческая парадигма, национальное задание, духовная направленность, ценности культуры

Keywords: musical culture, crisis of culture, artistic consciousness, microcosm, creative paradigm, of national mission, spiritual direction, values and culture

Глубокое осмысление «кризиса культуры», «оправдание культуры» – одна из особенностей отечественной философской мысли на рубеже XIX – XX

вв. И если Ф. Ницше, остро ощутив кризис цивилизации, – пишет В.В. Бычков, – призвал человечество к переоценке всех традиционных ценностей культуры и, прежде всего, к отказу от багажа христианской культуры, христианской духовности как величайшего заблуждения, то мыслители России: В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, руководствуясь тем же ощущением кризиса культуры, пришли к выводу о необходимости ее обновления и духовного преображения на основе творческого развития и ориентирf на национальные традиции.

Произведения, родившиеся на пороге XX в.: симфоническая поэмы А.Н. Скрябина; балеты «Весна священная» и «Петрушка» И.Ф. Стравинского; симфонические поэмы М.-К. Чюрлениса, «Сонаты-сказки» Н.Я. Метнера свидетельствовали о том, что новое поколение русских художников, младосимволистов, творивших после Н.А. Римского-Корсакова и А.К. Лядова, пережившее революционные потрясения, вступило в новую фазу бытия, создавая новые звуковые полотна.

Так, в художественном сознании рубежа XIX – начала XX вв. назревает потребность концентрированного человеческого «Я», поскольку он куда более интересен и притягателен, чем события и явления внешней действительности. В результате на авансцену выдвигается предельная субъективность и индивидуальность, пристальное внимание к личности. В музыкальном искусстве тех лет, по выражению В. Иванова, «звуковой мир как представление» или «творчество воли индивидуальной [1, с. 149].

Каждый художник, привнося «свое» в музыкальное искусство, отнюдь не чуждое общему, важной своей задачей считал никогда не выпячивать себя и не заботится о своей оригинальности, но вместе с тем каждый выражался в творчестве неподражаемым, самобытным, универсальным языком, свойственным только ему одному. Восприняв свое национальное задание и индивидуалистическую направленность, поняв, ощутив свою русскость, художники стремились каждый по-своему осуществить русскую идею, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободой творчества и предметности, о которой высказывались отечественные мыслители. Каждый отражал думы и чувства части русского общества – российской интеллигенции.

Все представители этой эпохи по-своему глубоко индивидуальны и неповторимы, но вместе все они создавали творчество нового бытия, новое музыкальное пространство, формат нового мышления, нарождавшегося в России на рубеже XIX и XX вв., ибо микрокосм художников, творящих новое звуковое пространство, отражал макрокосм, породившей его отечественной культуры. Философия русской музыки рубежной эпохи являет пример

концентрированного выражения духовного опыта нации, своеобразного исторического пути и созидающего, творческого потенциала.

Поиски новых парадигм муссировались со времен написания магистерской диссертации В.С. Соловьева. Однако во всех культурных сферах данная тема стала открывать новые возможности, заполнять пустые пространства мысли, являясь бездонным источником творческой активности человека. Ломка старых стереотипов активно способствовала оформлению новых направлений. Чтобы почувствовать решительно настроенный дух той эпохи, приведем высказывание из письма А.А. Григорьева Е. Эдельсону: «Все прогнило, кроме нового начала жизни, которое мы называем русским» [2].

В России «кризис культуры» оставил в наследство достижения русской школы художников: в балете, театре, поэзии, прозе, живописи.

Рубеж XIX и XX вв. ознаменовался для России и русского музыкального искусства переоценкой ценностей. Этот период в истории русской культуры, охватывающий примерно четверть века (с 1890 г. до 1915 г.), принято называть Серебряным веком, или русским духовно-культурным Ренессансом. Несмотря на очевидную произвольность этих понятий, их распространенность, как отмечает Л.А. Рапацкая, – подтверждает особый статус культуры этой эпохи, наличие в ней «серебряного отражения» и предыдущих «золотых» времен и элементов возрождения утерянных духовных начал [3, с. 375]. Путь духовного обновления русская мысль представляла как выход из культурного кризиса.

Логическую поддержку русскому духовно-культурному Ренессансу, как в свое время назвал этот период представитель философии свободы Н.А. Бердяев, оказали мыслители новой философской школы: Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, ортодоксальный мистик В. Иванов, конкретный идеалист С.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, мистический реалист Д.С. Мережковский. Тем не менее, народившиеся новые идеи и концепции в искусстве, напрямую связанные с революционным дыханием грозовых перемен в общественно-политическом строе России, сочетали философские мотивы «уходящего» и вновь «рождающегося» искусства в музыкальном мире.

Достаточно глубоко этот кризис ощущал символист А.Н. Скрябин. Мечты композитора оказались сверхутопичными, а поиски нового искусства несбыточными и неосуществимыми. Его музыкальные опусы являются, по сути, музыкальной философией, которая парит над вечными вопросами бытия и оставила потомкам уникальный опыт саморефлексии и самопознавания.

Под новым и современным композиторы начала XX в. понимали «новые склонности», «новые эмоции», «новые ощущения», «новое звуковое пространство». И эта парадоксальная возможность «переплавления гармонии противоположностей» представилась русским композиторам нового поколения,

она дала им право по-новому сотворить художественную картину мира. Для них существовала, прежде всего, истина «сегодняшнего дня». Отличительной чертой данного исторического момента был разрыв между настоящим и будущим, поглощенность будущей судьбой России. Основной целью в музыке считалось – «время жизненного опыта», или «динамический ход сквозь время». Примечательны высказывания И.Ф. Стравинского в его «Хрониках»: «Я не живу ни в прошлом, ни в будущем. Я – в настоящем. Я не знаю, что будет завтра. Для меня существует истина сегодняшнего дня. Этой истине я призван служить и служу ей с полным сознанием» [4, с. 56.]. Это мысль была близка практически всем художникам той поры. И здесь мы отмечаем фигуры крупных музыкантов, заявивших миру о себе еще в XIX в. и продолжавших свои творческие изыскания в XX в. – Н.А. Римского-Корсакова, С.И. Танеева, С.В. Рахманинова, А.К. Лядова, А.Н. Скрябина. А также молодые имена – Н.К. Метнера, М.-К. Чюрлениса, С.С. Прокофьева.

Музыка русских композиторов является существенным фрагментом, по которому мы понимаем закономерности Универсума. Осознание необходимости возврата к традиционным духовным ценностям, к прошлому русской культуры является одной из наиболее важных проблем, стоящих перед российским обществом XXI в. Новое обретение старых традиций дает возможность строить культурную политику, опираясь на духовные доминанты и нравственные ценности, издревле присущие национальному духу русского народа.

Список литературы

1. Иванов В. Мысли о символизме // Родное и вселенское. М.: Знание, 1994. 339 с.
2. История русской музыки: В 10-ти т. М.: Музыка, 1989. Т. 6.: Келдыш Ю.В., Корабельникова Л.З., Левашов Е.Н., Романова В.Н. 383 с.
3. Рапацкая Л.А. История русской музыки от Древней Руси до «Серебряного века». М.: Изд-во Владос, 2001. 383 с.
4. Стравинский И.Ф. Ино-странность. М.: Изд-во: Музыка, 1984. 354 с.

СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА
RURAL FAMILY IN CRISIS CIRCUMSTANCES

И.О. Шевченко
Российский государственный гуманитарный университет
I.O. Shevchenko
Russian State University for the Humanities

Какое место занимает семья в жизненном мире сельчан, каковы её особенности, материальное положение, как изменилась сельская семья за последние десятилетия – вопросы, которые ставились в исследовании.

The article analyzes current place of family in the life-world of the villagers. The author describe family features, the financial situation and other changes in rural family in recent decades.

Ключевые слова: сельская семья, материальное положение, дети, браки, тенденции изменения

Keywords: rural family, rends, financial situation, marriage, children

Сельские семьи в чем-то похожи на все другие российские семьи, чем-то отличаются. Одно из заметных отличий – сложное материальное положение и зачастую невысокое качество жизни сельчан. Ухудшение ситуации на селе последовательно наблюдается все годы так называемых рыночных реформ. Исследование, проведенное социологами РГГУ, позволяет отследить изменения как материального положения, так и настроений сельских жителей и их семей[1]. В 2014 г. на то, что семья «очень важна» для них, указали 95% россиян, среди сельчан таких было 96% в сельских поселениях и 97% в поселках городского типа (ЖМ).

Материальное положение сельских семей хуже, чем городских, и в среднем по стране. Кроме того, если в 2014 г. о том, что их материальное положение за последние 3 года ухудшилось, говорили 19% жителей села, то в 2015 г. – уже 32%. 20% сельчан хотели бы переехать из села в город на постоянное место жительства, из них 42% потому, что на селе нет никакой работы, 30% – потому, что нет работы по профессии. При ответе на вопрос: «По Вашему мнению, в каком направлении идут экономические реформы в России?» в 2014 г. негативно на него отвечали 22% сельских жителей, в 2015 г.

[1] Первая волна исследования носила название «Жизненный мир россиян» (далее – ЖМ). Опрос проводился 25-30 октября 2014 г. в 18 регионах страны, включая все экономические районы (Центральная Россия, Поволжье, Юг, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Москва и Санкт-Петербург). Репрезентативная выборка по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форме собственности и трудовому стажу (n=1750 человек). Из массива выделены жители сельских поселений. Вторая волна исследования – «Сельская жизнь» (далее – СЖ), проведена в августе 2015 г. во всех 9 федеральных округах, в 22 областях, краях и республиках, в 71 селе, всероссийская выборка 1000 человек. Под рук. Ж.Т. Тощенко.

– 31%. 2% сельчан живут в нищете, 16.7% – еле сводят концы с концами, 54.9% указывают, что им хватает на еду и одежду, в остальном приходится экономить, 24.4% могут себе позволить покупку холодильника, компьютера… но не более. Только 1.5% могут себе позволить крупные расходы (квартира, дом, машина…). Среди россиян в целом 35.2% живут в достатке, 53% – хватает в основном на еду и одежду, 9.5% – еле сводят концы с концами, живут от зарплаты до зарплаты (бедно) (ЖМ, СЖ).

По всем регионам закрываются школы, детские сады, медицинские и культурные учреждения, что существенно усложняет жизнедеятельность сельских семей. Неблагоприятные материальные и социальные условия отрицательно сказываются на социализации подрастающего поколения. У большинства сельских семей предметно-вещная среда, необходимая для полноценного воспитания и развития детей, беднее, чем в городе. Значительную часть свободного времени родители и дети тратят на создание и поддержание элементарных условий существования семьи. Последствием реформ стало разрушение трудовой мотивации сельчан для работы на селе.

Особенности сельской семьи. Современная сельская семья – преимущественно нуклеарная, малодетная или среднедетная (1-2 ребенка в большинстве семей), что зависит от региона (например, в Татарстане больше среднедетных и многодетных семей). Почти половина семей имеет только одного ребенка. При этом в селе чуть больше семей с 2 детьми, чем в городских семьях, и чуть больше многодетных. Причины малодетности сельской семьи: 1) снижение уровня жизни; 2) морально-психологическая, связанная с неготовностью людей к воспитанию нескольких детей и беспокойством за их будущее. По данным некоторых исследований, 17.9% сельских семей вообще не хотят иметь детей, хотя этому ничто не препятствует [1].

Средний возраст супругов в сельской местности выше, чем в городе, вероятно, за счет того, что молодые семьи покидают село, перебираясь в города. Продолжительные браки больше распространены среди жителей сел и деревень. Сельская семья – более традиционная, чем городская, по отношениям внутри семьи, распределению ролей и обязанностей. В неполных семьях, коих на селе становится всё больше, женщина остаётся единственным лидером. Например, для сельских семей Пермского региона характерно хозяйственно-экономическое доминирование женщины, т.е. жена (мать) выполняет домашние обязанности, распоряжается деньгами, принимает решения по жизненно важным вопросам, что свидетельствует об ослаблении роли мужчины [1]. Скорее всего, это особенность региона, но таких регионов достаточно много. А вот исследования в Татарстане не подтверждают такой тенденции, т.к. данный регион в значительной степени сохраняет традиционный семейный уклад [2].

Отмечается устойчивость объема трудовой нагрузки сельских женщин, которая делится на две части: труд в своём хозяйстве и труд по обслуживанию семьи. У женщин в селе самая низкая продолжительность свободного времени при самой высокой трудовой нагрузке. Разница в величине свободного времени между мужчинами и женщинами составляет 8-9 часов в неделю.

В сельской семье высока роль межсемейных и межсоседских (дружеских) трансфертов. 90.9% сельчан в затруднительном положении обратятся за помощью к семье, родным, 55% – к друзьям, 40% рассчитывают на односельчан (СЖ). Семья на селе входит в комплекс семейно-соседских групп, связанных отношениями взаимной помощи и действием механизмов неформального социального контроля, т.е. имеет «сеть социальной поддержки». В нашем обществе эти сети играют роль стабилизирующего фактора экономической жизни сельской семьи и частично компенсируют кризис государственных социальных институтов [3; 4].

Репродуктивное здоровье в сельских семьях находится на невысоком уровне [2]. Только 16% жителей села указали, что полностью здоровы (среди россиян в целом таких 19%) (ЖМ). Сельская семья испытывает прессинг вредных привычек (алкоголизм, наркомания) как среди мужчин, так и среди женщин, взрослых детей. Следствием данного явления становятся разводы, конфликты в семьях, моральная деградация.

Тенденции изменения сельской семьи. Многие исследователи отмечают, что в сельской семье имеют место те же изменения, что присущи семье в целом в связи с социально-экономическими преобразованиями в последние десятилетия [5]. Однако эти изменения не столь интенсивны. 1. Снизилось количество детей в семье. Свыше половины женщин имеют одного рожденного ребенка, среди незамужних матерей таких почти 80%. Трое и более рожденных детей – менее, чем у 5% замужних женщин. 2. Повысился возраст вступления в первый брак как женщин, так и мужчин (примерно на год-полтора). 3. Увеличилась доля браков, регистрация которых откладывается на какое-то время после фактического начала супружеских отношений. Если у тех, кто вступил в первый брак до 1990 г., он в среднем составлял меньше года, то у тех, чей первый брак начался позже, уже превышал двухлетний период 4. Увеличилось число незарегистрированных союзов, особенно если брак не первый. Повысилась лояльность сельского сообщества к этим бракам. 5. Увеличилось число разводов, хотя и меньше, чем в городе. Довольно значительна доля разведенных и состоящих в повторном браке. 6. Наблюдается тенденция разрушения традиционного уклада сельской семьи. Например, критическое положение семей сельских пенсионеров обусловлено не только возрастом и болезнями, но и их взаимоотношениями со взрослыми детьми. *Во-*

первых, только около пятой части сельчан живут вместе со своими родителями-стариками. *Во-вторых*, только около трети семей пенсионеров получают помощь от детей, живущих отдельно, при этом лишь пятая часть всех живущих отдельно детей оказывают родителям-пенсионерам помощь (некоторые пенсионеры имеют двоих-троих взрослых детей). Наоборот, около половины семей пенсионеров оказывают помощь детям, живущим отдельно от них [6].

Список литературы

1. Чупина Г.Н. Сельская семья в условиях трансформации российского общества: социологический анализ на примере Пермской обл.: автореф. дисс. ... к.соц.н. Москва, 2004. 25 с.
2. Шафранская Ч.Я. Сельская семья в трансформирующемся обществе (на материалах Татарстана): автореф. дисс. … к.соц.н. Казань, 2005. 26 с.
3. Штейнберг И.Е. Реальная практика стратегий выживания сельской семьи: сетевые ресурсы // Кто и куда стремится вести Россию? / Под ред. Т.И. Заславской. М: МВШСЭН, 2001. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/028/680/1219/022.SHTEINBERG.pdf (дата обращения: 13.06.2017).
4. Голубцов Н.В. Социальные сети межсемейной поддержки в условиях трансформации российского села: автореф. дисс. … к.соц.н. Саратов, 2004. 17 с.
5. Итоги обследования «Семья и рождаемость». Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (дата обращения: 12.02.2017).
6. Эфендиев А.Г., Болотина И.А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. №4. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/850/971/1219/2002_n4_p83-125.pdf (дата обращения: 05.03.2017).

INCLUSION AS A TOOL OF CHILDREN'S POTENTIAL DISCLOSURE: A ROLE OF THE SCHOOL MANAGEMENT IN TRANSFORMATION PROCESSES

ИНКЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ПОТЕНЦИАЛА ДЕТЕЙ: РОЛЬ ШКОЛЬНОГО РУКОВОДСТВА В ПРОЦЕССАХ ТРАНСФОРМАЦИИ

David Scheer
University of Paderborn, Germany
Давид Шеер
Университет Падерборна, Германия

The results of empirical research during which 15 schools director, identified the problems of inclusive education and recommendations about its improvement on the example of the Federal Land of Rheinland-Pfalts (Germany) are offered.

По результатам интервью с 15 директорами школ, выявлены проблемы институциализации инклюзивного образования и предлагаются рекомендации по ее улучшению на примере федеральной земли Рейнланд-Пфальц (Германия).

Keywords: inclusive education, system of education in Germany, international experience of social work

Ключевые слова: инклюзивное образование, система образования в Германии, международный опыт социальной работы

Die Bundesrepublik Deutschland hat im Jahr 2009 die Konvention über die Rechte von Menschen mit Behinderung der Vereinten Nationen ratifiziert und sich damit verpflichtet behinderten Schülern einen gleichberechtigten, barrierefreien und vollumfänglichen Zugang zum allgemeinen Schulsystem zu ermöglichen. Aufgrund des stark gegliederten Schulsystems in Deutschland ist hiermit eine starke Transformation des gesamten Systems verbunden: Nicht nur Organisationsstrukturen und institutionalisierte Praktiken, sondern auch grundsätzliche Haltungen und Einstellungen zur Unterrichtung von Kindern und Jugendlichen und zum Umgang mit behinderten Schülern müssen hinterfragt und überdacht werden, damit sich ein inklusives Schulsystem entwickeln kann, in dem alle Kinder und Jugendliche ihr Potenzial entfalten können.

Der vorliegende Beitrag stellt ein Forschungsvorhaben vor, das in einem Bundesland (Rheinland-Pfalz) beispielhaft untersucht, welche Rolle Schulleiter bei der Gestaltung des Wandels spielen. Zunächst wird kurz skizziert, was aus der internationalen Schulleitungsforschung hierzu bekannt ist. Anschließend wird die Situation der inklusiven Bildung in Rheinland-Pfalz sowie das Forschungsvorhaben vorgestellt. Der Beitrag endet mit einer kurzen Darstellung erster Ergebnistendenzen.

Forschungsstand

In der Zusammenfassung der Schulentwicklungsforschung mit Fokus auf Inklusion lässt sich die Rolle der Schulleitung als eine Schlüsselrolle zusammenfassen, die maßgeblich an der Gestaltung inklusiver Schule beteiligt ist [1-6]. Dabei kann derzeit davon ausgegangen werden, dass für das Gelingen von Inklusion eine starke, positive, unterstützende und auf die Entwicklung gemeinsam geteilter Werte ausgerichtete Führung essentiell ist, die sich an Shared-Leadership-Modellen orientiert [1; 3-5; 7] obgleich bislang wenig systematische Forschung zu Schulleitung an inklusiven Schulen vorzuliegen scheint [1]. Eine solche Unterstützung durch starke und aktive Schulleitung fassen [5] als „demonstrating expertise at builing a vision and setting direction, understanding and developing people, and redesigning the school to support teachers“ [5, p. 73] zusammen.

Inklusive Bildung in Rheinland-Pfalz

Seit 2001 baut das Land Rheinland-Pfalz den gemeinsamen Unterricht von Schülerinnen und Schülern mit und ohne sonderpädagogischen Förderbedarf schrittweise aus. Dazu bedient es sich des Modells sogenannter Schwerpunktschulen. Dies sind allgemeinbildende Schulen mit einem erweiterten pädagogischen Auftrag, der „darin besteht, dass drei bis vier Schülerinnen und Schüler mit Behinderung pro Klasse überwiegend im zieldifferenten Unterricht gemeinsam mit Schülerinnen und Schülern ohne Behinderung lernen können“ [8, p. 25]. Zieldifferenter Unterricht meint dabei, dass der Unterricht in den Klassen so erfolgen soll, dass unterschiedliche Schüler verschiedene Lernziele verfolgen können. Das Gegenteil wäre der zielgleiche Unterricht, bei dem die ganze Klasse das gleiche Lernziel verfolgt. Um diesen Auftrag, z.B. mit Hilfe von modifizierten Lernmaterialien oder zusätzlichen Unterstützungsangeboten, erfüllen zu können, werden in den entsprechenden Klassen stundenweise zusätzliche Sonderpädagogen eingesetzt.

Wie aus den Schulstatistiken hervorgeht hatten im Schuljahr 2014/15 von allen Schülern in Rheinland-Pfalz 5.6% eine Behinderung, von denen 28.6% eine allgemeine Schule besuchten [9] und folglich 71.4% eine spezielle Schule (Förderschule / Sonderschule).

Das Forschungsvorhaben

Im Rahmen des Forschungsprojekts GeSchwind soll die Arbeit bzw. die Entwicklung der oben genannten Schwerpunktschulen in Rheinland-Pfalz evaluiert werden [8]. Das hier vorgestellte Vorhaben ist ein Teilprojekt dieses Projektes und geht der Frage nach, welche Rolle die Schulleitungen der Schwerpunktschulen in diesem Prozess spielen [6; 10].

Dazu wurden mit 15 Schulleitern, die aus den verschiedenen Schulverwaltungsbezirken per Zufall ausgewählt wurden, qualitative Interviews mit einer Dauer von ca. 1,5 Stunden geführt. Diese werden mittels qualitativer Inhaltsanalyse [11] ausgewertet.

Erste Ergebnistendenzen

Die folgenden ersten Tendenzen können nur ganz oberflächlich einen Teil dessen zeigen, was im Verlauf der Interviews besprochen wurde. In erster Tendenz zeigen die Interviews, dass die Aufgaben der Schulleiter insgesamt durch die Veränderung des Systems komplexer geworden sind, wenn auch das Berufsbild an sich gleich bleibt. Zu den neuen beziehungsweise veränderten Aufgaben zählen aus Sicht der befragten Schulleiter:

(1) Verwaltung/Administration: Der Verwaltungsaufwand scheint an einer Schule, die inklusive Bildung anbietet, deutlich erhöht zu sein im Vergleich zu Schulen, die dies nicht tun. Exemplarisch dafür steht die neu hinzugekommene Koordination der diagnostischen Verfahren bei der Feststellung des jeweiligen Unterstützungsbedarfs.

(2) Tragfähige/Passende Strukturen schaffen: Schulorganisatorisch scheinen sich vor allem die Entwicklung fester Teams aus regulären Lehrern und Sonderpädagogen, die Zusammensetzung der Klassen (welche Schüler mit Behinderung kommen in welche Klasse?) und die Planung des Personals als eine komplexere Aufgabe im Vergleich zu Schulen ohne inklusive Bildung darzustellen.

(3) Beratung und Unterstützung: Nach Aussage der befragten Schulleiterinnen und Schulleiter ist der Beratungsaufwand als Leitung einer Schwerpunktschule höher als an einer anderen Regelschule. Dies bezieht sich sowohl auf Beratungstätigkeit gegenüber Eltern als auch gegenüber Lehrkräften. Ebenfalls notwendig ist es, neue Kollegiumsmitglieder in das Schwerpunktschulkonzept einzuarbeiten, da das System Schwerpunktschule für viele Lehrkräfte, die dieses nicht kennen, eine deutliche Umstellung bedeutet.

(4) Ideen und Visionen anstoßen: Als wichtig für eine gelingende Entwicklung hin zu Inklusion beschreiben die befragten Schulleiter, dass sie selbst Ideen und Visionen in die Schule hineintragen und die Lehrer inspirieren und motivieren, indem sie als Vorbild vorangehen und die Idee der Inklusion vorleben.

Literaturverzeichnis

1. Billingsley B.S., & McLeskey J. (2014). What are the Roles of Principals in Inclusive Schools? In J. McLeskey, N.L. Waldron, F. Spooner, & B. Algozzine (Hrsg.), Handbook of Effective Inclusive Schools. S. 67-79.
2. Jordan A., Glenn C., & McGhie-Richmond D. (2010). The Supporting Effective Teaching (SET) project: The relationship of inclusive teaching practices to teachers' beliefs about disability and ability, and about their roles as teachers. Teaching and Teacher Education, 26(2), 259-266.
3. Leo E., & Barton L. (2006). Inclusion, diversity and leadership: Perspectives, possibilities and contradictions. Educational Management Administration and Leadership, 34(2), 167-180.
4. Lindsay G. (2007). Educational psychology and the effectiveness of inclusive education/mainstreaming. British Journal of Educational Psychology, 77(1), 1-24.
5. McLeskey J., & Waldron N.L. (2015). Effective Leadership Makes Schools Truly Inclusive. Phi Delta Kappan, 96(5), 68-73.
6. Scheer D., Laubenstein D., & Lindmeier C. (2014). Die Rolle von Schulleitung in der Entwicklung des inklusiven Unterrichts in Rheinland-Pfalz – Vorstellung eines Forschungsdesigns im Rahmen der Schulbegleitforschung. Zeitschrift für Heilpädagogik, 65(4), 147-155.
7. Ainscow M., Dyson A., & Weiner S. (2013). From exclusion to inclusion: ways of responding in schools to students with special educational needs. Manchester, UK: Centre for Equity in Education.

8. Laubenstein D., Lindmeier C., Guthöhrlein K., & Scheer D. (2015). Auf dem Weg zur schulischen Inklusion: Empirische Befunde zum gemeinsamen Unterricht in rheinland-pfälzischen Schwerpunktschulen. Bad Heilbrunn: Klinkhardt.

9. Dworschak W. (2017). Bildungsstatistik und Inklusion – Eine kritische Betrachtung. Zeitschrift für Heilpädagogik, 68(1), 31-43.

10. Scheer D. (2016). Experteninterviews mit Schulleiterinnen und Schulleitern an rheinland-pfälzischen Schwerpunktschulen – Erste Einblicke in den Prozess der qualitativen Inhaltsanalyse. In T. Sturm, A. Köpfer, & B. Wagener (Hrsg.), Bildungs- und Erziehungsorganisationen im Spannungsfeld von Inklusion und Ökonomisierung (S. 159-169). Bad Heilbrunn: Klinkhardt.

11. Mayring P. (2014). Qualitative Content Analysis: Theoretical Foundation, Basic Procedures and Softwre Solution. URL: http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-395173.

РОЛЬ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ К ШКОЛЕ
THE ROLE OF THE FAMILY IN ADAPTING CHILDREN TO SCHOOL

Д.В. Шлыкова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
D.V. Shlykova
Lobachevsky University

Рассматривается проблема семьи как актора адаптации детей к школе. У данной категории взрослых существует ряд специфических особенностей, проявляющихся по отношению к детям, в отличие от семей более зрелого возраста. Школьники на этапе обучения оказываются в кризисной ситуации. Именно родители должны помочь ребенку в адаптации к новой среде.

The article considers the problem of the family as an actor of adaptation of children to school. In this category of adults, there are a number of specific characteristics that are manifested in relation to children, in contrast to more mature families. Students in the learning phase are in a crisis situation. It is parents who must help the child to adapt to the new environment.

Ключевые слова: адаптация, семья, школа, социализация, кризис, ученик, родители

Keywords: adaptation, family, school, socialization, crisis, student, parents

В основе процесса адаптации к новым условиям проявление приспособленческих качеств и характеристик человека, необходимых для нормального и здорового существования личности в новой среде, которое не влечет за собой психологических, эмоциональных и физических нарушений индивидуума. Процессы адаптации и социализации играют одну из важнейших

ролей в становлении личности, от правильности и успешности их прохождения зависит, насколько человек сможет раскрыться в новой среде, какой внутренний потенциал и скрытые способности он сможет использовать для достижения поставленных целей.

Для успешного прохождения адаптации необходимо соблюдение условий, благодаря которым личность сможет безболезненно преодолеть возможный кризис и избежать девиантного поведения. К таким условиям относят нахождение личности и его окружения в социальной среде; усвоение норм и правил новой среды, которые заданы условиями существования нового коллектива; грамотное взаимодействие среды и человека, необходимое для рационального существования и саморазвития личности в новом социуме.

Проблема адаптации детей к школе является очень острой и болезненной. Сложность ее решения заключается в возрастной специфике школьников, так как ученик не всегда способен адекватно выражать свои мысли и эмоции, просить помощи и поддержки у более опытных сверстников и взрослых. Внутреннее эмоциональное состояние и восприятие нового социального статуса «ученик» во многом определяется тем, как складывались до этого отношения между родителем и ребенком, насколько ученик психологически готов к восприятию новой действительности.

Школа как социальный институт с первого дня ставит перед ребенком ряд правил и указаний, которые требуют мобилизации всех систем организма, больших эмоциональных, психологических, временных и физических затрат.

Развитие ребенка заключается в становлении субъекта учебной деятельности, активном овладении способами и средствами их реализации [1, с. 114]. На этом этапе важна помощь и поддержка взрослых, способных научить ребенка правильному отношению и поведению в школьной среде. Для школьника главными акторами адаптации становятся родители.

Семья является одним из базисных социальных институтов, который укреплялся законодательно по мере своего развития. Общество вмешивается в развитие семьи как непосредственно, так и более тонкими способами. По мере увеличения цены человеческого времени затраты на воспитание детей растут [2, с. 46]. В современном обществе на рождаемость влияют и цены, и доходы, и накопление человеческого капитала в детях.

Современное общество определяет изменения основной формы института семьи. Из моногамной классической ячейки общества семья все чаще приобретает модифицированные формы отношений между супругами, что становится следствием изменения восприятия и отношения к ценности детей, а также к правилам и нормам их воспитания.

Становление новых форм семейно-брачных отношений тесно связано с разделением институтов брака и семьи, а значит брачности и рождаемости. В настоящее время значительно усложнилась взаимозависимость брачного и репродуктивного поведения. Если при традиционном типе воспроизводства при высоком уровне рождаемости тесное сцепление брачного и репродуктивного поведения принимало достаточно простые формы, то при низком уровне рождаемости, распространенности разводов и повторных браков их взаимосвязь не исчезает, но становится более сложной [3, с. 106].

В современном обществе семья претерпевает множество сложностей: все чаще семьи однодетны, т.к. испытывают финансовую и материальную нестабильность; часто встречаются неофициальные браки (сожительство супругов); заметна тенденция роста неполных семей, где ребенка воспитывает один из родителей (чаще мать) в результате развода. Кроме того, для семьи остро стоит жилищный вопрос: несмотря на государственную поддержку, семьи вынуждены большую часть своего бюджета тратить на аренду жилья.

Говоря о семье как акторе адаптации детей к школе, необходимо отметить, что наблюдается сокращение и истощение общения родителей с детьми, дефицит эмоционального тепла, низкая информированность и заинтересованность взрослых в потребностях их детей, а также отсутствие желания ребенка делиться своими переживаниями со взрослыми. Данные сложности могут привести к проблемам адаптации и социализации личности ребенка на этапе школьного обучения. Кто, если не родитель, в первую очередь способен помочь своему ребенку с преодолением трудностей.

Главной целью семейной социализации детей является подготовка ребенка к органическому включению во взрослую жизнь, формирование у него личностных качеств, повышающих жизнестойкость молодого поколения в новых условиях конкурентной борьбы за ресурсы общества, за свое жизнеобеспечение, овладение соответствующими знаниями, приобретение навыков и умения эффективно взаимодействовать с окружающими людьми. Образование – всего лишь одно из многих средств социальной мобильности, необходимо учитывать и иные ресурсы семьи, способствующие созиданию человеческого и социального капитала юной личности, ее социальной карьере и обеспечению достойного положения в обществе [4, с. 402].

Ролью родительского вмешательства в адаптацию школьника не является концентрация и устранение конкретной проблемы, возникшей у ребенка: не достаточно просто помочь школьнику выучить уроки, наладить отношения в коллективе или поговорить с учителем о проблемах, возникающих в школе. Родители должны сконцентрировать свои внутренние качества и знания по вопросам детской психологии, проявить себя как грамотные специалисты по

работе с детьми, а не просто как мама и папа. Ребенку не хватит просто внимания, необходима совместная работа взрослого и школьника над проблемой. Затяжные неудачи школьника в процессе обучения могут привести к дезадаптации личности, психологическим и эмоциональным стрессам.

Взаимоотношения между ребенком и родителем должны быть взаимодополняемыми: с одной стороны, отношения «родитель – школьник», с другой – «школьник – родитель». Если будет работать только первое направление, скорость адаптации и легкость преодоления кризисного периода затянется, так как взрослый не будет получать ответа и оценки детьми своей помощи. Он не сможет адекватно оценить эффективность своих действий. Если рассматривать одностороннюю связь «школьник – родитель», ситуация усугубляется еще и замкнутостью ребенка, который не способен полностью донести до родителя причину нежелания посещать школу, взаимодействовать в новом коллективе сверстников. Только комплексная работа между родителями и ребенком способна принести успехи в преодолении проблем, связанных с социализацией и адаптацией школьника. Именно взаимная связь способна ускорить и облегчить процесс вхождения в новую школьную среду.

Главное, чем должны руководствоваться родители на начальном этапе обучения их ребенка, это поиск затруднений, связанных с адаптацией ребенка к школе. Нельзя игнорировать никакие, пусть даже мельчащие проблемы и сложности ребенка, даже если они кажутся несущественными. Обнаружив аспект, затрудняющий период адаптации, необходимо адекватно оценить и соотнести проблему с выполняемой школьником учебной деятельностью и получаемой эмоциональной и физической нагрузкой. Только после такого анализа родитель может проводить с ребенком совместную работу по поиску путей преодоления сложностей, осознания учеником нового социального статуса и коммуникативных навыков.

Родители, несмотря на ряд существующих социальных и экономических проблем, должны, в первую очередь, обратить внимание на развитие личности собственного ребенка. Основными показателями и нормами положительной адаптации ребенка к школе являются: формирование правильного поведения в стенах учебного заведения, благоприятная атмосфера в коллективе сверстников, доверительные отношения с учителем, прилежное поведение на уроке, овладение ребенком необходимых на этом этапе знаний и умений.

Родители, которые способны уд елить ребенку должное внимание и поддержку, являются зрелыми и опытными акторами социализации. Их опыт и забота оказывают огромную психологическую и эмоциональную помощь школьнику, благодаря которой ребенок способен преодолеть все возникающие трудности на этапе школьного обучения.

Список литературы

1. Собкин В.С. Социология дошкольного детства. Труды по социологии образования / В.С. Собкин, К.Н. Скобельцина, А.И. Иванова, Е.С. Верясова // Т. XVII. Вып. XXIX. М.: Институт социологии образования РАО, 2013. 168 с.
2. Шульц Т. Ценность детей // THESIS. Женщина, мужчина, семья. 1994. №6. С. 37-48.
3. Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Современная российская семья: основные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С. 106-118.
4. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Дети как жизненная ценность россиян // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 394-407.

ФУНКЦИИ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
FUNCTIONS OF THE FAMILY IN MODERN SOCIETY

Д.С. Шовкомуд
Иркутский государственный университет
D.S. Shovkomud
Irkutsk State University

Анализируются различные функции российской семьи на современном этапе. Автор исследует проблему и даёт пояснение своих выводов, опираясь на статистику.

The article analyzes the various functions of the Russian family at the present stage. The author investigates the problem and gives an explanation of his conclusions based on statistics.

Ключевые слова: функции семьи, трансформация, классификация функций семьи

Keywords: family functions, transformation, classification of family functions

Институт семьи существует с тех самых пор, как появилось человечество. За этот довольно продолжительный срок изменилось многое: отношения внутри семьи, семейные ценности, обычаи, традиции; места, занимаемые членами семьи в семейной иерархии [1]. Помимо всего вышесказанного, в частности, меняется выполнение семейных функций. *Функция семьи* – это выполнение определенной роли в особенной социальной системе или малой социальной группе (семье).

Выполнение функций определяется различными социальными процессами и регулируется определенными нормами. Функции, выполняемые семьёй, имеют как личностное, так и общественное значение. В научной

литературе приводятся различные типологии функций семьи. А.Г. Харчев, А.И. Антонов, В.М. Медков выделяют две основные группы функций семьи: специфические и неспецифические. Первые отражают особенности семьи как социального явления и вытекают из её сущности, а вторые – к выполнению которых семья оказалась принужденной или приспособленной в определенных исторических условиях [2].

Эта классификация функций семьи выглядит наиболее выраженной и, обобщая исследования специалистов по проблеме, к числу основных функций семьи можно отнести: репродуктивную, воспитательную, экономическую, хозяйственно-бытовую, социально-статусную, коммуникативную, досуговую, рекреационную и психотерапевтическую.

Репродуктивная функция является биологической потребностью в продолжении рода и сохранении популяции. Причем, сегодня это скорее не экономическая, а нравственно-эмоциональная потребность. На наш взгляд, эта функция в современной России выполняется семьями плохо. Большинство семей в РФ, а именно 67.4% от количества семейных ячеек имеющих детей до 18 лет, имеют лишь одного ребенка, с двумя детьми 26.8% семей, с тремя – 5.8%, хотя для улучшения демографии женщине нужно рожать 3 детей. Суммарный коэффициент рождаемости в России 2015 г. составляет 1,7; причем среди городского население = 1,6, а среди сельского = 2,1 [3]. Исследователи прошлого века, прогнозируя такие изменения в демографической политике, били тревогу и считали такой суммарный коэффициент крайне негативным.

Воспитательная функция. Никто, кроме семьи, не сможет дать человеку нормальное воспитание. Ребенок должен быть постепенно введен в жизнь, в общество, чтобы потом он смог полноценно функционировать в них. В противном случае его человеческий потенциал не разовьётся, предпосылки способностей и талантов угаснут навсегда. С выходом женщины на рынок труда эта функция стала постепенно истощаться, и в годы Советского Союза воспитательную функцию на себя брала школа. В 1990-х гг. Министерство образования решило вновь отдать воспитательную функцию в семью, а школам заниматься лишь образованием. Родители были не готовы к такому повороту событий и до сих пор существуют семьи, надеющиеся на воспитание своих детей в школах. В 2016 г. 64.9% женщин в возрасте от 20 до 45 лет, имеющих детей от 0 до 6 лет занимаются работой, в том числе 47.2% имеющие ребенка от 0-2 лет и 77.8% имеющих ребенка от 3 до 6 лет [3].

Экономическая функция – материальное обеспечение семьи. Эта функция выполняется удовлетворительно. Родители передают всё накопленное имущество своим детям, тем самым облегчая их жизнь, но не все родители учат детей рационально оценивать своё благосостояние или вовсе не имеют возможности учить детей. Сегодня в России 45.3% домохозяйств с детьми до 16

(18) лет, не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования, 20% трудно отплачивать ЖК услуги и покупать одежду, и лишь 2.4% могут себе позволить купить всё, что считают нужным [3]. Смежная с экономической *хозяйственно-бытовая функция* семьи охватывает такие стороны семейных отношений, как ведение домашнего хозяйства, бюджета, получение хозяйственно-бытовых услуг одними членами от других. Среди различных аспектов этой функции можно выделить поддержание общего физического здоровья и уход за детьми. Не у всех это получается качественно.

Следующие функции семьи – *коммуникативная и досуговая*. Они заключаются в удовлетворении человека в потребностях общения и уединения. Сейчас эта функция выполняется весьма неудовлетворительно. Это обусловлено рядом факторов. Родители уделяют мало времени своим детям в виду своей загруженности, и так как большинство детей растут без братьев и сестёр, им немного сложнее, нежели растущим, имеющим сиблингов. Фондом общественного мнения был проведен опрос 1500 респондентов, среди которых 20% опрошенных имеют детей- школьников, проживающих с ними. Этим 20% был задан вопрос «Вы в целом проводите с вашим ребенком меньше, больше или столько времени, сколько Вам хотелось бы?». Почти половина ответили, что проводят меньше времени, чем хотелось бы, а именно 42%. В этот процент входят большинство родителей, чей доход составляет более 20 000 руб. [4].

Эмоциональная, рекреационная и психотерапевтическая функции семьи, призванные удовлетворять потребности членов семьи в защите, уважении, признании, поддержке. Выполнение этох функций нарушается из-за невнимания, пьянства либо насилия со стороны родителей. Число преступлений, совершенных в отношении членов семьи с 2015 г. по 2016 г. возросло почти на 33% [3].

Семейный институт следует поддерживать, т.к. семейная политика является одной из главенствующих, и существование человека организовано в семейно-общественных отношениях. Анализируя вышеперечисленное, можно выделить одну функцию, являющуюся фундаментальной для осуществления других функций. *Фелицитологическая функция* означает создание условий для счастья каждого члена семьи. Её следует осознать и осуществлять в каждой семье. Но выполнять ее может только благополучная, культурная, дружная, полноценная в морально-психологическом отношении семья.

Список литературы:

1. Шовкомуд Д.С. Актуальные проблемы российской современной семьи // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского

социологического общества имени М.М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 г. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб: Скифия-принт, 2016. С. 1204-1205.

2. Дивицына Н.Ф. Семьеведение: [учеб. пособие]. Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006. 325 с.

3. Федеральная служба государственной статистики [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/ (дата обращения 25.04.2017).

4. Фонд общественного мнения [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://fom.ru/ (дата обращения 25.04.2017).

СОЦИОПСИХОАНАЛИЗ: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ ДВУХ НАУК

SOCIO-PSYCHOANALYSIS: TO THE QUESTION OF THE INTEGRATION OF TWO SCIENCES

Е.А. Шорыгин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Восточно-Европейский институт психоанализа, г. Санкт-Петербург
E.A. Shorygin
Lobachevsky University; East European Institute of Psychoanalysis, Saint Petersburg

Иллюстрируются произвольность дисциплинарной границы между психоанализом и социологией, возможность психоаналитического расширения социологии, и наоборот. Настоящий анализ – это поиск «психики» в дискурсе «социального».

This paper illustrates the arbitrariness of the disciplinary boundary between psychoanalysis and sociology, the possibility of psychoanalytic expansion of sociology, and vice versa. The present analysis is a search for "psyche" in the discourse of "social".

Ключевые слова: социология, психоанализ, социопсихоанализ, клиническая социология, психоаналитическая социология, дискурс

Keywords: sociology, psychoanalysis, sociopsychoanalysis, clinical sociology, psychoanalytic sociology, discourse

Взаимосвязь между социологией и психоанализом сама по себе является социологическим вопросом, достойным критического анализа в рамках социологии знания. Критическая социальная теория Франкфуртской школы приняла учение З. Фрейда, в то время как современная американская социология предпочла игнорировать психоанализ. Это вызывает вопросы о характере и изменениях неоспоримых предубеждений, которые лежат в основе наших требований к теории и практике. Знания как процесс и продукт являются частью культурного мировоззрения. Например, фрейдовский психоанализ был

воспринят в США через призму эго-психологии, психологии индивида, капитализма и индивидуалистической идеологии; во Франции он становится частью структуралистской интеллектуальной мысли М. Фуко, К. Леви-Стросса и Л. Альтюссера, постулатов К. Маркса и левых революционных студентов.

Любезная к психоанализу традиция Франкфуртской школы не резонирует с интеллектуальной атмосферой значительной части академической социологии и сегодня. Современная американская социология сейчас гораздо ближе к американской психиатрии, чем к французскому структурализму, интеллектуальной культуре отцов социологии. В основном знакомство социологов с З. Фрейдом и психоанализом ограничивается карикатурной моделью деления психики на Оно, Я и Сверх-Я, чего вряд ли достаточно для интеграции двух областей науки. Социологи скатились до «психоаналитической теории», сведенной поп-культурой к психиатрии или психологии, до ошибочной американизированной интерпретации психоанализа как культуры болезней, диагностики и медицины в соответствии с идеологическим принципом индивидуализма.

Мы должны добавить, что психоанализ сегодня не является монолитным. Некоторые школы рассматривают субъекта как отдельную инстанцию, так и в контексте отношений, а другие считают, что наши бессознательные фантазии и желания формируют социальные отношения и определяют наш внешний опыт [1]. Другие психоаналитические школы, такие как американская Эго-психология, акцентирующие внимание на отдельной личности, оказываются более чуждыми социологической перспективе, чем, например, школа французского психоаналитика Ж. Лакана, которую в действительности можно рассматривать как социологическую: для лаканианцев субъект и бессознательное – дискурсивное и трансиндивидуальное.

На поверхностном уровне существует много общего между психоанализом и социологией с точки зрения теоретических интересов и методологического понимания, что делает социологию более схожей с психоанализом, чем с психологией. Так, сегодня в психоанализе достаточно популярной концептуальной моделью является социальный конструкционизм. Считается, что многое из того, что происходит между аналитиком и анализантом, включая сны, мечты и фантазии, социально детерминированы. Прошлое – это реконструкция, память – это восприятие, а восприятие – это фантазия. Убеждения человека о действительности, его психическая реальность оказывается гораздо важнее, чем сама фактическая реальность. Например, убеждения или фантазии пациента об опыте сексуального совращения оказывают большее влияние, чем фактическое само соблазнение. Если считать фантазию совращения реальной, она станет реальной по своим последствиям.

Подобно У. Томасу и другим символическим интеракционистам, Фрейд был сфокусирован не на реальной ситуации, а на ее интерпретации человеком.

Деконструкция таких интерпретаций является целью психоанализа. Терапевтическая ситуация сегодня считается социальной ситуацией – определенной структурой, в которой взаимодействуют аналитик и анализант. Именно в этой системе многие аналитики полагаются на работы социологов А. Шюца [2] и И. Гоффмана [3] в качестве моделей контекстуального понимания опыта аналитической диады.

Хотя психоанализ претерпел глубокие изменения со времен З. Фрейда, он по-прежнему представляет собой элегантный способ слушания пациента или прочтения текста. В отличие от других психотерапевтических методов, аналитик не просит пациента отказаться от своих симптомов, быть «нормальным», адаптироваться или вести себя определенным образом. Аналитик не должен иметь никаких ожиданий от пациента, но может помочь ему открыть свои собственные желания, перестав быть порабощенными требованиями других. В каком-то смысле цель анализа состоит в том, чтобы помочь анализируемому обнаружить, насколько он попадает в социальные и культурные структуры. Психоанализ касается прежде всего сознания пациента, то есть интерсубъективного опыта субъекта в интерактивной матрице аналитической ситуации. Выводы об опыте пациента должны быть получены посредством социального взаимодействия в рамках сессии, включая повествование «здесь и сейчас». Аналитик обращает внимание не столько на содержание жизненных повествований, сколько на их коммуникативные аспекты, на опущенное, отвергаемое, неосознаваемое.

Хотя «сознание» четко не операционализировано, предполагается, что оно отражает совместную аналитическую деятельность на сессии. Пациент приходит к анализу с сознательным ожиданием того, что аналитик поможет найти источники его проблем, которые, как правило, являются бессознательными. Таким образом, происходит резкое различие между явным и скрытым значениями вербальных и невербальных месседжей. Существует много общего между социологическими и психоаналитическими теориями «Я», в которых «Я» рассматривается как фантазия, исходящая из зеркального отражения в лице(ах) другого. Идеи Г. Салливана, Д. Винникотта и Ж. Лакана о самости очень близки к понятиям Дж. Мида, Ч. Кули и И. Гоффмана.

Методологические дебаты в психоанализе аналогичны социологическим. Например, в психоанализе происходит оживленная дискуссия между теми, кто называют себя «учеными», и теми, кто утверждает, что психоанализ по своей сути является толкованием и герменевтикой. Те, кто придерживается позиции естественных наук, надеются, что, фокусируясь на некоторых формах

функционирования мозга, они могут стать биологами психики, а не «аналитиками души». В свою очередь, члены герменевтического круга сводят психоанализ к текстовому анализу, подчиняясь требованию внутренней согласованности. Есть также те, кто согласен с интерпретационной традицией, но при этом утверждают, что психоанализ выходит за рамки герменевтического метода, поскольку интерпретация текста в психоанализе меняет сам текст. Поскольку психоаналитические данные состоят из эмоциональных откликов в аналитической ситуации, основным методом исследования в психоанализе остается наблюдение и изучение конкретных случаев. Аналитическая установка рассматривается как операционная комната для научной и клинической работы. Эмоциональный климат аналитического контекста имеет решающее значение для интерпретации любого обмена в течение аналитического часа [4].

Что тогда объясняло бы отчуждение социологии из полей психоанализа, которые проявляют большой интерес к их дисциплинарным областям и унаследовали от своих немецких и французских предков столь обширный интеллектуальный капитал? Может ли это в первую очередь быть отнесено к борьбе социологов, как было предложено Дж. Хубером [5], чтобы доказать свою актуальность в академических кругах во время недавних финансовых кризисов путем слепого подхода к позитивистским методам, которые могли бы обеспечить респектабельность для исследований в области пешеходов?

Дискурсивный тупик между двумя дисциплинами сосредоточен на вопросе о предмете в контексте понятия «социальное». Это дискурсивный тупик, поскольку мы говорим не о теоретически или эмпирически встроенных понятиях, которые четко определяют разные поля, а скорее о том, как мы используем термины «субъект» и «социальный». Например, субъект, который по определению М. Фуко [6], «мертв», децентрализован или растворен в анализе структуралиста и не является содержательной теоретической концепцией, – это просто пустое место в дискурсе, принятом локутором. По мнению Д. Карвета [7], проблема построения моста между психоанализом и социологией и причина, по которой большинство попыток достичь какого-либо значимого диалектического синтеза личности и общества, связаны с ложной дихотомией, которая была введена между «самостью» и «обществом», и «частным», и «общественным». Отнестись к социальному как к «вещи», которая не зависит от ее членов, или как к набору индивидуумов, которые являются субъектами психоаналитического понимания или рассматривать социальное как огромную личность с ее собственными бессознательными, конфликтами и защитой? Подобная логика не вытащит нас из дискурса, в котором индивид определяется в противоположность социальному – они рассматриваются как две независимые сущности, взаимодействующие

антагонистически, каждая из которых подчиняется своим собственным законам. Как пишет Ж. Славой, человек находится в антагонистической позиции между субъектом и социальным, а не между ними [8]. Подобные академические споры, по словам К. Касториадиса [9], представляют собой псевдотеоретические прикрытия от мышления. Даже на семиотическом уровне различие между личным/частным и его публичным/социальным проблематично и обречено на провал. Фактически, различие между публичной и частной семиотикой может быть сделано только для аналитических целей [4].

Хотя психоанализ традиционно фокусируется на отдельном человеке, ряд современных аналитических школ, особенно лаканианцев, занимают теоретические позиции, которые по существу являются социологическими. Они не отказались от аналитического слушания, однако субъект больше не рассматривается исключительно через призму индивидуальной или Эго-парадигмы, а скорее через социокультурную призму, которая структурирует желания и отношения человека к себе и другому. В этом смысле субъект порабощен историей, языком и культурой.

Цель как социологии, так и психоанализа состоит в том, чтобы смотреть за пределы явных представлений вещей, чтобы обнаружить или построить многослойные социальные или психические реальности, лежащие в основе иллюзорных проявлений. Как писал П. Бергер, «социологический подход можно описать фразами типа «смотреть сквозь» или «заглядывать за», многие из которых мы употребляем в повседневной речи: «видеть игру насквозь», «видеть закулисную игру», иначе говоря, «понимать, что к чему» [10, с. 35]. Получается, что обе дисциплины или преследуют истину за видимым, или ищут правду, присущую очевидности. Таким образом, социология разделяет с психоанализом задачу понимания поверхностной структуры явлений посредством более глубинных структур.

И социология, и психоанализ направлены на расшифровку кодов мертвых, которые структурировали наше настоящее, заманив нас в прошлое. К. Маркс, З. Фрейд и Э. Дюркгейм бросали вызов мудрости прошлого, обличенной в форму священных верований и ритуалов иллюзий.

Теория дискурсивных практик М. Фуко [6] расширила методологию исторического анализа общественной жизни. Понятие «самосознание», как и понятие «познающий субъект» считается иллюзорным. Теперь мы можем заменить «познающего субъект» на «говорящего», чей дискурс может подлежать нашему анализу. Таким образом, мы можем выявлять дискурс, воспринимая субъекта, его психику и сознание дискурсивно. Аналитическое слушание позволяет выявить предмет фрейдистского бессознательного, который, по словам Ж. Лакана, является дискурсом Другого, структурированным как язык. Эта переинтерпретация концепции З. Фрейда о

бессознательном связывает психоанализ со структурализмом, марксизмом и социологией. Бессознательное становится своего рода структурирующим кодом, который обеспечивает синтаксис для организации идей, желаний, чувств и воспоминаний [11]. Другими словами, бессознательное обеспечивает синтаксис «дискурса», для которого «лексика» исходит из биографии субъекта.

Почти каждый вводный текст по социологии начинается с размышлений о личных и общественных проблемах, иллюстрирует примеры того, как люди обвиняют себя или других в своих проблемах – разводах, безработице, бедности, психических заболеваниях и т.д., не осознавая при этом, что их судьбы являются во многом структурно определенными. По мнению Ж. Лакана и К. Леви-Стросса, социальная структура создает инфраструктуру для формирования личного мифа личности, ее биографии. А биография человека, в свою очередь, наполняет эту структуру содержимым. Задача психоанализа – расшифровать код глубинной структуры в процессе аналитического слушания.

Для Лакана, на которого значительное влияние оказали теории Гегеля, Маркса, Соссюра и Леви-Стросса, бессознательное является совокупностью структурных законов, посредством которых отдельные переживания превращаются в жизненный миф. Мы строим мифы нашей биографии на основе включенности в структурный синтаксис трансандивидуального символического порядка, в пределах которого мы рождаемся. Содержание биографии человека раскрывается в структуре как форме. То есть бессознательное трансандивидуально и культурно разделяется индивидами, тогда как предсознание индивидуально и содержит историю человека [12].

К. Леви-Стросс, Ж. Лакан и даже К. Юнг заимствовали свои представления о глубинной структуре у М. Мосса [13], племянника Э. Дюркгейма, его ученика и соавтора. Тезис Мосса о символических кодексах как структурирующих связь между личной и общественной сферами психической и социальной деятельности всегда был мостом, соединяющим психоанализ, антропологию, социологию и политику.

К. Касториадис [14], французско-греческий психоаналитик, философ и социальный теоретик утверждает, что истину социальной и психической жизни следует искать в воображаемых значениях. Для него человеческая психика никогда не была отделена от общества – нет личного способа мышления. Он говорит, что тезис о сплоченном обществе – мнимое социальное значение, не сводящееся к реальному, рациональному или функциональному измерению. То, что держит всех вместе и на первый взгляд придает подобие порядка даже в хаосе войны, является результатом внутренней сплоченности переплетенных значений или смыслов, которые пронизывают жизнь в обществе.

Социальные значения не строятся в терминах логики или рациональности; социальные системы и даже бюрократические организации, в

которых коллективная деятельность управляется безличным иерархически организованным аппаратом, преследует присущая иррациональность и противоречия. Для К. Касторадидиса любое различие между субъектом и обществом не имеет смысла. Для него мужчины, женщины и дети, будучи не биологическими категориями, являются социальными институтами, каждый из которых – практически обществом в целом. В своем конкретном содержании они отражают всю ткань мнимых значений. Эта идея в основном представляет собой переформулировку концепции Э. Дюркгейма о символической природе психической реальности, в рамках которой общество символически выражается в личности в виде религиозных убеждений и практик [15].

С. Фрош [1], подобно К. Касториадису, видит бессознательное как мост между психоанализом и социологией. По его словам, большинство наших социальных институтов и их идеологий структурированы социальным бессознательным. Проблема заключается в том, как связать царство психики со сферой социального/структурного. Следуя аргументации Лакана о невозможности перевода половых различий в набор символических оппозиций, любая попытка заставить индивида и общество превратиться в набор символических оппозиций представляется невозможной.

Более полувека назад М. Борн заметил, что в физике атрибуты физических характеристик являются свойствами процессов, событий или отношений. Он утверждал, что, хотя теория относительности никогда не отказывалась от попыток присвоения свойств материи, «измеряемая величина является не предметом, а свойством его отношения к другим предметам» [16, с. 133]. Это наблюдение можно применить к вопросу о междисциплинарных дискурсах идентичности и различий, отражающих способы «делания», а не «бытия». То есть, для нас представляются релевантными именно способы соотнесения с миром, а не фактические сходства или различия между сущностями. Переход от одного полюса этой бинарной оппозиции к другой может представлять собой лишь иллюзорный сдвиг в дискурсивном режиме встречи с объектным миром.

Список литературы

1. Frosh S. (1989) “Melting into Air: Psychoanalysis and Social Experience,” Free Associations, 1 (16). P. 7-30.

2. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с. (Серия «Книга света».)

3. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004. 752 с.

4. Movahedi S. (2012) “Quantitative and Qualitative Analysis of Reported Dreams and the Problem of Double Hermeneutics in Clinical Research,” Journal of Research Practice, 8(2). URL: http://jrp.icaap.org/index.php/jrp/article/view/303/ 274 (accessed: 03.10.2017).

5. Huber J. (1995) “Institutional Perspectives on Sociology,” American Journal of Sociology, 101 (1). P. 194-216.

6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб. A-cad. 1994 г. 408 с.

7. Carveth D.L. (1982) “Sociology and Psychoanalysis: The Hobbesian Problem Revisited,” Canadian Journal of Sociology, 7(2). P. 201-229.

8. Žižek S. (2000) “Holding the Place,” in J. Butler, E. Laclau, and S. Žižek (eds) Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left.

9. Castoriadis C. (1989) “The State of the Subject Today,” American Imago, 46 (4). P. 371-412.

10. Бергер П.Л. Приглашеине в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина. М.: Аспект Пресс, 1996. 168 с.

11. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

12. Skelton R. (1993) “Lacan for the Faint Hearted,” British Journal of Psychotherapy, 10(2). P. 419-429.

13. Mauss M. and H. Hubert (1902–1903). Esquisse d’une Théorie Générate de la Magique Année Sociologique. Série 2.

14. Касториадис К. Дрейфующее общество. Беседы и дискуссии (1974-1997). М.: Гнозис / Логос, 2012. С. 243-254.

15. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998. С. 174-230.

16. Борн М. Физическая реальность // Успехи физических наук. Т. LXII, вып. 2.

СТРАТЕГИИ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

STRATEGIES OF FAMILY PARENTING IN THE AGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

А.В. Щекотуров
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
A.V. Shchekoturov
Immanuel Kant Baltic Federal University

Рассмотрена проблема выстраивания семейной стратегии воспитания в условиях увеличивающегося давления института СМК. Описаны типы семей с точки зрения отношения родителей к современным медиа технологиям.

Представлены стратегии семейного воспитания с указанием конкретных вариантов их выполнения.

The problem of family parenting in the age of growing of media institute is considered in this article. Family types regarding parents' attitude to modern media technologies are described. Strategies of family parenting including detailed elements of its usage are also presented in the article.

Ключевые слова: воспитание, цифровые технологии, социальные сети, семья, медиа

Keywords: parenting, digital technologies, social networks, family, media

В литературе достаточно хорошо описаны стили семейного воспитания (демократический, либеральный, авторитарный, хаотический), каждому из которых характерны свойства, которые отражаются как на содержании детско-родительских отношений, так и на формировании и развитии ребенка [1]. Однако в отечественном гуманитарном корпусе научных работ практически не представлены особенности семейного воспитания в эпоху усиления социализирующего влияния института медиа и трансформации ценностных установок поколения, рожденного в 2000-х гг. [2].

Цель данной статьи – предложить варианты конструктивного отношения к современным гаджетам (планшеты, смартфоны, игровые консоли, компьютеры и т.д.) в практике осознанного родительства и выстраивания индивидуальных стратегий семейного воспитания.

Поколение «Z», или цифровые аборигены – так называют тех, кто родился во время массового распространения персональных компьютеров, мобильных телефонов и Интернета (начало 2000-х гг.). Это поколение только начало формироваться, но уже можно выделить ряд отличительных черт: ранняя компьютерная подкованность и излишняя доверчивость; отрицание авторитетов и ограниченный круг настоящих друзей; коммуникабельность, виртуальный перформанс и сложности в поиске своего настоящего «Я» [3].

Данные особенности современного поколения детей создают как перспективы для творчества, так и зоны риска социализации, а потому требуют от родителей новых, адекватных требованию времени, моделей воспитания.

Стратегия воспитания, предполагающая обоюдное поступательное движение к осознаваемой цели, – необходимый элемент современной системы детско-родительских отношений. К сожалению, во многих семьях цифровые технологии привносят только разлад и хаос, когда родители придерживаются диаметрально противоположных воспитательных принципов.

В 2013 г. Северо-западный Центр изучения медиа и развития человека (Северо-Западный Университет, г. Эванстон, США) опубликовал результаты

исследования особенностей воспитания в век цифровых технологий [4]. Было опрошено 2300 родителей, имеющих детей в возрасте до 8 лет. В результате исследования были выявлены новые типы семей по отношению родителей к современным медиа технологиям (в условиях так называемой «медиа среды»):

1) *Медиа-ориентированные* (media-centric). К этой группе исследователи отнесли 39% опрошенных родителей. Родители из этой группы предпочитают пользоваться возможностями СМК, расходуя на них до 11 часов в день. В этих семьях телевизор включен, даже если его никто не смотрит. Почти у половины детей есть собственные телевизоры в спальне. Медиа-ориентированные родители используют социальные сети и мессенджеры, чтобы быть на связи с детьми круглосуточно. Они не ограничивают использование детьми гаджетов, поскольку те помогают занять и развлечь детей. Дети в таких семьях проводят около 5 часов перед мониторами различных устройств.

2) *Медиа-умеренные родители* (media-moderate). К этой группе исследователи отнесли 45% опрошенных родителей. Родители из этой группы проводят около 4.5 часов перед мониторами своих устройств дома. Они предпочитают просмотр определенных передач по телевизору. При этом в приоритет ставят свободные от медиа практики. Дети в таких семьях проводят до 3 часов перед мониторами различных устройств.

3) *Медиа-свободные родители* (media-light). Только 16% родителей были отнесены к этой группе. Здесь родители проводят менее 2 часов за мониторами. Они с наименьшей степенью вероятности разрешат своим детям иметь телевизор или компьютер в собственной спальне. И они никогда не будут занимать детей гаджетами. В таких семьях дети проводят около полутора часов перед мониторами различных устройств.

Ниже сформулированы варианты стратегий семейного воспитания в эпоху цифровых технологий, подготовленные на основе обобщения результатов зарубежных исследователей [4; 5]:

1. *Развитие медиа грамотности*.

Цель данной стратегии – высокий уровень компетентности каждого члена семьи в использовании современных цифровых устройств, а так же в критическом восприятии информации в СМИ.

Освоение данной стратегии начинается с понимания устройства и особенностей различных каналов медиа (социальные сети, мессенджеры, Youtube и т.д.). Важно обсудить возможности и опасности в пространстве Интернета, сформулировать правила безопасного поведения в Сети, проговорить с ребенком суть приватности, особенности ее настройки. Эффективным будет навык критичного восприятия информации. Например,

при просмотре телепередач можно задать вопрос и обсудить, кто выиграет оттого, что вы поверите в то, что вам показывают.

2. *Установить правила использования гаджетов для каждого члена семьи*.

Цель – сохранение воспитательного контроля и поддержание доверительной среды в детско-родительских отношениях, основанных на принципах справедливости, демократичности и открытости.

Начать можно с разъяснений о том, что характер ограничений логичным образом связан со статусом и возрастом членов семьи: чем выше по статусу и старше, тем меньше ограничений. Сами правила, как и формы наказаний за их невыполнение, рекомендуется сформулировать на семейном совете с учетом пожеланий каждого.

Главное условие реализации данной стратегии – позитивная ролевая модель родителей. Важно наполнять разнообразным досугом время, свободное от медиа и цифровых устройств: настольные игры, прогулки, катание на велосипедах, посещение игровых квестов и т.п.

3. *Интересоваться виртуальной жизнью друг друга*.

Цель – сохранить связь с детьми в подростковом возрасте.

Отличным лайфхаком будет создание семейной закрытой группы в социальных сетях. В данной группе как родители, так и их дети могут сохранять памятные фотографии, делиться интересной информацией, включая музыку и кино, «неформально» планировать и обсуждать предстоящие события. Ребенок почувствует интерес к актуальным для него переживаниям, а у родителей будет возможность «честно» контролировать Интернет-активность своих детей.

4. *Обсуждать с подростками узловые моменты их виртуальной жизни*.

Цель данной стратегии – сохранить доверие подростков, основанное на авторитете родителей.

Для начала можно обсудить, с кем ребята общаются в социальных сетях. Родителям следует объяснить, что они уважают личное пространство своих детей, но на правах родителей оставляют за собой право контролировать использование Интернета. Имеет смысл завести разговор о приоритетах в жизни. Здесь можно подчеркнуть, почему лучше быть не членом популярной банды, а иметь друзей, которые их ценят вне зависимости от популярности в Сети. Уважать себя, а не «накручивать» себе подписчиков, ведь большинству людей нравятся те, кто ценит себя.

Следует быть терпимым к самопрезентации подростков и их увлеченности «селфи». Особенность их виртуальной самопрезентации можно выразить принципом: «я вижу себя, значит я существую». Вместо того, чтобы

критиковать, расскажите, например, о своем опыте взросления без цифровых технологий.

Помните, что неосторожное и порой рискованное поведение подростков в Интернете связано не столько с тем, что они не предвидят опасные последствия, сколько с тем, что их организм требует гормон дофамин, вырабатываемый при острых впечатлениях. Единственный способ повлиять на ситуацию – заменить онлайн чем-то увлекательным в реальности.

5. *Поднимать их уверенность в себе и самооценку*.

Цель данной стратегии – создать у подростка устойчивое понимание целостности и первостепенности реального мира, а социальные медиа и цифровые технологии развлечений должны оставаться периферийным, необязательным и второстепенным компонентом в мировосприятии ребенка.

Чем подростки лучшего мнения о себе, тем менее значима для них необходимость утверждать свой статус онлайн.

Начать можно с искренних комплиментов: «выглядишь замечательно», «с тобой весело» и т.п. Начиная с раннего возраста, следует поручать детям выполнение различных дел (уборка в доме, приготовление пищи, организация встречи с друзьями). Заинтересуйте их книгой об этикете или о том, как заводить друзей, и практикуйте новые знания как в семье, так и в школе.

Данные стратегии могут быть использованы не зависимо друг от друга, последовательно – в зависимости от возраста детей и «медиа климата» в семье, так и одновременно. Главное помнить, что чем больше родители будут разделять с детьми их интересы и обращать внимание на их нужды, поощрять своих детей чувствовать себя частью единой семьи, тем меньше вероятность того, что дети заходят сбежать в онлайн.

Список литературы

1. Безлюдный А.И. Родительско-детские отношения как стратегия семейного воспитания // Вектор науки ТГУ. Тольятти, 2011. С. 42-46.

2. Саралиева З.Х., Щекотуров А.В. «Я не хочу быть такой девочкой, чтобы посуду всегда мыть»: институциональный анализ гендерной чувствительности подростков поколения «Z» // Женщина в российском обществе. Иваново: Ивановский государственный университет. 2015. №3-4. С. 45-58.

3. Щекотуров А.В. Социализация подростков в эпоху средств массовой коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки, 2011. № 11. С. 99-103.

4. Gold J. Screen-smart parenting: how to find balance and benefit in your child’s use of social media, apps, and digital devices. New York, London: The Guilford Press, 2015. 313 p.

5. Hayman S., Coleman J. Parents and digital technology: how to raise the connected generation. New York, London: Routledge, 2016. 234 p.

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ В ПРАВОВОМ ВОСПИТАНИИ ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

THE ROLE OF LAWYER PERIODICALS IN THE LAWYER EDUCATION OF SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Н.С. Щерова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
N.S. Scherova
Lobachevsky University

Рассматриваются особенности юридической печати как важного элемента правового воспитания общества. Анализируются конкретные примеры юридических периодических изданий второй половины XIX в., одним из аспектов деятельности которых было правовоспитательное воздействие.

The paper considers the peculiarities of the lawyer press as an important element of the lawyer upbringing of the society. Besides specific examples of legal periodical editions of the second half of the XIX century are analyzed, one of the aspects of which was the lawyer education.

Ключевые слова: право, правовое воспитание, средства массовой информации, юридические журналы

Keywords: law, lawyer education, mass-media, lawyer magazines

Начиная с момента своего возникновения, СМИ занимали важное место в культуре и духовной жизни общества в целом. Определяющую роль печатная периодика оказала и на правовое воспитание. Эту особенность мы можем проследить не только на современном этапе развития человечества, но и в прошлом, в частности, во второй половине XIX столетия, когда среди многообразия периодических изданий выделилась отдельная категория журналов, которые мы можем обозначить как юридические.

В теории права правовое воспитание определяют как целенаправленную деятельность по трансляции (передаче) правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому [1].

Основная цель правового воспитания – это развитие правосознания человека, правовой культуры общества. Данное понятие направлено на формирование знаний людей о правах и обязанностях, о действующем законодательстве, повышение авторитета закона, определение установок на

строгое соблюдение норм права, на правомерное поведение, на активное участие в общественной жизни.

Рассмотрим, какие черты позволяют нам сделать вывод о влиянии юридической журналистики на правовое воспитание как отдельного индивида, так и всего общества.

Во-первых, сама цель возникновения юридических изданий говорит о том, что подобная периодика стремилась к передаче знаний о праве. Для всех журналов данной группы общим было освещение теоретических и практических вопросов юридической науки. Кроме этой главной задачи для отдельных печатных органов были свойственны иные, частные, идеи. Так, целью журнала «Народный законовед» было «наше желание послужить народу в важном и почти недоступном для него деле – познании законов» [2].

Во-вторых, установка на правовое воспитательное воздействие выражается и в тематических особенностях программы журналов по праву. В подобной периодике публиковались материалы по теории и истории права, по вопросам отечественного законодательства, практики его реализации, юридическая библиография, рецензии на сочинения по праву. Однако конкретные издания содержали в своей структуре разделы, характерные только для них и, в том числе, направленные на правовое образование как разновидность правового воспитания. Например, «Юридический вестник» был тесным образом связан с Московским университетом, поэтому редакция журнала обращала внимание на вопросы высшего образования. Некоторое время одной из рубрик в издании была Университетская хроника (позднее – Университетские известия), где печатались материалы о преподавании, о значении юридического образования, о зарубежных университетах. Кроме этого, размещались объявления о печатных органах университетов (например, «Известия и ученые записки Казанского университета»). В XIX в. юридическое образование имело важное значение для общества, изучался российский и зарубежный опыт. Сейчас, к сожалению, эта тема не находит должного освещения в современных юридических изданиях, хотя остается важной.

В книжках журнала «Народный законовед» печатались статьи Свода основных законов, которые наиболее часто применялись, а также пояснения к ним с разъяснением слов, непонятных для населения. Таким образом редакция стремилась к правовому просвещению общества. «Юридический вестник» под редакцией Калачева впервые создал специальный раздел, посвященный диалогу редакции с читателями – «Ответы на вопросы по статьям Свода Законов, излагаемые с практической целью».

Читательская аудитория состояла, в основном, из представителей юридического сообщества. Кроме того, тексты в юридической периодике были

написаны официальным стилем, с употреблением терминов, понятий, неясных для русского читателя, поскольку у большей части населения не было возможности постигать грамоту.

Такая ситуация была до тех пор, пока в 1860 г. не появился «Юридический журнал», который стал первым в России юридическим изданием, предназначенным для массового читателя. А в марте 1871 г. в Санкт-Петербурге начал выходить журнал «Народный законовед». В обращении к читателям редактор пишет следующее: «для того, чтобы простому человеку сподручнее было законы узнать, они и печатаются в книжках «Народного законоведа», – но печатаются не все сразу, а только те, которые ближе к простому быту и в которых чаще в этом быту бывает нужда» [3]. И здесь также проявляется стремление редакции к повышению уровня правовой культуры человека, обучение его основам права, необходимым в повседневной жизни.

Идеалы, ценности правовой жизни формируются благодаря деятельности авторитетных, выдающихся людей, обладающих всей полнотой знаний о праве. Именно такими были авторы материалов, которые публиковались в юридических журналах. В состав авторского и редакторского коллективов входили люди, имена которых были известны каждому русскому специалисту в области права: Н.В. Калачев (ученый историк-юрист, академик и сенатор), В.Н. Лешков (юрист, декан юридического факультета Московского университета, автор многочисленных научных работ по юридической науке), С.А. Муромцев (правовед, публицист и политический деятель, присяжный поверенный, профессор Московского университета, председатель I Государственной думы), Н.С. Таганцев (русский юрист, криминалист, крупнейший специалист в области уголовного права).

Таким образом, мы можем сказать, что журналы по праву, выходившие во второй половине XIX в. – это фундаментальные издания, посвященные широкому спектру тем в области юриспруденции. Сочинения, опубликованные в них, направлены не только на профессиональную сферу юристов, но и на широкую читательскую аудиторию. Через правовую журналистику осуществлялось правовое воспитание общества. За столь долгий для юридических журналов срок существования издания внесли огромный вклад в становление отечественной юридической науки, популяризировали ее, способствовали дальнейшему развитию российской юриспруденции.

Список литературы

1. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М.: Юристъ, 1999. 592 с.

2. Мохначева М.П. Становление юридической журналистики в России (типологический аспект) // Право: история, теория, практика (Вып. 1). 1997. С. 111-131.
3. Нашим читателям // Народный законовед. 1871. Кн.2. С. 1-4.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОТЦОВ
TRANSFORMATION OF THE FATHER'S'PARENTAL POTENTIAL

А.Л. Янак
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевский
A.L. Ianak
Lobachevsky University

Рассматриваются некоторые аспекты и характеристики трансформации родительского потенциала современных матерей и отцов; акцентируется внимание на изменении функций отцов в условиях многообразия альтернативных форм семейных отношений.

Considered some aspects and characteristics of the transformation of parental potential of modern mothers and fathers; focuses on the change in the functions of fathers in a variety of alternative forms of family relations.

Ключевые слова: родительский потенциал, трансформация отцовства, семейные функции, альтернативные типы семьи, рационализация отцовства

Keywords: parental potential, transformation of fatherhood, family functions, alternative forms of family, rationalization of fatherhood

О.Н. Безрукова понимает под родительским потенциалом совокупность врожденных и приобретенных ресурсов личности, социальной группы и общества, обеспечивающих реализацию родительской роли [1]. Данное понятие может включать в себя желание и мотивация иметь детей; способность выполнять семейные и родительские функции, осуществлять заботу о детях, проявлять родительскую ответственность и субъектность, аккумулировать родительский опыт; готовность к потенциальным трудностям и их решению, привлекая внутрисемейные и внешние ресурсы, социальный капитал.

Трансформация и вариативность семейных практик привели к пересмотру функциональных границ, родительского потенциала отцовства и материнства. Если рассматривать родительские роли как биологически детерминированные, мать выступает основным родителем, в то время как отец представляется второстепенным и зачастую некомпетентным субъектом заботы о детях [2]. Однако такая модель предполагает, что родительство – естественный сценарий и необходимый компонент индивидуального бытия и семейной жизни.

Родительство с точки зрения гендерного подхода означает, что материнство и отцовство являются элементами, конструирующими феминность и маскулинность. При этом родительские роли поляризованы: мать сосредоточена на физической и эмоциональной самоотдаче детям, отец – преимущественно на выполнении экономической, публично-имиджевой и властной функций, необходимых для поддержания символического авторитета в семье. Так, родительство в современных условиях может служить сферой для самореализации мужчины и женщины (в большей степени матерей), развития их человеческого потенциала [2].

В целом изначально категория заботы была гендерной категорией [3], а точнее скорее материнской. Однако интенсификация женского труда существенно расширила феминные ролевые границы. При этом мускулинные жизненные и семейные сценарии, длительное время остававшиеся практически неизменными, тоже постепенно трансформируются в контексте кризиса семейного взаимодействия [4], частичной феминизации мужчин и маскулинизации женщин, с одной стороны, развития модели сородительства («эгалитарного родительства», «включённого родительства»), родительской солидарности, комплиментарности [1] и вовлеченности – с другой.

Сегодня тип семьи, а значит, тип организации и механизмы функционирования супружеских и родительско-детских отношений можно считать факторами формирования и мобилизации родительского потенциала и вовлеченности отцов. С этой точки зрения, структура и специфика таких семей, как, например, эгалитарная с двумя родителями, молодая (по возрасту родителей, вследствие нуклеаризации современной семьи и распространению практик «отложенного» родительства), многодетная, монородительская отцовская семьи требуют более активного участия отцов в воспитании детей, детерминируют их родительский потенциал. Внебрачные (сожительства), пост-разводные семьи с отцами-нерезидентами, конкубинатные детные партнёрства, расширенные (многопоколенные) семьи могут содержать скрытые риски и мотивы факультативного выполнения мужчинами родительских обязанностей.

В развитии современного родительства, особенно в альтернативных типах семей и особенно отцовства, наблюдется тенденция рационализации (например, эгалитарное / равное распределение семейных обязанностей как способ рационализации домашней нагрузки и заботы о детях; гендерной и семейной идентичности женщин и мужчин; осознанный отказ от выполнения отцовской роли после разрыва отношений, сексуальной связи с его матерью как способ рационализации собственного жизненного пространства и внесения коррективов в жизненный сценарий): увеличения отцовского участия во

внутрисемейных процессах, воспитании детей, с одной стороны, и сокращения и «выборочности» отцовско-детских контактов – с другой.

Список литературы

1. Безрукова О.Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 85-97.

2. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. № 2(67). С. 14-26.

3. Чернова Ж.В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т.9. № 3. С. 295-318.

4. Игнатова О.В. «Кризис отцовства» как индикатор гендерной асимметрии // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 2. С. 50-57.

СЕКЦИЯ 5

МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ТРУДОВЫХ УСЛОВИЯХ

ТРУДОУСТРОЙСТВО НЕ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛОВУШКА РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА

WORK IS NOT A SPECIALTY AS AN INSTITUTIONAL TRAP OF THE RUSSIAN LABOR MARKET

Л.Н. Банникова, Г.С. Унусян
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
L.N. Bannikova, G.S. Unusyan
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

Рассматривается тенденция «депрофессионализации» в профессиональных планах студентов как сформировавшаяся устойчивая, неэффективная норма регулирования взаимодействия рынка услуг высшего профессионального образования и работодателей. Анализируются интересы и мотивы поведения взаимодействующих субъектов, отмечается сложность и переплетение этих интересов. Подчеркивается значимость государственной политики поддержки института социального партнерства и государственно-частного партнёрства на рынке услуг профессионального образования как способа выхода из «ловушки».

The tendency of "deprofessionalization" in the professional plans of students is considered as a stable, ineffective norm of regulation of interaction between the market for services of higher professional education and employers. The interests and motives of the behavior of interacting subjects are analyzed, the complexity and intertwining of these interests is noted. The state policy of supporting the institution of social partnership and public-private partnership in the vocational education services market as a way out of the "trap" is important.

Ключевые слова: студенты, институциональная норма, профессиональные планы, социальное партнерство

Keywords: students, institutional norm, professional plans, social partnership

В процессе реформ, направленных на повышение эффективности экономической системы, появляются устойчивые нормы поведения, так называемые «институциональные ловушки» или «неэффективные устойчивые нормы (институты), имеющие самоподдерживающий характер» [1]. Все чаще в

экономических, социологических статьях стал употребляться термин «институциональные ловушки» [1; 2].

Исследователи описывают формирование и функционирование подобных неэффективных устойчивых норм, условия и возможности их исчезновения в экономике и в сфере высшего профессионального образования. Наряду с другими устойчивыми неэффективными нормами функционирования образовательного пространства («диссертационная ловушка», «ловушка совместительства преподавателей») распространена и «ловушка депрофессионализации» выпускников учреждений профессионального образования.

Анализ данных мониторинга профессиональных планов студентов вузов Екатеринбурга, проводимый кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ (с участием автора) в течение двадцати лет (1995-2016 гг.), позволил сделать вывод о том, что *тенденция депрофессионализации* превращается в закономерность, в устойчивое неэффективное равновесие [3]. Это не только и не столько потеря для института профессионального образования своей важнейшей функции предоставления профессии, пополнения профессиональных групп. Государство финансирует образование в данных сферах, но не получает кадры. Но это ещё и не менее значимая проблема демотивации обучения. Не планируют работать по специальности, отсюда и формальное отношение к обучению.

Таблица 1

Динамика профессиональных планов студентов* (1995-2016, %)

Профессиональные планы	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Работать по специальности	66	46	48	42	44	43	35
Основать свое дело, бизнес	24	17	29	19	16	14	14
Еще нет никаких определенных планов на будущую работу	11	11	18	14	14	4	4
Продолжить образование (магистратура, второе высшее образование), аспирантура	11	13	23	11	10	9	21+2
Работать не по специальности	12	12	12	10	7	6	6
Поехать учиться или работать за границу	16	9	15	7	10	9	5
Посвятить себя дому, семье	14	3	8	3	4	3	2
Заняться научно-исследовательской работой	5	2	5	3	3	1	1
Жить за счёт случайных заработков	5	4	1	1	1	1	0
Будущее в плане работы туманно и неопределенно	-	-	-	-	-	-	9
Работать как фрилансер	-	-	-	-	-	-	1

*Сумма выше 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Несмотря на то, что популярность высшего образования стабильно растет, «возможность высокого уровня профессионализма» значима лишь для

половины опрошенных. Процесс депрофессионализации уже нашел соответствующее отражение в сознании молодежи. Большинство (75%) опрошенных студентов проблемы с трудоустройством связывают не с профессией, а с отсутствием опыта работы.

Для выхода из институционнальной ловушки, для понимания причин дисфункциональности института высшего профессионального образования была применена методология социального маркетинга [4]. Она предполагает понимание, что на рынке услуг профессионального высшего образования взаимодействуют не отдельные субъекты, а *сложные поведенческие системы со сложной ролевой структурой, переплетением интересов, мотивов поведения.* Потребитель этих услуг выступает в трёх ипостасях: это *покупатели* (плательщики услуг) в лице абитуриентов и их семей, изредка предприятий (целевые заказы). Это и *пользователи* – работодатели (частные и госструктуры), и *потребители* услуг (студенты). Возможны разные ситуации: выбирает услугу абитуриент самостоятельно или под влиянием семьи, референтной группы, платят либо родители, либо он сам (преимущественно второе высшее образование), а пользуется будущий работодатель. Последний и не платит, и не заказывает содержания. Таких большинство.

Возможна другая ситуация: выбирает услугу, платит и пользуется работодатель, формируя целевой заказ на подготовку специалиста. Сегодня доля такой модели невысока. Другой доминантой является ситуация, при которой выбирает (покупает) услугу абитуриент, оплачивают её частично родители (репетиторы, подготовительные курсы), большую часть платит государство, а пользуются и коммерческие, и госструктуры. Структура взаимодействующих субъектов чрезвычайно сложная.

Конечные пользователи образовательных услуг, работодатели при найме практически бесплатных для них специалистов ориентируются на внешние атрибуты «товара», на название специальности, имя вуза. Даже в этих благоприятных для них условиях работодатели сталкиваются всё чаще с феноменом «мало высококвалифицированных» специалистов или с ситуацией, когда экономистов, юристов много, а специалистов нет. Жалобы работодателей на то, что «специалистов» много, а хороших юристов и экономистов нет – глас вопиющего, «оценочный спам» [5].

Сегодняшняя ситуация, при которой услуги профессионального высшего обучения пытаются представить как частное благо, переложив издержки по его получению, сохранению в значительной мере на покупателей, не оптимальна и не выгодна участникам образовательного процесса. Речь идёт не только о разрыве между системой высшего образования и бизнесом, о проблемах их

взаимодействия, но и о неуверенности выпускников на рынке труда, несмотря на наличие ряда дипломов.

Пользователи-работодатели получают практически бесплатную для них, неоднородную по качеству рабочую силу с преобладанием прагматично-утилитарных установок. На доведение её до уровня своих запросов нужно время, деньги и терпение. Но пока для пользователей профессиональная образовательная услуга остаётся общественным благом, работодатели будут «безбилетниками», охотно перекладывающими оплату на плечи семей и государства. Государство как плательщик заинтересовано в получении более или менее профессионально ориентированных работников.

Один из возможных путей выхода их этой «ловушки» – государственная политика поддержки института социального и государственно-частного партнёрства на рынке услуг профессионального образования. Государственно-частное партнёрство предусматривает привлечение финансовых ресурсов, как правило, со стороны частного партнера и использование ресурсов, находящихся в распоряжении или собственности государства: зданий, оборудования, неимущественных прав [6]. Переход от пассивных форм сотрудничества вузов и работодателей к более тесному и скоординированному сотрудничеству предприятий с университетами и научными организациями нужен для удовлетворения растущей потребности экономики в новых навыках и квалификациях работников [7]. Такое сотрудничество служит залогом адекватной передачи знаний и формирования у обучающихся тех компетенций, что будут востребованы в будущем работодателями.

Список литературы

1. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М., Экономика, 2011. 446 с.
2. Тевикян А. Реформы в процессе перехода к рынку // 21 век: информационно-аналитический журнал. 2014. 3(32). С. 5-35.
3. Студент-2012: материалы шестого этапа социологического мониторинга. Екатеринбург, 2012. 332 с.
4. Банникова Л.Н. Социальная сущность маркетинга: методология социологического анализа. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. 259 с.
5. Долгин А.Б. Экономика символического обмена. М: Инфра-М. 2006. 632 с.
6. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения 26.06.2017).

7. Лейбович А.Н. Государственно-частное партнёрство в системе профессионального образования. Режим доступа: http://www.akvobr.ru/ (дата обращения 25.06.2017).

PREVENTION OF PSYCHOSOCIAL EMERGENT RISKS IN SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ НА МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Francisco Jose Diaz Bretones
University of Granada, Spain
I.S. Leonova
Lobachevsky University
Франсиско Жозе Диаз Бретонес
Университет Гранады, Испания
И.С. Леонова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

According to OSHA (2014), psychosocial risks “refers to the likelihood that certain aspects of work design and the organization and management of work, and their social contexts, may lead to negative physical, psychological and social outcomes” (OSHA, 2014, p. 10). Within these aspects, we find that psychosocial risks are related to the job content (e.g. type of task), workload and work pace (e.g. working at very high speed), work schedule (e.g. shifts), job control (e.g. level of autonomy), or interpersonal relationships at work (e.g. lack of social support).
Portugal, Spain, Italy, and Greece are facing the biggest consequences of the economic crisis and represent the appropriate countries to address with regard to psychosocial risks. Not surprisingly, psychosocial risks are exacerbated by the ongoing economic crisis in Europe, and there is a need to support the SMEs that play an important role in the economy of these countries.

Согласно данным Управления по охране труда OSHA (2014), психосоциальные риски «относятся к вероятности того, что определенные аспекты рабочего процесса, организация и управление трудовой деятельностью, социальный контекст этих элементов могут привести к отрицательным физическим, психологическим и социальным последствиям». В этих аспектах трудовой деятельности мы обнаруживаем, что психосоциальные риски связаны с содержанием работы (например, типом задачи), рабочей нагрузкой и рабочими темпами (например, работа на очень высокой скорости), рабочим графиком (например, сменами), контролем за работой (например, уровнем автономии) или межличностные отношения на работе (например, отсутствие социальной поддержки). Португалия, Испания, Италия и Греция сталкиваются с серьезными последствиями экономического кризиса и подходят для исследования феномена психосоциальных рисков. Неудивительно, что они

усугубляются продолжающимся экономическим кризисом в Европе, и существует необходимость в поддержке малых и средних предприятий, играющих важную роль в экономике этих стран.

Ключевые слова: психосоциальный риск, оценка рисков, предотвращение рисков, выгоды от предупреждения рисков

Keywords: psychosocial risk, risk assessment, prevention of risks, risk prevention benefits

According to OSHA (2014), psychosocial risks "refers to the likelihood that certain aspects of work design and the organization and management of work, and their social contexts, may lead to negative physical, psychological and social outcomes" (OSHA, 2014, p. 10). Within these aspects, we find that psychosocial risks are related to the job content (e.g. type of task), workload and work pace (e.g. working at very high speed), work schedule (e.g. shifts), job control (e.g. level of autonomy), or interpersonal relationships at work (e.g. lack of social support).
Portugal, Spain, Italy, and Greece are facing the biggest consequences of the economic crisis and represent the appropriate countries to address with regard to psychosocial risks. Not surprisingly, psychosocial risks are exacerbated by the ongoing economic crisis in Europe, and there is a need to support the SMEs that play an important role in the economy of these countries.

The present project intended to contribute to the promotion of knowledge dissemination and to support the development of preventive actions. Social dialogue with different formal stakeholders was one of the touchstones of the project: workers' representatives and committees, health and safety personnel, unions, management or other organizational leaders. The project had four main objectives: (1) to summarize the existing scientific knowledge, policies about psychosocial emergent risks prevention, and mapping SMEs knowledge about these risks; (2) to characterize the best practices in emergent psychosocial risks management and to identify the difficulties/obstacles to implement good preventive practices in SMEs; (3) to organize a workshop with stakeholders to disseminate knowledge and define an action plan for helping SMEs in the prevention of psychosocial emergent risks, and (4) to present an informative toolkit with practices that can be implemented by SMEs to help them to prevent the emergent psychosocial risks.

The project included a first qualitative phase, where information was gathered from relevant stakeholders. Next, a survey was presented to health and safety technicians of SMEs, worker representatives and to organizations that provide external health and safety services. With this information, four workshops were organized (one in each country) and the structure and content of the toolkit was developed.

Qualitative study

We conducted individual semi-structured interviews and focus groups in all the countries involving different stakeholders. The interview guides were developed considering PRIMA-EF, ESNER and following Langenha, Leka, and Jain (2013) and Leka and colleagues (Leka, & Cox, 2008; Leka, & Jain, 2010) work. General guidelines were established for focus groups, covering its duration, composition and procedures. Data was analyzed through content analysis. In Spain, no focus groups were conducted due to the great difficulty of gathering participants.

In Greece, participants reported that there was limited awareness with regard to psychosocial risks. They stressed the importance of written guidelines on prevention and intervention, as well as the necessity of adapting the law to include at least the obligation of psychosocial risks assessment as part of the established health and safety assessment. The Italian participants highlighted the gap between policies and practices, due to a lack of information and regulatory frameworks on the management of psychosocial risks. Education and training were recognized as a key tool to promote awareness of psychosocial risks, namely on the relationship between psychosocial risks and absenteeism. In Portugal, although almost interviewees recognized the relevance of this topic for individuals, companies and society, the assessment, management and prevention of psychosocial risks is still unusual, particularly in SMEs. In general, participants stressed the importance of disseminating concrete examples of good practices. Finally, Spanish participants considered that work intensification, the use of new technologies, the increased flexibility, competitiveness, and job insecurity, all affect worker health and welfare. They frequently mentioned the need for the social and psychological support of their co-workers for the mitigation of the negative effects of psychosocial risks on heath.

Survey

The main goal of the survey was to determine the SMEs' perspective about emergent psychosocial risks, difficulties and concerns related to its prevention. It also aimed to assess their knowledge and existing practices regarding psychosocial risks prevention.

The research team decided to develop two different but related surveys, one directed to SME safety and health technicians and workers representatives and another directed at organizations that provide services related to safety and health to SMEs. Both surveys were distributed in all the countries. To increase participation, the surveys were accessible either in an online format or as a paper copy.

The surveys were based on the EU-OSHA's European survey of enterprises on new and emerging risks (ESENER) and on the European Framework for psychosocial risk management (PRIMA). The use of validated instruments facilitates the comparison of results of this project with those produced in other studies and reports.

We also introduced some questions that emerged from the analysis of the interviews and focus groups. Most of the items were measured with 7 points rating-scales (e.g. from not important (1) to extremely important (7), or from never (1) to always (7)).

The number of respondents was modest in all four countries for both surveys. It is likely that SMEs are not used to participating in research projects, and probably even less concerning health and safety issues. In this paper, we present the results from survey 1.

Only in Spain the majority of SMEs (57.7%) reported having specific policies, management systems, or action plans on psychosocial risks, with all countries mentioning that health and safety issues are rarely raised in senior management meetings. In Greece, Portugal and Spain one third of the SMEs reported having psychosocial risks assessment; while it is noteworthy that in Italy all the SMEs are already conducting psychosocial risks assessments. The lack of awareness about the importance of psychosocial risks is one of the main reason for the lack of assessment in Portugal (M = 4.33), Greece (M = 4.31) and Spain (M = 4.39). For Italy, the main obstacles to risk assessment are the fact that they are too time consuming or expensive (M = 4.87) and the unavailability of financial resources (M = 4.93). The fulfillment of the legal obligations is the main reason for Portugal (M = 5.58), Italy (M = 5.20) and Spain (M = 5.73) to tackle psychological risks. For Greece the main reasons are economic or performance related (M = 5.31), requirements from clients or concern about the organization's reputation (M = 5.15). The number of measures implemented to deal with psychosocial risks is still low in every country. Spain is the country with more formal ways to deal with psychosocial risks with 1/3 of the SME indicating that they have at least one procedure.

In general, participants agree that they need more information to promote risk assessment. With the exception of Italy, contracted health and safety experts were the main source of information, closely followed by the labor inspectorate and in-house health and safety services.

Organizational culture and top management commitment to health and safety risks issues has been recognized as a key factor in the literature (Pidgeon, 1991; Hale, 2000; Silva, 2008; Reader et al., 2015). While health and safety is already an integral part of the management philosophy in most SME's (% of agreement: Portugal = 60.8; Greece = 72.8; Italy = 76.7; Spain = 60.0), the introduction of preventive actions beyond legal requirements still need improvement.

One of the main goals of the project was to build a toolkit to help SMEs in preventing and managing psychosocial risks. We asked participants to indicate what should be part of the toolkit.

Workshops

Four workshops were organized. All of the workshops had a first part consisting of a discussion on psychosocial issues and a second one, for discussing the proposed toolkit, developed by the project's team after the two first project phases (qualitative study and survey).

In Greece, the toolkit was evaluated positively. The participants commented on its clear structure and non academic writing, and the variety and amount of the topics presented. Most participants asked for more good practices to be included in the toolkit. In Italy, the evaluation was also constructive. Participants positively commented on its clear structure and non- specialist language, and the clear division of information for employers, employees and consultants. In Portugal, the overall assessment of the project and toolkit was very good. Participants stressed the need to promote psychosocial risks assessment and to offer training for all hierarchical levels and target groups; the need to give information about good practices and the need to develop several actions that support prevention, ideally offering resources without "costs". Spanish participants expressed the relevance and timeliness of results and the need for further research on these issues in order to realize further prevention strategies and intervention on psychosocial risks in SMEs. They were thankful for the assessment tools and intervention of psychosocial risks.

Toolkit

The final toolkit comprised information about psychosocial risks and identified tools and practices that can be implemented. More specifically, it has information about the risks (i.e., causes and consequences, risk management), available resources (i.e., reliable sites, institutions, training, etc.), prevention benefits, risk assessment instruments and procedures. The toolkits are now available in the project website, in the language of the countries involved in the project as well as in English.

The project revealed a low level of awareness about psychosocial risks, the almost inexistence of risk assessment practices and a lack of resources for investing in its prevention. To facilitate the change in the prevention practices it is critical to develop resources that organizations could easily use at a low cost.

The project has two main contributions: the project website and toolkits that will be still available in the next years; and the dialogue and partnerships developed, involving the universities and stakeholders, that resulted in a solid network that will give an impetus to develop new actions and projects (both national and European).

References

1. Eurofound & EU-OSHA (2014). Psychosocial risks in Europe: Prevalence and strategies for prevention. Luxembourg: Publications Office of the European Union. doi:10.2806/70971.

2. European Agency for Safety and Health at Work (2010). European survey ofeEnterprises on new and emerging risks managing safety. Luxembourg: Publications Office of the European Union. URL: https://osha.europa.eu/en/ publications/report s/esener1_osh_management/view.
3. Hale A. (2000). Culture's confusions. Safety Science, 34(1-3), 1–14.
4. Langenhan M., Leka S., & Jain A. (2013). Psychosocial risks: Is risk management strategic enough in business and policy making? Safety and Health at Work, 4(2), 87-94. doi:10.1016/j.shaw.2013.04.003.
5. Leka S., & Cox T., (2008). The European Framework for psychosocial risk management: PRIMA-EF. Nottingham: I-WHO Publications.
6. Leka S., & Jain A., (2010). Health impact of psychosocial hazards at work: An overview. Geneva: WHO.
7. Pidgeon N.F. (1991). Safety culture and risk management in organizations. Journal of Cross- Cultural Psychology, 22(1), 129-140.
8. Reader T.W., Noort M.C., Shorrock S., & Kirwan B. (2015). Safety sans frontières: An international safety culture model. Risk Analysis: An International Journal, 35(5), 770-789. doi:10.1111/risa.12327/
9. Silva S. (2008). Culturas de segurança e prevenção de acidentes de trabalho numa abordagem psicossocial: Valores organizacionais declarados e em uso [Safety cultures and work accidents prevention in a psychosocial approach: Organizational values espoused and in practice]. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian.

РЕСУРСНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА НАНИЖЕГОРОДСКОМ РЫНКЕ ТРУДА КАК ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

RESOURCING OF GRADUATES OF UNIVERSITY ON THE NIZHNY NOVGOROD LABOR MARKET AS A HUMAN POTENTIAL INDICATOR IN THE INNOVATIVE ECONOMY

Г.Л. Воронин, И.А. Анисимова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
G.L. Voronin, I.A. Anisimova
Lobachevsky University

Представлен авторский социологический подход к концепту «ресурсность выпускника вуза», разработанный на основе социологического исследования «Высшее университетское (классическое) образование: мотивы получения и применения на рынке труда». Приводится анализ ресурсности выпускников ННГУ на нижегородском рынке труда.

The article presents the author's sociological approach to the concept of "resourcing of a graduate of a university", developed on the basis of a sociological survey "Higher university (classical) education: motives for obtaining and applying

on the labor market." An analysis is given of the resource availability of graduates of the UNN in the Nizhny Novgorod labor market.

Ключевые слова: ресурсность личности, профессиональные компетенции, профессиональная самореализация, профессиональная мотивация, профессиональная идентичность, социальное взаимодействие, трудоустройство, инновационная экономика

Keywords: resource personality, professional competencies, professional self-realization, professional motivation, professional identity, social interaction, employment, innovative economy

Институционализация рынка труда, осуществлявшаяся на протяжении 20 лет в России, вышла на рубеж, который характеризуется формированием четких критериев входа и профессиональной социальной мобильности. Изучение этих критериев имеет практическое значение и представляет интерес для социологии труда, неравенства, экономической социологии.

Исследования нижегородского рынка труда показывают, что для выпускников классического вуза лифтом профессиональной социальной мобильности является комплекс взаимосвязанных характеристик, учитывающихся работодателем в процессе трудоустройства и определяющих уровень и качество профессионального статуса. К таким характеристикам относятся: опыт работы, профессиональные компетенции, профессиональная мотивация, способность и качество социального взаимодействия, в частности в будущем коллективе. Это описывает ресурсность выпускника вуза на рынке труда, т.е. способность к успешной профессиональной самореализации для достижения значимого социально-профессионального статуса и созидательного инновационного влияния на деятельность организации работодателя.

Ресурсность выпускника вуза на рынке труда показывает, насколько быстро и успешно молодой специалист может приступить к профессиональной самореализации, каковы будут показатели социальной профессиональной мобильности, а также, какой вклад он может внести в развитие организации и (или) предприятие работодателя и профессиональной сферы (отрасли), в целом.

Данный показатель не акцентирует внимания на качестве образования, полагая, что современная система ФГОС обеспечивает требуемый экономикой базовый уровень владения профессиональными знаниями и умениями.

Ресурсность выпускников вуза на нижегородском рынке труда является социологическим концептом, который находится в процессе конструирования и уточнения и был выявлен авторами И.А. Анисимовой и Г.Л. Ворониным в ходе социологического исследования «Высшее университетское (классическое) образование: мотивы получения и применения на рынке труда» (апрель-май

2016 г.). Была получена социологическая информация от 1600 студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского 2, 3, 4 курсов бакалавриата и 1 курса магистратуры. В ходе исследования была применена квотная выборка с учетом факультета, специальности и курса обучающихся. Цель исследования – выявление основных типов экономической активности студентов при подготовке к вступлению на рынок труда. Обработка и анализ данных осуществлялись с использованием программы IBM SPSS Statistics v21.0.0.

Опыт работы – стержень ресурсности выпускников ННГУ на рынке труда. Опытом работы с возможностью заработка обладают 80.2% старшекурсников ННГУ, при этом 46% из них продолжают работать в постоянном режиме (42% официально трудоустроены). Работа в большинстве случаев либо полностью, либо свыше половины замещает учебное время, а как следствие – процесс получения профессиональных знаний. Каждый четвертый работающий студент работает 5 дней в неделю. Каждый второй занят на рабочем месте от 2 до 4-х дней. Большинство студентов работает свыше 6 часов в день, из них – 16.8% более 8 часов в день. Такая картина свойственна в основном гуманитарным и социально-экономическим факультетам.

Максимальное число трудоустроенных во время обучения в университете студентов реализует личностный и профессиональный потенциал в сфере торговли (31.9%) и образования (24.3%). Это говорит о том, что данные сферы максимально открыты для молодых специалистов, зачастую не обладающих профессионально-практическим опытом, с одной стороны, а также испытывают колоссальный кадровый голод – с другой. В этих сферах, как правило, у студентов развиваются компетенции сервисности, клиентоориентированности, качества прагматичности, умения объяснять, структурировать и систематизировать информацию.

Также студентам ННГУ удается найти возможности для первичной профессиональной реализации в сфере отдыха и развлечений (16.3%) и рекламно-маркетинговом направлении (14.5%). В этих сферах возможно развитие творческих, нестандартных подходов к обеспечению производственных задач, планирование и стратегическое мышление, сервисность и клиентоориентированность.

Максимально выраженными профессиональными компетенциями выпускников ННГУ являются лидерство, анализ и структурирование информации, организация и планирование работы. Менее выражены: работа в команде, коммуникабельность, ориентация на результат и системно-стратегическое мышление. Слабо проявляются инициативность, гибкость, инновационность, клиентоориентированность, способность к изменениям.

Компетентностная модель студентов ННГУ отличается от модели, востребованной на рынке труда, с приоритетами в инновационности, инициативности, умении работать в команде. Поэтому требуется комплексный подход в развитии профессиональных компетенций выпускников ННГУ как на уровне общеуниверситетских, так и факультетских/ институтских системно-методических организованных мероприятий.

Социальное взаимодействие – сильный компонент в ресурсности выпускников ННГУ, который характеризуется уважением к людям (Возлюби ближнего своего, как самого себя – 80.4%; человек человеку друг, товарищ и брат – 80.5%), поиском (Просите, и дано будет вам, ищите и найдете, стучите и отворят – 82.6%) и добром (Худо тому, кто добра не делает никому – 85.2%). Максимальная выраженность таких характеристик социального взаимодействия говорит о глубинных ценностях конструктивного, равного, спокойного, миролюбивого и созидающего диалога, сформированных у большинства студентов ННГУ. Такой духовный фундамент может быть продуктивным для компетентностного развития требуемых в инновационной экономике деловых качеств: инновационность, умение работать в команде, инициативность.

Мотивация профессиональной самореализации студентов ННГУ проявляется неравномерно по факультетам и институтам, но в целом может быть признана на высоком уровне – свыше 70% старшекурсников планируют трудоустройство по получаемой специальности. Каждый третий категорично настроен на реализацию в выбранном профессиональном направлении, и такое же количество студентов планируют к этому стремиться.

В целом, изучение ресурсности студентов ННГУ на нижегородском рынке труда показывает средний ее уровень. Профессиональный капитал студентов ННГУ требует развития в аспектах профессиональной идентичности личности и профессиональных компетенций. Сильными сторонами ресурсности выпускников ННГУ являются широко представленный в годы учебы опыт работы и базовые ценности социального взаимодействия, ориентированные на поиск, сотрудничество и взаимоуважение.

КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТЬ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БИЗНЕСА: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ И МЕТОДОЛОГИИ

CUSTOMER FOCUS AS A VECTOR FOR MODERN BUSINESS DEVELOPMENT: THE PROBLEM OF VALUES AND METHODOLOGY

Л.Н. Захарова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
L.N. Zakharova
Lobachevsky University

Дан анализ современного состояния готовности персонала российских организаций к реализации клиентоориентированности как бизнес-технологии. Показано, что социально-психологическими барьерами ее становления в современной России являются дефицит ценности человека, инновационности и креативности, а также дореформенная организационная культура. Предложен подход к развитию клиентоориентированности компании и сопряженная методика ее диагностики.

The analysis of the current state of readiness of Russian companies stuff to implement the customer focus business technologies is presented. The main socio-psychological barriers of custom er focus technologies introduction are reveled. These include pre-reform (hierarchy and clan) organizational culture and as a result the lack of client values, the deficit of innovation and creativity. Practical recommendations and a technique for company client-orientation diagnostics are offered.

Keywords: client, personnel, satisfaction, values, organizational culture, business technology, developing potential, diagnostics

Ключевые слова: клиент, персонал, потребности, удовлетворенность, ценности, организационная культура, бизнес-технология, развивающий потенциал, диагностика

Низкий уровень клиентоориентированности (КО) персонала многих российских предприятий и организаций не только хорошо известен потребителям товаров и услуг, но и неоднократно отмечен на самых высоких уровнях государственного управления [1]. В условиях рыночной экономики ориентация на клиента – неотъемлемый элемент деятельности компании [2]. Именно клиент является источником прибыли фирмы, поэтому, чтобы оставаться жизнеспособной, любая фирма должна фокусироваться на потребностях своих клиентов. В условиях экономического спада и кризиса роль КО возрастает, поскольку снижается платежеспособный спрос, и привлечение, а затем и удержание клиентов становится постоянной задачей бизнеса.

С психологической точки зрения, недостаточная КО, распространяющаяся не только на внешних, но и внутренних клиентов, имеет основе две основных детерминанты. Первая – это невысокая ценность человека как личности, обладающей широкими правами и богатым комплексом потребностей. Массовым является убеждение, что потребитель товаров и услуг озабочен только ценой услуги и является, по меньшей мере, человеком с несопоставимо более низким интеллектом, чем тот, кто товар или услугу предлагает. Вторая проявляется в сохранении дореформенных типов организационной культуры российских предприятий и организаций. Характерный для большинства тип иерархически-клановой или кланово-иерархической организационной культуры сложился в эпоху командно-административной экономики, ценностную основу которого составляют ценности исполнительности и поддержания хороших отношений внутри персонала. Он сопровождался тотальным дефицитом, психологически освобождающим от заботы о клиенте, порождающей у него чувство удовлетворенности, которое и является критерием КО.

Современные успешные компании, как показывают исследования, смогли сформировать у себя организационную культуру рыночно-инновационного типа, ориентирующую персонал на внутреннюю конкуренцию и гибкость подходов в достижении удовлетворенности клиентов [3; 4].

Тем не менее, современные компании с устаревшей моделью организационной культуры вряд ли признают себя не ориентированными на клиента. Менеджмент требует от персонала исполнительского звена вежливого обращения с клиентами, и даже нередко проводятся опросы среди клиентов, довольны ли они, например, обслуживанием, качеством товаров и пр. Однако, здесь уместно обратить внимание на то, что КО выступает обычно не как бизнес-технология со своими целями, средствами и спецификой обратной связи, а как требование демонстрации внимательного отношения к клиенту в лучшем случае с затертым лозунгом «клиент всегда прав» и использованием «золотого» правила общения: «обращайся с другим так, как ты бы хотел, чтобы обращались с тобой». В этом случае, как бы это ни показалось странным, на первое место выходит опять ценность не клиента, а персонала.

Бизнес-технология КО предполагает, с одной стороны, реализацию принципа «клиент не всегда прав, поскольку, возможно, не знает всего того, что он может захотеть и получить в данной компании», с другой – использование «платинового» правила общения: «поступай с другим так, как он бы хотел, чтобы с ним поступали». Становится понятным, насколько сложно подготовить персонал, который способен осуществлять не провозглашаемый, а реальный индивидуальный подход к клиентам, и насколько важна соответствующая организационная культура, инновационный компонент которой заставляет находиться в поиске, а рыночный – делать лучше, чем другие.

Возникает вопрос, какие ресурсы имеет менеджмент компании, желающей стать реально клиентоориетированной. Эти ресурсы содержатся в ценностной методологии, основной тезис которой состоит в том, что ценности являются предикторами поведения и на уровне отдельного человека [5; 6], когда речь идет об индивидуальных ценностях, и на уровне организации в целом [7], когда имеют в виду организационные ценности персонала, фиксирующиеся в организационной культуре.

Первое: развитие у персонала умений тонкой социально-психологической перцепции. Понимание другого человека создает основу его принятия и налаживания продуктивного взаимодействия. Технологии с использованием современных аппаратурных методов выявления скрытой мотивации и основных эмоций (FaceReader и др.) позволяют сделать тренинги высоко эффективными.

Второе: развитие у персонала ценности клиента. Независимо от характеристик начала взаимодействия персонал компании должен добиться того, чтобы клиент завершил это взаимодействие в более позитивном, удовлетворенном состоянии, как после посещения хорошего психотерапевта (платиновое правило взаимодействия).

Третье: налаживание содержательной обратной связи об уровне удовлетворенности клиентов, получаемой по персоналиям и (или) по компании в целом от самих клиентов, приглашенных экспертов, участников фокус-групп. Полученную информацию можно успешно использовать в системе корпоративного обучения, например, в тренингах социально-психологической перцепции и взаимодействия с клиентом.

Хорошо зарекомендовала себя авторская методика сопряженной оценки КО компании, построенная на идеях потребностной теории А. Маслоу и предполагающая качественный и количественный анализ данных. Ее смысл состоит в соотнесении общих и содержательных оценок КО персонала и удовлетворенности клиентов.

Методика сопряженной оценки клиентоориентированности компании

Этап 1. Каждый сотрудник (ключевые сотрудники) компании заполняет последовательно две следующие таблицы

№	**Элементы шкалы клиенториентированности**	Баллы					
		0	+1	+2	+3	+4	+5
1	Наша компания ценит наших клиентов (покупателей)						
2	Мы стремимся обеспечивать наших клиентов лучшими товарами и высоким уровнем обслуживания						
3	Мы хорошо понимаем потребности наших клиентов						
4	Мы знаем, что нужно делать еще для повышения удовлетворенности клиентов						
5	Мы регулярно отслеживаем уровень удовлетворенности наших клиентов						

№	**Элементы шкалы клиенториентированности**	Развернутый ответ	Оценка ответа в баллах (0-5)
1	Наша компания ценит наших клиентов (покупателей). Это выражается в следующем:		
2	Мы стремимся обеспечивать наших клиентов лучшими товарами и высоким уровнем обслуживания, который проявляется…		
3	Мы хорошо понимаем потребности наших клиентов. Это:		
4	У компании есть конкретные цели по повышению удовлетворенности клиентов:		
5	Мы регулярно отслеживаем уровень удовлетворенности наших клиентов следующим образом:		

Этап 2. Клиенты (эксперты, участники фокус-группы) заполняют последовательно следующие две таблицы

№	**Элементы шкалы клиенториентированности**	Баллы					
		0	+1	+2	+3	+4	+5
1	Эта компания ценит нас как своих клиентов (покупателей)						
2	Эта компания стремится обеспечивать нас, своих клиентов, лучшими товарами и высоким уровнем обслуживания						
3	Эта компания хорошо понимает наши потребности						
4	Мы чувствуем, что компания знает, что нужно делать еще для повышения качества обслуживания своих клиентов						
5	Эта компания регулярно отслеживает уровень того, насколько мы довольны ее работой						

№	**Элементы шкалы клиенториентированности**	Развернутый ответ	Оценка ответа в баллах (0-5)
1	Эта компания ценит нас как своих клиентов (покупателей). Это выражается в следующем:		
2	Эта компания стремится обеспечивать нас, своих клиентов, лучшими товарами и высоким уровнем обслуживания. Это:		
3	Эта компания хорошо понимает наши потребности. Это:		
4	Мы чувствуем, что компания знает, что нужно делать еще для повышения качества обслуживания своих клиентов:		
5	Эта компания регулярно отслеживает уровень того, насколько мы довольны ее работой, следующим образом:		

Пункт 3 дает возможность собрать богатый материал о потребностях клиентов и может быть при необходимости наполнен вопросами в соответствии с их детализацией. Методика позволяет определить ориентированность персонала на удовлетворение потребностей каждого уровня и реальную их

удовлетворенность у клиентов. При необходимости можно разрабатывать более детализированные шкалы по любому типу потребностей.

Список литературы

1. Медведев назвал качество сервиса в Крыму «даже не российским». Режим доступа: http://www.forbes.ru/news/289557-medvedev-nazval-kachestvo-servisa-v-krymu-dazhe-ne-rossiiskim.
2. Kohli A., Jaworski J. Market Orientation: Antecedents and Consequences // Journal of Marketing, 1993. Vol. 57, July. P. 53-70.
3. Захарова Л.Н.. Примак А.И. Бизнес заботы: организационная культура и социально-психологический потенциал развития предприятий // Вестник ННГУ. 2010. №. 5. С. 388-395.
4. Козлов А.П., Махалин А.И. Ценностное регулирование клиентоориентированности (на примере медицинских организаций скорой помощи) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2017. № 1. С. 132-139.
5. Здравомыслов Л.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 224 с.
6. Schwartz S.H., Bardi A.Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. P. 268-290.
7. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 310 с.

СОКРАЩЕНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

REDUCTION OF WORKING TIME AS A PRECONDITION OF THE RETIREMENT AGE INCREASE

А.В. Золотов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.V. Zolotov
Lobachevsky University

Установлено, что в Германии и Франции работники, выходящие на пенсию после повышения пенсионного возраста, отработают за трудовую жизнь в среднем меньше часов, чем работники, предшествующей возрастной когорты. В России же предлагаемая пенсионная реформа сопряжена с увеличением количества часов, отрабатываемых за трудовую жизнь.

It is stated that in France and Germany workers, who will retire after the retirement age increase, will work less hours during the working life than workers of

the previous age cohort. In Russia the reform connected with the increase of retirement age, will lead to the increase of general number of hours worked during the working life.

Ключевые слова: сокращение рабочего времени, пенсионный возраст
Keywords: working time reduction, retirement age

Проблема повышения пенсионного возраста является одной из самых обсуждаемых в российском обществе. Необходимость такого повышения аргументируется сокращением доли трудоспособных в общей численности населения при увеличении продолжительности жизни как процессов, характерных не только для экономически развитых стран, но и для России [1].

В научной литературе приводятся доводы, ставящие под сомнение правомерность отождествления демографической ситуации в России с аналогичной в развитых странах. Так, отмечается, что фактическое старение в нашей стране наступает в более раннем возрасте, чем в последних [2]. Следовательно, ориентация на верхнюю границу трудового стажа в развитых странах при установлении пенсионного возраста в России была бы некорректной с позиций демографии. Можно показать, что подобная ориентация неправомерна и с экономической точки зрения.

Во всех экономически развитых странах в рамках последних 100-130 лет прослеживается закономерность сокращения рабочего времени работников в сочетании с повышением их зарплаты. Такое сокращение происходило, прежде всего, в форме уменьшения продолжительности рабочего дня, увеличения количества выходных и праздничных дней, роста продолжительности оплачиваемых отпусков, что обусловливало снижение величины среднего количества часов, отработанных за год в расчете на одного работника. Отмечалась и еще одна форма сокращения рабочего времени – связанная с понижением возраста выхода на пенсию [3].

С начала 2000-х гг. наблюдается тенденция к увеличению среднего возраста выхода на пенсию, что, казалось бы, противоречит анализируемой закономерности. Между тем, адекватным измерителем продолжительности трудового стажа является не количество лет, а суммарное число часов, отработанных за трудовую жизнь. Так, например, трудовая жизнь рабов Древнего Рима составляла приблизительно 15 лет [4], что в три раза меньше трудового стажа современных европейских работников. Однако при ежедневном труде по 14-16 часов рабы отрабатывали за эти 15 лет больше времени, чем современные немецкие и французские работники за 40-45 лет. Поэтому для определения динамики рабочего времени в условиях повышения

пенсионного возраста необходимо ориентироваться, прежде всего, на изменение величины отработанных часов.

У работника – одна трудовая жизнь, так что говорить об изменении общего количества отработанных часов применительно к одному и тому же работнику было бы неоправданно. В расчет следует принимать время, отработанное представителями разных когорт работников: тех, которые вступают в трудовую жизнь в более ранее исторический период, и тех, кто становятся работниками в последующий период.

Для оценки результатов пенсионных реформ можно использовать данные о среднем возрасте выхода на пенсию и о величине отработанного времени работников, вышедших на пенсию в 2001 г., и прогноз аналогичных величин у тех, кто станет пенсионерами в первый год после завершения пенсионной реформы. Выбор 2001 г. обусловлен тем, что этот год приближен к рубежу, начиная с которого средний возраст выхода на пенсию в европейских странах стал повышаться. Предполагается также, что в первый год после завершения пенсионной реформы средний возраст выхода на пенсию будет совпадать с законодательно установленным. Для включения России в подобный анализ будем исходить из предпосылки о повышении планки пенсионного возраста до 63 лет для мужчин и женщин, например, к 2022 г. Можно допустить, что за каждый предстоящий год до завершения пенсионной реформы будет отрабатываться одинаковое среднее количество часов, равное их объему за последний год, представленный в статистике.

По нашим расчетам, в результате пенсионных реформ количество лет трудового стажа в Германии и Франции возрастет на 4,8 года и 2,4 года соответственно, в России – на 5,5 лет [5]. При этом, несмотря на увеличение количества лет трудового стажа, немецкие работники, выходящие на пенсию в первый год по завершении реформы, отработают приблизительно на 9500 часов меньше, чем их предшественники, ставшие пенсионерами в 2001 г. [6]. Во Франции подобное сокращение составит около 8800 часов. В России же пенсионная реформа, проводимая при очерченных выше условиях, повлечет за собой увеличение суммарного количества времени, отрабатываемого работником за трудовую жизнь, на 9500 часов.

Почему в указанных европейских странах повышение пенсионного возраста не противоречит сокращению рабочего времени? Дело в том, что у работников, завершивших трудовую деятельность в 2001 г., и у тех, кому предстоит завершить ее позднее, наряду с периодом, когда эти работники одновременно находились в составе рабочей силы, трудовой стаж включает годы, различающиеся по количеству часов, отработанных в среднем на одного работника. Сравнивая эти годы, следует отметить, что работники, ставшие

пенсионерами раньше, ежегодно отрабатывали больше времени, чем будущие пенсионеры.

Так, в Германии работники первой из указанных групп отработали в период трудового стажа, не пересекающегося со стажем второй группы, 51227 часов. У работников, которым предстоит выйти на пенсию в соответствии с требованиями реформы, подобный период, при сделанных выше предпосылках, будет охватывать 41602 часов. Для Франции соответствующие величины составят 40058 часов и 31190 часов соответственно.

Уменьшение общего количества часов, отработанных за трудовую жизнь, в противовес увеличению количества лет ее продолжительности – результат осуществления в ряде развитых европейских стран на протяжении последних 4-6 десятилетий закономерности сокращения времени, отрабатываемого за год в среднем на одного работника.

В России же в последние пятнадцать лет происходит увеличение количества часов, отрабатываемых за год в среднем на одного работника. Так, в 1990-е гг. это количество, по нашим расчетам, составляло 1930 часов в год, а с 2000 г. по 2016 г. – 1986 часов. В случае повышения пенсионного возраста работники, которые станут пенсионерами в первый год после завершения пенсионной реформы, отработают за трудовую жизнь на 12.8% больше часов, чем их предшественники.

Таким образом, если будет принято решение о повышении возраста выхода на пенсию до 63 лет, то, несмотря на сопоставимый трудовой стаж с европейскими коллегами, российские работники будут отрабатывать в течение трудовой жизни на 21-22% больше часов, чем немецкие и французские. Пенсионная реформа, по видимости ориентированная на использование зарубежного опыта, приведет в России к прямо противоположному эффекту. В Европе современное поколение работников отработает за трудовую жизнь меньшее количество часов, чем предшествующее. Российским работникам в случае повышения пенсионного возраста предстоит отработать значительно больше часов, чем уже вышедшим на пенсию.

Несомненно, осуществимость повышения пенсионного возраста в европейских странах базируется на реализации закономерности сокращения рабочего времени, когда работники последующих возрастных когорт имеют более благоприятные условия для своего развития и сохраняют трудоспособность в течение более длительного периода, чем предшественники. При отказе от предпосылки сокращения рабочего времени повышение пенсионного возраста становится экономически бесперспективным.

Список литературы

1. Иванова М., Балаев А., Гурвич Е. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. №3. 2017. С. 22-39.
2. Вишневский А., Васин С., Рамонов А. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. 2012. № 9. С. 88-109.
3. Леонтьев В. Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1990. 416 с.
4. Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М.: Изд-во МГУ, 1990. 269 с.
5. Рассчитано на основе данных, представленных в: Pensions at a Glance 2013: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing. Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1787/pension_glance-2013-en (дата обращения: 17.04.2017).
6. Рассчитано на основе данных: https://www.conferenceboard.org/data/economydatabase/index. cfm?id=27762 (дата обращения: 18.04.2017).

ЗАЩИЩЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ В СТРУКТУРЕ ФАКТОРОВ ВЫБОРА МЕСТА РАБОТЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПЕРСОНАЛА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ)[1]

HEALTH PROTECTION AMONG THE FACTORS OF CHOOSING PLACE OF WORK (ON THE RESULTS OF SURVEY AT THE INDUSTRIAL ENTERPRISE)

Н.А. Лебедева-Несевря
Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, г. Пермь
С.С. Соловьев
Пермский государственный национальный исследовательский университет
N.A. Lebedeva-Nesevria
Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm
S.S. Solov'ev
Perm State National

По результатам раздаточного анкетирования на промышленном предприятии г. Перми (N=129, 2016 г.) установлено, что возможности здоровьесбережения не являются для производственного персонала определяющими при выборе места работы. Защищенность здоровья выражается для работников в наличии на предприятии благоприятных социально-

[1] Подготовлено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (проект МД-281.2017.6).

психологических условий – гарантированной занятости, отсутствия угрозы увольнения и хороших отношений в коллективе.

The importance of economical and health care factors in choosing of place of work was analyzed according the results of survey at industrial enterprise (Perm, 2016, N=219). It was proved that the ability to save their health was the main factor for 43% of workers. While seeking the new place of work only 19% of workers would pay attention in a first place for health protection. Health protection is perceived by the respondents as a protection of mental health mainly.

Ключевые слова: здоровье работающих, производственный персонал, охрана труда, выбор места работы

Keywords: health, industrial workers, occupational safety, choosing of place of work

Актуальность. Задача сохранения и укрепления здоровья работников, в т.ч. занятых на промышленных предприятиях России, требует не только действий работодателя в сфере охраны труда (обеспечения его безопасности, разработки мероприятий по формированию здорового образа жизни), но и активного включения персонала в здоровьесберегающие практики [1]. Инструментальный подход к здоровью, готовность «жертвовать» им ради материальных выгод, реализация работниками рискогенного поведения в сфере здоровья снижают качество трудового потенциала не в меньшей степени, чем безответственность администрации предприятия в области управления здоровьем [2]. В этой связи важным представляется понимание структуры мотивов работников при выборе занятости во вредных условиях труда. Ответ на вопрос, ориентируются ли граждане при поиске места работы на возможности сохранять и укреплять свое здоровье, насколько значим для них риск ухудшения здоровья по сравнению с перспективной карьерного роста или высокой оплатой труда, поможет выстроить эффективную стратегию управления здоровьем работников в условиях промышленного предприятия.

Цель. Определить место фактора «защищенность здоровья» в структуре факторов выбора места работы производственным персоналом, занятым во вредных условиях труда на промышленном предприятии.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования выступили результаты формализованного опроса (раздаточное анкетирование на рабочем месте) работников, занятых во вредных условиях труда на промышленном предприятии (производство фторполимерной продукции) г. Перми (2016 г.). Объем выборочной совокупности – 129 человек. Способ отбора респондентов – целевой (критерий отбора – занятость во вредных условиях труда).

Результаты опроса обрабатывались с помощью пакета SPSS. На первом этапе была установлена субъективная значимость шести параметров, влияющих

а) на выбор работниками нынешнего места работы, б) на выбор будущего места работы при его возможной смене. На втором этапе был осуществлен факторный анализ, позволивший выделить обобщенные факторы выбора места работы. На третьем этапе был реализован кластерный анализ (метод k-средних) с целью выделения групп респондентов, отдающих приоритет различным факторам при выборе места работы.

Результаты и их обсуждение. Как показал анализ результатов опроса, важнейшими параметрами при выборе существующего места работы для респондентов являлись: а) перспектива карьерного роста (средняя значимость – 1,72 пункта по 3-балльной шкале); б) состав трудового коллектива (средняя значимость – 1,46). При смене места работы, по мнению опрошенных, следует ориентироваться на: а) перспективы карьерного роста (средняя значимость – 2,0); б) состав трудового коллектива (средняя значимость – 1,88); в) гарантии занятости, защиту от увольнения (средняя значимость – 1,68, изменение по сравнению со значимостью при выборе нынешнего места работы – (+)0,37).

Безопасность условий труда оценивалась респондентами как средне значимый параметр (1,28 при выборе настоящего места работы и 1,6 – при смене), равно как и льготы и гарантии в связи с условиями труда (1,31 и 1,45).

По результатам факторного анализа (метод главных компонент с вращением) было создано две факторные модели параметров, значимых при выборе места работы (Табл. 1).

Таблица 1

Факторизация параметров при выборе настоящего и будущего места работы

Факторизация параметров при выборе настоящего места работы			
Факторы		Параметры выбора места работы	Значения факторных нагрузок
F1	Экономическая защищенность	Уровень оплаты труда	0,676
		Перспективы карьерного роста	0,653
		Льготы и гарантии в связи с условиями труда	0,848
F2	Защищенность здоровья	Безопасность условий труда	0,613
		Гарантия занятости, защита от увольнения	0,676
		Состав трудового коллектива	0,853
Факторизация параметров при выборе будущего места работы			
F1	Экономическая защищенность	Перспективы карьерного роста	0,864
		Льготы и гарантии в связи с условиями труда	0,700
F2	Защищенность здоровья	Безопасность условий труда	0,775
		Гарантия занятости, защита от увольнения	0,741
		Состав трудового коллектива	0,795

В первой факторной модели фактор F1, «экономическая защищенность», характеризовался уровнем оплаты труда и льготами и компенсациями,

положенными работнику за труд в неблагоприятных условиях. Во второй модели фактор F1 определялся уже перспективой карьерного роста с последующим улучшением материального положения и льготами, гарантиями, компенсациями.

Второй фактор F2, «защищенность здоровья», для обеих моделей состоял из параметров, определяющих сохранение физического (безопасность условий труда) и психического (эмоционального) здоровья (гарантия занятости, защита от увольнения и характеристики коллектива).

Кластерный анализ позволил выделить группы работников по критерию значимости указанных факторов: а) при выборе настоящего места работы, б) при поиске нового места работы.

Первый кластер включил респондентов, ориентировавшихся *при выборе настоящего места работы* на фактор экономической защищенности (25.7% выборки). Во второй кластер вошли работники, отдавшие приоритет фактору защищенности здоровья (43.6%). Речь идет, в первую очередь, о психическом здоровье, зависящем от качества отношений в трудовом коллективе, наличия/отсутствия конфликтов. Третий кластер составили респонденты, для которых оба фактора (и F1, и F2) были значимыми (30.7%).

При поиске работы в будущем предпочтения фактору экономической защищенности отдали 34.3% опрошенных, фактору защищенности здоровья – 19.2%, обоим факторам в равной степени – 3% работников. Достаточно многочисленную группу (43.4%) составили работники, для которых ни один из выделенных факторов не играл бы принципиальной роли при поиске нового места работы. Данный кластер представлен преимущественно холостыми молодыми мужчинами со средним уровнем дохода, без детей.

Кросстабуляционный анализ показал наличие достоверных статистических связей между значимостью параметров места работы и желанием его смены (коэффициент Спирмена = 0,31 при p=0,04). Установлено, что респонденты, считающие значимым параметром защищенность здоровья, чаще выражают желание сменить место работы (в 47.4% случаев), чем ориентирующиеся на фактор экономической защищенности (хотели бы сменить работу в 17.6% случаев).

При ответе на вопрос, *«Готовы ли вы получать меньшую зарплату, но быть уверенным, что профессионального риска здоровью нет, или он минимален?»*, превалирующая часть работников всех типов выразили убедительный отказ. При этом среди респондентов с приоритетом защищенности здоровья максимальное количество работников, по сравнению со всеми кластерами, затруднились ответить на поставленный вопрос (42.1%).

Выводы. Исследование позволило выявить противоречие между высокой значимостью фактора защищенности здоровья при выборе настоящего места работы для 43.6% опрошенных и фактом их занятости во вредных условиях труда. Данное противоречие может объясняться доминантой внимания работников не к соматическому здоровью (на которое вредные производственные факторы и оказывают воздействие), а к психическому. Было выявлено, что лишь для пятой части респондентов защищенность здоровья способна выступить приоритетным фактором при поиске новой работы.

Список литературы

1. Буланов В.Е. Значимость здорового образа жизни для работников производственной сферы в современных условиях // Социальные аспекты здоровья населения. 2015. №1. Режим доступа: http://vestnik.mednet.ru/content/view/655/30/lang,ru/ (дата обращения: 12.09.2017).
2. Плотникова Е.Б, Барг А.О., Маркова Ю.С. Коммуникация профессиональных рисков на промышленных предприятиях (анализ на примере Пермского края) // Анализ риска здоровью. 2015. №4(12). С. 97-104.

WORK FIRST: ЗАНЯТОСТЬ И НЕЗАНЯТОСТЬ ПОЖИЛЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

WORK FIRST: EMPLOYMENT AND UNEMPLOYMENT OF THE ELDERLY IN MODERN RUSSIA[2]

И.Л. Сизова
Санкт-Петербургский государственный университет;
Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО)
I.L. Sizova
Saint Petersburg University;
ITMO University

Рассматриваются вопросы реального участия и активизации занятости пожилых лиц в России. В заключении дискутируются вопросы об изменении политики государства в отношении занятости пожилых и повышении пенсионного возраста в стране.

The issues of real participation and activation of employment of elderly people in Russia are considered. The conclusion discusses the issues of changing the state

[1] Исследование выполнено в Университете ИТМО на средства гранта РНФ (проект №14-18-03434: «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии»).
[2] The study was performed with financial support by the grant from the Russian Science Foundation (project №14-18-03434): “Models of the interaction between society and the elderly: a study of opportunities for the social inclusion”.

policy regarding the employment of the elderly and raising the retirement age in the country

Ключевые слова: Занятость, незанятость, рынок труда, пожилые, активная старость, старение, реформы, возраст выхода на пенсию

Keywords: employment, unemployment, labour market, the elderly, active old age, aging, reforms, the age of retirement

В настоящее время активно дискутируется тема активной старости. Предписываемые ей функции чрезвычайно широки. Помимо помощи семье и общественных забот, дискутируется вопрос о продолжительной профессиональной деятельности [1]. Причины пересмотра позиции в отношении старения и занятости не однозначны. С одной стороны, существуют рациональные соображения: даже в самых благополучных странах социальные страховые системы с трудом справляются с растущими объемами обязательств, что ведет к обвинению пожилых в эгоизме и «проедании будущего» [2]. С другой стороны, на международном уровне к пожилым уже утвердился гуманистический «подход развития», сменивший «подход заботы». Новый подход предполагает, что государственная политика обеспечивает участие пожилых во всех сферах жизни общества [3].

В общем виде речь идет об отказе восприятия старости в качестве периода покоя, старшие поколения рассматриваются, скорее, как динамические образования, а поколенная идентичность конструируется и модифицируется в локальных условиях, является культурно обусловленной [4; 5].

Обозначенные дискуссии меняют соотношение между старостью, покоем и работой. Покой как длительный, самостоятельный и полноценный период жизни испытывает натиск со стороны мира труда.

В проведенном авторском исследовании данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (RLMS), трудовая жизнь пожилых лиц изучалась на основании репрезентативной выборки 24 волны (2015 г.).

Среди всего количества пенсионеров работающими являются только 18% мужчин и 21% женщин (оценка по долям женских и мужских групп пенсионеров). Это соотношение зависимо от разницы пенсионного возраста в стране: в реальности, в трудовой жизни после 60 лет оказывается больше пенсионеров-мужчин.

Причины увольнения пенсионеров с последнего места работы показывают значительную возрастную и гендерную зависимость.

Основные причины для мужчин и женщин заключаются в достижении пенсионного возраста, плохом состоянии здоровья и сокращении. Гендерная разница, прежде всего, заключается в том, мужчины чаще женщин уходят с работы по состоянию здоровья, а женщины – по возрасту (пенсионному), из-за сокращения и по семейным обстоятельствам. Также мужчины чаще бросают работу из-за возможности не работать, плохих отношений в коллективе, окончания срока трудового договора, неудовлетворительной зарплаты.

В основном пенсионеры уже не ищут другую работу. 38% опрошенных уверены, что работу найти невозможно. Из 3% пожилых людей, которые все же пытаются найти работу, больше половины мужчин (57%) и еще больше женщин (76%) обращаются за помощью. Около 80% из тех кто указывает, что ищет подходящую работу, смогли бы сразу же к ней приступить, если бы им ее предложили.

Почти все работающие пенсионеры являются наемными работниками. Только около 2% из всего числа являются владельцами или совладельцами предприятий. У большинства пенсионеров незначительный постпенсионный трудовой стаж. Большинство мужчин и женщин переработало после наступления пенсионного возраста только 1 год. Тенденция такова, что более молодые пенсионеры стали охотнее покидать работу, чем более возрастные.

Многих работающих пенсионеров беспокоит возможная потеря текущей работы. Особенно это свойственно женщинам. У всех работающих пенсионеров присутствует серьезная степень неуверенности в том, что они смогут в случае отказа от текущего места работы найти новую работу. Около 70% мужчин и женщин считают, что они не смогут в этом случае найти новую работу, поэтому пенсионеры демонстрируют крайне осмотрительные трудовые стратегии. Подавляющее большинство работающих пенсионеров (более 91%) не меняют место работы даже внутри предприятия, на котором они работают. Только 7% мужчин и 5% женщин меняли место работы и/или профессию.

71% и мужчин, и женщин «полностью» или «скорее» удовлетворены своей текущей занятостью, но недовольны своей заработной платой. В целом, пожилые различают саму работу и оплату труда. 57% работающих женщин и 49% работающих мужчин получают зарплаты до 15000 руб. в месяц. Уровень оплаты труда женщин ниже, чем у мужчин, но одновременно они хуже оценивают свою квалификацию, чем мужчины.

В системе занятости пожилых развиты дискриминационные практики. К ним относятся: отказ в своевременном оплачиваемом отпуске; принуждение к неоплачиваемому административному отпуску; занятость на вредных или опасных производствах; принудительное сокращение зарплаты или рабочих часов. Материальное стимулирование также оставляет желать лучшего: из тех

работающих пенсионеров, кто получал в последний перед опросом месяц премию (6% мужчин и 9% женщин), 72-73% назвали сумму до 5000 руб.

Только очень незначительное число респондентов обоих полов имеют наряду с основной еще дополнительную работу (2-3%). Ведение домашнего хозяйства, продукты которого предназначены на продажу или обмен, не распространены в среде пенсионеров (как работающих, так и нет). Все иные возможности подработать, как традиционные (охота, собирательство), так и новые (банковские вклады, предоставление услуг, сдача в аренду жилья) осуществляют лишь единицы. Приработки скорее распространены среди мужчин и женщин с низкой или незначительной квалификацией (сантехники, спортивные инструкторы и т.д.), а также женщин с высокой квалификацией.

Таким образом, трудовые стратегии российских пенсионеров напоминают рациональные практики, главным образом направленные на выживание.

Для того чтобы стабилизировать занятость экономически активных лиц пожилого возраста (предпенсионного и пенсионного) в условиях социальных и экономических турбулентностей, государству необходимо отказаться от политики «блокады» реформ в социально-трудовой сфере общества.

Основная цель институциональных реформ должна заключаться в удержании пожилых на рынке труда и в стимулировании их занятости. Однако пока только в политической и общественной риторике проводится мысль о признании полноценной фазы жизни под названием активная старость [6].

Насколько возможно существенно продлить занятость, пока неизвестно, однако изучены некоторые факторы, которые влияют на готовность и желание человека работать более продолжительное время. Во-первых, на поведение пожилых людей на рынке труда влияет эмоциональное осознание надвигающейся пенсии. Повышение пенсионного возраста способствует более активному участию в занятости пожилых. Эффект может быть усилен при помощи государственных программ по стимулированию занятости пожилых и сокращения режимов досрочного пенсионирования. Во-вторых, наблюдается зависимость между более продолжительной профессиональной жизнью и уровнем доходов населения. Пожилые работают из-за опасности ухудшения уровня жизни в старости. Однако, для многих занятость в пожилом возрасте означает включение в малодоходный и незащищенный сегмент. В-третьих, речь еще может идти о самой деятельности, которая вызывает желание работать у пожилых, конечно, при условии, хорошего состояния здоровья. В реальности, это может касаться, прежде всего, самозанятых пожилых лиц. В-четвертых, при продолжении занятости имеет значение уровень образования, квалификация и изменение гендерных ролей в обществе (современные женщины работают охотнее и дольше, чем в предыдущих поколениях).

Для России еще важен сознательный и вербализованный отказ от классической модели жизненного пути, предполагающей три стадии жизненного цикла – образование, работа, пенсия. Это сужает у индивидов возможности по планированию жизни и жизненного пространства. Видимо, в ближайшем будущем возможны новые и уникальные формы деятельности в высоком возрасте – консалтинг, самозанятость, менторство, общественная некоммерческая деятельность, что-то еще. То есть к этой фазе жизни также необходимо заранее готовиться.

В условиях неотвратимого повышения пенсионного возраста важна разработка федеральных программ здоровьесберегающих рабочих мест, иначе не исключен эффект массового досрочного выхода на пенсию и сокращение времени дожития среди пенсионеров.

Список литературы

1. Denninger T., van Dyk S., Lessenich St., Richter A. 2014. Leben im Ruhestand. Zur Neuverhandlung des Alters in der Aktivgesellschaft. Bielefeld. 457 s.
2. Хиггс П., Джиллеард К., Рис Джонс Я. Эгоистичное поколение: исследование концепции (Перевод с англ. А. Смолькина) // Власть. 2014. № 3.
3. Григорьева И.А. Смена парадигмы в понимании старения // Социологические исследования. 2016. №11. С. 154-155.
4. Kaessmann M. Ethische Perspektiven beim Blick auf den demografischen Wandel // Demografischer Wandel. Die Stadt, die Frauen und die Zukunft. Ministerium für Generationen, Familie, Frauen und Integration des Landes Nordrhein-Westfalen (Hrsg.). Düsseldorf, 2006. S. 27-33.
5. Kolland Fr. Neue Kultur des Alters: Forschungsergebnisse, Konzepte und kritischer Ausblick. Bundesministerium für Arbeit, Soziales und Konsumentenschutz (Hrsg.). Wien, 2015. 63 s.
6. Общество для всех возрастов (2017). Материалы Национальных конференций 2013-2017 гг. // Фонд Е. и В. Тимченко [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.ageing-forum.org/ru/ (дата обращения: 23.10.2017).

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
RE-INDUSTRIALIZATION AND ITS SOCIAL POTENTIAL

Г.Г. Силласте
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва
G.G. Sillaste
Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow

Анализ построен в концепции модусов социального времени и рассматривает изменения в социальной структуре занятых в экономике как одну из важных характеристик социального потенциала рабочего класса

реального сектора российской экономики. Вносятся методологические уточнения для междисциплинарного подхода к исследуемой проблеме; используются количественно-качественные характеристики эволюции социального потенциала в отраслях реального сектора экономики, происходящие в процессе реиндустриализации промышленного производства и социально-профессиональной стратификации занятых в экономике; предлагаются возможные меры поддержки политики реиндустриализации.

The analysis is built in the concept of modes of social time and considers changes in the social structure of people employed in the economy as one of important characteristics of the social potential of working class of the real sector in the Russian economy. The author makes a methodological refinement for a multidisciplinary approach to study the issue; uses quantitative and qualitative characteristics of the evolution of the social potential in the real sector of the economy in the process of re-industrialization of industrial production and the socio-professional stratification of employees; proposed possible measures to support the policy of re-industrialization.

Ключевые слова: реиндустриализация, социальный потенциал, социальный капитал, рабочий класс, аллокация ресурсов, реальный сектор экономики, социально-профессиональная стратификация, Homo creator

Keywords: re-industrialization, social potential, social capital, working class, allocating resources, real sector of the economy, socio-professional stratification, Homo creator

Любая постановка вопроса о модернизации российской экономики в первой половине третьего тысячелетия, по моему глубокому убеждению, упирается в развитие реáльного сéктора эконóмики и его индустриализацию. В основу анализа положу ряд социологических сюжетов.

Сюжет 1. *Три методологических уточнения для междисциплинарного подхода.*

Ценю компетентность коллег, но тем не менее позволю себе уточнить категорию «реáльный сéктор эконóмики» (РСЭ) (англ. real production sector) как совокупность отраслей экономики, производящих материальные и нематериальные товары и услуги (за исключением финансово-кредитных и биржевых операций). Иначе говоря, сектор, в котором создается валовой внутренний продукт. Экономически – определение безупречно. И я с этим не спорю. Но как социолог хочу обратить внимание на то, что скрыто от беглого взгляда экономистов и экономических расчетов.

О категории *социальный потенциал*. Чтобы быть правильно понятой, учитывая разницу научных подходов экономистов и социологов, определю свои методологические позиции. Социальный потенциал – это *не социальный капитал* (понятие, впервые использованное еще в 1916 г. американским

исследователем образования Л.Дж. Ханифаном). Да, наряду с западной категорией «социальный капитал» понятие «социальный потенциал» рассматривается как системообразующий элемент экономического развития, учет которого стал, по существу, одним из императивов современной экономики, политики и экономической социологии.

Но социальный потенциал – *это характеристика социальных и профессиональных свойств определенной социальной трудовой общности, включенной в систему социальных и производственных отношений в экономике и обеспечивающих доступ к ресурсам других субъектов*. Такова авторская позиция. Категория *социальный потенциал* снимает противоречия между рыночной и нерыночной компонентой категории «социальный капитал» и более полно отражает сущность определения социального капитала.

Еще одно замечание: *социальный потенциал как система отношений* не ограничивается рыночными стимулами. Она обеспечивает формирование новых стимулов внедрения инноваций, моделей экономического поведения и развития, воспроизводит новые формы соединения объективных и субъективных факторов производства и аллокации ресурсов (т.е. системы распределения недостающих ресурсов). При этом на каждом уровне развития социального потенциала у него конкретные субъекты-носители. На микро- и мезоуровнях – это работник, бизнес-сообщество. На наноуровне – это семья.

Функции социального потенциала состоят в том, чтобы повышать солидарность коллектива и общества, поддерживать порядок и стабильность в социуме, быть своего рода «социальным клеем». Что заложено в основе социального потенциала? Трактовка человека как *Homo creator*. Это тип экономического человека, специалист, автор творческих идей. Короче – это творец.

И третий методологический компонент – *реиндустриализация*. Маленькая приставка *РЕ*- говорит о многом. После развала СССР (точнее, после того, как его развалили) промышленность была охвачена глобальными процессами *дезорганизации* производства, дестабилизации производственной и социальной жизни на предприятиях и в региональных социумах. *Реиндустриализация, или новая индустриализация, означает восстановление роли и места отечественной промышленности в качестве базовой компоненты на основе нового, так называемого, «6-го технологического уклада».*

Одна из принципиальных и сложных задач реиндустриализации – обеспечение промышленного развития трудовыми ресурсами *соответствующей квалификации*, развитие социальных лифтов профессиональной мобильности, которые свяжут научный девелопмент с

производственным и позволят осуществить переход отечественной экономики, промышленного производства на стадию *нового индустриального развития.*

Сюжет 2. *Социальный мотор новой индустриализации в модусах социального времени.*

Начну *с модуса будущего* социального времени, так как задачи поддержки *отраслей реального сектора и* промышленной политики уже поставлены государственной программой: к 2020 г. создать и модернизировать 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест (*ВПРМ – новая аббревиатура),* а значит, количество рабочих мест в промышленности должно вырасти больше, чем в два раза, в сравнении с показателями 2013 г. На этой базе планируется повысить заработную плату, а значит, и благосостояние населения. По сути, это задача формирования нового качества социального потенциала промышленности.

Резервы ее решения *в перераспределении* высвобождаемой излишней рабочей силы, с одной стороны, и *в оптимизации численности работников* – с другой. Это неизбежно повлечет сокращение занятости в конкретных отраслях производства. В каких? В первую очередь, в *отраслях реального сектора экономики*. На ближайшие 17 лет (т.е. до 2030 г.) ими станут (и уже становятся) *сельское хозяйство и промышленные* виды деятельности (где сокращения планируются свыше 20%.)

Куда переадресуется этот потенциал? В первую очередь, в сферу услуг и торговли. Занятость в них к 2030 г. возрастет на 11%. К этим отраслям добавятся здравоохранение и сфера социальных услуг (с 2-6% до 15-25%).Даже при общем снижении занятости ожидается наибольший прирост высокопроизводительных рабочих мест именно в промышленных отраслях экономики. Здесь планируется создание дополнительных 2 млн. мест, что позволит увеличить удельный вес ВПРМ в промышленности с 32% до 56%. Таков экономический фон проблемы в модусе *будущего социального* времени.

Сюжет 3. *Социальные процессы, сопровождающие реиндустриализацию в модусе настоящего социального времени*. В связи с переходом к инновационной экономике резко обозначилась главная проблема российского рынка труда, занятости и профессий – *кадры.* Причем, не их переизбыток, а дефицит по целому ряду направлений профессиональной подготовки, так как инновационный переход требует кадры нужной квалификации для конкретных отраслей экономики.

В каких социально-профессиональных группах дефицит? Для промышленности, прежде всего, в двух: в специалистах высшей квалификации (по сути инженерной, технической интеллигенции) и в квалифицированных

рабочих. Есть ли спрос на эти категории работников на рынке образовательных услуг?

Социологически неоднократно подтверждается, что промышленное производство как сфера занятости и рабочий класс как его база остаются непопулярными в России. В то же время, по версии портала онлайн-рекруимента Superjob.ru, перечень самых привлекательных работодателей 2016 г. на 30-40% состоит из представителей компаний реального сектора экономики. Более того, обрабатывающей промышленности. Для сравнения: в 2004-2005 гг. этот показатель был на уровне 10-15% всех работодателей. Сегодня требуются операторы станков, инженеры лабораторий, столяры-станочники, электросварщики и представители иных негуманитарных профессий.

Однако с трудностями найма квалифицированных сотрудников сталкиваются 37% предприятий и, напротив, 13% с нехваткой низкоквалифицированных работников. Более 70% существующих вакантных мест требуют *квалифицированных рабочих технических профессий*. Однако такой запрос рынок образовательных услуг удовлетворить сегодня не может и по инерции выпускает популярных среди молодежи и ее родителей менеджеров, юристов, управленцев и экономистов. Отмечу некоторые актуальные социальные особенности процесса реиндустриализации.

1) Произошла глубинная трансформация структуры института собственности, а с ним и социальной структуры занятых в промышленности. Цепной реакцией этих изменений стали кардинальные изменения параметров социального потенциала РСЭ.

В секторе государственной и муниципальной форм собственности осталось работать 28% работников (было 90.6%), остальные 72% трудятся в частном секторе экономики. Это высокое насыщение экономики частным капиталом.

2) Протекающие внутренние социальные смещения среди занятых в экономике сопровождаются тремя сложными и противоречивыми социальными процессами: *ювенизацией* ряда отраслей занятости, с одной стороны, особенно финансово-банковской, средний возраст занятых в которой составляет 36.8 лет, и *геронтологической тенденцией* повышения возраста занятых в экономике – с другой. К настоящему времени средний возраст занятых в экономике (около 54% общей численности населения) приближается к 40 годам (в конце 2002 г. он составлял 39.1 лет, в 2008 г. – 39.7 лет). Молодежь (18-30 лет) среди занятых в экономике составила 24.5% от общего количества занятых (при 40% молодежи трудоспособного возраста). В 2017 г. продолжается процесс последовательного сокращения работников предпенсионного возраста при

одновременном увеличении количества пенсионеров, занятость которых в экономике Росстатом не регистрируется. Динамика роста пенсионеров в России приведена в на рис. 1.

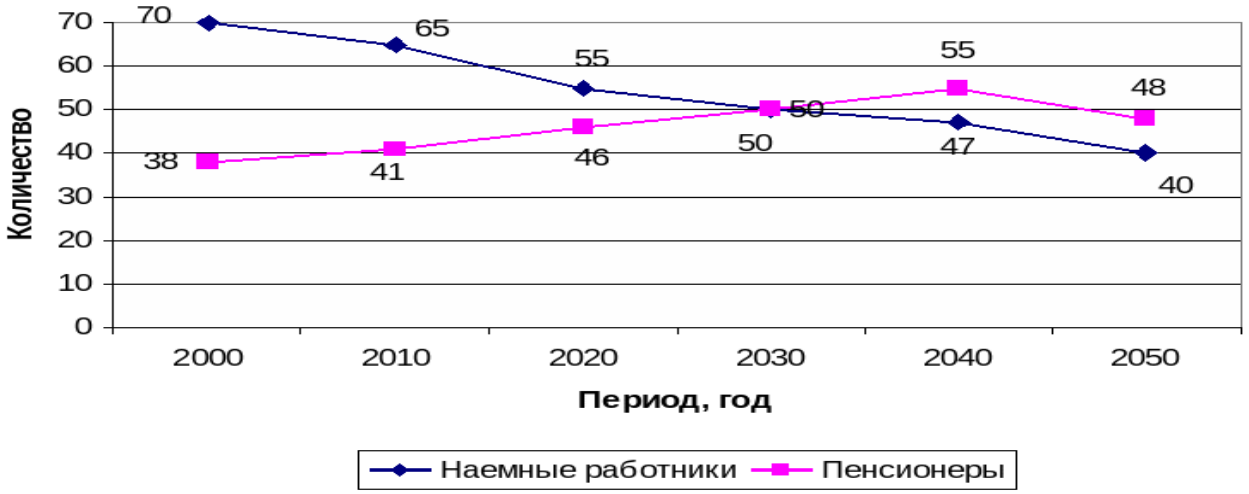


Рис. 1. Динамика роста пенсионеров при сокращающейся части наемных работников

3) Изменение *гендерной структуры занятых* во многих секторах реального сектора и усиление гендерной асимметрии в пользу женщин в финансово-банковском секторе, здравоохранении, образовании. Напротив, в пользу мужчин – в производственной сфере. Важная социальная деталь: наибольший интеллектуальный потенциал концентрируется в женской гендерной общности, а безработица мускулинизируется. Это существенные изменения, напрямую затрагивающие развитие корпоративной социальной политики внутри крупных компаний, предприятий и организаций.

Сюжет 4. *Жив ли рабочий класс и какова его стратификация?*

Трансформация института собственности ведет к пересмотру социально-классовой структуры занятых в промышленно-производственном секторе РСЭ. Известная по советским временам четырехчленная социальная структура общества (рабочий класс, крестьянство, служащие, интеллигенция) за годы рыночных преобразований стратифицировалась по профессиональным стратам, уровню доходов, социальной престижности профессии. Невольно возникает вопрос: осталось ли в России крестьянство как класс? А рабочий класс? Убеждена: не следует спешить хоронить отечественный рабочий класс. Оба класса остались и развиваются. Отстранение рабочих от средств труда не привело к социальной революции, но породило новую концепцию приоритетной занятости, в основе анализа которой сегодня сфера услуг. Рядовые работники торговли и сферы обслуживания составляли весной 2015 г.

14%, предприниматели и самозанятые – 4% (их менее 1% среди жителей мегаполисов, но 10% среди сельских жителей).

Какие процессы характерны для рабочего класса как движущей силы промышленного производства и его социального потенциала?

По подсчетам статистики, в промышленности представители рабочего касса составляют около 30 млн. чел. Современный российский рабочий класс как многослойный пирог состоит из нескольких слоев: рабочая элита, рабочие высокой и высшей квалификации; рабочие среднеквалицифированного труда (по данным статистики, это страта квалифицированных рабочих составляет 21 млн.) и неквалифицированные рабочие (8.4 млн.). Не говоря о наличии среди рабочих слоя среднего класса. К отмеченным стратам надо добавить еще 510 тыс. работников: *страту неквалифицированных рабочих ЖКХ, рекламной и телеотраслей*. Особняком стоит группа (3.9 млн.) – продавцы, демонстраторы товаров и т.д. Таким образом, новый рабочий класс разного уровня квалификации составляет всего около 40% (40-36%) от работающих россиян.

Однако реиндустриализация связана, прежде всего, с промышленным рабочим классом, или как его называют зарубежные коллеги, индустриальным рабочим классом. Каков его количественный потенциал? В конце 80-х гг. он составлял 19 млн. чел, к 1991 г. – 16.4 млн, сейчас – всего около 10 млн.чел. Потребность инновационной экономики в пополнении индустриального рабочего класса рабочими, в первую очередь, высокой и высшей квалификации. Это те, кто в программных документах определяются термином *«высокопроизводительные рабочие места».* Кстати говоря, по формулировке Фонда Форда, «Высокопроизводительное рабочее место – это место, позволяющее получать достойную для жизни зарплату, накапливать финансовые активы и иметь карьерные перспективы».

Сюжет 5. *«Цветная революция» в социально-профессиональной структуре занятых в экономике и девальвация вузовского диплома.*

На западный манер разделю занятых в экономике (исходя из специфики сфер занятости) на три имиджевые цветовые группы: *«белые воротнички» и «белые блузы», «синие воротнички и синие блузы»* и *«черные комбинезоны» (низкоквалифицированные работники).*

Страту высококвалифицированных – «белые воротнички» и «белые блузы» составляют работники с высшим образованием (29% работающих россиян). В российской терминологии, *это представители новой экономической интеллигенции.* К ней относятся работники, занимающиеся высококвалифицированным умственным трудом и обладающие дипломом высшего образования (руководители, в т.ч. среднего или низшего звена,

заместители руководителя предприятий, учреждений, специалисты на должностях, предполагающих высшее образование в т.ч. офицеры).

Вторую страту – 17% – составляют «белые воротнички» и «белые блузы» без высшего образования. Это представители тех же профессиональных позиций, что и выше, но не имеющие высшего образования.

Третья страта – основная (не менее 54%) включает служащих, работающих на должностях, не требующих высшего образования (*офисные работники, неофицерский состав силовых структур, лаборанты, библиотекари и т.д.).* Хотя формально они могут иметь высшее образование, но для конкретного вида деятельности оно не требуется и штатным расписанием не предусмотрено. В мегаполисах более высокая доля представителей наиболее квалифицированной группы – «белых воротничков», имеющих высшее образование (37%), 16% – в селах.

Представители различных профессиональных групп локализуются в разных секторах экономики. Важно, что более чем две трети «белых воротничков» разного уровня квалификации сосредоточены на государственных предприятиях.

Таким образом, структурные позиции для квалифицированных работников нефизического труда сегодня сформированы, прежде всего, *в бюджетном секторе*. Этот факт нужно иметь в виду, так как он может оказывать влияние как на устойчивость и стабильность положения представителей разных групп на российском рынке труда, так и на особенностях их трудовых мотиваций.

Наиболее высокие доходы – в страте высококвалифицированных «белых воротничков», а также предпринимателей и самозанятых. Наиболее низкие оценки дают «черные комбинезоны», а также работники торговли и бытового обслуживания.

Сюжет 6. *О тенденциях в массовом сознании занятых в экономике.*

Устойчивая тенденция всех лет, начиная с эйфории 1997 г., заключается в сокращении количества сторонников частной формы собственности в экономике 28% в 1992 г., но 51-52% в 2016 г. придерживаются точки зрения, что экономически более правильной является система, основанная на государственном планировании и распределении. Напротив, доля приверженцев эффективности частной собственности ежегодно сокращается: с 48% в 1992 г. до 26% в 2016 г.

Среди населения и занятых в промышленности (особенно) нет иллюзий о возможном снятии Западом экономических санкций с России. Напротив, 71% россиян считают, что Запад продлит свои экономические санкции, и отношение к этим ожиданиям вполне спокойное. Более того, в 75% случаев занятые в

промышленности уверены, что *«Россия должна продолжать свою политику, невзирая на санкции».*

Для такой позиции есть основания. По оценкам экономически активного населения, в ближайшие годы Россия может добиться импортозамещения в обеспечении себя *продуктами питания* (мнение 74% респондентов), *лекарствами, одеждой и обувью* (44-42% респондентов). Скромнее оценки в части обеспечения бытовой и компьютерной техникой, средствами связи. Здесь считающих возможным добиться импортозамещения лишь 33%. Группа скептиков, убежденных в том, что добиться импортозамещения *«совершенно не удастся»*, составляет от 4 до 8%.

В целом население все хладнокровнее воспринимает западную антироссийскую санкционную риторику, и 36% считают, что в настоящее время «*Россия продолжает выходить из кризиса*». Хотя у 29% россиян точка зрения противоположная: «*Нас ожидает углубление кризиса и нарастание связанных с ним проблем».*

Сюжет 7. В модусе будущего социального времени – *возможные стратегии поддержки политики реиндустриализации.*

1. На региональном уровне. Сегодня доля социальных расходов региональных бюджетов выросла с 39% в 2000 г. до почти 62% в 2015 г. Однако общие доходы пяти самых «богатых» регионов превышают доходы пяти самых «бедных» в 43 раза. Поэтому продуктивным шагом может стать – обеспечение т.н. *стандарта благополучия для* всех социальных групп, развитие внутренней корпоративной социальной политики, выстроенной не только на выделении солидных трансфертов, но внедрении собственных социальных программ.

2. Внедрение практики *гендерного бюджетирования.*

3. *Отбор и подготовка кадров,* чьи знания, умения и компетентность (иначе говоря, уровень профессиональной квалификации) наиболее точно соответствует требованиям инновационного производства.

Может, кто скажет: «это невозможно». Скептикам отвечу словами великого исследователя Фритьофа Нансена: «Трудное – это то, что можно сделать сегодня. Невозможное требует немного больше времени».

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАБОЧИХ И ИХ ИДЕНТИФИКАЦИЯ С ПРЕДПРИЯТИЕМ

HUMAN POTENTIAL OF INDUSTRIAL WORKERS AND THEIR IDENTIFICATION WITH AN ENTERPRISE

Г.Г. Татарова, Г.П. Бессокирная
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Москва
G.G. Tatarova, G.P. Bessokirnaya
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Актуализируется проблематика изучения человеческого потенциала (ЧП), опираясь на результаты опроса рабочих промышленных предприятий в ряде областных центров РФ в течение 2003-2014 гг. Предлагается оценивать состояние, динамику и использование ЧП рабочих через изменения их типологической структуры, выявляемой по характеру идентификации с предприятием.

The issues of human potential (HP) research are actualized, based on results of a survey of industrial workers in a number of regional centers of the Russian Federation during 2003-2014. It is proposed that the state, dynamics and utilization of the workers' HP is evaluated through the changes in their typological structure, determined by the nature of their identification with an enterprise.

Ключевые слова: человеческий потенциал, рабочие, промышленные предприятия, идентификация с предприятием, типологическая структура

Keywords: human potential, labor force, industrial enterprises, identification with the enterprise, typological structure

Человеческий потенциал изучается на разных уровнях управления, порождая свою собственную систему показателей. Для эмпирического измерения такого потенциала относительно населения в целом, отдельных территориальных общностей и социально-профессиональных групп, как правило, используются показатели, которые диагностируются по имеющимся статистическим данным, включая данные всероссийских и региональных мониторинговых исследований. Теоретико-методологические подходы к введению самих показателей зачастую не становятся предметом особых исследований. В частности, не получили дальнейшего развития подходы, предложенные в начале 2000-х гг. Т.И. Заславской [1; 2] и В.А. Ядовым [3].

В отечественных публикациях наблюдается рост интереса исследователей к теории человеческого капитала и активизируются попытки ее адептов к захвату всего поля изучения человеческого потенциала, что вряд ли оправданно. Теорию человеческого капитала следует рассматривать только как

одну из теоретико-методологических основ изучения трансформации человеческого потенциала. Наряду со стоимостными методиками оценки наличия, накопления и использования человеческого капитала необходимы методические разработки, связанные с социологическим обеспечением изучения процессов *трансформации человеческого потенциала* с учетом уровня управления (макро-, мезо- и микро) и специфики изучаемой социально-профессиональной группы. В нашем случае рассматриваются рабочие промышленных предприятий. Наиболее значимыми в этом контексте являются работы: В.А. Аникина, в которой анализируется поведение по отношению к своему человеческому капиталу основных социально-профессиональных групп российского общества, в т.ч. рабочих [4]; Е.В. Митягиной о ресурсности российских рабочих в условиях «двойной» модернизации [5]; Н.Е. Тихоновой и А.В. Каравай об общем состоянии и специфических особенностях человеческого капитала российских рабочих [6].

Эмпирическую базу исследования составили данные социологических исследований, проведенных сотрудниками Института социологии РАН на промышленных предприятиях в ряде областных центров РФ в течение 2003-2014 гг. Основная идея изучения трансформации человеческого потенциала (ЧП) сводится к сравнительному анализу показателей состояния, динамики и использования ЧП у разных групп наемных работников, выделенных по характеру их идентификации с предприятием. Ранее авторами было предложено рассматривать «идентификацию» в качестве интегральной характеристики использования ЧП рабочих промышленных предприятий [7]. Типологическая структура рабочих по характеру их идентификации с предприятием выделяется, как минимум, по трем типообразующим признакам (удовлетворенность работой, корпоративная солидарность, субъективная эффективность трудовой деятельности) и, соответственно, ее состояние детерминировано спецификой использования ЧП.

Для измерения состояния и динамики человеческого потенциала рабочих использованы показатели образовательной деятельности, включая дополнительное профессиональное образование. Рассмотрены показатели, которыми традиционно измеряют «общий человеческий капитал» (ОЧК) и «специфический человеческий капитал» (СЧК) и которые, как правило, входят в исследовательское поле социологов, изучающих трудовую деятельность наемных работников. Для ОЧК – это уровень образования и уровень квалификации, а также данные о повышении квалификации в течение последнего года, для СЧК – стаж работы на предприятии. Для характеристики использования человеческого потенциала привлечены оценки рабочими,

получаемой ими «отдачи» от наличия и накопления ЧК, а также информация о мотивах труда и характеристиках элементов производственной ситуации.

Данные трех повторных исследований, осуществленных на машиностроительных заводах в областных центрах РФ в 2003-2014 гг., а также исследования на двух частных промышленных предприятиях в Омске в 2013 г. говорят о том, что в состоянии и динамике человеческого потенциала рабочих промышленных предприятий наблюдаются противоречивые тенденции. Непрерывно растет уровень образования рабочих. В 2003 г. 57% рабочих имели среднее (полное) общее образование. В тот период только треть рабочих имели среднее (30%) и высшее (6%) профессиональное образование. В 2014 г. большинство рабочих имели уже среднее (43%) и высшее (20%) профессиональное образование. Доля рабочих, имеющих лишь основное общее образование, снизилась вдвое (с 6 до 3%). Однако наблюдаются негативные тенденции в области дополнительного профессионального образования. Число рабочих, которые не повысили свою квалификацию в течение последнего года, не уменьшается: 45% в 2007 г. и 46% в 2014 г. При этом, отвечая на вопрос «*Если Вы не повышали свою квалификацию, то почему*», рабочие год от года чаще выбирают ответ «Моя работа не требует повышения квалификации» и даже реже ответ «Имею достаточно высокую квалификацию» (соответственно в 2003 и 2014 гг. 34% и 46%, 28% и 25%) [подробнее см. 8].

Результаты исследования, проведенного в 2007 г. (относительно благоприятная социально-экономическая ситуация в стране), свидетельствуют, что более высокий уровень образования и квалификации, б*о*льший стаж работы на предприятии и даже повышение квалификации рабочими в течение последнего года не вознаграждаются на промышленных предприятиях. Статистически значимой связи (по коэффициенту Крамера) между уровнем образования, уровнем квалификации и стажем работы на предприятии, с одной стороны, и оценками рабочими соответствия своего среднемесячного заработка величине личного трудового вклада, удовлетворенности размером заработной платы не зафиксировано. Неудивительно, что в 2014 г. учатся где-либо только 7% рабочих. На вопрос, «*Если бы свободное время значительно возросло, то увеличили бы Вы затраты времени на повышение квалификации*?» ответили утвердительно только 15% рабочих. Желание увеличить затраты времени на повышение уровня образования высказали лишь 13% рабочих.

В то же время зафиксированы статистически значимые связи между уровнем образования, уровнем квалификации, стажем работы на предприятии и оценкой соответствия выполняемой работы профессиональным знаниям и умениям рабочих. Чем больше ресурс, тем чаще рабочие выбирали ответ «Работа не требует всех моих знаний и умений». В современных российских

реалиях ресурсы, имеющиеся у рабочих промышленных предприятий, могут, скорее всего, рассматриваться как человеческий капитал в традиционном его понимании только в потенциале.

Результаты анализа взаимосвязи между человеческим потенциалом рабочих и характером их идентификации с предприятием показали, что уровень образования и квалификации, повышение квалификации в течение последнего года и даже стаж работы на предприятии не являются информативными для выявления характера идентификации рабочих с предприятием (их детальное изложение опускаем из-за ограниченного объема публикации).

Характер идентификации с предприятием связан, в первую очередь, с оценками рабочими справедливости в труде (в оплате труда, в предоставлении обязательных социальных гарантий и дополнительных социальных льгот) и рассогласованием между ожиданиями интересной работы и надеждой реализовать свои способности и реальными возможностей для этого [9].

Общий вывод, который, с нашей точки зрения, можно сделать по результатам проведенного анализа. Важно изучать не только состояние и динамику человеческого потенциала на макро- и мезоуровнях, но и осуществлять мониторинг различных аспектов наличия, накопления и использования человеческого потенциала на микроуровне, т.е. на уровне конкретных предприятий (организаций).

Список литературы

1. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5-16.
2. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 13-25.
3. Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал. // Куда идет Россия; Кто и куда стремится вести Россию? / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 3-15.
4. Аникин В.А. Поведение по отношению к своему человеческому капиталу основных социально-профессиональных групп российского общества // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: Кн. 3. / Отв. ред. Е.Г. Ясин; Гос.ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос.ун-та Высшей школы экономики, 2010. С. 289-298.
5. Митягина Е.В. Ресурсы российских рабочих в условиях современных модернизационных процессов. Н. Новгород: НИСОЦ, 2014. 202 с.
6. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России. Т. 26. №3. С. 6-35.

7. Бессокирная Г.П., Татарова Г.Г. К оценке эффективности использования человеческого потенциала предприятий // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19-20 ноября 2015 г.) / под ред. Р.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2015. С. 35-40.

8. Бессокирная Г.П. Дополнительное профессиональное образование рабочих в организациях: состояние, динамика, проблемы // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: Всероссийская научная конференция; 24 мая 2016 г., Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет: Материалы конференции / Под общ. ред. В.П. Васильева. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 257-261.

9. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Идентификация с предприятием: классификация работников и выявление управляемых факторов трудовой деятельности // Спутник ежегодника «Россия реформирующаяся». Вып. 2. 2015: Сборник научных статей / ИС РАН. М.: ИС РАН, 2016 [эл. ресурс]. 1 CD ROM.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В ПФО

ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE ECONOMIC POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Е.В. Акимова
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск
K.V. Akimova
The Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk

Рассматриваются проблемы экономического развития Республики Мордовия в современных условиях. Особое внимание уделяется проблеме экономического потенциала Республики Мордовия в ПФО. Выявлены приоритетные направления инвестиционной деятельности.

The article deals with the problems of the economic development of the Republic of Mordovia in modern conditions. Particular attention is paid to the problem of the economic potential of the Republic of Mordovia in the Volga Federal District. Priority directions of investment activity are revealed.

Ключевые слова: экономический потенциал, экономический рост, инвестиционная деятельность, инновации, социально-экономическая система

Keywords: economic potential, economic growth, investment activity, innovation, social economic system

Вопросы оценки экономического потенциала регионов приобретают все большую актуальность в современных условиях. Под экономическим потенциалом региона понимается совокупная способность экономики региона, ее отраслей, предприятий, хозяйств осуществлять производственно-экономическую деятельность, выпускать продукцию, товары, оказывать услуги, удовлетворять запросы населения, общественные потребности, обеспечивать развитие производства и потребления. Некоторые исследователи определяют экономический потенциал как способность социально-экономической системы региона за счет использования собственных ресурсов обеспечить достижение долгосрочного, устойчивого экономического роста.

Анализ и оценка экономического потенциала имеют особое значение для Республики Мордовия. Повышение экономического потенциала республики, увеличение объемов производства, создание новых рабочих мест, рост благосостояния населения – основные задачи инвестиционной деятельности Республики Мордовия. Приоритетными направлениями вложения инвестиций в республике являются инновации, модернизация и создание высокоэффективных производств, развитие экономической инфраструктуры (транспортной, телекоммуникационной, финансовой), малого бизнеса и социальной сферы [1].

Отсутствие в регионе сырьевых запасов ориентирует республиканскую экономику на активный рост наукоемких, высокотехнологических производств и выпуск конкурентоспособной продукции [2]. Сегодня основная масса промышленной продукции в Мордовии производится на модернизированных или вновь построенных предприятиях, а 18% этой продукции является инновационной.

Социально-экономическая ситуация в Республике Мордовия в январе-сентябре 2016 г. характеризовалась увеличением по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. объемов в ряде отраслей промышленности, сельскохозяйственном производстве, стабильной ситуацией на рынке труда [3].

Оборот организаций по видам экономической деятельности составил 280,4 млрд. руб. – 106.3% в действующих ценах к январю-сентябрю 2015 г. (по темпу роста 6-ое место в ПФО).

В январе-сентябре 2016 г. обеспечен рост индекса промышленного производства по видам экономической деятельности: химическое производство (114.4%), текстильное и швейное производство (110.4%), обработка древесины и производство изделий из дерева (118.1%), производство пищевых продуктов, включая напитки (112.1%), транспортных средств и оборудования (116.0%).

Отгружено товаров, выполнено работ и услуг по промышленным видам деятельности по полному кругу предприятий на сумму 110,4 млрд. руб. – 106.6% к январю-сентябрю 2015 г. в действующих ценах.

Крупными и средними промышленными предприятиями отгружено продукции на 97,8 млрд. руб. (107.2% к январю-сентябрю 2015 г. в сопоставимых ценах), в том числе предприятиями обрабатывающих производств – на 90,1 млрд. руб. (108.1% в сопоставимых ценах).

Таблица 1

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности в 2016 г.

	Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства		Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	
	млн. рублей	2016г. в % к 2015г.	млн. руб.	2016г. в % к 2015г.	млн. руб.	2016г. в % к 2015г.
Российская Федерация, млрд.руб.	**11712**	**102,9**	**33898**	**105,1**	**5164**	**109.9**
Приволжский федеральный округ	**1674453**	**99.4**	**7138350**	**103.8**	**892682**	**106.4**
Республика Башкортостан	215770	108.3	933653	96.7	124139	108.2
Республика Марий Эл	376	111.6	129785	99.7	11956	111.8
Республика Мордовия	266	94.0	139117	105.0	12194	106.4
Республика Татарстан	442512	104.4	1394842	107.1	129131	106.3
Удмуртская Республика	160669	98.4	319812	125.9	35453	109.1
Чувашская Республика	478	74.0	158476	112.5	21492	110.6
Пермский край	252152	101.8	862463	94.8	103429	102.1
Кировская область	967	106.5	191325	106.2	39423	106.6
Нижегородская область	1442	106.1	1108422	105.7	98929	111.7
Оренбургская область	327030	89.0	265165	105.4	53168	100.1
Пензенская область	822	156.1	184982	112.6	22081	108.3
Самарская область	237638	98.4	867946	101.8	119780	106.4
Саратовская область	24877	96.7	333823	103.7	96265	105.1
Ульяновская область	9453	76.0	248539	111.2	25241	104.3

В производстве транспортных средств и оборудования рост объемов отгруженной продукции составил 213.5% к аналогичному периоду прошлого года, в химическом производстве – 122.3%, металлургическом производстве и производстве готовых металлических изделий – 117.5%, в пищевой промышленности – 117.5%, в обработке древесины и производстве изделий из дерева – 105.8%.

По объему отгруженной промышленной продукции предприятий обрабатывающих отраслей республика заняла 34-ое место в России и 9-ое место в ПФО (Табл. 1).

По объему отгруженной продукции в расчете на одного жителя в производстве пищевых продуктов (61,1 тыс. руб.) и строительных материалов (14,1 тыс. руб.) республика заняла 1-ое место в ПФО, в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования (22,6 тыс. руб.) – 1-ое место в ПФО. [4]

Инвестиции в основной капитал составили 33,4 млрд. рублей – 100.1% к январю-сентябрю 2015 г. (по темпу роста инвестиций республика заняла 37-ое место в России и 2-ое место в ПФО), в расчете на 1 жителя – 41,4 тыс. руб. (44-ое место в России, 6-ое – в ПФО).

В январе-сентябре 2016 г. выполнены работы по виду деятельности «Строительство» на сумму 17,3 млрд. руб., в расчете на 1 жителя – 21,4 тыс. руб. (37-ое место в России, 6-ое – в ПФО).

В эксплуатацию введено 174 тыс. кв. м жилых домов, в расчете на 1 тыс. жителей – 109,1 кв. м.

Объем валовой продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств в январе-сентябре 2016 г. составил 42,9 млрд. руб. – 107.1% к январю-сентябрю 2015 г. (Табл. 2) [5].

Республика Мордовия сохраняет лидирующее положение среди регионов Приволжского федерального округа по производству в расчете на 1 жителя мяса, молока и яиц (по производству молока и яиц – 1-ое место, мяса – 2-ое место). В целом по Российской Федерации по данным показателям Республика Мордовия вошла в первую четверку регионов (по производству яиц – 1-ое место, молока – 2-ое место (после Алтайского края), мяса – 4-ое место (после Белгородской области, Курской области, Республики Марий Эл).

В январе-сентябре 2016 г. оборот розничной торговли составил 59,9 млрд. руб. – 98.7% к соответствующему периоду предыдущего года (одно из наименьших снижений среди регионов ПФО – 3-ое место), в расчете на 1 жителя – 74,2 тыс. руб. В структуре оборота розничной торговли удельный вес пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий составил 47.4%, непродовольственных товаров – 52.6%.

Таблица 2

Объем производства продукции сельского хозяйства в 2016 г.

	Млн.рублей	*В %*	
		к 2015 г.	*к итогу*
Российская Федерация (расчет)	**5625996**	**104.8**	**100**
Приволжский федеральный округ	**1307396,5**	**106.2**	**23.2**
Республика Башкортостан	165724,6	100.8	3.0
Республика Марий Эл	44444,8	94.0	0.8
Республика Мордовия	58678,5	107.1	1.0
Республика Татарстан	238575,0	105.0	4.2
Удмуртская Республика	69739,8	99.6	1.2
Чувашская Республика	46656,6	101.4	0.8
Пермский край	45944,6	99.6	0.8
Кировская область	40952,6	104.6	0.7
Нижегородская область	74540,0	100.1	1.3
Оренбургская область	117335,6	110.4	2.1
Пензенская область	88252,4	107.1	1.6
Самарская область	110661,7	113.2	2.0
Саратовская область	163511,1	119.3	2.9
Ульяновская область	42379,3	116.0	0.8

Таким образом, наибольшая динамика в Республике Мордовия наблюдается в сфере строительства, АПК и некоторых сферах услуг. К факторам, улучшающим использование экономического потенциала региона, также можно отнести научно-технологический прогресс и инновации. Инновационная деятельность направлена на использование результатов научных исследований и опытно-конструкторских разработок для получения прибыли на основе расширения и обновления ассортимента выпускаемой продукции, улучшения ее качества, совершенствования технологий ее изготовления. Причем в регионе ставится цель «выращивать собственные кадры», способные заниматься разработкой собственных технологий.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что экономика Республики Мордовия обладает инновационной восприимчивостью и относится к инвестиционно-инновационному типу. Небогатый природно-ресурсный потенциал должен компенсироваться кадровым потенциалом. Развитию экономического потенциала региона может способствовать благоприятный инвестиционный климат и оптимизация использования финансовых ресурсов.

Список литературы

1. Постановление Правительства РМ от 23.09.2013 № 417 (ред. от 06.09.2017) «Об утверждении государственной программы «Экономическое

развитие Республики Мордовия до 2019 года» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/424071536 (дата обращения: 15.09.2017).

2. Распоряжение Правительства РФ от 07.02.2011 №165-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 года» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110784/ (дата обращения: 15.09.2017).

3. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/grp/ (дата обращения: 15.09.2017).

4. Постановление Правительства РМ от 27.06.2011 № 213 (ред. от 28.01.2013) «Об утверждении Программы повышения инвестиционной привлекательности Республики Мордовия на 2011-2015 годы» // Правовой портал «Региональное законодательство» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.regionz.ru/index.php?ds=2022649 (дата обращения: 15.09.2017).

5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641 (дата обращения: 15.09.2017).

КАЧЕСТВО ЗАНЯТОСТИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОВРЕМЕННОЙ СФЕРЫ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

QUALITY OF EMPLOYMENT AS A NECESSARY CONDITION FOR THE MODERN SPHERE OF LABOR AND SOCIAL DEVELOPMENT

Г.Р. Баймурзина

Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Уфа

G.R. Baimurzina

Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Ufa

Показано, что обеспечение качественной занятости становится сегодня не только отражением гуманистических целей развития, но и ответом на современные вызовы, одним из ключевых условий жизнеспособности и конкурентоспособности общества. Соответственно, эта задача становится одной из актуальных научных и практических проблем, требующих методологической проработки и общественных дискуссий.

The article shows that the demand for quality of employment is not only a reflection of humanistic development concepts, but also a response to the contemporary challenges, and the key factor of viability and competitiveness of a society. In this context, providing high quality of employment becomes one of the

urgent scientific and practical problems that require methodological development and public discussions.

Ключевые слова: качественная занятость, достойный труд, социально-трудовая сфера, социальное развитие

Keywords: quality of employment, decent work, socio-labour sphere, social development

Проблемы обеспечения достойного труда и качественной занятости, а также социальной защищенности работающих в условиях глобализации и цифровизации экономики становятся сегодня одними из самых актуальных и трудно решаемых стратегических задач не только на уровне одной страны, но и на более широком, региональном и глобальном уровнях.

На глобальном уровне идея обеспечения гуманных условий труда и социальной справедливости всегда была и остается главной миссией Международной организации труда (МОТ) с момента ее создания в 1919 г. Вместе с тем, практическое признание экономической эффективности социальных инвестиций и концептуальное оформление антропоцентрических теорий и воззрений (теории гуманизации труда, человеческого капитала, человеческих отношений, обогащения труда, производственной демократии, социального партнерства, качества трудовой жизни и т.д.) произошло несколько позже. Мощный интеллектуальный фон и богатый практический опыт позволили экспертам МОТ сформулировать к 1999 г. концепцию достойного труда. Согласно этой концепции, достойным называется производительный труд, который одновременно является свободным, безопасным, защищенным, справедливо оплачиваемым, развивающим и не принижающим достоинство человека [1; 5]. Предложенная концепция сегодня принята всей системой ООН, а достойный труд превратился в новую глобальную цель в рамках Целей развития тысячелетия Программы развития ООН (2000 г.), Декларации министров об обеспечении полной и производительной занятости и Достойного труда (принята Экономическим и социальным советом ООН, 2006 г.), Соглашения о сотрудничестве между МОТ и ПРООН (2007 г.) и других международных проектов и документов.

Повышение качества занятости объявлено главной целью Европейской стратегии занятости, принятой на заседании Евросовета в Люксембурге в 1997г. Особое внимание качественным аспектам занятости было обусловлено утверждением новой парадигмы развития Европы, целью которой стало превращение Европейского союза к 2010 г. в самое динамичное в мире экономическое пространство, основанное на знаниях. И в настоящее время, несмотря на мировой финансовый кризис 2008-2010 гг., современное

социально-политическое и экономическое состояние Европы, смену руководства Еврокомиссии и другие обстоятельства, обеспечение качества занятости остается ключевым направлением стратегии «Европа – 2020» [2] и работы нового состава Еврокомиссии под руководством Ж.-К. Юнкера [3].

Качественная и инклюзивная занятость, формализация рынков труда, укрепление социальной защищенности работающих определены в качестве ключевых областей политики, представляющих общий интерес государств-членов БРИКС. Об этом свидетельствуют регулярные встречи министров труда и занятости стран БРИКС и принятие в июле 2017 г. совместной декларации о приверженности целям и принципам концепции достойного труда МОТ, руководящим принципам Международной ассоциации социального обеспечения и Программы устойчивого развития – 2030 [4].

В России проблемы повышения качества занятости также являются актуальными. Контент-анализ программ и стратегий социально-экономического развития регионов показал, что большинство системных рисков и угроз социально-экономического развития обусловлены проблемами в социально-трудовой сфере: отсутствием позитивных структурных изменений на региональном рынке труда, дефицитом возможностей занятости на локальных рынках труда, высокой долей неформальной занятости, смертностью в трудоспособном возрасте и структурными диспропорциями на рынке труда, бедностью и правовой незащищенностью работающих и т.д.

Очевидна неоднородность и разноплановость стратегических целей и задач в сфере развития региональных рынков труда и занятости, что вскрывает отсутствие согласованных ориентиров, единых принципов и концептуальной основы (стратегии) развития социально-трудовой сферы. Соответственно, нет адекватной системы целевых индикаторов для мониторинга и управления. Большинство индикаторов достойного труда, публикуемых Росстатом, не рассчитываются на региональном уровне. Обозначенная проблема осложняется тем, что зона «серого», не поддающегося учету и контролю, пространства в социально-трудовой сфере увеличивается. С одной стороны, это означает, что привычные показатели и методы сбора информации не отражают новых характеристик социально-трудового пространства и нуждаются в дополнении, обновлении или пересмотре; с другой стороны, необходимость коррекции самой политики в области занятости и социальной защиты населения.

Поиск возможностей институционализации нетипичных форм занятости, инструментов оценки и мониторинга качества социально-трудовой сферы, механизмов управления социальными рисками являются сегодня актуальными научно-практическими задачами для специалистов в сфере труда и занятости во всем мире. В настоящее время известны подходы к оценке качества занятости

через интегральные индексы эффективности рынка труда (Labor Market Efficiency) Всемирного экономического форума; нормативно-законодательной базы рынка труда (Labor Market Regulations) канадского Института Фрейзера [5]; качества занятости (Employment Quality Index) Европейской Комиссии [6; 7]; достойного труда МОТ (Decent Work Index) [8; 9; 10].

Вместе с тем, комплексная оценка и мониторинг качественных характеристик занятости и социально-трудовой сферы в России и ее регионах в настоящее время затруднена. Основными причинами являются: отсутствие единой национальной стратегии занятости (а также целевых индикаторов и критериев качества занятости); высокий уровень экономической неопределенности и стабильности системы социальной защиты населения (в частности, пенсионной системы) и, как следствие, неформальной занятости; нерепрезентативность массивов статистических данных на региональном уровне и др. Большая работа предстоит и в методологическом плане, которая потребует объединенных усилий ученых и практиков – регионалистов, социологов, экономистов, демографов и т.д.

Список литературы

1. Баймурзина Г.Р. Реализация принципов концепции достойного труда в России: региональный аспект (на примере Республики Башкортостан) [Текст]: монография / Г.Р. Баймурзина, Р.М. Валиахметов, Р.П. Колосова. – Уфа: Гилем, 2012. 216 с.
2. EUROPE 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth.. European Commission, Brussels, 2010. URL: http://ec.europa.eu/research/era/docs/en/ec-understanding-era-13.pdf (accessed: 12.05.2017).
3. Jean-Claude Juncker. A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change / Political Guidelines for the next European Commission. Opening Statement in the European Parliament Plenary Session. European Commission, Strasbourg: 2014. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/juncker-political-guidelines-speech_en_0.pdf (accessed: 12.05.2017).
4. Министры труда и занятости стран БРИКС приняли совместную декларацию // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://demo.rosmintrud.ru/labour/cooperation/62 (дата обращения: 26.07.2017).
5. Aleksynska M. Comparing indicators of labour market regulations across databases: a post scriptum to the employing workers debate / M. Aleksynska, C. Sandrine; Inclusive Labour Markets, Labour Relations and Working Conditions Branch. International Labour Office, Geneva, 2014. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_245349.pdf (acceesed: 19.03.2017).

6. Davoine L. Monitoring Employment Quality in Europe: European Employment Strategy Indicators and Beyond / L. Davoine, C. Ernel; Centre d'études de l'emploi. Paris: University Paris 1 et CNRS, 2006. URL: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00272015/document (accessed: 28.06.2015).
7. Handbook on Measuring Quality of Employment: A Statistical Framework / New York, Geneva: United Nations, 2015. DOI:10.18356/bc6e7bb7-en.
8. Bescond D. Seven indicators to measure decent work: An international Comparison [text] / D. Bescond, A. Chataignier, F. Mehran // International Labour Review, Volume 142, Number 2, ILO, Geneva, 2003/2. P. 179-211.
9. Bonnet F. A family of decent work indexes / F. Bonnet, J. Figueiredo, G. Standing // International Labour Review. Vol. 142. 2003. №2. P. 213-218.
10. Ghai D. Decent work: Concept and indicators [text] // International Labor Review, Vol. 142. 2003. №2. P. 113-145.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВУЗА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ

THE ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE UNIVERSITY IN THE FOCUS OF YOUNG EMPLOYEES

Е.А. Балезина
Пермский государственный национальный исследовательский университет
E.A. Balezina
Perm State University

Организационная культура вуза характеризуется гетерогенностью и состоит из ряда субкультур. Одной из важных в формировании и трансляции ценностей университета является субкультура молодых сотрудников. Молодые сотрудники вуза быстро воспринимают изменяющиеся ценности и легко усваивают транслируемые организационной культурой нормы, что необходимо для их успешной профессиональной и организационной адаптации.

The organizational culture of the university is characterized by heterogeneity and consists of subcultures. One of the most important in the formation and translation of the university's values is the subculture of young employees. Young employees adapt to changing values quickly and digest broadcasted organizational culture norms easy that are necessary for their successful professional adaptation.

Ключевые слова: организационная культура университета, молодые сотрудники, молодые преподаватели

Keywords: the organizational culture of the university, young employees, young teachers, young professors

В современных условиях российские вузы, «получив относительную экономическую самостоятельность» [1], на рынке образовательных услуг

вынуждены конкурировать за привлечение средств, абитуриентов. Осуществляется это посредством изменения организационной культуры вуза. Для этого разрабатывается стратегия развития, направленная на создание привлекательного для будущих студентов имиджа университета [2], состоящая из долгосрочных целей, для достижения которых необходима готовность сотрудников следовать им [3, с. 6]. Особую роль в усвоении и дальнейшей трансляции новых ценностей и образцов поведения играют молодые сотрудники вуза. В силу своей молодости и профессиональной неопытности они в большей степени подвержены влиянию организационной культуры [4].

Цель данной работы – охарактеризовать роль молодых сотрудников (в т.ч. молодых преподавателей) в формировании новой организационной культуры современного российского вуза.

Организационная культура в вузе как «совокупность символов, обрядов, ценностей, норм и стандартов поведения, которых придерживаются члены данной организации» [5, с. 4] неоднородна, она состоит из ряда субкультур, ценности которых разделяются отдельными структурными подразделениями. Выделяют субкультуры различных функциональных подразделений университета, например, субкультуру топ-менеджмента, субкультуры студентов, сотрудников вспомогательных служб и субкультуру преподавателей [6]. Для вуза важным представляется соответствие субкультуры профессорско-преподавательского состава (ППС) организационной культуре в целом, т.к. преподаватели являются основным кадровым ресурсом университета, именно преподаватели формируют имидж вуза, транслируют его основные ценности студентам, выпускникам и другим социальным группам.

К молодым сотрудникам вуза относят не только молодых преподавателей, но и молодых научных сотрудников, а также учебно-вспомогательный персонал и других молодых специалистов университета. Молодых преподавателей отличает специфика их положения: с одной стороны, как представители молодых сотрудников они владеют инновационным потенциалом, быстро принимают и усваивают новые ценности и образцы поведения, легче адаптируются к изменяющимся условиям, с другой – испытывают влияние ценностных установок старших коллег, которые часто отражают устаревающую организационную культуру. Молодые преподаватели в отличие от не-преподавателей выполняют основную «производственную» функцию вуза: осуществляют педагогическую деятельность и совмещают ее с научно-исследовательской, эта работа требует высокого уровня подготовки, психологической устойчивости, творческого подхода.

Предполагается, что субкультура молодых преподавателей вуза отличается от субкультуры других молодых сотрудников университета, не занимающихся педагогической деятельностью.

Для проверки данной гипотезы нами было проведено пилотажное исследование организационной культуры Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ). Объектом выступили молодые сотрудники вуза в возрасте до 35 лет (n=30). За основу изучения организационной культуры была взята методика С.И. Кордона [5], в рамках которой респондентам предлагается анкета, состоящая из 36 бинарных позиций, характеризующих культурные переменные организационной культуры. Все культурные переменные объединены в 6 базовых характеристик, которые в свою очередь определяют 4 типа организационной культуры: семья, иерархия, бюрократия и бизнес. Эти типы образуют две пары противоположных друг другу типов: семья – иерархия и бизнес – бюрократия.

Исходя из полученных данных, по мнению молодых сотрудников ПГНИУ, тип организационной культуры вуза определяется так: в паре «семья – иерархия» предпочтение отдается семье. Семья характеризуется сплоченностью коллектива, дружественным психологическим климатом. Руководители в такой организации воспринимаются как родители, наставники.

Культурные переменные, характеризующие тип семьи (мягкость, малая дистанция власти и коллективизм), разнятся в представлениях молодых сотрудников. Так, молодые преподаватели отмечают большую дистанцию власти как одну из характеристик организационной культуры вуза. Это объясняется ситуацией внедрения эффективных контрактов для ППС, что воспринимается как насаждение «сверху». И, несмотря на проводимые встречи ректора с преподавателями о введении эффективных контрактов, даже молодые преподаватели оценивают эту ситуацию как принимаемую наверху и наделяющую руководителя правом наказывать и поощрять своих подчиненных. Молодые не-преподаватели считают, что для университета характерна малая дистанция власти: руководители открыты для любых обсуждений, т.к. в небольших подразделениях вуза молодой сотрудник часто общается с руководителем без посредников напрямую.

В паре «бизнес – бюрократия» молодые сотрудники в большей степени отметили культурные переменные, характеризующие бизнес. В такой организации авторитет сотрудника определяется его вкладом в командную работу, высока степень конкуренции между сотрудниками и члены организации ориентированы на решение поставленных перед ними задач.

Молодые преподаватели поровну оценили «стремление к неопределенности» и «стремление к определенности», что свидетельствует о

столкновении бюрократической (традиционной для образовательной организации) культуры и бизнес ориентированной культуры (к которой стремятся современные российские университеты). При этом молодые преподаватели оценивают вуз как ориентированный на внешнюю среду, выстраивающий деятельность под запросы абитуриентов и работодателей. По мнению остальных молодых сотрудников, университет больше ориентирован на внутренние интересы и потребности и изолирован от внешней среды, которая рассматривается как источник опасностей и рисков.

Таким образом, организационная культура ПГНИУ в представлении его молодых сотрудников относится к типам «семьи» и «бизнеса». При этом оценки внутри группы молодых сотрудников разнятся и зависят от выполняемых ими функций.

Исходя из полученных данных, следует, что оценки организационной культуры вуза зависят от принадлежности к определенной социальной группе, структурному подразделению. Следовательно, для изменения и управления организационной культурой вуза в целом необходимо обратить внимание на субкультуры как преподавателей, административного и вспомогательного персонала, так и молодых сотрудников, молодых преподавателей. Именно молодые сотрудники нуждаются в дополнительном внимании со стороны руководства в период профессиональной адаптации и развития лояльности [4]. А молодые преподаватели, отражая инновационный потенциал вуза, ощущают влияние уходящих ценностей, транслируемых более взрослыми коллегами. Это отражается на осваиваемых образцах поведения молодыми преподавателями и может привести к снижению инновационной активности, что в условиях развития конкуренции на рынке образовательных услуг невыгодно. В связи с чем стоит подчеркнуть необходимость изучения организационных субкультур вуза и особенно субкультур молодых сотрудников и молодых преподавателей.

Список литературы

1. Леньков Р.В., Боролёва Е.И. Корпоративная культура как фактор эффективности вуза // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. №5 (18). Режим доступа: https://naukovedenie.ru/PDF/04evn513.pdf (дата обращения: 24.08.2017).

2. Дьяконова А.Б. Корпоративная культура университета (на примере Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова) // Научный диалог: экономика и управление. Режим доступа: https://interactive-plus.ru/ru/article/80703/discussion_platform (дата обращения: 26.06.2017).

3. Загоруля Т.Б. Корпоративная культура вуза: проблемы взаимодействия субъектов образовательного процесса – студентов и преподавателей // Современные проблемы науки и образования. 2015. №3.

Режим доступа: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id= 19736 (дата обращения: 26.06.2017).

4. Гридяев М.Н., Захаров Ю.Н., Мызрова К.А., Туганова Э.А. Роль организационной культуры в системе адаптации персонала // Фундаментальные исследования. 2015. №11 (часть 1). С. 143-146.

5. Кордон С.И. Изучение, диагностика и развитие организационной культуры. Метод.указания / Пермский государственный технический университет. Региональный межотраслевой Центр переподготовки кадров. Кафедра маркетинга, Пермь. 2002. 39 с.

6. Прохоров А.В. Роль субкультур в формировании корпоративной культуры университета // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. №6 (98). С. 153-157.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ СТРЕССОМ В РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

PROBLEM OF MANAGEMENT OF A STRESS IN THE RUSSIAN ORGANIZATIONS

С.А. Барсукова
Пензенский государственный университет
S.A. Barsukova
Penza State University

Поднимается проблема управления стрессом в организации как одна из ведущих управленческих проблем в современной мировой практике. Рассматривается опыт решения данной проблемы в зарубежных компаниях. Предлагается комплекс мер организационного и индивидуального характера по профилактике стресса в организации.

In article the problem of management of a stress in the organization as one of the leading administrative problems in modern world practice rises. Experience of the solution of this problem in the foreign companies is considered. The package of measures of organizational and individual character for prevention of a stress in the organization is offered.

Ключевые слова: стресс, организационный стресс, стрессогенные факторы, стрессменеджмент

Keywords: stress, organizational stress, stress factors, stressmenedzhment

В настоящее время стресс прочно вошел в нашу жизнь. Он стал научной проблемой, интересующей не только теоретиков-исследователей, но и практиков, работающих с состояниями напряжения, возникающими у каждого человека под влиянием сильных эмоций, позитивных и негативных средовых воздействий. Многомерность взаимодействия человека с окружающей средой, а

также отсутствие четкой концептуальной системы взглядов на стрессовый процесс порождают трудности исследования стресса. Отметим, что по мере изучения проблемы стресса происходило постепенное уточнение терминов, описывающих это понятие: от психогенного, психоэмоционального, информационного, коммуникативного, профессионального (стресса на работе) до организационного стресса, являющегося более расширенной моделью стресса, основанной на концепции соответствия индивида и окружающей среды, на соотношении требований работы и контроля над ними со стороны индивида, а также на социальной поддержке, влияющей на возможность развития стресса [1]. Стрессогенные факторы персональной и профессиональной среды снижают жизнестойкость специалистов и жизнеспособность организации, в которой они трудятся. Организационный стресс проистекает не столько от труда как такового, сколько из условий или обстоятельств, при которых выполняется та или иная работа, от ощущения безвыходности в стрессовой ситуации [2].

Управление стрессом в организации относится к числу главных управленческих проблем в современной мировой практике. По данным американских социологов, примерно 20% издержек и потерь, связанных с текучестью кадров, прогулами, сопротивлением организационным переменам и падением производительности труда порождены профессиональными стрессами. Американские, японские и западноевропейские компании предпринимают ряд мер в этом направлении. В частности, в их бюджете предусмотрены расходы для управления организационным стрессом. Десятки из них уже открыли для работников курсы борьбы со стрессом, где желающие смогут получить различную помощь. Другие компании стремятся привлечь работников к спорту, танцам и йоге. Благодаря таким мерам в западном менеджменте начинает развиваться современный рынок антистрессовых услуг.

Анализ печатных и электронных источников показывает, что чаще всего в западных компаниях программы профилактики стрессов представляют собой комплекс мер организационного и индивидуального характера.

К организационным мерам относят: создание благоприятного организационного климата, предоставление работникам самим организовать их работу, четкое определение должностных обязанностей работников, устранение причин, ведущих к перегруженности и незагруженности работой, социальная поддержка, проведение в организациях специального консультирования, программы общего оздоровления – фитнес-программы.

К индивидуальным методам профилактики стрессов относят: программы физических упражнений, обучение технике релаксации, биологическая обратная связь, модификация поведения.

В России, по данным социологических исследований, каждый третий работник хотя бы раз в неделю испытывает сильный стресс, а 13% работников – практически ежедневно. Основные силы уходят на экономическое выживание в условиях полной нестабильности. Но стресс-менеджмент в России все еще находится на этапе становления [3]. Цель стресс-менеджмента – контроль уровня стресса и управление напряжением, чтобы вовремя дать организму возможность восстановиться и не позволить длительному стрессу вызвать серьезные проблемы.

Для организации профилактических мероприятий представляется необходимым, прежде всего, дать оценку ситуации в компании. Все источники стресса могут быть условно разделены на три большие группы: внешние факторы; факторы, зависящие от организации; факторы, зависящие от самого работника. В связи с этим необходимо оценить основные стрессогенные факторы и модели поведения персонала, оценить уровень профессионального «выгорания» сотрудников, их нервно-психическое напряжение. На основании данных диагностики выявляются «группы риска» и конкретные сотрудники, чье состояние требует первостепенного вмешательства, проблемные зоны и факторы, нуждающиеся в корректировке, разрабатываются программы мероприятий по профилактике организационного стресса [4].

Управление стрессом может осуществляться как на уровне организации, так и на уровне работника. Управление стрессом на уровне организации может осуществляться по следующим взаимосвязанным направлениям: подбор и расстановка кадров; постановка конкретных и выполнимых задач; проектирование работ; взаимодействие и групповое принятие решений; программы оздоровления работников. Практика компаний, работающих на российском рынке, показывает, что программы оздоровления работников могут включать в себя различные мероприятия: от организации групповых консультаций до проведения сеансов медитации, гипноза, восточных курсов самообороны и самовнушения, предлагаются сеансы арт-терапии, игротерапии, цвето- и светолечения, аквариумистики, релаксации на природе, с использованием методов звукового восприятия.

Следует признать, что для российских организаций, разработка подобных программа является скорее исключением. С.М. Шингаев провел анализ российских программ стресс-менеджмента и показал, что подавляющее число программ ограничивается двух-трехдневными тренингами с набором тех или иных техник релаксации и дыхательных упражнений [3].

Безусловно, проблемы, с которыми приходится сталкиваться руководителям или рядовым сотрудникам, разные – отсюда и деление услуг по

стресс-менеджменту: коучинг руководителя, тренинги для персонала, выравнивание микроклимата в коллективе [5].

Анализ проблемы показал, что стресс-менеджмент связан с такими видами управления, как менеджмент внутрифирменных коммуникаций, риск-менеджмент, конфликт-менеджмент, поскольку они оказывают стрессовое влияние на весь коллектив компании или некоторых сотрудников. Но в большинстве случаев реакция на упомянутое стрессовое влияние чаще всего носит спонтанный характер, и задачи решаются исключительно тактические, что в корне противоречит концепции управления стрессом.

Список литературы

1. Корнетов Н.А., Янковская А.Е., Китлер С.В., Силаева А.В., Шагалова Л.В. К вопросу о динамике развития представлений об организационном стрессе и подходов к его оценке // Фундаментальные исследования. № 10. 2011. С. 598-603.
2. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2006. 262 с.
3. Шингаев С.М. Управление стрессом в организации // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». № 7 (41). 2008. С. 107-112.
4. Бурчакова М.А., Сардарян А.Р. Стресс в организации: управление в контексте социально-ориентированной экономики // Российское предпринимательство. 2012. № 20 (218). С. 79-84.
5. Монина Г.Б., Раниала И.В. Тренинг «Ресурсы стрессоустойчи-вости» СПб.: Речь, 2009. 250 с.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ГЕНДЕРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ В СИСТЕМАХ ЗАНЯТОСТИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

INFLUENCE OF GLOBALIZATION ON GENDER DISPROPORTIONS IN SYSTEMS OF EMPLOYMENT AND THE HIGHER EDUCATION

С.А. Батуренко
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
S.A. Baturenko
Lomonosov Moscow State University

Анализируется проблема гендерных диспропорций в системах занятости и высшего образования в условиях глобализации. Описываются существующие в современном обществе противоречия между широкими возможностями получения образования для обоих полов и диспропорциями на рынке труда, меньшей оплатой труда женщин по сравнению с мужчинами, подтверждаемых статистическими данными. Автор приходит к выводу, что широкие

возможности получения образования для женщин создают иллюзию одинаковых возможностей, в результате которой большинство людей не замечают существующего неравенства.

In this article the problem of a research of gender disproportions in systems of employment and the higher education in the conditions of globalization is analyzed. The author describes the contradictions existing in modern society between ample opportunities of education for both floors and disproportions in the labor market, smaller compensation of the women in comparison with men confirmed by statistical data. The author comes to a conclusion that ample opportunities of education for women create illusion of identical opportunities as a result of most of which of people doesn't notice the existing inequality.

Ключевые слова: современное общество, гендерные диспропорции, система занятости, система образования, гендерное неравенство

Keywords: modern society, gender disproportions, system of employment, education system, gender inequality

Значительное место в системах занятости и высшего университетского образования современного общества занимает проблема гендерного неравенства. Современный этап развития общества характеризуется наличием гендерных диспропорций в возможности доступа к различного рода ресурсам: экономическим, политическим, образовательным. В условиях процессов глобализации данная проблема привлекает еще большее внимание социологов. ООН относит ее к числу глобальных, рекомендуя государствам решать проблему путем изменения существующих моделей гендерного неравенства. В настоящее время заметно противоречие между широкими возможностями получения образования для обоих полов и диспропорциями на рынке труда, меньшей оплатой труда женщин по сравнению с мужчинами, подтверждаемых статистическими данными. Широкие возможности получения образования для женщин создают иллюзию одинаковых возможностей, в результате которой большинство людей не замечают существующего неравенства.

Безусловно, за последние десятилетия в мире в целом достигнуты значительные изменения в области установления принципа гендерного равенства. В этом направлении работает множество специальных организаций, включая правительства, женские движения, профсоюзные организации. Проблемам диспропорций в системе занятости и заработной платы посвящено множество международных конференций и специальных исследований. Вместе с тем борьба с гендерной дискриминацией и существованием соответствующих стереотипов остается актуальной и в настоящее время. Для социологов особый интерес представляют реальные сложности и препятствия на рынке труда для женщин. Проблема заключается не только в традиционном вопросе

совместимости профессиональной деятельности с семейными обязанностями, но также с влиянием процессов глобализации. Глобальная экономика определенным образом перестраивает систему образования и систему занятости в целом. Произошел переход от монопрофессионального общества к полипрофессиональному, с новым разделением труда и новой трудовой этикой. Изменилась сама суть труда, что нашло отражение в языке, на смену категории «труд» пришла категория «занятость». Увеличение мобильности в современном обществе способствует необходимости выработки более гибкого поведения, снижению степени профессионализма, возрастанию умственных расстройств, разрушению тесных связей между людьми и увеличению психологической изоляции и одиночества индивидов. Учитывая эти изменения можно отметить наиболее сложное положение женщин по сравнению с мужчинами в условиях нестабильности и неуверенности в будущем, являющихся следствием процессов глобализации. Гендерные диспропорции, как и гендерную дискриминацию, обсуждает огромное количество экспертов: политики, юристы, экономисты, социологи, вместе с тем оставляя ряд вопросов без достаточного внимания и анализа.

Программа развития ООН, а также неправительственная организация Всемирный экономический форум (ВЭФ), начиная с 2006 г., используют Индекс гендерного неравенства (Gender Gap Index), демонстрирующий существование разрыва между мужчинами и женщинами в различных сферах: политической, экономической, образовательной [1]. Принимая во внимание данный индекс, можно проследить динамику развития неравенства с целью поиска возможностей его преодоления. Согласно показаниям индекса на 2012 г., не было ни одной страны, в которой было бы достигнуто гендерное равенство. Россия в общем рейтинге стран занимает 59-ое место из 135 стран, и по сравнению с 2006 годом ее позиция опустилась на 10 пунктов [2].

В течение длительного времени складывались устойчивые представления о гендерных особенностях различных профессий, закрепившихся в том числе и на глобальном уровне. Произошла «феминизация» некоторых профессий и даже отдельных дисциплин в системе высшего образования. Определенные специальности и в настоящее время остаются исключительно феминизированными, что является существенным препятствием на пути перехода к более гибкой системе труда в глобальном обществе. В массовом сознании действительно укоренилось представление о том, что педагог, филолог, психолог, социолог воспринимаются как женские профессии, поскольку входят в культурные фреймы образованной жены и домохозяйки [3].

В современном глобальном обществе рабочие места, связанные с определенными «мужскими» профессиями, представляют особую

привлекательность для женщин, с точки зрения перспектив продвижения и более высокой оплаты труда. Можно говорить о существовании мотивации для поиска рабочего места в сферах мужской занятости. С другой стороны, обратной тенденции – перехода мужчин в сферу занятости женщин, как менее престижной и менее оплачиваемой, не наблюдается. Для женщин, только наличие высшего образования дает шанс на получение более высокого заработка, статуса, престижа. Что касается мужчин, рабочие профессии со средним специальным образованием уже дают шанс на высокую оплату труда и перспективы продвижения. Однако в условиях быстро изменяющейся социальной реальности время, затраченное на обретение высшего образования для женщин, играет против них.

С точки зрения феминистской теории в соответствии с патриархальной концепцией женственности (как представлении о правильной и неправильной женственности), в обществе складываются предпочтения профессиональных ролей, в результате чего под воздействием неформально действующих норм, влияющих на поведение индивида и на выбор профессии, предпочтения женщин складываются также на основании принятых в данном обществе представлений о правильном или неправильном материнстве. Вместе с тем гендерную типизацию в области выбора профессии характеризует низкий престиж и низкое материальное вознаграждение видов деятельности, считающихся женскими. П. Инглэнд приводит в качестве доказательств также подтверждает влияние патриархальных культурных норм, ограничивающих женщинам доступ к мужским профессиям, сферам занятости, как и к власти, доходам, статусу [4]. Разделение знания и труда по полу рассматривается как один из видов игры, в которой современные женщины все больше рискуют, становясь жертвами иллюзий о том, что они с мужчинами равны.

Проблемы гендерного неравенства и диспропорций в системе занятости и высшего образования коренятся не только в области гендерной типизации профессий, существующей в современном обществе, и факторов, влияющих на выбор профессии, но и мотивации, культурных, пространственных и временных особенностей общества. Современный американский социолог Сесилия Риджвей определяет гендер как культурный фрейм, координирующий поведение и организующий социальные отношения людей как мужчин и женщин [5]. Опираясь на данное определение, можно интерпретировать гендерные различия в системах занятости и высшего профессионального образования. Культурный фрейм влияет на образ идеального представителя профессии, образ жены и матери. Вместе с тем современные исследователи гендерных неравенств также указывают на подвижность и вариативность фреймов, проявляющихся в более гибких гендерных рамках. В современном

обществе маркировка профессий становится менее заметной, но вместе с тем различия проявляются в сфере межличностного взаимодействия. Современная феминистская теория утверждает, что в целом для наиболее адекватного представления о профессиональных предпочтениях и женской ситуации в системах занятости и высшего образования необходимо учитывать взаимодействие гендера, классового неравенства, этнической принадлежности, наложившихся на определенные культурные условия.

Список литературы

1. Неправительственная организация Всемирный экономический форум (ВЭФ). Режим доступа: https://www.weforum.org/.
2. Неправительственная организация Всемирный экономический форум (ВЭФ). Индекс гендерного неравенства [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2012/#section=the-global-gender-gap-index-2012. (дата обращения 30.01.2017).
3. «Ткач — сугубо мужская профессия, а ткачиха – сугубо женская» Справедливо ли делить профессии на мужские и женские? // Сайт ФОМ [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://fom.ru/Rabota-i-dom/11030. (дата обращения 30.01.2017).
4. Инглэнд П. Изолированный индивид: андроцентристский уклон в экономической теории // Жеребкин С. Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; Спб.: Алетейя, 2001. С. 386-404.
5. Ridgeway C. Framed before we know it: How gender shapes social relations // Gender and Society. 2009. Vol. 23. P. 145-160.

РОЛЬ КРИЗИСА В ТРАНСФОРМАЦИИ ПОДХОДОВ К СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

THE ROLE OF THE CRISIS IN TRANSFORMING APPROACHES TO SOCIAL RESPONSIBILITY

Е.И. Батьянова
Иркутский государственный университет
E.I. Batyanova
Irkutsk State University

Рассматриваются влияние кризиса в анализе форм социальной ответственности бизнеса, этапы трансформации условий и форматов взаимодействия; раскрываются социокультурные причины данных стратегий.

The article examines the impact of the crisis in the analysis of forms of social responsibility of business, shows the stages of transformation of conditions and formats of interaction, reveals the socio-cultural causes of these strategies.

Ключевые слова: социальная ответственность, подходы, этапы, формы развития
Keywords: social responsibility, approaches, stages, forms of development

Многие российские специалисты полагают, что в настоящее время сложилась специфическая российская модель КСО, отличительная черта которой состоит в совмещении современных и исторических форм участия бизнеса в решении социальных проблем.

Российские реалии уникальны, они сочетают в себе опыт прошлых десятилетий других стран и одновременно современные процессы изменения КСО. Время нулевых годов, когда социальная ответственность компаний отождествлялась с благотворительностью, минуло. Сегодня КСО – это форма и стратегия развития любого серьезного бизнеса. Социальная ответственность становится инструментом регулирования социального воспроизводства и развития не только одного предприятия, но и целой территории. Социальная ответственность становится поводом для развития через новые форматы взаимодействия и регулирования социальных отношений [1].

Социальная ответственность снижает предпринимательские риски, укрепляет конкурентные преимущества компании, повышает эффективность персонала, качество его труда, увеличивает лояльность потребителей, повышает социальную значимость и репутацию компании, создает оптимальные условия для развития территории своего присутствия.

Это показывает взаимосвязь со стратегическими ориентирами развития государства и бизнеса. Современные компании начинают применять данную модель социальной ответственности в целях своего развития. Но и они сталкиваются с трудностями формального и личностного характера. В работе О.А. Полюшкевич [2] достаточно подробно об этом написано. В частности, она обозначает следующие дуальности:

- Провозглашение создания условий для развития КСО компаниями со стороны власти и их номинальное применение;
- Непрозрачные схемы взаимодействия с адресатами социальной поддержки и реальными формами реализации социальных проектов;
- Освещение в СМИ примеров социальной ответственности компаний либо под «заказным» углом освещения с позиции компании, либо в свете негативной интерпретации;
- Отсутствие системной сбалансированной системы социального взаимодействия с различными социальными институтами.

На наш взгляд, эти примеры дуальности восприятия современных практик КСО достаточно красноречиво показывают, какие проблемные зоны в реализации социальной ответственности существуют у компаний.

С одной стороны, российская экономическая ситуация не дает реальных шансов для разворачивания активной социальной политики компаний из-за экономических санкций, инвестиционных ограничений, сложной стратификационно-управленческой системы развития бизнеса. Результатом этого является весьма не простой диалог между бизнесом, властью, общественным сектором и самим населением.

С другой – растет понимание, что развиваться в одиночку невозможно, развитие одного при упадке всего общества невозможно, это дурная стратегия и еще более бесперспективная политика развития. Начиная от заботы о своих сотрудниках (достойных условий труда, социальных и экономических гарантий), заканчивая заботой о территории пребывания компании.

Экономический кризис и введённые экономические санкции против России еще более обострили данную задачу. Сегодня социальная ответственность российской компании (КСО) – это её вклад в экономическую, экологическую и социальную деятельность, обеспечивающий и поддерживающий устойчивое развитие как самой компании, так и регионов ее присутствия и общества в целом.

В России больше развито практическое направление, эмпирические исследования в основном сосредоточены на уровне конкретных программ, оценки их плюсов и минусов. Это главным образом социологические исследования, опросы управленцев и руководителей предприятий, что вполне объяснимо, так как российские компании неохотно раскрывают финансовую информацию, необходимую для экономического анализа.

Российская модель корпоративной социальной ответственности бизнеса формируется, к сожалению, без активного участия государства в данном процессе. Не существует каких-либо государственных программ, направленных на поддержку и стимулирование корпоративной социальной ответственности.

Тем не менее, российским компаниям необходимо развитие КСО для успешного осуществления деятельности на мировых рынках и сотрудничества с западными компаниями. Следовательно, в настоящее время инициаторами формирования Российской модели корпоративной социальной ответственности являются ведущие российские организации.

Развитие социально-экономической ответственности российских фирм напрямую зависит от становления гражданского общества в России, а также от экономических показателей в целом. В условиях развития гражданского общества возникает механизм самоуправления, позволяющий максимизировать результаты деятельности и справедливо их распределять между всеми участниками хозяйственных процессов [3].

С 2000-х гг. социальная ответственность начала активный подъём в своём развитии, этому способствовало то, что Президент РФ в 2003 г. призвал российский бизнес стать «социально ответственным». И большинство крупных компаний, увидев в этом привлекательные стороны и проанализировав собственные интересы, справились с данной задачей. С компаниями, которые непосредственно столкнулись с кризисом, дела обстоят иначе. Например, строительные фирмы, которые строят жилые комплексы, столкнулись с финансовыми сложностями и не смогли своевременно и полноценно включиться в политику социальной ответственности.

Но в целом роль кризиса в развитии социальной ответственности не нужно расценивать как негативное. В какой-то мере кризис создал конкурентную среду, где столкнулись корпорации, и за счёт этого экономический кризис дал толчок для развития в этих корпорациях.

Список литературы

1. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 131 с.
2. Полюшкевич О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. С. 103-110.
3. Борисова Ю.В. Социальное партнерство как процесс и результат развития предпринимательства // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе материалы V Всероссийской научной Интернет-конференции. Под общ. ред. О.А. Кармадонова, О.А. Полюшкевич. 2013. С. 111-118.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОНТЕКСТЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

THE TRANSFORMATION OF HUMAN POTENTIALIN THE CONTEXT OF THE CORPORATE CULTURE OF A TRADE COMPANY EXAMPLE

Е.Н. Башук, А.В. Шмеркович
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E.N. Bashuk, A.V. Shmerkovich
Lobachevsky University

Корпоративная культура рассматривается как важнейший фактор, оказывающий влияние на результат активности людей посредством повышения

мотивации, удовлетворённости и лояльности сотрудников. Описывается сущность и внутреннее содержание данных понятий. Представлены элементы корпоративной культуры исследуемой российской торговой компании по степени важности для членов данной организации.

The corporate culture is considered as essential factor of motivation, employee satisfaction and their commitment. The article describes the essence and the inner meaning of these terms. The elements of corporate culture are represented in the Russian trade organization and determined their ranking for employee.

Ключевые слова: корпоративная культура, лояльность к организации, приверженность, терпимость к организации, мотивационная готовность, удовлетворённость

Keywords: corporate culture, loyalty to the organization, employee commitment, tolerance to the organization, motivational readiness, satisfaction

Человеческий фактор является основополагающим в деятельности каждой организации. Отношение персонала к своему труду, к организации, коллегам сильно влияют на результативность деятельности компании. Как подтверждают многие современные исследования и практики организаций, корпоративная культура способна оказать значимое влияние на позицию сотрудника относительно компании, в которой он работает.

Многие исследователи и руководители осознают значимость корпоративной культуры для организации, однако, к сожалению, нет единого понимания данного феномена.

В литературе можно встретить следующее разделение направлений исследования корпоративной культуры: *описательные исследования*, акцентирующиеся на создании новых методов диагностики культуры организации, типологизации и определении главных параметров; *доказательные теории* о влиянии корпоративной культуры на поведение работников и экономическую эффективность компании [1].

Нами корпоративная культура понимается как система ценностей, норм и образцов поведения, которых придерживается большинство членов организации и которые отличают одну организацию от другой.

Методологической основой нашего исследования является модель Д. Денисона, который понимает корпоративную культуру как инструмент управления организацией и персоналом. Культура организации должна содействовать решению следующих задач: внешняя адаптация к условиям на рынке и внутренняя интеграция всех элементов. Концепция Денисона не связана с исходным состоянием корпоративной культуры и предполагает подстраивание модели под нужны руководства [2].

Наше исследование можно отнести к доказательному, так как его целью является выявление характера связи позиций сотрудников по отношению к организации с восприятием ими корпоративной культуры. В настоящее время множество трудов направлены на выявление влияния элементов корпоративной культуры на различные характеристики деятельности компании: модель OSP Шеридана и Чатмена (влияние уважения к людям и командной ориентации на вовлечённость и удовлетворённость сотрудников) [3], исследование Кука и Руссо (влияние организационного имиджа на вовлечённость персонала, согласованность организационных изменений и индивидуальных ценностей с удовлетворённостью, мотивацией трудиться дольше и приверженностью) [4].

В работе было рассмотрено влияние корпоративной культуры на удовлетворённость, лояльность и мотивацию, которые, в свою очередь, оказывают влияние на результативность работы, желание развивать свой личный потенциал и стремление быть полезным для организации и общества.

Лояльность нами определяется как совокупность установок личности, обусловливающих отношение работника к организации и его интегрированность в организационную систему. Так как организация может переживать различные состояния – стабильность либо потрясения, которые могут привести к распаду компании, выделяются следующие компоненты лояльности: приверженность как позитивная оценка работником своего пребывания в организации, его готовность работать на ее развитие организации; терпимость как толерантность по отношению к организации в кризисных ситуациях и при ошибках руководства [5].

Относительно *мотивации* в качестве основы была взята концепция М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбовича. Максимальная производительность труда имеет место при максимуме усилий со стороны работающего, когда сотрудник готов работать безупречно, больше положенного – главный постулат данной модели [6].

Удовлетворённость нами понимается не как установка, а как продукт процесса взаимодействия между человеком и рабочей ситуацией, имеющий несколько форм, согласно модели А. Бюссинга [7].

В исследовании приняли участие 25 сотрудников торговой компании, которая является одним из лидеров российского рынка поставок складского оборудования и спецтехники. В основном в выборке представлены менеджеры по продажам, но также приняли участие в исследовании заместитель генерального директора, руководители отделов и сервисные инженеры.

В работе были использованы психодиагностические и статистические методы. Оценка мнений работников относительно корпоративной культуры нами была проведена с помощью методики Д. Денисона «Корпоративная

культура», которая позволила рассчитать выраженность 4 характеристик культуры: адаптивность, миссия, взаимодействие и вовлечённость [2]. Для оценки степени удовлетворенности или неудовлетворенности персонала трудом была использована методика «Динамическая удовлетворённость трудом» [8]. Степень лояльности сотрудников оценивалась по методике «Лояльность к организации» [5; 9]. Для диагностики мотивационной готовности сотрудников была применена методика «Оценка мотивационной готовности» [5; 10].

Собрав данные по группе испытуемых и выполнив корреляционный и сравнительный анализы, в исследуемой организации были выделены особо важные элементы корпоративной культуры, которые могут оказать значительное влияние на поведение сотрудников в организации. Важна согласованность целей исследуемой организации с миссией и стратегией, что имеет связь с прогрессивной удовлетворённостью персонала – высокая достоверная ($p<0,05$) положительная корреляция 0,49; готовностью прилагать усилия при осуществлении трудовой деятельности – положительная корреляция 0,5. Так как сотрудники видят направление своей работы, они способны связать цель компании с целью собственной деятельности, благодаря чему появляется чувство значимости и степени влияния на рабочие процессы.

Инвестирование исследуемой компании в профессиональное развитие сотрудников может помочь повысить качество работы персонала, велика вероятность, что персонал будет более продуктивно распределять время на работе – высокая достоверная ($p<0,05$) положительная корреляция 0,48. Благодаря сотрудничеству организации с образовательными учреждениями, возможно, персонал будет прилагать больше усилий на работе – положительная достоверная корреляция 0,52; развивать межличностные отношения с целью повышения эффективности своего труда – корреляция 0,51; больше стремиться к преобразованиям и нововведениям в своей профессиональной деятельности – 0,56. Персонал торговой организации, в которой было проведено исследование, вследствие развития своих компетенций на рабочем месте более склонен проявлять удовлетворённость трудом – корреляция 0,46, внутреннюю приверженность (корреляция 0,43) и внутреннюю толерантность (корреляция 0,58) по отношению к компании. Большое значение для данной организации имеет развитие клиентоориентированности персонала, так как компания занимается предоставлением услуг, продажей, взаимодействует с клиентами.

Для исследуемой организации важно, чтобы руководство доверяло своим подчинённым, давало больше возможностей влиять на рабочие процессы. Сотрудники, которым предоставлено достаточное количество полномочий, вполне вероятно, будут проявлять лояльность по отношению к своей организации – корреляция индикатора корпоративной культуры «полномочия и

ответственность» с внутренней приверженностью 0,53, с внутренней терпимостью 0,43. Данные сотрудники, возможно, будут склонны внедрять новые технологии в работу, не консервативны, склонны помогать коллегам, активно общаться с людьми по профессиональным вопросам. Персонал исследуемой организации, который может влиять на рабочие процессы, имеет личные перспективы в организации, стремится выполнять свою работу идеально и эффективно. На данный показатель следует обращать внимание не только представленной организации, но и другим российским компаниям, так как, к сожалению, как показывают многие исследования корпоративной культуры отечественных организаций, руководство не готово делегировать полномочия, несмотря на то, что желают работать с инициативными и активными сотрудниками. Понимая, что предоставление полномочий только улучшит состояние организации, повысит лояльность, мотивацию сотрудников, можно значительно увеличить выручку и эффективность компании.

Таким образом, необходимо обращать внимание на согласованность целей и миссии компании, развитие персонала (особенно клиенто-ориентированности), делегирование полномочий руководством, предоставление относительной свободы персоналу в своих действиях на работе. Именно в данных показателях изученной компании возможно развитие потенциала персонала и компании в целом.

Список литературы

1. Гоголева А.С. Нормативно-ролевые требования к работнику как элемент организационной культуры российских бизнес-организаций: дисс. … к.социол.н.: 22.00.03. М., 2012. 245 с.
2. Денисон Д., Хойшберг Р. Изменение корпоративной культуры в организациях. СПб.: Питер, 2013. 192 с.
3. Sheridan J.E. 1992 Organizational culture and employee retention. Academy of Managment Journal 35: 1036-1056 p.
4. Cooke R.A., Rousseau D.M., Behavioral norms and expectations // Group & Organizational Studies. 1988. Vol. 13. No. 3. 245-273 p.
5. Башук Е.Н., Орлов А.В. Связь лояльности работников с их мотивацией и организационной неопределенностью // Десятая юбилейная международ. научно-практическая конференция «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития». 24-26 ноября 2010 г.: Материалы конференции. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. Часть 2. С. 25-30.
6. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А., Пономаренко В.А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: психологический аспект. Минск: Университетское, 1985. 206 с.
7. Bussing A., Bissels T., Fuchs V. and Perrar K.-M. A dynamic model of work satisfaction: Qualitative approaches. Human Relations (in press), 1997.

8. Орлов А.В., Башук Е.Н., Хмелев Е.А. Тестовая диагностика клиентоориентированности персонала компаний // Четырнадцатая международ/ научно-практическая конференция «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития». 25-28 ноября 2014 г.: Материалы конференции. СПб.: Изд-во ИМЦ «НВШ – СПб», 2014. С. 128-130.

9. Орлов А.В. Связь субъектности с различными составляющими организационного поведения // Человек, субъект, личность: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского, Москва, 10-11 октября 2013 г.: В 3 т. / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко: В 3-х т. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. Т. 3. 461-464 с.

10. Орлов А.В. Проявления трудовой мотивации и лояльности банковских служащих в условиях ожидания экономического кризиса // Одиннадцатая международ. научно-практ. конференция «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития». 23-25 ноября 2011 г.: Материалы конференции. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 207-211.

СОКРАЩЕНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В 21 ВЕКЕ

REDUCTION OF WORKING TIME AS A FACTOR OF HUMAN DEVELOPMENT IN THE 21ST CENTURY

О.А. Бердникова
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет
O.A. Berdnikova
Kazan Federal University

Рассматриваются основные тенденции трудовых ресурсов и их возможное влияние на сокращение рабочего времени в XX в. Предлагается концепция управляемого свободного времени, которая позволит улучшить как качество трудовых ресурсов, так и качество жизни людей.

This article examines the main trends of labor resources, and it's possible impact on the reduction of working time in the 21st century. Here is the proposal of concept of managed free time, which will improve both the quality of labor resources and the quality of people's lives.

Ключевые слова: сокращение рабочего времени, человеческий капитал, трудовые ресурсы, труд, качество жизни

Keywords: reduction of working time, human capital, labor, labor, quality of life

Всеобщее призвание человека – это труд. Труд является основной деятельностью человека, определяет место в обществе. Он удовлетворяет не только базовые потребности человека, но и потребности высшего уровня в

самовыражении и самоактуализации. В процессе труда человек реализует себя как творец, раскрывает свои способности и таланты [1]. Таким образом, благодаря труду обеспечивается соответствующее качество жизни.

За последние десятилетия мы можем отметить очевидные тенденции, связанные с человеком и трудом. Во-первых, это рост численности населения планеты. Во-вторых, это увеличение продолжительности жизни человека, «…максимальная ожидаемая продолжительность жизни увеличивалась на один год каждые четыре года». [2]. На фоне развития научно-технического прогресса в сфере производства мы видим интенсификацию труда, когда все меньшее количество труда необходимо для производства того же объема продукции, что и ранее, все меньшее количество рабочей силы требуется в производственной сфере. Казалось бы, должна быть тенденция сокращения рабочего времени для человека производственной сферы. Однако, в реальной жизни произошло перетекание рабочей силы из производственной в непроизводственную сферу, или сферу услуг. Развитие сферы услуг является третьей очевидной тенденцией, которая оказала огромное влияние на перераспределение трудовых ресурсов. Во многих развитых странах количество занятых в сфере услуг превышает 60-70% [3]. Следует отметить еще одну тенденцию, связанную с самозанятостью и затратами труда в домашнем хозяйстве. В развитых странах затраты труда в домашнем хозяйстве составляют от 50 до 80% от общего количества труда [3]. Нельзя не отметить влияние развития цифровых технологий и интернета на занятость трудовых ресурсов. Все меньшее количество материальных и производственных объектов, а также трудовых ресурсов требуется для создания компаний с большой капитализаций. Все большее количество рабочей силы в информационных компаниях работают дистанционно, и не по времени, а по результату. Все эти тенденции ведут к объективному перераспределению занятости людей в ближайшем будущем.

Похожие мысли и прогнозы высказывали еще классики экономической теории, такие как К. Маркс и Дж. М. Кейнс.

Кейнс предсказывал, что через 100 лет не будет потребности в таком объеме труда. Будет решена проблема выживания, и труд как производительная сила не будет нужен в прежнем объеме. «Трехчасовые смены или пятнадцатичасовая рабочая неделя решат проблему» [4].

В работах К. Маркса есть высказывания о «возможности нации совершать все свое производство за более короткое время» [4]. Кстати, Маркс говорил и о необходимости восстановления рабочей силы, т.е. свободного времени: «.. итак, что же такое стоимость рабочей силы? Подобно стоимости всякого другого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимым для ее производства. Рабочая сила человека существует только в

его живой личности. Для того чтобы вырасти и поддерживать свою жизнь, человек должен потреблять определенное количество жизненных средств. Однако человек, подобно машине, изнашивается, и его приходится заменять. Кроме того количества жизненных средств, которое необходимо для поддержания существования самого рабочего, он нуждается еще в некотором их количестве для того, чтобы вырастить детей, которые должны его заменить на рынке труда и увековечить род рабочих. Сверх того приходится затратить еще известную сумму стоимости для того, чтобы рабочий смог развить свою рабочую силу и приобрести определенную квалификацию. Для нашей цели здесь достаточно рассмотреть только средний труд, при котором издержки на воспитание и обучение составляют ничтожно малую величину. Однако, пользуясь случаем, я должен отметить, что так как издержки производства рабочей силы различного качества различны, то должна быть различной и стоимость рабочей силы, применяемой в разных отраслях производства [5].

Современные исследователи придерживаются похожего подхода: «причины истощения, снижения эффективности и упадка сил лежат не в интенсивности энергозатрат, а в их продолжительности и отсутствии восстановления» [6].

В своем исследовании Нобелевский лауреат Ангус Дитон писал, что человечество решило проблему с выживанием. Но для человека помимо потребности выживания, есть потребность в развитии. «Для реализации многогранных человеческих способностей требуется время, в рамках которого развитие человека становится самоцелью, – свободное время. Обладание таким временем включается в благосостояние» [7].

Следование тенденциям экономического развития видится в объективных предпосылках к сокращению рабочего времени производственной сферы или же его перераспределения или комбинацией с непроизводственной сферой. Возможно, положительные эффекты будет иметь управляемое свободное время, когда время, высвобожденное от основной деятельности, будет направляться на повышение образования трудовых ресурсов, квалификации или переквалификации, а также освоения смежных или других профессий. Это время целесообразно использовать для спорта, профилактики здорового образа жизни, медицинских процедур, повышающих здоровье и работоспособность трудовых ресурсов и качество жизни людей. Целесообразно использование свободного времени на туризм и расширение кругозора. Тогда, возможно, человечество осуществит качественный скачок в своем развитии.

Список литературы

1. Экономика и социология труда: Учебное пособие / О.А. Бердникова, Ф.М. Сафин. Казань: Юниверсум, 2015. 271 с.
2. Золотов А.В. Об основном противоречии экономического развития и его актуальном проявлении // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2016, №3(43). С. 17-25.
3. Сокращение рабочего дня как основание современного экономического развития / Под. ред. А.В. Золотова. Спб.: Изд-во Политехн.ун-та, 2016. 198 с.
4. Золотов А.В. Маркс и Кейнс о сокращении рабочего времени: прогнозы несбывшиеся, но гениальные // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2015, № 4(40). С. 27-35.
5. Маркс К.; Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 123-125, 127-140.
6. Жизнь на полной мощности. Управление энергией- ключ к высокой эффективности, здоровью, счастью/ Джим Лоэр, Тони Шварц. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 154 [6] с. – Библиотека Сбербанка. Т. 44.
7. Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. 368 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ УСПЕШНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

OPPORTUNITIES FOR SUCCESSFUL SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATION OF COUNTRYSIDE

В.Н. Блохин
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки, Республика Беларусь
V.N. Blokhin
Belarusian State Academy of Agriculture, Gorki, Belarus

Рассматриваются проблемы развития сельских территорий. Социально-экономическая трансформация села возможна в случае принятия комплекса мер, направленных на переход к устойчивому развитию. Важной составляющей модернизации является разработка стратегии устойчивого развития – научного документа и управленческого инструмента. Автор приводит пример личного опыта по разработке стратегии устойчивого развития.

The article examines the problems of development of countryside. Socio-economic transformation of countryside is possible in the case of a set of measures aimed at the transition to sustainable development. An important component of modernization is the development strategy of a sustainable development – a scientific document and a management tool. The author gives an example of personal experience in developing a strategy of sustainable development.

Ключевые слова: сельские территории, проблемы, модернизация, устойчивое развитие, стратегия

Keywords: countryside, problems, modernization, sustainable development, strategy

Сельские территории являются важной социально-территориальной общностью, выполняют функции расселения людей, обеспечение продовольственной безопасности, сохранение национальных традиций и обычаев. Однако в условиях глобальной урбанизации сельские территории России и многих постсоветских стран оказались в сложной ситуации.

Типичной сельской проблемой стала депопуляция, что приводит к вымиранию деревень, стимулирует отток молодежи в города. Сельские территории превращаются в обширные зоны депрессии, где происходит сочетание экономической и социальной апатии, когда снижается до минимума уровень какой-либо активности населения, массовым явлением становится безработица и иждивенчество, распространяется девиантное поведение (пьянство, преступность, аморальность).

Понимание причин сложившейся ситуации критически важно для проведения успешных экономических преобразований в сельских территориях, которые до сих пор находятся в переходном состоянии. Рыночные преобразования, начавшиеся в 1990-х гг., не привели к существенному улучшению ситуации в сельских территориях, а в большинстве случаев стали причиной резкого ухудшения уровня жизни сельчан.

Почему сельские территории не могут перейти на траекторию роста? В чем причина низкой эффективности государственных инвестиций?

Ответы на эти вопросы требуют комплексного анализа ситуации. Даже масштабные государственные субсидии могут оказаться безрезультатными, если не будут учтены особенности мировоззрения сельских жителей.

В западной социологии по отношению к сельскому социуму часто используется понятие «моральной экономики», суть которой заключается в том, что местные жители предпочитают придерживаться традиционных моделей экономического поведения. Так, внедрение новейших технологий всегда оценивается с позиций обеспечения продовольственной безопасности. В случае неуверенности в действенности новых методов сельчане будут продолжать использовать проверенные временем агроприемы и технологии. Внедрению инноваций часто мешает низкий уровень образования и квалификации сельских жителей, что приводит к иррациональным поступкам.

Т. Шанин обращает внимание на гибкое использование семейного труда в сельской местности, благодаря чему удается обеспечивать жизнеспособность сельских сообществ. Однако в настоящее время происходят трансформации,

которые разрушают традиционный семейный уклад. Для сельских семей нормой становится малодетность, нарушается передача важных навыков сельской жизни из поколения в поколение. В соответствии с социологическими опросами Н.Е. Лихачёва (2013 г., Беларусь), лишь 5% сельчан хотят, чтобы их дети жили и работали в сельской местности [1, с. 45-52].

Учитывая изменения, произошедшие в сознании сельчан, сложно рассчитывать на успешные социально-экономические преобразования, поэтому приоритетной задачей становится изучение ментальности и настроений сельских жителей, изменение восприятия сельского образа жизни в обществе.

Для сохранения сельских сообществ и воспроизводства сельской культуры необходима разработка стратегии устойчивого развития.

Термин «устойчивое развитие сельских территорий» используется достаточно часто, как ключевое направление социально-экономической модернизации. В то же время понятие «устойчивое развитие села» не имеет четкого содержания, до сих пор не определены показатели и критерии устойчивого развития, отсутствует единая методика оценки сельских территорий и критериев успешной модернизации [2, с. 403-405].

Чаще всего под устойчивым развитием понимается процесс изменений, суть которого заключается в научно-техническом развитии, снижении использования ограниченных ресурсов, личностные и институциональные изменения направлены на улучшение современного и будущего потенциала для удовлетворения потребностей и устремлений человека.

Социально-экономическая модернизация на основе устойчивости должна привести к постоянному росту и инновационному развитию, которое приводит к формированию разумной системы хозяйства и прекращению нерационального использования ресурсов.

Для успешной модернизации сельских территорий необходима интеграция управленческих, социально-экономических и экологических аспектов, что позволяет решать ряд задач:

– повышение качества местной администрации;
– переход к положительной экономической динамике;
– развитие социальной сферы села;
– обеспечение экологического контроля и безопасности;
– применение энергоэффективных технологий.

Важнейшим ресурсным фактором для модернизации сельских территорий являются квалифицированные трудовые ресурсы. От их наличия и качественного состава во многом зависит эффективное использование всех других ресурсов: земельных, материальных, финансовых, а, значит, и успешная динамика сельских территорий. Неслучайно определяющим чаще всего

является человеческий фактор, которому не уделяется достаточного внимания. Принимая во внимание демографическую ситуацию, прирост данного элемента ресурсного потенциала весьма проблематичен. Особенно это характерно для аграрного сектора экономики, где экстенсивные источники прироста трудовых ресурсов исчерпаны и их увеличение становится практически невозможным. Экономический рост в сельскохозяйственном производстве может быть обеспечен, прежде всего, на основе роста производительности труда.

В странах ЕС устойчивому развитию сельских территорий способствовала поэтапная целенаправленная политика развития, включающая в себя, с одной стороны, комплекс мер по стимулированию производства продуктов питания и обеспечению продовольственной безопасности, с другой – создание диверсифицированной, многоукладной сельской экономики, а также меры по поддержанию экологической безопасности природной среды. Повышение производительности и дисциплины труда, расширение сфер занятости сельского населения (в агротуризме, сервисном обслуживании сельскохозяйственной техники, альтернативной энергетике), позволило справиться со сложившейся ситуацией и вывести сельские территории этих стран на устойчивое развитие [2, с. 23-27].

Центральным звеном сельского территориального развития должна быть стратегия, учитывающая локальные и государственные условия, общественные и личные интересы.

В 2016 г. автор являлся экспертом по разработке стратегии устойчивого развития для сельских территорий Ходосовского сельского совета (Мстиславский район, Могилевская область, Беларусь). Стратегия разрабатывалась в рамках международного проекта «Расширение возможностей в сельской Беларуси».

Важнейшей составляющей любой стратегии устойчивого развития является комплексная социально-экономическая, демографическая и экологическая оценка. На основе собранных данных проводится SWOT-анализ. Этот метод позволяет определить сильные и слабые стороны территории, выявить перспективные направления развития и угрозы, которые необходимо учитывать. Кроме теоретической работы, необходимо непосредственное посещение сельских территорий, для которых разрабатывается стратегия.

Таким образом, для успешной социально-экономической модернизации сельских территорий требуется комплексный подход и серьезное внимание государства. Для любого региона важно создать стратегию устойчивого развития. Стратегия представляет собой управленческий инструмент и, в то же время, научный документ, который учитывает особенности конкретной

территории. Актуальным для постсоветских стран является европейский опыт сельского развития, создания диверсифицированной экономики.

Список литературы

1. Лихачёв Н.Е. Социология белорусского села – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2014. 180 с.
2. Новикова И.И., Медков А.Л. Комплексное исследование устойчивого развития сельских территорий // Труды вольного экономического общества России. 2011. Т. 151. С. 403-427.
3. Миренкова Г.В. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика – Горки: БГСХА, 2011. 200 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КУЛЬТУРАЛЬНОГО ПОДХОДА

THE STUDY OF LABOUR RELATIONS USING A CULTURAL APPROACH

В.Ю. Бочаров
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева;
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Санкт-Петербург
Б.Г. Тукумцев
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Санкт-Петербург
V.Y. Bocharov
Samara University;
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg
B.G. Tukumtsev
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Дается описание одного из первых опытов исследования трудовых отношений в России с использованием культурального подхода. Приводятся данные об истории изменения содержания феномена культура и оценки социологическим сообществом его роли в развитии социума. Обозначаются основные ориентиры стратегии исследования этого феномена.

This article describes one of the first experiments in the study of labor relations in Russia using the cultural approach. Provides data on the history of change in the content of the phenomenon of culture and the sociological community's assessment of its role in the development of society are given. Highlights the key guidelines of the strategy of research on this phenomenon.

Ключевые слова: трудовые отношения, культуральная социология, культура, стратегия исследования
Keywords: labor relations, cultural sociology, culture, research strategy

Не будет преувеличением сказать, что до начала 90-х гг. прошлого века развитие социологии труда в нашей стране оценивалась как одно из успешных направлений возрождаемой социологической науки. На промышленных предприятиях и в организациях востребовалось и выполнялось большое число прикладных и поисковых социологических исследований. Наряду с этим формировалась теоретико-методологическая основа этих исследований. Наиболее значительный вклад в ее развитие внес выполненный в 60-е гг. на кафедре философии Ленинградского университета научно-исследовательский проект «Отношение к труду». Его осуществила группа молодых исследователей под научным руководством В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова. Результаты выполненного исследования стали широко известны, благодаря написанной ими книги «Человек и его работа» [1]. В те годы эта книга стала не только методологическим руководством для подготовки исследовательских программ в сфере труда, но и одним из первых в стране учебных пособий для начинающих социологов.

Между тем с началом 90-х гг. у социологов труда появились неожиданные проблемы. Они были связаны с радикальными переменами, произошедшими в стране. Правительством был взят курс на либеральное развитие экономики, на изменение отношений собственности. Иным стал характер труда. Произошли радикальные изменения в социальной структуре общества. Появилась новая категория общественных отношений – «трудовые отношения», обусловленные образованием новых социальных групп – работодателей и работников наемного труда, интересы которых существенно различаются.

Для исследователей стало очевидным, что ставшая традиционной в исследованиях труда концепция «Человек и его работа» для анализа взаимодействия новоявленных собственников предприятий и работников наемного труда использована быть не может. В новых условиях она может по-прежнему применяться для оценки уровня удовлетворенности человека своей работой и ее условиями. Но анализ взаимодействия новых социальных групп в сфере труда нуждался в иных исследовательских подходах, способных раскрыть социальные механизмы формирования этих отношений как отношений противостояния, так и сотрудничества.

Поиск концепции, способной открыть путь к анализу социологической природы новых отношений, начался уже в 90-х гг. и продолжается до настоящего времени. Многие из исследовательских проектов делали и

продолжают делать акцент на общей оценке социальной ситуации, складывающейся на приватизированных предприятиях страны. При этом используются традиционные методические средства, а иногда это дополняется методическим инструментарием социологии конфликта, социологии управления. Разумеется, при этом можно получить определенное представление о социальной ситуации на предприятиях, находящихся в частной собственности. Но это не раскрывает специфики социальных механизмов трудовых отношений, поэтому с момента появления этой методологической задачи не прекращались поиски стратегии анализа социальных механизмов взаимодействия сторон трудовых отношений. Делались попытки позаимствовать средства такого анализа в странах с развитой экономикой. Одно из первых исследований такого рода было организовано В.А. Ядовым. Это исследование носило международный характер. Наряду с социологами России в нем участвовали исследователи Канады и ФРГ [2]. Проводились исследования с участием зарубежных исследователей [3; 4]. Но задача оказалась не из простых, а путь к ее решению давался нелегко. Не в последнюю очередь это происходило и потому, что современные трудовые отношения в экономически развитых странах уже давно не сталкиваются в области трудовых (индустриальных) отношений с проблемами, с которыми сталкиваются в настоящее время отечественные предприятия [5, с. 10-63]. И, очевидно, что трудовые отношения за рубежом функционируют на основе принципов, существенно отличных от российских реалий.

Основной целью отечественных исследовательских поисков было и продолжает быть создание современной концепции социологического анализа трудовых отношений, учитывающей, с одной стороны, условия России, где пока что делаются лишь первые шаги по формирование цивилизованной формы взаимодействия сторон. С другой стороны, создание современной исследовательской концепции должно учитывать те радикальные изменения, которые произошли в области теоретической социологии в конце XX столетия. Увертюрой этих изменений, как известно, стал отказ от структурно-функционального подхода к анализу социальной действительности. Отказ от его роли в качестве основной социологической парадигмы. И утверждение в этом качестве деятельностно-активистского подхода. Такая научная революция не могла не отразиться на существенных изменениях в области методологии социологического анализа. О себе заявило большое число новых парадигм и подходов к анализу человеческой деятельности [6]. Сохранившаяся полипарадигмальность предоставила исследователям возможность широкого выбора новых, современных исследовательских концепций.

В 2006 г. силами небольшой исследовательской группы Социологического института РАН (в Санкт-Петербурге и в Самаре) мы подготовили программу и осуществили экспериментальное исследование трудовых отношений на необычном для социологов труда объекте. На протяжении трех лет ими стали четыре научно-исследовательских института. Это было связано с проблемами финансирования. То, что оно осуществлялось в исследовательском институте, а не на промышленном предприятии, нас не смущало. В НИИ так же, как и на промышленных предприятиях, существуют трудовые отношения, сопровождаемые конфликтами, взаимонепониманием и социальной напряженностью. Конечно, каждый из этих объектов имеет свою специфику. Но нас, в данном случае, интересовала не эта специфика, а принципиальная возможность оценить ресурсы выбранного подхода, отработать стратегию исследования, методы получения информации [7; 8].

Определяя методологический подход, мы остановили свой выбор на подходе, который основан на анализе феномена «культура». На концепции «культурного подхода». Большую роль в принятии такого решения сыграла вышедшая незадолго до этого из печати монография Л.Г. Ионина «Социология культуры» [9]. Она стала убедительным и завершающим аккордом в наших поисках. В ней убедительно демонстрируется изменение места и роли культуры в ходе общественного развития и становления социологической науки. В уже упомянутом труде Л.Г. Ионина он отмечает, что в настоящее время социальные изменения получают в основном культурную мотивацию. Эти явления свидетельствуют о том, что «культура прогрессирующим образом перенимает функции мотора, движителя общественных изменений и развития» [9, с. 2].

Нельзя не заметить, что подобная или близкая к этому оценка феномена «культура» неоднократно высказывалась на протяжении всего развития социологической науки. Если обратиться к истории формирования социологического знания, то в работах известных теоретиков социологии еще XIX в. можно обнаружить позицию, очень близкую к выводам современных сторонников переоценки роли культуры. Так, например, свод правил, ценностей, особенностей жизни общества был назван М. Вебером способом жизни, или *культурой человеческой деятельности.* О его позиции по поводу роли культуры в жизни общества достаточно убедительно пишет А.И. Шендрик в своей работе «Социология культуры»: «У М. Вебера культура превращается в основной фактор, детерминирующий всю общественную жизнь, обусловливающий специфичность проявления экономических, политических, нравственных отношений. Эта идея красной нитью проходит через все его работы, но наиболее полно и обстоятельно она изложена в его трудах,

посвященных исследованию проблем религии, которая, с точки зрении Вебера, является одной из важнейших культурных форм» [10, с. 52].

Польский социолог Ф. Знанецкий, большая часть жизни которого в первой половине прошлого века прошла в США, придерживался в отношении предмета социологии позиции, которую он сам называл «культурализмом». Он обосновал научную позицию, с точки зрения которой, социология – это наука о культуре [6, с. 48]. Можно было бы привести немало суждений известных социологов, высказанных во второй половине XX столетия, касающихся изменения роли культуры в жизни общества.

Тем не менее, на протяжении длительного времени культура продолжала рассматриваться значительным числом социологов только как основное понятие социологии культуры. При этом ни сама социология культуры, ни другие социальные дисциплины, использующие в своих исследованиях понятие культура, никогда не рассматривали возможность ее непосредственного влияния на состояние и содержание деятельности.

И только к концу минувшего столетия феномен «культура» перестает быть монопольной собственностью социологии культуры. В трудах известных ученых ей начинают прочить новое место и роль в социологическом осмыслении жизни общества. Становилось очевидным, что теоретическая проблема созрела и требует своего методологического развития и признания.

Признание, наконец, состоялось на XVI Всемирном социологическом конгрессе в 2007 г. в Дурбане. Группа американских социологов во главе с Дж. Александером презентовала свою концепцию «Культуральной социологии». В ходе работы конгресса состоялось весьма подробное обсуждение предложенного ими подхода и возможности его применения в социологическом анализе. Это привлекло большой интерес участников конгресса. Новый методологический подход был назван, по предложению авторов, «культуральным». Несколько необычно звучащий термин «культуральный» был признан предпочтительным, чтобы отграничить новый подход от социологии культуры, антропологии и некоторых других гуманитарных дисциплин, оперирующими понятием культура [11, с. 6].

В своей работе «The Meanings of social Life. A Cultural Sociology», написанной незадолго до этого (в настоящем времени она вышла уже в русском переводе), Дж. Александер, обосновывая необходимость создания новой концепции, пишет: «Интерпретация основного понятия «культура» в культуральной социологии и в ряде гуманитарных дисциплинах весьма близки. И там, и там культура рассматривается как способ жизни. И там, и там ее определение можно свести к формуле: «культура это все что люди делают, то, что они думают и чем они обладают» [12, с. 129].

Тем не менее, это сходство чисто поверхностное. В методологии культурального подхода культура занимает иное место в деятельности людей, нежели то, которое ей отводится, например, традиционной социологией культуры. Здесь под понятием культуры предполагается зависимая переменная, которая формируется под влиянием изменений в видах и содержании деятельности, социальной структуре общества или в материальной сфере.

Традиционно культуру рассматривают как эпифеномен социального развития, как совокупность *результатов* деятельности людей, как социальное наследие. Отсюда понятие культурного лага, неизменного отставания культуры от событий социальной действительности. Что же касается культуральной социологии, то здесь, указывает далее Дж. Александер, культуре отводится иное место в деятельности людей. Она рассматривается как координатор в формировании социальной жизни, движитель социальных изменений [13, с. 13].

В отличие от других социологов, по-новому оценивающих роль феномена «культура» в развитии социологии, Дж. Александер не только убедительно обосновал это утверждение, но и осуществил экспериментальные исследования на этой основе. При этом, к сожалению, стратегии своих исследований он ни в одной из своих работ не описывает.

Оценивая концепцию американского социолога, В.А. Ядов обратил внимание на то, что он сделал важный вывод о перераспределении влияния основных факторов, обычно оцениваемых в исследованиях и определяющих состояние трудовой деятельности: «*Все факторы сопровождающие деятельность человека – экономические, организационные, физиологические – оказываются вторичными относительно культурных норм. Высокую степень их влияния на поведение человека отрицать невозможно. Но при этом нельзя не учитывать, что их влияние и следование им постоянно находится под контролем культурных норм*» [14, с. 61]. Это имеет немаловажное значение для последующего анализа данных, полученных в ходе такого рода исследований.

Положив в основу своего экспериментального исследования, проведенного в 2008-2011 гг., концепцию «Культуральная социология» Дж. Александера, мы смогли убедиться в ее удивительно многоаспектных исследовательских возможностях. Проект выполнялся при минимальной финансовой поддержке, хотя требовал многих перепроверок, уточнений, повторных процедур. Была высока ответственность за результат. Ведь это было первое из известных нам в России исследований с использованием культурного подхода [8]. В настоящее время продолжается работа над совершенствованием этого проекта в составе межведомственной исследовательской группы, участники которой работают в разных городах России. Кроме нас двоих в нее

входят С.Г. Климова (г. Москва), Н.В. Авдошина, Ю.В. Васькина (г. Самара), А.С. Мищенко (г. Санкт-Петербург).

Можно сожалеть, что в этой небольшой статье, подготовленной для Международной конференции в Нижегородском Университете им. Н.И Лобачевского, мы не можем описать все те методологические и методические решения, которые были приняты нами в работе над исследованием и в процессе его последующих обсуждений. Правда, на перспективу относительно полное описание этого проекта готовится для его публикации в ежегоднике СИ РАН. Но мы считаем целесообразным сказать очень кратко о некоторых стратегических решениях этого исследования.

Прежде всего, о *проблемной ситуации*, которая легла в основу нашего проекта. Нам представляется, что в исследовании, объектом которого является состояние трудовых отношений, проблема заключается в следующем. Зная и располагая данными о внешних признаках отношений, взаимодействия сторон трудовых отношений (конфликты, социальная напряженность, высокая текучесть кадров, рост числа жалоб, низкая дисциплина), исследователь не знает, какие именно нормы, правила поведения и другие составляющие культуры трудовых отношений оказывают влияние на формирование того негативного (или позитивного) состояния этих отношений, которое наблюдается извне.

В качестве *объекта исследования* программа предусматривает взаимодействие сторон трудовых отношений, состояние их деятельности по отношению друг к другу, которое именуется «трудовыми отношениями».

Предметом становится *культура* этих отношений, которые сложились на промышленных предприятиях и организациях, использующих наемный труд.

Мы придерживаемся следующей интерпретации понятия культура: *Культура трудовых отношений или взаимодействия сторон трудовых отношений – это система целей, ценностей, социальных норм, обычаев, правил и поведенческих практик, которые определяют содержание и восприятие сторонами этого взаимодействия. Культура трудовых отношений формируется на предприятиях и в организациях под воздействием социальной системы трудовых отношений в обществе, государственного законодательства, управленческой политики предприятий, организационных и неформальных практик, имеющих место в них. Состояние этой культуры в значительной степени определяет поведение акторов социальной системы трудовых отношений и их отношение друг к другу*.

Культура в новой роли, как показало наше экспериментальное исследование, оказалась чрезвычайно информативным предметом исследования. Она позволяет оценить многоуровневую систему норм и правил,

которые оказывают влияние на поведение работников и представителей работодателя, на их взаимодействие. Исследование влияния культурных правил дает возможность не только объяснять, но и прогнозировать изменение характеристик деятельности человека [15, с. 77].

Известный польский социолог П. Штомпка, горячий сторонник культурного подхода в исследованиях деятельности, предложил свою, весьма на наш взгляд, удачную структуру анализа культуры деятельности [6, с. 241-255]. Культура каждой общности, группы имеет, по мнению автора, свою внутреннюю структуру, и это сразу же создает условия для отслеживания как комплексного влияния на поведение отдельных элементов культурной среды человека, так и по отдельным ее типам.

Во-первых, это *нормативная культура*. Она тесно связана с понятиями долженствования или, напротив, – запрета. Это нормы, образцы, а также ценности поведения, ради которых оно совершается. Во-вторых, это *идейная (духовная) культура*, которая определяет стандартные способы мышления, смыслы событий, которые становятся обязательными в данном сообществе. И, наконец, *материальная культура.* Это комплекс материальных предметов, конструктивных идей, используемых в этих предметах, а также умение правильно пользоваться этими предметами и технологиями, что тесно связано с условиями и безопасностью труда.

В своем экспериментальном исследовании мы ограничились рамками ценностно-нормативной системы. Для первого знакомства с условиями трудовой и исследовательской деятельности на реальном объекте полученных данных оказалось более чем достаточно. Инструменты исследования себя также оправдали.

Исследование дало ответ, на каком уровне и в какой форме создаются препятствия для успешной деятельности. Мы имели возможность оценить ценностный мир наших информантов и их ожидания. Наконец, мы могли выяснить причины негативного отношения работающих к своей организации и обосновать заключение о состоянии культуры взаимодействия сторон трудовых отношений на обследованных объектах.

Очевидно, что мы получили в свое распоряжение хорошую концепцию.

Список литературы

1. Человек и его работа / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Издательство «Мысль», 1967. 392 с.

2. Становление трудовых отношений в постсоветской России / под ред. Дж. Де Барделебен, С. Климовой, В. Ядова. М.: Академический проект, 2004. 320 с.

3. Шершнева Е.Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб: ООО «Петрополис», 1999. 128 с.

4. Кирдина С.Г. Трудовые отношения в редистрибутивных экономиках: случай России // Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт) / отв. ред. М.В. Каргалова, К.Д. Крылов. М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2003. С. 37-55.

5. Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г. Социальное партнерство на промышленных предприятиях // Петербургская социология сегодня – 2015: сб. науч. трудов Социологического института РАН. СПб.: «Нестор-История», 2015. Вып. 6. С. 10-63.

6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: «Логос». 2005. 664 с.

7. Тукумцев Б.Г. Культура трудовой деятельности как предмет социологического анализа // Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развития общества. Факультет социологии СПбГУ и СИ РАН. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24-26 апреля 2008 г. СПб.: Изд. СПбГУ, 2008. С. 36-42.

8. Тукумцев Б.Г. Анализ инновационной деятельности в научных учреждениях: культуральный подход // Петербургская социология сегодня – 2010: сб. науч. трудов Социологического института РАН. СПб.: «Нестор-История», 2010, С. 306-361.

9. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996. 280 с.

10. Шендрик А.И. Социология культуры. М.: Юнити-Дана, 2005. 495 с.

11. Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. О тенденциях развития социологии в современном мире // СОЦИС. 2007. №6. С. 3-12.

12. Bierstedt R. The Social Order: An Introduction to Sociology. New York: MeGraw Hill, 1963. 602 c.

13. Alexander J.C. The Meanings of social Life. A Cultural Sociology. Oxford, University Press, 2003. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2012/SOC403/um/ALEXANDER_The_meanings_of_social_life.pdf.

14. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд-е второе, исправленное и дополн. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.

15. Тукумцев Б.Г. Каковы перспективы исследования трудовых отношений в России? // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 73-78.

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНФЛИКТОЛОГОВ И МЕДИАТОРОВ

INFLUENCE OF INDIVIDUAL AND PSYCHOLOGICAL PERSONALITY IN PROFESSIONAL ACTIVITY OF CONFLICTOLOGISTS AND MEDIATORS

Р.Р. Галимзянова
Казанский национальный исследовательский технологический университет
R.R. Galimzyanova
Kazan National Research Technological University

Посвящено проблеме профессионального выгорания специалистов конфликтологов и медиаторов. Специалист, работающий в условиях конфликтного взаимодействия, не всегда может сохранить нейтральность и эмоциональную устойчивость, что приводит к внутриличностному конфликту, расстройствам и профессиональному выгоранию. Определение влияния индивидуальных особенностей поможет разработать возможные варианты профилактики профессионального выгорания специалистов для сохранения психического здоровья и профессионализма.

The theses are devoted to the problem of professional burnout of specialists in conflictologists and mediators. A specialist working in conflict situations can not always maintain neutrality and emotional stability, which leads to intrapersonal conflict, frustration and professional burnout. Determining the influence of individual characteristics will help to develop possible options for preventing professional burnout of specialists for maintaining mental health and professionalism.

Ключевые слова: конфликтолог, медиатор, профессиональное выгорание, эмоции, индивидуальные особенности, темперамент, характер, конфликт, профессионализм

Keywords: conflictologist, mediator, professional burnout, emotions, individual characteristics, temperament, character, conflict, professionalism

В течение всей жизни человек взаимодействует с большим количеством людей, при этом в ходе общения их внутреннее состояние окрашено в разнообразную эмоциональную палитру. Сложность управления конфликтом заключается в том, что конфликтные ситуации на определенных фазах их развития, как правило, имеют яркую эмоционально-психологическую негативную составляющую.

Большинство стрессовых ситуаций, с которыми сталкивается конфликтолог в процессе сложного взаимодействия со сторонами, оказывают негативное воздействие на здоровье специалиста. В частности, проявлением негативного влияния является профессиональное выгорание и эмоциональное

истощение, которые представляют собой дисфункциональное состояние специалиста под воздействием длительного психоэмоционального стресса.

Изучение конфликтологом или медиатором механизмов управления собственным эмоциональным состоянием, его умение конструктивно реагировать в трудных ситуациях, возникающих в профессиональной деятельности, изучение способов повышения эмоциональной и психологической устойчивости при регулировании конфликтов позволят построить более продуктивный процесс работы специалиста.

Исходя из специфики профессиональной деятельности конфликтологов и медиаторов, мы можем видеть, насколько высоки требования к профессиям «конфликтолог» и «медиатор». Высоки требования к данным специалистам как в профессиональном плане, так и в индивидуально-психологическом измерении: а именно повышенная эмоциональная и стрессовая устойчивость, способность сохранять нейтральность, безоценочность, объективность и умение строго разделять свои человеческие принципы, установки, стереотипы, свою жизненную позицию от исполнения своих профессиональных функций.

Механизмы и способы, которые применяет специалист для нормализации своего психического состояния, напрямую зависят от его индивидуально-психологических характеристик.

Одним из психических свойств личности, оказывающим влияние на оценивание ситуации, является темперамент человека, который составляет основу развития характера. Для того чтобы реализовать себя в этой области, необходимо иметь четкое представление о своих личностных особенностях и уметь правильно анализировать свое поведение.

В зависимости от соотношения свойств нервной системы И.П. Павлов выделил четыре основных типа высшей нервной деятельности человека, соответствующие определенному темпераменту [1].

Например, выделяют так называемый «безудержный» тип, соответствующий холерикам, которые легко возбудимы и неуравновешенны, переключить их внимание трудно. Если у специалиста данный тип является доминирующим, деструктивной стороной является неуравновешенность, в результате которой происходят вспышки резкости, раздражительности, быстрое истощение сил. В профессии конфликтолога и медиатору важную роль играют такие качества, как самоконтроль, терпение, умение «идти до конца». Все эти качества не соответствуют холеритичному типу темперамента.

«Живой» тип темперамента, соотносящийся с сангвиниками, характеризуется как легко приспосабливающийся к новой обстановке. Люди такого типа живо откликаются на то, что привлекает их внимание. По нашему мнению, люди такого типа наиболее приспособлены к работе в стрессовых ситуациях, в частности, к процессу урегулирования конфликтов, так как

способны контролировать свои эмоции. Они достаточно подвижные, впечатлительные, довольно легко примиряются со своими неудачами и неприятностям. Однако негативные стороны также присутствуют. Стоит отметить, что как только притупляется новизна ощущений, в частности, в работе, сангвиники становятся вялыми и безразличными.

«Слабый» тип личности – меланхолики. Наука определяет такой тип как пассивные, ненастойчивые, легко уязвимые и мало реагирующие на внешние воздействия. Они склонны к глубоким переживаниям, им тяжело находить контакт с внешним миром. Регулирование конфликтных ситуаций, на наш взгляд, для людей такого типа будет представляться достаточно трудным и неэффективным.

Тип темперамента «спокойный», характеризующий флегматиков. Они настойчивы и упорны, ровно и спокойно идут по жизненному пути. Это надежные люди, которых сложно вывести из себя. Флегматики способны оценить силы и сосредоточиться на проблеме, на ситуации, а также проявляют максимум усилий для помощи сторонам. Специалисты с таким доминирующим типом характеризуются такими качествами, как неспешность, невозмутимость, они упорны и настойчивы в работе, могут оставаться спокойными и невозмутимыми, скупы на эмоции во внешнем проявлении.

Разумеется, нет идеального типа темперамента, как и типа личности. Каждый из них имеет свои положительные и отрицательные стороны, в связи с этим главные усилия должны быть направлены не на изменение темперамента или типа личности, а на разумное использование их конструктивных качеств и сглаживание отрицательных граней. Умение конфликтолога определять представленные характеристики поможет сориентироваться при анализе как своего эмоционального состояния, так и окружающих.

Темперамент является врожденной особенностью личности и почти всегда определяет основу характера и поведения человека в обществе.

Отметим, что темперамент позволяет изменить и определить динамическую сторону поведения, в то время как характер позволяет определить его содержательную сторону, социальную активность, ценностные ориентации, восприятие окружающей социальной среды.

Другим важным критерием индивидуально-психологических свойств личности является ее направленность – это проявление основных жизненных стремлений человека, его мотивация [2].

Направленность человека играет важную роль в познавательной деятельности окружающего мира. Если человек получает удовольствие от процесса работы, то выгорания может и не быть. Если же человека не радует процесс и важен только результат, то это первый серьезный толчок к тому, что выгорание неизбежно.

Важным психологическим свойством личности человека являются и ее способности, предрасположенность к выполнению определенных целей. Как отмечает А.Я. Анцупов, способности – это свойства личности, определяющие ее пригодность к успешному выполнению учебных и профессиональных задач [3].

Все части структуры личности всегда находятся во взаимозависимости друг от друга и оказывают значительное влияние на формирование поведения человека, его жизненной позиции и профессионализм. Умение определять и анализировать свои индивидуальные личностные особенности поможет специалисту всегда быть эмоционально и психологически удовлетворенным и вовремя замечать отклонения и незамедлительно с ними начать работать, чтобы избежать профессионального выгорания.

Однако заметим, что выбор профессионального пути зависит не только от индивидуальных особенностей личности, особое влияние оказывают факторы окружающей среды, социальные, экономические, политические и т.д., которые могут повышать риск профессионального выгорания специалиста.

Список литературы

1. Виды темперамента у человека. http://www.coolreferat.com/Виды_темперамента_у_человека (дата обращения: 06.06.2017).

2. Рубенштейн С.Л. Основы общей психологии, Составители, авторы комментариев и послесловия А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская / Л.С. Рубенштейн – Издательство «Питер», 2000. 720 с.

3. Анцупов А.Я. Конфликтология в схемах и комментариях / А.Я. Анцупов, С.В. Баклановский, 2-е изд., перераб. СПб.: издательство «Питер», 2009. 304 с.

ГОСУДАРСТВО И ИНВАЛИДЫ НА РЫНКЕ ТРУДА
THE STATE AND PERSONS WITH DISABILITIES IN THE LABOUR MARKET

Т.И. Горина, В.Б. Кефели
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Москва
T.I. Gorina, V.B. Kefeli
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Рассматриваются вопросы интеграции инвалидов в российском трансформирующемся обществе; проблемы трудоустройства инвалидов на

рынке труда; проблемы трудовой и правовой информированности; роль и значение государственной службы занятости.

The article deals with issues of disabled persons' integration in the society, problems of resettlement on labor market, problems of labor and legal awareness. The role and importance of State Placement Service are also analyzed.

Ключевые слова: инвалиды; социальная политика; рынок труда; социальная интеграция; трудовая адаптация; служба занятости

Keywords: disable person; social policy; labor market; social integration; labor adaptation; social citizenship; placement service

В настоящее время реализация социальной политики в нашей стране проходит в условиях продолжающегося социального расслоения в обществе, поэтому одной из главных задач Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. является интеграция в трудовую деятельность людей с ограниченными возможностями здоровья. Согласно ст. 7 Конституции, Российская Федерация является социальным государством, обязующимся оказывать всяческую поддержку инвалидам. Но реальное воплощение этих обязательств в России крайне противоречиво.

Основными источниками доходов для инвалидов являются работа и социальное обеспечение. Однако большая часть их имеет доходы ниже прожиточного минимума, при устройстве на работу совсем не учитываются их интересы и их личные потребности, им предлагается низкоквалифицированный и малооплачиваемый труд, нисколько не улучшающий их качество жизни. Все это свидетельствует о невыполнении правовых норм Конституции РФ и о неэффективности социальной политики государства, что влечет за собой нарушение гражданских прав инвалидов.

Переход к рыночной экономике в нашей стране проявил ряд серьезных проблем на рынке труда, связанных с трудоустройством инвалидов, имеющих трудовые рекомендации. В сложившихся условиях они оказались в ситуации полной безнадежности. Ориентируя инвалидов на активную жизненную позицию, само государство еще не смогло преодолеть противоречий в отношениях между законодательством и рынком труда. В итоге существующие сегодня серьезные препятствия реализации инвалидами права на труд обострили проблему социального неравенства.

Государство в настоящее время предпринимает целенаправленные меры по интеграции инвалидов на рынке труда. В законах «О занятости населения Российской Федерации» и «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» прописано, что государство обязано обеспечить инвалидам дополнительные гарантии в поиске работы, создании и реализации целевых

программ, способствующих повышению конкурентоспособности инвалидов на рынке труда. Это – квоты для приема на работу инвалидов, создание специальных рабочих мест, создание инвалидам условий труда, условий для предпринимательской деятельности, организация обучения инвалидов новым профессиям в соответствии с индивидуальными программами реабилитации.

Исследование, проведенное Институтом социологии РАН совместно со Службой занятости населения Нижнего Новгорода, с целью изучения основных проблем трудоустройства инвалидов на рынке труда, показало, что большинство из опрошенных более 8 месяцев самостоятельно и безрезультатно занимаются поиском работы. Практически никто из опрошенных инвалидов не удовлетворен своим материальным положением. Это обстоятельство не представляется неожиданным, т.к. трудовые возможности инвалидов весьма ограничены. 60% опрошенных относятся к группе немотивированных на трудоустройство и рассчитывают только на получение пособия по безработице, 20% пассивных граждан, ориентированных на постоянную помощь в поиске работы специалистов службы занятости, и только 2% являются активными людьми, имеющими высокую мотивацию к трудоустройству.

Рассуждая о мерах, которые могли бы помочь инвалидам лучше трудоустраиваться, сотрудница СЗН ответила: «Считаю, что было бы хорошо государству создавать небольшие предприятия для инвалидов, где они могли бы в основном заниматься легкой работой, например, сборкой. Чтобы человек мог бы в любое время прийти поработать в разные смены по 4 часа в день. Вернуть льготы предприятиям, принимающим на работу инвалидов. Кроме того, необходимо проектирование и приспособление рабочих мест».

Для планирования социальной помощи инвалидам необходимо понимать, кто из них считает для себя возможным бороться за свое благополучие, а кто не видит для себя на этом пути значительных перспектив. Как показало исследование, только 12% опрошенных инвалидов рассчитывают в своей борьбе с невзгодами исключительно на свои силы. 45% опрошенных считают, что только собственных усилий добиться успеха в их положении мало, нужна еще и внешняя помощь, выражающаяся, по крайней мере, в благоприятном стечении обстоятельств. И еще 32% опрошенных совсем не рассчитывают на свои силы, надеясь только на благоприятное стечение обстоятельств.

Таким образом, среди инвалидов превалируют патерналистские настроения, которые коррелируют с патерналистской социальной политикой государства. Такое созвучие интересов облегчает государству проведение социальной политики в отношении социально слабых групп, но усложняет решение задач включения инвалидов в социально-трудовые отношения.

Большую роль в сфере занятости инвалидов играют трудовые рекомендации (ИПР), которые им выдаются в службах медико-социальной экспертизы. Однако из-за недостаточного взаимодействия медицинских служб со службами занятости в трудовых рекомендациях содержатся скорее общие указания предположительной трудовой возможности обратившегося в СЗН.

В итоге, в результате несовершенной социальной политики в нашей стране налицо противоречие между дефицитом трудовых человеческих ресурсов и низким уровнем занятости трудоспособных инвалидов. Например, по данным Росстата, в целом по России трудоустроено только 2,2 млн. человек, что составляет 17% от общего числа инвалидов (св.13 млн. чел.), а из числа инвалидов трудоспособного возраста, которые могут работать по медицинским показаниям только в определенных условиях, устроено лишь 40% (831 тыс. чел). Фактически инвалиды, претендующие на рабочие места в силу своего особого положения в сфере трудовых отношений и наличия ряда физических барьеров, препятствующих развитию их конкурентоспособности, оказываются экономически непривлекательными для работодателей. Это является препятствием, не позволяющим инвалидам в полной мере реализовывать свое право на труд, на профессиональную деятельность в условиях, когда рынок труда является открытым и доступным для каждого члена общества. Основной задачей государства сегодня является задача исключения дискриминации по признаку инвалидности и обеспечение инвалидам равных прав на рынке труда и создание условий для повышения конкурентоспособности, чтобы они могли работать и зарабатывать на жизнь своим трудом.

Список литературы

1. Количество инвалидов в России на 2013 год [Эл. ресурс]. Режим доступа: //http://www.pressgrad.ru/kolichestvo-invalidov-v-rossii-na-2013-god (дата обращения: 14.08.2017).

2. Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К. Социальная работа с инвалидами. Саратов: СТГУ, 2003.

3. Закон СССР от 11.12.1990 №1826-1. Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР [Эл. ресурс]. Режим доступа: //http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-instrukcii/w7k.htm (дата обращения: 14.08.2017).

4. ФЗ от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Российская газета [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/1995/11/24/invalidy-dok.htm (дата обращения: 14.08.2017).

5. ФЗ РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 02.07.2013 №185-ФЗ) [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://trud22.ru/normative/npa/nparf/fedzak/law1 (дата обращения: 14.08.2017).

6. Наберушкина Э.К. Политика в отношении инвалидов. Социальная политика и социальная работа в меняющейся России. М.: ИНИОН РАН, 2002.

7. Добровольская Т.А., Шабалина Н.Б. Социально-психологические особенности взаимоотношений инвалидов и здоровых // Социологические исследования. 1993. №1. С. 62-66.

8. Указ Президента РФ от 25.03.1993 №394 «О мерах по профессиональной реабилитации и обеспечению занятости инвалидов» [Эл. ресурс]. Режим доступа: //http://www.bestpravo.ru/federalnoje/gn-normy/u6o.htm (дата обращения: 14.08.2017).

9. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №3. С. 5-15.

10. Социальное положение и уровень жизни населения. Москва. Росстат, 2014. 450 с.

11. Концепция федеральной целевой программы «Социальная поддержка инвалидов на 2006-2010 годы» // Российская газета. 2005. №222.

12. Декларация о правах инвалидов: Провозглашенная резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1975 г. // Социальное обеспечение. 2005. №23. С. 4-5.

13. Жизнь российских инвалидов в цифрах. Режим доступа: http://posobie-help.ru/pensii/trudovye/razmer-srednej-pensii-v-rossii.html (дата обращения: 14.08.2017).

14. Конституция РФ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_ 28399/ (дата обращения: 14.08.2017).

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИЙ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВАХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАКРЫТОГО ТИПА

SPECIFICITY OF COMMUNICATIONS IN MULTINATIONAL GROUPS OF CLOSED TYPE ORGANIZATIONS

Л.И. Грошева

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

L.I. Grosheva

Tyumen Higher Military Engineering Command School n.a. Marshal of engineering forces A.I. Proshlyakov

Рассматриваются проблемы управления многонациональными коллективами в условиях ограниченной коммуникации с внешней средой. Произведён анализ стереотипов, формирующихся в ходе межгруппового взаимодействия и оказывающих влияние на управленческие решения.

In the article the author considers the problems of managing multinational collectives in conditions of limited communication with the external environment.

The analysis of stereotypes that used to be formed during the intergroup interaction and influencing management decisions is made.

Ключевые слова: национальность, стереотип, межгрупповое взаимодействие, организация закрытого типа, управление, многонациональный коллектив

Keywords: nationality, stereotype, intergroup interaction, closed type organization, management, multinational collective

Коллективы большинства российских компаний представлены в рамках взаимодействия различных культур, религий, традиций воспитания. Формирование эффективной команды во многом является результатом стратегического развития организационной культуры и чёткого определения системы взаимодействия подчинённых.

Многонациональный коллектив следует рассматривать как совокупность людей, объединённых национально-психологическими особенностями, общей спецификой самосознания и самоопределения, внутригрупповыми нормами и принципами. В состав подобного коллектива, как правило, входит несколько микрогрупп, представители которых обладают дифференцированной реакцией на различные управленческие решения, что является причиной затруднений в работе руководителя.

Согласно идеям А.А. Гридчина, основная проблема формирования многонационального коллектива сопряжена с необходимостью формирования социально-психологического единства, поэтому в качестве основных задач руководителя он рассматривал следующие аспекты:

– целенаправленное вовлечение членов всех микрогрупп в решение задач организации;

– актуализация коллективных целей и ценностей в рамках организационной стратегии;

– формирование чётко выстроенных коммуникативных сетей для нивелирования стереотипических представлений национальных групп относительно друг друга [1, с. 17].

Поддержание устойчивых коммуникативных связей среди представителей различных национальностей как внутри микрогрупп, так и за пределами структурного подразделения, на уровне учреждения в целом, позволяет сформировать надорганизационный характер коммуникаций, который наиболее эффективно развивается в рамках конкретных национальных групп вне зависимости от функциональной дифференциации. Подобные отношения повышают интенсивность информационного обмена как производственного, так и бытового плана. В то же время чрезмерное развитие

национальных связей может являться причиной усиления конфликтности внутри подразделений между представителями различных микрогрупп.

Оценивая сложившиеся зарубежные и отечественные практики, Н. Плесс сформулировал три базовых типа межэтнических взаимодействий в коллективе:

1. Мононаправленное влияние одной национальной микрогруппы на другую, в рамках которого формируются взаимоотношения доминирования и подчинения.

2. Равноправное взаимодействие двух или нескольких национальных групп. В данном случае создаются условия для достижения единой точки зрения в отношении целей, средств их достижения и результатов работы. Успешная реализация данной стратегии приводит к тому, что взаимодействие становится более устойчивым и трансформируется в сотрудничество.

3. Противостояние одной этнической группы многонационального коллектива другой (как правило, доминирующей). Возможно блокирование результативности усилий как объединения в целом, так и отдельных индивидов, в частности, создаёт помехи в получении производственных результатов [2].

Возможные варианты развития межнационального взаимодействия обусловлены конкретными установками отдельных групп, а также их устойчивыми представлениями о собственном народе и представителях иных групп. В тех случаях, когда предустановки доминируют над рациональной оценкой эффективности подчинённых, руководитель вынужден рассматривать методы превентивного воздействия на формирование устойчивых предрассудков во избежание развития конфликтных ситуаций.

Национальный (этнический) стереотип в большинстве случаев представлен в виде схематичного собирательного образа собственной и иных этнических общностей, который представляет собой упрощённое знание о психологических отличиях в поведении и восприятии действительности у представителей определённого народа. В наиболее сложных ситуациях стереотипические представления стимулируют стремление одних этнических групп отстаивать свою большую ценность и значимость относительно других посредством присвоения абсолютизированных положительных характеристик группе в целом [2]. Статусная дифференциация, вызванная поверхностными представлениями о национальной специфике, приводит к формированию в коллективе этноцентризма и нивелирования экономических и производственных показателей трудовой деятельности.

Стереотипические представления в организациях закрытого типа реализуются посредством стереотипов поведения и стереотипов восприятия, что позволяет прогнозировать возможные проблемы. Знание руководителем

специфики национального поведения является залогом реализации своевременных превентивных действий.

С одной стороны, стереотипы зачастую представляют собой национальные предрассудки в виде неадекватных установок, формирующих условия для депривации по национальному признаку и частичной или полной эксклюзии отдельных представителей. Коррекция негативной ситуации посредством коллективных бесед, собраний, интегрирующих интерактивных мероприятий с целью интенсификации межнациональных интеракций является первоочередной задачей руководителя коллектива организации закрытого типа. С другой стороны, комплекс мероприятий должен быть направлен на формирование положительных установок как ярких конструктивных аффектов, разрушающих имеющиеся негативные предубеждения. Согласно результатам исследований Ф.Н. Алипхановой и А.А. Омаровой [3], чем более отличным от негативного стереотипа будет созданный аффект, тем быстрее будет реализован отказ подчинённых от нежизнеспособных стереотипических практик.

Анализ исследований, посвящённых аспектам управления многонациональным коллективом, позволил автору определить круг специфических знаний, необходимых руководителю многонациональных коллективов в учреждении закрытого типа, где внутренние коммуникации сильно интенсифицированы, а обмен с внешней средой объективно затруднён:

1. Национально-психологическая специфика представителей национальных групп, сложившаяся в виду исторического опыта народа.
2. Методы и способы поведения и взаимодействия людей в стандартных ситуациях межнациональной коммуникации, опирающейся на статусную иерархию и этнокультурную систему ценностей.
3. Традиции и стереотипы восприятия представителей этнических групп членов ингрупп, референтных групп и аутгрупп.
4. Базовые характеристики языка и речевой культуры народов.
5. Специфика проявления национального самосознания и национальной самоидентификации, которая может способствовать формированию прогноза реакции на рабочие задачи и поручения.
6. Потребности, мотивация и значимые ценностные ориентации в этнических группах коллектива, а также принятые способы их реализации.
7. Особенности раскрытия когнитивной активности и национального самосознания в ходе индивидуальной и коллективной деятельности.
8. Наличие дивергенции национальных традиций и форм трудовой активности, характерной для данного региона или сферы деятельности.

9. Формы и принципы медиации и сохранения нейтралитета руководителя, в особенности, если он имеет выраженные внешние признаки, характерные для какой-либо национальной группы.

Таким образом, необходимость постоянного повышения квалификации руководителя и формирование информационного обеспечения управленческой деятельности в сфере национальной специфики межличностного и межгруппового взаимодействия является залогом повышения результативности коллектива. Своевременная диагностика и коррекция возникающих проблем определяются как необходимые условия функционирования коллективов организации закрытого типа, ввиду ограниченных возможностей привлечения сторонних специалистов.

Список литературы

1. Гридчин А.А. Посредническая технология регулирования социальных конфликтов // Этносоциум и межнациональная культура. 2008. № 4 (12). С. 17-20.
2. Плесс Н. Управление культурным многообразием требует смены парадигмы // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/9_2_00.htm (дата обращения: 04.05.2017).
3. Алипханова Ф.Н., Омарова А.А. Факторы воспитания интернациональных чувств в многонациональном коллективе. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/faktory-vospitaniya-internatsionalnyh-chuvstv-v-mnogonatsionalnom-kollektive (дата обращения: 25.06.2017).

СУБЪЕКТИВНАЯ РАЗМЕРНОСТЬ ТРУДОВОЙ СИТУАЦИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ

SUBJECTIVE DIMENSION OF THE ORGANIZATIONAL SITUATION: PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF FORMATION

А.С. Заладина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.S. Zaladina
Lobachevsky University

Рассмотрена такая малоизученная детерминанта профессиональной деятельности, как широта субъективного видения трудовой ситуации. Выделены факторы, способствующие расширению границ субъективного видения трудовой ситуации: адхократический и рыночный тип организационной культуры, поддерживающая и коллегиальная модели

организационного поведения, высокий уровень доверия к менеджменту, интернальный локус контроля в производственной сфере, доминирование потребностей в самоуважении и статусе, потребностей в самоактуализации.

Such a poorly-studied determinant of professional activity as the breadth of the subjective vision of the organizational situation is considered. Factors of distention of the subjective vision of the organizational situation has singled out. These include: an adhocracy and market type of organizational culture, supporting and collegial model of organizational behavior, a high level of trust in management, an internal locus of control in the sphere of work, and the relevance of some needs.

Ключевые слова: организационная культура, локус контроля, ситуационный подход, персонал, организационная ситуация, профессиональная деятельность, потребности

Keywords: organization culture, locus of control, situational approach, staff, organizational situation, professional activity, needs

Применение ситуационного подхода в научных исследованиях приобретает междисциплинарный характер. Актуальность его использования определяется тем, что он охватывает среду, в которую помещён конкретный субъект или целая организация. От того, как субъекты труда видят организационную среду, во многом зависит эффективность их деятельности.

Создание условий, при которых сотрудник способен и мотивирован на внесение вклада в разработку организационных и управленческих проектов, повышает шансы их эффективности. Более того, создание таких условий увеличивает общую вовлеченность персонала в реализацию корпоративных целей. Сотрудники «получают основания говорить о компании «мы», а не «они». Возрастает мотивация работников к труду, поскольку их потребности в статусе и признании удовлетворяются на более высоком уровне» [1, с. 131].

В данном исследовании под *трудовой ситуацией* понимается комплекс условий, в которых протекает трудовой процесс. Валентность этих условий, которые можно разделить на социальные и предметные, определяет конечный результат профессиональной деятельности.

Критерии оценки субъективной размерности организационной ситуации. В основу классификации положены структурные уровни организации труда.

Первый уровень – «непосредственных трудовых обязанностей». Субъективный размер организационной ситуации сотрудника ограничивается кругом его непосредственных обязанностей и тем, с чем он напрямую сталкивается при их выполнении. Второй уровень – «структурного подразделения». Субъективный размер организационной ситуации не выходит за рамки структурного подразделения, в котором работает сотрудник. Она включает как непосредственные обязанности сотрудника, так и функции

подразделения, в котором он работает. Третий уровень – «организации» в целом. Субъективная размерность ситуации охватывает всю внутреннюю структуру организации, в которую входят представления о конечном результате деятельности организации. Четвёртый уровень – «организации и внешнего контекста». Субъективная размерность организационной ситуации сотрудника охватывает как внутренний, так и внешний контекст деятельности предприятия. Внешний контекст условно можно разделить на следующие подуровни.

Локальный: индивидуальные особенности потребителей, их ожидания и потребности, а также особенности партнёров организации, её конкурентов, региональные особенности бизнес-среды.

Глобальный: тенденции в науке, технические разработки (отечественные и зарубежные), влияние политической ситуации и социально-экономического контекста на деятельность организации.

Для конкретизации представлений о сотрудниках с локальным и глобальным видением ситуации разработаны два описания работников, различающихся по данному показателю, но одинаково эффективных в рамках выполняемых ими обязанностей.

Сотрудника с глобальным видением организационной ситуации характеризуют следующие особенности. 1) Он интересуется тем, какое место организация занимает во внешней среде, какие у неё клиенты, конкуренты и партнёры. 2) Такой сотрудник делает далеко идущие выводы относительно сложившейся ситуации, отслеживает тенденции в науке и появление новых технических разработок. Для него характерно широкое ассоциативное мышление. 3) Он хочет владеть информацией о своем подразделении и других, связанных с ним структур. Ему интересна жизнь и нюансы работы всей компании в целом, поэтому он старается узнать информацию, которая напрямую не относится к его должностям обязанностям. 4) С большей готовностью принимается за решение задач, требующих изобретения новых способов разрешения проблем, творческого подхода. 5) Ожидает, что его профессиональное мнение будет учтено руководством. 6) Ему всё интересно, он готов работать в разных проектах, поэтому его график всегда плотный, а иногда и перенасыщенный. Уделяет время разработке и обсуждению предложений, а также поиску новых решений.

Сотрудник с локальным видением организационной ситуации. 1) Выполняет то, что требуется, от «а» до «я» с ожидаемым качеством. 2) Приходит вовремя, делает всё точно. Отличается пунктуальностью. 3) Очень практичен в своих выводах. Для него характерно логическое мышление, связанное с целью работы. 4) Всегда знает, что относится к его рабочему месту, его должностным обязанностям. Не отвлекается на выяснение нюансов работы

других сотрудников или смежных подразделений. 5) Точно следует распоряжениям менеджера. Лучше справляется с теми задачами по воплощению готовых планов, усовершенствованию имеющихся продуктов. Предпочитает проверенные, зарекомендовавшие себя способы решения проблем. 6) Его активность укладывается в стандарты работы, поэтому он чётко выполняет свои функции. 7) Его график работы выверен, поэтому он может заранее рассчитать свои ресурсы и избежать временных накладок.

К внешним факторам, способствующим расширению границ субъективного видения ситуации, целесообразно отнести следующие.

1) Преобладание адхократического и рыночного типов организационной культуры (по К. Камерону и Р. Куинну [3]).

2) Поддерживающая и коллегиальная модели организационного поведения (по Дж. Ньюстрому и К. Дэвису [4]).

3) Высокий уровень доверия к менеджменту в целом и к способам разработки и внедрения организационных изменений, в частности.

В качестве внутренних детерминант следует выделить:

1) преобладание интернального локуса контроля в профессиональной сфере (по Дж. Роттеру).

2) Актуальность таких потребностей, реализуемых в профессиональной сфере, как потребность в самоуважении, статусе и признании компетентности; когнитивная потребность (в познании и понимании); потребность в само-актуализации и реализации творческого потенциала (согласно А. Маслоу [5]).

В заключение отметим, что результаты опроса, проведённого IBM в 2006 г., в котором приняли участие 765 директоров компаний из 20 различных отраслей, показали, что руководители считают сотрудников своих организаций основным источником идей и предложений [6]. Именно персонал предприятия, непосредственно вовлечённый в производство, наиболее детально представляет себе имеющиеся возможности для совершенствования локальных процессов.

Список литературы

1. Захарова Л.Н. Психология управления: учеб. пособие. М.: Логос, 2012. 376 с.

2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии СПб: Издательство «Питер», 2000. 712 с.

3. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. под ред. И.В. Андреевой. СПб: Питер, 2001. 320 с.

4. Ньюстром Дж., Дэвис К. Организационное поведение. Поведение человека на рабочем месте. СПб.: Питер, 2000. 447 с.

5. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2012. 352 с.
6. Исследование IBM: Руководители компаний находятся в поиске новых инновационных идей // Центр гуманитарных технологий. Режим доступа: http://gtmarket.ru/news/corporate/2006/08/21/61 (дата обращения: 23.04.2017).

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ НА БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ СТУДЕНТОВ

THE IMPACT OF EMPLOYMENT ON STUDENT'S TIME BUDGET

Д.В. Зернов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
D.V. Zernov
Lobachevsky University

Представлены результаты социологического исследования «Бюджет времени студентов», проведённого весной 2017 г. (опрошено 274 студента ННГУ им. Н.И. Лобачевского). Показано, что трудовая занятость студентов оказывает существенное влияние на распределение бюджета времени. Особенно это отражается на временных затратах, связанных с учебой.

The article is devoted to the results of a sociological research "Student's time budget", conducted in the spring of 2017 (274 students of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod were interviewed). It is shown that the employment has a significant impact on the distribution of the student's time budget. This is especially important for the time spent on learning activities.

Ключевые слова: гендер, бюджет времени, молодежь, трудовая занятость, учебная деятельность

Keywords: gender, time budget, young people, free time, employment, learning activity

Важным фактором, влияющим на распределение бюджета времени, является наличие работы. Работают или подрабатывают с той или иной периодичностью примерно треть студентов. Причем, как показывают результаты исследования, активное включение в трудовую деятельность у студентов начинается уже со второго курса. Если среди первокурсников работает примерно десятая часть, то среди второкурсников – уже почти треть. Далее число студентов, имеющих работу, продолжает увеличиваться, хотя и не столь интенсивно. Здесь есть один важный момент, на который хотелось бы обратить внимание. По данным социологического исследования, проведённого на аналогичном объекте в 2008 г., резкое увеличение числа студентов,

имеющих работу, происходило на курс позже, т.е. между вторым и третьим курсами. Так, в 2008 г. всего 9% второкурсников отмечали, что имеют постоянную работу, а среди студентов третьего курса таких было уже 24% [1]. А вот во по данным исследования 2003 г., работающих на постоянной основе среди студентов младших курсов было 4-6%, а среди студентов старших курсов – не более 12% [2]. Однозначно говорить том, что сегодняшние студенты после поступления в вуз сразу же начинают искать работу или подработку, по данным только этого исследования, нельзя. Здесь, безусловно, требуется дальнейшее более полное и адресное изучение проблемы совмещения учёбы и работы студенческой молодёжью.

Если сравнивать работающих студентов по полу, то можно обратить внимание, что юношей-студентов, имеющих помимо учёбы в вузе ещё работу или подработку, больше, чем аналогичных девушек-студенток (33% и 25% – соответственно). Обратим внимание ещё на одну интересную тенденцию: увеличение числа девушек, включающихся в трудовую деятельность параллельно с получением высшего образования. По данным исследования 2003 г., работали 4% девушек и 12% юношей (т.е. 1:3), в 2008 г. их соотношение составляло 16% и 30% (т.е. примерно 1:2), сейчас, как уже сказано, 25% и 33% (т.е. 1:1,3). Таким образом, трудовая активность студентов не только «молодеет», но и гендерно сглаживается. Однако ещё раз оговоримся, что данные тенденции требуют дополнительной проверки.

Отметим, что среди студентов лишь немногие работают по специальности. Свыше 70% работающих или подрабатывающих студентов факультета социальных наук в сфере своей профессиональной деятельности указали торговлю, общественное питание, сервис. Здесь же нашли себе занятость и большинство студентов института международных отношений и мировой истории. В более выигрышном положении оказываются студенты института филологии и журналистики, института информационных технологий математики и механики. Свыше половины будущих журналистов нашли работу или подработку в журналистике, искусстве или индустрии развлечений, а свыше половины будущих специалистов ИТ-индустрии уже сейчас заняты в сферах, связанных с обеспечением рынка: консалтинга, информатики и т.п.

В настоящее время студентам, имеющим постоянную работу или подработку, приходится выкраивать в будние дни в своём бюджете времени на работу или подработку в среднем около 4,5 часа в день, а в выходные – в среднем 5 часов. Сюда целесообразно прибавить и время, которые работающие студенты затрачивают на передвижение от работы до дома и обратно. На это у них в среднем уходит чуть более часа и в будни, и в выходные.

Следовательно, часы на те или иные виды деятельности в структуре суточного бюджета времени у них, по сравнению с неработающими

студентами, должны основательно перераспределяться. Сравнение средних показателей временных затрат работающих и неработающих студентов свидетельствует, что затраты на такие формы деятельности, как домашний труд, необходимый уход за собой и питание в обоих группах примерно равные. А вот со сном уже любопытнее: в будние дни затраты на сон примерно одинаковые, зато в выходные неработающие студенты отсыпаются в среднем 9 часов, тогда как у работающих на сон в выходной день остаётся на час меньше времени. Меньше работающие студенты, по их собственным оценкам, тратят времени на посещение занятий в вузе (у работающих в среднем в будни это менее 5,5 часов, у неработающих – среднее значение приближается к 6 часам). И, наконец, самое яркое изменение во временных затратах – это время, затраченное на выполнение домашних заданий и подготовку к занятиям. В будние дни работающие студенты этому посвящают в среднем менее 2,5 часов, тогда как неработающие – почти 3 часа (разница составляет примерно 35 минут). В выходные разница во временных затрата на подготовку к учёбе ещё ощутимее – примерно 45 минут. Те, кто работает, тратит на подготовку к занятиям менее 3,5 часов, а те, кто не работает, – более 4-х часов. Снижение временных затрат на учёбу у работающих студентов не сказывается на их общей успеваемости. Средние оценки за последнюю сессию у работающих и неработающих студентов примерно одинаковые. А по поводу реальных знаний и уровня усвоения учебного материала, к сожалению, сказать ничего нельзя.

Что касается свободного времени, ситуация не однозначна. С одной стороны, работающие студенты гораздо чаще неработающих говорят о том, что им не хватает свободного времени. С другой стороны, среди работающих определённо выше процент тех, кого устраивает, как он проводит своё свободное время, и меньше тех, кто часто сожалеет о том, чем был заполнен досуг. Ситуации, когда не понятно, чем заняться в свободное время, бывают и у работающих, и у не имеющих работы студентов. Однако если среди неработающих об этом говорит почти половина, то среди работающих – всего треть. А вот разница между демонстративными финансовыми возможностями в организации досуга у этих двух групп на удивление незначительная: отмечающих, что не обладают финансовой возможностью организовать качественный досуг, 28% работающих студентов и 32% неработающих. При этом, если речь заходит о средних месячных затратах на проведение досуга, то эти суммы разительно отличаются. Так, неработающие студенты в большинстве своём (71%) тратят в месяц не более 3000 руб. (причем половина из них – менее 1000 руб.), а вот среди работающих 27% тратят в месяц от 3000 до 5000 руб. 19% – от 5000 до 10000 руб. и 8% – свыше 10000 руб.

Если сравнивать формы проведения досуга, оказывается, что работающие студенты занимают куда более активную жизненную позицию, чем

неработающие сокурсники. Неработающие студенты чаще работающих проводят своё свободное время у себя дома (77%). Правда, и среди работающих таких большинство (68%). Но вот тех, кто чаще проводят время в клубе, кинотеатре или в кафе, среди работающих втрое больше, чем среди неработающих (18% против 6%). Кафе, бары и рестораны для этих групп оказываются и лидерами в рейтинге различий по числу посещений за последний месяц: среди работающих студентов заходили в подобные заведения не реже раза в неделю 38%, а среди неработающих – 24%. Следующее значимое различие – это регулярность посещения дискотек и ночных клубов. За последний месяц на дискотеки ходили 45% работающих (почти половина из них – неоднократно) и только 22% неработающих. И в то же время работающие студенты чаще неработающих посещают секции и оздоровительные салоны, а также бывают на свежем воздухе, гуляют в парках и выезжают за город на природу. Что же до неработающих студентов, они больше времени проводят за чтением и играми за компьютером. Таким образом, наличие у студентов работы или подработки сказывается и на формах проведения досуга. Работающие студенты предпочитают активные формы проведения досуга и чаще неработающих проводят свободное время вне стен своего дома.

Список литературы

1. Студенчество: проблемы здорового образа жизни / Е.В. Ахметова, М.С. Гурьянов, Д.В. Зернов, А.А. Иудин и др. Н. Новгород: НИСОЦ, 2009.184с.
2. Образ жизни и здоровье студентов / Е.В. Ахметова, Д.В. Зернов, Н.Н. Ивашиненко, А.А. Иудин и др. Н. Новгород: НИСОЦ, 2003. 113 с.

НАПРАВЛЕНИЯ РЕШЕНИЙ КАДРОВЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

DIRECTIONS FOR SOLUTIONS TO PERSONNEL PROBLEMS OF THE RUSSIAN LABOR MARKET TO CREATE AN INNOVATIVE ECONOMY

С.Л. Иваньковский, О.А. Шагалова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
S.L. Ivankovsky, O.A. Shagalova
Lobachevsky University

Выявляются причины недостатка кадров для инновационной экономики, а также обозначаются «болевые точки» в сфере российского профессионального образования. В качестве путей решения проблемы предлагается

рассмотреть передовой опыт многоступенчатого образования «школа-ВУЗ-предприятие» на базе ИПФ РАН.

The article identifies causes of the shortage of personnel for the innovation economy, also referred to as "pain points" in the sphere of Russian professional education. As a solution to the problem is to consider best practices multi-stage education "school-UNIVERSITY-enterprise" on the basis of the IAP RAS.

Ключевые слова: Инновационная экономика, высокотехнологичные и наукоемкие отрасли, высококвалифицированные специалисты, образование, подготовка научных кадров, ИПФ РАН

Keywords: Innovative economy, high-tech and high-tech industry, highly skilled, education, training of scientific personnel, IAP

Основой для инновационного развития экономики является наличие высокоинтеллектуальных специалистов в различных отраслях. Нестандартные идеи и творческий подход к решению задач отличает инновационные кадры от квалифицированных специалистов, а эффективное внедрение изобретений в реальную жизнь дает качественный и количественный рост национальной экономики.

В условиях всемирной глобализации и единого информационного пространства происходит процесс интеграции рынков труда разных стран. Востребованные специалисты в области IT-систем, нанотехнологий, биоинженерии и других высокотехнологичных сфер сегодня могут трудоустроиться не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами, где созданы наиболее благоприятные условия для работы. Это касается не только высокого уровня заработной платы, но и научной инфраструктуры: современные лаборатории с новейшим оборудованием, ритмичное финансирование исследований. Реально работает система правовой охраны изобретений, ноу-хау, программных продуктов, промышленных образцов и товарных знаков; существует рынок патентов и лицензий. Система автоматизации документооборота позволяет эффективнее использовать рабочее время и иметь удаленный доступ к важной информации.

В то же время большая конкуренция на мировом рынке высокотехнологичных и наукоемких отраслей позволяет отбирать лучшие кадры и способствует плодотворной работе.

В России, несмотря на общее падение уровня образования, много талантливой молодежи, желающей заниматься наукой. К сожалению, тенденция к оттоку российских высококвалифицированных специалистов после 2015 г. возросла, т.к. значительное падение курса рубля и недофинансирование научных проектов увеличили разрыв между зарплатами ученых.

В регионах ситуация похожая, с той лишь разницей, что выпускники школ и лицеев, успешно сдавшие ЕГЭ, все больше стремятся поступить в

столичные ВУЗы, считая учебу в Москве или Санкт-Петербурге более престижной. Действительно, уровень преподавания, материально-техническое оснащение учебного процесса здесь выше, чем в провинциальных учебных заведениях. Мало кто из вчерашних студентов, получивших образование, например, в МГУ или СпбГУ, возвращаются на малую родину.

В конкурентной борьбе за талантливых абитуриентов некоторые престижные ВУЗы сегодня объявили настоящую «охоту». Присматриваясь к успехам школьников старших классов на олимпиадах всероссийского и первого уровней, ВУЗы начинают платить стипендию, привлекая будущих студентов.

Еще одной важной проблемой, на наш взгляд, является нарушение системы многоступенчатого образования. Сегодня молодые люди после окончания школы сразу хотят поступить в высшее учебное заведение, минуя ступень среднего профессионального образования, а если и выбирают СПО, то чаще на этом заканчивают свое обучение. Поэтому у выпускников ВУЗов зачастую отсутствует представление о том, как реально устроено производство. Е.В. Попова в статье «Как подготовить кадры для инновационной экономики» обозначает «болевые точки» в сфере российского профессионального образования в целом и инженерного образования, в частности, следующим образом:

- разрыв между образованием и производством;
- подготовка инженерных специалистов ориентирована на массовое индустриальное производство 30-50-летней давности;
- у большинства студентов-выпускников мало производственного опыта;
- отсутствуют эффективные связи между работодателями, предприятиями и университетами, высшими учебными заведениями;
- используется мало инструментов государственно-частного партнёрства в профессионально-техническом образовании;
- слабая корреляция количества выпускников с потребностями экономики;
- не разработаны многие профессиональные стандарты, на основе которых должно происходить обучение;
- студенческая практика на производстве, в конструкторских бюро до сих пор не является обязательной;
- существует проблема закрепления на производстве молодых специалистов;
- слабая пропаганда научных и технических знаний среди молодёжи;

- велико количество платных высших образовательных учреждений, готовящих неквалифицированных специалистов;
- отставание в развитии профессионально-технического образования; непрестижность и слабая пропаганда инженерных профессий;
- износ материально-технической и информационной баз в вузах [1].

Необходимо также подчеркнуть, как велика цена ошибки при недостатке знаний об особенностях технологических процессов у руководителей различного уровня. Это может привести к возникновению техногенных катастроф, велики при этом и финансовые риски, поэтому обучение и переподготовка кадров должна осуществляться непрерывно на протяжении всей карьеры специалиста с учетом научно-технического прогресса.

Без квалифицированных кадров тем более сложно говорить об успехе инновационного развития. Подготовка кадров для высокотехнологичных отраслей экономики – важнейшая задача политики государства, основа успеха стратегии инновационного развития РФ. Не случайно одним из основных разделов проекта Стратегии инновационного развития на период до 2020 г., подготовленном Минэкономразвития, является «Инновационный человек».

Ключевыми компетенциями инновационного человека должны стать:

- способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому;
- способность к критическому мышлению;
- способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно и готовность к работе в команде, готовность к работе в высококонкурентной среде;
- широкое владение иностранными языками [1].

Какие же меры можно предложить для решения проблемы нехватки инновационных кадров на российском рынке труда? Здесь необходимо перенимать опыт поэтапного образования «школа – ВУЗ-предприятие». Ярким примером такой цепочки на территории Нижегородской области служит система подготовки кадров в Институте прикладной физики РАН.

Качественная подготовка и воспроизводство научных кадров – одна из ключевых проблем любого научного коллектива, и не только. В ИПФ РАН ей уделяется большое внимание с самых первых лет работы института. За прошедшие десятилетия в институте менялись условия и формы работы с научной молодежью, но неизменным оставался главный критерий подготовки – высокий профессиональный уровень в конкретном направлении исследований в сочетании с общей эрудицией в области физики волновых процессов. Эти традиции были сформированы еще в 1970-80-е гг., когда молодые сотрудники,

поступающие на работу в ИПФ, должны были пройти «институт стажеров» (2 года). Неоценимую роль в их «внедрении» играл профессор М.А. Миллер. Он с самого начала задал институту стажеров высокую планку, а проводимая в конце стажировки аттестация была совершенно неформальной и серьезной.

Во многом благодаря именно продуманной образовательной политике и высоким стандартам подготовки молодых исследователей ИПФ РАН сумел избежать массовой потери кадров в 1990-е гг. и продолжает успешно развиваться в настоящее время. Сложившаяся в институте система подготовки кадров хорошо известна и признана в научном сообществе страны одной из наиболее успешных. С начала 2000-х гг. в институте реализуется уникальная многоуровневая система непрерывной – от старших классов до аспирантуры – подготовки научных кадров, основанная на глубокой интеграции высшего образования и научных исследований. В 2001 г. постановлением Президиума РАН создан Научно-образовательный центр ИПФ РАН, переименованный с 2010 года в Научно-образовательный комплекс (НОК). В его состав входят:

- профильные (физические) классы физико-математического лицея №40;
- факультет «Высшая школа общей и прикладной физики» (ВШОПФ) Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;
- специализация «фундаментальная радиофизика и физическая электроника»;
- базовая образовательная лаборатория ВШОПФ;
- филиалы кафедр радиофизического факультета ННГУ;
- аспирантура ИПФ РАН, а также аспирантура обоих филиалов – ИФМ РАН и ИПМ РАН, в которых осуществляется подготовка по широкому кругу специальностей.

Средняя ежегодная численность аспирантов около 70 человек, ежегодный прием в аспирантуру составляет около 20 человек, в основном из числа выпускников ВШОПФ и радиофизического факультета ННГУ. Среди ее выпускников директор ИПФ РАН академик А.М. Сергеев и 5 членов-корреспондентов РАН, руководители всех уровней – от заместителей директоров до заведующих отделами и лабораториями, профессора и доктора наук.

Результаты работ многих аспирантов и выпускников аспирантуры неоднократно отмечались наградами и премиями Правительства РФ и Российской академии наук. За последние 5 лет выпускники аспирантуры ИПФ РАН (без учета филиалов) защитили 58 кандидатских диссертаций.

Важной формой мотивации молодых сотрудников ИПФ РАН является приуроченный ко Дню российской науки ежегодный конкурс работ молодых ученых (в возрасте до 33 лет).

Центральная ступень системы подготовки научных кадров – базовый факультет ВШОПФ ННГУ. Система обучения здесь является дальнейшим развитием широко известной физтеховской системы, отличаясь от последней упором на индивидуальный характер обучения, достигаемый формированием малочисленных студенческих групп (набор на факультет не превышает 30 человек). Практически ежегодно студенты получают дипломы победителей и призеров на всероссийских студенческих олимпиадах по физике и математике, составляя основу команд ННГУ по этим дисциплинам. Около четверти всех студентов – персональные стипендиаты (стипендии Президента РФ, Правительства РФ, Министерства образования и науки, Законодательного собрания Нижегородской области, ученого совета ННГУ).

Неотъемлемой частью учебного плана ВШОПФ является научная работа студентов. Реализуется метод погружения в атмосферу научного коллектива, предполагающий непосредственное участие студентов в передовых исследованиях. Студенты старших курсов трудоустраиваются на условиях частичной занятости в ИПФ РАН (неполный рабочий день с оплатой пропорционально отработанному времени). Ежегодно студенты ВШОПФ становятся соавторами большого количества научных публикаций, в том числе статей в ведущих международных научных журналах.

Несомненно, такая работа дает свои плоды – из примерно 400 выпускников ВШОПФ около половины работают в ИПФ РАН и ИФМ РАН и составляют основную часть научных сотрудников в возрасте 40-45 лет. К настоящему времени среди них более 100 кандидатов наук, три выпускника избраны членами – корреспондентами РАН.

Дополнительные возможности пополнения научных кадров ИПФ РАН реализует на базе специализации «фундаментальная радиофизика и физическая электроника» радиофизического факультета ННГУ. Помимо общих дисциплин по радиофизике ее учебный план включает значительное число оригинальных спецкурсов и практикумов в лабораториях ИПФ РАН и ИФМ РАН.

Но начинается система подготовки научных кадров со школьной скамьи. С 2001 г. осуществляется совместный проект НОК ИПФ РАН и лицея №40 «Школьная ступень системы непрерывной подготовки высококвалифицированных специалистов в области фундаментальной и прикладной физики», в рамках которого на базе НОК формируются профильные физические классы. В 2016 г. состоялся уже 14-й выпуск таких классов. В общей сложности их окончили около 300 учащихся, многие из которых стали

студентами ВШОПФ и радиофизического факультета ННГУ. С 2009 по 2015 гг. в НОК ИПФ РАН обучались также экспериментальные классы по направлению «физика живых систем». С 2016 г. началась реализация нового образовательного проекта «прикладная физика», сочетающего серьезную теоретическую подготовку старшеклассников с экспериментальной исследовательской работой в лабораториях ИПФ РАН. Школьники профильных классов НОК успешно участвуют во всероссийских и международных конкурсах и на конференциях школьников (Харитоновские чтения, Сахаровские чтения, конкурс Intel ISEF) [2].

Важной компонентой работы со школьниками являются летние смены на базе Детского образовательно – оздоровительного лагеря им. Н.С. Талалушкина ИПФ РАН. В 2017 г. состоялся уже 15-й сезон летних исследовательских смен «Умные каникулы» (июнь-июль). Ребята выполняют, а затем представляют научно-исследовательские работы по физике, астрономии, химии, биологии. В последнюю смену (в августе) ИПФ РАН с 1988 г. проводит Летнюю физико-математическую школу (ЛФМШ) для старшеклассников [2]. Образовательная программа включает в себя ежедневные научно-популярные лекции, факультативные курсы, кружки, практикумы в физической лаборатории, занятия в компьютерных классах, семинары и олимпиады.

Едва ли не лучшим свидетельством успешной работы ИПФ РАН по подготовке кадров для научных исследований и инновационной экономики являются многочисленные награды молодых ученых института. Начиная с 2000 г., когда были утверждены медали с премиями для молодых ученых РАН, сотрудники института получили 20 таких медалей – по физике, наукам о Земле, научному приборостроению. Лауреатами этого престижного конкурса стали 35 сотрудников института. Таким количеством академических наград для молодых ученых не может похвастаться ни один научный институт страны [2]. Премии – это хороший стимул к дальнейшей и инновационной деятельности.

Вывод

Чтобы не только не нарушить хорошо отлаженный механизм подготовки научных кадров, но и тиражировать его в других высокотехнологичных инновационных корпорациях, необходимо стабильное финансирование, научно-образовательные кадры, материально-техническая база, соответствующая передовым технологиям, тесная связь с производственным процессом и поддержка со стороны государства.

Список литературы

1. Попова Е.В. Как подготовить кадры для инновационной экономики // Инициативы XXI века. 2011. № 1, 2. Режим доступа: ini21.ru (дата обращения: 21.08.2013).
2. ИПФ РАН. Федеральный исследовательский центр Институт прикладной физики Российской академии наук.– Нижний Новгород: ИПФ РАН, 2017. 200 с.

ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕНЗЕНСКОМ РЕГИОНЕ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

LABOR ADAPTATION AS WAY OF INCREASE IN THE STANDARD OF LIVING OF THE POOR POPULATION IN THE PENZA REGION (GENDER ASPECT)

Л.Ф. Каримова, Н.В. Корж
Пензенский государственный университет
L.F. Karimova, N.V. Korzh
Penza State University

Рассматриваются различные формы трудовой адаптации. Анализируется трудовая стратегия мужчин и женщин к социально-экономическим условиям в Пензенской области.

Various forms of labor adaptation are considered. The labor strategy of men and women to social and economic conditions in the Penza region is analyzed.

Ключевые слова: адаптация, трудовая стратегия, рынок труда, занятость, уровень жизни, бедность

Keywords: adaptation, labor strategy, labor market, employment, standard of living, poverty

Сложная социально-экономическая ситуация в стране приводит к тому, что отдельные слои населения находятся в состояние бедности. В настоящее время существенное влияние на увеличение числа бедных, а также на их материальное положение оказывают безработица, высокие тарифы на жилищно-коммунальные услуги и низкий уровень оплаты труда.

Важнейшим условием преодоления бедности в обществе является использование бедными слоями населения эффективных адаптационных стратегий социально-экономического поведения, основанных на индивидуальных адаптационных ресурсах. Социально-экономическая неоднородность бедных слоев населения определяет различия в использовании

ими адаптационных стратегий. В соответствии с той или иной поставленной целью бедные слои населения для повышения уровня жизни используют определенные адаптационные стратегии, которые реализуют с помощью конкретного поведения, различных способов и действий.

В современных условиях бедное население использует следующие формы адаптации к социальной действительности. Наиболее распространённой формой является вторичная занятость, т.е. все виды занятости, кроме основного места работы. Для бедного населения вторичная занятость является дополнительным источником приобретения новых ресурсов для успешной трудовой адаптации. Данные ресурсы помогают малообеспеченному населению приобрести новые социальные связи, освоить дополнительный вид профессиональной деятельности и навыки поиска работы.

Торговля также является популярным способом адаптации бедного населения. Она включает в себя уличную, индивидуально-мелкую, иногда связанную с мелким ручным производством. Для бедного населения – это реальная возможность улучшить материальное положение семьи.

Еще одна форма приспособления к социально-экономическим условиям – натурализация жизнеобеспечения, характерна для всех кризисных времен. Причем очевидна закономерность: чем беднее население, тем сильнее склонность к ведению натурального хозяйства.

Одной из форм самозанятости является домашний бизнес. Он реализуется обычно в форме вторичной занятости и часто носит нелегальный теневой характер. Хотя доходы от данного бизнеса невелики, но все же позволяют частично улучшить уровень жизни семьи.

Анализ адаптационных стратегий бедного населения в российском обществе позволяет разделить их по признаку пассивности и активности. В основе пассивных адаптационных стратегий бедного населения лежит надежда на помощь родственников или друзей, а также на помощь государства. Активные адаптационные стратегии бедного населения включают чаще всего регулярную вторичную занятость, совместительство, дополнительную работу. Очень часто встречаются люди, работающие на двух, а иногда даже на трех работах, лишающие себя отпуска и возможности поддержать здоровье [1, с. 315]. Для увеличения дохода многие трудоспособные граждане работают на приусадебных участках, выращивают продукты, а потом реализуют товар. Необходимо подчеркнуть, что основным адаптационным ресурсом сельского населения является экономический потенциал личных подсобных хозяйств.

В современном российском обществе большинству бедного населения свойственны все перечисленные пассивные стратегии и в меньшей степени присутствует построение четко продуманной и рациональной модели

адаптационного поведения. Это происходит потому, что в условиях ограниченности ресурсов выстраивание рациональной стратегии преодоления данного положения затруднительно. Таким образом, адаптационные возможности определяются адаптационным потенциалом, в качестве которого выступают адаптационные ресурсы. Чем больше адаптационный потенциал, тем успешнее протекает процесс адаптации.

Нужно отметить, что адаптационные стратегии населения имеют различие в зависимости от пола. Мужчины чаще получают доходы в основном благодаря своей трудовой активности, женщины в полной мере не могут использовать этот ресурс, т.к. они вынуждены вести домашнее хозяйство, воспитывать детей или ухаживать за больными родственниками, хотя некоторые из них просто ожидают периодической помощи от государства.

Данный факт подтверждает исследование, проведенное в 2015-2016 гг. в Пензенской области (выборка целевая N=816, в том числе 430 женщин и 386 мужчин).

Мужчины (56.5%) чаще, чем женщины (41.9%) заняты на рынке труда, так как они практически не занимаются домашним хозяйством и у них больше времени на активную трудовую деятельность.

Так, более половины бедного населения в регионе (56%) используют стратегию «натуральное хозяйство». Данный тип стратегии характерен для женщин (38.9% в целом по выборке), из них: в возрасте 20-24 г. – 46.8%, 35-44 г. – 41% и 55-64 лет – 47%. Полученные результаты можно объяснить тем, что молодые женщины не работают, занимаясь воспитанием детей, а в свободное время ухаживают за приусадебными участками. Женщины в возрасте от 55 до 64 лет, особенно в сельской местности, не работают в связи с наступлением пенсионного возраста и занимаются сельскохозяйственной деятельностью для поддержания материального положения своей семьи [2, с. 136].

Таким образом, среди активных трудовых стратегий бедного населения Пензенской области преобладает «натурализация хозяйства» и занятость на рынке труда. Однако, существуют и пассивные способы «выживания» в современных условия. Одной из таких форм является «ретретизм», т.е. индивид ничего не предпринимает для улучшения своего материального положения. Ретритизм характерен для 18.3% бедного населения, из них женщины составляют 18.7%, а мужчины – 21.4%. Чаще всего, это мужчины, проживающие в городе, нигде не работающие, злоупотребляющие алкоголем.

Еще один из способов существования бедного населения является стратегия выживания, включающая продажу накопленного имущества, займ денег в долг. Стратегию выживания используют только 16.2% бедных, из них 12.2% женщин и 8.9% мужчин. Скорее всего, данную ситуацию можно

объяснить тем, что накопленного имущества у бедного населения не достаточно, чтобы его распродавать. Деньги взаймы бедной семье даст не каждый, так как возврат долга придется ожидать длительное время.

Проблема бедности является одной из острейших проблем современной России. Именно бедность определяет ограниченность доступа населения к ресурсам развития: высокооплачиваемой работе, качественным услугам образования и здравоохранения, возможности успешной социализации детей и молодежи, что препятствует активному участию значительной части населения в модернизации российского общества.

На выбор адаптационных стратегий бедного населения влияют как объем располагаемых ресурсов, так и гендерные различия. Существующая в современном российском обществе структура основных источников доходов бедного населения представляет собой достаточно скромную ресурсную базу, в основе которой у большинства лежит зарплата или пенсия [3, с. 188]. Это свидетельствует о существовании высокого уровня рисков для значительной доли бедных семей в случае потери работы хотя бы одним членом семьи.

Рассматривая гендерные различия как фактор, влияющий на выбор адаптационных стратегий бедного населения, следует отметить, что наиболее активно приспосабливаются к социально-экономическим условиям мужчины, в то время как для женщин более характерны пассивные стратегии. У женщин меньше возможностей использовать трудовые стратегии, так как им приходится брать на себя уход за больными членами семьи и стариками, воспитание детей.

Список литературы

1. Кошарная Г.Б., Корж Н.В. Вторичная занятость студентов в вузе // Университетское образование: сборник статей XV Международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию полета первого космонавта Ю.А. Гагарина. 2011. С. 314-316.

2. Каримова Л.Ф. Адаптационные стратегии бедного населения в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. №1. С. 133-140.

3. Социокультурные факторы консолидации населения полиэтнических регионов Поволжья: моногр. / Г.Б. Кошарная, С.А. Барсукова, Л.Ф. Каримова, Н.В. Корж [и др.]. 2016. 212 с.

ОБУЧЕНИЕ В МАГИСТРАТУРЕ ИЛИ ВЫХОД НА РЫНОК ТРУДА? ВЫБОР БАКАЛАВРОВ

EDUCATION ON THE MASTER OR EXIT TO THE LABOR MARKET? CHOOSING BACHELORS

Е.В. Креховец
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E.V. Krekhovets
Lobachevsky University

С переходом к двухуровневой системе высшего образования у выпускников вузов появилась возможность выбирать карьерные траектории. Анализируются факторы, влияющие на решение выпускников бакалавриата относительно продолжения обучения в магистратуре: трудоустройство выпускника, академическая успеваемость и социальный капитал.

Transition to two-level system of high education leads to opportunity for graduates to chose their carrier trajectory. This study analyses factors which influence on the graduates decision about continuation of education on the master level. Factors such as graduate employment, academic performance and social capital are found.

Ключевые слова: высшее образование, рынок труда, магистратура, выпускники

Keywords: high education, labor market, master program, graduates

Реформирование системы высшего образования в рамках Болонского процесса, к которому Россия присоединилась в 2003 г., привело к серьезным структурным и институциональным изменениям. Фактически основной задачей Министерства образования и науки РФ в рамках модернизации системы высшего образования в России с этого времени являлся переход на двухуровневую систему обучения [1]. Окончательный переход на систему подготовки «бакалавр – магистр» произошел в 2011 г.

В 2013 и 2014 гг. произошло значительное изменение структуры выпускников: доля выпущенных специалистов сократилась более чем на 40%, относительный выпуск бакалавров увеличился практически в 5 раз, магистров – в 1,35 раз. Таким образом, можно наблюдать фактический переход российской системы высшего образования на двухуровневую систему подготовки. Но несмотря на это продолжаются дебаты специалистов, работодателей и общественности относительно рациональности принятой системы.

Противники двухуровневой системы подготовки выпускников утверждают, что наблюдается снижение профессиональной пригодности выпускников бакалавриата, что определяется сокращением срока их обучения.

Существует также системная проблема организации образовательных программ бакалавриата и магистратуры некоторыми вузами. Зачастую устоявшиеся программы специалитета делятся на две части, из которых формируются уровни бакалавриата и магистратуры. Такого рода программы не обеспечивают достаточного уровня знаний выпускника и не соответствуют двухуровневым программам зарубежных вузов, что препятствует академической мобильности студентов и значительно снижает конкурентоспособность российского высшего образования [2].

Положительным аспектом внедрения двухуровневой системы высшего образования является возможность студентов более эффективно реагировать на изменения на рынке труда. Двухуровневая система является более гибкой и дает возможность «скорректировать образовательную траекторию» [3].

Переход на двухуровневую систему образования расширяет возможности студента при выборе учебного заведения, ведет к росту академической мобильности, благодаря чему происходит интенсивный обмен знаниями и профессиональным опытом [4]. Стандартные образовательные программы «4+2» дают возможность обучения в магистратуре другого вуза, другого города или даже страны. Таким образом студент может выстраивать индивидуальную образовательную траекторию в соответствии с личными потребностями.

Проанализируем факторы, влияющие на выбор выпускников бакалавриата при решении вопроса о продолжении образования на уровне магистратуры. Для анализа используются результаты опроса студентов 4 курса НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде (Табл. 1). При анкетировании респондентам были заданы вопросы относительно их планов после окончания университета, в частности, о решении продолжить обучение в магистратуре или устраиваться на работу. Регистрировались и некоторые социально-экономические характеристики респондентов, их социальные связи в университете (дружеские взаимоотношения с однокурсниками). В анкетировании приняли участие студенты четырех факультетов (N=313). Дополнительно была использована административная информация об академической успеваемости студентов.

Таблица 1

Описательная статистика по выборке

	Бизнес-информатика	Экономика	Юриспруденция	Менеджмент
Кол-во студентов	79	92	50	92
Занятых	52	19	12	33
Средний балл	7,40	7,25	7,06	7,52
Планировали поступить	61	74	42	54
Количество поступивших	43	52	20	29

В опросе приняли участие студенты 4 факультетов: бизнес-информатики, менеджмента, экономики и юриспруденции. Наибольшее количество занятых студентов наблюдается на факультете бизнес-информатики. Студенты этого факультета активно вовлечены в проектную деятельность на предприятиях, и многие продолжают работать в компаниях по завершении проекта. Большинство респондентов планировали поступать в магистратуру. Свои планы реализовали почти 70% студентов факультетов Бизнес-Информатики и Экономики и около 50% факультетов Юриспруденции и Менеджмента. Из общего числа выпускников бакалавриата около 45% студентов продолжили обучение на магистерских программах НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде.

Таблица 2

Оценки коэффициентов уравнения регрессии

Название переменной	**Коэффициент**
Наличие работы у студента	0,453**
Пол студента	-0,579***
Средний бал успеваемости	0,242***
Число друзей студента, которые поступили в магистратуру	0,123*
Общее число друзей студента	0,075*
Примечание: * - значимость на 10% уровне; ** - на 5% уровне; *** - на 1% уровне.	

Для того, чтобы оценить, какие факторы влияют на выбор продолжения обучения на уровне магистратуры, оценена эконометрическая probit – модель, где в качестве зависимой переменной был взят показатель зачисления в магистратуру. Результаты оценки уравнения представлены в Табл. 2, 3.

Таблица 3

Оценка предельных эффектов влияния факторов на поступление в магистратуру

Название переменной	**Влияние**
Наличие работы у студента	0,179%
Пол студента	-0,228%
Средний бал успеваемости	0,095%
Число друзей студента, которые поступили в магистратуру	0,049%
Общее число друзей студента	0,03%
Примечание: * - значимость на 10% уровне; ** - на 5% уровне; *** - на 1% уровне.	

Согласно результатам эконометрической оценки, трудоустройство студента положительно влияет на вероятность поступления в магистратуру. Можно предположить, что работающие студенты предпочитают поступление в магистратуру, т.к. им необходима более высокая квалификация для карьерного продвижения. В то же время студенты, начавшие работать, обучаясь в бакалавриате, имеют навык перераспределения времени между работой и

обучением, поэтому они готовы продолжать образование на более высоком уровне без отрыва от работы. Академическая успеваемость тоже положительно влияет на вероятность поступления в магистратуру. Согласно результатам, увеличение среднего балла студента на единицу увеличивает вероятность продолжения образования практически на 0.1%. Гендерный фактор так же оказался значимым: для женщин вероятность продолжения образования на уровне магистратуры выше, чем для мужчин. Главным образом данный результат объясняется особенностями выборки, т.к. в ней доля женщин выше, чем доля мужчин. Чем больше у студента друзей из числа однокурсников, тем выше вероятность его поступления в магистратуру; увеличение числа друзей на единицу увеличивает вероятность поступления в магистратуру на 0,03% при прочих равных условиях. Кроме того, если кто-то из друзей студента тоже поступает в магистратуру, вероятность поступления данного студента увеличивается практически на 0.05%. Таким образом, социальный капитал, представленный в данном случае дружескими социальными связями студентов, оказывает влияние на вероятность продолжения обучения в магистратуре.

Список литературы

1. Степанова Е.И. Болонский процесс в России: аргументы «за» и «против» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. Вып. 4. С. 127-142.
2. Олейникова О.Н. Внедрение в Российской Федерации двухуровневой системы образования и международный опыт развития систем профессионального образования и подготовки кадров // Федеральный справочник. 2009. С. 314-317.
3. Сидорова А.А. Двухуровневая система высшего образования как инструмент управления рынком образовательных услуг России. 2011. Т. 26.
4. Багирова Т.Б., Каташинских В.С. Некоторые результаты реализации Болонского процесса в мегаполисе // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г.), 2015. С. 35-40.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ ЗА ТРЕЗВОСТЬ В 1985-1986 гг.

SOCIAL CONTROL IN LABOR COLLECTIVES OF MEDICAL WORKERS IN CONDITIONS OF STRUGGLE FOR SOBRIETY IN 1985-1986

С.В. Лелюхин
Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский институт здоровья», г. Кисловодск
S.V. Lelyuhun
Autonomous non-profit organization Scientific Research Institute of Health, Kislovodsk

Эта работа посвящена исследованию формирования социальных норм как требований социально одобряемого поведения в условиях борьбы за трезвость в 1985-86 гг. В трудовых коллективах медицинских работников санаториев Северного Кавказа формировались новые групповые привычки трезвого образа жизни, которые были призваны изменить повседневную жизнь людей.

This work on the research of the formation of social norms which are considered by the author as the requirements of socially approved behavior in conditions of struggle for sobriety in 1985-86. New group habits of a sober lifestyle were formed in labor collectives of medical workers of sanatoria of the North Caucasus. New group habits were designed to change the daily lives of people.

Ключевые слова: социальный контроль, социальные нормы, социальная история, трезвость, санаторий, Северный Кавказ

Keywords: social control, social norms, social story, sobriety, sanatoria, North Caucasus

Избрав в качестве основного исследовательского вопроса социальный контроль выполнения Постановления Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» от 7 мая 1985 г. [1], мы поставили задачу изучить нормы поведения, которые формировались в трудовых коллективах.

Рассматривая социальный контроль как механизм регуляции поведения посредством норм и санкций, мы фокусировались на социальных нормах как на требованиях общественно одобряемого поведения. Мы выделили в социальных нормах групповые привычки, действующие в малых группах, опираясь на типологию А. Кравченко [2]. Используя метод социальной истории, позволяющий изучать историю под социальным углом зрения [3], раскрывая социокультурное пространство в его исторической перспективе [4], мы изучили конкретный исторический период советского прошлого, поместив в центр

внимания социальную группу медицинских работников санаториев городов-курортов Северного Кавказа и Черноморского побережья Кавказа.

Поворот к социальной истории медицины произошёл в конце 70-х гг. 20 в., когда исследователи попытались по-новому анализировать проблемы развития медицины и институтов здравоохранения с учётом социологических понятий, в том числе, гендера и расы [5]. Современные отечественные исследования с использованием метода социальной истории немногочисленны, и представлены, в основном, в работах Д. Михеля [6].

Мы провели качественный контент-анализ документов, хранящихся в фондах архивного отдела администрации города-курорта Кисловодска Ставропольского края. Объектами нашего изучения стали архивные материалы созданного в 1960 г. в Кисловодске Северо-Кавказского зонального управления спецсанаториев Министерства здравоохранения РСФСР: «Документы по Всероссийскому смотру и движению за коммунистические формы труда в санаториях СКЗУ», «Документы о работе профсоюзного комитета», «Документы по социалистическому соревнованию». Общее количество изученных архивных дел – 6, период – 1985-86 гг.

Установлено, что формирование социальных норм в коллективах происходило в условиях обязательного вступления сотрудников в «Общество борьбы за трезвость». Меры усиления антиалкогольной пропаганды включали: 1) создание в коллективах обстановки нетерпимости к пьянству, 2) учёта лиц, склонных к злоупотреблению алкоголя, и проведения с ними индивидуальных бесед, 3) чтение лекций на темы профилактики алкоголизма и табакокурения.

«Выполняя постановление партии и правительства «О борьбе с пьянством и алкоголизмом», в санатории создано общество «Борьбы за трезвость», которое объединяет 54 человека. Работа ведётся по плану. За отчётный период не было ни одного случая выхода на работу в нетрезвом виде. Ведётся учёт лиц, склонных к злоупотреблению алкоголя, с ними проводятся индивидуальные беседы. В настоящее время ведётся работа среди сотрудников санатория под лозунгом «Ни одного курильщика на территории санатория», прочитаны 2 лекции на темы профилактики алкоголизма и табакокурения» (из справки по Всероссийскому смотру за коммунистические формы труда по санаторию им. Н.К. Крупской за 1986 г., г. Железноводск, ГАСК. Ф. Р-4073. Оп. 1. Д. 1301. Л. 44-45).

Нетерпимость к пьянству вырабатывалась на двух уровнях: коллективном и семейном. Оно должно было выражаться в формировании групповых привычек. На коллективном уровне провозглашалось проведение торжеств без алкогольных напитков, поскольку до принятия Постановления получение премии, грамоты или знамени по итогам работы всегда «обмывалось».

Сотрудникам необходимо было изменить своё поведение в командировках. Поощряемой привычкой должно было стать недопустимым позволить себе выпить даже 100 гр. спиртного. На семейном уровне сотрудников призывали ограничить гостеприимство питьём чая и кофе. В обсуждении на собраниях говорилось о том, что позволительно немного выпить вина в компании лишь в качестве дегустации. Дни рождения и праздники в семье предлагалось отмечать без алкогольных напитков, по следующему сценарию: сделать торжественное собрание, а иногда дополнительно общий обед или чаепитие.

«Читаладзе М.З. – зам. Начальника управления: Выгода от продажи винно-водочных изделий теряется от потерь на производстве, от потерь здоровья и родителей, и их детей, внуков. Гостеприимство ограничивать чаем, кофе.

Ситников Д.И. – главный бухгалтер: Пьяных у нас не было. Были случаи проведения торжеств с шампанским, иногда с водкой. От этого надо отказаться. Торжества надо проводить без алкогольных напитков. В командировках не позволять себе выпить 100гр., надо показать пример. Управление должно показать пример.

Данилова Р.Н. – и.о. начальника управления: Этого указа и постановления о преодолении пьянства ждали очень давно. Руководители должны дать пример подчинённым. Раньше все премии, знамёна, грамоты обмывались. Этого допускать нельзя. Семьи не должны страдать от того, что муж или жена выпивают. Особенно большое зло, когда пьют женщины. Большое спасибо партии за то, что этим вопросом, наконец, занялись.

Магомедов А.А. – врач-инспектор: Считаю, что в компании можно выпить вина – в качестве дегустации.

Руленкова В.А. – врач-инспектор: Не говоря о том, что на работе совершенно следует прекратить выпивки по любым поводам, но и дома надо вести себя культурно и не терять свой моральный облик. Мы – пример для своих детей и внуков. Дни рождения и праздники надо отмечать без алкогольных напитков. Сделать торжественное собрание, иногда общий обед или чаепитие. Ни одной бутылки не должно быть в управлении» (из протокола собрания сотрудников СКЗУ от 22.05.1985, г. Кисловодск).

Выполняя Постановление партии и правительства «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» трудовые коллективы санаториев, входящих в состав Северо-Кавказского зонального управления спецсанаториев Министерства здравоохранения РСФСР, добивались вступления всех своих работников в «Общество борьбы за трезвость». В трудовых коллективах формировались групповые привычки

трезвого образа жизни, призванные изменить повседневную жизнь людей и в коллективе, и в семье, взяв обе стороны жизни под тотальный контроль.

Список литературы

1. Малуева О.В. Сборник нормативных актов по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1987.
2. Кравченко А.И. Социология. М.: ООО «ТК Велби», 2008. 384 с.
3. Sieder R. Was heißt Sozialgeschichte? Brüche und Kontinuitäten in der Aneigung des «Sozialen» // Österreichische-Zeitschrift für Geschichtswissenschaften. 1990. Jg.1. H. 1. S. 25-48.
4. Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 55-63.
5. Поршнева О.С. Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник РУДН. 2006. № 2 (6). С. 31-39.
6. Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 295-312.

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА: КОМПРОМИСС СТРЕМЛЕНИЙ И ШАНСОВ

STRATEGIES OF THE BEHAVIOR OF STUDENT YOUTH IN THE REGIONAL LABOR MARKET: COMPROMISE BETWEEN THE ASPIRATIONS AND CHANCES

Л.А. Лесина
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
L.A. Lesina
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

Анализируются ключевые проблемы, с которыми сталкивается молодежь на региональном рынке труда. Рассматриваются наиболее востребованные студенческой молодежью способы поиска работы. Предложены мероприятия по решению проблемы занятости выпускников вузов.

We analyze the key challenges faced by youth at the regional labour market. Considered the most popular students' ways of job search. We have proposed a complex of measures on solution of employment problems of institute graduates.

Ключевые слова: студенческая молодежь, региональный рынок труда, ресурсный подход, профессиональное образование, стратегии поведения

Keywords: students, regional labor market, resource approach, professional education, behavior strategies

В актуальных процессах социально-экономических трансформаций особую роль играет студенческая молодежь, которая, проходя первичную профессионализацию, уже в ближайшем будущем станет основным субъектом регионального рынка труда. Важно изучать процессы формирования человеческого потенциала данной социально-демографической группы и социальные условия, способствующие его полному развитию и реализации в конкретной трудовой деятельности.

Опираясь на ресурсный подход к осмыслению роли молодежи в экономике и обществе в целом [1], мы рассматриваем молодежь как социальную группу, основные интересы которой состоят в получении высшего профессионального образования, позволяющего выйти на рынок труда и осуществлять деятельность по выбранной и осваиваемой профессии.

Анализ стратегий поведения студенческой молодежи на региональном рынке труда Среднего Урала базируется на материалах седьмого этапа авторского исследовательского проекта «Социокультурный портрет студенчества Свердловской области», реализованного в апреле-сентябре 2016 г. под руководством Ю.Р. Вишневского. По репрезентативной гнездовой выборке было опрошено 1827 студентов 14 вузов Свердловской области.

В проведенном исследовании были изучены: уровень занятости студенческой молодежи, структура проблемного поля трудоустройства на рынке труда, наиболее востребованные молодежью способы поиска работы.

Совмещение учебы и профессиональной деятельности для современной студенческой молодежи стало обыденным явлением. Результаты опроса показывают, что 42% студентов вузов Свердловской области заняты в трудовой сфере: 14% из них трудоустроены на постоянной основе, 28% работают время от времени. При этом формы трудовой активности студенческой молодежи весьма разнообразны: 9% молодых людей осваивают фриланс, 14% респондентов занимаются индивидуальным предпринимательством, закладывая тем самым основы для развития такого социально-экономического феномена, как молодежное предпринимательство.

Молодежь активно осваивает рынки занятости сферы услуг, финансов, но при этом их работа зачастую не связана с выбранной профессией. Только 19% респондентов в процессе трудовой деятельности применяют полученные в вузе навыки, теоретические знания, освоенные в ходе обучения технологические приемы решения актуальных задач. Многие студенты воспринимают свое место работы как стартовую площадку для дальнейшей профессиональной и

административной карьеры («перейду на вышестоящую должность сразу, как только получу диплом»). Стремление студентов совмещать учебную и трудовую деятельность вызвано не только материальными факторами, но и потребностью в адаптации к рынку труда. Работающие студенты в два раза чаще отмечают, что найти работу по осваиваемой специальности несложно.

В ходе опроса студентам было предложено проранжировать по степени остроты проблемы, с которыми они сталкивались (или думают, что столкнутся) при трудоустройстве. Как и ожидалось, наиболее острая проблема – отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии (2/3 респондентов считают ее самой серьезной из проблем, связанных с дебютом на рынке труда).

Вторая традиционная проблема – низкий уровень оплаты труда, что естественно, учитывая отсутствие стажа работы по профессии. Кроме того, представления студентов об ожидаемом уровне оплаты труда, как правило, завышены и не отражают реальной рыночной стоимости их компетенций.

На третьем месте проблема взаимодействия реального сектора экономики и образовательных учреждений – отсутствие открытых вакансий, информации о предприятиях, где востребована выбранная студентами профессия. Это объясняется наличием на региональном рынке труда Среднего Урала серьезных «перекосов» в банке вакансий, структурной безработицей [2, с. 8-10]. Страх и неуверенность перед неопределенностью выбора места работы осложняют постановку профессиональных целей и формирование профессиональных и жизненных стратегий будущих выпускников.

Среди ключевых проблем студенты также отмечают несоответствие уровня их профессиональной подготовки требованиям работодателя. Данная проблема, безусловно, порождается целым рядом факторов. Во-первых, работодатели по-прежнему с определенной долей недоверия относятся к уровневой профессиональной подготовке в образовательных организациях (бакалавриат, магистратура). Во-вторых, в рамках компетентностного подхода существенно расширяются и усложняются требования к специалисту со стороны работодателей, а выпускники в полной мере не располагают информацией об этом. В-третьих, традиционная инерционность образования приводит к отставанию от динамично развивающегося социально-экономического пространства, формирующего новые требования к компетенциям молодых специалистов.

На фоне высокого уровня общей удовлетворенности молодых людей качеством преподавания выделяется ряд аспектов учебного процесса, не отвечающих ожиданиям студентов вузов. Несмотря на постепенное внедрение современных, инновационных педагогических технологий, традиционные формы обучения пока остаются приоритетной формой удовлетворения

познавательных потребностей молодежи. Студенты довольно критично оценивают информацию, получаемую ими во время лекционных форм обучения: 37% респондентов считают, что получаемые знания не связаны с жизнью и с реальной работой по профессии. Больше половины опрошенных предполагают, что привлечение к проведению занятий специалистов предприятий и органов власти позволило бы им быстрее и эффективнее сориентироваться в современных реалиях рынка труда, структурировать требования работодателей к молодым специалистам.

Выбираемые способы трудоустройства дают возможность смоделировать вероятное поведение выпускников вузов на рынке труда, их активность, инициативность в процессе поиска работа. Наиболее предпочительными источниками трудоустройства являются места прохождения практики и организации, в которых студенты работали во время учебы. Это неудивительно, учитывая, что 42% совмещают учебную и трудовую деятельность.

Высокие проценты набрала оценка значимости социального капитала при поиске подходящей работы на рынке труда: на личные связи, умение налаживать контакты полагаются 27%; на «нужные» знакомства своих родственников – 42% опрошенных.

Достаточно популярным является поиск вакансий и размещение резюме в Интернете. Распространенность данного способа трудоустройства определяется типом поселения. Так, в Екатеринбурге данный способ как результативный и потенциально успешный оценивают 38% респондентов, тогда как в сельской местности только 9% [3, с. 162].

Результаты опроса показывают, что многие из студентов рассчитывают на помощь государства в обеспечении их соответствующей работой по специальности. Почти 37% опрошенных ориентируются на патерналистские способы трудоустройства и не готовы к тому, чтобы в ситуации конкурентного рынка труда отстаивать свои компетенции.

Низкую оценку получили способы трудоустройства, предполагающие посредничество различных субъектов рынка труда (служб занятости, молодежных бирж труда, рекрутинговых агентств): лишь каждый десятый из опрошенных студентов собирается воспользоваться данным способом трудоустройства. Не пользуются популярностью и способы, предполагающие взаимодействие образовательных учреждений и бизнес-структур (дни карьеры, ярмарки вакансий). Только четверть студентов проявляет к ним интерес.

Результаты опроса студентов вузов Свердловской области 2016 г., позволяют заключить следующее: особое внимание необходимо уделить взаимодействию профессиональных образовательных учреждений с потенциальными работодателями. Сотрудничество образовательных

учреждений с организациями, где возможно трудоустройство выпускников по специальности, может быть реализовано посредством осуществления совместных практических и научно-исследовательских проектов.

Список литературы

1. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. Т. 4. 461 с.
2. Мокроносов А.Г. Кадры для региональной экономики / А.Г. Мокроносов, А.А. Вершинин // Профессиональное образование и рынок труда. 2013. № 2. С. 8-10.
3. Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 205 с.

СРАВНЕНИЕ АСПЕКТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ИННОВАЦИОННО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КРУПНЫХ И МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ННГУ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО)

COMPARE ASPECTS OF PSYCHOLOGICAL READINESS OF STUDENTS TO INNOVATIVE ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES IN LARGE AND SMALL CITIES OF RUSSIA (ON EXAMPLE OF STUDENTS OF THE UNIVERSITY NAME N.I. LOBACHEVSKY)

В.С. Маслова
Арзамасский приборостроительный колледж им. П.И. Пландина
М.В. Прохорова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
V.S. Maslova
Arzamas Instrument College named after P.I. Plandin
M.V. Prokhorova
Lobachevsky University

Основное внимание направлено на изучение феномена психологической готовности студентов к инновационно-предпринимательской деятельности. Данный вопрос становится очень актуальным для России, экономика которой встает на «инновационные рельсы». Основа работы составляет эмпирическое исследование.

The focus of this article is aimed at studying the phenomenon of psychological readiness of students to innovative and entrepreneurial activities. This question is becoming very urgent for Russia, whose economy stands on the "innovation track". The basis of the work is an empirical study.

Ключевые слова: инновация, инновационное предпринимательство, психологическая готовность к инновационной деятельности; инициативность

Keywords: innovation, innovative entrepreneurship, psychological readiness for innovative activity; initiative

Успешность социального и экономического развития нашей страны во многом зависит от перехода основных сфер жизнедеятельности человека на «инновационные рельсы». Такие изменения касаются, в том числе, и системы подготовки специалистов на базе высшего профессионального образования.

Содержательная и организационная методическая основа перехода системы высшего и среднего профессионального образования России на инновационный путь развития заложен в федеральных государственных образовательных стандартах третьего поколения. Решение этой задачи требует создания оптимальных условий для становления ключевых характеристик психологической готовности к инновационной деятельности.

Говоря об инновационной деятельности и инновационном предпринимательстве, в частности, следует уделить особое внимание компетенциям инновационного предпринимателя. В работе «Психологические детерминанты эффективной предпринимательской деятельности» М.В. Прохорова и О.Л. Белоконь выделяют следующие компетенции инновационного предпринимателя [1]: 1) креативность, 2) внутренняя мотивация, 3) настойчивость в достижении цели, 4) организаторские способности, 5) нонконформизм, 6) лидерские способности, 7) стратегическое мышление.

Успешность инновационной и предпринимательской деятельности становится результатом выработки особых когнитивных стилей, успешной когнитивной стратегии решения проблемных задач, которые закладывают основы готовности предпринимателя к инновационной деятельности.

Эмпирическое исследование готовности студентов гуманитарных наук к инновационному предпринимательству призвано ответить на вопрос об определении новых психологических оснований данного явления.

В исследовании приняли участие 60 человек, 30 из которых являются студентами 3 курса направления «Социальная работа», «Социология» факультета социальных наук (ФСН) и 30 обучающихся 3 курса психолого-педагогического факультета (ППФ) Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского направления «Психолого-педагогическое образование». Выборку составили 10 юношей и 50 девушек, средний возраст выборки составил 20 лет.

В исследовании использовались методики:

1. тест «KAIMA», разработанный на основе концепции М. Киртона, М.В. Прохоровой, А.Д. Терегуловой [2; 3];

2. опросник «Психологическая готовность к предпринимательской деятельности» (В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцева) [4; 5].

Изучая психологическую готовность к предпринимательской деятельности, нами были получены следующие результаты: в выборке студентов факультета социальных наук преобладает «средний уровень» психологической готовности к предпринимательской деятельности, характерный для 50%. Показатель «выше среднего» характерен для 27%, «высокий уровень» – для 10%, низкий уровень составил 13%. В выборке студентов психолого-педагогического факультета преобладает «средний уровень» психологической готовности к предпринимательской деятельности, характерный для 50%. Показатель «выше среднего» характерен для 30%, «высокий уровень» характерен для 10%, низкий уровень составил 10%.

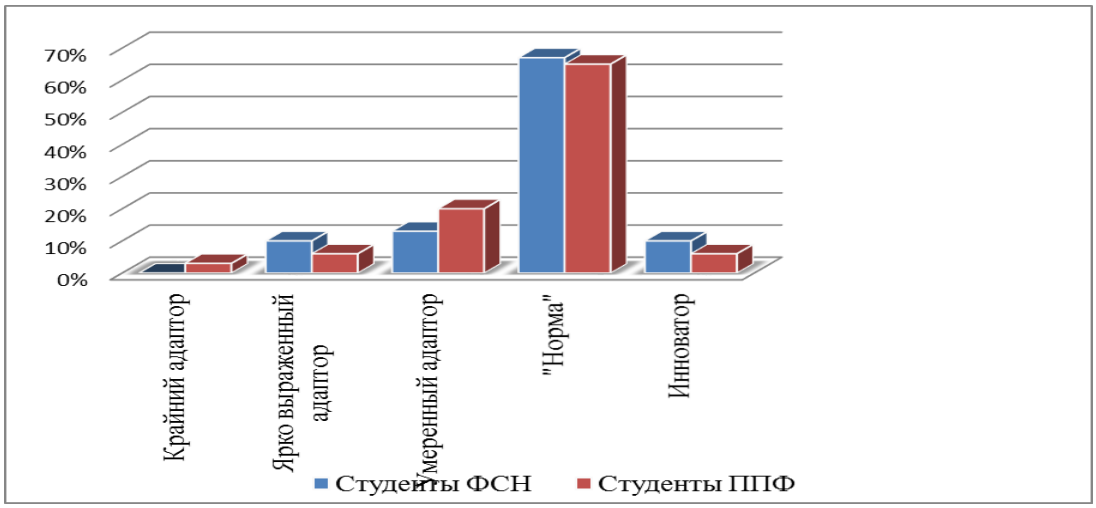


Рис.1 Уровень выраженности адапторско-инноваторского стиля

Изучая адапторско-инноваторский стиль, было выявлено, что для большинства студентов обеих выборок характерен результат «нормы» или среднего значения. Они выполняют функции «мостика» между крайними адапторами и крайними инноваторами, которым трудно договориться между собой. Так, для выборки студентов ФСН и ППФ данные показатели равны 67% и 65% соответственно (Рис.1).

В ходе сравнения аспектов психологической готовности студентов к инновационно-предпринимательской деятельности в крупных и малых городах России (на примере студентов ННГУ) были сделаны следующие выводы:

1. в каждой из выборок более 80% студентов ориентированы на инновационно-предпринимательскую деятельность;

2. для выборки студентов ФСН наиболее предпочитаемыми мотивами являются мотивационная и коммуникативная готовность. Для студентов ППФ так же лидирующим мотивом готовности к предпринимательской деятельности стал мотивационный компонент. При этом процентный показатель данной готовности в этой выборке выше, нежели среди студентов ФСН;

3. половой и возрастной признак не являются определяющими при изучении готовности студентов к инновационно-предпринимательской деятельности;

4. психологическая готовность будущих специалистов к инновационной деятельности в социальной сфере может эффективно формироваться в системе высшего профессионального образования при создании научно обоснованной модели, алгоритма и технологии, так как среди студентов ФСН, получающих теоретические знания по данному направлению, диагностируемые показатели были выше, нежели в выборке студентов ППФ.

Для успешной психологической готовности студентов к инновационно-предпринимательской деятельности на базе высших учебных заведений система подготовки должна включать в себя создание следующих механизмов:

1. оценка склонности и готовности студентов к инновационному предпринимательству. Выявить таких студентов, в том числе, используя указанные выше психологические методики: диагностика когнИтивного стиля «Адаптор-инноватор» «KAIMA», опросник «Психологическая готовность к предпринимательской деятельности»;

2. введение в учебный план дисциплин, раскрывающих особенности предпринимательской и инновационной деятельности;

3. организация обучающих площадок, в том числе бизнес-инкубатора;

4. создание и реализация психолого-педагогических программ по формированию психологической готовности студентов к инновационному предпринимательству.

Список литературы

1. Прохорова М.В., Белоконь О.Л. Психические детерминанты эффективной предпринимательской деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 396-402.

2. Прохорова М.В., Терегулова А.Д. Адаптация методики М. Киртона, диагностирующей адапторско-инноваторский когнитивный стиль // Инновационная экономика XXI века. Материалы Девятой Международной научно-практической конференции: В 2т. Том I. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 286-287.

3. Прохорова М.В., Терегулова А.Д. Диагностика адапторско-инноваторского когнитивного стиля // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014, вып. 2 (1). С. 400-406.
4. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. – Томск: Томский государственный университет, 2009. 240 с.
5. Краснорядцева О.М., Клочко В.Е. Диагностические возможности опросника «Психологическая готовность к инновационной деятельности» // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С.164-175.

РЕДУКЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ФАКТОР ДЕФОРМАЦИИ ИХ ИННОВАЦИОННОГО И КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА

REDUCTION OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF SPECIALISTS AS THE DEFORMATION FACTOR OF THEIR INNOVATIVE AND CULTURAL POTENTIAL

А.С. Мищенко
Общественное объединение «Непрерывное образование для всех», г. Санкт-Петербург
A.S. Mishchenko
Public Association"Lifelong education for all", Saint-Petersburg

Показано влияние редукции профессиональной деятельности специалистов на тенденции развития их инновационного и культурного потенциалов как субъектов реального производства и образовательного процесса.

The effect of the reduction of professional activity of specialists on trends in the development of their innovative and cultural potential as subjects of real production and educational process.

Ключевые слова: редукция, профессиональная деятельность, инновационный и культурный потенциал специалистов

Keywords: reduction, professional activity, innovative and cultural potential of specialists

Изучение профессиональной деятельности специалистов имплицитно связано с исследованием самых разных аспектов производительного труда. В данной работе, из-за её краткого характера, мы рассмотрим лишь один из аспектов тех изменений, которые, в частности, происходят в современной профессиональной деятельности рабочих материального производства и

педагогов среднего профессионального образования, а именно: влияние её редукции на их инновационный и культурный потенциалы[1].

Исходное предположение исследования звучит следующим образом: редукция профессиональной деятельности специалистов (её упрощение, сведение её сложного характера к её простой разновидности) – предмет нашего рассмотрения – глубинно влияет на профессиональный и квалификационный статус человека на производстве и в сфере образования; на – соотношение его физических и умственных трудовых усилий; в конечном счёте – на реальные возможности его инновационного и культурного развития. Такая редукция профессиональной деятельности конкретных специалистов качественно изменяет фундаментальные зависимости – меру и характер взаимодействия её элементов. Резонно предположить, что её редукция – есть важнейший фактор изменения инновационного и культурного потенциала специалистов.

Для проверки данной гипотезы мы построили несколько статистических моделей: отдельно для рабочих материального производства и отдельно для педагогов, работающих в учреждениях среднего профессионального образования. Благодаря им появилась возможность количественно проследить влияние редукции профессиональной деятельности данных специалистов на деформацию их инновационного и культурного потенциала.

Рассмотрим сначала основные результаты изучения профессиональной деятельности рабочих промышленности (Табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь редукции профессиональной деятельности промышленных рабочих на их инновационные возможности

Группы рабочих по степени развития инновационного потенциала	Значения коэф. кор. "r" взаимосвязи сложности проф.деятельности с возможностями творчества рабочих		Разница значений корреляции "r" (графа 1 - графа 2, ед.)
	При учёте сложности проф. деятельности	При условии редукции сложности проф. деятельности	
А	1	2	3
1 группа: до 5 баллов	0,52	0,49	0,03
2 группа: от 6 до 15 баллов	0,55	0,52	0,03
3 группа: от 16 до 30 баллов	0,30	0,20	0,10
4 группа: от 31 до 50 баллов	0,20	-0,20	0,40
5 группа: свыше 51 балла	0,68	-0,52	1,20

Очевидно, что управленческая деятельность на промышленных предприятиях может заметно изменить сам труд рабочих, в частности, деформировать их инновационную мотивацию в сфере производства. Это

[1] Исследование основано на результатах нескольких социологических опросов рабочих промышленных предприятий Петрозаводска, Выборга и Санкт-Петербурга (проводились с участием автора в период 1983-1997 гг.), а также педагогов системы СПО Санкт-Петербурга. Опросы проводились автором в период 2009-2016 гг.

обусловлено тем, что менеджмент, особенно если он *слабый*, создает условия, при которых сложность труда, будучи сильным позитивным фактором развития рабочих, становится, переходя в свою противоположность – «простоту труда», иррациональным элементом реального производства: в профессиональной деятельности рабочих простой труд начинает доминировать над их сложным трудом и воспроизводством их компетенций. Причем это доминирование простого труда базируется на деформации объектных и субъектных связей профессиональной деятельности рабочих. Это приводит к возникновению противоречий в её развитии, особенно у молодых специалистов. Отрицательные зависимости, появляющиеся при редукции профессиональной деятельности специалистов, сигнализируют о квазирациональном выравнивании её результативности у малоквалифицированных и высококвалифицированных рабочих внутри промышленного предприятия. Это неизбежно вызывает падение эффективности использования ими своего инновационного потенциала внутри производства. По нашим расчетам, приблизительно на 17%. Это заставляет рабочих перемещать свои интересы и творческие установки из сферы непосредственного труда в иную, зачастую, нетрудовую область своей жизнедеятельности. Наши расчеты показывают, что эта величина может составить 14%.

При изучении педагогов учреждений среднего профессионального образования, в дополнение к выше указанным фактам, мы определили количественные значения влияния редукции творческих, целевых и гуманитарных установок респондентов на деформацию их культурного потенциала.

Для этого, в процессе регрессионного анализа, были изучены девять комплексных показателей, определявших культурный потенциал педагогов (КПП). Это: «X_1» – показатель качества предметной среды профессиональных лицеев и колледжей; «X_2» – показатель динамики содержания деятельности педагогов; «X_3» – показатель развития межличностных отношений внутри педагогического сообщества лицея и колледжа; «X_4» – показатель, выражающий смысловые характеристики деятельности педагогов; «X_5» – показатель экзистенциальных («Иметь или Быть») установок педагогов; «X_6» – показатель зрелости гражданских позиций педагогов; «X_7» – показатель творческой мотивированности педагогов; «X_8» – показатель, фиксирующий целевые компоненты деятельности современных педагогов; «X_9» – показатель развития гуманитарного потенциала педагогов профессиональных лицеев и колледжей. В результате мы получили следующие регрессионные модели:

1. $КПП = 5{,}91 – 0{,}102X_1 + 0{,}126X_2 – 0{,}015X_3$;
2. $КПП = 6{,}16 + 0{,}081X_4 + 0{,}150X_5 – 0{,}057X_6$;

3. КПП = – 2,04+ 0,847X_7 + 0,578X_8 + 0,965X_9.

Их анализ показал следующее: предметная среда, содержание деятельности, межличностные отношения внутри педагогического коллектива – элементы первого регрессионного уравнения – определяют 8.8% всех изменений культурного потенциала преподавателей и мастеров производственного обучения; смысловые, экзистенциальные и гражданские позиции педагогов – элементы второго регрессионного уравнения – 22.5% подобных изменений. Самое большое влияние на развитие культурного потенциала педагогов оказывают их творческая мотивация, целевые компоненты деятельности, а также их гуманитарный потенциал – элементы третьего регрессионного уравнения – 68.7% всех изменений культурного потенциала педагогов зависят от данных факторов. В последнем случае автором установлено следующее примечательное обстоятельство: редукция трёх факторов, определяющих культурный потенциал педагогов, приводит к его деформации и отрицательному развитию (об этом свидетельствует свободный аргумент третьего уравнения; культурный потенциал педагогов при их элиминировании получает отрицательное значение «– 2,04»).

Как видим, в случае с педагогами учреждений среднего профессионального образования так же, как и с рабочими промышленных предприятий, мы получили близкие статистические зависимости. Там и здесь сложность труда, творческий и культурный потенциалы, будучи позитивными факторами развития рабочих и педагогов, становятся, переходя в свою противоположность – «простоту труда» или просто элиминируясь, иррациональным элементом реального производства и образовательного процесса. Это формирует негативные тенденции развития инновационного и культурного потенциалов респондентов. В их профессиональной деятельности, если рассматривать её глубинный уровень развития, начинают доминировать компоненты так называемого простого труда. Они видоизменяют воспроизводство инновационного и культурного потенциала рабочих промышленных предприятий и педагогов учреждений среднего профессионального образования. Это способствует сущностной деформации развития их профессиональной деятельности: за отрицательными корреляционными связями и коэффициентами регрессионных уравнений обнаруживаются неэффективные механизмы воспроизводства профессиональной деятельности, инновационного и культурного потенциалов респондентов.

Анализ редукции профессиональной деятельности как специалистов материального производства, так и среднего профессионального образования показывает, что её модернизация, если она базируется на замене сложного

труда простым трудом, на – функциональном и компетентностном дроблении последней, даже если это происходит в «мягкой» мало заметной форме, не может рассматриваться как подлинно эффективная.

Полученные результаты, помимо выше сказанного, заставляют задуматься и о том, что в современных условиях назрела необходимость более смело использовать методы и подходы индустриальной социологии в широких областях профессиональной деятельности. Для этого необходимо распространить представления и наработки индустриальной социологии на иные сферы профессиональной деятельности, объектно и предметно охватить такими исследованиями специалистов как материального, так и нематериального производства, в частности, акторов среднего профессионального образования.

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА РОССИИ

SOCIO-PROFESSIONAL ASPECTS OF THE USE OF THE ADDITIONAL EMPLOYMENT ON THE LABOR MARKET IN RUSSIA

И.М. Орехова
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Москва
I.M. Orekhova
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Рассматриваются различные аспекты использования дополнительной занятости на рынке труда России. Отмечается актуальность этого вида трудовой деятельности в период кризисной ситуации в экономике страны в целом и отдельных её регионов. Анализируется адаптационный ресурс дополнительной занятости с профессиональной, материальной, социальной точки зрения, его положительные и отрицательные стороны.

The author considers various aspects of the use of additional employment in the labour market of Russia. Notes the relevance of this kind of work in the period of crisis in the economy as a whole and its regions. Analyzes the adaptation resource for employment with professional, material and social point of view, its positive and negative sides.

Ключевые слова: рынок труда, адаптация, кризисная ситуация, дополнительная занятость, профессиональные потребности, наёмный работник

Keywords: labor market, adaptation, crisis, additional employment, professional need, employee

Дополнительная форма занятости получила широкое распространение после снятия ограничений на дополнительные заработки, а в период кризисных изменений в экономике страны, становления рыночных отношений, появления частного сектора на рынке труда приобрела роль важного адаптационного ресурса. Исследования, проведённые Институтом социологии РАН в разные годы в различных регионах страны,[1] фиксируют следующее: дополнительную занятость имеют респонденты во всех регионах. Причём, и по годам, и по регионам в количественном отношении эти группы вполне сопоставимы – различия находятся в пределах статистической погрешности. В Тюмени респондентов, имеющих дополнительную работу, 21.8%; в Новосибирске – 25.1%; В Краснодаре – 28.0%; в Бурятии – 29.1%; в Пензе – 28.9%.

Дополнительная занятость в первую очередь служит источником дополнительного дохода. Именно приработок был главной побудительной причиной появления этого вида занятости в стране. Бедственное положение работников в условиях экономической нестабильности (спада производства, разрыва хозяйственных связей, невыплат и задержек выплат заработной платы) послужило сильнейшим стимулом к вовлечению населения в сферу дополнительной занятости. При этом потребности динамично развивающейся экономики требовали от работника умения свободно переквалифицироваться в пределах основной профессии или вообще менять профессиональные знания и умения. Дополнительная занятость развивалась в другом направлении – как и в период её возникновения, главными оставались материальные интересы субъекта, а не профессионально-квалификационные факторы. В результате в области дополнительной или вторичной занятости сложилась следующая ситуация. Во-первых, если дополнительная занятость не связана с основной профессией, как правило, эта работа менее квалифицированная. Работники, имеющие дополнительную занятость или ищущие ее, обладают высокой мобильностью и активностью. Обычно дополнительную работу они выбирают в частном секторе экономики. Рыночный сектор, безусловно, более динамично развивается и предоставляет большие материальные возможности. Однако институт частной собственности в России охватывает не все сферы занятости. В наибольшей степени он распространён в сфере торговли, услуг и т.п., значительная часть профессий в которых не требует высокой квалификация. Но зачастую именно эта дополнительная работа даёт основной заработок. Т.е. с экономической точки зрения дополнительная работа становится основной. Во-вторых, в рамках профессии чаще всего дополнительная занятость – это

[1] «Социально-структурная динамика в регионе», Тюмень, 2001; «Социальная интеграция и дезинтеграция российского общества», Новосибирск, 2004; «Социально-пространственная дифференциация российского общества», Краснодар, 2008; «Социальные изменения в регионе», Бурятия, 2015; «Динамика социально-структурных процессов в регионе», Пенза, 2015.

совместительство внутри основного места работы (предприятия, учреждения, учебного заведения и т.п.). Квалификационный уровень при этом остаётся прежним, и в профессиональном отношении работник ничего не теряет, но может приобрести новые навыки. Тогда адаптационный ресурс дополнительной работы усиливается, поскольку наряду с материальной выгодой работник вместе с новыми навыками приобретает определённую профессиональную мобильность. В условиях кризиса дополнительная занятость для некоторой части работников может стать единственной, но они рискуют потерять социальные гарантии, которые им предоставлялись на основной работе.

Та часть населения, которая имеет или активно ищет дополнительные источники доходов, альтернативные формы занятости, предпочитает в любых жизненных ситуациях полагаться на себя и собственные силы. В этом отношении работники, имеющие дополнительную занятость, могут считаться наиболее мобильной частью населения с активной жизненной позицией.

Немаловажное значение имеет тот факт, что дополнительной формой занятости пользуется перспективная, с точки зрения профессионального и социального роста, часть населения. Такой вывод позволяют сделать следующие данные наших исследований. В наибольшей степени дополнительную занятость используют молодые респонденты – 57.9% опрошенных в возрасте до 40 лет. Чаще всего дополнительную работу ищут молодые люди от 20-ти до 30-ти лет (39.8%), что в два раза превышает долю лиц в возрастной категории от 40 до 50-ти лет, также ищущих такую работу.

Обратим особое внимание на уровень образования работников, имеющих дополнительную занятость. Исследования выявили высокий профессиональный и квалификационный уровень этой категории занятых. Но если в возрастном сегменте работников с дополнительной занятостью тенденция по годам практически не меняется, в образовательном секторе в последние годы увеличивается количество работников с высоким уровнем профессионального образования. В исследованиях 2001, 2004, 2008 гг. дополнительную занятость имели 5.2% работников с общим средним образованием; 52.3% со средним специальным образованием и 23.4% – с высшим и 17.8% – с образованием высшего типа (используется средний показатель по исследованиям). В исследованиях 2015 г. в Бурятии и в Пензе работники этой категории по образовательному уровню распределились следующим образом. В Бурятии дополнительную работу имеют 3.8% респондентов с общим средним образованием; 27.8% – со средним специальным образованием; 25.1% – с высшим образованием и 31.3% – с образованием высшего типа (аспирантура). В Пензе дополнительную работу имеют 4.6% респондентов с общим средним образованием; 22.1% – со средним специальным образованием; 25.7% – с

высшим и 42.3% – с образованием высшего типа. Т.е. значительно (в полтора раза) и достаточно резко (в 2015 г. по сравнению с 2008 г., поскольку с 2001 по 2008 гг. этот показатель практически не менялся) выросла группа работников с профессиональным образованием высшего типа, имеющих дополнительную занятость. Группа тех, кто только ищет дополнительную работу, характеризуется полярными показателями. В наибольшей степени её ищут респонденты, имеющие общее среднее образование (35.8% в Бурятии и 36.4% в Пензе), в наименьшей – респонденты, имеющие высший тип образования (6.3% в Бурятии и 7.7% в Пензе). Приведённые данные позволяют говорить, что в сложившейся в настоящее время экономической ситуации на рынке труда в России не только уровень, но и само наличие профессионального образования становится одним из наиболее значимых факторов трудоустройства, в том числе дополнительной занятости. Работники-профессионалы, особенно с высоким уровнем профессионального образования, легче находят себе место в системе рыночных трудовых отношений. В начале становления рыночных отношений в экономике страны ситуация была прямо противоположной – преимущество в трудоустройстве имели низкоквалифицированные кадры.

Зачастую дополнительную занятость находят в неформальном секторе. Неформальный сектор – это совокупность хозяйств, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не являются самостоятельными юридическими единицами. Этот институт существенно влияет на гибкость российского рынка труда. В частности, занятость в неформальном секторе в 90-е гг. позволила части россиян заработать и, тем самым, значительно смягчить социальное напряжение в обществе [1].

Дополнительная занятость как адаптационный ресурс имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. К положительным аспектам, в первую очередь, относится возможность улучшения материального положения работника. Во-вторых, если дополнительная занятость осуществляется в качестве совместительства внутри основного места работы, квалификационный уровень не снижается, но при этом работник может приобрести новые профессиональные навыки. В этом случае, как было отмечено выше, адаптационный ресурс дополнительной работы усиливается, поскольку работник вместе с новыми навыками приобретает определённую профессиональную мобильность. Отрицательные аспекты тоже существенны. Как правило, дополнительная занятость менее квалифицирована, чем основная работа. Дополнительная занятость в неформальном секторе зачастую является юридически неопределённой и нестабильной на рынке труда.

Список литературы

1. Маслова И.С., Бараненкова Т.А., Кубишин Е.С. Неформальная занятость в России. М.: Наука. 2007. 183 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О РАБОТЕ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ[1]

YOUTH'S IDEAS OF LABOUR IN CONTEMPORARY RUSSIAN CONDITIONS

Ю.М. Пасовец
Курский государственный университет
Yu.M. Pasovets
Kursk State University

На основе результатов автоских социологических опросов учащейся и занятой в экономике молодежи дается характеристика представлений молодежи о работе и ее предпочтений в выборе между ключевыми параметрами работы: оплатой и интересным содержанием труда. По рассматриваемым показателям приводятся межрегиональные сопоставления.

In the paper on the basis of results of the sociological surveys conducted by the author among the studying and employee youth, she characterizes the youth's ideas of labour and their preferences in the choice between key parameters of labour: payment and interesting content of work. The author gives interregional comparisons on the considered indicators.

Ключевые слова: молодежь, занятость, работа, российское общество
Keywords: youth, employment, labour, Russian society

В условиях трансформации современного российского общества особую актуальность для научного осмысления и социального управления представляет проблематика трудовых предпочтений молодежи и ее отдельных социальных категорий: учащейся, занятой в экономике, молодых безработных и др. Социальная трансформация определяет изменения в системе ценностного сознания и социального поведения молодежи, что обусловливает ее трудовые установки и модели трудового поведения.

С целью выявления представлений молодых людей о работе и значимости для них ее ключевых параметров обратимся к результатам социологического опроса, проведенного нами среди занятой в экономике молодежи Курской области в 2015 г. (N=300 человек) по целевой квотной выборке. Для

[1] Подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-33-01001 а2 «Молодежь в системе социально-трудовых отношений транзитивного общества»

сопоставления представлений о работе занятой в экономике и учащейся молодежи используем результаты опроса, проведенного нами среди обучающихся в общеобразовательных учреждениях, образовательных организациях среднего профессионального и высшего образования в Курской области в 2013 г. (N=2000 человек) по целевой квотной выборке.

Как показывают результаты регионального опроса, для подавляющего большинства (90.3%) занятой в экономике молодежи работа выступает в качестве ключевого источника средств к существованию. Около 40% работающих молодых людей рассматривают работу как способ самореализации и возможность для проявления своего личностного потенциала. Каждый десятый из этой категории молодежи (12%) видит в работе способ получения новой профессии и/или повышения квалификации, то есть связывает свою занятость с профессиональным образованием и квалификацией (Табл. 1).

Таблица 1

Представления молодежи о работе (в % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	Учащаяся молодежь	Занятая в экономике молодежь
Основной источник средств к существованию, доходов	73.7	90.3
Средство самореализации и возможность проявить себя	54.7	39.3
Возможность дополнительного общения	20.6	21.0
Способ получения новой профессии и/или повышения квалификации	28.2	12.0
Способ получения общественного признания и одобрения	16.0	10.3
Способ поиска новых возможностей, выгодных связей	26.6	9.3
Неприятная обязанность, если бы могли, вообще не работали бы	4.8	6.0
Затрудняетесь ответить	4.6	0.7
Итого	229.2	188.0
** Вопрос допускает выбор до трех вариантов ответа*		

Пятая часть молодых работников (21%) считают, что работа дает возможность дополнительного общения; десятая часть (10.3%) – достижения общественного признания и одобрения; примерно такая же доля занятой в экономике молодежи (9.3%) – обретения новых возможностей, завязывания выгодных социальных связей. Тем самым многие среди работающей молодежи рассматривают работу как социальный ресурс, позволяющий достичь собственных целей посредством социальной коммуникации и включения в социальную сеть выгодных связей.

При этом у основной части учащейся молодежи сформировались схожие представления о работе. Так, большинство (73.7%) обучающихся связывают работу с основным источником средств к существованию, доходов. Более половины (54.7%) из тех молодых людей, кто получает общее или профессиональное образование, ассоциируют работу с возможностью самореализации и проявления своих способностей. Вместе с тем среди обучающейся молодежи примерно в два раза больше тех, кто понимает работу как средство получения новой профессии и/или повышения квалификации (28.2%), и в три раза больше тех, кто видит в работе способ поиска новых возможностей, выгодных социальных связей (26.6%).

Некоторые представители работающей и учащейся молодежи воспринимают занятость как неприятную обязанность, которой они хотели бы избежать. Это свидетельствует о наличии в молодежной среде лиц с иждивенческими установками, однако в целом их доля незначительна.

У большинства молодежи работа отождествляется с материальным ресурсом (как основной источник средств к существованию, доходов) и возможностью самореализации, раскрытия личностного потенциала. Этот факт подтверждается и результатами социологического опроса молодежи Ростовской области (N=1018 человек) 2012 г., согласно которому около половины (49.9 %) молодых людей этого региона рассматривают работу как главный источник средств к существованию, 36.9% как важную сторону их жизни и возможность самореализоваться [1, с. 27].

Таблица 2

Предпочтения молодежи в выборе между высокой зарплатой и интересной работой при трудоустройстве (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Учащаяся молодежь	Занятая в экономике молодежь
Неинтересную работу с высокой заработной платой	44.8	69.7
Интересную работу с невысокой заработной платой	27.2	18.7
Затрудняетесь ответить	28.0	11.6
Итого	100.0	100.0

В этом плане интересными являются данные о предпочтениях молодежи в выборе между высокой оплатой труда и интересом к содержанию трудовой деятельности как составляющими работы, которые в современных условиях зачастую имеют взаимоисключающий характер. Делая такой выбор, большая часть (69.7%) занятой в экономике молодежи отдаст предпочтение высокой заработной плате (выбирая неинтересную работу с высокой заработной платой). Только около пятой части (18.7%) молодых работников сделают выбор в пользу интересной работы с невысокой оплатой труда (Табл. 2).

Среди учащейся молодежи тоже по численности преобладает доля тех, кто предпочтет в работе высокую заработную плату, чем ее интересное содержание (44.8%). Однако среди этой категории молодежи сравнительно больше тех, кто выберет интересную работу с невысокой оплатой труда (27.2%), и тех, которые затрудняются с таким выбором (28%).

Близкое к этому распределение предпочтений наблюдается и у ростовской молодежи. Как показывают результаты соответствующего опроса, многие (39.9%) молодые ростовчане готовы к неинтересной работе с высокой зарплатой, 34.1% выбирают интересную работу с невысоким заработком [1, с. 29]. Предпочтение материальной составляющей работы у большей части молодежи по отношению к другим параметрам работы выявлено и в других всероссийских и региональных исследованиях [2, с. 169; 3; 4, с. 124; 5, с. 54].

Как свидетельствуют результаты проведенного анализа, представления основной части молодежи о работе связаны с пониманием ее как материального ресурса и средства для самореализации, раскрытия личностного потенциала, а также для значительной части занятой в экономике молодежи – как ресурса для продолжения профессионального образования и повышения квалификации. При этом среди характеристик работы большинство молодежи выделяют материальную ее составляющую, что проявляется в выборе неинтересной и высокооплачиваемой работы по сравнению с интересной работой, но с невысоком заработком.

Список литературы

1. Социологический портрет молодежи Ростовской области: коллективная монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-н/Д.: Изд-во Март, 2012. 342 с.

2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет / Рос. акад. наук, Ин-т социологии. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. 592 с.

3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи / Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Academia, 2008. 272 с.

4. Пасовец Ю.М., Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Молодежь российских регионов. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2017. 236 с.

6. Пасовец Ю.М. Предпочтения учащейся молодежи региона в рамках формирования ее социальной мобильности // Труд и социальные отношения. 2011. № 10. С. 52-59.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА[1]

STUDYING THE MENTAL BARRIERS OF YOUTH EMPLOYMENT IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

А.В. Попов
Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, г. Вологда
A.V. Popov
Institute of socio-economic development of territories of the Russian Academy of Sciences, Vologda

Работа посвящена изучению ментальных барьеров, препятствующих трудоустройству молодежи. Рассмотрение данного вопроса сопряжено с множеством методологических сложностей и требует тщательной проработки.

The article is concerned with studying the mental barriers preventing youth from employment. It is shown that study of this issue is connected with plurality of methodological difficulties and it needs careful consideration

Ключевые слова: ментальные барьеры, молодежь, ментальность, рынок труда, стереотипы

Keywords: mental barriers, youth, mentality, labor market, stereotypes

Социально-экономические потрясения конца XX в., происходящие в России, серьезно сказались на общественном сознании. Молодежь как наиболее восприимчивая к изменениям социальная общность в полной мере подверглась влиянию новых идей. Ценности «общества потребления» вкупе с размыванием национальной идентичности и отсутствием общих целей развития существенно повлияли на образовательные и профессиональные стратегии. Например, в работах отечественных ученых достаточно часто встречается тезис об усилении инструментализации труда в мотивации современной молодежи [1; 2], что негативно сказывается на построении ее карьерных траекторий. В то же время интеграция молодых людей в общество напрямую зависит от возможности реализовать себя в трудовой деятельности. Однако именно молодежь чаще других сталкивается с проблемами на рынке труда [3]. В этой связи актуальным представляется изучение ментальных барьеров, препятствующих трудоустройству молодежи. В настоящей работе предпринята попытка теоретического осмысления данной проблемы.

[1] Подготовлено при поддержке гранта РНФ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества (2016-2018 гг.)».

В научной литературе сложилось большое количество подходов к определению категории «ментальность». В трудах экономической направленности, как правило, она рассматривается как «часть общественного сознания, состоящая из ценностей и норм поведения» [4, с. 90]. Реализация же ментальных практик осуществляется в виде определенных стереотипов поведения, которые, в частности, могут выступать в качестве барьеров, препятствующих трудоустройству молодежи. Речь идет о стереотипах положения (в общественном сознании) и поведения (в сознании самих людей). К первой группе можно отнести: желание молодых сразу получать большой доход, отсутствие практических навыков работы, неустойчивость трудового поведения, нацеленность на быстрый уход в декретный отпуск (для женщин) и т.д. Эти воззрения зачастую приводят не только к тому, что работодатели создают препятствия для найма соискателей, но и к явной дискриминации в отношении молодежи. Что касается второй группы, то это, прежде всего, стереотипы в выборе образовательной траектории. Например, стремление молодежи получить высшее образование, без которого найти работу достаточно проблематично. Похожей стратегией поведения является следование моде (престижу) в отношении выбора профессии [5, с. 69]. На выходе из образовательной организации у молодых специалистов действуют несколько иные стереотипы: ориентация на размер заработной платы при выборе места работы, нежелание заниматься физическим трудом, игнорирование официальных каналов трудоустройства и т.д. Сложившиеся стереотипы служат фактором, препятствующим профессиональной самореализации молодежи.

Отдельные аспекты влияния ментальных практик на трудоустройство российской молодежи встречаются в трудах отечественных ученых, занимающихся, в том числе, проблемами занятости. Необходимо отметить исследования образовательных и профессиональных траекторий молодого поколения, выполненных сотрудниками Института социологии РАН [6; 7]. В работах на основе многолетних наблюдений раскрываются вопросы формирования ценностных ориентаций, профессионального самоопределения, выхода на рынок труда, трудовой мотивации и т.д., тем самым позволяя выявить глубинные причины возникновения сложностей в процессе трудоустройства молодежи. Вместе с тем, недостаточно изученными являются аспекты восприятия молодых людей на рынке труда в современной России. Как правило, исследования ограничиваются анализом стереотипов в отношении иных социально уязвимых категорий населения (лиц с ограниченными возможностями здоровья; граждан пенсионного возраста и т.д.), в наибольшей степени сталкивающихся с проявлениями трудовой дискриминации. Изучение

молодежи как группы, подверженной влиянию негативных предубеждений в обществе, так же требует внимания со стороны научного сообщества.

При изучении ментальных барьеров трудоустройства также важно помнить о том, что молодежь – крайне неоднородная группа (по социально-экономическим, культурным и иным признакам). По состоянию на 2016 г., в их состав входят представители периодов «перестройки» и распада СССР (1985-1991 гг.), становления рыночных отношений (1992-1998 гг.), а с 1999 г. – роста российской экономики. Каждый из рассматриваемых временных отрезков, характеризуемых серьезными потрясениями в жизни общества, по-своему наложил отпечаток на сознание молодых людей, тем самым обусловив изменение ментальных оснований населения. Как показывают мониторинговые данные, полученные Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН)[1] в 2000-2014 гг. на территории Вологодской области, предпочтения молодых людей относительно характера занятости меняются как с течением времени, так и демонстрируют высокую дифференциацию при детализации выборки в рамках одного года (Табл. 1). С одной стороны, за рассматриваемый период произошло снижение намерений юношей и девушек работать в государственных предприятиях с гарантированными, стабильными, но невысокими доходами и увеличение заинтересованности трудоустройства в коммерческих организациях с высокими доходами, но без гарантий на будущее. С другой стороны, если среди молодежи 2000-х гг. предпочтение быть занятым в рыночных структурах снижалось с увеличением возраста (с 26% в когорте «16-17 лет» до 18% в когорте «25-29 лет»), то у молодых людей 2014 г. – все ровно наоборот.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Если бы можно было выбрать, что бы Вы лично предпочли?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000 г.			2014 г.		
	25-29 Лет	18-24 года	16-17 Лет	25-29 лет	18-24 года	16-17 лет
Гарантированные, стабильные, но невысокие доходы на государственном предприятии	44.8	30.7	22.2	25.1	25.5	16.1
Высокие доходы в коммерческой организации, но без гарантии на будущее	17.6	20.9	25.6	37.7	33.3	24.2
Вести на свой страх и риск собственное дело	12.0	10.2	12.2	6.7	7.4	16.1
Затрудняюсь ответить	25.6	38.1	40.0	30.5	33.8	43.5

[1] Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области проводится Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 1997 г. Объектом исследования является население Вологодской области трудоспособного возраста. Опросы проходят один раз в два года (до 2009 г. ежегодно) в августе-сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3%.

Таким образом, исследование ментальных барьеров, препятствующих трудоустройству молодых людей, связано со множеством методологических сложностей, которые не получили достаточного развития в научной литературе. Во-первых, молодежь, являясь крайне сложной и неоднородной социальной группой, требует особых подходов к изучению, а также нуждается в дифференцированном рассмотрении ценностного поля и норм поведения в разрезе возрастных и профессионально-статусных характеристик. Во-вторых, следует учитывать территориальное размещение населения, поскольку роль природно-географического фактора в формировании общественного сознания очень высока. В-третьих, значительная вариативность в подходах к определению понятия «ментальность» диктует необходимость четкой проработки категориального аппарата в соответствии с направленностью исследования. В-четвертых, ментальные барьеры целесообразно подразделять в зависимости от носителя тех или иных практик (стереотипов положения и поведения) для более комплексного рассмотрения вопроса. Учет обозначенных аспектов позволит не только выявить латентные преграды вхождения молодежи на рынок труда, но и разработать меры по их преодолению.

Список литературы

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 352 с.
2. Шарова Е.Н., Мулина Т.В. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (региональный аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т.13. №1. С. 50-68.
3. Попов А.В. Требования работодателей к качественным характеристикам молодых работников (на примере Вологодской области) // Вестник НГУЭУ. 2016. № 4. С. 215-223.
4. Латова Н.В., Латов Ю.В. Особенности «вестернизации» ментальности студенчества модернизирующихся стран // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 90-98.
5. Нанавян А.М. Структура населения по уровню образования и насыщенность отраслей экономики кадрами // Экономическая наука современной России. 2016. №2. С. 68-77.
6. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
7. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014. 548 с.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ТРУДА ЖЕНЩИН И МУЖЧИН: ЕЁ НАПРАВЛЕННОСТЬ И СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

PECULIARITIES OF LABOUR ACTIVITY MOTIVATION OF WOMEN AND MEN: ITS DIRECTION AND SENSE-MAKING ORIENTATION

М.В. Прохорова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
M.V. Prokhorova
Lobachevsky University

Выявлено преобладание у женщин, по сравнению с мужчинами, внешней отрицательной мотивации труда, мотивов избегания критики и неудачи, ориентации на процесс работы, утилитарно-прагматического и кооперативного смыслообразующих мотивов труда. Установлено преобладание конкурентного смыслообразующего мотива труда у мужчин, по сравнению с женщинами. Выраженность смыслообразующих ориентаций труда женщин и мужчин не различается.

It is revealed, that intrinsic negative labor activity motivation, as well as motives of criticism and failure avoidance, work process orientation, utility-pragmatic and cooperative sense-making work motives are predominant women, in comparison with men. Preponderance of competitive sense-making work motive in men, as compared with ~~in~~ women, is elicited. Intensity of sense-making labor activity orientation in women and men coincides.

Ключевые слова: мотивация труда, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, смыслообразующая ориентация труда

Keywords: labor activity motivation, intrinsic motivation, extrinsic motivation, sense-making orientation

На современном этапе развития общества и трудовых ресурсов ведётся полемика о целесообразности разных подходов к мотивации трудовой деятельности с учётом пола работников [1]. Поиск ответов на этот вопрос начат в более ранних научных работах автора и продолжается в данном исследовании [2-3], *целью* которого является выявление особенностей в направленности и смыслообразующей ориентации трудовой мотивации женщин и мужчин.

Методика исследования

В исследовании приняли участие 368 испытуемых, среди которых равное количество женщин (n=184) и мужчин (n=184). Возраст испытуемых в обеих выборках приблизительно совпадает. В женской выборке средний возраст составил 36,3 лет; минимальный – 19 лет; максимальный – 60 лет. В мужской выборке средний возраст составил 36,8 лет; минимальный – 20 лет; максимальный – 63 года. 103 женщины и 81 мужчина с высшим образованием.

Для сбора данных использовались две психодиагностические методики: опросник мотивации профессиональной деятельности К. Замфир [4] в модификации А.А. Реана [5], позволяющий определять 7 первичных мотивов труда и их направленность (внутреннюю положительную, внешнюю положительную, внешнюю отрицательную), и тест «Словарь» И.Г. Кокуриной, выявляющий 6 смыслообразующих мотивов труда и их ориентацию (результирующую/ процессуальную) [6]. Для обработки данных с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни, U, применялось программное обеспечение “Statistica 10.0”.

Результаты исследования

При анализе первичных мотивов труда, диагностируемых с помощью методики К. Замфир – А.А. Реана (рис.1), выявлены достоверно значимые различия между женщинами и мужчинами по внешним отрицательным мотивам (стремление избежать критики со стороны руководителя и коллег (p=0.05); стремление избежать наказаний и неудач (p=0.01)) и внутреннему положительному мотиву (удовлетворение от процесса работы (p=0.05)).

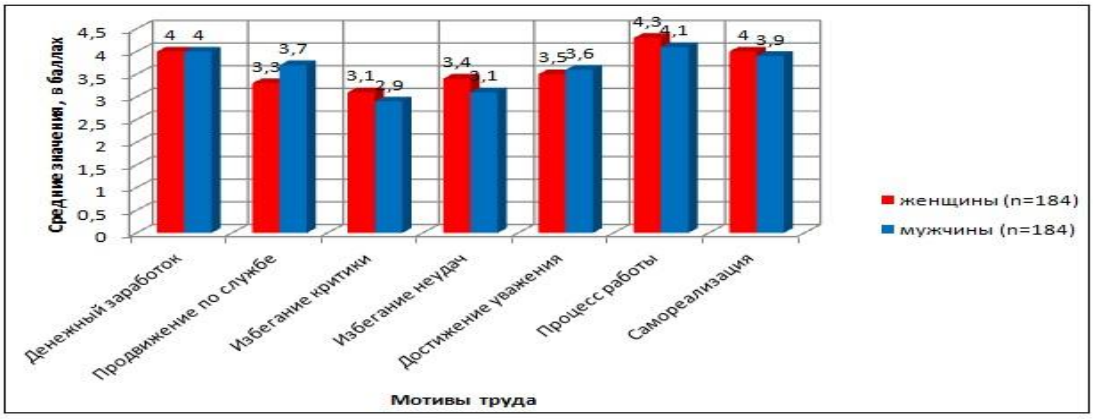


Рис. 1. Мотивы труда женщин и мужчин

Более сильная выраженность первичных отрицательных мотивов у женщин, чем у мужчин, обусловила преобладание внешней отрицательной мотивации (рис.2) в первой выборке над второй (p=0.00).

Рис. 2. Направленность мотивации труда женщин и мужчин

У женщин, по сравнению с мужчинами, достоверно более значимо выражены утилитарно-прагматический (p=0.00) и кооперативный (p=0.00) мотивы труда (рис. 3). Для мужчин более, чем для женщин, характерна конкурентная мотивация (p=0.00).

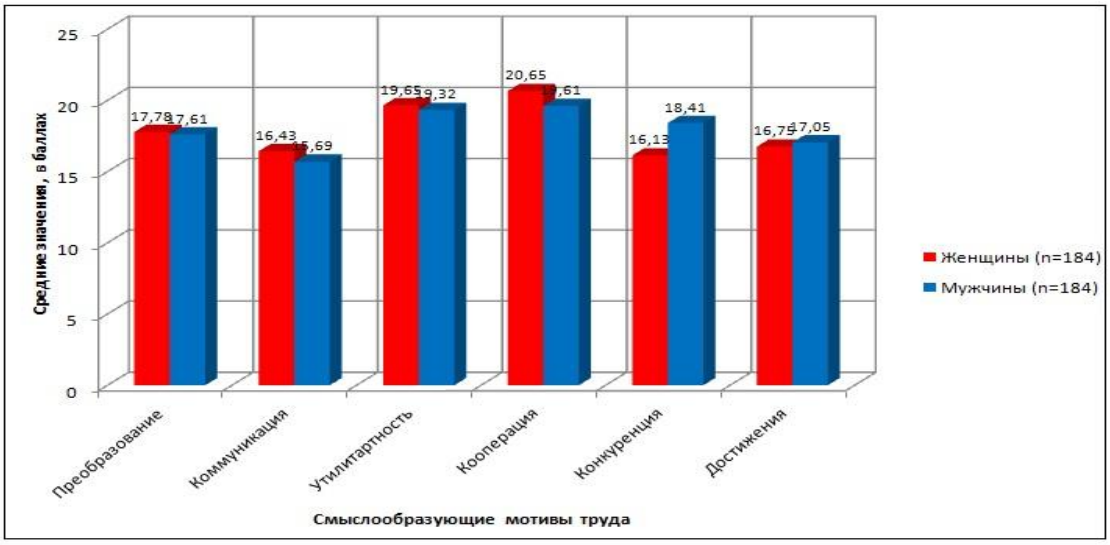


Рис. 3. Смыслообразующие мотивы труда женщин и мужчин

В смыслообразующей ориентации мотивации труда (рис. 4) различий между женщинами и мужчинами не получено.

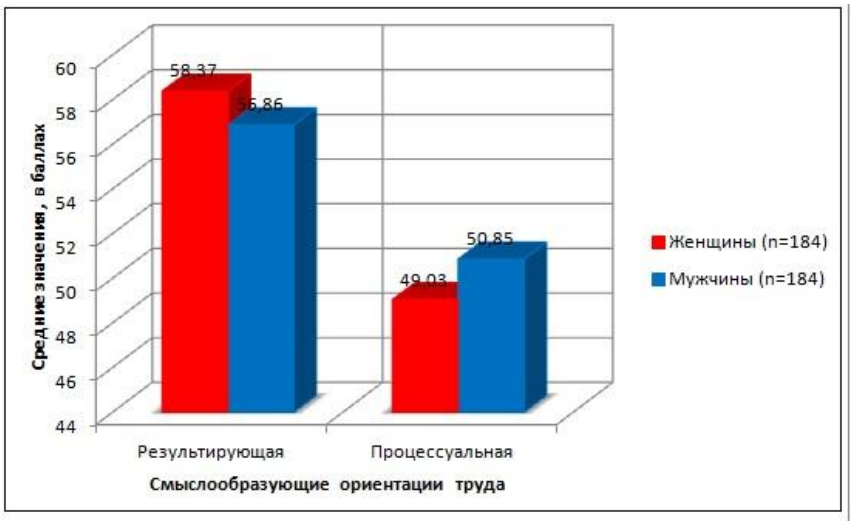


Рис. 4. Смыслообразующие ориентации труда женщин и мужчин

Выводы

1. Женщины и мужчины различаются в выраженности *внешней отрицательной мотивации труда.* Преобладание данной направленности у женщин, по сравнению с мужчинами, обусловлено *мотивами избегания (критики и неудач)*. Достоверных различий между женщинами и мужчинами по положительной мотивации труда не установлено.

2. Женщины и мужчины в равной степени ориентированы на результат и процесс трудовой деятельности. Среди смыслообразующих мотивов труда женщин и мужчин имеются различия: у женщин преобладает *утилитарно-прагматическая* и *кооперативная мотивация*; у мужчин – *конкурентная*.

Список литературы

1. Воронова А.В., Мазилов В.А. Гендер: междисциплинарный анализ // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т.21. № 1. С. 60-63.
2. Прохорова М.В. Особенности структур мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. Вып.3. С. 321-325.
3. Прохорова М.В., Прохоров В.М. Особенности внутренней и внешней мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 3. С. 53-57.
4. Замфир К. Удовлетворённость трудом. Мнение социолога. М.: Политиздат, 1983. 143 с.
5. Реан А.А. Психология личности. СПб.: Питер, 2013. 288 с.
6. Кокурина И.Г. Социально-психологические аспекты мотивации трудовой деятельности: дисс... к.психол.н. М., 1984. 250 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ В НОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ РЕАЛИЯХ

SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE ENTERPRISE IN NEW PUBLIC REALITIES

А.Н. Пружинин
Иркутский государственный университет
A.N. Pruzhinin
Irkutsk State University

Раскрываются особенности, условия и основные векторы развития социальной ответственности предприятий в новых общественных условиях и их динамический характер на основе экспертного исследования представлений представителей бизнеса, власти и некоммерческих общественных организаций.

The article reveals the features and conditions for the development of social responsibility of enterprises in new social conditions, shows their dynamic nature and identifies the main development vectors identified after expert research in the

representations of representatives of business, government and nonprofit public organizations.

Ключевые слова: социальная ответственность, новые условия, бизнес, власть, некоммерческий сектор

Keywords: social responsibility, new conditions, business, power, nonprofit sector

Современное общество требует новых условий для самореализации и развития каждого человека, компании и территории. Зачастую ресурсов для потенциального воспроизводства недостаточно и необходимо прибегать к внешним источникам. Наиболее характерно и эффективно в этом ключе срабатывает корпоративная социальная ответственность (КСО) компаний.

Социальная ответственность бизнеса – многосоставное явление. Важным аспектом в определениях КСО является её понимание, с одной стороны, самим бизнесом, с другой – обществом, прежде всего в лице общественных организаций и государственных структур. В исследованиях О.А. Полюшкевич [1; 2] показывается, какие формальные и инструментальные формы приобретает КСО в разных социально-исторических условиях и какие стратегии социальной адаптации предпринимателей возможны на разных этапах социально-экономического развития общества. При этом представители различных социальных институтов могут совершенно противоположно воспринимать стратегии и задачи, поставленные перед КСО в ходе развития самого бизнеса или отдельного предприятия.

Мы провели экспертное исследование оценки КСО в Иркутской области. Экспертами выступили владельцы и руководители среднего бизнеса, представители власти и некоммерческих организаций, всего 48 человек в возрасте от 35 и старше, 36 – мужчин и 12 женщин, все они занимают свои должности более 5 лет. В интервью приняли участие 16 представителей власти, 16 представителей бизнеса и 16 представителей НКО.

Представим часть результатов исследования.

Все респонденты сошлись на том, что КСО необходима современным предпринимателям. Представители бизнеса указали, что «КСО необходима каждому бизнесу» в 35%, «КСО может существенно регулировать социально-экономические взаимосвязи» в 45%, и только 20% указали, что «КСО не всегда помогает предпринимателю». Представители власти указали, что «КСО однозначно необходима и бизнесу, и обществу» в 80%, в 20% говорили о том, что «КСО может решать многие задачи, но далеко не все». Представители НКО указали, что «КСО – это святая обязанность бизнеса» (40%), «КСО – это добровольное участие в строительстве лучшего общества» (60%).

Мотивы развития КСО для представителей бизнеса, власти и НКО отличаются.

Для *бизнеса* – КСО выступает формой социально-экономической стабильности, закрепления социальных установок и гарантий, которые помогут выйти на новый уровень производства, заключить контракты, привлечь более профессиональные кадры.

«Социальная ответственность бизнеса позволяет расширять социальное воздействие, искать новых клиентов и партнеров. Это стратегия развития. Без КСО не построишь бизнес будущего» (Н.Д., 47 лет). *«Без социально ответственной деятельности любой бизнес обречен, поэтому, надо ей пользоваться с умом – привлекая кадры, заботясь о них, мотивируя, давая социальные гарантии и так далее – это всегда вернется сторицей»* (Н.А., 56 лет). «*Качество жизни населения в тех регионах, где есть моя компания, во многом зависит от социальной ответственности, которую мы проявляем. Не заботясь о людях, я не получу прибыль. Формула очевидна»* (Г.В., 39 лет). *«Для развития мне нужны иностранные инвесторы, а они смотрят на социальную ответственность своих партнеров. Так что если я хочу развиваться, мне надо заботиться о своих работниках, о членах их семей, о месте их жизни. Поэтому, я – социально ответственный бизнесмен»* (Н.Н., 59 лет).

Иными словами, бизнес воспринимает КСО как способ повышения прибыли и в целом экономической эффективности.

Для *власти* КСО выступает инструментом регулирования социальных обязательств на той или иной территории. Социальная ответственность бизнеса дает основу для развития социальной политики, совместного регулирования общественной жизни.

«Представители власти во многом ограничены бюджетом, должностными инструкциями и многим другим, что не позволяет решать насущные задачи муниципалитетов. Тут спасательным кругом выступает социальная ответственность бизнеса, которая может регулировать и социальные настроения, и решать мелкие проблемы (строительство дорог или детских садов, детских площадок или оздоровительных лагерей» (В.А., 46 лет). *«Сегодня на бизнес можно сбросить многие социальные задачи, так как власть часто не имеет ресурсов выполнить все то, что должна. Как бы это прискорбно ни звучало»* (И.Ю., 52 года). *«Наша задача поддерживать бизнес, так как без его социальной ответственности мы утонем в собственной немощности»* (О.Г., 57 лет).

Иными словами, власть воспринимает КСО бизнеса как способ альтернативного решения социальных задач.

Для *некоммерческих общественных организаций* КСО является механизмом дополнительного способа решения социально актуальных задач на территории, а также повышения социально защищенного уровня самих сотрудников данных компаний.

«Социальная ответственность бизнеса – это хороший способ изменить ситуацию в проблемной зоне той или иной территории. Главное – найти общий язык с руководством компании, что стоит помогать именно в данной проблеме» (И.А., 37 лет). *«Социальная ответственность бизнеса решает многие социальные задачи, где власть бессильна из-за разных обстоятельств, а общество нуждается в решении проблем»* (Л.Н., 44 года). *«КСО – это способ регулирования социального воспроизводства и общественного замещения в решении актуальных задач территории»* (Н.Н., 57 лет).

Другими словами, НКО воспринимают КСО как способ изменения социальной среды, способствующий более благоприятному социокультурному климату на конкретной территории.

Социальная ответственность предпринимателя для разных социальных институтов и отдельных их представителей может выступать в разных качествах, иметь не одинаковые цели и свойства и по-разному интерпретироваться. Только результат ее – однозначно полезен и необходим вне зависимости от того, нацелена ли она только на своих сотрудников либо еще и на внешнюю среду компании. В работе Ю.В. Борисовой показывается эффект социального партнерства как процесс и результат развития предпринимательства [3]. Продолжая ее мысль, мы можем сказать, что социальная ответственность предпринимателей – это процесс и результат социального взаимодействия, позволяющего выжить в постоянно меняющихся условиях. Без данного социального рычага сложно представить успешного и социально вовлеченного в разнообразные инновационные проекты предпринимателя будущего, который рождается в практиках настоящего.

Список литературы

1. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность: учеб. пособие / О.А. Полюшкевич. Иркутск: Изд-воИГУ, 2012. 131 с.

2. Полюшкевич О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. С. 103-110.

3. Борисова Ю.В. Социальное партнерство как процесс и результат развития предпринимательства // Культура и взрыв: социальные смыслы в

трансформирующемся обществе материалы V Всероссийской научной Интернет-конференции. Под общ. ред. О.А. Кармадонова, О.А. Полюшкевич. 2013. С. 111-118.

КОНФЛИКТЫ В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ

CONFLICTS IN THE WORKPLACE: CAUSES AND METHODS OF RESOLUTION

А.Н. Салеева
Казанский национальный исследовательский технологический университет
A.N. Saleeva
Kazan National Research Technological University

Рассмотрены и проанализированы различные аспекты трудового конфликта, выявлены основные виды и причины. Сформулированы ключевые принципы урегулирования трудовых конфликтов, методы предупреждения и разрешения трудовых конфликтов.

The article reviewed and analyzed various aspects of the labor conflict, identified the main types and causes. We formulate the key principles of the settlement of labor disputes, methods of prevention and settlement of labor disputes.

Ключевые слова: предупреждение и разрешение трудовых конфликтов, трудовой конфликт, трудовой спор, рабочее место, трудовой коллектив

Keywords: prevention and settlement of labor conflict, labor conflict, labor dispute, workplace, labor collective

В современном обществе конфликты – часть работы предприятий, организаций. Трудовой коллектив организации представляет собой группу людей, объединенных общей целью, зависящей от основного направления деятельности. Но при этом каждый человек является индивидуальностью, со своими привычками, мировоззрением, отличительными чертами характера, желаниями и амбициями [1, с. 119]. Более того, зачастую коллектив состоит из людей разных возрастов, опыта, практических умений и навыков. Внешняя среда также оказывает влияние на характер внутренних отношений в организациях, в том числе и на специфику возникновения конфликтов, и на способы их регулирования. Избежать конфликтов в коллективе невозможно, так как они сопровождают не только рабочую, но и повседневную деятельность людей. Но оставлять конфликты без внимания нельзя, так как разрастаясь, переходя из межличностного в межгрупповой, а затем и общеорганизационный, они могут привести к непредсказуемым, разрушительным последствиям.

Конфликт – это взаимодействие социальных субъектов, которое характеризуется противоборством, наличием острых противоречий, сопровождающиеся отрицательными эмоциями. Трудовой конфликт – это столкновение интересов и мнений, оценок между представителями различных групп по поводу трудовых отношений [2]. То есть трудовые конфликты являются видом социального конфликта, объектом которых выступают трудовые отношения и условия их обеспечения. К основным формам трудовых конфликтов относятся: собрания, митинги, демонстрации, забастовки. К видам трудовых конфликтов относят: 1) конфликты между управляемыми и управляющими; 2) адаптационные конфликты – это конфликты между правилами и нормами, которые сложились в организации, и новичками; 3) конфликты на управленческом уровне, связанные с разработкой стратегии поведения и условий эффективности деятельности организаций [3, с. 133].

Причины возникновения трудовых конфликтов можно разделить на объективные и субъективные. Объективные причины трудовых конфликтов – это совокупность экономических, правовых и организационно-управленческих причин, которые побуждают работников к защите своих прав и интересов. Субъективные причины трудовых конфликтов – это совокупность внутренних факторов, которые усиливают влияние объективных условий или ситуаций или побуждают людей к конфликтному взаимодействии, иногда при отсутствии реальных глубоких причин для этого. К основным причинам конфликтов в трудовом коллективе можно отнести: неудовлетворенность размером заработной платы; задержка выплаты заработной платы; отсутствие индексации заработной платы в условиях увеличения инфляции; взаимные неплатежи между потребителями и производителями; нарушение трудового законодательства; нарушение норм охраны труда и рост травматизма на производстве; недостатки связи между членами структурных подразделений [2].

В 2013 г. аналитиками ЦСТП было зафиксировано около 285 трудовых споров на российских предприятиях. Из них 95 были связаны с остановкой работы. Основные конфликты происходили в сферах промышленности, транспорта и связи. Меньше всего конфликтов было в сельском хозяйстве, сферах управления и науки. Основной причиной протестов являлась политика руководителей предприятий, сопровождающаяся падением заработка, увольнениями и невыплатой зарплат. Последнее обстоятельство стало причиной 97 выступлений. В результате анализа данных за последние пять лет можно сделать вывод о том, что рост протестов был постепенным. Его пик был в 2009 г. во время кризиса, в 2010 г. наблюдалось падение активности, а затем снова последовал постепенный рост, который длится и в настоящее время [4].

Процесс урегулирования конфликта можно разбить на четыре основных этапа. Первый этап состоит в обнаружении конфликта и убеждении в том, что

наличие конфликта признано всеми участниками. Раннее обнаружение признаков зарождающегося конфликта поможет предпринять необходимые меры для его урегулирования. Если конфликт не был замечен на ранних стадиях и никем не решался, то начинают возникать группировки конфликтующих сторон. На этом этапе необходимо добиться признания наличия конфликта. Второй этап начинается, когда конфликт признан его участниками, когда конфликтующие стороны не могут найти выход из ситуации самостоятельно и вынуждены прибегнуть к вмешательству третьей стороны. Третий этап – создание общего плана действий по урегулированию конфликта, его практической реализации. Четвертый этап состоит из контроля, оценки и закрепления полученных результатов. Важно следовать намеченному плану регулирования конфликта, и если нужно, то внеси в него поправки.

Основными принципами урегулирования конфликтов являются:

– принцип признания конфликта и желания сторон его разрешить;

– принцип взаимной ответственности, попытки сближения двух сторон;

– принцип «нет победителей, не проигравших»;

– принцип устранения эмоций;

– принцип своевременного урегулирования конфликтов;

– принцип прямоты и откровенности, который заключается в том, что стороны должны точно сказать друг другу, как они воспринимают данную ситуацию и чего они хотят от противоположной стороны;

– принцип приоритета самостоятельности, который предполагает попытку сторон урегулировать конфликт без привлечения посторонних лиц;

– принцип поэтапных мер с посторонней помощью, при вмешательстве нейтрального лица, которое помогает урегулировать конфликт [5].

Методы предупреждения и разрешения трудовых конфликтов:

– механический метод, при котором происходит изъятие из обращения объекта конфликта или его подмена другим объектом;

– изменение отношения сторон конфликта к объекту;

– деловые переговоры – способ сохранения мирного взаимодействия между сторонами конфликта;

– заключение коллективного трудового договора;

– обращения работника в комиссию по трудовым спорам или в суд;

– посредничество, при котором конфликтующим предоставляется право решить проблему выработки решения третьей стороной [6, с. 57].

Таким образом, конфликт – это нормальное явления для предприятия, организации, поскольку работающие здесь люди каждый день имеют непосредственный контакт друг с другом, и все они отличаются своими социально-психологическими характеристиками и восприятием мира, поэтому руководителю организации не стоит бояться возникновения в коллективе

конфликта. Если грамотно воспользоваться ситуацией, можно извлечь выгоду из конфликтов, ведь они могут способствать отбору и продвижению новаций, развитию организации. Но чтобы правильно управлять конфликтом, руководителю необходимо знать причины его возникновения, тип, возможные последствия и уметь выбрать наиболее эффективный метод его разрешения. Тема конфликтов в трудовых организациях остается распространенной и актуальной. Это явление требует постоянного внимания, поскольку в случае неграмотного управления даже самый безобидный конфликт, разрастаясь и превращаясь в крупномасштабный, может негативно сказаться на эффективности работы всей организации.

Список литературы

1. Гелета И.В., Калинская Е.С., Кофанов А.А. Экономика организации (предприятия): учебное пособие. М.: Магистр, 2007. 303 с.
2. Нечепуренко Е.К. Социально-трудовые конфликты и протестное поведение рабочих // Современные научные исследования и инновации. Май 2011. №1. Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues//2011/05/287 (дата обращения: 29.10.2017).
3. Панина Е.С. Трудовые конфликты на предприятиях // Основы экономики, управления и права. 2012. № 6. С. 132-135.
4. В России увеличивается число трудовых конфликтов. http://newsland.com/news/detail/id/1166010/ (дата обращения: 28.10.2017).
5. Грызунова В.Д. Урегулирование конфликтов в трудовом коллективе // Современные научные исследования и инновации. Январь 2013. № 1. Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues//2013/01/19611(дата обращения: 29.10.2017).
6. Гелета И.В., Калинская Е.С. Управление персоналом и регулирование рынка труда организации // Экономика: теория и практика. 2007. №1 (13). С. 54-58.

ОЦЕНКА И САМООЦЕНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ

EVALUATION AND SELF-ASSESSMENT OF PROFESSIONAL QUALITIES OF ENTREPRENEURS AND MANAGERS

Г.И. Селеткова, В.А. Федотова
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
G.I. Seletkova, V.A. Fedotova
Perm National Research Polytechnic University

Рассматривается оценка и самооценка уровня развития личностных и профессиональных качеств у предпринимателей и руководителей.

Анализируется влияние пола руководителя или предпринимателя на самооценку данных качеств, а также влияние самооценки на удовлетворённость предпринимательской/управленческой деятельностью и готовность сменить статус и сферу деятельности.

In article the estimation and a self-estimation of a level of development of personal and professional qualities at businessmen and heads is considered. Influence of a floor of the head or the businessman on a self-estimation of the given qualities, and also influence of a self-estimation on satisfaction by enterprise/administrative activity and readiness to replace the status and a field of activity is analyzed.

Ключевые слова: предприниматель, предпринимательство, руководитель, человеческий капитал, профессиональные качества, удовлетворенность

Keywords: the businessman, business, the head, the human capital, professional qualities, satisfaction

Предприниматели играют важную роль в развитии инноваций, согласно Э. Фелпсу, их роль в отборе и поиске инноваций, которые в будущем могут принести доход [1, с. 22]. В современных социально-экономических науках рассматриваются две точки зрения на природу предпринимателей. Одни «предпринимателя олицетворяют с любым собственником средств производства, что для малого и среднего бизнеса действительно, а другие же к данной категории определяют и менеджера, что правомерно в условиях большого бизнеса» [2, с. 120-126]. Поэтому мы анализируем оценки профессиональных и личностных качеств как предпринимателей, так и руководителей.

Важным фактором в развитии предпринимательства выступает начальный запас ресурсов. Согласно результатам исследования А.С. Купера, способность к выживанию и росту определяется сходными процессами, при этом есть факторы, оказывающие различное влияние [3]. Он проводил анализ по четырем показателям человеческого и финансового капитала: общий человеческий капитал (образование, пол); управленческие навыки; специфические навыки (предыдущий опыт работы и т.д.); первоначальный финансовый капитал [4, с. 50]. Так, некоторые показатели человеческого капитала влияют одновременно как на способность к выживанию, так и к росту. Кроме пола предпринимателей, предприятия, руководителями которых были женщины, менее склонны к росту, однако способны к выживанию. Подобным же образом специфические навыки и финансовый капитал влияли и на выживание, и на рост.

Одним из показателей человеческого капитала выступает уровень профессиональные качества и уровень их оценки, а также уровень профессионализации. Выделяют две модели становления профессии: англо-

американскую и континентальную. Согласно англо-американской модели, профессия рассматривается как корпорация, обладающая высоким уровнем притязаний на статус, власть и вознаграждение, стремящаяся поддерживать свою закрытость [5, с. 29-37]. И «идеальный» профессионал понимается как частный практик – предприниматель, у которого свое дело, и он интегрирован в профессиональное сообщество. Одним из важных показателей профессионализация является самооценка соответствия и развития профессиональных и личностных качеств предпринимателями.

В Пермском крае и г. Перми в 2013-2014 гг. Г.И. Селетковой было проведено исследование, состоящие из двух опросов, экспертного опроса предпринимателей и руководителей, а также опроса населения относительно предпринимателей и руководителей. В целом было порошено 902 человека.

В ходе исследования был сформулирован вопрос для оценки профессиональных качеств предпринимателя, которые формировались на основе трехуровневой группой оценки личности. Согласно методике, было опрошено 15 человек, которые были предпринимателями, подчиненными, клиентами, контролирующими органами. В результате групповой оценки были сформулированы следующие профессиональные и личностные качества, необходимые предпринимателю: знание дела и личная профессиональная квалификация, целеустремленность, трудолюбие, умение организовать свою работу, умение находить общий язык с другими людьми, способности к планированию, стимулированию и контролю на стратегическом, тактическом и ситуационном уровнях; умение руководить людьми; уверенность в себе; организованность, способность объективно оценивать людей, умение убеждать людей, маневренность и гибкость в поведении: согласование интересов в среде бизнеса, исполнительность, сообразительность, инициативность, смелость, умение действовать в условиях риска.

Рассмотрим, как воспринимаются предпринимательские качества населением. В целом респонденты одинаково оценивают уровень развития профессиональных и личностных предпринимательских качеств у предпринимателей и руководителей (средний балл 3,77 – у предпринимателей, 3,78 – у руководителей). Но есть и определенные различия. Респонденты у руководителей по сравнению с предпринимателями более высоко оценивают следующие качества: знание дела и личная профессиональная компетентность (средний балл 3,87 и 3,65 соответственно) и умение руководить людьми (средний балл 3,91 и 3,65 соответственно).

Более высокие оценки по сравнению с руководителями предприниматели получили по следующим качествам: целеустремленность, трудолюбие, умение находить общий язык с другими людьми, маневренность и гибкость поведения,

сообразительность, инициативность, смелость, умение действовать в условиях риска.

Таким образом, можно сказать, что у руководителей наиболее высоко оценили качества, связанные с руководством людьми, знание дела и личную квалификацию. Руководители воспринимаются как более профессионально подготовленные и разбирающиеся в работе. У предпринимателей большие оценки получили качества, связанные с риском, смелостью, гибкостью, целеустремленностью, трудолюбием, инициативностью, сообразительностью. Предприниматели воспринимаются как более рискованные, гибкие, целеустремленные.

Проанализируем, как сами предприниматели и руководители оценивают развитие своих профессиональных и личностных качеств. Предприниматели наиболее высоко оценивают трудолюбие (4,46), сообразительность (4,39), умение находить общий язык с другими людьми (4,36), исполнительность (4,34), организованность (4,33). Наиболее низко предприниматели оценивают умение руководить людьми (3,79), маневренность и гибкость в поведении, согласование интересов в среде бизнеса (3,9), способности к планированию, стимулированию и контролю на стратегическом, тактическом и ситуационном уровнях (3,9), умение действовать в условиях риска (3,93), умение убеждать людей (3,96), способность объективно оценивать людей (3,97).

Мужчины предприниматели выше женщин предпринимателей оценивают практически все качества, кроме исполнительности, трудолюбия и целеустремленности. Данные качества женщины оценивают выше мужчин.

Руководители наиболее высоко оценивают исполнительность (4,16), сообразительность (4,13), умение находить общий язык (4,11), трудолюбие (4,09) и организованность (4,08). При этом у руководителей наиболее высоко оценивается исполнительность (4,16), а трудолюбие оценивается ниже, чем у предпринимателей. Ниже всех остальных качеств руководители оценивают умение действовать в условиях риска (3,79), умение убеждать людей (3,8), маневренность и гибкость в поведении, и согласование интересов в среде бизнеса (3,83), смелость (3,89), способности к планированию, стимулированию и контролю на стратегическом, тактическом и ситуационном уровнях (3,91).

Среди руководителей, наоборот, женщины оценивают практически все качества выше мужчин, кроме смелости и умения действовать в условиях риска.

В целом отметим, что чем выше руководители и предприниматели, мужчины и женщины, оценивают уровень развития профессиональных качеств в целом, тем больше они удовлетворены результатами своей деятельности и тем меньше у них желание сменить статус и сферу деятельности.

Список литературы

1. Фелпс Э. Массовое процветание: Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 472 с.
2. Гишкаева Л.Л. Некоторые положения теории предпринимательства // Российское предпринимательство. 2013. № 23(245). С. 120-126.
3. Cooper A.C., Gimeno-Gascon J.F., Woo C.Y. Initial Human and Financial Capital as Predictors of New Venture Performance // Journal of Business Venturing. 1994. Vol. 9(5). P. 371-395.
4. Современные классики теории предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996-2010). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 526 с.
5. Шило А.С. Социологический анализ профессионализации социальной работы в современной России: теоретико-методологические основания // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. №4. С. 29-37.

НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ: ДИСТАНЦИОННЫЙ ТРУД, ФРИЛАНС

NON-STANDARD FORMS OF WORK AND EMPLOYMENT: REMOTE WORK, FREELANCE

Л.А. Семенова
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Москва
L.A. Semenova
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

В условиях информационной экономики на смену традиционным формам занятости с длительной постоянной занятостью и гарантированным рабочим местом приходит удалённая занятость (дистанционный труд) без трудовых и социальных гарантий. Это выражается в прекаризации социально-трудовых отношений и формировании прекариата – специфической социальной группы.

In the information economy the traditional forms of employment with long term employment and guaranteed working place comes to remote employment without job security and other social safeguards. This is reflected in the precarization of socio-labour relations and the formation of the precariat – specific social group.

Ключевые слова: информационная экономика, дистанционный труд, фриланс, неустойчивая / нестандартная занятость, прекаризация

Keywords: information economy, remote work, freelancing, unstable/ nonstandard employment, precarious work

1. Трансформация российского общества, вызванная становлением рыночной экономики, и её последствия «наложились» на общемировые тенденции, связанные с глобальными изменением типа мировой экономики. Речь идёт о переходе от индустриальной экономики к постиндустриальной, экономике знаний, информационной экономике с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В этих условиях социальные институты, население были вынуждены решать, как минимум, две задачи: адаптироваться к новым социально-экономическим (рыночным) условиям и овладевать «информационной культурой» как элементом трудового потенциала эпохи информатизации. В ходе этого процесса утрачивают прежнее значение одни профессиональные группы (страты, слои), становятся более значимыми другие, ранее немногочисленные или вовсе отсутствовавшие, отражая становление новых форм занятости и организации труда, предъявляющих новые требования к специалистам. На смену *традиционным формам* занятости, для которых характерна *постоянная* длительная занятость, *гарантия рабочего места* и социально-правовая защищённость работника, приходят новые. Им присущи такие характеристики, как *отсутствие формализованного рабочего места* (удалённая, дистанционная занятость), *непостоянная,* негарантированная, неустойчивая занятость (например, фриланс), часто без социальных гарантий. Эти изменения носят глобальный характер, сближая социально-стратификационные системы разных стран, что выражается, например, в таком явлении, как прекаризация социально-трудовых отношений и формирование прекариата – специфической социальной группы общества, которая привлекает пристальное внимание обществоведов.

2. В последнее время всё большее распространение получает нестандартная занятость (гибкая занятость, множественная занятость, неустойчивые формы найма), в основе которой лежит так называемая *дистанционная занятость, или удалённая работа.* Дистанционный труд определяется как форма занятости, при которой работодатель и наёмный работник (заказчик и исполнитель) находятся на расстоянии друг от друга, передавая и получая технические задания, результаты труда и оплату при помощи современных средств связи (изначально факс, почтовые сообщения, в наши дни Интернет). Среди работающих дистанционно можно выделить следующие профессии – главные бухгалтеры, юристы, финансовые менеджеры, IT-менеджеры, программисты, бренд-менеджеры, топ-менеджеры, менеджеры по стратегическому планированию операций в Интернете, дизайн-менеджеры.

Однако статистические данные о количестве занятых дистанционным трудом в России в целом пока отсутствуют, хотя рекрутинговые агенства оценивают потребность в дистанционных работниках примерно в 20% от общего количества поступающих заявок. Это связано с тем, что дистанционный труд до недавнего времени не был легализован, т.е. не был прописан в Трудовом Кодексе РФ, что создавало трудности для учёта занятых дистанционно, поскольку не оформлялись трудовые договора на дистанционный труд. В настоящее время в ТК РФ внесены соответствующие поправки, и в ст. 312 ТК РФ четко прописано, что *работа считается дистанционной, если работник работает:* 1) на основании трудового договора о дистанционной работе; 2) вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (в том числе расположенного в другой местности); 3) вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя; 4) используя для работы и связи с работодателем информационно-коммуникационные сети, в том числе Интернет. Трудовой кодекс не ограничивает ни место жительства, ни место выполнения работы дистанционным сотрудником. Главное условие – дистанционная работа выполняется вне офиса, территории или объекта, прямо или косвенно контролируемого работодателем. Это означает, что дистанционная занятость обеспечивает *миграцию рабочей силы без физического перемещения в пространстве,* то есть без материальных и временных издержек, связанных с таким перемещением. Таким образом, дистанционная занятость способна отчасти компенсировать невысокий уровень мобильности населения страны. Эта форма мобильности качественно изменяет рынок труд.

3. Одной из форм дистанционной занятости (удалённого труда) является фриланс – гибкая, нестандартная форме занятости, интерес к которой возрос в условиях информационного общества. Из определений, даваемых в литературе фрилансерам, наиболее релевантным нам представляется определение этой категории занятых как независимых профессионалов высокой квалификации, которые не состоят в штате организаций и не включены в традиционные трудовые отношения, а самостоятельно реализуют свои услуги на рынке труда различным клиентам, не являясь субподрядчиками единственного заказчика. Как правило, предлагается следующая типология фрилансеров: специалисты, занимающиеся фрилансом, оказавшись без основной работы; специалисты на подработке (занимаются фрилансом в свободное от основной работы время); «чистые» фрилансеры – для них фриланс является основной работой. По социально-демографическим характеристикам фрилансеры – это в большинстве (2/3) молодые мужчины не старше 30 лет; самая возрастная группа – «чистые»

фрилансеры, почти треть из них старше 30 лет. Мужчины занимаются преимущественно разработкой и поддержкой Web-сайтов, программированием, фото-, видеосъёмкой, женщины занимаются переводами и написанием текстов. Сегодня активно развиваются рынки услуг фрилансеров через специальные сайты – электронные биржи удалённой работы, на которых фрилансеры размещают информацию о себе, а потребители их услуг свои заказы.

4. В качестве *достоинств* фриланса как формы занятости можно отметить гибкий график работы, возможность работать дома, совмещать работу с учебой или другой работой, возможность самому выбирать проекты, отсутствие рутины, постоянного контроля со стороны начальства, необходимости подчиняться корпоративным правилам и др. Однако эта форма трудовой занятости чревата и серьезными *недостатками*, в числе которых сами фрилансеры называют нестабильность и непредсказуемость доходов, возможность обмана со стороны заказчика и другие риски; необходимость поиска новых проектов по окончании работы с предыдущими, т.е. непостоянство занятости; отсутствие социального пакета, социальных гарантий; недостаточное общение с коллегами; отсутствие карьерного роста. Удалённый характер труда фрилансеров, сводящий к минимуму очное общение, ведёт к утрате социальных навыков и навыков делового общения. Следствием индивидуализации их труда, независимого статуса занятости является ослабление коллективистских ценностей, социальная изоляция с коллегами, рост замкнутости местных профессиональных сообществ. Карьера во фрилансе имеет нелинейную траекторию, основными чертами которой является индивидуализация и продвижение не вертикально, а горизонтально, то есть развитие или расширение профессиональных навыков и компетенций. Фрилансеров нельзя назвать профессиональной группой, под этим именем могут «скрываться» люди самых разных профессий, различающиеся между собой по материальному положению, поведенческим и культурным характеристикам, образу жизни. Их объединяет форма занятости – удалённый труд, или электронная занятость. Устойчивость и стабильность этой категории работников относительна, лишь 15% видят себя в будущем «чистыми» фрилансерами, то есть планируют и дальше зарабатывать на жизнь, оставаясь в этом статусе [1]. Фактически фриланс представляет нестабильную, *неустойчивую занятость*, а именно: работу по временным трудовым контрактам или без них, то есть занятых негарантированным трудом и фактически без социальных гарантий; эту категорию занятых в последнее время принято называть «прекариат». Массовая неустойчивая занятость, сопровождаемая ущемлением социально-трудовых прав («прекаризация»), явление глобального характера. По данным Организации экономического

сотрудничества и развития, более половины экономически активного населения мира работают без заключения контрактов и без социально-трудовых гарантий.

5. Социально-экономические трансформации последних 20 лет в России в совокупности с глобальными цивилизационными изменениями существенно меняют как стратификационную систему вообще, так и социально-профессиональную структуру общества, в частности. Эти процессы находят отражение и в российском обществе, социально-стратификационная система которого находится в состоянии динамичных изменений, что выражается в появлении новых социально-профессиональных сообществ, форм труда и занятости, формировании новых социальных иерархий, трансформации статусно-ролевых характеристик индивидов и групп. Социально-профессиональную структуру российского общества можно охарактеризовать как многоуровневую, пёструю, мозаичную систему, включающую в себя новые слои и группы с многомерными характеристиками (например, фрилансеры, наёмные работники и самозанятые, с формальной и неформальной занятостью, с множественной занятостью, прекарии). Социологический анализ таких групп актуализирует изучение явления прекаризации, обозначающей нестабильную занятость, свойственную современной глобализирующейся экономике. Очевидно, что нестабильная занятость ведёт к неустойчивости социального статуса, его подвижности, неопределённости, «социальной полиидентичности», в некоторых случаях к кризису социально-профессиональной идентичности.

Список литературы

1. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России, 2015, №1. С. 72-100.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЧЕЛОВЕКА В АСПЕКТЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

INFLUENCE OF INFORMATION REVOLUTION ON HUMAN IN TERMS OF LABOR ACTIVITY

М.М. Серафимов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
M.M. Serafimov
Lobachevsky University

Обращается внимание на то, что в процессе становления и развития человека и общества ключевую роль играла осознанная трудовая деятельность,

что подтверждается всеми науками, даже религией. Дальнейшее изменение процесса труда существенно повлияли на все его компоненты. Наиболее существенные изменения произошли в орудиях труда, что привело к информационной революции и дальнейшему отчуждению человека не только от средств производства, но и от процесса труда вообще. Это сказалось на социальной структуре общества в форме появления нового социального класса – прекариата. Класс этот в контексте столетия представляет наибольшею угрозу стабильности существующих государств и в целом мирового порядка.

In the paper the author draws attention to the fact that in the process of formation and development of man and society conscious labor played a key role which is confirmed by all sciences, even religion. Further changes in labor processes significantly influenced all its components. The most significant changes occurred in labor tools which led to information revolution and further driving man not only from production tools but also from labor process in general. This affected the social structure of society as there emerged a new social class – the precariat which poses the greatest threat to the stability of existing states and the world order as a whole.

Ключевые слова: труд, трудовая деятельность, процесс труда, информационная революция, орудия труда, класс, прекариат

Keywords: labor, labor activity, labor process, information revolution, labor tools, class, precariat

Общепризнанный вывод всех наук о том, что основным фактором становления и развития человека и общества явилась его осознанная трудовая деятельность, не подвергается сомнению.

Наиболее ярко и остроумно это описывают материалисты-дарвинисты и самый авторитетный из них Ф. Энгельс [1], который подарил миру афоризм: «Труд создал самого человека».

Однако, идеалисты, теологи и креационисты тоже придавали труду первостепенное значение. Чего стоит обращение Бога-отца к Адаму: «19. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

«23. И выслал его Господь Бог из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» [2].

И другой пример из второго послания апостола Павла к Фессалонкийцам: «Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» [3]. Это уже позднее в «Моральном кодексе строителей коммунизма» была утверждена новая редакция этого требования: «Кто не работает, тот не ест!»

Еще жестче это нравственное требование предъявлялось к христианам в протестантизме, что глубоко, подробно и убедительно описал М. Вебер [4].

Есть еще концепция американского исследователя, археолога Майкла Кремо, который, отвергая симильную (обезьянью) теорию антропогенеза, не согласен и с религиозной трактовкой происхождения человека. «Я не считаю себя ни научным, ни религиозным деятелем, а просто человеком, который готов использовать самые разные пути познания, чтобы приблизиться к истине» [5]. Им в качестве аргументов и доказательств своей точки зрения о более раннем происхождения человека, чем принято в христианстве, используются археологические артефакты, которые представляют собой не что иное, как орудия труда [6].

Трудовая деятельность рассматривается как процесс преобразования информации и энергии, происходящей в системе «человек – орудие труда – предмет труда – окружающая среда». В этой системе элементов за время человеческой цивилизации произошли колоссальные изменения.

Предмет труда изменился количественно и качественно. Изначально природный предмет труда остался прежним (лес, земля, вода, недра и т.п.). Но в результате человеческой деятельности увеличились количество и сложность предметов труда для последующих производственных циклов.

Человек тоже изменился по всем компонентам от физических данных до интеллектуальных и психофизиологических.

Окружающая среда изменилась в связи с деятельностью человечества. Образовалась ноосфера, увеличилось количество людей, изменились их условия жизни и труда.

Орудия труда. Собственно говоря, именно в этом элементе трудового процесса произошли наибольшие изменения, которые обусловили изменение всех компонентов. Изобретение микропроцессорных технологий и появление персональных компьютеров привели человечество к четвертой, как принято считать, информационной революции, что в свою очередь вызвало революционные изменения во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Следует отметить, что скорость распространения революционных перемен возросла в сотни раз. Если первые две, образно говоря, можно сравнить со скоростью распространения картофеля или кофе по миру, то последняя информационная продвигается со скоростью лесного пожара.

Хрестоматийный пример перехода от каменных орудий к металлическим.

На разных этапах развития человеческой деятельности они менялись либо медленно (эволюционно), либо скачкообразно (революционно). Например, открытие электричества вызвало революционный скачок.

Мы переживаем тоже революционные изменения во всех сферах жизни в связи с появлением информационных технологий. Производственная сфера

деятельности не исключение. Наоборот, там в первую очередь это происходит, т.к. экономика по-прежнему определяет цивилизацию.

Непрестанно расширяя спектр возможностей человека, развитие информационных технологий в то же время ставит перед людьми много новых, порой неожиданных и весьма сложных проблем.

Когда говорят о проблемах, порожденных информационной революцией в плане трудовой деятельности человека, как правило, подчеркивают увеличение безработицы и ликвидацию некоторых видов профессий и появление новых. Однако, это узкий взгляд на трансформацию характера трудовой деятельности человека, которая носит более глобальный и непредсказуемый характер.

Конечно, «Фитнес, как фактор развития человеческого потенциала» – это важно, но все-таки основным фактором развития человеческого потенциала была, есть и будет трудовая деятельность.

Здесь присущая большинству работников система «человек – инструмент» начала вытесняться системой «человек – машина». Сегодня мы можем наблюдать обе системы, но новое поколение уже в подавляющем большинстве своем не умеет, не учится, да и нецелесообразно это, работе с инструментом не только в процессе производственной деятельности, но даже в быту. Как бы мы ни ностальгировали по прошлому, остановить этот процесс не в силах. Да и не надо это делать. Только надо понимать, в процессе вытеснения инструмента машиной появляются новые опасности и угрозы не только для жизни одного человека или массы людей, но и, возможно, всего человечества.

Самый важный, проблемный и непредсказуемый процесс, происходящий в социальной жизни людей – это образование нового социального класса – *прекариата*. В числе первых исследователей, которые стали рассматривать проблемы *прекариата* в связи с процессами глобализации экономики, были французские социологи П. Бурдьё [7] и Р. Кастель [8]. Однако, об этом достаточно подробно и аргументированно заявил на весь мир Гей Стеэндинг, опубликовав свой труд «Новый опасный класс – прекариат». Он выделяет в современном западном обществе пять групп на основании трудовой принадлежности: 1) *Элита*, в которую входит весьма ограниченное число сверхбогатых людей; 2) *Салариат* (от англ. *Salary* – зарплата) – высший средний слой, имеющий стабильную полную занятость и зарплату, в него входят руководящие работники корпораций, государственных учреждений, государственной службы; 3) *Профессионалы* – работники, имеющие стабильное положение благодаря своим знаниям и умениям, занятые на основе контракта; 4) *Сердцевина* – «старый» рабочий класс; 5) *Прекариат* – социально неустроенные люди, не имеющие полной гарантированной занятости [9].

По мнению исследователя, многие *неформально занятые*, причисляющие себя к «среднему классу», на самом деле этим классом не являются вследствие *статусной неопределенности*. Прекариат находится в *низшей* части «пирамиды» общества – ниже «старого» рабочего класса (стабильного *пролетариата*), и, тем более – ниже профессионалов. Г. Стендинг подчеркивает, что представители прекариата в *минимальной степени идентифицируют* себя с *профессиональным сообществом*, в котором, возможно, находятся.

После него и наши ученые делают попытку широко обозначить эту проблему [10; 11; 12].

Но в широком плане и политики, и власть хранят молчание, и нигде это не обсуждается. Все эти политические шоу и предвыборные речи известных лидеров партий говорят о чем угодно, но только не об этом. А по сути, современное капиталистическое общество продолжает отчуждение человека не только от средств производства, но и от самого процесса трудовой деятельности. И это является основным источником формирования нового социального класса, пока еще не политического, пока еще не агрессивного, но уже используемого в различного рода социальных протестах.

Даже КПРФ, которая позиционирует себя как правоприемница марксизма и классовой борьбы, не использует это явление, чтобы наполнить свежим ветром свои обвисшие идеологические паруса, хотя в контексте столетия самой выдающейся и великой классовой революции это необходимо помнить и прогнозировать тенденции с целью предотвращения катастрофических последствий.

Напомним основные характерные черты этого явления.

Понятие «прекариат» образовано от двух слов (от лат. precarium – неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и «пролетариат», которое в свое время означало класс, отчужденный от результатов труда и эксплуатируемый в интересах господствующего класса – буржуазии.

Прекариат – новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особо изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а в конечном счете и качества жизни.

В эти группы входят те, кто постоянно (!) занят временной, эпизодической работой, вовлечен в теневой или, как выразилась вице-премьер правительства РФ О. Голодец, «нелегитимный» сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемленным социальным статусом. В целом эти группы образуют достаточно значительный

слой во многих странах мира, достигая от 30 до 40% численности трудоспособного населения. Таким образом, мы вправе говорить о некоем социальном слое, образующем, на наш взгляд, новый социальный класс, который во многом определяет лицо современных обществ.

Российские социологии З.Т. Голенкова и Ю.В. Голиусова понятием *прекаритет* обозначают «непредсказуемые, ненадежные и небезопасные условия существования, приводящие к материальному и психологическому неблагополучию» [11]. Они отмечают, что для представителей общественного слоя, именуемого «прекариат», общими проявлениями являются эмоциональная нестабильность, тревожность, неуверенностб в будущем.

Возник слой, превращающийся в класс, который стали называть прекариатом. Из кого состоит современный прекариат? Г. Стейдинг дал подробное описание, из кого формируется этот класс. Ж.Т. Тощенко в своей статье, используя идеи ученого, обрисовал, опираясь на анализ нашего российского рынка труда, какие группы пополняют прекариат [12].

Во-первых, это часть трудоспособного населения, занятого постоянно на временной работе. Эта социальная группа насчитывает в России, по экспертным оценкам, от 30 до 40% трудоспособного населения, ограничена и лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Члены этой группы, как правило, не обладают социальными правами, у них нет оплачиваемого отпуска. Они не могут рассчитывать на помощь в приобретении жилья. Забота о детстве становится их личным делом, как и получение образования и повышение квалификации. Это дополняется практически полным отсутствием возможности профессионального роста, нормальной карьеры. И главное – временная занятость становится постоянно действующей величиной.

Во-вторых, прекариат состоит из людей, работающих неполный рабочий день или перебивающихся сезонными и случайными приработками. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. В подавляющем числе случаев люди вынужденно соглашаются работать неполный рабочий день. Причем, как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Более того, многие из этой группы лиц обнаруживают, что подвергаются большей эксплуатации и самоэксплуатации, не адекватной вознаграждению. В России это, например, ярко проявилось в т.н. рационализации труда преподавателей вузов и других учебных заведений, когда под флагом социальной заботы их переводят на неполную занятость с повышением интенсивности труда. Эта группа попадает в ситуацию, когда они постоянно подвергаются ограничениям,

вынуждающим их прибегать к смене прежней и поиску новой работы, и интенсивность такой смены мест приложения труда постоянно растет.

В-третьих, прекариат представлен безработными; численность их также значительна, особенно в годы кризиса.

В-четвертых, в прекариат мы включаем и людей т.н. креативных профессий – специалистов по информационным технологиям, программистов и др., которые заняты фрилансом. Но нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачивается тем, что эта показная и иногда чем-то привлекательная независимость поражена теми же ограничениями, как и весь прекариат – беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, одиночеством человека в случае непредвиденных жизненных обстоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем.

В-пятых, аналогичные характеристики можно отнести и к занятым заемным трудом, суть которого заключается в найме в свой штат работников, которые выполняют заказы или оказывают услуги другим фирмам (предприятиям, организациям).

В-шестых, к прекариату примыкают, на наш взгляд, часть мигрантов, численность которых во многих странах мира, в том числе и в России, значительна. Их положение также характеризуется как ситуация, в которой многие ущемлены в правах, их труд ниже оплачивается, им не гарантируются многие социальные блага.

И, наконец, прекариат пополняют стажеры и часть студенчества, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и профессии устойчивое положение. Эта часть молодежи находится в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и оправданных претензий на достойное место в жизни.

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX – начале XXI в. появился новый социальный класс – прекариат, который характеризуется временной или частичной занятостью, носящей преходящий, постоянный и устойчивый характер. Необходимо отметить, что его численность постоянно растет, имеет тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость и часто относимых к среднему классу.

Как мы видим, формирование нового опасного класса происходит в сфере трудовой деятельности людей.

Профессионально занимаясь обучением специалистов, наблюдая, что происходит на рынке труда выпускников вузов, приходишь к выводу, что и мы готовим будущий образованный сектор прекариата.

Устройство на работу, не связанную с полученной специальностью и образованием, предстает как фактор, ведущий молодежь в группу нестабильно

занятых – *прекариат*. Указанные обстоятельства весьма негативно влияют на социальное самочувствие и психологическое благополучие молодых людей.

Список литературы

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения Изд. второе, Госуд. Изд. Полит. Литературы, М, 1961 г., т. 20. 828 с.
2. Библия. Первая книга Моисеева. Бытие 3. GBV Издательство «Благая весть».
3. Библия. Новый завет. GBV Издательство «Благая весть».
4. Вебер М. «Протестантская этика и дух капитализма» Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Кремо М. «Деволюция человека: ведическая альтернатива теории Дарвина» / Пер. с англ.: Н. Кушена, Б. Московитин, А. Смирнов / 2-е изд. М., Философская книга, 2008, 800 с.
6. Кремо М., Томпсон Р. «Неизвестная история человечества» / Пер. с англ. В. Филлипенко / 4-е изд. М., Философская книга, 2008. 592 с.
7. Bourdieu P. Counterfire: Against the Tyranny of the Market. London: VersoBooks, 2003. 328 p.
8. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.
9. Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
10. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных страфикационных системах глобального общества // Социологическая наука и практика. 2013. №3. С. 5-14.
11. Тощенко Ж.Т. «Прекариат – новый социальный класс» // СОЦИС. №6, 2015. С. 3-13.
12. Дружилов С.А. Прекариат и неформальная трудовая занятость в России: социально-психологические аспекты // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1. Ч. 2. Режим доступа: http://human.snauka.ru/2015/01/9491 (дата обращения: 02.09.2017).

О РАЗВИТИИ МАЛОГО БИЗНЕСА В ДОНЕЦКОМ РЕГИОНЕ
THE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS IN DONETSK REGION

В.В. Середа
Донецкая академия управления и государственной службы
V.V. Sereda
Donetsk Academy of Management and Public Administration

Представлена оценка современного состояния малого бизнеса в Донецком регионе на основе анализа основных показателей результатов деятельности малых предприятий.

The article presents the estimation of the contemporary state of small business in Donetsk Region on the basis of the analysis of the basic indices of the results of the small enterprise activity.

Ключевые слова: малый бизнес, особенности развития, факторы влияния, региональная поддержка, инновации, основные показатели деятельности

Keywords: small business, peculiarities of development, factors of influence, regional support, innovations, the basic indices of activity

В современных условиях возрастания геополитических рисков, кризисных экономических явлений, ухудшения макроэкономической и обострения общественно-политической ситуации становится особенно важным обеспечение динамичного развития экономики Донецкого региона. Одной из серьёзных форм хозяйствования в решении многих задач экономического развития является малое предпринимательство как важнейший, гибкий и мобильный элемент рыночной системы, без которого не может гармонично развиваться регион.

Рассмотрению проблем развития малого бизнеса в регионе посвящены работы ученых: Ю.В. Лаврова [1], Р.В. Ободец [2], Ю.В. Макагон [3]. Однако, анализ публикаций показал, что данная тема требует дальнейшего изучения, более детальной проработки на основе данных статистического анализа.

Изучение состояния развития малого бизнеса Донецкого региона за 2009-2013 гг., выявление его особенностей, обозначение наиболее острых проблем и путей их решения определили цель и задачу рассмотрения данного вопроса.

Малое предпринимательство является важным направлением региональной экономической политики. С целью активизации и развития малого бизнеса в регионе была разработана Региональная стратегия развития малого и среднего бизнеса в Донецкой области на период до 2016 г. Для привлечения субъектов хозяйствования, общественных организаций и объединений предпринимателей к участию в реализации государственной регуляторной политики и государственной политики в сфере

предпринимательства в Донецкой области были созданы Региональный совет предпринимателей и Координационный совет и центр по вопросам его развития, «Горячая линия поддержки предпринимателей», «Единое информационное окно» и «Областной информационно-консультационный бизнес-портал» [4], внедрен механизм частичного возмещения из местных бюджетов процентных ставок по кредитам, привлеченным субъектами малого предпринимательства для реализации инвестиционных проектов [1], продолжена работа по кадровому обеспечению малого бизнеса. При содействии Регионального фонда поддержки предпринимательства еще в 2008 г. была организована работа первого «Донецкого городского бизнес-инкубатора» [2].

Анализ основных показателей деятельности предприятий малого бизнеса Донецкого региона за период с 2009 по 2013 гг. позволяет конкретно изучить тенденции, динамику его развития. Так, общее количество малых предприятий, включая микропредприятия, в 2013 г. составило 27041 тыс. единиц (табл. 1), что на 1399 тыс. единиц больше, чем в 2010 г.

Таблица 1

Основные показатели развития малых предприятий (С учетом микропредприятий) Донецкой области за 2009-2013 гг.

	2009	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Количество малых предприятий, ед. в том числе микропредприятий, ед.	-	25642 21419	27122 22831	26170 21948	27041 23051
Количество малых предприятий в расчете на 10 тыс. человек наличного населения, ед.	55	58	61	60	62
Количество занятых работников, тыс. человек	161,5	160,2	151,3	160,9	149,7
Количество наемных работников, тыс. человек	159,4	156,4	149,3	154,0	143,6
Объем реализованной продукции (товаров, услуг), млн. грн	35034,2	48019,8	48061,3	55044,9	53075,3
Прибыль до налогообложения, млн. грн	2301,6	1578,5	2378,0	2436,7	2399,9
Убыток до налогообложения, млн. грн.	2541,2	2449,3	1952,5	2975,6	3303,6
Финансовый результат до налогообложения, млн. грн.	-239,6	–870,8	425,5	–538,9	-903,7

Наблюдается тенденция увеличения их количества в расчете на 10 тыс. человек населения. Этот показатель вырос с 55 единиц в 2009 г. до 62 – в 2013 г. [3]. Количество занятых работников малых предприятий уменьшилось в 2009 г. с 161,5 тыс.чел. до 149.7 тыс.чел. в 2013 г и составило разницу в -11,8 тыс.чел. Аналогичная тенденция наблюдается и в количестве наемных работников за этот же период, разница которых -15.8 тыс. чел. Увеличен и объем реализованной продукции в 2013 г. по отношению к 2009 г.

Краткий анализ статистических данных работы малых предприятий Донецкой области [5] показал, что несмотря тенденцию к увеличению их количества на протяжении исследуемого периода, они развиваются

неравномерно и скачкообразно, о чем свидетельствуют приведенные данные показателей прибыли, убытка, финансового результата до налогообложения.

Статистические и аналитические данные обнажают в определенной степени и наиболее характерные проблемы, с которыми сталкивается сегодня малый бизнес: низкий уровень социальной активности, несовершенство законодательной базы, налоговое давление, наличие административных барьеров, «тенезация» бизнеса, недостаточная профессиональная квалификация предпринимателей и информационная осведомленность в области конъюнктуры и потребности рынка, слабая инновационная деятельность.

Анализ состояния малого предпринимательства в Донецком регионе за период 2009-2013 гг., до обострения общественно-политической ситуации, показал, что решение многих важных вопросов в данной области зависит в значительной степени от мер и комплексных подходов к формированию и реализации региональной экономической политики как целостной системы региональной и общественной поддержки. От эффективной деятельности такого приоритетного направления региональной экономической политики, как малый бизнес, зависит успешное социально-экономическое развитие региона.

Список литературы

1. Лаврова Ю.В. Кинзерская К.С., Величко В.А. Роль развития малого бизнеса в экономике Украины. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/15_NNM_2014/Informatica/3_170522.doc.htm (дата обращения: 13.06.2017).
2. Ободец Р.В. Любчук О.К. Подготовка высококвалифицированных специалистов в сфере ведения бизнеса на примере работы общественной организации «Донецкий городской бизнес-инкубатор» и Донецкого государственного университета управления // Соціальный менеджмент і управління інформаційними процесами: зб.наук.праць Донецького державного університету управління. Донецьк, 2010. вип..147., серія «Державне управління». С. 244-256.
3. Макагон Ю.В. Стратегия развития Донецкой области до 2020 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.slideshare.net/Restoring_Donbass/2020-56192649 (дата обращения: 13.06.2017).
4. Региональная программа развития малого и среднего бизнеса в Донецкий области на 2013-2014 гг. Режим доступа: http://www.dokcpp.dn.ua/cgi-bin/dokcpp/start.cgi?mnb=prog&grp=programma1 (дата обращения: 02.07.2017).
5. Официальный сайт Главного управления статистики в Донецкой области [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.donetskstat.gov.ua/index.php (дата обращения: 05.08.2017).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ В КРИЗИСНЫЕ МОМЕНТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

ECONOMIC CLAIMS DURING CRISIS MOMENTS OF SOCIAL REPRODUCTION

В.А. Скуденков
Иркутский государственный университет
V.A. Skudenkov
Irkutsk State University

Раскрываются особенности формирования уровня притязаний в разные исторические моменты, специфика современных процессов трансформации уровня притязаний.

The article reveals the features of the formation of the level of claims in different historical moments, the specifics of modern processes of transformation of the level of claims are revealed.

Ключевые слова: уровень притязаний, экономические притязания, общественное воспроизводство, кризис

Keywords: the level of claims, economic claims, social reproduction, crisis

Экономические притязания обозначены как проблемное поле в экономической психологии, но при этом достаточно слабо изучены. На данный момент существует четкая линия изменения экономического поведения людей, обладающих в большей степени экономическим уровнем представлений и развития. Реальный бизнес все больше предоставляет товаров и услуг не элитного круга (элитные автомобили, мебель, дизайнерская одежда и т.п.), а для круга обывателей, предоставляя товары и услуги менее обеспеченным слоям населения. Сегодня в нашей стране имеется исторический парадокс: наименее обеспеченные экономически группы населения наиболее защищены государством (бюджетники, пенсионеры, инвалиды и т.д.) и в меньшей степени подвержены экономическим рискам. Их пенсии и выплаты не зависят от курса доллара, и государство, являясь гарантом их прав, вынуждено искать резервы.

Реальный бизнес, особенно тот, что зависел от экспорта, все больше подвержен экономическому влиянию. На практике это отражается на уменьшении элитных салонов (красоты, обуви и одежды) и увеличении магазинов «для всех», для захватывания максимального поля потребителей.

В реальной экономике наблюдается редкая картина – отрицания уровня притязаний (отрицания к тому, что было). Вопрос поставлен перед психикой – не увеличить, не развивать. Вопрос поставлен по-новому – минимально потерять. И мы впервые говорим об отрицательном уровне притязаний. До 2014 г. у нас так не было. Это явление введения экономических санкций.

Экономический кризис с изменением уровня доллара в 30 раз не был столь значим для большей части людей, т.к. мир не был столь открыт. Кризис после введения санкций уже в большей степени коснулся людей по причине снижения доли государственного имущества в пользу личного имущества. С другой стороны, произошло изменение уровня структуры притязаний в обществе. Если раньше уровень притязаний заключался в приобретении отдельных частей имущества (квартира, машина), то сейчас увеличивается ожидание нелегитимных доходов. Увеличение рисков приводит к увеличению сверхрисков нелегитимных операций. С увеличением экономических санкций увеличиваются нелегитимные способы изменения экономической ситуации [1].

Еще один важный момент: современная психология базируется на всех основных постулатах, которые существуют со времен перехода от варварских обычаев до появления римского права, в котором была закреплена извечная дихотомия «хозяин – раб». На протяжении оставшихся двух тысяч лет эта дихотомия существует до сих пор. Уникальность современной ситуации России – возвращение к истокам самого понятия римского права и создания новых психологических аспектов – новой психики – функции «имею право».

Сегодня многие социально-экономические аспекты жизни россиян существуют вне права, т.к. основной постулат права – это наследование прав и имущественных привилегий по праву рождения. Конец 80-х – начало 90-х гг. – эпоха социального бесправия, ибо в редких случаях вступающие в экономические притязания индивидуумы обладали некими экономическими правами по факту. Практически ни у кого не было стартового капитала, и человеческая психика, менталитет устанавливали на принцип «во благо», на основании прав, а вынуждены были находиться в условиях «не смотря на» [2]. Тем самым актуализировались древнейшие противоречия между хочу, могу и делаю. Впервые был снят барьер между ними.

Условно, во времена СССР было невозможно иметь орудия производства (грузовик, станки, приспособления). Это каралось законом. При всем величии в СССР не было инструментальной базы для воспроизводства. Уровень притязаний за последние 25 лет вышел за рамки, которые строились на уровне родовых, семейных и социальных представлений. Была искусственно разорвана естественная связь между ожидаемым, желаемым и реально возможным. Искусственно воздвигнутая доктрина поддерживала во всех СМИ идеологему: если ты хочешь, то можешь все! Вследствие этого в общественном сознании появилась гипертрофированная форма проявления этих возможностей: в виде построенного родового замка на участке в шесть соток, покупке дорого внедорожника, проживания в съемном жилье и т.д.

Через 25 лет формируется новое общество, которое мы пытаемся исследовать. Появилось осознание реальной ситуации, точная оценка

ценностей и платы за них. Происходит формирование новых кластеров – по принципам римского права. Появляются люди, которые закреплены «за»… Возрождаются фермерские хозяйства – выделением 1 га на Дальнем Востоке. Это схоже с ситуацией с принудительным закреплением за землей в Древнем Риме и крепостным правом царской России [3].

Создаются объективные причины невозможности покинуть эти пределы в связи с созданием искусственной экономической ситуации – оплаты этих земель. В городских условиях прикрепление «за» осуществляется правом аренды у государства или частных собственников. При этом возникает иллюзия свободного предпринимательства. По современным оценкам, основная статья расходов современного бизнеса – это аренда территории. Критерием показательности служит профицит сдаваемых площадей во время кризиса. Малейшее изменение экономической ситуации мгновенно отражается в том, что количество невостребованной арендуемой земли возрастает, торговые площади все чаще ищут новых арендаторов. Это говорит о несостоявшемся бизнесе и несоответствии бизнес-модели современной экономике России.

Уровень притязаний, строящийся на иллюзии свободного выбора, рушится при появлении новых экономических условий. Уровень притязаний, бывший в СССР, который предусматривал развитие семей минимум на 10-15 лет, не сопоставим со временем развития бизнеса, который сложно просчитать и на 5 лет. Это подтверждает статистика крупных банков – получить кредит более, чем на 3 года бизнесу не реально. Тем самым уровень притязаний ограничен краткосрочностью планов и реальных возможностей. Чем короче уровень притязаний по времени, тем выше уровень психологического напряжения, деформации и возможной фрустрации при невозможности достижения результата. Ярким примером этого выступает количество зарегистрированных предприятий (уровень притязаний на успешный бизнес) и количество закрытия в первый год более 50% и на второй год еще около 30%.

Иными словами, экономические притязания напрямую зависят от условий внешней среды и форм взаимодействия с нею.

Список литературы

1. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.

2. Полюшкевич О.А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процессам в стране // Baikal Research Journal. 2010. №5. С. 116-119.

3. Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. №2. С. 180-184.

СТРЕСС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ И ШКОЛ
STRESS IN THE ACTIVITIES OF UNIVERSITY AND SCHOOL TEACHERS

Е.В. Созонова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E.V. Sozonova
Lobachevsky University

Рассмотрены основные причины возникновения профессионального стресса в деятельности педагогов, их стадии и методы борьбы. Для того, чтобы управлять профессиональными стрессами, современному руководителю необходимо уметь выявлять признаки и источники возникновения стресса, стресс-факторы, знать и подбирать эффективные методы управления профессиональными стрессами. Кадровые службы должны уметь применять современные подходы к управлению профессиональными стрессами в конкретной организационной ситуации.

The article considers the main causes of professional stress in the activities of teachers, their stages and methods of struggle. In order to manage professional stress, a modern leader needs to know the basic methods and approaches to stress management and be able to identify signs and sources of stress. To select effective approaches and methods of managing professional stresses can only be when the main sources of stress and stress factors are identified. Personnel services should be able to apply modern approaches to managing professional stress in a specific organizational situation.

Ключевые слова: профессиональный стресс, эмоциональное напряжение, стресс-менеджмент

Keywords: professional stress, emotional stress, stress management

Актуальность изучения профессиональных стрессов и подходов к их преодолению особенно возрастает в последние годы, что связано с процессами общественно-экономических изменений и мировым экономическим кризисом. Профессиональный стресс объявляется «болезнью двадцать первого века». Стрессы сказываются на всей жизни человека, приводят к утрате здоровья, психологическим проблемам и личностным изменениям. Это подтверждают исследования ученых [1]. Интересные результаты получили английские психологи, исследуя зависимость стрессов от профессии. На самом верху таблицы из 22 позиций находятся профессии шахтера и полицейского. Профессия педагога занимает высокую 8-ую позицию. Изучение стрессоустойчивости педагога является одной из наиболее актуальных научно-практических задач. С данной проблемой связаны труды Г. Селье, Л. Леви,

Р. Лазаруса, Э. Ушаковой, П. Фресса, Ю.С. Савенко, Л.А. Китаевой-Смык, Ф.Е. Василюка.

Г. Селье выделяет общие, производственные и специфические причины стресса педагогов и три стадии стресса:

– Нервное напряжение (тревожность) – его создают хронически травмирующая эмоциональная атмосфера, плохая организация деятельности, повышенная ответственность. Чтобы максимально минимизировать возникновение тревожности, необходимо обучать педагогов основам тайм-менеджмента, проводить тренинги с проигрыванием различных сложных ситуаций, возникающих в процессе работы.

– Резистенция (сопротивление) – человек пытается более или менее успешно оградить себя от неприятных переживаний. На этой стадии рекомендуются ролевые игры и методы релаксации.

– Истощение – оскудение психических ресурсов, снижение эмоционального тонуса. На данной стадии педагогу необходимы консультации психолога, развитие творческого мышления, программы повышения самооценки [2, с. 81-83].

К общим причинам относятся ситуации и обстоятельства, находящиеся в основном за пределами непосредственной работы педагога, и той прямой ответственности, которую они за нее несут. Это общие условия работы, существенно влияющие на способы ее выполнения. К ним относятся различные организационные проблемы, недостаточные резервы, сверхурочные часы работы, низкий социальный статус и небольшая зарплата.

К производственным стрессам относятся условия, в которых работает педагог: ролевой конфликт, нереалистично высокие притязания, нечеткие служебные обязанности, плохое взаимодействие с руководителями, перегрузки и дефицит времени, отсутствие поддержки коллег, конфликты с коллегами.

Специфические же причины стресса у педагогов школы и преподавателей имеют свои специфические различия несмотря на присутствие общих черт.

Общие черты:

1) большой объем бумажной работы;

2) стирание границ между работой и личной жизнью;

3) недостаток времени на отслеживание событий и новаций в своей профессиональной деятельности.

Отличия:

1) у педагогов школы почти отсутствует перспектива карьерного роста;

2) преподаватели вузов взаимодействуют в основном с людьми 17-25 лет, а педагоги в школе с возрастной категорией детей от 7 до 18 лет и с родителями от 30 и выше;

3) ответственность за успешность обучения в вузе несет студент, а в школе – учитель.

Педагоги, как и многие люди других профессий, склонны скрывать свой стресс не только от окружающих, но и от самих себя. Учитывая, что педагоги постоянно несут ответственность за многие важные решения и влияют на жизнь других людей, такой подход очень опасен. Окружающие могут замечать происходящие с человеком изменения, но их трудно доказать, и педагоги продолжают исполнять свои профессиональные обязанности до тех пор, пока какое-либо из их решений не вызовет конфликта или пока их физическое и/или психическое здоровье не даст сбоя. Несмотря на это многие руководители чаще всего не хотят серьезно заниматься проблемой чрезмерного стресса.

Экономически развитые зарубежные страны, напротив, ведут борьбу с психологическими проблемами, связанными с производством. Работодатели внимательно наблюдают изменения в поведении работника на рабочем месте, его отношение к своим профессиональным обязанностям и требованиям, проводят стресс-мониторинги. Такое исследование стоит проводить регулярно для выявления степени удовлетворённости работников организационным и социально-психологическим аспектами труда.

Из представленных в науке и практике методик, которые предлагаются специалистами по работе в области стресса, в соответствии с целью и предметом исследования можно выделить следующие группы [3]:

1. Методики определения актуального уровня стресса:

а) опросник Т.А. Иванченко «Инвентаризация симптомов стресса»;

б) методика определения вероятности развития стресса Т.А. Немчина;

в) шкала психологического стресса PSM-25 Лемура-Тесье-Филлиона;

г) тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона;

д) комплексная оценка проявлений стресса Ю.В. Щербатых;

е) тест «Степень напряженности» И.А. Литвинцева;

ж) «Оценка профессионального стресса» (опросник Вайсмана);

з) методика исследования эмоционального выгорания (по В. Бойко).

2. Методики, направленные на определение уровня стресса и факторов стресса в профессиональной деятельности:

а) тест на профессиональный стресс Ю.В. Щербатых;

б) определение уровня стресса по методу доктора Томаса Х. Холмса;

в) тест-вопросник «Причины стресса в вашей работе»;

г) «Шкала организационного стресса» Мак-Лина.

Данные методики позволяют выявить и оценить негативные чувства и мысли респондента, определить степень «выгорания». Необходимо помнить, что если предприятие разрабатывает антистрессовые программы, то они будут

отражать лишь субъективную сторону явления, поэтому целесообразно обращать внимание на объективные данные учета за аналогичный период.

Стресс-менеджмент должен включать в себя выполнение трёх необходимых условий:

1. Обеспечение возможности регулярного получения достоверной информации о наличии и распространенности фактов стресса.
2. Установление причин, способствующих развитию стрессовых состояний или стресогенных факторов.
3. Локализация названных причин в организации по структурным подразделениям, рабочим местам.

Соотношение совокупных затрат на осуществление мероприятий по снижению стрессогенности организационной среды и полученных социальных и экономических результатов является оценкой эффективности стресс-менеджмента. Наличие и выполнение мероприятий стресс-менеджмента должно быть обязательным требованием, поскольку обеспечивает эффективность управления социально-экономическим развитием организации.

Список литературы

1. Патрахина Т.Н., Павлова А.В. Стресс-менеджмент: сущность понятия и процесса // Молодой ученый. 2015. №3. С. 480-484.
2. Онуфриева В.В. Профилактика профессионального стресса в деятельности педагога-психолога // Альманах современной науки и образования. 2017. №4. С. 81-83.
3. Давыдова И.А., Козьмина Я.Я. Профессиональный стресс и удовлетворенность работой преподавателей российских вузов // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. С. 169-183.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ У СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

FORMATION OF NEW ATTITUDE TO LABOR IN SOVIET MAN IN FIRST YEARS OF SOVIET POWER

Н.Ю. Стоюхина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
N.Y. Stoyukhina
Lobachevsky University

Рассматриваются попытки воздействия руководителей советской власти на широкие народные массы с целью формирования нового отношения к труду. Власть хотела видеть «нового человека» в новом государстве, для чего

требовалось изменить мировоззрение народа. На взрослого, работающего человека следовало воздействовать через труд и на трудовую деятельность. На эту идею работали большевики, публицисты, психологи.

The author considers the leaders' of the Soviet government attempts to influence on the broad masses of people to form a new attitude to labor. The authorities wanted to see the "new man" in the new state, for which it was required to change the world outlook of people. A working adult person should be influenced through labor and a work activity. This idea was worked by the Bolsheviks, publicists, psychologists.

Ключевые слова: психотехника, психология воздействия, труд, Лига «Время», научная организация труда

Keywords: psychotechnics, impact psychology, labor, League «Time», scientific organization of labor

Начало нового времени, наступившего вскоре после революционных событий, ознаменовалось несколькими векторами воздействия на широкие народные массы [1-8]. Одним из направлений было воздействие на взрослого работающего человека с целью приучить его к планомерной, каждодневной и эффективной работе, т.к. после Первой мировой войны, революции, Гражданской войны взрослое население практически отвыкло от работы.

Проблема новых рабочих кадров встала необыкновенно остро. Публицист и журналист, революционер Л. Сосновский призывал искать «новых» людей – «русских американцев», чтобы ставить их на ведущие места и «следить, чтобы рязанско-пошехонско-чебоксарское губошлепство не затерло их на первых порах» [9, с. 3], а уж потом «американцы» сами отбросят «губошлепов». Нужны люди, которые умеют работать таким темпом и с таким напором и нажимом, каких не знала старая Русь, которые «основательно подумают, прежде чем взяться за дело, но взявшись – без всяких «авось» и «небось» – с несокрушимой верой в народ и творческие силы, с трезвой их оценкой пойдут до конца», они «не хнычут по поводу «объективных условий», но бьют в лоб всякое губошлепство, волокиту, самовлюбленность». За ними нужно наблюдать, «сплотить их в стальную когорту, заставить по ним равняться остальных» [9].

Начало становления парадигмы воздействия было положено в рамках массовой организации «Лига «Время», которую создали и возглавили наиболее активные члены движения научной организации труда (НОТ) – П.М. Керженцев, А.К. Гастев, И.Н. Шпильрейн, с целью широкой пропаганды движения НОТ. Именно в это время был обозначен объект воздействия – время. Понятие «время» было выбрано в качестве ведущего понятия для названия движения, указывая ценность времени и необходимость борьбы с растратчиками времени. П.М. Керженцев был первым, кто написал об этом в

заметке «Время строить аэропланы». Однажды он вместе со своим американским гостем были свидетелем того, как митинг никак не мог начаться целых три часа из-за отсутствия выступающего, которого ожидали три с половиной тысячи рабочих. Спутник тут же подсчитал временные потери, которые составили 7000 рабочих часов, что привело в ужас Керженцева и способствовало организации Лиги «Время».

Впервые название «Лига «Время» было произнесено Керженцевым в статье с таким же названием, открывшей кампанию «борьбы за время» (25.07.1923). 30 июля 1923 г. в помещении клуба типографии «Красный Маяк» произошло инициативное собрание Лиги «Время». На очередном заседании президиума 17 сентября 1923 г. обсуждался вопрос о воздейственной работе ячеек Лиги «Время», и будущий председатель Психотехнического общества И.Н. Шпильрейн подчеркнул: «Основной деятельностью ячеек ЛВ на ближайшее время должно быть воздействие на растратчиков времени». Методы борьбы с ними предлагались такие: непосредственное указание растратчикам на их проступки; давление через местком или администрацию; сообщение на черной доске и в печати; жалоба в горком ЛВ. Движение, начатое П.М. Керженцевым, разрослось во всесоюзное движение, где новые слова «времизм» и «нотизм» виделись двумя флангами одного и того же движения – за рационализацию труда. В газете «Правда» открыли специальную рубрику «Борьба за время» – корреспонденты делились внедрением движения за учет времени в различных организациях, например, в школах и детских коллективах.

Известный советский хозяйственник и партдеятель, первый начальник Главного управления Аэрофлота А.З. Гольцман подчеркивал: главное – темп. «В нынешнем производстве время – решающий элемент. … Надо сделать рабочего синхронным заводской жизни. Его сердце должно биться в унисон с темпом машины. Темп человека должен быть темпом работы. Если вы поймали темп, вы – хозяин завода. Отстаньте на одну терцию – капут: вы – его раб! Приспособить человека к производству – значит привить ему темп. Обладая темпом работы, вы обладаете темпом ориентировки, темпом рефлексов» [10].

А.К. Гастев в статье в «Правде» говорил о формировании «установки на время» как очередной задаче, стоящей перед страной в области упорядочения производственной работы и всей жизни. Он заметил важную черту психологического явления «время»: «индустриальная установка времени накладывает свою хронометричность на всю культурную жизнь народа», а в условиях, слабо представляющих и регулирующих нормы времени в нашей жизни, нельзя создавать субъективные установки на время. Он предложил изучать среду, выбирать для хронизации часто повторяемые явления

(например, из области публично оперативной деятельности в моменты повышенного субъективного напряжения работника).

И.Н. Шпильрейн подчеркнул важность самовоспитания в деле учета времени каждым членом Лиги «Время», где «эльвист должен быть примером для своих подчиненных и товарищей по службе и по лиге в смысле точного соблюдения сроков, срочного выполнения заданий, примерной организации работы своей канцелярии, в своем учреждении». Далее: «Самовоспитание – только средство к главной основной цели членов Лиги Время: создать организацию, могущую дать коллективный учет непорядков в работе наших учреждений, тысячью щупальцев проникающую в самую гущу советской повседневности и собирающую таким образом массовый опыт в один центр... Опираясь в дальнейшей своей деятельности на партийные и профессиональные органы и на местные органы Рабкрина, Лига будет иметь возможность оказывать разного рода воздействия на расточителей времени» [11].

Исследования бюджета времени пионеров, комсостава, студентов, руководителей производств и др. были очень актуальны до середины 1920-х гг. Например, заведующий психотехнической лабораторией Казанского института НОТ (КИНОТ) К.И. Сотонин после исследования упражняемости в одновременном ведении двух и нескольких работ студентами Восточного педагогического института, сделал вывод: «Мы слишком не экономны в пользовании своим временем, выполняя одновременно лишь одну работу. При раздвоении внимания между двумя работами очень быстро получается навык производить их обеих с нормальной продуктивностью; т.о., путем упражнения и подбора работ, мы получаем возможность в течение 8-часового рабочего дня выполнять работу, обычно отнимающую у нас 16 часов, чем достигается превращение мечты о 48-часовых сутках в действительность» [12, с. 36].

Врач-«эльвист» И.А. Залкинд пытался дать психологическое обоснование такого проявления временного фактора в работе, как регулярность и ритмичность, считая предпосылкой всякой НОТовской работы – воспитание «чувства времени». Это и делали эльвисты-добровольцы, создавшие «почву для НОТовской работы в целом» [13, с. 34] через решение следующих задач: 1) путем физиологических и психологических испытаний устанавливается зависимость между нарушением ритма в работе, сне, приеме пиши, функциями организма и продуктивностью работы и 2) статистической обработкой плано- или хронокарт устанавливается, упражняемо ли «чувство времени».

Как же надо воздействовать на массы? Какая культурная идея должна лежать в основе? А.З. Гольцман давал простой ответ: труд. Раз массы работают не умом, а руками, то знамением трудовой культуры является наука о труде, становящаяся у пролетариата основой основ. Применяя ее, можно либо

«подвергнуть переработке колоссальную человеческую массу. Пропустить ее через специальные гигантские лаборатории. Миллионы людей подвергнуть тренажу. Устроить из земного шара культурно-трудовой остров доктора Мора. Обучить все взрослое человечество», как это делают в СССР, либо «пойти по пути отбора. Из миллионной гущи выбирать десятки и даже единицы. Обречь остальное на голод и холод. Кто хочет заработать, тот пусть будет талантом. Пусть приспособляется, кто как может» [10, с. 23], как это делают капиталисты.

Список литературы

1. Мазилов В.А., Стоюхина Н.Ю. Парадигма воздействия в работах Гуго Мюнстерберга и первых психотехников // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т.2. №3. С. 179-190.
2. Стоюхина Н.Ю. Доминанта социального воздействия в советской педологии 1930-х гг. // Педагогический журнал. 2013. № 5-6. С. 51-75.
3. Стоюхина Н.Ю. Изучение эффективности воздействия в советской школе в начале 1930-х гг. // В мире научных открытий. 2014. № 11.1 (59). С. 495-522.
4. Стоюхина Н.Ю. История советской психотехники: психология воздействия / Учебное пособие. М.: Логос, 2012. 324 с.
5. Стоюхина Н.Ю., Мазилов В.А. Парадигма воздействия в работах первых отечественных социальных психологов // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 95-104.
6. Стоюхина Н.Ю. Периодизация психологии воздействия в советский психотехнике 1920-1930-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2016. №2. С. 105-110.
7. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. Монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. 429 с.
8. Стоюхина Н.Ю. Социально-политическое воздействие на детей: из истории педологических исследований // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 4(32). С. 83-93.
9. Сосновский Л. Что я буду делать в 1923 г. // Правда. 1923. 3 января.
10. Гольцман А. Реорганизация человека. Л.: Госиздат, 1925. 55 с.
11. Шпильрейн И.Н. О практической работе Лиги «Время» // Правда. 1923. 22 августа (№ 187).
12. Пять лет работы. 1921-1926; под ред. И.М. Бурдянского. Казань, 1926. 84 с.
13. Залкинд И.А. Задачи Лиги «Время» – Лиги НОТ с точки зрения учения об условных рефлексах // Время. 1924. № 9 (июнь). С. 30-34.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

MODERN PRACTICES OF PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF PERSONS WITH DISABILITIES (ON THE EXAMPLE OF THE SARATOV REGION)

М.Е. Судакова
Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
M.E. Sudakova
Saratov State University

Рассмотрены проблемы профессиональной самореализации лиц с ограниченными возможностями. Описываются реальные практики возможностей и ограничений профессиональной самореализации, с которыми сталкиваются лица с ограниченными возможностями в условиях реализации ими трудового потенциала в Саратовском регионе

In the presented article the problems of professional self-realization of persons with disabilities are considered. The article describes real practices of opportunities and limitations of professional self-realization faced by persons with disabilities in the context of their realization of labor potential in the Saratov region.

Ключевые слова: лица с ограниченными возможностями, инвалиды, самореализация, профессия, возможности, ограничения, практики самореализации

Keywords: persons with disabilities, people with disabilities, self-realization, profession, opportunities, limitations, practice of self-realization

В современных российских условиях новым образом встает проблема развития и использования человеческого потенциала, приходит понимание личности как важнейшего ресурса общественного прогресса. Это актуализирует проблему максимально полной самореализации человека на основе своих потенциальных способностей и возможностей, что невозможно без участия других людей, в изоляции от общества. Особенно важен данный процесс для людей, в жизнедеятельности которых существуют барьеры, препятствующие полноценному их саморазвитию. Прежде всего, такой группой являются лица с ограниченными возможностями, у которых желание самоактуализации во всех сферах общественной жизни выражено особенно ярко.

Особую значимость сохраняет теоретико-методологический аспект исследования проблем самореализации личности в рамках социологической теории, которая содержит богатый материал для понимания проблем, имеющих

непосредственное отношение к развитию научных знаний о самореализации личности, ее роли и значений в организации и функционировании общества.

В целом, анализ учений о самореализации личности в отечественных и зарубежных теориях свидетельствует, что истоки представлений о самореализации как бы находились в рамках исследуемых проблем, но сама самореализация не была предметом специального изучения и не выделялась для анализа как самостоятельная проблема.

Научный интерес к исследованию самореализации лиц с ограниченными возможностями здоровья определяется целым рядом объективных оснований.

Во-первых, с середины 90-х гг. актуализировалась проблема адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья к рыночным отношениям, что и потребовало научного осмысления происходящих процессов. Связано это с меняющейся ситуацией в экономическом и политическом пространстве России и с затруднением многих социальных групп, в том числе и лиц с ограниченными возможностями, к реализации адаптивных механизмов.

Во-вторых, процесс инвалидизации общества приводит к необходимости поиска путей преодоления как физического, так и психологического состояния инвалида. Рассматривая лиц с ограниченными возможностями здоровья через призму современной социальной структуры, видно, что сегодня они относятся к наиболее социально незащищенной категории населения. Их доход значительно ниже среднего, а потребности в медицинском и социальном обслуживании намного выше, они не имеют возможности получить образование, не могут заниматься трудовой деятельностью.

В-третьих, значительно возросла потребность самих лиц с ограниченными возможностями здоровья во включенности в современные социальные процессы, на участие во всех аспектах жизни общества.

В условиях высокого уровня безработицы и отсутствия контроля за соблюдением норм охраны труда работодатели формируют иную кадровую политику, не гарантирующую устойчивую занятость и реализацию норм трудового законодательства, но способствующую достижению главной цели организации – получения максимальной прибыли. Владельцы многих частных предприятий не считают высокую текучесть важной проблемой и не проводят целенаправленной политики удержания персонала, так как не испытывают затруднений с набором новых работников и извлекают экономическую выгоду, принимая новых работников на условиях испытательного срока, во время которого устанавливается более низкая заработная плата [1, с. 43]. В целом для современного работодателя характерен подход к работнику как расходному материалу: человек нужен тогда, когда дает прибыль. Кроме этого

неустойчивость занятости определяется тем, что бессрочный контракт старого и нового типа не дает гарантии постоянной занятости.

Современные практики в сфере трудовых отношений, снижающие статус инвалидов на рынке труда. На некоторых фирмах действует принцип «работать столько, сколько необходимо», и каждых работник сам определяет степень этой необходимости, хотя на практике чаще всего это означает удлинение рабочего дня или недели.

Региональная специфика рынка труда и социально-трудовых отношений выражается кроме этого в наличии несбалансированности спроса и предложения рабочей силы на рынке труда в части профессионально-квалификационного, низких качественных характеристиках рабочих мест. Недостаточное количество вакансий на предприятиях, в организациях и учреждениях большинства сельских районов при значительном предложении рабочей силы на местных рынках труда; сохранение низкой трудовой мобильности рабочей силы, обусловленной отсутствием жилья; селективный подход работодателей при выборе сотрудников (отказ в приеме па работу и увольнение по надуманным мотивам) ведет к возникновению скрытых форм дискриминации, особенно по отношению к слабозащищенным категориям.

В основе дискриминационных практик и формирования особого статуса инвалидов лежит их несоответствие норме, принятой в культуре, и включающей критерий состояния здоровья наряду с такими, как раса, возраст, пол.

Таким образом, инвалиды находятся на особом положении в сфере занятости и трудовых отношений. С одной стороны, им предоставляются льготы и более щадящие условия труда: они имеют право при выполнении более легких видов труда, сокращенной продолжительности рабочего времени на сохранение прежней заработной платы, а также на получение дополнительных видов помощи. Однако, несмотря на внешнюю привлекательность таких гарантий в сфере труда есть моменты, снижающие шансы инвалидов на трудоустройство – работодатель старается оградить себя от лишних хлопот и неприятностей, отказывая инвалиду в трудоустройстве.

Однако отсутствует система стимулирования работодателей в трудоустройстве инвалидов, существует лишь карательная. Организация специальных рабочих мест для инвалидов предполагает существенные финансовые затраты работодателей, в то время как экономические меры поощрения их за эту деятельность либо не предусмотрены, либо весьма ограничены во многих субъектах РФ, в частности в Саратовской области.

Чтобы совершенствовать политику в сфере занятости, мы предлагаем следующие принципы. К ним относятся: оптимизация занятости, развитие

предпринимательства, усиление адаптационной способности, формирование равных возможностей. *Оптимизация занятости.* Реализация данного принципа предусматривает оптимизацию структуры занятости и формирование новых профессиональных навыков. Особое внимание уделяется профессиональным качествам рабочей силы – признается необходимость обеспечения возможности непрерывного образования, постоянного расширения профессиональных навыков и знаний и повышения квалификации в целях формирования гибкости работников в условиях динамичного изменения структуры рынка и видов профессиональной деятельности.

Развитие предпринимательства. Предпринимательство способствует созданию новых видов занятости и новых рабочих мест. Предполагается использование разнообразных средств, облегчающих процедуры открытия малого бизнеса и взимания налогов при одновременном их снижении.

Усиление адаптационной способности. Этот принцип подразумевает использование гибких форм занятости при соблюдении адекватных социальных гарантий и льгот, использование налоговых и иных механизмов для обеспечения внутрифирменного обучения сотрудников.

Обеспечение равных возможностей. Данный принцип воплощает необходимость устранения дискриминации по возможностям, правам и обязанностям реализации профессионального потенциала работников независимо от пола, расы, наличия инвалидности и других признаков.

Помимо этого, для большей заинтересованности работодателей в предоставлении рабочих мест людям с инвалидностью необходимо: приспособление рабочих мест под индивидуальные особенности человека с инвалидностью; финансовые льготы работодателям, осуществляющим адаптацию рабочих мест для нужд инвалидов; финансовые льготы работодателям, нанимающим инвалидов.

Список литературы

1. Кабалина В.И. Отношения занятости в новом частном секторе // Социально-трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России: материалы научной конференции. Самара, 1999.

ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ)

STUDENT LABOR VALUES (EXPERIENCE OF SOCIAL RESEARCH IN NIZHNY NOVGOROD)

Н.В. Сухенко
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева
N.V. Suhenko
Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev

Представлены основные выводы авторского исследования ценностных ориентаций и ожиданий от будущей работы студенческой молодежи двух крупных университетов Нижнего Новгорода.

The article presents the main conclusions of the author's study of value orientations and expectations from the future work of students of two major universities in Nizhny Novgorod.

Ключевые слова: трудовые ценности, проблемы трудоустройства, HR-бренд

Keyworlds: labor values, employment problems, HR-brand

Одним из критериев эффективности университетов (по нормам Министерства образования и науки РФ) является процент студентов, трудоустраивающихся по специальности после окончания вуза. Сведения, представленные на официальном сайте Нижегородского государственного технического университета – 97.4% трудоустроены, из них по специальности – 86.3% [1], также дана информация по институтам. В Нижегородском государственном университете, этот процент равен 96.31, данные по трудоустройству по полученной специальности не отображены на сайте [2]. Информация представлена по институтам и направлениям обучения, добавлены такие маркеры, как продолжение обучения, рождение ребенка, служба в вооруженных силах и создание собственного бизнеса. При этом, по данным государственной службы занятости населения, процент безработных молодых специалистов с высшим образованием равен 9.8%.

Данные цифры подчеркивают важность исследования, поскольку отсутствуют комплексные региональные работы по анализу трудовой мотивации студентов.

На основе анализа теории поколений, обзора общероссийских рейтингов и экспертных интервью автором была разработана анкета для определения основных ценностей и представлений, связанных с трудовой деятельностью студенческой молодежи. Опрос проводился в НГТУ им. Р.Е. Алексеева и ННГУ

им. Н.И. Лобачевского в период сентябрь 2016 – март 2017 г, опрошено 350 человек (59% женщин и 41% мужчин) в возрасте от 17 лет до 21 года.

57% обучаются в НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 43% – в ННГУ им. Н.И. Лобачевского. При этом 54.2% представлены студентами, обучающимися на технических направлениях, а 45.8%– на гуманитарных (НГТУ). В ННГУ 56.2% – технические направления, 43.8% – гуманитарные.

Наибольшая часть респондентов получает степень бакалавра – 83.4%. 16.6% – степень специалиста (магистры в исследовании не опрашивались). Для исследования выбраны студенты, обучающиеся на очной форме обучения в виду необходимости изучения сходных карьерных ожиданий.

Результаты анкетирования позволили сделать автору следующие выводы.

Сложности трудоустройства часто связаны с несоответствием ожиданий студентов рынку труда (зарплата, карьерный рост, социальные выплаты и т.д.). При этом наличие даже незначительного опыта работы (до года) влияет на корректировку представлений и делает их более реалистичными.

Наблюдается рост популярности совмещения работы и учебы (или раннего старта через обилие практик и стажировок) у студентов, не всегда по направлению своего образования. Основной сферой являются продажи, услуги занимают второе место. Это связано с большим заработком и легкостью получения работы, карьеру по данной специальности студенты строить не собираются.

У студентов, имеющих во время обучения более высокий средний балл, ожидания от заработной платы выше. Поиск работы осуществляется преимущественно с использованием крупных сайтов по трудоустройству, сайтов работодателей (прямые обращения в HR-службы). Социальные сети воспринимаются респондентами как возможность для общения и проведения досуга. Наиболее востребованный канал донесения информации – e-mail.

Одним из важных факторов, влияющих на выбор будущего работодателя, является популярность компании. При этом соискатели готовы работать на перспективу (для карьеры и потенциального заработка), но имея свободное время и гибкий график. Самореализация пока не является доминирующим фактором, как и социальный пакет, предоставляемый работодателем. Мотивация по поиску работы преобладает на более старших курсах ввиду более осознанного отношения к перспективам. Популярностью пользуются трендовые направления на рынке труда – IT. Полностью невостребованным оказалось производство (товары массового спроса, фармацевтика).

Кандидат без опыта работы зачастую имеет куда меньше реальных возможностей трезво оценить свои работные притязание, а также то, на что он реально может рассчитывать на рынке труда. Это приводит к тому, что

факторы при принятии решения о контакте с будущим работодателем смещаются в сторону влияния «товарного» бренда. Приверженность к тому или иному продукту, желание быть причастным к его производству, а также разделение ценностей бренда – отличный мотив для начала карьеры молодых специалистов в конкретной компании. Кандидаты без опыта работы почти неспособны различить товарный и корпоративный брендинг работодателя, в результате чего значение для этой группы может иметь только первый из них. Кандидат без опыта часто не может сформировать полный список вопросов к работодателю относительно своей будущей карьеры, в результате чего ведет себя менее уверенно. Не имея четкого осознания собственных ожиданий от будущего работодателя, он начинает ориентироваться на другие факторы.

Здесь стоит отметить, что важен более ранний контакт работодателя со студентами для урегулирования взаимных ожиданий и требований. Для развития и оптимизации данной сферы специалисты рекомендуют (даны для студентов): постоянный мониторинг рынка труда, активное участие в стажировках, в том числе для того, чтобы определить область развития. Важно принимать участие в профессиональных и профильных мероприятиях города.

Расширение сотрудничества компаний с вузами и факультетами, упрощение условий такого сотрудничества – важный путь совершенствования процедуры найма молодых специалистов, соединения предпочтений работодателей и молодых выпускников в реальном пространстве рынка труда.

Важно подчеркнуть увеличение роста интереса к предпринимательству и стремление создать собственный бизнес. Данная тенденция может быть связана с общими процессами, характерными для современной экономики развитие стартапов (популяризация данного направления в целом). Владельцем бизнеса себя видят – 25%, индивидуальным предпринимателем – 37.5%, наёмным работником – 6.3%, руководителем организации – 30.7%.

Большинство студентов осознанно подходит к выбору направления обучения. При этом влияние родителей на принятие решений уменьшается (возможно, стесняются об этом упоминать). Присутствует высокая мотивация к развитию и росту, возможно, ввиду наличия турбулентной среды и требований, предъявляемых к современному сотруднику.

Сопоставление результатов исследования с рейтингами работодателей позволило обозначить следующие расхождения: привлекательность международной коммуникации, зарплатные ожидания, востребованные отрасли, инструменты коммуникации (частично).

Сопоставление результатов исследования с теорией поколений позволило выявить следующие соответствия: уверенность в себе, амбициозность, связь высшего образования и успеха, стажировок и карьеры. Незначительное отличие

– развитие предпринимательского духа (характерно для поколения Z), также влияние родителей на формирование ценностей отрицалось. К основным каналам доставки контента относятся видео, а не телевидение (хотя 55% отметили телерекламу как канал получения информации о вакансиях).

Подтвердилось, что работа – менее важная составляющая общей картины, чем место жительства, возможность участвовать в общественных мероприятиях, близость к друзьям и семье, распорядок дня. Но не было выявлено стремления к горизонтальному развитию.

Для формирования привлекательного бренда работодателя компаниям города необходимо фокусировать свое внимание на создании прозрачной и справедливой системы карьерного роста, которая позволит обеспечить повышение, если работник проявляет усердие. Кроме того, важно уделять внимание атмосфере в коллективе и содержанию работы, тип выполняемых задач не должен быть рутинным, а позволять сотрудникам проявлять свои творческие способности либо давать стимул к профессиональному развитию.

Список литературы

1. Трудоустройство студентов и выпускников НГТУ. Режим доступа: http://www.nntu.ru/trydoystroistvo_vipysknikov (дата обращения: 10.05.2017).
2. Трудоустройство студентов и выпускников ННГУ. Режим доступа: http://www.unn.ru/site/education/trudoustrojstvo (дата обращения: 10.05.2017).

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

SPECIFICITY OF THE POSITION OF STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES IN THE STRUCTURE OF THE RUSSIAN SOCIETY

Е.С. Тарханова
Пензенский государственный университет
E.S. Tarhanova
Penza State University

Проводится сравнительная характеристика государственных и муниципальных служащих, определяется их взаимосвязь, а также выявляются некоторые проблемы и особенности положения государственных и муниципальных служащих в структуре российского общества.

Compares the characteristics of state and municipal employees, determines their interrelation, and also identifies some of the problems and peculiarities of the situation of state and municipal employees in the structure of Russian society.

Ключевые слова: государственный служащий, муниципальный служащий, государственная служба, положение, социальная группа, социальный слой

Keywords: state employee, municipal employee, civil service, situation, social group, social stratum

Проблемы государственных и муниципальных служащих, связанные с профессиональной деятельностью имеют сложный характер и, как правило, обусловлены рядом особенностей их положения в структуре российского общества.

Для начала следует отметить, что большинство отечественных и зарубежных исследователей отождествляют понятия «государственный» и «муниципальный» служащий, и в их контекстах эти определения выступают как синонимы. В целом, к служащим предъявляются одинаковые квалификационные требования, существуют схожие принципы классификации должностей и принципы начисления оплаты труда, предоставления социальных гарантий.

Основное отличие вышеупомянутых категорий служащих заключается в том, что в основании муниципальной службы лежит трудовой договор, а с государственными служащими заключается служебный контракт [1, с. 69].

Взаимосвязь муниципальной и государственной службы обеспечивается посредством: а) единства основных квалификационных требований к должностям муниципальной службы и государственной службы; б) единства ограничений и обязательств при прохождении муниципальной службы и государственной службы; в) единства требований к подготовке кадров для муниципальной и государственной службы и дополнительному профессиональному образованию; г) учета стажа муниципальной службы при исчислении стажа государственной службы и учета стажа государственной службы при исчислении стажа муниципальной службы; д) соотносительности основных условий оплаты труда и социальных гарантий муниципальных и государственных служащих.

Государственные и муниципальные служащие занимают особое положение в обществе, обладая функциями государственного и муниципального управления, особыми обязанностями и привилегиями. Среди основных привилегий различные льготы: дополнительный отпуск, предоставление путевок для работника и членов его семьи в санатории, профилактории и детские лагеря; пенсия за выслугу лет и др. Служащих следует охарактеризовать как формальную группу в силу обладания ею определенным юридическим статусом, строгой структурой, а также существования в ней формального лидерства (руководителей различного уровня) и официальных целей ее функционирования (оказание услуг населению).

Положение данной группы в российском обществе является противоречивым. Социальный статус государственного и муниципального служащего привлекателен для населения с точки зрения потенциального места работы (не случайно наблюдаются высокие конкурсы на соответствующие

специальности в вузах) в силу достаточного уровня доходов, наличия привилегий и причастности к власти, однако, деятельность этой социальной группы нередко критикуется руководством страны, учеными и населением. Наиболее популярная тема критики – коррупция. Одни видят тесную связь между коррупцией и деятельностью именно государственных служащих, другие, характеризуя коррупцию, не сводят данный феномен к проблеме одной группы, считая его проблемой общества в целом, частью которого является данная социальная группа.

Большинство западных исследователей считают российских государственных и муниципальных служащих сословием. Однако, сами авторы данной трактовки признают, что некоторые признаки сословия (права, привилегии) юридически закреплены, но в действительности сословной самоидентификации среди государственных служащих не наблюдается, вместо нее присутствует социально-профессиональная самоидентификация. Помимо самоидентификации для государственных и муниципальных служащих характерно социальное взаимодействие (основанное на должностных инструкциях), а также социальный контроль (на основе социальных норм, присущих данной группе), что выступает основными признаками социальной группы.

Государственные служащие входят в средний класс, который в России невелик, за счет выполнения важной функции в обществе (реализации власти) и наличия повышенных возможностей своего обеспечения. Состав государственных (муниципальных) служащих неоднороден, в нем выделяют высшее, среднее и низшее звено. В социальной структуре современного российского общества основная масса госслужащих занимает средние слои, обладая необходимыми для этого властными, экономическими и культурными ресурсами; немногочисленная верхушка данной группы находится в верхних слоях общества.

Анализируя результаты исследования, проведённого Институтом социологии РАН, можно сделать некоторые выводы, характеризующие положение госслужащих в структуре российского общества и отношение населения к ним.

1. Государственные служащие являются категорией работников, оплата труда которых ведется из средств бюджета. Однако, от остальных бюджетников их отличают более высокие доходы. Население видит различия госслужащих и остальных бюджетников, называя их отдельным «особым сословием, объединенным общими интересами и особым образом жизни» (72.6%). При этом только 40.5% самих госслужащих оценивают так же своё положение, считая, что находятся в том же положении, что и остальные бюджетники находятся на службе у государства так же, как военные, врачи, учителя – 58.8% [2].

2. Россияне не видят в бюрократии выразителя интересов общества и рассматривают ее как силу, наносящую ущерб интересам страны, которые она, в свою очередь, призвана защищать: две трети россиян убеждены, что бюрократия

думает только о собственном благополучии. Среди опрошенных чиновников всего 16.3% считают, что российскую бюрократию интересуют в первую очередь интересы России, причем эта группа состоит, прежде всего, из руководителей первого и второго уровня. Несмотря на такой оптимизм, наиболее массовая группа руководителей (32%) из системы государственного управления убеждены, что российская бюрократия заинтересована в сохранении и увеличении своего богатства и влияния, невзирая на низкий уровень жизни населения [2].

3. Выявлена значительная разница в удовлетворенности россиян и чиновников различными аспектами своей жизни. В целом, у россиян доминируют оценки «плохо» по материальной обеспеченности, возможностях отдыха в период отпуска, получения образования. Серьезный перевес положительных оценок присутствует только в двух случаях – «отношения в семье» и «возможности общения с друзьями». У более половины опрошенных госслужащих наблюдается положительные оценки практически по всем показателям: высокий уровень удовлетворенности материальным положением, жилищными условиями, досугом, возможностями реализации себя в профессии и получении знаний и образовании.

В XXI в. социальная группа государственных и муниципальных служащих немного помолодела, показательны в этом плане данные в Приволжском федеральном округе: большая часть служащих находится в возрасте от 30 до 50 лет (53%), одну четвертую составляет молодежь (26%) при среднем возрасте госслужащего в России – 40 лет. Заметны и другие изменения: на государственной службе данного федерального округа доминируют женщины – 72% [3, с. 155].

По данным крупномасштабного исследования «Социальная стратификация России», проведенного в конце 2012 г. Институтом общественного проектирования, госслужащие отличаются высоким уровнем образования: треть из них имеет среднее специальное образование, остальные – высшее. Однако, среди выделенных (в опросе 2012 г.) отраслей народного хозяйства сотрудники органов государственного управления идут на 6-м месте по доле работников, имеющих высшее образование, и региональные исследования подтверждают эти данные. Значительная доля государственных служащих (около 40%) имеет небольшой стаж службы (до 5 лет) [3, с. 156]. Эта цифра складывается из молодежи данной социальной группы, а также из пришедших на службу из других сфер труда. Значительная часть имеющих до этого работу занимались управленческой деятельностью и трудились в непроизводственной сфере.

Высокий уровень образования является непременным условием поступления на государственную службу, что в свою очередь, обусловливает некоторые проблемы. Например, одним из главных условий реализации возможностей органов государственной власти в решении проблем развития человеческих ресурсов является высокий уровень профессионализма

госслужащих, который необходимо поддерживать. Госслужащие, как правило, нацелены на построение профессиональной карьеры. При этом они не склонны афишировать свои планы и намерения, промежуточные и конечные цели. Карьерное движение на государственной службе направлено на вхождение в узкий круг профессиональной и политической элиты, которая обладает большими возможностями и не склонна ими делиться, поэтому претендент, заранее объявивший о своих стратегических планах и намерениях, может в дальнейшем столкнуться с рядом серьезных препятствий.

Следует учитывать, что особенностью их деятельности является некая «закрытость системы» и расплывчатость критериев оценки ее результатов, слабая и зачастую непрямая взаимосвязь итогов работы и вознаграждения за труд. В таких условиях возникает высокая зависимость результатов работы государственных и муниципальных служащих от личностных качеств и стремлений. Помимо вышеупомянутого, узость данного круга элиты обусловливает острую конкуренцию, в которой знание стратегических целей и планов конкурента поможет решительным образом блокировать его интересы. Отсюда и вынужденная закрытость системы. В известной мере госслужащий является и объектом воздействий со стороны системы, способной задать иную траекторию профессионального (карьерного) роста.

Можно сделать вывод, что государственные и муниципальные служащие представляют собой определенную социальную группу с общим значимым социальным признаком – принадлежностью к власти, который базируется на их участии в деятельности, регулируемой формальными или неформальными нормами социального института государственной службы. В нашей стране особенностями данной группы, в отличие от других социальных групп, выступают ее противоречивое положение в обществе и неоднозначное отношение населения к ней. Государственные и муниципальные служащие представляют один из наиболее образованных социальных слоев современной России со стремлениями карьерного роста. Можно сказать, что госслужащие являются привилегированной группой, сформированной в значительной ее части за счет индивидов, пришедших на государственную службу из других сфер труда. Российские чиновники отличаются иным уровнем и образом жизни, психологическим самоощущением и самооценкой своего статуса. При этом, они хорошо понимают специфику своего положения как особой социальной группы, стремятся его сохранить и защитить собственные классовые интересы.

Список литературы

1. Лотова И. Профессиональная карьера госслужащих: вариативный подход // Человек и труд. 2003. № 10. С. 69-72.
2. Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов. Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy_4.html?printmode (дата обращения: 06.03.2017).
3. Лазукова Е.А. Социально-демографические факторы трудовой карьеры чиновников // Власть. 2014. № 1(22). С. 154-159.

ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ И ФАКТОРЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

LIFE CYCLE AND REVIVAL FACTORS OF RUSSIAN WORKING CLASS

А.Л. Темницкий
Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел России; Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Москва
A.L. Temnitskiy
MGIMO University
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Обосновывается модель жизненного цикла применительно к российскому рабочему классу. Выделяются следующие этапы его развития: зарождение, становление, развитие, укрепление, расцвет, стабилизация, упадок. Делается вывод, что современное возрождение рабочего класса возможно на основе политики нового патернализма.

The model of life cycle concerning to the Russian working class is justified in this report. The next steps of its development are marked: beginning, becoming, development, reinforcement, prosperity, stabilization, decline. The working class modern revival is possible on the basis of the policy of a new paternalism.

Ключевые слова: жизненный цикл, этапы развития, новый патернализм, рабочий класс

Keywords: life cycle, development steps, new paternalism, working class

Модель жизненно цикла, традиционно применяемая к исследованию организаций [1], может быть использована по отношению к большим социальным группам, таким как рабочие, если рассматривать их развитие в длительной исторической ретроспективе.

Рабочий класс имел в России свою отличительную почти трехсотлетнюю историю становления, развития, расцвета, стабилизации и упадка. Сегодня можно утверждать об объективных предпосылках для его возрождения.

1. Этап *зарождения* рабочего класса на основе принудительного труда и личной зависимости (1720-1861 гг.)

Принудительный труд и неэкономическая зависимость от работодателя – родовая черта российского рабочего. В этом его основное отличие от западного рабочего. Тот пришел на фабрику в результате процессов «освобождения труда» от связи с землей, банкротства ремесленнических союзов, наш – преимущественно из зависимых крепостных крестьян. Следствия зависимого принудительного труда: крайняя степень отчуждения от занятости на фабриках, личная патриархально окрашенная зависимость от работодателя, полное отсутствие правовых норм в трудовых отношениях, связь с землей, отсутствие профессиональной подготовки и квалификации.

Фабричная работа способствовало формированию таких черт психологии рабочих, как потребительство и иждивенчество, убеждение в обязательном обеспечении работой со стороны заводоуправления и первым отличительным признакам крепостных рабочих от крепостных крестьян: технические навыки и сноровка, смышленость [2].

2. Этап *становления* рабочего класса на основе преодоления неэкономической зависимости (1861 – конец XIX в.).

Пореформенный период способствовал постепенному снижению личной зависимости рабочих от своих хозяев. Рабочий, поступая на фабрику, знал, что теперь он останется на ней для работы до тех пор, пока захочет сам. Он перестал смотреть на фабриканта как на своего господина. Однако укрепление стремлений российских рабочих к независимости не находило отражения ни в забастовочном движении и создании сильных рабочих профсоюзов, как на Западе, ни в повышении квалификации, общего образования и культуры. Фиксировались кратковременные остановки работы, требования и обращения к начальству мирно уладить дело в пользу рабочих [3, с. 180], однако не существовало и каких-либо значимых предпосылок для повышения независимости рабочих за счет повышения квалификации и образования. Рутинная организация труда, низкий культурный и образовательный уровень, общая атмосфера консерватизма и инерции на предприятиях негативно сказывались на профессиональном уровне рабочих [3, с. 156].

3. Этап *развития* рабочего класса на основе революционной активности (Начало XX в. – 1917 г.).

Революционное сознание рабочих, ставшее одной из определяющих черт этого периода, формировалось в большей мере под влиянием тяжелого

экономического положения и бесправия рабочих, чем политического воздействия со стороны социал-демократической интеллигенции. Стихийное бунтарство и насилие, проявляемое рабочими в протестном поведении, являлись оборотной стороной их зависимости и терпения. Именно в силу прочных традиций зависимости рабочих от своих хозяев и администрации, их бесправности, они не могли договориться между собой ни об установлении условий продажи своего труда, ни объединиться в кассы взаимопомощи, ни тем более создать сильные и надежные профсоюзы. Выход из тяжелого экономического положения рабочие находили такой, который опять же соответствовал их повседневной трудовой жизни и традиционным культурным практикам. В критических ситуациях недовольство проявлялось в стихийно-бунтарских, часто в резких формах, вспышках группового эгоизма, в поведении, отражавшем психологию «революционного нетерпения» [4].

Опыт массовых стачек, политических забастовок, вооруженной борьбы в 1905-1907гг. не прошел для рабочих даром. Рабочие России доказали свой радикализм и активность и, может быть, впервые за всю историю своего существования заставили власть прислушаться к своим чаяниям, смогли на время прервать вековые традиции своего зависимого положения, обрести черты требующей уважения со стороны других личности [3, с. 190].

4.Этап *укрепления* позиций рабочего класса на основе декларирования его ведущей роли в советском обществе ленинско-сталинского времени (1917-1956).

Введение на национализированных предприятиях рабочего контроля, занятие десятками тысяч передовых рабочих ответственных государственных, хозяйственных и военных постов – эти реальности стали фактами первых лет советской власти. Доминирующим слоем и ядром рабочего класса стали городские кадровые рабочие металлообрабатывающих предприятий.

Оказавшись в роли сохозяев предприятий, рабочие умело воспроизводили в новых социальных отношениях привычные для них формы решения производственных вопросов. Свое участие в управлении производством рабочие связывали не с целью добиться резкого улучшения своего материального положения, а скорее, продемонстрировать, что они сами, без хозяев могут поддерживать необходимый уровень трудовой дисциплины. Психологически это было выражением традиционного общинного сознания. Фабрично-заводской коллектив в сознании рабочих наделялся теми же правами, что и община в сознании крестьян [5]. Стали заметными социальные движения рабочих в советское время: выдвиженчество, ударничество, стахановское движение, изобретательство и рационализаторство.

5. Этап *расцвета и стабилизации* положения рабочего класса в зрелом советском обществе (1956-1991 гг.)

Никогда ранее положение российских рабочих не было столь прочным и привлекательным, как в этот период. Получение статуса рабочего промышленного предприятия стало значимым для миллионов бывших крестьян, поскольку позволяло в относительно короткие сроки 5-10 лет получить городскую квартиру (в крайнем случае, комнату), дать более высокое образование и возможности своим детям по сравнению с возможностями и условиями жизни на селе. За три послевоенных десятилетия численность рабочих возросла более чем на 50 млн. человек и вместе с членами их семей насчитывала к 1975 г. более 61% населения СССР [6]. Зарплаты высококвалифицированных рабочих были сопоставимы с оплатой труда профессоров университетов и директоров научных институтов и существенно выше, чем зарплаты инженеров.

6. Этап *упадка* рабочего класса под влиянием процессов либерализации в постсоветский период (1992-2013).

С началом либеральных реформ, приватизации процессы освобождения от социальных пут и обязательств перед работниками вне предприятия (жилье, детские сады, оздоровительные лагеря) и внутри него (общественные организации, советы трудовых коллективов, социалистическое соревнование, гарантии занятости, участие в собственности) приняли радикальный характер.

Сложившийся к концу 1990-х гг. уровень развития трудовых отношений между работодателями и наемными рабочими соответствовал раннекапиталистическому этапу, характеризуемому полной зависимостью работника от работодателя и индивидуальным характером их отношений [7].

В результате первого десятка лет экономических реформ численность рабочих в промышленности сократилась более чем на 6 млн. человек, и к началу 2000-х гг. к промышленному рабочему классу можно отнести примерно 10 млн. человек [8]. За последующие 10 лет она снизилась еще на один миллион. Произошло не только резкое сокращение рабочих промышленности, но и резко усилился процесс отчуждения от рабочих профессий у молодежи.

7. Этап *возрождения* рабочего класса на основе политики нового патернализма (с 2014 г.).

Государству, сыгравшему ключевую роль в начальном формировании рабочего класса, способствовавшему его упадку посредством либеральных реформ, предстоит его и возродить. Объективными обстоятельствами для этого процесса является рост оборонной промышленности и сфера производства, связанная с импортозамещением как реакция на изменившуюся геополитическую обстановку в мире. Этому способствуют и набирающие силу

ориентации рабочих на патерналистские отношения с руководством вместо еще ранее востребованных либеральных [9]. Однако навязывание моделей старого патернализма уже не кажется эффективным. Следует учитывать запрос рабочих, прежде всего, молодых на предоставление возможностей для самореализации на уровне рабочего места, его соответствие профессиональным знаниям и умениям, соответствие заработной платы трудовому вкладу, на повышение уровня индивидуальной субъектности в труде [10]. Действенной здесь может стать политика нового патернализма, следование его главному принципу «подталкивания», т.е. помогать людям в достижении более высоких уровней субъективного благополучия, которых они не в состоянии достигать собственными силами из-за когнитивных и поведенческих ограничений [11].

Список литературы

1. Адизес И. Управление жизненным циклом корпораций. Пер. с англ. В. Кузина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 512 с.
2. Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Изд-во «Слово», 2003. 310 с.
3. Гвоздев С. Записки фабричного инспектора из наблюдений и практики в период 1894-1908 гг. Изд-е второе. М.Л. Гос. Изд-во, 1925. 283 с.
4. Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М.: Едиториал УРСС. 2004. С. 149-164.
5. Михайлов Н.В. Российские рабочие в управлении производством на рубеже XIX-XX вв. // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. М.: Экономическая демократия, 2001.
6. Социальное развитие рабочего класса. Рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе. Историко-социологические очерки. ред. кол. Э.В. Клопов, В.Н. Шубкин, Л.А. Гордон. М.: Наука, 1977.
7. Мироедов А.Н., Эйдельман Я.Л. Социально-трудовые отношения в свете перспектив развития экономики // Социально-трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России. Самара: Б и, 1999. С. 69-70.
8. Трушков В.В. Современный рабочий класс России в зеркале статистики // Социологические исследования. 2002. №2. С. 147-152.
9. Темницкий А.Л. Патерналистские основы российской цивилизации в сфере труда // Социологическая наука и социальная практика. 2015. №2. С. 51-69.
10. Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Рабочие реформируемой России как объект управления и субъект труда // Мир России. 2013. №3. С. 115-151.

11. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и новый патернализм. Режим доступа: http://polit.ru/article/2013/11/12/ paternalism/ (дата обращения: 20.04.2017).

СЦЕНАРИИ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ

SCENARIOS OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN RUSSIA

С.В. Ушаков
Иркутский государственный университет
S.V. Ushakov
Irkutsk State University

Рассматриваются формы, условия и особенности развития корпоративной социальной ответственности в России, показывается роль и значение данного явления в общественном воспроизводстве.

The article considers the forms, conditions and features of the development of corporate social responsibility in Russia, the role and significance of this phenomenon in social reproduction is shown.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, перспективы развития, бизнес, ответственность

Keywords: corporate social responsibility, development prospects, business, responsibility

Социальная ответственность бизнеса – явление для России достаточно новое, но оно уже приобрело несколько стратегий и форм развития. Прежде всего, социальная ответственность бизнеса – это забота о сотрудниках и территории своего места пребывания во всех смыслах этого слова. Она предполагает динамичное развитие социокультурного взаимодействия.

Стратегии управления социальной ответственностью могут отличаться от подхода формирования, условий и задач развития того или иного муниципального образования. Но в целом, от стратегического планирования зависят будущее и настоящее компании и территории, где она располагается.

Обобщая концептуальные подходы стратегического управления социальной ответственностью, выделим внутренние и внешние факторы.

К *внешним факторам* относятся*: общегосударственные условия* – социально-экономические и культурно-политические условия развития страны, региона, города, те процессы, которые определяют саму ткань общественного развития (экономический кризис, экономические санкции, военные действия в Украине, Сирии и проч.); *отраслевые условия* – особенности развития отрасли

на региональном и федеральном уровне, взаимодействия с конкурентами и партнерами, муниципальными и региональными органами власти и т.д. (развитие нефтехимической отрасли, лесопереработки, горнодобывающей и т.д.); *организационные условия* – механизмы работы внутри организации, корпоративная культура, коммуникации и прочие процессы влияния компании на жителей города (как правило, этот фактор начинает влиять на жизнь города, когда функционирует одно предприятие (термин моногорода иллюстрирует данное явление), или же несколько крупных предприятий определяют формат территориального развития (Ангарск – город нефтехимиков, Усолье-Сибирское – свинокомплекс, Шелехов – алюминиевый завод и т.д.).

На общегосударственные условия практически никакой руководитель не может повлиять. Кроме, пожалуй, руководителей крупного бизнеса (нефтяных, газовых компаний, которые могут повлиять на курс рубля, политику банков) и политиков первой величины (Президент, Премьер министр, министр иностранных дел), политики другого уровня – депутаты Государственной думы, губернатор, мэры городов – не могут изменить условия этого уровня. Руководители среднего и малого бизнеса подчинены условиям данного уровня.

На отраслевом уровне – фигура руководителя может стать ключевой в регулировании межотраслевых споров или минимизации издержек и тем самым определять механизмы реализации социальной ответственности. Деятельность руководителя региона или города определяется стратегическими приоритетами развития компании, личным уровнем взаимоотношений и «кредитом доверия», существующим у данной компании на том или ином рынке. Тут важен «политический капитал» политика, который может лоббировать интересы региона или отрасли в других кругах (в Москве, за рубежом).

На организационном уровне – роль руководителя самая заметная. Он влияет на структуру и функционирование своей компании, так же как и сама оргструктура определяет склад личности и условия работы руководителя.

То есть, внешние факторы сильно влияют на работу руководителя по формированию стратегии управления социальной ответственностью бизнеса.

В рамках таких дисциплин, как психология, социология, менеджмент, изучались именно стратегические факторы управления социальной ответственностью бизнеса. Причем, вне зависимости от научной или практической школы, развитие связывалось с развитием территории. Если обобщать существующие *зарубежные подходы* изучения стратегических ориентиров развития, можно выделить следующие группы исследований:

- подход *«существующего потенциала»*, т.е. ученые, работающие в рамках данного подхода, говорят, что у развития территории и социальной ответственности бизнеса необходимо определить, что уже есть, перспективу и

форму развития, задать рамки (определив бюджет, риски, варианты альтернативного развития). К авторам данного направления отнесятся Ф. Фиджи, Р. Нау, Л. Дальтон, Н. МакМиллон.

- подход «*формирующего потенциала*». Авторы данного направления говорили о том, что развитие территории и социальной ответственности бизнеса возможно в любом месте, главное – понимать, какова конечная цель (и чем менее она достижима, тем больше можно включить в неё компонентов). Этот подход развития власти и территории пришелся на 60-е гг. XX в. в СССР, когда начались великие стройки городов в Сибири и на Дальнем Востоке, строительство БАМа. К авторам данного направления относятся В.С. Фейк, Н.А. Никнович, П.А. Пертохин, О.А. Смольный.
- подход «*ситуационного развития*» позволяет на основе определенных ситуаций, выработать критерии, определяющие территориальное развитие, а вместе с тем и управление социальной ответственностью бизнеса. Авторы данного направления можно отнести Ф. Фидлер, Т. Митчелл, В. Врум, А.Б. Антонов, С.Ф. Федоров.

У отечественных ученых наблюдаются те же подходы, только у них нет четкого определения теоретических рамок. Они используют инструментарий и технические рамки объяснения из разных стилей и школ. Например, в работе Н.А. Петровой [1] показывается взаимозависимость экономических условий развития общества и трансформации стилей и стратегий управления социальной ответственности бизнеса; О.А. Звонарева [2] раскрывает механизм взаимосвязи личностных характеристик руководителя бизнеса и ситуационной стратегии принятия управленческих решений при развитии территории и социальной ответственности бизнеса; Ю.В. Борисовой [3] описываются эффективные стратегии управления социальной ответственностью бизнеса; в работе П.А. Трескина [4] показывается взаимосвязь качества управления и личности руководителя в развитии социальной ответственности бизнеса; О.А. Полюшкевич [5; 6] раскрывает модели управления российских компаний.

Таким образом, сценарии развития корпоративной социальной ответственности в России многообразны, зависят как от формальных условий внешнего характера, так и от личности руководителя компании. В каждом конкретном случае необходимо проводить детальный анализ.

Список литературы

1. Петрова Н.А. Изменение стратегий управления от экономических трансформаций в стране: монография. М.: Знание, 2016. 456 с.

2. Звонарева О.А. Ситуационная стратегия принятия управленческих решений. М.: Форма, 2017. 490 с.

3. Борисова Ю.В. Социальное партнерство как процесс и результат развития предпринимательства // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе материалы IV Всероссийской научной Интернет-конференции с международным участием. под общей редакцией О.А. Кармадонова, О.А. Полюшкевич. 2013. С. 90-96.

4. Трескин П.А. Формирование гражданского общества как фактор консолидации местных сообществ // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе материалы IV Всероссийской научной Интернет-конференции с международным участием. под общей редакцией О.А. Кармадонова, О.А. Полюшкевич. 2013. С. 280-282.

5. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность: учеб. пособие. Иркутск: Изд-воИГУ, 2012. 131 с.

6. Полюшкевич О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. С. 103-110.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION LABOR CONFLICTS IN RUSSIA

Л.З. Фатхуллина
Казанский национальный исследовательский технологический университет
L.Z. Fatkhullina
Kazan National Research Technological University

Дается анализ правового регулирования трудовых конфликтов на современном этапе развития страны.

The article gives an analysis of the legal regulation of labor conflicts at the present stage of the country's development.

Ключевые слова: трудовой спор, трудовой конфликт, законодательство, противоречия, работодатель, работник, забастовка

Keywords: labor dispute, labor conflict, legislation, contradictions, employer, employee, strike

Стратегические цели и интересы основных субъектов трудовых отношений никогда не совпадают. Противоположные интересы работодателей (собственников) и наемных работников относительно зарплаты, условий и интенсивности труда, различные ценностные ориентации людей и групп, разный жизненный опыт людей (конфликт поколений), неравный доступ к

ограниченным ресурсам – все это обусловливает конфликтогенность трудового процесса.

Правовыми средствами разрешения трудового спора обычно являются нормы действующего трудового законодательства. Зачастую можно наблюдать употребление понятий «трудовой конфликт» и «трудовой спор» как синонимов, однако несмотря на кажущееся сходство, они представляют собой разные явления социальной действительности. Трудовой кодекс не дает определения понятия «трудовой спор», а только разделяет их на индивидуальные и коллективные споры, устанавливая правила их разрешения. Становится очевидным, что под трудовым спором, понимаются только те трудовые конфликты, которые перенесены на рассмотрение компетентного органа [1]. Однако трудовые противоречия могут выражаться множеством других способов, не подпадающих в диапазон юридического понятия «трудовой спор», поэтому понятие «трудового конфликта» представляется более широким. Можно сказать, что трудовой спор – своеобразная стадия развития трудового конфликта, которая характеризуется наличием организационно оформленных разногласий и нормативно урегулированным порядком их разрешения [2].

Современная система трудового права в России, как и в большинстве стран, образовалась в итоге разрешения коллективных трудовых споров [3]. Проведение летом 1989 г. многотысячных забастовок в шахтерских регионах поставило вопрос о необходимости их правового регулирования, в результате чего был принят закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)». В тот период рабочее движение «сошло на нет», потеряв все свои значимые социальные атрибуты, поскольку огосударствление общественно-политической жизни и всей экономики, искоренило все и всякие формы состязательности. Отсутствовали самые элементарные формы самоорганизации рабочих, а профсоюзы при полном подчинении государству как монопольному работодателю утратили главный смысл своей деятельности – представлять и отстаивать права и интересы рядовых работников.

С принятием Конституции РФ в 1993 г. Россия объявила себя демократическим государством, а права и свободы человека, в том числе трудящегося, высшей ценностью. Основные права работников (т.н. «права второго поколения») включают в себя: свободу труда, право на вознаграждение своего труда не ниже установленного государством минимального размера, право на охрану труда, на отдых, на разумное ограничение рабочего времени, на защиту от безработицы, право на индивидуальные и коллективные трудовые споры, включая право на забастовку.

Важную роль в становлении российского трудового законодательства играет Международная организация труда (МОТ). Одной из важнейших задач

организации является установление «международных трудовых норм» в форме конвенций и рекомендаций. Ратификация той или иной конвенции МОТ означает, что подписанная конвенция приобретает силу международного закона, применяемого в данной стране, а значит, ратифицированная конвенция имеет большую силу по сравнению со всеми национальными законами и нормативно-правовыми актами. Несмотря на то, что в целом трудовое законодательство России соответствует рекомендациям МОТ, было ратифицировано уже 70 конвенций (для сравнения в США всего 14), имеются значительные несоответствия между внутренним российским законодательством и международными трудовыми стандартами. Это связано с двумя блоками вопросов, одновременно являющимися основополагающими принципами и правами в сфере труда: свободой объединения и запретом дискриминации в сфере труда и занятий [4].

Существенные проблемы для реализации права на забастовку в России создает и установленный законом регламент: выдвигать требования работодателю может либо собрание, на котором присутствует не менее половины работников предприятия, либо конференция с участием не менее 2/3 избранных работниками делегатов. Решение о забастовке считается принятым, если за него проголосовали не менее половины присутствующих на собрании или конференции. Это почти невозможно, учитывая, как устроен современный бизнес. Кроме того, забастовка как способ разрешения коллективного трудового спора предусматривает обязательные примирительные процедуры, которые включают рассмотрения конфликта примирительной комиссией, посредником и (или) в трудовом арбитраже (ст. 401-404 ТК РФ). По подсчетам экспертов, длительность всех обязательных предварительных процедур составляет не менее 42 дней. Это настолько затрудняет организацию и проведение забастовки, что делает законную забастовку почти невозможной и потому практически «невидимой» в статистике.

Помимо признаваемого права на забастовку Основным законом страны рабочим также предоставлено право выражения протеста в таких формах, как собрания, митинги, пикетирования и демонстрации, согласно ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров». Однако, учитывая специфику социально-трудовой сферы, в сфере реализации некоторых трудовых прав работников возможны ограничения. Согласно принципу «права и свободы одного субъекта заканчиваются там, где начинаются права и свободы другого субъекта», накопленный в современной России опыт социально-трудовых протестов анализируется и оценивается не только с позиции защиты интересов работников, но и общественных приоритетов. Особенности труда могут быть основанием для некоторого изменения объема трудовых прав только в тех

случаях, когда деятельность работника может оказать влияние на степень защиты основ конституционного строя, охрану здоровья и нравственности, соблюдения прав и законных интересов других лиц, обеспечение безопасности и обороны государства. Таким образом, различные формы выражения трудового протеста при разрешении коллективных трудовых споров не могут и не должны быть сопряжены с посягательствами на общественные интересы.

Отрасль трудового права обладает двумя характерными для нее функциями – производственной и защитной. Первая выражается в воздействии права на ту группу отношений, которые связаны с ростом производительности труда, повышением эффективности общественного производства и улучшением качества труда. Вторая – в воздействии отношения, связанные с защитой здоровья работников, их физических, моральных сил путем установления высокого уровня условий труда, охраны их трудовых прав и интересов [5].

Трудовое право может служить интересам работников лишь тогда, когда происходит сбалансированное взаимодействие обеих функций. Повышение удельного веса производственной функции в ущерб защитной автоматически работает против интересов трудящихся, создается благоприятная почва для возникновения конфликтов. Однако сегодня, увы, можно говорить о расширении производственной функции в ущерб защитной, чему способствует законодательство о труде. Можно привести ряд характерных примеров, в частности, резкое снижение роли профсоюзов при установлении условий труда работникам, при увольнениях по инициативе работодателя; незначительный «удельный вес» коллективного договора по сравнению с другими локальными нормативными актами (особенно на частных предприятиях и фирмах).

Можно сделать следующие выводы. Большинство работников сознательно отказываются от защиты своих трудовых прав, соблюдая законные процедуры, по той причине, что сама процедура защиты для них – это длительное и затратное мероприятие. Напрашивается предложение об упрощении действующего механизма правовой самозащиты работников, освобождения их от бюрократических ограничений и препятствий. В связи с этим остается высоким процент латентной активности в рамках социально-трудовых конфликтов. Для прогрессивного и демократического правового регулирования трудовых отношений очень важна сбалансированность производственной и защитной функций трудового права, исключающая расширение первой функции за счет второй, обеспечивающая в равной степени интересы производства и работника. Однако снижение роли профсоюзов, пробелы в обеспечении их независимости от работодателей, незначительный «удельный вес» коллективного договора по сравнению с другими локальными

нормативными актами, говорят о перекосе в сторону производственной функции в ущерб работникам, создавая почву для трудовых конфликтов.

Список литературы

1. Бай Н.Г. Трудовое право [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://ido.rudn.ru/lectures/212/P13.htm (дата обращения: 17.05.2016).
2. Иванова Т.Ю., Колесников В.Л. О несогласованности экономического и юридического содержания категории «трудовой конфликт». Режим доступа: http://old.tisbi.org/science/vestnik/2001/issue2/ vest2_2.html (дата обращения 11.05.2016).
3. Козина И.М. Забастовки в современной России // Социологические исследования. 2009. №9. С. 118-125.
4. Лютов Н.Л. Российское трудовое законодательство и международные трудовые стандарты: соответствие и перспективы совершенствования. М.: АНО «Центр социально-трудовых прав». 2012. 130 с.
5. Руководство по праву на забастовку. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://avtonom.org/old/lib/theory/strike.html#14 (дата обращения: 18.04.2016).

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ
CONFLICT MANAGEMENT IN CUSTOMS

Е.Н. Худякова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E.N. Hudyakova
Belgorod National Research University

Рассматриваются определения социального конфликта. В центре внимания находятся различные виды социальных конфликтов.

This article studies definitions of social conflict. The article centers round the various types of social conflicts in customs. An analysis was made the peculiarities of the different types of conflicts.

Ключевые слова: конфликт, социальный конфликт, структура конфликта, управление конфликтами, разрешение конфликтов, профилактика конфликтов

Ключевые слова: conflict, social conflict, conflict structure, conflict management, conflict resolution, conflict prevention

Формирование теории конфликта как определенной системы взглядов на природу и общество, его устойчивое развитие, по признанию многих экспертов, началось с работ К. Маркса, который считается предшественником современной конфликтологии.

Управление конфликтами – это деятельность, обеспечивающая развитие конфликтного взаимодействия. Можно сказать, что управлять конфликтами – значит, обеспечивать максимальную возможность для их саморегулирования и содействия выходу из кризисов в следующую фазу.

Конфликтологическая компетентность сотрудников таможенной службы имеет определенные уровни:

– высшее руководство формирует общую политику в области управления конфликтами и стрессами в таможенной службе (формирование программ и мероприятий, направленных на профилактику потенциальных конфликтов и создание системы сотрудничества в рамках всей Федеральной таможенной службы);

– на уровне первичного руководства реализуются программы формирования благоприятного социально-психологического климата, соблюдения профессионального и этического кодексов, правил внутреннего трудового распорядка [1].

Конфликтологическая подготовка персонала, направленная на формирование конфликтологической компетентности, способствует развитию профессиональных знаний, навыков и умений работников, что, в свою очередь, содействует повышению конкурентоспособности на рынке труда, повышает ценность кадрового потенциала таможенных органов.

Прежде чем сформировать технологию управления конфликтами и стрессами и комплексную программу мероприятий, следует определить источники и причины неудовлетворенности работников трудом; провести анализ уровня конфликтности и профессионального стресса в коллективе.

Формирование конфликтологической компетентности руководителей и сотрудников подразделений таможенной службы необходимо осуществлять в рамках системы повышения квалификации персонала. Одной из организационных форм обучения персонала могут быть обучающие и корпоративные тренинги.

Данная программа будет являться основой обучения навыкам конструктивного поведения специалиста таможенного дела в конфликтных ситуациях. Формируемые в рамках программы навыки, знания, умения управления конфликтами в таможенных органах будут включать следующие аспекты:

– природу конфликта;
– распознавание предпосылок конфликта;
– профилактику конфликта;

– поведение сотрудника в конфликтной ситуации;

– готовность сотрудника к управлению конфликтами в профессиональной деятельности.

Изучение данных вопросов будет способствовать управлению конфликтами в таможенных органах на начальных этапах, применению меры для их профилактики и разрешения, что позволит эффективно взаимодействовать сотрудникам, вовлеченным в конфликт.

Управление конфликтами необходимо внедрять на всех уровнях таможенной службы: таможне, таможенных постах, Региональных таможенных управлений и Федеральной таможенной службы.

Одним из условий положительного разрешения социального конфликта является личность, которая способна к саморегулированию поведения в системе социальных отношений. Это, в свою очередь, предполагает наличие у личности установки на правомерное поведение, высокий уровень нравственно-правовой социализации, зрелое правосознание.

Разрешение конфликта в таможенных органах – это вид деятельности субъекта управления, связанный с завершением конфликта. Разрешение конфликта может быть полным и неполным. Полное разрешение конфликта достигается при устранении причин, предмета конфликта и конфликтных ситуаций. Неполное разрешение конфликта происходит, когда устраняются не все причины или конфликтные ситуации. В таком случае неполное разрешение конфликта может быть этапом на пути к его полному разрешению.

В реальной практике таможенных органов по управлению конфликтами важно учитывать предпосылки, формы и способы их разрешения.

К предпосылкам разрешения конфликта относят достаточную зрелость конфликта, потребность субъектов конфликта в его разрешении; наличие необходимых средств и ресурсов для разрешения конфликта. Формами разрешения могут быть:

– уничтожение или полное подчинение одной из сторон;

– согласование интересов и позиций конфликтующих сторон на новой основе;

– взаимное примирение конфликтующих сторон;

– перевод борьбы в русло сотрудничества по совместному преодолению противоречий.

Рис. 1. Алгоритм управления конфликтами в таможенных органах.

Способы разрешения конфликтов делятся на административные (увольнение, перевод на другую работу) и педагогические (беседа, убеждение, разъяснение).

Алгоритм управления конфликтами в таможенных органах представлен на рис. 1 [2].

Управление социальными конфликтами в целом представляет собой сознательную деятельность по отношению к нему, осуществляемую на всех этапах его возникновения, развития и завершения участниками конфликта или третьей стороной. Важно не опровергать развитие, а только стремиться разрешить его неконфликтными способами.

Можно сделать вывод, что конфликт в таможенных органах носит не только деструктивный характер. Иногда, с помощью конфликта можно выяснит причины неудач и причину напряженных отношений, а иногда конфликт может повлечь за собой последующий прогресс. Определением вида, причины и стадии конфликта, облегчаются задачи управления ими.

Список литературы

1. Амелина В.Н. Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности. 2011. 256 с.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. М. 2012. 526 с.

ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-ЗАНЯТОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

THE POTENTIAL OF E-WORK IN THE CONTEXT OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Т.М. Хусяинов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
T.K. Khusyainov
Lobachevsky University

Рассматривается влияние Четвертой промышленной революции на рынок труда, трансформации, которые происходят в контексте научно-технического прорыва. В контексте снижения роли физического труда, а также возможности искусственного интеллекта выполнять часть интеллектуальной работы человека возникает вопрос о месте человека на рынке труда. В контексте данной проблемы особым потенциалом обладает Интернет-занятость.

This paper examines the impact of the Fourth Industrial Revolution on the labor market, the transformations that take place in the context of a scientific and technological breakthrough. In the context of the decline in the role of physical labor, as well as the possibility of artificial intelligence to perform part of the intellectual work of man, the question arises of the place of man in the labor market. In the context of this problem, Internet employment has a special potential.

Ключевые слова: Интернет-занятость, самозанятость, информатизация труда, фриланс, информационное общество

Keywords: Internet employment, self-employment, labor informatization, freelance, Information society

На рубеже 1970-1980 гг. произошёл заметный научно-технический прорыв (Третья промышленная революция), в дальнейшем названный Информационной революцией. В результате технического прорыва появились и стали распространяться технологии, позволяющие хранить, передавать и обрабатывать большие массивы информации. В результате роль и значение, ценность информации существенно возросли.

Сегодня ряд исследователей говорят о Четвёртой промышленной революции [1; 2]. Она характеризуется появлением технологий: Большие данные, Интернет вещей, Виртуальная и дополненная реальность, 3D-печать, Печатная электроника, Квантовые вычисления, Распределённые реестры.

[1] Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта №17-03-00074 «Самостоятельная интернет-занятость: между прекаризацией и нормальностью» 2017-2018 гг.

Новые достижения в рамках Четвёртой промышленной революции приводят к ещё большему сокращению рабочих мест, автоматизируя всю рутинную и физически тяжелую работу.

Трансформация экономики в Индустрию 4.0 позволит компаниям в большей степени привлекать удалённых сотрудников по средствам информационно-коммуникационных сетей. Несмотря на то, что ещё с начала 1970 г. Ниллесом проводились эксперименты по внедрению удаленной занятости, на современном этапе в Интернет-занятость включены десятки миллионов человек, в будущем это число значительно увеличится.

При этом многие профессии, как в реальном, так и виртуальном мире, которые ранее выступали посредниками между клиентом и исполнителем сокращаются благодаря специально разработанному программному обеспечению: диспетчеры такси заменяются мобильными приложениями, консультанты люди онлайн-консультантами и т.д.

Тяжёлый физический труд выполняется автоматизированными системами и роботами, а развитие искусственного интеллекта не только сократит необходимость в операторах для этих машин, но и может заменить работников такси и сотрудников транспортных компаний, заменить часть экспертов-аналитиков и вспомогательного персонала во многих сферах.

Если в результате Информационной революции доля физического труда сокращается в пользу интеллектуального (креативного) постепенно [3], то в новых условиях физического труда для человека останется мало. При этом часть интеллектуальной работы может быть передана нейросетям в сочетании с машинным обучением. Написание художественного, публицистического и, возможно, даже научного текста, может быть передано искусственному интеллекту, который значительно быстрее и точнее (в соответствии с заданными параметрами) сможет подготовить текст. Однако существует и со временем будет расти потребность в операторах для этих сетей.

Интернет-занятость позволит не только более успешно находить работу в условиях безработицы и прекарного труда, но и заниматься самостоятельным трудом. Именно Интернет-пространство в сочетании с новыми технологиями позволит самостоятельно организовывать новые стартапы, а при покупке необходимого оборудования целые промышленные предприятия с минимальным использованием человеческой силы.

За человеком остается креативная сфера, которая включает искусство, технику (программирование, разработка дизайна) и науку. Четвёртая промышленная революция может привести к обществу знаний, где человек ищет новые знания, а машина их сохраняет, обрабатывает, распространяет. При этом самому человеку нет необходимости ежедневно отправляться на своё

стационарное рабочее место. Современные достижения в области ИКТ позволяют ему работать из наиболее удобного для него места.

Именно потенциал Интернет-занятости может сохранить человеку его место в сфере труда, обеспечив не только инструментом для ее поиска и подбора на глобальном рынке труда, но и для самостоятельной занятости и создания собственного бизнеса. При этом все бизнес-процессы могут происходить виртуально при помощи ИКТ, а промышленные максимально автоматизированы с привлечением небольшого числа обслуживающего персонала на условиях аутсорсинга.

Список литературы

1. Лисовская С. Конец аналогового мира: индустрия 4.0, или что принесет с собой четвертая промышленная революция // Theory&Practice. Режим доступа: https://theoryandpractice.ru/posts/14610-konets-analogovogo-mira-industriya-4-0-ili-chto-prineset-s-soboy-chetvertaya-promyshlennaya-revolyutsiya (дата обращения: 14.08.2017).
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
3. Хусяинов Т.М. Информационная революция и трансформация занятости // Наука. Мысль. 2017. № 1-3. С. 76-79.

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ТРЕНЕРОВ)

SELF-ACTUALIZATION OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURS (FOR EXAMPLE OF FITNESS COACH)

С.А. Царева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
S.A. Tsareva
Lobachevsky University

Представлены результаты эмпирического исследования самоактуализации индивидуальных предпринимателей (фитнес-тренеров) с разными темпераментальными характеристиками и уровнем профессиональной успешности. Показано, что профессиональная успешность специалиста в клиентоориентированной сфере зависит от направленности самоактуализации и соответствия темпераментальных особенностей тренеров и клиентов.

The results of an empirical research of self-updating of individual entrepreneurs (fitness coaches) with different temperamental characteristics and different levels of professional success are presented. It is shown that professional success of the expert in the customer-oriented sphere depends orientation of self-

updating and compliances the temperamental of features of fitness coaches and clients.

Ключевые слова: самоактуализация, предпринимательская деятельность, индивидуальный предприниматель, темпераментальные характеристики, профессиональная успешность, фитнес-тренеры, клиенты

Keywords: self-actualization, business activity, individual entrepreneur, temperamental characteristics, professional success, fitness coach, clients

Самоактуализация человека – важнейшее условие успешности многих видов профессиональной деятельности. В первую очередь, это можно видеть в сфере индивидуального предпринимательства и малом бизнесе. В сложных условиях ведения бизнеса самоактуализация часто является почти единственным фактором, заставляющим человека продолжать начатое дело [1]. Индивидуальное предпринимательство фитнес-тренеров является типичным примером профессиональной деятельности, основанной на самоактуализации. Эта деятельность относится к бизнесу заботы и требует высокого уровня личностной вовлеченности, основанной на ценности другого человека [2].

Проведено двухэтапное исследование с целью выявления психологических характеристик самоактуализации фитнес-тренеров предпринимателей, с разным уровнем деловой успешности. Методы: наблюдение, включенное наблюдение, авторский опросник направленности самоактуализации, методика Г. Айзенка (определение экстраверсии-интроверсии и эмоциональной устойчивости), метод ранговой корреляции Спирмена.

Направленность самоактуализации	Направленность самоактуализации: Профессиональная	Направленность самоактуализации: Личностная
Альтруистическая	«Профессионал»	«Добрый человек»
Эгоистическая	«Тиран»	«Эгоист»

Рис.1 Типология самоактуализации

На первом этапе, представляющем собой трехлетнее включенное наблюдение деятельности тренеров, было выявлено, что они различаются по профессиональной успешности и по направленности самоактуализации, которая может быть сведена к 4 типам, выделяющимся по двум основаниям: преобладание личностной или профессиональной самоактуализации, с одной стороны, и эгоистической или альтруистической направленности – с другой. На основе анализа литературных источников и наблюдений разработана теоретическая модель самоактуализации тренеров, позволяющая разделить их на типы в зависимости от направленности самоактуализации. (Рис.1).

Разработан и апробирован опросник, позволяющий выявить характеристики самоактулизации тренеров и ожиданий клиентов, сформирована группа фитнес-тренеров (индивидуальных предпринимателей), готовых принять участие в исследовании в качестве респондентов.

Исследование сочетания темпераментальных особенностей и типа самоактуализации объясняется тем, что темпераментальные характеристики презентируют личность тренера клиентам, в них эмоционально и поведенчески проявляется направленность самоактуализации, что в итоге определяет выбор клиента в пользу конкретного тренера. Результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Психологические характеристики фитнес-тренеров и предпочтения клиентов

Направленность самоактуализации тренера (%)	Темперамент тренера (%)	Темперамент клиентов(%)	Ориентированность клиентов (%)
Профессиональная альтруистическая (66%)	Холерический (50%)	Холерический (60 %)	ПА* (100%)
		Сангвинистичекий(27%)	
		Флегматический (13 %)	
	Флегматический (50%)	Флегматический (47 %)	ПА (100%)
		Меланхолический(21%)	ЛА (100%)
		Холерический (16%)	ПА (100%)
		Сангвинистический(6%)	ПА (50%) ЛА (50%)
Личностная альтруистическая (27%)	Сангвинистический (100%)	Холерический (50%)	ПА (100%)
		Флегматический (34%)	ПА (100%)
		Сангвинистический(8%)	ЛА (100%)
		Меланхолический (8%)	ЛА (100%)
Профессиональная эгоистическая (7%)	Меланхолический (100%)	Холерический (33%)	ПА (100%)
		Флегматический(33%)	ПЭ (100%)
		Меланхолический(33%)	ПЭ (100%)

*ПА – профессионально-альтруистическая; ЛА – личностно-альтруистическая; ПЭ – профессионально-эгоистическая; ЛЭ – личностно-эгоистическая не обнаружена.

На втором этапе исследована успешность фитнес-тренеров с разным типом самоактуализации по критерию их востребованности клиентами.

Респонденты: 15 инструкторов тренажерного зала и 45 клиентов (по 3 клиента от каждого тренера).

Установлена статистически значимая положительная корреляция экстраверсии тренеров и клиентов (ранговый коэффициент Спирмена r_s=0,475, $p \leq 0,01$), что указывает на значимость близости темпераментальных характеристик клиентов и тренеров. Но при этом интроверсивные характеристики «профессионалов» не мешают клиентам с экстраверсивными характеристиками заниматься у них. Корреляция эмоциональной устойчивости не достигает уровня статистически значимой (r_s=0,174), поэтому в дальнейшем анализе используем только темпераментальные характеристики экстраверсии и интроверсии. Факт отсутствия значимой корреляции эмоциональной устойчивости тренеров и клиентов объясняется тем, что часть эмоционально неустойчивых клиентов стремится к эмоционально-устойчивым тренерам, особенно в тех случаях, когда они хотят добиться позитивных результатов в фитнесе. Другая их часть желает работать с тренерами, близкими с ними по уровню эмоциональной устойчивости, что характерно для направленности клиентов на приятное времяпрепровождение в клубе, а не на результаты. Следовательно, направленность самоактуализации оказывает более сильное влияние, нежели темпераментальные характеристики.

Большая часть опрошенных клиентов (66%) занимается у «профессионалов», обладающих и экстраверсивными, и интроверсивными характеристиками. Отзывы в книге жалоб и предложений, предоставленной администрацией клуба, о работе этих тренеров, имеют положительный характер: отмечается их умение объяснять, поддерживать и мотивировать. Установка индивидуального предпринимателя на реализацию желаний целеустремленного клиента обеспечивает закрепление последнего за ним.

У «добрых людей» занимается около трети опрошенных клиентов. Это обусловлено тем, что такие тренеры больше внимания уделяют личностному развитию клиента и не отвечают потребностям тех, кто ориентирован, в первую очередь, на достижение результатов в фитнесе. Последних, по результатам исследования, оказалось значительно больше, нежели клиентов, нацеленных на личностное общение. Таким образом, эти тренеры востребованы, но лишь у контингента, имеющего целью занятий в зале, в первую очередь, общение.

У «тиранов» занимается менее десятой части опрошенных клиентов. В книге жалоб и предложений последние отмечают, что тренер «зациклен» на себе, неохотно отвечает на вопросы клиента, поэтому у них создается впечатление, что он не учитывает их мнения. Таким образом, предоставляемые им услуги не отвечают потребностям более чем 90% посетителей фитнес-клуба.

Выводы

1. Выделены следующие типы самоактуализации предпринимателя в клиентоориентированной сфере бизнеса, получившие условные названия и имеющие в своей основе эгоистический-альтруистический и прагматический-личностный векторы направленности: «Профессионал», «Добрый человек», «Эгоист» и «Тиран».

2. Наиболее успешными индивидуальными предпринимателями в области персонального тренинга являются обладатели профессиональной альтруистической и личностной альтруистической направленностей самоактуализациии.

3. Тип самоактуализации в сфере индивидуального предпринимательства обеспечивает эффективность в клиентоориентированной сфере и имеет определяющее значение для закрепления клиента по сравнению с темпераментальными характеристиками.

Список литературы

1. Иванова Н.Л. Самоопределение личности в бизнесе: проблемы и модели исследования // Психология. Журнал ВШЭ. 2011. Т. 8. № 2. С. 28-39.
2. Захарова Л.Н. Бизнес заботы: организационная культура и социально-психологический потенциал развития предприятий // Вестник Нижегородского университета. 2010. №. 5. С. 388-395.
3. Анцыферова Л.И. Концепция самоактуализирующейся личности А. Маслоу // Вопросы психологии. 1973. № 4. С. 173-180.
4. Горячева Е.И. Идея самоактуализации в гуманистической психологии и ее реализация в педагогической практике: дисс. … к.пед.н. М., 1996. 208 с.

ЗДОРОВЬЕ РАБОТНИКОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС КОМПАНИИ (НА ПРИМЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ)

HEALTH OF EMPLOYEES AS A STRATEGIC RESOURCE OF THE COMPANY (ON THE EXAMPLE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS OF MODERN RUSSIA)

Ю.Ю. Чилипенок
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Нижний Новгород
Yu.Yu. Chilipenok
National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

На основе ресурсного подхода и материалах базы данных RLMS в статье анализируется уровень здоровья работников малого и среднего бизнеса современной России.

Based on the resource approach and RLMS database materials analyzes the health level of workers in small and medium-sized businesses in modern Russia.

Keywords: small and medium-sized businesses, employee, health
Ключевые слова: малый и средний бизнес, работник, здоровье

Ресурсный подход – это подход к стратегическому анализу деятельности организации, в рамках которого уделяется большое внимание специфичным для организации ресурсам и компетенциям. Современные исследования ведущих международных компаний в области управления персоналом демонстрируют, что эффективность большинства бизнес-процессов в значительной степени определяется состоянием здоровья сотрудников. Ресурс здоровья работников оказывается ключевым и заслуживающим пристального внимания со стороны руководства организации и HR-служб.

Ресурс здоровья – это воплощенный в сотрудниках человеческий капитал в форме их физического и психологического здоровья. В связи с этим такое менеджмент здоровья становится все более актуальным, так как отсутствие внимания к состоянию здоровья работников и несвоевременное внедрение профилактических мер способно принести организации значительные убытки. Практически все зарубежные компании стимулируют своих работников к ведению здорового образа жизни путем внедрения технологии Health management – системы мероприятий, нацеленных на поддержание и улучшение здоровья сотрудников. К сожалению, в российской практике, несмотря на видимые выгоды создания системы управления здоровьем, к этому решению прибегают только крупные публичные компании, заботящиеся о своем имидже как работодателя. На предприятиях малого и среднего бизнеса этому вопросу уделяется гораздо меньше внимания по ряду различных причин. Несмотря на то, что многие владельцы небольших фирм на словах поддерживают концепцию сохранения и укрепления здоровья своих работников, когда дело доходит до практической ее реализации, возникают колебания, основанные на следующих обстоятельствах: *«Это слишком дорого», «Это слишком сложно», «Не доказано, что такие программы работают», «Мы не имеем опыта разработки подобных программ»* и т.д.

Отсюда следует вывод, что в ситуации, когда малый и средний бизнес не в состоянии и/или не имеет желания заботиться о состоянии здоровья своих работников, приходится делать ставку на высокий уровень «входящего» ресурса здоровья, то есть полагаться на то, что приходящие в организацию работники изначально обладают высоким уровнем этого ресурса. В качестве гипотезы нашего эмпирического исследования мы предположили, что так оно и

есть. Целью исследования явилась оценка ресурса здоровья работников малого и среднего бизнеса на базе данных RLMS.

Для анализа использовалась база данных RLMS по двум волнам опросов – 2013 и 2016 гг. (22 и 25 волны соответственно). Взяты данные по индивидуальному опросу граждан РФ. Характеристики выборки и принципы сбора данных подробно прописаны на сайте RLMS [1].

Для отбора требуемых наблюдений использовалась пятиступенчатая фильтрация. На первом этапе анализа были отобраны наблюдения по принципу положительного ответа на вопрос о собственном трудоустройстве. Далее были отобраны наблюдения по респондентам, трудоустроенным на малых и средних предприятиях. Классификация проведена по принципу численности сотрудников в организации (не более 250 человек). Третьим условием отбора была частная форма собственности предприятия (не государственная). Далее необходимо было отобрать работающих исключительно на российских предприятиях. Итоговым фильтром были исключены владельцы предприятий (собственники, предприниматели). В итоге искомая база по данным 2013 г. составила 1629 наблюдений.

База RLMS, являясь базой данных комплексного мониторинга, содержит большое количество переменных. Часть из них использовалась в анализе в исходном виде, часть подверглись вторичной обработке. Исходные переменные, позволяющие сформировать необходимые для исследования сводные индикаторы по ресурсу, перекодировались в порядковые переменные с трехмерной шкалой: 1 – низкий уровень обладания ресурсом; 2 – нормальный (средний) уровень, 3 – высокий уровень обладания ресурсом. Для итоговой оценки обладания ресурсом брался средний показатель по комплексу используемых переменных.

Для анализа ресурса здоровья работников малого и среднего бизнеса по данным базы RLMS были взяты следующие переменные:

– качественная оценка респондентами собственного здоровья: за нормальный уровень приняты характеристики «хорошее» и «среднее, не хорошее, но и не плохое»;

– информация о среднем количестве посещений врачей за год. За норму принято посещение врачей 1-3 раза в год. Посещение врачей менее 1 раза в год расценено как обладание высоким уровнем ресурса здоровья, 4 и более раз в год – низким.

На основании анализа самооценок и информации о посещении врачей сформированы три группы, обладающие низким, нормальным и высоким уровнем ресурса здоровья. Так, абсолютное большинство работников (94%) определяют свое состояние здоровья как хорошее или удовлетворительное;

очень хорошим его назвали 2% работников, очень плохим – 4%. Информация о количестве посещений врачей в год также дает основание отнести большинство работников к обладателям нормального уровня ресурса здоровья (60%), 35% – к обладателям высокого уровня ресурса здоровья и 5% – низкого. Анализируя данные, приходим к выводу, что большинство работников, занятых в малом и среднем бизнесе, обладают средним и высоким уровнем здоровья. Вероятно, такие результаты отчасти являются следствием относительно молодого возраста работников, включенных в сектор малого и среднего бизнеса.

Мы повторили наше исследование на данных базы 2016 г. Объем выборки, сформированной тем же способом, составил 1172 респондента. Выводы оказались следующими:

Значительное число респондентов оценивают свое здоровье как «хорошее» (47%), 50% определяют его как «среднее», «нормальное», и лишь 3% испытывают трудности со здоровьем и оценивают его как «плохое».

Общая активность посещения врачей работниками низкая, основная часть респондентов посещают их не чаще 2-3 раз в год. Значительная часть работающих посещают врачей реже одного и один раз в год.

Дополнительно удалось выяснить, что абсолютное большинство работников (77%) в течение года не пропускали рабочих дней по болезни. В то же время более 85% работников не проходили в течение последних трех лет профилактический осмотр.

Подводя итоги анализа можно констатировать, что большинство работников российского малого и среднего бизнеса обладают достаточно высоким уровнем ресурса здоровья, что является важнейшим и существенным стратегическим ресурсом компаний, работающих в этом секторе экономики. Можно предположить, что ни один другой ресурс (материальный, финансовый, инновационный и др.) не представлен на этих предприятиях на столь же высоком уровне. В связи с этим работодателям необходимо уделять серьезное внимание сохранению и приумножению данного ресурса, реализуя комплекс различных организационно-управленческих мероприятий по поддержке и укреплению здоровья своих работников.

Список литературы

1. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Режим доступа: http://www.hse.ru/rlms (дата обращения: 17.09.2017).

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ

THE ROLE OF THE LEADER IN THE FORMATION OF THE CORPORATE CULTURE OF THE ORGANIZATION

А.П. Шумилин
Пензенский государственный университет
A.P. Shumilin
Penza State University

В теории и практике управления все большее значение придается корпоративной культуре как совокупности признаков, определяющих индивидуальность, неповторимость каждой корпорации. Успех организации зависит не только от технологии и техники менеджмента, планирования и т.п. , но и от стиля управления, культуры предпринимательской деятельности, которые в первую очередь зависят от руководителя.

In the theory and practice of management, more and more importance is attached to corporate culture as a set of characteristics that determine the individuality and uniqueness of each corporation. The success of an organization depends not only on technology and technology management, planning, etc. , But also on the management style, the culture of entrepreneurship, which primarily depend on the leader.

Ключевые слова: корпоративная культура, сфера управления, организационные ценности, отношения между работниками и руководителями

Keywords: corporate culture, sphere of management, organizational values, relations between employees and managers’null

В теории и практике управления все большее значение придается корпоративной культуре как совокупности признаков, определяющих индивидуальность, неповторимость каждой корпорации. Однако корпорации являются только одной из организационно-правовых форм производственно-хозяйственных организаций, поэтому в широком плане целесообразно рассматривать феномен культуры организаций.

Культура организаций является составляющей человеческой культуры, формой использования общечеловеческих культурных достижений в сфере управления. Успех организации зависит не только от технологии и техники менеджмента, планирования и т.п., но и от стиля управления, культуры предпринимательской деятельности.

Под культурой организации понимается система ценностей, философия, которую разделяют все работники организации. Как правило, в культуре организации выделяют три уровня, которые определяют степень ее развития:

уровень внешней (символьной) культуры, уровень организационных ценностей, уровень ценностей мировосприятия (фундаментальных основ) [1, с. 74].

Примечательно, что уровень внешней (символьной) культуры организации оказывается во внешнем образе, который возникает вследствие контакта с её представителями. К нему относят видимые и ощутимые элементы культуры: манеру поведения, язык лиц, представляющих организацию, используемые технологии, производительность, фирменный и товарные знаки, место на рынке, фирменная одежда, знания. Всё это эмоционально воздействует на потребителей и может быть эффективно использовано для мотивации сотрудников, поскольку является проявлением определенной элитарности в отношениях со средой, обусловливает определенное корпоративное поведение.

Стержнем уровня организационных ценностей является миссия организации – четко сформулированная причина её существования, основа формирования комплекса эталонных ценностей, которыми должны руководствоваться все сотрудники. Этот комплекс ценностей формирует эталоны ежедневного поведения каждого. Благодаря этому каждый работник знает, как он должен себя вести и каких действий от него ожидают, что облегчает поиск правильного решения проблем, возникающих в процессе функционирования организации. Но работник, сам по себе, не может знать эталонные ценности, эталоны поведения и пр., т.е. корпоративную культуру. Он её должен освоить в процессе воспитания. В современной литературе по управлению персоналом обращается внимание на многие направления деятельности, но не на продвижение в организации корпоративной культуры, не на процесс воспитания трудового коллектива и через трудовой коллектив.

Автоматический учёт ценностей организации при решении определённых проблем является свидетельством наличия уровня ценностей мировосприятия (фундаментальных основ), которые считаются единственно истинными, незаменимыми и не требуют постоянного узаконивания. Такая система ценностей определяет, что нужно считать хорошим, истинным, разумным, и является надёжной основой при выборе решений для управления организацией.

Необходимо помнить, что ценностные установки человека формируются под влиянием общества, семьи, производственной среды.

Преуспевающие компании, как правило, характеризуются высоким уровнем культуры, сложившимся вследствие продуманных усилий. Всем организациям с высокой корпоративной культурой присущи высокий уровень осознания важности работы для достижения успехов в бизнесе; склонность к обоснованному риску; эффективное использование энергии и инициативы руководителей и исполнителей; готовность к внезапным изменениям в окружающей среде, уважение к человеку вообще и к работникам особо,

поскольку они – залог успешного развития бизнеса; признание потребителей и их потребностей центром деятельности.

Важное значение в успешной деятельности организации имеет сплоченность трудового коллектива – степень прочности социально-психологических связей между его членами. Каждый коллектив имеет свои социально-психологические особенности, которые создаются совокупностью отношений между работниками, между работниками и руководителями, которые и создают социально-психологический климат в трудовом коллективе.

С другой стороны, социально-психологический климат – это характерный для организации комплекс норм, определяющих поведение работников. Он обусловливает мотивацию работников, эффективность их труда, степень самореализации, индивидуальные достижения в системе организации работы.

Атмосфера межличностных отношений не меньше влияет на поведение людей в коллективе, чем применяемые к ним нормы, регламенты поведения.

Выработка коллективистского сознания начинается с формирования коллективистской психологии, того самого внутреннего состояния работника, в котором удовлетворенность своим трудом и заинтересованность в коллективном сотрудничестве органично взаимодействуют.

Значительна роль в воспитании общественной среды, в качестве которой на производстве выступает его социальная структура: производственные бригады, цеховые подразделения и предприятие в целом. Названные социумы тесно взаимосвязаны, в каждом из них должен быть выработан механизм формирования чувства производственной сопричастности в них работающих. Благодаря этому социальному импульсу формируется устойчивый раздражитель, способствующий общности сопереживания работающих в трудовом коллективе, образованию в нем общих ценностных ориентаций и стереотипов. Все это составные компоненты коллективистской психологии людей, формирование которой является педагогической задачей руководителя. Как же должен действовать руководитель?

Ему следует приложить соответствующие усилия, в результате которых работник будет иметь: хорошо оборудованное рабочее место; интересное производственное задание; разумную норму выработки; возможность участия в общественной жизни коллектива; квалифицированную помощь в познании профессиональных секретов; своевременную выплату зарплаты.

Чем современнее становится производство и выше экономические требования, предъявляемые к нему, тем большее значение в его жизнедеятельности приобретает фактор «работы с персоналом». Менеджер не может быть не заинтересован в создании технологии воспитания, позволяющей оказывать наибольшее воздействие на внутренний духовный мир работников,

способствуя тем самым формированию у них здоровых социальных чувств, ценностных ориентаций и моральных убеждений.

Как видно из приводимых приоритетов, основные усилия, во внутрикорпоративной политике компаний направлены на воспроизводство и развитие качественной рабочей силы, воспитание квалифицированного менеджмента и развитие корпоративной культуры. Поставленные задачи достигаются различными путями, но наиболее эффективное направление – через воспитательную работу в трудовом коллективе.

Список литературы

1. Управление персоналом: учеб. пособие / Под ред. В.П. Бычкова. М.:ИНФРА М, 2012. 237 с.

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И КИРГИЗИИ

MONEY TRANSFERS OF LABOR MIGRANTS IN THE STRUCTURE OF SOCIO-ECONOMIC RELATIONS RUSSIA AND KYRGYZSTAN

А.В. Шустов
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
A.V. Shustov
P.G. Demidov Yaroslavl State University

Рассматривается роль денежных переводов трудовых мигрантов в структуре экономических связей России и Киргизии. На основе данных центральных банков, статистических служб и других источников анализируется объем и динамика денежных переводов из РФ в Киргизию на протяжении 2012-2016 гг., показано их значение для киргизской экономики.

The article discusses the role of remittances of labor migrants in the structure of economic relations of Russia and Kyrgyzstan. Based on data from central banks, statistical services and other sources analyzes the volume and dynamics of remittances from Russia to Kyrgyzstan for 2012-2016, showing their importance for the Kyrgyz economy.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, мигрантозависимость, денежные переводы, Россия, Киргизия, Евразийский экономический союз, ВВП, инвестиции

Keywords: migration, migrant workers, migratability remittances, Russia, Kyrgyzstan, Eurasian Economic Union, GDP, investment

Киргизия – одна из самых «мигрантозависимых» республик бывшего СССР. По общему объему денежных переводов физических лиц из России за 2016 г. она занимает третье место среди государств СНГ, уступая лишь Узбекистану и Таджикистану. Если денежные переводы физлиц из РФ в Узбекистан за прошлый год составили 2,7 млрд., то в Таджикистан – 1,9 млрд., а в Киргизию – 1,7 млрд. дол. Украина по этому показателю уступает Киргизии в 1,7 раза (1 млрд. дол.), Армения – в 2,4 раза (711 млн. дол.), а в Казахстан – в 2,8 раза (599 млн. дол.). В совокупности денежные переводы киргизских мигрантов в прошлом году превысили совокупный объем переводов на Украину (1003 млн.), в Молдавию (434 млн.) и Белоруссию (263 млн. дол.) [1].
По отношению денежных переводов к ВВП Киргизия занимает второе место в СНГ, уступая лишь Таджикистану. Если у Таджикистана этот показатель колеблется в районе 50%, то у Киргизии – около 30%. В то же время Узбекистану, который обладает гораздо более крупной и развитой экономикой, денежные переводы обеспечивают около 5% ВВП. Причем такая ситуация сохраняется уже достаточно длительное время. По итогам 2016 г., например, объем ВВП Киргизии оценивался Национальным статистическим комитетом в 458 млрд. сомов [2], а денежные переводы физлиц, по данным Центробанка России, составляли 1 млрд. 743 млн. дол. [1]. В пересчете по среднему курсу сома к доллару за прошлый год (69,77 сома/дол.) денежные переводы из России составляли 121,6 млрд. сомов, или 26.6% ВВП. Помимо России, Киргизия получает денежные переводы из других стран, в частности – из Казахстана.

В совокупности за последние пять лет (2012-2016 гг.) объем денежных переводов физлиц из России в Киргизию составил 9,1 млрд. дол. При этом ВВП республики за 2016 г. достиг около 6,5 млрд. дол. То есть, трудовые мигранты за «пятилетку» перевели на родину полтора годовых размера ВВП. Еще более наглядно значение денежных переводов в структуре экономических связей двух стран отражают данные по размеру бюджета и, особенно его доходной части. Расходная часть бюджета Киргизии за 2016 г., в соответствии с законом, составляла 146,8 млрд. сомов (около 2,1 млрд. дол.) [3]. Таким образом, денежные переводы из РФ за 2016 г. (121,6 млрд. сомов) составляли более 80% бюджета и почти равнялись его доходам (124,4 млрд. сомов).

Показательно и сравнение объема денежных переводов с прямыми иностранными инвестициями. За 2016 г. их сумма составила 654,6 млн. дол. [4]. То есть, киргизские мигранты перевели на родину в 2,7 раза больше, чем в нее вложили иностранные инвесторы. Впрочем, динамика иностранных инвестиций в 2016 г. была для республики неблагоприятной, и по сравнению с предыдущим годом они упали сразу в 2,4 раза. Но даже если взять для сравнения показатели за 2015 г., то объем денежных переводов (1 383 млн. дол.) все равно будет

сопоставим с прямыми иностранными инвестициями (1 573 млн. дол.). [2]. Очевидно, что переводы мигрантов из РФ значат для Киргизии не меньше, а по итогам 2016 г., зачительно больше вложений иностранныхт инвесторов.

Таблица 1

Динамика денежных переводов физических лиц из России в Киргизию, 2012-2016 гг.*[3]

Год	Сумма переводов, млн дол.	Средняя сумма одного перевода, дол.
2012	1 859	228
2013	2 106	205
2014	2 062	229
2015	1 383	202
2016	1 743	221
Всего	9 153	217

*Включая денежные переводы резидентов и нерезидентов.

В течение 2012-2016 гг. динамика денежных переводов дважды меняла свою направленность. В 2013 г. наблюдался их рост по сравнению с 2012 г. на 13.3%. Сумма переводов из РФ в Киргизию за 2013 г. достигла 2,1 млрд., что стало максимальным показателем за последние пять лет. В 2014-2015 гг., с началом экономического кризиса в России, денежные переводы начали падать. Причиной их сокращения стало как сжатие российской экономики, так и резкое падение курса рубля по отношению к доллару, что повлекло за собой снижение объема переводимых средств, традиционно измеряемых в долларах. Но если в 2014 г. падение было небольшим, и переводы сократились всего на 2.1% (до 2062 млн. дол.), то в 2015 г. они обвалились сразу на треть (32.9%) и составили всего 1,4 млрд. дол. В 2016 г., напротив, возобладала противоположная тенденция, и объем переводов вырос сразу на четверть (26%) (табл. 1).

По данным киргизской статистики, темпы роста денежных переводов были несколько более скромными. 24 апреля 2017 г. первый вице-премьер Кыргызской Республики Мухамметкалый Абулгазиев на заседании Жогорку Кенеша (Верховного Совета) сообщил, что объем перечисленных трудовыми мигрантами денежных средств, по данным Национального банка, в прошлом году вырос на 21.6% и составил 1,6 млрд. дол. [5].

В среднем размер одного перевода из России в Киргизию за последние пять лет составлял 217 дол. Своего максимального уровня он достиг в 2012 г. (228 дол.), а до минимума опустился в 2015 г. (202 дол.). По итогам 2016 г. средний размер денежного перевода вырос до 221 дол. (табл. 1).

Таблица 2

Денежные переводы физических лиц из России в страны СНГ, 2015-2016 гг.*[3]

Страны	2015	2016	2016 к 2015, %
Узбекистан	3 059	2 741	89,6
Таджикистан	2 220	1 929	86,9
Киргизия	1 383	1 743	126,0
Украина	1 252	1 003	80,1
Армения	941	711	75,6
Азербайджан	826	739	89,5
Молдавия	617	434	70,3
Казахстан	514	559	108,8
Белоруссия	230	263	114,3
Туркмения	16	8	50,0
Итого	11 057	10 129	91,6

*Включая денежные переводы резидентов и нерезидентов.

Рост денежных переводов во многом был вызван присоединением Киргизии к ЕАЭС, так как в 2016 г. переводы из РФ увеличивались только в странах Евразийского экономического союза (за исключением Армении). Причем лидером по этому показателю оказалась именно Киргизия. По сравнению с 2015 г. сумма денежных переводов в Киргизстан выросла на 26%, тогда как в Белоруссию – на 14.3%, а в Казахстан – всего на 8.8%. Переводы во все остальные страны СНГ, включая соседние с Киргизией среднеазиатские республики, заметно сократились. Так, денежные переводы физических лиц в Узбекистан снизилсь на 10.4%, в Азербайджан – на 10.5% в Таджикистан – на 13.1%, на Украину – почти на 20%, а в Армению – на 24.4% (Табл. 2).

Позитивные для Киргизии тенденции сохранялись и в начале 2017 г. По данным Национального банка, республики за январь-февраль денежные переводы трудовых мигрантов из-за рубежа по сравнению с тем же периодом 2016 г. выросли в полтора раза. Если в начале 2015 г. они составляли 167,7 млн., то в начале 2017 г. – 253,4 млн. дол. При этом 97.4% суммы переводов поступили из России и только 0.2% – из соседнего Казахстана [6].

В целом присоединение Киргизии к ЕАЭС и рост денежных переводов трудовых мигрантов позволили республике заметно смягчить последствия экономического кризиса. Высокая «мигрантозависимость» киргизской экономики сыграла в этом случае положительную роль, позволив частично сгладить негативные последствия от её адаптации к правилам ЕАЭС и функционированию в рамках общего экономического пространства.

Список литературы

1. Трансграничные переводы физических лиц по основным странам-контрагентам // Центральный банк РФ. Статистика внешнего сектора. Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=Par_17101#CheckedItem (дата обращения: 28.03.2017).
2. Валовый внутренний продукт (2006-2016 гг.) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Режим доступа: http://www.stat.kg/ru/statistics/nacionalnye-scheta/ (дата обращения: 28.03.2017).
3. Президент утвердил бюджет Кыргызстана на 2016 г. // Sputnik Кыргызстан. Режим доступа: https://ru.sputnik.kg/economy/20160101/1021339408.html (дата обращения: 30.06.2017).
4. Индина М. Почему в Кыргызстан стали меньше инвестировать? // K-News. Режим доступа: http://knews.kg/2017/03/pochemu-v-kyrgyzstan-stali-menshe-investirovat/ (дата обращения: 30.06.2017).
5. Объем перечисленных трудовыми мигрантами средств составил 1,6 млрд. долларов США. Режим доступа: http://www.kenesh.kg/ru/news/show/2848/obaem-perechislennih-trudovimi-migrantami-sredstv-sostavil-1-6-mlrd-dollarov-ssha (дата обращения: 28.03.2017).
6. Мигранты стали переводить в Кыргызстан больше денег // Sputnik Кыргызстан. Режим доступа: https://ru.sputnik.kg/migration/20170420/1032986650/v-poltora-raza-vyrosli-perevody-migrantov-v-kyrgyzstan.html (дата обращения: 30.06.2017).

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP AS A FACTOR TO INCREASE HUMAN POTENTIAL

П.А. Яковлев
Национальный исследовательский Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
P.A. Yakovlev
Lobachevsky University

Рассматривается социальное предпринимательство как фактор повышения человеческого потенциала. Приводятся и анализируются конкретные примеры повышения человеческого потенциала в рамках социальных организаций.

This article examines social entrepreneurship as a factor to increase human potential. Specific examples of increasing human potential within social organizations are presented and analyzed.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальные услуги, социально незащищенные группы, социальное предприятие, социальная работа, клиентура, личностный рост

Keywords: social entrepreneurship, social services, socially unprotected groups, social enterprise, social work, clientele, personal growth

Социальное предпринимательство – это деятельность, соединяющая социальную работу и бизнес. С одной стороны, она направлена на производство общественного блага, решение социальной проблемы, с другой – сочетает черты бизнес-проектов, т.е. должна быть коммерчески успешной и прибыльной. В отличие от обычного бизнеса, получение прибыли в социальном предпринимательстве не является основной целью.

Социальные услуги, предоставляемые социальными предприятиями:

1. Реабилитация, занятость и защита прав социально незащищенных групп;
2. Повышение качества социальных услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры и спорта;
3. Развитие самозанятости;
4. Развитие предпринимательских качеств и повышение уровня жизни в сельских регионах;
5. Снижение социальной напряженности, конфликтности;
6. Улучшение качества жизни.

Примеры российских социальных предприятий.

Детское развитие и образование «Плаваем с пеленок» и «Открытие частного мини-детского сада» г. Астрахань. Первый в Астрахани частный бассейн «Аква-Ляля» появился в 2009 г., приспособленный для занятий с детьми с 6 месяцев до 7 лет, открывает новые возможности для физического развития малышей, позволяет обучать плаванию, служит оздоровлению дошкольников. В бассейне, созданном на базе центра «Цветное молоко» проводятся занятия по подготовке к родам для беременных. Действуют гибкая система скидок и льготные абонементы для людей с инвалидностью и многодетных семей. Благодаря большой популярности бассейна в городе руководителю проекта удалось на полгода раньше вернуть заем Фонду «Наше будущее» и получить заем на новый проект – создание частного мини-детского сада в одном из спальных районов города. Сад, отвечающий всем современным требованиям и обеспечивающий комплексный подход к обучению и развитию ребенка, может принять до 45 детей от 2 до 7 лет. В этом саду оборудованы помещения для игр, занятий физкультурой и музыкой. Родители могут привести сюда ребенка не только в будни, но и в выходные на 5-8 часов.

Центр развития современных образовательных технологий «Беби-лайф», г. Пермь. Создание малобюджетных детских садов со спортивной площадкой служит пропаганде здорового образа жизни и делает доступнее услуги дошкольного образования. Каждый из трех садов работает в рамках муниципального заказа (часть стоимости за родителя платит государство). Сад могут посещать дети от полутора лет, а дети из социально незащищенных семей получают ряд услуг бесплатно. Формируются малые группы – до 15 человек. Также создано 21 рабочее место для высококвалифицированного персонала по реализации развивающих и оздоровительных программ. Для этих сотрудников организованы обучение и курсы повышения квалификации.

В *центре дошкольного развития «Школа радости», г. Ирбит, Свердловская область* созданы группы кратковременного пребывания детей от 1 года. Это чрезвычайно актуально, т.к. существует нехватка мест в дет.садах и яслях. У матерей, оставляющих малышей в группе с невысокой почасовой оплатой, освобождается время для домашних дел, работы и подработки, что улучшает качество жизни семей. Проект также открывает семьям с малым и средним доходом доступ к программам раннего развития: педагоги с учетом современных методик ведут курсы по подготовке к школе, творческие кружки.

Академия ЭкоС, Нижегородская область. Сегодня, когда все большее число детей имеют проблемы со здоровьем, особенно возрастает значение профилактики и, в частности, плавания. В рамках проекта, созданного в 2012 г. Вигрияновой М.Р., построен специализированный бассейн, создаются условия для занятий с малышами от 1 месяца до 3 лет. Также ведется подготовка в школе будущих родителей. В месяц бассейн посещают 5060 малышей.

Ипотерапия с «Эльфо», г. Екатеринбург. Ипотерапия – эффективный метод здравоохранения с помощью верховной езды и общения с лошадью, способный обеспечить комплексную психологическую и физическую реабилитацию детей с заболеваниями нервной системы, в том числе ДЦП, нарушениями психики. Научно-социальный центр «Эльфо» создал в г. Екатеринбурге три площадки, где ипотерапией занимаются 67 детей, 20 из которых страдают аутизмом, синдромом Дауна и заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Центр стал местом как для лечения, так и общения, способствуя социальной адаптации детей и помогая преодолеть изоляцию, в которой оказываются семьи, где есть дети с ограниченными возможностями.

Лечебно-оздоровительный центр г. Лангепас создан для профилактики и лечения заболеваний, распространенных у людей, живущих в особых климатических и экологических условиях Крайнего Севера. С помощью современного оборудования проведятся электростатический и вакуумный

массаж, высокотоновая терапия и биоуправляемая магнитотерапия. Часть услуг оказывают инвалидам и неработающим пенсионерам со скидкой или бесплатно.

Автономная некоммерческая организация «*Многопрофильная поликлиника «Realmed» г. Перми* – комплексный проект по повышению доступности качественной и современной медицинской помощи. На его базе созданы травматологический и реабилитационный центры, многопрофильная поликлиника, где ведут прием специалисты 13 профилей, консультирующие взрослых и детей. Участие в программе государственных гарантий оказания населению бесплатной медицинской помощи позволяет медицинскому объединению оказывать ряд бесплатных услуг социально незащищенным категориям граждан, предоставлять льготы жителям г. Перми. В 2012 г. Центром было обслужено около 15 тыс. пациентов, создано 77 рабочих мест.

Развитие доступного спорта в регионах. Например, сеть тренажерных залов «Атлант» *г. Тольятти (Самарская область)* решает проблему досуговой занятости молодежи, предлагая молодым людям альтернативу сомнительным компаниям и продвигая здоровый образ жизни (около 1300 человек в год). Цены позволят заниматься спортом молодым людям с невысоким достатком.

Парк активного отдыха «Юго-Камские горки» решает проблему организации досуга жителей Пермского края. Для населения г. Перми и близлежащих поселков становится доступным горнолыжный отдых (студентам и лицам старшего возраста предоставляются существенные скидки в будние дни). Проект создает 15 новых рабочих мест.

Камчатский центр молодежного туризма «Росомаха», г. Петропавловск-Камчатский. Уровень доходов студентов невысок, а желание путешествовать огромно. Появление центра, оказывающего комплексные услуги по размещению и сопровождению туристов и предоставляющего специальные скидки учащимся, решает проблему молодежного туризма и способствует формированию инфраструктуры Камчатского края. В 2012 г. центр посетили 980 туристов, из них по льготным путевкам 465 студентов, школьников и сопровождающих группы педагогов.

Начало развития социального предпринимательства относитсяк середине 90-х гг. За это непродолжительное время показало положительные результаты в работе с населением. Благодаря широкому спектру предоставляемых социальными организациями социальных услуг и их высокому качеству, клиенты социальных предприятий получают эффективную помощь в развитии своего потенциала и возможность полноценно жить в обществе.

Список литературы

1. Жогин Б.Г. Конкуренция в сфере социальных услуг: преимущества и слабости НКО // Вклад негосударственных некоммерческих организаций в решение социальных проблем в России. Развитие социальных услуг / Под ред. О.Б. Казакова. М., 2003. С. 52-56.
2. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // СОЦИС. 1995. № 3. С. 23-26.
3. Попов Ю.Н. Российское предпринимательство: социальный портрет // Человек и труд. 1995. № 2. С. 21-26.

Трансформация человеческого потенциала
в контексте столетия

Материалы международной
научно-практической конференции
г. Нижний Новгород, 14-15 сентября 2017 г.
Том 2

Составитель и научный редактор: З.Х. Саралиева

Компьютерная верстка: А.Л. Янак

Подписано в печать 07.11.2017
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 52.5
Зак. 904. Тираж 500 экз.

Издательство НИСОЦ
603087, г. Н. Новгород, Казанское ш., д.10/1, к.6
Типография Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского,
603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37.